
Эпоха 1812 года *в судьбах России и Европы*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Эпоха 1812 года *в судьбах России и Европы*

*Материалы
Международной научной конференции
(Москва, 8–11 октября 2012 г.)*

Москва
2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Э72

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 12-01-14081г.*

Ответственные редакторы:

А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров

Редакционная коллегия:

И.О. Гаркуша, Л.В. Мельникова, Л.А. Шацилло, А.В. Юрасов, А.Д. Яновский

Редакторы-составители:

Г.Н. Бибииков, Л.В. Мельникова

Э72   **Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы:** Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). — М., 2013. — 614 с. : ил.
ISBN 978-5-8055-0245-4

В сборник включены материалы Международной научной конференции «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы», приуроченной к 200-летию Отечественной войны 1812 года и проведенной в рамках Года российской истории. В нем отражены результаты новейших научных исследований по ключевым аспектам проблемы: российская и европейская историография, Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. в контексте европейских международных отношений, их отражение в общественном сознании и культурной памяти России и Западной Европы и др. Среди авторов статей – ведущие специалисты по истории эпохи 1812 года из академических учреждений, крупнейших вузов, архивных и музейных хранилищ России, Франции, Великобритании, Италии, Польши, Украины и Беларуси. Россия представлена исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары, Пензы, Пскова, Орла, Уфы, Рязани, Калуги, Твери и других городов.

ISBN 978-5-8055-0245-4

© Институт российской истории РАН, 2013
© Государственный исторический музей, 2013
© Федеральное архивное агентство, 2013
© Российское историческое общество, 2013
© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Ю.А. Петров. К читателю 7

Раздел I. Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг.: военные действия и международный контекст

<i>Д. Ливен. Россия против Наполеона. Перевод с англ. А.Ю. Петрова</i>	11
<i>М.-П. Рей. 1814—1815 гг.: от французского похода до конгресса в Вене. Александр Первый — европейский император?</i>	22
<i>Г.А. Куманев. Выдающийся русский полководец М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813—1815 гг.</i>	30
<i>Р.В. Ковальчик. Почему Наполеон проиграл войну с Россией в 1812 году?</i>	43
<i>В.Я. Гросул. Отечественная война 1812 года и судьба Дунайской армии</i>	55
<i>А.И. Попов. «Дубина народной войны»: система кордонов в 1812 году</i>	73
<i>Г.Е. Бродский, И.С. Тихонов. События Отечественной войны 1812 года на дороге от Москвы до Троице-Сергиевой Лавры</i>	95
<i>Ю.П. Аншаков. Черногория в антинаполеоновской борьбе на Балканах (1806—1814 гг.)</i>	105
<i>Е.П. Кудрявцева. М.И. Кутузов-дипломат и заключение Бухарестского мира 1812 г.</i>	114
<i>Д. Наврот. Литва в планах Александра I и Наполеона в 1812 году</i>	121
<i>А.М. Лукашевич. Белорусские земли в «операционных» (стратегических) планах российского командования (апрель — июнь 1812 г.)</i>	131
<i>В.М. Безотосный. Россия и шестая антинаполеоновская коалиция</i>	138
<i>А.А. Орлов. Россия и Великобритания в 1813—1814 гг.: взаимодействие в шестой антифранцузской коалиции</i>	149
<i>О.Н. Захарчук. Стратегия и тактика наполеоновской дипломатии на Пражском (1813 г.) и Шатильонском (1814 г.) конгрессах в современной русской историографии</i>	162
<i>А.Т. Дробан. Два «фронта» фельдмаршала М.И. Кутузова в 1812 году</i>	175
<i>К.Б. Жучков. Новое русское наступление в феврале 1813 г.: Кутузов или Витгенштейн?</i>	186

Раздел II. Россия эпохи наполеоновских войн: люди и события

С.О. Шмидт . «Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года».....	199
<i>Л.Ф. Писарькова</i> . Государственное управление России в 1812—1815 гг.	214
<i>С.Н. Искюль</i> . Санкт-Петербург в 1812 году	223
<i>С.Н. Селедкина</i> . Петербург в войне 1812 года и вывоз ценностей из Кабинета Его Императорского Величества	236
<i>О.Г. Агеева</i> . Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действия в период войн с Наполеоном 1812—1815 гг.....	240
<i>А.В. Белов</i> . Первопрестольная в ожидании: из истории подготовки и проведения эвакуации Москвы (6 августа — 2 сентября 1812 г.)	255
<i>Н.Ю. Болотина</i> . Спасение архивов и Оружейной палаты накануне вступления Наполеона в Москву.....	261
<i>А.К. Афанасьев</i> . Гибель Московского арсенала в 1812 году	268
<i>С.В. Белоусов</i> . Реализация государственной политики по отношению к беженцам в российской провинции в 1812—1814 гг. (на примере Пензенской губернии).....	275
<i>В.С. Парсамов</i> . Жозеф де Местр в планах Александра I накануне войны 1812 года	284
<i>О.Ю. Захарова</i> . Генерал М.С. Воронцов. От Бородина до Краона.....	295
<i>Н.В. Голубева</i> . Светлейший князь А.И. Чернышев. Штрихи к портрету	304
<i>С. Бертолисси</i> . Итальянский участник Русской кампании Наполеона: Воспоминания Филиппо Пизани. <i>Перевод с итал. С.Г. Яковенко</i>	309
<i>Б. Соммовиго</i> . «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.» Ф. де Сегюра: историческое или литературное произведение? <i>Перевод с фр. С.Г. Яковенко</i>	317
<i>Е.М. Юхименко</i> . Московские старообрядцы в 1812 году: мифы и факты.....	320
<i>Н.Н. Аурова</i> . Русское общество и Заграничные походы 1813—1814 гг.	330
<i>В.П. Тотфалушин</i> . Пленные Великой армии о немецких колониях на Волге	340
<i>Д.З. Фельдман</i> . Две аудиенции у Александра I: к вопросу об участии российских евреев в военных кампаниях с наполеоновской Францией 1812—1814 гг.	347
<i>М.А. Виноградов</i> . Большевская вотчина графа Льва Разумовского в огне французского нашествия 1812 года.....	357
<i>Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская</i> . Патриотический голос «малороссийского простолюдина» о военных победах России в 1812 году.....	363

Раздел III. 1812 год в историографии и культурной памяти России и Европы

<i>Л.Л. Ивченко.</i> Современная российская историография Отечественной войны 1812 года	371
<i>А.Н. Бурмейстер.</i> Современная французская историография о походе Наполеона на Россию	385
<i>Л.В. Мельникова.</i> Александр Благословенный: священная война российского императора	390
С.С. Секиринский. Наполеоновский миф в России XIX—XX вв.	401
<i>Т. Горуппи.</i> От «Мемориала Святой Елены» к литературному тексту: политическое и мифологическое прочтение истории Русской кампании Наполеона. <i>Перевод с фр. С.Г. Яковенко</i>	408
<i>А. Неуважный.</i> 1812 год и наполеонизм Мицкевича глазами историка.....	414
<i>А.Г. Готовцева.</i> 1812 год и Заграничные походы в оценке декабриста Матвея Муравьева-Апостола	421
<i>А.А. Подмазо.</i> К вопросу о формировании и трансформации в России культурной памяти об Отечественной войне 1812 года.....	429
<i>К.А. Поташова.</i> Творческое наследие И.И. Терebeneва в контексте русской литературы периода Отечественной войны 1812 года.....	435
<i>С.Р. Долгова.</i> Памятник императору Александру I в честь победы над французами в 1812 г. Невоплощенный проект Казакова	441
<i>О.Ю. Казакова.</i> Два Наполеона, две войны с Россией: тема реванша в общественно-политическом дискурсе Второй империи в период Восточной войны 1853—1856 гг.	444
<i>А.В. Голубев.</i> «Россия — союзник Британии»: пересечение карикатур 1812 г. и 1942 г.	450
<i>М.Г. Вандалковская.</i> Юбилейное издание «Отечественная война и русское общество. 1812—1912» и его научное значение	462
<i>Н.Б. Хайлова.</i> Либералы-центристы об эпохе Отечественной войны 1812 года	466
<i>Л.А. Сидорова.</i> Отечественная война 1812 года в освещении М.Н. Покровского и историков его школы.....	473
<i>С.В. Потрашков.</i> Отечественная война 1812 года — взгляд с Украины	480
<i>Ю.В. Лулева.</i> 100-летний юбилей войны 1812 года. Россия и страны Антанты.....	489
<i>Г.Н. Ульянова.</i> Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация	498
<i>С.А. Лиманова.</i> Организация и проведение 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года: Бородино — Москва — Санкт-Петербург	510

<i>Л.В. Митрошенкова.</i> Год рождения — 1912-й. (Из истории музея-панорамы «Бородинская битва» в 1912—1914 гг.)	520
<i>М.В. Черкасова.</i> Празднование 150-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года	527
<i>Р.Н. Рахимов.</i> Мемориализация участия башкирского народа в наполеоновских войнах.....	532
Раздел IV. Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. в документах архивов и музеев	537
<i>С.А. Малышкин.</i> Новые документы о Московском ополчении 1812 года	539
<i>Ф.А. Петров, Л.И. Смирнова.</i> Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея	545
<i>Л.Н. Бодрова.</i> Документальные материалы XIX — начала XX вв. об Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813—1814 гг. из фондов и коллекций РГАЛИ.....	555
<i>И.В. Белозерова.</i> Презентация новых материалов по истории Отечественной войны 1812 года из документальной коллекции А.П. Бахрушина из собрания ОПИ ГИМ.....	560
<i>Г.Н. Бибиков.</i> Русская армия после Заграничных походов (из бумаг генерал-майора А.Х. Бенкендорфа).....	566
<i>О.В. Эдельман.</i> Императрица Елизавета Алексеевна в 1812 году.....	572
<i>Л.Н. Бодрова, А.Л. Евстигнеева.</i> Альбом М.М. Тучковой	580
<i>И.В. Ружицкая.</i> Люди и события 1812 года по дневнику М.А. Корфа 1830—1840-х гг.	583
<i>Е.Д. Маркина, Н.А. Николаева.</i> Мирные и военные будни почтового атласа	590
<i>Е.А. Назарян.</i> Материалы о деятельности «Сословия призрения разоренным от неприятеля» как исторический источник	595
<i>А.А. Крылова.</i> «Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года»: к вопросу об авторстве источника	600
<i>А.А. Смирнов.</i> Принципы построения экспозиции о войне (на примере Музея Отечественной войны 1812 года)	605
Сведения об авторах.....	611

К читателю

2012 год, объявленный Указом Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Годом российской истории, прошел под знаком двух важнейших юбилейных дат: 1150-летия зарождения российской государственности и 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Подготовка к юбилею 1812 года началась заблаговременно и проходила на высшем государственном уровне. 28 декабря 2007 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ о всероссийском праздновании 200-летнего юбилея войны. 13 января 2009 г. была сформирована Государственная комиссия по подготовке и проведению празднования, в которую вошли главы регионов, на территории которых в 1812 г. шли военные действия, руководители основных министерств и ведомств, деятели науки и культуры. 2 ноября 2009 г. Правительством России был утвержден план основных мероприятий, рассчитанный на три года (2010—2012 гг.), в который были включены организация различных торжеств, выставок, научных конференций, издание научной литературы, реставрация памятников, создание Музея Отечественной войны 1812 года.

Война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг., ставшие ее логическим продолжением, не случайно вошли в историю под громким названием «эпоха 1812 года». События той эпохи оказали огромное влияние на всю последующую историю как России, так и западноевропейских государств. После крушения наполеоновской империи, по сути, был создан новый «миропорядок» XIX столетия. Международный конгресс в Вене, увенчавший череду наполеоновских войн, не только зафиксировал передел границ и новую расстановку сил в Европе, но и ознаменовал собой начало новой, так называемой «Венской системы» международных отношений, базирующейся на правовых основах.

Для российской истории значение Отечественной войны 1812 года трудно переоценить. Она буквально всколыхнула всю страну, вызвала подъем национального самосознания, оказала огромное влияние на развитие поэзии, художественной литературы и искусства. Даже пожар Москвы, воспринятый современниками как беспрецедентная искупительная жертва, принесенная на алтарь победы, не только консолидировал общество, но и, по выражению Грибоедова, «способствовал... к украшению» первопрестольной, положив начало новому этапу развития города.

В череде многочисленных юбилейных мероприятий заметное место заняла Международная научная конференция «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы», проведенная 8—11 октября 2012 г. Институтом российской истории РАН совместно с Государственным историческим музеем, Федеральным архивным агентством и Российским историческим обществом. По материалам конференции подготовлен предлагаемый вниманию читателя сборник статей.

Организаторам удалось привлечь наиболее авторитетных специалистов из академических учреждений, ведущих университетов, архивных и музейных хранилищ не только России, но и других стран Европы. В конференции приняли участие ученые из Франции, Великобритании, Италии, Польши, Украины и Беларуси. Россию представляли исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары, Пензы, Пскова, Орла, Уфы, Рязани, Калуги, Твери и других городов.

Особый характер конференции, ставшей по числу участников самым крупным научным форумом юбилейного года, отметили в приветственном слове к собравшимся руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов и директор Государственного Исторического музея А.К. Левыкин. Директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров, подчеркнув неослабевающий интерес историков к изучению Отечественной войны 1812 года, отметил, что эта героическая эпоха займет достойное место в академической 20-томной «Истории России», к работе над которой приступил Институт российской истории, и выразил надежду, что конференция послужит дискуссионной площадкой, объединяющей авторов будущего труда.

На конференции прозвучало 90 докладов, 70 из которых в виде статей помещены в настоящем сборнике. Выступления участников показали, что изучение эпохи 1812 года, которая никогда не была обделена вниманием исследователей (ее историография давно перевалила за 500 тыс. наименований), выходит сейчас на новый уровень, появляются новые перспективные направления. Например, в последние годы наметилась тенденция рассматривать Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. в тесном единстве с Отечественной войной 1812 года как одну большую Европейскую войну. В российской историографии Заграничные походы, несмотря на всю их значимость для победы над Наполеоном, долгое время рассматривались отдельно от войны 1812 года и в целом им уделялось гораздо меньше внимания, что не позволяло в полной мере объективно оценить эти ключевые события российской и европейской истории. Сравнительно «молодыми» направлениями в изучении эпохи 1812 года являются такие проблемы, как взаимные представления воюющих наций, судьба военнопленных наполеоновской армии, взаимопроникновение российской и европейских культур, отражение событий 1812—1814 гг. в исторической и культурной памяти России и народов Западной Европы.

По-прежнему актуальными остаются поиск и введение в научный оборот новых документов, изучение судеб отдельных участников войны 1812—1814 гг., анализ общественной жизни в период войны и влияние событий 1812 г. на государство и общество. Иностранные участники конференции представили новые подходы к войне 1812 года в европейской историографии, а также в странах ближнего зарубежья. Примечательно, что во Франции в последние годы объективно оценивают решающую роль русской армии в разгроме Наполеона и весомый вклад Александра I в послевоенное устройство Западной Европы, тогда как в Беларуси и Украине отмечаются тенденции к пересмотру характера войны 1812 года и отказу от термина «Отечественная война», который предлагается заменить на «русско-французская» или «гражданская» война.

Исторический юбилей — хороший повод подвести итоги проделанной работы и наметить новые рубежи исследований. Предлагаемый вниманию читателя сборник, отражая современное состояние изучения эпохи Отечественной войны, несомненно, расширит историографическую базу эпохи 1812 года. В заключение хотел бы выразить надежду, что материалы юбилейной конференции окажутся полезными не только специалистам-историкам, но и всем интересующимся событиями той славной эпохи в истории России и Западной Европы.

*Ю.А. Петров,
доктор исторических наук,
директор Института российской истории РАН*

Раздел I
Отечественная война 1812 года
и Заграничные походы
русской армии
1813–1814 гг.:
военные действия
и международный
контекст

Д. Ливен

Россия против Наполеона

Победа России над Наполеоном в 1812 г. — одна из наиболее популярных тем в российской и европейской историографии. В моей новой монографии «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807—1814» эта тема рассмотрена под разными углами зрения¹. В центре внимания оказываются геополитика, военные действия и дипломатия — иными словами, наиболее традиционные области исторического исследования. Кроме того, в книге изучаются военное искусство, работа российского тыла, экономика того времени и военная логистика. Итак, в какой-то мере монография представляет собой рассказ о монархах и сражениях — старейшее и наиболее консервативное направление историографии.

Возникает вопрос: можно ли сказать что-либо новое на эту тему? Многие западные историки, не задумываясь, дали бы отрицательный ответ. Даже в Великобритании, не говоря уже о США или Германии, любой молодой ученый, претендующий на место в университете и заявляющий подобную тему в качестве предмета своего исследовательского интереса, имел бы мало шансов дойти до собеседования и тем более получить работу. Военная история и история дипломатии совершенно вышли из моды. Отрицание их значения и уверенность в том, что что-либо стоящее не может быть написано в рамках этих дисциплин, является для многих западных историков чем-то средним между очевидной истиной и идеологическим кредо.

Разумеется, я не разделяю этого взгляда, иначе я не предпринял бы попытки написать книгу о победе России над Наполеоном. Невозможно кратко изложить все аспекты, в которых моя монография отвергает традиционные и предлагает новые интерпретации. Существенно новым является поставленный в книге акцент на военной деятельности России в 1813—1814 гг. Все внимание российских исследователей всегда привлекало 1812 г. На каждую написанную по-русски работу о боевых действиях в 1813—1814 гг. приходится тысяча трудов о войне 1812 года. Между тем, на Западе историография 1813 г. всегда писалась представителями националистически ориентированной прусской и прусско-германской школы. Российские историки в этой области оказались на периферии. Конечно, я много внимания уделяю событиям 1812 г., изучению военных планов и практической подготовки к войне. Без победы России в 1812 г. события 1813—1814 гг. по определению были бы невозможны. Тем не менее, совершенно ошибочно полагать, что поражение Наполеона в 1812 г. привело к краху его империи. В конце концов, французский император в 1813 г. смог собрать новую Великую армию численностью в полмиллиона человек. От Александра I потребовалось много усилий, сноровки и умения рисковать, чтобы поражение Наполеона в России стало отправной точкой на пути к крушению его империи и трансформации политического устройства Европы.

Одна из причин, по которой стоит обратить пристальное внимание на события 1813—1814 гг., заключается в том, что без них стратегия, избранная Россией в 1812 г., не имела бы смысла. Александр I всегда рассматривал оборонительную кампанию

на территории России, нацеленную на изматывание военной машины Наполеона, в качестве первого этапа борьбы с целью дальнейшего вытеснения французов из Германии. Следуя этому стратегическому замыслу, российский император в конце кампании 1812 г. отдал своим войскам приказ о наступлении в направлении Польши и Германии. По мнению Александра I, безопасность России и Европы были неразрывно связаны. Пока французский монарх контролировал Германию, а также большую часть западной и южной Европы, Россия не могла чувствовать себя в безопасности. Она уступала даже по сугубо количественным показателям: под непосредственным или опосредованным управлением Наполеона находились 63 млн человек, а Александра — 42 млн подданных. При столь неравном соотношении сил, с чисто финансовой точки зрения, Россия могла оборонять свои протяженные границы лишь в течение короткого периода времени. Поэтому Александр был исполнен решимости использовать временное ослабление Наполеона в декабре 1812 г. для того, чтобы вытеснить французов из Германии и восстановить баланс сил в Европе. Российский император продемонстрировал выдающуюся политическую храбрость и дипломатические навыки, создав коалицию европейских держав и возглавляя ее на протяжении всего пути до Парижа, руководствуясь при этом правильным, на мой взгляд, пониманием насущных потребностей российской безопасности.

Итак, одна из причин моего пристального внимания к событиям 1813—1814 гг. заключается в том, что именно тогда, по моему мнению, военно-политическая стратегия России была предельно логична и показала себя с лучшей стороны. Даже в узком смысле Россия в 1813—1814 гг. действовала выдающимся образом. В те годы полевая и резервная русские армии, находившиеся за пределами империи, насчитывали свыше 500 тыс. человек — и это в эпоху, когда всего два европейских города имели более полумиллиона жителей. Большим достижением было уже то, что все эти войска удалось прокормить, экипировать, снабдить всем необходимым и перемещать по территории Европы.

Нет ничего особенно удивительного в том, что русская армия в 1813—1814 гг. сражалась лучше, чем в 1812 г. На войне даже в большей степени, чем в иных сферах человеческой деятельности, опыт является лучшим учителем. Советская армия в 1944 г. сражалась лучше, чем в 1941 г. Сказанное ни в коей мере не умаляет действий русской армии в 1812 г. Долгое отступление всегда становится тяжким испытанием для дисциплины, сплоченности и морального духа армии. Возможно, российская армия была единственной армией в Европе, которая сумела отступить на огромное расстояние между Вильной и Москвой, принять генеральное сражение, вновь отступить и, несмотря ни на что, не распасться. В 1813—1814 гг. дисциплина в русской армии также была на высоте, а ее арьергарды действовали исключительно решительно и умело. Однако, в дополнение к указанным преимуществам, армейские кадры были лучше подготовлены по сравнению с 1812 г., что привело, например, к более эффективному использованию резервов на поле боя и более координированным маневрам пехоты, кавалерии и артиллерии. Тактика русской легкой пехоты была еще одной областью, в которой были наглядно видны крупные достижения. Российская историография всегда с гордостью писала о партизанской войне 1812 г., но на самом деле важнейшими партизанскими операциями эпохи наполеоновских войн были дальние рейды, проведенные весной 1813 г. А.И. Чернышевым и А.Х. Бенкендорфом, которые сыграли заметную роль в освобождении Берлина и вовлечении в войну Пруссии на стороне России. Без этих партизанских (в том смысле, в котором это слово использовали

современники) рейдов кампания 1813 г., возможно, началась бы на берегах Одера и польской границе, а не в западной части Саксонии, и в этом случае шансы Наполеона на разгром коалиции, при невмешательстве Австрии, были бы гораздо выше.

Деятельность русской армии в 1812—1814 г. следует, прежде всего, рассматривать с военной точки зрения, однако ее последствия были шире и сказывались, в частности, на боевом духе и мотивации. Порой утверждают, что русская армия, должно быть, сражалась более упорно в 1812 г., поскольку она действовала на родной земле и защищала собственные города и деревни. Вероятно, есть некая доля истины в том, что солдаты бились особенно яростно под Смоленском и при Бородине именно по этим причинам, хотя свою роль здесь сыграло и сдерживаемое до того чувство разочарования, накопившееся за долгие недели отступления. Несомненно, что за весеннюю кампанию 1813 г. русская армия сильно измотала свои силы. Но после летней передышки 1813 г. и подхода за время перемирия многочисленных и хорошо подготовленных подкреплений русская армия в течение осенней кампании 1813 г. пребывала в наилучшей форме. Трудно представить, чтобы войска могли драться упорнее, чем лейб-гвардия под Кульмом, пехота Евгения Вюртембергского под Лейпцигом в 1813 г. или бойцы М.С. Воронцова в сражении при Краоне в 1814 г.

В этой связи важно помнить, что императорская армия не была вооруженным русским народом. Ее офицерам дворянского происхождения и войскам, состоявшим из ветеранов, долгие годы находившихся на военной службе, в значительной мере были свойственны ценности и лояльность, отличные от тех, что характерны для современной армии, комплектуемой по призыву. Для неграмотных солдат, оторванных от родных деревень и обреченных на продолжительную службу в армии, лояльность по отношению к своей роте и полку имела огромное значение для поддержания боевого духа и следования своему долгу. Точнее сказать, лояльность по отношению к полку и лояльность более высокого порядка частично совпадали. В отличие от британской, не говоря уже о французской армии того времени, каждый русский полк имел своего священника, который играл важную роль как в повседневной жизни, так и на поле боя. Полковой дом по сути являлся частью православного отечества, защитником которого был император. Но это православное отечество перемещалось вместе с полком и служило мощной движущей силой, независимо от того, сражалась ли армия на своей территории или за рубежом.

Если все вышесказанное правда, возникает вопрос: почему в огромном количестве трудов по войне 1812—1814 г. реальность предстает в искаженном виде? На это есть ряд причин. Например, для западных историков до 1991 г. работа в российских военных и дипломатических архивах была невозможна. Более важно, однако, влияние националистических мифов и предвзятого отношения. Война — величайший рассадник патриотических мифов. Наполеоновские войны пришлось на период зарождения ключевых понятий, лежащих в основе современного европейского национализма. Вскоре после их окончания стали появляться массовые городские и просветительские общества, в которых легко пускали корни националистические доктрины. Поэтому неудивительно, что правительства и национальные мифотворцы обратили внимание на наполеоновские войны. Порой можно слышать высказывания о том, что испанская нация была создана благодаря мифологеме восстания против правления Наполеона. Германская историография, интерпретируя «освободительную войну» 1813 г., поставила во главу угла Пруссию. Тем временем британская

мифология подчинила битву при Ватерлоо личным интересам, без труда нивелировав чрезвычайно важный вклад Пруссии в победу. В этой связи вовсе не удивительно, что западная историография смотрит на кампанию 1812 г. глазами французов и умаляет роль России в событиях 1813—1814 гг.

Гораздо больший интерес представляет вопрос, почему российская националистическая мифология также в значительной степени забывает о 1813—1814 гг. и тем самым сильно недооценивает достигнутое Россией. Конечно, с одной стороны, ответ прост. Момент наибольшей славы страна переживает тогда, когда она в одиночестве защищает родную землю и не испытывает нужды делиться собственной славой с союзниками или же беспокоиться по поводу сложных внешнеполитических вопросов. Воспоминания о 1940 г. вызывают у британцев чувство необычайной гордости именно по этой причине. При этом они не предают забвению вторжение в Нормандию в 1944 г. или окончательную победу в 1945 г. Подобным образом, хотя русские помнят о Сталинградской битве, они не забывают о событиях 1944—1945 гг. В День победы отмечается взятие Берлина. Итак, остается загадкой, почему последующие поколения русских людей помнили о Бородино, но не о Лейпцигской битве или вступлении русской армии в Париж.

И снова на то существует много причин. Например, столетняя годовщина разгрома Наполеона вызвала в России волну публикаций, однако канун Первой мировой войны едва ли был подходящим моментом для прославления совместных усилий русских и немцев по пресечению попытки Франции занять господствующее положение в Европе. Очень весомый вклад внес роман Л.Н. Толстого «Война и мир» не в последнюю очередь потому, что великий писатель завершил свою книгу описанием русской армии в Вильно в декабре 1812 г., совершенно не придав значения кампаниям 1813—1814 гг. в Германии и Франции. В значительной степени это объясняется слабым интересом Толстого к международным отношениям и его заинтересованностью в русском национальном характере и внутрироссийской проблематике. Для него результатом наполеоновских войн был не сформированный ими новый европейский порядок, а скорее эволюция мировоззрения русских, которая привела к восстанию декабристов.

Декабристы действительно бросили тень на всю последующую трактовку разгрома Наполеона в русской историографии. Например, во время войны 1812—1814 гг. на командные позиции выдвинулось много молодых русских офицеров. Многим из них было суждено сыграть важные роли в годы правления Николая I, в особенности в подавлении восстания декабристов, чем они навеки навлекли на себя проклятия русских либералов и левых. Как отмечалось выше, А.И. Чернышев и А.Х. Бенкендорф, вероятно, являлись наиболее успешными партизанскими командирами в 1812—1814 гг., но описать их подобным образом — значит предать себя анафеме в глазах представителей либерального и леворадикального направления русской историографии и политики.

Возможно, важнее даже то, что противостоявшая Наполеону Россия была династической, аристократической и мультиэтнической империей. Однако главенствующие российские мифы о войнах этнонациональны. В этом они ничем не отличаются от испанских, британских, немецких и французских мифов о войне. Но Франция, Испания, Германия и Великобритания являлись национальными государствами или были на пути к этому. Российская же империя не могла и надеяться на то, что-

---

бы стать моноэтническим государством. Поэтому этнонациональные мифы, которые в какой-то мере «вписывались» в западноевропейский контекст, в случае с Россией делали это гораздо менее успешно. На самом деле в этом отношении Россия не была уникальна. Французу, британцу или немцу показалось бы невероятным, что националистическая мифология способна недооценить достижения своей страны. Если же посмотреть, как современные турецкие или китайские ученые трактуют отдельные периоды истории Османской или Цинской империи, мы увидим схожую с Россией картину.

В основе всех этих проблем лежат, как правило, открыто не признаваемые, но весьма влиятельные послышки, связанные с пониманием истории и прогресса. Разгромившая Наполеона Россия во многом являлась европейским государством эпохи «старого режима», не испытывавшим глубоких трансформаций. Определение «феодальная», данное России в марксистско-ленинской интерпретации, было неверно и сбивало с толку. Хотя в правление Александра I были проведены важные военные и административные преобразования, нацеленные на то, чтобы принять брошенный Францией вызов, они не изменили основ, на которых покоились российское общество и образ правления. В этом смысле Россия отличалась от Пруссии, где повлекшие за собой серьезные последствия реформы значительно модернизировали политический, социальный и военный уклады страны. Идеиные установки и здравый смысл многих историков идут вразрез с тезисом о том, что государство эпохи «старого режима» могло нанести поражение наследнице французской революции, а тем более продемонстрировать собственное превосходство в отдельных областях.

Если брать длительный отрезок времени и говорить в общем, мне представляется, что суть проблемы схвачена упомянутыми историками верно. Индустриальная и французская революции вызвали к жизни такие силы, которые со временем сокрушили общества и государства эпохи «старого режима». Даже в 1805—1815 гг. налицо было множество признаков того, что это должно было случиться. Россия, например, и близко не стояла с финансовой мощью Великобритании. Равно как российская промышленность не была способна обмундировать и вооружить всех солдат без иностранной помощи. Более того, принятая во Франции концепция вооруженного гражданского населения позволяла мобилизовать гораздо большую часть мужского населения страны, чем это было возможно в «старорежимных» государствах с их профессиональными армиями, основанными на принципе многолетней службы личного состава. Труд К. Клаузевица оказался столь блестящим и получил столь широкий отклик именно потому, что автор понимал описанные реалии и их долгосрочные последствия.

Однако, когда я работал надписанием книги, мне часто казалось, что если Клаузевиц был глубоким мыслителем и гораздо лучше предвидел события, то Г. Жomini зачастую мог больше рассказать об особенностях ведения войны в наполеоновскую эпоху. Возможно, это являлось одной из причин, по которой он с гораздо меньшим пренебрежением, чем Клаузевиц отзывался о сильных сторонах и достоинствах русской армии. Армия Александра I не была вооруженной нацией, но, тем не менее, представляла собой грозную силу. Принятые в ней мораль и побудительные мотивы восходили к предшествующей эпохе, что позволяло ей действовать в таких условиях, которые были губительны для любой европейской армии. Это касается не только ее устойчивости к понесенным потерям, но и умения идти вперед, имея при себе лишь

самые основные съестные припасы. Важно не придавать всему этому романтический ореол. Ключевыми характеристиками армейской жизни были жестокая и несправедливая система рекрутского набора и дисциплинарный кодекс, свирепый даже по меркам того времени. Отдельные положения этого кодекса не имели оправдания и на деле приводили к обратному результату.

Однако важно также не романтизировать французских вооруженных граждан и без вопросов не принимать на веру идейные послышки, лежащие в основе этой романтизации. Одна из краеугольных посылок современности состоит в том, что народ добродетелен. С этим соглашаются не только демократы, но и националисты. Миф о народной добродетели формирует основу практически любой современной политической программы. Но на самом деле вооруженный гражданин не всегда столь добродетелен и эффективен, как предполагается в мифе. Например, революционная и либеральная мифологии исходят из того, что американский свободолюбивый ополченец в годы Войны за независимость непременно должен был быть лучшим стрелком по сравнению с тупым британским «красным мундиром». Эти мифы неверны лишь отчасти. Тем не менее, хорошо подготовленные британские или русские профессиональные солдаты могли со временем проявить себя столь же умелыми легкими пехотинцами, что и французы, что тем самым ставит под сомнение предположение о наличии взаимосвязи между демократией и боевой эффективностью. Более того, французская революционная «вооруженная нация» изначально была армией мародеров — черта, доставшаяся по наследству армии Наполеона. Отсутствие дисциплины и мародерство помогли русским уничтожить французскую армию, отступавшую от Москвы. Напротив, строгая дисциплина, принятая в русской армии, принесла несравненную пользу в суровом 1812 г.

В попытке выйти за рамки мифов и раскрыть причины победы России над Наполеоном я рассматривал объект своего исследования на нескольких различных уровнях, крайними из которых являются взгляды с позиций Бога и червя.

Взгляд с позиции Бога обращен на глубинные системообразующие факторы, которые обуславливали события эпохи. Такие «детали», как отдельные личности, их цели или страдания здесь исчезают. Если, например, заняться поиском долгосрочных факторов, объясняющих победу Великобритании над Францией, то факт, что даже в 1780-е гг. более половины торгового оборота Великобритании приходилось на территории за пределами Европы, в какой-то степени дает ответ на вопрос, почему попытка Наполеона задушить Великобританию посредством континентальной блокады едва ли могла увенчаться успехом.

Прежде всего, однако, взгляд с позиции Бога направлен на скрытые реалии европейской геополитики, которые коренным образом отличались от геополитики западного полушария или Азии и сыграли ключевую роль в судьбе Европы и России того времени. Наполеоновские войны очень часто, особенно в англоязычной литературе, изображают как борьбу между империалистическим деспотизмом Наполеона и свободолюбивыми противниками Франции во главе с Великобританией. В действительности же не только наполеоновская Франция, но и ее главные враги (Британская и Российская империи) были хищническими империями. Пруссия была менее крупным хищником, ее лучше всего характеризуют слова, сказанные позднее Бисмарком об Италии: хороший аппетит, но плохие зубы. В то время, когда Франция пыталась создать империю в Европе, Великобритания с успехом занималась тем же самым в

Индии. Большинство объяснений, применяемых историками для понимания империализма Наполеона, могут запросто быть использованы при описании британской экспансии в Индии. В их числе — дорогостоящая и раздутая армия, которая покрывала свои расходы и оправдывала собственное существование за счет захвата других государств и присвоения их доходов от налогов. В этой связи стоит отметить, что доход, получаемый Великобританией, превышал доход России, Австрии или Пруссии. Главным, однако, является то, что европейской державе было гораздо проще создать империю за пределами Европы, чем на европейском континенте. Заперев французский империализм внутри Европы, британская морская держава вступила на путь, который в конечном итоге привел к разгрому Наполеона.

Претендент на звание императора Европы пытался повернуть вспять столетия истории. В Индии британцы стали прямыми наследниками моголов. В течение тысячелетия, прошедшего со времени правления Карла Великого, у Европы не было императора. Чтобы стать новым Карлом Великим, покорителю Европы требовалось одолеть коалицию враждебных европейских государств, чьи военно-фискальные механизмы были отлажены в процессе борьбы за статус великой державы, которая длилась не одно поколение. Одержатъ победу над этими державами и воссоздать империю на землях, где некогда правил Карл Великий, включая Францию, большую часть Германии, Нидерланды и северную Италию, было задачей трудной, но выполнимой. Однако тут претендент на звание императора Европы оказывался перед главным геополитическим вызовом, лежавшим в основе межгосударственных отношений в Европе в 1763—1945 гг. Он сталкивался лицом к лицу с двумя крупными периферийными центрами силы, один из которых находился за Ла-Маншем, а другой — за равнинными территориями России и Польши, к юго-востоку от Москвы. Мобилизовать на внутренних территориях бывшей Каролингской империи ресурсы, достаточные для уничтожения этих двух центров силы, было крайне трудно. Положение осложнялось еще и тем, что перед лицом претендента на звание императора Европы русские и британцы почти наверняка объединились бы, и тому пришлось бы бороться с обеими периферийными державами одновременно. Более того, чтобы ответить на этот двойной вызов, Наполеону нужно было мобилизовать различного рода силы: морской флот, на котором он переправился бы через Ла-Манш, и военно-логистический ресурс, достаточный для вторжения в центральные районы Российской империи и сохранения контроля над ними. Этот вызов оказался не по силам не только для Наполеона, но и для Германии в XX в.

Основополагающие геополитические реалии Европы имеют отношение к затронутой выше проблеме сравнения европейских «старых режимов» и общественно-политического устройства Франции после 1789 г. Не вызывает сомнений тот факт, что революция высвободила потенциальные силы Франции, которые не использовались в последние десятилетия монархического правления. Так как Франция в 1789 г. потенциально уже являлась сильнейшей державой на континенте, не так уж трудно объяснить, как французской армии в следующие двадцать пять лет удалось покорить большую часть Европы. Равно как неразумно отрицать, что по части проведения военных операций, тактики и качества командного состава французская армия в 1790—1800-х гг. была гораздо более грозным оружием, чем военная машина Людовика XVI. Иное дело — сопоставление общей стратегии Франции конца правления династии Бурбонов и периода после 1789 г. Урок, извлеченный французским правительством

из провальной для него Семилетней войны (1756—1763 гг.), состоял в том, что жизненно важно было направить все имевшиеся ресурсы на борьбу с Великобританией. На тот момент в Париже появилось сознание того, что гораздо проще и выгоднее было заполучать новые территории и источники богатства за пределами Европы, чем на европейском континенте. Правительство Франции также осознало, что, хотя и с незначительным перевесом, но Великобритания в 1756—1763 гг. могла в одиночку одолеть могущественную Францию. Эта мысль была тесно связана с пониманием того, что Франция потратила слишком много усилий на бесплодные кампании в Германии.

В результате был взят курс на прекращение франко-австрийской вражды, закрытие «второго фронта» Франции и направление всех ресурсов на морское и колониальное соперничество с Великобританией. В 1778—1787 гг. эта стратегия принесла впечатляющие плоды. Франция одержала победу над Великобританией в американской Войне за независимость и в 1780-е гг. занимала центральное положение в союзе второй (Франция), третьей (Испания) и четвертой (Нидерланды) по мощи европейских морских держав: в следующий раз со столь масштабной угрозой Великобритания столкнулась лишь в 1930-х гг. Революция разрушила и этот союз, и французский флот. Париж был вынужден вернуться к континентальной стратегии. В конечном счете, главной причиной падения Наполеона было то, что британский морской флот не дал французскому империализму вырваться за пределы Европы, тем самым автоматически поставив Наполеона перед сложной задачей по нарушению баланса сил в Европе и изменению европейских геополитических реалий. Легитимисты могли увидеть в этом Божью кару за плохое обращение с королевой Марией-Антуанеттой, чей образ символизировал примирение с Австрией и большую морскую стратегию конца правления династии Бурбонов.

Учитывая схожие геополитические позиции Великобритании и России, вероятно, неудивительно, что большие стратегии двух стран и развернувшаяся вокруг них полемика имели схожие черты. В Англии XVIII в. эта полемика порой описывалась как борьба между «придворными» и «провинциальными» партиями, иными словами, между теми, кто выступал за «национальную» стратегию, и теми, кого обвиняли в подчинении английских интересов интересам Ганноверской династии и ее навязчивой идее, связанной с судьбой германского центра европейского континента. «Национальная» стратегия, напротив, предусматривала господство Великобритании на морях и в международной торговле, а также создание еще более «великой» Британии за счет колонизации заморских территорий.

Российский вариант «национальной» стратегии предполагал экспансию в южном направлении, через степи к Черному морю, союз со славянскими и православными народами Балканского полуострова и возможное воссоздание нововизантийской или панславянской империи под покровительством России. По иронии судьбы самым выдающимся проводником «национальной» стратегии стала немка Екатерина II. Однако существенным обстоятельством было то, что ее главные помощники — П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин и А.В. Суворов — были русскими, в отличие от многих выдающихся генералов в армии Александра I.

В 1807—1813 гг. главным сторонником «национальной» стратегии был министр иностранных дел граф Н.П. Румянцев. Этот чрезвычайно интересный и умный человек, почти что панславист (хотя такого термина в ту эпоху не существовало) зани-

---

мал одновременно пост министра иностранных дел и коммерции, а ранее возглавлял Департамент водных коммуникаций Российской империи. Он улавливал последние тенденции в области торговли и техники гораздо раньше большинства дипломатов. Румянцев видел судьбу России в том, чтобы оказаться на Черном море и Балканах и встать во главе славянского и православного миров. Он не считал Францию истинным врагом России. Он полагал, что империя Наполеона — сугубо преходящий феномен, возникший благодаря гению одного человека и не имевший институционального или идеологического фундамента, который позволил бы ему пережить своего создателя. С точки зрения Румянцева, в долгосрочной перспективе настоящим противником России была Великобритания, прежде всего, вследствие ее господства в сфере международной торговли и передовых технологий. Поэтому Румянцев приветствовал представившуюся возможность объединиться с Наполеоном против Великобритании, таившей в себе потенциал мировой сверхдержавы. Амбиции Наполеона и императивы, сподвигшие его на борьбу против Великобритании, разрушили стратегию Румянцева, но его идеи (которые в некоторой степени разделял М.И. Кутузов) до сих пор позволяют захватывающим образом взглянуть на реалии наполеоновской эпохи с позиции Бога.

Взгляд с позиции червя сильно отличается от только что изложенного. Все внимание здесь на деталях, надеждах и страданиях отдельных индивидов, а также роли случая. Этот взгляд, например, предполагает поминутное изложение военных операций. Среди всех аспектов военной истории этот в глазах западных академических историков имеет наименьшее право на существование, но отказаться от него значит не только лишиться повествование драматизма, но серьезным образом исказить истинное положение вещей. На войне, в силу самой ее природы, правят удача, случай и временная последовательность событий. На поле боя благоприятная возможность, которой не воспользовались в два часа пополудни, к трем часам будет навеки утрачена. Если этот тезис применим ко всем войнам, то он в высшей степени актуален, когда речь идет о наполеоновских блицкригах. Вся суть военных приемов Наполеона заключалась в том, что сражение, проведенное в течение одного дня, могло — по крайней мере, на какое-то время — нарушить структурные «реалии», которые, как казалось, утвердились на столетия.

Итак, приверженность исторической правде требует пристального внимания к военным действиям. Возьмем, например, сражение при Бауцене 20—21 мая 1813 г. У Наполеона было вдвое больше войск, чем у России и Пруссии вместе взятых. Он разработал простой, но губительный для противника план, согласно которому собирался сдерживать русско-пруссские войска на западе, и при этом ударить с севера через линии коммуникаций и тыловые пути. В случае успеха силы союзников были бы разбиты, они бы беспорядочно отступили, нарушив при этом границы нейтральной Австрии, и господство Наполеона в Европе было бы восстановлено. Наполеон был в шаге от нового Аустерлица, и вполне вероятно, что этот шаг был бы им сделан, если бы маршал Ней, отвечавший за решающий маневр, не потерял голову в пылу сражения, в силу чего не смог воспользоваться прекрасной возможностью, которая перед ним открывалась. Червь ликует при виде подобных человеческих ошибок, которые в хаосе сражения случаются сплошь и рядом и порой могут иметь самые серьезные последствия.

Между уровнями Бога и червя располагаются объяснения различного порядка, которые слишком многочисленны, чтобы описывать их в рамках столь короткого

сообщения. Конечно, значение имеет биография. История любого учреждения не имеет смысла без изучения личности и образа действий возглавляющего его лица — в нашем случае императора Александра I. Понимание российской формы правления и армии невозможно без представления о ценностях правящего слоя тогдашней России и созданной ими системы патронатно-клиентальных отношений. Историк, стремящийся постичь, как Россия мобилизовала ресурсы для победы над Наполеоном, обязан углубиться в изучение российского провинциального общества, его отношений с органами управления, а также слабых и сильных сторон экономики страны. Принципиальное значение имеют также, разумеется, подготовка, тактика, вооружение, моральный дух и структура командования армии. Все перечисленные (и многие другие) уровни анализа и элементы должны быть сплетены воедино, чтобы дать исчерпывающее описание того, как и почему Россия взяла верх над Наполеоном.

Из всех элементов я кратко остановлюсь на двух. Первый — это лошади. Если ветер имел ключевое значение для морских войн той эпохи, то еще важнее была роль лошади как жизненно необходимого элемента войн сухопутных. Она выполняла функции современных танка, самолета, грузовика и передвижной артиллерии — иными словами, являлась оружием наступления, преследования и разведки, была транспортом и передвижным огневым средством. Гораздо большей потерей для Наполеона в России в 1812 г. были не люди, а лошади. Людей заменить было гораздо проще. В любом случае комплектование и боевая подготовка кавалерийского полка занимали, по крайней мере, в три раза больше времени, чем пехотного. Россия извлекла большую пользу из того, что у нее было больше всего лошадей в Европе. Но своей победой она обязана не только избытку лошадей и их нехватке у Наполеона в 1813—1814 гг. Причиной тому было и эффективное использование конной силы администрацией и армией. Создание системы и инфраструктуры, с помощью которых многотысячные кавалерийские резервы обеспечивались лошадьми, снабжались, проходили подготовку и доставлялись на театр боевых действий, было огромным достижением, в некотором роде сопоставимым с историей советской танковой промышленности в годы Второй мировой войны. Одним из великих, но до конца не воспетых героев победы России над Наполеоном был генерал от кавалерии А.С. Кологривов, командовавший резервными частями русской кавалерии в 1812—1814 гг.

Второй элемент, на котором стоит остановиться, это разведка. Поражает, насколько глубоко русская разведка до июня 1812 г. сумела проникнуть в военно-политические структуры наполеоновской Франции и выведать самые потаенные секреты. Ключевыми фигурами в этой операции стали два главных представителя России в Париже в годы, предшествовавшие вторжению — А.И. Чернышев и К.В. Нессельроде, которые были тогда, между прочим, очень молоды. Они перлюстрировали даже переписку Наполеона с министром иностранных дел, через шпионов в военном министерстве получали детальные сведения о состоянии и перемещениях французских подразделений до уровня полка и посредством подкупа контролировали значительную часть разведывательных мероприятий Франции в западных приграничных районах России. Более того, это далеко не полный список направлений деятельности и достижений Чернышева и Нессельроде. Они не только снабжали Александра I и М.Б. Барклая де Толли ценными сведениями, но и с исключительным знанием дела составляли аналитические записки касательно сильных и слабых сторон военно-политического устройства наполеоновской Франции. Эти записки, которые направля-

---

лись непосредственно российскому императору и его военному министру, во многом легли в основу военного планирования и большой стратегии, впоследствии разработанной Россией для войны с Наполеоном.

Настоящий краткий обзор победы России над Наполеоном уместно завершить темой организации разведывательной службы, потому как именно разведка в широком смысле этого слова является главной причиной, по которой Россия вышла победительницей из военных кампаний 1812—1814 гг. Россия выиграла не из-за снега и не вследствие большего количества ресурсов. Она одержала верх главным образом благодаря тому, что ее руководство (и в первую очередь Александр I) разработало мудрую большую стратегию, учитывавшую сильные стороны России и слабые — Наполеона. Ключевым элементом этой стратегии было глубокое понимание пределов военной мощи и взаимосвязи войны и дипломатии. Придумав тонкую и реалистичную большую стратегию, русские затем реализовали ее — вопреки хаосу, изменчивости военной удачи и дипломатических отношений с союзниками — с выдающимися мужеством и настойчивостью. Они одержали победу над Наполеоном заслуженно.

Примечание

¹ *Lieven D.* Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009; *idem.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. New York, 2010; *idem.* La Russie contre Napoléon, la bataille pour l'Europe (1807—1814). Paris, 2012; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807—1814. М., 2012.

М.-П. Рей

1814—1815 гг.:

от французского похода до конгресса в Вене.
Александр Первый — европейский император?

19 (31) марта 1814 г. Александр I во главе войск коалиции торжественным маршем вошел в Париж¹. Он лично очень желал этого. В отличие от многих членов российского Генерального штаба, считавших, что с освобождением территории России война завершилась, император хотел продолжить борьбу на немецкой, а затем французской землях, чтобы навсегда покончить с Наполеоном и гарантировать Российской империи долговременную безопасность. Первое пребывание российского императора в Париже продолжилось с конца марта до середины мая 1814 г., в это время он сыграл главную роль в обсуждении первого Парижского мирного договора. Затем, после кратковременного пребывания в Лондоне, в июле он вернулся в Санкт-Петербург, чтобы в ноябре снова уехать в Вену для участия в заседаниях конгресса. Едва работа Венского конгресса, ускоренная высадкой Наполеона в марте 1815 г. в заливе Жуан, завершилась, император в июне 1815 г. снова отправился в Париж. Он участвовал в переговорах по подготовке и заключению второго Парижского мирного договора, который, учитывая фиаско «Ста дней» и окончательный разгром Наполеона, установил для Франции более суровые условия, чем те, что были определены в первом договоре. Наконец, в сентябре 1815 г. Александр I покинул французскую столицу, этот «проклятый Париж», как он назвал его в письме к сестре Екатерине Павловне².

Перечисление этих перемещений и дат показывает, что в течение нескольких месяцев император развил большую дипломатическую активность. Для чего же столько усилий? Почему нужно было ездить два раза в Париж с интервалом в несколько месяцев, в то время как состояние Российской империи, обедневшей, если не сказать опустошенной конфликтом, могло бы, даже должно бы было заставить его быстро вернуться в Россию? Попытка ответить на этот вопрос предпринимается в данной статье, имеющей целью показать, что для Александра I война 1812 года и ее последствия приобрели не только национальный, но и европейский характер. Для достижения поставленной цели проанализируем причины противостояния Александра и Наполеона, свидетельствующие о том, что императоров уже в 1804—1805 гг. разделяли два разных взгляда на построение Европы, рассмотрим войну 1812 года и ее геополитические цели, наконец, обратимся к европейским проектам российского императора 1814—1815 гг.

*Дуэль двух императоров, конфликт двух взглядов
на Европу 1804—1805 гг.*

Когда осенью 1804 г. Александр I сообщил британскому премьер-министру У. Питту о своем намерении присоединиться к новой антинаполеоновской коалиции, он, безусловно, имел в виду противостоять опасной политике экспансии, угрожающей, по его мнению, России в традиционных зонах ее влияния. Первые продвижения фран-

---

цузов в Центральную Европу, которые в дальнейшем, начиная с 1806 г., материализуются в создание Рейнской конфедерации и рождение королевства Вестфальского, франко-турецкое сближение, наметившееся в 1802—1803 гг. и направленное на лишение России ее привилегированного положения на Балканах, а также интерес Наполеона к польскому вопросу — все это раздражает русскую дипломатию, беспокоит ее и ведет к оправданию военных действий против французского императора. Но с этого момента Александр I решает перенести борьбу не только на военную, но и на идеологическую почву. С осени 1804 г. он убежден, что победить Наполеона можно смелыми и новаторскими идеями, отняв у французов и присвоив себе их «самое могучее оружие», «до сих пор еще составляющее в их руках угрозу для всех стран» и заключающееся «в убеждении, которое они сумели внушить всему миру, что они действуют во имя свободы и блага народов»³.

При помощи А.А. Чарторыйского, министра иностранных дел с января 1804 г., Александр I разрабатывает европейский проект и, чтобы убедить британского премьер-министра У. Питта поддержать его на этом пути, он решает отправить в Лондон тайного эмиссара графа Н.Н. Новосильцева. Последнему накануне отъезда он передает сопроводительный лист в форме секретных инструкций, содержащих детальную разработку европейского проекта императора⁴.

В секретных инструкциях речь идет, прежде всего, о политических вопросах, на тот момент самых острых. Александр I затрагивает вопрос о странах, находящихся под французской опекой. По поводу Сардинии он высказывается в пользу восстановления на престоле короля, но желает общего согласия, чтобы Россия и Англия обязали его «дать своему народу либеральную и мудрую конституцию». В отношении Швейцарии и Голландии речь идет о том, чтобы гарантировать их существование и политическую организацию, созданную «в соответствии с волей нации».

Ситуация во Франции вдохновляет Александра I на идею длительного развития. Сначала он уточняет, что далек от мысли об установлении во Франции абсолютно монархического порядка. Русско-британский альянс, имеющий ключевой целью освобождение от «ига Бонапарта», должен будет всеми силами проводить в жизнь и гарантировать свободу, которой вкусил французский народ. Этот момент важно подчеркнуть: для Александра I ни память о Французской революции, ни завоевания Наполеона не должны уйти в тень. Такая позиция человека, унаследовавшего четыремя годами ранее самодержавный режим, может удивить, но она не связана с простым оппортунизмом. Для молодого императора, воспитанного в духе Просвещения швейцарским республиканцем Ф.С. Лагарпом, остававшимся его наставником в течение более десяти лет, речь шла о том, чтобы учитывать наследие Французской революции не только для того, чтобы победить Наполеона на его собственном идеологическом поле, но и чтобы глубоко реорганизовать европейский континент. Подчеркивая, что силы коалиции «не желают ничего другого, кроме как освободить Францию от деспотизма, под которым она стонет, дать ей свободный выбор правительства, которое она сама захочет иметь», он выражает готовность учредить во Франции конституционную монархию, если последняя вызовет благосклонность французов. Затем он распространяет свои рассуждения на другие европейские страны с защитной речью в адрес государственных режимов, соблюдающих «священные права человечества».

В геополитическом плане секретные инструкции выводят на первый план концепт европейской федерации, строящейся на уважении к правам человека и вписывающейся

в «договор, который станет основой международных отношений европейских держав». Этот договор мог бы дать рождение «союзу, постановления которого образовали бы нечто вроде нового кодекса международного права. Получив санкцию большинства европейских держав, он мог бы легко сделаться обязательным для всех правительств тем более, если его нарушение будет сопряжено с риском вызвать вооруженный протест союза»⁵.

Приведенный отрывок свидетельствует о новаторском характере европейского проекта Александра I. Идея мирного союза европейских наций, в котором обращение к третьей стороне и переговорам было бы систематическим и поддерживались бы определенные общие политические ценности, мысль о том, что решения, принятые этим союзом, пришли бы на смену национальному праву, и, наконец, намек, даже очень скромный, на создание военной силы, объединяющей различные нации, вошедшие в союз, — все это свидетельствует о провидческом подходе к международным отношениям.

Наконец, к его геополитическим, по сути, рассуждениям добавляются рассуждения прагматического характера. Александр I настаивает на необходимости сформировать государства, которые возникнут после падения Наполеона, в их естественных географических границах и содействовать их национальной однородности. Образованные по этим принципам государства должны будут заботиться о поддержании между собой «естественного равновесия», и для этого нужно будет, по мнению императора, поощрять создание наряду с крупными державами «государств второго порядка», которые будут призваны служить им эффективным противовесом. Понятия равновесия и противовеса имеют в данном случае ключевое значение. Именно в этой перспективе Александр I высказывается в пользу образования конфедерации немецких княжеств (независимой от Австрии и Пруссии), а также в пользу итальянской федерации.

В течение трех месяцев Новосильцев пытался убедить британские власти в том, что проект Александра I интересен и насущен, однако его миссия провалилась. Питт скептически отнесся к русскому проекту европейской системы, и его кратковременным результатом стал лишь военный альянс довольно классического типа, созданный в начале 1805 г. В последующие годы проект, кажется, оказался совсем похоронен. Ни во время военных неудач 1805—1807 гг., ни во время хрупкого союза, заключенного в Тильзите между Наполеоном и Александром I в духе реальной политики, проект европейского устройства не мог увидеть свет. В 1812 г., когда вспыхнула война, масштабы опасности поставили перед царем другие приоритеты. Однако очень быстро война 1812 года стала для Александра I русской войной в такой же мере, как и европейской.

1812 год. Война одновременно национальная и европейская

Война 1812 года, массовая по числу человеческих ресурсов, задействованных в ней с обеих сторон, подвергшая опасности независимость России, повлекшая оккупацию врагом значительной части территории Российской империи, приведшая к ужасным по масштабам разрушениям, вызвавшая в результате патриотический порыв невиданного размаха, была, конечно, войной национальной и патриотической. Она сплотила население вокруг своей армии, Церкви и прежде всего — фигуры императора Всея Руси. Но в то же время для Александра I эта война в не меньшей степени была войной с европейскими целями.

---

11 (23) ноября 1812 г., обращаясь к Ф.В. Ростопчину, Александр I воздает должное жертвам, на которые пошло московское население, и утверждает, что «Россия, понесенным ею ущербом приобрела спокойствие и славу спасителя Европы»⁶. Месяцем позже в Вильно 12 (24) декабря, в день своего 35-летия, царь заявляет своим генералам: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли всю Европу»⁷. Следовательно, к этому моменту Александр I рассматривает войну в европейской перспективе, что объясняет продолжение военных действий за пределами России.

Идти в Европу Александра I побуждает ряд факторов. Прежде всего, это глубоко укоренившееся убеждение, что, хотя Наполеон получил довольно мощный удар в кампании 1812 года и фактически одним коленом стоит на земле, он все-таки окончательно не сломлен и рано или поздно, учитывая его неутолимые амбиции, не останется в долгу и перейдет в наступление. Чтобы обеспечить длительную безопасность России, нужно, таким образом, покончить с французским императором военными средствами: преследовать его за пределами Российской империи, разбить раз и навсегда и принудить к миру, который вернет Францию в ее естественные границы и обеспечит покой всей Европе. Но для достижения этой цели Александр не мог рассчитывать только на свою армию. Безусловно, она вышла из испытаний победительницей, но была истощена и численно сократилась. В декабре 1812 г. в докладе императору М.И. Кутузов признает, что из 98 тыс. человек, с которыми он вышел из Тарутино шестью неделями раньше, осталось не более 42 тыс. боеспособных⁸. В таких условиях необходимо было создать новую коалицию, на основе предпочтительного союза с Пруссией. В этой связи понятен призыв Александра I к «освобождению» Германии и ее независимости в ответ на записку, адресованную ему в ноябре 1812 г. бароном фон Штейном. В этой записке бывший министр Пруссии, ставший советником царя, высказывался за амбициозную политическую программу, имевшую целью не только освободить Германию от французской опеки, но также избавить ее от «тирании ее собственных князей, которые предавали и продавали ее», «ликвидировать ненавистное наследие вестфальских соглашений, инструмента унижения и рабства» и «осуществить построение империи, которая, включая все физические и моральные элементы силы, свободы и света, была бы способна противостоять беспокоящим амбициям Франции»⁹. Александр совсем не поддерживал последнюю цель — создание империи, так как этот проект мог повредить его понятию равновесия, ключевому слову всей его европейской политики. Напротив, он желал добиться освобождения немецких государств от французской зависимости, чтобы сплотить антинаполеоновскую коалицию вокруг единого проекта, обеспечить успех союзных армий и таким образом принудить Францию вернуться в ее естественные границы, что представлялось ему единственным залогом прочного мира. Александр I был согласен со своим статс-секретарем К.В. Нессельроде, который в начале февраля 1813 г. утверждал, что для того, чтобы обеспечить прочный мир в Европе, нужно «без сомнения, чтобы Франция была оттеснена в свои естественные границы; чтобы все, что не расположено между Рейном, Шельдой, Пиренеями и Альпами прекратило быть составной частью французской империи или зависеть от нее»¹⁰. С другой стороны, Александр не разделял мнения своего статс-секретаря по поводу основы коалиции. Император полагал, что коалиция должна быть основана на русско-прусском альянсе, в то время как Нессельроде отдавал предпочтение русско-австрийскому союзу¹¹.

Каким бы логичным и связным не был план Александра I продолжить войну за пределами границ Российской империи, он вызвал колебания в его окружении. Например,

---

адмиралу А.С. Шишкову, несмотря на его нелюбовь ко всему галльскому, это предприятие представлялось опасным и дорогостоящим как в плане человеческих ресурсов, так и в экономическом плане. Приоритет, по его мнению, должен был быть отдан восстановлению страны, опустошенной войной. Н.П. Румянцев, министр иностранных дел, также считал проект рискованным предприятием, которое не служит настоящим интересам России, расположенным, на его взгляд, в Османской империи и в Азии. Другие оспаривали легитимность альянса с Пруссией и ратовали за то, чтобы отнять у нее польские провинции. Мнение Кутузова было неоднозначным¹². В приватном разговоре с адмиралом Шишковым, о котором последний рассказывает в своих мемуарах¹³, он враждебно отнесся к любым новым боевым действиям, считая, что это будет выгодно только Англии. Однако в рапорте Александру I, написанном в середине декабря, он выступил за возобновление наступления после перерыва на отдых для военных подразделений. И 15 (27) декабря в речи перед своими войсками он утверждал: «Уже нет ни единого неприятеля на лице земли нашей. Вы по трупам и костям их пришли к пределам империи. Остается еще вам перейти за оные, не для завоевания или внесения войны в земли соседей наших, но для достижения желанной и прочной тишины»¹⁴.

Но Александр I не принимает во внимание эти колебания, будучи убежден, что ему необходимо, с одной стороны, проводить в жизнь меры безопасности и мира, с другой — работать над обновлением европейского континента, так как на самом деле, переключаясь с его утопическими проектами 1804—1805 гг., в его голове уже созревают контуры программы реконструкции Европы.

Отечественная война стала долгим крестовым походом императора России, из которой он вышел совершенно измененным. Открыв для себя Бога в 1812 г., став отныне верующим, а точнее мистиком, он был полностью поглощен идеей своей ответственности перед Богом и мечтал учредить эру, основанную на новых принципах.

Новая Европа, которой так жаждал Александр I, должна была иметь две основных характеристики. Во-первых, она была бы абсолютно миролюбива: в декабре 1812 г. в Вильно он заявил графине де Тизенгауз, будущей графине де Шуазель-Гуфье: «Почему бы всем суверенам и нациям Европы не договориться между собой, чтобы любить друг друга и жить как братья, помогая друг другу в нужде? Торговля стала бы тогда общим благом в этом большом обществе, некоторые члены которого, конечно, отличались бы от других своей религией, но дух терпимости объединил бы все культуры»¹⁵. Во-вторых, Европа, по всей видимости, была бы основана на соблюдении международных договоров, которые стали бы священными. Когда началась Германская кампания, в манифесте, подписанном в конце февраля 1813 г. в Галиче, Александр I призвал построить новую эру, где международные договоры будут соблюдаться с «религиозной верой, нерушимой святостью, на которых держатся достоинство, сила и сохранность империй»¹⁶. Таким образом, с конца 1812 г. в воображении Александра I рисуется новая Европа, границы которой будут уточняться в 1814—1815 гг.

Русский император в Париже, 1814—1815 гг.: урок европеизации

После тяжелой кампании 1813 г. в Германии, в то время как коалиция демонстрировала признаки слабости и усталости, Александр был более чем когда-либо решительно настроен преследовать Наполеона на его собственной территории. Для царя военные,

---

дипломатические и политические цели к тому моменту были тесно связаны между собой и остались таковыми и в последующие месяцы: об этом свидетельствует активная деятельность, которую он развил по всем направлениям во время своего пребывания в Париже весной 1814 г. Рассмотрим сначала дипломатическое и геополитическое направление. Во имя своей концепции безопасности России и Европы он благосклонно относится к тому, чтобы побежденная Франция вернулась в свои границы образца 1792 г. и оказалась, таким образом, отброшенной от границ Германии и Центральной Европы, потеряв любые права контроля над Балканами и Польшей, сферами основного влияния русской дипломатии. Но в то же время, поскольку Александр I ставит понятие равновесия в сердце европейской системы, которую хочет построить, он не поддерживает уничтожения и унижения Франции. В своем первом заявлении от 19 (31) марта 1814 г. он утверждает, что «для счастья Европы нужно, чтобы Франция была большой и сильной», воодушевляет французов на создание правительства, «которое даст покой вам и Европе»¹⁷. Вместе с герцогом де Талейраном, председателем временного французского правительства, он добивается включения в текст первого Парижского договора положения о том, чтобы Франции не предъявляли требования о возмещении убытков. Годом позже, после эпизода «Ста Дней» и необратимого поражения Наполеона при Ватерлоо, условия, возложенные на Францию, будут значительно более тяжелыми, чем в 1814 г. Но именно Александр I, исходя из все той же заботы о дипломатическом равновесии, выступит против расчленения Франции, которого требовали союзники. Исполненный благодарности, граф Моле, министр иностранных дел короля Людовика XVIII напишет позже в своих мемуарах: «В 1815 году Россия защищала от всех, не скажу даже интересы, но само существование нашей несчастной родины... Англия, Пруссия, Австрия мечтали только нас ослабить. Россия, напротив, была заинтересована, чтобы мы оставались мощной державой первого порядка... Она рассматривала нас как своего естественного союзника и наилучшую опору для того, чтобы оспаривать у Англии господство над миром»¹⁸.

Но в Париже цели Александра I носят политический характер: с его точки зрения, безопасность европейского континента требовала, чтобы Франция была ослабленной, смирившейся с собственной историей. С этим связана его приверженность идее возвращения Бурбонов на основе конституционного режима, в то время как сами Бурбоны рассчитывали на восстановление абсолютной монархии. Важно подчеркнуть: в 1814—1815 гг. Александр I (который несколькими месяцами позже дарует конституцию Польше) был открыт либеральным взглядам. Европа, которую он стремится построить, и где либеральная Франция нашла бы свое законное место, — это еще не консервативная и законопослушная Европа, какой она станет позже, начиная с 1820—1821 гг.

Цели безопасности, дипломатии и политики были, таким образом, тесно связаны в период пребывания Александра I в Париже, они перекликались также с убеждениями, которые российский император отстаивал на Венском конгрессе в последующие месяцы. На конгрессе в Вене Александр I показал себя особенно горячим и активным в отношении польского вопроса, в котором он видел один из ключей к российской безопасности. И во имя этой безопасности ценой военных усилий, совершенных Россией, он добивается конституции Польского королевства, связанного династическими узами с Россией. Его успех, однако, не полный, так как царю его союзниками навязаны значительные уступки: он получает большую часть Великого

герцогства Варшавского, но должен уступить северо-западные регионы Пруссии и западную Галицию Австрии, в то время как Краков становится свободным городом. Эти уступки навлекли на него критику части русской элиты, включая дипломатический аппарат. Его упрекают в том, что он слишком сконцентрирован на Польше и сдал Пруссии Мемель. В декабре 1815 г. граф Воронцов писал с горечью сыну Михаилу: «Мы, кажется, занимаемся больше выгодой других, чем благополучием собственной страны. Если бы мы, по крайней мере, получили за такие жертвы от других, особенно от Пруссии (которая значительно увеличилась) город Мемель, чтобы иметь естественную границу по Неману. Но мы заняты только Польшей, которая не имеет отношений с Россией. Ее интересует только личность Александра, против преемников которого она будет вести войну каждый раз, как у нас будут происходить какие-нибудь другие затруднительные войны. Все это вызывает жалость»¹⁹.

Но полученный результат от этого не становится менее положительным для Александра I, который убивает двух зайцев, так как Россия усиливает свою безопасность и, приближаясь к Западной Европе через связи с Польшей, в каком-то смысле смещается к Западу и выигрывает в европейском статусе. Тем не менее, эти успехи не полностью удовлетворяют русского императора. Вскоре он высказывается за новый проект европейской системы.

Летом 1815 г. император возвращается к своей европейской мечте и в сентябре, в русле экуменического подхода, предлагает австрийскому и прусскому суверенам подписать акт о Священном союзе, который определяет принадлежность трех государств, католического, протестантского и православного, к одной семье, «христианской нации», и подчеркивает необходимость содействовать братским, гармоничным и мирным отношениям между ними в соответствии с принципом христианского милосердия.

Текст акта о Священном союзе возник не на пустом месте, он содержит переработанную версию проекта 1804—1805 гг. Европейская федерация, о которой мечтал Александр в 1804—1805 гг., имела в основе светский политический проект; в 1815 г. европейский проект императора окрасился в тона духовности и мистицизма, в соответствии с личным мироощущением царя. Но он не был отсталым или консервативным, так как в 1815 г. для Александра I Священный союз был совместим с принципами либерализма и конституционализма. И не случайно в то же время царь дарует конституцию королевству Польскому, подталкивает Людовика XVIII даровать конституционную хартию французам и вскоре предложит Франции Бурбонов присоединиться к Священному союзу.

Текст навлек на себя сарказм со стороны британской дипломатии, иронию канцлера Меттерниха и враждебность Римского папы. Но он, тем не менее, был подписан 14 (26) сентября 1815 г. и дал новый импульс идее европейской федерации, основанной все так же на мире и равновесии — двух понятиях, которые уже присутствовали в секретных инструкциях, данных Новосильцеву. Годом позже, 21 марта (2 апреля) 1816 г., оставаясь верным мирному духу Священного союза и желая утвердить конкретным образом мир в Европе, Александр I в конфиденциальном письме, адресованном британскому премьер-министру лорду Р.С. Каслри, предложил «одновременное сокращение вооруженных сил любого вида, поддержание которых в состоянии боевой готовности ослабляет доверие к существующим договорам и представляет собой тяжелую ношу для всех народов»²⁰. Эта мысль о разоружении в

Европе была подсказана ему Талейраном в Париже весной 1814 г., но только в 1816 г. Александр I сформулировал ее в виде конкретного предложения, ставшего, таким образом, в европейской истории первой попыткой разоружения. Это предложение наткнулось на враждебность Британии, и, как и в 1804 г., ни к чему не привело. Но поднятие этого вопроса свидетельствует о том, что для Александра I война 1812 года и ее продолжение в 1813—1815 гг. вписывались не только в национальную, но и в европейскую перспективу. Они свидетельствуют о том, что император Всея Руси был также «европейским» императором.

Примечания

- ¹ Для всестороннего взгляда на личность и царствование Александра I см.: *Rey M.-P. Alexandre I-er. Paris, 2009.* (Русский перевод: *Рэй М.-П. Александр I. М., 2013.*)
- ² Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 202—203.
- ³ Цит. по: *Mémoires du prince Adam Czartoryski et Correspondance. T. 2. Paris, 1887. P. 29.*
- ⁴ Текст секретных инструкций см.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее — ВПР). Серия I. 1801—1815 гг. Т. 2. М., 1961. С. 138—151; *Mémoires du prince Adam Czartoryski et Correspondance... P. 27—45.*
- ⁵ *Mémoires du prince Adam Czartoryski et Correspondance... P. 35.*
- ⁶ Указ Александра I от 11 (23) ноября 1812 г. // *Казанские известия. 30 ноября 1812. № 48.*
- ⁷ *Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 134.*
- ⁸ *Lieven D. La Russie contre Napoléon, la bataille pour l'Europe (1807—1814). Paris, 2012. P. 275.*
- ⁹ *Mémoire du baron Stein, 17 novembre 1812 in Georg Heinrich Pertz // Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein. T. 3. Berlin, 1850—1855. P. 212.*
- ¹⁰ Цит. по: *Lieven D. Op. cit. P. 281.*
- ¹¹ Подробнее об этих разногласиях см.: *Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010. С. 234—235.*
- ¹² Подробнее см.: *Безотосный В.М. Указ. соч. С. 234—235.*
- ¹³ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. Берлин; Прага, 1870. С. 167—168.
- ¹⁴ Цит. по: *Безотосный В.М. Указ. соч. С. 234.*
- ¹⁵ *Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie. Bruxelles, 1829. P. 134—135.*
- ¹⁶ *Pingaud L. L'empereur Alexandre I-er. Paris, 1913. P. 15.*
- ¹⁷ Цит. по: *Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I-er. Paris, 1814. P. 40.*
- ¹⁸ *Mémoires du comte Molé, publiés et préfacés par la marquise de Noailles. Genève, 1944; Grunwald de, C. Trois siècles de diplomatie russe. Paris, 1945. P. 165.*
- ¹⁹ *Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 134.*
- ²⁰ ВПР. Серия II. 1815—1830 гг. Т. 2 (10). М., 1976. С. 108—111.

Выдающийся русский полководец М.Б. Барклай де Толли
в Отечественной войне 1812 года
и Заграничных походах русской армии 1813—1815 гг.

В российской и советской военной историографии при описании событий Отечественной войны 1812 года большое внимание уделено ее полководцам и героям: М.И. Кутузову, П.И. Багратиону, А.П. Ермолову, П.Х. Витгенштейну, Н.Н. Раевскому, Д.С. Дохтурову, М.С. Воронцову, Д.В. Давыдову, Ф.П. Уварову, М.А. Милорадовичу, М.И. Платову и другим. Им посвящено немало работ, в том числе глав и разделов в различных трудах. К сожалению, этого нельзя сказать о жизни и полководческой деятельности выдающегося российского военачальника той эпохи генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая де Толли.

Непонятый многими современниками и недооцененный потомками, он надолго был отодвинут в тень, незаслуженно осыпаемый оскорбительными и пренебрежительными оценками. Однако перечеркнуть огромные заслуги полководца перед Отечеством просто невозможно. По справедливой оценке К. Маркса и Ф. Энгельса, «он был, бесспорно, лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла»¹. «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории», — подчеркивал А.С. Пушкин².

Став в 1810 г. военным министром, Барклай де Толли сделал немало, чтобы подготовить страну и армию к тяжелым испытаниям в связи с ожидаемым нашествием Наполеона. А когда враг вторгся на российскую землю, Барклай де Толли сумел осуществить единственно правильную военно-стратегическую линию. Его глубоко продуманная тактика отступления, пока русские армии были разъединены, при подавляющем превосходстве войск Наполеона полностью себя оправдала.

Прежде чем перейти к освещению роли Барклая де Толли в разгроме наполеоновской армии, кратко приведем некоторые биографические данные о начале его военной деятельности.

Во всех дореволюционных изданиях, включая словари и военные энциклопедии, утверждалось, что М.Б. Барклай де Толли родился в Лифляндии в 1761 г. Новейшие исследования позволяют считать датой рождения будущего полководца 1757 г. (13 декабря), что нашло отражение в недавно опубликованном биографическом словаре об Отечественной войне 1812 года³. Его предки — шотландская фамилия Barclay of Tolly — переселились в Ригу в XVII в. Сын отставного поручика, Барклай в семилетнем возрасте был записан капралом в Новотроицкий кирасирский полк (которым командовал его дядя Е.В. фон Вермелен), а в 1778 г. получил чин корнета. В 1788—1789 гг. участвовал в штурме Очакова, Бендер и Аккермана, затем в 1790 г. в военных действиях в Финляндии. Был произведен в премьер-майоры и переведен в Тобольский пехотный полк с оставлением в звании дежурного майора. Получил первые военные награды. В 1794 г., командуя батальоном, отличился при взятии Вильны и в других сражениях. В 1798 г. произведен в полковники, а в 1799 г. стал генерал-майором⁴. Особенно отличился в 1807 г. при Прейсиш-Эйлау, который, по словам

К. Маркса и Ф. Энгельса, он защищал «с величайшей доблестью»⁵ и где был ранен разрывной пулей в правую руку выше локтя с раздроблением кости. Удостоенный рядом высших боевых наград, Барклай де Толли получил звание генерал-лейтенанта.

В 1806—1807 г. участвовал в первой войне с Наполеоном. Уже тогда Барклай де Толли разработал свой план против французской армии, основу которого составляло уклонение при крайне неблагоприятных условиях от генерального сражения и отступление вглубь страны. Он впервые высказал эту идею в 1807 г. во время встречи в Мемеле с известным немецким историком Бертольдом Нибуром, который посетил генерала в местном лазарете, где тот находился на излечении от полученных ран. Вот что записал тогда Нибур со слов Барклая: «Если бы мне пришлось действовать против Наполеона, я вел бы отступательную борьбу, увлек бы грозную французскую армию в сердце России, даже на Москву, истощил бы и расстроил ее и, наконец, воспользовавшись суровым климатом, заставил бы Наполеона на берегах Волги найти вторую Полтаву»⁶.

Те же мысли Барклай де Толли вскоре высказал Александру I, посетившему его в том же мемельском лазарете. Позднее, став военным министром, он представил императору особый доклад — «О защите западных пределов России», где, развивая ту же идею, указывал, что первое упорное сопротивление неприятелю необходимо оказать на оборонительных линиях Двины и Днепра. При этом основной базой борьбы являлась бы Москва, названная автором доклада «главным хранилищем, из которого истекают действительные к войне способы и силы»⁷. Следует отметить, что император Александр I первоначально поддерживал указанные взгляды растущего на его глазах талантливого военного деятеля. Но впоследствии их осуществление осложнилось принятием плана бывшего на службе в России прусского генерала теоретика К.Л. Пфуля, основанного на занятии укрепленного Дрисского лагеря и разделении 1-й и 2-й Западных русских армий в центральной части страны на многие километры одна от другой.

В 1808—1809 г. Барклай де Толли снова в Финляндии, где возглавил 6-ю пехотную дивизию. В ходе Русско-шведской войны он совершил со своим войском знаменитый переход по льду Ботнического залива (через пролив Кваркен) и занял шведский город Умео. Последствием этого явилось заключение мира со Швецией. Он стал генералом от инфантерии и был назначен главнокомандующим войсками в Финляндии и финляндским генерал-губернатором.

С началом вторжения 12 (24) июня 1812 г. Великой армии Наполеона на территорию Российской империи Барклай де Толли, назначенный еще в марте того же года главнокомандующим 1-й Западной армией, правильно оценил сложившуюся стратегическую обстановку, обеспечивая отход войск и избегая генерального сражения с превосходящими силами противника.

Наполеон развернул в первой линии на западной границе России 445 тыс. человек. Кроме того, он имел вместе с резервами еще около 150 тыс. солдат и офицеров во второй линии. Русское командование смогло развернуть на западной границе менее 210 тыс. Остальные войска были расположены на южных окраинах страны — в Молдавии, на побережье Черного моря, на Кавказе, а также на русско-шведской границе и в глубине российской территории. Причем часть из них находилась в стадии формирования. Требовалось, как можно скорее, объединить 1-ю и 2-ю Западные армии. Таким образом, Наполеон имел на этом этапе подавляющий численный перевес.

25 июня (7 июля) Барклай де Толли написал императору: «Я не понимаю, что мы будем делать с целой нашей армией в Дрисском укрепленном лагере. После столь то-

---

ропливого отступления мы потеряли неприятеля совершенно из виду, и будучи заключены в этом лагере, будем принуждены ожидать его со всех сторон». Александр I, который поддерживал план Пфуля, не ответил на это письмо, дав тем самым понять, что приказ идти к Дриссе обсуждению не подлежит. 27—29 июня (9—11 июля) 1-я армия прибыла в Дриссу, а 1 (13) июля там состоялся военный совет, обсуждавший вопрос о дальнейших действиях. В присутствии императора Михаил Богданович высказался за то, чтобы до соединения со 2-й Западной армией П.И. Багратиона никаких активных действий не предпринимать. Поскольку 2-й Западной армии не удалось пробиться к Дрисскому лагерю, решено было отступать дальше, так как одной из главных тактических задач первого месяца войны продолжало оставаться соединение двух армий.

21 июля (2 августа) по приказу Баркляя был сформирован армейский летучий партизанский отряд под командованием генерала Ф.Ф. Винцингероде. Действия этого отряда положили начало партизанской войне на Смоленщине, а затем и на всей территории оккупированных противником районов России.

22 июля (3 августа) 1812 г. 1-я и 2-я Западные армии все же сумели, наконец, соединиться под Смоленском. В разгоревшихся здесь кровопролитных боях, упорно обороняясь, русские войска нанесли противнику больше потерь, чем понесли сами. И соотношение сил к моменту соединения русских армий в районе Смоленска стало постепенно изменяться. Но пока оно оставалось в пользу французов (1:1,5). Шансов на успех в генеральном сражении русским войскам явно не хватало⁸. Поэтому 10 (22) августа Барклай сообщал царю: «Во избежание риска преждевременного принятия боя, имея постоянно дело с неприятелем, превосходящим в силах, я постараюсь вместе с князем Багратионом уклониться от генерального сражения»⁹.

Под Смоленском 180-тысячной армии Наполеона противостояло пока только 120 тыс. русских. Тщательно обдумав план дальнейших действий, Барклай де Толли пришел к выводу, что надеяться на успех при таком соотношении сил невозможно. Поэтому, отказавшись от генерального сражения, он приказал 2-й армии оставить Смоленск, а сам остался со своими войсками прикрывать ее отход.

Продолжение отхода русских армий к Москве резко усилило недовольство Барклаем в рядах генералитета, офицерского корпуса и общества. Особенно негодовал П.И. Багратион, буквально рвавшийся в контрнаступление. Отступление из-под Смоленска крайне обострило взаимоотношения Барклая де Толли и Багратиона: с этого времени и до Бородинского сражения князь Петр Иванович считал тактику главнокомандующего гибельной для России, а его самого — главным виновником всего. В письмах императору, Аракчеву, различным сановникам и военачальникам Багратион, обвиняя Барклая почти открыто в измене, требовал поставить над армиями другого полководца, который пользовался бы всеобщим доверием и, наконец, прекратил бы отступление¹⁰. А оно продолжалось безостановочно до Царева Займища. Несколько раз намеревался Барклай де Толли остановиться и принять битву, дать генеральное сражение, «но неудобства позиций заставляли его уступать неприятелю и оставить Дорогобуж и Вязьму»¹¹.

Возмущение Багратиона проявлялось на фоне недовольства многих солдат, офицеров и генералов русской армии. И император Александр не мог этого не учесть. К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо отмечали: «Великой заслугой Барклая де Толли является то, что он не уступил невежественным требованиям дать сражение, исходившим как от рядового состава русской армии, так и из главной квартиры; он осуществил отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело неко-

торую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность соединиться с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тылы противника. Когда он оказывался вынужденным дать сражение, как это было под Смоленском, он занимал позицию, которая не позволяла сражению стать решающим. Когда, недалеко от Москвы, нельзя уже было избежать решающего сражения, он выбрал сильную позицию у Гжатска (т.е. у Царева Займища — Г.К.), почти недоступную атаке с фронта, обойти которую можно было только обходными путями большой протяженности¹². Он уже расположил свои войска, когда прибыл Кутузов, в руки которого благодаря интригам русских генералов и ропоту русской армии по поводу того, что священной войной руководит иностранец, было теперь передано верховное командование. В пику Барклаю де Толли Кутузов покинул позицию при Гжатске, в результате чего русской армии пришлось принять сражение на невыгодной позиции у Бородина. В этом сражении 26 августа Барклай, командовавший правым крылом, был единственным из генералов, который удержал свою позицию и не отступал до 27-го, прикрыв таким образом отступление русской армии, которая, если бы не он, была бы полностью уничтожена. После отступления от Бородина на Москву именно Барклай де Толли снова предупредил всякие бесполезные попытки защитить священную столицу»¹³.

Глубоко опечаленный Барклай повиновался воле императора Александра I и воспринял назначение М.И. Кутузова главнокомандующим всеми русскими армиями внешне спокойно, хотя самолюбие его было, конечно, уязвлено. Он остался главнокомандующим 1-й Западной армией, но вынужден был оставить пост военного министра. В письме к царю Барклай писал, что все желание его — «пожертвованием жизни доказать готовность служить Отечеству во всяком звании и достоинстве». «Не распространяюсь, — добавлял он, — о действиях армии, которая была мне вверена. Время покажет, мог ли я сделать что-нибудь лучше для спасения государства. Будь я руководим только честолюбием, от меня получали бы донесения о победных битвах и, несмотря на то, неприятель достиг бы Москвы, не встретив достаточных сил, которые могли бы сопротивляться»¹⁴.

23 августа (4 сентября) главные силы 1-й и 2-й армий вышли на большое поле, расположенное в 124 км от Москвы между Старой и Новой Смоленскими дорогами. В центре его находились село Бородино и деревня Семеновское, на юге — деревня Утица, а на севере — деревня Захарьино. На площади примерно в 50 км² наконец-то сошлись две армии, примерно равные друг другу по силам: русских было около 120 тыс. при 640 орудиях, французов — 130 тыс. при 587 орудиях¹⁵. Сражение началось 26 августа (7 сентября) буквально с первым выстрелом. «На восходе солнца, — вспоминал адъютант Баркляя В.И. Левенштерн, — поднялся сильный туман. Генерал Барклай в полной парадной форме, при орденах и в шляпе с черным пером стоял со своим штабом на батарее позади деревни Бородино... Со всех сторон раздавалась канонада. Деревня Бородино, расположенная у наших ног, была занята храбрым лейб-гвардии Егерским полком. Туман, заволакивавший в то время равнину, скрывал сильные неприятельские колонны, надвигавшиеся прямо на него. Генерал Барклай, обозревавший всю местность с холма, угадал, какой опасности подвергнется Егерский полк, и послал меня к нему с приказанием, чтобы он немедленно выступил из деревни и разрушил за собой мост... После дела при Бородинском мосте генерал Барклай спустился с холма и объехал всю линию. Ядра и гранаты буквально вырывали землю на всем пространстве. Барклай проехал таким образом перед Преображенским и Семеновским полками»¹⁶.

Участник Бородинского сражения, будущий декабрист Ф.Н. Глинка писал, что многие офицеры и даже солдаты, указывая на Барклая, говорили: «Он ищет смерти»¹⁷. И, действительно, он искал ее, находясь в самом пекле убийственного огня, в котором, по его словам, «удастся мне, может быть, найти совершение моего желания». Однако желание Барклая не исполнилось. Как отмечал российский историк той эпохи Н.А. Полевой, смерть летала вокруг него — пять лошадей было под ним убито, возле него погибло два офицера и девять было ранено, а он оставался невредимым. «Покоряюсь жребии моему, — писал позднее Михаил Богданович. — Не сбылось мое пламенное желание: Провидение пощадило жизнь, которая тяготит меня»¹⁸.

Главный удар Наполеон нанес по левому флангу. Барклай де Толли, командуя правым крылом и центром русских войск, правильно оценил обстановку, послав на помощь П.И. Багратиону 4 пехотных полка и 8 гренадерских батальонов, а вскоре еще 4 кавалерийских полка. Помощь от Барклая прибыла в те минуты, когда получил тяжелое ранение князь П.И. Багратион. Во время перевязки, лежа на земле, он увидел адъютанта Барклая. «Передайте Барклаю, — сказал Багратион, — что теперь он решает судьбу боя. До сих пор все идет хорошо. Да сохранит его Бог»¹⁹. Эти слова командующего 2-й Западной армии означали примирение с Барклаем, признание его стойкости, большой отваги и благородства. Раненого Багратиона переправили в полевой лазарет, а командующим 2-й армии временно стал командир дивизии генерал П.П. Коновницын.

Сам Барклай, возглавив 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, а также бригаду гвардейских кирасир, бросился в бой против французских кавалерийских корпусов. Одновременно развернулись ожесточенные схватки на всех позициях битвы. Упорной была борьба за батарею Раевского, которая находилась на центральном участке. Противник атаковал ее несколько раз. Защитники батареи стойко отстаивали ее позиции, проявляя высокое мужество и самопожертвование. Только во второй половине дня после нескольких кровопролитных атак французам удалось захватить батарею, и русские войска отошли на новую позицию. После 4 часов дня обе стороны продолжали вести сильный артиллерийский огонь, который не смолкал до глубокой ночи. Затем французские войска отступили на исходные позиции.

Покорителю многих стран Наполеону не удалось уничтожить русскую армию и одержать победу над Россией. «Французская армия разбилась о русскую», — отметил активный участник сражения генерал А.П. Ермолов. Битва под Бородино обескровила наполеоновскую армию. Ее общие потери превысили 50 тыс. человек. Но и Кутузов не смог развить успеха, лишившись до 44 тыс. воинов, а свежих резервов у него пока не было.

Поздно вечером Кутузов вызвал Барклая и приказал готовиться к продолжению решающего сражения на следующее утро. Барклай отдал все необходимые распоряжения генералам 1-й армии, однако в полночь получил от Кутузова приказ отступить.

В последние дни августа русская армия подошла к Москве. М.И. Кутузов еще не оставлял намерения дать Наполеону новое сражение у стен древней столицы. Генералу Л.Л. Беннигсену было поручено подобрать позицию для решающего сражения. На ее осмотр главнокомандующий направил Барклая де Толли, Д.С. Дохтурова, А.П. Ермолова, К.Ф. Толя и М. Кроссара. После осмотра все единогласно заявили о полной непригодности избранного Беннигсеном места для нового сражения.

Тогда Кутузов решил собрать 1 (13) сентября в деревне Фили, в доме крестьянина А. Фролова²⁰, где размещалась главная квартира главнокомандующего, военный

совет, чтобы обсудить вопрос о целесообразности нового генерального сражения для защиты Москвы или оставления ее без боя. На этом заседании, кроме М.И. Кутузова, приняли участие: начальник Главного штаба генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен, командующий 1-й армией генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли, начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов, генерал-лейтенанты — командиры корпусов: 1-го кавалерийского — Ф.П. Уваров, 3-го пехотного — П.П. Коновницын, 4-го пехотного — А.И. Остерман-Толстой, 7-го пехотного — Н.Н. Раевский, 6-го пехотного — Д.С. Дохтуров, генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь.

В начале совещания Беннигсен спросил собравшихся: выгоднее ли сразиться под стенами Москвы или сдать ее неприятелю без боя? Кутузов тут же прервал генерала, отметив несообразность вопроса. Он заявил, что «пока будет существовать армия и пока она сохранит возможность противиться неприятелю, до тех пор остается надежда окончить успешно войну». Кутузов поставил на обсуждение совета вопрос: ожидать ли нападения на невыгодной позиции или уступить неприятелю Москву?

Первым в прениях выступил Барклай де Толли, который подчеркнул: «Главная цель заключается не в защите Москвы, а в защите Отечества, для чего прежде всего необходимо сохранить армию. Позиция невыгодна, и армия подвергается несомненной опасности быть разбитой. В случае поражения все, что не достанется неприятелю, будет уничтожено при отступлении через Москву. Оставлять столицу тяжело, но если мужество не будет потеряно и операции будут вестись деятельно, овладение Москвой, может быть, приведет неприятеля к гибели». Барклай предложил отступить из Москвы по Владимирской дороге, но участникам заседания более удачным представился путь по Рязанской, Старой и Новой Калужским дорогам²¹.

После Барклая выступили Беннигсен, Ермолов, Уваров и Дохтуров, которые отвергли идею отступления и потребовали нового сражения. Отвечая им, Михаил Богданович сказал, что «об этом следовало бы подумать ранее и сообразно с тем разместить войска. Теперь уже поздно, ночью нельзя передвигать войска по непроходимым рвам, и неприятель может ударить по нас прежде, нежели мы успеем занять новое положение»²².

Доводы командующего 1-й Западной армией Барклая де Толли были столь убедительны, что после них, как писал генерал А.П. Ермолов, «не могло быть места более основательному рассуждению». Более того, Ермолов, по некоторым данным, проголосовавший на совете за новое сражение, вспоминал позднее, что «все сказанное при этом случае» Барклаем «заслуживает того, чтобы быть отпечатано золотыми буквами»²³.

Подводя итог прениям, главнокомандующий одобрил реплику Барклая и закончил заседание словами: «Вижу, что мне придется платить за разбитые горшки, но жертвую собой ради Отечества. Приказываю отступить»²⁴. Потом, выслушав всех, добавил, что с потерей Москвы «не потеряна еще Россия и что первую обязанностью поставляет он сберечь армию... Вследствие чего приказано было армии быть в готовности к выступлению»²⁵. Таким образом, Кутузов отказался от своего первоначального намерения, которое он высказывал накануне совещания — подготовить на подступах к Москве новое крупное сражение, т.е. на данном этапе войны стратегии двух полководцев по важным вопросам совпадали.

В ходе отступления в русской армии произошел ряд организационных изменений. 16 (28) сентября 1-я и 2-я армии были слиты в одну 1-ю Западную армию, что почти совпало с известием о кончине П.И. Багратиона. Командующим 1-й армией оставался Барклай де Толли, но в новой обстановке его должность стала чисто условной.

Осенью 1812 г. после того, как Барклай выполнил последнее поручение М.И. Кутузова, обеспечив организованное прохождение отступающих войск через Москву, был удовлетворен его рапорт об увольнении с должности главнокомандующего 1-й Западной армией «в виду тяжелого заболевания лихорадкой». Правда, далеко не все, даже среди его боевых друзей, поверили в эту болезнь. Были и другие причины, включая основную — обиду, во многом заглушавшую все другие чувства. «Меня как будто избегают, и многое от меня скрывают», — писал он жене в те дни в одном из писем²⁶. Барклай довольно резко отреагировал на решение Кутузова передать из 1-й армии в арьергард генерала Милорадовича 30 тыс. солдат без согласования с ним как с командующим армией. Барклай расценил эти действия фельдмаршала как демонстрацию своей ненужности. Между ними произошел горячий спор. Объяснения Кутузова Барклай не удовлетворили²⁷.

По воспоминаниям адъютанта Барклай В.И. Левенштерна, прощаясь с ним, генерал сказал: «Я должен уехать. Это необходимо, так как фельдмаршал не дает мне возможности делать то, что я считаю полезным. Притом главное дело сделано. Остается пожинать плоды... Потомство отдаст мне справедливость. На мою долю выпала неблагоприятная часть кампании: на долю Кутузова выпадает часть более приятная и более полезная для его славы. Я бы остался, если бы я не предвидел, что это принесет армии больше зла. Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания неприятеля со священной земли нашего Отечества. Я считал дело Наполеона проигранным с того момента, как он двинулся от Смоленска к столице. Это убеждение перешло во мне в уверенность с той минуты, как он вступил в Москву. Моя заслуга состоит в том, что я передал фельдмаршалу армию хорошо обмундированную, хорошо вооруженную и отнюдь не деморализованную. Это дает мне право на признательность народа. Быть может, он бросит в меня камень²⁸ в настоящую минуту, но, наверное, отдаст мне справедливость впоследствии»²⁹.

При отъезде Барклай де Толли из армии многие генералы пришли попрощаться с ним, проводив его до экипажа. Путь его проходил прежде всего через Калугу, где он остановился на один день в доме губернатора, занятый сочинением писем Александру I и Кутузову.

В письме императору Барклай сообщил следующее: «Государь! Мое здоровье расстроено, а мои моральные и физические силы до такой степени подорваны, что теперь здесь, в армии, я, безусловно, не могу быть полезным на службе... и эта причина побудила меня просить у князя Кутузова позволения удалиться из армии до восстановления моего здоровья. Государь! Я желал бы найти выражения, чтобы описать Вам глубокую печаль, снедающую мое сердце, видя себя вынужденным покинуть армию, с которой я хотел жить и умереть...»³⁰. Письмо М.И. Кутузову содержало подробный отчет о действиях своей армии с 24 по 26 августа (с 5 по 7 сентября). Этому посланию Михаил Богданович придавал особое значение, поскольку считал необходимым восстановить свой незаслуженно погранный авторитет³¹.

Из Калуги он поехал через Тулу кружным путем во Владимир, где, мучимый изнуряющей болезнью, пробыл несколько дней, во время которых подготовил и направил императору письмо с просьбой разрешить приехать в Петербург. Однако ответа от Александра I он не получил. Тогда, не заезжая в северную столицу, Барклай уехал в свое имение Бекгоф Феллинского уезда Лифляндской губернии, куда, наконец, пришло долгожданное письмо от императора:

«Генерал! Я получил Ваше письмо от 9 ноября. Плохо же Вы меня знаете, если могли хотя минуту усомниться в Вашем праве приехать в Петербург без моего разрешения. Скажу Вам даже, что я ждал Вас, так как я от всей души хотел переговорить с Вами с глазу на глаз. Но так как Вы не хотели отдать справедливость моему характеру, я постараюсь в нескольких словах передать Вам мой настоящий образ мысли насчет Вас и событий. Приязнь и уважение, которые я никогда не переставал к Вам питать, дают мне это право»³².

Изложив далее уже известные нам оценки событий, происшедших в июне — августе 1812 г., царь завершал письмо следующим образом: «Мне только остается сохранить для Вас возможность доказать России и Европе, что Вы были достойны моего выбора, когда я Вас назначил главнокомандующим. Я предполагал, что Вы будете довольны остаться при армии и заслужить своими воинскими доблестями, что Вы и сделали при Бородине, уважение даже Ваших хулителей.

Вы бы непременно достигли этой цели, в чем я не имею ни малейшего сомнения, если бы оставались при армии, и потому, питая к Вам неизменное расположение, я с чувством глубокого сожаления узнал о Вашем отъезде. Несмотря на столь угнетавшие Вас неприятности, Вам следовало оставаться, потому что бывают случаи, когда нужно ставить себя выше обстоятельств. Будучи убежден, что в целях сохранения своей репутации Вы останетесь при армии, я освободил Вас от должности военного министра, так как было неудобно, чтобы Вы исполняли обязанности министра, когда старший Вас в чине был назначен главнокомандующим той армии, в которой Вы находились. Кроме того, я знаю по опыту, что командовать армией и быть в то же время военным министром — несовместимо для сил человеческих. Вот, генерал, правдивое изложение событий так, как они происходили в действительности и как я их оценил. Я никогда не забуду существенных услуг, которые Вы оказали Отечеству и мне, и я хочу верить, что Вы окажете еще более выдающиеся. Хотя настоящие обстоятельства самые для нас благоприятные ввиду положения, в которое поставлен неприятель, но борьба еще не окончена, и Вам поэтому представляется возможность выдвинуть Ваши воинские доблести, которым начинают отдавать справедливость.

Я велю опубликовать обоснованное оправдание Ваших действий, выбранное из материалов, присланных мне Вами. Верьте, генерал, что мои личные чувства остаются к Вам неизменными.

Весь Ваш. Александр I.

P.S. Простите, что я запоздал с ответом, но писание взяло у меня несколько дней вследствие моей ежедневной работы»³³.

Михаил Богданович поспешил приехать в Петербург, но императора там уже не застал. Огорченный, он вернулся в свое имение.

Между тем Отечественная война 1812 года шла к победному завершению. Русские войска во главе с фельдмаршалом Кутузовым громили отступающего противника и изгоняли его из пределов Отечества. На этом этапе войны Барклай де Толли прямого участия в ней не принимал.

К началу 1813 г. состояние его здоровья значительно улучшилось, и вскоре он подал прошение о своем восстановлении в рядах армии. В обращении к царю от 27 января (8 февраля) 1813 г. Михаил Богданович писал: «Я не оправдал бы... доверия, если бы при ведении операций поставил себе целью блестящую кампанию, с которой

была бы связана моя личная, собственная слава, а не удачный исход войны путем самого уничтожения неприятеля!.. Я уверил Ваше Величество, что не подвергну опасности бесполезной или несвоевременной гибели Вашу армию, единственную опору Отечества, и если не буду в состоянии нанести неприятелю решительных ударов сначала, то вся моя надежда будет основана на ведении кампании в позднее время года. Я сдержал свое обещание»³⁴.

Он встал во главе 3-й Западной армии, которой до того командовал адмирал П.В. Чичагов, освобожденный от командования царем после неоднократных просьб об отставке. 31 января (12 февраля) 1813 г. Кутузов сообщил Барклаю: «По случаю болезни адмирала Чичагова государь император высочайше поручает начальству Вашему армию, им предводительствуемую... Я прошу, Ваше высокопревосходительство, поспешить прибыть Вам на место нового Вашего назначения»³⁵.

Новый командующий участвовал в осаде крепости Торн, гарнизон которой 4 (16) апреля 1813 г. капитулировал, и французский губернатор Мавилон сдал Барклаю ключи от крепости. За осаду и взятие Торна Михаил Богданович был награжден орденом Александра Невского с бриллиантами.

Новые успехи русских армий вскоре были омрачены кончиной главнокомандующего фельдмаршала М.И. Кутузова, последовавшей 16 (28) апреля в небольшом силезском городе Бунцлау. Ставший после Кутузова главнокомандующим генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн потерпел неудачи в сражениях под Лютценом и Баутценом. Человек храбрый и решительный, получивший в 1826 г. высшее воинское звание генерал-фельдмаршала, он все же недостаточно владел искусством управления войсками в широком масштабе. И это сказалось в ходе указанных сражений.

Что касается Барклая, то его 3-я армия, присоединившаяся у Баутцена к главным силам антинаполеоновской коалиции, 7 (19) мая завязала многочасовой бой при Кенигсварте, полностью разгромив итальянскую дивизию из корпуса французского генерала Ж.-А. Лористона. За эту победу русский полководец был удостоен высшей награды империи — ордена Святого Андрея Первозванного. Завоеванные Барклаем победы у Торна и Кенигсварта свидетельствовали, что он умеет не только обороняться и отступать и что после смерти Кутузова ему нет равных среди русских полководцев.

17 (29) мая 1813 г. по общему согласию союзников и по рекомендации П.Х. Витгенштейна Михаил Богданович возглавил объединенную русско-прусскую армию. При этом прежний главнокомандующий Витгенштейн заявил, что «почтет за удовольствие быть под его начальством»³⁶. В качестве главнокомандующего Барклай де Толли участвовал в трехдневной «битве народов» под Лейпцигом 4—7 (16—19) октября 1813 г. Его армия, составлявшая основную часть союзников, приняла на себя главную тяжесть сражения. К многочисленным наградам, которые получил полководец, прибавились орден Святого Георгия 1-го класса (в результате чего он стал вторым после М.И. Кутузова полным георгиевским кавалером), командорский крест австрийского Военного ордена Марии-Терезии и Кульмский крест. Кроме того, 29 декабря 1813 г. (10 января 1814 г.) Барклай был возведен в графское достоинство Российской империи.

В кампанию 1814 г. Михаил Богданович отличился во многих сражениях на территории Франции. За успешные действия при Бриенн-ле-Шато он удостоился награждением золотой шпагой с алмазами и лаврами, а за взятие Парижа получил чин генерал-фельдмаршала. С восстановлением Бурбонов на королевском троне во Франции

новый король Людовик XVIII возложил на Барклая звезду и ленту Почетного легиона, а шведский наследный принц Карл-Юхан прислал орден Меча 1-й степени³⁷.

После заключения мира Барклай де Толли вернулся в Россию, где был назначен командующим 1-й армией. Он собирался отдохнуть и подлечиться, однако события 1815 г. («Сто дней Наполеона») помешали этому. Пришлось снова выступить в поход и 6 июля вторично войти в Париж. На грандиозном смотре победителей Наполеона в г. Вергю 30 августа (11 сентября) 1815 г. 150-тысячная русская армия вызвала всеобщее восхищение своей безукоризненной выучкой, стройностью, отточенностью движений и слаженностью маневров. Французский, нидерландский и саксонский короли удостоили Барклая награждением высшими степенями государственных орденов: Святого Людовика, Вильгельма и Святого Генриха. Принц-регент Великобритании прислал ему орден Бани 1-й степени, а г. Лондон — украшенную бриллиантами шпагу. Александр I за выдающийся вклад в победу над Наполеоном и труды по совершенствованию русской армии присвоил Барклаю де Толли княжеский титул.

По возвращении в Россию Барклай вновь занялся боевой подготовкой войск, не отказавшись при этом от своего основного принципа — уважения в солдате достоинства человека. Он не изменил и своего отрицательного отношения к аракеевщине и был против вводившихся в стране военных поселений, хотя и знал, что эта идея исходит от самого царя. Великого полководца не могло не волновать не только положение «господских крестьян под бичом барщины», но и судьбы отслуживших срок солдат, которых он предлагал наделять землей, освобождать на 15—20 лет от податей и зачислять в вольные хлебопашцы.

В 1818 г. Михаил Богданович получил, наконец, длительный отпуск, чтобы укрепить свое здоровье. Но по пути в Германию он тяжело заболел и 14 (26) мая скончался на мысе Штилитцен, близ Инстербурга (ныне Черняховск) на 57-м году жизни. Прах полководца был перевезен и погребен в его имении Бекгоф.

В декабре 1837 г. в Петербурге на площади перед Казанским собором были установлены и открыты памятники фельдмаршалам М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли работы скульптора Б.И. Орловского. 11 (23) ноября 1849 г. в Дерпте (Тарту) был открыт еще один памятник Барклаю, надпись на котором гласила: «Незабвенному полководцу от войск, под начальством его состоявших, в память военных подвигов 1812, 1813 и 1814 годов».

* * *

Подведем итоги жизни и деятельности великого русского военного деятеля Михаила Богдановича Барклая де Толли, его необычайно сложной, порой драматической полководческой судьбе.

Глубоко продуманная стратегия временного отступления во имя сохранения армии в условиях значительного превосходства врага в живой силе была в той грозной обстановке единственно правильной и полностью себя оправдала. Так, во многом благодаря уникальному полководческому дарованию Барклая была спасена русская армия, что в конечном итоге привело к полной победе над войсками Наполеона и их бесславному концу.

Будущий декабрист М.А. Фонвизин, проделавший с Барклаем весь путь отступления от Вильно до Тарутина, говорил о нем, что он полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодущный и в высшей

степени честный и бескорыстный». Поэт-партизан Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдов среди множества похвал Барклаю оставил и такую: «Барклай де Толли с самого своего служения обращал на себя всеобщее внимание своим изумительным мужеством, невозмутимым хладнокровием и отличным знанием дела. Эти свойства внушили нашим солдатам пословицу: “Поглядя на Барклая, и страх не берет”»³⁸.

Передовые люди эпохи не могли не признать бесспорную правоту стратегии полководца. «Подвиг Барклая де Толли велик, участь его трагически печальна и способна возбудить негодование», — писал В.Г. Белинский.

Фигура Барклая, его судьба, исполненная величия и трагизма, с давних пор привлекала А.С. Пушкина. Сначала это были мимолетные зарисовки, не лишённые, однако, глубины мысли и широты обобщений. Стихотворение «Полководец», крупное, значительное и полностью посвященное Барклаю де Толли, было написано менее чем за полгода до трагической гибели великого поэта. В нем Пушкин с необыкновенной прозорливостью вскрыл то, что для многих было загадкой многие годы. Его Барклай — это человек, «непроницаемый для взгляда черни дикой». Он молча идет своей дорогой «с мыслью великой». Но чернь не понимает его и глумится над ним, невзлюбя в его имени «звук чуждый» и «ругаясь над его священной сединою». Однако Барклай, укрепленный могучим убеждением собственной правоты, шел своей дорогой дальше, оставаясь «неколебим пред общим заблуждением». Пушкин повествует и о том, как Барклай де Толли передал бразды правления М.И. Кутузову: «И на полу-пути был должен, наконец, // Безмолвно уступить и лавровый венец, // И власть, и замысел обдуманый глубоко, // И в полковых рядах сокрыться одиноко»³⁹.

Публикация «Полководца» вызвала восторженные отзывы современников. «“Барклай” — прелесть!» — отмечал А.И. Тургенев в письме П.А. Вяземскому. В октябре 1836 г. публицист Н.И. Греч писал Пушкину: «Не могу удержаться от изливания перед Вами от полноты сердца искренних чувств глубокого уважения и признательности к Вашему таланту и благороднейшему его употреблению. Этим стихотворением, образцовым и по наружной отделке, Вы доказали свету, что Россия имеет в Вас истинного поэта, ревнителя чести, жреца правды»⁴⁰. Пушкин на это письмо ответил так: «Искренне благодарю Вас за доброе слово о моем полководце. Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения»⁴¹.

Скоре поэту пришлось столкнуться и с гневными нападками на «Полководца», в частности — со стороны двоюродного племянника М.И. Кутузова. В соответствующем «Объяснении», опубликованном в журнале «Современник», Пушкин писал: «Его (Барклая — Г.К.) отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждой, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом»⁴².

В своей симпатии к Барклаю, в уважении к его свершениям во имя Отечества Пушкин был не одинок. После пушкинского «Полководца» появилось стихотворение В.А. Жуковского «Бородинская годовщина», в котором были строки, посвящен-

ные подвигу Барклая де Толли. Большинство исследователей считает, что ему же посвящено стихотворение М.Ю. Лермонтова «Великий муж! Здесь нет награды...». Довольно объективно раскрыл полководческую деятельность Михаила Богдановича известный писатель того времени Ф.В. Булгарин в историческом романе «Петр Иванович Выжигин». В своих воспоминаниях Булгарин справедливо констатировал, что «к Барклаю де Толли до сих пор все как-то холодно, хотя и признают великие его заслуги перед Отечеством»⁴³. Объясняя такое положение, современник Барклая публицист А.В. Висковатов писал: «Много ошибаются те, которые думают, что, платя должную дань Барклаю, ... неизбежно будет набросить тень на действия Кутузова»⁴⁴. Они оба заслужили великую признательность России за ее спасение.

Представим в заключение оценку действий Михаила Богдановича со стороны известного военного исследователя XIX в. генерала В.А. Харкевича — автора ряда крупных работ по истории Отечественной войны 1812 года. По его мнению, хотя Барклай «не отличался блистательными способностями, но обладал многими драгоценными качествами полководца. Простой, ясный и практический ум его холодно оценивал обстановку и принимал соответствующее решение. Предусмотрительность его обнимала все, и он ничего не забывал во время исполнения. Самостоятельность его была безусловна: взгляды, которые он высказывал, и решения, которые он принимал, всегда были его собственные. Непокколебимая настойчивость в преследовании поставленной цели не знали преград. Полное самообладание и спокойствие в самые тяжелые решительные минуты были изумительны. На поле битвы он видел все и с неизменным хладнокровием распоряжался всем под самым сильным огнем. Патриот в лучшем смысле слова, он исполнял свой долг, никогда не думая о себе»⁴⁵.

Наш народ не забудет своих героев, всех тех, на чьих плечах была вынесена тяжесть защиты страны в период нашествия армии Наполеона. Одно из достойнейших мест в первом их ряду, несомненно, принадлежит великому русскому полководцу и герою Отечественной войны 1812 года генерал-фельдмаршалу Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли.

Примечания

- ¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Барклай де Толли // *Они же*. Сочинения. 2-е изд. Т. 14. М., 1959. С. 94.
- ² Пушкин А.С. Письмо Н.И. Гречу от 13 октября 1836 г. // *Он же*. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. М., 1962.
- ³ Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011. С. 41.
- ⁴ Там же. С. 41—42; Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 4. М.-СПб., 1914. С. 638.
- ⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Указ. соч. С. 92.
- ⁶ Военная энциклопедия. Т. 4. СПб., 1911. С. 395.
- ⁷ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 1—6.
- ⁸ Золотарев В. Наполеон I Бонапарт. М., 2012. С. 182—183.
- ⁹ Цит. по: Кочетков А.Н. М.Б. Барклай де Толли. М., 1970. С. 52.
- ¹⁰ См.: Фролов Б.П. Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813—1814 годов. М., 2011. С. 290—295.
- ¹¹ Полевой Н.А. Русские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845. С. 244.
- ¹² По поводу выбора Барклаем места генерального сражения у Гжатска есть оценки другого рода. Так, в записках современника событий гофмаршала Высочайшего Двора А.А. Щербинина говорится: «Приходим в лагерь перед Царевым Займищем. Речка с чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линий наших. Слишком опасно принять сражение в такой позиции. Тем не менее Барклай на то решиться хочет. Карл Толь до такой степени убежден

был в опасности этого лагеря, что бросается перед Барклайем на колени, чтобы отклонить его от намерения сражаться здесь. Барклай не внимает убеждениям своего генерал-квартирмейстера. Но вдруг возвращают о прибытии Кутузова в Царево Займище. Это было в 3-м часу пополудни 17 августа. День был пасмурный, но сердца наши прояснились. Узнав от Толя об опасности лагеря, князь Кутузов тотчас приказал отступить. Квартирмейстерский офицер Гартинг был послан по дороге к Можайску отыскивать позицию для принятия решительного сражения». (См.: *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 13—14).

А.Н. Кочетков убедительно доказал, что позиция у Царева-Займища была весьма выгодной, а «главный недостаток, который ей приписывается, — болотистая речка в тылу позиции, в действительности не имел места, ибо она вся пересохла». (См. *Кочетков А.* О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 37).

¹³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 93.

¹⁴ Цит. по: *Полевой Н.А.* Указ. соч. С. 245.

¹⁵ Всемирная история. Т. 6. М., 1959. С. 118.

¹⁶ Русская старина. 1900. № 12. С. 573.

¹⁷ России верные сыны. Т. 2. Л., 1988. С. 120.

¹⁸ Цит. по: *Полевой Н.А.* Указ. соч. С. 245.

¹⁹ Цит. по: *Балязин В.Н.* Фельдмаршал Михаил Богданович Барклай де Толли. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1990. С. 195.

²⁰ Академик Е.В. Тарле в своем труде «Нашествие Наполеона на Россию» в качестве хозяина избы называет крестьянина Севастьянова, что не подтверждается различными источниками (см.: *Тарле Е.В.* Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 386).

²¹ Цит. по: *Кочетков А.Н.* М.Б. Барклай де Толли... С. 65.

²² Там же.

²³ *Тотфалушин В.П.* М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1991. С. 103—104.

²⁴ *Кочетков А.П.* М.Б. Барклай де Толли... С. 65—66.

²⁵ *Балязин В.Н.* Михаил Кутузов. М., 1991. С. 174.

²⁶ Русская старина. 1912. № 12. С. 547.

²⁷ *Балязин В.Н.* Фельдмаршал Михаил Богданович Барклай де Толли... С. 210.

²⁸ Барклай, разумеется, не знал, что его слова о камне, который «бросит в него народ», не были фигуральны. Через несколько дней после отъезда из Тарутина его дорожная карета в Калуге подверглась нападению толпы. Обзывая генерала изменником и предателем, люди из досужей публики бросали камни, угрожали ему расправой. Потребовалось вмешательство полиции, чтобы прекратить эти бесчинства.

²⁹ Русская старина. 1901. № 1. С. 109—110.

³⁰ Цит. по: *Харкевич В.А.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 39.

³¹ Там же. С. 39—43.

³² Цит. по: Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 474.

³³ Там же. С. 476.

³⁴ Цит. по: *Харкевич В.А.* Указ. соч. С. 56.

³⁵ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 5. М., 1956. С. 213.

³⁶ *Кочетков А.Н.* М.Б. Барклай де Толли... С. 71.

³⁷ *Тотфалушин В.П.* Указ. соч. С. 123.

³⁸ *Кочетков А.Н.* М.Б. Барклай де Толли... С. 78.

³⁹ *Пушкин А.С.* Полководец // *Он же.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 431.

⁴⁰ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 275.

⁴¹ *Пушкин А.С.* Письмо Н.И. Гречу от 13 октября 1836 г. // *Он же.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. М., 1962.

⁴² *Пушкин А.С.* Объяснение // *Он же.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. М., 1962.

⁴³ Цит. по: *Тотфалушин В.П.* Указ. соч. С. 127.

⁴⁴ Там же. С. 128—129.

⁴⁵ Военная энциклопедия. Т. 4. СПб., 1911. С. 188.

Почему Наполеон проиграл войну с Россией в 1812 году?

Начиная поход 1812 года, Наполеон был уверен, что русские войска будут защищать территорию Российской империи. Это убеждение подкреплялось тем фактом, что западные и юго-западные губернии Российской империи были территориями бывшей Речи Посполитой, где по-прежнему располагались имения польской шляхты, которую Александр I мог считать потенциальным союзником Наполеона. В результате французский император был почти уверен, что Александр не оставит этих земель, которые могли бы стать материальной базой для Великой армии; на этих землях жила память о шляхетской Речи Посполитой — государстве, которое перестало существовать только в 1795 г. Наполеон полагал, что российские войска будут защищать богатый запасами город Вильно. Однако проведенный частями Великой армии маневр закончился неудачей: Александр I оставил Вильно и всю провинцию без боя. Еще до войны военный министр М.Б. Барклай де Толли убедил российского императора, что российская армия пока не готова к приграничному генеральному сражению с Великой армией Наполеона и необходимо отступление вглубь страны¹.

Эвакуация русских из Литвы не убедила Наполеона в том, что война растянется в глубину обширного государства. Он хотел вынудить россиян на битву, которая должна была продемонстрировать его превосходство. Именно на начальном этапе войны 1812 года Наполеон допустил ряд ошибок, которые определили ход всей кампании. В результате ему не удалось использовать характерного для других наполеоновских кампаний «гармонического соединения сил»².

В ходе маневра против разделенных российских армий, 2-й Западной генерала от инфантерии П.И. Багратиона и 1-й Западной генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли, Наполеон не использовал весь потенциал Великой армии³. Командование правым флангом войск он поручил своему малоспособному брату — королю Вестфалии Жерому, который вяло преследовал Багратиона и допустил соединение двух российских армий. Наполеон знал, насколько важным был этот участок, при этом руководствовался принципами nepотизма, поступая как политик, который «обсаживал» родными и доверенными лицами троны Европы, а не как военный вождь в преддверии решающего момента. Мираж донныне непобедимой Великой армии привел к тому, что Наполеон доверил командование над правым флангом Жерому. Вместо того, чтобы приблизиться к Минску, Наполеон не решился сам непосредственно командовать этой операцией и остался в Вильно, откуда отдавал приказы двум армиям — короля Вестфалии и формально подчиненного Жерому маршала Л.-Н. Даву. Поэтому его распоряжения были запоздалыми, не давали результатов, не соответствовали быстро менявшимся обстоятельствам.

Наполеон преждевременно остановил преследование генерала Багратиона, которому удалось беспрепятственно соединиться с силами Барклая де Толли. С другой стороны, маневр против 1-й Западной армии на укрепленный большими силами лагерь над Дриссой начался слишком поздно, а половина сил Великой армии остава-

---

лась бездейственной. Наполеон, остановившись на границе давней Речи Посполитой, ничего этим не добился, кроме огромной территории, а российская армия, целая и невредимая, готовая к бою, стояла у Смоленска.

В то же время Великая армия, занимая огромное пространство, вынуждена была применять большие силы для его прикрытия. А потери личного состава Великой армии от начала переправы через пограничную реку Неман и до перехода Днестра и Двины были огромными и составляли от 25% до 40%. Потери, прежде всего походные, стали причиной того, что Великая армия, которая в июне насчитывала более 500 тыс. солдат, у ворот Смоленска — главной стратегической позиции для дальнейшего продвижения на Москву — имела только 195 тыс. человек. Против Наполеона было все: природа, климат (падение температуры, ливни), трагическая ситуация на линиях коммуникаций — вся эта сложившаяся ситуация была следствием изменившейся обстановки и приносила большие потери в кавалерии, а неистовая дизентерия косила людей. Масштаб разложения (дезорганизации) Великой армии достиг невиданных размеров, сотни дезертиров укрепили банды, терроризировавшие население занятых территорий⁴. Наполеон не мог влиять на эти события, но ситуация, в которой оказалась Великая армия у ворот Смоленска, была следствием проведенных им операций и принятых им самим решений⁵.

После неудачи на территории бывшей Речи Посполитой Наполеон решил вынудить Барклая де Толли на сражение за Смоленск. Он не верил, что россияне оставят «главные ворота России» без боя и пребывал в уверенности, что все решится в одной большой битве. Он хотел быстрее настичь отступающую армию Барклая, максимально сохраняя концентрацию собственных сил. Вследствие этого Наполеон не обращал внимания на действия россиян на флангах Великой армии, не прислушивался к предостережениям военного министра Герцогства Варшавского князя Ю. Понятовского, который боялся, что Великую армию может постигнуть такая же катастрофа, как армию шведского короля Карла XII в 1709 г. Наполеон ошибочно считал, что отступающие россияне, которые на землях давней Речи Посполитой применяли тактику «выжженной земли», делали это из неприязни к полякам — потенциальным союзникам наполеоновской армии⁶.

Россияне в это время не оставались в бездействии. Наполеон не отреагировал должным образом на их планы, что в конечном результате привело к катастрофе на флангах Великой армии. Концентрация главных сил вокруг Наполеона, который жаждал быстрого разрешения кампании, привела к тому, что Герцогство Варшавское осталось без прикрытия. Это использовал командующий 3-й Резервной (Обсервационной) армией генерал от кавалерии А.П. Тормасов, который в начале июля получил приказ направить значительные силы конницы на Пинск и Брест. Его действия совпали по времени с попыткой генерала Багратиона вырваться из наполеоновского окружения. Багратион просил Тормасова осуществить диверсию на Пинск, чтобы ему было легче уйти на Бобруйск. Одновременно Александр I приказал Тормасову оставить на землях Подольской и Волынской губерний небольшие силы полиции и казаков (для поддержания контактов с Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова) и перейти в контрнаступление, атакуя во фланги и тылы правое крыло Великой армии. Однако вместо этого Тормасов направил кавалерию под командованием генерал-майора К.О. Ламберта в сторону Герцогства Варшавского, куда она вошла 15 июля. Хотя диверсия россиян длилась всего несколько дней (завершилась уже 17 июля,

---

когда поход казаков остановил приказ Александра I о том, чтобы генерал Торماسов, как командующий 3-й Резервной армией, предоставил фланговую поддержку для генерала Багратиона), она обусловила значительные передвижения на южном фланге.

Паника в герцогстве, размещение россиянами для прикрытия Волыни пехотного корпуса генерал-лейтенанта барона Ф.В. Остен-Сакена, а также удачное наступление генерала Торماسова на 7-й саксонский корпус генерала Ж.Л. Рейнье и победа под Кобрином вызвали ответную реакцию Наполеона. Французский император опасался, что Тормасов устремит атаку на Литву, ликвидируя на пути все незначительные этапные заставы и посты в тылу Великой армии⁷.

Угроза атаки генерала Тормасова в герцогстве, а также в Литве и Восточной Пруссии обусловила то, что из Восточной Пруссии в сторону Гродно была направлена поддержка в числе около 10 тыс. солдат, а с лагеря из-под Торна ускорено выступление саксонских рекрутов⁸.

Под влиянием заместителя военного министра Герцогства Варшавского генерала Ю. Виельгорского, виленского генерал-губернатора Д. ван Гогендорпа и министра иностранных дел империи герцога Бассано, которому доверен был надзор над литовскими властями, а также бригадного генерала Л.А. Луазона Наполеон принял решение, которое имело очень тяжелые последствия.

По первоначальным планам австрийский корпус должен был блокировать действия россиян на дороге из Киева через Мозырь, а позже продолжить марш за Великой армией. Однако Наполеон решил присоединить его к саксонцам, а общим командующим сделать генерал-лейтенанта К. фон Шварценберга. Отправляя Шварценберга на юг, Наполеон избавился от контроля над ненадежным союзником, которого вначале планировал удерживать недалеко от главных сил.

Решение Наполеона оставить на южном фланге после боя под Кобрином австрийский и саксонский корпуса, доверив общее командование над этими силами князю Шварценбергу, стало причиной того, что 3-я Резервная армия генерала Тормасова смогла без преград соединиться с войсками адмирала Чичагова. Это стало возможным после стабилизации отношений с Турцией и подписания мира в Бухаресте 26 мая 1812 г., что было большой победой российской дипломатии, которая позволила россиянам освободить силы в Молдавии и приступить к контрнаступлению на южном фланге в Белоруссии⁹.

Наполеон осознал, что решение оставить австрийский корпус на юге было рискованным. Однако он был глубоко убежден, что исход кампании решится в одном (генеральном) сражении на главном направлении. После неудачи в смоленском маневре и продолжения движения российских армий на Москву, он был уверен, что решающая битва разыграется на подступах к Москве, поэтому ситуация на флангах в конечном счете не окажет существенного влияния на ход кампании. Поэтому он пытался как можно быстрее преследовать соединенные российские армии, максимально концентрируя собственные силы, которыми намеревался решить исход всей войны.

Не принял Наполеон и предложения князя Ю. Понятовского, который предлагал начать поход на Украину двух линейных корпусов: 1-го — маршала Даву и 5-го — под командой самого Понятовского. Наполеон не решился и на более скромный план Понятовского, который предполагал «рейд» на Волынь, Подолье и Украину 5-го польского корпуса. Именно на Волыни и в Подолье польская разведка несколько лет готовила базу для начала антироссийского восстания, проникая в местные слои аристократии и

польской шляхты. В Варшавском герцогстве с 1810 г. рассматривали различные варианты ведения войны с Россией, однако восстание в этих областях обещало наибольшие шансы на успех. Принятие такого решения было бы равнозначным концепции разделения войны с Россией на двухлетнюю кампанию 1812—1813 гг. Готовили ее как в Париже, так и в Варшаве. Поляки полагали, что именно здесь Великая армия должна задержаться и, опираясь на рубежи давней Речи Посполитой, укрепиться на уже добытой огромной территории, уничтожить фланговые российские силы, угрожавшие коммуникациям, и готовиться к наступлению в следующем году, усилившись польскими и собранными со всей подчиненной Наполеону Европы солдатами¹⁰.

Император Наполеон недооценил предостережения князя Понятовского, считая, что политика «выжженной земли» закончится сразу после вступления российских войск на территории, которые принадлежали России перед первым разделом земель Речи Посполитой. Одним решением Наполеон перечеркнул работу нескольких месяцев штабов Великой армии и Герцогства Варшавского. Концепция дальнейшего похода на Москву с использованием всех сил была ошибочной со стратегической точки зрения и противоречила наполеоновской системе войны, но именно ее Наполеон признал единственно верной¹¹.

Французский император отбросил также идею о том, чтобы российские силы в Бобруйске и мозырском регионе сопровождал весь корпус Понятовского. Он решил, что для этого будет достаточно одной дивизии (первоначально на эту роль назначалась 16-я дивизия генерала И. Зайончека, но в итоге была выбрана 17-я дивизия генерала Я.Г. Домбровского), усиленной 28-й бригадой легкой кавалерии бригадного генерала Д. Дзевановского. Наполеон хорошо понимал, что силы генерала Домбровского (6 тыс. солдат, в том числе 1 тыс. конницы) против подавляющих сил россиян не могли ликвидировать угрозу, исходившую от войск генерал-майора Г.А. Игнатьева, который стоял в Бобруйске, и генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля, корпус которого проводил операции в мозырском районе. Эти войска располагали вместе около 27 тыс. солдат, кроме того Игнатьев имел около 10 тыс. человек поддержки в виде Черниговского ополчения, находившегося на левом берегу Березины¹².

Наполеон в своих концепциях не брал во внимание российские реалии и поэтому решил продолжить поход на Москву, рассчитывая, что россияне бросят на ее оборону все силы. Он считал, что россияне направят к Москве не только отступавшую от Смоленска главную российскую армию, но также силы с флангов: корпус генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна и армии Торماسова и Чичагова.

Наполеон был убежден, что россияне будут защищать свою древнюю столицу и не позволят захватить ее без боя. Он считал, что между Смоленском и Москвой произойдет битва, которая позволит ему окончить войну уже в 1812 г. и диктовать условия Александру I. Вернувшись победителем во Францию, он смог бы сконцентрировать усилия на последнем очаге, который дискредитировал его первенство в континентальной Европе — войне в Испании. Поэтому он был решительно настроен против ослабления главных сил, шедших на Москву, и оставил недостаточно войск для оперативных заданий на флангах своей армии. Тем самым Наполеон игнорировал боковые армии Витгенштейна и Чичагова, которые могли угрожать флангам и растянутым коммуникационным линиям Великой армии. Концепция похода на Москву с использованием почти всех сил без цепочек и резервов на приграничных землях огромной Российской империи была ошибочной со стратегической точки зрения

и противоречила наполеоновской системе войны. Этот план также переоценивал значение взятия Москвы¹³.

Продолжая преследовать главные российские силы 1-й и 2-й Западных армий Баркляя де Толли и Багратиона, которые под общим командованием генерала М.И. Голенищева-Кутузова¹⁴ отступали на Гжатск, Наполеон пытался вынудить россиян к битве. Вопреки ожиданиям, сражение под Бородино не закончилась окончательной победой Великой армии. Наполеон не решился использовать гвардию и, хотя российская армия потеряла около 50% солдат, она была в состоянии противостоять наполеоновским войскам и оторваться от них. Задача прикрытия была поручена атаману Войска Донского генералу от кавалерии М.И. Платову. В то же время командиром авангарда Великой армии был назначен маршал И. Мюрат¹⁵.

Российским командирам — атаману Платову, а потом генералу от инфантерии М.А. Милорадовичу удалось сдержать напор наполеоновских войск. Во время битвы за Можайск россияне успели эвакуировать сосредоточенные в городе обозы. Мюрат щедро бросал своих солдат в бой, но россиянам удалось удержать город, что дало возможность главной армии Кутузова отойти к укрепленному лагерю на реке Нара. Это был большой успех россиян, который позволил им дальше продолжить войну. Этому успеху способствовали действия генералов Милорадовича и Платова¹⁶.

Наполеон был осведомлен о неумелых действиях Мюрата, однако не сменил командира авангарда. Он позволил ему продолжить преследование россиян. Очередное столкновение на подступах к Москве у села Крымское доказало, насколько ошибочным было решение Наполеона. Мюрат атаковал арьергард российских войск, но это привело только к ненужным потерям в наполеоновской армии. Погибло несколько тысяч солдат из соединений Молодой гвардии, которых Наполеон «берег» во время битвы под Бородино, а российский арьергард отступил не уничтоженным¹⁷.

Наполеон рассчитывал на то, что Александр I не пожелает продолжать войну, однако решительность российского правителя была очень большой. Его поддерживала группа сторонников войны и Кутузов, который убеждал императора, что битва под Бородино стала большой победой над Наполеоном. Опираясь на мнение Кутузова, Александр выработал план отсечения главных наполеоновских сил от фланговых корпусов с последующим уничтожением всей Великой армии в России¹⁸.

Отсутствие реакции и мирных предложений со стороны Александра I было для Наполеона неожиданным. Он был убежден, что после захвата Москвы российский император начнет мирные переговоры. В результате ему важно было занять город в «нетронутым состоянии», что становилось его политическим козырем в мирных переговорах с царем. Особенно важными были сосредоточенные там запасы, которые он обещал измученным многомесячной кампанией солдатам.

Командующий арьергардом российских войск генерал Милорадович смог обеспечить прикрытие отступающей из Москвы главной российской армии и «шантажировал» Мюрата началом боев в городе за каждый дом и улицу с неизбежными в таком случае разрушениями, а также возможностью начала мирных переговоров после оставления Москвы без боя. Блеф удался. Милорадовичу удалось прикрыть поспешно отступающую из Москвы армию Кутузова и без каких-либо преград уйти из города. Это был очередной успех Милорадовича, который был следствием ошибочного решения Наполеона назначить командиром авангарда маршала Мюрата. Шанс уничтожить арьергард войск Кутузова был потерян¹⁹.

Наполеон был убежден, что занятие Москвы станет ударом для России и лично Александра I, который согласится на подписание мира. Однако он не ожидал получить в свои руки опустошенный город²⁰. Россиянам удалось эвакуировать из Москвы большую часть населения. Пожар Москвы, который уничтожил около 2/3 города, спровоцировал падение дисциплины и морали в Великой армии. Однако и в этот момент Наполеон рассчитывал, что Москва останется его козырем в мирных переговорах с Александром I. Он был глубоко убежден, что царская армия потерпела настолько сокрушительное поражение под Бородино, что у российского правителя не будет иного выхода, кроме мирных переговоров. Наполеону казалось, что это вопрос времени. Поэтому после нескольких дней интенсивного пожара Москвы он решился на возвращение в сожженный город²¹.

Наполеон не принимал во внимание предостережений генералов А. Коленкура и Ж. Лористона, служивших ранее посланниками в России, и вопреки их аргументам начал переговоры с Кутузовым²². В результате французский император пять недель ожидал в Москве предложений от Александра I. Это время позволило россиянам реорганизовать свои силы, главная армия Кутузова находилась в обеспеченном тылу в районе Калуги, Чичагов угрожал южному флангу Великой армии, а Витгенштейн — северному²³.

Только атака российских войск под Тарутино пробудила Наполеона из «летаргического сна». Он решил противодействовать российскому контрнаступлению и атаковать Кутузова. Однако вскоре стало очевидно, что Кутузов не преследует войск маршала Мюрата и задержался под Тарутином. В этой ситуации Наполеон отказался от фронтального наступления на Кутузова и решил перейти со старого на новый калужский тракт, через Боровск и Малоярославец обойти Кутузова и войти перед ним в Калугу. Это был хороший план, который мог еще изменить судьбу войны, давал Великой армии возможность перезимовать в районе Калуги и Тулы благодаря запасам продуктов, фуража и военного обеспечения, накопленным с большими усилиями всей Россией. Главная цель маневра состояла в том, чтобы отрезать российскую армию от этого региона, являвшегося ее операционным фундаментом²⁴.

Однако осуществление плана — последнего французского наступательного маневра кампании 1812 года — закончилось неудачей, за которую в наибольшей степени ответственен сам Наполеон. Главной причиной неудачи стала слабая мобильность Великой армии. Огромные обозы, переполненные трофеями из Москвы, тормозили движение войск и не давали возможности исправно провести операцию. Наполеон понимал, что только уничтожение частных повозок может увеличить мобильность армии. Однако он не решился отдать такой приказ, опасаясь, что это может привести к беспорядкам и даже бунту среди солдат. Ведь солдатам были обещаны богатые трофеи, а принцип, действовавший с начала революционных войн, гласил, что войска обеспечиваются за счет местного края и населения. Кроме того, в обозах находились провизия и фураж, а также легкораненые²⁵.

Только после перехода через покрытый льдом Днепр Наполеон принял запоздалое решение об уничтожении корпусных багажей и обозов. В Орше французская жандармерия сожгла часть фургонов, которые перекрывали дорогу, задерживая движение Великой армии²⁶.

Наполеон хорошо понимал, что успех калужского маневра зависел от занятия Малоярославца и находившейся там переправы через реку Лужа. Это была един-

---

ственная позиция, с которой россияне могли преградить дорогу Великой армии на Калугу. Наполеон знал, что успех маневра будут определять часы. Его реализация создавала основу для продолжения кампании в следующем году без дополнительных боевых потерь Великой армии, которые были неизбежными в случае столкновения с Кутузовым²⁷.

Несмотря на столь большое значение маневра, Наполеон 23 октября 1812 г. задержался с главными силами Великой армии в Боровске, а наступление на Малоярославец продолжал только авангард наполеоновских войск — 4-й итальянский корпус вице-короля Е. Богарне. Вице-король не выполнил должным образом данное ему поручение, командира его авангарда А.Ж. Дельзона (1-я пехотная дивизия) опередили россияне. Из-за своей беспечности Наполеон не использовал единственного шанса для занятия региона Калуги и Тулы²⁸.

После кровавой битвы под Малоярославцем Наполеон не стал преследовать отступавшие российские войска Кутузова, которые направились на Гончарово и дальше к переправе через Оку. Не решился он и возвращаться в Смоленск через южные губернии дорогой на Медынь, Юхнов и Ельню, хотя войска Кутузова оставляли свободный путь, отойдя на юг в сторону Оки. Это была самая большая ошибка Наполеона за всю войну с Россией в 1812 г. и одна из важнейших в истории всех наполеоновских войн²⁹.

Возвращение на старый опустошенный смоленский тракт, морозы и эпидемия гриппа, поразившая каждого десятого из наполеоновских солдат, — все это имело катастрофические последствия для Великой армии. Наполеон осознавал тяжесть ситуации, в которой оказалась его армия, а главной целью движения стал Смоленск. Командование Великой армии получило приказы сооружения в Смоленске огромных складов с провизией и военным снабжением. Именно здесь на границах давней Речи Посполитой Наполеон планировал перезимовать с Великой армией и весной 1813 г. начать контрнаступление. В ходе движения по старому смоленскому тракту Наполеон не мог обеспечить провизией всю армию, решив сохранить лучших солдат — гвардию и жертвуя солдатами линейных корпусов³⁰.

Резкое падение температуры, отсутствие теплой одежды и питания, бушующий грипп, вши и тиф — все это привело к многочисленным потерям среди солдат Великой армии³¹. С другой стороны, слишком большое растяжение линейных корпусов Великой армии создавало угрозу уничтожения всей армии россиянами³².

Французские линейные корпуса могли быть полностью уничтожены уже под Вязьмой. Им удалось пробиться за счет действий поляков генерала Зайончека, итальянцев вице-короля Евгения и солдат 3-го корпуса маршала М. Нея. Помогли им также известные «золотые мосты» Кутузова, чья пассивность и нежелание оказать поддержку авангарду генерала Милорадовича спасли от гибели линейные корпуса Великой армии³³.

Войдя в Смоленск, Наполеон увидел, что город не был отстроен — высшие чины Великой армии не выполнили его приказа. Крепость была совсем не готова принять соединения Великой армии на период зимы 1812—1813 гг. Наполеон рассчитывал, что Великая армия, удерживая город, перезимует, опираясь флангами на Двину и Днепр, и с этой позиции начнет наступление весной 1813 г.³⁴ Сложившаяся стратегическая ситуация окончательно вынудила Наполеона изменить планы. Отрицательное влияние на отстройку Смоленской крепости оказали слишком широкие задачи,

---

которые Наполеон дал губернаторам Смоленской провинции и военным губернаторам Смоленска. Они должны были стеречь отдаленные от города этапные пункты Гжатск, Дорогобуж и Вязьму³⁵.

С другой стороны, предыдущее решение Наполеона после битвы под Кобрином, когда командиром наполеоновских сил на южном фланге был назначен генерал Шварценберг, стало причиной того, что инициативу перехватили россияне, и армия адмирала Чичагова заняла всю Минскую провинцию со складом провизии в Минске³⁶. Таким образом, был утрачен шанс перехода линейных корпусов (5-го — генерала Зайончека и 7-го — генерала Жюно) на земли Белоруссии³⁷.

После занятия Смоленска Наполеон осуществил реорганизацию Великой армии с целью сохранения оставшегося костяка Великой армии для войны 1813 года. Однако у Наполеона было мало времени, тогда как губернатор Смоленской провинции дивизионный генерал Л.А. Барагэ д'Илье не выполнил порученного ему задания — обеспечения защиты дороги через Медынь, Юхнов, и Ельню на Смоленск. Контроль этого пути мог обезопасить Великую армию от обхода россиянами Смоленской крепости с юга³⁸.

В столь неблагоприятных условиях Наполеон приложил в Смоленске все усилия, чтобы реорганизовать Великую армию, которая в момент выхода из города насчитывала около 50 тыс. солдат. Благодаря этому она была в состоянии отбить российские атаки под Красным³⁹. Однако Наполеон допустил большую ошибку, позволив своей армии выступить на Оршу пятью колоннами, хотя имел данные, что летучие соединения российской армии опередили его войска, двигаясь южным трактом через Ельню, и могли перерезать французской армии путь возвращения⁴⁰. Россияне действовали иначе — пропустив гвардию Наполеона, атаковали поодиночке двигавшиеся в тылу линейные корпуса Е. Богарне, Даву и Нея. Наполеон не мог их оставить, в противном случае Великая армия перестала бы существовать.

В битве под Красным Кутузов не стремился к окончательной расправе над Наполеоном. Несмотря на героическую борьбу французской гвардии, Великая армия не уцелела бы, если бы российский главнокомандующий не позволил наполеоновским войскам оторваться и продолжить движение на запад.

Во время переправы через Березину Наполеон занял крайне выгодную позицию. 26 ноября 1812 г. ему удалось без особых усилий ввести в заблуждение адмирала Чичагова и захватить мостовые укрепления на правом берегу реки, подготовив мосты к переправе. В результате он предотвратил угрозу уничтожения всей армии.

Удержание наступления российских войск на линии Немана и Буга позволило бы Наполеону возобновить войну с Россией весной 1813 г. уже с «новой» Великой армией. Однако Наполеон решил, что успешная переправа через Березину открывала перед ним возможность разбить армию Чичагова, которая численно не превосходила Великой армии. Поэтому он не решился на немедленное выступление в сторону Вильно и не покинул Березину до прибытия в район Студенки российской армии генерала Витгенштейна. В планах Наполеона победа в сражении с армией Чичагова должна была послужить целям пропаганды, восстановить образ победителя в глазах Европы⁴¹. В целом битва под Стахово была очередной ошибкой, потому что Наполеон имел возможность продолжить движение на запад без боя. Однако так называемый «маневр со среднего (центрального) положения»⁴², битва на обоих берегах реки под Стахово и Студенкой с армиями Чичагова и Витгенштейна (90 тыс. россиян про-

тив 40 тыс. наполеоновских солдат) стали большим успехом Наполеона, которому удалось вывести войска из этого положения⁴³.

Подытоживая, нужно подчеркнуть, что Наполеон проиграл войну с Россией в 1812 г. в значительной степени вследствие собственных ошибочных решений. Они возникли из подходов, которые оказались неприменимы в такой войне. Убеждение Наполеона, что в одной решающей битве он одержит сокрушительную победу над россиянами и решит судьбу всей войны заставило его отказаться от уже выработанного плана двухлетней кампании с остановкой в Смоленске. Оставив в тылу небольшие силы, он отдал там инициативу в руки россиян. Наполеон не воспользовался шансом уничтожить армию Кутузова во время битвы под Бородино и под Малоярославцем. Вера в то, что Александр I согласится подписать мир, обусловила пять недель бездействия в Москве в ожидании предложений мирного договора, за сотни километров от баз провизии. Решение о возвращении на старый смоленский тракт оказалось катастрофическим для Великой армии. Также ошибочными были решения двигаться на запад от Смоленска через Красное и Оршу пятью колоннами и о битве под Стахово с Чичаговым.

Примечания

- ¹ М.Б. Барклай де Толли осознавал преобладание Великой армии и рассредоточение российских сил вдоль западной границы на линии в 800 километров, поэтому предлагал отступить вглубь России. Эта концепция первоначально вызвала протест царя Александра I. Он боялся, что западные губернии (бывшие земли Речи Посполитой) выступят за Наполеона, который также получит поддержку со стороны поляков в Литве.
- ² Clausewitz K. O wojnie. Warszawa, 1928. S. 36.
- ³ Kukiel M. Wojny napoleońskie. Warszawa, 1927. S. 211; *tenże*. Wojna 1812 roku. T. 1. Kraków, 1937. S. 409, 434–435.
- ⁴ Селективный отбор донесений, демонстрирующих драматизм тех моментов, представлен в работе Пауля Бриттена Аустина, который 20 лет собирал отчеты и донесения чинов Великой Армии, участвовавших в войне с Россией 1812 года. См.: Austin P.B. 1812. Marsz na Moskwę. Gdynia, 2002. S. 657.
- ⁵ Archiwum Państwowe w Krakowie (далее — APK), Archiwum Chłopickiego (далее — ACHŁ), sygn. 9, k. nlb.; APK, Zespół Zygmunta Gloggera, sygn. 809, k. 26–27; Gazeta Warszawska (далее — GW). 1812. № 97. S. 1819–1821; Gazeta Korespondent Warszawski i Zagraniczny (далее — GKWiZ). 1812. № 92. S. 1475; Correspondance Inédite de Napoléon I Conservée aux Archives de Guerre. T. 5. Paris, 1911–1914. № 7537. P. 542; Thiers A. Historia Konsulatu i Cesarstwa. T. 7. Warszawa, 1858. S. 430, 477–479; Lejeune L.F. Mémoires du général Lejeune. T. 2. Paris, 1895. P. 185–188; Fezensac R.E.P. Journal de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1850. P. 224–225; Kukiel M. Wojny... S. 218–219; *tenże*. Manewr smoleński, Ze studjów nad strategicznym manewrem zaczepnym. Warszawa, 1927. S. 96–97; *tenże*. Wojna 1812... T. 1. S. 365; T. 2. S. 129; Kirkor S. Legia Nadwiślańska 1808–1814. Londyn, 1981. S. 195; Dempsey G.C. U boku Napoleona. Jednostki cudzoziemskie w armii francuskiej w czasach Konsulatu i Cesarstwa 1799–1814. Warszawa, 2005. S. 307; Bielecki R. Wielka Armia. Warszawa, 1995. S. 307, 313; Oman C. Napoleon's viceroy – Eugène de Beauharnais. London, 1966. P. 350; Lachouque H. The Anatomy of glory. Napoleon and his guard. London, 1861. P. 265–266; Kowalczyk R. Katastrofa Wielkiej Armii w Rosji w 1812 roku. Łódź, 2007. S. 93.
- ⁶ Sanguszko E. Pamiętniki księcia Eustachego Sanguszki 1786–1815. Kraków, 1876. S. 79; Dembiński H. Pamiętnik Henryka Dembińskiego, generała wojsk polskich. Poznań, 1860. S. 124; Brandt H. Pamiętnik oficera polskiego (1808–1812). T. 2. Warszawa, 1904. S. 47; Gajewski F. Pamiętnik Franciszka z Błociszewa Gajewskiego, pułkownika wojsk polskich (1802–1831). T. 1. Poznań, 1913. S. 229; Załuski J. Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim gwardyi Napoleona I. Kraków, 1862. S. 256; Niemcewicz J.U. Pamiętniki 1811–1820. T. 1. Poznań, 1874. S. 364–365; Jezierski E. Bóg wojny – Napoleon Bonaparte. Warszawa, 1921. S. 76; Kukiel M. Wojna 1812. T. 2. S. 131–132; *tenże*. Dzieje oręża polskiego w epoce napoleońskiej 1795–1815. Poznań, 1912. S. 260–261, 311–312; *tenże*. Wojny... S. 211–212, 217; Aske-

- nazy S.* Książę Józef Poniatowski 1763—1813. Warszawa, 1974. S. 235; *Skowronek J.* Książę Józef Poniatowski. Wrocław, 1986. S. 221; *Pachoński J.* Generał Jan Henryk Dąbrowski 1755—1818. Warszawa, 1981. S. 423; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 30, 49.
- ⁷ *Willaume J.* Obrona Księstwa Warszawskiego w 1812 r. // Odbitka z Przeglądu Historyczno-Wojskowego. 1930. T. 3. № 2. S. 148, 151, 154; 1812. Le duel des deux empereurs. Traduit de l'anglais par Claude Yelnik et Jean d'Hendecourt. Paris, 1987. P. 385; *Dodge T.A.* Napoleon's invasion of Russia. London, 2008. P. 239; Dziennik Departamentowy Łomżyński. 1812. № 27, № 43; GW. 1812. № 88. S. 1675; GKWiZ. 1812. № 96. S. 1539—1542; *Thiers A.* Historia Konsulatu. T. 7. S. 629; Raporty z 1812 r. RkpS. 1033 // Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku (далее — BP PAN). K. 77; *Dąbrowski J.H.* Memoire concernant les opérations de la 17. division sous les ordres du gén. J. H. Dąbrowski, 23.VIII—28.XI.1812. RkpS. 335 // Biblioteka Polska w Paryżu (далее: BP Paryż). K. 399; Papiery emigrantów Litera K: Karol Otto Kniaziewicz gen. BP Paryż. RkpS. 481—1. K. 222; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года. Т. 1. СПб., 1859. С. 315—316; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 35—36.
- ⁸ *Willaume J.* Obrona Księstwa. S. 153; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 39.
- ⁹ Journal de l'Empire. 1812. 12 août. P. 1; Gazette de France. 1812. № 226. 12 août. P. 895; Gazette de France. 1812. № 252. 8 septembre. P. 1006; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 36, 40; tenże. Wojny... S. 213; *Thiers A.* Historia Konsulatu. S. 477—479; *Willaume J.* Obrona Księstwa Warszawskiego. S. 153; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 97.
- ¹⁰ APK, Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów (далее — AMCH). Sygn. 1299. L. 16; APK, Archiwum Krzeszowickie Potockich. Sygn. 298. K. 21—22; *Thiers A.* Historia Konsulatu. S. 477—479; *Willaume J.* Obrona Księstwa Warszawskiego. S. 153; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 36; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 267.
- ¹¹ *Sanguszko E.* Pamiętniki księcia Eustachego. S. 79; *Dembiński H.* Pamiętnik Henryka Dembińskiego. S. 124; *Brandt H.* Pamiętnik oficera polskiego. T. 2. S. 47; *Gajewski F.* Pamiętnik Franciszka z Błociszewa. T. 1. S. 229; *Jeziński E.* Bóg wojny. S. 76; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 1. S. 409, 434—435; T. 2. S. 131—132; tenże. Dzieje oręża polskiego. S. 260—261, 311—312; tenże. Wojny... S. 211; *Askenazy S.* Książę Józef. S. 235; *Skowronek J.* Książę Józef. S. 221; *Camon H.* Napoleoński system wojny. Warszawa, 1926. S. 61—61; *Clausewitz K.* O wojnie. S. 36, 330; tenże. Campaign of 1812. London, 1992. P. 192; *Jomini H.* Zarys sztuki wojennej. Warszawa, 1966. S. 67, 70, 85, 93; *Pachoński J.* Generał Jan Henryk Dąbrowski. S. 423; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 50—52.
- ¹² *Dąbrowski J.H.* Memoire concernant les opérations de la 17. Rkps. 335. BP Paryż. K. 365; Papiery płk. Piotra Łagowskiego. T. 8. BP Paryż. RkpS. 431. K. 242; GW. 1813. Dod. № 1. S. 10; *Staszewski J.* Generał Dominik Dziewanowski. Poznań, 1933. S. 55—63; *Kukiel M.* Wojny. S. 213; *Bloch C.* Generał Ignacy Prądzyński. Warszawa, 1974. S. 38; *Pachoński J.* Generał Jan Henryk Dąbrowski. S. 426—427; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 20, 51, 221—223.
- ¹³ *Skarbek F.* Dzieje Księstwa Warszawskiego. T. 3. Warszawa, 1898. S. 95, 102—104; *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 204—205, 221—222, 229; tenże. Wojny... S. 226, 228, 233—235; *Jomini H.* Zarys sztuki... S. 84; *Camon H.* Napoleoński system. S. 61—62; *Clausewitz K.* O wojnie. S. 36, 330; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 50—52.
- ¹⁴ 5 (17) августа 1812 г. главнокомандующим всеми русскими армиями был назначен генерал от инфантерии князь М.И. Голенищев-Кутузов. Барклай де Толли остался главнокомандующим 1-й Западной армией.
- ¹⁵ *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 202—203; tenże. Dzieje oręża polskiego. S. 324; tenże. Wojny... S. 224—225; *Szyndler B.* Dyktator. Generał Józef Grzegorz Chłopicki 1771—1854. Częstochowa, 1998. S. 56; *Kirkor S.* Legia... S. 204—205; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 15—16; tenże. Małajarosławiec 1812. Warszawa, 2008. S. 7—9.
- ¹⁶ *Séгур Ph.* Pamiętniki adjutanta cesarza Napoleona. Warszawa, 1967. S. 106—107; *Brandt H.* Pamiętnik oficera polskiego. T. 2. S. 215; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 202—203; tenże. Dzieje oręża polskiego. S. 326; *Zych G.* Armia Księstwa Warszawskiego 1807—1812. Warszawa, 1961. S. 323; *Szyndler B.* Dyktator... S. 57; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 16—18; tenże. Małajarosławiec 1812. S. 8—9, 13—15.
- ¹⁷ *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 204—205; *Kowalczyk R.* Małajarosławiec 1812. S. 20—25.
- ¹⁸ *Kukiel M.* Dyktatura wojskowa we Francji i dyktatura francuska w Europie (1795—1815) // Wielka Historia Powszechna. Od wielkiej rewolucji do wojny światowej 1789—1914. T. 6. Cz. 2. Warszawa, 1936. S. 215; *Bazyłow L.* Rosja // Europa i świat w epoce napoleońskiej. Warszawa, 1988. S. 313.
- ¹⁹ GKWiZ. 1812. № 96. S. 1426; GW. 1812. № 96. S. 1807; *Séгур Ph.* Pamiętniki adjutanta cesarza. S. 118; *Wilson R.* Narrative of events during the invasion of Russia. London, 1860. P. 163—166; *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 212—213; tenże. Dzieje oręża polskiego. S. 328; *Tarle E.* Napoleon. Warszawa, 1960. S. 310; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 37—40; tenże. Małajarosławiec 1812. S. 45—46.

- ²⁰ *Skarbek F.* Dzieje Księstwa. T. 3. S. 101; *Kukiel M.* Wojna 1812. S. 205; *tenże.* Dzieje oręża polskiego. S. 334–336; *Jeziernski E.* Bóg wojny. S. 76; *tenże.* Książę Józef Poniatowski. Warszawa, 1933. S. 277; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 37–39; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 45–46.
- ²¹ *Ségur Ph.* Pamiętniki adjutanta cesarza. S. 130; *Brandt H.* Pamiętnik oficera polskiego. T. 2. S. 112; *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki 1811. T. 1. S. 366; *Niedzielski K.* Wojna w roku 1812. Warszawa, 1913. S. 121; *Kukiel M.* Dzieje oręża polskiego. S. 333; *tenże.* Wojna 1812... T. 2. S. 215–216; *tenże.* Wojny... S. 227; *Skarbek F.* Dzieje Księstwa. T. 3. S. 104–106; *Kirchheim F.M.* Napoleon I. T. 2. Katowice, 1931. S. 218; *Askenazy S.* Książę Józef. S. 236; *Skatkowski A.M.* Rok 1812. Opowiadania z dziejów wielkiej wojny. Lwów, 1912. S. 96, 102–103, 108; *Sokolnicki M.* Generał Michał Sokolnicki 1760–1815. Kraków, 1912. S. 231–232; *Manfred A.* Napoleon Bonaparte. Warszawa, 1982. S. 702; *Zahorski A.* Napoleon. S. 405; *Bielecki R.* Napoleon. Warszawa, 1973. S. 263–264; *Zych G.* Armia Księstwa. S. 332–334; *Skowronek J.* Książę Józef. S. 221; *Brett-James A.* 1812 Eyewitness accounts of Napoleon's defeat in Russia. London, 1966. P. 207; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 70, 72, 91, 96; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 66–68.
- ²² *Niedzielski K.* Wojna w roku. S. 138, 142; *Skarbek F.* Dzieje Księstwa. T. 3. S. 101; *Skatkowski A.M.* Rok... S. 99; *Kukiel M.* Dzieje oręża polskiego. S. 335–336; *tenże.* Wojna 1812. T. 2. S. 253; *Jeziernski E.* Bóg wojny. S. 76; *Bielecki R.* Napoleon. S. 264; *Tarle E.* Napoleon. S. 315; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 100, 101–104; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 77–78, 80–83.
- ²³ *Kukiel M.* Dzieje oręża polskiego. S. 340; *tenże.* Wojna 1812... T. 2. S. 316; *tenże.* Wojny... S. 228; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 124–128; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 97–101.
- ²⁴ *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 124–128; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 97–101.
- ²⁵ *Falkowski J.* Obrazy z życia kilku ostatnich pokoleń. T. 5. Poznań; Kraków, 1887. S. 155; *Gembarzewski B.* Wojsko Polskie 1807–1814. Warszawa, 1912. S. 125; *Nadzieja J.* Generał Józef Zajączek 1752–1826. Warszawa, 1975. S. 452; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 245.
- ²⁶ *Falkowski J.* Obrazy z życia kilku ostatnich pokoleń. T. 5. S. 155; *Gembarzewski B.* Wojsko Polskie 1807–1814. Warszawa, 1912. S. 125; *Nadzieja J.* Generał Józef Zajączek 1752–1826. Warszawa, 1975. S. 452; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 245.
- ²⁷ *Ségur Ph.* Pamiętniki adjutanta cesarza. S. 151; *Tarle E.* Napoleon. S. 319; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 131–132; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 97–101.
- ²⁸ *Glover M.* A very slippery fellow. The life of sir Robert Wilson 1777–1849. London, 1978. P. 120–121; *Ségur Ph.* Pamiętniki adjutanta cesarza. S. 152; *Fisher H.A.L.* Napoleon. London, 1932. P. 120–121; *Oman C.* Napoleon's viceroy. P. 342; *Lachouque H.* The Anatomy of glory. P. 248–250; *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 319, 321; *tenże.* Wojny... S. 229; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 133–137; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 127–128.
- ²⁹ *Chandler D.* The Campaigns of Napoleon. London, 1967. P. 857–858; *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 319, 321, 329; *tenże.* Wojny... S. 229; *Glover M.* A very slippery fellow. P. 120–121; *Załuski J.* Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim. S. 270; *Oman C.* Napoleon's viceroy. P. 342; *Lachouque H.* The Anatomy of glory. P. 248–250; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 154–164, 168–173; *tenże.* Małojarosławiec 1812. S. 157–163, 166, 176–178.
- ³⁰ *Bourgogne A.* Pamiętniki sierżanta Bourgogne'a. T. 1. Warszawa, 1899. S. 92, 95, 115; *Gajewski F.* Pamiętnik Franciszka z Błociszewa. T. 1. S. 264; *Sanguszko E.* Pamiętniki księcia Eustachego. S. 111; *Dembiński H.* Pamiętnik Henryka Dembińskiego. S. 179, 181–183; *Płaczkowski W.* Pamiętniki weterana napoleońskiego Wincentego Płaczkowskiego. Warszawa, 1899. S. 150, 152; *Jelski L.* Marsze i działania korpusu polskiego w kampanii moskiewskiej 1812. Od Mohylowa do końca zaczepnej wojny // Pamiętniki polskie. T. 3. Paryż, 1845. S. 74–76; *Smarzewski M.* Pamiętniki 1809–1831. Wrocław, 1962. S. 68–69; *Niedzielski K.* Wojna w roku... S. 171–172; *Skarbek F.* Dzieje Księstwa. S. 108; *Skatkowski A.M.* Rok... S. 123; *Jeziernski E.* Bóg wojny. S. 77; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 343, 349; *tenże.* Dzieje oręża polskiego. S. 360; *Bielecki R.* Marszałek Ney. Warszawa, 1998. S. 126; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 190.
- ³¹ Evidence for louse-transmitted diseases in soldiers of Napoleon's Grand Army in Vilnius // The Journal of Infectious Diseases. 2006. № 193. P. 112–120; Vilna 1812–Vilnius 2002. Les oubliés de la retraite de Russie. Paris, 2008. P. 26, 28, 30, 32.
- ³² *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 339; *Gallaher J.G.* Żelazny marszałek. Biografia M.L. Davouta. Gdańsk, 2000. S. 270–271.
- ³³ *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 210–212.
- ³⁴ *Chénier G. de.* Histoire de la vie militaire, politique et administrative du maréchal Davout, duc d'Auers- taedt, prince d'Eckmül (d'après les documents officiels). Paris, 1866. P. 387; *Bouvery A.* 1812. Cent ans après. Rostopchin et Kutusof. Documents authentiques relatifs à l'Histoire de la campagne de la Moskwa jusqu'au retour de Napoléon à Paris. Paris, 1912. P. 193; *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. Notes et

- documents. Paris, 1912. P. 74; *Roos H.* 1812. Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée. Paris, 1913. P. 162; Souvenirs de J.R. Coignet. Paris, 1851. P. 151; *Muralt A. de, Legler T.* Bérésina. Souvenirs de la campagne de Russie de 1812. Neuchâtel; Paris, 1942. P. 94; Souvenirs militaires par le baron Berthezène, Lieutenant général, Pair de France, Grand-Croix de la Légion d'honneur. Paris, 2005. P. 297; *Hulot F.* Murat. Paris, 1998. P. 264; *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 349; *Fillion A.* La Bérésina. Racontée par ceux qui l'ont vécue. 26, 27, 28 et 29 novembre 1812. Paris, 2005. P. 84; *Hulot F.* Le maréchal Davout. Paris, 2003. P. 181; *Tabour J.P.* Le général Drouot, Fils de boulanger! Aide de camp de l'Empereur. Paris, 2004. P. 127; *Dodge T.A.* Napoleon's invasion of Russia. P. 237; *Gervais C.* À la conquête de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de l'Empire. Paris, 2009. P. 248; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 191, 204, 211–212, 214–215.
- ³⁵ APK, AMCH. Sygn. 554. K. 7; List ze Smoleńska datowany na 12 października 1812 roku // Papiery dotyczące Legionów Polskich we Włoszech i wojen napoleońskich. Listy i pisma urzędowe, manifesty i noty 1796–1815. Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu (MAM Paryż). Rkps. 1091. K. nlb.; Pigeard A. La Garde impériale 1804–1815. Paris, 2005. P. 356–357, 371; *Delaître F.* Baron Charles Delaitre général d'Empire. Cavalier de la Garde des Mameloucks aux Lanciers de Berg. Sceaux, 2008. P. 233–234; *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 250; *Kirkor S.* Legia. S. 212; *Dempsey G.C.* U boku. S. 44–45.
- ³⁶ GW. 1812. № 97. S. 1830; № 99. S. 1591; *Dąbrowski J.H.* Memoire concernant les opérations de la 17. BP Paryż. Rkps. 335. K. 466, 468; *Jelski L.* Marsze i działania korpusu polskiego w kampanii moskiewskiej 1812. S. 77; *Kołaczkowski K.* Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego. T. 1. Kraków, 1898. S. 156; *Kozłowski K.* Historia 1-go potem 9-go pułku Wielkiego Księstwa Warszawskiego. Poznań, 1887. S. 88; *Chłapowski D.* Pamiętniki 1806–1813. T. 1. Poznań, 1899. S. 132; *Sanguszko E.* Pamiętniki księcia Eustachego. S. 112, 116; *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki 1811. T. 1. S. 386; *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 349; *Jeziński E.* Bóg wojny. S. 77; *Bielecki R.* Marszałek. S. 131–132; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 224–225; *Muhlstein A.* Napoléon à Moscou. Paris, 2007. P. 247.
- ³⁷ Papiery emigrantów. Litera K: Karol Otto Kniaziewicz gen. BP Paryż. Rkps. 481–1. K. 48; *Cate C.* La campagne de Russie 1812. Paris, 2006. P. 379; *Kukiel M.* Wojna 1812... T. 2. S. 351.
- ³⁸ *Caulaincourt A.* Wspomnienia z wyprawy na Moskwę 1812 r. Gdynia, 2006. S. 277; *Coustumier J.* Le maréchal Victor, Claude Victor Perrin (1764–1841). Paris, 2004. P. 195; *Tarin J.P.* Le maréchal Victor. Loyal sous Napoléon, fidèle sous la Restauration. Paris, 2006. P. 195; *Dodge T.A.* Napoleon's invasion of Russia. P. 234; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. P. 223–224.
- ³⁹ *Clausewitz C.* The Campaign of 1812. London, 1992. P. 98; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. P. 231; *Boudon J.O.* La France et l'Europe de Napoléon. Paris, 2006. P. 264; *Villepin D. de.* La chute ou l'Empire de la solitude 1807–1814. Paris, 2008. P. 276; *Nafziger G.F.* Napoleon's... P. 305; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. P. 233–234.
- ⁴⁰ APK, AMCH, sygn. 1299, k. 24; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 234–235.
- ⁴¹ *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 251–252.
- ⁴² *Bielecki R.* Wielka... S. 282.
- ⁴³ *Kukiel M.* Wojna 1812. T. 2. S. 419, 438; *tenże.* Wojny... S. 232; *Skatkowski A.M.* Rok... S. 149–150; *Skarbek F.* Dzieje Księstwa... T. 3. S. 109; *Niedzielski K.* Wojna w roku... S. 203; *Zych G.* Armia Księstwa. S. 380–382; *Bielecki R.* Napoleon. S. 275–276; *tenże.* Berezyna 1812. Warszawa, 1990. S. 85, 162–163, 165–166, 200–204; *Kowalczyk R.* Katastrofa Wielkiej Armii. S. 252–253, 261.

Отечественная война 1812 года и судьба Дунайской армии

В 1979 г. видный специалист по истории Отечественной войны 1812 года Б.С. Абалихин подчеркивал, что особенно слабо освещен ход войны на юго-западном театре военных действий, поскольку в ее библиографии, насчитывающей несколько тысяч работ, нет ни одного специального исследования, отражающего вклад 3-й Западной и Дунайской армий в разгром наполеоновского нашествия¹. Сам Б.С. Абалихин сыграл значительную роль в изучении юго-западного фланга, продолжив тем самым исследования А.Н. Попова, оставившего наиболее заметное наследие по данной теме в дореволюционной литературе. Но и сегодня число работ по истории Дунайской армии на несколько порядков меньше тех, что вышло по истории центрального участка войны. И соотношение трудов в этой области не только не сокращается, но еще больше увеличивается.

Вместе с тем, у Дунайской армии было, как минимум, три важных заслуги в деле разгрома Наполеона еще до начала войны 1812 года. Она вывела из потенциальных союзников наполеоновской Франции Турцию, заставила изменить свои планы Австрию, заключившую с Россией тайную конвенцию, и подготовила многие тысячи солдат и офицеров, а также и генералов (достаточно упомянуть М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, М.А. Милорадовича, М.А. Платова) для последующих сражений с наполеоновскими войсками.

Дунайская (Молдавская или Южная, как она также называлась) армия была создана для ведения очередной войны с Турцией. Начало этой новой русско-турецкой войны, продолжавшейся с 1806 г. по 1812 г., объяснялось не только ухудшением отношений между Россией и Турцией, но было вызвано, прежде всего, заметным обострением международных отношений вообще и, в первую очередь, тогдашними российско-французскими столкновениями, которые вскоре после восшествия Александра I на престол вышли на первый план во внешней политике.

В марте 1801 г. Александр I не ставил перед собой задачи проведения активной внешней политики и, тем более, присоединения к России каких-либо земель на западе своей страны. Об этом свидетельствует такой важный источник как журнал заседаний Негласного комитета молодых друзей императора, на котором решались основные вопросы внутренней и внешней политики России начала XIX в.²

Однако международные отношения менялись стремительно. Уже в инструкции новому российскому послу в Стамбуле А.Я. Италинскому от 30 августа 1802 г. прямо предписывалось следить за поведением французской миссии в Турции и разрушать ее происки³. Вскоре тревога российской дипломатии еще более усилилась, поскольку в Петербург в ноябре 1802 г. из разных источников стали поступать известия о подготовке французских войск к высадке на Адриатическое побережье с целью занятия ряда пунктов, расположенных на границах Османской империи. Одновременно поступили сведения о связях французов с мятежными турецкими пашами Пазвандоглы и Али-пашой Янинским⁴, а затем о проникновении французских эмиссаров в

Белград и Видин и о контактах черногорского митрополита Петра I Негоша с французами. Об активизации французских эмиссаров на Нижнем Дунае сообщал и российский консул в Яссах А.А. Жерве в январе 1803 г.⁵ Как отмечается в литературе, политические агенты Франции наводнили Молдавию и Валахию⁶.

В 1804 г. Наполеон заявил о необходимости сближения с Турцией, которая согласилась на это предложение⁷. Турецкий султан Селим III признал Наполеона императором и, более того, приветствовал в его лице «самого давнего, самого верного и необходимого союзника» Турции⁸. И это при том, что существовал союзный договор России с Турцией от 1799 г., который сама Турция в 1804 г. предложила возобновить и гарантировать сохранение существующих границ. Пресбургский мир, заключенный Францией и Австрией в декабре 1805 г., приведший к распаду 3-й антинаполеоновской коалиции, среди прочего, способствовал захвату Наполеоном Истрии и Далмации, т.е. укреплению наполеоновской Франции на Западных Балканах.

Было ясно, что этим Наполеон не ограничится и будет добиваться дальнейшего проникновения и в другие регионы Юго-Восточной Европы. Члены Дивана, ориентировавшиеся на Россию, заменяются сторонниками Франции⁹. А затем прибывший в августе 1806 г. в Стамбул французский генерал Г.Ф. Себастиани, в соответствии с полученными предписаниями, составленными в июне 1806 г., повел политику обострения русско-турецких отношений и создания союза Франции, Турции и Персии, прямо направленного против России¹⁰. С помощью Себастиани в турецкую армию были отправлены французские офицеры-инструкторы¹¹. Эта политика дала свои плоды, и вскоре Селим III заменил пророссийских господарей. В августе 1806 г., вопреки семилетнему сроку правления господарей, лишились престолов в Молдавии Александр Морузи, а в Валахии Константин Ипсиланти. Вместо первого назначается Скарлат Каллимахи, а второго — Александр Суцо, известные своими профранцузскими симпатиями. Протесты России не были приняты во внимание, несмотря на русско-турецкие договоренности, в том числе и на соглашение 1802 г.¹²

Турция стала готовиться к введению своих войск в Молдавию и Валахию, оживилась деятельность турецких эмиссаров на Кавказе. Был затруднен проход русских судов через проливы Босфор и Дарданеллы. В этих условиях русская сторона должна была принять решительные и эффективные меры, чтобы отстоять свои интересы и обезопасить свои юго-западные границы. Еще в конце 1805 г. часть русских войск была расположена на южных границах России по Днестру, чтобы в случае необходимости быстро перейти границу и вступить в княжества¹³. К моменту объявления войны Южную или Молдавскую армию возглавлял генерал от кавалерии И.И. Михельсон, которому было уже 66 лет. В состав этой армии изначально входили 1-й корпус под командованием генерал-лейтенанта И.Н. Эссена 1-го, состоявший из 9-й дивизии князя Волконского и 10-й дивизии Меллера-Закомельского; 2-й корпус генерал-лейтенанта К.И. Мейендорфа, включавший 11-ю дивизию генерала М.А. Милорадовича и 12-ю дивизию князя Голицына, смененного затем С.М. Каменским 1-м. Кроме того, в состав армии входила 13-я дивизия герцога де Э.О. Ришелье. Общая численность армии составляла тогда 50 тыс. человек при 286 орудиях¹⁴.

Приказ о занятии Молдавии и Валахии был отдан императором Александром I 16 (28) октября 1806 г. При этом русский посол в Стамбуле Италинский передал Дивану ноту своего императора, которая, прежде всего, предусматривала восстановление господарей и торжественное признание прав, приобретенных княжествами Мол-

давией и Валахией; право русских судов, как военных, так и купеческих, проходить через проливы; прекращение насильственных действий Али-паши Янинского против Ионической республики¹⁵. Никакие территориальные приращения в это время не предусматривались. Один из видных русских дипломатов того времени К.К. Родофиникин, который впоследствии возглавил Азиатский департамент российского МИДа, писал Михельсону: «Должно стараться повсюду доказать, что не для завоевания, но для отклонения Порты от пагубного союза с Францией и дабы принудить ее к выполнению существующих постановлений, вступили российские войска, ... всякое завоевание с здешней стороны, доколе дела с Францией не примут желаемого оборота, кажется, по слабым моим понятиям, вредным, ... а впоследствии мог бы без дальнейшего труда принять те законы, кои Его Величеству угодны будут»¹⁶.

Поначалу Михельсон оставил на левом берегу Днестра 10 тыс. солдат и офицеров и вступил в Молдавию с 20 тыс. человек. Кроме того, самостоятельно действовал корпус Эссена 1-го¹⁷. В литературе принято считать, что в первое время в княжества было введено 33 тыс. русских солдат и офицеров¹⁸. Однако они сразу добились весьма значительных успехов. Войдя 11 ноября на территорию Молдавии, 16 ноября они вошли в Яссы — столицу княжества, а 16 декабря — в столицу Валахии Бухарест. Такая крупная крепость как Хотин капитулировала перед корпусом Эссена уже 15 ноября, Бендеры — 24 ноября, Аккерман — 1 декабря, а Килия — 9 декабря¹⁹. Уже к началу 1807 г. на левом берегу Дуная в руках турок осталось лишь три крепости — Измаил, Джурджа и Браилов.

Султан официально объявил войну России 18 (30) декабря 1806 г. и никто не мог тогда предположить, что эта война затянется на шесть лет, во главе русской армии на Дунае сменится семь командующих и мир будет достигнут ценою огромных усилий. Несмотря на успехи 1806 г., Будберг писал великому визирю Ибрагиму Хильми-паше 26 февраля (10 марта) 1807 г., что Александр I «глубоко убежден, что Россия прямо заинтересована в целостности и независимости Оттоманской империи»²⁰. О том, что Россия стремится не к территориальным приобретениям, а к дружбе с Портой И. Михельсон писал рушукскому паше Мустафе Байрактару 26 апреля 1807 г. К. Родофиникин довел до сведения Михельсона результаты прохода английского флота в Стамбул, повлиявшие на предложение Портой мирных переговоров. Английский посол предложил до заключения общего мира занять Дарданеллы англичанами, а Молдавию и Валахию — русскими войсками. Александр I не пошел и на такой план, предпочитая восстановление союзного трактата с Портой²¹. Это вполне естественно, ибо русскому правительству отнюдь не импонировала перспектива укрепления англичан в районе проливов.

Тильзитский мир, заключенный между Россией и Францией 25 июня 1807 г., предусматривал и урегулирование русско-турецких отношений. Однако мир с Портой подписан не был. 12 августа 1807 г. было подписано лишь Слободзейское перемирие, третья статья которого предусматривала вывод русских войск из Валахии и Молдавии в течение 35 дней²². Однако условия перемирия были недоброжелательно встречены Александром I. Вообще, в русских правительственных кругах сложилось довольно четкое представление о том, что отвод русских войск за Днестр даст преимущества лишь одной Турции²³. Осенью 1807 г. император Александр I заявил о своих претензиях на Молдавию и Валахию. Первоначально, в середине сентября 1807 г., давая инструкцию своему послу в Париже П.А. Толстому о линии поведения в отно-

---

шении турецких дел, Александр предписывал ему на случай, если не удастся добиться от Наполеона больших уступок, требовать, по крайней мере, перехода к России одной Бессарабии с крепостями²⁴. Таким образом, в начале осени 1807 г. стремление к перенесению русской границы за Днестр выражал сам русский император, считавший Бессарабию лишь минимумом своих желаний. В действительности, в период после Тильзита в его планы входило включение в состав России также и Валахии, и Молдавии²⁵. Молдавская армия, будучи усилена четырьмя дивизиями и рядом донских полков, в конце 1807 г. насчитывала более 80 тыс. человек²⁶.

24 февраля 1809 г. Александр I, отмечая затяжку мирных переговоров Портой, предписывал новому русскому командующему Молдавской армией А.А. Прозоровскому возобновить военные действия на Дунае, несмотря на трудности, которые может породить зимняя кампания²⁷. 21 марта Прозоровский объявил о прекращении давно просроченного, затянувшегося на полтора года перемирия. Решение вопроса о новых границах было переведено на военные рельсы, и 1809 г. ознаменовался активными действиями русских войск. Преемнику Прозоровского на посту командующего Молдавской армией генералу П.И. Багратиону удалось добиться значительных успехов. Пали такие крупные турецкие крепости на левом берегу Дуная, как Измаил и Браилов, капитулировавшие перед русскими войсками соответственно в сентябре и ноябре 1809 г. Таким образом, к зиме 1809—1810 гг. вся Бессарабия была очищена от турецких войск и на левом берегу Дуная у турок не осталось ни одной крепости, что означало и полное овладение русскими войсками Молдавией и Валахией²⁸.

Военные действия, однако, продолжались и конца им видно не было, а влияние Наполеона все укреплялось как в Европе в целом, так и в районах, близких к княжествам. В конце 1809 г. сербы посылают курьера к Мармону, а в начале 1810 г. они отправляют через Валахию депутатов в Париж²⁹. Ощущается влияние французов среди греков и черногорцев. Еще раньше, как писал М.И. Богданович, «французские агенты в Константинополе старались поселить в турках недоверие к России и поставить Диван в зависимость от Бонапарта»³⁰. Все больше чувствовалось приближение конфликта России с Францией. В этих условиях необходимо было уладить отношения с Турцией.

7 февраля 1810 г. новому, уже пятому по счету, русскому командующему Молдавской армией генералу Н.М. Каменскому пересылается проект мирного трактата с Портой, четвертая статья которого предусматривала присоединение «на вечные времена к Российской империи» Молдавии, Большой и Малой Валахии и Бессарабии³¹. Подробно оговаривалось даже, какие острова на Дунае отойдут к России, а какие к Турции³². Но, несмотря на установление контакта Каменского с лагерем великого визирия³³, несмотря на попытки посредничества Пруссии, желавшей скорейшего окончания русско-турецкой войны, и переброски русских дивизий для последующего их использования против Наполеона, 1810 год также не завершился ликвидацией русско-турецкого конфликта. При этом по княжествам усилились австро-русские противоречия³⁴, а Каменский непреложным условием всякого соглашения о перемирии с Турцией выставлял границу по Дунаю, как и ряд других условий³⁵.

1810 год отмечен активными военными действиями. Каменскому удалось добиться немалых успехов, но, как отмечают военные историки, «успех все-таки не был решающим»³⁶. По состоянию на 24 марта 1809 г., еще при Прозоровском, в составе Молдавской армии было до 80 тыс. человек. Когда армию возглавил Н.М. Камен-

ский, ее численность в марте 1810 г. достигла 84 тыс. человек³⁷. Кампания 1810 г. стоила русской армии только убитыми и умершими от ран и болезней 27 тыс. человек, а вместе с неспособными от ран и изнурения до 36 тыс. человек³⁸ — армия несла серьезные потери, хотя и достигла заметных успехов на поле боя. В январе 1811 г. в армию прибыло 26 тыс. рекрутов, восполнивших потери лишь отчасти. Но Каменский готовился к возобновлению военных действий за Дунаем. Этим планам, однако, не суждено было сбыться. Все большее приближение войны с Наполеоном побудило Александра I отдать приказ о направлении к Днестру пяти дивизий Молдавской армии, с тем, чтобы в дальнейшем прикрыть западную границу.

Это были 9-я, 11-я, 12-я, 15-я и 18-я дивизии, из которых 9-я, 15-я и 18-я дивизии станут костяком 3-й армии Тормасова, 11-я войдет в состав 1-й армии Барклая, а 12-я — 2-й армии Багратиона. Все они примут активное участие в войне 1812 года.³⁹ Вскоре Н.М. Каменский тяжело заболел и затем скончался. Новым командующим Молдавской армией становится М.И. Кутузов, уже принимавший участие в этой войне при Прозоровском, командуя с 4 марта 1808 г. главным корпусом. С Прозоровским у него поначалу были хорошие отношения, но затем они испортились. Одной из причин был неудачный штурм Браиловской крепости⁴⁰. Но в литературе также отмечается, что Кутузов стал играть при престарелом Прозоровском большую роль, причем до такой степени, что офицеры все в большей степени стали обращаться к Кутузову, а не к главнокомандующему. Это привело к отправке Кутузова генерал-губернатором в Вильно⁴¹. Затем он вернулся полноправным командующим и должен был добиться перелома в войне и заключить почетный мир.

Произошло это уже на иных основаниях, нежели те, которые выдвигались в начале 1811 г. У Кутузова остались силы почти в два раза меньшие, чем те, которыми располагал Каменский в 1810 г.⁴² Как писал М.И. Богданович, «в 1811 году надлежало вести войну с армией уменьшенной наполовину, и в то же время бороться с кознями уже явно враждебного нам Наполеона. Едва ли кто мог исполнить с успехом такое трудное дело лучше старого Кутузова, соединявшего в себе знание своеобразной войны с турками и врожденную способность к дипломатии»⁴³. В распоряжении Кутузова оказалось всего четыре дивизии — 8-я, 10-я, 16-я и 22-я. Кроме того, было 6 539 казаков, 2 315 артиллеристов в полковой и осадной артиллерии, да 4 089 человек служили на флотилии. Всего в распоряжении нового командующего Молдавской армией было 46 240 человек⁴⁴.

Все более ухудшавшаяся международная обстановка требовала проведения новой, более гибкой, чем прежде, линии. В начале июня впервые промелькнуло упоминание о возможности проведения границы по Сирету⁴⁵, представлявшему удобную в стратегическом отношении преграду. Но к мирным переговорам турок еще нужно было принудить, а это можно было сделать только вооруженным путем. Молдавская армия во главе с Кутузовым в июне 1811 г. одержала победу над турками под Русуком, а в сентябре осуществила окружение и разгром турецкой армии у Слободзеи. Причем на время Кутузову пришлось вернуть 9-ю и 15-ю дивизии, которые после достигнутых побед вновь были отправлены в сторону Днестра. Лишь только после этого турецкая сторона пошла на переговоры⁴⁶. 25 ноября 1811 г. остатки турецкой армии в количестве 12 тыс. человек сдались в плен. Но Турция всячески старалась затянуть переговоры, по-видимому, надеясь на скорейшую войну Франции и России, и поэтому Александр I в письме от 12 (24) декабря 1811 г. потребовал возобновить во-

---

енные действия. 3 января Кутузов прерывает мирные переговоры. На правый берег Дуная было направлено четыре русских военных отряда под командованием генералов М.Л. Булатова, И.М. Гартинга, И.А. Ливена и Н.А. Тучкова. Нанеся удары по местным турецким силам и захватив пленных, они вернулись обратно на левый берег, но турецкая сторона продолжала упорствовать.

Мирное урегулирование все более и более отодвигалось. Военный министр М.Б. Барклай де Толли в письме, относящемся к январю 1812 г., писал Александру I о крайней необходимости заключения мира с Турцией: «мир с Турцией является, таким образом, первым шагом, который надлежит сделать, чтобы обеспечить себе успех в войне против Франции»⁴⁷. В этих условиях возник план удара по Стамбулу. Он был разработан в Петербурге. Сам император его поддержал и в письме Кутузову от 16 февраля 1812 г. предложил организовать десант совокупно морскими и сухопутными силами под стенами турецкой столицы. Для этой экспедиции было предложено подготовить необходимые силы армии и флота⁴⁸. Возглавить ее должен был губернатор Новороссии герцог де Ришелье. Трудно сказать, рассматривалась ли эта экспедиция как серьезное предприятие. Морская экспедиция зимой или ранней весной, да еще в то время, когда Наполеон все больше стягивал свои силы к русским границам, была делом весьма трудно осуществимым. Вероятно, подготовка к подобному десанту должна была оказать больше психологическое воздействие на турецкое правительство и заставить его скорее подписать мир.

В апреле 1812 г. подготовка к экспедиции была прекращена в связи с начавшейся в Стамбуле чумой⁴⁹, но еще до этого была предпринята последняя попытка к возобновлению дипломатических переговоров. 22 марта Александр I направил Кутузову очередной рескрипт, в котором говорилось о необходимости скорейшего заключения мира, для чего в крайнем случае разрешалось установить границу по р. Прут⁵⁰. Сразу же после получения этого документа Кутузов назначил частную встречу с турецким уполномоченным в Бухаресте. Она состоялась 3 апреля, русский главнокомандующий вновь выдвинул требование об установлении границы по Сирету⁵¹. Несмотря на то, что это требование раньше категорически отвергалось турками и было причиной срыва переговоров, тем не менее, 19 апреля 1812 г. состоялось 15-е заседание делегаций.

Причин возобновления переговоров было несколько. Это можно объяснить, по-видимому, и тем, что турецкие представители почувствовали согласие русских пойти на некоторые уступки, и тяжелым положением Османской империи, и слухами о французо-австрийском сближении, и боязнью наполеоновской Франции, и деятельностью английской дипломатии, в частности, английского посла С. Каннинга — впоследствии активно боровшегося против российских интересов на Балканах, а в 1812 г. делавшего все для заключения мира Турции с Россией и освобождения последней для борьбы с грозным противником Англии — Наполеоном⁵². В литературе отмечается и роль шведских дипломатов, которые сообщили турецкой стороне, что Наполеон после заключения мира с Россией намеревается захватить Константинополь и затем направить свои войска в Персию⁵³.

Трактат о мире между Россией и Турцией, заключенный в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г. имел большое значение для последующего развития событий и сыграл свою заметную роль в победе России в Отечественной войне 1812 года. В литературе уже давно отмечено, что Наполеон с февраля 1812 г. настойчиво добивался заключения союза с Турцией⁵⁴. Намечался план совместных действий французской и турецкой

армий. По этому плану 25-тысячный французский корпус Мармона, находившийся в Далмации, должен был соединиться с турецкой армией, овладеть Дунайскими княжествами и далее вступить в Подольскую губернию России. Часть этих объединенных сил должна была пойти на соединение с главными французскими силами, вторгшимися в Россию, а другая часть повести наступление на Киев. В Одессе и в Крыму Наполеон предлагал высадить десант французских и турецких войск, причем доставить их должен был турецкий военно-морской флот. При этом Наполеон обещал возратить султану Дунайские княжества, Крым и Черноморское побережье. Наполеон не скупился на обещания султану. В одном из посланий он обещал Махмуду II расширить его владения до Днепра. Этот план, впрочем, не был новым. Еще 4 марта 1810 г. министр иностранных дел Ж. Шампаньи в докладе Наполеону излагал свои соображения по поводу раздела российских земель между Австрией, Турцией и герцогством Варшавским. Польша должна была получить западно-украинские и западно-белорусские земли, Австрия — расшириться на севере и в Восточной Венгрии, Турция — распространить свои владения до Днестра и, может быть, до Днепра⁵⁵.

Новый посол Франции в Стамбуле — генерал А.Ф. Андреосси, прибывший туда в апреле 1812 г., прилагал все усилия, чтобы заключить союз с Турцией и обсудить совместный план действий. Эти усилия он прилагал и после вторжения Наполеона в Россию, но успеха достичь ему не удалось⁵⁶.

Конечно, Наполеон должен был учитывать противоречия между Польшей, Австрией и Турцией. Каждая из них стремилась к максимальным территориальным приращениям. Но российское правительство, даже при той хорошей информации, которой оно тогда обладало, естественно, не могло знать, какому плану Наполеон отдаст предпочтение. Поэтому нужно было быть готовым ко всему. После женитьбы Наполеона в 1810 г. на австрийской принцессе, дочери императора Франца I Марии Луизе и политического сближения Австрии и Франции, усилилась опасность со стороны Австрии и возникла возможность удара ее армии из Галиции и Буковины. Нужно было спешно принять меры для того, чтобы обезопасить российско-австрийскую границу. Определенная задача здесь пала и на Дунайскую армию. Прежде всего, через эту армию и русскую администрацию в княжествах шла разведывательная информация не только из Турции, но и из Австрии. В ее сборе участвовали также молдавские и валахские бояре. Еще Каменский поручил В.И. Красномилашевичу, председательствовавшему в Диванах княжеств, сбор разведывательной информации по Австрии. 29 марта 1811 г. он доносил М.И. Кутузову со ссылками на своих валахских и молдавских агентов о концентрации австрийских войск в Трансильвании и о слухах, там ходивших, в соответствии с которыми австрийцы якобы должны были уступить Галицию Саксонии, а Молдавию и Валахию получить себе⁵⁷. По другим слухам, относящимся уже к октябрю 1811 г., сама Франция намерена была получить Галицию и Польшу, а взамен к Австрии перейдет Молдавия и Валахия⁵⁸.

Позднее, 10 мая 1812 г. по разведывательным каналам сообщалось о намерении австрийцев войти в Россию через Буковину с тем, чтобы побудить русских выйти из Молдавии. Распространялись слухи о том, что по повелению французского императора Россия должна лишиться Молдавии, Валахии, Крыма, земель, полученных от Польши, Малороссии, Курляндии, и приобретенных у Швеции⁵⁹. Русская разведка должна была выяснить точное время и место перехода границы Наполеоном, для чего были затрачены значительные силы⁶⁰. Но до тех пор необходимые меры при-

---

нимались по всей западной границе России. Свою роль играла и Дунайская армия. Генерал Гартинг получил задание укрепить Хотинскую крепость — самую северную крепость Пруто-Днестровского междуречья, находившуюся вблизи от австрийской границы в районе Буковины. По приказу М.И. Кутузова было приказано отправить из Молдавского княжества 2 000 человек рабочих и 150 тягловых подвод. Соответствующие силы были направлены в марте 1812 г. и из Подольской губернии⁶¹. Укреплялись также Севастополь, Херсон, Одесса, Керчь, Кинбурн, Тарнополь, Бендеры, Аккерман и другие пункты⁶².

Руководству Дунайской армии была дана установка выступить против Австрии. Эта армия к моменту назначения ее нового командующего — адмирала П.В. Чичагова насчитывала до 88 тыс. человек. В нее входили 8-я, частично 9-я, 10-я, 16-я и 22-я пехотные дивизии, 6-я и 7-я кавалерийские дивизии. Кроме того, в Крыму и Новороссийском крае располагались 13-я пехотная дивизия, восемь запасных батальонов 9-й пехотной дивизии и 8-я кавалерийская дивизия, находившиеся под командованием герцога Ришелье и насчитывавшие 19,5 тыс. человек⁶³. Предполагалось, что Дунайская армия вторгнется на территорию Австрийской империи и поднимет на восстание входившие в ее состав славянские народы, а также венгров. 7 апреля 1812 г., сообщая Барклаю де Толли о назначении Чичагова главнокомандующим Дунайской армией, Александр I отмечал, что его задача заключается в отражении усилий «Австрии против России подкреплением славянских народов и доставлением им возможности соединиться с недовольными венгерцами»⁶⁴.

К середине мая 1812 г. австрийский корпус из 30 тыс. человек во главе с К. Шварценбергом сосредоточился недалеко от Львова. Затем в Галицию был переведен и другой австрийский корпус под командованием князя Рейса. Однако, хорошо известно, что народы Австрии не хотели воевать на стороне Наполеона. Дело дошло до того, что многие австрийские офицеры, отказываясь от союза с французским императором, уходили в отставку. Само правительство Австрии вело с руководством России секретные переговоры, которые продолжались более трех месяцев. В конце концов 16 июля, уже после вторжения Наполеона в Россию, в устной форме было заключено русско-австрийское тайное соглашение⁶⁵. Австрия обязывалась не нападать на Россию в районе ее юго-западной границы, а Россия отказывалась от нападения на Австрию. То есть установки для Дунайской армии вновь были изменены.

Довольно подробная инструкция Александра I адмиралу П.В. Чичагову от 9 (21) апреля 1812 г. ставила несколько задач, которые надлежало решить новому главнокомандующему Дунайской армией и Черноморским флотом. Прежде всего, император предписывал ему сделать необходимые распоряжения для облегчения положения жителей Молдавии и Валахии «и возбуждению в них духа приверженности к нашей империи». Далее император нацеливал Чичагова на ведение переговоров с турками и вооружение «тамошних народов, могущих там усилить военные действия наши». Александр I обращал внимание на славянские народы — сербов, босняков, далматов, черногорцев, бокесцов, кроатов, иллирийцев, а также на венгров. Они должны были объединиться с русскими регулярными войсками и не только противостоять Австрии, но и произвести сильную диверсию на правом крыле французских владений. «Целью сей диверсии противу Франции быть должно завоевание Боснии, Далмации и Кроации и направление ополчения сего на важнейшие пункты, лежащие на берегу Адриатического моря, предпочтительно же на Триест, Фиум, Бокка ди Ка-

---

таро и проч.». Это нужно было сделать для соединения с английским флотом и далее достичь Тироля и Швейцарии, взаимодействуя с недовольными народами⁶⁶.

Инструкция предписывала обещать этим славянским народам независимость, создание славянского царства и т.д. Их гражданское устройство отдавалось на усмотрение самого Чичагова. В случае же заключения мира с Портой рекомендовалось заключить с ней и оборонительный союз против Франции. В случае же, если мир с турками не будет подписан, то следовало возбудить против них греков, Али-пашу Янинского, албанцев. Сообщалось также, что англичане через Адриатическое море доставят необходимое вооружение и денежные средства и примут участие в совместных военных действиях с русскими и восставшими народами⁶⁷.

Итак, 9 апреля 1812 г. перед Дунайской армией была поставлена уже совсем другая задача. Вместо нападения на австрийские владения армии предписывалось участвовать в далматинской экспедиции, что не только не приближало ее к главным силам русской армии, но еще больше от них удаляло. По всей вероятности, далматинская экспедиция могла быть инициативой самого Чичагова. Во всяком случае, адмирал упоминает о ней еще 13 февраля 1812 г.⁶⁸. Любопытно, что еще до этой инструкции обширное письмо пишет Чичагову подполковник свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части А. Полев. Его письмо датируется 7 (19) апреля и содержит подробный план действий для Дунайской армии во главе с Чичаговым. Нет сомнения в том, что этот план был согласован с самим императором. Он предусматривал соединение сил специального русского корпуса с вооруженными славянами, которые будут совместно действовать на Балканах. Кроме того, предусматривался еще один корпус, но на левом берегу Дуная для охраны переправы через реку, ему должны были оказывать помощь народы волошский и молдавский. При этом Полев предлагал назвать Валахию и Молдавию великим княжеством Дакии и этот титул присоединить к титулу императорскому. Естественно, он предназначался императору России. Все сословия этих народов необходимо было привести к присяге на верность. Они должны были иметь 20 тыс. регулярных войск и 30 тыс. земских для охраны своей земли и взаимодействия с русскими войсками. Предполагалось также обратиться к венграм и привлечь их на свою сторону. При этом предусматривалась посылка дополнительных русских частей из Волыни в Валахию⁶⁹.

До этого Чичагову было дано два варианта рескрипта Александра I к М.И. Кутузову от 5 (17) апреля 1812 г. Один — на случай если Кутузов не заключит мир, другой — если мир будет заключен. В обоих вариантах Кутузов должен был сдать командование армией и прибыть в Петербург. 12 (24) мая 1812 г. Кутузов отдал приказ по Дунайской армии, в котором оповещал ее личный состав о передаче главного командования адмиралу П.В. Чичагову. Здесь же содержится благодарность Дунайской армии и, среди прочего, отмечается следующее: «Под щитом всемогущего Бога, руководствуясь мудрыми предначертаниями государя императора, Дунайская армия, увенчанная щедротами от все милостивейшей десницы и славу к славе приложившая, останется навсегда незабвенною в сердцах патриотов сограждан в любезном нашем отечестве, и уверенность в исполнении ею велений вселюбезнейшего монарха пребудет толико же тверда, как тверды желания его». Интересно, что в этом приказе три раза упоминается термин «Дунайская армия», тогда как раньше в своих приказах М.И. Кутузов писал обычно о Молдавской армии⁷⁰.

О том, что Далматинский проект, в котором главную роль должна была сыграть Дунайская армия, рассматривался как вполне серьезный, свидетельствует ряд до-

кументов. В одном из них, от 12 (24) апреля, министр иностранных дел России Н.П. Румянцев сообщал генералу П.К. Сухтелену о необходимости изгнания французов из западных районов Балканского полуострова и соединении с англичанами, совместно с которыми предполагалось, в союзе с недовольными, достичь Тироля, Швейцарии и Северной Италии и пойти дальше вплоть до Франции. Министр сообщал, что план этот доверен адмиралу Чичагову, лично знакомому с английским королем⁷¹. По-видимому, это знакомство и, вообще, связь Чичагова с Англией сыграли далеко не последнюю роль в его назначении командующим Дунайской армией. Сам Чичагов в письме Александру I просил предоставить ему полномочия для ведения переговоров с неаполитанским и сардинским королями с тем, чтобы получить поддержку с их стороны. Одновременно, он предлагал отказаться от территориальных приобретений в Турции, считая необходимым заключить с ней военный союз⁷².

О необходимости заключения союза с Турцией и получения содействия сербов и других славян Александр I сообщил Чичагову 2 (14) мая 1812 г.⁷³ Сам Чичагов, уже будучи в Бухаресте, 20 мая направил письмо К.Я. Булгакову, в котором предписывал ему направиться в Стамбул и вручить необходимые письма английскому и шведскому представителям. С англичанами, в частности с С. Каннингом, предписывалось войти в тесный контакт и наладить взаимодействие. От Турции необходимо было получить согласие на пропуск российских войск через Сербию, Боснию, Черногорию и прочие турецкие владения, примыкающие к Адриатическому морю⁷⁴. О подготовке Далматинской экспедиции Чичагов писал Александру I и 27 мая 1812 г., изложив план военной операции против французских войск на побережье Адриатики, которую надлежит организовать походом через славянские земли Балканского полуострова⁷⁵. 3 июня Чичагов подписал инструкции подполковнику А. Полеву, которого спешно направил в Белград к Карагеоргию с тем, чтобы тот договорился с вождем сербских повстанцев о военном сотрудничестве с сербами в том случае, если начнется война между Россией и Францией. Он должен был также передать и рекомендательное письмо Чичагова Карагеоргию от 2 июня 1812 г.⁷⁶

В тот же самый день, 2 июня 1812 г., он отдал приказы русскому полковнику А.Ф. Балле, командовавшему одним из батальонов отряда О.К. Орурка в Сербии, и Ф.И. Недобе, находившемуся в Белграде при Карагеоргии и при Правительствующем Совете сербском в качестве неофициального русского дипломатического агента. В этих приказах им предписывалось оказывать Полеву всяческое содействие⁷⁷. 7 июня в очередном предписании Чичагову Александр I вновь пишет о необходимости осуществить диверсию в Боснии и Далмации, а затем 13 июня, хотя уже началось вторжение французской армии в Россию, ее подтверждает, но увязывает Далматинскую экспедицию с достижением договоренности с Турцией⁷⁸. 17 июня в донесении Александру I, не будучи уверен в согласии Турции, Чичагов пишет, что не может себе позволить поход через Боснию. Более того, там же он сообщал о своем заявлении турецкому представителю по поводу того, что Россия начнет военные действия, если султан не признает автономии Сербии⁷⁹. И это в то время, когда войска Наполеона все более продвигались вглубь России.

Тем временем организация Далматинской экспедиции Дунайской армии продолжалась. 25 июня 1812 г. Чичагов подписывает инструкцию генерал-майору И.К. Орурку о действиях его отряда в Сербии. Орурк прибыл в Сербию в конце июня и был радостно встречен сербами и их вождем Карагеоргием⁸⁰. Еще до него прибыл в

Сербию подполковник Полев, который 24 июня донес о переговорах с Карагеоргием, заверившем русского представителя о возможности выставить 42 тыс. сербских солдат, готовых соединиться с русскими для похода на Боснию. Полев при этом писал, что и Босния, и Хорватия, и Черногория, и Герцеговина могут быть организованы в течение месяца и в дальнейшем есть перспектива пойти походом в Штирию и Каринтию⁸¹.

26 июня Чичагов доносил Александру I о начале диверсии в сторону Иллирии, вне зависимости от того, будет ли заключен союз с Турцией. Он также писал о намерении начать формирование частей из христианских подданных Турции в Валахии, Молдавии и Сербии⁸².

Но в тот же самый день, 26 июня (8 июля) 1812 г. полковник В.Ф. Тейль, находившийся с особым поручением при русской миссии в Вене и вернувшийся в Россию накануне войны⁸³, в письме к М.Б. Барклаю де Толли высказался против планов Чичагова осуществить Далматинскую экспедицию и против траты средств на организацию восстания в Иллирии, Тироле и Швейцарии. По мнению Тейля, это вызовет недовольство Англии и отвлечет значительную часть русских сил от выполнения основной задачи — защиты западных границ от нападения Франции⁸⁴. Эта точка зрения была поддержана Барклаем де Толли в письме Александру I от 18 июля, где прямо писалось: «В настоящее время, когда должно заниматься исключительно безопасностью государства, возникает вопрос о том, как сосредоточить скорее все действующие силы армий, а не рассеивать их за границей на рискованные предприятия»⁸⁵. Интересно, что еще недавно, 12 (24) июня Тейль в донесении Барклаю де Толли высказывал соображение о желательности диверсии вместе с английскими войсками в Иллирию и Италию, используя при этом восстание местного населения против Наполеона. Правда, Тейль опасался осуществления такой диверсии через территорию Венгрии, поскольку это могло негативно сказаться на русско-австрийских отношениях и укрепить союз между Австрией и Францией⁸⁶.

Тем временем и сам Чичагов начинает вынашивать новые планы. В связи с тем, что султан еще не ратифицировал мирного договора и возникли трудности в процессе заключения союза с Турцией, он предлагает в письме Александру I от 29 июня возобновить войну и предпринять поход на Стамбул, что должно привести, по его мнению, к уступке Турцией части ее европейских владений и создаст дополнительные возможности для подготовки к войне с Францией. В этом же донесении он сообщает о формировании вооруженных частей из местных жителей⁸⁷. Еще 23 июня Чичагов приказал генералу О.К. Орурку выступить с шеститысячным отрядом в Белград. А штаб Дунайской армии разработал план штурма турецкой столицы с моря. 25 июня Чичагов приказал вице-адмиралу Н.Л. Языкову держать Черноморскую эскадру в полной боевой готовности. Еще не зная о донесении Чичагова от 29 июня, Александр I в своем послании от 30 июня предписывает ему надеяться на собственные силы и рекомендует либо осуществить диверсию на побережье Адриатического моря, либо поддержать силами Дунайской армии армию Торماسова. При этом он добавил, что диверсия, по его мнению, более предпочтительна, и он всячески торопит англичан оказать Чичагову сильную поддержку и, главное, начать эту экспедицию⁸⁸.

Таким образом, у Чичагова и его Дунайской армии оказалось три пути — Далматинская экспедиция, десант против Стамбула и движение на соединение с армией Торماسова. Было над чем задуматься. Война началась, войска Наполеона на терри-

---

тории России, а роль Дунайской армии пока еще не решена. Тем временем, 30 июня Полев сообщает о концентрации французских войск в Далмации и о стремлении соединиться там с турками, которые также собирают свои силы и могут напасть на Сербию. Он также добавляет, «что все жители сих мест только ожидают себе с войсками нас и вождя сербского»⁸⁹.

Обмен ратификационными грамотами между русскими и турецкими представителями все-таки состоялся. Договор и секретные статьи были ратифицированы Россией 11 (23) июня, а турецкое правительство ратифицировало только договор, а секретные статьи одобрить отказалось, так что они в силу не вступили. Обмен ратификационными грамотами договора состоялся в Бухаресте 2 (14) июля и, конечно, этот акт имел для России чрезвычайно большое значение. Состояние неопределенности окончилось. 13 июля Барклай де Толли в письме генералу Торماسову, среди прочего, писал следующее: «Мир с турками, ныне благополучно заключенный, доставляет России важные выгоды, и я спешу поздравить Ваше Высокопревосходительство с радостным сим событием, которое дает надежду, что государь император отделит из Молдавии войско для усиления Вашей армии, которая тем более будет в состоянии, по обстоятельствам, действовать и поражать меньшие неприятельские силы, и тем дать другим армиям облегчение»⁹⁰.

Султан в начавшейся войне России и Франции решил занять выжидательную позицию и стал проводить политику нейтралитета. Заключать союз с Россией против Франции Турция отказалась. Адмирал А.С. Грейг в начале 1812 г. был прикомандирован к Дунайской армии, затем, летом 1812 г. по поручению Чичагова выехал в Стамбул и Палермо. Там, в Сицилии, из бесед с командующим английскими военноморскими силами в Средиземном море В. Бентинком (лордом Кавендишем) он понял, что англичане не смогут оказать эффективную поддержку России в проведении Далматинской операции⁹¹. Но пока еще подготовка этой экспедиции продолжалась. Об этом, например, свидетельствует предписание Чичагова генерал-майору Орурку от 12 июля⁹².

Но буквально через два дня ситуация коренным образом изменилась. Чичагов получает письмо Александра I от 6 (18) июля 1812 г., где царь высказал свое отрицательное отношение к плану Чичагова по организации удара по Стамбулу и предоставил ему самому решать вопрос или об экспедиции в Далмацию, или все-таки пойти на соединение с Тормасовым. Александр I при этом подчеркнул, что поход в Далмацию допустим лишь в том случае, если удастся избежать конфликта с Турцией и не ухудшить отношений с Австрией⁹³. Прекрасно понимая, что Далматинский поход неизбежно повлечет за собой не только конфликт, но и разрыв с Турцией, Чичагов решает идти на соединение с армией Тормасова⁹⁴. В этой связи уже 14 июля он, ссылаясь на повеление императора действовать против французов в районе герцогства Варшавского, приказывает О.К. Орурку вывести свой отряд и всех русских чиновников из Сербии. Он рекомендовал генералу найти убедительные объяснения такому повороту дел, прежде всего ссылаясь на вторжение в Россию сил могущественнейших в Европе держав. Примерно в том же духе Чичагов написал свое следующее письмо, составленное через день, 15 июля⁹⁵. Части О.К. Орурка выступили из Белграда и Шабаца на соединение с основными силами Дунайской армии 26 июля 1812 г.⁹⁶

В Сербию для налаживания взаимоотношений с Карагеоргием, однако, был послан М.К. Ивелич — генерал русской службы, выходец из Герцеговины. 18 июля сле-

дует предписание Чичагову отказаться от прежних планов и немедленно во главе с Дунайской армией пойти на соединение с армией Торماسова, чтобы принять непосредственное участие в борьбе против Наполеона⁹⁷. Несколько позднее, 2 августа Чичагов в донесении Александру I изложил свой план дальнейших действий Дунайской армии⁹⁸, который дополнил новыми соображениями в следующем донесении от 6 августа⁹⁹.

19 (31) июля Дунайская армия, насчитывавшая 57,5 тыс. человек, получила приказ выступить из княжеств по направлению Подолии и Волыни. В ее составе было четыре корпуса, которыми соответственно командовали генералы А.Ф. Ланжерон, П.К. Эссен 3-й, А.Л. Воинов, А.П. Засс, и резерв под командованием И.В. Сабанеева. В армии числилось: 51 батальон, 70 эскадронов, 11 казачьих полков при 202 орудиях. Для охраны новой юго-западной границы по Пруту и Дунаю было оставлено 30 батальонов и один казачий полк¹⁰⁰. По сведениям начальника главного штаба Дунайской армии генерал-лейтенанта Сабанеева 15 августа в строю было более 33 тыс. солдат и офицеров, на подмогу которым шли дополнительные части пехоты и артиллерии¹⁰¹.

Как отмечается в литературе, у Наполеона вызвало большие опасения наличие у русских неиспользованных резервов и, в первую очередь, Дунайской армии. Поэтому маршалу К.В. Виктору, корпус которого 27 августа прибыл в Вильно¹⁰², была поставлена задача действовать в зависимости от направления движения Дунайской армии¹⁰³. Не меньшие опасения вызвало передвижение Дунайской армии и у австрийцев. Действительно, армия двигалась вблизи границы и австрийские власти боялись, что она вторгнется в пределы Австрийской империи. Основания для этого имелись, поскольку еще до начала войны планировалось вторжение Дунайской армии в Австрию и организация там восстания славянских народов и венгров¹⁰⁴.

Командующий австрийской Трансильванской армией И. Штипциц заверил командира авангардного корпуса генерал-лейтенанта А.В. Войнова в том, что его армия будет соблюдать нейтралитет. Австрийских чиновников и верхние слои общества охватила паника и они бежали подальше от границы. В свою очередь толпы крестьян выходили на границу, чтобы приветствовать русских солдат. Как отмечается в литературе, «украинцы и молдаване не только ждали прихода русских войск, но и оказывали им помощь»¹⁰⁵. Кстати, в составе Дунайской и других русских армий было немало молдаван. Не менее 237 молдаван было награждено различного рода наградами за участие в кампании 1812 г.¹⁰⁶

Относительно дальнейших действий Дунайской армии у русского руководства сложилось два несколько различных плана. Предполагая, что войска Чичагова и Торماسова уже объединились, Кутузов 6 сентября приказал Чичагову двинуться на Могилев к Смоленской дороге, а Тормасову — прикрывать его тыл. Но этот приказ не был выполнен, так как 8 сентября к Кутузову прибыл А.И. Чернышев с планом, подписанным самим Александром I. В соответствии с этим планом, который вошел в историографию как петербургский, армия Чичагова должна была через Пинск и Минск к 15 сентября достичь Борисова, а части Вигенштейна, действуя из Полоцка, должны были войти с нею в тактическое соприкосновение. По этому плану императора Чичагову должна была принадлежать решающая роль¹⁰⁷. Таким образом, если Кутузов намечал произвести окружение армии Наполеона на восточном берегу Днепра, то петербургский план предусматривал решение этой задачи на Березине. Хотя

Кутузов видел недостатки этого второго плана, он должен был подчиниться установкам императора, внося в него некоторые частичные поправки¹⁰⁸.

Дунайской армии предстояло проделать почти тысячекилометровый переход, который до соединения с армией Торماسова продолжался полтора месяца. Уже в начале похода пришлось столкнуться со сложными погодными условиями. Непрерывные двенадцатидневные проливные дожди привели к разливам рек в Дунайских княжествах¹⁰⁹, затруднили и затянули переход, внесли коррективы в первоначально намеченные маршруты¹¹⁰. 14 августа Чичагов сообщал Тормасову из Ясс о приостановке движения армии в связи с разлитием рек, последовавших от непрерывных дождей¹¹¹. На армию обрушились усталость и болезни и особенно нехватка продовольствия и фуража. Для решения вопроса о продовольствии войск Чичагов наладил связи с Подольским, Херсонским и Волынским губернаторами¹¹². Заготовка припасов осуществлялась также в Валахии, Молдавии и Бессарабии¹¹³. Опасаясь подхода новых сил неприятеля, Тормасов постоянно требовал ускорения движения Дунайской армии¹¹⁴.

Соединение Дунайской армии с 3-й Резервной армией А.П. Торماسова, основу которой составляли бывшие части той же Дунайской армии — 9-я, 15-я и 18-я пехотные дивизии, произошло в начале сентября, когда французы уже вошли в Москву. К этому моменту армия Тормасова уже имела почти двухмесячный опыт боев с наполеоновскими войсками. Любопытно, что мемуаристы и после объединения называли Дунайскую армию Молдавской. Вскоре начались и непосредственные столкновения Дунайской армии с противником¹¹⁵. Личная встреча Чичагова и Тормасова состоялась 13 сентября, среди прочего они обсуждали вопрос снабжения Дунайской армии. Тормасов обещал помочь. Нужда в продовольствии была огромной, поскольку одних сухарей армия потребляла в сутки 3 500 четвертей¹¹⁶.

Поначалу две армии действовали совместно. Например, 11 сентября обе они переправились через р. Стырь в нескольких местах и начали наступление на австрийский корпус К.Ф. Шварценберга и саксонский корпус Ж.Л. Рейнье. Авангард под командованием генерал-майора И.К. Орурка настиг саксонский отряд у Локачей и взял в плен 150 человек. Противнику пришлось отступить. Польская дивизия А.А. Косинского отошла по направлению к Владимир-Волынскому, корпус Рейнье — на Туриск, а корпус Шварценберга — на Ковель¹¹⁷. Буквально через день произошло еще более крупное сражение частей Дунайской армии с противником. 16 сентября его подробно описал генерал-майор М.Л. Булатов, сменивший на посту командующего корпусом заболевшего Засса. Его рапорт озаглавлен следующим образом: «Господину адмиралу главнокомандующему Дунайской армией и Черноморским флотом и разных орденов кавалеру Чичагову»¹¹⁸. Таким образом, 16 сентября Чичагов еще был командующим Дунайской армией. В рапорте Булатова подробно рассказывается, как на территории Волыни авангард корпуса во главе с генерал-майором П.П. Паленом, в 1812 г. командиром 22-й бригады 7-й кавалерийской дивизии Дунайской армии¹¹⁹, совместно с казачьими полками Киреева, Дерптским драгунским и Камчатским пехотным полками, артиллерией и двумя эскадронами нанес удар по польской дивизии А.А. Косинского. Было убито 200 польских пехотинцев, защищавших мост. Мост был сожжен, чтобы не позволить соединиться полякам с их союзниками саксонцами¹²⁰.

В результате этих боев польская дивизия А.А. Косинского была выбита из Владимира-Волынского, отрезана от саксонского корпуса Ж.Л. Рейнье и была вынуждена отступить к крепости Замостье¹²¹. Булатов также сообщил о столкновениях с

саксонцами, из которых попали в плен около 100 человек при значительном числе убитых и раненых. Потери русских войск составляли несколько человек убитых и раненых. По словам Булатова, русские генералы «показали много мужества и служили примером своим подчиненным». Он отметил также усердие штаб- и обер-офицеров и храбрость нижних чинов, представив Чичагову списки особо проявивших себя участников сражения, достойных награды¹²². Это была первая крупная победа, одержанная частями Дунайской армии в борьбе с наполеоновской армией.

17 сентября рапорт Чичагову посылает генерал Эссен, а 18-го — генерал Ланжерон. Эссен сообщил о занятии селения Бересцы, откуда, однако, неприятель ушел накануне, избегая сражения¹²³. А Ланжерон рапортовал о продвижении вперед своих войск, остановившихся в 8 верстах от Опалина и в 11 верстах от Любомля¹²⁴.

17 сентября соединенные Дунайская и 3-я Резервная (Обсервационная) армии атаковали у Любомля корпуса Рейнье и Шварценберга, которые отступили к Влодаве за р. Буг. Авангард 3-й Обсервационной армии захватил г. Гродно¹²⁵. 18 (30) сентября 1812 г. Дунайская армия под командованием П.В. Чичагова и 3-я Обсервационная армия А.П. Торماسова были формально объединены в 3-ю Западную армию. Командующим стал Чичагов, а Тормасов был направлен в Главную квартиру в распоряжение М.И. Кутузова¹²⁶. Тогда армия Тормасова насчитывала 25 тыс. человек при 160 пушках, а армия Чичагова — 40 тыс. человек при 70 пушках. Всего — 65 тыс. человек¹²⁷. Любопытно, что в рапорте Ланжерона от 20 сентября и рапорте генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля от 22 сентября Чичагов еще называется главнокомандующим Дунайской армией¹²⁸.

22 сентября русские войска полностью освободили Волынь. За 10 дней боевых действий они вывели из строя около 3 тыс. солдат и офицеров противника. 29 сентября они вступили в Брест. Здесь Чичагов объединил обе армии. Лишь через месяц (31 октября) прибыл из Молдавии через г. Пинск отряд генерал-майора Н.И. Лидерса, некогда действовавший в Сербии, который присоединился к армии Чичагова в Несвиже¹²⁹. За месяц до того (30 сентября) Чичагов поставил перед отрядом Лидерса задачу перейти на территорию Великого герцогства Варшавского (как пишется в его предписании, княжества Варшавского), поставив две основные задачи: «1) движением беспокоить до сей стороны неприятеля; 2) извлечь все выгоды от соседственного нам неприятельского края для продовольствия армии»¹³⁰. Еще 28 сентября отряд под командованием полковника А.И. Чернышева, прибывший из Тирасполя, из 1 800 солдат и офицеров вступил на польскую территорию. 2 октября этот отряд овладел Венгровым, расположенным в 75 верстах от Варшавы¹³¹. Таким образом, части этой русской армии первыми перешли государственную границу России. 1 октября Чичагов послал следующий рапорт Кутузову: «Приняв главное начальство над 3-ю Западную армиюю, я по воле Его Императорского Величества соединил ее с Дунайскою. С сего времени они будут составлять одну под названием Западной»¹³². Следует напомнить, что Наполеон тогда еще оставался в Москве.

Итак, Дунайская армия, как самостоятельная воинская единица, перестала существовать. Но продолжали действовать ее полки и дивизии. Они активно участвовали в боях на последующих этапах Отечественной войны 1812 года, а затем в Заграничных походах 1813—1814 гг.

Примечания

- ¹ *Абалихин Б.С.* Борьба с наполеоновской армией на Юго-Западе России в период Отечественной войны 1812 г. Автореферат дис... докт. ист. наук. Саратов, 1979. С. 1.
- ² *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб., 1869. Приложения. «Извлечения из заседаний неофициального комитета». С. 47, 62. Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее — ВПР). Т. 1. М., 1960. С. 283—287.
- ³ *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. М., 1990. С. 123.
- ⁴ Там же. С. 124.
- ⁵ *Петров А.* Война России с Турцией 1806—1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. С. 32.
- ⁶ *Lebel G.* La France et les Principautés danubiennes. Paris, 1955. P. 95.
- ⁷ История дипломатии. 2-е изд. Т. 1. М., 1960. С. 469.
- ⁸ *Lebel G.* Op. cit. P. 144—115.
- ⁹ *Gosu A.* Rusia la Dunarea de Jos. Pacea de la Bucuresti (mai 1812) // Studii si materiale de istorie moderna. Vol. 10. Buc., 1996. P. 28.
- ¹⁰ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1869. С. 318.
- ¹¹ *Селях Г.Н.* Русско-турецкое соглашение 1802 г. о Дунайских княжествах // Вопросы истории. 1961. № 12. С. 195—202.
- ¹² *Петров А.* Указ. соч. С. 42.
- ¹³ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 45.
- ¹⁴ Там же. С. 318—319.
- ¹⁵ *Богущич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 73.
- ¹⁶ Там же. С. 318.
- ¹⁷ *Agachi A.* Tara Moldovei si Tara Romaneasca sub ocupatia militara rusa (1806—1812). Chisinau, 2008. P. 231, 358.
- ¹⁸ *Петров А.* Указ. соч. Т. 1. С. 88—89, 109, 112, 114.
- ¹⁹ ВПР. Т. 3. С. 517.
- ²⁰ Там же. С. 549; *Columbeanu S.* Contributii privind situatia internationala a Tarilor Romane intre anii 1806—1812 // Revista de istorie. 1976. № 5. P. 664.
- ²¹ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 283, 287; *Mehmet M.A.* Documente turcesti privind istoria Romaniei. Vol. 3. 1791—1812. Buc., 1986. P. 221—223.
- ²² Сборник императорского русского исторического общества (далее — РИО). Т. 89. СПб., 1893. С. 86, 134.
- ²³ Там же. С. 107.
- ²⁴ *Нарочницкий А.Л., Казаков Н.И.* К истории восточного вопроса // Новая и новейшая история. 1969. № 6. С. 66; *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 116.
- ²⁵ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 327.
- ²⁶ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 559—560.
- ²⁷ *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 59—60.
- ²⁸ *Богущич В.* Указ. соч. С. 228.
- ²⁹ *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 329.
- ³⁰ ВПР. Т. 5. С. 364.
- ³¹ Там же.
- ³² *Кассо Л.А.* Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913. С. 76.
- ³³ ВПР. Т. 5. С. 452, 498, 508, 511, 530.
- ³⁴ Там же. С. 539.
- ³⁵ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 60.
- ³⁶ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 66, 71; В книге А. Агаки по состоянию на начало 1810 г. в двух местах указывается 180 тыс. человек, что является явной ошибкой: *Agachi A.* Op. cit. P. 231, 358.
- ³⁷ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 511
- ³⁸ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 150, 230, 231, 261, 514, 598.
- ³⁹ *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 120.
- ⁴⁰ *Брагин М.* Кутузов. М., 1975. С. 99.
- ⁴¹ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 60.
- ⁴² *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 515.
- ⁴³ Там же. Приложения. С. 78.
- ⁴⁴ ВПР. Т. 6. С. 129.
- ⁴⁵

- ⁴⁶ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 73.
- ⁴⁷ ВПР. Т. 6. С. 257—258.
- ⁴⁸ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 74.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 3. М., 1952. С. 850—852.
- ⁵¹ Там же. С. 877.
- ⁵² *Кассо Л.А.* Указ. соч. С. 130—131, 134—136.
- ⁵³ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 98.
- ⁵⁴ *Gosu A.* Intre Napoleon si Alexandru I. Principatele Dunarene la inceputul secolului al XIX — lea. Bucur-
esti, 2008. P. 264.
- ⁵⁵ *Абалихин Б.С.* Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России. Волгоград, 1987. С. 6, 9.
- ⁵⁶ ВПР. Т. 6. С. 773, 777.
- ⁵⁷ Кутузов в Дунайских княжествах. Сборник документов. Кишинев, 1948. С. 100—101.
- ⁵⁸ Там же. С. 105.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 113. Л. 6 об.
- ⁶⁰ *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 99.
- ⁶¹ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 108. Л. 3—3 об.
- ⁶² *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 24; *Agachi A.* Op. cit. P. 220—222.
- ⁶³ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 3. Приложения. С. 46.
- ⁶⁴ Цит. по: *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 17.
- ⁶⁵ Там же. С. 18.
- ⁶⁶ ВПР. Т. 6. С. 363.
- ⁶⁷ Там же. С. 364—365.
- ⁶⁸ *Горяинов С.* 1812. Ч. 2. СПб., 1912. С. 33—36.
- ⁶⁹ ВПР. Т. 6. С. 361—362.
- ⁷⁰ Кутузов в Дунайских княжествах... С. 112—114.
- ⁷¹ ВПР. Т. 6. С. 372.
- ⁷² *Горяинов С.* Указ. соч. С. 36—38.
- ⁷³ РИО. Т. 6. С. 67—73.
- ⁷⁴ ВПР. Т. 6. С. 418.
- ⁷⁵ *Горяинов С.* Указ. соч. С. 52—57.
- ⁷⁶ ВПР. Т. 6. С. 431—432, 753.
- ⁷⁷ Там же. С. 432, 753.
- ⁷⁸ *Горяинов С.* Указ. соч. С. 57—60; ВПР. Т. 6. С. 443.
- ⁷⁹ *Горяинов С.* Указ. соч. С. 60—62.
- ⁸⁰ ВПР. Т. 6. С. 490.
- ⁸¹ Там же. С. 456—459.
- ⁸² *Горяинов С.* Указ. соч. С. 71—74; См. подробнее: *Казаков Н.И.* Проект о привлечении наро-
дов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г. // 1812 год. К
150-летию Отечественной войны. М., 1962. С. 55—58.
- ⁸³ *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 54.
- ⁸⁴ Цит. по: ВПР. Т. 6. С. 459.
- ⁸⁵ Цит. по: *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 98—99.
- ⁸⁶ ВПР. Т. 6. С. 759.
- ⁸⁷ *Горяинов С.* Указ. соч. С. 74—78.
- ⁸⁸ Там же. С. 79.
- ⁸⁹ ВПР. Т. 6. С. 461—463.
- ⁹⁰ *Ахлестышев Д.П.* Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главноко-
мандующего 3-ю Западною армиею генерала от кавалерии А.П. Торماسова. СПб., 1912. С. 15.
- ⁹¹ ВПР. Т. 6. С. 762.
- ⁹² Там же. С. 507.
- ⁹³ *Горяинов С.* Указ. соч. С. 84—85.
- ⁹⁴ ВПР. Т. 6. С. 765.
- ⁹⁵ Там же. С. 510—512.
- ⁹⁶ Там же. С. 765.
- ⁹⁷ *Горяинов С.* Указ. соч. С. 89—90.
- ⁹⁸ РИО. Т. 6. С. 8—18.
- ⁹⁹ Там же. С. 18—24.

- ¹⁰⁰ *Подмазо А.А.* Большая Европейская война 1812—1815. Хроника событий. М., 2003. С. 8, 37, 219—220. В письме генералу Торماسову от 28 августа 1812 г. Чичагов сообщал, что он оставил в молдавских и бессарабских крепостях 14 батальонов пехоты и четыре казачьих полка. См.: *Ахлестышев Д.П.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁰¹ *Ахлестышев Д.П.* Указ. соч. С. 81—83.
- ¹⁰² *Подмазо А.А.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁰³ *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 126—127.
- ¹⁰⁴ *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 16—17.
- ¹⁰⁵ *Крылова Н.Б.* Отклики на Отечественную войну 1812 г. в Западно-Украинских землях Австрийской империи // Бессмертная эпопея. М., 1988. С. 178.
- ¹⁰⁶ *Твірчин V. Vitralii.* Chisinau, 2006. P. 238.
- ¹⁰⁷ *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁰⁸ *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 127—128.
- ¹⁰⁹ *Ахлестышев Д.П.* Указ. соч. С. 289.
- ¹¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3547 (Маршруты для следования войска через Валахию).
- ¹¹¹ *Ахлестышев Д.П.* Указ. соч. С. 80.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ *Твірчин V.* Op. cit. P. 234; *Agachi A.* Op. cit. P. 219, 353.
- ¹¹⁴ *Ахлестышев Д.П.* Указ. соч. С. 596, 604.
- ¹¹⁵ Там же. С. 626, 627.
- ¹¹⁶ Там же. С. 92—93.
- ¹¹⁷ *Подмазо А.А.* Указ. соч. С. 49.
- ¹¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3518. Л. 25.
- ¹¹⁹ *Подмазо А.А.* Указ. соч. С. 322.
- ¹²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3518. Л. 25 об.
- ¹²¹ *Подмазо А.А.* Указ. соч. С. 50.
- ¹²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3518. Л. 26—26 об.
- ¹²³ Там же. Л. 32—32 об.
- ¹²⁴ Там же. Л. 33.
- ¹²⁵ *Подмазо А.А.* Указ. соч. С. 51.
- ¹²⁶ Там же. Чичагов просил Александра I назначить его командующим единой армией еще 16 июля 1812 г. См.: *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 2. М., 2009. С. 214.
- ¹²⁷ *Вяземский В.В.* Указ. соч. С. 215.
- ¹²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3518. Л. 40, 51.
- ¹²⁹ *Подмазо А.А.* Указ. соч. С. 60.
- ¹³⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3517. Л. 2—2 об.
- ¹³¹ *Абалихин Е.С.* Указ. соч. С. 62.
- ¹³² Там же. С. 60—61.

«Дубина народной войны»: система кордонов в 1812 году

Краеугольным камнем марксистской концепции Отечественной войны 1812 года являлось утверждение о ее *особо народном характере*. Важнейшими постулатами этой априорной концепции были заявления о том, будто инициатором народной войны являлся сам народ, не нуждавшийся в приказах начальства, что началась она от самых западных границ «безграничной» Российской империи, и включала в себя также действия «народных партизан». Марксисты объявили партизанами «два совершенно различных типа вооруженных групп: 1) вооруженные отряды и группы населения различной силы и степени организованности, 2) армейские летучие отряды».

Часть этих постулатов мы давно уже развенчали, а потому не будем в очередной раз доказывать, что инициаторами и организаторами народной войны на самом деле являлись император Александр I, представители местной администрации, дворянство и духовенство¹. Теперь настало время разобраться в том, что из себя реально представляла эта «дубина народной войны», героев которой некоторые дореволюционные и практически все советские писатели, вопреки показаниям аутентичных источников, объявили партизанами². Те, кого они так называли, в источниках именовались иначе: «вооруженные обитатели», «вооруженные крестьяне», «поголовное ополчение», «общее и добровольное ополчение поселян», «внутреннее охранное войско», «кордоны пограничные»³.

Это тем более необходимо сделать, что еще советские историки Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский с досадой констатировали, что кордонная система недостаточно изучена, а Н.А. Троицкий и по сей день утверждает, будто так обстоит дело и до сих пор⁴. Это нелепое заявление объясняется тем, что советские историки объявили все кордоны «народными партизанскими отрядами», а о самой кордоной системе, организованной силами дворянской администрации, стыдливо умалчивали. На самом же деле изучение кордонной системы активно велось историками на рубеже XIX—XX вв., и было возрождено исследователями нового поколения в начале XXI в.⁵

Создание кордонной системы

Инициаторы народной войны. Юридическим основанием для создания системы кордонов в приграничных уездах «прифронтовых» российских губерний послужили, в общем плане, манифесты царя от 6 (18) и 18 (30) июля о созыве губернских ополчений, а непосредственно — воззвание главнокомандующего 1-й Западной армией генерала М.Б. Барклая де Толли к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний. Еще 27 июня (9 июля) царь написал Барклаю: «Я решился издать манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей *воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама вера* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — А.П.)».

Но не только император был озабочен формированием ополчения. Некоторые дворяне также проявили инициативу, даже опережая в этом плане царя. Так, смоленское дворянство через своего предводителя С.И. Лесли 7 (19) июля изъявило желание исполнить свою обязанность и просило монарха «*дозволения* назначить из областей Смоленской губернии к временному вооружению до двадцати тысяч или более в подкрепление здесь находящихся войск на защиту губернии... Сии защитники отечества, назначенные по городам и уездам, оставаться могут при своих жилищах до востребования к месту, ... где настоять будет нужда или опасность». Они будут охранять уезды от малых неприятельских партий. Царь дал свое согласие и указал, кого следует набирать туда в первую очередь: егерей, псарей и конюхов, т.е. людей, наиболее подготовленных к боевым действиям⁶.

9 (21) июля Александр I написал епископу Смоленскому Иринею (Фальковскому) о том, что некоторые жители «*скрываются и бегут от малочисленных неприятельских разбедов*, появляющихся в далеком еще расстоянии от Смоленска; возлагаем мы на вас пастырский долг: *внушениями и увещеваниями своими собрать их и не токмо отвращать от страха и побега, но, напротив, убеждать*, как того требует долг и вера христианская, *чтобы они, совокупляясь вместе, старались вооружаться, чем только могут*, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и повсюду истребляли их и *вместо робости* наносили им самим великий вред и ужас»⁷.

Еще до получения первого царского манифеста от 6 (18) июля калужский губернатор П.Н. Каверин 11 (23) июля, «по доходящим до него слухам о приближении неприятельских сил к Смоленску, представил к г. главнокомандующему в Санкт-Петербурге, *чтоб дозволено было дворянству* Калужской губернии *вооружить из поселян их две тысячи человек, для пограничного кордона*, с чем отнесся тогда же и к г. министру полиции». Этот кордон был необходим на случай, если в губернию вторгнется «какой оторванный отряд неприятельских войск или толпа каких злонамеренных польских отверженцев России»⁸. Но 12 (24) июля Каверин получил царский манифест о созыве ополчения. Впрочем, одно другому не мешало, и в губернии, помимо собственно земского ополчения стали формироваться и местные дружины самообороны. Каверин посчитал, что воля императора, «в сем манифесте изображенная, есть, чтобы, *кроме известного ополчения внутренней военной силы, всякий гражданин и поселянин в доме своем и везде был готов на защиту себя и поражение неприятеля*»⁹. 16 (28) июля царь выразил губернатору свое благоволение.

Увещевание епископа Ирины читалось по всем церквам Смоленской губернии и, несомненно, принесло пользу. В «Обращении к псковским, смоленским и калужским обывателям» от 1 (13) августа Барклай писал, что «многие из жителей губернии Смоленской *пробудились уже от страха своего*. Они, вооружась в домах своих, ... карают злодеев без всякой пощады. Подражайте им все, любящие себя, отечество и государя!»

А.Г. Тартаковский считал, что результатом обнародования этой листовки Барклай «явились самостийно возникавшие крестьянские отряды». Но о какой «самостийности» можно говорить, если уже был получен приказ сверху?! Ф.Н. Глинка в записках сначала отметил: «Война народная слишком нова для нас. Кажется, еще бояться развязать руки. До сих пор нет ни одной *прокламации, дозволяющей* собираться, вооружаться и действовать... *Дозволят* — и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам». А через несколько дней он записал: «Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, *гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак* —

народная война!» Г. Зельницкий также отметил, что патриотический дух калужских крестьян «обнаружился тогда, когда им благоразумно объявлены, внятно прочтены и растолкованы были разные начальнические увещания, особливо воззвание к жителям сей губернии г. главнокомандующего»¹⁰.

Смоленская губерния. Ранее всего система «гражданской самообороны» начала формироваться в западных уездах губернии. В **Красненском уезде** был создан, как его именуют историки, «первый народный партизанский отряд», организованный помещиками братьями А.Д., Г.Д., Е.Д. и П.Д. Лесли. К 11 (23) июля они собрали 97 конных и 2 пеших воинов, «сформированных из дворовых и отборных крестьян с вооружением», а генерал Е.И. Оленин присоединил к ним своих 11 конных людей. «Они были ополченцы..., вооружены все очень длинными пиками и саблями. Было четыре мушкета кавалерийских и несколько пистолетов». Ополченцы были посланы в «левый боковой обсервационный корпус» генерала Д.П. Неверовского и делали разъезды у Велина, Катыни, Надвы, Рудни, Ляд, Орши, «забирая мародеров»¹¹.

7 августа по доносу евреев из м. Ляды казаки захватили там французскую разведку. Через день из того же района генерал Э. Бордесуль донес: «Крестьяне и евреи выступают против нас вместе с казаками». Располагавшиеся возле Орши вестфалцы впервые тогда увидели «вооруженных пиками ратников», но как только по ним выстрелили, их след простыл¹². Кроме того, в уезде отрядами «временного вооружения» руководили поручик Яганов и помещик с. Демьянкова Ф.Д. Брешинский, о конкретных делах которых ничего не известно¹³. Но, после отступления из уезда русских войск, ни о каком народном сопротивлении здесь речи быть не могло, так как через него проходила главная коммуникация Великой армии, а по уезду сновали отряды неприятельских фуражиров¹⁴.

Как происходило формирование отрядов самообороны в **Поречском и Духовицком уездах** доподлинно неизвестно. 31 июля возле м. Коряки, на границе Поречского уезда, баварской кавалерии пытались оказать сопротивление вооруженные крестьяне, но были разогнаны. 8 августа полковник М.Ш. Гобрехт донес, что «при возвращении разведки, посланной к Поречью, крестьяне стреляли по ней и, к сожалению, ранили одного шволежера. Эти крестьяне тотчас ретировались в лес... По различным сообщениям офицеров, высылаемых на разведку, крестьяне образуют цепь ведетов, которые взаимно предупреждают друг друга о нашем приближении. Это предупреждение, кажется, передается далеко в леса, где, вероятно, скрываются семьи. Невероятно, чтобы все это делалось случайно». Офицер де Пьепон во время разведки «нашел двух гусаров 7-го [полка], один из которых был привязан к дереву, и крестьяне его истязали; при его приближении крестьяне углубились в леса». В районе Никулино хозяин одной усадьбы пригласил к себе в дом двоих фуражиров, а сам через дворового человека донес об этом казакам¹⁵. Поскольку «разъездными партиями» командовали помещики (отставные офицеры) и чиновники, то, надо полагать, их организаторами были уездные власти.

Видимо, подобные отряды начали создаваться и в **Рославльском уезде**. 28 августа 4-й кавалерийский корпус генерала В. Латур-Мобура из м. Хославичи вступил на территорию коренной России. «Едва авангард польских улан оказался у речушки, — вспомнил лейтенант Ф.Л. Меерхайм, — как ужасная толпа вооруженных косами и пиками крестьян во главе с их помещиком и попом, большей частью на лошадях, выскочили со всех сторон из оврагов и густых зарослей и с громким ревом предприняли настоящую атаку. Несмотря на изначальное численное превосходство, ... при первом

серьезном движении поляков эта рассвирепевшая толпа мгновенно обратилась в бегство». Во время преследования многие крестьяне были зарублены. После этого случая корпусу уже никто не угрожал, «и даже если вдали показывались подобные толпы, то они все же не отваживались даже близко к нам приближаться». Впрочем, если отдельные солдаты отдалялись от полков, они попадали в руки этих отрядов, скрывавшихся в засаде, и беспощадно уничтожались, зачастую ужасными способами.

В начале сентября через этот уезд в Ельню проехал капитан С. Пуже де Надэйяк. «Я узнал от улан, которых встретил, — вспоминал он, — что вся область вооружена, что они были атакованы крестьянами и с величайшим трудом спаслись. Ельня полностью опустошена, также как все окрестные деревни. Банда казаков угрожает нашему правому флангу». Тогда Пуже решил быстрее добраться до большой дороги, и через Измайлово прибыл в Дорогобуж¹⁶. Но ввиду приближения неприятеля Рославль к 13 сентября был оставлен властями.

В *Бельском уезде* «внутреннее охранное войско» было составлено «из жителей под личным распоряжением г. предводителя Каленова». После того как с 30 августа в *Сычовском уезде* стали появляться «неприятельские французские партии человек до 20, а иногда и до 60», разоряя господские дома, грабя и поджигая селения, по распоряжению предводителя дворянства Н.М. Нахимова были «в каждом селении крестьяне вооружены пиками и учреждены из них очередные конные разъезды». По словам Тверского губернатора Л.С. Кологривова, местный исправник сделал это «сам собой и без предписания от начальства, по неимению там оногo»¹⁷.

В *Юхновском уезде* предводитель дворянства С.Я. Храповицкий «собрал вокруг себя до 2 тысяч человек *ополчения*, сформировал из числа оных несколько десятков кавалеристов для разъездов и извещений»; вооружены они были ружьями и пиками. В начале августа Храповицкий «с партией тамошнего *ополчения* перешедши чрез Угру и став на берегу, заслонил дорогу из Вязьмы в Калугу»¹⁸. В Смоленском, Ельненском, Дорогобужском, Вяземском и Гжатском уездах, по причине близости Смоленского тракта, отъезда местных властей и большинства помещиков, народное сопротивление организовано не было.

Калужская губерния. Самая развитая система кордонов была создана в северных уездах этой губернии благодаря личным усилиям гражданского губернатора П.Н. Каверина. 3 (15) августа он получил от Барклая «220 печатных экземпляров пригласительных объявлений о всеобщем принятии мер к отражению хищных нападок неприятеля». Барклай вменил Каверину «в особенную обязанность» «обратить *сие временное ополчение* и противу *наших* мародеров»¹⁹. То есть, по мысли Барклая, кордоны имели двоякую задачу — пресекать фуражировки неприятеля и бороться с разрастающейся язвой мародерства в русской армии. 4 (16) августа Каверин разослал это «Объявление» всем городничим и земским судам и направил в Калужскую духовную консисторию для рассылки по всем церквам Калужской епархии.

14 (26) августа консистория издала указ с требованием ко всем священнослужителям «вразумительно внушить всем и каждому», «во всех церквах и монастырях при народном собрании», чтобы поселяне для защиты церквей, своих семейств и собственности «вооружились, какое кто имеет или приобрести может огнестрельное и другие острые орудия, наблюдая между тем строжайше, чтоб никакие беглые особливо же военные дезертиры нигде... укрываемы не были»; их следовало выискивать и сопровождать к начальству. «А для вящей от злоумышленных людей осторожности,

---

езде по селениям от светской стороны, учреждены быть имеют крепкие ночные караулы». По свидетельству Зельницкого, эти воззвания «во всей губернии читаны были по церквам и провозглашаемы в народных собраниях».

К 7 (19) августа Каверин разработал правила, по которым были учреждены отряды местной самообороны. Он предполагал предложенные Барклаем «благовременные меры предосторожности привести в исполнение следующим образом»: 1) «земский исправник и земский суд, отправясь по уездам, в селениях через помещиков, волостных голов и старшин внушили поселянам, что сия предосторожность делается не из-за страха перед неприятельским нашествием, но единственно в отражение от грабежей разбегающихся» французов, поляков и наших мародеров; 2) власти должны были «убедить жителей всех селений, чтобы каждый, могущий поднять оружие, запаса им, что иметь может, как-то: топоры, рогатки и прочие оборонительные орудия», с помощью которых «можно искоренять таковых бродяг и спасти себя, свой дом, свое семейство»; 3) сверх того, в пограничных со Смоленской губернией уездах следовало учредить из поселян «частые пикеты, расположа их так, чтобы на каждых трех верстах не менее двадцати человек вооруженных поселян находилось и чтоб при каждом таком числе людей — трое конных для подания скорого известия или требования помощи и чтоб по дистанции сей имелись разъезды»; 4) «составив, таким образом, из сих пикетов пограничный кордон или цепь стражи», ловить бродяг и, «в случае нужды, требовать помощи от ближайших селений»; 5) для скорейшего извещения властей «учредить, по ближайшему от города тракту, ездовых верхами на расстоянии от 10 до 15 верст»; 6) «сверх того, для вящей предосторожности, учредить в каждом селении ночных караульных... для собственного своего и семейств спокойствия»; 7) начальство должно было «растолковать безграмотным поселянам: как различить людей подозрительных» от «людей свободных и несомнительных»; 8) оно должно было пресекать все нелепые и ложные слухи и толки среди жителей, «словом, к успокоению умов принимать деятельнейшие меры»²⁰.

Обратим внимание на следующие моменты. Общая идея «поголовного вооружения», хотя и могла зародиться в головах некоторых дворян, но спущена была сверху, ибо без разрешения царя осуществить ее было невозможно. Конкретная же разработка и воплощение этой идеи в жизнь были осуществлены губернскими и уездными властями. Власти стремились внушить поселянам уверенность в собственных силах, *при этом всячески подчеркивая, что речь идет только и именно о самообороне, о защите личного имущества и семьи*. Система кордонов была направлена не только против неприятеля, но и против российских мародеров и на поддержание внутреннего социального порядка.

Все эти мероприятия Каверин разработал сам, так как совета получить было не откуда. Так, 21 августа (2 сентября) он в третий раз тщетно просил Смоленского губернатора К.И. Аша известить его, «какие вашим превосходительством сделаны распоряжения к прикрытию границ от вторжения в них бродящих для грабежа неприятельских партий». Но Аш еще 4 (16) августа покинул Смоленск со всеми подведомственными ему чиновниками.

26 августа (7 сентября) Каверин известил Сенат, что в число его обязанностей входит, «по близкому положению губернии от театра войны, охранение от неприятельских набегов безопасности жителей учрежденными на границах губернии из поселян кардонами»²¹. Следовательно, к началу сентября н. ст. кордоны были уже образованы. Сделано это было весьма своевременно, так как неприятельская армия уже

«нависала» с севера над губернией, и ее фуражиры и мародеры, как саранча, рассеивались в стороны от большой дороги.

Черниговская губерния. Кордонная система создавалась в северных поветах. 2 (14) августа генерал-губернатор Малороссии Я.И. Лобанов-Ростовский известил генералов П.И. Багратиона и Ф.Ф. Эртеля о появлении неприятельских партий в Чечерске, в 70 км от границы губернии и сообщил: «Предписал я пограничным селениям поветов, прилегших к Могилевской губернии, вооружиться всякой дреколюю; казакам же, в сотнях уже сформированных, быть на самой границе». Дворянам этих поветов он предписал выслать к северной границе вооруженные отряды для поддержки «тех поселян, кои на границе живут и коим», при появлении врага «подлежит выйти поголовно и тем устранить маловажные конные и пешие шайки, кои бывают, как говорят, от двух до трех сот человек». Кордонная цепь была необходима, «дабы оградить себя, как не от самой злодейской армии, то, по крайней мере, от разбойничьих нападений и конфедератов, наипаче собираемых в Чериковском, Климовицком, Чаусовском и Мстиславльском поветах, поелику и за невыпуск из Малороссии продуктов»²².

Учитывая то, что упомянутое воззвание Барклая к жителям Черниговской губернии не относилось, следует признать, что организация здесь кордонной цепи была инициативой самого Лобанова-Ростовского, который, к тому же известил о принятых мерах не Барклая, а Багратиона, как обладающего высшей полицейской властью в губерниях, где действовала его 2-я армия. В ответ Багратион 6 (18) августа похвалил Лобанова за «благоразумные *ваши* распоряжения и меры по оным принятые», которые «конечно, будут достаточны на преграждение их покушений», то есть неприятельских партий из 10-30 человек. При этом Багратион подчеркивал, что «неприятельские отряды особенно боятся казаков с пиками; с сим то вооружением и должно встречать *бродяжнические партии*».

Функционирование системы кордонов

Смоленская губерния. Первыми столкнуться с неприятелем пришлось кордонам Смоленской губернии. Уездный городок Поречье был покинут жителями, но «несколько отважных мещан, вооружась пиками и другим орудием, делали разъезды в виде казаков, нападали на небольшие отряды и брали в плен». Такими «разъездными партиями» в уезде командовали исправник И. Бинин (16 дворян и дворовых людей) и поручик В. Длотовский, который, «вооружа крепостных своих и разного звания людей, делал *разъезды*, отражая многие неприятельские партии от границ своего уезда».

15 (27) августа пореческий купец Н. Минченков с несколькими мужиками захватил и привел к командиру «летучего корпуса» генералу Ф. Винцингероде адъютанта генерала Д. Пино капитана Дюплесси со всеми депешами, за что позже был награжден знаком отличия военного ордена. По словам Винцингероде, это «приключение» «ознаменовывает, сколь почтенные жители в городах и селениях настояще русских, противно думают и ведут себя тому, что оказывалось в Белоруссии». 18 (30) августа Минченков получил от генерала «открытое повеление» взять на себя «защитение места жилища своего от нападения неприятеля и разорения им делаемого». Он собрал «охотников из местных обывателей, конных и пеших» (63 человека), «производил *разъезды* как внутри города, так и в его окрестностях» и однажды с «разъездною партией» отбил «орла»

11-го легкого полка (на самом деле 11-й легкий полк сражался возле Полоцка). Минченков ездил из Поречья в Яновичи, Велиж, к Орше и в г. Белый к партизану подполковнику В.И. Дибичу 1-му «для испрошения у них в помощь нам команды».

Позднее прапорщик П. Храповицкий ушел в леса с 27 дворовыми людьми и «участвовал в истреблении французских фуражиров и мародеров», за что был схвачен 4 (16) октября и отвезен в Смоленск, откуда сумел сбежать. Иначе сложилась судьба помещика с. Дягилева подполковника В.П. Энгельгардта, который вооружил 19 дворовых людей с. Путятина и с этой «милицией» истреблял фуражиров и мародеров. По доносу четверых собственных крестьян он был арестован, отвезен в Смоленск и расстрелян 15 (27) октября²³.

В *Духовщинском уезде*, из-за близости к Смоленску и удаленности русских войск, кордонной системы не существовало, и сопротивление носило очаговый характер. Так, майор С. Гринев и коллежский регистратор Ф. Василевский «делали разъезды, отражая многие неприятельские партии», коллежский асессор С.И. Шубин защищал «свои и соседственные селения от неприятельских мародеров». В д. Зимце стояла партия драгун майора Даллеровского из «партизанского отряда» подполковника Дибича 1-го; с помощью выделенной отсюда команды Шубин захватил в д. Гаврилово 21 человека²⁴. Источники не позволяют датировать ни один из этих фактов.

Бельский уезд охранялся «составленным из жителей под личным распоряжением г. предводителя Каленова *внутренним охранным войском*». Л.И. Каленов донес 31 августа (12 сентября), что город и уезд неприятелем не тронут, «хотя по краям границ и от проходящих через город Духовщину неприятельских сил ежедневно неприятельские отряды появляются в разных партиях для грабительства, кои усердием и неустрашимостью жителей... истребляются и берутся в плен». 4 (16) сентября он сообщил, что «неприятельские рассыпавшиеся как видно от голоду грабители, не только что составленном в уезде от дворян предводительства моего *временным ополчением* по границам одного расположенным совершенно истребляются, — но даже и сельскими жителями умерщвляются бывают без пощады». Это «внутреннее охранное войско» насчитывало до 600 конных. Правда, уезд находился далеко от дороги и известен лишь один случай, когда 500 крестьян с. Казулина прогнали из с. Белый Берег партию фуражиров из 200 человек. Бóльшую активность проявили партии из отряда Дибича, стоявшего в Белом с 14 (26) августа по 20 ноября (2 декабря). Партии хорунжих Ф. Ионова и Д. Белоусова посылались в окрестности Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, где взяли много пленных; с ними ездил коллежский регистратор Ф.Ф. Шостаков, который «был поводом к ловлению неприятельских мародеров». Кроме того, эти казачьи партии усмиряли бунтующих крестьян в Дорогобужском уезде²⁵.

В *Сычевском уезде* «французские партии человек до 20, а иногда и до 60» появились с 18 (30) августа, разоряя господские дома, грабя и поджигая селения. Тогда по распоряжению Нахимова были «в каждом селении *крестьяне вооружены пиками и учреждены из них очередные конные разъезды*, кои увидя неприятеля или услыша о его приближении, немедленно давали знать о том» земскому исправнику подпоручику Е. Богуславскому «и в ближайшие селения, из которых вооруженные поселяне тотчас являлись в назначенное сборное место». Крестьяне, «при убеждении, чтобы оне защищали веру, государя, отечество, свои дома..., стекались вооруженные пиками, но даже с косами и кольями» и по команде исправника бросались на неприятеля, поражали и брали в плен. Кроме того, по распоряжению городничего г. Сычевки П. Кар-

женковского, по всем дорогам около города учреждены «ночные караулы из обывателей в достаточном числе, вооруженных ружьями, тесаками и пиками, а также конные разъезды по дорогам и улицам». Узнав о грабежах и убийствах, творимых неприятельскими партиями в селениях уезда, «охотно отправлялись из города отставной майор и кавалер Андрей Емельянов и городские вооруженные обыватели». Эти отряды из 9, 12, 32 человек уходили до 40 верст от города, «истребляя вражеские партии»; при этом «доставшиеся ружья от неприятелей раздаются крестьянам». Всего косами и кольями было вооружено 1 307 крестьян, из них 430 конных²⁶.

Таблица № 1. Эффективность деятельности кордонов

	Потери противника		Собственные потери	
	убито	взято в плен	убито	ранено
с 18 августа по 1 сентября	572	325 (3 офицера)	44	67
на 25 сентября	1720	513 (4 офицера)	93	215
на 3 октября	1689	799 (7 офицеров)	44	67

Касательно созданной Нахимовым системы обороны П.Г. Андреев верно заметил, что «эта организация по своим формам очень близка к кордонам, которые были учреждены в ... уездах Калужской губернии. Правда, по своим масштабам она уступала калужской кордонной системе»²⁷.

2 (14) октября управление северными уездами губернии принял тверской губернатор. Он командировал туда советника тверской гражданской палаты Денисова с заданием разыскать местные власти, с помощью которых собрать и вооружить крестьян. «Часть крестьян, — гласила его инструкция, — будет делать обходы вдалеке от селения, другая — ближе, а третья — около самого селения. Завидя неприятеля, стражники должны перебежать друг к другу и сообщать о его приближении, так что около селения образовывается уже целый отряд добровольцев, совершенно готовый к обороне». Руководить «обходами» должны были сельские головы или бурмистры под начальством чиновника из дворян. Кроме того, на границах уездов учреждались конные посты под руководством исправника. «При наступлении неприятеля объездчики дают об этом знать в свою деревню руководителям отрядов, последние собирают крестьян к обороне и тотчас сообщают чрез сотских или десятских в соседние селения, и вскоре вся местность становится в военное положение». Подобные отряды Денисов должен был организовать и в городах. В заключение Кологривов написал: «Вооружение же обывателей не составляет особого войска или ополчения; они, само по себе разумеется, защищают только себя от нападений, возвращают из домов их похищенное и преграждают пути к их разорению»²⁸.

Денисов прибыл в Сычовский уезд, где кордоны уже существовали. Были усилены разъезды по дорогам, ведущим к Москве, учреждены пикеты в наиболее опасных местах, организована летучая почта. Нахимов сообщил, что проходившие через уезд поляки возмутили крестьян некоторых селений, и что «многие крестьяне начинали выходить из повиновения своего начальства», но он с исправником пресек на корню эти выступления²⁹.

20 сентября генерал-губернатор Смоленской губернии Л. Барагэ д'Ильер донес: «Число и дерзость вооруженной милиции в деревнях в глубине области, по-видимому, умножается. 15 сентября милиция деревни Клушина, возле Гжатска, перехватила транс-

---

порт с понтонами и понтонеров под командою капитана Мишеля; эта милиция повсюду отбивает и истребляет отряды, которые необходимость вынуждает высылать за продовольствием». Эти беспорядки особенно многочисленны между Дорогобужем и Можайском. «Необходимо срочно предупредить новые эксцессы, или наказать за прежние преступления, чтобы укротить их наглость». Суть дела такова. 15 сентября в 14 км к северу от Гжатска были захвачены капитан Мишель из 1-го батальона понтонеров, 6 понтонеров и 14 солдат обоза. Узнав об этом, Наполеон приказал: «Напишите коменданту Гжатска, чтобы выслал колонну в 300–400 человек наказать ту деревню, которая совершила это нападение». 6 крестьян из д. Клушина были арестованы и заключены в тюрьму в Гжатске; но в ночь на 20 сентября они сбежали, выломав две доски в стене. 27 сентября император приказал: «Пошлите отряд и сожгите эту деревню»³⁰.

В *Рославльском уезде* после оставления властями Рославля, по инициативе купца И.Ф. Голикова мещанин Я.Н. Васютин с 15 человек, вооруженных пиками, отправился на разведку. Позднее из купцов и мещан составили три «*ополчения*» под командой Васютина, Е.И. Матренина, П.Ф. Шишова, которые «разъезжали в окрестности города как вместе, так и порознь» и почти ежедневно доставляли пленных. Таким образом, «мещане города человек до 100, вооружа себя пиками, ружьями ... и лошадьми делали разъезды», чтобы «сберечь город от шатающихся неприятельских мародеров»³¹.

По приказу М.И. Кутузова от 28 августа (9 сентября) Рославльский уезд был временно подчинен калужскому губернатору Каверину, который 6 (18) сентября поручил местному предводителю дворянства «учредить из наличных дворян земскую полицию и хотя бы *поголовным вооружением* истреблять» неприятельских мародеров. Каверин уже знал, что предводитель «при всех опасностях от проходивших неприятелей не только не оставили своей должности, а еще при помощи ... остальных в округе почтенных дворян по возможности *ополчается* против врагов», и выразил надежду, что тот не ослабит, «а еще усугубить изволит начатое истребление злодеев».

Для этого Каверин привел ему пример Калужской губернии, где «обыватели, составляя из себя самих *ополчения пешие и конные*, и вверясь распоряжениям храбрейших из них и ... чиновников, по звуку колокола и прочим знакам, при случае нападения от злодеев, тот час стекаются вместе и совокупными силами поражают неприятелей», и рекомендовал ему «усовершенствовать свое предприятие», «подобно выше объясненными примерами из наличных чиновников учредить земскую полицию и возбуждая обитателей, могущих владеть оружием, к обороне себя, ... составить *поголовное вооружение* и избрав к ним достойнейших вождей, дать им знаки, по которым бы могли они вдруг стекаться вместе и поражать злодеев, звук колокола или выстрел и даже сигнал голосом от караульных подаваемый, может способствовать к стечению воинов и предварить то разорение».

«Постепенно потом, — заключил губернатор, — можно будет надеется, что корысть из наших же земель и домов собираемая и увозимая злодеями, несомненно повлечет воинов наших за собою, а может быть и произойти из того ощутительный вред неприятелям». Он надеялся, что в погоне за отнятым у них имуществом, мужики оторвутся от своих жилищ и будут преследовать противника в других уездах. Позднее Каверин прислал несколько экземпляров воззвания архиеерея для рассылки их духовенству, чтобы увещевать «развращенных и к обращению к должностям, занимающихся не только не основательным и вредным, но даже и не дозволенным вольнодумием и праздностию»³².

8 (20) сентября в Рославль возвратились земской исправник В.П. Семичев и дворянский заседатель Людоговский. Позже ополченцы (150 человек) были разгромлены у д. Козловки³³. 14 (26) сентября отряд фуражиров полковника Ж.П. Деллара (250 человек) на несколько часов занял Рославль, откуда бежали жители и отряд казаков. Затем в Рославль прибыл 1-й Тептярский полк майора Н.А. Тимирова 1-го и борьба с фуражерами и мародерами активизировалась. Теперь к ней были привлечены крестьяне, и была создана кордонная цепь. Кордонный начальник И.Г. Тенишев со своим «сподвижником» Семичевым «переловил более 400 мародеров и деятельно защищал уезд от набегов неприятельских»; он был награжден «за защиту жителей от неприятельских мародеров и удержание крестьян в повиновении властям»³⁴. Итак, в этом уезде по инициативе горожан были созданы «разъездные партии», которым было под силу бороться лишь с шайками мародеров. Позднее при содействии Каверина и Тептярского полка была создана уже настоящая кордонная цепь, более эффективная.

В *Юхновском уезде* к началу августа предводитель Храповицкий «с партией тамошнего ополчения перешедши чрез Угру и став на берегу, заслонил дорогу из Вязьмы в Калугу». «Показавшиеся неприятельские разъезды ... *сим ополчением* отбиты, причем взято было несколько человек в плен». С 7 (19) по 9 (21) сентября Храповицкий отправил в Калугу 253 мародера, захваченных казаками и крестьянами. 8 (20) сентября в Юхнов прибыла партизанская партия Д.В. Давыдова, которого Храповицкий снабжал всем необходимым. Храповицкий «из сформированных им *ратников* составлял на важнейших отдаленных пунктах известительные для Давыдова пикеты, и своим иждивением учредил госпиталь в Юхнове». Отставной капитан Бельский стал командовать «поголовным *ополчением*» из 500 человек в с. Знаменском; прочие 1 500 человек располагались по деревням. Но в столкновение с неприятелем это ополчение не вступало, кроме одного случая, когда 16 (28) октября к Знаменскому приблизился отряд генерала К.Й. Эверса, направлявшийся из Вязьмы в Юхнов³⁵.

В Смоленском, Ельнинском, Дорогобужском, Вяземском и Гжатском уездах, по причине близости Смоленского тракта и отъезда помещиков и местных властей, народное сопротивление организовано не было. Были лишь единичные случаи локального сопротивления. В южной части *Гжатского уезда* сопротивление мародерам было инициировано бежавшим из плена драгуном Е.В. Четвертаковым. В д. Басманы он «стал подбивать крестьян вооружиться чем попало и стать на защиту своих деревень от толпы грабителей», но не нашел здесь поддержки. В д. Задково он собрал партию (47 человек), с которой произвел поиск к д. Красной, в 25 в от большой дороги. Затем в Басманах к нему присоединилось 253 человека. Четвертаков «обучал здешних крестьян фронтовой службе, чтобы защищаться от нападений неприятельских партий»; он расставил пикеты в с. Семионовке и Мокроли. Крестьяне оборонялись на юге уезда, но однажды Четвертаков ходил к Гжатской пристани и, как уверяют, выходил на большую дорогу, чему, правда, нет никаких доказательств.

Каверин дал заседателю земского суда *Ельнинского уезда* Бибикову «предписание о возвращении к должностям всех обитателей и о истреблении французских мародеров», но тот ответил ему, что «проходившие неприятели и остающиеся мародеры там поселили особенно в крестьянах понятие независимости, и тем до такой степени ослабили власть начальства ими управлявшую, что теперь без воинской команды и в пределы оной округи ни с какими увещеваниями войти невозможно». Поэтому 3 (15) сентября Каверин попросил начальника Калужского ополчения генерала

В.Ф. Шепелева «из близ находящейся к Ельнинской в Юхновской округе казаков, приказать отрядить в его распоряжение хоть одну сотню, по крайней мере для безопасного вступления ему Бибикову в самый край оной округи, из которой сможет он, зделавши начало, постепенно распространить власть свою далее, приводя крестьян в надлежащее повиновение и послушание».

Вместе с Бибиковым он направил «Открытое предписание в Ельненскую округу», где указал, что ему поручено восстановить гражданские власти и принять меры «для обороны от французских мародеров, всеконечных оных истреблении и поимкою; хотя бы в потребных случаях и с *поголовным вооружением обывателей...* из ближайших к нападениям селений, с надлежащим надзором», так, как это «в Калужской губернии происходит, где по звуку колокола и прочим знакам обыватели стекались вместе, поражали и истребляли единодушно... множество нападающих неприятелей, а отдающихся беспрекословно брали в плен». Каверин призвал жителей уезда защищать свои дома и церкви и «совокупно действовать противу бродяжествующих мародеров из французской армии». 13 (25) сентября Бибиков донес, что помещики и чиновники в с. Уварове напали на мародеров и взяли в плен 4 человек. Он прислал в Мосальск 13 пленных³⁶. Итак, в Ельнинском уезде речь шла не столько об организации народного сопротивления противнику, сколько о наведении социального порядка.

Калужская губерния. О том, как функционировала система кордонов в этой губернии, ее губернатор Каверин писал неоднократно. «По приближении театра войны, с самого появления неприятельских партий из Смоленской губернии от Елинского и Рославльского уездов, в уездах Жиздринском, Мосальском, Мещовском и Медынском, а потом в Боровском, Малоярославецком и Тарусском, *устроены мною из поселян пограничные кордоны, а сверх того и внутри губернии по селениям караулы, да и все вообще жители вооружены, и на расстоянии десяти верст к границе обязаны собираться по требованиям кордонных смотрителей из дворян определенных, по установленным между ими знакам, на вспомоществование для истребления неприятелей и мародеров нашей армии.* Следствием сего вооружения было и есть то, что до сих пор кроме малых грабежей в пограничных уездах, далее в губернии Калужской не случилось еще никаких значущих несчастий... Сии устроенные *внутренние караулы и кордоны пограничные* наблюдают вообще всех проходящих и проезжающих... и при малейшем сомнении останавливают и представляют ко мне».

Каверин писал, что набеги мародеров и фуражиров отражаются «кордонами, с частью регулярных отрядов, конных и пеших, и внутреннего ополчения». Тарусского исправника он наставлял, чтобы на каждых 3-х верстах стояли бекеты, «и чтоб на оных не менее было 20 человек вооруженных поселян, и при них находилось бы непременно трое конных для подания скорого известия или требования помощи; и чтоб по сей дистанции имелись резервы, сменяя бекетов сих поселян еженедельно».

6 (18) сентября Беннигсен передал Каверину повеление Кутузова принять все зависящие от него меры для борьбы с мародерами русской армии, число которых значительно возросло. Поэтому губернатор велел «всем жителям объявить, чтоб всех таковых беглецов истреблять, ловя их представлять начальству, а сопротивляющихся хотя бы и жизни лишали, не опасаясь в том никакой ответственности, усугубя между тем всевозможную деятельность... к повсеместному вооружению поселян, и чтоб непременно усиливать в каждом селении бекеты, дабы по установленным между их знакам при первой тревоге подкрепляли друг друга»³⁷.

Еще 28 августа (9 сентября) Кутузов объявил губернию на военном положении и потребовал от Каверина и Шепелева «взаимно употребить» «всевозможные средства к охранению границ Калужской губернии, и... также учредить временное управление Смоленской губернии в городах Рославле и Ельне». В связи с этим Каверин «принял в свое ведение войска, состоящие в команде г. генерал-майора Ушакова», и потребовал от вице-губернатора предоставления подвод, чтобы доставить эти регулярные части «к тем пунктам, близ коих более надобно соблюсти безопасность от неприятеля», особенно по дороге из Мосальска, «где уже по известности мне видны частые набеги французских мародеров». Губернское ополчение также получило приказание частью своих сил «партии французских мародеров... истреблять и удерживать вторжение неприятеля в границы... губернии».

По северной и западной границам губернии было размещено 10 батальонов ополчения. 3-го полка «один батальон с казаками делает поиски вправо по Верейской дороге до Козмодемьянска и оттуда по границе до сел. Лукова; второй батальон в Юхнове также делает поиски к цепи Медынской, а влево до дер. Крупцы». Два других батальона 3-го полка полковника Буланина прикрывали Мосальск. Один батальон 4-го полка вправо от с. Спасского держали цепь с 3-м полком по Мосальской границе, другой батальон держал цепь влево «в с. Пятницком по Елинской дороге и рекогносцирует до самой Ельни». Прочие силы 4-го полка полковника П.П. Яковлева (батальоны майоров Данилова и Ергольского) располагались возле с. Спасское, имея «также сообщение с одним батальоном 5-го пешего полка, расположенным Жиздринского уезда при Песоченском заводе». Шепелев писал, что «все отряды, цепь Калуге составляющие... оную удерживают... от Юхнова до Мосальска и Ельни»³⁸.

Для несения кордонной службы ополчению были приданы донские казачьи полки В.А. Быхалова 1-го и Д.Д. Комиссарова 1-го и 1-й Тептярский полк. Казачьи полки содержали «коммуникационную линию в Боровске с егерским батальоном временного ополчения и 50 человек мушкетер подполковника Сухотина, делая разъезды и поиски к селу Бортникам»³⁹. Следовательно, крестьянские отряды самообороны в этой губернии с середины сентября имели поддержку в лице казаков, небольших отрядов регулярных войск и частей губернского ополчения, не многим лучше вооруженного (топорами и пиками), но более организованного и имевшего во главе оставшихся офицеров. Только при такой поддержке они оказались в состоянии отражать набеги неприятельских партий⁴⁰.

Московская губерния. Кордонную систему здесь создать не успели, потому что война развернулась прямо на ее территории. Обращение Барклая к этой губернии не относилось, да никто и не предполагал, что неприятеля допустят так далеко в глубь страны! С другой стороны, именно здесь в сентябре во всю силу развернулась партизанская война, что значительно облегчало действия спонтанно возникших крестьянских дружин.

В **Рузском уезде** несколько тысяч «воинов-поселян» нападало на неприятельские отряды и истребило более 1 тыс. человек. «Вооруженные поселяне» с Лучинское, Ильинское, Иваткова **Звенигородского уезда** вместе с партизанами полковника А.Х. Бенкендорфа прогоняли неприятельские отряды, убив и взяв в плен более 2 тыс. человек. В **Можайском уезде** крестьянин К. Кондратьев собрал более 1 500 мужиков из сел Горетово, Глазово, Мышкино, Болычево, Милятино, Грибово, Клементьево, «неоднократно прогонял» и истребил 700 «марадиоров». В **Волоколамском уезде** капитан-исправник Беляев, управитель имения Никольское Г. Акудинов с помощью ста-

рост селений Серета, Бурцова и Подсухина вооружил крестьян и перебил «в разные набеги» 600 человек. Дьячок с. Рюховское В.Г. Рогозин служил разведчиком в отряде А.Х. Бенкендорфа, который раздал крестьянам 600 ружей⁴¹. Следует заметить, что никакими документами цифры убиенных и плененных врагов не подтверждаются.

В начале октября корпус маршала М. Нея выдвинулся на фуражировку из Москвы в *Богородский уезд*. Рапорт Нея от 5 октября показывает, что среди крестьян были и те, кто не желал воевать с противником⁴². Но другая часть жителей решила оказать сопротивление, избрав командирами в Вохонской волости голову Е.С. Стулова, сотенного И. Чушку и крестьянина Г.М. Курина, а в Америкской волости — голову Е. Васильева. 25 сентября (7 октября) отряд Курина прогнал партию фуражиров из д. Большой Двор, на другой день — из д. Грибова. 27 сентября (9 октября) голландские гусары заняли д. Суботина, отряд Курина разбил их, убив 18 человек и взяв в плен 3 человека. На другой день Курин ездил в г. Покров к начальнику Владимирского ополчения генералу Б.А. Голицыну с просьбой о помощи, и вместе с 20 казаками выгнал фуражиров из д. Назарьева. 29 сентября (11 октября) воины Курина изгнали фуражиров из д. Трубицыно, убив 15 человек, а на другой день — прогнали их из д. Назарьева до д. Бунькова, убив 3 человека. 1 (13) октября 5.300 пеших и 500 конных воинов Курина вместе с казаками и гусарами прогнали 2 эскадрона до д. Прокунина, Грибова, взяв 20 повозок и 40 лошадей. Вечером войска Нея ушли в Москву, и на следующий день гусары заняли Богородск. Всего же «воины-земледельцы» Вохонской волости истребили до 50, а Америкской волости — до 300 неприятелей. Сам Курин громко именовал 7 стычек мужиков с отрядами фуражиров «сражениями». Себя он представил как героя-одиночку, хотя на самом деле он был вовсе не главным вождем крестьян, которые действовали при поддержке отрядов казаков и гусар. Их борьба с неприятелем длилась всего лишь неделю.

К югу от Москвы в *Бронницком уезде* «воины-земледельцы» из с. Шубина, Вешнякова, Константиново, Воскресенское, Починок, д. Сельвачева, Жирожкина, Рогачева, Ганусова, Залесье, Галушична и Жданская собирались на дорогу, ведущую к Подольску. 13 (25) и 14 (26) сентября у Вишняково вместе с казаками полковника И.Е. Ефремова они разбили отряд из 700 человек, убили 30 человек и многих взяли в плен. Крестьяне с. Михайловская слобода и Егоново и д. Дурниха, Чулкова, Кулаковой и Какузуева собирались ежедневно до 2 тыс. человек к Боровскому перевозу на Москва-реке. 22 сентября (4 октября) на Боровском перевозе в стычке у с. Мячиново «дружина воинов-земледельцев» вместе с казаками убила 11 человек и 46 взяла в плен. В *Серпуховском уезде* в начале октября крестьяне истребили мародеров в с. Стремиллово (5 человек), Лопасня (2 человека), д. Тетеринка (1 человек), Дубна (2 человека), с. Ртищево (7 человек). В этом районе действовал партизанский отряд полковника Н.Д. Кудашева. В *Подольском уезде* крестьяне с. Владимирово хитростью изгнали мародеров.

Итак, в Московской губернии крестьянские дружины, хотя и не объединенные в единую кордонную цепь, опирались на непосредственную помощь партизанских отрядов и губернских ополчений, а также ощущали «моральную поддержку» расположенной поблизости Главной армии. Из Главной квартиры Кутузова партизаны получили прямое указание «отобранным от неприятеля оружием вооружать крестьян... Мужиков ободрять подвигами, которые оказывали они в других местах». Именно поэтому мужики проявляли здесь наибольшую решимость к сопротивлению «супостату».

Черниговская губерния. 6 (18) августа Лобанов-Ростовский сообщил Эртелю, что набеги неприятельских шаек «до сих пор оказались маловажны и происходят от сто-

---

роны Могилевской и Рогачева, ограбляя фураж и скот у окрестных жителей, но с толиким опасением встретить наши силы, что при грабежах не осмеливаются те шайки и с лошадей своих сходить». Лобанов выслал «к разным пунктам Могилевской границы некоторое число казаков, позади коих имеются на трактовых дорогах сот по шести человек из земского ополчения». Он отметил, «что из числа пограничных обывателей лучшую ограду считаю я в слободах старообрядческих, кои, быв люди зажиточные, берегут собственность свою, ловят всякого бродягу». 9 (21) августа Багратион посоветовал Эртелю обратиться к «содействию земских ратников и вооруженных крестьян», а Лобанову-Ростовскому написал: «Не остается другого, как... подкрепить отряженные от Эртеля войска собранными верными земскими ратниками, которых я считаю необходимым придвинуть к стороне Белоруссии и Минской губернии»⁴³.

16 (28) августа Лобанов-Ростовский отправил 200 казаков к генералу А.В. Запольскому, а 22 августа (3 сентября) выслал 103 казака в Белицу, где они должны были получить приказ Эртеля, идти им на Чечерск или к Рогачеву. «Подполковник Кленовской, — сообщил губернатор, — из Чернигова вышел 18-го числа и с ним при чиновнике человек сто бугских казаков. Дал я им две пушки и по 25 картечных снарядов на каждую». Он сообщил, что в городенском и новозыбковском поветах в каждом «должно тысяч до двух с половиной быть, но по большей части народ с пиками, орудия другого мало, могу пару пушек дать им и сотню картечных выстрелов, но владеют плохо сими орудиями, хотя набрал отставных того рода людей». Лобанов сообщил из Чернигова, что узнав от Эртеля 16 (28) сентября, «что отряд неприятельской опять занял Рогачев и целит к Чечерску, велел я тотчас трем эскадронам казаков, ближе к нему находящимся, подкрепить г. Кленовского, а к Бобрянскому пункту придвинул еще до 1000 человек ополчения с несколькими орудиями при артиллерии майоре Подгайском, находящиеся в 30 только верстах от той границы. Но дабы сия сила могла быть действительней, думаю сейчас командировать отсюда баталион губернской стражи в самую Белицу на р. Сож и тут подкреплять могущую быть ретираду г. Кленовского».

18 (30) сентября генерал-лейтенант Н.В. Гудович, «приняв начальство над ополчением Малороссийской-Черниговской губернии», сообщил Кутузову, «что *ополчение сие состоит из 20 тысяч человек* пеших, вооруженных пиками и иным острым орудием ... *Сверх сих формируется еще таковых до 10 тысяч, расположены на границах Черниговской губернии.* От губерний Могилевской, Смоленской и от уезда Брянского губернии Орловской. *По сие число важных дел с неприятелем не было,* приводимы только бывають отдающиеся в плен разных наций воины неприятельские в небольших партиях, для фуражирования шатающиеся». Отсюда видно, что первоначально службу на кордонах несли около 10 тыс. ополченцев северных уездов губернии.

Гудович также сообщил, что «вся Могилевская губерния учинила присягу на верность Наполеону и собрала сверх из 50 одного в рекруты, девятого человека в конфедерацию и все сие белорусцев скопленное вооружение, по показаниям изловленных, угрожает нападением на молороссийские губернии и увеличивается беглых наших войск солдатами и всеми взятыми в плен с губерний польских и белорусских». Сведения о грозящей опасности были значительно преувеличены, но Гудович опасался любого движения даже небольших отрядов противника. Узнав о занятии неприятелем Рославля, он совершенно безосновательно заявил, будто «отряды оного подходят уже к границам здешним повета Мглинского. Равно стремятся на Брянск, где нет никакой защиты... наших войск в окружностях здешних нигде нет, кроме...

отряда подполковника Кленовского, с корпуса генерал-лейтенанта Эртеля отряженного и Могилевской губернии около Рогачева стоявшего»⁴⁴. Донесение это вызывает странное ощущение: Гудович знает, что в регионе появляются лишь небольшие партии неприятельских фуражиров, но сетует на отсутствие рядом регулярных войск.

28 сентября (10 октября) в г. Белицу прибыл отряд полковника Шица в составе частей Черниговского ополчения и Малороссийских казачьих (ополченческих) полков. Расположившись в с. Каменка, Гомли, Добрянке и г. Белице, этот отряд образовал «вторую линию в подкреплении Клиновского». Однако, по отзыву Кленовского, малороссийские казаки и черниговские ратники, вооруженные только пиками, а некоторые и саблями, «ничто иное суть, как куча мужиков, и я их не могу употребить в дело, как только для проведения цепи», и потому просил выдвинуть к м. Шепотовичи батальон регулярных войск.

12 (24) октября Кленовский донес, что поляки занимают м. Журавичи, Рудня, Пропойск, Глинск, Гайсин, Гадиловичи и другие селения и «делают набеги, набирают молодых людей в рекруты и уже составили до двух сот человек милиции в местечке Чаусах». Он просил «подкрепить меня регулярными войсками, ибо я мало имею надежды на Малороссийских казаков и защитников, вооруженных только пиками с саблями, и мало обученных, которые, при первом появлении неприятеля, могут причинить больше вреда, нежели пользы». Кленовский «разослал к помещикам Рогачевского повета повестки, дабы они по палетам неприятельским, не доставляли им никакого провианта и фуража». Однако те были настроены против России, и поэтому Кленовский расставил «по всем путям пикеты»⁴⁵.

К концу сентября 20 тыс. ратников Черниговского ополчения, вооруженные пиками «и иным острым оружием», расположились у границ с Могилевской и Смоленской губерниями. Кордонная цепь простиралась от с. Осадчины Остерского повета до с. Ключов Городничского повета на 700 верст, штаб-квартира разместилась в г. Мглине. Особенностью ее было то, что она предназначалась не только для противодействия фуражиром и мародерам, но и формировавшегося в Могилевской губернии «посполитого рушения», впрочем, почти не состоявшегося. Как и в Калужской губернии, на помощь кордонам вскоре пришлось направлять небольшие части регулярных войск и губернского ополчения. Но столкновения с мелкими партиями противника здесь были единичными по причине большой удаленности губернии от основной коммуникации противника.

Кроме того, «ополчения охранителей» были созданы еще в ряде губерний, близких к театру военных действий. *Тульское губернское ополчение* получило задачу «содержать кордон». С 5 (17) сентября пехотные полки расположились следующим образом: 3-й от г. Белева до Одоева и Крапивны, 1-й на правом берегу Оки от Серпухова через д. Лукьяновку до Тарусы, 4-й от г. Алексина до г. Тарусы, 2-й в районе Нарышкинских заводов. Оба егерских полка должны были «держат *кордоны* от г. Одоева к Белеву и к Кашире». Им пришлось иметь дело лишь с мелкими партиями мародеров, но начальник ополчения просил Кутузова усилить его двумя артиллерийскими ротами, ибо «без артиллерии переправу неприятеля удержать никак не возможно». 6 (18) октября отряд поручика Игнатьева из 45 конных казаков прогнал партию фуражиров из 60 человек, которая перешла через р. Пахру в с. Шебанцево. В целом, «в продолжение служения *по кордону* ничего особенного не случилось, но временами французских мародеров и от действующей нашей армии перехвачено ополчением в большом числе».

Помимо этого ополчения в ряде уездов Тульской губернии было создано «охранительное ополчение». Инициатором здесь выступило дворянство Чернского уезда, которое собрало 274 человека в «особое окружное ополчение», которое было вооружено «чем пришлось, кто какое оружие может иметь в готовности». Губернатор сообщил об этой инициативе предводителям прочих уездов. Согласно его инструкции, следовало вооружить «обывателей, не отделяя их от работ и общественных повинностей»; охранную службу несли конные разведчики, и лишь в случае возникшей опасности поднимались все вооруженные жители⁴⁶. Однако действовать этим «охранителям» так и не пришлось.

Рязанское ополчение, вооруженное исключительно пиками, в сентябре получило приказ Кутузова прикрывать дороги на Рязань и Касимов. Для этого генерал Н.А. Шишкин с 1-м егерским, 1-м и 2-м пехотными полками занял позицию у Коломны, «содержа бекеты и конные разьезды за наблюдением неприятельского появления» «от Коломны вверх реки до с. Клишина и вниз до Пирочь». С остальной частью ополчения его начальник генерал Л.Д. Измайлов расположился «при двух дорогах, ведущих к Рязани». В Журнале военных действий за вторую половину сентября указывалось, что Рязанское ополчение «обеспечивает губернию от неприятельских нападений, прикрывает большую дорогу, к Рязани ведущую, особенно же все транспорты, идущие в армию Окою»⁴⁷. Но никаких сведений о боевых столкновениях с неприятельскими партиями не существует.

Подобные отряды были созданы и в **Тамбовской губернии**, где «дворяне уже приняли осторожность. Они и рекрут дают и *охранителей для спасения границ* Тамбовской губернии». По словам губернатора, для этого они «собирают из своих крестьян двенадцатого человека» и «собранные таким образом люди, будут стоять только на границе здешней губернии и не пускать злодеев, а дальше никуда их не поведут». По другим данным, было собрано несколько тысяч воинов для «охранительной стражи из людей всех состояний с 25 душ по одному *охранителю*», но вскоре эта стража была распущена по домам⁴⁸. Губернатор **Орловский губернии** донес 7 (19) декабря Кутузову: «По уездам вверенной управлению моему губернии *учреждены были дворянством внутренние ополчения* по случаю бывших в соседственных губерниях военных действий, *единственно для обороны от малочисленных неприятельских отрядов, мародеров, дезертиров* ... При удалении неприятельских войск из сопредельных ... губерний, я предоставил роспуск *ратников* по домам или оставление оных в ополчении на волю дворянства»⁴⁹.

В **Исковской губернии** после манифеста от 18 (30) июля формирование ополчения было прекращено. Однако дворяне Торопецкого уезда, «желая оградить уезд свой от вторжения мироедов» (мародеров), решили «собрать из своих крестьян для составления *охранной стражи* со 100 по 2 человека». Всего было собрано около 3 тыс. человек⁵⁰. Сведений об их участии в боевых столкновениях нет.

В **Слободско-Украинской (Харьковской) губернии** ополчение, которое начало формироваться по первому царскому манифесту, было отменено по второму. Позднее, пораженные известием о занятии Москвы, дворяне Изюмского уезда прислали губернскому предводителю А.Ф. Квитке «депутатов, прося позволения на вооружение себя и людей своих». Такую же готовность выразили дворяне еще трех уездов. Квитка собрал уездных предводителей и 24 сентября (4 октября) сообщил, что «беглецы из армий составляют большие кучи, разбойничают, истребляют и сожигают селения, которые во ста или более верстах от мест, проходимых армиями, находятся» и призвал их принять меры, чтобы оградить губернию от этой опасности. Собрание поста-

новило «составить *ополчение для собственной защиты*», «не к отсылке в армию, а для *внутреннего защищения*». Причем, в ополчение предполагалось привлечь не только дворянских, но и казенных крестьян, на том основании, что «мы все подданные одного государя, все сыны того же отечества ... А потому и вооружение должно быть совокупное». Но часть помещиков воспротивилась такому решению по той причине, что «на то нет высочайшей воли, ниже и никакого от правительства повеления, да и о настоящей опасности от врагов России извещения здешняя губерния не имеет», что «без высочайшей монаршей воли и без предписания высшего правительства» невозможно «произвестъ ополчения в действо»⁵¹.

Сворачивание народной войны

К началу отступления неприятеля из Москвы к Смоленску относятся последние проявления активности кордонов в *Смоленской губернии*. 8 (20) октября Дибич «пропустил ложный слух, якобы неприятель идет к г. Белому в больших силах, с артиллерийскими орудиями, приказывая всем жителям города удалиться из домов своих, угрожая им, буде они не выйдут сей час, то велит их грабить, а дабы еще более увеличить во всех страх, приказал пехоте со всем своим обозом ретироваться по безопасной дороге к г. Ржеву, чрез что навлек к городу и уезду страх и ужас, отчего бедные жители города принуждены были, оставя свои дома, а иные и имущество, бежать для сыскания убежища в лесах». Из-за этой мифической опасности в Сычевке 10 (22) октября были умножены караулы из обывателей, а некоторые из них отправлены в уезд на разведку⁵².

Коленов упросил хорунжих Белоусова и Ионова сделать поиск, и те с 30-40 казаками и несколькими помещиками «отправились к Духовщине и по пути узнали, что неприятель, в числе 500 человек, действительно подходил к границам Бельского уезда, но без артиллерии. Этот отряд был отведен сметливыми бельскими крестьянами и оставил свое намерение сделать нападение на г. Белый». 12 (24) октября Чернозубов донес, что «неприятеля ни в г. Белом, ни в уезде оного нет; исправник же Бельского округа уведомил его, что французы в числе 700 человек приблизились Бельского уезда до д. Новоселок, но услышав от жителей, что в городе расположено 7 полков, стремительно ретировался в Духовщину, от куда они приходили»⁵³.

23—24 октября кордоны Сычевского уезда поддержали нападения полка Чернозубова 8-го на Смоленский тракт. «В сих предприятиях, — донес Чернозубов, — содействовали мне города Сычовок дворянский предводитель Нахимов и исправник Богуславский». Отдельные случаи народного сопротивления наблюдались и в других местах Смоленской губернии. Так, солдат Московского пехотного полка С. Еремеевко, раненый под Смоленском и оставшийся на излечении в с. Мичулове у помещика Кречетова, 30 октября (11 ноября) узнал, что в соседние д. Млекино и Ползино прибыла команда из 47 человек. Он собрал крестьян, убил 7 человек, а остальных отвел к казакам в Городок⁵⁴. Но в целом народная война прекратилась сама собою по причине отступления неприятеля из старорусских губерний.

В *Мозилевской губернии* черниговские ополченцы при поддержке небольших армейских отрядов и казаков продолжали противостоять польским войскам и мятежникам. Майор К. Шавтовский, высланный на разведку губернатором генералом П. Алорной, 31 октября сообщил, что «в Слободу из Якимовской и Паричей часто

приезжают русские патрули, сформированные из милиции нового набора, взятой из округов Рогачева, Мозыря и Белицы. Эта милиция смешана с казаками и регулярными войсками... В Чечерске князь Лобанов-Ростовский с двумя батальонами пехоты, пятью сотнями казаков, большей частью вновь сформированных из крестьян... Деревни Добысна, Буда, Лозовец, Мышковичи, Столпище часто разграбляются казаками из Бобруйска... Казаки также часто грабят часть округов Рогачева и Жлобина и прилегающие деревни. Округ Белица почти разрушен. Польские патрули часто прогоняют русских грабителей, 27-го они прогнали пятьдесят казаков из деревни Ковали»⁵⁵. Как видим, часть местного польского населения рассматривала действия казаков и ополченцев, как грабительские по отношению к себе.

В заключение следует подчеркнуть, что из большого числа «народных героев», именами которых заполнены книги об этой войне, очень многие являются вымышленными персонажами⁵⁶, а другие являлись вовсе не героями-одиночками, а действовали в рамках кордонной системы. Так, Н.П. Поликарпов заявил, будто инициаторами народной войны в Мосальском уезде стали сокольник В. Половцев и бурмистр Ф. Анофриев из с. Спасское. По его словам, они решили «противодействовать партиям французских фуражиров и мародеров и стали вербовать в свою партизанскую партию волонтеров-крестьян». Они расположили 350 крестьян на границах вотчины помещика М.П. Нарышкина и в д. Чебыши разбили партию из 47 человек⁵⁷.

Но два свидетельства, выданные указанным лицам исправником Суходольским, начальником кордонов С. Суходольским и командиром 4-го полка ополчения майором П. Яковлевым, говорят об ином. Когда стали появляться мародеры, Половцев «от баревых стрелков» набрал «50 верховых стрелков и 300 человек для кордону. Всегда в готовности продержал их с дозволения г. Нарышкина на счет вотчины». С 50 конными крестьянами он делал разъезды и отражал разбойников до подхода 4-го полка⁵⁸. Таким образом, Половцев набирал крестьян для кордона, которые создавались по распоряжению губернатора. К тому же, он действовал с дозволения своего помещика, так что нельзя говорить о его личной инициативе и «волонтерах-крестьянах». Упомянутый разгром партии из 47 человек относится к 31 октября, когда действиями кордонов руководил уже сам С. Суходольский.

Эффективность и значение народной войны

По нашим приблизительным подсчетам в Смоленской губернии произошло более 60 стычек на кордонах. Треть из них пришлась на кордоны Сычовского уезда, которые, правда, почти половину боев провели в Вяземском уезде. Более 20 стычек произошло в Московской губернии, и особенно активно сопротивлялись дружины Богородского уезда. Но особенно тяжело пришлось кордонам Калужской губернии, где имели место более 100 боестолкновений, из которых половина пришлась на Мосальский уезд, около 40 — на Медынский, более 10 — на Боровский. На кордонах прочих губерний столкновения с неприятелем были единичными. По подсчетам В.А. Бессонова, на кордонах Калужской губернии было взято в плен 1 400 человек и 2 200 убито, то есть общие потери неприятеля составили 3 600 человек. Известно, что кордоны Сычовского уезда истребили 1 098 и взяли в плен 235 человек. Затем они сражались в Вяземском уезде, и всего взяли в плен более 1 тыс. человек и убили — более 3 тыс. Более 500 человек было убито и пленено в

Рославльском уезде. Даже если учесть приводимые в литературе, но ничем не подтвержденные цифры неприятельских потерь в Рузском (более 1 тыс. человек) и Звенигородском (более 2 тыс. человек) уездах, где, к тому же, действовали партизанские партии, то общая цифра едва ли будет превышать 12 тыс. человек. Принимая во внимание то, что на кордонах всех прочих уездов речь шла о десятках, реже сотнях убитых и плененных неприятельских солдат, можно, с большой долей условности, говорить о 15—18 тыс. человек безвозвратных потерь, которые нанесли противнику кордоны всех названных губерний, что составляет всего лишь 2,5—3,5 % от общей численности Великой армии. Партизанские же отряды причинили неприятелю потери в несколько десятков тысяч человек, они действовали значительно дольше по времени и на гораздо большей территории.

Итак, народное сопротивление в ходе войны 1812 г. было организовано сверху царем, местной администрацией и дворянством. Оно охватывало лишь некоторые старорусские и малороссийские губернии, и, следовательно, было ограничено в пространстве и времени. В западных губерниях империи такого сопротивления организовано быть не могло по причине враждебного настроения польско-литовского и безразличия белорусского населения. В подавляющем числе случаев народные дружины были организованы по приказу сверху, гораздо реже — по инициативе самих жителей. К тому же кордоны не могли оказать достойного сопротивления даже небольшим партиям фуражиров и мародеров без поддержки частей ополчения, армии и казаков. У самих участников войны не было никаких иллюзий насчет боеспособности этих наспех набранных и плохо вооруженных дружин, и они постоянно просили усилить их частями регулярных и иррегулярных войск. Так что картина народной войны, «мащтабно разрисованная» в марксистской литературе, разительно отличается от того, что происходило в реальной действительности.

Примечания

- ¹ Попов А.И. О народном характере Отечественной войны 1812 г. // Воинский подвиг защитников Отечества. Ч. 2. Вологда, 2000. С. 68—88; *Он же*. Кто был зачинателем народной войны в 1812 г. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 75—91; *Он же*. Партизаны и народная война в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С. 172—207; *Он же*. Партизаны 1812 г. // Исторические исследования. Вып. 3. Самара, 2000. С. 73—93.
- ² Такое неправомерное отождествление сохраняется до сего дня: «Недаром помнит вся Россия...». Отечественная война 1812 года и заграничные походы 1813—1814 годов. Документальные реликвии. Каталог выставки. М., 2012. С. 52—53, 100.
- ³ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962. С. 144, 183—184, 187, 194—196 (далее — Народное ополчение); *Давыдов Д.В.* Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 166, 169, 170, 175, 215, 223, 238, 274, 276.
- ⁴ *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. М., 1990. С. 173; *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 2007. С. 363—364.
- ⁵ *Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 126—137, 205—218, 315—316, 380—398; *Бессонов В.А., Попов А.И.* Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2004. С. 23—54; *Бессонов В.А.* «Малая война» в 1812 г. Малоярославецкий уезд // Отечественная война 1812 года и российская провинция. Малоярославец, 2006. С. 15—30.
- ⁶ Смоленское дворянское ополчение. Смоленск, 1912. С. 2—4; Сборник РИО. Т. 128. С. 491. *Зельницкий Г.* Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815. С. 37. Прим.

- ⁷ Материалы ВУА. Т. 17. С. 276—277; *Военский К.А.* Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. М., 1912. С. 7.
- ⁸ *Бессонов В.А.* Указ. соч. С. 111.
- ⁹ *Бульчев Н.И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии. Калуга, 1911. Прил. 12.
- ¹⁰ Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С. 33, 36; *Зельницкий Г.* Указ. соч. С. 51, 71.
- ¹¹ Исторический вестник. 1903. № 12. С. 832—833; *Андреев П.Г.* Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. Смоленск, 1959. С. 74; *Лесли О.Н.* Лесли в войне 1812 г. Смоленск, 2005. С. 17—23, 34—35, 59, 63—65.
- ¹² *Fabry G.* Campagne de Russie. 1812: Operations militaires. Т. 3. Paris, 1902. P. 447, 449, 516; *Rüppell E.* Kriegsgefangen im Herzen Russlands. Berlin, 1912. S. 65.
- ¹³ *Мясоедов Д.* Кто был первый народный партизан на Руси в эпоху Отечественной войны // Исторический вестник. 1903. № 12. С. 832—833; *Андреев П.Г.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁴ Вслед за В.В. Верещагиным, некоторые авторы писали об отряде старосты одной из деревень С. Архипова, но это ни что иное, как «патриотическая легенда», так как она не подтверждается ни фактами, ни логикой (*Понов А.И.* Русские амазонки, Геркулес и Иван Сусанин 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск. 2003. С. 94).
- ¹⁵ *Fabry G.* Op. cit. V. 3. P. 496—497, 367; *Abbeel J.* L'Odyssee d'un carabinier a cheval. Bruxelles, 1969. P. 104—106.
- ¹⁶ Лейссер вспоминал: «В очередной раз мы увидели вдоль возвышенностей у большой деревни некоторое число людей с пиками; поначалу мы полагали, что это казаки, но поскольку они отступили на топкий луг, где только они могли знать удобные места, трое из них были взяты в плен, и тогда выяснилось, что это были никоим образом не казаки, а два крестьянина и поп, который взял на себя роль командира. Когда затем мы приехали в деревню, то нашли униформу французского егерского офицера, запятнанную кровью... По приказу командира были проведены дальнейшие розыски, и в том же самом сарае нашли еще пять убитых французских офицеров, лишь слегка прикрытых землей. По всем признакам это убийство произошло лишь за несколько часов перед тем, и совершили его плененные крестьяне. Генерал Латур-Мобур посчитал необходимым дать устрашающий пример; некоторые виновники были расстреляны, а деревня сожжена. Но наше положение не стало от этого лучше, так все те, кто отделился от войска и попадал в руки крестьян, уничтожались ими, и мы повсюду находили отдельных убитых солдат... Многие наши люди были ранены вооруженными крестьянами, поскольку вся масса народа вооружилась и убежала в леса» (*Cerrini C.* Die Feldzuge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821. S. 367—369; *Meerheim F.L.A.* Erlebnisse eines Veteranen. Dresden, 1860. S. 62, 64, 272—273; *Pouget de Nadaillac A.F.S.* Journal // CdS. 1911. P. 559).
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 67. Л. 2; Журналы комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802—1826. Т. 2. СПб., 1891. С. 567.
- ¹⁸ Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 г. Калуга, 1991. С. 75.
- ¹⁹ Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 32. Оп. 20. Д. 22. Л. 471—471 об. Этот важный для датировки событий документ обнаружен В.А. Бессоновым.
- ²⁰ *Бульчев Н.И.* Указ. соч. С. 12—13; *Зельницкий Г.* Указ. соч. С. 42, 46, 48—49, 52—53; *Ассонов В.И.* В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Калуга, 1912. С. 19; *Малоярославец* в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. Малоярославец, 1992. С. 72—73.
- ²¹ *Ассонов В.И.* Указ. соч. С. 19, Док. С. 108, 93, 94.
- ²² Народное ополчение... С. 428; *Абалихин Б.С.* Украинское ополчение 1812 г. // Отечественные записки. Т. 72. М., 1962. С. 99, 101; *Он же.* Отечественная война 1812 года на юго-западе России. Волгоград, 1987. С. 38—39. Перед тем, как процитировать эти документы, *Абалихин* беспечно заявил, что население создавало дружины самообороны и лишь позднее «местные власти решили использовать народную инициативу и подчинить себе дружины самообороны».
- ²³ Смоленская старина. Вып. 2. Смоленск, 1912. С. 22—23, 44—45, 65; Народное ополчение... С. 197, 181.
- ²⁴ *Елоховский А.* Преданность к своим государям и Отечеству жителей Смоленской губернии // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. С. 416; *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 248—250, 363—364; *Андреев П.Г.* Указ. соч. С. 75, 77; *Рябков Г.Т.* Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Смоленск, 1957. С. 28.
- ²⁵ *Елоховский А.* Указ. соч. // Отечественные записки. 1826. Ч. 26. С. 87; *Поликарпов Н.* Неведомый и неуловимый русский партизанский отряд // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 13—14.

- С. 468—472; № 11—12. С. 416; *Левшин А.Г.* Партизаны в Отечественную войну. М., 1912. С. 19—22; Вопросы истории. 1972. № 1. С. 118.
- ²⁶ ЦГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 192. Л. 5 об—6, 11—11 об, 21—21 об, 26—26 об.
- ²⁷ *Елоховский А.* Указ. соч. // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. С. 416—419; *Андреев П.Г.* Указ. соч. С. 83.
- ²⁸ Русская старина. 1900. № 9. С. 655—656; Русский архив. 1901. № 5. С. 11—12.
- ²⁹ Русский архив. 1901. № 5. С. 14; *Шукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. Ч. 1. М., 1897. С. 36—37; Ч. 2. С. 3—4; Ч. 5. С. 81; Ч. 8. С. 37—39; Народное ополчение... С. 194—195; *Игнатович И.И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963. С. 85.
- ³⁰ *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. Т. 2. Paris, 1838. P. 280, 413—414; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 2. Kraków, 1937. S. 232; *Chuquet A.* Ordres et apostilles de Napoléon I-er. Т. 2. Paris, 1912. P. 423—424, 433; *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 175; *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е. М., 1974. С. 239—240. Слово «милиция» во французском тексте Давыдов правильно перевел как «вооруженные поселяне», а Жилин заменил его на слово «партизаны».
- ³¹ По другим данным, защитники Рославля разделились на 5 конных отрядов по 30 человек, во главе которых стояли П. Шишов, Г. Репников, Д. Чепелкин, И. Чертков и Г. Матренин (*Ракочевский С.С.* Опыт собрания исторических записок о городе Рославле. Рославль, 1885. С. 216).
- ³² ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 566. Л. 9—10 об; *Ассонов В.И.* Указ. соч. Док. 93, 147—152; *Шевченко Е.А.* Отечественная война 1812 г. на территории Рославльского уезда // II этап Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1997. С. 27—39; *Мальшикин С.А.* Отечественная война 1812 года в воспоминаниях духовенства Смоленской губернии // Там же. С. 39—49.
- ³³ Были убиты 12 человек, 17 тяжело ранены, 20 взяты в плен. Захваченным в плен 15 рославльским мешанам удалось избежать смертной казни (К чести России. Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 189).
- ³⁴ Смехотворно выглядит утверждение, будто бы Тенишев и Семичев остановили неприятеля, *рвавшегося* к Брянскому арсеналу (*Иванова М.И.* Рославльчане — участники событий 1812 года // 1812 года: война и мир. Смоленск, 2010. С. 86—87), ибо у противника вообще не было таких планов.
- ³⁵ *Ассонов В.И.* Указ. соч. Док. 150—152; *Елоховский А.* Указ. соч. Ч. 26. С. 91; *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 223—227, 238—239, 274—275.
- ³⁶ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 566. Л. 11—11 об; *Ассонов В.И.* Указ. соч. Док. 36, 148, 152.
- ³⁷ *Ассонов В.И.* Указ. соч. С. 18—19. Док. 31, 96—97, 148, 150; Народное ополчение... С. 144.
- ³⁸ *Ассонов В.И.* Указ. соч. Док. 94—95; Народное ополчение... С. 140—141, 148; *Ливчак Б.Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России // Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 4. Свердловск, 1961. С. 115—116; *Смирнов А.А.* Калужское ополчение 1812 г. // Малоярославец. Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С. 92—93.
- ³⁹ Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11—12. С. 395; *Бессонов В.А., Попов А.И.* Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2004. С. 23—54.
- ⁴⁰ Подробнее о действиях кордонов в этой губернии см.: *Попов А.И.* Хроника действий кордонов Калужской губернии // От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославецкого сражения. Калуга, 2002. С. 191—200; *Бессонов В.А.* Калужский край в Отечественной войне 1812 г. Калуга, 2012. С. 108—125.
- ⁴¹ *Семеничева Е.В.* Можайский крестьянин Кондратий Кондратьев // Отечественная война 1812 года и российская провинция. Малоярославец, 2007. С. 280—288; РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 647. Л. 1—16.
- ⁴² «Крестьяне, частично вооруженные плохими ружьями и пиками, были так удивлены быстротой нашего марша, что побросали свое оружие и рассеялись в лесах. Из перехваченных бумаг мы узнали, что русские офицеры, высланные из Покрова, чтобы организовать милицию, не нашли никого в этих местах, и что крестьяне вообще проявили наихудшие настроения. Судя по тому, что я видел в довольно большом количестве, мне кажется, что они не хотели бы сражаться, а, напротив, надеются остаться в хороших отношениях с нами... Мы нашли здесь несколько значительных магазинов продовольствия и водки, и много пик и топоров, предназначенных для вооружения крестьян» (*Chuquet A.* Lettres. P. 69—72).
- ⁴³ Генерал Багратион. Сборник документов. М., 1945. С. 231, 233; Труды МО ИРВИО. Т. 2. С. 313; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 16. СПб., 1911. С. 254; Народное ополчение... С. 428; *Ливчак Б.Ф.* Указ. соч. С. 123; Бабкин писал, будто «население северной Черниговщины по своей инициативе... приступило к организации отрядов местной самообороны» (*Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 178).
- ⁴⁴ Материалы ВУА. Т. 19. С. 4—5; Народное ополчение... С. 429, 430—431.

- ⁴⁵ *Ахлестышев Д.П.* Двенадцатый год. Исторические документы армии Торماسова. СПб., 1912. С. 212, 222, 251—252, 256—258, 265—266. Стычки отряда Кленовского с неприятельскими партиями происходили в селениях Журавичи, Корма, Драгуновичи, Рыскове, Глинки, Городок, Гадилевичи (Народное ополчение... С. 441—443).
- ⁴⁶ *Никольский Н.Н.* Тульское охранительное ополчение 1812 г. Тула, 1899; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 107. Ч. 14. Л. 6; Ф. 474. Д. 3508. Л. 137; Народное ополчение... С. 236; *Бабкин В.И.* Указ. соч. С. 141—144.
- ⁴⁷ *Анухин В.Р.* Рязанское дворянское ополчение 1812—1814 гг. С. 12—13; Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 382; Народное ополчение... С. 168—169.
- ⁴⁸ Русский архив. 1899. Т. 2. С. 153—154; Журнал министерства юстиции. 1912. № 4. С. 280; *Ливчак Б.Ф.* Указ. соч. С. 104. Прим. 3; *Бабкин В.И.* Указ. соч. С. 83.
- ⁴⁹ *Анухин В.Р.* Орловское дворянство в Отечественную войну. Орел, 1913. С. 10—11; *Ливчак Б.Ф.* Указ. соч. С. 104—105. Прим. 4.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 474. Д. 3465. Ч. 12. Л. 23; *Бабкин В.И.* Указ. соч. С. 82.
- ⁵¹ Харьковское ополчение так и не было создано, так что утверждение советских авторов, будто губерния выставила более 13 тыс. ратников не соответствует действительности (Русская старина. 1905. № 3. С. 579; *Горновский И.А.* К истории Харьковского земского ополчения в 1812 г. // Киевская старина. 1905. № 3. С. 577, 583, 589; Участие харьковского дворянства в Отечественной войне 1812 г. по архивным сведениям. СПб., 1912. С. 12; *Ливчак Б.Ф.* Указ. соч. С. 105. Прим. 1; *Бабкин В.И.* Указ. соч. С. 88; *Абалихин Б.С.* Отечественная война 1812 г. на юго-западе России. Волгоград, 1987. С. 47; *Потрашков С.В.* Участие Слободско-Украинской губернии в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Сборник статей. Бородино, 1998. С. 134—143).
- ⁵² Иногда пишут, будто отряд поляков ворвался в Сычевку, но был выбит; *поляки несколько дней осаждали город*, а затем отступили. (Русская старина. 1900. № 9. С. 653; Русский архив. 1901. № 5. С. 6; *Вороновский В.М.* Указ. соч. С. 277, 388). Эти рассказы не соответствуют действительности.
- ⁵³ В литературе честь спасения Белого была приписана крестьянину Семену Силаеву, 70 лет, который напугал неприятеля заявлением, будто в городе находятся 20 (варианты 50, 700) казачьих полков! Непонятно, на каком основании его объявили «Иваном Сусаниным 1812 г.». На самом же деле отличился помещик Семен Силаевич Воеводский (*М.Д.* Город Белый и его уезд в 1812 году // Военный сборник. 1872. № 5. С. 119—121; Материалы ВУА. Т. 19. С. 94; *Елоховский А.* Указ. соч. Ч. 26. С. 87—88; Смоленское дворянское ополчение. Смоленск, 1912. С. 42—43; *Попов А.И.* Иван Сусанин 1812 г. // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии. Малоярославец, 2001. С. 44—60; *Lecomte F.* Le général Jomini, sa vie et ses écrits. Lausanne, 1888. P. 116).
- ⁵⁴ Материалы ВУА. Т. 15. С. 71. Позднее писали, будто Еремееенко «создал *народный партизанский* отряд из местных жителей и произвел *ряд нападений* на войска захватчиков» (Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 13—14. С. 472—473; *Левшин А.Г.* Указ. соч. С. 23; *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 235).
- ⁵⁵ *Fabry G.* Droite. P. 162.
- ⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Попов А.И.* Русские амазонки... С. 88—98.
- ⁵⁷ *Поликарпов Н.* Очерки Отечественной войны // Новая жизнь. 1911. № 8. С. 138—139; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 13—14. С. 474; *Левшин А.Г.* Указ. соч. С. 25—26.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 510—511 об; ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 243—243 об.

Г.Е. Бродский, И.С. Тихонов

События Отечественной войны 1812 года на дороге от Москвы до Троице-Сергиевой Лавры

Как известно, основными дорогами, на которых развернулись события Отечественной войны 1812 года на Московском театре военных действий, были Смоленская (Можайская), Рязанская, Старая и Новая Калужские.

Троицкая (Ярославская) дорога, ведущая в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, также сыграла свою роль в событиях сентября и октября 1812 г. на Московской земле. Прежде чем перейти к описанию происходивших на ней событий, расскажем о ее истории и местоположении. Эта дорога известна с XII в. Она вела в Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Вологду, позднее — в Архангельск. По ней же задолго до возникновения Владимирской дороги ездили во Владимир. Ее называли также Переславской дорогой, Архангелогородским трактом. Свое начало она брала на Лубянской площади в Москве, которая еще в начале XX в. имела совершенно иной облик, далее шла по нынешней Большой Лубянке, Сретенке, выходила на Сухаревскую площадь с ее знаменитой башней, шла по Большой Мещанской улице (нынешний Проспект Мира) через Мещанскую, Напрудную и Переславскую слободы вплоть до заставы, именуемой Троицкой (сейчас это площадь Рижского вокзала. Далее дорога несколько отклонялась вправо от нынешнего Проспекта Мира и проходила через земли Переяславской ямской слободы¹, ближе к Пятницкому кладбищу, через местность, ныне находящуюся под жилой застройкой, и выходила к селу Алексеевскому (Копытову)², в котором прежде располагался ныне утраченный первый царский путевой дворец на пути в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, а также связанная с ним прекрасная церковь Тихвинской Иконы Божией Матери, и поныне украшающая Москву.

Напротив этой церкви, в районе южного выхода станции метро ВДНХ, Троицкая дорога вновь как бы соединялась с нынешним Проспектом Мира и далее следовала по его направлению³. Старинные села, существовавшие в этом районе вдоль Троицкой дороги и немного поодаль, — Леоново, Ростокино⁴, Свиблово, Медведково, Лионозово — имеют свою интереснейшую историю, но в данной статье подробно останавливаться на ней мы не будем. Упомянем лишь, что вправо от Троицкой дороги, параллельно ей, пролегла линия первого московского водопровода, подававшего из Мытищ питьевую воду⁵. И сейчас можно видеть остатки этого прекрасного сооружения за ВДНХ, по правую сторону дороги, в долине реки Яузы, — так называемый Ростокинский акведук. В районе вышеупомянутых сел Ростокино и Леоново линия Мытищинского водопровода пересекала Троицкую дорогу и далее шла уже своим путем, отклоняясь влево. Необходимо отметить, что местность, лежащая вдоль Троицкой дороги, всегда была особенно богата лесами. Уже в Москве, вправо от нее, лежит огромный лесной массив — Лосиный Остров. И далее леса постоянно «сопровождают» эту живописнейшую дорогу, причем пологие холмы постоянно чередуются с ложбинами, перерезанными многочисленными речками.

Далее Троицкая дорога шла по направлению современного Ярославского шоссе примерно до нынешнего комплекса МИСИ, а затем несколько отклонялась влево и бежала дальше, между современными Ярославским шоссе и Палехской улицей. У нынешней МКАД дорога проходила через селение Малые Мытищи (Ватутина, Новоселки). Слева невдалеке лежало старинное дворцовое село Тайнинское (Тайничское, Танинское)⁶ со вторым царским путевым дворцом. От этого села сохранился по сей день настоящий шедевр — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы XVII в. Потом Троицкая дорога приходила в село Большие Мытищи. Любопытно, что Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» описал интересующие нас события именно взглядом из Мытищ: бесконечный поток беженцев, поспешно оставляющих Москву, и зарево пожара над занятой неприятелем Москвой. Далее Троицкая дорога переходила из Московского в Богородский уезд⁷ и проходила через деревню Тарасовка⁸, в 22 верстах от Москвы, пересекала реку Клязьму и, примерно на 30-й версте от первопрестольной, приходила в старинное село Пушкино⁹, известное еще с XV в. как Пouchкино, т.е. лежащее по реке Уче, превратившееся в XVI в. в Поушкино и, наконец, ставшее Пушкиным¹⁰. Недалеко от дороги, с левой ее стороны, находится еще один «немой свидетель» рассматриваемых нами событий — Никольская церковь, построенная в 1692—1694 гг., когда Пушкино было еще патриаршим селом. Далее дорога следовала через село Братовщина¹¹, известное с XVI в. Здесь также располагался царский путевой дворец, который в 1812 г. еще существовал. Примерно в 5 верстах от Братовщины находилось селение Талицы¹², где располагалась следующая после Тарасовки почтовая станция в 42 верстах от Москвы¹³. Затем дорога проходила через густые леса, реки Скайбу и Мавру, миновала село Григорьево и пересекала реку Воря у села Воздвиженское¹⁴, где располагался следующий царский путевой дворец на пути в Троице-Сергиеву Лавру. Далее дорога приводила к еще одному старинному селу Сафарино (ныне Софрино)¹⁵, и через слободу Клементьево приходила, наконец, к Троице-Сергиевой Лавре¹⁶, вокруг которой в XVIII столетии из нескольких слобод был образован Сергиев Посад. От Москвы до Сергиева Посада было 63 версты¹⁷.

Проходя через Сергиев Посад, прямо у подножия холма, на котором величественно возвышается Троице-Сергиева Лавра, Троицкая дорога разделялась дальше на две: отходящая влево вела через Деулино на Углич, а правая — на Александрову Слободу, Переславль-Залесский и далее, в глубину Владимирской губернии¹⁸. На последней дороге, примерно через 3 версты, находилась граница Московской и Владимирской губерний¹⁹.

Теперь перейдем к описанию событий, случившихся на Троицкой дороге во время Отечественной войны 1812 года. Прежде всего, следует вспомнить о беженцах, покидавших Москву перед угрозой наполеоновского нашествия. По утверждению современников, наиболее благоразумные москвичи стали выезжать из города еще с середины августа под видом богомолья в Троице-Сергиеву Лавру²⁰. Пик этого бегства пришелся на конец августа и первые два дня сентября. Так, в ночь с 31 августа на 1 сентября Москву покинул большой обоз с синодальной ризницей и церковными ценностями московских монастырей, отправленных в целях безопасности в Вологду. Ризничий Новоспасского монастыря оставил подробную записку об этом событии. Приведем фрагмент записки, относящийся к следованию обоза по Троицкой дороге: «И выехали из Кремля ровно в два часа (ночи — *Г.Б., И.Т.*). Весь обоз пробирался через площади и улицы между множеством собранных из уездов подвод от

Спасских ворот почти до Сухаревой башни. А выехали из заставы, уже рассветало. Здесь по дороге за нами и впереди нас стало умножаться неисчетное число народа, идущих и едущих обоего пола и всякого состояния и возраста. И, доехав селения Мытищ, остановились за оным на поле обедать и лошадей кормить. Но кто взял с собою хлеб, тот и покушал, и если избыток оставался, то и другому уделил. Так же и повозники: кои имели с собою в запасе сена или овса, то лошадей покормили, а у коих не было ничего, те на поле пасли. В селении же ни для людей, ни для лошадей никакого продовольствия и ни за какую цену купить было невозможно, ибо чрезвычайным множеством народа всякий запас был раскуплен. Побыв тут часа три, поехали и остановились ночевать при селении Рахмановщине, в коем продовольствия имели несколько получше. Часа в два по полунощи поехали и прибыли в Лавру в обедню. Остановились на монастыре. Здесь тамошний трапезный, прежде бывший в нашем монастыре послушником, угостил нас братскою трапезою, а служители и обозники обедали на постоянных дворах. Опыт научил нас в дорогу запастись. В посаде закупили мы печеного хлеба, гречневой крупы, сухих снятков, котликов, ложек и прочее, что виделось в дороге благопотребно и нужно. После вечерни из Лавры выехали. Остановились ночевать при селении Сваткове, ее за оным на лугу. Здесь кончается граница губернии Московской и начинается Владимирская»²¹. В конце декабря 1812 г. обоз с церковными ценностями по той же Троицкой дороге благополучно вернулся в Москву.

Также рано утром 1 сентября Москву покинула женская половина семьи московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина — его жена и три малолетних дочери. Глава семьи отправил их в Ярославль. Попутно заметим, что московский дом Ростопчина находился на улице Лубянке, т.е. на прямой линии следования по Троицкой дороге²². Одна из участниц этих драматических событий, Наталья Федоровна Ростопчина, впоследствии Нарышкина, оставила воспоминания: «Вечером 30 августа отец объявил нам, что мы должны выехать на другой день рано утром; больше терять времени было нечего, так как наша армия, находившаяся неподалеку, должна была занять позицию у самой Москвы... Отец назначил наш отъезд на 31 августа, но потом отложил его до 1-го сентября... Мы собрались в последний раз в 5 часов утра в кабинете матери... В городе все было в полном смятении; наш отъезд удвоил всеобщую панику, и все улицы были запружены дорожными экипажами. Еще более раздирающее зрелище ожидало нас за городской заставой: большая дорога к Троице, по которой нам предстояло ехать, была сплошь усеяна бедными пешеходами, с горьким плачем покидавшими места, с которыми они были связаны столькими узами. Они увозили с собой все свое имущество: коровы, собаки, лошади следовали за телегами, в которых, вместе с курами и хозяйственной утварью, помещались дети и дряхлые старики. Время от времени несчастные изгнанники оборачивались, чтобы окинуть грустным взором места, которые они не надеялись больше увидеть, и тогда плач и рыдания возобновлялись с новой силой. Нам пришлось подвигаться шагом, чтобы избежать несчастного случая, и только у первой станции дорога несколько очистилась от повозок, тянувшихся по ней в два ряда от самой Москвы. Мать решила переночевать в Троице, знаменитом монастыре Св. Сергия, расположенном в 60 верстах от Москвы, где мы не чувствовали себя разобщенными с отцом. Следующий день мы напрасно прождали известий от отца, а рассказы проезжих из Москвы так напугали мать, что она на другой день решила немедленно продолжать путь, чтобы скорее до-

---

ехать до Ярославля. (Немного позже полуночи увидели, что часть неба покрыта постепенно распространяющимся красноватым светом). ...Мы благополучно достигли Ярославля, который кишел беженцами из Москвы, число которых увеличивалось с каждым часом. ...Я не понимаю, как Наполеону не пришло в голову послать несколько отрядов в нашу сторону. Два таких богатых монастыря, как Ростовский и Троице-Сергиева Лавра, расположенные на самой большой дороге в Ярославль, представляли собой лакомый кусок для французских солдат, а в самом Ярославле можно было найти огромные запасы ржи, сена, муки и полотна. Но, к счастью, нас оставили, как и монахов, в покое и нам пришлось видеть французов только в качестве пленных, которых прислали в Ярославль из главной квартиры»²³.

И еще одно свидетельство человека, оказавшегося на Троицкой дороге близ самой Москвы во время пожара города: «Воздух час от часу становился тяжелее, так что когда, перешедши вал, приблизился я к обгорелым зданиям, то почти невозможно было дышать свободно»²⁴. После таких красноречивых описаний можно себе представить, что творилось на Троицкой дороге 2 сентября — в день вступления в Москву французов, когда даже самые рьяные оптимисты поняли, что надеяться остается только на Бога...

Среди тех, кто покинул Москву 2 сентября, был и главнокомандующий 2-й Западной армией князь Петр Иванович Багратион. В день Бородинского сражения 26 августа, защищая Семеновские флеши, он был ранен в левую ногу с раздроблением кости и был вынужден покинуть поле боя. Раненый полководец прибыл в Москву вечером 30 августа и остановился в доме своего дяди, сенатора и тайного советника князя Кирилла Александровича Багратиона на Большой Мещанской улице²⁵.

Рано утром 2 сентября граф Ростопчин сообщил князю П.И. Багратиону о необходимости уехать из Москвы. В ответ он прислал записку следующего содержания: «Прощай, мой почтенный друг. Я больше не увижу тебя. Я умру не от раны моей, а от Москвы»²⁶. Это предчувствие вскоре сбылось...

В тот же день, 2 сентября, в 9 часов утра князь в сопровождении врачей, адъютантов, а также некоторых раненых генералов и офицеров в четырехместной карете направился через Троицкую заставу, благо дом дяди находился недалеко от нее, в имение своего друга и дальнего родственника князя Б.А. Голицына — село Симу Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. В середине дня 3 сентября Багратион и сопровождавшие его лица прибыли в Сергиев Посад. В дороге состояние Петра Ивановича ухудшилось. Как вспоминал один из его лечащих врачей, медик лейб-гвардии Литовского полка Я.И. Говоров, «осенняя погода, а паче в то время непостоянная тряская дорога и причиненные ею беспокойства, двукратный ежедневно вынос из кареты и опять внос в оную, невозможность выдержать, во время переездов, план лечения, сопряжение новой болезни с другими застарелыми припадками, особенно грыжи, тайные некоторые душевные страдания и многие другие неблагоприятные обстоятельства были главною причиною, что рана день от дня становилась хуже»²⁷. Через четыре дня Багратион достиг цели своей поездки — села Симы, а еще через три, 12 сентября, он скончался от гангрены. Таким образом, Троицкая дорога стала последним путем в жизни выдающегося полководца и великого патриота России²⁸.

Части наполеоновской армии, вступив в древнюю русскую столицу, расположились по всем основным дорогам. На Троицкой дороге у села Алексеевское стала лагерем 13-я пехотная дивизия 4-го армейского корпуса под командованием генерала

А. Дельзона, а впереди нее, примерно в полутора верстах, у села Ростокино находился один батальон Испанского полка Жозефа Наполеона из 14-й пехотной дивизии того же корпуса. Также неподалеку от Троицкой дороги, в селе Останкино, располагалась часть кавалерийской бригады генерала К.Р. Гойона²⁹. Туда же 3 (17) сентября перенес свою квартиру генерал Ф.А. Орнано. И туда же был выделен один эскадрон 6-го баварского полка. Два пикета баварских шволежеров из 30 коней каждый встали у Алексеевского: один — впереди села, другой — правее. Последний тут же был атакован отрядом казаков из 50—60 человек, отброшен и преследован до лагеря. 7 человек из 5-го баварского полка были ранены, 5 человек и 8 лошадей захвачены в плен. Этот пост был усилен капитаном с 30 нижними чинами³⁰.

Троицкая дорога постоянно фигурирует в приказах и письмах Главной Квартиры русской армии, а также в донесениях и рапортах различных должностных лиц. Так, в письме М.И. Кутузова от 3 сентября из села Жилино генерал-майору Ф.Ф. Винцингероде о прикрытии дороги на Клин и Тверь в связи с планом перехода армии на Калужскую дорогу говорится: «Первое движение, на которое должно быть обращено внимание вашего превосходительства, это занятие вашими войсками дороги на Клин или на Тверь, оставив на Ярославской дороге один из ваших казачьих полков под командою толкового офицера, объявив ему, что он будет отвечать за все ложные тревоги, могущие дойти до великой княгини (Екатерины Павловны. — *Г.Б., И.Т.*). Сей самый пост должен ежедневно доносить в Ярославль и стараться сохранять сообщение с казачьим постом, который я учрежу в Покрове по Владимирской дороге»³¹.

В донесении барона Винцингероде императору Александру I от 4 сентября из Тарасовки говорится: «4-й неприятельский корпус под командою вице-короля, который из Можайска принял направление на Рузу и Звенигород на Москву, и с которым я беспрестанно с отрядом моим был в деле, четыре дня уже расположен лагерем близ города, между Петербургскою и Ярославскою дорогами, по которой я находился в 20 верстах от города: по обеим дорогам неприятель послал отряды и аванпосты на несколько верст вперед. Несколько пленных, взятых казаками моими от неприятельских аванпостов, и которых теперь привели ко мне, уверяют, что 3-й неприятельский корпус расположен также лагерем поблизости города и позади 4-го»³².

В рапорте Кутузову также от 4 сентября из Тарасовки Винцингероде сообщает: «Расположение 3-го и 4-го корпусов неприятельских, стоящих между Ярославскою и С.-Петербургскою дорогами, принуждает меня остаться на ныне занимаемом мною месте для наблюдения за их движениями, намерения неприятеля могут быть только закрывать г. Москву, когда вся остальная его армия следует за армией Вашей Светлости, или следовать по С.-Петербургской дороге, или Ярославской, во всех этих его движениях буду я стараться его беспокоить и всегда держаться на его фланге, стараясь обо всем давать знать как можно чаще Вашей Светлости»³³.

В рапорте Александру I от 6 сентября, содержавшем планы дальнейших действий, Винцингероде докладывает: «Донского войска полк Денисова 7-го под командою майора Победнова оставлен мною на Ярославской дороге, и командиру оного строго предписано наблюдать за всеми движениями неприятеля по сей дороге, и обо всем доносить Его Императорскому Высочеству принцу Ольденбургскому, и сколько возможно будет упорствовать неприятелю в его наступлении»³⁴.

В донесениях Кутузова императору Александру I также имеются следующие упоминания о Троицкой дороге: «11 сентября. Красная Пахра. ... Генерал-адъютант

Винцингероде стоит на Тверской дороге, имея отряд и по Ярославской, и вместе с действиями армии на Можайскую дорогу будет и он на оную действовать»³⁵; «20 сентября. с. Тарутино. По последнему рапорту от генерал-адъютанта Винцингероде находится пост его на Черной Грязи, а от того поста застава в 8 верстах и неприятель по дорогам Санкт-Петербургской, Дмитриевской, Ярославской»³⁶.

В донесении принца Георгия Ольденбургского императору Александру I из Ярославля от 13 сентября говорится о 9-м пехотном полке, который выступил из Твери к армии, достиг Завидова 3 сентября, затем, получив приказ от Кутузова, повернул на Владимирскую дорогу, но, не доходя до Бутырских ворот, был остановлен бегущими из Москвы жителями, объявившими, что Москва уже занята неприятелем. Поручик Калинин повел полк проселочными дорогами и в 20 верстах от Москвы вышел к отряду генерал-адъютанта Винцингероде, прикрывавшему в это время Ярославскую дорогу. Винцингероде отправил этот полк под прикрытием казачьей партии в Ярославль³⁷.

Полковник А.Х. Бенкендорф, находившийся в описываемое время в отряде Винцингероде, в своих «Записках» также свидетельствует о стратегической важности Троицкой дороги и о событиях на ней: «Мы следовали вдоль окраины Москвы до Ярославской заставы, не будучи преследованы. Там мы остановились, чтобы прикрыть жителей столицы, бежавших от французов. Сердца самых нечувствительных солдат разрывались при виде ужасного зрелища тысяч этих несчастных, которые толкали друг друга, чтобы выйти скорее из города, в котором они покидали свои пепелища, свое состояние и все свои надежды.... Генерал Винцингероде, сознавая всю важность путей на Ярославль и Петербург, которые оказывались беззащитными в случае исполнения им полученного приказания — перейти на Владимирскую дорогу, отправил к фельдмаршалу курьера с докладом своих соображений и с просьбою о подтверждении приказания, прежде чем он обнажит обе указанные дороги. В Ярославле только что разрешилась от бремени великая княгиня Екатерина Павловна, а император и вся императорская фамилия находились в Петербурге. Рано утром на следующий день французы, владея пожарищем Москвы, заняли Ярославскую заставу и двинулись вперед, что вынудило нас отступить до Тарасовки. Там мы получили ответ фельдмаршала, которым он вверял бдительности генерала Винцингероде охрану обеих дорог — на Ярославль и Петербург. Тогда генерал, оставив казачьего полковника с двумя полками для прикрытия Ярославской дороги, приказал ему о всех движениях неприятеля непосредственно извещать великую княгиню и стараться все время сохранять сообщение, с одной стороны — с дорогой на Владимир, для обеспечения сношений с нашей главной армией, взявшей путь на Коломну, и с другой — с дорогой на Петербург, куда направился генерал Винцингероде с остальной частью своего отряда»³⁸. В другом месте, повествуя о выдвижении крупных сил неприятеля из Москвы по Волоколамской, Петербургской и Дмитровской дорогам для обеспечения добывания продовольствия и фуража, Бенкендорф замечает: «Одновременно неприятель двинулся вперед по Ярославской дороге и вынудил к отступлению два казачьих полка, оставленных для ее охраны. Он выслал также колонну на Дмитров и, парализовав этим наступательным движением на несколько дней набег наших партий, прикрыл своих фуражиров»³⁹.

Также не минули Троицкую дорогу и военные столкновения. Согласно приказу Кутузова, на ней был оставлен донской казачий полк Денисова 7-го под командой старшины Г.П. Победнова (Победного)⁴⁰. Он, собственно, и препятствовал францу-

---

ским отрядам продвинуться далеко по Троицкой дороге⁴¹. Водоразделом являлась деревня Тарасовка, около которой произошел ряд стычек⁴². Бывший ростовский городской голова М.И. Маракуев в своих «Записках» также свидетельствует об этом: «Деревня Тарасовка, отстоящая от Москвы 22 версты по нашему тракту, в коей протекает река Клязьма, во всю бытность неприятеля в Москве служила неприятельскому передовому посту квартирою, а река — границу с нашими казаками под командой сотника Победнова, которого квартира была в Пушкине»⁴³.

Винцингероде 24 сентября донес Александру I: «По Ярославской дороге, от 16-го числа до 22-го сего месяца неприятельских движений никаких не замечено, казачьи разъезды взято в плен 151 человек нижних чинов и 2 офицера»⁴⁴.

Принц Георг Ольденбургский в своих «Всеподданнейших донесениях» также свидетельствует об удачных действиях отряда Победнова. В донесении от 11 октября из Ярославля говорится: «Он (Победнов. — Г.Б., И.Т.) лагерем своим с 6 сентября, двадцать три дня, умел держаться за 15 верст от неприятельских застав в селении Тарасовке, все в одном месте, и не прежде позволил отступить отсюда за 10 верст в селение Братовшину, как 29 сентября, когда обстоятельства того потребовали и когда от генерал-адъютанта Винцингероде дано ему было на то повеление»⁴⁵. Потом же, при первом удобном случае, отразил неприятеля и возвратился в селение Тарасовку, а оттуда и еще ближе подвинулся к Москве в селение Большие Мытищи. Между тем партии казаков полка Победнова не оставляли в покое неприятеля. Они разъездами своими не одних фуражиров истребляли, но поражали, где только могли, и особые отряды, которые были неприятелем посылаемы для занятия наших сел и деревень. И так, во все время, считая по 8 октября, посредством благоразумных и решительных мер войскового старшины Победнова, неприятель потерял: убитыми 59 человек, в том числе 1-го офицера, и 381 пленными, которые казаками схвачены, в том числе 2 офицера. С нашей же стороны убит один и легко ранено 4 казака, а в одном деле казаки столь удачно действовали, что взяли 90 человек в плен, не потерпев никакого урона, кроме того, что один казак и лошадь легко тогда ранены»⁴⁶. Далее, в этом же донесении, принц Ольденбургский свидетельствует об одном важном и интересном факте: «Наконец сего числа я получил от Победнова рапорт о занятии им Москвы. Он пишет, что первая партия, по Ярославской дороге посланная, сбита неприятеля с места и прогнала за Троицкий шлагбаум в самую Москву; а в восемь часов того же дня по утру сам Победнов со всем своим полком вошел в столицу и прогнал неприятеля за Никольские ворота почти до самого Кремля. В сем деле офицеры и казаки полка Победнова оказали отличные подвиги. Они с примерною храбростью поражали и гнали неприятеля на всех пунктах, где он ни появлялся, и открывали в обе стороны по городу Москве, направо до Дмитриевской, а налево до Смоленской и Преображенской застав. Сам же войсковой старшина того же числа перед вечером действовал на Петербургскую заставу и был у генерал-адъютанта Винцингероде, который отрядом своим, из 3-х казачьих полков состоящим, искусно отвел неприятеля в 1 000 человек кавалерии к Петровскому дворцу; и тогда уже все и со всех сторон, ударив его в пики, кололи до самого Петербургского шлагбаума и не мало взяли в плен, так что после сего неприятель принужден был стрелять из пушек с башен тюремного острога и высылать несколько пехоты для удержания разъяренных казаков»⁴⁷. И далее: «Наконец, войсковой старшина Победнов, пробывши в Москве до самой ночи 8-го октября, и оставив там неподалеку Троицкого шлагбаума пикеты,

сам отступил на ночлег до самого Алексеевского»⁴⁸. Все вышеприведенные подробные выдержки свидетельствуют о том, что первыми в Москву вошли именно казаки Победнова, а не Иловайского 4-го, как обычно считается⁴⁹.

Несмотря на успешные действия казаков против французов по этому направлению, тем не менее, многие селения, расположенные вдоль Троицкой дороги, оказались разграбленными. Так, например, из владения М.А. Раевской деревни Подушкино было угнано 32 лошади, 87 коров, 554 овцы и сожжен господский дом, из села Алексеевское изъято 6 500 пудов соли, из владения А.Р. Сунгурова села Медведково изъято 6 000 пудов и разграблена церковь, в имении Н.П. Высотского села Свиблово были разрушены и разграблены хлебные мельницы, в селе Леоново И.Г. Демидова была разорена церковь и т. д.⁵⁰

Были потери и среди мирного населения. Так, в метрической книге церкви села Большие Мытищи в записи от 30 сентября говорится: «Деревни Малых Мытищ убит неприятелем крестьянин Алексей Михайлов, от роду ему было 60 лет, и погребен того ж числа на кладбище»⁵¹. За 28 декабря 1812 г. в этой же метрической книге имеется следующая запись: «Умре по христианской должности ратник Василий Арефьев, от роду ему было 20 лет, и погребен того же числа на кладбище»⁵².

События Отечественной войны 1812 года на Троицкой дороге были увековечены в 1912 г., в 100-летний юбилей, поставленной в деревне Тарасовка каменной часовней. С этой инициативой выступили потомственный дворянин Г.В. Сапожников и группа крестьян деревни Тарасовки. Торжественная закладка часовни состоялась 26 августа 1912 г., в юбилей Бородинского сражения, а в октябре того же года она была уже полностью построена⁵³. Сохранился отзыв Г.В. Сапожникова от 11 октября 1912 г.: «26 августа состоялась торжественная закладка оной (часовни — Г.В., И.Т.), на месте, избранном крестьянами деревни Тарасовки. По общему согласию выбрали возвышенность среди деревни, вблизи дороги, дабы каждый прохожий мог молитвенно помянуть воинов, павших в 1812 году, помолиться и поставить свечу перед иконами угодников Божиих — Святителем Николаем и преподобным Сергием. Ныне воздвигнутая часовня сияет своим Крестом, разгоняющим мрак и невежество, пьянство и разгул, а крестьяне вместо кабака несут свою лепту на дело Божие»⁵⁴. Но этот памятник просуществовал чуть более 20 лет и в середине 1930-х гг. был разрушен. В августе 2009 г. на месте часовни был установлен мемориальный крест. В 2012 г. часовня была воссоздана и освящена.

Таким образом, события на Троицкой дороге также вписаны в общую картину действий вокруг Москвы осенью 1812 г.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Ч. 1. Д. П — 74 с.

² Там же. Д. А — 1 кр.

³ Там же. Д. О — 1 кр.

⁴ Там же. Д. Р — 1 кр.

⁵ Первый пуск воды состоялся 28 октября 1804 г.

⁶ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Ч. 1. Д. Г — 7 кр.

⁷ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2358—2363, 2189—2193.

⁸ Там же. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Д. З — 9 кр.

⁹ Там же. Д. П — 16 с., П — 45 кр.

- ¹⁰ Это одна из версий происхождения названия.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Д. Б — 42 кр.
- ¹² Там же. Д. Г — 12 с.
- ¹³ Указатель дорог Российской империи. Соч. Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части генерал-майором Михаилом Вистицким. Ч. 1. СПб., 1804. С. 1.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Д. В — 14 кр.
- ¹⁵ Там же. Д. С — 46 кр. От Софрино и Рахманово существовала еще одна дорога в Лавру через Хотьково: РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2189—2193.
- ¹⁶ По выражению Н.М. Карамзина, «Троице-Сергиева Лавра с самого своего основания истинный русский Палладиум». См.: *Ярцев А.* На богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. М., 1892. С. 26.
- ¹⁷ Указатель дорог Российской империи... С. 1.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Д. С — 64 кр.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2189—2193, 2186—2188, 169—176, 177—180.
- ²⁰ Записки ростовца М.И. Маракуева // Русский архив. 1907. Кн. 2. С. 115.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 54. Л. 1—18. Авторы благодарят Л.И. Шлионскую за указание на этот источник.
- ²² Современный адрес этого дома: ул. Большая Лубянка, д. 14.
- ²³ *Нарышкина Н.Ф.* Пребывание в г. Ярославле семьи графа Ф.В. Ростопчина, осенью 1812 г., по описанию Н.Ф. Нарышкиной, рожденной графини Ростопчиной // Труды Ярославской Ученой Архивной Комиссии. Кн. 3. Вып. 3. Ярославль, 1912.
- ²⁴ Записки С.А. Маслова // Наполеон в России глазами русских. Воспоминания современников. М., 2004. С. 8.
- ²⁵ Дом этот вскоре сгорел в московском пожаре. Сейчас на его месте находится «Салон Славы Зайцева» по адресу: проспект Мира, д. 21.
- ²⁶ *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 году // *Он же.* Ох, французы! М., 1992. С. 300.
- ²⁷ *Говоров Я.И.* Последние дни жизни князя Петра Ивановича Багратиона. СПб., 1815. С. 33—34.
- ²⁸ Необходимо отметить, что еще одна дорога — Владимирская, претендует на это. В некоторых краеведческих работах утверждается, что П.И. Багратион выехал из Москвы по Владимирской дороге. См. например: *Сергеев Е.К.* Владимирская дорога — памятник России. М., 2004. С. 12—13. Произошло это, вероятно, от того, что Я.И. Говоров в указанной выше книге ошибочно написал, что «выехали мы из Москвы и взяли Владимирскую дорогу», т.е. дорогу на Владимир. Он не был москвичом и легко мог перепутать дороги, к тому же цель поездки находилась во Владимирской губернии, а Багратион первоначально предполагал ехать на лечение в Нижний Новгород через Владимир.
- ²⁹ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 778—779; *Земцов В.Н.* Гвардия Наполеона в Москве 14—16 сентября 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XII научной конференции. Бородино, 6—8 сентября 2004 г. М., 2005. С. 144; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 69. Л. 11; Документы, относящиеся к истории 1812 г. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е.И.В. Канцелярии с Высочайшего Соизволения. Вып. 14. Ч. 2. СПб., 1913. С. 211—214.
- ³⁰ *Попов А.И.* «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. М., 2011. С. 45—46.
- ³¹ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). М., 2006. С. 119—120.
- ³² Там же. № 118. С. 120—121.
- ³³ Документы, относящиеся к истории 1812 г. Сборник исторических материалов... Вып. 14. Ч. 2. С. 213.
- ³⁴ Там же. С. 215.
- ³⁵ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива С.Е.И.В. канцелярии. Вып. 10. СПб., 1898. С. 39.
- ³⁶ Там же. С. 49.
- ³⁷ Там же. С. 240—241.
- ³⁸ Записки Бенкендорфа. М., 2001. С. 63—65.
- ³⁹ Там же. С. 67.
- ⁴⁰ Документы, относящиеся к истории 1812 г. Сборник исторических материалов... Вып. 14. Ч. 2. С. 215.
- ⁴¹ Сохранились рапорты и донесения об этих действиях. Приведем отрывок из одного подобного рапорта: «Начальнику Главного Штаба 2-й Западной Армии г-ну генерал-адъютанту и кавалеру графу Сенприесту (Э.Ф. Сен-При. — Г.Б., И.Т.) войскового старшины Победнова рапорт. На повеление Вашего Сиятельства от 4-го сего сентября ко мне последовавшего, донести честь имею, что по повелению г. генерал-адъютанта барона Винцингероде нахожусь с моим донским

казачьим Денисова 7-го полком на Ярославской дороге в селении Тарасовке от Москвы в 22 верстах, а на Владимирской в селении Ивановой от Москвы в 12 верстах (ныне в черте Москвы — *Г.Б., И.Т.*) оставлен с командой полка сего есаул Денисов 26-й, который донесения свои делает о всяком неприятельском движении владимирскому воинскому начальнику, каковые предписал сейчас ему Денисову делать, а особо и Вашему Сиятельству по учрежденным почтам. Армия наша, равно и французская, движения свои имеют по Коломенской дороге, а на Владимирской и Ярославской кроме неприятельских застав состоящих в несколько кавалерии от Москвы в 5-ти верстах (у села Алексеевское — *Г.Б., И.Т.*), от коих от вчерашнего числа донесению ничего не предвидится. Войсковой старшина Победнов. № 791. сентября 7-го дня 1812 года. с. Тарасовка». РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2018. Л. 1.

⁴² *Киселев П.А.* Тарасовка. Страницы истории. М., 2006. С. 25—26.

⁴³ Записки ростовца Маракуева... С. 31.

⁴⁴ Документы, относящиеся к истории 1812 г. Сборник исторических материалов... Вып. 14. Ч. 2. С. 243.

⁴⁵ В это время неприятелем была предпринята экспедиция на Дмитров по Петербургской и Дмитровской дорогам; отряд Победнова отступил к Пушкину, чтобы не терять сообщения с основными силами отряда Винцингероде, находившимися в эти дни у Клина.

⁴⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива С.Е.И.В. канцелярии. Вып. 10. С. 244—245.

⁴⁷ Там же. С. 245—246.

⁴⁸ Там же. С. 246.

⁴⁹ См. также: Рапорт Ф.Ф. Винцингероде императору Александру I от 8 октября 1812 г. Документы, относящиеся к истории 1812 г. Сборник исторических материалов... Вып. 14. Ч. 2. С. 258—259.

⁵⁰ *Прохоров М.Ф.* Дворянская усадьба Подмосковья в период Отечественной войны 1812 года. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIV Всероссийской конференции. Бородино, 4—6 сентября 2006 г. М., 2007. С. 253—264.

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1065А. Л. 59 об.

⁵² Там же. Л. 63, 63 об.

⁵³ Там же. Ф. 103. Оп. 484. Л. 1—8.

⁵⁴ Там же. Ф. 203. Оп. 484. Д. 8. Л. 8—9.

Черногория в антинаполеоновской борьбе на Балканах (1806—1814 гг.)

Начало XIX века в Европе стало временем наполеоновских войн, и Черногория, маленькая страна на Балканах, по призыву России приняла участие в борьбе с французами на Адриатике. Экспансия наполеоновской Франции в Средиземноморье и на Балканах сильнее всего затрагивала внешнеполитические интересы России, поскольку это создавало реальную угрозу Ионическим островам, главной морской базе России в этом регионе. В целях обеспечения ее безопасности на остров Корфу в январе 1806 г. прибыла мощная русская эскадра под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина, состоявшая из 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 11 малых судов и 12 канонерских лодок. Сухопутные силы на островах насчитывали 13 200 человек, включая легион легких стрелков, состоявший из 2 000 греческих и албанских добровольцев¹.

Однако русских здесь поджидала новая проблема, поскольку побежденная Наполеоном Австрия по условиям Пресбургского мира (декабрь 1805 г.), помимо прочего, должна была уступить Франции Боку Которскую, далматинскую область, которая включала в себя крупнейший морской залив, где мог разместиться весь военный флот тогдашней Европы, а также мощную систему крепостей. Эти новые французские приобретения в стратегически важном для России регионе существенно затрагивали ее внешнеполитические интересы.

Черногория, утратив еще в начале XVIII в. свои малые владения на Адриатике, не забывала об этом и всегда стремилась их вернуть, ибо выход к морю позволил бы разомкнуть изолированность страны, улучшить ее экономическое положение. Среди славянского населения Приморья также существовала тяга к объединению в единое государство, чему способствовали его многосторонние связи с черногорцами. Возникшие в начале XIX в. внешнеполитические условия создавали предпосылки для реализации черногорских планов, поскольку в это время интересы Черногории и России тесно переплелись. Уже занявшие часть Далмации французские войска под командованием генерала Лористона готовились получить от австрийцев в свои руки и Боку Которскую, но этому помешали черногорцы во главе с духовным и светским правителем Черногории митрополитом Петром I Петровичем Негошем, на чью помощь заранее рассчитывал Д. Н. Сенявин. Черногорцы быстро и легко склонили на сторону России бокельцев, представителям общин которых сломленные австрийцы в феврале 1806 г. и вручили ключи от которских укреплений. Гражданским губернатором Котора стал российский эмиссар в Черногории С. А. Санковский, а военным комендантом — командир Витебского мушкетерского полка генерал-майор Мусин-Пушкин. Вскоре вся Которская область была занята русскими и черногорскими войсками.

Захват Боки Которской значительно усиливал позиции России в Средиземноморье. Отсюда было удобно осуществлять блокаду захваченных французами адриатических портов Далмации и Италии, а с суши производить диверсионные операции

против наполеоновских войск в Далмации. У России были надежные союзники — черногорско-бокельские военные формирования, готовые поддерживать русские войска.

Русское командование было заинтересовано в использовании боевых сил черногорцев, но не желало отталкивать от себя и дубровчан. Приняв помощь черногорцев, Д.Н. Сенявин почти одновременно, в начале мая 1806 г., заключил с сенатом Дубровника (Рагузы) соглашение, по которому в случае вступления французов на территорию республики Дубровник обязывался впустить в город русский гарнизон, а дубровчане должны были выступить с оружием в руках против наполеоновских войск. Однако соглашение так и не вступило в силу, ибо в середине мая 1806 г. французы хитростью бескровно овладели Дубровником. Русский консул в Дубровнике К. Фонтон прервал все отношения с властями республики, которая после оккупации французами утратила свой фактический суверенитет.

Военное столкновение становилось неизбежным, а вскоре русско-черногорско-бокельские войска осадили Дубровник, где им противостояли войска генерала Лористона и дубровницкое ополчение, причем ополченцы в боях не уступали французам. Впрочем, это и неудивительно, ибо окрестности Дубровника во время войны подвергались опустошению, разорению и грабегам со стороны черногорцев. Участник экспедиции Д.Н. Сенявина В.Б. Броневский писал по этому поводу о черногорцах следующее: «Если неприятеля не видно, они поют и пляшут, или занимаются грабегом в чем (должно отдать им справедливость) они весьма искусны, хотя и не знают пышных названий: контрибуция, реквизиция, насильственные займы и тому подобное. Грабег называют просто грабегом и отнюдь в том не запираются»². Попытки русского командования воспрепятствовать этому успеха не имели.

Французское командование, привыкшее к победам, решило перехватить военную инициативу. С этой целью французские регулярные войска, объединившись с частью дубровчан, ускоренным маршем двинулись к Котору. Однако у Цавтата (Старая Рагуза) они были встречены боевыми отрядами русских и черногорско-приморских войск и после ряда вооруженных столкновений вынуждены были отступить, укрепившись в предместье Дубровника, в районе Баргатских высот. Здесь 5 (17) июня 1806 г. состоялось решающее сражение. Запоминающееся описание этого боя приводит участвовавший в нем В.Б. Броневский: «Неприятель расположился на неприступных каменистых высотах Рагузских, устроил там батареи на выгоднейших местах и готов был к принятию атаки. Он занимал линию от моря до турецкой границы, не весьма пространную, и тем она была крепче. Природа и искусство обеспечивали его совершенно. Правое крыло его прикрыто было морем и крутым берегом; левое — турецкою границею, где не надлежало быть сражению. Перед фронтом его отвесные высокие скалы; занимаемые им четыре важнейших пункта были один за другим сомкнуты и соединены так, что каждый из них мог защищать один другого. Число неприятеля простиралось до 3 000 регулярных и 4 000 рагузцев, исправных и хорошо вооруженных стрелков. Наших регулярных войск было 1 200 человек, да черногорцев и приморцев до 3 500 человек. С таким числом весьма трудно было атаковать неприятельский фронт, ибо известно, как французы умеют укреплять места и как искусно выбирают выгодное положение для батарей; несмотря на все сии с нашей стороны невыгоды, главнокомандующий положил сделать нападение... Черногорцы бросались храбро, и перед самым важным пунктом, на самокрутейшей горе,

---

тотчас взяли один передовой пост и, ободрясь сею удачею, напали на другой с запальчивостью. Князь Вяземский, заметив, что неприятель предпринимает заманить черногорцев, отрядил для подкрепления их три роты егерей под командованием капитана Бабичева, который с чрезвычайною поспешностью взшел на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ее. Неприятель, усилясь, прогнал, было, черногорцев, но прибытие Бабичева удержало его стремление»³.

Об этом сражении писал и другой участник сенявинской экспедиции П.П. Свинын. Он отмечал мужество и хладнокровие, проявленное военачальниками Петром Негошем и генерал-майором В.В. Вяземским, героизм рядовых участников боя. В ходе сражения «черногорцы и бокезцы бросались с русскими вместе на пушки, и произвели впоследствии такой страх во французах, что они всякий раз при виде их предавались бегству»⁴.

Потери французской стороны составили около 450 человек убитыми, среди которых был и генерал Дельго, 150 человек попало в плен. Дубровчане потеряли в этом бою около 400 человек убитыми и ранеными. Потери русских и черногорцев были значительно меньше и составили около 150 человек убитыми и ранеными. Результатом этого сражения было также взятие господствующих над городом высот. Дубровник был блокирован с моря и суши, черногорцам удалось прервать его снабжение водой. Казалось, ничто не могло предотвратить его падение. Однако в это время вновь обострился Которский вопрос, поскольку разгневанный Наполеон потребовал от венского кабинета добиться ухода русских войск из Котора и всей Боки Которской, заставляя австрийцев послать туда войска для изгнания русских. Александр I, опасаясь, что Австрия станет вынужденным противником России, согласился на эвакуацию русских военных сил. И хотя впоследствии этот приказ был отменен, было уже поздно, поскольку разочарованные черногорцы в основной массе уже ушли из-под Дубровника по домам. Для штурма Дубровника у Д.Н. Сенявина оставалось недостаточно сил, всего 2 300 человек против 13 тысяч у неприятеля, и поэтому в конце июня 1806 г. осада была снята⁵. Вскоре к Сенявину прибыл специальный курьер с приказом возобновить военные действия против французов, он тотчас оповестил об этом Петра I Негоша, чтобы тот принял меры «к собранию распущенных черногорцев».

В сентябре 1806 г. объединенные русско-черногорские силы разбили французов под командованием Мармона у мыса Пунта д'Остро, а также сорвали их попытки овладеть крепостями Херцег-Нови и Шпаниола. Во время сражения за Херцег-Нови черногорцы, возглавляемые митрополитом, сумели зайти в тыл войскам Мармона, что принудило французов отступить к Дубровнику. Кроме того, в сентябрьских боях Д.Н. Сенявин сумел прекрасно организовать взаимодействие корабельной и крепостной артиллерии, совместный огонь которых буквально выкашивал французские колонны. В то время как повсюду в Европе наполеоновские войска одерживали победы, здесь они терпели поражение за поражением.

В бою черногорцы навели панику на французов. В.Б. Броневский так описывал их атаку: «Представьте дикий вой, ободряющий черногорцев, ужасающий французов, и присовокупите к тому отрубленные головы, висящие у них на шее и за плечами»⁶. О варварском обычае отрубать головы у плененных французов пишет и Г.А. Красовский в своих мемуарах, отмечая, что, несмотря на обещание русского командования платить деньги за каждого живого пленного, черногорцы их не при-

---

водили, а «считали за особую славу резать головы»⁷. Между прочим, в боях за Херцег-Нови едва не лишился головы перешедший на русскую службу из сардинской майор Мишо, не знавший русского языка и принятый черногорцами за французского офицера. Г.А. Красовский писал, что «увидел много кинжалов над головою Мишо, но когда черногорцы услышали от меня, что это наш офицер, то бросились обнимать его, извиняясь в своей дерзости»⁸.

Впрочем, иногда французов удавалось спасти от рук черногорцев. Так, например, рядовой егерского полка Иван Ефимов на свои деньги выкупил у черногорцев пленного француза, которому угрожала смерть. После размена пленных этот француз явился к главнокомандующему далматинской армии генералу Мармону и рассказал об этом факте, сравнивая при этом условия русского плена с пребыванием в гостях. Русские же пленные, возвращавшиеся из Далмации, жаловались на тюремное содержание, голод и принуждение к вступлению во французскую службу⁹.

Жестокость черногорцев пытался объяснить Сенявин в письме к генералу Лористону. Сетую на их «низкую просвещенность», он отмечал, что черногорцы не нападали на дружественные или нейтральные земли, но когда они увидели, что войска приблизились к их границам, то в действие вступил азиатский обычай «не просить и не давать пощады», отменить который не в силах были ни Сенявин, ни митрополит Негош¹⁰.

Черногорцы были незаменимы в условиях горных боев, где они умело из-за естественных укрытий наносили чувствительный урон войскам Мармона. Большинство черногорцев, попавших из-за превратностей войны в плен, лишали себя жизни, разбивая головы о камень или уморив себя голодом, предпочитая смерть позору плена. В связи с этим В.Б. Броневский описывает случай, произошедший в мае 1807 г. в условиях начавшейся русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в которой черногорцы помогали русским войскам в период их неудачных боевых действий в Герцеговине. Во время отступления из-под Клобука уже находившийся в годах русский офицер упал на землю от усталости, казалось, он был не в силах идти дальше и ему грозил плен. К офицеру тотчас подоспел черногорец и произнес следующий монолог: «Ты очень храбр и желать должен, чтобы я отрезал тебе голову. Сотвори молитву, перекрестись». Такой радикальный способ решения проблемы ужаснул офицера, но одновременно вызвал у него дополнительный прилив сил, и он с помощью того же черногорца догнал основной отряд¹¹.

Если черногорцы более умело действовали на суше, то на море приоритет следует отдать бокельцам. Острова Корчула и Брач, расположенные вблизи далматинского побережья, играли важную роль в планах русского и французского командования. Именно здесь Сенявин хотел создать форпост для дальнейшего вытеснения французов из Далмации. Успешное проведение этой военной операции во многом зависело от быстроты ее осуществления и количества войск, поэтому к участию в ней было решено привлечь черногорцев и бокельцев. В конце ноября — начале декабря 1806 г. десант, состоявший из тысячи русских солдат и 300 отборных черногорских и бокельских стрелков, завладел этими островами¹².

Несмотря на отдельные неудачи, в целом совместные боевые действия русских морских и сухопутных сил и черногорско-приморских войск на Адриатике и Адриатическом побережье в период с начала 1806 г. до середины 1807 г. следует признать успешными. Под контролем союзников находилась большая территория Приморья

от Петроваца до Дубровника. Здесь при поддержке митрополита Петра I Негоша и Д.Н. Сенявина эффективно действовала система местного самоуправления. Успешные совместные действия против общего неприятеля способствовали укреплению дружбы между русскими и югославянами. Д.Н. Сенявин неоднократно награждал черногорцев и бокельцев, отмечая их храбрость, мужество и боевые заслуги.

1807 год был тяжелым для России. Продолжалась война с Турцией, дела 4-й антинаполеоновской коалиции складывались крайне неудачно. Захват французами почти всей Пруссии, бездействие Англии, не высадившей в кампании 1807 г. ни одного солдата на континент и, наконец, поражение под Фридландом заставили Александра I изменить внешнюю политику и пойти на соглашение с Наполеоном. В результате Тильзитского мира (25 июня (7 июля) 1807 г.) Россия получила мирную передышку, но она была куплена дорогой ценой. Среди прочих уступок к Франции отходили Ионические острова и Которская область. Таким образом, Россия утратила свои военно-стратегические и политические позиции в Восточном Средиземноморье и юго-западной части Балканского полуострова.

Тильзитский мир и уход русской эскадры создали новую обстановку на границах Черногории, теперь могущественная Франция была ее соседкой, а Бока Которская вновь стала чужим владением. Оставшись одна, Черногория, хотя и ослабленная людскими и материальными потерями в сражениях 1806—1807 гг., сумела все же противостоять настойчивым попыткам Наполеона сломить ее, подчинить своему влиянию. Митрополит Негош, несмотря на неоднократные обращения французов, отверг их просьбы об открытии консульства в Цетинье. На одной из скупщин 1808 г. была принята следующая резолюция по этому вопросу: «Не согласимся никогда иметь у себя консулов других наций, кроме консулов российских, и если к несчастью нашему забудет о нас Россия, то с терпением ожидать будем того блаженного времени, когда она вспомнит, что черногорцы существуют и ей верны и преданны»¹³. И черногорцы сдержали данное ими слово.

Сохранявшееся и после Тильзита русское влияние в Черногории беспокоило Наполеона, прилагавшего большие усилия к ее подчинению. Преследуя эту цель, военное командование в Далмации оказывало постоянное давление на черногорского митрополита, но все было тщетно. Негош решительно отказывался от установления тесных политических отношений с Францией, и хотя Наполеон был в это время в союзе с Россией, на Балканах мало кто верил в искренность и прочность этого союза. О близости разрыва между Россией и Францией Негош заявил еще в 1810 г. посетившему Черногорию коменданту Котора полковнику Виалла де Сомьеру. Готовность черногорцев противостоять возможной агрессии сдерживала французов, заставляла их прибегать то к щедрым посулам, то к угрозам. В адрес черногорцев звучали грозные обещания превратить Монтенегро (Черногорию) в Монтероса (Красногорию), т.е. залить ее кровью. Однако пойти на это французы не решались, понимая, что слишком много и их крови будет пролито в этих горах, черногорцы также не стремились враждовать с французами. Поэтому долгое время удавалось соблюдать относительный мир на границах, хотя и случались эпизодические локальные конфликты.

В 1809 г. Наполеон основал Иллирийские провинции, в которые, среди прочих славянских земель, была включена и Бока Которская. Сохранявшееся черногорское влияние в Приморье сильно беспокоило французов, не желавших иметь в тылу своих владений воинственный, непокоренный народ. Раздражало французскую админи-

---

страцию Приморья и то обстоятельство, что сотни бокельцев, скрываясь от призыва в армию, находили убежище в Черногории. По настоянию императора Мармон, ставший уже маршалом Франции, весной 1811 г. разработал детальный план военной экспедиции, согласно которому Черногория должна была быть атакована с нескольких сторон военными силами в составе 13—14 батальонов при 12 орудиях¹⁴. Митрополит и черногорское руководство вовсе не желали испытывать судьбу и воевать с французами. В свою очередь, французы стали задумываться над ценой замышляемой военной экспедиции, предложением для которой был угон скота черногорцами с французской территории. В результате в июне 1812 г. состоялась встреча французских представителей во главе с генералом Готье, черногорских старейшин и Петра I Негоша, итогом которой стало подписание французско-черногорского соглашения. Согласно этому документу, все «недоразумения» отныне должна была решать совместная французско-черногорская комиссия. Во внешнеполитическом плане особый интерес представляла 4-я статья, где, среди прочего, отмечалось, что если по призыву России Черногория согласится воевать против Франции, то французские власти должны быть предупреждены об этом за 2 месяца¹⁵. Между тем Черногория была готова выступить на стороне России. Как подчеркивалось в письме Негоша к главнокомандующему Дунайской армии П.В. Чичагову, написанному в разгар войны 1812 года, никакие «колообращения европейских обстоятельств» не могут поколебать преданности черногорцев России¹⁶. Гибель французской армии в России и последовавший затем заключительный этап борьбы с Наполеоном оживили у черногорского руководства и Петра Негоша старые планы объединиться с Бокой Которской в единое государство и получить долгожданный выход к Адриатике.

Радикальное решение вопроса о приморских территориях стало казаться черногорцам возможным во второй половине 1813 г., когда оформилась шестая антинаполеоновская коалиция. Однако в Черногории не знали о том, что во время переговоров в Рейгенбахе и Теплице летом 1813 г. Австрия выдвинула в качестве неперемennого условия своего присоединения к коалиции переход в ее руки Иллирийских провинций, в состав которых входила и Бока Которская.

В ходе антинаполеоновских войн английский флот в 1812 г. прочно обосновался в Средиземном море, а английская и австрийская агентурная сеть широко распространялась по Приморью, охватив и Черногорию. Зная, что Великобритания находится в союзе с Россией, Петр I Негош установил тесные связи с английским полковником Данезом, который, бывая в Цетинье, упорно склонял владыку к союзу с англичанами с целью освобождения Которской области от французского владычества. Негош согласился на это, поставив перед англичанами одним из условий объединение Черногории, Боки Которской и дубровницкого района Конавль в «единую небольшую республику» под покровительством России и Великобритании. Зная по опыту кампании 1806—1807 гг. переменчивость военной фортуны и международной политики, Негош добивался гарантий, чтобы в случае поражения от французов черногорцы, по желанию, были переселены в Россию либо Англию, сохраняя при этом свободу вероисповедания¹⁷. Англичане дали митрополиту эти обещания. Достигнув соглашения с англичанами и уверенные в поддержке населения Приморья, черногорцы в сентябре 1813 г. вступили на территорию Боки Которской, а в октябре с помощью британского флота очистили ее от французов (кроме капитулировавшего в январе 1814 г. г. Котора).

Еще в ходе боев Петр I Негош и его приморские сторонники подготавливали общественное мнение к объединению Боки Которской с Черногорией. В результате их действий, не дожидаясь освобождения г. Котора, представители Черногории, Будвы, Паштровичей и Боки Которской на скупщине в Доброте 29 октября 1813 г. приняли решение об объединении этих земель с Черногорией. В ноябре 1813 г. Петр I Негош направил письмо Александру I, в котором просил признать объединение Черногории с Боккой Которской, приняв новое государственное образование под свое покровительство, либо, если это невозможно, переселить в Россию желающих черногорцев¹⁸.

Положение, сложившееся вокруг Боки Которской, доставляло изрядное беспокойство русскому правительству, ставило его в затруднительную ситуацию. Как уже отмечалось, в силу заключенных в 1813 г. соглашений, главной целью которых было привлечение Австрии к антинаполеоновской коалиции, Бока Которская должна была отойти к Австрии, но нахождение там черногорцев и тем более объединение их с приморцами в единое государство усложняли ситуацию и требовали специального решения. Александр I определил свое отношение к этому вопросу еще в конце февраля 1814 г., когда в Шомоне написал письмо Петру I Негошу, извещая его о передаче Боки Которской в руки Австрии и советуя ему и черногорцам вернуться в свои пределы¹⁹. Однако это письмо не было отправлено. Русское правительство напрямую увязывало вопрос о передаче Боки Которской с решением вопроса о выезде сербов-беженцев, участников восстания 1804—1813 гг. в Россию и возврате им конфискованного австрийскими властями имущества²⁰. Лишь после разрешения выезда сербов в Россию Александр I 20 мая (1 июня) 1814 г. подписал письмо Петру I Негошу, в котором сообщал о решении союзных держав передать Боку Которскую Австрии²¹.

Между тем Бока уже находилась в австрийских руках. Еще в начале июня генерал Милутинович по предписанию своих властей во главе военного корпуса из 3 600 человек при поддержке 15 кораблей вторгся в Боку Которскую, нарушив данное Петру I Негошу обещание не предпринимать каких-либо действий до получения ими решения царя о судьбе этой территории²². Неожиданно атакованный с суши и моря, гарнизон Котора 10 июня 1814 г. вынужден был капитулировать, а на следующий день черногорцы и митрополит вернулись в Черногорию. Черногорцы были готовы силой оружия вернуть Боку Которскую, но ответ царя перечеркнул все надежды Петра I и черногорцев на воссоединение с данной областью и другими приморскими территориями.

В отечественной и югославянской историографии существуют различные оценки отказа Александра I признать объединение Черногории с Приморьем в единое государство. П.А. Ровинский видел в этом непоследовательность и бесхарактерность русского правительства. Й. Бойович считал этот акт «огромной исторической несправедливостью». В этом с ним можно согласиться. В. Джорджевич полагал, что победителю Наполеона Александру I хватило бы «одного слова», чтобы объединить Боку Которскую с Черногорией и создать независимое государство. Аналогичных взглядов придерживался и Д. Вуксан, считавший, что «одного росчерка пера» Александра I было бы достаточно для объединения Боки и Черногории и тем самым выхода последней к морю²³. Подобные варианты не следует абсолютно игнорировать, как гипотетические они имеют право на существование. Несомненно, объединение под русским покровительством Боки Которской с Черногорией давало России возможность создать мощный форпост на Адриатическом побережье. Все это было

проверено на практике еще в 1806—1807 гг. Вместе с тем, в Петербурге не могли не осознавать и тех больших отрицательных последствий для России, которые неизбежно проявились бы в случае реализации этого плана. В первую очередь, несомненно, ухудшились бы русско-австрийские отношения. Австрия вынужденно терпела русское влияние в изолированной от моря Черногории, под давлением обстоятельств согласилась на присутствие русских войск и флота на Адриатике в 1806—1807 гг. Однако в новых условиях посленаполеоновской Европы подобная ситуация становилась для венского двора неприемлемой. У Австрии было достаточно сил воспротивиться русскому проникновению в этот регион, поскольку после победы над Наполеоном она не только сохранила, но и усилила свои позиции в Центральной и Южной Европе, к тому же за ее спиной стояла Англия. Британия, чей флот безраздельно господствовал в Средиземном море, также не собиралась уступать или делиться своим преобладанием в регионе, наоборот, Венский конгресс отдал под протекторат Британии Ионические острова, бывшие опорной базой русского флота, и правительство России под давлением обстоятельств пошло на это.

Объединение Черногории с Бокой Которской создало бы обостренную ситуацию и в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство никогда не признавало существующей де-факто независимости Черногории и лишь вынужденно терпело фактическое покровительство России над ней. Расширение границ Черногории к морю делало этого естественного врага Порты соседом в турецких приморских владениях на Адриатике. Порта, даже в силу необходимости сохранения международного престижа, могла предъявить свои претензии на новое государственное образование. Как следствие всего этого здесь мог возникнуть сложный клубок русско-австрийско-турецких противоречий.

Возможность возникновения подобного рода ситуации понимали в западноевропейских столицах. Поэтому не только Англия и Австрия, но даже побежденная Франция еще до начала работы Венского конгресса настроились решительно добиваться международного признания статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке, рассчитывая тем самым сковать на ближайшее время возможную активность России в этом регионе. Таким образом, то, что было возможным в годы борьбы против общего врага Наполеона, становилось неприемлемым в годы мира. Западные державы не были намерены возвращать России утраченные ею военно-морские базы в Средиземноморье. Не имея же их, Россия, даже если бы и пожелала, не могла оказать помощь Черногории в удержании Боки Которской.

В Черногории, где хитросплетения большой европейской политики были неведомы, известие о передаче Боки Которской Австрии восприняли как трагедию. Черногорцы и их владыка Петр I Негош были явно обижены и разочарованы тем, что их заслуги в борьбе против французов и проявленная при этом преданность России не были оценены по достоинству. Военная и дипломатическая борьба за Боку Которскую в 1813—1814 гг. потребовала от Черногории напряжения всех сил народа, больших военных и финансовых затрат, но все оказалось тщетным. Страна вновь оказалась в изоляции, без выхода к морю, во враждебном окружении австрийских и турецких соседей, а в русско-черногорских отношениях наступил период спада, продолжавшийся десять лет.

Примечания

- ¹ Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958. С. 96.
- ² Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 г. Ч. 2. СПб., 1818. С. 269.
- ³ Там же. С. 18—19.
- ⁴ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. 1. СПб., 1818. С. 181.
- ⁵ Шапиро А.Л. Которский вопрос в 1806 г. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 206.
- ⁶ Броневский В.Б. Записки... Ч. 1. СПб., 1818. С. 272.
- ⁷ Красовский Г.А. К истории войны с турками в 1807—1808 гг. // ОР РНБ. F-IV. Ед. хр. 824. Л. 30—30 об.
- ⁸ Там же. Л. 30 об.
- ⁹ Броневский В.Б. Записки... Ч. 1. С. 234—235.
- ¹⁰ Там же. С. 235.
- ¹¹ Там же. С. 268.
- ¹² Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 115. Д. 360. Л. 63—67 об.
- ¹³ Црногорско-руски односи 1711—1918. Руски извори о Црној Гори от краја XVII вијека. Подгорица-Москва, 1992. С. 138.
- ¹⁴ Лекић Д. Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784—1830). Цетинье, 1950. С. 259.
- ¹⁵ Пејовић Ђ.Д. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитка. Београд, 1981. С. 394.
- ¹⁶ Политические и культурные отношения России с югославянскими народами в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С. 66.
- ¹⁷ Текст англо-черногорского соглашения см.: Лекић Д. *Op. cit.* P. 269—270.
- ¹⁸ Политические и культурные отношения ... С. 69.
- ¹⁹ Там же. С. 82.
- ²⁰ Хевролина В.М. Из истории русско-черногорских отношений в 1813—1833 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Материалы Международной научной конференции. Ч. 1. М., 1992. С. 84—85.
- ²¹ Политические и культурные отношения ... С. 85.
- ²² Лекић Д. *Op. cit.* P. 287.
- ²³ Ровинский П.А. Отношения между Россией и Черногорией при владыках // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Ч. ССXXXIX. С. 225; Бойович Й.Р. Россия и Черногория в конце XVIII — начале XIX вв. // Россия и славяне: политика и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 15. М., 1992. С. 48; Борђевић В. Црна Гора и Аустрија. 1814—1894. Београд, 1924. С. 4; Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његова доба. Цетинье, 1951. С. 246.

Е. П. Кудрявцева

М. И. Кутузов-дипломат и заключение Бухарестского мира 1812 г.

Политическая обстановка в Европе накануне наполеоновского вторжения в Россию оставалась крайне сложной. В 1807 г. между Александром I и Наполеоном было заключено Тильзитское соглашение, в результате которого Россия становилась союзницей Франции. Две европейские державы разделили сферы политических интересов: Франции досталась Западная Европа, а России — Восточная, включая Балканы, которые стали объектом пристального внимания российского правительства. Согласно предварительным договоренностям, Россия укрепляла свое влияние в Дунайских княжествах и Сербии, а Франция — в Албании, Далмации и Которе¹. Окончательный текст русско-французского союза, подписанный 25 июня 1807 г., уже не содержал этих условий, но подразумевал посредничество Парижа по отношению ко всем спорным русско-турецким вопросам. Безусловно, это положение не могло отвечать интересам российской стороны, поскольку успех ее политики в Османской империи напрямую зависел от отсутствия третьих посреднических сторон, нарушавших возможное русско-турецкое согласие.

В целом международная обстановка накануне войны была крайне неблагоприятна для России. Фактически страна оказалась в изоляции. Перед ней стояла необходимость решить целый ряд внешнеполитических проблем — польский вопрос, отношения с Австрией, Пруссией, Турцией и Швецией. С лета 1810 г. начались крупные военные поставки Франции в герцогство Варшавское. С этого времени в течение двух лет Наполеон готовился к вторжению в Россию. Тогда же прусская дипломатия стала искать контакты с Россией. Она предложила свое посредничество в мирных переговорах России с Турцией. Фридрих Вильгельм III обещал Александру I сотрудничество в противостоянии Наполеону, одновременно пытаясь заручиться союзом с Францией, т.е. в потсдамском дворе существовали серьезные разногласия по поводу выработки дальнейшей политики. Готовясь заключить русско-пруссский союз, Фридрих Вильгельм III все же был вынужден под напором Наполеона подписать франко-пруссский договор и военную конвенцию 1812 г. Пруссия обязалась выставить против России 20-тысячный корпус, в случае победы Наполеон обещал ей территориальные компенсации. Одновременно в апреле 1812 г. в Петербург с секретной миссией прибыл прусский военный деятель О.Ф. Шеллер, который передал Александру I предложения Фридриха Вильгельма III сохранить тайные отношения между государствами. Такие же двусмысленные отношения складывались и с Австрией. Несмотря на заключенный австро-французский союз, при начале военных действий австрийский корпус под командованием Шварценберга остановился в Восточной Галиции, едва перейдя российскую границу, где и оставался в бездействии. Таким образом, перед началом войны Александру I удалось нейтрализовать Франца I и Фридриха Вильгельма III.

Кроме достигнутого половинчатого успеха в Пруссии и Австрии, России удалось подписать мирные договоры со Швецией и Турцией. Лишь Польша, вдохновленная

мечтой о возрождении государственности, зависима от Наполеона Голландия, да мелкие государства Германии и Италии шли вместе с французами. Одновременно в тылу у Наполеона оставалась не сложившаяся Испания, где Франция была вынуждена держать 300-тысячную армию, сражавшуюся с англичанами под командованием Веллингтона.

Несмотря на сближение России и Англии перед угрозой наполеоновской агрессии, русско-английские противоречия нельзя было считать полностью устраненными. В это время Россия не могла претендовать на то, чтобы быть достойным противником Великобритании в Средиземноморском бассейне — прежние позиции, которые она занимала в Восточном Средиземноморье и на Адриатике, были утрачены, а русско-турецкие договоры 1799 г. и 1805 г., дававшие весомые преимущества российскому флоту в Проливах, прекратили свое действие. Более того, по англо-турецкому договору 1809 г. Босфор и Дарданеллы по настоянию Великобритании были закрыты для военных кораблей всех держав, что являлось весьма ударом прежде всего для русского флота. Однако при заключении Бухарестского мира 1812 г. между Россией и Османской империей Англия была на стороне России. В то же время концепции России и Англии относительно сотрудничества с Османской империей значительно различались. Если Великобритания стояла на позициях поддержания *status quo* на Балканах, то в российских правящих кругах получили распространение планы по устройству на обширной территории Османской империи новых полузависимых христианских государств, опиравшихся на помощь православной России. Эти планы создания отдельных государств или общего славяно-сербского государства, объединявшего в своих границах несколько славянских народов, были чисто гипотетическими построениями, не имевшими определенной политической поддержки правительства, но общие тенденции будущей политики России на Балканах они выражали достаточно ясно.

В мае 1812 г. между Россией и Турцией был заключен Бухарестский мир, который на долгие годы стал программой балканской политики России и позволил избежать возможной катастрофы в борьбе с Наполеоном. Это соглашение стало одним из важнейших политико-стратегических документов, легших в основу геополитической доктрины России на Балканах и той отправной точкой, на которую опирались все дальнейшие русско-турецкие документы, содержавшие нормативные акты политического существования Дунайских Княжеств и Сербии в рамках Османской империи.

Безусловно, прежде всего, заключение Бухарестского договора следует рассматривать в качестве положительного политического шага в преддверии войны с Наполеоном. Действительно, накануне войны с Францией Россия стремилась завершить затянувшийся военный конфликт с Османской империей: Александр I ратифицировал Бухарестский договор буквально за день до вторжения Великой армии в Россию². В результате заключенного мира России удалось обеспечить нейтралитет Турции перед решающей схваткой с Наполеоном.

Бухарестский мир явился крупной дипломатической победой России. Он значительно укрепил ее положение на южных рубежах — Россия превращалась в придунайскую державу, сохраняла добровольно присоединившиеся к ней области на Кавказе и черноморское побережье с г. Сухуми. Турции возвращались только завоеванные земли и крепости, но добровольно вошедшие в состав России Мингрия, Имеретия, Гурия и Абхазия оставались за Россией. Условия договора впервые при-

---

знавали право сербского народа иметь ряд органов самоуправления, находясь в составе Османской империи, что обеспечивало Сербии определенные возможности для будущего политического развития. Договор признавал автономное самоуправление Молдавии и Валахии, а также присоединение Бессарабии к России. Изменение юго-западной границы имело важное значение, поскольку она теперь шла по левому берегу Дуная до его устья и Черного моря, что имело стратегическое значение для обороны Российской империи.

Мир, заключенный в Бухаресте, потребовал большого дипломатического искусства от российских представителей и явился несомненной заслугой М.И. Кутузова, который вел переговоры с османскими уполномоченными. Дипломатический талант Кутузова был замечен еще во время русско-турецких войн конца XVIII в., когда Михаил Илларионович воевал под начальством А.В. Суворова, говорившего о своем подопечном: «Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет». Благодаря знанию политической обстановки, языка и обычаев турок, Кутузов в 1892 г. был назначен чрезвычайным и полномочным посланником при Оттоманской Порте. Его основной миссией стало установление долгосрочного мира с Османской империей. На своем посту Кутузов должен был противостоять невыгодной для России таможенной политике Турции, препятствовать заключению франко-турецкого союза, способствовать развитию русской черноморской торговли. Со всеми этими задачами Кутузов справлялся блестяще. Он писал домой: «Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей Богу, не так мудра, как военная»³. И в настоящее время имя Кутузова-дипломата не забыто — его бюст стоит в здании российского генерального консульства в Стамбуле.

Успехами Кутузова в Турции можно объяснить и дальнейшие поручаемые ему дипломатические миссии — в 1795 г. он выполнял поручения, связанные с русско-шведскими отношениями, а в 1797 г. был направлен с дипломатической миссией в Берлин.

Принимая под командование Молдавскую армию, Кутузов имел намерение как можно скорее заключить мирный договор. В июне 1811 г. его войска разгромили турок под Рушуком на правом берегу Дуная. Взорвав турецкие укрепления, Кутузов отступил обратно на левый берег, что было воспринято турками как слабость русской армии. Видимостью отступления Кутузов хотел увлечь турок за Дунай, окружить и уничтожить их армию. Этот стратегический ход будет повторен Кутузовым и при отступлении из Москвы. «Важно не крепость взять, а войну выиграть» — эти слова прославленного полководца можно назвать его военным кредо. Можно вспомнить также и то, что еще в 1805 г. до Аустерлицкого поражения Кутузов предлагал применить ту же тактику: «Чем далее завлечем Наполеона, — говорил он, — тем будет он слабее, отдалится от своих резервов, и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов». План Кутузова не был принят, и после Аустерлицкой катастрофы произошла перегруппировка международных сил, что привело к развалу антинаполеоновской коалиции.

Еще осенью 1811 г. Кутузов получил из Петербурга инструкции с условиями мира, приемлемого для России. Но поскольку в то время османская сторона не готова была начать переговоры, Кутузову пришлось возобновить военные действия, нанести туркам поражение, окружив и взяв в плен значительные их силы. Ахмет-паша, командующий османской армией и давний приятель Кутузова в годы его пребывания в Константинополе, бежал из плена, вернее, Кутузов дал ему бежать, обосновав это

тем, что Ахмет-паша лучше, чем кто-либо сумеет склонить султана к миру. В ожидании этого решения Кутузов распорядился кормить пленных, заявив турецкому руководству, что войска «отнюдь у нас не в плену, а что они живут у нас в гостях по своей воле». Только человек, хорошо знакомый с нравами и обычаями Турции, мог действовать настолько деликатно, пощадив самолюбие турецких военачальников, чтобы не помешать им принять решение о необходимости заключения мира.

В секретном рескрипте от 22 марта (3 апреля) 1812 г. Александр I писал Кутузову: «Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительнейше взываю Вас любовью к своему Отечеству обратить все внимание Ваше к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная»⁴. Подписывая договор, Кутузов брал на себя колоссальную ответственность — ведь несмотря на то, что император прямо указывал на необходимость подписания договора, его условия не полностью отвечали интересам России. Еще в 1811 г. Кутузов получил инструкции Петербурга добиваться от Турции уступки Молдовы и Бессарабии, а также денежной компенсации⁵. Кроме того, российский император хотел бы не только нейтрализовать Турцию, но и иметь ее в качестве союзника. Однако сам Кутузов считал, что следует отказаться от требования присоединения Молдавии и поторопиться с заключением мирного договора. Кутузов-военачальник прекрасно понимал, насколько сложно будет вести войну одновременно на западе с Францией и на юге с Турцией. Только после того, как ему удалось убедить турецкую сторону в том, что миссия адъютанта Наполеона графа Нарбонна в ставку Александра I будет иметь своим следствием русско-французские договоренности, направленные против Турции, османское правительство поспешило с заключением договора с Россией⁶. Ахмет-паша достаточно откровенно выразил свои мысли в беседе с Фонтаном, когда говорил о том, что примирение России и Турции являлось главной задачей момента, поскольку они должны «позаботиться об общей обороне»⁷.

Заключение подобного договора французская сторона считала невероятным — ведь еще накануне, в феврале 1812 г., Наполеон пытался убедить султана в необходимости подписания франко-турецкого союза, который позволил бы Турции претендовать на обширные российские территории Причерноморья и Закавказья. В июне 1812 г. французский император прямо спрашивал генерал-адъютанта А.Д. Балашова: «Правда, что вы заключили мир с турками?... Если вы претендуете, как мне говорят, на границу по р. Прут, то ничего не выйдет, будьте уверены»⁸. Подписание мира сохранялось в большой тайне и вызывало появление многочисленных слухов о содержании статей этого документа. Позже, когда Наполеон писал мемуары на острове Святой Елены, он признавал, что после известия о Бухарестском мире ему следовало бы отказаться от похода на Россию — ведь вместо двух потенциальных союзников — Турции и Швеции, которые могли бы оттянуть фланги русской армии на север и на юг, он получил противника, усилившего свое политическое положение за счет русско-турецкого и русско-шведского соглашений. Таким образом, по словам сподвижника Наполеона графа де Ф.-П. Сегюра, возможные друзья Франции стали ее врагами⁹, а 50-тысячная Молдавская армия могла, забыв о турецкой угрозе, принять участие в сражениях на западном фронте.

Отдельным вопросом подписанных договоренностей стала судьба кавказских земель. Еще до подписания мира Кутузов признавался Румянцеву в том, что намерен подписать по Кавказу «статью темную и запутанную, которая... предоставила бы нам

возможность... настоять на сохранении за нами того, что нашими войсками теперь занимается»¹⁰. Действительно, Кутузов намеревался не выводить войска с занятых территорий. Однако в этот вопрос вмешались англичане, которые, по словам адмирала Чичагова, «помышляли лишь о том, какой вред может быть для английской Индии, если Россия утвердится на Кавказе»¹¹. По результатам мира русские войска эвакуировались из Анапы, Поти и Ахалкалаки, но остались в Сухуми и Редут-кале, контролируя практически все побережье Абхазии, Мегрелии и Гурии. Россия приобрела участок черноморского побережья протяженностью в 200 км. Несмотря на то, что требования Порты в этом вопросе были удовлетворены полностью, спор о принадлежности кавказских территорий остался надолго одной из основных дискуссионных точек в русско-турецких отношениях. Если Галиб-эфенди требовал вернуться к положению «status quo ante bellum», то русская сторона настаивала на том, что возвращению подлежат лишь территории, занятые «силой оружия», но не добровольно присоединенные, вступившие в подданство России до начала войны. Как и предполагал Кутузов, статья относительно положения кавказских земель на долгие годы осталась самой «темной и запутанной» в длинной череде русско-турецких противоречий.

По-видимому, именно выгодность для России статей договора стала причиной того, что султан по получении известия о заключении Бухарестского мира приказал казнить турецкого драгомана, подписавшего договор, не решившись, однако, полностью отказаться от его исполнения¹². Впрочем, следует отметить, что в румынской историографии существуют предположения, что заключение мира является следствием предательства османских депутатов. У казненного драгомана Порты Дмитрия Моружи, якобы, были найдены перстень стоимостью 12 тыс. лей и документы на владение имением в той части Молдовы, которая отошла к России¹³. Документальных свидетельств в подтверждение этого тезиса нет, а само предположение такого рода, вероятно, возникло потому, что заключение мира имело особую важность для России. Недаром Е.В. Тарле очень высоко оценил значение этого документа: «Кутузов-дипломат нанес Наполеону в 1812 г. тяжкий удар еще раньше, чем Кутузов-военачальник».

Однако нельзя сбрасывать со счетов самодостаточность условий договора для всей последующей политики России на Балканах и разработки концепции геополитических приоритетов во всем Ближневосточном регионе, включая Проливы. Одним из важнейших, а может быть и главным последствием Бухарестского мира была полученная Россией возможность контролировать выполнение всех статей договора, строить на этом дальнейшие русско-турецкие отношения и использовать их для укрепления своего влияния на просторах Балканского полуострова путем обеспечения политического развития подвластных Порте православных народов — молдаван, валахов, сербов, греков. Это в целом возросшее к началу 1830-х гг. влияние России на Балканах и Среднем Востоке, позволявшее рассматривать ее в качестве одной из сильнейших заинтересованных сторон среди других достойных европейских соперников, имело своим источником Бухарестские соглашения, впервые оформившие право Российской империи выступить гарантом создания первых автономных православных государств на Балканах. И за всеми этими успехами России, как в ее дальнейшей балканской политике, так и в завершении антинаполеоновской войны, стояли переговоры М.И. Кутузова, предшествовавшие заключению Бухарестского мира, его военные и дипломатические действия накануне Отечественной войны 1812 года.

Бухарестский мир в своей основе ставил проблему политического существования Дунайских княжеств и Сербии. Среди многочисленных православных народов, населявших Османскую империю, лишь сербы, молдаване и валахи могли претендовать как на самостоятельное политическое существование, так и на политическую поддержку России, поскольку только они имели сформированные и развитые органы внутреннего управления и представляли собой регионы высокой политической заинтересованности для российских властей. Именно Дунайские княжества являлись стратегически важным регионом, пограничными землями между Россией и Турцией, издавна обладавшими рядом политических привилегий. Именно здесь начинались и велись русско-турецкие войны, и местное население с надеждой обращало свои взоры в сторону России. Принятые положения об автономии этих составных частей Османской империи, наряду с присоединением Бессарабии и открывшимися возможностями торгового судоходства по Дунаю с выходом в Черное море — все было связано с упрочением торгового (а по возможности — и военного) присутствия российского флота в Проливах, а, следовательно, и в Средиземноморье. Таким образом, условия Бухарестского мира, решавшие конкретные задачи внешней политики России, содержали основу последующих договоренностей, построенных на заложенном в 1812 г. фундаменте. В первую очередь это касалось судеб христианских народов Турции.

После окончания Венского конгресса и создания Священного союза российское правительство активизировало балканское направление своей внешней политики, что явилось следствием подписанного в Бухаресте мира 1812 г. Именно статьи Бухарестского договора фигурировали во всех последующих соглашениях России и Османской империи в качестве фундамента их взаимодействия и позволяли российскому руководству выступать с обоснованными требованиями безусловного исполнения всех условий принятого соглашения. Ссылки на Бухарестский договор звучали своеобразным рефреном во время русско-турецких дискуссий, которые на протяжении шести лет вел в Константинополе российский посланник Г.А. Строганов по вопросам политического устройства Сербии и Дунайских княжеств. Упоминание о договоре присутствует в более поздних русско-турецких документах — Аккерманской конвенции 1826 г. и Адрианопольском договоре 1829 г., условия которого имели исключительно важное значение для дальнейшей судьбы балканских народов: расширялось самоуправление Дунайских княжеств, Греция и Сербия получали автономию.

Лишь после завершения русско-турецкой войны 1828—1829 гг. можно говорить о том, что решения Бухарестского договора вступили в действие. За годы многолетней борьбы российской дипломатии за исполнение статей этого и последующих договоров Россия последовательно расширяла сферу своего влияния на Балканах: ее политические деятели устанавливали связи с лидерами освободительных движений в Сербии и Черногории, выступали в поддержку боснийцев и болгар, опираясь на многочисленные жалобы, поступающие из далеких провинций Османской империи. Революция 1821 г. в Греции, став причиной затяжного Восточного кризиса, хотя и не получила безусловной поддержки российского правительства, все же, наряду с другими неурегулированными вопросами русско-турецких отношений, привела к военному столкновению, воспринятому балканскими народами в качестве войны за их освобождение. Это в целом возросшее к началу 1830-х гг. влияние России на Балканах и Среднем Востоке, позволявшее рассматривать ее в качестве одной из силь-

---

нейших заинтересованных сторон среди других достойных европейских соперников, имело своим источником Бухарестские соглашения, впервые оформившие право Российской империи выступить гарантом создания первых автономных православных государств на Балканах.

Примечания

- ¹ Кузнецова Г.А. Дипломатический дебют Александра I. Тильзитский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 117.
- ² Международные отношения на Балканах 1815—1830 гг. М., 1983. С. 26.
- ³ Муньков Н. Кутузов-дипломат. М., 1962. С. 27.
- ⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1952. С. 850.
- ⁵ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 75.
- ⁶ Шапкина А.Н. Полководец М.И. Кутузов и Брестский мир // Российская дипломатия в портретах... С. 132.
- ⁷ Казаков Н.И. Из истории Бухарестского мирного договора 1812 года // История СССР. 1967. № 3. С. 126.
- ⁸ Там же. С. 127.
- ⁹ Там же. С. 128.
- ¹⁰ Цит. по: Гендель Г.М. М.И. Кутузов и Бухарестский мир // Ученые записки Горьковского университета. Вып. 26. Горький, 1954. С. 102.
- ¹¹ Цит. по: Фадеев А.В. Бухарестский мир 1812 года и вопрос о кавказских границах // Ученые записки Ростовского университета. Т. 21. Вып. 3. Харьков, 1952. С. 83.
- ¹² Гендель Г.М. Указ. соч. С. 99.
- ¹³ Ксенопол А.Д. Война 1806—1812 гг. Бухарестский мир 1812 г. // Колумна. Кишинев, 1991. № 3. С. 58.

Литва в планах Александра I и Наполеона в 1812 году

Войну 1812 года породил кризис во французско-российских отношениях после победы над Австрией в 1809 г.¹ Первоначально Россия, обеспокоенная увеличением Великого герцогства Варшавского и польскими настроениями в западных губерниях России, решила предпринять дипломатические действия по отношению к Франции, которые имели целью дать гарантию невосстановления Польши². Когда эти шаги не принесли результата, в Петербурге начали думать о войне³. Постепенно побеждала концепция оборонительных действий, при которой планировалось оставить западные губернии России и дать отпор неприятелю на линии рек Двины, Березины и Днепра. При императорском дворе помнили, что в 1807 г. первые контакты Литвы с французским императором привели к появлению планов вызвать восстание в тылу армии Александра I, что стало одной из причин заключения Тильзитского мира⁴. Уже в начале 1807 г. с территории, аннексированной Россией, в Варшаву была отправлена делегация, которая должна была описать ситуацию в Литве, где не было крупных группировок российских войск, поскольку они были перенаправлены на запад в направлении Восточной Пруссии. Это стало основанием для разработки первых повстанческих планов. Их развили к весне 1807 г., приказывая ждать сигнала к борьбе. Литовцы, после возвращения своих эмиссаров из Варшавы, в соответствии с рекомендациями, полученными от военного командования, начали организовывать запасы продовольствия на главных путях будущих маршей французских войск. Они собирали транспортные средства и создавали склады, назначали лиц, которые должны были занять место российских чиновников, а также готовились выставить собственные войсковые части. В качестве представителя Литвы при Наполеоне был отправлен Юзеф Сераковский. Восстание не произошло, поскольку Наполеон удержал литовцев, считая, что сама угроза восстания в тылу российской армии склонит Александра к мирным переговорам⁵.

Уже вскоре, в 1809 г., начало очередной французско-австрийской войны усилило патриотические настроения среди жителей так называемых польских губерний. Вести с театра военных действий у многих вызвали желание как можно быстрее вступить в ряды Войска Польского. О масштабе проблемы свидетельствовала реакция российских властей. Губернаторы информировали Петербург об опасности польского восстания в западных губерниях Российской империи. В такой ситуации российская армия, которая вступила на территорию Габсбургской монархии, была также силой, создающей кордон безопасности в отношении польских войск князя Юзефа Понятовского, которые могли привести к польскому восстанию на Украине и в Литве⁶. Когда в Петербурге, после этих событий, начали думать о войне с Францией, первоначально предполагались наступательные действия, в которых использовалось бы в полной мере отсутствие подготовки Наполеона к противостоянию с Александром I. У всех были в памяти слова канцлера Николая Румянцева: «Мы ско-

---

рее принесем в жертву последнего солдата, нежели согласимся увеличить польскую территорию, поскольку этот вопрос касается нашего существования»⁷. Однако планы наступления против войск Наполеона в Германии пали, поскольку, несмотря на деятельность Адама Чарторыйского, не получилось склонить поляков из Герцогства Варшавского на сторону России, что должно было дать возможность наступления на запад⁸. Помня о позиции жителей бывшей Речи Посполитой, живущих в границах Российской империи, русские не предполагали вести войну на территории «польских» губерний, выводя российскую армию на восток.

В соответствии с принятой стратегией, земли, отданные Наполеону, следовало разорить, чтобы он не мог использовать их ресурсов для продолжения войны с Россией⁹. В рамках этого же плана были предприняты действия, имеющие целью нейтрализовать население Литвы по отношению к ожидающемуся объявлению французским императором восстановления Польского королевства. Вопреки существующим утверждениям, следует подчеркнуть, что литовцы не поддержали планов создания автономного Великого княжества Литовского¹⁰. Но целью российской политики была не реализация этих планов, а сам проект, который должен был пробудить литовский сепаратизм и разбить общество накануне огромного военного конфликта. О позиции литовского общества перед войной свидетельствует, в частности, переписка Феликса Любеньского, сводного брата Огинского, со Станиславом Брезой, который писал: «Однако, удерживаются элементарные слухи о возвращении императором Александром Польши... Уже готово воззвание к народному ополчению, одним словом видно, что хотят использовать русские, чтобы здесь вызвать волнения, чтобы оторвать, по крайней мере, часть [общества]. Кроме, может, нескольких богатых господ на аннексированной Россией территории, из которых одним приходится маскироваться, другие довольны правительством, в котором каждый может поступать самовольно, тот, у кого имеется значительный капитал; менее богатые, шляхта, крестьяне только и смотрят, когда поляки придут, чтобы с ними слиться»¹¹. Литовцы отвергли российскую власть, пронизанную восточным деспотизмом, коррупцией и бюрократизацией всех сфер общественной жизни¹². Формой сопротивления власти и одновременно отклонения возможности сотрудничества с захватчиком была позиция тех литовцев, которые эмигрировали в Варшавское Герцогство¹³.

Политика экономической эксплуатации западных губерний, ограничение прав шляхетского самоуправления, усиливающиеся после 1809 г. репрессии по отношению ко всем подозреваемым в сочувствии Наполеону привели к тому, что люди уходили от оппортунистической позиции рубежа XVIII и XIX вв., а глаза все большей части общества обращались на запад. Симпатия литовцев по отношению к Александру не означала одобрения его чиновников и все более тягостного российского правления. Мифом является утверждение о «терпимом российском правлении», когда накануне войны велось экономическое разорение Литвы. Вместо номинального снижения налогов, что должно было стать результатом действий Михаила Казимира Огинского, произошло их удвоение¹⁴. Создание русскими Главного комитета военных повинностей не служило появлению зачатков автономии страны, а углубляло эксплуатацию ресурсов Литвы¹⁵. Время функционирования этой структуры ограничилось всего лишь несколькими неделями перед войной. Однако в это время российская власть решительно контролировала исполнение наложенных обязанностей, лишив Литву после плохого урожая остатков продовольствия. В короткие сроки уда-

---

лось собрать огромные запасы зерна и фуража, дополнительно взыскивая налоговые недоимки за 1811 г., а также новые налоги за 1812 г.¹⁶

О жестокости российских действий в отношении Литвы свидетельствует тот факт, что русская армия не нуждалась в этих поставках. Создаваемые с 1810 г. огромные склады запасов обеспечивали постоянное снабжение для располагавшихся в Литве российских войск. Поэтому большую часть собранного продовольствия было решено уничтожить в момент вступления войск неприятеля. На территории Литвы было введено военное положение. Русские осознавали, что сразу же после вступления войск Наполеона в Литву начнут организовываться новые государственные власти, первой задачей которых будет создание частей национальной армии. Чтобы сделать это невозможным, было издано большое количество тайных инструкций, в которых приказывалось вывезти государственные кассы, а также акты и документы из архивов российских госучреждений всех уровней. Российский план включал также приказ об уходе с территории, оставленной неприятелю, чиновников всех уровней, в том числе самоуправления. На дорогах даже убирали верстовые столбы. В руки французов отдавали разоренную Литву, чтобы противник не мог использовать ее ресурсов для продолжения войны с Россией¹⁷. Александр, его генералы и чиновники не сомневались, что в момент вступления французов в Литву и с объявлением Наполеоном восстановления Польского королевства большая часть польско-литовской шляхты поднимется на борьбу с Россией¹⁸.

Наполеон, начиная войну, стремился к быстрому военному разрешению кампании и немедленному заключению мира. Литва была в планах французского императора только территорией для операций его войск против российской армии¹⁹. Было решено отказаться от попыток подготовки повстанческой акции на российских землях после раздела Польши так, как хотели ее инспирировать к весне 1807 г. Самой серьезной проблемой, какая встала перед Наполеоном уже в первые дни войны против России, была невозможность обеспечить свою армию соответствующим снабжением. К тому же испортилась погода. После ряда жарких дней начались сильные грозы и похолодание до всего лишь нескольких градусов выше нуля. Это привело в течение нескольких дней к смерти более 10 тыс. лошадей и потере более 50 тыс. солдат. Остальные 50 тыс. разбежались по всей стране в поисках продовольствия. Еще раньше быстрый марш Великой армии до Немана, имеющий целью захватить врагсплох и уничтожить в решающей битве войска Александра, расположенные вокруг Вильно, стал причиной того, что на российской границе над войсками Наполеона нависла угроза голода²⁰. Прокормить армию должна была страна неприятеля. Но литовская земля, на которую вступили наполеоновские подразделения, уже была разорена вследствие планомерных российских действий. В связи с этим планы быстрого проведения решающей битвы и разгрома армии Александра потерпели фиаско. Его армия, уходя из Литвы, уничтожала остатки ресурсов страны²¹. В Литве создавалась «мародерская международка», а литовцы стали жертвами войны. Территории, через которые промаршировали наполеоновские отряды, были полностью разорены. Для многих жителей страны это означало личные трагедии, которые удерживали их от участия в войне на стороне «освободителей»²².

Тем не менее, большинство литовцев с энтузиазмом приветствовали французского императора. На землях, свободных от крупных группировок войск, началась повстанческая акция²³. Без подготовки, без информации о Генеральной конфедерации

Королевства Польского, стихийно, при известии о приближении Великой армии жители Литвы хватались за оружие, вставая самостоятельно или рядом с французскими солдатами на борьбу с Россией. Большое значение имело спасение литовцами от уничтожения русскими мостов, средств переправы и складов. Иногда, чтобы не дать уничтожить запасы, российским чиновникам и офицерам предлагались взятки²⁴. Литовцы сражались и разоружали меньшие по численности российские подразделения. Они присоединялись к борьбе в роли информаторов, проводников и курьеров войск Наполеона²⁵. В Вильно группа университетской молодежи бросилась в бой с казаками и русской кавалерией. Это закончилось бы трагедией, но в город уже вошла французская и польская кавалерия²⁶.

На борьбу с русскими встали жители Жемайтии. Уже 3 июля маршал Макдональд рапортовал, что литовская шляхта сбегается отовсюду, прося о помощи в борьбе против опустошающих их земли казаков и желает взяться за оружие, чтобы защищаться и нанести удар по русским. Вскоре российский военачальник в Риге, генерал Эссен 1-й докладывал об усиливавшемся повстанческом движении. Согласно его рапорту от 19 июля, литовская шляхта всюду клялась, что отдаст жизнь и имущество для объединения с Польшей под властью Наполеона. Молодежь добровольно вступала в ряды армии²⁷. В Минске, где жители также спасли склады, маршал Даву получил от местных граждан подробную информацию об отступлении 2-й Западной армии П.И. Багратиона, а также большое количество подвод, которые позволили обеспечить снабжение для его корпуса²⁸. На юге повстанческие подразделения освободили Пинск. Решительная позиция жителей, а также быстрое приближение войск Шварценберга вынудили русских сбегать из города. Как только к Пинску приблизились австрийские гусары, жители овладели русскими складами, а также казной и восемнадцатью возами с амуницией. Многие наполеоновские солдаты с удивлением констатировали, что, несмотря на насилие и грабежи, энтузиазм литовцев был так велик, что они продолжали приветствовать части Великой армии как самых желанных гостей²⁹. Литовцы начали организовывать также собственные военные подразделения³⁰. Первоначально они льстили себя надеждой, что военные силы в Литве будут созданы путем созыва народного ополчения, как это имело место в Великопольше в 1806 г., что обосновывало бы создание Генеральной конфедерации и начало повстанческой акции в Литве. Но Наполеон питал неприязнь к народному ополчению. Располагая в июле 1812 г. более чем полумиллионной армией, он не нуждался в нескольких десятках тысяч нерегулярных повстанцев. Император предпочитал регулярные войска, каких требовали методические военные действия, в которых он был мастером. Символическое значение имело то, что он отверг действия жемайтийской шляхты, которая хотела формировать добровольческие конные полки³¹. Все стихийные повстанческие действия литовцев сдерживались по приказу французских властей³².

1 июля 1812 г. в Вильно Наполеон решил создать новые власти Литвы в виде Комиссии Временного правительства, а также губернских правлений: Виленского, Минского, Гродненского и Белостокской области. Членов этих органов власти выбирали собравшиеся в столице представители литовского общества. Однако последующие решения Наполеона фактически лишили литовскую власть полномочий. Номинально во главе стояла Комиссия Правительства, однако решающий голос получил императорский комиссар, которому подчинялись стоящие во главе администрации губерний-департаментов французские интенданты. Параллельно в стране была соз-

---

дана французская военная администрация³³. Фактически Наполеон создал в Литве три конкурентные по отношению друг к другу центра власти, а покидая Вильно, надзор над ними поручил своему министру иностранных дел Гугу Маре³⁴. По сути дальше имела силу директива об отношении к занятым восточным землям бывшей Речи Посполитой как к стране, завоеванной у России и подвергнутой оккупационному режиму, одновременно с которым — или даже внутри него — был инициирован эксперимент создания гражданских властей для местного населения.

Создание отдельных литовских властей не следовало из желания удовлетворить сепаратизм литовцев. Оно также не было ответом на политику Александра, обманывавшего литовцев в преддверии войны планом восстановления Великого княжества Литовского в союзе с Россией, а было самым рациональным временным решением проблемы статуса занятой территории бывшей Речи Посполитой с целью использовать ее ресурсы для продолжения военных действий. После победного окончания войны с Россией это дало бы возможность соединить данные земли с Варшавским герцогством и создать новый политический организм, который бы вписывался в новое соотношение сил в Европе, сложившееся бы после поражения Александра I³⁵. В попытках воссоздать планы Наполеона касательно будущей судьбы Варшавского герцогства и Литвы следует учесть факт, что он не был уверен в масштабе, который может иметь победа над Александром. Несомненно, он предполагал успех, который позволил бы забрать у России часть ее так называемых польских губерний. Эти территориальные приобретения могли бы стать основой для создания королевства Польского, в состав которого вошли бы земли Варшавского герцогства и организованной отдельно в 1812 г. Литвы. В планах Наполеона точно не было концепции восстановления Речи Посполитой в границах, которые существовали до ее первого раздела. Новое государство, если бы было создано, включало бы только земли Варшавского герцогства и созданные в 1812 г. департаменты: Белостокский, Гродненский, Виленский и Минский³⁶.

Это принесло бы двустороннюю пользу: как Наполеону, так и полякам с литовцами. Французский император получил бы буферное государство против России: настолько сильное, чтобы быть реальной границей Великой империи, и настолько слабое, чтобы находиться в рамках созданной им в Европе политической системы. Пользой для поляков из Варшавского герцогства и литовцев было бы восстановление государственной жизни, т.е. Польского королевства, которое, правда, не включало бы всех земель бывшей Речи Посполитой, но, несомненно, было бы чем-то совершенно иным по сравнению с прежним половинчатым решением, каким было Варшавское герцогство³⁷. Слишком сильная Польша и Литва вышли бы из-под контроля императора, а также из рамок наполеоновской Европы³⁸. Но до момента окончания войны Наполеон, который не мог сам себе закрыть поле политического маневра, не высказывался об окончательном решении польского вопроса, откладывая его до начала мирных переговоров. Самой удобной формулой было оставить вопрос будущего Польши и Литвы открытым, а решения, которые император использовал в Литве, в том числе временный — не случайно подчеркнутый даже в названии — характер Комиссии Правительства, осуществлявшей власть над занятой территорией четырех департаментов, не закрывали пути для реализации каждого из возможных вариантов окончательного разрешения французско-российских отношений после выигранной Наполеоном войны³⁹.

Все усилия и активность литовских властей Наполеон направлял на обеспечение для Великой армии спокойствия в тылу, максимального снабжения и даже пополнения рядов солдат в тылу крупных военных действий, подчеркивая тем самым в наиболее важных вопросах служебный характер созданной государственной администрации. Несмотря на это, литовцы встали на сторону Наполеона. Несомненно, первый энтузиазм части общества ослабляло разорение страны Великой армией и зверства мародеров, но еще в июле многие жители Литвы встали на борьбу с русскими, а в последующие месяцы решительное большинство поддалось без сопротивления постановлениям властей. Несмотря на первые трудности, после обильного урожая летом 1812 г. литовские власти и французская администрация реализовали задачу по снабжению Великой армии⁴⁰.

Оценивая действия литовских властей, следует помнить, что в 1812 г. в Литве нужно было организовывать заново не только администрацию центрального уровня, но также и департаментские и уездные власти. В особенно трудных военных условиях этот процесс длился до конца июля. Более того, создававшиеся власти были лишены каких-либо запасов административных и статистических материалов, позволяющих ознакомиться с потенциалом подчиненной им территории. В течение трех месяцев с момента созыва власти не располагали никакими финансовыми средствами. Также не все тридцать три литовских уезда оказались под полным контролем властей⁴¹. Вдобавок, созданная на основании решений Наполеона, а потом внедренная на практике запутанная структура власти в Литве должна была вызывать конфликты, что проявилось во всей красе уже после первого месяца работы новой администрации. Споры о компетенции и недоразумения между французскими и литовскими властями касались не только центральных органов власти, но также и администрации всех уровней, как в столице, так и в провинции. Отсутствие четкого разделения компетенции между гражданскими и военными органами власти, между литовцами и французами максимально усложняло ситуацию. Это ускорило решение, которое в конце августа принял Наполеон, назначив стоявшего во главе военной администрации генерального губернатора Литвы Дирка ван Хогендорпа председателем Временного Правительства. Это нарушало существовавшие до того момента принципы функционирования литовских властей. В результате генеральный губернатор получил полную власть в самых важных для мобилизации Литвы вопросах. Однако это решение принесло положительный эффект⁴². В декабре 1812 г. склады для войск Наполеона в Литве были полны и позволяли 100-тысячной армии прожить целую зиму. Были сформированы пять полков пехоты и четыре кавалерии, которые должны были защищать тылы Великой армии⁴³.

Создание литовских вооруженных сил встречалось с большим количеством трудностей. Примерно в течение трех месяцев организационные действия ограничивало отсутствие денег, из-за чего невозможно было соответствующим образом одеть и вооружить новые полки, поскольку Наполеон не хотел помочь литовским властям, одолжив им деньги из императорской казны. В этой ситуации литовские полки могли достигнуть боевой готовности только к концу 1812 г. Вопреки существующим до сих пор мнениям, армия имела хороший офицерский корпус, а кантонисты для пехоты и заместители для кавалерии были молодыми и здоровыми людьми, из которых около десяти процентов были добровольцами⁴⁴. Литовское войско создавалось в очень неблагоприятных условиях, вдобавок, в ноябре и декабре эти действия прерва-

ло поражение Наполеона в России. Поэтому нельзя было закончить окончательно организацию полков, прежде всего уланских, боровшихся с проблемой нехватки лошадей, которых лишили страну русские и французы. Но часть литовских полков, еще полностью не сформированных и не обученных, встала на борьбу с русскими уже во время кампании 1812 г. Вместе с такими формированиями, как батальоны стрелков, жандармерия и национальная гвардия, вооруженные силы, созданные в результате литовских усилий, превысили 20 тыс. человек. Это исчерпывало тогдашние мобилизационные и финансовые возможности Литвы⁴⁵.

Литовские войска не могли повлиять на остановку окончательного разгрома Наполеона в войне с Александром I, хотя их можно было использовать вместе с другими доступными силами для защиты зимних квартир Великой армии на линии Вильно—Гродно⁴⁶. Ошибкой французского императора было то, что он слишком поспешно оставил свои отряды, которые погружались во все больший хаос. Литовцы заплатили высокую цену за участие в войне на стороне Наполеона. Страна, разоренная военными действиями, в результате которых она понесла огромные демографические и экономические потери, превышающие 100 тыс. человек и 40 млн серебряных рублей, несмотря на амнистию, объявленную Александром I, подверглась дальнейшей экономической эксплуатации и репрессивной политике российской администрации⁴⁷.

На многие годы эти факты были забыты, потому что война 1812 года, которая должна была стать решающей в поражении Александра и вернуть Польское королевство, принесла страшные бедствия. Запомнились факты, свидетельствующие об осторожной поддержке литовцами Наполеона, их пассивности или, в некоторых случаях, враждебности по отношению к воссозданию Польши с помощью Франции. Несомненно, следует утверждать, что одной из причин поражения Наполеона в войне 1812 года было то, что он забыл о Литве. Зато не забыл о ней Александр I, который в рамках подготовки к войне с Францией сделал многое для того, чтобы французы и сами литовцы не смогли использовать ресурсы территории бывшей Речи Посполитой против России. Это стало одним из источников победы России в 1812 г.⁴⁸

Примечания

- ¹ *Vandal A.* Napoléon et Aleksandre. L'alliance russe sous le premier Empire. V. 2. Paris, 1891. P. 123; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. T. 1. Kraków, 1937. S. 9—10; *Pawłowski B.* Wojna 1809 r. Warszawa, 1999. S. 434—435; *Askenazy S.* Przyczyny wyprawy do Moskwy. W: Idem: Dwa stulecia XVIII i XIX w: badania i przyczynki. T. 1. Warszawa—Kraków, 1901. S. 316—362; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008. S. 53—57; *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1. СПб., 1823. С. 17, 79; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. С. 39; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 г., по высочайшему повелению. Ч. 1. СПб., 1839. С. 36; *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 г. Т. 1. М., 1905. С. 94—95; *Карцев Ю., Военский К.А.* Причины войны 1812 г. СПб., 1912; *Тарле Е.В.* Михаил Илларионович Кутузов. М., 1959. С. 245—249; *Трошцкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 27—33; *Он же.* Александр I против Наполеона. М., 2007. С. 238—242; *Zamoyski A.* 1812. Wojna z Rosją. Kraków, 2007. S. 5—11.
- ² *Martens F.* Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères. T. 14. Saint-Peterburg, 1902—1905. S. 98, 102, 430—433; *Waliszewski K.* Le règne d'Aleksandre I. V. 1. Paris, 1923. P. 299—303; *Nesselrode Ch.* Lettres et papiers. V. 3. Paris, 1908. P. 273, 413; *Olivier D.* Aleksandre I. Paris, 1973. P. 200.

- ³ *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807—1814. М., 2012. С. 186—188; *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год... С. 37, 41—42; *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX столетия // Русская старина. 1901. Т. 109. С. 493; *Тройат Н.* Aleksander I. Paris, 1980. P. 193; *Zamojski A.* 1812. Wojna... S. 78—80.
- ⁴ *Nawrot D.* Litwa w 1807 r. między Rosją a Francją // Roczniki Humanistyczne. T. 55. 2007. S. 44—46; *Dundulis B.* Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 26—31; *Chodkiewicz A.* Dzieje znakomitych wypadków // Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (B.Czart). MNK 760/31. K. 51.
- ⁵ Raport F. Potockiego i Observations... // Service Historique de L'Armée de terre w Vincennes (далее — SHAT). Donation Davout. K-1, 4; Raport T. Tyszkiewicza z 30 VI 1807 r. A. Skałkowski: Kościuszko a Litwini // Kwartalnik Historyczny. 1911. T. 25. S. 260; *Ernouf A.* Maret, duc de Bassano. Paris, 1884. P. 395—396; *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь... С. 244; *Iwaszkiewicz J.* Litwa w 1812 roku. Kraków, 1912. S. 5; E. Bignon do H. Marena z 9 VI 1812 r. // Archives du Ministère des Affaires Étrangères w Paryżu (далее — AMAE). Corr. Pologne 330. K. 176; *Tokarz W.* Ostatnie lata Hugona Kołłątaja. T. 1. Kraków, 1905. S. 278—279, 283—286; *Loret M.* Między Jeną a Tyłżą. 1806—1807. Warszawa, 1902. S. 45—48; *Handelsman M.* Napoléon et la Pologne. Paris, 1909. P. 184; *Falkowski J.* Obrazy z życia kilku ostatnich pokoleń w Polsce. T. 1. Poznań, 1877. S. 324.
- ⁶ *Chodkiewicz A.* Dzieje... K. 55—58; *Sołtyk R.* Kampania 1809 r. Raport o działaniach armii pozostającej pod rozkazami ks. Józefa Poniatowskiego. Warszawa, 1905. S. 149; *Погодин А.И.* Наполеон и Литва // Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание. 1812—1912. Т. 3. М., 1911. С. 162; *Beauvois D.* Trójkat ukraiński Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793—1914. Lublin, 2005. S. 175; *Krzos K.* Z księciem Józefem w Galicji w 1809 roku. Rząd Centralny obojga Galicji. Warszawa, 1967. S. 110.
- ⁷ *Zajewski W.* Dyplomacja polska w latach 1795-1831 // Historia dyplomacji polskiej X—XX w. Warszawa, 2002. S. 318—319.
- ⁸ *Skowronek A.* Adam Jerzy Czartoryski. Warszawa, 1994. S. 164—165, 168; P. Stroganow do A.J. Czartoryskiego z 1 XII 1809 r. i 2 I 1811 r. // B.Czart. Rkps, ew. 1039 i 5449 IV. K. 373—379; *Smolka S.* Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym. T. 2. Warszawa, 1984. S. 83—85; *Czartoryski A.J.* Mémoires du prince Adam Czartoryski et sa correspondance avec l'empereur Aleksandre I. V. 2. Paris, 1887. P. 207—234, 255—270, 248—253, 271—273; *Vandal A.* Napoléon et Aleksandre... T. 2. S. 546; *Iwaszkiewicz J.* Litwa... S. 21; *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь... 1902. Т. 112. С. 238—241; *Nicolas Mikhalowitch* L'empereur Aleksandre Ier. T. 1. Sankt-Peterburg, 1912. S. 385, 402; *Askenazy S.* Książę Józef Poniatowski. Warszawa, 1978. S. 220—221; *Skowronek J.* Książę Józef Poniatowski. Wrocław, 1984. S. 196; *Handelsman M.* Rezydenci napoleońscy w Warszawie 1807—1813. Kraków, 1915. S. 200—203; *Skałkowski A.* Korespondencja księcia Józefa Poniatowskiego z Francją. T. 2. Poznań, 1921—1929. № 393, 412, 422; *Handelsman M.* Instrukcje i depesze rezydentów francuskich w Warszawie 1807—13. T. 1. Kraków, 1914. S. 299—304; *Skałkowski A.* Książę Józef. Bytom, 1913. S. 404.
- ⁹ *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год... С. 81—82; *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 148—149.
- ¹⁰ *Ogiński M.K.* Mémoire sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. V. 3. Paris, 1826—1827. P. 47—70; *Iwaszkiewicz J.* Litwa... S. 26; *Dundulis B.* Napoléon... S. 53—57; *Smolka S.* Polityka... T. 1. S. 94; T. 2. S. 157—161; *Nikołaj Michajłowicz* L'empereur Aleksandre Ier. T. 1. Sankt Peterburg, 1912. S. 453—454; *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 69; *Izdebski H.* Litewskie projekty konstytucyjne z lat 1811—1812 i ich wpływ na konstytucję Królestwa Polskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1972. T. 24. S. 119.
- ¹¹ F. Łubieński do S. Brezy z III 1812 r.; *Iwaszkiewicz J.* Litwa... S. 337; F. Lajart do H. Marena z 20 VII 1811 r. // AMAE. Corr. Saxe 81. № 73.
- ¹² *Czubyaty J.* Zasada dwóch sumień. Normy postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru (1795—1815). Warszawa, 2005. S. 220—224, 275.
- ¹³ *Handelsman M.* Instrukcje... T. 2. S. 65, 97; *Chodkiewicz A.* Dzieje... // B.Czart. MNK 760/31. K. 55; *Nawrot D.* Dominika Radziwiłła przypadki na polu chwały // Radziwiłłowie. Obrazy literackie — biografie — świadectwa historyczne. Lublin, 2003. S. 415—430.
- ¹⁴ Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 76. Оп. 1. Д. 105. Л. 233; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 102.
- ¹⁵ Dodatkowe rozporządzenia do Prawideł o potrzebach wojennych postanowione przez wzajemne porozumienie się między głównokomenderującym pierwszą zachodnią armią a gubernskimi szlacheckimi marszałkami // НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 12. Л. 136—139; Por. Druk współczesny w języku rosyjskim // НИАБ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 105. Л. 206—208; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 113—115.
- ¹⁶ Zaświadczenie dla marszałka Wołodkiewicza z 14 III 1812 r. // НИАБ. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 268. Л. 36; Tabela pokazująca ilość podatków w 4 departamentach WXL pobieranych za rządu rosyjskiego na osnowie taryf 1811 r. // B.Czart. Rkps 3184 V. K. 177—179; *Bignon E.* Polska... T. 1. S. 138.

- ¹⁷ Отечественная война. Материалы Военно-Ученого архива Главного штаба. СПб., 1905—1914. Т. 12. № 256, 289; Т. 13. № 49, 57, 94.
- ¹⁸ *Погодин А.Л.* Указ. соч. С. 168.
- ¹⁹ *Dundulis B.* Napoléon... S. 159; *Nieuważny A.* Toruń centralną napoleońskiego wywiadu // *Społeczeństwo w dobie modernizacji. Polacy i Niemcy w XIX i XX wieku.* Toruń, 2000. S. 373—389.
- ²⁰ *Fabry G.* Campagne de Russie. Publié sous la Direction de la Section Historique de l'État-major de l'Armée. V. 5. Paris, 1900—1903. P. 89, 758—759, 762, 846, 901; *Iwazzkiewicz J.* Litwa... S. 153—155; *Chuquet A.* La guerre de Russie. Notes et documents. V. 1. Paris, 1912. P. 32; *Sołtyk R.* Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris, 1836. P. 57—58; *Séjour F.* Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. V. 1. Paris, 1825. P. 168; *Ogiński M.K.* Mémoire... T. 3. S. 216—217, 291, 292; *Choiseul-Gouffier Z.* Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie. Paris, 1829. P. 64, 97; *Castellane V.* Journal du maréchal de Castellane 1804—1862. V. 1. Paris, 1895—1897. P. 113; *Sauzey J.C.* De Münich à Vilna à l'état major du corps bavarois de la Grande Armée. Paris, 1911. P. 224; *Bequelin H.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1892. S. 194; *Szyndler B.* Pamiętniki z czasów Księstwa Warszawskiego czyli niezwykłe przygody wojenne dwóch oficerów napoleońskich. Częstochowa, 2001. S. 135; *Białkowski A.* Pamiętniki starego żołnierza 1806—1814. Warszawa, 1903. S. 247; *Małachowski S.* Pamiętniki. Poznań, 1885. S. 51—53.
- ²¹ *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 194, 261; *Kukiel M.* Wojna... T. 1. S. 181, 281.
- ²² *Von Martens C.* Denkwürdigkeiten aus dem Leben eines alten Offiziers. Dresden-Leipzig, 1848. S. 70; *Pouybusque L.* Lettres sur la guerre de Russie en 1812. Paris, 1816. S. 28; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 186.
- ²³ *Raport W.* Zalewskiego dla Komisji Administracyjnej Departamentu Wileńskiego (KADW) z 18 VII z Rosień. Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas w Wilnie (dalej LVIA). F. 1532. A. 1. B. 1. K. 90—92.
- ²⁴ *Fabry G.* Campagne... V. 1. P. 309, 313.
- ²⁵ *Dumonceau F.* Mémoires du Général Comte François Dumonceau. Bruxelles, 1958—1963. V. 2. P. 35; *Fabry G.* Campagne... V. 1. P. 15, 113, 139—140, 166.
- ²⁶ *Iwazzkiewicz J.* Litwa... S. 66—67, 338.
- ²⁷ *Fabry G.* Campagne... V. 1. P. 746—747; *Canitz C., Dallewitz.* Denkschriften. T. 1. Berlin, 1888. S. 49; *Otieczestwiennaja wojna 1812 goda.* Izdanie woenno-učebnogo komiteta glavnogo štaba. Sankt-Peterburg, 1900—1914. T. 14. № 66.
- ²⁸ *Kukiel M.* Wojna... T. 1. S. 317; *Краснянский В.Г.* Минский департамент Великого княжества Литовского. СПб., 1902. С. 6; *Fabry G.* Campagne... V. 3. P. 309, 337.
- ²⁹ *Dedem van der Gelder A.* Mémoires. Paris, 1900. P. 213.
- ³⁰ *Kurier Litewski.* № 53 (18 VIII 1812), № 70 (2 IX 1812); *Fabry G.* Campagne... V. 5. P. 631—632, 641—643, 897; Sesja Komisji Rządu Tymczasowego Wielkiego Księstwa Litewskiego (dalec — KRTWKL) z 31 VII 1812 // РГАДА. Ф. 12. Д. 262. Л. 5; *Raport K.* Czeczota z końca VII 1812 r. // Archives Nationales w Paryżu (dalec — AN). AF IV 1650. Pl. 2. № 74; *Краснянский В.Г.* Минский департамент... С. 10; *Военский К.А.* Акты, документы и материалы для истории 1812 года. Т. 1. СПб., 1909. С. 283—285; *Iwazzkiewicz J.* Litwa... S. 88, 339—340; *Kukiel M.* Wojna... T. 1. S. 378—379; *Dundulis B.* Napoléon... S. 177.
- ³¹ *Hogendorp D.* Mémoires. Paris, 1887. P. 306; *Iwazzkiewicz J.* Litwa... S. 158—163; *Grzymała F.* Wyprawa Napoleona na Moskwę w r. 1812. Sybilla tułactwa polskiego. Paris, 1833. P. 38—41.
- ³² *Bignon E.* Histoire de France sous Napoléon. V. 11. Paris, 1838. P. 216; *Hogendorp D.* Mémoires... P. 320; *Ernouf A.* Maret... S. 424; *Dundulis B.* Napoléon... S. 218; *Fabry G.* Campagne... V. 3. P. 600—601; V. 4. P. 262—263; *Kukiel M.* Wojna... T. 1. S. 371; H. Maret do Napoleona z 9 VII 1812 // AN. AF IV 1647. Pl. 2. № 28—29; E. Bignon do H. Maret z 24 XII 1812 z Warszawy // AMAE. Corr. Pologne 332. K. 544—545; Remarques sur la nouvelle administration en Lituanie. SHAT. K-1, 28.
- ³³ *Ordre du jour 1 VII 1812 // AN.* AF IV 671. Pl. 5354; Décret 5 VII 1812 r. // AN. AF IV 674. Pl. 5383; Sesja KRTWKL z 5 i 13 VII 1812 r. // РГАДА. Ф. 12. Д. 262. Л. 5; Prawidła dla Izb Administracyjnych Departamentowych oraz Urządzenia tycczące się podprefektur. KRTWKL do KADW z 22 VII 1812 r. // LVIA. F. 1532. A. 1. B. 1. K. 54—55; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 273—287.
- ³⁴ *Ernouf A.* Maret... S. 394—397; *Fain A.* Manuscrit de 1812 pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. V. 1. Paris, 1827. P. 218; *Menéval C.F.* Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon Ier depuis 1802 jusqu'à 1815. V. 3. Paris, 1893—1894. P. 39; *Sor Ch.* Le duc de Bassano. Paris, 1843. P. 74; *Dundulis B.* Napoléon... S. 126.
- ³⁵ Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. V. 31. Paris, 1857—1870. P. 455; *Les Cases E.A.* Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 1823. V. 7. P. 12; *Gonnard P.* Les origines de la légende napoléonienne. L'oeuvre historique de Napoleon à Sainte-Hélène. Paris, 1906. P. 226—227, 245—246.
- ³⁶ *Potocki A.* Pamiętnik // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (dalec — AGAD). Archiwum Publiczne Potockich (dalec — APP) 284. K. 160.

- ³⁷ *Dundulis B.* Napoléon... S. 167—168; *Троуцкiй H.A.* 1812. Великий год... С. 32; *Driault E.* Napoléon et l'Europe. Le Grand Empire. Paris, 1924. P. 401; *Ogiński M.K.* Mémoire... T. 2. S. 342—343.
- ³⁸ *Caulaincourt A.* Mémoires du Général de Caulaincourt, Duc de Vizence. V. 2. Paris, 1933. P. 227; *Dundulis B.* Napoléon... S. 157—158.
- ³⁹ *Pugačiauskas V.* Napoleono administracija Lietuvoje. Vilnius, 1998. S. 28—30, 190.
- ⁴⁰ *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 660.
- ⁴¹ A. Potocki do podprefektów z 17 IX i 25 X 1812 r. // Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku. Rkps. 1027. K. 91; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 357.
- ⁴² Ordre du jour 24 VIII 1812 r. // AN. AF IV 685. Pl. 5480; *de Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. V. 2. Paris, 1825. P. 46; *Handelsman M.* Rezydenci... S. 281; *Chuquet A.* Ordres et apostilles de Napoléon Ier. V. 2. Paris, 1903. P. 396.
- ⁴³ H. Maret do Napoleona z 1 XII 1812 r. // AN. 1647. Pl. 5. № 1; Raporty o przyjętej z powiatów żywności do magazynu wileńskiego od sierpnia do listopada 1812 r. // LVIA. F. 1532. A. 1. B. 11. K. 69—235; *Ernouf A.* Maret... S. 471; H. Maret do A. Berthiera z 6 XII 1812 r. // *Reboul A.* Campagne de 1813. Préliminaires. Paris, 1910—1912. V. 1. P. 403; *Godart R.* Mémoires. Paris, 1895. P. 183; *Hogendorp D.* Mémoires... P. 332; raporty Barthomeufa z 4, 7, 8, 9 XII 1812 r. // AN. AF IV 1649. Pl. 2. №№ 7—11; AF IV 1646. Pl. 3. №№ 73—78.
- ⁴⁴ Etat de Situation des nouveaux Régiments formés en Lithuanie avant l'époque du 1 XII 1812; Grande Armée — Troupes Lithuanienes // РГВИА. Ф. 846, Оп. 16, Д. 3856.
- ⁴⁵ Tabela. Rodzaje podatków, ile powinny wejść, ile weszło za drugie półrocze 1812 r. do 1 listopada 1812 r. // B. Czart. Rkps. 3184 V. K. 225; Raport o stanie kasy w 4 departamentach litewskich od 1 XI do 1 XII 1812 r. // Tamże. K. 282; Wiadomość o kantonistach w powiatach departamentu wileńskiego // LVIA. F. 1532. A. 1. B. 5. K. 221; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 583—586.
- ⁴⁶ *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 726.
- ⁴⁷ Wiadomość o przyznanej przez Główny Wileński Komitet należności obywatelom guberni mińskiej za dostarczone wojenne produkta żywności w latach 1812—1813—1814—1815 wedle szacunków tegoż Komitetu; Księga wychodzących pism z po dziełach Byłego Gubernskiego Komitetu dla wojennych powinności ustanowionego // НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 14. Л. 91—101; *Iwaszkiewicz J.* Rejestracja i indemnizacja strat wojennych na Litwie po roku 1812. Warszawa, 1917. S. 141; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon... S. 692—694.
- ⁴⁸ *Ogiński M.K.* Mémoire... T. 3. S. 219, 256; *Czartoryski A.J.* Mémoires... T. 2. S. 297; *Nicolas Mikhalowitch Le Comte Paul Stroganow.* V. 3. Paris, 1905. P. 156; *Mościcki H.* Projekty połączenia Litwy z Królestwem Polskim w okresie 1813—1830. Warszawa, 1931. S. 77.

А.М. Лукашевич

Белорусские земли* в «операционных» (стратегических)
планах российского командования
(апрель — июнь 1812 г.)

Разработка российского плана войны с наполеоновской Францией носила противоречивый характер и была представлена множеством вариантов. К началу 1812 г. российские войска были дислоцированы на большом пространстве вдоль западной границы. Начало сосредоточения войск вероятного противника в Княжестве Варшавском обусловило подготовку первого сближения войск 1-й и 2-й Западных армий (февраль — март 1812 г.). Одновременно на западный театр военных действий перебрасывалась часть войск из состава Молдавской армии. В результате первого сближения разрыв между армиями сократился примерно на 70—100 верст. При этом российское командование не исключало возможности нанесения контрудара по районам сосредоточения наполеоновских войск. Однако заключение союзного договора между Францией и Австрией (о чем стало известно в начале апреля 1812 г.) привело к окончательному отказу от планов проведения наступательной операции.

После прибытия в Вильно императора Александра I (14 апреля) основное внимание было уделено выработке окончательных принципов ведения оборонительной войны, а также стратегическому сосредоточению войск, исходя из возможных вариантов переправы Великой армии.

Отсутствие официально утвержденного плана ведения войны порождало в командных кругах российской армии состояние неопределенности. Поэтому ряд высокопоставленных военачальников (П.И. Багратион, П.М. Волконский) и молодых офицеров квартирмейстерской службы (К.Ф. Толь, П.А. Чуйкевич, И.И. Дибич, Я.П. Гавердовский и др.) предложили свои варианты ведения войны¹. В них нашли отражение различные взгляды на характер действий российских войск (наступательные в Княжестве Варшавском или оборонительные в приграничных районах) в период выдвижения и сосредоточения Великой армии у границ Российской империи. В частности, 5 апреля 1812 г. управляющий квартирмейстерской частью П.М. Волконский представил императору доклад, в котором предложил свое видение вероятных операционных линий и настаивал на необходимости сближения российских войск². По сути, доклад Волконского являлся кратким резюме «Плана военных действий русской западной армии» полковника квартирмейстерской части барона К.Ф. Толя (29 апреля 1812 г. представлен императору в виде «Записки» и также подписан П.М. Волконским)³.

В проекте от 29 апреля К.Ф. Толь отмечал, что время для наступательных действий уже миновало. Поэтому российским армиям остается «вести на первый слу-

* В статье речь идет о белорусских этнических землях, которые к 1812 г. включали Витебскую, Могилевскую («Белоруссию»), Минскую, Гродненскую и частично Виленскую («Литва») губернии и Белостокскую область.

чай войну оборонительную». Он осуждал растянутость российской операционной линии вдоль границы (от Шавли до Луцка, 800 верст) и считал, что она может быть оправдана только заботами о продовольствии армий, но пагубно повлияет на начало военных действий. Поэтому К.Ф. Толь предложил объединить российские войска, чтобы сообща противостоять наступающему противнику. План предусматривал передислокацию двух Западных армий в Белостокскую область и принятие на выбранных позициях (Суховоля — Корицин — Васильков; Семятичи — Немиров — Брест-Литовск) в приграничных районах генерального сражения⁴.

Отмечая, что успех любой кампании зависит от правильно избранной операционной линии, К.Ф. Толь остановился на двух из них. Исходя из предложенного расположения войск, главной внутренней операционной линией он считал направление через Белосток, Слоним и Несвиж, а оттуда, с одной стороны, через Минск, Борисов, Смоленск — в Москву, а с другой — через Слуцк, Бобруйск, Рогачев — в Чернигов⁵. Вторая операционная линия проходила через Вольту. Для каждой из операционных линий К.Ф. Толь предлагал сеть больших, главных, средних и малых магазинов⁶.

Итак, в записках от 5 и 29 апреля 1812 г. К.Ф. Толь настаивал на том, чтобы обе Западные армии действовали совместно и не отделялись непроходимыми болотами Припяти. Однако этот проект не только не соответствовал общему стратегическому замыслу российского командования (о чем пойдет речь ниже), но и мог привести к разгрому армий уже в начале войны⁷. Все это свело бы на нет предвоенные усилия по подготовке к противостоянию с Наполеоном.

Российский оперативный план войны, принятый в апреле 1812 г., содержал элементы планов М.Б. Барклая де Толли и К.Л. Фуля⁸. Его детали можно воссоздать на основе инструкций и директив главнокомандующим армиями, командирам корпусов и военно-оперативной переписки. Наиболее полно содержание плана было изложено военным министром в «Проекте инструкции генерал-адъютанту графу Э.Ф. Сен-При», составленной при назначении последнего начальником Главного штаба 2-й Западной армии⁹.

Военный министр исходил из многовариантности действий противника, что привело к созданию документа, в котором рассматривались как наступательные, так и оборонительные действия — по три варианта в северном, центральном и южном направлениях¹⁰. При этом наступательные действия предусматривались лишь в начале войны, которая в дальнейшем должна была стать оборонительной. Это было совершенно неизбежно, так как при наступательных действиях предлагалось избегать решительных сражений с превосходящими или же с равными неприятельскими силами. Главная задача наступления заключалась в опустошении районов вероятного сосредоточения противника у российских границ с помощью тактики «выжженной земли».

Оборонительная же война должна была вестись в районе между Западной Двиной и Днепром, опираясь на укрепленные линии, созданные на этих реках, и не позволяя противнику овладеть Припятью¹¹. При этом в плане только в одном случае (вариант 2 обороны) упоминался укрепленный лагерь в Дриссе (его строительство началось в апреле 1812 г.). Во всех шести вариантах предполагалось действовать формально двумя, а фактически тремя армиями и наблюдательным корпусом, так как М.Б. Барклай де Толли рассматривал корпус правого фланга 1-й армии как самостоя-

---

тельное целое¹². Большое значение придавалось применению на белорусских землях тактики «выжженной земли» («скифской тактики»).

В историографии Отечественной войны 1812 года о тактике «выжженной земли», именуемой «скифской», упоминали многие исследователи. Однако большинство из них отождествляли «скифскую тактику» со «скифским планом». И только российский историк А.И. Попов попытался разграничить эти понятия. «Скифскую тактику» он определил как «способ ведения боевых действий», а «скифский план» — как «официально принятую доктрину ведения войны путем глубокого отступления»¹³. По моему мнению, эти понятия нуждаются в некоторой корректировке. Под «скифской тактикой» следует понимать не столько способ *ведения боевых действий*, сколько *комплекс военно-политических мероприятий, направленных на обеспечение стратегического отступления*. Что касается «скифского плана», то здесь нужно говорить не столько о доктрине ведения *войны*, сколько о планировании ее *первоначального этапа*, поскольку в дальнейшем российские войска должны были перейти в наступление и уничтожить армию противника.

Однако лучше всего суть «скифской тактики» и ее роль в стратегическом планировании определил сам М.Б. Барклай де Толли в записке «О защите западных пределов России» (февраль 1810 г.). В ней в частности указывалось, что после создания главной оборонительной линии по рекам Западная Двина — Днепр необходимо организовать в «польских провинциях» отпор неприятелю с использованием как раз тактики «выжженной земли». «Таким образом, — писал генерал, — обеспечив совершенное продовольствие и все способы для сильной армии, она должна, встретив неприятеля на самых границах, сопротивляться многочисленнейшему его ополчению в польских провинциях до тех пор, пока совершенно истощатся все способы, какие токмо можно будет взимать от земли, дабы тогда, отступя в настоящую и оборонительную линию, оставить неприятелю, удаляющемуся от своих магазинов, все места опустошенные, без хлеба, скота и средств к доставлению перевозкою жизненных припасов»¹⁴.

Дальнейшее обоснование тактика «выжженной земли» получила весной 1812 г. в секретных приказах императора, переданных через военного министра командирам корпусов и армий. Так, в разосланных 28 мая — 1 июня 1812 г. предписаниях М.Б. Барклай де Толли конкретизировал перечень обязательных мероприятий, направленных на «зачистку» западного региона перед сдачей его противнику: изъятие или уничтожение архивных материалов с данными о крае; насильственная эвакуация местного населения; уничтожение (повреждение) коммуникаций (дорог, мостов, паромов и т.д.); вывоз запасов на транспортных средствах местного населения (кони, волы, подводы); уничтожение продовольственных, провиантских и иных запасов (в том числе мельниц). Реализация этих мер, по мнению военного министра, должна была обеспечить уменьшение численности превосходящей армии противника до таких размеров, когда российская армия сможет принять генеральное сражение с определенными шансами на успех.

Не исключено, что при разработке инструкций Барклай учитывал предложения, высказанные сотрудником Особенной канцелярии П.А. Чуйкевичем. 2 апреля 1812 г. он представил военному министру записку «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии инсурецию посредством вооружен-

---

ной экспедиции»¹⁵. В ней обосновывалась необходимость оборонительных действий (часть 1-я, 8 параграфов), а также предлагалась организация засылки во французский тыл казачьих партий для подъема в Германии народного восстания (часть 2-я, 6 параграфов). По мнению В.М. Безотосного, опубликовавшего этот документ в 1996 г., его ценность состоит «в убедительной аргументации необходимости отступления до момента равенства сил и ведения активной партизанской войны»¹⁶. Однако эту записку нет оснований рассматривать как оперативный оборонительный план: в ней не указывались ни дислокация, ни направления действий конкретных войск.

Весной 1812 г. российское командование еще не имело точных данных о стратегических планах противника и месте главного удара. Поэтому оно было вынуждено «на ходу» вносить корректировки в дислокацию войск в приграничных районах. На основании предложений, высказанных военачальниками в апреле — мае 1812 г., было принято решение о сближении Западных армий. В мае 1812 г. было осуществлено разделение 2-й Западной армии на две: 2-ю армию нового состава и 3-ю Обсервационную (резервную). Создание новой армии, необеспеченной собственным кадровым составом, значительно ослабило силы П.И. Багратиона, которые были сокращены на треть. В целом, передислокация войск 2-й Западной армии в Гродненскую губернию осуществлялась в довольно сжатые сроки на спешно подготовленные места, которые освобождались войсками 6-го корпуса И.Н. Эссена. Оперативный марш-маневр армии П.И. Багратиона производился под прикрытием казачьих войск, которые должны были скрыть от польско-французской разведки сближение российских армий. Для осуществления этой сложной операции создавалась дополнительная продовольственная база¹⁷.

Сведения о сосредоточении к началу июня 1812 г. большей части Великой армии между Ковно и Меречем вызвали распоряжения о еще большем сближении 1-й и 2-й Западных армий. Поэтому через несколько дней после прибытия 2-й Западной армии к Пружанам, в первых числах июня 1812 г. она была передислоцирована в район Волковыска.

В это время главнокомандующий 2-й Западной армией представил свой оперативный план. Этот документ неоднократно публиковался под разными названиями («План военных действий против Наполеона, представленный генералом от инфантерии князем Багратионом императору Александру I перед Отечественной войною 1812 года»¹⁸, «План кампании 1812 года, представленный П.И. Багратионом Александру I»¹⁹), при этом во всех изданиях ошибочно указывалось, что он составлен в 1812 г., накануне войны с Наполеоном. Однако сравнительный анализ документов сентября 1811 г. не оставляет сомнения, что план был подготовлен осенью 1811 г.²⁰

Впоследствии П.И. Багратион неоднократно возвращался к своим предложениям. Настойчивые просьбы о проведении наступательной операции он высказывал 17 апреля²¹ и в июне 1812 г., а его план претерпел некоторые изменения. В наиболее концентрированном виде предложения князя были сформулированы в письмах императору Александру I и военному министру от 6, 12 и 14 июня. Например, в письме от 6 июня 1812 г. (из Пружан) Багратион обратил внимание монарха на то, что мысль о вероятном отступлении подрывает дух армии, и предложил, «не дожидаясь нападения, противустать неприятелю в его пределах». Надеясь на нейтралитет Австрии, Багратион хотел приблизить правый фланг 3-й Обсервационной армии к Кобрину, чтобы прикрыть Пинск. Князь не ограничился официальной перепиской. 8 июня 1812 г.

он написал императору крайне импульсивное письмо, в котором просил разрешения атаковать противника²². Однако и этот призыв остался без ответа.

Узнав 9 июня о приказе А.П. Тормасову «относительно сосредоточения 3-х пехотных и 2-х кавалерийских дивизий при Луцке и оставления для наблюдения австрийских границ у Староконстантинова 36 дивизии с частью кавалерии», князь считал эту меру недостаточной²³. По мнению главнокомандующего, главный удар противник должен был нанести через Волынскую губернию в стык 2-й и 3-й армий²⁴. Поэтому П.И. Багратион просил императора (через военного министра) разрешения на большее сближение армии А.П. Тормасова к своему левому флангу. Основные силы 3-й армии он предлагал выдвинуть к Ковелю, а правый фланг расположить между Дивиным и Кобрином. 2-й резервный корпус Ф.Ф. Эртеля князь рекомендовал передислоцировать из Мозыря к Пинску, а два казачьих полка при нем — передать 2-й Западной армии. Более того, Багратион считал, что в нынешнем положении, при удаленности 6-го корпуса, он не сможет прикрыть границу на участке Гродно — Белосток²⁵. Однако это письмо было получено военным министром только 16 июня.

Тем временем, когда в Главной квартире было получено известие о начале переправы Великой армии в районе Ковно, военный министр рассматривал возможность нанесения флангового удара в тыл противнику войсками «летучего корпуса». Поэтому 12 июня М.И. Платову и П.И. Багратиону были отправлены соответствующие указания²⁶. Оба генерала высказали свои опасения относительно успеха этой операции²⁷.

После получения более достоверной информации о численности наполеоновских войск, переправившихся через Неман, М.Б. Барклай де Толли отказался от идеи «диверсии» и приказал М.И. Платову немедленно отступать. Однако атаман мешкал, поскольку П.И. Багратион планировал использовать казаков для наступления в тыл противника²⁸. В своих письмах Платову Багратион убеждал его в возможности и успешности подобной операции, и атаман, будучи младше в чине, вынужден был оставаться на месте.

14 июня 1812 г. П.И. Багратион заявил о готовности выполнить приказ об отступлении, и в то же время просил разрешения на наступление 2-й Западной армии²⁹. Князь намеревался совершить «диверсию» в Княжество Варшавское, зная, что противник многократно сильнее его. Тем не менее, он надеялся, что успеет отойти, но уже не на Борисов, а на юг, к А.П. Тормасову³⁰. Однако идеи главнокомандующего 2-й Западной армией о наступательных действиях не были одобрены М.Б. Барклаем де Толи и императором. Во-первых, намерения Багратиона совершить диверсию на Варшаву противоречили планам отступления российских армий к укрепленному лагерю в Дриссе. Во-вторых, военный министр прекрасно понимал, что в случае наступления на Варшаву 2-я Западная армия неминуемо попадет в мышеловку, которую ей готовил Наполеон³¹, и запретил князю атаковать. От имени императора он снова отдал приказ немедленно отступать.

Однако, несмотря на неоднократные приказы об отступлении, Багратион еще несколько дней стоял на месте. И М.И. Платов, и П.И. Багратион начали отвод своих войск с опозданием: 17 июня атаман двинулся к Щучину и Лиде, а князь — 18 июня — на Слоним³². В итоге запаздывание отступления корпуса М.И. Платова и 2-й Западной армии срывало стратегические планы российского командования. Неудивительно, что военный министр всю ответственность за вероятный провал опера-

ции по объединению армий возлагал на этих генералов. 17 июня 1812 г. в письме императору Александру I он отмечал: «Крайне неприятно видеть, что князь Багратион, вместо немедленного исполнения приказаний Вашего Императорского Величества, теряет время на излишние рассуждения, и сообщая еще их генералу Платову, сбивает с толку этого генерала, который и без того так мало знающ и совершенно не развитой»³³. И хотя М.Б. Барклай де Толли надеялся, что генералы быстрыми переходами наверстают упущенное время, это им не удалось сделать³⁴.

Нарушение П.И. Багратионом и М.И. Платовым инструкций военного министра привело к срыву первоначального плана. 2-я Западная армия была отрезана от главных сил и не смогла пробиться к ним через Минск. В течение месяца она вынужденно маневрировала и искала новые пути для соединения с войсками Барклая де Толли. В целях противодействия возможным обходным движениям Наполеона 1-я Западная армия покинула укрепленный лагерь в Дриссе и продолжила отступление к истокам Западной Двины. Поэтому соединение обеих армий состоялось только в Смоленске.

Таким образом, белорусским землям в планах российского командования накануне войны 1812 года отводилась ключевая роль, как главному театру военных действий. В конечном итоге за основу российского плана войны были приняты предложения, высказанные К.Л. Фулем и уточненные М.Б. Барклаем де Толли в секретных инструкциях командирам соединений. Они предусматривали отступление 1-й Западной армии к укрепленному лагерю в Дриссе и возможное соединение со 2-й Западной армией. При этом на оставляемых противнику белорусских землях планировалось широкомасштабно применить тактику «выжженной земли», которая должна была привести к сокращению численности превосходящих сил противника.

Примечания

- ¹ См.: Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 12. СПб., 1909. С. 286—291; Там же. Т. 13. СПб., 1910. С. 379—402; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3483.
- ² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3483. Л. 264—265; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 11. СПб., 1909. С. 61—63.
- ³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3483. Л. 266—275; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 11. С. 324—333; см. также: *Бернгарди Т.* Записки графа К.Ф. Толя. Перевод с нем. и вступительная статья К. Военского // Военный сборник. 1910. № 11. С. 64—66; *Богданович М.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. СПб., 1859. С. 99—100, 474—485.
- ⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 11. С. 324—325.
- ⁵ Там же. С. 63.
- ⁶ Там же. С. 331.
- ⁷ См.: *Бернгарди Т.* Указ. соч. С. 66; Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. Исторический очерк развития в России Генерального штаба до конца царствования Александра I / Сост. Н.П. Михневич. СПб., 1902. С. 301; *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. 1. СПб., 1883. С. 245.
- ⁸ *Пугачев В.В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сб. ст. М., 1962. С. 40—41.
- ⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 13. С. 408—415. См. также: *Харкевич В.* Война 1812 года. От Немана до Смоленска / Причины войны. Подготовка обеих сторон. Планы действий. Операции до соединения русских армий под Смоленском. Вильна, 1901. С. 88; *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 41—42.
- ¹⁰ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 13. С. 408—409.
- ¹¹ Там же. С. 411—412.
- ¹² Там же. С. 414—415.

- ¹³ *Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 39.
- ¹⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 2.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—14; *Чуйкевич П.А.* Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии Инсурецию посредством вооруженной Экспедиции // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. 7. М., 1996. С. 44—53.
- ¹⁶ *Безотосный В.М.* Аналитический проект военных действий в 1812 г. П.А. Чуйкевича // Российский архив. Т. 7. С. 43.
- ¹⁷ *Лукашевич А.М.* Оперативные марш-маневры 2-й Западной армии в феврале — июне 1812 года: подготовка и осуществление // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы Международной научной конференции. Москва, 23 апреля 2009 г. М., 2009. С. 53—69.
- ¹⁸ См.: Русский инвалид. 1858. № 1.
- ¹⁹ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов / Под ред. С.Н. Голубова и Ф.Е. Кузнецова. Л., 1945. С. 130—138.
- ²⁰ Генерал Багратион... С. 119; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. СПб., 1904. С. 76—77.
- ²¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3505. Л. 161—163; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 11. С. 231—233; Генерал Багратион... С. 145—147.
- ²² *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815) // Записки Императорской Академии наук. Т. 43. СПб., 1882. Приложение. С. 9.
- ²³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 13. С. 107.
- ²⁴ Там же. С. 109.
- ²⁵ Там же. С. 107.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3470. Л. 472 об—473 об; Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западною армиею генерала от кавалерии А.П. Тормасова / извлеч из семейного архива и привел в порядок Д.П. Ахлестышев. СПб., 1912. С. 38; Генерал Багратион... С. 161—162; 1812—1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания Государственного Исторического музея / сост.: Ф.А. Петров и др. М., 1992. С. 28; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 13. С. 124—125.
- ²⁷ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 13. С. 125—126; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3506. Л. 314; 1812—1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона... С. 23.
- ²⁸ *Харкевич В.* 1812 год в дневниках и воспоминаниях современников. Материалы ВУА Главного штаба. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 182—183; 1812—1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона... С. 32.
- ²⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 13. С. 131—132.
- ³⁰ Там же. С. 132, 133.
- ³¹ См.: *Соколов О.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 250.
- ³² 1812—1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона... С. 32—33.
- ³³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 13. С. 174—175; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3504. Л. 79; См.: *Безотосный В.М.* Предвоенные планы российского командования // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 587.
- ³⁴ *Харкевич В.* 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 182.

Россия и шестая антинаполеоновская коалиция

Если оценивать в историографическом ключе 1812—1814 гг., то легко обнаружить огромный дисбаланс. На одном полюсе — море литературы, посвященной Отечественной войне, на другом — скромный список работ о Заграничных походах русской армии. В первой половине XIX в. столь разительного расхождения не наблюдалось. В этот период вышли капитальные труды о кампании 1813—1814 гг., которые принято называть классикой военно-исторической историографии — Д.П. Бутурлина¹, А.И. Михайловского-Данилевского², М.И. Богдановича³. Они были выполнены на высоком научном уровне, и хотя носили скорее описательный характер, эту научную планку дореволюционные и советские историки так и не смогли преодолеть. Работы дореволюционных военных историков Н.А. Орлова⁴ и П.М. Андрианова⁵ носят очерковый и научно-популярный характер и по научной значимости не идут ни в какое сравнение с трудами классиков темы. То же можно сказать о монографиях немногих советских авторов — Н.А. Левицкого⁶, Л.Г. Бескровного⁷. Напротив, в западноевропейской литературе с конца XIX в. появляются капитальные исследования, посвященные кампаниям 1813—1814 гг.

Основной смысл доклада профессора Д. Ливена, прозвучавшего на Международной научной конференции «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы», заключался в идее отставания российских историков от западных коллег и необходимости преодоления национального эгоизма в историографии. Но как донести точку зрения российских историков, если у нас отсутствуют капитальные исследования по этой проблематике? Ответ один — публиковать новые работы. Нет смысла специально бороться с западными фальсификаторами истории — лучшим ответом станут появление новых фундаментальных книг.

Важно отметить, что в 1812 г. даже противники Наполеона Великобритания и Швеция не спешили прийти на помощь России. Поставки вооружения из Великобритании начались только в 1813 г. В 1812 г. лишь небольшая английская эскадра адмирала Т.Б. Мартина на Балтике приняла участие в боях при обороне Риги и осуществила экспедицию в сторону Данцига. Англичане резонно предполагали, что исход русско-французского противостояния в 1812 г. может закончиться новым Тильзитом, тогда зачем помогать? Схожую позицию занимали и шведы. Только в конце 1812 г. после гибели наполеоновской армии в России создалась новая благоприятная ситуация для создания антинаполеоновской коалиции. В 1812 г. все европейские государи дали свои воинские контингенты Наполеону для участия в Русском походе. А уже в начале 1813 г. они находились в полной растерянности.

12 (24) декабря 1812 г. в Вильно император Александр I в день своего рождения заявил собраннным генералам: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу»⁸. В этих словах российского императора уже заключалась концепция будущих действий русской армии и уверенность в необходимости перенесения войны в Западную Европу. В данном случае необходимо подробнее остановиться на очень важном и не до конца прояснен-

---

ном вопросе — стоило ли русским войскам после победоносного освобождения территории России идти дальше в Европу? Как писал в свое время участник военных действий историк Д.П. Бутурлин, «гибельный Московский поход не заставил Наполеона быть умереннее; могущество его было сильно потрясено, но не совсем еще уничтожено»⁹.

Александр I в то время был одним из немногих государственных деятелей на континенте, кто верил в окончательную победу над Наполеоном. Даже после катастрофы в России немногие предугадывали падение французского императора. Правящие элиты больших и малых государств Европы находились тогда в поисках нового «модус вивенди». Большинство исходило из логики более чем десятилетнего наполеоновского господства, из тщетности усилий победить гениального «узурпатора» и в лучшем случае рассматривали возможность «нового Тильзита». Российский император принял на вооружение концепцию переноса военных действий в Европу, сделав ставку на антинаполеоновское и национальное движение в Германии. Он был убежден в необходимости, так сказать, добить дракона в его собственном логове. Это был продуманный внешнеполитический курс. В самом начале кампании 1812 г. российские власти образовали Комитет по делам Германии, создали Русско-немецкий легион, тратили денежные средства на пропаганду и поддержку «патриотов» внутри германских земель.

В последние годы в российской историографии активно высказывается предположение, что русской армии, исходя из геополитических интересов России, не следовало продолжать войну в 1813 г. Аргументация приводится очень простая: русские солдаты проливали кровь, а все дивиденды от окончательной победы над Наполеоном достались Великобритании. Такая точка зрения не нова. В отечественной историографии одним из первых ее выразил авторитетный историк великий князь Николай Михайлович, комментируя высказывания сторонников невмешательства (как он выразился — «стариков») в дела Европы: «Будущее показало весьма скоро, что такое мнение имело свои основания, и что России последующие войны принесли мало пользы, а скорее даже вред». Он не поддерживал «вполне ненужное для русских интересов освобождение Германии от ига Наполеона», так как «восторжествовала опять идея коалиции, но не прямые интересы России»¹⁰. Многие историки делают акцент на том, что сам М.И. Кутузов являлся сторонником остановки армии на границе после освобождения русской территории¹¹. В доказательство, как правило, приводится мнение Кутузова, высказанное им в конце кампании 1812 г. в разговорах с Р.Т. Вильсоном и А.С. Шишковым. Последний в своих воспоминаниях привел беседу с Кутузовым в форме диалога. При анализе текста становится ясно, что убежденным сторонником прекращения продвижения русской армии в Европу был сам мемуарист, а главнокомандующий лишь вяло соглашался с его доводами. Кутузов также упомянул, что разговаривал на эту тему с императором: «Я представлял ему об этом; но первое, он смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть не можно; и другое, скажу тебе откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня и поцелует; тут я заплачу и соглашусь с ним»¹².

Полагаю, что полностью опираться на косвенные свидетельства Вильсона и Шихова не стоит. Сам русский главнокомандующий таких заявлений официально никогда не делал, а вся делопроизводственная переписка его штаба свидетельствует об обратном. Правда, Главная армия получила по его настоянию кратковременный отдых в Вильно, пока остальные части продолжали безостановочное и, можно сказать, запланированное преследование противника в Европе. В докладе императору в начале

декабря Кутузов писал, что «крайняя необходимость требует, ... чтобы Главная армия хотя на короткое время остановилась бы в окрестностях Вильны, ибо, если продолжать дальнейшее наступательное движение, подвергнется она в непродолжительном времени совершенному уничтожению. Впрочем, сей отдых Главной армии ни мало не останавливает наших наступательных действий, ибо армия адмирала Чичагова и корпусы графа Витгенштейна, генерала Платова, генерала Дохтурова и генерал-лейтенанта Сакена продолжают действовать на неприятеля, а партизаны наши не теряют его из виду»¹³. 15 (27) декабря 1812 г. в приказе по русским войскам говорилось: «Уже нет ни единого неприятеля на лице земли нашей. Вы по трупам и костям их пришли к пределам империи. Остается еще вам перейти за оные, не для завоевания или внесения войны в земли соседей наших, но для достижения желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себе спокойствие, а им свободу и независимость. Да будут они друзья наши!»¹⁴. В приказе войскам о победоносном окончании кампании уже прямо заявлялось: «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение на собственных полях его»¹⁵.

Но если Кутузов в частных разговорах и позволял себе высказывания о том, что русскими руками не нужно «таскать каштаны из огня» для британского льва, официально сказать подобное он, как опытный царедворец и мудрый человек, не мог. Даже если он искренне придерживался указанного мнения (в чем есть сомнения), окончательное решение по столь важному вопросу принимал прибывший к армии Александр I. Кутузов был весьма проницательным и гибким сановником, умел подстраиваться и действовать в унисон с императором. Кроме того, существовала логика развития военных и политических событий. Как Наполеон был не в силах остановиться на пути движения Великой армии к Москве в 1812 г. (хотя в пагубности этого решения его предупреждали многие соратники), так и русская армия, нанеся почти смертельный удар противнику, не могла застыть на своих границах и застопорить победный марш. Не удивительно, что с точки зрения современных поклонников наполеоновской Франции это был бы очень благоприятный вариант — Англия без русской помощи вряд ли смогла бы одолеть Наполеона на континенте.

После 1812 года окончания военных действий не поняла и не приняла бы ни русская армия, ни дворянское общество. После «нокаута» в России Наполеону, потерявшему армию, но отнюдь не энергию и решительность, судьба предоставила бы возможность не просто перевести дух, а полностью прийти в себя. Наивно даже предполагать, что после отрезвляющего русского «душа» он отказался бы от попытки взять реванш. Спрогнозировать развитие событий не составляло труда и в начале XIX в. Французский император вновь мобилизовал бы весь потенциал Европы (включая Австрию и Пруссию) и двинулся бы на Россию во второй поход. По образному сравнению историка-эмигранта А.А. Керсновского, «недорубленный лес грозил вырасти. Наполеон... никогда не смог бы примириться с разгромом 1812 года. Через год или два он вновь собрал бы войска подвластной ему Европы и снова повторил бы нашествие — причем, конечно, постарался бы избежать прежних ошибок». Поэтому историк делал совершенно правильный вывод: «Поход за границу был настоятельной государственной необходимостью»¹⁶.

Российский император, твердо решивший воевать до победного конца, исходил из национальных (и, следовательно, геополитических) интересов своего государства. Для Александра I последующие решения были определены еще до 1812 г., он являлся

убежденным сторонником переноса военных действий в Европу. Уже в 1812 г., благодаря заблаговременным решениям в русле принятой стратегии, были заложены условия для окончательной русской победы. В то время, когда регулярные войска сражались с французами, в тылу на основе рекрутских депо готовились запасные части. В течение 1812 г. было объявлено четыре рекрутских набора, которые могли дать в армию свыше 400 тыс. солдат, хотя для их подготовки и обучения требовалось время. Кутузов, понимая важность наличия резервов в будущем, во второй период кампании 1812 г. отказывался принимать в Главную армию пехотные пополнения из спешно подготовленных рекрутов, предпочитая оставить их в тылу. Уже 5 (17) февраля 1813 г. под командованием генерала от инфантерии князя Д.И. Лобанова-Ростовского была развернута Резервная армия из четырех пехотных и двух кавалерийских корпусов, которые первоначально частично были дислоцированы в Белоруссии, а затем переведены в герцогство Варшавское. Резервная армия была создана для восполнения больших потерь и служила источником укомплектования обученными пополнениями войск в 1813—1814 гг. Это дало возможность во время Заграничных походов поддерживать относительно стабильную численность полевых войск. Сформированное в 1812 г. ополчение также использовали в роли резерва, в основном для блокады гарнизонов крепостей, оставленных противником в тылу русской армии. Кутузов прекрасно знал численное состояние русской армии после кампании 1812 г. Из подписанных им десятидневных рапортов за период с декабря 1812 г. по апрель 1813 г., несмотря на неполноту данных, следует, что численность русских войск, вошедших в Германию, колебалась от 114 тыс. до 130 тыс. бойцов, многие пехотные полки насчитывали в своих рядах от 200 до 500 солдат (в лучшем случае — довоенный батальон), дивизии — 1,5—2 тыс. человек (довоенный полк), даже гвардейские полки имели под знаменами 500—700 человек¹⁷. Конечно, с такими силами удержать уже контролируемые немецкие земли было проблематично, не говоря о дальнейшем победоносном движении в Европу.

Наполеон постарался скрыть масштабы катастрофы и потерь, понесенных в Русском походе. Тем не менее, после 1812 г. влияние России в Европе резко возросло. Ошеломленным неожиданной переменой ситуации европейским государственным деятелям необходимо было сделать выбор относительно дальнейших действий — оставаться с Наполеоном или идти против него. Задержка с принятием решения грозила большими издержками, ведь динамичное развитие событий не предоставляло возможности остаться в стороне и соблюсти нейтралитет. Цена ошибки была очень дорогой, вплоть до потери государственного суверенитета.

Перед Александром I вставал вопрос привлечения на свою сторону бывших союзников и сателлитов Наполеона, по крайней мере, вывода их из состояния войны с Россией. В первую очередь речь шла об Австрии и Пруссии. Наполеону в это время было крайне важно выиграть время для того, чтобы восстановить свои вооруженные силы в Европе и продолжить войну с Россией.

Подписание российско-прусской Таурогенской конвенции 18 (30) декабря 1812 г. генерал-майором И. И. Дибичем и командующим Прусским вспомогательным корпусом генерал-лейтенантом Г. Йорком открыло новый этап в русско-германских отношениях. Осторожные попытки переговоров с пруссаками велись еще с июля 1812 г. через членов Комитета по делам Германии (бывших прусских офицеров на русской службе), созданного во время войны в России. О русских предложениях генерал Йорк извещал прусского короля. Но окончательно склонить на сторону России прус-

---

ское командование удалось лишь в конце кампании. Генерал Йорк, официально не имевший полномочий на подписание соглашения, позволил русским отрезать его от корпуса маршала Макдональда и тем самым создать условия для заключения перемирия. В результате заключения конвенции прусский корпус становился нейтральным и уже не участвовал в боевых действиях, хотя сохранял полную свободу и оружие.

Первоначально прусский король Фридрих-Вильгельм III, опасаясь возмездия со стороны Наполеона, проявлял колебания и нерешительность, не ратифицировал конвенцию и даже приказал отдать Йорка под суд за грубое нарушение дисциплины. Но значение Таурогена, как показали дальнейшие события, было очень велико. Под влиянием успехов русской армии и общественного давления (Пруссия переживала национальный подъем) прусский король резко изменил свою позицию. В те же дни известный немецкий либерал и горячий патриот Г.Ф.К. Штейн, попав в Кенигсберг, созвал ландтаг Восточной Пруссии, взял в свои руки административный контроль над этой землей и начал формировать ландвер (милицию). Возникла реальная угроза того, что студенты и офицеры во главе со Штейном могут взять на себя часть властных полномочий. Такое давление не оставляло выбора правящим кругам Пруссии. По мере продвижения русских войск на территорию королевства страхи и колебания Фридриха-Вильгельма III и его окружения сошли на нет. В Бреславле и Калише 15–16 (27–28) февраля 1813 г. М.И. Кутузов и прусский канцлер К.А. Гарденберг подписали союзные соглашения¹⁸. Пруссия вступала в войну против наполеоновской Франции (выставляла на первых порах 80 тыс. человек, а Россия — 150 тыс. человек), обе стороны взяли на себя обязательства не заключать мира до восстановления прусских границ на западе, существовавших до 1806 г. Калишский союзный договор стал первым официальным актом и сердцевинной шестой антинаполеоновской коалиции, а резкий внешнеполитический поворот Пруссии и ее полный разрыв с Наполеоном подали пример другим государствам. Бесспорно, договор способствовал дальнейшему подъему освободительного движения в Германии. Позднее к союзу присоединились в силу уже имевшихся договоренностей Великобритания и Швеция. О присоединении к союзникам заявили герцоги Мекленбург-Шверинский и Ангальт-Дессауский, курфюрст Гессен-Кассальский, против французов восстали города Гамбург, Любек и Люнебург, волнения происходили в герцогстве Ольденбургском и других районах Северной Германии. Король Саксонский первоначально заявил о нейтралитете.

В апреле 1813 г. союзники создали Центральную комиссию по управлению освобожденными северогерманскими землями, которую возглавил Г.Ф.К. Штейн. 29 апреля (11 мая) на помощь освобожденному Гамбургу пришли датские войска. Дания стремилась заручиться поддержкой союзников. О шаткости и неустойчивости положения Наполеона в тот момент свидетельствовало в частности то, что даже шурина французского императора неаполитанский король И. Мюрат, стремившийся любой ценой сохранить власть, зондировал почву об условиях присоединения к коалиции.

Еще 18 (30) января 1813 г. русской дипломатии удалось заключить секретную конвенцию о перемирии с австрийским командованием, по которой был принят план отвода австрийских войск с территории герцогства Варшавского в Галицию¹⁹. Это означало фактический выход Австрии из состояния войны с Россией и прекращение боевых действий против русских войск. Другое дело, что Венский кабинет не торопился с полным разрывом отношений с Наполеоном. Австрийская дипломатия предпочитала проведение уклончивой политики, пытаясь использовать свое важное

стратегическое положение — нахождение Австрийской империи на фланге театр военных действий. Сначала Венский двор предложил свое посредничество по ведению мирных переговоров между союзниками и Наполеоном. Александр I, мало веря в положительный результат, 27 февраля (11 марта) 1813 г. все же дал официальное согласие на посреднические услуги, поскольку не раз высказывал надежду, что Австрия присоединится к коалиции. Но переговоры с Наполеоном, как не сложно было предвидеть, не дали положительных результатов. Австрийская дипломатия (в лице К. Меттерниха) рекомендовала своему правительству ускорить военные приготовления — становилось ясно, что Австрии не удастся избежать участия в войне против Наполеона, в противном случае она рисковала остаться на обочине европейской политики. В итоге Австрия также выступила в 1813 г. на стороне антинаполеоновской коалиции.

Международная обстановка постепенно теряла черты неопределенности. Четко обозначенные политические цели войны со стороны России (сокрушение империи Наполеона, освобождение Германии, установление европейского равновесия) обозначили прочный вектор развития будущих событий и создавали все предпосылки для присоединения к союзникам других заинтересованных государств и общественных сил. Вступление русской армии в Европу способствовало росту освободительного настроения в первую очередь в Германии. Русских восторженно встречали как избавителей во всех прусских городах.

Объективный анализ действий союзников в 1813—1814 гг. неизбежно приводит к выводу, что главную роль тогда сыграла российская армия и российская дипломатия. В самом начале 1813 г. Россия была единственной державой, находившейся на континенте в военном противостоянии с наполеоновской Францией, а к концу года уже смогла присоединить и увлечь за собой практически все европейские государства. Как было сказано в манифесте Александра I, подписанном им 6 декабря 1813 г. в Карлсруэ: «Не проходит еще года, как уже победоносные наши знамена веют на берегах Рейна и ополчавшаяся против нас Европа ныне добровольно шествует с нами»²⁰. Русские войска вынесли на своих плечах наибольшие невзгоды военных неудач и являлись основным цементирующим началом, позволявшим добиться громких побед, а умелая деятельность русской дипломатии способствовала с самого начала созданию, а затем сплочению и расширению сил коалиции. Во всех крупных сражениях 1813 г. (Лютцен, Баутцен, Дрезден, Гросс-Беерен, Кульм, Деннивиц, Кацбах, Лейпциг) именно русские солдаты принимали на себя главные удары противника и составляли костяк победоносных армий, подорвавших неоспоримое военное превосходство Наполеона в Европе.

Именно русские войска понесли самые большие потери в период военных действий. «При всех, однако, громких успехах кампании нынешней признаться надобно, — писал 28 октября (9 ноября) 1813 г. Барклай де Толли Александру I, — что она собственно нам стоит новых и весьма важных пожертвований: она стоит нам половины армии! ... Есть полки, в коих налицо не более уже 100 человек. Недостаток штаб- и обер-офицеров причиною, что и сии малые остатки не могут быть приведены в надлежащий порядок. В амуниции, и особливо в сапогах, рубахах и одежде, солдаты терпят крайнюю нужду. Кроме резервного корпуса, сохранившего еще вид порядочного войска, и кроме войск, находящихся в армии наследного принца шведского, кои менее других употребляемы были в дело и, следовательно, менее других потерпели, все другие действующие корпусы не могут делать значительного счету в армии,

---

и я с тягостнейшим для меня прискорбием должен решительно донести..., что они в настоящем положении их ежеминутно приближаются к уничтожению». Коснувшись проблемы раздробленности армии и «настоящего образа управления», Барклай закончил письмо веским резюме: «Ничего не может быть убийственнее для войск..., как зависимость их от посторонних генералов. Ничего не может быть полезнее, как соединение их в одну массу, и особливо в такое время, когда мир или война должны обеспечить благосостояние отечества нашего»²¹. Другое дело, что российский император, принимая разнообразные решения по обеспечению армии, пожелал сохранить русские корпуса раздробленными по армиям союзников. Видимо, такое положение устраивало императора по политическим соображениям, поскольку нахождение русских войск в каждой союзной армии давало ему возможности для личного контроля и воздействия на главнокомандующих.

За годы воинских лишений у русских возникло определенное братство по оружию с прусской армией (чего нельзя сказать про австрийскую). Это явление вело свои истоки еще с кампаний 1806—1807 гг., а закрепилось в 1813 г. Русские отлично отдавали себе отчет в вынужденном характере участия пруссаков в кампании 1812 г. против России. Например, М.И. Кутузов в 1812 г. полагал, что Пруссия — противник, который «по несчастным обстоятельствам завлечен в сию войну»²². Если и существовала недоброжелательность, то она исчезла с вступлением русских войск в Пруссию. Местное население встречало их как братьев и освободителей. О том, что русским оказывался очень теплый прием (с иллюминацией, цветами и лавровыми венками) свидетельствуют как официальные документы, так и воспоминания современников и участников событий. В 1813 г. Пруссия действовала в русле внешнеполитического курса России, была настроена вести борьбу до решающего конца, пытаясь извлечь для себя возможные выгоды из союза. Прусская армия являлась главным носителем идеологии освободительного движения для германских государств. Русским была вполне понятна ненависть пруссаков к французам, чувство мести за поругание национальной гордости, что в меньшей степени присутствовало у австрийцев. В этот период пруссаки даже ввели униформу, подражающую русским образцам. Многие русские мемуаристы, вспоминая этот поход, называли пруссаков (но отнюдь не австрийцев) термином «наши войска», а под словом «мы» подразумевали только русско-пруссские части. Уже с марта 1813 г., как писал генерал Ф.Ф. Довре своим частям, «войска прусские уже соединены с нашими и будут смешаны в рядах ваших, дабы, горя одинаковым жаром чести и славы, разить вместе с нами общих врагов вселенной»²³. И действительно позже во всех трех армиях (Богемской, Силезской и Северной) русские и прусские полки, бригады, дивизии и корпуса действовали всегда вместе и поровну делили тяготы и невзгоды военной жизни. Резерв Богемской армии одно время назывался русско-пруссским. Прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка И.М. Казаков вспоминал о совместном походе: «Пруссаки шли вместе с нами, и их солдаты разговаривали с нашими... С австрийцами такого лада не было, а на фуражировках бывали и драки»²⁴. Пруссаки в этот период благодаря русской армии почувствовали не только горечь поражений, но и вкус побед, обрели уверенность в своих силах. Пруссия за спиной России вновь ощутила себя великой державой, способной влиять на европейские дела, лидером в своем регионе.

Нельзя сказать, что все коллизии в отношениях между военными исчезли. Для русского генералитета с 1813 г. резко изменилась внешнеполитическая ситуация. Помимо

Пруссии в боевые действия против Наполеона на европейском континенте постепенно вступили австрийские и шведские войска. На главном театре военных действий союзниками были созданы четыре армии, из которых только одна Польская армия оказалась по составу русской, и ее возглавил русский генерал (Л.Л. Беннигсен). В остальных (Северная, Силезская, Богемская армии) русские корпуса подчинялись генералам-иностранцам. Внешнеполитический фактор несколько притупил внутренние противоречия среди российского генералитета. Необходимость противостоять претензиям со стороны прусских, шведских, австрийских (в первую очередь), а затем германских генералов в связи с пополнением 6-й коалиции войсками лоскутных немецких государств в определенной степени сплачивала командный состав русской армии. В 1813—1814 гг. вопрос старшинства был выведен на международный уровень. Возникла проблема выяснения статуса российских военачальников и их взаимодействия с союзниками. Так, А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал о переговорах 1813 г. с пруссаками, когда впервые «зашла речь о том, кому в случае совокупного действия русских и прусских войск надобно будет начальствовать, русскому ли генералу или прусскому, с нашей стороны предложено было, чтобы тот принял команду, кто старше в чине»²⁵. Таким образом, именно этими, веками испытанными и проверенными в «партийных» схватках принципами, русские генералы руководствовались в повседневной практике общения со своими коллегами из европейских армий. В то же время еще многоопытный и мудрый М.И. Кутузов при жизни пытался погасить интриги в верхах союзной прусской армии. Такими словами он инструктировал Витгенштейна по поводу пруссаков: «Гарантируя нам больше возможностей и больше ресурсов, этот союз налагает на нас в то же время обязательство поддерживать между генералитетом обоих государств полнейшее согласие. Только оно может обеспечить нам успех, без него же все чудеса храбрости, проявленные нашими войсками, будут напрасными и мы не сможем воспользоваться преимуществом, проистекающим из огромности наших ресурсов по сравнению с противником. Точно так же мы должны в самом зародыше пресекать интриги недоброжелателей, которые бывают особенно сильны в коалициях государств»²⁶. Поэтому он рекомендовал поддерживать среди пруссаков влиятельного генерала Г.Д. Шарнхорста («всецело преданного нашему делу»), а не постоянно ему противодействовавшего «завистника» генерала К.Ф. Гнейзенау. Таким образом, в 1813 г. генеральские страсти во многом оказались перенесенными в высшие военно-дипломатические и международные сферы и кипели они теперь, главным образом, в ставке союзников.

Нужно сказать и о роли, которую играл во взаимоотношениях союзников российский император. О том, что Александр I стоял у истоков антинаполеоновской коалиции, упоминают большинство авторов. Его позиция сплачивала союзников и определяла их стратегическую линию поведения, хотя в советской историографии, превозносившей только Кутузова, не принято было называть Александра I военно-политическим лидером союзников. Но официально-делопроизводственная документация того периода (переписка Блюхера, Карла-Юхана, Барклая, Беннигсена и других генералов с российским императором) дает полные основания говорить о том, что именно Александр I являлся теньвым главнокомандующим союзных армий. Во всяком случае, главнокомандующие Северной и Силезской армиями обращались в спорных ситуациях именно к российскому императору. А.И. Михайловский-Данилевский в 1815 г. писал, что Блюхер «пренебрегает прочими монархами Европы и дорожит только двумя предметами: привязанностью прусской армии и уважением нашего Государя.

“Он мой император, — говорит часто почтенный старик, — я ему доношу о моих военных действиях, а уже он пусть сообщает их королю. Он один может меня судить, и я от него принимаю охотно и выговоры, и награждения”²⁷. Александр I контролировал действия Силезской и Польской армий, пытался воздействовать на активность главнокомандующего Северной армией — у главнокомандующего Богемской армией Шварценберга на это не хватало авторитета. Ему, а не Шварценбергу, подчинялись все русско-прусские корпуса Богемской армии. Фактически под юрисдикцией австрийского главнокомандующего оставались и напрямую подчинялись ему только австрийские части. Стратегические решения Шварценберга утверждались советом трех монархов, где преобладающая роль принадлежала Александру I, так как прусский король с давних пор находился под его влиянием, а австрийский император был достаточно индифферентен к военным вопросам. Де факто из четырех армий союзников под русским императорским оком и контролем находились три с половиной армии.

А.И. Михайловский-Данилевский, состоявший в окружении российского императора во время Лейпцигской битвы, считал, что он «начальствовал армиями, а не кто другой, к князю Шварценбергу потеряли доверенность, а прочие два монарха ни во что не вступались». Мемуарист указывал, что такая ситуация складывалась постепенно: «Александр, ознакомившись в течение двух месяцев с австрийцами, уже не оказывал им такой уступчивости, как в начале союза своего с ними, при разногласиях он твердо настаивал в своих мнениях. Пруссаки во всем ему покорялись, и сами австрийцы, признавая его возвышенные дарования и отвержение его всяких личных честолюбивых видов, начинали его слушаться, тем более, что присоединение к нам армий Беннигсена, Бернадота и Блюхера увеличивало число войск, непосредственно зависевших от распоряжений государя, истинного Агамемнона великой брани»²⁸.

Можно подписаться под определением Александра I как «Агамемнона царей Европы», но нельзя отказать ему и в честолюбии. Оно заключалось не в занимаемой армейской должности, а в общественном признании его заслуг. Стать победителем самого Наполеона — вот его честолюбивая цель! Кроме того, быть главнокомандующим значило взять на себя большую ответственность, от которой Александр I стремился уклониться. Российский император понимал, что при отсутствии должного боевого и тактического опыта не сможет командовать на поле сражений. Как верно заметил тот же Михайловский-Данилевский, положительно отзывавшийся о военных способностях императора, «сколько я не видел государя, рассуждавшего о военных делах на поле, его мнения были самые основательные и дальновидные, но в нем была какая-то недоверчивость к самому себе, и он имел тот недостаток для военного человека, что он не скоро узнавал местное положение поля сражения, или, говоря техническим выражением, он с трудом мог ориентироваться»²⁹. Безусловно, «недоверчивость к самому себе» и неумение «ориентироваться» — это не лучшие качества для полководца. Одно дело — давать указания главнокомандующим, другое — заботиться о дисциплине, боеприпасах, продовольствии и амуниции, составлять расписания и маршруты, вести полки, расставлять их по месту и направлять в бой.

Наличие номинального и теневого главнокомандующего с точки зрения военной науки грозило катастрофой для войск. Как показал отечественный опыт, русских главнокомандующих (Кутузова в 1805 г., Барклай в 1812 г., Витгенштейна в 1813 г.) присутствие в армии Александра I не просто стесняло, но фактически лишало возможности командовать. Как люди военные и верноподанные они ждали от императора руково-

дящих указаний. Царь упорно не хотел этого понимать. В начале кампании 1812 г. высшие сановники попросили его уехать из армии. Если даже Кутузов в 1813 г. мог проводить собственную линию лишь при коррекции царя, то не столь именитый генерал Витгенштейн не мог полноценно командовать армией. Поэтому наличие австрийского главнокомандующего давало Александру I возможность услышать альтернативную точку зрения. Российский император старался не вмешиваться в дела управления, а делал это, вероятно, с подачи своих советников (Барклая, Толя, Дибича, Жomini), только тогда, когда решения Шварценберга были слабы в профессиональном отношении или противоречили выработанной стратегической русской линии. Являясь военно-политическим вождем коалиции на континенте, российский император только направлял движения армий в нужное русло, как правило, подгоняя излишне медлительного Шварценберга, больше всего боявшегося потерпеть поражение от Наполеона. За год войны Александр I, безусловно, набрался опыта и мог более адекватно оценивать военную ситуацию в стратегическом плане. Именно благодаря императору и его возрастающему престижу Россия заняла в Европе ведущее место. Примечательна высокая оценка этих усилий самого крупного (после смерти М.И. Кутузова) российского полководца М.Б. Барклая де Толли. 15 января 1814 г., когда русские войска только вступили на территорию Франции, он изложил свои суждения в частном письме к неизвестному адресату: «Если Россия, как возрожденная, выйдет из этой борьбы, покрытая бессмертною славою, и поднимется до высшей ступени значения и могущества, то причину этого надо искать в плане кампании 1813 года, начертанном с предусмотрительностью и остроумием. Особенно же в твердости и неуклонности нашего императора, выносливому терпению и неутомимому попечению которого мы обязаны этим еще никогда невиданным феноменом, что такая огромная и сложная коалиция до сей поры существует и с энергией преследует всю ту же цель»³⁰.

Остановимся на другом важном вопросе. Многие историки полагают, что именно Наполеон объединил Европу, т.е. наполеоновская империя стала прообразом Единой Европы. Но так ли это? Французский император придумал свою концепцию европейского объединения под эгидой Франции и силой ее штыков. Но, как заметил еще Ш.М. Талейран, на штыках неудобно сидеть. В итоге наполеоновская концепция не была воплощена в жизнь. На деле были реализованы идеи его главного противника — Александра I. В основу взглядов российского императора был положен принцип европейского равновесия, создание системы международного права, решение спорных вопросов и горящих проблем путем совещания лидеров государств. Другими словами, принцип руководства Европой коллегией европейских лидеров. Европа жила на основе этих идей до середины XIX столетия без крупных войн. В то время отсутствовала экономическая необходимость в объединении, была лишь заинтересованность государств в стабильности и борьбе с революционными потрясениями. Низложение Наполеона создало условия для рождения принципиально новой международной системы отношений, основанной на равном участии государств в решении европейских проблем.

Примечания

¹ Бутурлин Д.П. Картина осеннего похода 1813 г., в Германии, после перемирия, до обратного перехода французской армии через Рейн. СПб., 1830.

- ² Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. Ч. 1—2. СПб., 1840; *Он же*. Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1—2. СПб., 1836.
- ³ Богданович М.И. История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1—2. СПб., 1863; *Он же*. История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1—2. СПб., 1865.
- ⁴ Орлов Н.А. Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. 4. М., 1911.
- ⁵ Андрианов П.М. От Немана до Рейна. Война 1813 г. Борьба за освобождение Европы от ига Наполеона. Одесса, 1913; *Он же*. Война 1814 г. от Рейна до Парижа. Одесса, 1914.
- ⁶ Левицкий Н.А. Лейпцигская операция 1813 года. М., 1934.
- ⁷ Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974.
- ⁸ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905. С. 134.
- ⁹ Бутурлин Д.П. Картина осеннего похода 1813 г., в Германии... С. 1.
- ¹⁰ Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. СПб., 1912. С. 110, 114, 117.
- ¹¹ По мнению С.С. Татищева, против перехода русских войск через Неман высказывался М.И. Кутузов и его штаб, за — выступали все дипломаты, включая канцлера графа Н.П. Румянцева. (Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890. С. 40). Н.А. Троицкий не подтвердил это широко распространенное мнение (См.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 322—328).
- ¹² Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870. С. 167—168. А.С. Шишков чистосердечно указал, что в конце 1812 г. он являлся сторонником остановки русских войск на границе: «Что ж принадлежит до мнения моего, изложенного в сем разговоре, то хотя последовавшие события и опровергли оное, однако ж и теперь не стыжусь я тогдашних моих мыслей. Мне внушала их опасность, чтоб Россия, жертвуя собою для других, и ратоборствуя больше для славы, нежели для пользы своей, не подверглась с ущербом благоденствия своего каким-либо новым злоключениям... Я и по ныне в толь скором падении возросшей до высочайшей степени силы Наполеоновою не иное вижу, как особенное произволение Творца вселенной» (Там же. С. 169).
- ¹³ М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 582—583.
- ¹⁴ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 99.
- ¹⁵ М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. С. 634.
- ¹⁶ Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 267—268.
- ¹⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 16. СПб., 1917. С. 78—79, 88—89, 100, 110, 150, 195, 242, 291, 335.
- ¹⁸ М.И. Кутузов. Т. 5. М., 1956. С. 276—281.
- ¹⁹ Там же. С. 131—133; Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 3. СПб., 1876. С. 70—91.
- ²⁰ Собрание Высочайших манифестов... С. 149.
- ²¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. 7. М., 1970. С. 431—433.
- ²² М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. С. 455.
- ²³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 103.
- ²⁴ Казаков И.М. Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. № 3. С. 530.
- ²⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год: Военные дневники. М., 1990. С. 319.
- ²⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии... С. 115—116.
- ²⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814—1815. СПб., 2001. С. 239.
- ²⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года... С. 366.
- ²⁹ Там же. С. 365.
- ³⁰ Русская старина. 1888. № 10. С. 265.

А.А. Орлов

Россия и Великобритания в 1813—1814 гг.: взаимодействие в шестой антифранцузской коалиции

После поражения Наполеона в России в 1812 г. Пруссия и Австрия были фактически выведены из числа его союзников. Но оставалось неизвестным, согласятся ли Берлин и Вена повернуть оружие против Франции. Отныне Петербург и Лондон считали главной задачей побудить их к этому.

Однако Великобритания планировала не просто увеличить количество союзников на континенте. В русле политики равновесия сил она стремилась найти возможную альтернативу России. Первоначально основная ставка была сделана на Австрию. Правительство Р.Б. Дженкинсона лорда Ливерпула еще в конце ноября 1812 г. обратилось к Вене с призывом перейти на другую сторону¹. В случае согласия Австрии предлагали немедленно выплатить 500 тыс. фунтов стерлингов². Великобритания была заинтересована в том, чтобы сильная Австрия сыграла роль противовеса Франции, по крайней мере, в Италии, а также могла противостоять России в Юго-Восточной Европе³. Однако в начале 1813 г. Австрия обратилась ко всем воюющим державам с предложением «всеобщего умиротворения», что было на руку Наполеону, но крайне невыгодно для Британии и России⁴.

После неудачи с Австрией Лондон пытался опереться на Пруссию, усилив ее до степени готовности успешно сражаться с Францией. В инструкциях министра иностранных дел Г.Р. Стюарта лорда Каслри послу в России генералу У. Шоу лорду Каткарту, который должен был координировать работу британских послов в столицах трех держав, неоднократно упоминается об этом⁵. Не были забыты и Россия со Швецией. В начале 1813 г. британская дипломатия определила для себя три главных цели. Во-первых, обеспечить все необходимое для продолжения операций армии генерала А.К. Уэллсли (будущего герцога Веллингтона) в Испании. Во-вторых, создать главную армию в Северной Германии для помощи русским. Шведская интервенция на материк должна способствовать этой цели. В-третьих, добиться заключения какого-либо твердого соглашения с Александром I для получения гарантий продолжения его участия в войне. Естественно, в Лондоне понимали, что «достижение каждой из этих целей потребует обременительного расхода британских денег»⁶, — пишет американский историк Д.М. Шервиг.

По мнению Каслри, Россия и Швеция должны были взять на себя основную тяжесть борьбы на севере Европы. Он не собирался упускать и благоприятных возможностей, предоставляемых изменением курса Пруссии и возможным изменением в будущем политики Австрии. В письме к Каткарту от 22 января (н.ст.) 1813 г. министр, в частности, писал, что в такой тяжелой борьбе Англия не должна упускать ни малейшей возможности для достижения успеха⁷. Но если Великобритания, с ее в целом устойчивой финансовой системой, могла позволить себе действовать осторожно, то Россия, государственное хозяйство и финансы которой в значительной степени подорвали длительные войны и континентальная блокада, была не в состоянии вести войну бесконечно долго.

В этой ситуации особенно важным становилось предоставление британских субсидий. Секретный Комитет финансов при Александре I еще 9 декабря 1812 г. принял решение: просить у Великобритании на будущий год 7 млн фунтов стерлингов. Понимая, что это может вызвать возражения, император был готов частично «принять в счет означенной суммы разными военными припасами как-то: оружием, сукнами, обувью и проч[им], которые аглинское правительство приобретать может в своих владениях, не имея нужды в золоте и серебре, чрез что немало облегчилось бы оно в удовлетворении предполагаемых субсидий»⁸. 20 января (1 февраля) 1813 г. он приказал послу в Лондоне графу Х.А. Ливену решительно потребовать от Каслри выплаты денег в звонкой монете для 200-тысячной армии⁹.

Впрочем, Александр I соглашался снизить размер запрашиваемых субсидий с 7-ми до 4-х млн фунтов стерлингов, половину каковой суммы мог бы принять, как уже говорилось, в виде поставок оружия и снаряжения¹⁰. Император побуждал Ливена воздействовать всеми доступными способами на лидеров парламентской оппозиции в плане возобновления нападков на правительство, не оказывающее необходимой помощи России. «Вам надлежит не пренебрегать ничем, что могло бы обеспечить успех столь важных переговоров», — указывал он послу¹¹. В этом же письме ему предлагалось обсудить с британскими министрами проект выпуска так называемых «федеративных бумажных денег» для расчетов с населением освобождаемых от французов германских земель.

Весной 1813 г. кабинет Ливерпула остро нуждался в новых победах России, чтобы, помимо прочего, укрепить собственное положение. Как писал Ливен Александру I, «лорд Каслри заявил мне в одной из наших последних бесед, что он с ужасом думает о том, как будет просить... деньги у парламента, и что только подвиги Ваших армий, государь, дали министерству надежду раздобыть такую большую сумму денег»¹². В конце марта 1813 г. британское правительство согласилось предоставить России и Пруссии 2 млн фунтов стерлингов в звонкой монете и 5 млн фунтов стерлингов в «федеративных бумагах». Помимо предоставления денежных субсидий Лондон согласился продолжить поставки оружия и боеприпасов для российских и прусских войск.

Главной задачей союзников стало формирование новой коалиции и, прежде всего, как можно более тесное привлечение к ней Пруссии и Австрии. 16 (28) февраля в Калише был заключен одновременно мирный и союзный договор между Россией и Пруссией¹³, а 4 (16) марта последняя объявила войну Наполеону¹⁴. В тылу французских войск вспыхивали восстания недовольных жителей германских и итальянских государств¹⁵. Начиналась борьба всей Европы против Франции. Однако дело сокрушения господства Наполеона сильно затянулось. Ему удалось частично оправиться от поражения в России и собрать новую армию, которая весной 1813 г. нанесла жестокие поражения российско-прусским войскам при Лютцене и Баутцене. Союзники вынуждены были отступить за Эльбу и в Силезию, согласившись на перемирие, заключенное в Плейсвице 23 мая (4 июня) (продолжалось до 29 июля (10 августа) 1813 г.)¹⁶.

За это время между ними была подписана Рейхенбахская конвенция от 3 (15) июня 1813 г., в которой официально закреплялись британские финансовые обязательства по отношению к России и Пруссии¹⁷. Этот документ, а также подписанные ранее двусторонние договоры между Британией, Россией, Пруссией и Швецией, как мне представляется, фактически завершили создание шестой антифранцузской коалиции.

Однако существовали еще некоторые трудности, которые предстояло преодолеть для того, чтобы коалиция была готова к активным действиям. Россия и Пруссия, в

частности, выражали недовольство решением Великобритании осуществлять все платежи субсидий в Лондоне, поскольку выданные векселя теряли в ценности при их оплате континентальными банками. Иногда такие потери составляли до трети номинальной стоимости полученных денег¹⁸.

Кроме затруднений с финансированием армий, в 1813 г. предстояло решить еще одну важную проблему. После поражений при Лютцене и Баутцене исход войны в значительной мере зависел от того, выполнит ли Австрия обещание присоединиться к коалиции. Вена не торопилась с этим. Австрийский министр иностранных дел князь К.Л. Меттерних, опасавшийся усиления влияния Александра I, стремился «вступить в коалицию только с равными России военными силами»¹⁹. Вместе с тем, он вел деятельные закулисные переговоры с союзниками, рассчитывая, что теснимый ими французский император пойдет на жертвы и вернет Австрии хотя бы часть захваченных земель. Меттерних, таким образом, брал на себя роль посредника в европейском конфликте²⁰.

Союзники хотели во что бы то ни стало добиться изменения курса Австрии, поэтому предпринимали различные меры воздействия на нее. Великобритания во второй половине 1813 г. планировала даже совершить в Австрии государственный переворот, прикрываясь именем одного из принцев габсбургского дома. Заговор был раскрыт, что значительно обострило и без того непростые австро-британские отношения²¹. Однако Лондон не оставил попыток добиться своей цели и заставить Австрию не только самой воевать против Наполеона, но и мобилизовать против него южногерманские государства. Россия и Пруссия оказали давление на Австрию в ходе совещания представителей трех держав в чешском г. Ичине 22 мая (3 июня) 1813 г.²² Австрийские уполномоченные дали согласие на присоединение их страны к коалиции, но только после того, как будут исчерпаны все средства дипломатического воздействия на Францию²³.

В Рейхенбахе Меттерних предложил Нессельроде и прусскому канцлеру графу К.А. фон Гарденбергу предъявить Наполеону достаточно мягкие условия общего мира²⁴. Но, поскольку это позволяло французскому императору сохранить большую часть его владений, Нессельроде и Гарденберг продолжали настаивать на ужесточении требований²⁵. В конце концов, было решено, что в случае принятия Наполеоном австрийских условий, они станут только основой для дальнейших переговоров, в ходе которых от него потребуют новых уступок. Если же он отвергнет мирные предложения союзников, Австрия брала на себя обязательство вступить в войну, выставив армию в 150 тыс. человек²⁶.

Британские представители не принимали участия в этих дискуссиях, так как по настоянию Австрии не были приглашены на них²⁷. Посол в Берлине Ч. Стюарт (младший брат Каслри), расценивший данный шаг как предательство со стороны Меттерниха²⁸, в письме к министру от 20 августа (н.ст.) 1813 г. отметил, что если бы России, Пруссии и Австрии удалось заключить с Францией прелиминарный мир, Великобритания вновь осталась бы один на один с Наполеоном²⁹. Чтобы этого не произошло, Каткарт и Стюарт решили приостановить выплату субсидий России и Пруссии на время действия Плейсвицкого перемирия. Каслри от имени британского правительства полностью одобрил их решение³⁰. 31 июля (12 августа) 1813 г. Каткарт вручил Нессельроде особую ноту, в которой подчеркивалось: выплаты денег будут прекращаться и впредь в течение любого заключенного с врагом без участия британских представителей перемирия³¹. В ноте также говорилось о том, что Великобритания не сможет увеличить сумму кредита в 5 млн фунтов стерлингов, выделенного России на ведение войны. В сложной

ситуации Лондон в полной мере использовал все имеющиеся в его распоряжении возможности, чтобы добиться от союзников продолжения борьбы.

Великобритания выдвинула собственные условия заключения мира. Она настаивала также на исключении впредь раз и навсегда из круга обсуждаемых проблем пункта о ее «морском кодексе», так как «решение этого вопроса зависит только от английской нации»³². Россия поддержала эти требования, однако не спешила сообщать Австрии о согласии британского правительства на переговоры, чтобы не ослабить решимости последней объявить Наполеону войну³³.

14 (26) июня 1813 г. Меттерних прибыл в Дрезден для встречи с находившимся там французским императором³⁴. В ходе четырехчасовой беседы Наполеон категорически отверг предложенные ему пункты соглашения, не желая идти ни на какие уступки. Все же он согласился начать переговоры при посредничестве Австрии, что, конечно, было вызвано стремлением получить передышку. В итоге Австрия окончательно присоединилась к союзникам и 12 августа (н.ст.) 1813 г. объявила Франции войну.

Однако и при таком соотношении сил справиться с Наполеоном было очень тяжело. В сражении под Дрезденом 14 (26)—15 (27) августа 1813 г. союзники снова были разбиты. Австрийское правительство стало проявлять колебания, и уже готовилось отказаться от борьбы. Однако блестящие победы над французами в Испании и в Германии укрепили пошатнувшееся единство коалиции. После этого в главной ставке союзников в Теплице приступили к дальнейшему оформлению антинаполеоновского блока. 28 августа (9 сентября) 1813 г. одновременно были подписаны три почти одинаковых по содержанию трактата: между Россией и Австрией, Австрией и Пруссией, а также между Россией и Пруссией³⁵. Таким образом, временная Рейхенбахская конвенция заменялась двусторонними договорами. В них в общих чертах определялись цели войны, условия общеевропейского мира, а также гарантии его сохранения в будущем.

Теплицкие договоры были заключены без участия Великобритании и лишь через неделю после их подписания стали известны Стюарту. Но в этом случае британское правительство не стало протестовать, удовлетворившись тем, что в них была обозначена «великая цель войны» — полная победа над Наполеоном и предусмотрено: в дальнейшем все переговоры с Францией будут вестись только вместе с Великобританией³⁶.

Успехи правительства Ливерпула в области внешней политики укрепили доверие к нему со стороны населения. В этих условиях парламент согласился на предоставление дополнительных средств коалиционерам. Однако значительная часть субсидий в 1813—1814 гг. по-прежнему выплачивалась не в звонкой монете, а в «федеративных бумагах». Российской стороне удалось добиться лишь согласия правительства Ливерпула обеспечивать бумаги на тех же основаниях, что и британский государственный долг.

В октябре 1813 г. состоялось знаменитое Лейпцигское сражение. Наполеон потерпел поражение и был вынужден отступить во Францию. Германия, таким образом, полностью освободилась от его войск. Союзники на совещаниях во Франкфурте-на-Майне в ноябре 1813 г. решили продолжать активные боевые действия³⁷. Однако они понимали: победить Наполеона на территории Франции будет еще труднее, чем в Германии. Это в очередной раз вызвало в их лагере колебания и нерешительность. Меттерних вновь выдвинул идею о начале переговоров с Наполеоном.

Кто способствовал преодолению апатии и побудил коалицию нанести последний удар французскому императору? Отечественные исследователи отмечают выдающуюся роль Александра I³⁸. Британские ученые отдают пальму первенства своим героям,

---

прежде всего, лорду Каслри³⁹. На самом деле в ноябре 1813 г. и Россия, и Великобритания (в лице Нессельроде и британского посла при венском дворе Д.Г. Гордона лорда Эбердина) поддержали предложение о начале нового раунда переговоров с Францией.

27 октября (8 ноября) 1813 г. во Франкфурте-на-Майне состоялось секретное совещание между Меттернихом, Нессельроде и Эбердином, на котором обсуждались конкретные условия мира. Этот шаг был предпринят с целью выяснения истинных намерений Наполеона. В случае его отказа от переговоров на предложенных условиях, было решено опубликовать обращение к французскому народу, в котором император был бы представлен единственным виновником продолжения войны. Нессельроде настаивал на выдвигании союзниками возможно более жестких условий перемирия с тем, чтобы в ходе переговоров можно было пойти на некоторые уступки. Меттерних и Эбердин стояли за мягкие условия, считая, что впоследствии их нужно придерживаться неукоснительно⁴⁰.

Кабинет Ливерпула, по существу, был согласен присоединиться к мирным переговорам и возражал лишь против слишком поспешного заключения мира. Каслри указывал Эбердину, что общественное мнение страны не воспримет это после крупных успехов коалиции. Соглашаясь на переговоры, он, однако, рекомендовал союзникам немедленно занять Антверпен, как один из важнейших для Великобритании военно-стратегических пунктов на континенте⁴¹. Таким образом, несмотря на утверждения британских историков о твердой позиции Каслри, приходится признать: и у него в решающий момент было достаточно сомнений и колебаний. Только очередная попытка Наполеона покуситься на «морской кодекс» встретила резкий отпор министра.

В ответ на требования Каслри Меттерних 16 (28) ноября 1813 г. дал согласие на исключение вопроса о свободе мореплавания из повестки дня переговоров. Одновременно австрийскому послу в Лондоне барону И.Ф. Вессенбергу было поручено сделать заявление о полном совпадении взглядов австрийского и британского правительств по вопросу о переговорах с Францией⁴². В Лондоне были удовлетворены этими уступками⁴³. Но Наполеон не дал никакого ответа на мирные предложения союзников, продолжая готовиться к сопротивлению⁴⁴. Поэтому в декабре 1813 г. они возобновили боевые действия против Франции.

Еще один год войны подходил к концу. Необходимо было думать о том, как будут развиваться отношения партнеров по коалиции во время следующей кампании. Все они имели достаточное количество претензий друг к другу. Отношения между Британией и Россией, впервые после подписания мирного договора в Эребро 6 (18) июля 1812 г., обострились очень серьезно. Александр I был крайне недоволен стремлением Лондона добиваться преимущественно собственных целей, игнорируя интересы остальных участников коалиции, недостаточностью поставок вооружения и амуниции, а также задержками в выплате субсидий.

Однако все трудности с субсидиями и оружием представляются не такими важными в сравнении с теми проблемами, которые возникли между Россией и Великобританией в процессе создания общего союза, соединившего всех участников шестой коалиции, до сих пор связанных друг с другом лишь двусторонними договорами.

Британское правительство давно вынашивало такую идею, но открыто выдвинуло ее лишь тогда, когда интересы Великобритании настоятельно потребовали этого. Каслри еще 18 сентября (н.ст.) 1813 г. писал Каткарту, что в настоящий момент «тесный и прочный союз держав, воюющих против Франции, дал бы бóльшие результа-

---

ты, чем те договоры, которые были последовательно подписаны между державами»⁴⁵. Министр предлагал послу, не теряя времени, убедить Александра I в необходимости создания оборонительного и наступательного союза, отражающего интересы всей коалиции. С этой же депешей он препровождал к Каткарту проект договора, а во втором письме от того же числа — проект дополнительных секретных статей к нему⁴⁶.

Суть британского варианта сводилась к лишению Франции завоеваний революционной и наполеоновской эпох, созданию вдоль французской границы барьера из связанных с союзниками мелких государств и частичной реставрации прежних порядков в Европе⁴⁷. Эти идеи Каслри заимствовал из проектов, получивших развитие еще в российско-британской союзной конвенции 1805 г. Однако именно ему, благодаря чрезвычайно энергичной деятельности, во многом удалось содействовать их воплощению в жизнь. Одновременно с отправкой депеш Каткарту аналогичные бумаги отправили Стюарту и Эбердину. Каслри подчеркивал, что документы следует вручить берлинскому и венскому дворам только в том случае, если проект договора будет одобрен Александром I⁴⁸.

Почему Великобритания, на протяжении 1812 г. и большей части 1813 г. отказывавшаяся даже обсуждать проблему создания общего союза против Франции, сейчас сама призывает к этому? Лондон опасался вновь остаться один на один с Наполеоном в случае, если последний добьется сепаратного мира с какой-либо из континентальных держав⁴⁹. Александр I не отказывался от общего договора, считая, однако, что нужно «включить в него другие условия, уточнения которых требуют нынешние обстоятельства»⁵⁰. В конце 1813 г. он выдвинул свой контрпроект, поддержанный Пруссией и Австрией. Для его согласования в Лондон на помощь Ливену выехал один из ближайших сотрудников императора и личный враг Наполеона генерал-майор К.О. (Ш.А.) Поццо ди Борго⁵¹.

Масштабы обязательств, которые должна была взять на себя Великобритания, вызвали сильное недовольство Каслри. В письме Каткарту от 30 ноября (н.ст.) 1813 г. он сообщал: «Я не могу предполагать, что Его Императорское Величество мог серьезно рассчитывать, [что] мы теперь предложим Парламенту вотировать размер субсидий на неопределенный период войны» и добровольно откажемся от некоторых наших завоеваний. «Эти предложения не могут быть приемлемы для страны, которая внесла такой вклад [в разгром Наполеона], какой сделали мы. Если этот вид переговоров упорно продолжится, лучше сразу в целом отказаться от [предлагаемых] мер и еще мне хотелось бы знать, почему Великобритания более заинтересована в укреплении союза государств, чем Россия»⁵².

Министр прервал переговоры с Ливеном и Поццо ди Борго, заявив, что «дальнейшие дискуссии будут только напрасной тратой времени»⁵³. Его особенно раздражало отсутствие в российском проекте пункта об исключении «морского кодекса» из повестки дня переговоров с Францией. Это могло быть истолковано последней в свою пользу⁵⁴. Однако вскоре Каслри сам пригласил к себе Ливена, чтобы постараться убедить его в том, что Великобритания настаивает на заключении общего союза держав не ради собственных интересов. «Полагать, будто министерство хочет этим союзом связать руки воюющим державам в вопросе о заключении частичного перемирия, значило бы глубоко заблуждаться относительно принципов, которыми оно руководствуется... Не следует делать из этого вывод, будто она (Великобритания. — *А.О.*) не склонна идти на жертвы: она провозгласила свои принципы на этот счет и готова подкрепить их делом, но естественно, что они должны вытекать из обстоятельств, при которых будет за-

---

ключен мир», — говорил послу министр. Он подтвердил согласие своего правительства снабдить участников коалиции необходимыми субсидиями и, кроме того, согласился с тем, что операции в Испании следует осуществлять более интенсивно⁵⁵.

Каслри был готов лично отправиться на континент, для чего получил необходимые полномочия от кабинета министров⁵⁶. Он отплыл из Англии в декабре 1813 г. и 6 (18) января 1814 г. присоединился к штаб-квартире союзников в г. Базеле⁵⁷. Еще до его прибытия Каткарт начал уговаривать Александра I пойти на переговоры с Наполеоном. В ответ император заявил, что, вынужденно соглашаясь с этим ради предотвращения раскола коалиции, он все же советует не торопиться и «хорошо взвесить возможности окончания войны оружием»⁵⁸.

Относительно поставок в 1814 г. субсидий правительство Великобритании несколько туманно, но обнадеживающе заверило своих партнеров, что «им не только будут предложены самые благоприятные условия, но и будет проявлено живейшее желание способствовать осуществлению их намерений»⁵⁹.

Тем временем, вопрос о подписании общего договора между союзниками отошел на второй план, поскольку с 4 февраля (н.ст.) 1814 г. в г. Шатийон-сюр-Сен начались очередные мирные переговоры с Наполеоном. За это активно выступал Меттерних на совещаниях, состоявшихся в конце января в штаб-квартире союзных войск в Лангре. Александр I стоял за продолжение войны, с чем был в принципе согласен и Каслри. Последний, однако, опасаясь выхода Австрии из коалиции, убеждал российского императора дать Наполеону последний шанс⁶⁰. Союзники как раз тогда потерпели серьезное поражение в битве при Сен-Дизье (15 (27) января 1814 г.). Неудача породила замешательство в их войсках, и командование даже обсуждало вопрос о временном отступлении обратно в Германию. И хотя в крупном сражении под Бриенном (17 (29) января) французы не смогли добиться успеха, и отошли к Ла-Ротьеру, где на следующий день им был нанесен сильный удар, положение союзных армий продолжало оставаться весьма неопределенным.

В этой тяжелой ситуации российский император 16 (28) января дал согласие на созыв совещания, которое должно было выработать инструкции для уполномоченных союзных стран на предстоящем конгрессе в Шатийоне. Под давлением Меттерниха и Каслри он согласился несколько изменить основы мирного урегулирования, выработанные в условиях, когда у союзников еще не было уверенности в окончательной победе, но оставил за собой право расширить их в зависимости от конкретной обстановки. В случае срыва переговоров император твердо высказался за продолжение военных действий до полного разгрома армии Наполеона⁶¹.

Мирные предложения союзников, выработанные на совещаниях в Лангре, 7 февраля (н.ст.) 1814 г. были представлены новому французскому министру иностранных дел генералу А.О. Коленкуру. В ответ он настаивал на безотлагательном решении вопроса о том, кому отойдут провинции, отторгавшиеся от Франции в случае ее возвращения к границам 1792 г. Что касается других условий, то по ним Коленкур не давал никаких четких ответов, продолжая говорить о необходимости заключения мира любой ценой⁶². Опасаясь возможных уступок, Каслри после первого заседания Шатийонского конгресса заявил российскому уполномоченному князю А.К. Разумовскому, что Великобритания не согласится на мир, пока между державами коалиции не будет достигнута договоренность «о новой организации Европы» и о «взаимном положении их владений»⁶³.

Конгресс зашел в тупик. Тогда по инициативе Разумовского, который получил указание Александра I «не ускорять хода Шатийонских переговоров»⁶⁴, союзники решили временно прервать его работу. Этот момент Каслри посчитал весьма благоприятным для возвращения к обсуждению проекта общего союзного договора. 9 февраля (н.ст.) 1814 г. он направил Нессельроде личное письмо, в котором говорилось, что в Лондоне до консультаций с другими дворами были бы рады конфиденциально узнать, не изменилось ли отношение Александра I к данному проекту, поскольку Россия могла оказать давление на других союзников. Каслри был готов оставить инструкции уполномоченных на Шатийонском конгрессе в неизменном состоянии, так как, по его словам, в них содержалось «наилучшее и надежное определение целей войны». Он соглашался принять Теплицкие трактаты за основу договора. Залогом его заключения станет стремление ведущих держав коалиции принять предупредительные меры против французского вторжения в соседние страны в будущем⁶⁵. Ради этого британский министр предлагал пригласить Испанию, Португалию, Голландию (усиленную за счет присоединения Бельгии), Баварию, Вюртемберг, а также британского короля в качестве курфюрста Ганновера присоединиться к общему договору противников Франции⁶⁶. Конечной целью документа стало бы, по мысли Каслри, определение всеми союзными монархами обстоятельств вступления в войну (*casus foederis*) против возможного агрессора в случае нарушения мира в Европе, «который они так славно завоевали»⁶⁷.

Расширение состава участников коалиции за счет стран, полностью или частично поддерживавших Великобританию, не отвечало интересам ее главных партнеров. Александр I, в целом положительно оценивший инициативу Каслри, высказался резко против приглашения к участию в договоре второстепенных государств, не без оснований полагая, что их голосами будут легко манипулировать в Лондоне⁶⁸.

Кроме данного вопроса союзникам предстояло также определить единую линию поведения по отношению к прерванным переговорам с Францией. Для этого они с 12 по 15 февраля (н.ст.) 1814 г. совещались в Труа. Меттерних, несмотря на явно уклончивую позицию Коленкура, по-прежнему предлагал принять компромиссное решение⁶⁹. Российские представители возражали, настаивая на дальнейшем ведении войны и занятии Парижа. Это позволило бы собрать там представителей французской нации, которые определяют будущее устройство государства и судьбу трона. Такова была принципиальная позиция Александра I, считавшего, что любые изменения в государственном строе Франции — дело самих французов.

Но у его союзников были иные взгляды. В Лондоне поддерживали претензии династии Бурбонов, многим обязанной Великобритании. Меттерних хотел видеть на троне Наполеона его малолетнего сына при регентстве австриячки императрицы Марии Луизы. Шведский кронпринц Карл Юхан (бывший наполеоновский полководец маршал Ж.Б. Бернадот) сам был не прочь стать правителем Франции. В данной ситуации у Каслри хватило мудрости не обострять отношения, а заняться примирением в стане союзников⁷⁰. Он все еще сильно сомневался в возможности скорой победы (коалиция терпела поражение за поражением) и поэтому старался уговорить российского императора продолжить переговоры в Шатийоне. Однако в то же время он убеждал Меттерниха и Гарденберга отказаться от идеи заключения перемирия на время работы конгресса⁷¹. Александр I согласился начать очередной раунд переговоров с Францией на основе выработанных Меттернихом принципов только под впечатлением неудач союзных армий⁷².

Работа Шатийонского конгресса продолжилась. На заседании 17 февраля (н.ст.) 1814 г. послы держав коалиции вручили Коленкуру согласованный проект мирного договора⁷³. Коленкур, не имевший инструкций Наполеона, вновь не ответил по существу. Французский император, ободренный военными успехами, надеялся заключить мир на более выгодных условиях. В письме своему представителю от 19 февраля (н.ст.) он наотрез отказался принять новый вариант договора и требовал возвращения к франкфуртским условиям. Надежду Наполеона на уступки со стороны, как он полагал, его испуганных врагов вызывало и то обстоятельство, что с 24 февраля (н.ст.) должны были начаться совещания военных специалистов воюющих стран в г. Люзины⁷⁴.

Тем временем союзники торопили Коленкура с ответом. Но на заседании, состоявшемся 10 марта (н.ст.) 1814 г., он смог высказать лишь некоторые собственные замечания, которые сразу же были отвергнуты. Ему предложили либо принять, наконец, союзный проект, либо представить на него контрпроект⁷⁵. Наполеон по-прежнему не давал министру указаний и запрещал подписывать какие-либо документы. Он намеренно затягивал переговоры, желая использовать время для нанесения новых ударов своим врагам. Коленкур 15 марта (н.ст.) вынужден был представить на обсуждение составленный им лично проект, предусматривавший отказ Франции от заальпийских и зарейнских владений, а также намечавший план возможного территориального и государственного устройства послевоенной Европы⁷⁶. Союзные уполномоченные расценили факт выдвижения этого проекта как отказ французского правительства принять их условия. 18 марта (н.ст.) Коленкур получил ответ, в котором говорилось, что союзники не сложат оружия до тех пор, пока их принципы не будут признаны⁷⁷. На следующий день было объявлено об окончании переговоров и о возобновлении военных действий со стороны коалиции.

Еще до этого момента, 15 февраля (н.ст.) 1814 г. Каслри вновь напомнил своим партнерам о необходимости заключения соглашения относительно «будущего устройства континента»⁷⁸. 4 марта (н.ст.) совещания военных в Люзины прервались. Это побудило союзников ускорить обсуждение проекта общего договора. 7 марта (н.ст.) между Каслри, Нессельроде, Меттернихом и Гарденбергом состоялись обсуждения, в ходе которых была высказана готовность принять британский проект при условии увеличения размеров субсидий. Серьезные разногласия возникли также и по вопросу о новых границах Голландии. В этой ситуации Каслри пошел на то, чтобы без предварительного решения парламента согласиться на увеличение субсидий, а в отношении Голландии ограничиться общими формулировками. В результате компромисса все основные препятствия были преодолены и в ночь с 9 на 10 марта (н.ст.) 1814 г. рождавшийся с такими трудностями союзный договор (Шомонский трактат) был подписан⁷⁹.

Трактат оказал серьезное воздействие на ход войны, прежде всего, тем, что создал, по словам британского историка Ф.Д.К. Херншоу, «основание ясно выраженного европейского концерта, существование которого чувствовалось и в ... “Священном Союзе”, Четверном союзе 1815 г. и в длинном ряде последовавших затем европейских конгрессов»⁸⁰. Однако не следует забывать, что Россия еще в июле 1812 г. предлагала Великобритании и Швеции заключить подобный договор, рамки которого были бы открыты для всех стран, враждебных наполеоновской Франции. Будь это тогда сделано, может быть, удалось бы избежать длительных и кровавых кампаний 1813—1814 гг.

Ранней весной 1814 г., добившись подписания общего союзного договора, Лондон стремился сразу же приступить к реализации на практике его основных положений. Каслри немедленно обратился к Нессельроде с циркулярной секретной нотой, в

которой в преддверии возобновления военных действий предлагал начать переговоры. На них следовало определить: какими силами союзники располагают в данный момент; каких подкреплений могут ожидать в ближайшее время; какие имеют военные резервы (с оценкой порядка и времени их формирования); наконец, какие меры могут предпринять в первую очередь с тем, чтобы приложить все усилия для обеспечения «всеобщего мира, к достижению которого они устремлены... и торжественно обещали посвятить себя [этой цели]». Британский министр выражал уверенность в том, что при условии четкого и ясного обозначения этих позиций парламент, несомненно, согласится на предоставление обещанных субсидий⁸¹.

После окончания переговоров в Шатийоне военные действия продолжились с новой силой. Развязка была уже близка. Сражения февраля — марта при Лаоне, Реймсе, Арси-сюр-Об, хотя их нельзя назвать решающими победами союзников, обескровили французскую армию. После состоявшейся 13 (25) марта 1814 г. битвы при Фер-Шампенуазе маршалы О.Ф. Мармон и Э.А. Мортье отвели свои войска к Парижу. В ночь с 18 (30) на 19 (31) марта 1814 г. было подписано соглашение о сдаче Парижа на условиях свободного выхода его защитников из города⁸².

Утром 19 (31) марта союзные войска торжественно вступили в Париж. В начале апреля в столицу пришло известие об отречении Наполеона⁸³. Союзники, наконец, добились реализации тех целей, которые ставили перед собой, начиная войну. Парижский мирный трактат, заключенный 18 (30) мая 1814 г., юридически закрепил завоеванную победу⁸⁴. По его условиям Франция возвращалась к границам 1792 г., вокруг нее создавалось кольцо из враждебных государств. Все вопросы дальнейшего территориального и государственного устройства послевоенной Европы откладывались до конгресса держав, который было намечено провести в Вене.

После наступления мира Александр I вернулся к идее создания в Европе системы коллективной безопасности, которую он вынашивал с 1805 г. При этом ему пришлось вести серьезную борьбу с Каслри, имевшим собственный взгляд на данную проблему. Планы Каслри были уже, чем планы российского императора, в чем-то практичнее, так как основывались на экономических потребностях Европы и на реальных возможностях Великобритании. Поэтому они лучше воспринимались континентальными политиками, которым лидерство Лондона представлялось предпочтительней гегемонии Петербурга. Британское превосходство не вызывало серьезных опасений, поскольку оно существовало, в основном, в экономической, а не в военной сфере. Лондон явно не собирался больше воевать. В 1814 г. британский парламент в целях сокращения расходов принял решение о демобилизации значительной части сухопутной армии⁸⁵, а самые боеспособные ее подразделения отправились в отдаленные колонии⁸⁶.

Армия же Александра I за время войн количественно и качественно очень выросла. Веллингтон был поражен, когда увидел искусные маневры российских войск в августе 1815 г. на смотре при м. Вертю⁸⁷. К сожалению, в подкрепление планов по переустройству Европы император мог опереться, в основном, на военную мощь своего государства. Это пугало людей, которые только что пережили попытку Наполеона объединить континент с помощью силы⁸⁸. Все, в чем нуждались тогда континентальные государства — это мир, сохранение или расширение своей территории за счет поверженной Франции, германских и итальянских земель, а также восстановление взаимной торговли, прежде всего, с Великобританией. Что им могла дать Россия? В экономическом отношении очень немного.

Таким образом, почувствовав, что стоит на более твердой почве, Каслри смог переиграть Александра I. Лондон отказался подписать акт о создании Священного союза, хотя и не выразил несогласия с его принципами. Император воспринял это как урок, показатель необходимости укрепления роли России не только в европейской политике, но и в европейской экономике. И здесь идеалом для него была Великобритания. Вернувшись оттуда после визита 1814 г., Александр I был крайне недоволен британскими политиками⁸⁹, но восхищен страной в целом⁹⁰.

В начале 1816 г. в письме к Веллингтону император называл систему управления Великобританией лучшей в мире⁹¹. Он хотел организовать работу государственного и экономического механизма своей империи на британский манер, а подданных воспитать по английскому образцу. Ради реализации этой трудной (как выяснилось впоследствии, практически невыполнимой) задачи, необходимо было сохранять самые тесные дружественные связи с Лондоном. При всех нюансах развития международных отношений они такими и оставались вплоть до того момента, когда Каслри и Александр I в 1820-х гг. сошли с исторической сцены.

Примечания

- ¹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского министерства иностранных дел (Далее — ВПР). Серия I. 1801—1815 гг. Т. 6. М., 1962. № 290. С. 665—666.
- ² Webster Ch.K. The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815. Britain and the Reconstruction of Europe. L., 1931. P. 112—113.
- ³ Зак Л.А. Англия и германская проблема (Из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963. С. 127.
- ⁴ ВПР. Т. 7. М., 1970. С. 707—708. Прим. 25; С. 718—720. Прим. 81.
- ⁵ См., например: British Diplomacy, 1813—1815. Select Documents Dealing with the Reconstruction of Europe / Ed. by C.K. Webster. L., 1921. Part 1. The Preparation of the Alliance, 1813. № 3. P. 3—4.
- ⁶ Sherwig J.M. Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France 1793—1815. Cambridge (Mass.), 1969. P. 283—284.
- ⁷ Ibid. P. 284.
- ⁸ ВПР. Т. 6. № 269. С. 629. (Протокол заседания Секретного Комитета финансов).
- ⁹ См.: Там же. Т. 7. С. 709. Прим. 27.
- ¹⁰ Там же. № 14. С. 39. (Александр I — Ливену от 20 января (1 февраля) 1813 г.).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. № 55. С. 137. (Донесение от 25 марта (6 апреля) 1813 г.).
- ¹³ Текст договора см.: Там же. № 23. С. 66—68.
- ¹⁴ Там же. С. 711—712. Прим. 43.
- ¹⁵ Относительно Германии см.: Эккерман И.П. Разговоры с Гете / Пер. с нем. Н. Холодковского. М., 2003. С. 13; Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 404.
- ¹⁶ ВПР. Т. 7. С. 231.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 734. Прим. 142. Текст конвенции см.: Там же. № 105. С. 252—254.
- ¹⁸ Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 216.
- ¹⁹ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 4. Светлейший князь Андрей Кирил[л]ович. Ч. 2. СПб., 1887. С. 447—448.
- ²⁰ См.: Шедивы Я. Указ. соч. С. 161—178.
- ²¹ См.: Зак Л.А. Указ. соч. С. 128—130.
- ²² См.: ВПР. Т. 7. С. 718—720. Прим. 81; С. 720—721. Прим. 84.
- ²³ Там же. № 101. С. 237—238. (Нессельроде — Александру I от 24 мая (5 июня) 1813 г.).
- ²⁴ См.: Там же. С. 733—734. Прим. 140. (Меттерних — Нессельроде от 26 мая (7 июня) 1813 г.).
- ²⁵ См.: Там же. № 103. С. 244—245; № 104. С. 248—249. (Запись бесед Нессельроде, Гарденберга и австрийского представителя Штадиона 29 мая (10 июня) и 31 мая (12 июня) 1813 г.); № 106.

- С. 256. (Нессельроде — Ливену от 2 (14) июня 1813 г.); С. 734—735. Прим. 144. (Записка о совещании Нессельроде, Меттерниха и Штадиона 6 (18) июня 1813 г.).
- ²⁶ Там же. С. 736. Прим. 145.
- ²⁷ *Sherwig J.M.* Op. cit. P. 296.
- ²⁸ *Webster C.K.* The Foreign Policy of Castlereagh, 1931. P. 137—139.
- ²⁹ *British Diplomacy... Part 1.* № XLIV. P. 79—80.
- ³⁰ *Sherwig J.M.* Op. cit. P. 298. (Каслри — Каткарту от 13 июля (н.ст.) 1813 г.).
- ³¹ Текст ноты см.: *Марпенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. Трактаты с Англиею. 1801—1831. СПб., 1895. С. 174—176; ВПР. Т. 7. С. 349.
- ³² ВПР. Т. 7. № 125. С. 308. (Ливен — Нессельроде от 4 (16) июля 1813 г. Весьма секретно).
- ³³ Там же. № 140. С. 344. (Нессельроде — Ливену от 28 июля (9 августа) 1813 г. Помета Александра I: «Быть по сему»).
- ³⁴ См.: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 397—399.
- ³⁵ Поскольку тексты договоров практически идентичны друг другу, сноска дается только на российско-австрийский договор. См.: ВПР. Т. 7. № 153. С. 374—377.
- ³⁶ *British Diplomacy... Part 1.* № XLVI. P. 81—84. (Д. Джексон — Стюарту от 17 сентября (н.ст.) 1813 г.; № XLVII. P. 84—85. (Стюарт — Каслри от 21 сентября (н.ст.) 1813 г.).
- ³⁷ См.: ВПР. Т. 7. С. 431. (Александр I — Гнейзенау от 27 октября (8 ноября) 1813 г.); № 174. С. 435—436. (Александр I — Карлу Юхану от 29 октября (10 ноября) 1813 г.).
- ³⁸ См.: *Соловьев С./М./* Император Александр Первый. Политика — дипломатия. СПб., 1877. С. 255—256; *Фирсов Н.Н.* Отношения Англии и России в царствование императора Александра I // Древняя и новая Россия. 1878. Кн. 3. С. 252—253; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 140, 141, 142, 144, 164; *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 711, 715; *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010. С. 290—291.
- ³⁹ *Bryant A./W./* The Age of Elegance. 1812—1822. L., 1950. P. 80; *Webster C.K.* Londonderry, Robert Stewart // Encyclopædia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge. 14th ed. Vol. 14. Libido to Mary, Duchess of Burgundy. Chicago — L. — Toronto, [1946]. P. 371; *Aspinall A.* Castlereagh, Robert Stewart // Chamber's Encyclopædia. New Edition. Vol. 3. Camouflage — Confession of Fait. Aylesbury — L., [1950]. P. 165—166; *N.G.* Castlereagh, Robert Stewart, Viscount // The New Encyclopædia Britannica. 15th ed. Micropædia. Vol. 2. Bayen — Seanothus. Chicago, [1994]. P. 938. Более сложной является позиция современного английского историка Д. Ливена. С одной стороны, он указывает на то, что «Великобритания являлась самым могущественным из четырех союзников», а Каслри был одним «из самых способных министров иностранных дел в истории» страны. С другой стороны, признает: «В свержение Наполеона Александр [I] внес вклад больший, чем любая другая отдельно взятая личность». См.: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807—1814. М., 2012. С. 581, 586.
- ⁴⁰ *British Diplomacy... Part 1.* № LXI—LXII. P. 107—111. (Эбердин — Каслри от 8 и 9 ноября (н.ст.) 1813 г. Секретно).
- ⁴¹ Correspondence, Despatches and Other Papers, of Viscount Castlereagh, Second Marquess of Londonderry / Ed. by his Brother, Charles Vane, Marquess of Londonderry. Vol. 9. L., 1852. P. 73—75 (Далее — Papers of Castlereagh). (Каслри — Эбердину от 13 ноября (н.ст.) 1813 г.).
- ⁴² ВПР. Т. 7. С. 778—779. Прим. 288.
- ⁴³ Papers of Castlereagh. Vol. 9. P. 92—93. (Каслри — Эбердину от 10 декабря (н.ст.) 1813 г.).
- ⁴⁴ См.: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 419—421.
- ⁴⁵ ВПР. Т. 7. С. 754. Прим. 195. Полный текст письма см.: *British Diplomacy... Part 1.* № XV. P. 19—25.
- ⁴⁶ *British Diplomacy... Part 1.* P. 24—25; № XVI. P. 25—27.
- ⁴⁷ См.: ВПР. Т. 7. С. 753—754. Прим. 194.
- ⁴⁸ *British Diplomacy... Part 1.* № XVII. P. 27. (Каслри — Каткарту от 18 сентября (н.ст.) 1813 г. Частное).
- ⁴⁹ ВПР. Т. 7. № 156. С. 383—384. (Ливен — Нессельроде от 16 (28) сентября 1813 г.).
- ⁵⁰ Там же. № 182. С. 470. (Нессельроде — Ливену от 8 (20) ноября 1813 г.).
- ⁵¹ Там же. № 190. С. 492. (Александр I — принцу-регенту Георгу от 24 ноября (6 декабря) 1813 г.).
- ⁵² АВП РИ. Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Оп. 468. Д. 1477. Л. 13.
- ⁵³ ВПР. Т. 7. С. 768. Прим. 247.
- ⁵⁴ Там же. № 198. С. 518—521. (Ливен и Поццо ди Борго — Нессельроде от 10 (22) декабря 1813 г.). См. также: АВП РИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1660. Л. 3 об. (Каслри — Нессельроде от 15 (27) января 1814 г.).
- ⁵⁵ ВПР. Т. 7. № 196. С. 510—511. (Ливен — Нессельроде от 3 (15) декабря 1813 г.).
- ⁵⁶ Там же. С. 520. Меморандум британского правительства с определением целей войны см.: Foundations of British Foreign Policy From Pitt (1792) to Salisbury (1902) or Documents, Old and New. Selected and

- Edited with Historical Introduction by H. Temperley and L.M. Penson. Cambridge, 1938. P. 29—34. (Document 4. «The Cabinet Memorandum of 26 December 1813; or Instructions for Peace-Making»). См. также: British Diplomacy... Part 2. The Making of the Alliance and the First Peace of Paris. № LXX. P. 123—128.
- ⁵⁷ Шедивы Я. Указ. соч. С. 219.
- ⁵⁸ Papers of Castlereagh. Vol. 9. P. 170. (Каткарт — Каслри от 16 января (н.ст.) 1814 г.).
- ⁵⁹ ВПР. Т. 7. С. 521.
- ⁶⁰ Файф Ч.А. История Европы XIX в. Пер. М.В. Лучицкой со 2-го англ. изд. / Под ред. И.В. Лучицкого. Т. 1. С 1792 по 1814 гг. М., 1889. С. 378.
- ⁶¹ ВПР. Т. 7. С. 551.
- ⁶² Там же. С. 778—779. Прим. 288—289.
- ⁶³ Там же. С. 785. Прим. 312. (Штадион — Меттерниху от 5 февраля (н.ст.) 1814 г.).
- ⁶⁴ Там же. С. 779. Прим. 292.
- ⁶⁵ АВП РИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1660. Л. 3—3 об. (Каслри — Нессельроде от 9 февраля (н.ст.) 1814 г.).
- ⁶⁶ ВПР. Т. 7. С. 785. Прим. 312.
- ⁶⁷ АВП РИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1660. Л. 4.
- ⁶⁸ ВПР. Т. 7. С. 499—500. (Инструкция Александра I Ливену и Поццо ди Борго от 24 ноября (6 декабря) 1813 г.).
- ⁶⁹ Крейе Э.Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном 1799—1814. М., 2002. С. 349.
- ⁷⁰ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 458.
- ⁷¹ ВПР. Т. 7. С. 780. Прим. 293.
- ⁷² Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 476.
- ⁷³ Текст проекта см.: ВПР. Т. 7. С. 574.
- ⁷⁴ См.: Там же. С. 787. Прим. 313, 316.
- ⁷⁵ Там же. С. 611. (Протокол заседания конгресса от 13 марта (н.ст.) 1814 г.).
- ⁷⁶ Там же. С. 788. Прим. 322.
- ⁷⁷ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 490—491.
- ⁷⁸ ВПР. Т. 7. С. 781—782. Прим. 303—304.
- ⁷⁹ Официально он датирован 1 марта (н.ст.) 1814 г., так как союзники не хотели приурочивать его подписание к истекавшему 10 марта сроку ультиматума, предъявленного Франции.
- ⁸⁰ Херншоу Ф.Д.К. Европейские коалиции, союзы и соглашения, начиная с 1792 г. М., 1924. С. 18.
- ⁸¹ АВП РИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1660. Л. 18—18 об. (Нота от 10 марта (н.ст.) 1814 г.).
- ⁸² ВПР. Т. 7. С. 629.
- ⁸³ См.: Сорель А. Европа и Французская революция. Т. 8. Коалиция. — Трактаты 1815 года. 1812—1815. СПб., 1908. С. 261—273.
- ⁸⁴ ВПР. Т. 7. С. 794—796. Прим. 365.
- ⁸⁵ Sherwig J.M. Op. cit. P. 326—327, 333.
- ⁸⁶ Куриев М.М. Терцог Веллингтон. М., 1995. С. 143—144.
- ⁸⁷ И... Р... [Радожицкий И.Т.] Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 г. Ч. 4. 1815 год и начало 1816-го. Вторичный поход во Францию. М., 1835. С. 213—215; Богданович М.[И.] Смотри при Вертю (В августе 1815 г.) // Военный сборник. 1865. № 8. С. 237—238. На смотре, кроме других британцев, присутствовали Каткарт и Стюарт.
- ⁸⁸ А.М. О Всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле // Сын Отечества. 1813. Ч. 9. № XLIII. С. 171—184; № XLIV. С. 235—241; № XLV. С. 271—281. Автор статьи, скрывшийся за инициалами, развенчивает наполеоновскую идею «учреждения всеобщей монархии приведением существующих государств в союзную или федеративную (курсив автора. — А.О.) систему, в коей одна главная держава имеет начальство над другими, с нею, по-видимому, союзными». В то же время его опасения вызывают возможность доминирования в Европе любой страны, так как это может привести к уничтожению или подавлению национальных особенностей других народов. Он восхищается англичанами, которые, по его словам, пользуясь всеми плодами европейского Просвещения, остались народом-неподражателем. Об этом же см.: Козловский П.Б. Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года. М., 1997. С. 108.
- ⁸⁹ Подробнее см.: Танышина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 33—40.
- ⁹⁰ Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Русский вестник. 1865. Т. 59. № 10. С. 568; Воспоминания об императоре Александре I и императоре Наполеоне I графини [С.] Шуазель-Гуф[ф]ье. СПб., [1879]. С. 148.
- ⁹¹ ВПР. Серия II. 1815—1830 гг. Т. 1 (9). М., 1974. № 16. С. 62. (Письмо от 25 января (6 февраля) 1816 г.).

Стратегия и тактика наполеоновской дипломатии на Пражском (1813 г.) и Шатильонском (1814 г.) конгрессах в современной российской историографии

12 июля 1813 г.¹ в Праге во время Плейсвицкого перемирия между наполеоновской Францией и русско-прусской коалицией при посредничестве Австрии начались мирные переговоры, вошедшие в историю как Пражский конгресс.

Несмотря на предупреждения французского посла в Вене, дивизионного генерала графа Л. М. Ж. А. Нарбонна-Лара, не один раз выполнявшего важные дипломатические миссии² и подозревавшего союзников в коварном сговоре с Австрией, Наполеон согласился на переговоры. В русле стратегии, характерной для наполеоновской дипломатии, он стремился расколоть коалиционеров. Еще после сражения при Люцене французский император решил использовать свою победу над русско-прусскими войсками для сепаратных переговоров с Россией. 18 мая 1813 г. в ставку Александра I был направлен маркиз А.-О. Коленкур, известный сторонник дружественных отношений между Францией и Россией. Он вез предложения ликвидировать Польшу, расширить территорию государств Рейнского союза до Одера, увеличить Пруссию за счет герцогства Варшавского и других территорий и таким образом создать между Россией и Францией буфер шириной в 300 миль. Однако его миссия оказалась безрезультатной. А.-О. Коленкура даже не пропустили через аванпосты, а Александр I передал через статс-секретаря графа К.В. Нессельроде, что согласен вступить в переговоры только при посредничестве Австрии³.

Тем не менее, Наполеон не отказался от осуществления своего плана. Так, например, в инструкции французским уполномоченным в Праге, составленной 22 июля 1813 г. министром иностранных дел Франции Ю.-Б. Маре, говорилось, что главной их целью на конгрессе должно стать заключение сепаратного мира с Россией на выгодных для нее условиях. Однако, если Россия будет неуступчивой, отмечал Ю.-Б. Маре в письме к Л. Нарбонну 23 июля 1813 г., то нужно договариваться с Австрией: «Ее нейтралитет даст нам только выигрыш»⁴. Одновременно Ю.-Б. Маре утверждал, что Наполеон хочет мира, однако, если его достичь не удастся, то военные действия должны начаться не ранее 1 августа 1813 г. Исходя из этого плана, представителям от Франции на конгрессе А.-О. Коленкуру и Л.М. Нарбонну было предписано всячески затягивать переговоры до получения новых инструкций и исходить из принципа — «кто чем владел, то тому и принадлежит»⁵. Поэтому позиция Франции в целом отличалась жесткой бескомпромиссностью. Наполеон разрешал уступки, касающиеся лишь территории Пруссии, а также занятых войсками союзников территорий герцогства Варшавского и северогерманских городов. Главной целью дипломатии союзников было любыми средствами вовлечь Австрию в войну с Францией⁶. Как отмечал впоследствии К.В. Нессельроде, этот конгресс был просто насмешкой, в действительности мира никто не хотел⁷. И Наполеон, и руководитель австрийской

дипломатии К.В.Л. Меттерних, как посредник, изначально понимали всю несостоятельность конгресса, хотя оба делали вид, что придают ему серьезное значение.

В то же время Наполеон не спешил назначать уполномоченных на конгресс. Ему стало известно о колебаниях союзников в вопросе продления перемирия, о задержке в совещаниях по этому вопросу во время заключения договора о продлении перемирия в Неймаркте (7 июня 1813 г.)⁸, а также об австрийских вооружениях и совещании союзников 10—12 июля 1813 г. в Трахенберге, в котором участвовали и австрийские представители. Император французов долго размышлял о том, собирается ли Австрия начать войну. Лишь 18 июля 1813 г. он официально подписал декрет о назначении А.-О. Коленкура и Л.М. Нарбонна уполномоченными на конгресс. 28 июля 1813 г. А.-О. Коленкур прибыл в Прагу как главный представитель Наполеона на конгрессе⁹. Он долго отказывался от предложенной ему миссии, поскольку искренне стремился к миру, но из-за содержания врученных ему инструкций в успех будущих переговоров не верил. Его прибытие ознаменовало начало работы конгресса. Однако 28 июля 1813 г., во время частной беседы с К.В. Меттернихом, А.-О. Коленкур был предупрежден о немедленном возобновлении военных действий в случае, если базисные положения о мире не будут подписаны до 10 августа 1813 г. Что касается Австрии, то она тоже не будет сохранять нейтралитет. А.-О. Коленкур пришел к тому же выводу, о чем 30 июля 1813 г. сообщил в письме Ю.-Б. Маре¹⁰. В тот же день глава австрийской дипломатии написал И.Ф.К.Й. Стадиону, находящемуся в ставке союзников, что Наполеон дезинформирован и в данный момент убежден в том, что Австрия не объявит ему войну¹¹.

Следует заметить, что к этому времени Австрия уже практически договорилась о присоединении к русско-прусской коалиции. В частности, 27 июня 1813 г. в ставке союзников, силезском городке Рейхенбах после напряженных переговоров, происходивших в Ичине (5 июня 1813 г.)¹², Петерсвальдау (10 и 12 июня 1813 г.)¹³, а также в Опочно (17—18, 21 июня 1813 г.)¹⁴ между российскими, австрийскими и прусскими представителями, Габсбургская империя подписала секретный договор с Россией и Пруссией, определивший ее условия присоединения к шестой антинаполеоновской коалиции¹⁵. Однако императора французов об этом не поставили в известность. Находившийся с миссией в Праге английский генерал Наджент выразил опасение, что приезд А.-О. Коленкура может отсрочить начало войны. К. Меттерних сообщил ему о сговоре с коалиционерami, и что в случае принятия Наполеоном предложенных условий будут выдвинуты дополнительные требования, на которые император французов никогда не согласится. 27 июля 1813 г. в Праге был подписан секретный англо-австрийский договор, ратифицированный в Лондоне 23 августа того же года, согласно которому за участие в войне против Наполеона Австрия снова получала в полное и безраздельное владение Италию (за исключением прежних владений Сардинского королевства)¹⁶. Таким образом, посредник фактически присоединился к коалиционерам, тем самым пытаясь выиграть время для окончательной реорганизации армии.

Получив донесения от своих уполномоченных в Праге, Наполеон пришел к выводу, что войны не избежать. Однако, для реорганизации армии ему тоже нужно было выиграть время. Поэтому 5 августа 1813 г. он продиктовал Ю.-Б. Маре секретную инструкцию для А.-О. Коленкура, чтобы тот в тайне от Л.М. Нарбонна встретился с К.В. Меттернихом и узнал у него, на каких условиях может быть заключен

мир, и станет ли Австрия союзником Франции, если он примет все ее условия, или же она останется нейтральной¹⁷. Вечером 6 августа 1813 г. А. Коленкур при встрече с К.В. Меттернихом передал ему пожелание императора. Встретившись на следующий день с Францем I, К.В. Меттерних убедил его, что к четырем пунктам Рейхенбахской конвенции нужно добавить еще два, зная наперед, что Наполеон их все равно не примет. Общественность Франции, жаждавшая мира, будет порицать его за это, а союзникам таким образом будет показана твердость Австрии.

Вечером 7 августа 1813 г., посоветовавшись с российским и прусским представителями (И.О. Анстетом и Ф.В. Гумбольдом), К.В. Меттерних зачитал А.-О. Коленкуру австрийский ультиматум. Габсбургская монархия выдвигала следующие условия мира: ликвидация герцогства Варшавского и раздел его территорий между Россией, Австрией и Пруссией; восстановление Гамбурга и Любека как свободных ганзейских городов; восстановление Пруссии в тех же размерах по территории и числу жителей, что и до войны с Наполеоном, с устойчивой границей по Эльбе; возвращение Иллирийских провинций Австрии; отказ Наполеона от протектората над Рейнской конфедерацией; территориальная целостность всех владений, как великих, так и малых держав¹⁸. После этого К. Меттерних заявил, что все должно держаться в тайне, так как Австрия еще не связана ни с Пруссией, ни с Россией. Однако, если Наполеон до 10 августа 1813 г. не согласится на эти требования, продолжил он, то Австрия на следующий день объявит Франции войну.

А.-О. Коленкур немедленно передал австрийские предложения Наполеону в Дрезден, умоляя его принять их немедленно. О том же он написал и Ю.-Б. Маре, прося его лично прибыть в Прагу, чтобы подписать мир. Дешешу от А.-О. Коленкура Наполеон получил 8 августа 1813 г. и тут же выставил свои контрпредложения. Они заключались в следующем: уничтожение герцогства Варшавского; Данциг становится свободным городом; возвращение большей части Иллирийских провинций Австрии; гарантия целостности датских владений¹⁹. Однако, в силу разных причин этот ответ был доставлен в Прагу лишь 11 августа 1813 г. Но было уже слишком поздно. В ночь с 10 на 11 августа 1813 г. И. Анстет и Ф. Гумбольд заявили К.В. Меттерниху, что срок их полномочий истек. Последний объявил о роспуске конгресса и окончании австрийского посредничества. Несмотря на это, А.-О. Коленкур считал соглашение возможным. Тогда К.В. Меттерних в последней беседе с ним потребовал всю Иллирию вместе с Триестом. Однако, не дожидаясь ответа, 12 августа 1813 г. К.В. Меттерних, руководствуясь тайными обязательствами Австрии перед союзниками, принятыми в Рейхенбахе, объявил А.-О. Коленкуру, что Габсбургская империя официально присоединяется к коалиции²⁰.

Ответ от Наполеона пришел 13 августа 1813 г. в виде депеши Ю.-Б. Маре к А.-О. Коленкуру. В ней император французов соглашался на восстановление Пруссии в границах 1805 г. и роспуск Рейнского союза; возвращал Австрии Иллирию, кроме Истрии и Триеста; поддерживал идею восстановления государственного статуса германских балтийских городов, кроме Гамбурга и Любека. Теперь все зависело от позиции Австрии. Но она заявила, что без участия России не сможет решить этот вопрос. Однако Александр I, который 15 августа 1813 г. прибыл в Прагу вместе с прусским королем, даже не захотел об этом слышать²¹. Поэтому 16 августа 1813 г. Коленкур покинул Прагу.

Итогом Пражского конгресса стало присоединение Габсбургской империи к союзникам, что значительно усилило антифранцузскую коалицию, процесс формиро-

---

вания которой завершился в сентябре 1813 г.²² Теперь в ее состав входили Россия, Великобритания, Пруссия, Австрия, Швеция, Испания, Португалия и Бавария. Таким образом, соотношение сил резко изменилось в пользу союзников. Это предопределило то, что в грандиозном сражении под Лейпцигом (16—19 октября 1813 г.), ставшим решающим для всей кампании 1813 г., Наполеон потерпел тяжелое поражение и вынужден был отступить во Францию.

Заметим, что поражение в битве под Лейпцигом стало результатом ошибок Наполеона в дипломатическом обеспечении своей политики. Его «силовая дипломатия» уже не срабатывала. Она перестала обеспечивать военные победы и стала мешать сохранению позиций Франции в Европе. Наполеоновская империя стала молниеносно разрушаться.

Чтобы отделить Наполеона от французской нации накануне вторжения во Францию, правительства держав антифранцузской коалиции в ноябре 1813 г. во Франкфурте-на-Майне предприняли попытку дискредитировать императора французов через дипломатических представителей Австрии, Великобритании и России²³. В частности, по инициативе К.В. Меттерниха, союзники через попавшего к ним в плен французского посланника в Веймаре барона Н.М. Сент-Эньяна предложили Наполеону предварительные условия для заключения всеобщего мира, которые ему практически ничего не гарантировали²⁴. Они нисколько не сомневались, что он от них откажется, так как военные действия продолжались. Таким образом, весь мир и прежде всего французы увидят, что их император не хочет мира, будто бы вопреки желанию союзников. Наполеон распознал очередную дипломатическую игру коалиционеров, но под влиянием своего окружения и, желая лучше узнать о намерениях союзников, 1 декабря 1813 г. принял их условия, что стало для них полной неожиданностью²⁵.

Получив согласие от Наполеона принять франкфуртские предложения, союзники на военном совете во Франкфурте-на-Майне согласовали свою позицию. В частности, они приняли решение о незамедлительном продолжении военных действий и 4 декабря 1813 г. опубликовали декларацию²⁶ с обращением к французскому народу, где император французов был представлен как единственный виновник продолжения войны, а также было заявлено, что они ведут войну не против французского народа, а против Наполеона, и до победного конца²⁷. Чтобы проигнорировать принятие императором французов франкфуртских предложений, а также оправдать интервенцию союзных войск во Францию, коалиционеры контрдатировали ее 1 декабря 1813 г.²⁸

После вторжения войск союзников во Францию Наполеон, осознавая критическое положение империи, согласился начать переговоры о мире на основе полученных им предложений о возвращении Франции к «естественным границам». Переговоры происходили в г. Шатильон-сюр-Сен с 5 февраля по 19 марта 1814 г. между Францией и главными державами 6-й антифранцузской коалиции (Великобританией, Россией, Австрией и Пруссией). Это было одновременно с военными действиями, переговоры вошли в историю как Шатильонский конгресс.

Следует заметить, что, начиная с Пражского и заканчивая Шатильонским конгрессом, союзники выдвигали Наполеону все более жесткие требования, но обе стороны исходили из событий, происходивших в то время на театре военных действий. Поэтому локальные победы властелина Франции давали ему повод надеяться на смягчение условий для него, а, в свою очередь, изменение военно-политической ситуации в пользу союзников разжигало у них все новые аппетиты. Получалось так, что

к моменту, когда император французов созрел, чтобы принять старые условия, союзники уже выдвигали совершенно новые требования.

Шатильонский конгресс, как и Пражский, был дипломатической комедией. Союзники вели переговоры с Наполеоном не для достижения мира, а для окончательной победы над ним. Они видели цель переговоров в том, чтобы оттянуть время и потешить общественное мнение (мол, союзники хотят мира)²⁹. Поэтому не случайно они решили выдвинуть заранее неприемлемые условия мира, значительно жестче франкфуртских предложений. В частности, для восстановления европейского равновесия Франция должна возвратиться к границам 1792 г., т.е. отказаться от всех завоеваний и не вмешиваться в вопросы территориального урегулирования в Европе³⁰. Если император французов не примет их, то, как и во Франкфурте, снова будет обвинен в том, что не хочет мира. В то же время Александр I, который, как известно, был против переговоров с Наполеоном, опасался, что тот может согласиться и на такие условия. Поэтому российский самодержец в специальной инструкции предписывал своему уполномоченному на конгрессе графу О.К. Розумовскому «не ускорять ход переговоров»³¹.

В то же время Наполеон еще до начала конгресса в ноте уполномоченному А.-О. Коленкуру от 4 января 1814 г. писал, что сомневается в искренности союзников и в желании Англии заключить настоящий мир. Далее он сообщал, что хотя и принял базовые франкфуртские требования союзников, но, вероятнее всего, у них есть другие замыслы³². В то же время, зная о существовании между ними противоречий, он надеялся расколоть их во время переговоров.

Таким образом, еще до начала конгресса обе стороны сомневались в его эффективности, и не случайно на Шатильонском, как и на Пражском, конгрессе никто в действительности не стремился к миру.

29 января 1814 г. А.-О. Коленкур был уведомлен К.В. Меттернихом, что уполномоченные союзников придут в Шатильон 3 февраля 1814 г. 5 февраля состоялось первое заседание конгресса. Лишь 7 февраля союзники ознакомили А.-О. Коленкура со своими требованиями. Но, увидев их, французский представитель сказал, что они резко отличаются от условий, которые были предложены во Франкфурте, и что он готов подписать протокол на основе франкфуртских предложений. В ответ союзные представители заявили, что речь о них больше не идет, а говорится только о требованиях, предложенных в Шатильоне. Они сказали, что их надо принять или отклонить³³. Получив от Наполеона свободу действий, А.-О. Коленкур не знал, как поступить. Однако он не спешил соглашаться с условиями союзников и попытался выиграть время. В частности, Коленкур начал обговаривать каждый пункт предложенных условий³⁴. В то же время он уже начал склоняться к тому, чтобы их подписать. Увидев это и выполняя указания Александра I о затягивании переговоров, А.К. Розумовский 9 февраля 1814 г. под предлогом получения новых инструкций временно прервал переговоры. Они возобновились только 17 февраля 1814 г. В частности, Коленкуру союзниками был вручен предварительный договор, согласно которому император французов должен был отказаться от всех общих завоеваний, добытых Францией с момента начала войны 1792 г.³⁵

Однако действия союзных армий на территории Франции были не очень удачными. Если вначале им сопутствовал успех, то за период с 10 по 18 февраля 1814 г. Наполеон, снова проявивший талант полководца, нанес превосходящим силам союзников

целый ряд значительных поражений, откинув их почти на исходные позиции. Поэтому, ознакомившись через Коленкура с проектом союзников, Наполеон, окрыленный успехами, отверг их условия. В частности, 19 февраля 1814 г. он написал своему представителю, что это бесчестные предложения для всей Франции³⁶ и велел ему настаивать на франкфуртских предложениях, так как император французов все же ближе к Вене и Берлину, чем союзники к Парижу³⁷. 21 февраля 1814 г. Наполеон также написал письмо австрийскому императору, в котором просил его посдействовать в немедленном заключении мира на основе Франкфуртских условий, единственно приемлемых для Франции и, впрочем, совпадающих с интересами Австрии³⁸.

В то же время после побед, одержанных Наполеоном в конце января — середине февраля 1814 г. над австро-пруско-росийскими войсками, между союзниками снова углубились политические разногласия. Командующий Богемской армией союзников фельдмаршал К.Ф. Шварценберг даже предложил заключить перемирие с Наполеоном или снова отступить за Рейн. Это очень обеспокоило Англию, опасавшуюся угрозы раскола коалиции и возможности сепаратных переговоров с Наполеоном. Чтобы оказать давление на Наполеона и укрепить коалицию, Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия 1 марта 1814 г. заключили между собой Шомонский трактат, согласно которому обязывались не вступать в сепаратные переговоры и не заключать с Наполеоном перемирия или мира до окончательной победы³⁹.

Однако Наполеон не думал уступать. 2 марта 1814 г. он продиктовал Коленкуру депешу, в которой говорилось, что нота, врученная союзниками 17 февраля 1814 г., была не предложением, а скорее ультиматумом о капитуляции, и что Франция не откажется от своих естественных границ⁴⁰. Поэтому 15 марта 1814 г. Коленкур вручил уполномоченным союзников контрпроект, сформулированный на основе Франкфуртских договоренностей⁴¹. Однако союзники его даже не обсуждали. Конгресс фактически закончил свое существование 18 марта 1814 г., когда представители союзников сообщили Коленкуру, что все спорные вопросы будут решаться только силой оружия. Хотя Наполеон ответил, что согласен принять все их предложения, было слишком поздно. 25 марта 1814 г. в декларации, подписанной в Витри, коалиционеры изложили все мотивы, побудившие их прервать переговоры⁴².

Следует заметить, что в современной российской историографии лишь немногие исследователи затрагивали данную проблему. Впервые о ней говорилось в коллективной монографии «История внешней политики России. Первая половина XIX века»⁴³. В этот период в России, как и на всем постсоветском пространстве, появился целый ряд исследований, в которых рассматривалась внешняя политика и дипломатия Наполеона Бонапарта. Их характерной особенностью стало постепенное избавление от традиционных для советской историографии идеологем. Вместе с тем стали появляться новые подходы в освещении проблемы, заложенные еще в период хрущевской оттепели и «перестройки», историки стали использовать больше новых источников, в первую очередь зарубежных. В то же время продолжали выходить работы, которым были присущи тенденциозность в освещении и оценке внешней политики Наполеона, чрезвычайно узкая источниковая база, многие работы грешили фактически ошибками. Это было характерно и для монографии «История внешней политики России». Можно согласиться с утверждением А.Н. Сытина, написавшего раздел «Россия и падение империи Наполеона», который утверждал, что на Пражском конгрессе 1813 г. ни одна из сторон не намеревалась всерьез добиваться заключения мир-

---

ного договора, и что французские представители предлагали продлить переговоры, надеясь удержать Австрию от вступления в войну⁴⁴. Однако весьма спорным является утверждение автора о том, что К.В. Меттерних тоже предлагал продолжить переговоры, но под давлением союзников был вынужден уступить и заявить о закрытии конгресса и неудаче своего посредничества. На самом деле австрийский канцлер не прекращал борьбу. Далее автор пишет, что 6 августа 1813 г. Наполеон запросил условия, на которых возможно было договориться с Австрией, чтобы она не вступила в войну. В ответ Меттерних вручил Коленкуру документ, который по своим условиям был гораздо мягче требований, вошедших в Рейхенбахскую конвенцию. Одновременно Меттерних составил другой текст, условия которого соответствовали Рейхенбахской конвенции. С этим вариантом и были ознакомлены представители России и Пруссии, чтобы убедить их, будто Наполеону были предъявлены все условия⁴⁵.

Фактически А.Н. Сытин повторил вывод, сделанный советской историографией о том, что на Пражском конгрессе 1813 г. К.В. Меттерних зачитал А.-О. Коленкуру австрийский ультиматум в значительно меньшем объеме, чем предусматривалось Рейхенбахской конвенцией⁴⁶. Следует заметить, что, как уже говорилось, еще во время Плейсвицкого перемирия состоялись длительные переговоры между австрийскими, прусскими и российскими представителями, в ходе которых Габсбургская империя фактически сговорилась с коалиционерами. В частности, на планируемом конгрессе в Праге было договорено, что австрийские представители кроме четырех предварительных безоговорочных условий мира предъявят вместе с союзниками французской стороне и два дополнительных требования, с которыми, как считал Меттерних, Наполеон никогда не согласится. Французов же известят о минимуме австрийских условий. Таким образом, Наполеон попадет в расставленную ловушку. По мнению Меттерниха, он будет втянут в бесконечные переговоры, которые отдалят его от французского народа, недовольного тем, что их император отклонил приемлемые условия мира. Так подготавливалась почва для последующих заявлений о том, что коалиция воюет не с Францией, а с Наполеоном, который не идет ни на какие уступки.

Во время знаменитой дрезденской встречи Меттерниха с Наполеоном, которая произошла 30 июня 1813 г., глава австрийской дипломатии ознакомил императора французов с условиями, заранее согласованными с союзниками⁴⁷. Как известно, Наполеон отверг их как неприемлемые. Но даже если бы он принял эти условия, то, согласно тайномуговору Австрии с коалиционерами, должны были быть выдвинуты и дополнительные требования. Таким образом, Габсбургская империя еще до Пражского конгресса, вопреки своему посредничеству, фактически присоединилась к коалиции. Поэтому на конгрессе, в ответ на попытку французской стороны договориться об условиях мира, чтобы выиграть время для реорганизации армии, Меттерних выдвинул заранее неприемлемые условия. В частности, не четыре требования, как сначала планировалось, а сразу шесть. После того, как французские контрпредложения, в силу разных обстоятельств, были доставлены в Прагу лишь 11 августа 1813 г., глава австрийской дипломатии объявил о роспуске конгресса и окончании австрийского посредничества. 12 августа 1813 г., руководствуясь тайными обязательствами Австрии перед союзниками, принятыми еще в Рейхенбахе, он объявил, что Габсбургская империя официально присоединяется к коалиции.

Говоря же о Шатильонском конгрессе 1814 г., А.Н. Сытин допустил ряд ошибок. Так, например, исследователь утверждает, что во время конгресса союзники уже

склонялись к заключению перемирия, а Наполеон на переговорах в Люзиньи потребовал возвращения к франкфуртским условиям⁴⁸. Фактически Сытин повторил положение из сфальсифицированного советскими историками по идеологическим причинам документа. В частности, в примечаниях к седьмому тому «Внешняя политика России XIX и начала XX века» говорится, что в инструкции французскому военному уполномоченному на переговорах в Люзиньи генералу Ш.О.Ж. Флао де ла Бийярдри Наполеоном было предписано потребовать от союзников безоговорочного принятия мирных условий, сформулированных еще во Франкфурте-на-Майне⁴⁹, был указан и источник — переписка Наполеона. Однако, на самом деле, в этом документе говорится, что император французов дал указание Ш.О. Флао, что если за основание мира будут приняты условия союзников, предложенные еще во Франкфурте, то он сомневается в возможности его заключения. Поэтому французский уполномоченный не должен начинать переговоры, пока союзники не откажутся от франкфуртских предложений. Он сможет предложить остановить военные действия, лишь когда они согласятся на это условие⁵⁰.

А.Н. Сытин также утверждает, что Меттерних предлагал сохранить власть Наполеона во Франции⁵¹. Однако, по моему мнению, с этим нельзя согласиться. Следует заметить, что к этому времени судьба императора французов союзниками была фактически решена. Доказательством этого может служить так называемая Франкфуртская декларация союзников, в которой они объявили, что ведут войну не с французским народом, а с Наполеоном до победного конца. Однако в том, что касается будущего Франции, то между ними существовали разногласия. Так, например, Меттерних до поражения Наполеона в сражении под Лейпцигом даже не помышлял о его свержении. Однако после Лейпцига, поняв, что дни наполеоновской империи сочтены и опасаясь усилившегося влияния России в Европе, он кардинально изменил свои планы. В частности, у него возникла идея регенства Марии Луизы при малолетнем короле Римском. Это убедительно доказал признанный специалист по внешней политике наполеоновской Франции А. Сорель. Он отмечал, что, узнав от генерала М. Мерфельда о предложениях Наполеона союзникам, Меттерних решил воспользоваться переговорами, чтобы низвергнуть императора французов и, таким образом, изменить правление во Франции. Он избрал тактику ведения мирных переговоров с одновременным давлением при помощи военных действий к вынуждению последних уступок, заключению мира по воле союзников и отречению в пользу сына. Глава австрийской дипломатии считал, что это поставит предел видам Александра и остановит его триумфальное шествие в Париж. Великобритания же больше склонялась к династии Бурбонов. Александр I считал, что вопрос о правящей династии во Франции должны решать сами французы⁵².

В 2005 г. вышла монография Б.П. Фролова⁵³, которая в целом также не внесла ничего нового в рассматриваемую проблему. В частности, он повторил характерное для советской историографии положение, что переговоры в Праге окончились неудачей, так как Наполеон отказался пойти на какие-либо территориальные уступки⁵⁴, хотя общеизвестно, что в действительности на Пражском конгрессе каждая из сторон не хотела мира. К сожалению, книга Фролова также изобилует многочисленными фактическими ошибками. Так, например, исследователь заявил, что в середине ноября 1813 г. Австрия «предприняла новую попытку договориться с Наполеоном. Шантажируя Россию, Пруссию и Англию угрозой выхода из коалиции, она вынудила

согласие своих союзников провести переговоры с Наполеоном»⁵⁵. Следует заметить, что это выдумка историка. Ведь, как уже говорилось, действительным инициатором мирных предложений Наполеону во Франкфурте был руководитель австрийской внешней политики Меттерних. Он сумел убедить союзников в правильности своего плана, и они дали согласие на его осуществление. Поэтому в данный момент угрозы выхода из коалиции со стороны Австрии не существовало. Однако цель согласованного с союзниками демарша Меттерниха состояла не в том, чтобы выработать с императором французов предварительные условия для заключения мира, как утверждает автор, а в том, чтобы, используя переговоры, дискредитировать Наполеона. И на это, по всей видимости, не обратил внимание Б.П. Фролов. Исследователь также позаимствовал у Е.В. Тарле общеизвестные факты, в частности то, что император французов неохотно согласился на переговоры, но одновременно еще энергичнее занялся подготовкой новой армии, и что никто из знавших Наполеона не верил в успех мирных переговоров⁵⁶. В то же время Фролов не говорит, что предложенные Наполеону условия, хотя и были приемлемыми для него, однако были неофициальными⁵⁷ и не давали ему никаких гарантий, так как, согласно предложениям союзников, военные действия продолжались. Это не предохраняло Францию от любого иностранного вмешательства, о чем, очевидно, по идеологическим причинам, не говорит Е.В. Тарле и другие советские историки. Как подчеркнул очевидец этих событий, секретарь-архивист Наполеона барон А.Ж.Ф. Фэн, «Наполеон, отказываясь от Германии и Испании, а также расставаясь с интересами всей Голландии и Италии, тем не менее, не получал уверенности в том, что он спасет Францию от унижения. Окончательный мир при этом оставался не менее хрупким и хлипким, с перспективой военных действий»⁵⁸. Эти же положения Фролов перенес и в свою новую книгу⁵⁹.

В контексте участия русской армии в войнах против Наполеона затронул данную проблему и В.М. Безотосный. В частности, он констатирует, что император французов, решив до конца выяснить намерения Австрии, согласился на австрийское посредничество в переговорах и отправил своих представителей в Прагу⁶⁰.

В октябре 2011 г. Н.А. Могилевский защитил кандидатскую диссертацию, посвященную дипломатической и военной истории Заграничного похода русской армии 1813—1814 гг., где уделил достаточное внимание и рассматриваемой проблеме⁶¹. Используя различного рода источники, в том числе документы архивов Министерства иностранных дел Франции и Внешней политики Российской империи, автор впервые в современной российской историографии в целом раскрыл данный вопрос, обобщив также исследования зарубежных и российских историков⁶². Н.А. Могилевскому удалось уточнить многие факты, в то же время он допустил ряд неточностей и ошибок. Весьма спорным, на мой взгляд, является его утверждение, что во время Пражского конгресса Коленкур решил действовать на свой страх и риск. Вечером 6 августа 1813 г. он в тайне от Л.М. Нарбонна имел конфиденциальную беседу с Меттернихом. Представитель Франции пытался выяснить, каковы австрийские мирные условия и присоединится ли Австрия к Франции или, по крайней мере, останется ли нейтральной в случае одобрения их Францией⁶³. Далее автор делает вывод, что, по сути, это было попыткой заключить сепаратный мир с Австрией, и что Коленкур серьезно рисковал, так как не имел от Наполеона подобных полномочий и мог серьезно полатиться за подобные инициативы⁶⁴. Следует заметить, что автор ссылается на работу немецкого историка В. Онкена «Австрия и Пруссия в освободитель-

ной войне»⁶⁵. Исследование В. Онкена, построенное, в частности, на документах, найденных в немецких архивах, было написано в последней четверти XIX в. Между тем, в 1933 г. во Франции впервые были изданы мемуары Коленкура, систематизированные Л. Мадленом, который для придания им большей достоверности использовал различного рода источники, в том числе и работы известных французских исследователей, посвященные внешней политике Наполеона. В них говорится, что инициатором сепаратных переговоров с Австрией был император французов. По моему мнению, эта версия более убедительна, тем более что, как уже было сказано, еще 23 июля 1813 г. Л.М. Нарбонн получил инстукцию от Ю.-Б. Маре о необходимости предварительного договора с Россией, и только в случае неудачи — с Австрией. Ведение сепаратных переговоров с целью раскола своих противников, как известно, было характерным для внешнеполитической стратегии Наполеона. Выводы Н.А. Могилевского по данной проблеме являются односторонними. В частности, он утверждает, что в срыве переговоров как на Пражском, так и на Шатильонском конгрессах, больше виноват Наполеон⁶⁶. Однако, как свидетельствуют многочисленные документы и исследования, эти переговоры, к сожалению, были хорошо разыгранным спектаклем, так как в действительности ни одна из сторон не хотела мира, а желала скорее победить друг друга.

Таким образом, за последнее двадцатилетие в России появились исследования, детальнее раскрывающие действия наполеоновской дипломатии в 1813—1814 гг., что стало возможным в результате использования новых источников. Вместе с тем, определенная детализация принципиально не изменила взглядов предыдущей историографии на те или иные вопросы проблемы. Остаются без внимания и оценки исследователей тактика союзников по антифранцузской коалиции на Пражском и Шатильонском конгрессах. Наконец, в современной российской историографии отсутствует комплексное монографическое исследование, анализирующее действия дипломатии Наполеона Бонапарта в период шестой антифранцузской коалиции. Поэтому данная проблема заслуживает дальнейшей разработки.

Примечания

¹ Все даты приводятся по новому стилю.

² См.: *Dard E.* Un confident de l'Empereur, le comte de Narbonne. 1755—1813. Paris, 1943. С. 217—221, 240—247; *Чиняков М.К., Захарчук О.Н.* Нарбонн-Лара // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813—1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. Т. 2. М., 2012. С. 568; *Парсамов В.С.* Нарбонна миссия в Вильно // Там же. С. 567—568; *Захарчук О.Н.* Нарбонна миссия в Берлин // Там же. С. 565; *Он же.* Нарбонна миссия в Вену // Там же. С. 565—567.

³ *Norvins J.* Portefeuille de 1813. Т. 1. Paris, 1825. P. 404—406.

⁴ *Ernouf A.* Maret duc de Bassano. 3 ed. Paris, 2008. P. 510.

⁵ *Correspondance de Napoléon I-er* publiée par ordre de Napoléon III. Т. 25. Paris, 1858. P. 517—518.

⁶ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (Далее — ВПР). Т. 7. М., 1970. С. 289; *Сорель А.* Европа и французская революция. Т. 8. СПб., 1908. С. 123—124; *Захарчук О.Н.* Пражский конгресс // Заграничные походы русской армии. 1813—1815 годы. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 2011. С. 300.

⁷ Записки графа К.В. Нессельроде // Русский вестник. 1865. Т. 59. С. 559.

⁸ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 14. СПб., 1905. С. 189—191; *Захарчук О.Н.* Неймаркское соглашение // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии... Т. 2. С. 581.

⁹ *Caulaincourt, général de.* Mémoires du duc de Vicence. Т. 1. Paris, 1933. P. 1, 155.

- ¹⁰ Сорель А. Указ. соч. Т. 8. С. 132.
- ¹¹ Там же. С. 133—134.
- ¹² См.: Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 102—103; Захарчук О.Н., Могилевский Н.А. Ичинская встреча // Заграничные походы российской армии ... Т. 1. М., 2011. С. 543.
- ¹³ См.: ВПР. Т. 7. С. 242—249.; Захарчук О.Н. Петерсвальдская встреча // Заграничные походы российской армии ... Т. 2. С. 169—170.
- ¹⁴ См.: *Metternich, comte de. Mémoires documents et écrits divers.* Т. 1. Paris, 1880. P. 142—145; Захарчук О.Н. Опочненские встречи // Заграничные походы российской армии... Т. 2. С. 256.
- ¹⁵ См.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 204—207; Брунов Ф.И. Aperçu des principales transactions du Cabinet de Russie sous les règnes de Catherine II, Paul I et Alexandre I // Сборник Императорского Российского исторического общества. Т. 31. СПб., 1880. С. 316—321; Захарчук О.Н. Рейхенбахская конвенция // Отечественная война 1812 года и освободительный поход... Т. 3. М., 2012. С. 218—219.
- ¹⁶ Сорель А. Указ. соч. Т. 8. С. 130.
- ¹⁷ *Caulaincourt, général de.* Op. cit. Т. 1. P. 1, 155.
- ¹⁸ Ibid. P. 157; *Ernouf A.* Op. cit. P. 514; Сорель А. Указ. соч. Т. 8. С. 137.
- ¹⁹ *Madelin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Т. 13. Paris, 1950. P. 196.
- ²⁰ *Kerautret M.* Le grands traités de l'empire (1810—1815). Т. 3. Paris, 2004. P. 87—90.
- ²¹ *Caulaincourt, général de.* Op. cit. Т. 1. P. 1, 157.
- ²² После блестящей победы Наполеона 27 августа 1813 г. под Дрезденом Австрия начала склоняться к перемирию с императором французов. Но вскоре был одержан ряд побед над французскими войсками: 23 августа 1813 г. при Гросс-Беерене, 26 августа 1813 г. при Кацбахе, 27 августа 1813 г. при Хагелсберге, 29—30 августа 1813 г. под Кульмом и 6 сентября 1813 г. при Денневице. Они вернули веру союзников в победу, подняли их боевой дух. Чтобы укрепить единство коалиции и наметить дальнейшие военные действия, направленные на достижение окончательной победы над Наполеоном, в начале сентября 1813 г. в Теплице одновременно были заключены три практически одинаковых по содержанию союзных договора: России с Австрией, России с Пруссией и Пруссии с Австрией, а также отдельный союзный трактат между Австрией и Великобританией. (См. Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 117—126; Он же. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1885. С. 105—112; Захарчук О.Н. Теплицкие договоры // Отечественная война 1812 года и освободительный поход... Т. 3. С. 432—433).
- ²³ См.: *Madelin L.* Op. cit. Т. 13. P. 319—333; Франкфуртские предложения 1813 г.: принято или отвергнуто Наполеоном (к вопросу о трактовке доселе неизвестного в российской историографии документа) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография // Труды ГИМ. Вып. 187. М., 2012. С. 168—173.
- ²⁴ В качестве основ будущего мирного договора союзники предлагали следующее: Франция сохраняет целостность в «естественных границах» — Рейн, Альпы, Пиренеи; независимость Германии, а также восстановление в Испании прежней династии являются предварительными безоговорочными условиями мира (*sine qua non*); Италия будет иметь независимое от Франции правление; вопрос о Голландии решится на переговорах; Англия соглашается с принципом свободы морской торговли. Если Наполеон согласен с этими условиями, то уполномоченные союзников могут прибыть в нейтральную зону на правом берегу Рейна для переговоров. (См. *Fain A.* Manuscrit de 1814. Paris, 1823. P. 41—42; *Angeberg L.* Le congrès de Vienne et les traités de 1815. Т. 1. Paris, 1864. P. 76; Брунов Ф.И. Указ. соч. С. 341—342).
- ²⁵ *Caulaincourt, général de.* Op. cit. Т. 1. P. 168—169; *Kerautret M.* Op. cit. Т. 3. P. 97. Следует заметить, что это официальная версия. Среди других заслуживает внимания версия французского историка барона А.О. Эрнуфа. Он пишет, что 2 декабря 1813 г. А.-О. Коленкур сообщил союзникам, что Наполеон принял их предложения, переданные через Н. Сент-Эньяна. Коалиционеры могли бы поспешить начать переговоры, если бы не эмиссар от двух высокопоставленных функционеров французского двора, который заранее сообщил в лагерь союзников сведения о сложной внутренней ситуации во Франции. В частности, о слабых ресурсах, которыми мог бы располагать Наполеон в случае немедленного вторжения во Францию. Поскольку это известие оказало существенное влияние, союзники 1 декабря 1813 г. на совете во Франкфурте приняли решение о незамедлительном вторжении. Сообщение же о принятии Наполеоном базовых франкфуртских условий пришло к союзникам после опубликования ими манифеста 7 декабря 1813 г. (*Ernouf A.* Op. cit. P. 530). Схожие версии выдвинули французский историк Э. Буржуа и профессор Гейдельбергского университета Ф.К. Шлоссер. В частности, Буржуа утверждал, что Наполеон принял предложения союзников, но было слишком поздно. Его ответ поступил во Франкфурт только 7 декабря 1813 г. (*Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère. Т. 2. Paris, 1926. P. 528). Шлоссер же вслед за российскими военными историками — А.И. Михайловским-Данилевским

- и М.И. Богдановичем заявил, что 2 декабря 1813 г. Наполеон принял предложения союзников. Однако 1 декабря 1813 г. они на совещании во Франкфурте решили продолжать войну, результатом чего стал манифест 7 декабря 1813 г. (*Шлоссер Ф.К.* История восемнадцатого столетия. СПб., 1871. С. 360; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1813 года по высочайшему повелению. Ч. 2. СПб., 1840. С. 285; *Богданович М.И.* История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I, по достоверным источникам. СПб., 1865. С. 18). Английские исследователи Ч. Уэбстер и Х. Никольсон считают, что Наполеон 5 декабря 1813 г. принял франкфуртские предложения союзников (*Webster C.K.* The foreign policy of Castlereagh 1812—1815. Britain and the reconstruction of Europe. London, 1931. P. 176; *Nicolson H.* The congress of Vienna: A study in Allied Unity: 1812—1822. New York, 1946. P. 62).
- ²⁶ Обнародованию этого важного документа предшествовали письмо шведского кронпринца Карла Юхана Александру I от 15 ноября 1813 г. и записка Александру I генерал-адъютанта А.И. Чернышева, написанная не позднее 20 ноября 1813 г., сыгравшие важную роль в пропагандистской войне союзников. См.: Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809—1818. М., 1985. С. 415—416; ВПР. Т. 7. С. 450—451; *Сироткин В.Г.* Изгнание и смерть Наполеона // Новая и новейшая история. 1974. № 4. С. 175—176; *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010. С. 297—298.
- ²⁷ См.: *Fain A.* The manuscript of 1814. London, 1823. P. 282—284; *Angeberg L.* Op. cit. P. 78—79; *Брунов Ф.И.* Указ. соч. С. 346—347; ВПР. Т. 7. С. 486; *Захарчук О.Н.* Франкфуртское заявление союзников // Заграничные походы русской армии... Т. 1. С. 592—593.
- ²⁸ *Сорель А.* Указ. соч. Т. 8. С. 181; *Madelin L.* Op. cit. Т. 13. P. 358; *Кастело А.* Наполеон. М., 2004. С. 409.
- ²⁹ *Kerautret M.* Op. cit. Т. 3. P. 104.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Васильчиков А.А.* Семейство Розумовских. Т. 4. СПб., 1887. С. 462.
- ³² *Kerautret M.* Op. cit. Т. 3. P. 104.
- ³³ *Driauet E.* Napoléon et l'Europe. La chute de l'Empire. La légende de Napoléon (1812—1815). Paris, 1927. P. 246.
- ³⁴ *Angeberg L.* Op. cit. P. XXII.
- ³⁵ *Ibid.* P. 106—109.
- ³⁶ Correspondance de Napoléon... Т. 27. Paris, 1868. Док. 21315.
- ³⁷ *Angeberg L.* Op. cit. P. XXIII.
- ³⁸ Correspondance de Napoléon... Т. 27. Док. 21344.
- ³⁹ См.: *Брунов Ф.И.* Указ. соч. С. 397—400; *Захарчук О.Н.* Шомонские союзные договора // Заграничные походы русской армии... Т. 2. С. 698—700.
- ⁴⁰ Correspondance de Napoléon... Т. 27. Док. 21407; *Kerautret M.* Op. cit. Т. 3. P. 110.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 112—117.
- ⁴² *Ibid.* P. 117.
- ⁴³ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995.
- ⁴⁴ Там же. С. 104—105.
- ⁴⁵ Там же. С. 105.
- ⁴⁶ ВПР. Т. 7. Прим. 154. С. 742.
- ⁴⁷ См.: *Fain A.* Manuscrit de 1813. Т. 2. Paris, 1825. P. 36—46; Recueil des traités de la France. / Publ. par de Clercq. Paris, 1864. P. 385—386; *Захарчук О.Н.* Дрезденская конвенция // Заграничные походы русской армии... Т. 2. С. 457—458.
- ⁴⁸ История внешней политики России... С. 111.
- ⁴⁹ ВПР. Т. 7. Прим. 316. С. 787.
- ⁵⁰ Correspondance de Napoléon... Т. 27. Док. № 21359. P. 236—238.
- ⁵¹ История внешней политики России... С. 113.
- ⁵² *Киселева Е.В.* Александр I и реставрация Бурбонов во Франции // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 65.
- ⁵³ *Фролов Б.П.* «Да, были люди в наше время...». Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии. М., 2005.
- ⁵⁴ Там же. С. 517.
- ⁵⁵ Там же. С. 532.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Условия были написаны Н. Сент-Эньяном под диктовку К.В. Меттерниха в присутствии К.В. Несельроде и лорда Эбердина. К сожалению, в отличие от зарубежных историков, российские исследователи (ни дореволюционные, ни советские, ни современные) этот факт во внимание не принимают.

-
- ⁵⁸ *Fain A.* Manuscrit de 1814. Paris, 1823. P. 9.
- ⁵⁹ См.: *Фролов Б.П.* Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813—1814 годов. М., 2011. С. 787, 809.
- ⁶⁰ *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 254.
- ⁶¹ *Могилевский Н.А.* Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии в 1813—1814 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 23.
- ⁶² В 1983 г. была защищена диссертация по сходной проблематике. (См.: *Ионов А.В.* Внешняя политика России в годы крушения наполеоновской империи (1812—1814 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983). Следует заметить, что, упоминая о Пражском конгрессе, исследователь не раскрывает действия наполеоновской и союзной дипломатий. В то же время он делает вывод, что в действительности на Пражском конгрессе никто не хотел мира. Он также, как и все советские историки, игнорирует факт принятия Наполеоном франкфуртских предложений. В частности, отмечает, что 16 ноября 1813 г. герцог Бассано сообщил К.В. Меттерниху о согласии императора французов на открытие переговоров на условиях франкфуртских предложений союзников. Далее исследователь утверждает, что с практическими шагами французский император медлил. Поэтому 1 декабря 1813 г. после получения известия о новом наборе конскриптов союзники опубликовали декларацию о решении продолжить вооруженную борьбу и об отношении к Франции. (*Ионов А.В.* Указ. соч. С. 126). Автор ссылается на работу известного российского дипломата Ф.И. Брунова, который объясняет, с какой целью союзниками была обнародована франкфуртская декларация. В частности, Брунов говорит, что союзники с помощью этого документа хотели устранить препятствия, которые могли бы привести к национальному движению освобождения (Франции), направленному против армий коалиции (*Брунов Ф.И.* Указ соч. С. 347). Говоря же о Шатильонском конгрессе 1814 г., А. Ионов всю вину за срыв конгресса возлагает исключительно на Наполеона.
- ⁶³ *Могилевский Н.А.* Дипломатическая и военная история... С. 194.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ *Oncken W.* Oesterreich und Preussen in Befreiungskriege. Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte des Jahres 1813. Т. 1—2. Berlin, 1876—1879.
- ⁶⁶ *Могилевский Н.А.* Дипломатическая и военная история... С. 201, 304; *Он же.* От Немана до Сены: заграничный поход русской армии 1813—1814 гг. М., 2012. С. 48, 113—120, 181—196, 202—208.

Два «фронта» фельдмаршала М.И. Кутузова в 1812 году

Со времени событий 1812 г. историки тщательно исследовали различные, особенно военные, их аспекты. Сравнительно меньше изучались противоречивые взаимоотношения участников антифранцузских коалиций, которые были едины в противостоянии Франции, но сильно расходились между собой из-за противоположности их геополитических интересов в разных частях Европы и всего мира.

Накануне войны 1812 года решающую роль в международных отношениях играли три центра силы: Англия, Франция и Россия. Первые две сцепились в ожесточенной конкурентной борьбе. Каждая была заинтересована в привлечении на сторону своей политики третьей силы — России. Наполеон решил добиваться этого путем военного принуждения. Талейран давно и справедливо заметил, что Бонапарт имел склонность решать политические проблемы по-генеральски, т.е. с помощью войны. Это соответствовало представлениям великого полководца, но далеко не всегда было целесообразно и оправдано в конкретной обстановке политических отношений, соотношения сил и т.д. Гибельность опоры на военные средства при подчинении стратегии иллюзорным расчетам политики показал поход в Россию.

В апреле 1812 г. Наполеон провел беседу с Луи Нарбонном, которого направил на встречу с Александром I. Император вооружал своего посланца собственными представлениями и планами в отношении России и общих перспектив политики. Судьба, заявлял Наполеон, поднимает его против варваров, азиатов (т.е. русских), которые «неподобающе устроились до берегов Немана». Им будет противопоставлена «большая игра Европы». Император французов не сомневался в исходе предстоявшей войны. «Страшный удар, нанесенный в сердце империи, на великую Москву, моментально подчинит мне эту слепую и инертную массу. Я знаю Александра, я имею влияние на него, это всегда сказывается. Надо поразить его воображение крупным эффектом дерзости и мощи, и он придет ко мне»¹. А если не придет, то будет убит своими. В обоих случаях Россия достанется завоевателю.

Ну, а дальше? Дорога в Москву — «это дорога в Индию». От Москвы или от Тифлиса до Ганга — это «предприятие без больших трудностей»². Войска Франции и союзной России составят ядро армии, набранной в Азии. Англии будет нанесен решительный удар. Возникает вопрос: это реальный план или мечтание? Нарбонн, записывая беседу, комментировал ее содержание так: «Этому нельзя поверить. Это что-то между Бедламом и Пантеоном»³. Относя высказывания Наполеона к лондонскому дому сумасшедших, Нарбонн выявлял густой мрак иллюзий, затуманивших сознание императора. Наполеон развязывал войну, имея сугубо ошибочное представление о России, русских и о российском императоре. Его встретила не «слепая и инертная масса», а героическое сопротивление народа, сильная армия и стойкий в вопросах примирения император.

М.И. Кутузов, победитель Наполеона, на своем жизненном пути выступал как великий полководец, а также как проницательный политик и искусный дипломат. На всех поприщах он успешно защищал интересы России и русского народа. Он вел переговоры, громил традиционных в ту пору противников — Польшу, Турцию, Швецию. Но всякий раз за спиной непосредственного врага вставал самый главный недоброжелатель и непримиримый соперник в мировой политике — Англия.

Воюя и командуя на севере и на юге, Кутузов постоянно встречал противодействие и интриги вездесущей хозяйки морей — британской короны. В ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и русско-шведской войны 1788—1790 гг. существовала угроза вмешательства в них англичан. Правительство Англии не желало усиления позиций России на Черном и Балтийском морях.

Английская агентура устранила императора Павла I. Не случаен был отклик Бонапарта: англичане промахнулись по мне в Париже (имелся в виду взрыв по пути движения кареты первого консула), но попали в Петербурге. Англия подчинила своему влиянию императора Александра I и господствующий класс, в полной мере используя фундаментальные, главнейшие средства — экономические и финансовые, в которых у нее был явный перевес по сравнению с Францией. Лондон «собирался русскими штыками сражаться с Наполеоном»⁴.

Размеры и соотношение претензий Англии и Франции по отношению к политике России были известны. Франция толкала Россию и ее армию в сторону отдаленной колониальной Индии, Англия — в сторону столицы Французской империи Парижа. От Лондона до Парижа ближе, чем от Москвы. Тем более, что на всех морях господствовал английский флот. Но кровавый путь до столицы Наполеона (после брошенного им вызова) прошла русская армия, поднявшись на «высоты Монматра».

Патриоты России добивались проведения страной самостоятельной политики, соответствующей национальным интересам. Кутузов должен был для достижения этой цели вести войну на два «фронта». Один был явный, очевидный — борьба с нашествием Наполеона. Другой был скрытый, малозаметный для широкой публики — борьба против подчинения русской политики и усилий России английским интересам. М.И. Кутузов с честью выдержал войну на обоих «фронтах».

С начала войны русская армия осуществляла план, заранее намеченный военным министром и главнокомандующим 1-й Западной армией М.Б. Барклаем де Толли — отступать вглубь страны, постепенно ослабить мощную армию агрессора и подкрепить свою собственную, а затем разгромить самоуверенного захватчика. Проведение этой стратегии сталкивалось с различными трудностями и подвергалось критике, но Барклай отстаивал эту единственно правильную линию.

Когда две русские армии, 1-я и 2-я Западные, соединились 4 августа у Смоленска, командующий 2-й армией П.И. Багратион выступал за скорое генеральное сражение. Но Барклай настоял на дальнейшем отступлении, на оставлении Смоленска. Русская армия путем планомерного, организованного отступления завоевала инициативу в войне против превосходящего противника. Именно объединенная армия под командованием Барклая определяла основные моменты боевого соприкосновения: направление и темп движения войск (своих и противника), остановки, ночевки и т.д., выбор позиций и решения — сколько времени их отстаивать и допускать или нет генеральное и вообще крупное сражение. Все эти вопросы решались командованием русской армии.

---

14 августа в штаб Барклая прибыл через Стамбул, Бухарест и Киев представитель английского правительства «комиссар» Роберт Вильсон. Он появился на русской почве при таких обстоятельствах. Талантливый и опытный разведчик, в 1806 г. он был назначен в английское представительство при прусском дворе. Кампанию 1806—1807 гг. Пруссия вела совместно с Россией, и Вильсон получил возможность изучать русскую армию, познакомиться с ее командным составом во главе с Беннигсеном. После Тильзита Вильсон отправился в Петербург, где оказался «в моде» в тех преобладающих кругах, кто относился к Франции и Наполеону с такой же ненавистью, как и он сам. Вильсон сумел сблизиться и с царем. Но поскольку Россия перестала воевать с французами, он отправился в Португалию.

В конце июня 1812 г. Вильсон приплыл в Турцию. Цель его при английском посольстве была двоякой. Он оказывал давление на турецкое правительство в пользу ратификации мира с Россией и в защиту интересов Англии⁵. Он оказывал давление и на представителей России, чтобы она сняла некоторые условия мирного договора. В этих целях он вскоре выехал в Бухарест, где Кутузов вел переговоры с великим визирем. Вопреки колебаниям султана, договор был ратифицирован. Вильсон тщательно добивался, чтобы Россия отказалась от приобретения даже только Бессарабии.

С началом войны 1812 года правительство Англии не нашло лучшего представителя при русской армии, чем Вильсон. С первых же дней англичанин стал вмешиваться в распоряжения русского командования, «дабы противодействовать намерению генерала Барклая оставить Смоленск», которое, по его мнению, вызывало «всеобщее негодование»⁶.

Вот как смотрели на него в русской армии. «К нам приехал английский генерал Вильсон; он был принят главнокомандующим с почетом. В первые дни его приезда мне было поручено показать ему главную квартиру. Эта обязанность была не из легких, так как генерал бесился везде, как сумасшедший; он готов был бегать целый день и хотел быть одновременно в аван- и арьергарде, в главной квартире, словом, везде»⁷, — вспоминал В.И. Левенштерн, адъютант Барклая. Мы видим, что английский агент работал активно, выполняя полученные задания.

Для оформления своего статуса Вильсон отправился в Петербург. По дороге, в 250 верстах от столицы он встретился с Кутузовым, который ехал принимать главное командование армиями. По словам Вильсона, Кутузов якобы сказал ему: «Езжайте, не теряя времени, обратно. Мне весьма надобен такой сотоварищ, как Вы, и в штабе, и в поле»⁸.

С 27 августа по 15 сентября 1812 г. Вильсон находился в Петербурге. Он настойчиво внедрялся в высшие круги, обхаживал Александра. Русский царь, со своей стороны, был заинтересован в развитии контактов с только что приобретенным ценнейшим союзником — Англией. Он утвердил назначение Вильсона и даже, по словам англичанина, поручил ему надзирать за русским командованием и информировать лично императора. При этом государь «поклонялся» Вильсону продолжать борьбу, даже если придется отдать Москву и Петербург.

Английский агент пытался командовать не только русской армией, но и правительством России. Н.К. Шильдер писал, что после возвращения из Або в Петербург 15 сентября Александр принял Вильсона. Англичанин «был уполномочен представить государю от имени всей армии, что только удаление графа Румянцева из министерства может восстановить полное доверие к повелениям правительства, и что

затем всякое приказание, присланное из Петербурга о прекращении военных действий и открытии переговоров с французами, будет принято не за действительное выражение воли государя, а за выражение посторонних злоумышленных внушений; что поэтому армия намерена продолжать войну, пока неприятель не будет изгнан из пределов империи»⁹. Вильсон пугал царя, что государство находится в опасном положении. «Как только военачальники убедятся, что Его Величество лишит своего доверия лиц, политика которых возбуждает их недоверие, то они докажут свою преданность усилиями и жертвами, могущими возвысить блеск державы и охранить непоколебимость престола»¹⁰. Иными словами, Вильсон утверждал, что «вся армия» и «военачальники» обещают поддерживать царский престол, только если он будет проводить политику, угодную Англии и ее агентуре. «Во время этого объяснения государь несколько раз изменялся в лице», — пишет Шильдер. Александр был вынужден заверять Вильсона: «Но армия заблуждается относительно Румянцева; никогда он не советовал мне покориться Наполеону»¹¹. Так выглядели союзные отношения России и Англии в тот момент.

По дороге к армии, в Твери, Вильсон узнал о сдаче Москвы и о пожаре. Пришлось в Тарутино ехать в объезд. Теперь предстояло взаимодействие с Кутузовым и всем русским командованием. Началось с дела Лористона. Предвоенный посол Франции попросил о свидании с русским главнокомандующим. По первоначальной договоренности, Кутузов собирался встретиться с ним на нейтральной полосе, между аванпостов армий. Вильсону было важно самому присутствовать на переговорах, однако Кутузов его на эту встречу не допустил.

Всему этому предшествовали невиданные в русской армии сцены. Когда устанавливался контакт с Лористоном, Вильсон находился среди русского авангарда у Милорадовича. Казак доставил срочный вызов от Беннигсена, у которого собралась «дюжина генералов». Кто-то пустил клеветнический слух, что Кутузов едет заключать конвенцию о немедленном отходе французской армии, что в свою очередь послужит предварительной договоренностью, ведущей к миру. На встречу может приехать не Лористон, а сам Наполеон и т. д. После такой накачки Вильсон и компания приняли решение: если Кутузов пойдет на это, то «не позволять ему вернуться и возобновить командование», «лишить маршала власти»¹². Таким образом, английская агентура подготовила свержение русского главнокомандующего с его поста. Неизвестно, собирался ли Вильсон уготовить Кутузову участь Павла I. Но совершенно несомненно, что удаление с престола и убийство Павла проходили в условиях недовольства гвардии и широких общественных кругов. Поднять против Кутузова какую-то русскую вооруженную силу было невозможно. Поэтому приходилось ограничиваться разговорами. Вильсон от Беннигсена отправился к Кутузову.

В своей книге англичанин подробно описывает дальнейшие события. Ничего не подозревавший Кутузов спросил, какие новости из авангарда? Вильсон потребовал разговора наедине и пошел в атаку: надо, чтобы маршал немедленно положил конец скандалу. Потом изложил слухи. Кутузов был не из тех, кого легко взять за горло. Он жестко ответил: я главнокомандующий армией и лучше знаю, чего требуют доверенные мне интересы. Порядок встречи с Лористоном определен так, чтобы избежать утечки информации и недоразумений. Он выслушает предложения француза, а свои будущие действия наметит в зависимости от их природы. Во всяком случае это будут договоренности, удовлетворительные и почетные для России. Английский генерал

(так называл себя Вильсон) «терпеливо» выслушал объяснения маршала и спросил: «Так это Ваше окончательное решение?», «Да, — ответил Кутузов, — и бесповоротное»¹³. Русский командующий высказывался, по мнению англичанина, «в очень саркастическом тоне» и думал, что разговор закончен. Но не тут-то было. Вильсон пустил в ход тяжелую артиллерию — авторитет царя. Он напомнил, что Александр запретил Кутузову какие бы то ни было переговоры, пока хоть один вооруженный француз останется на территории страны, а ему, Вильсону, дал инструкцию вмешиваться, когда эта установка и связанные с ней интересы окажутся в опасности из-за действий какого-либо лица какого бы то ни было ранга. «К несчастью», пришло время, когда его вмешательство стало необходимым. «Армия» будет думать, что маршал едет заключать договор или какую-то сделку «вопреки и в нарушение обещаний и приказов ее императора»¹⁴. И Вильсон прибег к прямым угрозам: «Поэтому в таких обстоятельствах русские генералы и армия (ибо он ознакомлен с их чувствами по этому поводу) могут и будут считать себя в ужасной необходимости лишиться его власти, пока не станет известно решение императора»¹⁵. А сам «английский генерал» пошлет курьеров в Лондон, Константинополь, Вену и Санкт-Петербург, сообщая об этих мерах, ознакомление с которыми будет иметь самый разрушительный эффект, приостанавливая всю подготавливаемую помощь и разрывая все положительно развивающиеся переговоры»¹⁶.

Но даже перед лицом таких угроз «маршал проявлял растущую неуступчивость»¹⁷. Тогда Вильсон привел в его кабинет герцога А. Вюртембергского — дядю императора Александра, герцога А. Ольденбургского — шурина Александра и генерал-адъютанта князя П.М. Волконского, прибывшего с депешами из Петербурга. Их выбрали заговорщиками, чтобы подкреплять Вильсона. Англичанин продолжал свой нажим. Выказались и прибывшие. Возникла острая дискуссия. Кутузов не хотел отказываться от своего слова, но в конце концов уступил.

Посланец Наполеона прибыл в русский штаб в 23 часа с завязанными глазами. В приемной ему представили группу генералов, в том числе Вильсона. Кутузов с Лористонам уединились примерно на час. Потом к ним присоединился Волконский. Француз уехал, как казалось, разочарованный. Уходя, он сказал: «Я сразу понял, откуда препятствие»¹⁸. Вильсон вместе с другими выслушал информацию Кутузова о беседе.

Вся эта история показывает лишний раз, на какие преступления готова была пойти Англия, чтобы подчинить себе политику России, а особенно русскую армию. И какой панический страх охватывал английскую агентуру при малейшей попытке франко-русских переговоров. Дело Лористона показало: Беннигсена толкает на высший пост Вильсон, это английская кандидатура, которую английский комиссар настойчиво рекомендовал царю. Кто же собирался у Беннигсена и на кого опирался Вильсон? Это были, писал Левенштерн, «выдающиеся по происхождению и богатству» Станислав Потоцкий, Николай Демидов, барон Анштет, граф Ожаровский и «безобидный» граф Браницкий. «Они видели в генерале Беннигсене преемника Кутузова и преклонялись перед восходящим солнцем»¹⁹. Ни одного боевого генерала! И именно эту компанию Вильсон пытался выдавать за «русскую армию»!

После Малоярославецкого сражения, 26 октября в 5 часов утра Кутузов начал контрнаступление с отхода, перемещения своей армии на 24,5 км к Дечино, а затем к Полотняному заводу. Милорадович с арьергардом остался у Малоярославца.

В чем был смысл этого активного тактического маневра? Существовала возможность и было опасение, что Наполеон двинется на Медынь — Юхнов. А от Детчина до Медынской дороги расстояние вдвое ближе, чем от Малоярославца. Кутузов сохранял прикрытие Новой Калужской дороги и был готов помешать маневру французов на Медынь. Тем самым он вынуждал их отступить через Можайск и Бородино. А через Медынь вскоре прошла русская армия, преследуя Наполеона. По выражению М.И. Богдановича, «Кутузов... был верен своему обычному образу действий — скрывать задуманные им предположения»²⁰.

В день Малоярославецких событий — боев и маневров — произошли столкновения и объяснения Кутузова с его противниками в собственном штабе. Вильсон, опираясь на близость к царю и своих подпевал в русском генералитете, продолжил попытки руководить русским командованием. Не считаясь со стратегическими замыслами Кутузова, англичанин нагло требовал немедленной атаки на французов. Создавалось впечатление, что он, как слуга английского капитала и представитель субсидий, добивался быстрой отдачи инвестированных средств. Он открыто критиковал маневры Кутузова (например, отход от Малоярославца называл «таким нецелесообразным, таким недопустимым, таким непростительным»²¹), претендовал определять, когда русской армии атаковать, где, куда двигаться и т.п. Наконец, он стал упрекать главнокомандующего в том, что тот строит «золотой мост» для беспрепятственного отхода французов²².

Кутузов дал этим попрекам мощный разоблачительный отпор. Поздно ночью 24 октября в ответ на нападки Вильсона фельдмаршал прямо и резко заявил: «Меня не интересуют ваши возражения. Лучше построить неприятелю “pont d’or”, как вы изволите выражаться, нежели получить от него “soup de collier”. Кроме того, повторю еще раз: я не уверен, что полное изничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Его место займет не Россия и не какая-нибудь другая континентальная держава, но та, которая уже господствует на морях, и в таком случае владычество ее будет нетерпимо»²³. Выражение «еще раз» означает, что у Кутузова уже были объяснения с Вильсоном на эту тему. Растерявшийся Вильсон стал увиливать: «Сейчас речь идет только об исполнении воинского долга, а не о политических препирательствах»²⁴. Но не английскому надзирателю было учить долгу великого полководца. Бессильный справиться с Кутузовым, Вильсон старался принизить и скомпрометировать Кутузова, обвиняя его в слабости, дряхлости, нерешительности, трусости и даже измене (по-видимому, британским интересам).

Несколько позднее, возле Вязьмы повторилась история из-под Малоярославца. Вильсон опять пытался навязать Кутузову свои решения. Тот, разумеется, не подчинился. Тогда англичанин отправил своего адъютанта барона Бринкена (из русских драгун) к императору с развернутой жалобой на все действия Кутузова после Малоярославца, а особенно на, якобы, отказ двигаться на неприятеля. Опять-таки «от имени армии» Вильсон заявлял, что существует «недовольство армии, которая чувствует бесчестие, если не предательство»²⁵.

Понятно, как русская армия воспринимала эти бредни и клевету. Вот что писал поручик-артиллерист Н.Е. Митаревский: «При армии находился какой-то англичанин, высокого роста, с большим красным носом и таким же красным, угреватым лицом. Говорили, что это английский комиссар Вильсон. Этот англичанин, как стало впоследствии известно, интриговал против фельдмаршала и вместе с генералом Бен-

---

нигсеном при всяком случае осуждал его за осторожность и медленность действий. Им, как иностранцам, видно, не жаль было русской крови, за то их и не любили»²⁶.

Адъютант Баркляя при Бородине А.Н. Муравьев, конечно, знал Вильсона ближе. Он писал о нем: «Он был со всеми начальниками очень фамильярен, все критиковал, всем недоволен, всем подавал советы, но не все его слушали. Он уверял, что подает советы и самому фельдмаршалу, но едва ли сей умный и опытный начальник следовал им, чем Вильсон был очень недоволен, будучи английским при нем агентом, зато он заочно позволял себе осуждать и бранить фельдмаршала. Словом, этот господин, по мнению моему, был прямой шарлатан; русские его вообще не любили, потому что он во все вмешивался, не имея на то никакого права, но пользовался вместе с тем каким-то покровительством нашего двора»²⁷.

Русский народ, патриоты России своей кровью отстаивали независимость Отечества, завоевывали его победу и славу. Коварный союзник примазывался к этим усилиям в своих эгоистических целях. Кутузову пришлось высказываться на эту тему и в адрес Беннигсена: «Мы никогда, голубчик мой, с тобою не согласимся; ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну»²⁸. Беннигсен передал эти слова Кутузова Вильсону еще до Малоярославца, «вскоре после 7 (19) октября»²⁹. Обострение отношений с Беннигсеном, при росте авторитета верховного главнокомандующего, привело к падению и удалению агента Вильсона из штаба армии.

В ходе боев под Вязмой Кутузов рассуждал так: «За десятерых французов не дам я и одного русского. Неприятеля скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу!»³⁰ Под Красным 14—18 ноября произошло шесть боев русских войск с подходившими по одному корпусами французов. Ни один из них не удалось заставить капитулировать, но армия Наполеона потеряла здесь более половины боеспособных сил. Крупнейшее поражение французов вело их армию к гибели. Но в штабе Кутузова продолжал бесноваться английский агент Вильсон. При Красном он выступил с новыми настояниями: «Скомандуйте “Марш!” и война закончится через час». По собственному свидетельству Вильсона, Кутузов спокойно ответил ему: «Вы получили мой ответ в Малоярославце»³¹. Комиссару Англии оставалось лишь поносить Кутузова и клеветать на него в доносах Александру.

Падеж лошадей, налеты легкой кавалерии русских вынудили отступающих французов бросать свои трофеи. Значительная часть их была утоплена в озере у Семлева³². В Орше 20 ноября сожгли штабной архив и понтонный парк (которого так не хватало потом на Березине)³³. 23 ноября были сожжены бумаги государственного секретариата³⁴, наиболее важные документы управления империей. Вот почему не существует архива похода Наполеона на Россию! Последнее имущество было утрачено французами на переправе через Березину. Постепенно трофеями, причем боевыми, а не продуктами грабежа, стали овладевать русские войска — орудиями, знаменами, ценностями. Под Красным в захваченном обозе был обнаружен фургон Даву, а в нем — его маршальский жезл. «При виде всех этих трофеев, при виде несомненных следов полнейшего расстройтва грозной неприятельской армии сердце старого главнокомандующего преисполнилось радостью. Он добился таких великих результатов и, что еще выше, с такими ничтожными потерями, каких-нибудь 700 человек убитыми и ранеными»³⁵.

Далее последовали бои на Березине. Грубые ошибки допустил адмирал Чичагов. Но главную вину за то, что упустили Наполеона, несет Витгенштейн. Он узнал, что

началась переправа у Студянки, но не решился атаковать там Наполеона. А когда наконец приблизился, то вел бой с последними частями корпуса Виктора.

Нельзя обойти молчанием поведение Кутузова. Главнокомандующий после Красного шел вперед нарочито медленно, наращивая свое отставание от главных сил Наполеона. Вильсон объяснял это страхом Кутузова, боязнию потерпеть поражение. Русские главные силы переправились через Березину много южнее Борисова и на несколько дней позднее. Думается, что главнокомандующий последовательно проводил стратегию экономии русской крови. Но безусловно действовали и другие соображения. Кутузов стремился повлиять на общую политику, на политические итоги Отечественной войны 1812 года. Не имея рычагов политической власти, он мог пускать в ход рычаги, находившиеся в его руках, — командную власть над армиями, определение стратегии военных действий. И он проводил линию, откровенно высказанную английскому агенту Вильсону, — не доводить дело до полного разгрома Наполеона.

Результат операций на Березине был вполне определенный — новое крупное поражение французской армии. За рекой у Наполеона оказалось около 9 тыс. пехоты. Основная масса безоружных и отставших попала в плен, потонула при переправе, погибла под огнем русской артиллерии. Пропал почти весь обоз. Спасти от плена удалось только самому Наполеону, верхушке армии и немногочисленным солдатам, остававшимся вокруг знамен и орлов разбитых частей.

5 декабря Наполеон провел совещание с маршалами в Сморгони. Он сообщил о своем отъезде в Париж, откуда он мог начать восстановление армии. Верховное командование император передал Мюрату, как старшему по дворянской иерархии — Неаполитанскому королю.

Многие, в том числе серьезные историки, например, П.А. Жилин, А.З. Манфред, В.Г. Сироткин, Н.А. Троицкий пишут, что Наполеон путешествовал через всю Европу под фамилией Коленкура. Это, конечно, заблуждение авторов. Официальную поездку совершал хорошо известный обер-штальмейстер императора, герцог Виченцкий Арман Коленкур. А в сопровождавшем его штате был чиновник его ведомства, секретарь герцога месье Рейневаль³⁶. Настоящий Рейневаль остался при армии, занимались только его фамилию.

Каков источник этой распространенной ошибки историков? Авторы доверились словам Наполеона. Перед отъездом он говорил узкому кругу наиболее доверенных лиц, что будет путешествовать под именем Коленкура. Они и передали потомкам дезинформацию. Императору великой империи казалось позорным скрываться под личиной мелкого чиновника. Между тем Коленкур подготовил именно это достоверное прикрытие. Оно и было использовано. В дороге Наполеон постоянно ехал вместе с Коленкуром. Он активно высказывался по разным сюжетам, конечно, рассчитывая, что его собеседник передаст трактовки императора потомкам. Побитый великим русским полководцем, Наполеон не проявил объективности, не дал честной и квалифицированной оценки кампании 1812 года. Он охавал отступление Барклая и Кутузова, называя последнего «плохим генералом»³⁷. «Мы — жертвы климата»³⁸, — твердил он. В качестве своих стратегических ошибок Наполеон признавал задержку в Москве, решение идти дальше Витебска и надежду на заключение мира: «Я думал, что я заключу мир, что русские его желали, его хотели. Меня обманули, и я обманулся»³⁹.

О войне 1812 года должно судить прежде всего по объективным результатам: полному уничтожению Великой армии под командованием Наполеона и триумфу

русской армии под командованием Кутузова. В объяснение этого можно сколько угодно сослаться на объективные обстоятельства, на голод и холод. Однако важнейшая причина разгрома агрессора — победоносное сопротивление русской армии, самоотверженная борьба русского народа, мастерство Кутузова, Барклая и других генералов.

На заключительном этапе войны вставали не только военно-технические проблемы, но и политические. В многотомном издании «Отечественная война и русское общество», подготовленном к 100-летию победы над Наполеоном, подчеркивалось: «Кутузов щадил войско и частью Наполеона, учитывая русскую будущность»⁴⁰.

22 декабря в Вильно прибыл Александр I, желавший теперь возглавить победоносную войну. И в российских верхах в острой форме дебатировалось, когда и как ее закончить. «Кутузов очень сомневался, будет ли так уж выгодна для России решительная гибель Наполеона, полагая, что этой гибелью воспользуются для своей пользы и вовсе не для нашей англичане, австрийцы, пруссаки. Будущее показало, кто был прав», — писали в той же книге⁴¹.

«С изгнанием французов из России кончалась цель войны, определенно указанная с самого начала ее самим царем. Так смотрел на дело и сам Кутузов. Прибыв в Вильно, он расположился здесь на отдых и после перехода последними отрядами “Великой армии” русской границы высказался за заключение мира»⁴². Естественно, не так смотрела на дело английская агентура. Вильсон продолжал осуждать «нашу нерешительность», причуды «маршала поступиться выгодами его приятеля»⁴³. Он считал, что Кутузов — «просто старый прожженный плут, ненавидящий все английское и бесчестно предпочитающий независимому союзу с нами раболепие перед правящими Францией канальями»⁴⁴. После Малоярославца, демонстрируя свое предвидение, Вильсон утверждал: «Ежели французы достигнут границы не разбитыми, маршал, при всей его старости и немощи, должен быть расстрелян»⁴⁵.

У вопроса «Надо ли добивать Наполеона?» была другая сторона: «Надо ли спасти разные западные державы?». «Более дальновидные русские дипломаты и военачальники полагали более полезным сохранить в противовес Пруссии и Австрии остатки наполеоновской армии и его величия»⁴⁶. «Не хотел этой новой борьбы и Кутузов, видевший в Наполеоне как бы противовес против Австрии и Пруссии»⁴⁷. В вводной статье «От редакции», открывающей цитируемое многотомное издание, говорилось: «После того, как последние остатки Великой армии, не попавшие в плен, перешли обратно границу, нам понадобилось зачем-то идти освобождать Европу, то есть класть первые камни тому самому могуществу Пруссии и Австрии, в котором коренятся все наши политические беды. Недаром старик Кутузов своим трезвым умом понимал всю ненужность и всю опасность такого политического благотворительства и резко высказывался против похода в Европу. Он знал, что в международных делах выигрывает не тот, кто дает волю сентиментализму, а тот, кто, говоря формулой австрийских дипломатов, вовремя сумеет удивить мир неблагодарностью»⁴⁸.

Конечно, авторов 1912 г. легко понять: в канун Первой мировой войны России противостоял альянс «Пруссии и Австрии». Они прекрасно знали, кого хотел связать Наполеоном Кутузов, но умалчивали из текущих соображений. Нельзя согласиться и с объяснением событий «благотворительностью», «сентиментализмом». Решающим фактором выбора политики была классовая солидарность контрреволюционных сил,

как в ходе войны, так и в послевоенное время. А с точки зрения геополитических отношений продолжение 20-летней войны Англии и Франции развязывало руки России для ее начинаний, в частности южных проектов. В 1813—1815 гг. не было такой силы в мире, которая могла бы помешать царизму овладеть по меньшей мере Дунайскими княжествами и границей по Дунаю.

Поэтому закономерно вставал следующий вопрос: «Если идти дальше, то куда, в какую сторону?». Кутузов стоял за направление к Проливам. Министр иностранных дел Румянцев считал первостепенным восточный вопрос. Он предлагал еще ранее воспользоваться затруднениями Наполеона в Испании. 1812 год дал России достаточные шансы продвинуть решение этого вопроса.

Для России война 1812 года стала народной, национальной, Отечественной. На борьбу самоотверженно поднялись широкие народные массы. Ее не мог вести и закончить сговор верхов. В условиях крепостничества и реакции раздалась речь о патриотическом одушевлении всех состояний, о равном служении отечеству, о воле и мнении народа. Денис Давыдов заметил: «Нравственная сила рабов вознеслась до героизма свободного народа»⁴⁹. Двухсотлетие войны 1812 года напоминает патриотам России, как надо отстаивать интересы Отечества.

Примечания

- ¹ *Madelin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Т. 12. Paris, 1949. P. 87.
- ² *Ibid.* P. 88.
- ³ *Ibid.*
- ⁴ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 7.
- ⁵ «Британская дипломатия, кровно заинтересованная в усилении отпора Наполеону, способствовала заключению Бухарестского мира 1812 г.». (*Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 10.)
- ⁶ *Вильсон Р.Т.* Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812—1813 годов. Письма к разным лицам. СПб., 1995. С. 49.
- ⁷ Записки генерала Левенштерна // Русская старина. 1901. Т. 105. № 1. С. 556.
- ⁸ *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 52.
- ⁹ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1904. С. 106.
- ¹⁰ Там же. С. 107.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Wilson R. T.* Narrative of Events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French army. 1812. London, 1860. P. 183.
- ¹³ *Ibid.* P. 185.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 185—186.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 186.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 187.
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ *Ibid.* P. 189.
- ¹⁹ Записки генерала Левенштерна... С. 127.
- ²⁰ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 3. СПб., 1860. С. 325.
- ²¹ *Wilson R. T.* *Op. cit.* P. 240.
- ²² *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 273—274.
- ²³ Там же. «*Coup de collier*» — отчаянный, яростный удар, последнее усилие.
- ²⁴ Там же. С. 79, 274.
- ²⁵ *Wilson R. T.* *Op. cit.* P. 245.
- ²⁶ *Митаревский Н.Е.* Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871. С. 123.

-
- ²⁷ *Муравьев А.Н.* Автобиографические записки // Декабристы: Новые материалы. М., 1955. С. 204; *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 270. Примеч. 127.
- ²⁸ [*Воейков А.Ф.*] Генерал граф Л.Л. Беннигсен // Русский архив. 1868. № 11. С. 1858. (Автор статьи слышал эти слова от И.П. Коновницына и сенатора П.А. Кикина); *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 273.
- ²⁹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 413.
- ³⁰ *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1952. С. 192.
- ³¹ *Wilson R.T.* Op. cit. P. 273.
- ³² *Segur P.-P.* Histoire de Napoleon et de la Grande Armée pendant l'annee 1812. T. 2. Paris, 1825. P. 168.
- ³³ *Madelin L.* Op. cit. T. 12. P. 245.
- ³⁴ *Caulaincourt A.* Memoires. T. 2. Paris, 1933. P. 169.
- ³⁵ *Растковский Ф.* Об Отечественной войне. Цит. по: *Гарин Ф.А.* Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 569—570.
- ³⁶ *Thiry J.* La campagne de Russie. Paris, 1969. P. 325.
- ³⁷ *Caulaincourt A.* Op. cit. T. 2. P. 315.
- ³⁸ Ibid. P. 219.
- ³⁹ Ibid. P. 329.
- ⁴⁰ Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. Т. 3. М., 1911. С. 130.
- ⁴¹ Там же. Т. 4. М., 1911. С. 6.
- ⁴² Отечественная война и ее причины и следствия. М., 1912. С. 162.
- ⁴³ *Вильсон Р.* Дневник... С. 89.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 80.
- ⁴⁶ Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 118.
- ⁴⁷ Там же. Т. 2. М., 1911. С. 143.
- ⁴⁸ Там же. Т. 1. М., 1911. С. III.
- ⁴⁹ *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1940. С. 22.

К. Б. Жучков

Новое русское наступление в феврале 1813 г.: Кутузов или Витгенштейн?

После кончины М.И. Кутузова главнокомандующим союзными армиями был назначен П.Х. Витгенштейн, однако вскоре он был заменен М.Б. Баркляем де Толли, что дало повод российским историкам скептически оценивать его полководческое мастерство. Быстрое снятие Витгенштейна с должности свидетельствовало как будто бы о не совсем продуманном решении Александра I. Между тем, с моей точки зрения, одним из важнейших оснований для этого назначения были удачные действия Петра Христофоровича в начале 1813 г.

В отечественной историографии на сегодняшний день существуют всего две, сильно устаревшие, общие работы по истории кампании 1813 г., которые касаются военных действий в начале февраля. В книге А.И. Михайловского-Данилевского события, связанные с наступлением русской армии в этот период, преподаны в качестве дидактической иллюстрации к ведущему тезису автора о руководстве военными действиями императора Александра I¹. Работа М.И. Богдановича, наоборот, написана на почве критического отношения к необходимости продолжения войны за границей России, возникшего в эпоху либерализации исторической мысли в России в пореформенный период. В отличие от Михайловского-Данилевского, Богданович использовал более широкий круг источников и в целом создал достаточно подробную фактологическую картину событий февраля 1813 г.² Однако, в обоих упомянутых работах описание интересующих нас военных действий хронологически поставлено после освещения подписания русско-прусского союза, что вызывает ложное впечатление следования одного события из другого.

Единственной специальной работой на русском языке, посвященной военным действиям в начале февраля 1813 г., является статья А.И. Сапожникова, освещающая участие донских казаков в освобождении Берлина³. Специфика тематики этой статьи не позволила ее автору, очень подробно и последовательно раскрывшему заявленную в названии тему, коснуться места этого события в концепции нового русского наступления в феврале 1813 г. Тем не менее, статья Сапожникова представляет обширный источниковедческий материал по истории военных действий в феврале 1813 г. Упомянутыми тремя работами практически исчерпывается вся современная отечественная историографическая база. Тем не менее, подробное изучение обстоятельств и хода военных действий в конце января — феврале 1813 г., прежде всего взаимоотношений среди русского командования, позволяет охарактеризовать роль П.Х. Витгенштейна в развитии русского наступления в феврале 1813 г.

Преследование русской армией разгромленных в конце 1812 г. французских войск продолжилось в начале 1813 г. на территории Польши и Пруссии (сначала Восточной, а затем Западной). Отпадение прусского корпуса генерала Г. Йорка от французской армии 18 (30) декабря 1812 г., а затем успешные переговоры с командующим австрийским корпусом фельдмаршалом К. Шварценбергом в конце декабря 1812 г. —

начале января 1813 г. позволяли Кутузову надеяться на успешное продолжение преследования французской армии и развитие наступления за р. Висла. Наличные силы русской армии были недостаточными для наступления по всему фронту, однако командование строило свои расчеты на предполагаемом присоединении к российским частям прусских войск, в том числе и действующего корпуса Йорка.

Однако командование прусских войск, находившихся в Восточной Пруссии и Померании, отказалось немедленно поддержать русское наступление. Этому способствовали конфликты Йорка с Ф.О. Паулуччи из-за оккупации прусского Мемеля и с уполномоченным российского императора Г. Штейном в Кенигсберге по поводу созыва ландтага. Йорк отказался присоединиться к корпусу Витгенштейна. Одновременно не поддержал русские войска и генерал-майор Ф. Бюлов, губернатор Западной Пруссии и командующий Западно-Прусской бригадой, отступивший из Восточной Пруссии и находившийся в это время со своим корпусом уже в Прусской Померании⁴. Наконец, и комендант Грауденца майор В. Краузенек не дал Барклаю де Толли осадную артиллерию, необходимую для осады Торна⁵, как, впрочем, отказал он и Йорку в выдаче для нужд его корпуса, восстанавливавшего свою численность, 2 000 ружей⁶.

Ближайшим соседом, теоретически способным помочь Витгенштейну на этом направлении, была 3-я Западная армия адмирала П.В. Чичагова, которого чуть позднее, 3 (15) февраля 1813 г. на посту главнокомандующего сменил генерал Барклай де Толли. Однако, 3-я Западная армия, не имея осадной артиллерии, как, впрочем, и необходимого количества тяжелой полевой артиллерии⁷, не могла поддержать Витгенштейна, поскольку должна была в полном составе наблюдать за крепостью Торн на левом берегу р. Висла. На 8 (20) февраля 1813 г. в ее составе находилось всего 7 342 человека, из которых 3 136 человек находились в авангарде армии под командованием генерал-лейтенанта М.С. Воронцова, расположенном с 30 января (11 февраля) в Познани⁸. Для планомерной атаки крепости, в отсутствие осадной артиллерии, Барклаю де Толли требовалось не менее 5 000 человек, но даже их у него под руками не было⁹.

Чтобы собрать нужное число войск для осады Торна, Барклай де Толли должен был бы присоединить обратно к армии отряд Воронцова, для чего Витгенштейн, в свою очередь, был бы вынужден отрядить часть своих, и без того малочисленных, войск, для занятия Познани и ее окрестностей, поскольку «пункт сей есть важнейший, на который теперь все стремление неприятеля обращалось»¹⁰. Не имея войск, русское командование пыталось штопать «Тришкин кафтан».

Положение усугублялось тем, что, окруженное со всех сторон отказами прусских войск поддержать наступление, русское командование оказалось вынужденным, подозревая пруссаков в подчинении французскому командованию, отрядить часть войск для их блокирования, в частности, полковник Ф.К. Теттенборн был «командирован с тремя казачьими полками и двумя эскадронами гусар на первый случай к Одеру между Кистрином и Штеттином к Шверину, для отрезания коммуникации прусского корпуса под командою генерала Бюлова, находящегося в Померании, от главной французской квартиры»¹¹.

Таким образом, вместо совместного с прусскими войсками наступления на р. Одер, русские войска не только не получали поддержки от своих предполагаемых союзников, или хотя бы освобождения от необходимости содержать три больших осадных корпуса против Данцига, Пиллау и Торна, но еще и были стеснены в своих оперативных мероприятиях требованиями прусских командиров и правительства

и оказывались вынужденными отряжать войска для блокирования и наблюдения прусских войск. Помимо наблюдения за войсками Бюлова, корпус Витгенштейна должен был блокировать крепость Данциг, содержать гарнизон Кенигсберга, осадить крепость-порт Пиллау и выделить войска для наблюдения за корпусом Йорка.

Корпус Витгенштейна, наименее всего из русской армии пострадавший в ходе предыдущих военных действий и подкрепленный в конце декабря 1812 г. войсками Рижского гарнизона в количестве не менее 13 тыс. человек, будучи самым крупным соединением во всей русской армии, превосходившим в 2,5 раза даже численность Главной армии, оказался «разобранном» на многочисленные отдельные части, разбросанные в начале февраля 1813 г. на протяжении сотен километров от р. Неман до р. Одер.

Поскольку конфликт между восточно-прускими властями и русским уполномоченным Штейном разрешился поражением последнего, часть корпуса Йорка перешла в Прейсиш-Голланд. В надежде, что прусские войска поддержат, наконец, русское наступление, Кутузов 27 января (8 февраля) 1813 г. предписал Витгенштейну продвинуть свой корпус в Шнейдемюль для наблюдения за Кюстрином и Штеттинном и тесной связи с Главной армией, «изначальным направлением которой является Познань и Глогау», авангард же которой уже подходил к Калишу.

Для поддержки Витгенштейна и прикрытия справа движения его войск Кутузов распорядился выдвинуть корпус Йорка из района Эльбинга и Прейсиш-Голланда в Ной-Штеттин. Он особо запретил брать войска из корпуса Йорка для блокады Данцига, а также приказал взять в авангард Витгенштейна несколько прусских эскадронов, «чтобы дать им возможность сразу же померяться силами с неприятелем»¹².

31 января (12 февраля) 1813 г. Витгенштейн послал Йорку копию письма Кутузова от 27 января (8 февраля) и выразил надежду, что он «будет любезен приказать войскам сразу же отправиться в поход и, насколько это возможно, ускорить этот марш, чтобы как можно быстрее прийти к Одери, что при теперешних обстоятельствах весьма важно»¹³.

1 (13) февраля 1813 г. Йорк написал королю о требовании Кутузова подчиниться Витгенштейну и двигаться на Ной-Штеттин. Он сообщил, что должен согласиться на это, «как бы не желал остаться еще некоторое время на этом [правом] берегу Вислы, чтобы полностью восстановить свой корпус»¹⁴.

На самом деле Йорк не торопился присоединять свои войска к корпусу Витгенштейна. 3 (15) февраля 1813 г. Витгенштейн известил Кутузова о только что полученном ответе Йорка: «Сей час получил от него письмо, в котором уведомляет, что *будто бы войска его еще не готовы* и прежде 8го числа сего месяца Вислу перейти не может, и в Шлехау и Кониц прибудет 14го; из письма же его, которое у сего в оригинале препроводить имею честь, заметно, что *это только один предлог*, а кажется, что он без повеления короля к действию приступить не хочет; также словесно отказал, и в эскадронах легкой кавалерии отправления их вперед с нашим авангардом; вверенного же мне корпуса войска придут к Коницу 8го числа. Генерал Бюлов равно до сих пор в нерешимости к соединению с нами, а я оставил у Данцига около 15 тыс. войск и теперь со мною, считая пехоту и кавалерию, имею с небольшим 20 тыс., испрашиваю покорнейше Вашей Светлости, идти ли мне к Шнейдемюлю или остановиться [поджидая] пруссаков? (Здесь и далее в цитатах курсив мой. — К.Ж.)»¹⁵. Витгенштейн открыто посетовал Кутузову, что «необходимо склонить скорее короля с нами действовать, тем более что по теперешнему теплomu времени ожидать должно, что Висла вскоре вскроется и тогда в продолжение трех недель сообщения никакого чрез реку не будет»¹⁶.

Это письмо фельдмаршал получил только 6 (18) февраля¹⁷, а накануне, еще не зная об отказе Йорка и Бюлова поддержать Витгенштейна, предписал ему двигаться в общем направлении на Берлин, предполагая переход им р. Одер. Кутузов рассчитывал силы Витгенштейна в 65 тыс. человек, включая в это число и корпуса Йорка и Бюлова¹⁸. Решение фельдмаршала о наступлении Витгенштейна и оценка его сил выглядят не просто излишне оптимистическими, но и неоправданными. Мне кажется, что такое необоснованное решение главнокомандующего могло быть вызвано только сильным давлением на него императора.

Незадолго до описанных событий, 23 января (3 февраля) 1813 г., генерал Бюлов, отступивший с частью прусских войск из Восточной Пруссии в Померанию, через М.И. Платова известил П.М. Волконского, что он «с войсками занимает окружность от Ригенвальде до Кольберга, с тем, чтобы не занимать оных мест нашими войсками»¹⁹. Больше того, полковник К.-Ф. Кнезебек, прибывший в главную императорскую квартиру в Коло 5 (17) февраля 1813 г., пользуясь «оказией», запретил Бюлову «вести наступательные действия», а только следовать фланговым маршем справа от Витгенштейна, прикрывая Штеттин от русских войск, «с тем, чтобы он (Витгенштейн. — К.Ж.) не мог обратиться на этот город, не вступив предварительно с вами в бой»²⁰. Пределом движения Бюлова назначался Шведт.

Почти одновременно через М.А. Милорадовича из Калиша 7 (19) февраля 1813 г. русскому командованию поступило «представление относительно нейтралитета одной части Шлезии». Сделавший это «представление» адъютант прусского короля полковник принц Бирон Курляндский объявил, что «линия демаркационная по желанию короля начинается от Дембиг и продолжается через селения Вирзебен, Шлауниц, Кализ, Костенблут, Гурвитц, Петерсдорф, Верздорф, Лампурздорф до Кенигсвальда. Причины же, по которым король желал бы, чтоб в ту часть Шлезии не входило российское войско, суть те, что в оной расположены разных полков их депо, в коих ожидают ремонта лошадей и пр. Французы пропустили уже 6 тыс. ремонтов лошадей, туда следующих, но могли бы захватить подобные ремонты, узнав, что российское войско заняло те места»²¹. Очевидно, что заявленным предлогом прусское правительство пыталось отстоять собственный суверенитет перед русским наступлением.

Русское командование, и до этого-то пытавшееся штопать «Тришкин кафтан» и подсчитывать в своем составе несуществующие войска, оказалось в тупике. Наступление через Силезию было невозможно ввиду ее нейтрального статуса, в результате чего Главная армия и ее авангарды оказались блокированными перед р. Одер на правом берегу. В Померании прусский корпус Бюлова препятствовал движению русской армии через нижнее течение р. Одер. Единственный корпус, имевший возможность наступать напрямую через р. Одер на Берлин, а именно Витгенштейна, не имел сил продолжать движение ввиду превосходства французских войск на левом берегу реки, сосредоточенных в районе Берлина, Штеттина, Шведта, Кюстрина и Франкфурта.

В резко изменившейся обстановке Кутузов 9 (21) февраля 1813 г. отменил свое решение, опубликованное в приказе 5 (17) февраля. В тот же день он направил А.П. Тормасову, Д.С. Дохтурову, М.А. Милорадовичу и Ф.Ф. Вицингероде распоряжения о приостановке движения войск и размещении их на квартирное расположение²². Одновременно такой же приказ был отдан и Витгенштейну, в котором в ответ на его письмо фельдмаршалу от 3 (15) февраля говорилось, что отказ Йорка поддержать Витгенштейна «побуждает меня *остановить корпус ваш на некоторое время в*

окрестностях Дризена, где имеете расположиться на кантонир-квартиры, ... *авангард ваш расположится в Ландсберге*²³. Одновременно Кутузов указывал Витгенштейну «устроить более легких партий для партизан, которые бы, перейдя Одер, нанесли страх неприятелю не только в окрестностях Берлина, но и до самой Эльбы». Вместе с тем, Кутузов разрешил Витгенштейну атаковать французские войска, которые могли оставаться на правом берегу р. Одер, и «буде найдете возможность перейти Одер, тогда следовать на Берлин, где остановиться»²⁴. Но сделать это фельдмаршал разрешал только в случае, если «*корпус генерала Йорка подошел бы к вам на соединении*»²⁵.

Об этом же 9 (21) февраля 1813 г. Кутузов написал Барклаю де Толли, сообщив, что «армии наши остаются в означенных кантонир-квартирах до того времени, *пока прусский король объявит свои войска для содействия нам*, что, конечно, должно последовать в непродолжительном времени. *Тогда гр. Витгенштейн немедленно атакует неприятеля*, если бы оный оставался на правом берегу реки Одер, или переходит по удобности за оную в направлении к Берлину»²⁶.

Остановка русской армии перед р. Одер оказалась вынужденной мерой русского командования, вызванной как недостатком сил, так и ее оперативным стеснением на левом и правом флангах, в Померании и Силезии. В обоих случаях отсутствие возможности продолжать наступление было вызвано «прусским фактором», во-первых, невозможностью нарушить нейтралитет прусской провинции и прусских войск, во-вторых, нежеланием пруссаков поддержать русское наступление. Кутузов, смирившись с вынужденной остановкой армии, использовал возникшую «оперативную паузу» для приведения воинских частей в порядок, приказывая всем «господам корпусным, дивизионным, бригадным и полковым начальникам» обеспечить отдых войск²⁷.

Остановка Главной армии на кантонир-квартиры перед р. Одер произошла 10 (22) февраля 1813 г., а ее авангардов — 12 (24) февраля. Только 26 февраля (10 марта) командирами корпусов был получен маршрутный лист для возобновления движения Главной армии, причем часть ее войск должна была упереться в крепость Глогау и начать подготовку к ее блокаде. Лишь 27 февраля (11 марта) часть корпусов перешла р. Одер²⁸. Таким образом, остановка левого фланга русской армии задержала наступление почти на три недели, в течение которых генерал Витгенштейн сумел захватить Берлин и Марку, отбросив французскую армию за р. Эльбу.

Корпус Витгенштейна, войска которого были значительно распылены и находились друг от друга на большом расстоянии, от Кенигсберга до Ландсберга, оказывался в самом неудачном положении для продолжения наступления, тем не менее это положение было заметно улучшено самим Витгенштейном, весьма старательно и последовательно усиливавшим свой корпус многочисленными легкими передовыми войсками, с помощью которых можно было, при отсутствии поддержки прусских войск и недостаточных собственных силах, вести планомерное наступление на р. Одер и далее, к Берлину.

В какой-то мере Витгенштейну повезло, что Платов 17 (29) января в очередной раз оказался отстраненным от командования казачьим корпусом, который 25 января (6 февраля) поступил в распоряжение Витгенштейна²⁹. Причем Витгенштейн еще 24 января (5 февраля) потребовал от Кутузова отменить все прежние распоряжения относительно использования казачьих полков корпуса и направить их в Ландсберг и Поммерн-Штаргард³⁰. Во-первых, вместе с казачьим корпусом в целом, в его подчинение перешел хоть и легкий, но весьма сильный отряд молодого, инициативного и

дерзкого генерал-адъютанта А.И. Чернышева, который также был нацелен на переход р. Одер и ведение военных действий в стороне Берлина³¹. Во-вторых, Витгенштейн мог укрепить легкие отряды новыми казачьими полками. В-третьих, он смог сформировать еще несколько легких отрядов, предшествовавших его авангарду, и направить их за р. Одер для дезорганизации французской обороны на левом берегу реки. В начале февраля 1813 г. им были сформированы отряды генерал-майоров И.Д. Иловайского, М.И. Родионова и А.Х. Бенкендорфа. Все они были направлены в сторону р. Одер.

В то же самое время, 24 января (5 февраля), Витгенштейн резко воспротивился переводу из его корпуса в корпус Винцингероде отряда полковника Теттенборна, о чем 20 января (1 февраля) распорядился Кутузов³². Витгенштейн весьма основательно аргументировал свой отказ тем, что «Теттенборн еще до получения сего отношения командирован от меня с тремя казачьими полками и двумя эскадронами гусар на первый случай к Одери между Кистрином и Штеттинном к Шверину, для отрезания коммуникации прусского корпуса под командою генерала Бюлова, находящегося в Померании, от главной французской квартиры, которая по уведомлению его Бюлова графа Штейнгеля посылает ему свои повеления»³³. Кутузов был вынужден оставить Теттенборна в подчинении Витгенштейна.

Теттенборн, первым перешедший р. Одер 4 (16) февраля в м. Целлин, в тот же день попросил Витгенштейна «повелеть авангарду армии, Высочайше вам, сиятельнейший граф, вверенной, поспешить переправою своею через Одер, дабы я имел возможность иметь сообщение с ним»³⁴. Вслед за ним, 5 (17) февраля в Целлине перешел р. Одер отряд Чернышева, а 9 (21) февраля у м. Гюстебизе — отряд генерала Бенкендорфа.

Между тем, авангард корпуса Витгенштейна под командой генерал-майора Н.Г. Репнина (Волконского), несмотря на обращение Теттенборна, был еще довольно далеко от р. Одер и имел на то время другие задачи. 5 (17) февраля генерал Репнин, находившийся еще в Прейсиш-Фриланде³⁵, донес Витгенштейну, что «по донесению ко мне генерал адъютанта Чернышева от 2го февраля, что неприятель сбил его посты в Цирке и Бирнбауме, я полагаю, что неприятель стягивает все свои войска к Одери в намерении перейти чрез оной, почему по прибытии моем в Шнейдемюль я уже более кавалерию свою не направлю чрез реку Нетце, а расположу ее к стороне Филена, связавшись со всеми передовыми отрядами, дабы в случае нужды дать им подкрепление, а им предложу теснить сколь возможно неприятеля при переправе чрез Одер»³⁶.

Для Витгенштейна ситуация, описанная Репниным, меняла все дело. Возможность движения его авангарда к Филену означала и свободное продвижение самого его корпуса в сторону р. Одера. 6 (18) февраля Витгенштейн уже весьма оптимистично рассматривал перспективы своего наступления. В этот день авангард его корпуса находился во Флатове, а кавалерия выдвигалась к Филену, «дабы иметь связь со всеми передовыми отрядами и в случае нужды дать им подкрепление»³⁷. Вместе с тем, Репнин в какой-то мере опасался того, что командующий французской армией итальянский вице-король Е. Богарне мог остаться на правом берегу р. Одер в силе до 35 тыс. человек и блокировать русское наступление³⁸. Наиболее опасным пунктом в системе русского наступления казался город Мезериц, где еще оставалось до 3 тыс. французских войск во главе с вице-королем.

7 (19) февраля Витгенштейн предписал Репнину «немедленно следовать из Шнейдемюль к Ландсберху и постараться сколько возможно действовать неприятелю во фланг и в тыл за Варте; чрез сие движение я надеюсь, что мы в скором времени по

сю сторону Одера уже неприятеля иметь не будем; кн. Репнин с авангардом сего дня выступает из м. Шнейдемиль», в то же время он категорически предписал Репнину вместе с корпусом Воронцова, находившимся в Познани, «действовать совокупно на неприятеля, при м. Мезерице находящегося»³⁹. Сам Витгенштейн со своим корпусом предполагал быть в Шнейдемюле 12 (24) февраля.

Однако Ландсберг был вновь занят отступавшими от Познани французскими войсками. В силу этого 7 (19) февраля Репнин направил отряд полковника Ф.В. Ридигера наблюдать за Кюстриным, в Филене уже располагались его пехота и артиллерия⁴⁰, а сам Репнин оставался на месте для наблюдения за Ландсбергом и Мезерицем⁴¹.

Между тем, в тот же самый день вице-король эвакуировал Мезериц, отступив на Франкфурт, о чем 11 (23) февраля Барклай де Толли известил Витгенштейна⁴². 12 (24) февраля авангард Репнина выступил из Шнейдемюля к Ландсбергу⁴³, который на следующий день занял⁴⁴. Вся правая сторона р. Одер оказалась уже полностью очищенной от французских войск, почему корпусу Витгенштейна была открыта дорога на Ландсберг, а оттуда, по усмотрению, к любой точке переправы через реку. 14 (28) февраля Репнин приступил к постройке моста недалеко от Целлина, который предполагал завершить к 18 февраля (2 марта)⁴⁵.

Активное продвижение войск Витгенштейна в то время, когда вся русская армия оставалась на квартирном расположении, не могло быть не замеченным другими участниками событий. 9 (21) февраля, когда стало известно об оставлении французскими войсками Мезерица и Ландсберга, генерал Е.И. Чаплиц писал Барклаю де Толли, что было бы «почесть за нужное и полезное, оставив только малую часть для обеспечения г. Познани, подвинуть нас или часть какую до Франкфурта, то бы мы могли очистить сей пункт; Мендзырижич уже оставлен в четверг вице-королем, а в пятницу всеми войсками. *От в. выс-пр-ва зависит дать нашим войскам направление*». Чаплиц издалека, весьма культурно мотивировал свое предложение тем, что «магазины в местах партикулярных будут недостаточны нигде, если мы должны некоторое время быть на месте без движения»⁴⁶.

Барклай де Толли, уязвленный, видимо, подобными намеками, написал Кутузову почти донос, в котором указал фельдмаршалу на самоуправство Витгенштейна: «Из полученного мною сейчас и прилагаемого у сего письма ваша светлость усмотреть изволите, что *ген. от кав. гр. Витгенштейн со всеми войсками своими переходит за Одер, не ожидая содействия Короля Прусского, упоминаемого в повелении вашей светлости от 9-го сего февраля*»⁴⁷. Тем не менее, Барклай де Толли был вынужден согласиться играть второстепенную роль при Витгенштейне и направить корпуса Воронцова и Чаплица на блокаду Кюстрина⁴⁸.

Самовольно продвигая вперед свои передовые отряды, авангард и фактически весь корпус, Витгенштейн, имея на руках приказы главнокомандующего от 5 (17) и 9 (21) февраля, в рапортах ему без зазрения совести ссылался на его распоряжение от 27 января (8 февраля) 1813 г., в котором тот предписывал Витгенштейну двигаться на Шнейдемюль⁴⁹. Однако подобный анахронизм не встретил у светлейшего возражений. Желая развязать себе руки, Витгенштейн даже осмелился давать указания Кутузову, требуя от него перенаправить корпуса Воронцова и Чаплица из армии Барклая де Толли на блокирование Кюстрина⁵⁰, в то же время самолично пытался приказать Бюлову блокировать Штеттин⁵¹. Нетерпение Витгенштейна заставляло его настойчиво досаждать Кутузову советами привлечь на свою сторону прусского короля⁵². Это было лейтмотивом всех его писем главнокомандующему.

Извещая Кутузова о движении авангарда и всего корпуса, Витгенштейн, для того, чтобы согласовать свои действия с требованиями фельдмаршала от 9 (21) февраля, сообщал ему об изменении намерений генералов Йорка и Бюлова. 11 (23) февраля он докладывал фельдмаршалу, что на встрече с прусскими генералами 10 (22) февраля в Конице «наклонил их решиться самими собою, хотя они еще до сих пор от короля повеления на то не имеют, чтобы следовать колоннами их не за мною, но прямо к Одере по маршрутам у сего представленным, из которых Ваша Светлость усмотреть изволите движение и моих войск и что к 24^{мв} числу сего месяца все колонны будут у Одера; по прибытии же туда тотчас займусь строением переправ, где за удобнейшее найду, и коль скоро совсем решится действовать с нами, переправясь чрез сию реку и оставя нужное число для блокады Кистрина и Штетина, пойду вперед на Берлин по повелению Вашему ко мне от 9^{мв} сего февраля данному»⁵³.

Витгенштейн в данном рапорте, ссылаясь уже не на устаревший приказ Кутузова от 27 января (8 февраля), а на приказ на остановку движения от 9 (21) февраля, присваивал себе формальное право двигаться на Берлин, оговоренное в упомянутом приказе только при категорическом условии присоединения к корпусу Витгенштейна корпуса Йорка. В рапорте фельдмаршалу он говорит только о согласии прусских генералов двигаться к р. Одер. Но те буквально совершали это движение с момента их выхода из Кенигсберга, двигаясь на запад, т.е. формально в сторону р. Одер. А ведь суть вопроса состояла в том, присоединятся ли оперативно или тактически прусские войска к Витгенштейну, т.е. вступят ли в вооруженное противостояние с французскими войсками для непосредственной поддержки русских войск?

Ответ на этот вопрос продолжал оставаться отрицательным на момент написания рапорта Витгенштейна фельдмаршалу 11 (23) февраля 1813 г. Фактически Витгенштейн вводил в заблуждение Кутузова для прикрытия своего неповиновения приказу 9 (21) февраля 1813 г. Ни русско-прусского соглашения в тот момент не существовало, ни положительных приказов прусского короля не было отдано Йорку и Бюлову, а ведь именно такой приказ выдвигался ими в качестве единственного аргумента при отказе присоединиться к русскому корпусу.

Корпус Йорка перешел двумя колоннами р. Висла при Диршау и Мариенвердере только 5 (17) февраля 1813 г. и двинулся в направлении на Шлохау, куда Йорк предполагал прибыть 15 (27) февраля⁵⁴. Однако, невзирая на русские увещания, 6 (18) февраля 1813 г. Йорк все же известил Витгенштейна о своем решении двигаться только до Шлохау, где он «все-таки будет ожидать распоряжений короля»⁵⁵. Таким образом, ссылка Витгенштейна в рапорте Кутузову 11 (23) февраля на согласие прусских генералов поддержать его наступление была фальсификацией, прикрывающей его самовольное движение и продвижение его авангарда вперед, на Берлин. Престарелый фельдмаршал, в свою очередь, видимо, «обманываться был рад». Мотивом действий Витгенштейна, с моей точки зрения, было пожать лавры освободителя Пруссии в момент, когда сделать это было фактически безопасно с военной точки зрения.

План Витгенштейна полностью удался. 13 (25) февраля Репнин направил поручика Искюля для сбора материалов и постройки наплавного моста в Гюстебизе, недалеко от Целлина, сооружение которого закончилось 16 (28) февраля⁵⁶. На следующий день Репнин со своими войсками там же перешел р. Одер, откуда сначала двинулся к Врицену, а затем — к Вернойхену, в 20 километрах от Берлина⁵⁷. 14 (26) февраля была установлена оперативная связь между легкими отрядами, окружавшими со всех сторон Берлин, и

авангардом Репнина. 15 (27) февраля Теттенборн уже просил у Репнина подкрепления из 2 казачьих полков и 2 орудий⁵⁸, а 17 февраля (1 марта) Чернышев сообщал Витгенштейну, «что по сближении нашей пехоты французы поспешат оставить Прусскую столицу»⁵⁹.

Переход авангарда Репнина через р. Одер решил участь Берлина и Пруссии. «Маршал Сен-Сир, едва узнав, что сделан мост чрез реку Одер при Гистебюзе, несколько часов позже уже получил известие, что пехота нашего авангарда расположилась перед Вернейхиным в двух с половиной милях от Берлинских ворот; сия быстрота войск наших решила судьбу Прусской столицы, ибо неприятель, не имея времени к получению достоверных известий, полагал, что мы, конечно, с всеми превосходными силами переправились за Одер»⁶⁰. Репнин приказал всем легким отрядам сблизиться к Берлину, куда выдвинулась и вся его кавалерия. Французские войска, которые уже в течение нескольких дней эвакуировали город, в ночь с 19 февраля (3 марта) на 20 февраля (4 марта) окончательно покинули столицу Пруссии.

В ту же ночь генерал Чернышев получил записку прусского министра Штеймана, в которой тот извещал русских, что французские войска очистили город. Чернышев переслал записку Репнину, а сам с остальными легкими отрядами вступил в город в 6 часов утра 20 февраля (4 марта) 1813 г.⁶¹ Несколько часов спустя в него вошли и войска авангарда Витгенштейна⁶². Главная квартира Витгенштейна располагалась в тот момент в Ландсберге, примерно в 120 километрах от своего авангарда, она прибыла в Берлин спустя неделю, 26 февраля (10 марта).

В то же самое время, когда войска Витгенштейна вступили в столицу Пруссии, корпус Йорка находился в Меркиш-Фридланде, почти в 250 километрах от Берлина. Только 22 февраля (6 марта) он получил долгожданный приказ Фридриха-Вильгельма от 16 февраля (1 марта) из Бреслау о вступлении Пруссии в союз с Россией, а также распоряжение Шарнгорста от 19 февраля (3 марта) из Калиша о присоединении его к русским войскам⁶³. Выступив в тот же день из Арнсвальда, он направился прямо на Берлин, куда прибыл только 5 (17) марта, т.е. через две недели после его освобождения русскими войсками⁶⁴.

Изучение обстоятельств и хода военных действий в начале февраля 1813 г. позволяет прийти к заключению, что наступление русской армии, продолжавшееся несколько месяцев непрерывно, начиная с Малоярославецкого сражения, было 9 (21) февраля остановлено ввиду неблагоприятных обстоятельств, сложившихся к тому времени на театре военных действий. Собственно говоря, в тот день и закончилась Отечественная война 1812 года, как отдельная кампания.

Однако, несмотря на приказ главнокомандующего, новое наступление русской армии было спровоцировано Витгенштейном, настойчиво продвигавшим свои войска вперед, сначала к р. Одер, а затем и за нее. Все лавры удачного наступления полностью принадлежат ему: организация многочисленных легких отрядов, опутавших и дезорганизовавших неприятельскую оборону, активное продвижение вперед за легкими отрядами своего авангарда, и, наконец, «информационное прикрытие» своего неповиновения главнокомандующему, заключавшееся в посылке ему не совсем достоверных сведений, которые, тем не менее, позволили избежать со стороны командования «организационных выводов»⁶⁵. Витгенштейн в данном случае оказался победителем, которого не судят.

Изучение полководческой деятельности П.Х. Витгенштейна в январе—феврале 1813 г. показывает, что проявленные им инициатива, изобретательность и настойчи-

вость привели к новому успешному наступлению русских войск. Это, без сомнения, сыграло главную роль при назначении его в будущем главнокомандующим союзными армиями.

Примечания

- ¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. Ч. 1. СПб., 1840. С. 61—85.
- ² Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии. Т. 1. СПб., 1863. С. 54—75.
- ³ Сапожников А.И. Освобождение русскими войсками Берлина в феврале 1813 г. // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 5. СПб., 2011. С. 212—225.
- ⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 62.
- ⁵ Там же. Л. 95—96.
- ⁶ Там же. Л. 91.
- ⁷ Из тяжелой полевой артиллерии во всей армии находились только шесть полупудовых единорогов и шестнадцать 12-фунтовых пушек, из которых часть была «средней пропорции, мало превосходящих в действии шестифунтовых орудий», которыми, по словам М.Б. Барклая де Толли, «ничего важного произвести не можно».
- ⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 143 об—144.
- ⁹ Там же. Л. 143 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 144. Среди перехваченных Ф.К. Теттенборном французских бумаг находился маршрутный лист вышедших из Берлина 28 января (9 февраля) 1813 г. главной квартиры и 2-й бригады 35-й дивизии, из которого следовало, что первая прибудет в Познань 5 (17) февраля 1813 г., а вторая 8 (20) февраля 1813 г., т.е. в тот самый день, когда М.Б. Барклай де Толли писал цитированные выше строки (Там же. Л. 103, 106).
- ¹¹ Там же. Д. 3903. Л. 330—330 об.
- ¹² Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 49—50; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. М., 1956. С. 187—188. В отряд полковника Ф.К. Теттенборна должен был быть отправлен эскадрон Гусарского № 3-го полка под командой майора Й.-Г. Шилля в надежде, что воспоминания о его брате Фердинанде соберут новый добровольческий корпус. Шилль получил приказ двигаться на Шведт на р. Одер, соединиться там с Теттенборном и участвовать в его дальнейших операциях. Однако, Г. Йорк отменил приказ Шиллю и отказался придать русским войскам хотя бы несколько эскадронов легкой кавалерии. (*Droysen J.G.* Das Leben des Feldmarschalls Grafen York. Bd. 2. Berlin, 1852. S. 71).
- ¹³ Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bd. 1. Bearb. von [A.] Holleben. Berlin, 1904. S. 79—80.
- ¹⁴ Ibid. S. 80.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 61—62.
- ¹⁶ Там же. Л. 62.
- ¹⁷ Там же. Л. 61.
- ¹⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 226.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 280—280 об.
- ²⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии... С. 61.
- ²¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 84—85.
- ²² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 248, 251.
- ²³ Там же. С. 252.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 257.
- ²⁷ Там же. С. 282—283.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3449. Л. 23 об—24.
- ²⁹ Там же. Д. 3903. Л. 324—324 об.
- ³⁰ Там же. Л. 324 об.
- ³¹ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 3. Пг., 1917. С. 154.
- ³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 330—330 об.
- ³³ Там же. Л. 330.

- ³⁴ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 3. С. 182.
- ³⁵ Так город назван в рапорте самого Н.Г. Репнина. На почтовой карте Д.Ф. Зоцмана он именуется как Меркиш-Фридланд.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 В. Св. 45. Д. 2. Л. 163—163 об. 6 февраля 1813 г. П.Х. Витгенштейн до-нес об этом М.Б. Барклаю де Толли и М.И. Кутузову (Там же. Л. 164 об.).
- ³⁷ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 98—99 об.
- ³⁸ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 3. С. 184—185.
- ³⁹ Там же. Т. 2. Пг., 1916. С. 79.
- ⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 189—190.
- ⁴¹ К Берлину вели две главные дороги. Первая из них, большая почтовая дорога из Кенигсберга в Берлин, шла почти напрямую с северо-востока на юго-запад, по диагонали пересекая Восточную и Западную Пруссии и Новую Марку. От Кенигсберга на ней находились последовательно города, которые проходили войска П.Х. Витгенштейна: Эльбинг, Штаргардт, Кониц, Флатов, Шнейдемюль, Филене, Дризен, Ландсберг, Кюстрин, Берлин. Вторая представляла собой большой почтовый тракт из Варшавы в Берлин, шла напрямую с востока на запад, и на ней располагались города Познань, Пинне, Мезериц, Франкфурт. Дороги пересекали р. Одер, первая в Кюстрине, вторая во Франкфурте. Кюстрин, Франкфурт и Берлин образуют остроконечный равнобедренный треугольник с вершиной в Берлине. Таким образом, Ландсберг и Мезериц оказывались последними пунктами, где можно было оказать сопротивление русским войскам на правом берегу р. Одер. Поскольку Кюстрин сел в осаду, а во Франкфурте, Ландсберге и Мезерице до последнего держались французские войска, все эшелоны русского наступления: легкие отряды, авангард Н.Г. Репнина и корпус Витгенштейна сворачивали в Ландсберге на север и переходили р. Одер на полпути между Кюстрином и Шведтом, в районе Целлина. Обе дороги на протяжении почти 200 км разделены течениями р. Варта и ее притока р. Нетце.
- ⁴² Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 1. СПб., 1914. С. 40.
- ⁴³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 285, 286.
- ⁴⁴ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 212—225.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 283—284.
- ⁴⁶ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 2. С. 81.
- ⁴⁷ Там же. Т. 1. С. 47—48.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии... С. 49—50; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 187—188.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 238 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 347.
- ⁵² Там же. Л. 61, 190 об, 238, 347.
- ⁵³ Там же. Л. 214—214 об.
- ⁵⁴ Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bd. 1. S. 80. Йорк покинул Кенигсберг только 7 (19) февраля 1813 г. Он оставил в качестве своего заместителя генерала Ф. Массенбаха. Одновременно полковник Г.Ф. Белов должен был в Кенигсберге, в тылу русских войск, формировать резервные батальоны, а майор Ф.К.Л. Лендорф организовывать ландверный кавалерийский полк.
- ⁵⁵ Ibid. S. 80.
- ⁵⁶ [Prittitz und Gaffron K.] Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813, von einem höhern Offizier der preussischen Armee. Bd. 1. Potsdam, 1843. S. 211.
- ⁵⁷ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 212—225.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3904. Ч. 1. Л. 88—89 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 92—93 об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 3907. Л. 370—371 об.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bd. 1. S. 141—142.
- ⁶⁴ [Prittitz und Gaffron K.] Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813... Bd. 1. S. 208.
- ⁶⁵ Напомню, что только что были сняты с командования отдельными корпусами с отзывом в Главную квартиру светлейшего генерал от кавалерии М.И. Платов (17 (29) января) и генерал-лейтенант Ф.В. Остен-Сакен (27 января (8 февраля)).

Раздел II
Россия эпохи
наполеоновских войн:
люди и события

«Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года»

Тема статьи и выбор для ее названия слов писателя князя П.А. Вяземского обусловлены тем, что в 2012 г., объявленном Президентом Российской Федерации «годом российской истории», усиливается внимание не только к прошлому и его взаимосвязям с настоящим и будущим, но и к тому, как добываются и распространяются исторические знания, каковы приемы работы историка и взаимодействие исторической науки с другими науками и сферами общественного сознания.

В России первичное возбуждение всеобщего интереса читающей публики к истории своей страны было связано с изданием книг «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина. Первые восемь из двенадцати томов вышли в свет в 1818 г., когда и в России, и за ее пределами все находилось под впечатлением развала наполеоновской империи, началом конца которого стало поражение французского императора в Отечественной войне 1812 года.

Наполеон был гениальным полководцем, выдающимся государственным деятелем, образ которого формировал во всем мире представление о том, чего можно достигнуть личным дарованием, энергичной целеустремленностью, умелым отбором соратников в военных начинаниях и советников в государственных преобразованиях. Он потерпел поражение, поскольку переоценил свои возможности, начав войну недостаточно осведомленным о потенциале России и образе поведения россиян. И потому события эти побуждали к размышлениям о том, почему именно России оказалось по силам положить предел экспансии наполеоновской империи на территории других стран, какова ее роль в событиях мировой истории, что предшествовало в нашем прошлом таким победоносным свершениям? Путь развития России в большей мере, чем прежде, стал рассматриваться в общемировом контексте. А поскольку многие россияне, и прежде всего армейская молодежь, ознакомились с обиходом общественной жизни и культуры Западной Европы, то они стали сопоставлять узнанное там с российским настоящим и прошлым. Тогда учащенно быстро развивалось национальное самосознание.

Выход в свет именно в ту пору книг «Истории государства Российского» Карамзина заметно воздействовал на общественные воззрения, на стиль воспитания образованности у россиян, на формирование представлений об отечественных исторических традициях; сразу же существенно расширились возможности дальнейшего исследования нашего прошлого учеными и установления его взаимосвязей с настоящим и будущим, а также обращения к российской истории в произведениях художественной литературы и искусства.

В автобиографических записках 1828 г. А.С. Пушкин показал впечатление первых читателей от «Истории» Карамзина (исследователи полагают, что это повторение мемуарных записей 1822 г., уничтоженных автором при известии об аресте декабристов): «Это было в феврале 1818 года. Первые 8 томов Русской истории Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, три тысячи экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам

Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для всех новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили»¹. Наблюдение Пушкина о «сильном впечатлении» первых читателей от «Истории» Карамзина подтверждается также многими другими свидетельствами того времени.

9 ноября 1836 г. П.А. Вяземский написал А.И. Тургеневу: «Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в Двенадцатом годе»².

А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, семья Карамзиных — все они из небольшого дружеского круга тесно связанных между собой образованных аристократов, близких друг к другу по общественно-политическим интересам и литературным пристрастиям. Суждения Вяземского о значении «Истории» Карамзина сходны с суждениями Пушкина 1820-х гг. В этом кругу «литераторов-аристократов» (как обозначил его Пушкин) устойчиво придерживались суждений (мнений и оценок) об «Истории государства Российского», сложившихся у них еще при жизни историографа. Пушкин, написав по возвращении из ссылки в 1826 г. по заданию царя записку «О народном воспитании», утверждал: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским... Изучение России должно будет преимущественно занять и в окончательные годы (т.е. в последние годы обучения — С.Ш.) умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренне и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений»³. Показательно употребление дважды определения «подвиг» и к оценке труда Карамзина, а, следовательно, и его направленности, и к направленности, желанной для государственной деятельности! В.А. Жуковский сделал положения «Истории» Карамзина главными не только в обучении наследника престола истории, но и в воспитании его общественного сознания⁴.

В аспекте данной статьи важное значение имеет наличие в словах Вяземского прямого сравнения содеянного Карамзиным для познания прошлого России с содеянным Кутузовым для настоящего и будущего страны. Столь выразительная ассоциация была вызвана, прежде всего, происходившим в общественной жизни в середине 1830-х гг., в преддверии 25-летия победы в Отечественной войне 1812 года: в 1834 г. в Санкт-Петербурге была открыта Александровская колонна, готовились к празднованию годовщины битвы на Бородинском поле и к закладке на новом месте храма Христа Спасителя, задуманного как памятник победы над Наполеоном, появился уже основной массив воспоминаний участников войны 1812—1814 гг. (не все, конечно, публиковалось, но стремление составить такие мемуары владело умами)⁵. Возбужденная память о событиях тех славных лет вызывала тогда их образ в сочинениях писателей. Самое замечательное из этих сочинений «Бородино» М.Ю. Лермонтова, написанное в 1836 г., закрепилось в сознании и как эталонное определение восприятия событий 1812 года, и как образец «народного воспитания» историей, по выражению А.С. Пушкина.

Карамзин сосредоточился на работе по подготовке многотомной отечественной истории с 1803 г., но осознание необходимости создания такого труда, который стал бы привлекательным как для соотечественников, так и для иностранцев, и не уступал бы лучшим образцам современных зарубежных сочинений по истории, пришло к нему еще

в начале его литературного пути. И потому проблемы превращения писателя в историка и литературно-художественное мастерство как существенная и показательная особенность Карамзина-историографа привлекали многих литературоведов и историков. Значительные работы на данные темы в последние десятилетия были созданы Ю.М. Лотманом, Н.Я. Эйдельманом, В.П. Козловым, Г.П. Макогоненко, Н.Д. Кочетковой, Л.А. Сапченко, Ю.С. Пивоваровым, Д.П. Николаевым. Приходилось об этом писать и мне⁶.

К тому времени в представлении читающей России распространилось уже понимание того, что отечественность должна быть первым предметом нашей литературы. В литературе, как и в изобразительном искусстве, все более заметной становилась тематика отечественной истории давних лет. Постепенно все более расширялся и круг лиц, заинтересованных в познании отечественной истории, особенно местной.

До Карамзина некоторые образованные аристократы уже занимались написанием многотомной истории своего отечества на основании изучения многообразных исторических источников: во второй четверти XVIII в. — В.Н. Татищев, «пленец Петров», зодчий многих наук в России, в последней трети XVIII в. — князь М.М.Щербатов, видный публицист и государственный деятель. Интересно, что у обоих авторов изложение обрывается при изложении событий Смутного времени начала XVII в. (как позднее и в «Истории» Карамзина). Но Карамзин был первым автором, к чьему труду по отечественной истории проявилось внимание широкого читателя, воспринявшего его и как высшее в ту пору достижение нашей художественной литературы. «История» Карамзина так сильно повлияла на историческое сознание россиян, и особенно на формирование представлений о событиях и лицах отечественной истории, что стала их основой на протяжении столетия, а затем и в среде российской эмиграции.

Восприятие «Истории государства Российского» первыми читателями объясняется и обстоятельствами российской общественной жизни тех лет, и тем, что в Карамзине наблюдается счастливое совмещение дарований мыслителя и писателя, а также редкостной образованности и любознательности, чуткого ощущения склонностей и вкусов читательской аудитории; он обладал опытом знакомства и с традициями русской культурной среды, и с культурным обиходом европейского зарубежья, который старались освоить образованные россияне той эпохи.

Среда общавшихся с его отцом помещиков Симбирской губернии, где провел юные годы Карамзин, не походила на Скотининых и Простаковых фонвизинского «Недоросля». Талантливый сатирический гротеск этой комедии не следует принимать за типологическое изображение всех, кто владел крепостными. Не забудем, что сверстниками Митрофанушки были и родители, воспитавшие декабристов, Пушкина и его друзей. В автобиографической повести Карамзина «Рыцарь нашего времени» отмечается, что «словоохотливые беседы» и «анекдоты старины» знакомых его отца помогали мальчику набраться «духа русского и благородной дворянской гордости», а знакомство с романами из книг библиотеки матери образовывали «ум и чувство», и душа его плавала «в свете книжном как Христофор Колумб на Атлантическом море, для открытия... сокрытого». (Не под впечатлением ли этого текста 1802 г. памятный Пушкин, пораженный лицеистов познаниями в современной русской литературе, сравнит позднее самого Карамзина с Колумбом?) Чтение, заключает Карамзин, было весьма важно для «образования в нем нравственного чувства»⁷.

С тринадцати лет Карамзин обучался в пансионе профессора Московского университета Шадена, имевшего широчайшее по тому времени немецкое гуманитар-

---

ное образование и преподававшего многие предметы. Особое значение он придавал «нравственной философии» как «науке образования нравственности и совести». После недолгой службы в Петербурге, в гвардии, и краткого пребывания в Симбирске Карамзин снова оказывается в Москве. В нем уже тогда видели глубоко и самостоятельно мыслящего человека, одаренного и разностороннего литератора-поэта, прозаика, переводчика и умелого практика журналистской работы.

В мае 1789 г. — сентябре 1790 г. Карамзин знакомился с зарубежьем: побывал в германских государствах, Швейцарии, Франции, Англии, задерживаясь преимущественно в больших городах. Он посещал примечательные места, театры, научные заседания, музеи, наблюдал общественную жизнь (в Париже бывал и в Национальном собрании, и в революционных клубах), знакомился с местными изданиями и приобретал их. Беседовал с известными людьми — прежде всего с философами, литераторами, учеными. Зарубежные наблюдения и вызванные ими размышления запечатлены в «Письмах русского путешественника», печатавшихся первоначально в номерах основанного им «Московского журнала» (в 1791—1792 гг. популярнейшего в России издания). «Письма» должны были показать и представления россиянина о Западной Европе, и то, каким кажется образованный россиянин западноевропейцу. В этом художественно-публицистическом сочинении философской направленности Россия рассматривается как страна европейской культуры.

В «Письмах» прослеживается особый интерес к истории. Знаменательно рассуждение о том, каким должно быть сочинение об истории России, интересное как соотечественникам, так и «чужестранцам», и на труды каких знаменитых историков древности (названо имя древнеримского историка-моралиста Тацита) и недавнего времени должен равняться автор такого сочинения: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикой (соответственно современным понятиям — научно-исследовательской методикой. — С. III.), с благородным красноречием... Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить... Все черты, которые означают свойства народа Русского, характер древних наших Героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий — Владимир; свой Людовик XI — царь Иоанн; свой Кромвель — Годунов и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже Истории человечества»⁸. Большинство первых читателей написанного Карамзиным полагали тогда, что «занимательное» для них в истории России начинается лишь со времени Петра I. В этом «письме» из Парижа, датированном 1790 г., Карамзин, по существу, прямо вторит вступлению к книге величайшего российского мыслителя XVIII в. М.В. Ломоносова «Древняя российская история», вышедшей в 1766 г. (где изложение доведено до 1054 г. — времени кончины Ярослава Мудрого): «Всяк, кто увидит в Российских преданиях разные дела и Героев, Греческим и Римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым Греческие и Латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»⁹.

Написанное Ломоносовым и Карамзиным — это декларация о всемирно-исторической значимости истории «народа русского» и заявление о желании найти силы для написания «хорошей Российской истории», не уступающей научными и литературно-художественными достоинствами лучшим современным образцам. И, занятый

многообразной литературной деятельностью как автор и как редактор, Карамзин не отступает от своего намерения, все более обогащаясь изучением источников российской истории и овладевая новейшей зарубежной методикой источниковедения и археологии (если употреблять принятую ныне терминологию).

В 1802—1803 гг. в издаваемом им журнале с показательным названием «Вестник Европы», ставшем родоначальником литературно-политических журналов в России, Карамзин в своих художественных и публицистических сочинениях не раз обращается к прошлому России, к тому, что и как воспринимают из него современники. К тому времени Карамзин обрел уже устойчивые философские и политологические представления и немалый опыт размышлений, сопоставляя прошлое и настоящее России и других стран. Возросший на идеях Века Просвещения, Карамзин был приверженцем для России политики просвещенного абсолютизма, но убежденно опирающимся при этом на понятия о «нравственном законе» и о роли просвещения, как основах исторического прогресса.

31 октября 1803 г. императорским указом Карамзин был назначен историографом «для сочинения полной истории Отечества нашего» с древнейших времен и получил право доступа к материалам всех хранилищ, необходимым для такой работы. (В XIX в. под историографией понимали само описание прошлого, исторических «деяний», и Карамзин называл себя потом «дееписателем»; в наше время термином историография обозначают отрасль исторической науки, изучающую ее историю, а также совокупность предшествовавших исследований определенной исторической тематики).

В ту пору сочинение историка, доступное по изложению широкому читателю, не казалось отъединенным от остальной литературы. В Древней Греции одной из девяти муз была Клио — муза искусства повествования о прошлом, покровительница истории. То, что виднейший писатель, автор самого популярного тогда произведения русской прозы — повести «Бедная Лиза» (принесшей ему еще в начале 1790-х гг. всероссийскую славу) становится историком, представлялось тогда естественным. И Карамзин, конечно, предвидел то, что от него ожидают сочинения по истории, написанного с присущим ему литературным мастерством, не уступающего прежним произведениям ни в занимательности и изобразительности, ни в чувствительности и психологизме, ни в побуждении к дальнейшим размышлениям. Историограф и сам рассматривал многотомное сочинение, к созданию которого он приступал, как художественно-литературное произведение, а «психологизм для Карамзина» (как справедливо отметил Н.Л. Рубинштейн) «не только средство объяснения фактов, но и самостоятельная литературная тема, характер литературного стиля»¹⁰.

Карамзин неизменно продолжал ощущать себя писателем-художником слова, влияющим, по определению Пушкина, на «публику, им образуемую». Это монументальное новое сочинение призвано было утвердить представления о путях развития современной русской литературы и современного языка — литературного и разговорного. И потому не только предшествовавшую литературную деятельность Карамзина, но всю его биографию и жизненные наблюдения можно рассматривать как подготовку к созданию «Истории государства Российского».

Историограф так определял свои намерения в письме к императрице Елизавете Алексеевне, с которой у него сложились доверительные отношения: «Я писал с любовью к отечеству, ко благу людей в гражданском обществе и к святым уставам нравственности»¹¹. Убежденный в том, что «каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю» (как утверждается в «Предисловии»), Карам-

---

зин впитал в себя основные элементы отечественных традиционных представлений, восходящих к нравственно-религиозным, унаследованным еще от допетровского времени. Это во многом способствовало тому, что его «История» оставалась в дореволюционной России доступна людям разных сословий и стала распространенным семейным чтением, привлекательным и для детей школьного возраста.

В то же время «История» Карамзина — сплав таких представлений с достижениями западноевропейского «Века Просвещения». А образованная часть русского общества тогда воспитана была в пансионах иностранцев, дома — иностранцами-гувернерами и боннами (вспомним о книгах, читавшихся Евгением Онегиным и Татьяной Лариной, ровесниками первых молодых читателей томов «Истории» Карамзина). А.И. Тургенев охарактеризовал в своем дневнике Карамзина как «единственного полного представителя не нашего, но европейского просвещения в России, соединенного в нем с познанием всего отечественного, познанием, коему можно уподобить только одну любовь его»¹².

Свое понимание значения знания о прошлом и тяги к такому познанию историограф выразил в «Предисловии» к «Истории государства Российского». Карамзин, можно полагать, придавал особое значение «Предисловию», о котором Пушкин уже в 1830 г. писал, как о «столь много критикованном и столь же мало понятом»¹³. Между тем, ему уделялось явно недостаточное внимание в специальных историографических трудах, особенно в изданных после 1917 г. «Предисловие», написанное тогда, когда Карамзин готов был передать в типографию первые восемь томов «Истории государства Российского» (оно датировано 7 декабря 1815 г.), отражает не только намерения историографа, приступившего к созданию такого фундаментального труда, но и результат его многолетних размышлений в период этой работы, относящихся к проблематике тех сфер исторического знания, которые ныне определяем как «источниковедение» и «историография». По существу, это — программное сочинение, можно сказать, даже методологический манифест историографа: причем обращенный одновременно и к приобщающимся к познанию истории, и к тем, кто уже был занят размышлениями о ходе истории и путях ее изучения. Конечно, в нем явственно заметна «политико-назидательная тенденция», характерная и для всех томов «Истории», но несправедливо было бы преимущественно к ней сводить основное содержание текста, предвещающего многотомный труд.

Главный смысл познания прошлого Карамзин видел в извлечении из него уроков для настоящего и будущего, в нравственно-воспитательном и просветительском назначении истории как для обладающих высокой властью и возможностью руководствоваться этим в политике, так и для общества в целом. Именно такое убеждение глубокомысленно выражено в самых первых фразах «Предисловия» к «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах... Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках, ... она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»¹⁴.

В «Предисловии» указывается на различия трех «родов истории», обусловленные особенностями источниковой базы в зависимости от времени, отделяющего

годы создания исторического сочинения от описываемых событий. Подчеркивая различие «Дееписания» от «Поэмы», он формулирует «неизменные правила» источниковедческого подхода к историческому построению и изображению. Описывать прошлое следует только, исходя из данных, запечатлевшихся в дошедших до нас памятниках. Карамзин считал необходимым отметить значимость сделанных им «примечаний и выписок», которые служат «иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением» и призваны убедить в достаточной «достоверности» изложения. «Предисловие» написано в несколько высокопарном стиле, характерном для риториков той эпохи, но это соответствовало понятиям об эстетических нормах того времени: «Прекрасное должно быть величаво», — формулировал Пушкин¹⁵.

Вслед за «Предисловием» помещены замечания «Об источниках российской истории до XVII века». Написаны они в иной литературной манере, в той же традиционно научной, что и «Примечания», завершается этот текст словами: «Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики». Карамзин показал себя и «критиком» исторической мысли, знатоком зарубежных и отечественных исторических трудов, т.е. историографом в современном истолковании этого термина. Он кратко обосновал (оспаривая мнение Шлецера — авторитетнейшего на рубеже XVIII—XIX вв. историка в России и в Западной Европе) периодизацию отечественной истории на «древнейшую», «среднюю» и «новую» (начиная с Петра Великого). Все это свидетельствует о том, что Карамзин рассматривал свой труд как стимул к дальнейшим изысканиям историков и к развитию специальных отраслей научного исторического знания.

«Историк-философ», в широком понимании авторов и читателей Века Просвещения, превращался в исследователя, методика которого становилась все более строгой и совершенной. Это было очевидно при сравнении его труда с сочинениями не только историков XVIII в., но и младших современников. И потому-то в 1870-х гг., когда принято было объявлять «Историю» Карамзина устарелой, авторитетнейший филолог и славист широкого гуманитарного профиля, эрудит классического образца, к труду которого «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» мы неизменно обращаемся и поныне, академик И.И. Срезневский в лекциях по палеографии в Петербургском университете считал необходимым особо подчеркнуть, что «Карамзин как исследователь былых судеб России был тем же, что Петр Великий как строитель судеб ее будущего: ибо должно было не забыть ничего». И далее: «Карамзин — историк, это значит Карамзин — палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т.д. и т.п., во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный... Забывать эту сторону в Карамзине — значит не понимать Карамзина»¹⁶.

Как опытный литератор, учитывающий возможности, привычки и вкусы читающей публики, для удобства обращения к книгам «Истории государства Российского» Карамзин разделил каждую из них на две части. Основной текст набран крупным шрифтом — чтение для всех — *belles lettres* — изящная словесность, беллетристика, т.е. художественная литература (в узком смысле — художественная проза, отличающаяся от поэзии и драматургии). И вслед за тем — «Примечания» ко всему тому, компактные, набранные мелким шрифтом — научная литература, предназначенная для ученых и особо любознательных. Там содержатся рассуждения историографического характера, цитаты из источников, иногда даже первые публикации некоторых источников, и указания на листы цитируемых архивных документов и страницы печатных изданий. Примечания убеждают в том, что Карамзин был основательно знаком со всей вышед-

шей к тому времени в России и за рубежом литературой по российской истории, использовал в компаративистском плане то, что относилось к всеобщей истории.

По сравнению со своими предшественниками Карамзин во многом обогатил источниковую базу изучения истории России до воцарения Романовых. Это убедительно показано авторитетнейшим на рубеже XIX—XX вв. историографом русского источниковедения В.С. Иконниковым, отметившим и уместность, и точность примечаний. Мнение академика Иконникова поддержано академиком С.Ф. Платоновым, поделившимся в 1926 г. своими наблюдениями: «Тот, кто имел в руках рукописи, проштудированные Карамзиным, может удостовериться, что из них нашим историком взято все важное и любопытное с необыкновенной чуткостью и вниманием. После Карамзина из памятника уже нечего извлечь: такова изошренная наблюдательность этого исследователя»¹⁷. В двенадцати книгах «Истории» Карамзина 6 538 примечаний! При этом «История государства Российского» не раз издавалась и без примечаний (и до 1917 г., и с 1980-х гг.).

Исторический труд Карамзина не ограничивается только последовательным описанием исторических явлений, но дает объяснение им во взаимосвязи с другими явлениями. В «Предисловии» к своей «Истории» Карамзин подчеркивает это, даже выделяя курсивом: «Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: ... должен всему уделять свое место»¹⁸. И показывать при этом в прошлом и светлое, и темное, ибо «история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир»¹⁹.

Карамзин убедился в том, что, прежде всего, «в истории» мы «ищем действий и характеров», и понимал, что в «поучающей» истории наибольшее впечатление производят запоминающиеся события (и их взаимосвязи) и личности (их характер и поведение), т.е. то, что относится к сфере государственно-политической истории, поэтому ее сюжетам уделено в томах «Истории» наибольшее внимание. Это вовсе не означает, однако, что к изображению государственно-политической истории Карамзин и сводил задачу изучения прошлого. Но преимущественное внимание к таким событиям способствовало созданию впечатления, что, если, по Карамзину, «самодержавие — коренное начало русского государственного современного порядка», то, следовательно, как полагал В.О. Ключевский, «его развитие — основной факт русской государственной жизни, самая сильная тенденция всех ее условий»²⁰. И даже С.Ф. Платонов, столь старавшийся воспитать уважение к содеянному Карамзиным для развития русской исторической науки, пожалуй, все-таки слишком однозначен, утверждая, будто «Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс — создание национального государственного могущества» и особенно, отмечая «односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшую задачу историка изображением только судеб государства, а не общества с его культурой, юридическими и экономическими отношениями»²¹. В «Истории государства Российского» укрепление государственного могущества действительно «главнейшее» в отечественной истории, и политической истории уделено более всего места, но представление о значимых явлениях в историческом процессе у Карамзина было намного шире. И степень внимания к сферам истории определялась наработанными тогда в европейской исторической науке традициями и — главное — состоянием источниковой базы российской истории и имевшейся уже историографией.

Историограф разъясняет в «Предисловии», что он «изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи раз-

---

ма, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками»²². Но в начале XIX в. в науке было очень мало данных о жизненном обиходе далекого прошлого — в России не сформировались еще такие науки, как археология, этнография, история древнерусской литературы, фольклористика, актовое источниковедение, история древнерусского искусства. И приходится удивляться, даже восхищаться тем, как сумел историограф в своей «Истории» собрать столько материала о времени, предшествовавшем призванию Рюрика, и о быте последующих веков — недаром знакомство с первым томом «Истории» побудило И.Е. Забелина, в будущем классика нашей отечественной археологии и истории быта, научного руководителя Исторического музея в Москве, заняться (как он сам отмечал) именно такой проблематикой в своей научной деятельности.

Карамзин осознал и то, что отечественная история наша изначально была историей многих народов (а ранее и разнородных племен), скрепленных постепенно единовластием российских государей. Этим обусловлено, можно полагать, наименование его многотомного труда не «Российская история», как у Татищева (автора томов «Истории Российской с самых древнейших времен») и Щербатова (автора «Истории Российской от древнейших времен»), а «История государства Российского».

Карамзин рассматривает российскую историю в контексте всемирной истории, сопоставляет явления, события, российских и зарубежных деятелей. И не раз подчеркивает и естественность, и значимость такого подхода. В «Предисловии» отмечено и то, что творения выдающихся историков явственно свидетельствуют о принадлежности их к культуре своего народа, в них проявляется его мировосприятие, и не следует изображать беспристрастность.

Откровенно декларируя свою любовь к отечеству и объясняя, как важно это ощущение для пишущего о его прошлом, Карамзин прокламирует и обязанность «добрых россиян» следовать «правилу государственной нравственности, которое ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному»²³. Карамзин, в соответствии с распространенным в XVIII в. среди философов и политиков представлением, полагал, что в государстве, обширном по территории, естественнее всего система единовластного правления: в России ее обозначали как «самодержавие». Однако самодержавие, по его убеждению, должно опираться на закон, иначе оно превращается в «самовластие», деспотизм. Главное в «истинном самодержавии» — соблюдение самодержцем проверенных временем, опытом истории нравственных правил, забота о благе подданных. Потому-то самодержавие противопоставляется самовластию — и единовластца, и олигархов, и народа. Истинный самодержец должен обладать «добродетелями» — «человеческими и государственными».

Самодержавие в концепции Карамзина — надклассовая, общесословная сила, обеспечивающая нормальную деятельность государственного организма и определяющая постепенное прогрессивное развитие общества. Государство призвано оберегать общество от насилия и злоупотребления властью имущих и от опасности и жестокости народного бунта. Оно обеспечивает внешнюю безопасность, особо важная его забота — сохранение единства державы. Важнейшее условие подобного развития — просвещение. Задача же просвещения — не только распространение знаний, способствование образованности, но и — обязательно — воспитание нравственности. И именно в этом существеннейшая польза литературы, ибо роль чтения особенно велика в «образовании ума и чувства».

Несомненно, близка историографу идея государственного величия. По Карамзину, развитие государства определяется в наибольшей мере деятельностью и личностью государя. С.М. Соловьев подчеркивает важность заключения Карамзина, «что великие державы образуются не механическим слипанием частей как тела минеральные, но превосходным умом державным»²⁴. И потому Карамзин возвеличивает Ивана III, о котором особо пишет и в «Предисловии» («Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для Истории: по крайней мере, не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра»²⁵), а в период времени «между сими двумя самодержцами» вторая половина правления «удивительного Иоанна IV» изображена как пример деспотического самовластия, пагубного и для подданных, и для самого властителя.

IX том «Истории государства Российского», посвященный второй половине царствования Ивана Грозного (1560—1584 гг.), произвел впечатление, пожалуй, еще большее, чем выход восьми предыдущих томов. Непосредственный свидетель событий Великой Французской революции, Карамзин стал убежденным сторонником не революционного, а эволюционного пути развития общества и, соответственно, действий государей именно такой направленности. Он понимал значимость реформ, но полагал, что они должны быть продуманными, неторопливыми, понятными обществу, не приносящими бедствия многим и особенно тем, на кого привык опираться государь, и кто до того ощущал себя соучастником его действий. Будучи глубоко верующим человеком, считавшим, что история обязана быть учительницей жизни, воспитывающей человека на нравственных началах, Карамзин полагал действия царя Ивана IV второй половины его правления отступлением от христианских заповедей, что особенно неповадно монарху, поступки которого на виду у всех. Такой подход к негативным, по его мнению, явлениям прошлого тоже входил, как убеждаемся, в его задачу формирования исторических представлений читателей.

IX том, несомненно, повлиял на историческое сознание декабристов. Например, Рылеев писал сразу по прочтении, в 1821 г.: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше дивиться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». И под впечатлением от прочитанного сочинил первую из своих «дум» — «Курбский». Лорер воспроизвел в мемуарах анекдот 1821 г.: «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углубилось в царствование Иоанна Грозного», а Штейнгейль глубокомысленно отметил: «Явился феномен небывалый в России — девятый том “Истории государства Российского”, смелыми, резкими чертами изображающий все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто именовавший тираном, какому подобных мало представляет история»²⁶. Декабристы просили передать им тома «Истории» в Петропавловскую крепость.

Восприятие сочинения Карамзина как яркого произведения художественной литературы усиливало его воздействие на общественное сознание. П.Я. Чаадаев в 1838 г., определяя значение издания, в письме А.И. Тургеневу подчеркивал интеллектуально-эстетическое в творчестве Карамзина: «Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одной можно ее создать»²⁷.

Карамзин полагал, что читателю не должно довольствоваться впечатлением от образности исторических явлений. Следует побуждать его к размышлениям о ходе истории, о закономерностях и особенностях человеческой деятельности и общественного сознания. И делать это нужно в доходчивой и привычной для воспринимающего

форме принятого тогда морализирования. Со времен Монтеня оно было характерно для западноевропейской литературы: и прозы, и поэм, и драм, особенно басен. Популярны были книги афоризмов такой направленности. Морализирование было основой и церковных проповедей; в России к толкованию притч привыкли даже люди, не умевшие читать. И Карамзин вводит в текст «исторического» изложения апофегмы — нравоучительные изречения афористического стиля. Это — и наблюдения о шкале ценностей культуры и памяти («Слово принадлежит веку, а мысли векам»). Но чаще для апофегм показателен нравственный или морально-политический аспект («Народ в кипении страстей может быть скорее палачом, нежели судиею»; «Уставы отцов бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа»; «Где нет защиты от правительства, там нет и повиновения»; «Самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления» и т.д.). Апофегмы «Истории», как и «крылатые слова» других сочинений Карамзина, вошли в языковой обиход.

Талантливый молодой литературный критик Валериан Майков, близкий к петрашевцам, писал в 1846 г. об общественном настрое первых читателей «Истории» Карамзина: «Потребность отечественной истории — необходимое следствие пробуждения народного самосознания — получила силу и живость необыкновенную. Вопросы о значении России, о ее настоящем, прошлом и будущем, о том, чем она была, есть и должна быть, зашевелились в образованной части общества... В это время явилась «История» Карамзина... Кто беспристрастно изучал это творение, тому, конечно, известно, что оно написано с мыслью — показать, что история России ничем не хуже, а во многих отношениях и лучше историй других европейских народов... Можно себе представить, какой эффект должно было произвести такое сочинение в эпоху только что возникшего вопроса о прогрессивном движении России»²⁸.

Научная критика «Истории государства Российского» началась еще при жизни Карамзина (изучению этого вопроса посвящены работы В.П. Козлова и других современных исследователей²⁹), сравнительно скоро общеисторические представления его стали казаться устаревшими в среде и историков, и философов, и публицистов.

В середине 1840-х гг., когда стали выходить тома пятого издания «Истории» Карамзина (предпринятого И. Эйрлингом), В.Г. Белинский откликнулся на каждую книгу; видимо, именно он инициировал приложение к изданию «Ключа» П.М. Строева. В последней (самой пространной) из рецензий он отмечал в пушкинском духе и даже литературном стиле: «Главная заслуга Карамзина как историка России состоит не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России. Карамзин открыл целому обществу русскому..., что история его отечества должна быть для него интересна, а знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий!»³⁰ И А.И. Герцен в 1850 г., обращаясь в эмиграции к иностранному читателю, писал в книге «О развитии революционных идей в России»: «Великий труд Карамзина — памятник, воздвигнутый им для потомства, — это двенадцать томов русской истории... Его история весьма содействовала обращению умов к изучению отечества»³¹. Следовательно, и в середине XIX в. передовые мыслители, общественные воззрения и научная подготовка которых были иными, чем у аристократов времени Карамзина, признавали его заслугой внушение обществу уважительного внимания к отечественной истории.

Л.Н. Толстому в двадцать пять лет захотелось перечитать «Историю» Карамзина. Его дневниковые записи ноября—декабря 1853 г. передают впечатление от прочитанного: «Слог очень хорош. Предисловие вызвало во мне пропасть хороших мыслей.

Читал отрывками». После завершения чтения он записал: «Окончил Историю России, я намерен пересмотреть ее снова и выписать замечательные события»³².

В «Предисловии» Карамзин размышляет о том, что «в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии!»³³ И, действительно, целое столетие страницы «Истории государства Российского» были главным «источником» возбуждения творчества исторической тематики для писателей, художников, композиторов, актеров, как самых выдающихся, так и тех, чьи произведения можно отнести к недолговечной массовой продукции. Особенно много писали о воздействии «Истории» Карамзина — и основного текста, и примечаний — на Пушкина, когда он создавал драму «Борис Годунов», где на восприятии написанного Карамзиным основаны не только историческая фактология, но и политологические соображения; такое воздействие обнаруживается и в других сочинениях великого поэта. Из широко известных произведений литературы и искусства влияние «Истории» Карамзина особенно заметно у М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого (и в прозе, и в драмах, и в стихотворениях), А.Н. Майкова, А.Н. Островского, Л.А. Мея (драмы которого «Царская невеста» и «Псковитянка» стали основой для опер Н.А. Римского-Корсакова), Ф.М. Достоевского, скульптора М.А. Антокольского, И.Е. Репина и других живописцев, изображавших время Ивана Грозного и иные события российской истории³⁴. Появление подобных произведений художественной литературы и искусства способствовало тому, что и после выхода в последующие десятилетия обобщающих трудов по российской истории, концепционно отличающихся от «Истории» Карамзина и насыщенных вводимыми в науку новыми данными, «История государства Российского» в течение столетия оставалась доминантой в представлениях большинства наших соотечественников о русской истории до начала правления Романовых.

В дореволюционное время был распространен обычай семейного чтения вслух для детей и взрослых. Тома «Истории» Карамзина было принято читать вслух в семье Достоевских в его детские годы. Став знаменитым писателем, он и сам любил возвращаться к страницам «Истории государства Российского», и рекомендовал ее для детского и «народного» чтения³⁵. Воздействие «Истории» Карамзина обнаруживается в школьных учебных пособиях, в изданиях, предназначенных для юных читателей, зафиксировано во многих воспоминаниях, публицистике. А для особенно пытливых раннее знакомство с томами «Истории государства Российского» повлияло на формирование направлений их дальнейшей творческой деятельности — на это прямо указывают историки И.Е. Забелин, С.М. Соловьев, А.А. Шахматов, П.В. Сытин.

Знакомые с зарубежной научной литературой россияне и иностранцы высоко оценили «Историю государства Российского» — книги были переведены на иностранные языки и воспринимались в ряду значительных исторических трудов Европы своего времени. М.М. Сперанский писал: «Я ничего не знаю ни на английском, ни на французском языке превосходнее или вообще прекраснее»³⁶. Знаменитый немецкий публицист Л. Бёрне характеризовал Карамзина как «великого историка» и заявлял, что «мастерское произведение» «достойно своего предмета»; гейдельбергский профессор Ф.-Х. Шлоссер в своей знаменитой многотомной «Всемирной истории», написанной в середине XIX в., опирался на труд Карамзина, излагая события российской истории³⁷.

Эффективность издания «Истории» Карамзина проявилась и в возбуждении интереса читающей публики к размышлениям об изучении прошлого России — напечатано было много откликов в журналах, вызвавших в свою очередь разного жанра

словесную реакцию (в том числе и в виде эпиграмм), внесены были изменения в преподавание истории. Сам Карамзин, читавший публично главы готовящихся к изданию томов «Истории государства Российского», выступил по существу зачинателем традиции публичных лекций профессоров истории. И уж, безусловно, издание это стимулировало выявление, описание, публикацию памятников истории, т.е. развитие археографии во всех ее сферах (которые ныне определяются как полевая, описательная и эдиционная археографии), источниковедения, археологии, этнографии, историографии (в современном понимании), краеведения.

Особенно существенно то, как относились к историографическому наследию Карамзина ведущие историки России последующих десятилетий. Серьезный труд об «Истории государства Российского» Карамзина на уровне новейшей исследовательской историографической методики написал сменивший М.И. Погодина на кафедре Московского университета С.М. Соловьев — либерал по общественным взглядам, рано заявивший о себе как крупнейший ученый новой формации, характерной для мировой науки уже второй половины XIX в. Академик Д.С. Лихачев в одной из своих последних статей подметил, что Н.М. Карамзин был в своей «Истории государства Российского» родоначальником и московской, и петербургской школ ученых-гуманитариев: «в своем основном изложении — московской, в своих не утративших своего значения «Примечаниях» — петербургской»³⁸. В.О. Ключевский в записях конца 1890-х гг. отметил, что Карамзин «много помог русским людям лучше понимать свое прошлое, но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической наукой», ибо, как полагал Ключевский, «взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике»³⁹.

С конца XIX в., когда в трудах по историографии научно-исследовательский и нравственный подходы стали подменяться политико-идеологическим, Карамзина стали изображать, прежде всего, официальным верноподданническим историком, по утверждению П.Н. Милокова, даже не участвовавшим в развитии исторической науки. М.Н. Покровский пошел еще дальше, охарактеризовав многотомный труд Карамзина как «типичную придворную историю». В его лекциях 1923 г. «Борьба классов и историческая наука» историограф изображался воинствующим националистом, крепостником, находящимся в прямой зависимости от политико-экономической конъюнктуры⁴⁰.

С.Ф. Платонов в «Лекциях по русской истории» (в «пересмотренном и исправленном» 10-м издании, вышедшем в 1917 г.) указывал на то, что именно в «Истории государства Российского» Карамзина «создался, наконец, ... первый цельный взгляд на русское историческое прошлое» и изложение его основано «на многочисленных изысканиях, которые до нашего времени сохраняют за его Историей важное ученое значение»⁴¹. В середине 1920-х гг. академик С.Ф. Платонов решился противостоять суждениям главы «исторического фронта» партийных историков, выступив с докладом к 100-летию со времени кончины Карамзина, во многом опиравшемся на похвальное слово историографу, произнесенное им в 1911 г. при открытии ему памятника в подмосковном Остафьево, но текст этот оставался ненапечатанным при жизни автора. Доклад 1926 г., озаглавленный «Карамзин-историк», завершался очень смелым по тому времени заявлением: «На трудах Карамзина все мы в свое время учились тому, как честно следует работать историку. Не лишним будет заметить, что и в настоящее время многие могли бы не без пользы этому поучиться именно у Карамзина»⁴².

В советское время, в течение почти семидесяти лет, оценочную характеристику Карамзина-историка пытались свести к расширительному толкованию эпиграммы юного Пушкина, будто задачей изложения, привлекательного «изяществом» и «простотой», было убедить в «необходимости самовластия», даже «прелести кнута». Это озорное высказывание юного поэта, как показал блистательный знаток литературы и нравов пушкинской поры В.Э. Вацуро, вероятнее всего, основывалось на факте замены Иоанном III трем провинившимся смертной казни наказанием кнутом⁴³. При этом совершенно не принимались во внимание многочисленные высказывания о Карамзине (и в печати, и в переписке, и в мемуарах) более зрелого Пушкина, преклонявшегося перед его личностью, талантом, ученостью, возвеличивавшего его «подвиг честного человека» и посвятившего его памяти своего «Бориса Годунова»⁴⁴.

Очерняли «Историю» Карамзина, примитивно вульгаризируя и искажая исторические взгляды историографа, и в годы влияния Покровского, и после того, как стали сосредоточиваться на ошибках последнего. Это объясняется, конечно, не тем, что Карамзин был идеологом монархизма и развитию государственности в истории придавал большее значение, чем классовой борьбе (при Сталине самовластие достигло невиданной после Ивана Грозного масштабности, и сам Сталин откровенно инициировал пропаганду в литературе, искусстве и науке образа сильного государя), неприемлем был нравственный критерий, с которым историограф подходил к характеристике и оценке исторических явлений и особенно — исторических личностей⁴⁵.

Но переиздания «Истории» Карамзина (без примечаний и в сокращенном виде) стали появляться с конца 1980-х гг., когда явственнее стало ощущение «перестройки». В 1988—1989 гг. вышли книги репринтного воспроизведения пятого издания 1840-х гг. и с 1989 г. стали выходить тома академического издания «Истории государства Российского». В 1991 г. был торжественно на правительственном уровне отмечен юбилей Карамзина. Проявление широкого интереса к его «Истории» — показатель изменений, происходивших в общественной жизни и общественном сознании тех лет, когда обнаружилась возможность разномыслия, и в истории стало допустимым усматривать не только формирование идеологии, но и нравственное начало.

С тех пор снова стало закрепляться представление о Карамзине как о великом историке. И теперь, с выходом новейших трудов о Карамзине-писателе, Карамзине-историке, Карамзине-мыслителе, заметно влиявшем на общественное сознание, становится все очевиднее, что Карамзин был одним из самых авторитетных людей для современников войн с Наполеоном, а соображения Карамзина-историка надолго определили представления не только об отечественной истории до нового времени, но и сам подход к историческим явлениям, проявлявшийся и в учебной литературе, и в произведениях литературы и искусства исторической тематики.

Примечания

¹ Пушкин А.С. Карамзин // *Он же*. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М., 1962. С. 278.

² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1899. С. 356.

³ Пушкин А.С. О народном воспитании // *Он же*. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. С. 360.

⁴ Подробнее см.: Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский — наставник наследника царского престола // *Он же*. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Кн. 1: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. М., 2009. С. 425.

- ⁵ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980; *Он же.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991.
- ⁶ См.: *Шмидт С.О.* Н.М. Карамзин и его «История государства Российского» // *Он же.* Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Кн. 1; *Он же.* «Примечания» в книгах «История государства Российского» Н.М. Карамзина — века в развитии исторической науки и книжной культуры // Там же; *Он же.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Там же; *Он же.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Там же; *Он же.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в культуре российской провинции // Там же; *Он же.* Пушкин и Карамзин // Там же; и др.
- ⁷ *Карамзин Н.М.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. Л., 1984. С. 591.
- ⁸ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252—253.
- ⁹ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 170.
- ¹⁰ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 168.
- ¹¹ *Бестужев-Рюмин К.* Карамзин Н.М. // Русский биографический словарь. Ибак—Ключарев. СПб., 1897. С. 512.
- ¹² *Тургенев А.И.* Хроника русского: Дневники 1825—1826. М.; Л., 1964. С. 122.
- ¹³ *Пушкин А.С.* История русского народа // *Он же.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. М., 1962. С. 36.
- ¹⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1833. С. XI.
- ¹⁵ *Пушкин А.С.* 19 октября // *Он же.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 105.
- ¹⁶ *Срезневский И.И.* Славяно-русская палеография XI—XVI веков. СПб., 1885. С. 10, 11.
- ¹⁷ *Платонов С.Ф.* Карамзин-историк // Карамзин: Pro et contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. Антология. Сост. Л.А. Сапченко. СПб., 2006. С. 267.
- ¹⁸ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. С. XXII.
- ¹⁹ Там же. С. XV.
- ²⁰ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 138.
- ²¹ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 46.
- ²² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. С. XXI—XXII.
- ²³ Там же. С. XVII.
- ²⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 16. М., 1985. С. 139.
- ²⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. С. XV.
- ²⁶ *Эйдельман Н.Я.* Последний летописец. М., 1983. С. 117—127.
- ²⁷ *Чаадаев П.Я.* Сочинения. М., 1989. С. 412.
- ²⁸ *Майков В.Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 36, 38.
- ²⁹ *Козлов В.П.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.
- ³⁰ *Шмидт С.О.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России... С. 364—390.
- ³¹ *Герцен А.И.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 191.
- ³² *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 46. М., 1937. С. 200—209.
- ³³ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. С. XXII.
- ³⁴ Русская историческая живопись. Выставка 1939 г. Издание Государственной Третьяковской галереи. М., 1939.
- ³⁵ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России... С. 364—390.
- ³⁶ Русский архив. 1867. Кн. 1. С. 919.
- ³⁷ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* «История государства Российского» в истории мировой культуры... С. 348—363.
- ³⁸ *Лихачев Д.С.* Вместо предисловия // Анатолий Васильевич Предтеченский: из творческого наследия. Сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1990. С. 10.
- ³⁹ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения... С. 134.
- ⁴⁰ *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1—2. М.; Л., 1933.
- ⁴¹ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории... С. 46.
- ⁴² *Платонов С.Ф.* Карамзин-историк... С. 269.
- ⁴³ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб., 2004. С. 524.
- ⁴⁴ *Шмидт С.О.* Пушкин и Карамзин... С. 541—554.
- ⁴⁵ *Шмидт С.О.* Н.М. Карамзин и его «История государства Российского»... С. 342—343.

Государственное управление России в 1812—1815 гг.

Тема настоящей статьи находится на стыке научных интересов исследователей, изучающих государственное управление и историю Отечественной войны 1812 года. Ее освещение дает возможность оценить эффективность системы управления, созданной в ходе преобразований 1810—1811 гг., выявить способность реформированных учреждений к выполнению возложенных на них задач в условиях военного времени и, в конечном итоге, определить их вклад в победу над наполеоновской армией. При всей значимости этой темы, она не получила должного рассмотрения в литературе.

Общественные настроения накануне Отечественной войны

Ухудшение отношений между Россией и Францией делало войну ожидаемым событием. Еще весной 1810 г. Александр I говорил князю А.А. Чарторыйскому о неизбежном кризисе в отношениях с Наполеоном, предполагая, что он произойдет в начале 1811 г.¹ В феврале 1811 г. в высших кругах война с Францией признавалась «неминуемой», и слухи об этом становились предметом разговоров в обеих столицах. «В конце 1811 г. явно уже говорили, что с французами будет война и война жестокая»².

В апреле 1812 г. уже никто не сомневался в неизбежности войны с Наполеоном. Недовольные внешней политикой правительства, по словам графа Ф.В. Ростопчина, «обвиняли государя в том, что он является причиной близкой гибели России, потому что не хотел предупредить или избежать третьей войны с противником, который уже дважды побеждал его». Некоторые даже «превозносили до небес добродетели императора Павла и сожалели о времени его царствования»³. Чтобы предотвратить распространение в обществе газетных слухов и разных толков в апреле 1812 г. министр народного просвещения граф А.К. Разумовский предложил ввести цензуру на статьи политического характера. Он считал необходимым обязать издателей всех российских газет перепечатывать из иностранной прессы «только такие известия, которые до России вовсе не касаются, а имеющие некоторую связь с нынешним нашим политическим положением заимствовать единственно из “Санкт-Петербургских ведомостей”, которые издаются под ближайшим присмотром»⁴. Комитет министров поддержал это предложение. Общественные настроения изменились после начала войны и приезда Александра I в Москву 11 июля 1812 г., вызвавших подъем патриотизма по всей стране.

Изменение правительственного курса в 1812 г.

Накануне войны с Наполеоном произошло событие, поразившее всех своей неожиданностью — отставка М.М. Сперанского. 1 января 1812 г. он был награжден орденом Св. Александра Невского, а 17 марта отставлен от всех дел и сослан в Нижний Новгород.

Истинная причина его отставки осталась загадкой для современников, что породило множество слухов и предположений. Многие объясняли падение всесильного государственного секретаря реакцией Александра I на всеобщее раздражение в обществе, вызванное его деятельностью. Накануне большой войны с Францией такие настроения для правительства были нежелательны и даже опасны. О степени непопулярности Сперанского говорит тот факт, что когда весть о его неожиданной ссылке «громко разнеслась по всей России», она вызвала «всеобщую радость». По мнению Ф.Ф. Вигеля, причина такого отношения к «кабинетному» человеку заключалась в его законодательной деятельности, от которой ждали всяческих бед и несчастий. На его кабинет «смотрели все, как на Пандорин ящик, наполненный бедствиями, готовыми излететь и покрыть собой все наше отечество»⁵. Такой «славе» реформатор в значительной степени был обязан двум указам 1809 г., больно ударившим по честолюбивым замыслам многих его современников — «О не присвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина, ни военного, ни гражданского и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжить оную по установленному порядку с первоначальных чинов» и «О правилах производства в чины и экзаменах для производства в коллежские асессоры и статские советники»⁶. Говорили, что с принятием этих указов «придворный мундир сделался театральным платьем, никакой цены не имеющим за воротами дворца», а в результате введения экзаменов «все места должны быть заняты семинаристами, подобными Сперанскому»⁷. Но законодательная деятельность Сперанского коснулась не только этих, довольно узких, слоев общества. Начало реализации «Плана финансов на 1810 г.», направленного на улучшение финансового положения страны, привело к заметному повышению налогов и податей, что сказалось на жизненном уровне всего населения.

О причинах отставки Сперанского нет единого мнения и у историков. Так, например, Н.К. Шильдер вслед за современниками событий считал, что Александр I пожертвовал им «для успокоения умов русского общества»⁸. По мнению С.М. Середонина, реформатор не оправдал доверие Александра I ни как деятель, ни как человек, поэтому «должно в этом сложном деле различать две стороны: отставку и ссылку; первая вызвана была неуспехом политики Сперанского; вторая — его отзывами о государе»⁹. Однако, независимо от причин этой громкой отставки, бесспорным остается тот факт, что это было не просто отстранение от дел человека, раздражавшего общество, а изменение внутривластного курса. Вслед за удалением из Петербурга главного разработчика реформ произошли заметные изменения в организации высших органов управления и в составе их руководителей.

Уже 20 марта 1812 г. Комитет министров был наделен «особой властью по делам всех министерств»¹⁰, т.е. закрепил за собой значение высшего административного органа. В случае отъезда императора из столицы ведению Комитета подлежали и дела высшей полиции, к которым относились: общее спокойствие и безопасность, народное продовольствие и чрезвычайные происшествия. «Правилами» вводилась должность постоянного председателя Комитета, которая совмещалась с председательством в Государственном совете. В конце марта 1812 г. на эту высокую должность был назначен бывший воспитатель Александра I фельдмаршал граф Н.И. Салтыков, объединивший под своим началом деятельность высших исполнительного и законосовещательного учреждений (совмещение двух ветвей власти в руках одного председателя сохранялось до 1865 г.).

Изменения коснулись и Государственного совета. 30 марта 1812 г. все департаменты Совета были подчинены управлению одного председателя (до 1816 г.). Им стал другой оппонент Сперанского князь П.В. Лопухин, возглавлявший с 1810 г. департамент Гражданских и духовных дел. В результате «не у дел» оказались В.П. Кочубей, А.А. Аракчеев и Н.С. Мордвинов, возглавлявшие соответственно департаменты Законов, Военный и Государственной экономии. Указы 3 апреля 1812 г. внесли организационные изменения в структуру Государственного совета, определили порядок производства дел и полномочия Совета «во время Высочайшего отсутствия из столицы». Для решения финансовых дел, «не терпящих отлагательства» и «требующих новых законов», департаменты Законов и Государственной экономии временно соединялись в один департамент (действовал до 1816 г.). К нему переходили финансовые дела, поступавшие ранее в Общее собрание. После такой реорганизации Н.С. Мордвинов, ближайший соратник Сперанского, подал в отставку и уехал из Петербурга. Еще раньше (20 марта) в связи с болезнью ушел в отставку граф Н.П. Румянцев, близкий по своим взглядам к Сперанскому, занимавший с 1810 г. пост председателя Государственного совета¹¹.

Неожиданными для современников были не только отставки марта — апреля 1812 г., но и назначения на высокие должности лиц, прежде не пользовавшихся расположением императора, например, Ф.В. Ростопчина и вице-адмирала А.С. Шишкова. Ростопчин, один из наиболее влиятельных представителей так называемой «русской партии», пользовался большим авторитетом в Москве, имел много друзей в Петербурге и снискал особенное расположение великой княгини Екатерины Павловны. До 1812 г. он находился «не у дел», что служило подтверждением распространенного тогда мнения о недоверии к нему Александра I. Однако 24 мая 1812 г. Ростопчин был назначен московским военным губернатором, а 29 мая, т.е. спустя несколько дней, — главнокомандующим Москвы, управляющим и гражданской частью¹². В тех условиях, когда верховная власть особенно нуждалась в поддержке второй столицы, олицетворявшей собой Россию, это назначение было объяснимо. Энергичный и деятельный, тонко чувствующий настроения рядовых москвичей, граф Ростопчин оказался на своем месте и, благодаря своей доступности и неутомимой деятельности, приобрел доверие населения.

Еще большее удивление современников вызвало назначение на должность государственного секретаря вице-адмирала Шишкова, представлявшего во всех отношениях полную противоположность предшественнику. В условиях приближавшейся войны вопрос о том, кем заменить Сперанского, писавшего с 1805 г. все манифесты и рескрипты, имел большое значение. Первоначально Александр I остановил свой выбор на Н.М. Карамзине, но по совету министра полиции А.Д. Балашова назначил на эту должность Шишкова. Отмечу, что в 1810 г., когда речь шла о кандидатуре Шишкова в члены Государственного совета, Александр сказал, «что лучше согласиться не царствовать, чем назначить его членом»¹³.

В 1812—1814 гг. Шишков почти неотлучно находился при императоре (от должности государственного секретаря уволен 30 августа 1814 г.). Он был инициатором и автором записки о необходимости отъезда Александра I из действующей армии в столицу, чтобы оттуда руководить снабжением войск, подписанной 30 июня 1812 г. А.А. Аракчеевым, А.Д. Балашовым и А.С. Шишковым¹⁴. По словам Д.Н. Свербеева, они тогда составляли при императоре «особенный, единодушный, русский триумви-

---

рат, ни в чем не похожий на прежних любимцев Александра. Последние побледнели и как бы попрыгали со времени ссылки Сперанского»¹⁵.

Таким образом, в 1812 г. ключевые государственные посты перешли к представителям старой элиты, что отвечало настроениям в обществе, уставшем от преобразований. В результате изменений в организации управления в их руках сосредоточились обширные полномочия, что явно противоречило принципу разделения властей, соблюдению которого в недалеком прошлом уделялось столь пристальное внимание. Изменения в организации и составе высших органов власти были связаны с отставкой М.М. Сперанского, которая явилась важным, но не единственным звеном в цепи событий, свидетельствовавших о смене правительственного курса. Очевидно, что эта смена была вынужденной мерой, вызванной недостатками новой системы управления и чрезвычайными обстоятельствами предвоенного времени, а не изменениями в умонастроениях Александра I.

Обстановка, сложившаяся в стране накануне войны с Францией, не способствовала стабилизации финансов. В 1811 г. по всей России прошли страшные пожары, во многих губерниях случились неурожаи и голод. Цены на товары резко выросли, и «все народное хозяйство потряслось в своих основах». Курс ассигнационного рубля не поднимался выше 23 копеек серебром, а в отдельные месяцы опускался ниже 20 копеек. Средств на погашение ассигнаций было недостаточно, расходы по-прежнему превосходили доходы. Все эти признаки указывали на приближавшееся банкротство страны. В финансовом отношении Россия оказалась неподготовленной к войне¹⁶.

Реализация «Плана финансов» 1810 г., предусматривавшего сокращение расходов и прекращение выпуска ассигнаций, была остановлена. Указом 9 апреля 1812 г. ассигнации признавались основной счетной единицей. В 1812 г. их было выпущено на 142 млн, в 1813 г. — на 120 млн; к 1814 г. ассигнационный долг вырос с 577 до 831 млн рублей¹⁷. Ситуация усугублялась тем, что в связи с быстрым продвижением французской армии 16 губерний прекратили высылку денег в главные казначейства.

В условиях военного времени взаимодействие центральных учреждений с губернской администрацией было затруднено, а порой и вовсе прекращено. Война диктовала необходимость объединения властных полномочий в одних руках не только в центре, но и на местах. Для координации действий администрации Комитет министров признал необходимым «распределить по всему государству заслуженных людей» (сенаторов и др.), наделив их полномочиями генерал-губернаторов. По распоряжению Александра I в сентябре в Тверскую губернию был послан сенатор М.П. Миклашевский, в октябре 1812 г. калужский губернатор сенатор П.Н. Каверин получил особые полномочия и временно принял в управление вторую губернию — Смоленскую¹⁸.

Деятельность сенаторов, выполнявших функции генерал-губернаторов, была признана полезной, что сыграло не последнюю роль при разработке в 1816 г. проекта «учреждения наместничества», предусматривавшего введение этой должности по всей России.

Суровым экзаменом для правительства стала эвакуация учреждений и ценностей из Москвы. До 1 сентября 1812 г., когда военный совет в Филях принял решение сдать первопрестольную столицу, Ростопчин призывал население вооружаться для отпора неприятелю и не покидать город. «Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет», — обещал он москвичам 17 августа в одной из своих «афиш»¹⁹. Но в действительности за несогласованность действий и популизм московских властей жизнью расплатился ни в чем не повинный М.Н. Верещагин, на которого генерал-губернатор направил гнев и

раздражение толпы. В связи с патриотическими настроениями и ожиданием обещанного Кутузовым нового сражения под Москвой вывоз ценностей и учреждений шел медленно. Из столицы не успели вывезти значительную часть оружия Арсенала, архив Восточного департамента, казну Банковской конторы на сумму в 300 тыс. рублей медными деньгами, казну казенной палаты и товары, находившиеся в залоге у учетной Банковской конторы, под которые было выдано свыше 1,6 млн рублей, и многое другое²⁰.

Об оставлении Москвы Кутузов сообщил Ростопчину только к концу дня 1 сентября, а в Арсенале узнали об этом рано утром 2 сентября. В результате несогласованности действий гражданских и военных руководителей значительная часть не только личного, но и государственного имущества досталась французам, которые уже днем 2 сентября вошли в город.

Заняв Москву, французы попытались ввести жизнь города в нормальное русло. По распоряжению Наполеона 16 сентября был образован муниципалитет или «Отеческое градское правление»²¹, размещавшийся в доме графа Н.П. Румянцева на Маросейке (ранее подобное учреждение было создано и в Смоленске). В его состав входили 66 человек, иностранцев и русских, хотя далеко не все из них шли на эту службу добровольно. Многие вступали в должность лишь под угрозой расстрела «в пример другим». Участие в муниципалитете во многом оправдывалось заявлением военного губернатора Москвы маршала А. Мортье о том, что это учреждение создается в интересах не французов, а москвичей, чтобы защитить их «от грабежа, насилия и обид». Однако в условиях хаоса и повсеместного мародерства, царивших в занятом французами городе, члены муниципалитета, несмотря на благие намерения, не могли стать защитниками москвичей.

Члены муниципалитетов Москвы и Смоленска вместе с другими лицами, сотрудничавшими с неприятелем, попали под суд, но по манифесту 30 августа 1814 г. об окончании войны все они, за редким исключением, были прощены²². Тогда же получили прощение и должностные лица, ответственные за эвакуацию запасов Арсенала.

Перераспределение властных полномочий между высшими учреждениями

Быстро менявшаяся обстановка в условиях военного времени предполагала существование правительственного органа, способного незамедлительно решать самые сложные задачи. Таким органом стал Комитет министров. В его ведении сосредоточились все дела, связанные с комплектованием армии, попечением о губерниях, пострадавших от неприятеля, что при дефиците денежных средств было непростой задачей. Через Комитет министров к Александру I поступали доклады и рапорты Сената, причем не только по административным, но и по судебным делам²³. В связи с расширением деятельности Комитета министров Александр I утвердил предложение Н.И. Салтыкова о создании из министров особых комитетов. Так возник Комитет о тарифах, который вместо Государственного совета рассмотрел и одобрил проект министра финансов графа Д.А. Гурьева о новых тарифах. В 1812—1814 гг. были созданы Сибирский, Вольнский, Таврический, Донской, Второй Сибирский комитеты, где рассматривались дела, поступавшие от губернаторов и генерал-губернаторов соответствующих территорий, включая дела о злоупотреблениях администрации²⁴.

По оценке министра юстиции и генерал-прокурора И.И. Дмитриева, Комитет министров «стал средоточием всех государственных движений. Военные обстоятельства требовали мер чрезвычайных, скорого исполнения, все это именем императора разре-

---

шаемо было Комитетом; но таковое уполномочие подавало иногда повод и к некоторым отступлениям, не всегда необходимым, от узаконенных правил. Например, от иных министров вносимы были на утверждение условия с подрядчиками мимо Сената, часто отдавались подряды на такую сумму, на каковую подрядчик не имел законного права»²⁵.

В ведении Комитета министров и созданного в его структуре секретного финансового комитета оказалось и решение финансовых вопросов. По распоряжению императора, не Государственный совет, как предусматривалось законом, а Комитет финансов обсуждал дефицитные сметы на 1813 г. и 1814 г.²⁶ Комитет министров не только получил полномочия, принадлежавшие в мирное время Сенату и Государственному совету, но и изменял своими постановлениями решения этих учреждений²⁷. В результате положение Комитета министров в системе высших государственных учреждений разительно отличалось от того, какое отводилось ему законодателями.

В военные годы деятельность Государственного совета также получила несвойственный ей прежде характер. С 1813 г., в связи с загруженностью Комитета министров, рапорты и доклады Сената стали поступать в департамент Гражданских и духовных дел. В результате число дел в этом департаменте увеличилось более чем в два раза (со 114 в 1812 г. до 247 в 1813 г.), а Государственный совет превратился в высшую судебную инстанцию, поставленную над Сенатом. Новый статус Государственного совета нарушал коренной принцип, к реализации которого так стремились законодатели начала XIX в.: полное отделение судебной власти от законодательной. Характеризуя деятельность Государственного совета в годы войны, Сперанский писал: «Рассмотрение Уложения прекратилось, дела финансовые разошлись по разным временным комитетам, и Совет, перестав быть местом соображений для законодательства, сделался местом судебным по делам из Сената входящим»²⁸. Однако Сперанский не во всем был прав. Государственный совет, оттесненный Комитетом министров от обсуждения текущих дел, в те годы сосредоточился на законотворческой работе.

Александр I не отказался от мысли создания «коренных» законов империи, поэтому ни ссылка М.М. Сперанского, ни начавшаяся война не остановили законотворческой деятельности. В июле 1812 г. Комиссия составления законов, уже без Сперанского, завершила подготовку третьей части проекта Гражданского уложения («О договорах вообще») и представила ее на рассмотрение Департамента законов Государственного совета. В конце декабря 1812 г. после доработки ряда статей она была одобрена. С 11 января 1813 г. и до 25 апреля 1814 г. в Департаменте законов шло обсуждение проекта Уголовного уложения, три части которого последовательно вносились Комиссией составления законов. В мае — июне 1814 г. одновременно с Уголовным уложением Департамент законов рассмотрел проект Торгового уложения. В июле Комиссия составления законов внесла в Государственный совет план проекта Устава гражданского судопроизводства, а затем и сам проект, который до конца 1814 г. был полностью рассмотрен и одобрен Департаментом²⁹.

Несмотря на занятость военными делами, Александр I внимательно следил за ходом работ по составлению уложений. 4 декабря 1813 г. он писал князю П.В. Лопухину из Карлсруэ: «С особенным удовольствием читал я первую часть Уголовного уложения, составленного под руководством вашим в Комиссии законов... Утверждаю я и мнение ваше о рассылке по губерниям нового Гражданского уложения и об учреждении для рассмотрения оною особых комитетов в губерниях, по положению Государственного совета»³⁰. Однако местные комитеты для обсуждения Гражданского

уложения не были созданы ни в военные, ни в последующие годы. После окончания войны этот законопроект подвергся очередной доработке, которая продолжалась до конца царствования Александра I.

В 1812 г. структуру управления дополнило новое учреждение: Собственная Его Императорского Величества канцелярия. В отличие от предшественников, Александр I долгое время не имел личной канцелярии. В качестве неофициального учреждения она возникла в начале войны, а название «Собственной Е.И.В. канцелярии» получила 7 декабря 1812 г., когда ее служащие вслед за Александром I отправились из Петербурга в Вильно. Канцелярия, находившаяся под управлением ее бессменного руководителя графа А.А. Аракчеева, состояла тогда из нескольких чиновников и писцов. По свидетельству В.Р. Марченко (помощника А.А. Аракчеева), работы в Канцелярии было очень много. «По несколько курьеров приезжало из армии и отъезжало в сутки. Бумаг вступало и по военной части и по министерствам множество... Государь также изволил множество бумаг писать собственноручных»³¹. Действительно, только за один 1812 год историки выявили в архиве Собственной Е.И.В. канцелярии около 600 указов и высочайших повелений³².

Дела, поступавшие в Канцелярию и привлекавшие особое внимание Александра I, были связаны с событиями военного времени. Главные вопросы касались расквартирования и снабжения армий, сбора справок о семьях помещиков, пострадавших от неприятеля, размещения французских пленных. С 1814 г. в Канцелярию стали поступать ежегодные отчеты генерал-губернаторов и гражданских губернаторов о земских повинностях на содержание почт, воинских зданий, тюрем, полиции и пр. После войны заметно возрос интерес императора к внутренним делам, а с ним расширилась и сфера деятельности Канцелярии, получившей характер высшего государственного учреждения.

Уроки военного времени

Россия одержала победу над Францией, заплатив за нее огромными людскими, финансовыми, материальными потерями и сильно развившейся коррупцией в структурах власти. По мнению тех, кто в годы войны принимал непосредственное участие в управлении, механизм правительственной машины, созданный реформами 1810—1811 гг., давал серьезные сбои и требовал исправления.

13 июля 1814 г. после почти двухлетнего отсутствия Александр вернулся в Петербург. За короткое время (император уехал в Вену 1 сентября 1814 г.) в составе правительства произошли заметные перестановки. 1 августа ушел в отставку министр иностранных дел Н.П. Румянцев, а 10 августа на это место был назначен К.В. Нессельроде; 30 августа министра юстиции И.И. Дмитриева сменил Д.П. Троицкий. В тот же день получили отставку государственный секретарь А.С. Шишков и главнокомандующий Москвы Ф.В. Ростопчин, пришедшие во власть на волне патриотических настроений предвоенного времени (оба назначены членами Государственного совета)³³. 30 августа председатель Комитета министров и Государственного совета Н.И. Салтыков был пожалован в светлейшие князья Российской империи, несмотря на то, что Александр был недоволен работой Комитета министров. В 1814 г. изменения не коснулись организации управления, хотя многие понимали, что они неизбежны и только отъезд императора отсрочил их осуществление. В манифесте 30 августа 1814 г., объявляя о победе в войне с Францией, Александр обещал после полного окончания внешних дел вернуться «к беспрепятственному попечению о внутреннем государстве нашего блага»³⁴.

Ожидание предстоящих перемен держало в напряжении правящую элиту. А.И. Тургенев 1 апреля 1815 г. сообщал князю П.А. Вяземскому, что в связи с отсутствием государя в неизвестности «находятся многие из управляющих министерствами на счет вверенных им частей и на счет самих себя»³⁵. Судя по состоянию управления, после окончания войны у многих были основания беспокоиться о своем будущем.

Александр I вернулся в Петербург 2 декабря 1815 г. Уже 12 декабря был уволен от должности военный министр князь А.И. Горчаков и назначена комиссия из членов Государственного совета для расследования хищений, открывшихся в Провиантском департаменте. Выявленные злоупотребления стали причиной преобразования министерства Военно-сухопутных сил, которое было разделено на Главный штаб и подчиненное ему Военное министерство, ведавшее вопросами снабжения армии³⁶.

Помимо преобразований, становившихся достоянием широкой общественности, в 1814—1816 г. в недрах правительственного аппарата разрабатывались многочисленные проекты, предусматривавшие создание новой модели управления, способной обеспечить действенный контроль над деятельностью органов государственной власти. Именно отсутствие контроля признавалось главной причиной злоупотреблений, поразивших в годы войны властные структуры.

* * *

Отечественная война 1812 года, как строгий экзаменатор, выявила слабые стороны системы управления, созданной в ходе реформ 1810—1811 гг., и поставила задачу поиска путей их исправления. Принцип разделения властей, не имевший глубоких корней в российской государственности и с трудом внедренный законодателями в организацию высшего управления, оказался малопригодным для решения задач военного времени. Сосредоточием и координатором всей государственной жизни России стал Комитет министров, обладавший и в мирное время более широкими полномочиями, чем предусматривалось законом. Расширение полномочий Комитета министров привело к значительному росту влияния его канцелярии, чиновники которой оказались замешанными в крупных злоупотреблениях по поставкам в армию.

В военные годы в полной мере проявились слабые стороны в организации местного управления. Отсутствие четкого распределения полномочий между Сенатом и министрами в отношении губернской администрации создавало дополнительные трудности для установления взаимодействия между центром и провинцией. В условиях военного времени «многоначалие» стало причиной широкого распространения злоупотреблений среди местной администрации, не исключая губернаторов. Исправление выявившихся недостатков требовало неотложных мер, что предполагало проведение большой работы по дальнейшему реформированию государственного управления как в центральном, так и в местном его звене.

Примечания

- ¹ Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыйский // Русский архив. 1871. № 4—5. Стлб. 777.
- ² Братья Булаковы: переписка. В 3 т. Т. 1: Письма 1802—1820 гг. М., 2010. С. 232—233; *Бестужев-Рюмин А.Д.* Записки Алексея Дмитриевича Бестужева-Рюмина. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 г. // Русский архив. 1896. № 7. С. 341—342.

- ³ *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 году // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С. 252.
- ⁴ Журналы Комитета министров царствования императора Александра I. Т. 2: 1810—1812. СПб., 1891. С. 385—386.
- ⁵ *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 2000. С. 296.
- ⁶ ПСЗ-И. Т. 30. № 23559 и № 23771.
- ⁷ *Бакунина В.И.* Двенадцатый год в записках // *Русская старина.* 1885. № 9. С. 394.
- ⁸ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1904. С. 31.
- ⁹ *Середонин С.М.* М.М. Сперанский // *Русский биографический словарь.* Т. «Смеловский—Суворина». СПб., 1909. С. 227—229.
- ¹⁰ ПСЗ-И. Т. 32. № 25043 и № 25044.
- ¹¹ Там же. № 25073 и № 25074; *Опись дел архива Государственного совета.* Т. 1: Дела Государственного совета с 1810 по 1929 г. СПб., 1908. С. 84, 88—89; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802—1917: Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 434, 573, 586.
- ¹² *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 707.
- ¹³ *Попов А.Н.* Эпизоды из истории 1812 г. // *Русский архив.* 1892. № 8. С. 411—412.
- ¹⁴ Записка А.А. Аракчеева, А.Д. Балашова и А.С. Шишкова Александру I. Июнь 1812 г. // *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. Труды ГИМ.* Вып. 137. М., 2003. С. 189—194.
- ¹⁵ *Свербеев Д.Н.* Первая и последняя встреча с А.С. Шишковым (Из записок Свербеева) // *Русский архив.* 1871. № 1. Стлб. 171.
- ¹⁶ Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 62; *Сивков К.В.* Финансы России перед войной 1812 г. // *Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание.* Т. 2. М., 1911. С. 270.
- ¹⁷ ПСЗ-И. Т. 32. № 25074; *Середонин С.М.* М.М. Сперанский... С. 218.
- ¹⁸ Журналы Комитета министров царствования императора Александра I. Т. 2. С. 554—555, 635—639; *Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии.* Вып. 4. СПб., 1891. С. 228, 247—248.
- ¹⁹ *Ростопчин Ф.В.* Афиши 1812 года // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! С. 214.
- ²⁰ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Шукиным. Ч. 10. М., 1908. С. 317—318.
- ²¹ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. М., 2006. С. 152—153.
- ²² ПСЗ-И. Т. 32. № 25671; *Киселев Н.С.* Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // *Русский архив.* 1868. № 6. С. 881—903.
- ²³ Журналы Комитета министров царствования императора Александра I. Т. 1. СПб., 1888. С. 26.
- ²⁴ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 15—17.
- ²⁵ *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь // *Труды и дни Ивана Дмитриева.* В 2 кн. Кн. 2: Сочинения и переводы. М.; Ульяновск. 2010. С. 79—80.
- ²⁶ Финансовые документы царствования императоров Павла I и Александра I // *Сборник Русского исторического общества.* Т. 45. СПб., 1885. С. 226—235.
- ²⁷ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. С. 18.
- ²⁸ *Сперанский М.М.* О государственных установлениях // *Сперанский М.М.* План государственного преобразования. М., 2004. С. 151.
- ²⁹ Архив Государственного Совета. Т. 4. Ч. 1. СПб, 1874. Стлб. 167—188.
- ³⁰ Высочайшие указы и рескрипты 1813 г. // *Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии.* Вып. 3. СПб., 1890. С. 153.
- ³¹ *Марченко В.Р.* Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки. 1782—1838 // *Русская старина.* 1896. № 3. С. 498.
- ³² Высочайшие указы и рескрипты 1812 г. // *Сборник исторических материалов, извлеченных из Собственной Его Императорского Величества канцелярии.* Вып. 1. СПб., 1876. 1-й отд. С. 3—110; Вып. 2. СПб., 1889. 1-й отд. С. 1—336.
- ³³ Высочайшие указы 1814 года // *Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии.* Вып. 4. СПб., 1891. С. 76—80; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи... С. 777, 780—781, 783; *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801—1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 707.
- ³⁴ ПСЗ-И. Т. 32. № 25671.
- ³⁵ Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // *Русский архив.* 1866. № 6. Стлб. 882.
- ³⁶ Опись дел архива Государственного совета. Т. 1. С. 131—132, 212, 243; ПСЗ-И. Т. 33. № 26021.

Санкт-Петербург в 1812 году

В июле 1812 г. война на российских просторах еще толком не началась, а между тем в Петербурге уже праздновали первые победы. В записках секретаря Министерства внутренних дел Н.И. Греча приводится курьезный рассказ на данную тему. Некий «бедный чиновник, подгуляв на радости с приятелями по случаю поражения врагов, шел, пошатываясь и попевая, по иллюминированному Адмиралтейскому бульвару. К нему подошел какой-то иностранец и спросил учтиво: “Позвольте узнать, по какому случаю город сегодня иллюминирован?”. Это взорвало нашего патриота. “Ах ты, заморская тварь, изменник, шпион! Вот по какому случаю!” — закричал он и отвесил вопрошателю добрую пощечину. Поднялся шум; забияку схватили и представили в полицию.

— Как Вы смеете драться? — спросил пристав, — и можно ли бить иностранца за то, что он Вас спрашивает?

— Виноват, — отвечал подьячий, — но я ударил бы и Ваше благородие, если бы Вы спросили о причине нынешней иллюминации!

Добрый пристав успокоил немца синенькою бумажкою (5 рублей — *С.И.*), а рьяного патриота отпустил с увещанием не слишком увлекаться чувством народной гордости¹.

Рассказанный эпизод относится к 25 июля, когда в столице праздновалась, по словам петербургского чиновника И.А. Оденталя, «важная победа» генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна над маршалом Ш.-Н. Удино. К этому сообщению он присоединил и пожелание: «Бог да утешит нас и сокрушением главных неприятельских сил под Смоленском»². Впрочем, нельзя исключать, что эпизод связан с торжеством по случаю получения известий о победе российских войск под командованием генерала от кавалерии А.П. Торماسова над частью саксонского корпуса Великой армии генерала графа Ж.-Л. Рейнье при г. Кобрине Гродненской губернии, в 85 км к западу от Брест-Литовска. Реляция о ней была помещена в газете «Северная почта»³. Дело близ Кобрина носило характер частного успеха. Будучи удаленным от главного театра военных действий, оно не имело особого влияния на ход войны, но «шумно» праздновалось в Петербурге и способствовало поднятию патриотических настроений в российском обществе. «Петербург беспрестанно оглашался выстрелами с Петербургской крепости, и “Тебя Бога хвалим” не умолкало»⁴.

В начале августа 1812 г. московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин писал генералу от инфантерии П.И. Багратиону: «Подумайте, что здесь дело не в том, что бить неприятеля, писать реляции и привешивать кресты — Вам слава бессмертная: спасение отечества, избавление Европы, гибель злодею рода человеческого! В Москве говорят: дай лишь волю, а Багратион пужнет. Мне кажется, что он Вас займет да и проберется на Полоцк, на Псков, пить Невскую воду»⁵. Кстати, о Пскове. Тот же почтамтский чиновник Оденталь писал 30 июля в Москву: «Приди только французы во Псков, то мы отсюда (из Петербурга — *С.И.*) поднялись бы и, может быть, пешком с женами и детьми кинулись бы, сами не зная куда, искать своего спасения»⁶.

Статс-секретарь вдовствующей императрицы Г.И. Вилламов еще около 10 июля 1812 г. записал в своем дневнике: «Сегодня были получены известия из Риги о том, что французы перешли Двину у Юнгфергофа и подвигались к Петербургу; их силы насчитывались от 30—40 тыс. человек. В городе большое смятение»⁷.

Но петербургское направление представлялось вероятным не только Ростопчину, поэтому время от времени предпринимались меры, чтобы, как обмолвился однажды М.И. Кутузов, «позаботиться о Севере и прикрыть его»⁸.

Ф. Акинфов, офицер лейб-гвардии Гусарского полка, посланный перед самым вступлением французов в Москву к маршалу Франции И. Мюрату с поручением от генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, вспоминал впоследствии, что король спросил его между прочим о месте нахождения императора Александра I. Акинфов сделал вид, что не знает: «Я не смел сказать, что император в Петербурге, не знаяши расположения нашей армии и опасаясь, по молодости и неопытности своей, что французы могут послать корпус в Петербург»⁹. Предусмотрительность и осторожность делают честь офицеру-гусару, но между тем в направлении на Петербург уже давно наступало левое крыло Великой армии — 10-й корпус под командованием маршала Франции Э.-Ж. Макдональда (в составе которого находился Прусский вспомогательный корпус), общей численностью до 30 тыс. солдат. 4 июля Александр I, еще находившийся при армии, написал графу Н.И. Салтыкову следующее письмо: «Решиться на генеральное сражение столько же шекотливо, как и от одного отказаться, в том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но, потеряв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании. На негосияции же нам и надеяться нельзя, потому что Наполеон ищет нашей гибели, и ожидать доброго от него есть пустая мечта... Все сии обстоятельства заставляют помыслить заблаговременно о предмете разговора нашего незадолго перед моим отъездом, то есть о возможности неприятеля пробраться до Петербурга. Я бы желал, чтобы Ваше Сиятельство внимательно подумали о сем предмете и, по крайней мере, чтобы уже решено было по здоровом размышлении все то, что надобно будет увезти из Петербурга, и о способах сего увоза... При сем прилагаю реестр того, что мне на первый случай на память пришло. За сим, Ваше сиятельство, быв на месте, более имеете способов сообразить сей важный предмет, нежели я, ... и я уповаю на Всевышнего, что отвратит от нас сии последствия. Впрочем, если бы они должны случиться, то от происшествия, здесь могуще-го быть, до прибытия неприятеля в Петербург дней двадцать необходимо пройдет».

Далее в письме приведен любопытнейший перечень того, что, по мнению императора, радевшего о спасении столицы, требовалось вывезти в случае прямой угрозы городу со стороны Великой армии: «Совет. Сенат. Синод. Департаменты Министерские. Банки. Монетный двор. Кадетские корпуса. Заведения, под непосредственным начальством императрицы Марии Феодоровны состоящие. Арсенал. Архивы. Коллегии Иностранных дел. Кабинетский [архив]. Из прочих все важнейшие бумаги из придворного ведомства: серебро и золото в посудах. Лучшие картины Эрмитажа, также и камни резные, хранящиеся также в ведении придворном одежды прежних государей. Сестрорецкий завод с мастеровыми и теми машинами, которые можно будет забрать. По достоверным известиям Наполеон в предположении вступить в Петербург намеревается увезти из одного статуя Петра Великого, подобно тому, как он сие учинил уже в Венеции вывозом известных четырех коней бронзовых с плаца Св. Марка (это имело место в декабре 1797 г., квадрига украшала фасад собора Св. Марка — *С.И.*) и из Берлина триумфальной бронзовой колесницы с конями с ворот, называемых Бранденбургски-

ми (колесница была снята и отправлена во Францию как военный трофей в 1806 г. — *С.И.*), то обе статуи Петра I, большую (произведение Э.М. Фальконе — *С.И.*) и ту, которая перед Михайловским замком (творение Б.К. Растрелли — *С.И.*), снять и увезти на судах, как драгоценности, с которыми не хотим расставаться». Александр I предлагал также увезти знаменитую «восковую персону» Петра I и все петровские «вещи» из петергофского Монплезира. «Я бы думал, — писал он далее, — также разобрать бережно дом его, возле крепости состоящий, и равномерно на галиоте увезти — все трофеи, хранящиеся в крепости, в Исакиевской церкви, в арсенале, в Петергофской слободской церкви». Не остались без августейшего упоминания и богатства Александро-Невской лавры, особенно сберегаемые там мощи: «Везти можно все сии предметы водою по Мариинскому каналу и частью, что можно, сухим путем, в наряженных подводках... Статую Суворова с Царицынского луга (работы М.И. Козловского, на открытии которой в мае 1801 г. Александр I присутствовал — *С.И.*). Лучшие мраморные статуи из Таврического дворца». Всё это предполагалось вывезти через Ярославль в Казань, куда в случае необходимости отправилась бы и императорская семья¹⁰.

7 августа на рассмотрение Комитета министров были вынесены записки разных правительственных учреждений «о предметах, которые Высочайше назначены к отправлению из Петербурга в случае опасности городу от неприятеля». Выяснилось, что общая тяжесть этих предметов достигала 500 тыс. пудов, под которые требовалось 2 314 подвод. Кроме того, на нужды Святейшего Синода и церковных сокровищ необходимо было 13 больших судов. По рассмотрении записок Комитет пришел к заключению, что «ежели бы надлежало по крайней необходимости оставить здешний город, употребив самые последние усилия на защиту его, так как потеря его сопряжена с неисчислимыми несчастными для России последствиями, то нет никакой возможности всего вывезти, и тем паче, что заблаговременно вывозить нельзя, а в случае настояния в том надобности, недостаточно будет ни времени, ни способов». Комитет вынес решение «всепоподданнейше представить Его Императорскому Величеству, что в сем случае в возможности будет спасти одни только самонужнейшие вещи и бумаги», но предполагал приступить к исполнению повеления, если государь распорядится, чтобы «непреренно все предполагаемые предметы отправлены были»¹¹.

Во исполнение предполагаемых мер 2 сентября 1812 г. тем же Комитетом было вынесено постановление о выдаче всем чиновникам, отправляющимся из Петербурга для сопровождения казенных дел и вещей, вперед двухмесячного жалования¹².

На заседании Комитета министров 3 сентября его председатель Н.И. Салтыков извещил собравшихся о распоряжении императора «отправляемым из Санкт-Петербурга судам с делами и вещами следовать к Крохинской пристани (при истоке реки Шексны из Белозера, близ города Белозерска Новгородской губернии — *С.И.*) и там ожидать дальнейших повелений, и чтобы заготовлено было в сем месте продовольствие для всех, прибыть в оное на судах имеющих... В рассуждении малого времени, для судоходства остающегося, по всем министерствам» было предложено готовить к отправке «без отлагательства все те вещи и дела, в употреблении коих здесь нет необходимой надобности»¹³.

Этому предшествовало «секретное» письмо от 31 августа 1812 г. председателю департамента военных дел при Государственном совете А.А. Аракчееву о том, что император назначил Крохинскую пристань «местом, где должны отправляемые из Санкт-Петербурга суда с делами и вещами остановиться и ожидать дальнейших повелений»¹⁴. Подобные операции требовали немалых средств, поэтому Секретный коми-

---

тет по финансам 8 сентября 1812 г. выделил «для известного отправления» на 16 судах с грузом до 340 пудов и на 40 судах с грузом до 160 пудов полмиллиона рублей¹⁵.

Одной из первых к отъезду стала готовиться Императорская Публичная библиотека. Согласно секретному представлению ее директора А.Н. Оленина министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому от 10 августа, для этой цели в ней было изготовлено «до ста ящиков», из которых 10 предназначались для наиболее редких рукописей, а 90 — для «самых нужнейших» книг (впоследствии оказалось, что ящиков требовалось больше). Предполагалось также, что каждый ящик, будь то с рукописями или книгами, будет весить до 20 пудов, и в случае перевозки сухим путем Оленину требовалось для рукописей 10 подвод, а для книг — 90. В случае перевозки груза водным путем библиотеке необходимо было предоставить не менее 3 судов, «называемых здесь водовиками». В середине сентября от министра последовало распоряжение об отправлении отобранных книг библиотеки из Петербурга водным путем, и впервые в качестве конечной цели был назван Петрозаводск. Оленин был извещен, что бриг под командой шкипера Олонецкой губернии и уезда, государственного крестьянина Федора Александрова ожидает погрузки близ Исаакиевского наплавного моста¹⁶. Согласно сохранившимся перечням, 25 сентября на бриге в сопровождении двух чиновников и пяти сторожей в Петрозаводск были отправлены 142 ящика с печатными книгами, 38 — с рукописями и 7 — с принадлежавшими библиотеке вазами, которые до сих пор украшают одно из хранилищ ее Отдела рукописей. Сопровождавшему груз помощнику библиотекаря В.С. Сопикову была дана подробная инструкция, предписывавшая во всех не терпящих отлагательства случаях сноситься с олонецким гражданским губернатором В.Ф. Мертенсом, не вскрывать ящики, «разве которые подмочены будут», и всячески оберегать судно и груз, если окажется, что «ранняя зима не допустит приехать ныне в Петрозаводск»¹⁷.

Ранние снегопады и морозы и в самом деле воспрепятствовали успешному окончанию предприятия по перевозу книг и рукописей, но еще раньше «за противным ветром» с 30 сентября и, по крайней мере, до 5—6 октября судно пришлось простоять на Неве «против Александровского завода», и Оленин уведомил Разумовского, что вынужден был нанять лошадей, чтобы протащить судно около 20 верст «до порогов», откуда можно было воспользоваться «теперешним ветром»¹⁸. В конце октября бриг вмерз в лед на реке Свири близ деревни Усланки Олонецкого уезда; на борту были оставлены сторожа для вычерпывания воды и «окальвания» вокруг судна льда, остальные перебрались «на квартиры» в крестьянские избы. Извещая об этом министра, Оленин, имея в виду конечную безопасность рукописей и книг, высказывался в пользу перевоза груза обратно в Петербург «устанавливающимся зимним путем»¹⁹. Тогда было признано, что военные обстоятельства для столицы России уже вполне благоприятны, и, поскольку олонецкие крестьяне соглашались взять за перевоз груза с пуда по 1 рублю, а некоторые по 95 копеек (впоследствии все согласились на 90), то путь рукописей и книг Императорской Публичной библиотеки протекал без особых трудностей. 28 декабря все 189 ящиков благополучно прибыли обратно в Петербург, что стоило казне 5 639 рублей 57 копеек²⁰.

В Санкт-Петербургской Императорской Академии наук «по случаю предосторожности, принимаемой правительством для удаления из столицы нужнейших бумаг и драгоценных вещей», также, начиная с 6 сентября, предпринимались меры к исполнению распоряжений министра народного просвещения по укладке всего предполагаемого «для отправления, куда повелено будет». Но еще 8 августа в письме

академика Н.И. Фусса были высказаны общие соображения о предметах, которые имели большую денежную ценность или были «дороги для национального чувства»; они в основном по прошествии времени и были отобраны как самые важные, включая астрономические приборы и «восточные манускрипты». Тогда же была высказана мысль о том, что безопаснее было бы перевезти академические «вещи» в Кронштадт²¹, но в Министерстве народного просвещения было решено отправить их в другом направлении. На эти цели из «экономических сумм» Комитет Правления Академии наук распорядился выдать академикам Н.Я. Озерецковскому, Ф.И. Шуберту и В.М. Севергину средства, чтобы они «благоволили все находящиеся в ведении их драгоценности укладывать»²². Эвакуировать из Петербурга было решено «восковую персону» Петра Великого, предметы его гардероба, чучела его лошадей и собак, токарные станки и прочее. Согласно рапорту Комитета Правления Академии от 13 сентября, все, что предполагалось к вывозу, было упаковано в 72 ящика, включая «минеральный кабинет» и «костюмы китайские, японские и прочие»²³. Общий вес составил 452 пуда. Хранившиеся в Кунсткамере анатомические препараты, чучела млекопитающих, птиц, земноводных было решено оставить на месте. В качестве сопровождавших груз были назначены два чиновника и «при них двое сторожей» с унтер-офицером академической «инвалидной команды».

Увязка и укладка затягивались, поскольку размеры ящиков подгонялись под предметы различной величины, при этом в донесении академика А.Ф. Севастьянова графу А.К. Разумовскому сообщалось, что хозяева судов, присланных из Адмиралтейства в Академию наук, просили поспешить с погрузкой ввиду того, что «задерживание их здесь долгое время делает нам остановку в пути, ибо Ладожский канал рано замерзает, а это может заставить нас зимовать, отъехав недалеко от столицы»²⁴. Поэтому работы были ускорены, что позволило двум «даншкоутам», груженным академическими «вещами», и сопровождавшей их яхте отправиться в путь уже 17 сентября. Без особых приключений 29-го все добрались до Лодейного Поля, но далее пройти не смогли «за покрытием реки Свири льдом» и остались зимовать в деревне под названием Капустина в ста верстах от Петрозаводска, где подходящего места для хранения академических редкостей не оказалось²⁵. Поэтому сопровождавшие их чиновники вскоре обратились к начальству с предложением разрешить им в целях сбережения груза «установившимся зимним путем» вернуться в Петербург, поскольку, по имевшимся сведениям, опасности для столицы более не существовало. Граф А.К. Разумовский внял предложению академического начальства и 16 ноября 1812 г. направил срочное предписание разворачиваться обратно для доставления всего ранее отправленного в Петербург.

Когда отобранные предметы Академии наук еще только предпринимали свой путь в назначенное место, состоялась очередная конференция Академии наук. Выступивший на ней экстраординарный академик В.Г. фон Тиленау сделал представление о необходимости разобрать и уложить в ящики хранившийся в академическом собрании единственный экземпляр скелета мамонта. Предложение получило одобрение, и помощник интенданта Кунсткамеры обещал принять все меры, необходимые к сохранению «сего редкого и драгоценного предмета»²⁶. Однако больше никаких академических грузов водным путем из Петербурга не отправлялось, поэтому можно предположить, что скелет мамонта все-таки был оставлен в Кунсткамере.

Дальше всего удалось уплыть «предметам» Императорской Академии художеств. На выделенные для нее «даншкоуты» «Святой Иоанн» и «Святой Николай» и яхту «Святой

Петр» были погружены 117 ящиков «с формами античных фигур», ящик с мраморной статуей Екатерины II и статуей Анны Иоанновны с арабчонком «в обертке» и 39 ящиков с моделями античной архитектуры и прочими казенными вещами. Кроме того, по просьбе императрицы Марии Федоровны, на один из кораблей был погружен мраморный памятник великой княгине Александре Павловне работы скульптора И.П. Мартоса²⁷. «Колоссальную» статую Геркулеса Фарнесского, отлитую из алебастра, по решению вице-президента Академии П.П. Чекалевского решено было оставить в столице. Выйдя из Петербурга 18 сентября, к 6 ноября корабли сумели добраться до деревни Гакручье на той же Свири, где и остались. В начале декабря они также получили предписание возвращаться сухим путем в Петербург, оставив на месте часть громоздкой скульптуры, которая должна была дожидаться открытия новой навигации.

Из числа воспитанников Академии художеств были вывезены 205, остальные 48 по разным причинам остались в городе. Воспитанники были отправлены на телегах в Петрозаводск; среди них были оказавшие «отличные успехи» и награжденные золотыми медалями: по классу «живописи ландшафтной» — С. Шедрин, по классу «архитектуры» — К. Тон, по классу «живописи портретной» — М. Тербенев и др.²⁸ Часть чиновников Академии выразила желание ехать вместе с воспитанниками, в том числе профессора Г.И. Угрюмов, А.Н. Воронихин, В.К. Шебуев. Все были снабжены теплой одеждой, «касторовыми» шинелями, фуражками, сапогами и рукавицами.

4 октября также в Петрозаводск на четырех яхтах была отправлена часть воспитанников Губернской гимназии (31 пансионер и 39 своекоштных) и 76 воспитанников Санкт-Петербургского педагогического института, директором которого был в то время Е.А. Энгельгардт, возглавивший впоследствии Царскосельский лицей. Гимназистов сопровождали директор и профессора П.Д. Лодий, В.Г. Кукольник и К.И. Арсеньев. 7 октября суда прошли Шлиссельбург, а 9-го достигли Новой Ладоги, откуда вышли через шлюз в Волхов²⁹. В середине октября по случаю ледостава на Свири они добирались из упоминавшейся выше Усланки к месту своего назначения по зимнему пути. В Петрозаводск студенты Педагогического института и казенные воспитанники Губернской гимназии прибыли 14 ноября и были размещены в здании городской гимназии. Части воспитанников губернской гимназии и некоторым чиновникам пришлось остаться в Усланке, «в каменном доме купца Рекса». Только 16 декабря Разумовский отдал распоряжение институтскому и гимназическому начальству укладываться в обратный путь, 28 января все «чиновники» и воспитанники отправились в путь и 3 февраля 1813 г. прибыли в столицу³⁰.

Что касается Императорского лицея, то он, как и Педагогический институт, подчинялся Министерству народного образования, поэтому министр народного просвещения граф А.К. Разумовский 14 сентября 1812 г. направил директору Лицея В.Ф. Малиновскому предписание на случай, «если назначено будет отправить воспитанников Лицея на время в другую губернию», озаботиться их снабжением «теплой дорожною одеждою» и составлением списка всех лиц, состоявших на лицейской службе, с отметками, кто из них должен сопровождать воспитанников и кто может остаться в Петербурге или в Царском селе. Давая такое распоряжение, министр делал оговорку, что директор Лицея должен представить в министерство свои «предварительные представления», включая и перечень вещей, какие в связи с этим сочтет нужным распорядиться приобрести³¹. В своем представлении от 19 сентября директор сообщил министру, что поручил помощнику надзирателя по хозяйственной части М.А. Золотареву заняться приобретением теплых вещей и последний уже «по лавкам в Санкт-Петербурге их сторговал», но без разреше-

---

ния Разумовского покупки еще не сделал. Тогда же директор Лицея сообщил в министерство о своем распоряжении изготовить дорожные ящики для посуды и прочего.

В реестре «о необходимо нужных для воспитанников вещах», составленном секретарем правления Лицея Е.К. Люценко, значится 15 пунктов, из них половина — различные предметы теплой одежды: «тулупы, покрытые полукитайкою», «рейтузы суконные или шаровары», «сапоги просторные», «теплые кенги» (особая зимняя обувь, подшитая мехом или байкой) и прочее — всего по 30 штук; там же и также по 30 штук значились «большие чемоданы для платья», «жестяная дорожная посуда с чашками и тарелками на 36 персон», «циновки хорошие» и прочее³². Таким образом, в эвакуацию предполагалось отправить всех воспитанников Царскосельского лицея, в том числе и, разумеется, А.С. Пушкина, и отправлялись они, скорее всего, туда же, куда были отправлены и другие учреждения, подведомственные Министерству народного просвещения, т.е. в Олонецкую губернию.

23 сентября В.Ф. Малиновский и секретарь конференции профессор Н.Ф. Кошанский сообщили А.К. Разумовскому, что «в случае перемещения Лицея» книги «по малому количеству и по необходимости» могут быть при отправлении воспитанников взяты с собой, при этом в министерство был послан список профессоров и служебного персонала Лицея, что было продиктовано необходимостью уведомить министра о том, кто из них уезжает с воспитанниками, а кто остается в Царском селе или в Петербурге. В этом списке значится 12 человек, из которых 6 должны были уехать вместе с воспитанниками, в том числе профессор российской и латинской словесности Н.Ф. Кошанский, профессор немецкой словесности Ф.М. фон Гауеншильд, адъюнкт профессор нравственных наук А.П. Куницын, адъюнкт-профессор исторических наук И.К. Кайданов. Остальные, в частности, профессор французской словесности Д.И. де Будри и наставник Закона Божия священник Н.В. Музовский, оставались на месте.

На предполагавшееся отправление Лицея в другую губернию России отозвался и протоиерей Царскосельской придворной церкви А.А. Самборский, выразивший в письме от 15 сентября 1812 г. на имя графа Разумовского желание «на собственном иждивении, не требуя ни малейшего пособия от Лицейской казны», следовать за Лицеєм со своей походной церковью и продолжать наставлять воспитанников в Законе Божием, если они «удалены будут в чужие края», где не существует церкви Греко-Российского исповедания. Предложение Самборского было принято с благодарностью в ответном письме министру от 4 октября³³. Но воспитанникам Лицея не суждено было испытать тяготы, связанные с эвакуацией. Помимо Лицея не были вывезены и некоторые другие учебные заведения, например, Иезуитский институт, Пажеский и Кадетский сухопутный корпуса, хотя предположения о необходимости их эвакуации были³⁴.

Между тем многое было вывезено, о чем было известно из циркулировавших слухов, и поэтому отчасти отразилось в записках современников. Так, по воспоминаниям И.И. Дмитриева, «по вступлении в Москву неприятеля начали даже и в Петербурге, по всем Министерствам, отправлять нужнейшие бумаги водным путем, помнится в Олонецкую губернию, куда отряжен был от Министерства полиции чиновник, чтобы приготовить дома для поклажи дел и проживания отправленных с ними от всех Министерств приказных служителей. Но благодарение святому промыслу, распоряжения правительства и народному духу! Временное испытание наше обратилось для нас в вечную славу. Спокойствие восстановилось, течение дел вступило в прежний порядок»³⁵. Однако министр юстиции не обо всем был в должной мере осведомлен или

просто забыл: к эвакуации Петербурга стали готовиться еще до занятия неприятелем Москвы, тем более что, по сведениям Особенной канцелярии министерства полиции, Наполеон «прокрикивал», что «к 30 августа будет в Петербурге»³⁶.

Московский генерал-губернатор писал в то время министру полиции: «Третьего дня нашло здесь такое уныние, когда узнали, что в Кабинете, крепости, в банках и Эрмитаже укладывают по секрету вещи для отправления в Ярославль и для сего через Тихвин расставлено до двух тысяч лошадей на каждой станции»³⁷. Из этого, по словам Ростопчина, делался общий вывод, что «опасность для Петербурга велика». Впрочем, возможно, генерал-губернатор обладал далеко не полной информацией, часть того, о чем он писал, была отправлена совсем в другую сторону: «в город Вытегру на 22 больших ластовых судах были привезены драгоценности и разные вещи Императорского Эрмитажа и Кабинета Его Величества»³⁸.

Отчасти схожие настроения имели место и далеко на севере от тех мест, в городе Вытегре, куда «по вечеру» в сентябре приехал «в страшном испуге» некий крестьянин, рассказавший, что «едут и едут французы полонать город». Приезжий показал, что своими глазами видел их ружья, а «от конных и пеших пыль столбом». Известие подтвердили и другие проезжавшие со стороны Петербурга, почему жители города решили: французы узнали, что «везут в Вытегру царские сокровища, так и едут завладеть ими». Наскоро собранное ополчение вооружилось рогатинами и топорами. Под командой 75-летнего капитана Смирнова, «служившего еще при матушке Екатерине под знаменами бессмертного Суворова», вытегорское ополчение выступило навстречу неприятелю вкпе с инвалидной командой из 60 человек, вооруженных одними тесаками. Под барабанный бой ополчение проследовало на другую сторону реки, не забыв поднять подъемный мост, чтобы лишить неприятеля единственного сообщения с городом. Пройдя с полверсты, расспросили по дороге встретившихся жителей, ехавших в город для разных покупок по хозяйству, но те не видели французов и ничего о них не слышали. В конце концов, выяснилось, что близ той деревни, у которой обнаружили «пыль столбом», мужики собрались косить болото и частью ехали на лошадях, частью же шли пешком, держа косы на плечах³⁹. Ружья вместо кос дорисовало взбудораженное воображение.

По северной столице был разослан для чтения в церквях и для рассылки по присутственным местам листок, озаглавленный «Извещается по Высочайшему повелению». В нем говорилось: «Здесь в Санкт-Петербурге берутся некоторые меры к вывозу отсель нужных вещей. Сие отнюдь не для того делается, чтобы какая-нибудь опасность угрожала сей столице. Один взгляд на положение войск наших всякого в том удостоверить и успокоить должен; ибо со стороны Псковской и Рижской дорог неприятель не только сюда приближаться, но, поражаемый часто нашими войсками, едва и там держаться может. Что принадлежит до Московской дороги, то... главнокомандующий фельдмаршал со всею своею армией наблюдает движение неприятеля. Что же касается до вывозу, как сказано отселе нужных вещей, оное делается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзание рек. Настоящее время не представляет никакой опасности, но мы бы погрешили против Бога, если б с несомненною уверенностью стали утверждать будущее, о котором Он Один знает... Меры сии берутся в безопасное время и на тот один конец, что ежели бы опасность (от чего да сохранит нас Бог!) стала угрожать сему городу, тогда Правительство, известив о том заблаговременно, и имея уже все тяжелые вещи вывезенными, облегчило бы жителям способы с лучшим порядком и без смятения выезжать отселе внутрь земли. Ибо положено единожды и твердо (с чем каждый россиянин согла-

сен), что какой бы ни был успех неприятельского оружия, но прежде испить всю чашу бедствия, нежели поносным миром предать Россию порабощению»⁴⁰.

Это обращение было напечатано в «Северной почте» от 21 сентября (№ 76), однако едва ли оно могло внести успокоение в умы и сердца столичных обывателей. Если в Москве слухами земля полнилась, то и в Петербурге об этом давно говорили вслух. «Слухи об отправлении отсюда воспитательного дома, ссудной Кассы, Арсенала, монетного двора и прочего Вашему Превосходительству слишком известны, чтобы здесь заслуживать места, — сообщал начальник Особенной канцелярии М.Я. фон Фок министру полиции 23 августа 1812 г. — Они распространяют однако же большое беспокойство между жителями лучших классов и даже между средними сословиями, эти дни много произвели толков об опасности столицы нашей. Особливо же слухи, что вдовствующая императрица с двором изволит сама отправиться в Казань, тревожит умы бессильные»⁴¹. «Умы бессильные» — это те, кто томился в полной неизвестности, не зная, что делать — или собирать пожитки и отправляться, например, с Выборгской стороны далее на север, или поступать в ополчение.

Слухи об эвакуации столицы попали и в сообщения агентов тайной полиции. В одном из донесений того времени говорится: «Внезапно получила распространение новость о том, что отдано распоряжение увязываться при дворе и в Эрмитаже, а это посеяло тревогу среди здешних жителей»⁴².

По далеко неполным и не вполне точным сведениям о многом осведомленного статс-секретаря В.Р. Марченко, «Эрмитаж, библиотеки, ученые кабинеты и дела всех присутственных мест вывезены водою на север, чем воспользовались и служащие, присоединив свои ящики к казенным, так что у графа Аракчеева, например, было в доме не более трех ложек. Затем все жили, по пословице, на мази: кто мог, держал хотя пару лошадей, а прочие имели наготове крытые лодки, которыми запружены были каналы. Закрывание банка и ломбарда, с пресечением присылки доходов из деревень, сделало то, что монетный двор не успевал перечеканивать в монету приносимых сервизов»⁴³.

Присоединил свои ящики к казенным или отправил их под видом казенных сам министр внутренних дел О.П. Козодавлев. Директор Особенной канцелярии фон Фок 3 сентября 1812 г. доносил министру полиции А.Д. Балашову о том, что он «отправил часть своего имущества на сбережение в Тихвинский монастырь за надежным конвоем под предводительством статского советника Мельникова, который за исправное выполнение сего поручения произведен в действительные статские советники (чин IV класса, соответствующий генерал-майору — *С.И.*). Монахи, усердствуя при привозе вещей, столь знаменито препровожденных, вознамерились внести их в алтарь, чтобы там их сохранить; но северные двери оказались слишком малыми для сундуков, сокровища Г. Козодавлева в себе заключающих, а потому иноки облеклись в ризы и внесли с богобоязненным велением сии драгоценности чрез Царские врата в алтарь и там достоительно схоронили»⁴⁴. Полицейское донесение перекликается с аналогичным сообщением жены петербургского гражданского губернатора В.И. Бакуниной (урожденной Голенищевой-Кутузовой) с той лишь разницей, что, по ее утверждению, сундуков было 18, «от тяжести коих пол треснул»⁴⁵.

Полицейские осведомители, засевшие в петербургском доме министра финансов Д.А. Гурьева, донесли 13 сентября: покуда господа обретались в гостиных апартаментах, «собравшиеся в передней лакеи завели разговор о настоящих военных обстоятельствах и об опасности, в которой находится Отечество, и после многих рассуждений

говорили, что надобно всем споспешествовать к спасению Отечества и на защищение веры и государя». Когда же возник извечный вопрос, что делать, «один из них отвечал, что надобно выбрать между собою одного половчее и поумнее и начать тем, чтобы свернуть головы своим господам, то есть русским французам, а потом идти на врага. От господ же нечего ожидать, они совсем офранцузились и государя обманывают».

Такие мысли посещали не только лакеев и не только у министра финансов. Разумеется, подобного рода «патриотизм» не мог не беспокоить власти. По донесению тайных полицейских агентов в Санкт-Петербурге, «статский советник Муратов и какой-то флотский командир или адмирал говорили в одном из лучших борделей, что наверное слышали, что государь с императрицею Елизаветою Алексеевною выедет на иностранном корабле за море, а правление вверит Константину Павловичу»⁴⁶. Каким именно наказанием отделались два посетителя «заведения» и последовало ли оно вообще, неизвестно. Слышали это, надо полагать, не только чины полиции, и подобные рассуждения вполне могли обрасти другими, еще более невероятными слухами.

Донесение переключается с аналогичным сообщением полицейского агента о реакции на проводившиеся правительством «упредительные» меры. Среди посетителей известного питейного заведения близ Невской перспективы, где не без пользы проводил время в ожидании интересующих сведений один из агентов, велись разговоры о том, что «государь все свои сокровища вывозит в Кронштадт и уже три раза по 40 ботов туда отправил, а теперь еще столько же у Адмиралтейства и дворца в готовности», а также о том, что «государь в Кронштадте жить не будет, а намерен с фамилиею в Англию»⁴⁷. Между прочим, вся скрытная деятельность по увязке и вывозу из Петербурга «нужных вещей» не прошла совсем бесследно для французов. На острове Святой Елены Наполеон, между прочим, обмолвился: «Мы могли идти на Петербург, и Александр боялся этого; он отправил в Лондон свои архивы и сокровища... Если бы дело было в августе, армия, несомненно, пошла бы на Петербург»⁴⁸.

По сообщению же другого агента, специализировавшегося на околопридворных «известиях», «придворные служители между собою говорят, что императрица Елизавета Алексеевна решилась остаться здесь и от народа не бежать, почему и не велела укладывать свои сокровища; а государыня императрица Мария Феодоровна ежечасно в слезах, грустит и велела все собрать во дворце и училищах (подведомственных ей — *С.И.*) и готовиться к отъезду; а сие, говорят, происходит от графини Ливеной (Дарьи Христофоровны Ливен, урожденной Бенкендорф, фрейлины Марии Феодоровны — *С.И.*), о которой рассуждают, что подкуплена Бонапартом, у двора в неограниченном кредите и первая подпора графа Румянцева, Барклая де Толли и прочих немцев, окружающих государя. Сии же люди внушают ей свою систему и образ мыслей и таким образом пугают чрез нее Марию Феодоровну. А народ, смотря на императрицу, приходит в смущение и опасается, что она уговорит государя к заключению мира с Франциею и к запрещению торговли с Англиею»⁴⁹.

Сообщение отчасти переключается с тем, что писал в своих воспоминаниях будущий товарищ президента Академии художеств граф Ф.П. Толстой. Он отмечал, что пока в столице «казенные места спешили вывозить драгоценности Петербурга в места, безопасные от неприятеля», а «тысячи повозок приготавливались в городе для вывоза оттуда во внутрь России обитательниц Смольного монастыря, институтов и двора», императрица Елизавета Алексеевна, когда ее спросили, сколько надобно будет ей подвод для вывоза вещей, отвечала: «Так как нет возможности спасти имущество всех жителей Петербурга до послед-

---

ней бедной, то и я должна терпеть одинаковую с ними участь»⁵⁰. По словам Толстого, «эта кроткая, умная государыня во всех случаях поступала как истинная царица».

Как бы то ни было, вследствие общей неясности положения дел подготовка петербургских учреждений к вывозу проводилась и далее, в особенности же после того, как слухи о сдаче Москвы подтвердились. Это происходило уже после столичных бородинских торжеств, когда Александр I поручил генерал-адъютанту Е.Ф. Комаровскому отправиться в Подольскую и Волынскую губернии собрать «вместо рекрут, по сделанному расчету, до 20 000 лошадей» для пополнения кавалерийских резервов. Получив на следующий день необходимые бумаги у Аракчеева, Комаровский отправился к государю за последними указаниями, вошел в кабинет его Каменноостровского дворца и некоторое время, пребывая незамеченным, наблюдал, как император «в чрезвычайном смущении» рассматривал «секретную маршрутную» карту России. В последовавшем затем разговоре генерал-адъютант спросил, какой дорогой ему ехать, «ибо на Смоленск невозможно, — разве на Москву?» После некоторого молчания император ответил: «Ну, конечно, на Москву; впрочем, поезжай, как Бог тебя пронесет». В тот же день, приехав к цесаревичу «откланяться», Комаровский нашел у него в гостях знакомого ему шталмейстера и московского сенатора П.И. Озерова. На вопрос, можно ли еще проехать через Москву, сенатор отвечал: «Не знаю, когда я выехал оттуда, французы уже были на Воробьевых горах»⁵¹.

Слухи, вызванные очевидной для многих эвакуацией учреждений столицы, привлекали внимание «начальства» и направляли розыскную деятельность на поиск виновных. По воспоминаниям племянницы поэта Г.Р. Державина Елизаветы Львовой, ее брат, Александр Николаевич, служивший до 1812 г. по статской части, отправился на войну добровольцем, отличился в трех сражениях и был представлен командованием к золотому оружию. Находясь как-то проездом в Рязани, Львов на обеде у губернатора в присутствии двух «молодых людей во фраках» рассказал, «какое дурное впечатление делает в народе, что все богатства из кабинета укладываются в лодки и отправляют в Вытегру; как недовольны отступлением Барклая де Толли и отъездом государя Александра Павловича из армии». Через некоторое время Львов был выслан из армии с фельдъегерем, причем в дороге ему запретили бриться и пользоваться ножом и вилок. В Петербурге его заперли в подвале дома главы Военного департамента Государственного совета графа Аракчеева, который, по учинении ничего не подозревавшему Львову допроса, доложил о нем государю, после чего объявил арестованному монаршее прощение. При расставании Аракчеев показал ему бумагу за подписью М.Б. Барклая де Толли, из которой следовало, что за распускание вредных слухов Львов «в пример другим должен быть расстрелян»⁵². Хорошо еще, что Аракчеев как бывший военный министр не ладил с Барклаем и не пропустил случая показать, что он тоже «в силе».

«Грустное это положение дел, неизвестность о будущем и самое осеннее время» заставляли императора, избегая неприятных разговоров, не покидать Каменного острова. В то же время граф Аракчеев, по свидетельству знавших его людей, «едва мог отделяться от приглашений императрицы Марии Феодоровны к обеду, зная, что она станет любопытствовать, а ему придется или лгать, или невежливо отмалчиваться и пожимать плечами»⁵³. Тягостное настроение государя в подобной обстановке, питаемой разного рода слухами и противоречивыми известиями из армии, выразилось в его письме фельдмаршалу Кутузову от 17 сентября: «Не могу скрыть от Вас как собственного моего по сему беспокойства, так и уныния, производимо-

го сею неизвестностью в Санкт-Петербургской столице»⁵⁴. Таким настроениям способствовало оставление второй столицы России, и, в особенности, последовавший затем пожар, хотя император и утверждал, что «пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплой верой, какой не ощущал до тех пор»⁵⁵. Вместе с тем эти настроения не препятствовали тому, что Александр I и далее продолжал оставаться тверд в своем намерении следовать избранной им «системе» с тех пор, как стал в позу оскорбленного «вероломным» нападением «посреди мира и союза». В этом угадывается желание реванша за сокрушительное поражение, понесенное императором при Аустерлице, когда посторонние лица оказались свидетелями тяжелейшего нервного потрясения государя. Поза оскорбленного самолюбия постоянно давала о себе знать в общении императора с близкими ему людьми, с теми, кто бывал допущен к нему на аудиенцию в Петербурге, или в переписке с находившимися на главных командных постах военными в 1812 г.

Император настаивал на своем решении вести войну до конца, ни в коем случае не делая шаги навстречу неоднократным предложениям со стороны Наполеона о начале мирных переговоров. За него было бескрайнее пространство империи, ее огромные, неисчерпаемые силы и время, в котором он также не был ограничен. К этому его убеждению, возможно, присоединялось и то, что в обмен на территориальные уступки в пользу Швеции наследный принц, с которым Александр I поддерживал тесные отношения, собирался стать во главе тридцатитысячного корпуса и привести его на помощь Петербургу. Однако уже вскоре после выступления Великой армии из Москвы и вследствие успешных действий войск под командованием П.Х. Витгенштейна опасность для Петербурга постепенно миновала, что, естественно, отразилось и на настроении петербургского общества тем, что эвакуация столичных учреждений прекратилась.

Примечания

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 225.

² Русская старина. 1912. № 7. С. 142.

³ Северная почта. 31 июля 1812. № 61.

⁴ Русский архив. 1896. № 4. С. 526.

⁵ Там же. С. 563. (Ростопчин — Багратиону, 6 августа 1812 г.).

⁶ Русская старина. 1912. № 7. С. 143.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина / Пер. с фр. И.И. Ореус // Русская старина. 1889. № 12. С. 715.

⁹ Акинфов Ф.В. Из воспоминаний Акинфова // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 208—209.

¹⁰ См.: Император Александр Павлович и его время. Исторические материалы, к нему относящиеся. 1804—1820 // Русская старина. 1881. № 11. С. 663—665.

¹¹ Журналы Комитета Министров. Царствование императора Александра I, 1802—1826 гг. Т. 2. СПб., 1891. С. 521—522.

¹² Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г.: Документы Архива Министерства народного просвещения / Сост. и ред. К.А. Военский. СПб., 1912. С. 277.

¹³ Там же. С. 277—278. (Секретное предписание А.К. Разумовского директору Публичной библиотеки А.Н. Оленину, 10 сентября 1812 г.).

¹⁴ Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Шукиным. Ч. 7. М., 1899. С. 179.

- ¹⁵ Там же. С. 180—181.
- ¹⁶ Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г... С. 355—356. (Предписание А.К. Разумовского А.Н. Оленину, 15 сентября 1812 г.).
- ¹⁷ Там же. С. 358—360. (Секретная инструкция от 22 сентября 1812 г.).
- ¹⁸ Там же. С. 365. (Донесение А.Н. Оленина А.К. Разумовскому, 5 октября 1812 г.).
- ¹⁹ Там же. С. 366. (Секретное донесение А.Н. Оленина А.К. Разумовскому, 7 ноября 1812 г.).
- ²⁰ Там же. С. 368.
- ²¹ Там же. С. 313—314. (Письмо Н.И. Фусса А.К. Разумовскому, 8 августа 1812 г.).
- ²² Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9. Л. 392—392 об.
- ²³ Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г... С. 319; Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9. Л. 403—403 об.
- ²⁴ Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г... С. 320.
- ²⁵ Там же. С. 323. (Рапорт Комитета Правления Академии наук А.К. Разумовскому, 12 ноября 1812 г.).
- ²⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 23. Л. 93 об.
- ²⁷ Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г... С. 335—336, 332—333.
- ²⁸ Там же. С. 339—344.
- ²⁹ Там же. С. 384—385. (Донесение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уварова, 17 октября 1812 г.).
- ³⁰ Там же. С. 395.
- ³¹ Там же. С. 401.
- ³² Там же. С. 403—404.
- ³³ Там же. С. 401—402, 410.
- ³⁴ Там же. С. 413—416.
- ³⁵ *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 205—206.
- ³⁶ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 231. Л. 85—87 об.
- ³⁷ *Дубровин Н.Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 г. // Военный сборник. 1863. № 7. С. 436.
- ³⁸ Памяти Императора Александра I Благословенного и Отечественной войны для жителей Олонечного края. Сост. И.И. Благовещенский под ред. А.Ф. Шидловского. Петрозаводск, 1912. С. 14.
- ³⁹ Там же. С. 13—14.
- ⁴⁰ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 226. Оп. 1. Д. 363.
- ⁴¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 232. Л. 23.
- ⁴² Там же. Д. 297. Л. 44—45 об.
- ⁴³ *Марченко В.Р.* Автобиографическая записка государственного секретаря...: 1782—1838 гг. // Русская старина. 1896. № 3. С. 500.
- ⁴⁴ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 232. Л. 25.
- ⁴⁵ Русская старина. 1885. № 9. С. 407.
- ⁴⁶ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 232. Л. 23 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 35 об.
- ⁴⁸ Recueil de pièces authentiques sur le captif de Se-Hélène, de Mémoires et documens écrits ou dictés par l'empereur Napoléon, suivis de lettres de MM. le grand-maréchal comte Bertrand, le comte Las Cases, le général baron Gourgaud, le général comte Montholon, les docteurs Warden, O'Meara et Autommarchi; avec des notes de M. Regnault Warin et accompagnés de notices biographiques. T. 2. Paris, 1821. P. 104—105.
- ⁴⁹ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 226. Оп. 1. Д. 297. Л. 44 об.
- ⁵⁰ Русская старина. 1873. № 2. С. 136—137.
- ⁵¹ *Комаровский Е.Ф.* Записки. Ред. П.Е. Щеголева. Вступительная статья Е.А. Ляцкого. СПб., 1914. С. 200—201.
- ⁵² Русская старина. 1880. № 9. С. 202—204.
- ⁵³ Там же. 1896. № 3. С. 501.
- ⁵⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. 2. СПб., 1889. С. 33—34.
- ⁵⁵ *Тимирязев В.* Александр I и его эпоха. Период второй (1811—1815) // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 688.

Петербург в войне 1812 года и вывоз ценностей из Кабинета Его Императорского Величества

Война 1812 года принесла много горя и страданий русскому народу. В Манифесте императора Александра I от 3 ноября 1812 г. говорится: «Всему свету известно, каким образом неприятель вступил в пределы нашей империи. Никакие приемлемые нами меры к точному соблюдению мирных с ним постановлений, чтобы избежать кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его намерений. С мирными в устах обещаниями не переставал он помышлять о брани. Наконец, собрав сильное воинство со множеством орудий, двинулся он вглубь земли нашей. Убийства, пожары и опустошения следовали по стопам его. Разграбленное имущество, сожженные города и села, пылающая Москва, взорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни. Могущее, изобильное и благополучное Царство Российское рождало всегда в сердцах врагов страх и зависть. Обладание целым светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать. Исполнен сею боязнью и глубокою ненавистью к ней, изобретал он в уме коварные средства, которыми бы мог нанести силам ее страшный удар, богатству всеконечное разорение, изобилию повсеместное опустошение. Весь свет обратил глаза на страждущее наше Отечество. Но велик и силен Бог правды.

Храбрые войска наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны.

Столь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков. При таковых доблестях его, мы вместе с Православною Церковью, и Святейшим Синодом, и духовенством, призывая на помощь Бога, несомненно надеемся, что если неукротимый враг наш и поругатель святынь не погибнет совершенно от руки России, то по крайней мере по глубоким ранам и текущей крови своей почувствует силу ее и могущество. Между тем почитаем за долг и обязанность сим нашим всенародным объявлением изъяснить пред целым светом благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу российскому»¹.

По мере продвижения армии Наполеона вглубь России встал вопрос о сохранении национальных ценностей. Никто в то время не знал, куда противник направит свои силы².

Александр I принял решение: если армия Наполеона двинется на Санкт-Петербург через Псков или Нарву, то следует принять все необходимые меры для его защиты, а дислоцированные в Финляндии и Петербургской губернии войска сосредоточить под Нарвой или в другом, более опасном для столицы месте. В случае

опасности для города все ценности должны были быть вывезены. Однако, дабы не причинить жителям Санкт-Петербурга напрасной тревоги, вывоз должен был быть осуществлен в совершенной секретности.

В предписании управляющего Кабинетом Его Императорского Величества Д.А. Гурьева от 10 сентября 1812 г. было указано на необходимость отправить в назначенный путь из кладовой Кабинета 160 тыс. червонных и 1 млн 500 тыс. рублей серебром, а также именные высочайшие указы, архив императора Петра Великого, собственные бумаги императрицы Екатерины II, мягкую рухлядь, разные вещи из 3-го отделения Кабинета, разные вещи, принадлежавшие великим княгиням Марии Павловне и Екатерине Павловне, а также предназначенные в приданое великой княжне Анне Павловне, разные изделия императорской шпалерной мануфактуры, денежную казну, находившуюся в 304 бочонках и прочие вещи и бумаги в ящиках. Все вещи и денежная казна должны были быть уложены и отправлены до места назначения на истребованных управляющим Кабинетом и главнокомандующим в Санкт-Петербурге генералом от инфантерии С.К. Вязмитиновым трех судах под командованием лейтенанта флота Дурасова.

Все эти вещи и денежная казна поручались под полную ответственность чиновника Кабинета статского советника П.М. Карабанова, которому были даны точные копии с записок и реестров за подписью тех лиц, от которых все это принято.

П.М. Карабанов получил от управляющего Кабинетом Д.А. Гурьева подробные инструкции о том, куда следовать. В помощь ему были прикомандированы титулярные советники А. Козлов и А. Семенов, канцелярист Погуткин, а для содержания караула — унтер-офицер Соколов и инвалиды Григорьев и Болдырев. На непредвиденные расходы в пути Карабанову была выделена 1 тыс. рублей. Всем сопровождавшим ценный груз выдано жалованье вперед за одну треть.

По словесному приказанию Д.А. Гурьева 12 сентября 1812 г. в кладовой Кабинета было закупорено и запечатано казенной печатью 300 бочонков серебряной монеты на сумму 1,5 млн рублей и четыре бочонка с червонными на 160 тыс. рублей.

Также были уложены и закупорены в тюках и ящиках с приложением казенной печати дела архива императора Петра I и других важнейших особ, в том числе: 1) 20 книг записанных указов за подписью Петра I и императрицы Екатерины I 1704—1723 гг.; 2) 72 книги императора Петра I, писанные и правленные собственноручно; 3) 125 духовных и гражданских книг времен Петра I; 4) книжка с письмами императора Петра I к Зотову в бархатной сумке; 5) записная книжка императрицы Екатерины I с 5 декабря 1724 г. по 24 января 1725 г.; 6) 7 записных книг и тетрадей за подписью секретарей Кабинета Макарова и Черкасова за 1713—1720 гг.; 7) 8 секретарских книг за 1720—1731 гг.; 8) книга о состоянии Большого Ладожского канала, сочиненная генерал-фельдмаршалом Минихом; 9) Устав ордена Св. Анны; 10) грамота императрицы Елизаветы Петровны на пожалование Миниху мызы в Лифляндии; 11) разные бумаги из архива императора Петра I; 12) грамоты и патенты Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны разным лицам на разные владения; 13) 19 подлинных писем к императору Петру I от высочайших особ; 14) 20 указов Петра I, правленных его рукой; 15) 22 письма императрице Екатерины I от разных лиц; 16) 23 письма Елизавете Петровне от разных лиц; 17) пожалованная от Синода митрополиту Киевскому Тимофею грамота на владение типографией для печатания церковных книг в парчовом голубом переплете с серебряными кистями и в серебря-

---

ной золоченной коробке; 18) патенты, пожалованные Елизаветой Петровной разным лицам на пергамене за ее подписью; 19) секретные письма и секретные розыскные дела; 20) секретные и политические дела времен царствования Елизаветы Петровны; 21) 18 серебряных и золотых сабель; 22) большое количество столовой посуды и разной дорогой материи; 23) бюсты императоров Петра I и Павла I из белого мрамора; 24) регистр фарфоровых вещей, сделанных в приданое великой княжне Анне Павловне; 25) изделия шпалерной мануфактуры в 3-х ящиках; 26) разные церковные одежды и церковное серебро.

Кроме того, в 6 ящиков были уложены разные вещи, хранившиеся в 3-м отделении, среди них: 8 живописных портретов императорской фамилии в бронзовых рамах, две родословные китайских императоров, 8 небольших живописных картин в бронзовых рамах, 17 бутылок французской водки, 319 серебряных медалей в ящике красного дерева с позолотой.

По словесному приказанию управляющего Кабинетом были уложены и закуплены также богатейшие уборы Михайловского замка. В трех ящиках были положены изделия шпалерной мануфактуры, среди которых дорогие ковры, вазы, портрет императрицы Екатерины II и две картины — «Избрание Михаила Федоровича на царство» и «Взятие Казани».

Отправленные в назначенное время суда проследовали по Неве, Ладожскому озеру, реке Свири до г. Вытегры, где ожидали дальнейших предписаний. Находившиеся при судах служащие должны были иметь бдительный надзор как за целостью бочонков с казной и ящиков, так и за сохранением их от промокания.

Из рапорта статского советника П.М. Карабанова управляющему Кабинетом Д.А. Гурьеву от 19 сентября 1812 г. следует, что до мызы Пелла все три судна с вещами и деньгами Кабинета дошли медленно, но благополучно. В рапорте Д.А. Гурьеву от 25 сентября 1812 г. П.М. Карабанов доносил о трудностях дальнейшего пути по реке Неве. У мызы Пелла они простояли 38 часов, ожидая попутного ветра. Один бот сел на мель. Чтобы сдвинуть его с места, пришлось большую часть груза переложить с носа к корме и выгрузить 12 бочонков. Но самое непредвиденное случилось с тем же судном у деревни Маловки, выше порогов, когда оно ударилось о камни и под носом у него выломало часть доски. После полуторадневной стоянки, сделанной для ремонта, судно также прибыло к Шлиссельбургу.

В рапорте от 27 сентября 1812 г. Карабанов сообщал Д.А. Гурьеву, что в 7 часов вечера того же дня суда благополучно прибыли в г. Ладогу. Лейтенант Дурасов получил дальнейшее предписание следовать до Крохинской пристани. Карабанов опасался, что суда не успеют достичь устья до морозов.

В рапорте от 2 октября Карабанов писал, что три бота прибыли в Лодейное Поле, в котором напрасно простояли в ожидании новых людей для бичевой: несмотря на все старания, последних «отыскать не удалось». Из следующего рапорта от 18 октября следовало, что суда благополучно проплыли 16 дней рекой Свирью и остановились на озере Онега. Через несколько дней Карабанов доносил, что 21 октября в 11 часов утра суда прибыли в Вытегру, простояв за устьем Свири на озере в ожидании попутного ветра 33,5 часа. Ценности были выгружены в две кладовые в Гостином каменном дворе Вытегры. Согласно очередному рапорту, все ценности Кабинета находились в целости и сохранности, а чиновники и служители Кабинета — «в добром здравии». О том же 15 ноября доносил и лейтенант Дурасов.

Уже 20 января 1813 г. Гурьев предписал Карабанову немедленно приступить к поиску подрядчиков на доставку всех вещей и денег обратно в Санкт-Петербург. 5 февраля из Вытегры выехал первый караван с ценностями Кабинета. На воз было погружено 138 ящиков с разными вещами и бумагами. Второй караван с казной отправился на следующий день. Он состоял из 89 подвод. К караванам был прикомандирован конвой из внутренней стражи Петрозаводского батальона 1-й роты по 12 рядовых и одному унтер-офицеру. В рапорте Карабанова Гурьеву от 24 февраля 1813 г. сказано, что 18 февраля все ценности благополучно вернулись в Санкт-Петербург.

Наконец, из рапорта казначея Кабинета И. Зубова от 28 февраля следует, что от Карабанова им было получено закупоренных и казенною печатью запечатанных с серебряною монетою 300 бочонков, в каждом по 5 тыс. рублей общей суммой 1,5 млн рублей, а также 4 бочонка по 40 тыс. червонных общей суммой 160 тыс. рублей. В свою очередь помощник начальника 2-го отделения Н. Черкасов 17 марта 1813 г. рапортовал в Кабинет, что из Вытегры возвращена отправленная из 2-го отделения мягкая рухлядь. При раскупорке ящиков и тюков оказалось, что все вещи находились в целости без всяких повреждений. Из конторы Императорского фарфорового завода также пришли сведения, что принятые ящики с фарфоровыми вещами, сделанными для великой княжны Анны Павловны, возвращены все в целости и сохранности.

В коллекции императорских повелений по придворному ведомству имеется представление графа П.Г. Головкина от 5 апреля 1813 г., в котором сказано, что Александр I повелел все вещи и материалы, отправленные от двора водою и сухим путем, возвратить на прежние места.

В заключение надо сказать, что все вывезенные из Санкт-Петербурга ценности были возвращены на свои места без всяких повреждений.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 355. Л. 44—47.

² Дальнейшее описание на основе документов: РГИА. Ф. 468. Оп. 39. Д. 83; Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 35. Л. 30-31; Ф. 466. Оп. 1. Д. 235. Л. 28.

О.Г. Агеева

Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действия в период войн с Наполеоном 1812—1815 гг.

Литература по истории русской культуры XIX в. хорошо показывает, что Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. сопровождались проведением военных церемоний, празднованием побед и торжественной встречей победителей, а успешное окончание этих кампаний вызвало многолетнюю череду открытия памятных сооружений и организации юбилейных торжеств.

Настоящая статья посвящена участию императорского двора и членов семьи Романовых в победных торжествах и церемониальных событиях времени военных действий 1812—1815 гг. В ней рассматриваются следующие вопросы: какие военные события и в какой форме отмечал двор, какие проявил культурные предпочтения, как в военной церемониально-праздничной культуре проявилось соотношение между императорским двором и обществом и, наконец, как в ней отразились личные качества Романовых.

Сведения о петербургских торжествах содержат источники нескольких разновидностей: делопроизводственные Камер-фурьерские церемониальные журналы, освещающие текущую жизнь дворца, и архивные делопроизводственные и законодательные документы дворцовых фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 466, 469, 473), пресса — газеты «Северная почта», «Русский инвалид» и другие, мемуаристика (сочинения А.И. Михайловского-Данилевского, А.Г. Вилламова и др.) и, наконец, дающие визуальную информацию изобразительные источники — графические произведения К.П. Бегрова, И. Иванова.

Война началась 12 июня 1812 г. с перехода войсками Наполеона р. Неман. Император Александр I в это время находился в армии. Согласно камер-фурьерскому журналу, он отправился из столицы в Вильно еще 9 апреля. Отъезд монарха являлся событием протокольным, так как менялось местонахождение центральной власти и правительства, поэтому он сопровождался обычным для начала XIX в. символическим действием — «предотъездным молебном» в Казанском соборе. Покинув дворец, Александр I, не сдерживая слез, прослушал вместе с братьями великими князьями Николаем и Михаилом в Казанском соборе молебен и речь-наставление митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Амвросия (Подобедова) и в 2 часа дня под крики собравшегося народа отбыл со свитой из столицы¹.

О начавшейся войне император узнал в первый же ее день на балу для польского дворянства в загородном доме в Закрете. Так как известие присутствующим сообщено не было, бал был продолжен. Впрочем, еще накануне генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн уже доносил Александру о предполагаемой переправе французских войск 12 числа².

13 июня Александр отправил в Санкт-Петербург рескрипт председателю Государственного совета графу Н.И. Салтыкову о начале войны. Через неделю после начала

боевых действий, 18 июня, он был опубликован как официальное извещение в прессе. Одновременно был напечатан приказ Александра I по армии. Затем в приложениях к газетам регулярно публиковались правительственные известия о боевых действиях³. Реакция Петербурга на известие о войне была панической. По свидетельству очевидцев, город, как и вся Россия, находился в страшном волнении, сочетавшемся с унынием от вестей из отступающей к Смоленску армии. Все «казенные места» и жители столицы спешили для спасения вывезти свое имущество, и для этого в город пригонялись тысячи повозок⁴.

А как вел себя в эти дни двор? В столице в июне 1812 г. из высочайших особ находились императрица Елизавета Алексеевна, ее сестра принцесса Амалия Баденская, императрица-мать Мария Федоровна, великая княгиня Екатерина Павловна, великая княжна Анна Павловна, великие князья Николай и Михаил Павловичи, герцог Ольденбургский. Пребывали Романовы в своих летних резиденциях — петербургских Каменноостровском и Таврическом дворцах, а также загородном Павловском.

Со стороны двора и властей начало военных действий не было отмечено публичными действиями, например, молебнами в дворцовых или городских храмах, однако война откорректировала поведение императриц и частично — образ жизни двора. В условиях общей паники императрица Елизавета Алексеевна демонстративно отказалась заниматься вывозом своих драгоценностей и имущества, заявив, что будет терпеть одинаковую участь с жителями Петербурга «до последней бедной», и занялась помощью пострадавшим от войны, осенью это вылилось в создание «Патриотического института». Императрица Мария Федоровна, по свидетельству А.Г. Вилламова, «дни и ночи и в Павловске, и в столице проводила в трудах», давая распоряжения об эвакуации московских учебных и сиротских заведений в Казань, о помощи разоренным войной мирным жителям, помогая отделению для офицеров при Мариинской больнице⁵.

Однако, если обратиться к придворным камер-фурьерским журналам, станет ясно, что благотворительная деятельность не нарушила повседневный распорядок жизни венценосной семьи. С 11 по 14 июня и в последующие дни члены правящей фамилии в положенное время обедали и ужинали, гуляли в ландо по островам и городу, навещали друг друга и выстаивали обычные службы. Существенные изменения были внесены только в придворную протокольную жизнь: сразу были отменены еженедельные куртаги, публичные маскарады, балы и иные увеселения, а в первые тяжелые месяцы войны — почти все табельные праздники. Отмечая все же некоторые дни дома Романовых, двор ограничил их празднование присутствием императорской фамилии на службе в церкви, в основном без приглашения двора, а также церемониальным поздравлением и публичным обедом. Примером этого может служить день рождения великого князя Николая Павловича, отмеченный 25 июня 1812 г. в Таврическом дворце литургией, церемониальным поздравлением и обедом на 74 персоны⁶.

Иногда на высочайший праздник, например, тезоименитство Марии Федоровны 22 июля, указывала только ночная иллюминация города⁷. Современники отмечали, что впервые за многие годы к этому празднику не готовились, и Петергоф, в котором устраивались многолюдные маскарады, был пустынен. Настроение общества не исправило и возвращение в столицу императора. В. Бакунина писала об этом дне: «Сердца наши, стесненные горестью, озлобленные, неудобны были чувствовать радость, ни чувствовать восторгов. Обычное унылое молчание везде царствовало, и день сей был для нас мрачен, подобно предыдущим: по повелению город был иллюминирован»⁸.

Разумеется, внутри привычного с виду течения жизни монаршей фамилии шло обсуждение неутешительно складывавшегося положения на театре военных действий. Во дворец к обедам постоянно приглашались правящий должность военного министра генерал-лейтенант князь А.И. Горчаков, главнокомандующий Санкт-Петербурга генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов, командующий морскими силами адмирал маркиз И.И. де Траверсе, генерал-лейтенант А.А. Бетанкур и некоторые другие чины. Среди посетителей следует особо отметить представлявшего императрице в Каменноостровском дворце 29 июня и приглашенного за ее стол генерала от инфантерии графа М.И. Голенищева-Кутузова. В то время он появился в Петербурге после подписания Бухарестского мира с Турцией. 17 июля М.И. Кутузов был назначен командующим Петербургским ополчением, а 8 августа, по желанию «публики», — главнокомандующим всеми русскими армиями⁹.

По словам самого Александра I, переданным мемуаристкой, в начале «несчастной кампании» 1812 года, стоившей ему «десятка лет жизни», «петербургское население волновалось, большинство было недовольно первыми военными действиями»¹⁰. На этом фоне в столице проходили связанные с военными событиями торжества и церемониальные действия, в которых можно выделить несколько разновидностей.

Самой распространенной среди них было празднование получения известия о победах русского оружия, которое по форме сводилось к публичным благодарственным молебнам. Первые церемонии-торжества такого рода прошли в летние месяцы 1812 г. и сразу получили порядок, являвшийся устойчивым вплоть до конца войны. Курьеры, привозившие из армии в Петербург сведения о победах или важных военных событиях, по традиции тут же получали повышение чина. Далее от двора рассылались приглашения-«повестки» о съезде в храм на молебен на следующий или иной день. Приглашались придворные дамы и кавалеры, члены Госсовета, министры, имевшие вход во дворец высшие статские и военные чины, знатные особы, дипломатический корпус (приезжал к концу службы) и в ряде случаев высшие офицеры.

В храме обычно служил митрополит Петербургский и Новгородский Амвросий, после литургии граф А.И. Горчаков зачитывал полученную реляцию. Затем следовал благодарственный молебен. При пении «Тебе Бога хвалим» с Петропавловской крепости начиналась пушечная пальба из 101 выстрела. Если благодарственный молебен проходил не в Зимнем или Таврическом дворце, а в Казанском соборе на Невском проспекте, то высочайшая фамилия следовала к нему в кортеже из нескольких дворцовых карет с ливреей, а у входа в собор ее встречали митрополит с членами Синода и высшим духовенством. По повесткам на службу было положено надевать протокольную праздничную одежду: дамам — «круглое» или «русское» платье, кавалерам — праздничные кафтаны. Дворцовые служители в честь молебнов могли надевать праздничную статс-ливрею. По вечерам в городе устраивалась иллюминация.

Вместе с известием о победе курьеры неоднократно привозили в Петербург трофейные знамена и ключи от взятых у неприятеля крепостей и городов. Поднесенные императору или императрицам трофеи сначала помещались в Зимнем дворце (в Голубой комнате перед кабинетом императора), но в день молебна кавалергардами, гвардейцами или уланами торжественно переносились в Казанский собор. При этом ключи несли и везли на малиновой бархатной подушке с золотым галуном и выставляли рядом с алтарем на особом столе. Главным действующим лицом церемонии был исправлявший должность петербургского коменданта плац-майор Веревкин. Таким

образом, Казанский собор в дни войны превратился в хранилище трофейных реликвий войны с «извергом рода человеческого» Наполеоном.

Какие именно события отмечал молебнами двор и Петербург?

25 июля 1812 г. в церкви Таврического дворца публичным благодарственным молебном праздновалось первое положительное известие о победе генерал-лейтенанта Витгенштейна над корпусом маршала Удино, остановившей продвижение французов на Петербург. Известие было получено накануне через адъютанта штабс-ротмистра Горленко (был пожалован в ротмистры). 28 июля здесь же благодарственный молебен был отслужен в честь победы генерала Торماسова над саксонским корпусом генерала Клингеля. Донесение о победе при Кобрине пришло 25 июля с гвардии поручиком Бибиковым¹¹.

После этого наступило «стесненное горем» затишье. 27 августа при дворе получили присланное с фельдьегерским офицером Якобсоном известие князя М.И. Кутузова от 25 августа о сражении передовых российских и французских частей в местечке Бородино. Затем 30 августа в 9-м часу утра фельдьегерский офицер Лосев привез донесение от 27 числа, в котором Кутузов сообщал о *победе* в генеральной битве над французами 26 августа в местечке Бородино. Сообщение главнокомандующего ввело в заблуждение императора, двор и столицу. В этот день без повесток отмечались орденский праздник Александра Невского и тезоименитство императора. В исходе 11-го часа Александр I со счастливым известием посетил Таврический дворец и отправился с генерал-адъютантами и генералами в Александро-Невский монастырь, где уже собрались кавалеры ордена. Вслед за императором в 10 парадных экипажах в монастырь прибыли Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна, великие князья Николай и Михаил, великая княжна Анна Павловна, принцесса Амалия и герцогиня Вюртембергская, сопровождавшие их статс-дамы, фрейлины и кавалеры двора. В монастыре высоких гостей встречали Санкт-Петербургский митрополит Амвросий и члены Святейшего Синода. В Троицком соборе была отслужена литургия, военный министр Горчаков прочел реляцию о «битве, совершенно выигранной», в честь победы состоялся благодарственный молебен со 101 пушечным выстрелом и угощение гостей «фрыштыком» в покоях митрополита. О победе над французами официально сообщили английскому послу лорду Каткарту, португальскому, неаполитанскому, сардинскому и испанскому посланникам. В тот же день главнокомандующий армиями М.И. Голенищев-Кутузов был произведен в генерал-фельдмаршалы, его супруга княгиня Екатерина Ильинична пожалована в статс-дамы, а внучка девица Е. Яхонтова — в фрейлины двора (новая статс-дама на следующий день представлялась во дворце императорской чете и поблагодарила за пожалование). Многочисленные награды были посланы в армию¹².

Между тем русские войска отступали. После совета в Филях, на котором было принято решение сдать Москву, Кутузов 4 сентября отправил императору донесение. Известие об оставлении Москвы после празднования победы стало громом среди ясного неба. Сведения о решении оставить древнюю столицу император получил сначала от Ф.В. Ростопчина 7 сентября, а 8-го — от Кутузова, отправившего в столицу полковника инженерной службы Мишо де Боретура. Отметивший победу император воскликнул: «Как? Разве мы проиграли сражение или мою древнюю столицу отдали без боя?». 17 сентября донесение Кутузова о «возвратной потере Москвы» было опубликовано «во всенародное известие» в Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» (к № 75), 18-го его перепечатала «Северная почта».

Петербург тяжело переживал оставление и сожжение Москвы. Разрядка наступила в середине октября. 12 числа адъютант Витгенштейна гусарский штабс-ротмистр граф Келлер (пожалован ротмистром) привез радостное известие о победе в сражении 6 и 7 октября над войсками фельдмаршала Сен-Сира и взятии штурмом Полоцка. Благодарственный молебен в церкви Зимнего дворца с чтением донесения Витгенштейна был проведен 14 октября, в день рождения Марии Федоровны. Приглашены были весь двор и гвардейские офицеры, иностранных дипломатов во время службы ввел в церковь обер-церемониймейстер Нарышкин. После 101 выстрела из Петропавловской крепости присутствующие поздравили монарха с победой. Именным указом императора рядовые участники Полоцкого сражения получили вознаграждение в размере пяти рублей (ранее такая же сумма была выделена для героев Бородина). Днем по Петербургу бодро маршировали и распевали песню о взятии Полоцка вновь сформированные дружины ополчения. Вечером город был по-праздничному иллюминирован¹³.

На следующий день с полковником Мишо из деревни Латашевки пришло известие о победе 6 октября над войсками Мюрата под Тарутиным и освобождении (взятии обратно) 10 октября Москвы корпусом генерал-адъютанта Ф.Ф. Винцингероде. О радостных событиях известил столице 101 пушечный выстрел из Петропавловской крепости и была разслана повестка. Благодарственный молебен 16 октября проходил уже в Казанском соборе, где Горчаков читал донесение Кутузова о победах. В конце службы император с императрицей приложились к Казанской иконе Божией Матери, приняли поздравления духовных лиц и чужестранных министров и под рукоплескания толпы вернулись в Зимний дворец. В честь победы генерал-фельдмаршалу Кутузову была дарована золотая шпага с алмазами и лавровый венок, генералу от кавалерии барону Бенингсену — алмазные знаки ордена Андрея Первозванного и 100 000 рублей, полковник Мишо получил чин флигель-адъютанта Его Величества.

Следствием побед стала церемония на Дворцовой площади 27 октября, когда 30 трофейных знамен были торжественно при параде войск перевезены в Казанский собор в присутствии императора и английского посла. 3 ноября 1812 г. был объявлен Манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества»¹⁴.

13 ноября благодарственным молебном в Казанском соборе отмечали победу под Красным над корпусами Даву и Нея (5 и 6 ноября) и взятие Смоленска (за эту победу Кутузов получил титул Смоленский). Утром в собор привезли захваченные у противника 5 знамен и маршальский жезл Даву. 24 ноября, в день тезоименитства великой княгини Екатерины Павловны, в Большой церкви Зимнего дворца благодарственный молебен служили в честь сразу двух побед — Витгенштейна под Студенцом 16 ноября и генерал-лейтенанта Ртищева над персидскими войсками. Витгенштейну в тот день было пожаловано 50 тыс. рублей, а Ртищеву — орден Св. Александра Невского. 6 декабря, в день тезоименитства Николая Павловича, после литургии был отслужен молебен по случаю поражения французской армии, взятия 150 орудий артиллерии, пленения нескольких генералов и возвращения г. Вильно (донесение было получено 4 декабря). На следующий день Александр I отбыл в армию¹⁵.

Между тем боевые действия на территории России оканчивались. 25 декабря, в праздник Рождества Христова, Александр I подписал три Манифеста: о благодарении Богу за освобождение России «от нашествия неприятельского», о строительстве памятного храма Христа Спасителя и об учреждении серебряной медали «для войск, участвовавших в битвах». В Большой церкви Зимнего дворца в тот день прошла

обычная праздничная служба, в 10 часов утра два запасных эскадрона Конной гвардии и Кавалергардского полка торжественно перевезли из дворца в Казанский собор 27 трофейных знамен, захваченных при бегстве французов¹⁶.

В 1813—1814 гг. продолжение войны за пределами России было отмечено проведением в русской столице целой серии победных молебнов в Казанском соборе и церкви Зимнего дворца.

10 февраля 1813 г. был отслужен молебен в честь взятия Варшавы (сдалась М.А. Милорадовичу 27 января) и крепости Пиллау, в тот же день утром были привезены ключи от польской столицы. 16 февраля молебном праздновали победу, которую 2 февраля при Калише генерал-адъютант Винцингероде одержал над корпусом саксонских и баварских войск под командованием генерала Ренье. Утром перед молебном два саксонских знамени были церемониально доставлены в Казанский собор, в тот же день супруга Винцингероде была представлена при дворе и благодарила за пожалование мужу ордена Св. Георгия 2-го класса.

9 марта отслужили благодарственный молебен в честь взятия генерал-адъютантом Чернышевым Берлина (20 февраля), 31 марта — в честь взятия Гамбурга (7 марта) и занятия генерал-майором Бороздиным персидской Ленкоранской крепости (утром ключи Гамбурга были отвезены в Казанский собор). 15 апреля служили молебен в честь занятия Дрездена, победы над корпусом генерала Морана под Люнебургом и взятия крепости Ченстохов (ключи двух городов и 8 знаменполнили собрание трофеев собора), 20 апреля — в честь взятия г. Торна (ключи города были отвезены в Казанский собор). 1 мая отправляли молебен в честь победы Витгенштейна в местечке Лютцен¹⁷.

1 сентября был отслужен молебен в честь сражения при Кульме (17—18 августа), в котором отличились войска Остермана-Толстого и Барклая де Толли, 18 сентября — в честь победы союзной армии под командованием шведского кронпринца Бернадота при Денневице, 23 октября — в честь «битвы народов» под Лейпцигом и взятии этого города (4—7 октября). 12 декабря, в день рождения Александра I, после литургии в Зимнем дворце был отслужен молебен в честь взятия соединенными армиями Дрездена, Штеттина и Пампелюна, 25 декабря, в Рождество Христово, в Казанском соборе после службы отправили молебен по случаю мира с Персией и взятия крепостей и городов Модлина, Утрехта, Горкума, Гертруйденберга, Вильгельмштадта, Бреды и Роттердама. 14 октября 1813 г., в день рождения Марии Федоровны, в Казанский собор перевезли ключи от саксонского города Касселя¹⁸.

Серию из 12 победных молебнов 1813 г. продолжили в следующем 1814 г. 8 февраля прошел молебен в честь победы над французскими войсками под командованием Наполеона под Бриеном и взятия Данцига, 30 марта — в честь взятия Реймса армией Блюхера, 6 апреля — в честь победы при Фер-Шампенуазе, одержанной в присутствии Александра I (13 марта)¹⁹.

Таким образом, в Петербурге в присутствии двора в период войн с Наполеоном в 1812—1814 гг. более 20 раз служили благодарственные молебны о победах русской и союзной армий. Следующие молебны были посвящены уже завершению войны.

Особую группу военных церемоний столицы составили проводы и встреча частей Петербургского ополчения. Проводы проходили с участием императора Александра I и митрополита Амвросия и представляли собой особое церемониальное действо. Первый раз они были проведены 1 сентября 1812 г. В 9 часов утра Александр I прибыл на площадь перед Исаакиевским собором, где во фрунте были выставлены подразделения

ополченцев под командой генерал-лейтенанта П.И. Меллер-Закомельского. Митрополит Амвросий провел священнодействие, освятил знамя, которое имело глубокий символический смысл и напоминало лабарум царя Константина (на нем были изображены крест и надпись «Сим победиши»). Знамя вручили ополчению, и митрополит, обходя строй, окропил воинов святой водой. Завершилась церемония парадом войск, прошедших мимо императора, который «изъявил благоволение»: пожаловал ополченцам по рублю. Тем же порядком с парадного места Семеновского полка 3 и 5 сентября провозжали дружины ополченцев, 14 сентября — 2-й морской полк и артиллерию, 19 октября — три дружины ополчения и новый Александровский казачий полк, а 26 октября с парадного места Преображенского полка — Волонтерский казачий полк.

12 июня 1814 г. императрица и великая княжна утром у Красного Кабачка наблюдали из кареты за возвращением в Петербург ополченцев. После боев в составе корпуса Витгенштейна в строю из 14 тыс. осталось только 4 тыс. человек. Прежде чем распустить героев по домам, они были выстроены в параде на Исаакиевской площади²⁰.

1813 год привнес в войну с Наполеоном еще один вид военных церемониалов — освящение знамен и медалей. 7 июля 1813 г. в Царском Селе в Софийском соборе императрицы Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна присутствовали при молебне и освящении знамен «Гишпанского полка», именуемого полком императора Александра. Освещение отправлялось католическим пастором. В завершение действия войска маршем с криками «Виват!» прошли мимо императриц²¹.

30 августа в орденский праздник св. Александра Невского во время службы в Невском монастыре в присутствии высочайшей фамилии Горчаков зачитал высочайший указ об учреждении в память подвигов храброго воинства медали. На ее лицевой стороне должно было быть изображено Всевидящее око и надпись «1812 год», а на обороте — надпись «Не нам, не нам, а имени Твоему». Здесь же прошло и освящение уже готовых медалей, была произнесена проповедь Амвросием, и проведен молебен. Днем в Таврическом дворце был накрыт большой обеденный стол на 79 персон, включая имеретинскую царицу и мингрельскую правительницу²².

Несколько столичных празднеств разного рода, в которых непременно участвовал двор, были посвящены победоносному окончанию войны с наполеоновской Францией. В Петербурге они проходили весной, летом и осенью 1814 г. Общегородские праздничные мероприятия организовывали первые лица государства и власти города, инициативу проявляли дворянство и купечество. Роль организатора собственно придворных торжеств в честь победы выполняла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Участвовали в них также находившиеся в Петербурге великая княжна Анна Павловна, герцог и герцогиня Вюртембергские.

19 марта 1814 г. русскими войсками был взят Париж. 13 апреля эту радостную весть и трофеи привез в Зимний дворец к императрице-матери генерал-адъютант Голенищев-Кутузов. 51 пушечный выстрел Петропавловской крепости, произведенный после сигнальной ракеты от дворца, оповестил город о счастливом событии. На улицах началось народное ликование, а во дворце в кавалерской комнате устроен обед на 25 кувертов. 14 апреля прошел обед на 26 кувертов²³.

15 апреля в Казанском соборе по повесткам в присутствии всего петербургского общества отслужили праздничный молебен. Романовы прибыли на него в кортеже из 10 дворцовых карет и с сопровождением из 121 гусара, шталмейстера, гофмейстера, камер-пажей и других ливрейных служителей. Встречал высоких гостей у собора

и служил молебен Петербургский митрополит Амвросий. Горчаков прочел реляцию о взятии Парижа. Молебен завершился 151 пушечным выстрелом. Императрица и особы правящего дома приложились к Казанской иконе Божией Матери и приняли поздравление от присутствующих. До поздней ночи в столице не смолкал колокольный звон.

16 апреля у императрицы был «большой обеденный стол» для лиц 1-го и 2-го классов. За здоровье императора пили при исполнении туша и произведении 101 пушечного выстрела. Гром возгласов и рукоплесканий гостей вызвало исполнение вокалистами и хором придворных певчих стихов в честь избавителя Европы императора Александра I.

Три дня шло народное гуляние, в городе играла музыка, по ночам были освещены Петропавловская крепость, Летний сад и дома горожан. Как отметила пресса, жители «один перед другим наперерыв» старались осветить свои дома «с отличным великолепием и вкусом» и придумывали аллегорические и карикатурные сюжеты для прозрачных световых картин. Однако самым популярным сюжетом иллюминации было изображение «вензелевых имен их величеств». При появлении на улице императрицы гуляющая публика «в сердечном восхищении» кричала «ура»²⁴.

Радость от победы и желание праздновать успех русского оружия были столь велики, что мероприятия двора оказались дополнены инициативами петербургской публики. 18 апреля по случаю прибытия генерал-адъютанта с известием о взятии Парижа праздник с великолепным обедом устроило Коммерческое общество. Во время обеда рукоплескание присутствующих вызвало пение известных куплетов «Ликуй, Москва! В Париже Росс!»²⁵.

Местом общественных манифестаций стал городской театр. При появлении в ложе генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова и объявлении привезенного им известия начались неистовые овации. Спектакль «Праздник в стане союзных армий» более чем на час был прерван «изъявлением пламенного восторга». Актер со сцены пел куплеты, в которых уже ставшие популярными стихи «К победам род Славян возрос! Ликуй, Москва — в Париже Росс!» вызвали гром аплодисментов. Овациями встретил зал появившихся 12 мая в театре на спектакле «Пожарский» Марию Федоровну и Анну Павловну. Как писала «Северная почта», при пении «Благословенная в женах... и в Марии Матерь каждый зрит» зрители восклицали «ура» и плакали²⁶.

Новые торжества прошли в июне, когда 8 числа в Петербург с известием о заключении 18 мая Парижского мира прибыл цесаревич Константин Павлович. 10 июня манифест императора от 18 мая читали в Сенате, и в тот же день был торжественно отслужен молебен в Исаакиевском соборе (в Казанском шла переделка). Этот факт «Северная почта» трактовала как особый символ, напомнив публике, что Исаакиевский собор был храмом Петра Великого, который преобразил Россию «к будущей славе», и что при посещении Петром I Парижа он поднял на руки Людовика XV со словами: «Я держу теперь на руках всю Францию»; сейчас же Россия исполнила то же, восстановив на престоле потомка французского короля. Днем звучала пушечная пальба и непрерывный колокольный звон. 11 числа в Таврическом дворце прошел большой обеденный стол с приглашением знатных лиц. Три ночи город освещала праздничная иллюминация²⁷.

17 июня великолепное празднество в Павловске устроила Мария Федоровна, возобновив тем самым забытые придворные увеселения. Сценарий праздника в саду включал в первом «акте» угощение прекрасным полдником в вольере Птичника, а также исполнение на открытом воздухе шутильной интермедии и оперы Кавоса «Козак-стихотворец» на либретто князя Шаховского (в опере звучали малороссийские и русские песни, исполнялись народные пляски, а в декорациях были использованы вензель цесаревича

ча Константина Павловича, лавры и образ Славы). Затем на лугу по дороге к Розовому павильону группы Амуров и Зефилов разыграли с пением стихов «на случай» веселый дивертисмент, подготовленный Огюстом Пуаро и балетмейстером И.И. Вальбергом. После этого прошли бал и ужин на 127 кувертов около «Павильона мира». Здесь гости смотрели «театральный военный балет» — сцены «Пиррических игр», где было представлено сражение древнегреческих героев, сложивших оружие к огненному транспаранту с надписью «Мир». Завершила развлечения иллюминация в виде радуги с вензелем цесаревича. Сад императрицы был полон простого народа, для которого играла полковая музыка и были устроены игры. Праздник продолжался до 2 часов ночи²⁸.

Между тем Петербург ждал возвращения овеванного славой войска и императора-победителя. Александр I прибыл из Парижа 12 июля, остановившись сначала в Павловске, а 13 числа, как частное лицо, приехал в Петербург. С этого момента началась вереница радостных торжеств и церемоний. 14 июля в Казанском соборе прошел благодарственный молебен и поздравление императора с победой от петербургского духовенства, российских и иностранных чинов. 15-го в Большом зале Таврического дворца в честь победы был дан обед на 136 персон. 16 июля Александр I принимал на Дворцовой площади смотр и парад резервных войск Петербурга, а затем в Зимнем дворце — поздравления с поднесением хлеба и соли от делегаций петербургского дворянства и купечества. Приветствие в стихах произнес депутат поэт Г.Р. Державин. 22 июля в Петергофе публичным маскарадом для дворянства и купечества праздновался день рождения Марии Федоровны. Участие в нем приняли более 6 050 человек²⁹.

Но в полной мере свои блестящие способности организатора увеселений Мария Федоровна проявила при проведении знаменитого празднества в Павильоне роз 27 июля, на который, кроме петербургского света, был приглашен весь офицерский состав гвардии. Свободный проход в иллюминированный сад в этот день имела и петербургская публика.

Для торжества в резиденции императрицы к Розовому павильону пристроили зал для торжеств, возвели две триумфальные арки и новый Павильон мира (архитекторы К. Росси и А.Н. Воронихин). Все это было украшено гирляндами цветов, лавровыми ветвями, символическими изображениями и надписями (например, строка из оды А.П. Буниной: «Тебя врата победы не вместят»). Лужайки у Розового павильона знаменитый П. Гонзаго превратил в театральные сцены с декорациями в виде господской усадьбы и русской деревни.

При прибытии Александра Павловича с матерью-императрицей, которую он вел под руку, у триумфальных арок певцы в национальных костюмах и хор исполнили гимн Ю.А. Нелединского-Мелецкого «Гряди, гряди, Благословенный! Оливой венчаный герой!» и четверостишие князя П.А. Вяземского: «О, твердый в бранях Муж и кроткий победитель!». Рядом с Розовым павильоном звезды русской оперы Злов, Самойлов, Семенова меньшая и другие актеры разыграли представление со сценами работ и игр русских селян. Его кульминацией стало приветствие разными сословиями проходивших через «село» воинов-победителей, в числе которых был небольшой отряд гвардейцев, действительно только что прибывший в столицу. Сценарий действия был создан поэтами Батюшковым, Державиным, Нелединским-Мелецким и Корсаковым. Особый восторг зрителей вызвала заключительная кантата Державина: «Ты возвратился, благодатный!». Продолжили праздник балом в Павильоне роз, открытым императором и императрицей, фейерверком, посещением высочайшей фамилией застолий в

Павильоне мира и палатке для воинских чинов, где император пил шампанское кубками с офицерами своей гвардии. Увеселения окончились далеко за полночь³⁰.

Вслед за придворным праздником последовало главное столичное государственное торжество — въезд-триумф. Решение о его проведении было принято еще 14 апреля. Когда в Петербург пришло известие о вступлении русских войск в Париж, петербургский главнокомандующий С.К. Вязмитинов созвал экстренное собрание Сената, на котором было принято решение возвести памятник и выпустить медаль в честь Александра I, а также устроить трехдневный праздник-триумф. При разработке «обряда торжественной встречи» было решено, что праздник будет носить общегосударственный характер. Соответственно, на него выделялись немалые деньги, общие траты по смете должны были составить более 200 тыс. рублей³¹.

По предложениям сенаторов и разработанному к маю проекту, празднество должно было включать возведение триумфальной арки, именуемой «вратами Александра Благословенного». В первый день торжеств около нее под 101 пушечный выстрел и звучание оркестров и хоров должны были пройти поздравления императора, которые бы приносили от имени всего государства председатель Государственного совета и старший сенатор, и от северной столицы — главнокомандующий и градской глава, подносивший хлеб-соль на золотом блюде. У ворот должны были находиться императорская фамилия, делегации «государственных сословий» и министерств, все высшие чины общества, воинские соединения и толпы горожан. Там же предполагалось выставить воинские трофеи прошедшей войны.

Далее император должен был торжественно войти в город через украшенные каменные городские ворота и Калинкин мост. По декорированным улицам, вдоль которых следовало стоять войскам победителей и толпам горожан, он должен был проследовать до Казанского собора, где предполагался молебен и поздравления от Синода, и далее — до Зимнего дворца. Открывать и замыкать организованную наподобие коронационных процессию Александра I было положено воинским командам с трубами и литаврами. В составе процессии должны были следовать церемониймейстеры, группы городских чинов, делегаты от купечества, дворянства, министерств и губерний, члены Госсовета и Сената, придворные чины в экипажах, императорская фамилия в парадных золотых каретах и едущий верхом император со свитой. Трижды — у триумфальной арки, собора и дворца — должен был звучать 101 пушечный выстрел. Многочисленному народу, приветствовавшему своего императора, готовились в память о встрече жетоны. Вечером в иллюминированном городском театре в присутствии императорской фамилии следовало представить новый сочиненный на случай спектакль и балет.

Второй день торжеств отводился для молебна в церкви Зимнего дворца в присутствии всех участников шествия и вечернего грандиозного бала-праздника по билетам для дворянства и купечества в блестяще декорированном здании Биржи на стрелке Васильевского острова. Кроме ужина и увеселений для народа в этот день готовился «богатый фейерверк». На третий день должно было пройти пышное шествие Романовых и двора к Казанскому собору на литургию и молебен о сохранении здоровья Александра I. Все три дня в городе должны были быть колокольный звон, музыка оркестров, иллюминация³².

Для подготовки триумфа в мае Комитет министров создал специальную комиссию во главе с графом П.Ю. Литтой, в нее вошли также князь П.И. Тюфякин, А.Н. Оленин, Н.И. Пушкин, М.М. Волинский и др. В празднестве планировалось участие дворянства и купечества других губерний и городов, прежде всего Москвы.

---

20 июня заседание по вопросу подготовки встречи прошло в собрании петербургского благородного сословия³³.

К подготовке триумфа были привлечены архитекторы Д. Кваренги (возводил триумфальную арку), Л.И. Руско (готовил здание Биржи), П.В. Писцов и Г.П. Пильников, композиторы Д.С. Бортнянский и Ф. Антолини, поэты Г.Р. Державин, С.Г. Боголюбов, Ф.Ф. Кокошкин и И.С. Хвостов, Г.Ф. Климовский сочинял балет. Подготовкой блистательного фейерверка, в оформлении которого горела «свечная звезда Георгиевского ордена в лавровом венке», руководил А.И. Горчаков³⁴.

Все эти планы росчерком пера были отменены Александром I. Узнав о подготовке торжеств, он отдал указ С.К. Вязмитинову, который в Петербурге получили 7 июля: «Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их менее приличными ныне. Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Пред Ним мы все должны смиряться. Объявите *повсюду* мою непрременную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать. Пошлите повеление губернаторам, дабы ни один не отлучался от своего места для сего предмета. На вашу ответственность возлагаю точное исполнение сего повеления. Пребываю всегда Вам благосклонным — Александр»³⁵.

Тем не менее петербургское общество требовало победного празднества, да и подготовка его уже близилась к завершению. В результате торжественный въезд все же провели, сократив все церемонии и увеселения и изменив сам смысл торжества. Теперь им чествовали не персону императора-победителя, а победоносное войско, которое и должно было торжественно войти в столицу. Возведение Нарвской триумфальной арки³⁶ и трибун рядом с ней для императорской фамилии, двора, дворянства, знатного купечества и музыкантов было завершено, и был декорирован Калинин мост. Многие из того, что готовилось к триумфу, дипломатично и удачно было использовано в павловском празднике Марией Федоровной, а церемонии поздравления императора делегациями от столичного общества и российских губерний прошли в императорском дворце.

30 июля Петербург чествовал празднеством-триумфом вернувшиеся из похода войска. Под рукоплескания и крики толпы церемониальным маршем под триумфальной аркой и по улицам столицы прошли Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерский полки, Гвардейский морской экипаж и две роты гвардейской артиллерии. Вел полки цесаревич Константин Павлович, отказавшийся от этой почести Александр I принимал парад. Несколько дней в иллюминированном городе проходили народные гуляния, играла полковая музыка, не смолкал колокольный звон. О торжестве 30 июля газета «Русский инвалид» писала: «Нынешний день принадлежит к числу прекраснейших, усладительнейших дней, которыми одарил нас мир; оный останется навсегда незабвенным в сердцах наших. Победоносные воины императорской гвардии, бессмертные герои Кульмские, возвратились в столицу, покрытые лаврами». Осенью триумфальными въездами толпы петербуржцев еще несколько раз встречали возвращающихся воинов. 6 сентября под сводом арки прошли Павловский и Финляндский полки, 14 октября — отправившиеся из Версаля 21 мая кавалерийские полки, 18 октября — полки Конной гвардии, кавалергарды и гвардейцы конной артиллерии, а 25 октября — лейб-гвардии Казачий полк³⁷.

Между тем торжественные военные церемонии с участием высочайшей семьи продолжались в течение всего августа 1814 г. 1 числа на Дворцовой площади прошел парад гвардии, и перед Казанским собором состоялась служба с коленопреклоненным молебном и пушечной пальбой. 6 августа парадом и службой торжественно отмечался полковой день

Преображенского полка, и в Таврическом дворце был устроен обед для генералов, штаб- и обер-офицеров. 7 августа на Охтенской верфи, а затем в Адмиралтействе торжественно спускались корабли Балтийского флота. 18 августа на Марсовом поле освящали и вручали георгиевские знамена гвардейским полкам, после чего в Таврическом дворце был дан обед с приглашением генералов и офицеров. 5, 7, 8 и 10 августа на Каменном острове император принимал поздравление от делегаций дворянства различных губерний. 12 числа поздравления приносили депутаты от купечества. Эпизодом торжеств лета 1814 г. можно считать неудачную попытку Сената поднести императору титул «Благословенный» и отметить его заслуги памятником и медалью. Получив 3 августа соответствующее прошение, Александр I указом поблагодарил сенаторов за инициативу и запретил ее выполнение³⁸.

Событием, завершившим празднования победного лета 1814 г., стало учреждение 30 августа ежегодного праздника в честь победы над Наполеоном. Именной указ Синоду назначал 25 декабря, день Рождества Христова, днем «воспоминания избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык». Как объяснялось в указе, в 1812 г. именно к этому дню после шести месяцев страшного нашествия «не осталось ни единого вооруженного на земле нашей неприятеля». В праздничный день после обычно совершаемой службы теперь следовало принести особое благодарственное молебствие с коленопреклонением при «чтении установленной на сей случай молитвы». В Петербурге день издания указа был отмечен проведением перед орденской службой большого парада войск, занявших всю Дворцовую, Исаакиевскую и Петровскую площади и примыкающие к ним улицы³⁹.

Последним эпизодом столичных победных торжеств стал молебен в Казанском соборе 22 июля 1815 г. в честь успеха союзных войск при Ватерлоо и занятия ими Парижа. Известие об окончательной победе над Наполеоном пришло в Петербург 19 июля с гонцом генерал-адъютантом князем Трубецким. Присутствовали в соборе находившиеся в это время в Петербурге императрица Мария Федоровна, великая княгиня Мария Павловна, великая княжна Анна Павловна и принц Голтшейн-Ольденбургский. После молебна был дан пушечный салют из 101 выстрела, и в Таврическом дворце устроен обеденный стол на 78 кувертов. Вечером город был иллюминирован⁴⁰.

Подведем итоги. Война с Наполеоном 1812—1814 гг. и ее завершение сопровождалась устройством в столичном Санкт-Петербурге многочисленных военных празднеств нескольких разновидностей и различных торжественных воинских церемоний. Центром праздничной активности являлся императорский двор, продолжавший в начале XIX в. быть символом государственной власти.

Самую многочисленную группу празднеств составили публичные молебны, которыми более 20 раз в течение войны и при ее завершении отмечали получение известий о выигранных сражениях. Церемониал молебнов, проводимых в придворных храмах или Казанском соборе, был устойчивым в течение всей войны. В дни молебнов дополнительными праздничными средствами становились колокольный звон и вечерние иллюминации. На заключительном этапе войны молебнам предшествовало церемониальное перенесение в Казанский собор трофейных знамен и ключей от взятых городов и крепостей.

Самым ярким столичным видом празднеств стал общегородской военной триумф 30 июля 1814 г., посвященный вернувшимся из похода гвардейским полкам. К нему были возведены великолепная по архитектуре и декору Нарвская триумфальная арка и трибуны. В последующие месяцы под аркой еще четыре раза было проведено торжественное приветствие возвращавшихся из заграничного похода войск.

Однако наиболее сложными и высокохудожественными торжествами, самыми значительными для 1810-х гг., стали празднества в загородной резиденции императрицы Марии Федоровны — Павловске. Здесь в июне 1814 г. был дан праздник в честь получения известия о ратификации мира, главным действующим лицом торжества стал привезший это известие цесаревич Константин Павлович. Затем в конце июля прошло торжество в честь императора-победителя Александра I и всего офицерского состава гвардии. При подготовке обоих празднеств создавались особые сценарии, включавшие приветствия при прохождении двух триумфальных ворот, театральные представления на полянах, балы, пиршества в павильонах, гуляние в освещенных иллюминацией садах и, наконец, фейерверк. В создании и проведении этих торжеств участвовали лучшие творческие силы Санкт-Петербурга — ведущие поэты, композиторы, артисты императорских театров, художники, архитекторы, учащиеся театральных училищ и др. В результате торжества получили ярко-театрализованный характер.

Важной вехой в праздничной военной культуре стало учреждение в память победы ежегодного праздника, закрепившего на десятилетия воспоминание о прошедшей «грозе двенадцатого года». В число табельных дней ввели только один общий праздник, приуроченный к Рождеству Христову. По сравнению с предшествующим столетием, когда в обычае было учреждение дней воспоминания отдельных важных викторий и мирных договоров, учреждение только единичного праздника в честь войны 1812 года выглядит более чем скромным. Несмотря на грандиозность войны с Наполеоном, ставшей Отечественной, в русском календаре не появилось дней воспоминания подвигов русских воинов при Бородине, Тарутино, в честь освобождения Смоленска, битвы при Лейпциге или взятия Парижа.

Другими, более скромными видами торжеств являлись парадные придворные обеды в Таврическом дворце, сопровождаемые торжественным питьем кубков, воинские церемонии проводов и встречи Петербургского ополчения, торжественные спуски кораблей, поздравительные аудиенции во дворце.

Общий взгляд на торжества и церемонии войны 1812—1814 гг. и их сравнение с военными празднествами предшествующего XVIII века (триумфами Северной войны, празднованием мирных договоров с Турцией 1740 г. или 1775 г. и др.) показывает, что в начале XIX в. торжества стали менее пышными. Новая эпоха упразднила многочисленные барочные праздничные действия и элементы декоративного оформления. Из круга используемых праздничных средств были исключены многодневные уличные маскарады, многочасовые представления-фейерверки или театрализованные аллегорические иллюминации, возведение на городских площадях пышных декораций и др. Так, для встречи войск была построена только одна городская триумфальная арка, а две другие, декоративные, появились в саду закрытой загородной резиденции, тогда как в XVIII в. могли возводить до 5—6 победительных врат на центральных площадях в честь только какой-либо одной победы или летней кампании. Новый стиль торжеств заменил вычурные барочные художественные средства, как и сами формы увеселений, на более строгие классические.

С другой стороны, самые изощренные, художественно-оформленные торжества, перенесенные с улиц и площадей столицы в замкнутое пространство садов императорских резиденций, обрели черты дворцовой камерности (интермедии на лужайках, а не в публичном театре, фейерверк в саду, а не на водном пространстве Невы и т.д.). Проведенные празднества показали и стремление к сокращению самого праздничного времени. То, что было «спрессовано» в один вечер в павловских праздниках Ма-

рии Федоровны — приветствие у садовых триумфальных ворот, праздничный пир и бал, исполнение интермедий и оперы, фейерверк и прочее — в предшествовавшее столетие могло стать поводом для многодневного торжества.

Помимо духа, стиля эпохи, яркий отпечаток на военные торжества наложили личные качества Романовых — их взгляды и черты характеров. Нелюбовь правящего императора Александра I к публичности (близорукий и плохо слышавший, видевший интриги двора государь плохо переносил общественные собрания) привела к сокращению всех военных торжеств и церемоний с его участием. С другой стороны, в силу особой усиливающейся религиозности Александра I сильный акцент в них оказался сделан на провиденциальное понимание отмечаемых военных событий. В манифестах, указах и речах многократно подчеркивалось, что победа одержана санкцией свыше, а не героическими действиями и жертвами соплеменников, отсюда же вытекала сосредоточенность на молебнах, церковных обрядах кропления войск, освящения знамен и т.п.

Избеганию многочисленных пышных общестолличных торжеств, в центре которых должен был стоять двор, способствовала и пассивность правящей супруги-императрицы Елизаветы Алексеевны, сестер и братьев монарха. Инициаторами каких-либо придворных, тем более столичных мероприятий они не стали. Ситуацию несколько исправила любимая Александром Павловичем императрица-мать Мария Федоровна, взявшая на себя роль организатора официальной придворной жизни и поддерживавшая привычные ей придворные собрания и увеселения. Не случайно, большинство праздничных обедов и увеселений, а иногда и молебнов в честь побед проводилось на территории ее резиденций — в Таврическом дворце и Павловске. По сути, Зимний дворец, как официальная резиденция, уступил им пальму первенства.

В условиях небывалого общественного подъема, вызванного напряжением и блистательными успехами войны, императорская фамилия и окружение монарха не могли не считаться и с желанием русского общества чествовать своих героев-победителей. Ситуация с празднествами 1812—1814 гг. хорошо показывает, что двор в начале XIX в. как организатор общественной столичной жизни и законодатель мод в области культуры стал уходить на второй план. Самостийные рукоплескания в театре, инициативы с устройством триумфальной арки, поднесением царю титула «Благословенный», появление поэтических и музыкальных сочинений, которые стремительно распространялись среди горожан, — все это выводило на первый план общество России XIX в. и знаменовало новую страницу русской культуры.

Примечания

- ¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1812 года (далее — КФЖ). Январь—июнь. СПб., 1911. С. 248—249; *Костин Б.А.* «Гром победы, раздавайся!». СПб., 2001. С. 176.
- ² *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // Державный сфинкс. М., 1999. С. 272—274.
- ³ ПСЗ-1. Т. 32. № 25121.
- ⁴ Записки гр. Ф.П. Толстого, товарища президента Императорской Академии художеств // Русская старина. 1873. Т. 7. № 2. С. 136—137.
- ⁵ Там же; *Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна. В 3 т. Т. 2. СПб., 1908. С. 457—458; *Вилламов А.Г.* Воспоминания о жизни императрицы Марии Федоровны // Вестник благотворительности. 1870. № 2. С. 1—4; *Исмаил-Заде Д.И.* Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы. М., 2011. С. 124—125.
- ⁶ КФЖ 1812 г. Январь—июнь. С. 349—350.

- ⁷ КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. СПб., 1911. С. 29—30.
- ⁸ Цит. по: *Костин Б.А.* Указ. соч. С. 216.
- ⁹ КФЖ 1812 г. Январь—июнь. С. 355; Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 9—10, 74.
- ¹⁰ *Шуазель-Гуфье С.* Указ. соч. С. 292.
- ¹¹ КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. С. 34—36, 38, 41—43; РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 51. Л. 52, 55.
- ¹² КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. С. 95—100; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 234. Л. 36. (12 декабря 1812 г. в фрейлины была пожалована и племянница М.И. Голенищева-Кутузова девица С. Бибилова. — Там же. С. 44).
- ¹³ КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. С. 174—176, 179—181; РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 51. Л. 58; *Костин Б.А.* Указ. соч. С. 326.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 51. Л. 60, 62; КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. С. 182—183, 184—187, 204; ПСЗ-И. Т. 32. № 25257.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 51. Л. 66, 70—71, 76; КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. С. 230—235, 248—249, 251—254, 274—275; 277.
- ¹⁶ КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. С. 301—302.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 52. Л. 4, 16, 20, 25, 33, 35, 39; КФЖ 1813 г. Январь—июнь. СПб., 1912. С. 68—71, 78—79, 109—114, 139, 142—144, 161—162, 168—171, 175—177, 188—191.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 52. Л. 49, 53, 60, 71—73, 76; КФЖ 1813 г. Июль—декабрь. СПб., 1912. С. 86—89, 110—112, 136—137, 145—150, 210, 707—708, 710.
- ¹⁹ КФЖ 1814 г. Январь—июнь. СПб., 1913. С. 96—101, 195, 201—203, 219—223; РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 53. Л. 10, 18, 20.
- ²⁰ КФЖ 1812 г. Июль—декабрь. С. 103—104, 111—112, 114—115, 127, 191—192, 202; КФЖ 1814 г. Январь—июнь. С. 374; *Костин Б.А.* Указ. соч. С. 329.
- ²¹ КФЖ 1813 г. Июль—декабрь. С. 9.
- ²² Там же. С. 76—83.
- ²³ КФЖ 1814 г. Январь—июнь. С. 236—238, 240—241.
- ²⁴ Там же. С. 239, 241—246; Северная почта. 18 апреля 1814 г. № 31, 22 апреля 1814 г. № 32; Русский инвалид. 18 апреля 1814 г. № 31.
- ²⁵ Северная почта. 22 апреля 1814 г. № 32.
- ²⁶ *Вилламов А.Г.* Указ. соч. С. 6; Северная почта. 13 мая 1814 г. № 38.
- ²⁷ ПСЗ-И. Т. 32. № 25586; Северная почта. 13 июня 1814 г. № 47; КФЖ 1814 г. Январь—июнь. С. 358, 360—367.
- ²⁸ Северная почта. 20 июня 1814 г. № 49, 24 июня 1814 г. № 50; КФЖ 1814 г. Январь—июнь. С. 388—394.
- ²⁹ КФЖ 1814 г. Июль—декабрь. СПб., 1913. С. 1—2, 4—17, 19—22, 32—45.
- ³⁰ КФЖ 1814 г. Июль—декабрь. С. 50—54; Северная почта. 1 августа 1814 г. № 61; *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки 1814—1815 гг. 4-е изд. СПб., 1841. С. 7; *Вилламов А.Г.* Указ. соч. С. 8—12.
- ³¹ РГИА. Ф. 470. Оп. 2, сдат. оп. 124/558. Д. 8. Л. 1—2; Д. 7. Л. 30—32 об; Д. 11.
- ³² Там же. Ф. 473. Оп. 3. Д. 50. Л. 2—15 об.
- ³³ Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 35—35 об, 38—38 об; Ф. 470. Оп. 2, сдат. оп. 124/558. Д. 7. Л. 5—9; Д. 8. Л. 59—62 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 470. Оп. 2, сдат. оп. 124/558. Д. 7. Л. 10—11 об, 16—27, 38, 52—53 об, 58, 62—63, 68—68 об, 74—75; Д. 8. Л. 17, 20—21, 24—25 об; Д. 9. Л. 1—6.
- ³⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 2, сдат. оп. 124/558. Д. 7. Л. 77; ПСЗ-И. Т. 32. № 25617.
- ³⁶ При подготовке торжества два проекта триумфальных ворот выполнили архитекторы Дж. Кваренги и В.П. Стасов. Лучшим был признан проект Кваренги, предложившего деревянную однопролетную арку высотой в 23 метра с алебастровыми скульптурами И.И. Тереминева. Венчала сооружение фигура Победы на колеснице славы, фасады с колоннами украшали статуи античных воинов, богинь Славы, гениев Победы, барельефы с батальными сценами, на пилонах ворот были перечислены отличившиеся гвардейские полки. В 1827—1834 гг. арка была воспроизведена в меди архитектором В.П. Стасовым. Сооружение запечатлено в графике художниками И. Ивановым («Вид Триумфальных ворот, воздвигнутых в честь Российской императорской гвардии, и торжественное ее шествие в СПб. 31 июля 1814 г») и К.П. Бегровым («Нарвские триумфальные ворота»). См.: Санкт-Петербург от А до Я. Триумфальные арки и колонны. Авт.-сост. А.И. Фролов. СПб., 2006. С. 44.
- ³⁷ Санкт-Петербург от А до Я. Триумфальные арки и колонны... С. 45; Русский инвалид. 1 августа 1814 г. № 61. С. 431.
- ³⁸ Северная почта. 5 августа 1814 г. № 62, 12 августа 1814 г. № 64, 15 августа 1814 г. № 65, 22 августа 1814 г. № 67; КФЖ 1814 г. Июль—декабрь. С. 74—81, 81—82; ПСЗ-И. Т. 32. № 25629.
- ³⁹ ПСЗ-И. Т. 32. № 25669; Северная почта. 2 сентября 1814 г. № 70.
- ⁴⁰ КФЖ 1815 г. Июль—декабрь. СПб., 1914. С. 171, 177.

А.В. Белов

Первопрестольная в ожидании: из истории подготовки и проведения эвакуации Москвы (6 августа — 2 сентября 1812 г.)*

Война 1812 год разделила историю Москвы на две эпохи, на два города: до-пожарный и после-пожарный. Реальную угрозу во время Отечественной войны москвичи ощутили сразу после оставления русской армией в ночь на 6 августа Смоленска — города-крепости, в течение ряда веков воспринимавшегося как ворота в Центральную Россию. В это время начался новый, непродолжительный, но совершенно особый этап в истории первопрестольной столицы, предварявший ее оккупацию французами и уничтожение в огне пожара. Ту эпоху в жизни города составил ряд знаковых событий и явлений: сборы ополчения, обслуживание армии, подготовка к созданию «секретного» шара. Все эти сюжеты достойны пристального внимания. Но основную канву событий составили два тесно связанных процесса: оставление города населением и проведение массовой эвакуации. Они были порождены событиями 6 августа и определили жизнь и историю Москвы на данном этапе. В центре внимания статьи — некоторые малоизвестные аспекты той эвакуации.

Историки традиционно восхищаются быстрым исходом населения из Москвы. Город буквально обезлюдел. Однако от внимания ученых часто ускользает тот факт, что вместе с жителями из Москвы были вывезены и предметы национального достояния: сокровища царей, религиозные святыни, архивные документы. Такая операция не могла осуществиться спонтанно. Она требовала больших усилий, в первую очередь, со стороны московского главнокомандующего графа Ф.В. Ростопчина и городских властей в целом.

В отечественной историографии граф Ростопчин был и остается фигурой весьма одиозной. В нем не без основания видели не только консерватора, но и придворного интригана. В советское время Ростопчину ставились в вину его аристократическое происхождение и конфликты с М.И. Кутузовым. И.В. Сталин считал, что Михаил Илларионович сыграл решающую роль в победе 1812 года, эта мысль была выражена в чеканной фразе: «Кутузов — великий полководец, ученик и соратник Суворова»¹. Любой «личный враг» гениального военачальника и спасителя Отечества автоматически становился «историографическим изгоем». Но уже в 1954 г. в очерке М.В. Нечкиной, написанном для третьего тома «Истории Москвы», была подчеркнута роль Ростопчина в спасении ценностей из государственных хранилищ («его попытки руководить эвакуацией стоят вне сомнений»²). Впрочем, Нечкина добавляла, что «Ростопчин оказался бессилён снабдить учреждения перевозочными средствами»³.

Процесс эвакуации московских ценностей связывают прежде всего со спасением национальных святынь. Такой подход вполне оправдан. В бюллетене от 20 сентября Наполеон специально указывал, что захватил «в Кремле многие украшения, употребляемые при короновании». Это объявление имело пропагандистские цели, но было

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00181а.

далеко от правды: все регалии российской монархии общей стоимостью в 21 млн рублей, были своевременно вывезены в Нижний Новгород и Вологду⁴. Наряду с ними вглубь страны были отправлены ризницы богатейших монастырей и наиболее почитаемые иконы Божией Матери (Владимирская, Иверская и Смоленская)⁵.

Спасение главных ценностей было важнейшей задачей эвакуации, поэтому она решалась относительно легко. Для этих целей в первую очередь предоставлялся необходимый транспорт. Но кроме сокровищ Кремля на плечи московских властей легла ответственность за эвакуацию ведомств и их документации, армейских запасов и памятных предметов военной истории. В их ответственности находилась также эвакуация учащихся и профессуры.

Оценивая роль Ростопчина, нельзя не учитывать, что он допускал возможность сдачи Москвы и был готов принять необходимые меры. В письме от 12 августа П.И. Багратиону Ростопчин весьма недвусмысленно высказывался о возможном оставлении города⁶. Он стремился не допустить попадания в руки неприятеля материальных запасов и готовил эвакуацию. 10 августа Ростопчин поделился своими планами на случай явной угрозы городу с начальником третьего округа ополчения графом П.А. Толстым: «заранее отправлю все то, что должно быть сохранено, и препровожу в Нижний»⁷.

9 августа Ростопчин распорядился готовить к эвакуации расположенные в Москве учреждения из Ведомства императрицы Марии Федоровны. Уже 21 августа начался вывоз архива и денежной казны Воспитательного дома, а также воспитанниц Александровского и Елизаветинского училищ⁸.

Рубежной датой стало 17 августа. В этот день русские войска начали отступление к Гжатску. Надо учитывать, что Гжатск отошел к Смоленской губернии только в 1776 г. в результате административной реформы Екатерины II⁹. Для московского обывателя этот город оставался крайней западной точкой бывшей Московской провинции. Приближение к нему наполеоновской армии означало, что большая война вступала на территорию «земли Подмосковья». Позже Ростопчин признавал, что именно «прибытие нашей отступающей армии в Гжатск» послужило для него «сигналом к вывозу из Москвы всего, что должно быть оттуда увезено»¹⁰. 17 августа началась рассылка распоряжений московским учреждениям о подготовке к эвакуации. 18 августа распоряжение «уложить все дела свои, и иметь оные к готовности к отвозу в безопасное место» было получено в Вотчинном департаменте¹¹. В тот же день аналогичный приказ был распечатан в Московском горном правлении¹². Последнее такое распоряжение было отдано 22 августа.

Ростопчин был извещен об оставлении Москвы еще до совета в Филях. Сообщение о том, что второго генерального сражения не будет и «Москву сдают неприятелю без боя» гражданский губернатор Москвы Н.В. Обресков отправил Ростопчину за сутки до того, как это решение было озвучено Кутузовым¹³. Поэтому уже 31 августа была начата эвакуация Московской управы благочиния и губернского правления (которые уехали во Владимир), Московского городского магистрата (в Коломну) и других учреждений¹⁴.

С 17 августа по 2 сентября из города были полностью или частично вывезены сокровища Кремля и патриаршей ризницы, крупнейших соборов и монастырей, архивы Сената, судов, военных и благотворительных ведомств. Главными пунктами назначения были Владимир, Нижний Новгород, Казань и Вологда¹⁵. В ходе эвакуации материалов текущего делопроизводства в связи с острой нехваткой транспорта и времени (большинство присутственных мест были открыты и функционировали вплоть

до 30 августа) приоритет отдавался делам, имевшим сиюминутное практическое значение. В итоге потери Московского губернского архива от поспешной эвакуации и пожара оказались весьма значительными¹⁶.

Эвакуация сопровождалась катастрофической нехваткой транспортных средств. Как бы заблаговременно ни была начата ее подготовка, выполнение всех поставленных властями задач было невозможно без необходимого количества лошадей и повозок.

По крайней мере с середины августа, после отхода русской армии к Гжатску, за которым не было готовых магазинов, московские власти оказались ответственными за регулярную высылку к русской армии транспортов с продовольствием и фуражом. Пустые обозы в город зачастую не возвращались¹⁷: русские войска остро нуждались в лошадях для обеспечения собственных нужд. По утверждению Ростопчина, вплоть «до половины августа» организованные им транспорты отправлялись «каждые три дня». Примерно в эти дни их отправление пришлось прекратить, в том числе ввиду того, что «подрядчики отказались продолжать оные, вследствие необеспеченности своего положения среди войск, которые забирали их»¹⁸. Можно усомниться в правдивости слов Ростопчина, записанных по окончании войны. Однако современные исследования показывают, что в течение двух недель, предшествовавших оставлению Москвы, к армии из города каждое утро отправлялись до 600 подвод с овсом и продовольствием (хлебом, сухарями и крупой)¹⁹. Назад на них же доставляли в город раненых.

Просьбы о высылке новых подвод не прекращались. Письма Кутузова к московскому главнокомандующему содержали почти просительные нотки. В частности, в послании от 27 августа 1812 г. он писал: «Сего дня поутру известил я уже Ваше Сиятельство о причинах, побудивших меня отступить к Можайску... По прибытии моем туда к крайнему удивлению моему не нашел я ни одной выставленной из Москвы подводы. Раненые и убитые воины остались на поле сражения без всякого призрения, а между тем гражд[анский] московский губернатор отозвался к генерал-майору Левицкому, что он от присылки подвод отказывается. Отзыв сей меня крайне изумляет и побуждает просить Ваше Сиятельство убедительнейше употребить всевозможное Ваше старание, чтоб повозки с лошадьми выставлены были наискорейше к армии, также, чтобы достать, для потерявшей вчера артиллерии покупкою или родом пожертвования пятьсот лошадей. Крайность обстоятельств заставляет меня надеяться, что Ваше Сиятельство удовлетворит сим моим требованиям в такое время, когда дело идет о спасении Москвы. С совершенным почтением честь имею быть Вашего Сиятельства, милостивый государь мой, всепокорный слуга князь Г[оленищев]-Кутузов»²⁰.

Обстоятельства, в которых проводилась эвакуация, являлись крайне неблагоприятными для изыскания транспортных средств. 4 из 13 уездов Московской губернии были оккупированы неприятелем. Только за последние две недели августа у жителей еще незанятых волостей по распоряжению Ростопчина были по сути реквизированы 52 тыс. лошадей и подвод²¹. Удивительно, что в таких условиях Ростопчину удалось найти определенное количество перевозочных средств и осуществить эвакуацию значительной части людей и ценностей. Тем не менее вследствие невозможности менять лошадей на свежих движение подвод шло крайне медленно²².

Нехватку тягловой силы пытались заменить речным транспортом²³. По утверждению Ростопчина, он подготовил «такое количество больших судов, какое только можно было собрать, для перевозки водою в Нижний Новгород государственного казначейства и сумм приказа общественного призрения, принадлежащих Воспита-

---

тельному дому»²⁴. Из числа этих судов 10 были оставлены для транспортировки раненых²⁵. Но использование речного транспорта оказалось скорее неудачным. Число речных «барок» на поверку было «весьма недостаточно»²⁶. Кроме того, корабли часто садились на мель, откуда уже не могли быть сняты. Это, в частности, произошло около Николо-Перервинского монастыря с одним из речных караванов. Оказавшись «без всякого прикрытия», «по случаю приближения неприятеля» караван был брошен экипажем вместе с грузом²⁷.

Организацию эвакуации можно проследить на двух частных примерах — вывоза раненых, находившихся в московских госпиталях, и эвакуации Московского отделения Государственного ассигнационного банка.

Историки традиционно ставят в вину Ростопчину гибель по крайней мере двух тысяч тяжелораненых русских солдат, брошенных в Москве и сгинувших во время французской оккупации. Накануне вступления французской армии в Москву значительная часть раненых, способных перемещаться самостоятельно, была выведена из города. Вновь поступавшие партии раненых транзитом, на тех же повозках отправляли дальше на восток и юг от Москвы, в первую очередь, в Коломну. Кроме того, 2 сентября 1812 г. было «дано под своз их 1 700 обывательских подвод, на коих транспорты последуют теперь в Коломне»²⁸. Однако прибывшие в Коломну раненые оказались без должного присмотра со стороны городских властей. Дело в том, что все чины местной администрации сбежали, испугавшись приближения военных действий. Единственным представителем власти, продолжавшим выполнять свои обязанности, оказался коломенский городничий. Ростопчин был извещен о таком положении и мог самостоятельно распорядиться судьбой чиновников-дезертиров. Однако никаких мер не последовало. Сам главнокомандующий в своих воспоминаниях предпочел просто «забыть» об этом эпизоде. Он писал о том, как хорошо ухаживали за ранеными, которые (естественно, благодаря его усилиям) были своевременно отправлены в Рязань²⁹.

Сильно увечных солдат, уже не один день лежавших в московских госпиталях, попросту оставляли в городе на милость неприятеля. 30 августа 1812 г. Ростопчин писал А.И. Татищеву: «По мере доставления в Москву из армии раненых покорнейше прошу.. приказать оставлять здесь из них, для пользования одних только тяжелораненых, а легко раненых на тех же подводах, на каких сюда они доставлены, отправлять в Коломну»³⁰.

Однако поведение «цивилизованных» европейцев на поверку оказалось еще более далеким от образцов рыцарства. Наполеон обвинял Ростопчина в поджоге Москвы и оставлении в городе раненых русских солдат. Но не упомянул о судьбе Вдовьего дома на Кудринской. Подожженный французами с использованием специальных «горючих веществ», он стал огненной могилой более чем для 700 раненных при Бородино русских солдат³¹. По свидетельству Ростопчина к моменту освобождения Москвы из раненых русских солдат выжило не более 300 человек³².

Немало трудностей вызвал вывоз из Москвы отделения Государственного ассигнационного банка. Данное учреждение было одним из крупнейших центров аккумуляции денежных средств в империи. Кроме того, отделение работало и как залоговый орган. Его возможная гибель и захват денежных средств неизбежно вели к самым тяжелым последствиям для экономики страны.

19 августа управляющий отделением банка и учетной конторой действительный статский советник Пашков получил извещение Ростопчина о подготовке к эвакуации³³.

При подсчете имевшихся бумажных и медных денег, документов и залоговых ценностей, которые необходимо было вывести из города, выяснилось, что «тягость при оном во всех суммах и принадлежащих вещах 23 000 пудов; касательно учетной канторы, то тягость в оной — в товарах ее и денежных суммах составляет до 125 000 пудов»³⁴. Таким образом, груз весил 148 000 пудов или 2 368 000 килограмм. Следовательно (из расчета 25 пудов на 1 подвод) для полной эвакуации отделению банка требовалось 5 920 подвод³⁵.

Такого количества подвод в распоряжении Ростопчина не было. Управляющий и директор отделения знали об этом, но не могли или не хотели взять на себя ответственность за потерю доверенных им ценностей. Она ложилась на Ростопчина. Главнокомандующий издал распоряжение, по которому товары, «находящиеся в залоге у московской учетной канторы», необходимо было оставить в Москве, переложив попечение об их сбережении на самих купцов³⁶. В основном речь шла о предметах торговли (клей, кожа, парусина, «фламское» полотно и т.д.), которые первыми сгорели во время пожара Гостиного двора.

Также Ростопчин распорядился готовить к эвакуации только «денежную казну и те вещи, которые единственно состоят в ведомстве банка»³⁷. Это сократило требуемое количество транспортных средств почти в 40 раз — до 150 подвод. Однако в распоряжении не было и такого количества. В итоге отделению было предоставлено лишь 20 подвод. Управляющий принял решение оставить в Москве всю медную монету общей суммой 323 435 рублей 24 $\frac{3}{4}$ копеек. Мешки с деньгами он запер лично, «запечатав в прочной кладовой, которую банковый дом поручил в присмотр стоящему в карауле банкового дома воинскому офицеру», а также трем чиновникам³⁸. Впрочем, последние при вхождении в город армии Наполеона могли беспрепятственно получить паспорта и покинуть город.

Отделение выехало во Владимир, а оттуда в Нижний Новгород. Здесь 18 сентября оно открыло свое присутствие³⁹. 26 декабря банк вернулся в Москву⁴⁰.

Но с эвакуацией банка проблемы для его администрации не закончились. 18 октября в Московское управление банка пришло гневное письмо министра финансов графа Д.А. Гурьева. От управляющего отделения в самых резких выражениях (насколько это было возможно в официальном обращении того времени) требовалось дать незамедлительные объяснения того, по какому праву он бросил в Москве медные деньги на столь значительную сумму⁴¹. В своем ответе управляющий отделением Пашков переложил всю ответственность на Ростопчина: «Касательно же медных денег, что же было делать мне, когда сам главнокомандующий не был в возможности подать мне помощь». Банкир предположил, что оставленные деньги найдены уже не будут, поскольку «военная буря, каковая случилась в Москве, не думаю, чтоб оставила какую часть в целости»⁴².

По возвращении в Москву банковские служащие действительно нашли кладовые взломанными. Французы сбили замки в хранилище и обнаружили деньги. Более того, они пытались их использовать. Цезарь Ложье писал, что «пятьдесят тысяч рублей медной монеты» предполагалось передать в распоряжение муниципальных старшин. Но «переноска такой тяжести» оказалась «очень затруднительной»⁴³. В итоге специальная комиссия князя А. Хованского установила, что похищенной оказалась небольшая сумма в 17 тыс. рублей⁴⁴. Значительно большими были потери товаров, оставленных в заклад. Их сгорело или было расхищено более чем на 1 млн 150 тыс. рублей⁴⁵.

Примечания

- ¹ Тихонов В.В. Образ войны 1812 года в советской пропаганде конца 1930-х — начала 1950-х гг. // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 4. М., 2012.
- ² Нечкина М.В. Москва в 1812 г. // История Москвы. Т. 3. Период разложения крепостного строя. М., 1954. С. 88.
- ³ Там же.
- ⁴ [Ростопчин Ф.В.] Правда о пожаре Москвы. Сочинение графа Ф. Ростопчина. СПб., 1823. С. 54—55.
- ⁵ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 89.
- ⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3648. Л. 21.
- ⁷ Москва и Отечественная война 1812 г. В 2 кн. Авт.-сост. Д.И. Горшков. Кн. 1. М., 2011. С. 301.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Белов А.В. Административная реформа Екатерины II и особенности формирования городской сети «новой» («малой») Московской губернии // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Материалы IV областной научно-практической конференции. Коломна, 2010. С. 28.
- ¹⁰ [Ростопчин Ф.В.] Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина. Перевод с французской подлинной его рукописи // Русская старина. 1889. Т. LXIV. Вып. 12. С. 702.
- ¹¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году. М., 1859. С. 69.
- ¹² Нечкина М.В. Указ. соч. С. 88.
- ¹³ Там же. С. 93.
- ¹⁴ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 1. С. 303.
- ¹⁵ [Ростопчин Ф.В.] Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина... С. 702.
- ¹⁶ Московский губернский архив в 1812 году (публикация Е.Г. Болдиной) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года (Труды ГИМ. Вып. 137). М., 2003. С. 211—212.
- ¹⁷ [Ростопчин Ф.В.] Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина... С. 689.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 1. С. 301.
- ²⁰ М.И. Кутузов. Сборник документов и материалов / под ред. Л. Г. Бескровного. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 158.
- ²¹ [Ростопчин Ф.В.] Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина... С. 695—696.
- ²² Частные письма 1812 года. От Марии Аполлоновны Волковой к Варваре Ивановне Ланской // Русский архив. 1872. № 12. Стб. 2392.
- ²³ Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XX в. М., 1982. С. 23.
- ²⁴ [Ростопчин Ф.В.] Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина... С. 703.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Апухтин В.Р. Сердце России первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. Очерк и архивные материалы. М., 1912. С. 43.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 43.
- ²⁹ [Ростопчин Ф.В.] Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина... С. 719.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11. Л. 246.
- ³¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 5. М., 1900. С. 155.
- ³² [Ростопчин Ф.В.] Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина...
- ³³ Государственный банк. К столетию Отечественной войны. СПб., 1912. С. 3.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 4.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 9.
- ³⁹ Там же. С. 17.
- ⁴⁰ Там же. С. 29.
- ⁴¹ Там же. С. 17.
- ⁴² Там же. С. 21.
- ⁴³ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 82—83.
- ⁴⁴ Государственный банк. К столетию Отечественной войны... С. 55.
- ⁴⁵ Там же.

Н.Ю. Болотина

Спасение архивов и Оружейной палаты накануне вступления Наполеона в Москву

Одной из интересных страниц Отечественной войны 1812 года является организация спасения ценнейших для истории России архивных собраний и эвакуация сокровищ первого отечественного музея — Мастерской Оружейной палаты. Несомненно, в ходе этой эвакуации был учтен трагический опыт 1612 г., когда вошедшими в Кремль поляками были разграблены и царские сокровища, и знаменитый Царский архив. Из крупных частично эвакуированных в 1812 г. московских архивохранилищ следует назвать Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД), Межевой архив и три хранилища, находившиеся в ведении московских департаментов Сената — Архив старых дел, архив Вотчинного департамента и сам Сенатский архив, включавший Разрядный архив.

Традиционно принято считать, что назначенный 24 мая 1812 г. главнокомандующим Москвы Ф.В. Ростопчин не торопился с вывозом архивов и вещей Оружейной палаты из Москвы. Можно предположить, что это было связано и с неверием в то, что древняя столица будет оставлена русскими войсками, и с нерешительностью руководителя города, и с медлительностью государственной машины согласований. Так, разрешение на упаковку и вывоз документов МАКИД из Петербурга от 21 августа на представление управляющего Бантыш-Каменского от 15 августа пришло в Москву только 27 числа, когда архивный обоз уже прибыл во Владимир. Сам Ростопчин только 1 сентября получил от главнокомандующего М.И. Кутузова письмо с известием о том, что русская армия оставит Москву без боя¹.

Знаковым событием для принятия решения о подготовке к эвакуации государственного имущества из Москвы стало оставление Смоленска 6 (18) августа. 12 августа Ростопчин писал П.И. Багратиону: «Я не могу себе представить, чтоб неприятель мог прийти в Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили к Вязьме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю каждого убраться»². Дочь Ростопчина Наталья Нарышкина в мемуарах также называла отправной точкой для начала эвакуации оставление Смоленска: «После злополучной сдачи Смоленска отец занялся спасением московских сокровищ. Огромное число телег и лошадей были употреблены, чтобы перевезти вглубь империи богатства, находившиеся в церквях, монастырях, общественных библиотеках и музеях»³. (Отмечу, что во время Великой Отечественной войны эвакуация Центрального государственного архива древних актов в Орск (в составе архива находились документы МАКИД, Межевого и сенатских архивов), а также сокровищ Оружейной палаты в Свердловск началась в 20-х числах июля 1941 г. — почти сразу после начала Смоленского сражения).

Укладка и упаковка документов МАКИД и сокровищ Оружейной палаты благодаря самоотверженной работе служащих заняла считанные дни. В течение 14—25 августа 1812 г. все ценности были подготовлены к вывозу, а уже 2 сентября французские войска заняли Москву. Архивные документы позволяют восстановить хронологию подготовки, эвакуации и реэвакуации рукописей и государственных реликвий.

Наименее изученным в настоящее время остается вопрос об эвакуации и реэвакуации вещей Оружейной палаты в 1812 г.⁴ Накануне войны служащие музея готовились к переезду в новое, специально построенное здание музея, созданное по проекту архитектора И.В. Еготова. В марте 1811 — июне 1812 г. прошла полная сверка всех музейных предметов, которая была закончена к 12 июня 1812 г.⁵ В тот же день войска Наполеона переправились через Неман и вторглись в Россию.

Ростопчин сообщил о подготовке к вывозу государственных сокровищ главноначальствующему Экспедицией кремлевского строения П.С. Валуеву 14 августа. На следующий день Валуев в письме просил назначить день выезда из Москвы, предоставить необходимое количество лошадей, дрог и конвоя для охраны сокровищ и выделить 10 тыс. рублей на расходы⁶. На самом деле упаковка вещей началась уже 12 августа под предлогом переноса вещей в новое здание, и после принятия решения о вывозе только ускорилась. В первую очередь были назначены к эвакуации государственные регалии и драгоценные вещи, а в Москве оставляли «неспособные к укладке и за тяжестию в пути, как то: медные, железные и деревянные, на которых было серебро, оно по снятии, равно самые ветхие из материй оставлены с принятыми мерами к сохранению»⁷.

В ночь с 22 на 23 августа 1812 г. телеги с сокровищами Оружейной палаты в сопровождении действительного статского советника И.П. Поливанова, других служащих и под охраной конвойной команды тайно выехали из Москвы по Коломенскому тракту и 25 августа достигли Коломны. Здесь вещи были перенесены на барку, и 30 августа транспортировка продолжилась по Оке. Ночью в небе появилось большое зарево: это пылала Москва, в которую вступили наполеоновские войска. В Нижний Новгород вещи Оружейной палаты были благополучно доставлены 22 сентября и уложены в специально отведенные кладовые под караулом солдат инвалидной роты⁸. Секретность сохранялась на всем протяжении пути, что было связано и с особой ценностью вещей, и с наличием древних символов царской и императорской власти, которые могли бы стать завидным трофеем для Наполеона. На все телеги были прикреплены деревянные двуглавые орлы — знак того, что обоз являлся казенным; кремлевские сокровища везли под видом военной амуниции.

В Москве для присмотра за оставшимся имуществом и зданиями с частью дворцовых служителей и лакеев был оставлен правитель канцелярии А. Дмитриев, уже очень пожилой человек. По воспоминаниям одного из служителей Оружейной палаты, Дмитриев в мундире и треуголке при шпаге встретил «с почтением и поклоном» у входа в Терема группу французских военачальников. Он подвергся расспросам о том, куда подевались сокровища и регалии. После ответа, что они увезены и находятся уже далеко, старик был сильно избит. Не оправившись от побоев, в 1814 г. он умер⁹. В 1813 г. П.С. Валуев сообщал статс-секретарю А.Н. Голицыну: «Не лишним считаю довести до сведения Вашего одно обстоятельство, которое служит неоспоримым свидетельством алчности всемирного злодея иметь в своих хищных руках палатские сокровища. В день его въезда в Кремль оставшийся в оном за дряхлостью инвалидный унтер-офицер за то, что по существу его неведению не умел сказать, по какой дороге отправлены палатские сокровища, был бит до тех пор, покуда лишился жизни»¹⁰.

Несмотря на то, что во время пребывания французов в Кремле новое здание Оружейной палаты почти не пострадало, с возвратом вещей не спешили. В начале

декабря 1812 г. их перевезли на хранение во Владимир, а в Москву вернули только 16 июня 1813 г. и сложили в новом здании. Тяжелую дорогу и длительное хранение вещи перенесли хорошо, только несколько предметов при проверке оказались помятыми, выпала часть камней и «из жемчуга по древней обниси и по подвержению тленности ниток несколько осыпалось»¹¹. В начале марта 1813 г. за Успенским собором был найден крест Ивановской колокольни, а в апреле — спрятанные серебряные рамы весом больше пуда серебра, которые не нашли французы¹².

Управляющему МАКИД Н.Н. Бантыш-Каменскому Ростопчин также 14 августа направил письмо с предложением, «не теряя времени», начать упаковку документов для их вывоза из Москвы¹³. Уже на следующий день Бантыш-Каменский писал: «Совет Вашего сиятельства о спасении государственных дел спасительный; я приемлю оный с глубочайшим искреннейшим благодарением, и вчерашнего же дня занялся уборкой в сундуки и увязкой оных, положив древнейшие российские грамоты, трактаты со всеми иностранными дворами и грамоты их по 1700 год. Сии бумаги важнейшие в архиве, и оные увязаны в семи больших сундуках»¹⁴. Эти документы занимали в архиве 13 шкафов.

Бантыш-Каменский обратился за советом о необходимости дальнейшей упаковки дипломатических документов, помещавшихся в 128 шкафах, к Ростопчину и в Коллегию иностранных дел. Главнокомандующий Москвы письмом от 16 августа посоветовал готовить к отъезду все документы: «На отношение Вашего превосходительства, коим требует моего совета насчет уборки дел, занимающих более 50-ти шкафов и хранящихся ныне в безопасном от пожара месте, сим честь имею ответственать Вам, милостивый государь мой, что хотя для укладки оных едва ли достаточно быть может 80-ти подвод по изъяснению Вашему, но, когда для перевозки их потребны будут лошади, тогда все нужные по предмету сему распоряжения приемлю я на себя»¹⁵. Ответ из Петербурга не застал Бантыш-Каменского в Москве, он был получен только 29 августа уже во Владимире.

В течение следующих дней упаковка документов МАКИД продолжалась, но часть архива в связи с большими объемами было решено оставить в Москве. Были оставлены дипломатическая переписка с Польшей и Швецией, «греческие грамоты о милостыне», «пруссские военные дела», документы Коллегии иностранных дел за XVIII в., печатные книги из архивной библиотеки. Архив в это время размещался в каменном здании в Белом городе Москвы, которое сохранилось до наших дней (Хохловский переулок, дом 7—9).

20 августа Ростопчин прислал в МАКИД собственноручную записку, в которой просил быть в полной готовности к отъезду¹⁶. 22 августа он выдал Бантыш-Каменскому «открытый лист», в котором предписывалось «по высочайшему Его Императорского Величества повелению действительному статскому советнику Бантыш-Каменскому, следующему во Владимир и далее, куда надобность востребует, с бумагами Московского архива государственной коллегии Иностранных дел; почему господа командующие и благоволят оказывать ему в пути всякое по требованию его пособие и вспомоществование для сбережения высочайше вверенных ему бумаг»¹⁷.

Старинные рукописи МАКИД в 105 сундуках и коробках на 120 подводах отпавились из Москвы по старому Владимирскому тракту 23 августа, и спустя четыре дня достигли Владимира, где разместились в нижних палатах присутственных мест. Оттуда по предписанию владимирского губернатора А.Н. Супонева от 7 сентября 1812 г.

архив был перемещен в Нижний Новгород (прибыл 16 сентября), ставший прибежищем для архивов, Оружейной палаты и бежавших москвичей. Документы МАКИД, благодаря знакомству Бантыш-Каменского с епископом Нижегородским и Арзамасским Моисеем, были размещены в здании «огромной каменной с железными решетками» семинарской церкви (в инструкции от 21 октября называется «духовная семинария») под тщательным контролем архивистов и вооруженной охраны¹⁸.

Судьбу архивного здания, документов и имущества во время пребывания в Москве наполеоновской армии раскрывают подробные донесения оставшегося в городе надворного советника И.А. Ждановского. В ноябре 1812 г. он сообщал Бантыш-Каменскому, что «большой корпус, где архив с трактатною и библиотекою, уцелел от пожари; но замки и задвижки сбиты и изломаны... Описанные дела, столбцы, книги, ландкарты и прочие разбросаны, изорваны, потоптаны, частью сожжены и загажены; теперь все оные собраны и в шкафы положены, но разобрать их вскоре никак невозможно, ибо все крайне перемешаны»¹⁹. Наиболее пострадала библиотека архива, погибло 214 книг, в числе которых издания М.В. Ломоносова, В.Г. Рубана, Н.И. Новикова, редкие иностранные газеты; часть была разграблена «французами и поляками».

Как следует из донесения Ждановского, пропало несколько живописных портретов, с архивных икон содраны оклады, казенные деньги отобрали французы у сотрудников архива, даже со столов снято сукно. «О себе доношу, — писал Ждановский, — что кроме беспрестанных ежедневных от неприятеля обысков, угрожения смертью и ограбления меня до нага, нашли французы у меня в кармане хранившуюся казенную печать и, требуя денег, избили меня железной полосой до крови, отчего и поныне еще все стражду; также лишившись от пожари собственного дома, а от грабежа всего имущества, остаюсь теперь с семейством моим совершенно в крайней бедности и без пропитания»²⁰. Пострадали от грабежа и пожаров и другие оставшиеся в Москве сотрудники МАКИД, о злоключениях архивистов повествует рапорт надворного советника Тархова²¹.

6 ноября, вскоре после получения известия об освобождении Москвы, первым из Нижнего Новгорода в Москву для приведения в порядок здания МАКИД выехал А.Ф. Малиновский, под руководством которого проходил ремонт и очистка помещений от навоза и грязи²². 23 января 1813 г. МАКИД вернулся из эвакуации.

На несколько дней позднее МАКИД и Оружейной палаты стали готовиться к эвакуации архивы, находившиеся в ведении Сената и располагавшиеся до войны в здании присутственных мест в Кремле. Это промедление трагически сказалось на их сохранности. Только 18 августа Ростопчин известил Государственный архив старых дел о необходимости укладывать бумаги и потребовал сообщить, сколько нужно подвод для их вывоза²³. В составе архива в то время насчитывалось 6 млн дел, было решено спасти только самые ценные: именные высочайшие указы, жалованные грамоты, журналы и протоколы государственных учреждений, дела Тайной экспедиции, все книги с записями совершенных актов и сделок и документы самого архива. Дела начали укладывать в рогожные кули, но подвод не хватало. 31 августа московский гражданский губернатор Н.В. Обрезков объявил сотрудникам архива о своем решении, чтобы все присутственные места Москвы увозили только особо ценные и нерешенные дела, а остальные оставили в городе.

Сопроводжать документы было предписано члену присутствия архива Н.П. Тимченко, а «охранять» оставшиеся дела и имущество архива был оставлен вахмистр

Цуканов и несколько сторожей. Только 1 сентября было выделено 40 подвод, на которых уместилась малая часть того, что планировалось к эвакуации. Ночью обоз с архивными документами в сопровождении чиновников и нескольких солдат охраны вышел из Москвы и направился во Владимир, а оттуда в Нижний Новгород.

В Москву материалы Архива старых дел вернулись 17 марта 1813 г. Многие из оставленных в Кремле документов сохранились на своих местах, но часть была разбросана или выброшена французами за кремлевскую стену. Состояние их было угрожающим, они частично истлели или слепились²⁴.

Документы из Сенатского архива — журналы и приговоры Сената и все нерешенные дела — были уложены на 300 подвод и покинули Москву 31 августа 1812 г. Миновав Нижний Новгород, они были доставлены в Казань, где расположились московские департаменты Сената. В Москве были оставлены решенные дела Сената, документы Герольдмейстерской канцелярии и весь Разрядный архив²⁵. Последний открылся только 16 сентября 1813 г., после ухода французов его дела оказались в беспорядке и частично были уничтожены, о чем свидетельствует «Реестр Разрядного архива книгам, десятням, разобраным после бывших военных обстоятельств»²⁶.

Трагичнее всего сложилась судьба архива Вотчинного департамента, в котором хранились ценнейшие документы по землевладению. Эти бумаги полностью остались в Московском Кремле. Предложение Ростопчина о подготовке к эвакуации было получено в архиве 18 августа. Тогда было решено оставить нерешенные дела, и увозить 42 160 переплетенных книг, столбцов и вязок, для чего требовалась 1 тыс. лошадей²⁷. Переписка и обсуждение условий выезда с Ростопчиным затянулись на несколько дней. 31 августа руководитель Вотчинного департамента С.Н. Озеров отправил курьера к министру юстиции в Петербург с тем, чтобы получить указание о дальнейших действиях. Но было уже поздно.

Все, что происходило с Вотчинным архивом во время пребывания французов, было описано оставшимся в городе вторым членом правления А.Д. Бестужевым-Рюминым, который решил не покидать Москву и отдать долг «любезному Отечеству за воспитание сохранением архива Вотчинного департамента»²⁸. Утром 3 сентября он обратился к Наполеону с просьбой об охране архива, и ему было выделено четверо часовых, но это не спасло старинные документы. 23 сентября при посещении комнат архива Бестужев-Рюмин заметил, что книги используются солдатами вместо кроватей, в другой раз он увидел, что французы выбрасывали из окон книги и дела в вязках²⁹.

По свидетельству Бестужева-Рюмина, еще хуже обстояло дело с документами других архивов. Те, которые мешали французам удобно расположиться в комнатах, были выброшены во рвы, окружавшие кремлевскую стену со стороны Китай-города. С наступлением осени, а затем и зимней непогоды, они лежали под дождем и снегом, смешались с грязью и отходами, а потом и смерзлись в одно целое. Это жуткое зрелище застал вернувшийся в Москву в середине октября 1812 г. главноначальствующий Экспедицией кремлевского строения П.С. Валуев. Он писал 11 февраля 1813 г. к статс-секретарю князю А.Н. Голицыну, что в Кремле «на площадях, улицах, во рвах и зданиях по сие время кипы из разных присутственных мест дел и документов, перемешанных с замершею соломою, картофелем и капустою»³⁰.

Разбросанные по рвам и сенатским помещениям дела, принадлежавшие разным архивам и учреждениям, собирались и переносились в специально отведенные ком-

наты, где раскладывались по принадлежности всеми бывшими в наличии архивными чиновниками и канцелярскими служащими. Работа специально созданной для разбора документов комиссии под руководством сенатского чиновника статского советника Н.И. Огарева продолжалась до 7 августа 1813 г.³¹ Одновременно проводился ремонт архивных помещений, поврежденных во время взрыва Кремля французскими войсками в ночь с 10 на 11 октября 1812 г.³² В декабре 1813 г. Вотчинный департамент сообщал Экспедиции Кремлевского строения, что «по изгнании злодеев из столицы все дела и разные документы, хранящиеся в архивах сего департамента, оказались ими разбросаны и раскиданы по рвам. В собрании как своих, так и других присутственных мест архивов, трудились чиновники и приказно-служители Вотчинного департамента во всю прошедшую зиму, вырывали их из-под снега, перетаскивали в палаты..., откуда по рассортировке переносили в комнаты»³³.

В течение 1813—1818 гг. служащие разбирали архив Вотчинного департамента, сортировали документы, составляли учетные ведомости сохранившихся книг, столбцов и вязок. Часть их представляла собой лоскутки бумаги, которые подбирались по содержанию, скатывались в столбцы и размещались отдельно от целых. Собранные лоскутки архивисты измеряли «кучами» и «аршинами»³⁴. После пребывания наполеоновских войск в Москве около четверти состава Вотчинного архива было утрачено, разорвано, повреждено и перемешено (10 775 дел)³⁵. Свыше 20 лет понадобилось архивистам, чтобы привести архив в тот порядок, в котором он находился до 1812 г.

Таким образом, в условиях приближения французских войск к Москве, невнимания властей и переходящей в панику неразберихи служащим архивов и Оружейной палаты удалось сохранить уникальные для нашей истории документы и предметы. В те несколько дней, когда многие жители спасали свое имущество, они, бросив дома и пожитки на произвол судьбы, упаковывали и укладывали ценнейшие национальные сокровища. Многие из архивистов и сотрудников Оружейной палаты вернулись к пепелищам на месте своих домов. Особый героизм проявили чиновники, оставшиеся в Москве, которые всеми способами старались сохранить документы, и первыми после ухода французов принялись собирать и разбирать их. Эвакуация и реэвакуация московских архивов и Оружейной палаты — важная и интересная страница в истории Отечественной войны 1812 года, достойный пример отношения хранителей к «остаткам прошлого». Этот пример может служить образцом и в наше время.

Примечания

¹ См.: РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3574. Ч. 4. Л. 13.

² Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. Т. 1. М., 1911. С. 103.

³ *Нарышкина Н.Ф.* Война и Время. 1812 год // Звезда. 2011. № 9.

⁴ См. новейшую публикацию документов: *Болотина Н.Ю., Новоселов В.Р.* «Отправлены мною отсюда до Нижнего водою сокровища...». Документы о спасении ценностей Оружейной палаты во время занятия Москвы войсками Наполеона в 1812 г. // Исторический архив. М., 2012. № 3.

⁵ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5612. Л. 124.

⁶ См.: Там же. Л. 70—70 об.

⁷ Там же. Д. 5615. Л. 47—48 об.

⁸ См.: Там же. Д. 5611. Л. 206, 207.

⁹ Перевоз вещей Оружейной палаты из Москвы в Нижний Новгород в 1812 г. // Русский архив. 1916. Кн. 3. Вып. 7—12. С. 339.

- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5620. Л. 79 об.
- ¹¹ Там же. Д. 5615. Л. 47—48 об.
- ¹² См.: Там же. Л. 78—78 об; Д. 5614. Л. 6 об, 7, 9 об.
- ¹³ См.: *Белокуров С.А.* Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г. М., 1913. С. 20; РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 88. Л. 447. Одновременно секретное отношение Ростопчина было получено и в Межевой канцелярии, которая вместе с архивом была вывезена в Нижний Новгород (См.: РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Д. 19800. Л. 155).
- ¹⁴ Цит. по: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 21; РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 88. Л. 448.
- ¹⁵ Цит. по: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 24; РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 88. Л. 464.
- ¹⁷ Цит. по: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 27; РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 88. Л. 480.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 88. Л. 531—532. (Инструкция Н.Н. Бантыш-Каменского коллежскому асессору Лебедеву).
- ¹⁹ Цит. по: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 36; РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 88. Л. 539—542, 565—567.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 41.
- ²² См.: *Долгова С.Р.* Алексей Федорович Малиновский // *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М., 1997. С. 198.
- ²³ См.: *Шимко И.И.* Московские департаменты Сената и подведомственные им архивы в 1812—1814 гг. // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 6. М., 1889. С. 13—14.
- ²⁴ См.: Там же. С. 32.
- ²⁵ См.: Там же. С. 16. Здесь мы видим сугубо «прагматический» подход администрации к архивным документам: эвакуировались те, которые имели практическое значение, а имеющие ценное значение для истории были оставлены (См.: *Самошенко В.Н.* Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII — нач. XX вв.). М., 1990. С. 29).
- ²⁶ См.: *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 39—45.
- ²⁷ См.: Там же. С. 18.
- ²⁸ *Бестужев-Рюмин А.Д.* Краткое описание происшествий в Москве в 1812 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 2. Отд. V. М., 1859. С. 83—84.
- ²⁹ См.: *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 21.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5617. Л. 12 об.
- ³¹ См.: *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 24.
- ³² См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 81. Д. 307.
- ³³ Там же. Ф. 1209. Оп. 81. Д. 307. Л. 27.
- ³⁴ Там же. Д. 337. Л. 33.
- ³⁵ См.: *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 28. По ведомости, составленной в архиве Вотчинного департамента, 7 августа 1813 г. из бывших 40 795 столпов, книг и связок в наличии было 25 740, недоставало после «нашествия неприятеля» 15 055 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 81. Д. 314. Л. 53).

Гибель Московского арсенала в 1812 году

В исторической литературе о войнах, особенно Отечественных, преобладают темы о героизме офицеров и солдат, мудрости полководцев или патриотизме в тылу. И это понятно. Но любая эпоха, особенно военная, изобилует явлениями и другого рода. В данной статье речь пойдет о случившемся 2 сентября 1812 г. в Москве происшествии, потери от которого составили миллионы рублей — гигантскую для того времени сумму. Кроме того, погибла масса военных и исторических реликвий, стоимость которых невозможно подсчитать.

Главным источником для нас являются материалы одного дела из фонда «Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 года» Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Оно называется «Дело о погибшем в Москве Артиллерийском имуществе 1812 года» и представляет собой огромный том, содержащий более 200 документов на 766 листах¹. Хронологически дело включает в себя документы с 1 августа 1812 г. по 20 апреля 1818 г., но свыше 90% из них относится к периоду с сентября 1812 г. по февраль 1814 г. Это материалы чрезвычайной комиссии, созданной по приказу Александра I для расследования обстоятельств и причин оставления врагу 2 сентября 1812 г. в крупнейшем военном хранилище Центральной России — Московском арсенале — огромного количества оружия, знамен, трофеев и другого военного имущества. Несмотря на свою значимость, материалы этого дела использовались лишь однажды — историком С.В. Шведовым в статьях о судьбе запасов оружия Московского арсенала в 1812 г.²

Следует отметить, что вопрос об эвакуации главных ценностей и учреждений обеих столиц встал вскоре после вторжения войск Наполеона в Россию. В начале августа, когда французы находились в районе Смоленска и направлялись к Москве, из Санкт-Петербурга уже были вывезены ценности Эрмитажа, дела всех присутственных мест, библиотеки и прочее. К эвакуации были полностью готовы Петербургский арсенал, а также все реликвии и трофеи, хранившиеся в Петропавловской крепости и других местах³.

В Москве за эвакуацию отвечал Ф.В. Ростопчин, наделенный императором чрезвычайными полномочиями. Однако в вопросе о военном имуществе он подчинялся главнокомандующему М.И. Кутузову и должен был выполнять его требования о поставке в армию оружия и боеприпасов, находившихся в Арсенале. В качестве своего оправдания Ростопчин представил следственной комиссии выдержки из писем Кутузова, который уверял его в своем твердом намерении дать генеральное сражение под Москвой. Сразу же по прибытии к войскам, 17 августа 1812 г., Кутузов писал Ростопчину: «Не решен еще вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»⁴. В письме от 21 августа говорилось: «Все движения были до сего направляемы к сей единой цели и к спасению первопрестольного града Москвы... [P.S.] Прошу ваше сиятельство уверить всех московских жителей моими сединами, что еще не было ни одного сражения с передовыми войсками, где бы наши не удерживали поверхности»⁵.

Важно отметить, что после взятия французами Смоленска Московский арсенал стал главной и ближайшей базой снабжения русской армии. В воинские части по требованию командования из него беспрестанно отправлялись обозы с боевыми зарядами, оружием и другими необходимыми припасами. Эвакуация Арсенала из Москвы могла произойти только по приказу Кутузова.

Как известно, 26 августа 1812 г., сразу же по окончании Бородинского сражения, Кутузов послал императору победную реляцию. Интересно, что в то же самое время и Наполеон послал в Париж сообщение о своей победе, прибавив, что доказательством будет его вступление в Москву через неделю. За известие о «победе» в генеральном сражении Александр I наградил Кутузова чином генерал-фельдмаршала. Весь Петербург ликовал несколько дней, пока не начали приходить сообщения о том, что 27-го Кутузов спешно отвел армию от Бородино, оставив врагу не только поле сражения, но и десятки тысяч тел погибших и тяжело раненых русских воинов, а через неделю без боя сдал Москву.

В конце августа Кутузов продолжал сообщать Ростопчину о своей твердой решимости отстоять древнюю столицу: «Мы приближаемся к генеральному сражению у Москвы»; «Вышлите с получением сего столько батарейных орудий, сколько есть в Московском арсенале с ящиками зарядными»⁶. Эта решимость фельдмаршала отразилась и на содержании публиковавшихся информационных бюллетеней, так называемых «ростопчинских афишек». Ростопчин, который не был приглашен на военный совет в Филях, узнал о сдаче города только в 11 часов вечера 1 сентября, за 4 часа до начала вывода из него войск. С 3 до 16 часов 2 сентября армия Кутузова выходила из Москвы, а вплотную к ней в город входили французы, смешиваясь иногда с русскими солдатами.

Главным ответственным лицом в Москве по части вооружения являлся начальник Московского Артиллерийского депо генерал-майор В.Х. Кнобель. Однако вопрос о подготовке Арсенала к эвакуации находился в ведении одного из членов Артиллерийского депо полковника А.А. Курдюмова, занимавшего должности коменданта Кремля, командира его гарнизона и начальника Арсенала. 31 августа Артиллерийское депо во главе с Кнобелем выехало в Нижний Новгород и вся ответственность за эвакуацию Арсенала пала на Курдюмова.

Из материалов следственного дела видно, что еще 18 августа Ростопчин потребовал от Курдюмова сведения о количестве подвод, необходимых для вывоза артиллерийского имущества. В тот же день Курдюмов ответил, что ему требуется 6 475 подвод. 21 августа Ростопчин выделил 18 барок для вывоза имущества по воде, но из них только 8 годились для использования. Нагруженные порохом и свинцом, эти барки были отправлены по Москве реке 1 сентября, но вскоре сели на мель около Перервы. Весь порох был высыпан в воду, а тысячи пудов свинца затоплены. В тот же день и утром 2 сентября из Арсенала было отправлено имущество на 600 подводах (т.е. в десять раз меньше, чем требовал Курдюмов) — больше достать было уже невозможно. Замечу, что позднее, в ходе расследования, Ростопчин заявил, что предоставил Курдюмову достаточное количество подвод.

В 2 часа ночи 2 сентября Курдюмов снял караулы в Кремле, приказал своим подчиненным присоединиться к армии и спешно покинул город, бросив даже сундук с деньгами (тысяча рублей медной монетой), которые предназначались для оплаты частных подводчиков. Некоторое количество оружия и припасов было затоплено

в Красном пруду буквально за час до появления там противника. Оставшиеся после отъезда Курдюмова служители Арсенала вывозили и уничтожали боевые заряды вплоть до самого подхода неприятеля к Кремлю. Но все же основная масса имущества Арсенала досталась врагу и была разграблена, вывезена из города или уничтожена пожаром после взрыва Арсенала при выходе французов из Москвы. Как позже выяснилось, количество одного только огнестрельного оружия превысило 80 тыс. единиц.

Кутузов и Ростопчин докладывали императору, что при отступлении от Москвы из нее были вывезены все учреждения и ценности, и что в ней не осталось ни одного раненого и почти никого из жителей. На самом же деле после выхода из города французов из него в течение месяца было вывезено и сожжено 12 тыс. тел.

Когда Александр I узнал об огромных потерях в Московском арсенале, он приказал провести тщательное расследование. 21 сентября 1812 г. (французы находились еще в Москве) управляющий Военным министерством кн. А.И. Горчаков передал вице-директору Артиллерийского департамента И.Г. Гогелю повеление, в котором говорилось: «Государю императору по случаю временного занятия неприятелем Москвы благоугодно иметь верное сведение о количестве находившихся там в сие время разного рода вещей и припасов по ведомству Артиллерийского департамента. Вследствие чего рекомендую Вашему Превосходительству представить ко мне немедленно ведомость об оружии, вещах и других припасах Артиллерийского ведомства, находящихся в Москве, буде известно об оных здесь по Артиллерийскому департаменту. С тем вместе истребовать как наискорее чрез нарочного от начальника Московского Артиллерийского депо верное и подробное сведение, сколько каких именно вещей и припасов ведомства Артиллерийского до занятия неприятелем Москвы находилось там; сколько и куда именно вывезено; сколько осталось и сколько истреблено, также какую сумму составляют оставленные там и погибшие разного рода вещи, и таковое сведение доставить ко мне для доклада Его Императорскому Величеству»⁷.

Вскоре по выходе французов из Москвы в нее был командирован генерал-майор П.М. Пичугин, которому был поручен поиск уцелевшего оружия и военного имущества. В своем первом рапорте в Военное министерство Пичугин описывает то, что увидел в Кремле в ноябре 1812 г.: «Осмотрел я принадлежащие к Артиллерийскому ведомству строения и оказалось: 1-е, Арсенал от Никольских ворот до половины взорван да и оставшаяся другая половина без окон и дверей и весьма повреждена в сводах, так что даже опасно входить и ничего помещать невозможно; 2-е, под Симоновым (Симонов мужской монастырь в Кремле. — А.А.) из 9-ти пороховых погребов два, где хранились селитра и сера, внутри выгорели и из них у одного от пожара крышка упала, и во всех погребах частью затворов и большою частью нар недостает; 3-е, дом, где имело присутствие Московское Артиллерийское депо, цел, кроме совершенно разбитых окон; 4-е, Полевой двор совершенно пожаром истреблен; 5-е, на Полевом дворе осталось в целости две каменные палатки и ветхая караульня без дверей и окон, а прочее все сгорело; каменный же цейхгауз подорван. 6-е, у Полевого двора кузницы и конюшни совершенно пожаром истреблены»⁸.

В рапорте Пичугина от 16 декабря 1812 г. говорится о состоянии огнестрельного и холодного (белого) оружия, найденного в Арсенале, а также о распоряжениях по началу разбора завалов: «Имею честь донести, что большой колокол и теперь в яме у Ивана Великого. Огнестрельное и белое оружие действительно перегорело, хотя та часть Арсенала и не подорвана, но неприятелем были пирамиды не только те, в

коих стояло оружие, но и вообще все сожжены и ружейные ложи сгорели, и дабы увериться в истине, годны ль стволы и прочее на какое-нибудь употребление, приказал я оружейному мастеру, по контракту при здешнем Арсенале служащему, осмотреть и рассортировать, на что поданным ко мне рапортом доносит, что от сожженных пирамид совершенно оружие перегорело и при падении из пирамид в огонь весьма покривилось, так что ни на какое употребление не годится. Приказал я ему под смотрением подпоручика Оконнишникова собрать медные вещи, оставшиеся от перегоревшего оружия, и годные отложить особенно, а от огня перетопившиеся особенно. Через посредство здешнего коменданта господина генерал-лейтенанта и кавалера Гессе, испросил я 50 лошадей полицейских и 100 человек рабочих и теперь начата из Арсенала и Кремля перевозка. Патроны и боевые неприятельские заряды назначил я перевозить в пороховые погреба, в коих и складывать на нары. Прочее же, как то орудия, зарядные фуры, ящики, патронные ладки и прочее будут перевезены на Полевой двор. Рабочие начали отрывать заваленные от взрыва орудия, кои лежали в Арсенале на лагире; по исполнении ж на меня возложенного поручения я не премину Департаменту представить обо всем подробную ведомость. О исправлении пороховых погребов я не замедлю представить смету. В оставшейся от взрыва части Арсенала верхние своды большею частью от потрясения разрушились и без крайней опасности в верхний этаж входить невозможно, да и крыши нет»⁹.

Однако императора и военного министра интересовали не столько состояние, в каком находился Арсенал, сколько конкретные данные о масштабе потерь в нем. Поэтому 5 февраля 1813 г. военный министр предписал Артиллерийскому департаменту ускорить работу в этом направлении: «Не имея доселе от одного Департамента верного и подробного сведения, сколько каких именно вещей и припасов ведомства Артиллерийского до занятия неприятелем Москвы находилось там, сколько и куда именно вывезено, сколько осталось и сколько истреблено, и на какую сумму составляет сия потеря, подтверждаю Артиллерийскому департаменту о самоскорейшем доставлении ко мне такового сведения для представления государю императору. При чем обязываюсь поставить на вид Артиллерийского департамента, что по сему предмету получил я вторичное Его Императорского Величества повеление, и следовательно малейшее в сем случае промедление останется на непосредственно отчете одного Департамента»¹⁰.

Буквально через четыре дня, 10 февраля, министру были представлены наспех приготовленные ведомости при рапорте следующего содержания: «Ноне Артиллерийский департамент... имеет честь представить при сем Вашему Сиятельству составленные из подробных сведений... 3 ведомости... о состоявших в Москве по 1-е сентября прошлого 1812 года при Арсенале артиллерии, ее принадлежности, оружия, военных регалиях, трофеях, инструментах, материалах, припасах и других разного рода вещах, снарядах и запасах, бывших при Арсенале и в составе Московского запасного парка, с показанием, сколько чего именно истреблено, затоплено и оставлено в Москве, при выступлении оттуда войск наших, затем вывезено из оной куда, в какую сумму полагать истребленное, затопленное и оставленное в Москве имущество по ценам настоящим, штатным и примерно назначаемым, кроме, однако, таких званий, каким цен определить нельзя, как то образов, церковной утвари, военных регалий, трофеев, математических книг, негодных, равно и неупотребительных ныне вещей»¹¹.

Разумеется, кроме определения размера убытков, встал вопрос о персональной виновности. Бывший главнокомандующий в Москве граф Ростопчин возложил всю ответственность за потери на полковника Курдюмова. Приведу выдержки из письма Ростопчина военному министру от 17 марта 1813 г.: «С приближением неприятеля к Москве я, взяв предосторожность, приказал находившемуся при Московском арсенале полковнику Курдюмову привозимую сюда из разных мест артиллерию и белое оружие отправлять далее, и на зарплату подводчикам выдал ему из сумм, состоящих в моем распоряжении, 6 000 рублей, а потом еще 1 000 рублей..., за прочее артиллерийское имущество, оставленное в Москве, ответственность должен один только полковник Курдюмов; ибо он (как я замечаю) не хотел распорядиться так, как от меня ему приказано было, непомерным грузом барок воспрепятствовал им в ходу, а прочее Артиллерийское имущество даже и не укладывал на обывательские подводы, в которых никогда ему отказываемо не было, но он, закрывая свою беспечность в исполнении моих приказаний, во всех отчетах своих показывает, что оное имущество, так же немалозначущее количество зарядов, патронов и пороху оставлено за неимением подвоя в Арсенале»¹².

Весной 1813 г. Пичугин отправился к своему постоянному месту службы и его сменил генерал-майор В.Ф. Ильин, ставший новым начальником Московского Артиллерийского депо и председателем чрезвычайной Комиссии по расследованию причин сдачи Арсенала с оружием. Поисковая работа затруднялась тем, что найденные при разборе завалов фрагменты оружия и вещей определить было сложно, поскольку архив Арсенала также был уничтожен. В рапорте одного из арсенальных служащих говорится: «А как прошлого 1812 года сентября 2 числа во время нашествия неприятеля в Москву по самой экстренности выступления из Москвы все письменные дела оставались в Арсенале, коих от подорвания оного отыскать никак не можно, почему и отправку учинить не по чему»¹³.

По беспрестанным требованиям Военного министерства в Петербург из Москвы присылались составленные в срочном порядке ведомости и списки найденного оружия и вещей. Однако эти ведомости носили промежуточный и фрагментарный характер. Единой их формы долгое время не существовало, поэтому составить общее представление о потерях по ним было невозможно. В течение трех лет в министерство были отправлены десятки самых разных ведомостей, реестров, списков, описей, рапортов и других документов о найденном или пропавшем арсенальном оружии и вещах.

Все эти документы доставлялись Александру I, державшему под личным контролем ход расследования. Работа комиссии Ильина была завершена в конце февраля 1814 г. О ее результатах было доложено в подробном (на 24 страницах) рапорте директору Артиллерийского департамента П.И. Меллер-Закомельскому¹⁴. Окончательных сведений о судьбе оружия и имущества Арсенала пришлось ждать еще полтора года. 11 августа 1815 г. военный министр категорически потребовал «донести мне об оном без малейшего отлагательства, присовокупя и подробную ведомость для представления государю императору»¹⁵.

Месяц спустя, 10 сентября 1815 г., Меллер-Закомельский донес министру об окончании розыска артиллерийского имущества в Москве. К этому донесению была приложена «Итоговая ведомость» на 100 страницах¹⁶. В ней перечислено огнестрельное и холодное оружие, а также военное имущество, с разделением всего этого на

три части: 1) что осталось в Арсенале 2 сентября 1812 г., 2) что было впоследствии найдено и 3) не найденное, т.е. расхищенное или уничтоженное. Здесь же указана стоимость имущества по каждой из этих частей. По итоговой части данной ведомости видно, что одного только оружия было оставлено в Арсенале на 1 074 762 рубля 53 копейки. Из него было найдено на 71 661 рубль 32 $\frac{3}{4}$ копейки. Не найдено и пропало на 1 003 101 рубль 20 $\frac{1}{4}$ копеек¹⁷ Таким образом, стоимость отысканного оружия составила менее 7% от оставленного. Цена пропавшего в Арсенале оружия равнялась сумме, выделенной из казны в 1813 г. на восстановление наиболее пострадавшей от войны Смоленской губернии.

Подсчет материального ущерба продолжался в Военном министерстве и в других высших инстанциях еще около двух лет. Наконец, 7 мая 1817 г. была названа итоговая цифра и выработано окончательное решение по делу о гибели Арсенала: «Государственный совет в Общем собрании, по внимательном сего дела соображении полагает: означенную потерю Артиллерийского и Комиссариатского департаментов, составляющую всего четыре миллиона восемьсот сорок семь тысяч семьсот семнадцать рублей пятьдесят шесть копеек с четвертью (4 млн 847 717 рублей 56 $\frac{1}{4}$ копеек), как происшедшую по тогдашним непредвидимым военным обстоятельствам, из счета исключить»¹⁸. Здесь следует заметить, что указанная сумма сопоставима с ассигнованиями на восстановление Москвы.

Персональной ответственности за нанесенный казне колоссальный ущерб никто не понес. Кутузов умер в апреле 1813 г. на вершине своей славы. Ростопчин (лишенный личного доверия императора) был назначен членом Государственного совета. С 1815 г. по 1823 г. он жил во Франции и через три года после возвращения в Москву окончил свои дни в звании обер-камергера. А полковник Курдюмов попал под ту статью Высочайшего манифеста 30 августа 1814 г. о победе над Наполеоном, которой объявлялась амнистия всем находившимся под следствием по делам, не связанным с предательством или убийством¹⁹. Он не получил наград, но продолжал служить в том же чине, правда, в провинциальных гарнизонах.

Необходимо заметить, что была еще одна категория оставленных вещей, стоимость которых в принципе не поддается исчислению. Это хранившиеся в Московском арсенале военные святыни и реликвии за период с XVII до начала XIX в. — российские и трофейные знамена, штандарты, значки и т.п., а также трофеи, олицетворявшие собой славные победы русской армии. Общее число оставленных знамен и штандартов (из которых две трети — российские, остальные — трофейные) превышало 1 300 единиц. Такого количества знамен не доставалось врагу за всю историю России. Да вряд ли можно отыскать подобное и во всемирной истории. Впрочем, судьба этих знамен — отдельная тема для исследования.

Таким образом, сохранившиеся в рассматриваемом архивном деле разнообразные материалы содержат конкретные данные о количестве и составе оставленного, найденного и погибшего оружия, военного имущества и припасов, знамен, трофеев и других реликвий. Здесь находятся также документы о ходе работы по разбору завалов взорванного Арсенала, поисках в Москве реке затопленного свинца и о многом другом, имеющем интерес для изучения истории Отечественной войны 1812 года, Москвы и Кремля. Рапорты и показания допрошенных в ходе следствия служащих Арсенала дают возможность воспроизвести обстановку в нем 1 и 2 сентября буквально по часам. Эти материалы еще не введены в научный оборот в полном их объеме.

Наиболее значимая и интересная часть документов «Дела о погибшем в Москве Артиллерийском имуществе 1812 года» в настоящее время подготовлена нами к публикации в сборнике «Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания ОПИ ГИМ».

Примечания

- ¹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 206.
- ² *Шведов С.В.* Судьба запасов огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы. 1985. № 5. С. 66—68; *Он же.* О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Советские архивы. 1987. № 6. С. 71—73; *Он же.* Ведомость о состоянии запасов Московского арсенала на 1 сентября 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов. 30 мая — 1 июня 2002 года. Саратов, 2002. С. 88—98.
- ³ *Марченко В.Р.* Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки 1782—1838 // Русская старина. 1896. № 3. С. 500—501; Журналы Комитета министров царствования императора Александра I. Т. 2: 1810—1812. СПб., 1891. С. 90—91.
- ⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 90.
- ⁵ Там же. С. 120—121. Прилож. к № 143.
- ⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 206. Л. 499 об. В представленных Ростовичным следственной комиссией выдержках из писем к нему Кутузова это письмо датировано 30 августа. В публикации писем Кутузова оно отнесено к 27 августа 1812 г. См.: М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 184—185.
- ⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 206. Л. 37—38.
- ⁸ Там же. Л. 148—149.
- ⁹ Там же. Л. 163—163 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 181—181 об.
- ¹¹ Там же. Л. 182.
- ¹² Там же. Л. 293—294.
- ¹³ Там же. Л. 413.
- ¹⁴ Там же. Л. 545—556.
- ¹⁵ Там же. Л. 674.
- ¹⁶ Там же. Л. 678—727.
- ¹⁷ Там же. Л. 690.
- ¹⁸ Там же. Л. 735.
- ¹⁹ ПСЗ-I. Т. 32. № 25671.

Реализация государственной политики по отношению к беженцам в российской провинции в 1812—1814 гг. (на примере Пензенской губернии)

В мемуарных источниках, относящихся к эпохе Отечественной войны 1812 года, довольно часто встречаются сведения о «лицах, вышедших из мест, занятых неприятелем» (беженцах)¹. Характеристика их положения, вопросы их размещения и содержания еще не получили должного освещения в отечественной исторической науке. При решении различных аспектов данной проблемы большая роль должна отводиться изучению государственной политики в этой области и ее реализации в российской провинции. Немаловажное значение приобретает анализ исходящих от центральных органов власти нормативных документов. В данной публикации этот вопрос рассмотрен на примере одного из внутренних регионов Российской империи — Пензенской губернии.

Первые беженцы из Смоленской губернии появились в Пензе в начале сентября 1812 г. Об этом в своих «Записках» сообщает известный мемуарист первой половины XIX в. Ф.Ф. Вигель, находившийся в 1812 г. в Пензенской губернии. «Как странно было видеть..., — писал он, — что при постоянно сырой, ненастной погоде на пензенских улицах затрудняется проезд от множества неизвестных экипажей, запачканных, забрызганных грязью, карет, колясок, колымаг и целых дорожных обозов. Мы сначала подумали, что все семейства уездных помещиков решили поселиться в губернском городе, но вскоре узнали, что то были эмигранты из Смоленской губернии, которые хотели у нас приютиться и с трудом искали квартир: за довольно большие деньги находили они себе помещения в небольших домах мелких чиновников и мещан в нижней части города»². «Бедные смоляняне, — продолжает далее Вигель, — в таком дальнем расстоянии от имений своих, истратившие взятые с собою небольшие суммы, угрожаемы были совершенною нищетой. Тут дворянство наше в отношении к ним явило себя истинно достойным своего имени: всякий, кто только мог, потеснился, чтобы дать у себя место хотя одному смоленскому семейству; разумеется, что для дорогих гостей стол был готовый; что овощи, картофель, репа, горох, мука, крупа для людей, а сено и овес лошадям были даровые. И это, довольно накладное, гостеприимство сопровождалось ласками, приветствиями, которые давали ему еще более цены»³.

Высказывание Вигеля полностью согласуется с текстом отношений пензенского губернатора князя Г.С. Голицына от 7 октября 1812 г., адресованных уездным предводителям дворянства. В них князь Голицын отмечал, что «многие благородные фамилии из Смоленска, потерпевшие плачевную участь, прибыли в губернский город Пензу в положении столь бедственном, что требуют сострадания каждой чувствительной души, надеясь здесь сыскать возможное пособие и покровительство, и чрез то доставить себе хотя некоторую отраду в настоящем их положении. По сей причине при размещении их в пристойные квартиры тотчас сделана здесь подписка, чрез которую и собрано уже до 1000 рублей деньгами и некоторое количество других

вспоможений к обеспечению содержания их. Из числа первых, вызвавшихся на толь богоугодное и человеколюбивое дело, не могу не именовать особенно бригадира Николая Степановича Кашкарова и гвардии штаб-ротмистра Федора Ивановича Левина, которые сверх собственного пожертвования избытков своих, и за всем тем, что заняты должностями по внутреннему ополчению, приняли на себя не только сбор по подписке делаемых приношений, но и распоряжение ими в пользу несчастных, чувствующих в полной мере оказываемое ими вспомоществование»⁴. Губернатор предложил дворянству оказывать помощь беженцам и впредь.

С середины сентября в Пензу стали приезжать беженцы из Москвы. «Приезжие москвичи почти все были люди достаточные, — писал Вигель, — владеющие в Пензенской губернии или в соседственных с нею хорошими поместьями, и ни в чем не могли нуждаться. В домах, пензенскому обществу, так называемому лучшему, вовсе неизвестных, но не менее опрятных, теплых и просторных, принадлежащих купцам и некоторым чиновникам, нашли они себе удобные квартиры»⁵. В Пензе среди беженцев оказались представители многих знатных и известных фамилий: бывший морской министр и председатель одного из департаментов Государственного совета Н.С. Мордвинов с семейством, действительный камергер А.М. Рябинин с женой, С.В. и В.П. Шереметевы, вдовствующая княгиня Четвертинская, известный московский врач Скюдери, отставной полковник П.А. Кологривов с семьей.

Одним из первых, 14 августа, в Пензу приехал Николай Семенович Мордвинов. Вигель вспоминал: «Накануне Успеньева дня (16 августа — С.Б.) пришли мне сказать, что некто Мордвинов желает меня видеть. Я оделся наскоро, чтобы к нему выйти, и, взглянув на него, изумился... Передо мною был человек не с большим лет шестидесяти, невысокого роста, одетый с изысканной опрятностью, в черном фраке не нового покроя, с расчесанными и на обе стороны распущенными белыми волосами, с чрезмерною живостию во взорах, с удивительною приятностию в голосе, что-то напоминающий собою Вейкфильдского священника Вальтер Скотта: передо мною был прославившийся в государстве Николай Семенович Мордвинов. Приехав накануне вечером в Пензу, он с семейством своим, состоящим из жены, трех молодых дочерей и малолетнего сына, остановился в каком-то заезжем доме, в нижней части города. Неизвестно по каким причинам, находясь в службе, намеревался он провести у нас всю зиму и для этого искал для себя удобную квартиру»⁶.

Многие дворяне останавливались в своих имениях либо у родственников или хороших знакомых. Так, например, в поместье графа Разумовского в с. Ершово Чембарского уезда в 1812 г. находились его внебрачные дети (Елизавета, Анна и Ольга Перовские), проживавшие в Москве, вместе со своей теткой П.М. Соболевской, ее мужем, двумя двоюродными братьями Подчаскими и целой свитой гувернеров и прислуги, генеральша Дашкова с дочерью и сыном и княжна Мещерская⁷.

В дворянских гостиных большую популярность получил романс В.Л. Пушкина, который нашел в 1812 г. временное пристанище в Нижнем Новгороде. В нем были такие строки: «Примите нас под свой кров // О Волжских жители брегов; // Мы все друзья здесь, все родные, // Все дети матушки Москвы»⁸.

Если положение беженцев из числа дворян было, как правило, сносным и оказывалось в прямой зависимости от их материального благополучия, социального статуса и знакомств, то положение представителей иных сословий иначе как бедственным не назовешь. В своих письмах из Тамбова к В.И. Ланской М.А. Волкова отмечала,

---

что казенные крестьяне покидали свои жилища только тогда, когда французы отнимали у них все имущество и сжигали дома⁹. «Право, смотря на этих несчастных, — писала она, — забываешь все свои горести и потери и благодаришь Бога, давшего нам возможность жить в довольстве посреди всех этих бедствий..., между тем как столько бедных людей лишены насущного хлеба»¹⁰. Положение беженцев из недворянских сословий было бедственным независимо от губернии, в которой они оказывались. Так, например, студент Московского университета Э.-Г. Эрстрём, оказавшийся в Нижнем Новгороде, проживал с 30 своими товарищами в грязной комнате, где на полу вместо постели была разложена рогожа, «скатка из носильной одежды» служила подушкой, а пальто — одеялом¹¹.

Правительство предпринимало шаги для облегчения положения беженцев. 25 августа 1812 г. вышло циркулярное предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова о людях, выехавших из губерний, занятых неприятелем, в котором предполагалось по окончании действия паспортов снабжать их временными билетами «для собственного их охранения и свободного занятия работами в тех местах, где они ныне находятся». В Пензе предписание было получено 24 сентября. В «Журналах Пензенского губернского правления» за вторую половину 1812 г. обнаружено несколько обращений беженцев для получения временных билетов: от оршинского мещанина Моисея Лукомлина, гжатского фабричного Максима Пискарева, московского купца Василия Бокова, коломенского крестьянина Григория Быкова, оршинских евреев Моисея Лазарева, Иосифа и Гамши Векеревых, Шкловского жителя Иоахима Лейзаховича Эльхина и мещанина из евреев м. Ледового Могилевской губернии Имерхи Ипетина¹².

1 октября 1812 г. последовало новое предписание С.К. Вязмитинова о лицах, вышедших из мест, занятых неприятелем (получено в Пензе 22 октября). Согласно этому циркуляру, во всех губерниях, где находились беженцы, для «попечения об них» учреждались комиссии под надзором губернаторов, вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства и губернских прокуроров. Комиссии должны были разместить беженцев по городам и селениям и составить списки тех лиц, которые нуждались в пособии от правительства. Епархиальным архиереям предписывалось, чтобы монастыри «приняли в свое призрение лишенных пристанища жителей, особенно престарелых, немощных и малолетних». Средства комиссий состояли из 10-тысячных кредитов, открытых казенными палатами в каждой губернии, и добровольных пожертвований, собираемых через особые кружки, установленные при церквях¹³. 29 октября пензенский губернатор Г.С. Голицын сообщил С.К. Вязмитинову, что «Комиссия попечения о жителях, вышедших из мест, занятых неприятелем» откроет свою работу в Пензе «на сих же днях». Кроме того, он отметил, что «по прибытии сюда некоторых благородных фамилий из числа смоленских и московских не только отведены им приличные квартиры, но тогда же по подписке собраны и деньги на отопливание квартир и вообще на содержание их со всеми находящимися при них людьми, также и на продовольствие лошадей», а бригадир Кашкаров и гвардии штабс-ротмистр Левин приняли на себя добровольную обязанность сбора денег, хлебных и прочих припасов, поступавших для беженцев¹⁴.

30 октября 1812 г. в Пензе было получено предложение министра финансов Д.А. Гурьева от 10 октября, адресованное Пензенской казенной палате, в котором отмечалось, что Александр I, «признавая необходимым оказать со стороны правитель-

---

ства возможное пособие тем людям, которые, вышед из мест, занятых неприятелем, не имеют пристанища в способах, потребных к их поддержанию», повелел во всех губерниях, «где таковые люди находятся и куда впредь придут, составить для попечения об них Комиссии под главным надзором губернаторов и притом каждой Комиссии открыть в казенных палатах кредит до 10 000 рублей». Д.А. Гурьев предлагал Пензенской казенной палате отпустить в распоряжение Комиссии, как только она будет сформирована, указанную сумму «безостановочно»¹⁵.

Комиссия попечения о людях, вышедших из мест, занятых неприятелем, начала свою работу в Пензе 13 ноября 1812 г. В нее вошли пензенский губернатор князь Г.С. Голицын, вице-губернатор А.М. Евреинов, губернский предводитель дворянства Д.А. Колокольцев, прокурор И.А. Чарыков¹⁶. Столоначальником Комиссии был выбран коллежский регистратор Белоусов, письмоводителем — Скрбнев.

23 ноября Голицын по поручению членов Комиссии попечения о беженцах писал епископу Пензенскому и Саратовскому Афанасию, чтобы он «приказал, кому следует», поставить особые кружки для добровольных пожертвований населения в пользу людей, «потерпевших разорение от неприятеля», «по городам в каждой церкви, а в селениях только тех, которые известны по своей торговле или другим заведениям; и высылку из тех кружек делать чрез месяц благочинным в городах при городничих или полицмейстерах, а в уезде при старшинах сельских, и доставлять те деньги в уездные казначейства, о которых комиссия будет извещаемая от казначеев»¹⁷. 24 января 1813 г. Афанасий уведомил пензенского губернатора о том, что в церквях во всех городах и селах Пензенской губернии особые кружки учреждены¹⁸. 20 мая он сообщил о том же Святейшему Правительствующему Синоду, отметив, что «при всех соборах и церквях, кроме малоприходных и бесприходных, яко церковей таких, которые не имеют постоянных доходов, и где бы кружка была без всякой пользы», для добровольных пожертвований населения учреждены особые кружки с надписью «В пользу потерпевших от неприятеля разорение» по примеру Санкт-Петербургской епархии¹⁹. Также Афанасий предписал настоятелям всех монастырей принять в признание «некоторых из сих лишенных пристанища жителей, особенно престарелых, немощных и малолетних»²⁰. В частности, беженцы поселились в Петровском Николаевском монастыре. 5 января 1813 г. иеромонах Илирий сообщал в Пензенскую духовную консисторию относительно «потерпевших разорение в нынешнюю войну», что «монастырь по бедности в доходах более двух человек, кои уже имеются налицо с двумя малолетними детьми и живут на хуторе, более содержать не может»²¹.

Что касается добровольных пожертвований в пользу «потерпевших от неприятеля разорение», которые вносились посредством кружечного сбора местным населением, главным образом представителями мещанского и крестьянского сословий, то определить их сумму крайне сложно. Известно, что на 8 марта 1813 г. жителями губернии было собрано 1 339 рублей 81 копейка, на 15 мая — 1 562 рубля 11 копеек (1 540 рублей ассигнациями, 5 рублей 85 копеек серебром, 15 рублей 90 копеек с лажем и 6 рублей 21 копейка медью)²². Пожертвования поступали в духовные правления от благочинных и позднее, по крайней мере, до марта 1814 г. Однако сведения, сохранившиеся по Пензенской губернии с мая 1813 г. по март 1814 г., крайне разрозненны и представляют собой ведомости за разные месяцы по ряду благочиний. Так, например, по благочинию священника с. Николаевки Пензенского уезда Кириллы Дормидонтова (14 церковей) до 20 июля 1813 г. было собрано 38 рублей 36 копеек,

в 5 церквях г. Нижнего Ломова с мая по декабрь 1813 г. — 4 рубля 32,5 копейки, в 3 церквях г. Керенска в июне—июле 1813 г. — 4 рубля 6 копеек, по благочинию чембарского протоиерея Стефана Петрова (11 церквей) с 1 июля по 1 ноября 1813 г. — 25 рублей 17 копеек, по благочинию чембарского священника Василия Трифонова (13 церквей) с 1 июля 1813 г. по 1 января 1814 г. — 62 рубля 44 копейки (с лажем — 65 рублей 44 копейки), по благочинию священника с. Мичкас Нижнеломовского уезда Ивана Сергеева (8 церквей) за тот же период — 8 рублей 32 $\frac{3}{4}$ копейки, по благочинию священника Ефима Пичевского Нижнеломовского уезда (8 церквей) — 10 рублей 80 копеек, по благочинию священника Ивана Нявкинского Нижнеломовского уезда (10 церквей) — 29 рублей 85 копеек²³.

Одним из основных направлений работы Комиссии попечения была выдача беженцам ежедневных денежных пособий. 10 января 1813 г. экспедиция о губернских доходах Пензенской казенной палаты постановила «на вспомоществование всем разного рода людям, вышедшим из мест, занятых неприятелем», с 1 января производить выдачи на суточное продовольствие из числа 10 тыс. рублей, ассигнованных министром финансов. Согласно назначению Московского приказа общественного призрения дворянам и чиновникам, «так как они имеют при себе лошадей», полагалось по 30 копеек, иностранцам и мещанам по 15 копеек, дворовым людям и крестьянам по 10 копеек в день на каждого человека. По сообщению Комиссии, на начало 1813 г. в Пензенской губернии в пособии нуждались в общей сложности 51 дворянин и чиновник, 28 мещан и иностранцев, 159 крестьян и дворовых людей. Это составляло в сумме 35 рублей 40 копеек в день, которые и следовало выдавать нуждающимся «еженедельно по воскресеньям в тех местах, где они жительствоуют»²⁴.

Известны имена некоторых лиц, которым производились денежные выплаты. Это коллежский асессор Тумило-Денисович и поручик Азанчевский с семьями, дочь гвардии поручика Римского-Корсакова девица Мария Николаевна с семейством и дворовыми людьми, вдова майорша Бояринова «с дворовой при ней девкой», коллежская секретарша Быховцова с семейством и дворовыми людьми, приехавшие из Москвы, коллежский асессор Римский-Корсаков с восемью дворовыми людьми, прибывшие из Духовского уезда Смоленской губернии, «вдова, священническая дочь Акулина Бессонова со снохою, внуком и двумя девками», сын московского мещанина Шемякина Василий Савин, «мещанская жена» Поцелуева с двумя малолетними детьми и «жена флота отставного инструментального мастера прапорщичьего чина Аксена Иванова Александра Иванова с малолетним сыном», приехавшие из Москвы, «иностранная девица» Каролина Штекель с двумя ее двоюродными братьями, семейство иностранца Вильгельма Шварца, иностранка Дарья Розенбахова²⁵. Всем им выплачивались пособия в г. Пензе. Майор Соколовский, прибывший из Смоленской губернии вместе с 15 дворовыми людьми, получал денежные выплаты из Инсарского уездного казначейства, купеческая дочь Ларионова с матерью и тремя дворовыми девками, а также 18 крестьян Бронницкого уезда Московской губернии — из Нижнеломовского, госпожа Ситникова и мещанская дочь Киселева — из Городищенского, секретарь Суворов с матерью — из Саранского уездного казначейства²⁶.

Кроме того, Комиссия выдавала беженцам единовременные денежные пособия и оказывала материальную помощь для их возвращения домой. 10 января 1813 г., под расписку и поручение городищенского городничего Путяты, были заимообразно выданы деньги для возвращения домой следующим лицам, находившимся в Городище

и являвшимся родственниками городничего: ротмистрше вдове Путятовой для проезда в с. Никольское Юхновского уезда Смоленской губернии 500 рублей сроком на 2 года, аудитору Иосифу Баранову для проезда в сельцо Студеный Колодезь Вяземского уезда той же губернии также 500 рублей сроком на 2 года, подпоручику Путяте для проезда в сельцо Гольцово Красненского уезда Смоленской губернии 300 рублей сроком на 1 год²⁷. 21 января Комиссия выдала 300 рублей майору Макалинскому с семейством для их возвращения в Смоленскую губернию, 25 января — 250 рублей «для возвращения на прежнее жительство» жене отставного штабс-капитана князя Чурмантеева Настасье Петровне с семейством и дворовыми людьми, 1 февраля — 250 рублей коллежскому асессору Вельчикову и «полковничей дочери» девице Вельчиковой, прибывшим из Смоленской губернии, для их возвращения домой²⁸. 3 февраля Пензенская казенная палата слушала отношение Комиссии о выдаче 500 рублей действительному статскому советнику Баскакову, прибывшему из Смоленской губернии и «потерпевшему там разорение от неприятеля», для «вспомоществования на возвращение на прежнее жилище находящихся при нем дворовых людей 30-ти человек», а также 100 рублей дочери умершего поручика Васильева девице Анне Григорьевой, приехавшей в Пензу из Можайского уезда Московской губернии для проезда домой²⁹.

7 февраля 1813 г. Комиссия распорядилась выдать 200 рублей «на вспоможение» и на проезд до Смоленской губернии коллежскому асессору Тумило-Денисовичу³⁰. 12 февраля единовременное пособие в размере 50 рублей получила «городовая секретарша» Тулепинова, приехавшая в Пензу из Москвы³¹. В тот же день Комиссия представила в Пензенскую казенную палату прошение коллежской регистраторши из дворян Натальи Беловой, проживавшей в г. Мокшане и прибывшей туда из Рузского уезда Московской губернии о том, что «она ныне с мужем ее, двумя детьми и 6-ю душами дворовых людей желает возвратиться на прежнее жилище, оставляя у родственника их штаб-ротмистра Шахматова детей и при них 6 человек людей». Не имея на путевые издержки денег, она просила «на проезд их в прежнее жилище, на содержание себя и продовольствие людей не оставить сделать вспомоществование, выдав ей на сие достаточное количество денег, производя при том оставленным ими детям их и дворовым людям на содержание еженедельную выплату»³².

14 февраля подполковница Мезенцева, проживавшая в г. Нижнем Ломове, получила 100 рублей для проезда в Смоленскую губернию, 6 мая дочь прапорщика Малыгина, проживавшая в Пензе, — 50 рублей для возвращения в Москву, а 14 мая такая же сумма была выдана вдове майорше Бояриновой³³. 8 мая Комиссия сообщила в Пензенскую казенную палату о том, что, «видя совершенно бедственное положение и претерпеваемый во всем недостаток приехавшей в Пензу из столичного города Москвы, лишившейся там всего своего имения мещанской жены Поцелуевой, имеющей при себе 2-х малолетних детей, постановила выдать ей на вспоможение, кроме положенного суточного содержания, единовременно 25 рублей»³⁴. 24 мая Пензенская казенная палата слушала сообщение Комиссии о выдаче из Мокшанского уездного казначейства 150 рублей для проезда в г. Можайск Московской губернии вдове поручице Васильевой с семейством, малолетними детьми ее дочери коллежской регистраторши Беловой и дворовыми людьми³⁵. Наконец, 12 июня 1813 г. Комиссия выдала 500 рублей коллежскому асессору Римскому-Корсакову и упомянутой выше дочери поручика Римского-Корсакова Марии Николаевне (по 250 рублей каждому) для их

возвращения в Смоленскую губернию³⁶. 13 января 1814 г. Комиссия сообщила Пензенской казенной палате о прекращении выдачи денег «потерпевшим от разорения неприятеля благородным фамилиям и другого звания людям». Деятельность Комиссии была завершена³⁷.

На основании положения Комитета министров от 28 ноября 1812 г. чиновникам, «кои по случаю неприятельского нашествия принуждены были оставить места свои», должны были производиться оклады по штатам тех губерний, где они находились. Губернаторам вменялось в обязанность «распределять их соответственно их званиям на первые вакансии, какие откроются, дабы они напрасно не пользовались жалованьем»³⁸. Так, 18 марта 1813 г. секретарь Суворов был определен соляным приставом Саранского уезда, после чего Комиссия попечения о жителях, вышедших из мест, занятых неприятелем, прекратила ему выдачу денег³⁹.

Несколько ранее, 2 января 1813 г. в число канцелярских служителей Инсарского уездного казначейства был определен бухгалтер Можайского уездного казначейства коллежский регистратор Г.А. Своехотов. Сохранились некоторые подробности того, как он попал в Пензенскую губернию. В своем прошении в Пензенскую казенную палату от 4 февраля 1813 г. он писал, что находился прежде «Московской губернии в Можайском уездном казначействе бухгалтером и по причине вступления туда неприятельских войск, оставив собственный свой дом, спасая жизнь свою, жену и детей, пошел по неизвестному ему пути и достиг Московской губернии до города Звенигорода; по неимению ж более сил на продолжение пути, а паче всего пропитания, и по милости благотворительных людей оставил он детей своих сыновей Сергея и Егора, дочерей Наталью и Ольгу в том городе Звенигороде, а сам с женою его направил путь в Москву для сдачи бывших у него на руках по казначейству дел; и по сдаче оных пошел в Пензенскую губернию, до которой едва достиг; по приходе ж во оную объявил о себе и о несчастнослучившемся с ним происшествии здешнему г. гражданскому губернатору князю Григорию Сергеевичу Голицыну; напоследок, пользуясь Высочайшим Его Императорского Величества повелением, по желанию его сею палатою определен в Инсарское уездное казначейство в число приказнослужителей... Ныне известился он, что вышеписанные дети его, не зная каким посредством, находятся Рязанской губернии в городе Зарайске, почему и просит об увольнении его, Своехотова, в столичный город Москву и Рязанской губернии в город Зарайск сроком на 29 дней, в первый — для взятия оставшегося там имущества, а во второй — для возвращения детей его в здешнюю губернию». Казенная палата постановила сообщить в губернское правление, «дабы благоволило коллежскому регистратору Своехотову на проезд до Москвы и Рязанской губернии до города Зарайска дать паспорт сроком на 29 дней»⁴⁰.

Среди прочих в Перми оказался известный московский доктор Скюдери. В 1815 г. пензенский губернатор князь Г.С. Голицын писал командующему ополчения III округа графу П.А. Толстому, что «при неприятельском нашествии на Москву в 1812 году находившийся там доктор Скюдери, прибыв в Пензу и не желая быть праздным, употребил здесь время с великою для всех вообще жителей пользою, оказывая больным пособия и с точными вождеденными успехами, что приобрел особенную признательность публики. Сверх того, занимаясь способами пользования больных и по ополчениям, составлявшимся во вверенной мне губернии, как в отношении к офицерам, так и в отношении к воинам, доказав и тут опытами благонамеренное

усердие и приверженность к общественным пользам, в чем от меня и свидетельство получил с изъявлением ему истинной справедливости»⁴¹.

Таким образом, появление беженцев на территории Пензенской губернии осенью 1812 г. стало важным фактором провинциальной жизни. Основываясь на нормативных документах, исходивших от различных правительственных учреждений, местные власти должны были решать все вопросы, связанные с их размещением и содержанием. Значительную роль в этом сыграла Комиссия попечения о людях, вышедших из мест, занятых неприятелем. Основными направлениями ее работы стали выдача беженцам ежедневных и единовременных денежных пособий, а также оказание материальной помощи для их возвращения домой. Средства Комиссии состояли из 10-тысячного кредита, открытого казенной палатой, и добровольных пожертвований, собираемых через особые кружки, установленные при церквях. Точную сумму добровольных пожертвований, собранных в Пензенской губернии, определить крайне сложно. Известно, что к 15 мая 1813 г. «в пользу разоренных войной» было собрано 1 562 рублей 11 копеек. Комиссия попечения о людях, вышедших из мест, занятых неприятелем, прекратила свою деятельность в губернии 13 января 1814 г.

Примечания

- ¹ См., например: *Эрстрём Э.-Г.* Для меня и моих друзей // Наше наследие. 1991. № 5. С. 67—82; Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 41—75; *Вигель Ф.Ф.* Записки. В 2 кн. М., 2003.
- ² *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 662.
- ³ Там же. С. 667.
- ⁴ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 345 об—347.
- ⁵ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 667.
- ⁶ Там же. С. 655—656.
- ⁷ *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 29.
- ⁸ Из семейных воспоминаний А.Ф. Кологривовой // Русский архив. 1886. № 7. С. 345.
- ⁹ С этими словами М.А. Волковой перекликаются воспоминания сына крестьянина Смоленской губернии Э.И. Стогова: «Когда Наполеон был уже в Гжатске, отец мой отправил свою семью и всех крестьян к родным в Тамбовскую губернию, весь скот пожертвовал в армию, а сам оставался караулить дом». См.: Записки Э.И. Стогова // Русская старина. 1903. № 2. С. 272.
- ¹⁰ Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской... С. 56—57.
- ¹¹ *Эрстрём Э.-Г.* Указ. соч. С. 77. По сообщению протоиерея Саратовской Вознесенской кладбищенской церкви М.М. Розанова, много беженцев из Москвы и других мест, прибывших осенью 1812 г. в Саратовскую губернию, поселились на полях между Еланью и Баландою и жили там некоторое время в палатках (*Духовников Ф.В.* Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 244; *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 69; *Тотфалушин В.П.* Новое об участии Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 76. В с. Лопуховке Вольского уезда Саратовской губернии проживали приехавшие из Москвы титулярная советница, слепой сын священника и двое мещан, которые, не имея пропитания, просили земский суд о выдаче им пособия (*Хованский Н.Ф.* Указ соч. С. 69—70; *Тотфалушин В.П.* Указ. соч. С. 76).
- ¹² ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 347. Л. 134—134 об; Д. 348. Л. 237, 390—390 об, 473—473 об, 475—476 об, 513—514 об; Д. 349. Л. 484—484 об.
- ¹³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 399. Л. 145—145 об; Ф. 182. Оп. 1. Д. 641. Л. 2—2 об.
- ¹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. 488—488 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 396. Л. 177.

-
- ¹⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 542 об; Ф. 182. Оп. 1. Д. 641. Л. 24—24 об.
¹⁷ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 641. Л. 24—24 об.
¹⁸ Там же. Л. 29—30.
¹⁹ Там же. Л. 65—66.
²⁰ Там же. Л. 29—30.
²¹ Там же. Л. 32—32 об.
²² Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 420. Л. 144 об; Д. 422. Л. 214—215 об.
²³ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 641. Л. 99—100, 102, 120, 125, 128, 132—133, 135—135 об, 138, 140.
²⁴ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 418. Л. 309—312 об.
²⁵ Там же. Д. 419. Л. 18 об, 19, 65 об—66, 106—106 об, 221, 275—275 об; Д. 420. Л. 103, 144—144 об, 365 об—366, 515—516 об; Ф. 6. Оп. 1. Д. 380. Л. 897 об—898 об; Д. 422. Л. 110—110 об, 199, 513; Д. 423. Л. 412.
²⁶ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 420. Л. 98, 144 об—145, 366; Д. 422. Л. 74 об—75, 100, 169—169 об.
²⁷ Там же. Д. 418. Л. 309—312 об.
²⁸ Там же. Л. 294—294 об, 354; Д. 419. Л. 1 об—2, 84—84 об.
²⁹ Там же. Д. 419. Л. 2, 17, 31—31 об, 83—83 об.
³⁰ Там же. Л. 118—118 об, 125—125 об, 126—126 об.
³¹ Там же. Л. 233.
³² Там же. Л. 273—274.
³³ Там же. Л. 233 об, 287; Д. 422. Л. 75, 171 об—172, 438.
³⁴ Там же. Д. 422. Л. 110—110 об.
³⁵ Там же. Л. 412, 437.
³⁶ Там же. Д. 423. Л. 178, 189.
³⁷ Там же. Д. 433. Л. 146 об.
³⁸ Там же. Д. 418. Л. 21—21 об.
³⁹ Там же. Д. 420. Л. 366.
⁴⁰ Там же. Д. 419. Л. 59—59 об.
⁴¹ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 543. Л. 170 об—171. О московском докторе Слюдери, прибывшем в 1812 г. в Пензу, упоминает Ф.Ф. Вигель. См.: *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 671.

В.С. Парсамов

Жозеф де Местр в планах Александра I накануне войны 1812 года

В 1812 г. Александру I предстояло принять два трудных для него решения: отправить в отставку государственного секретаря М.М. Сперанского и начать войну против Наполеона. Оба эти решения были следствием изменения как внутренней, так и внешней политики. Сложность отставки госсекретаря заключалась в том, что Александр I не видел ему замены. Царю нечего было противопоставить имеющемуся у Сперанского плану преобразования России. Сам же Сперанский вызывал у Александра двойственное отношение: с одной стороны, его раздражало ощущение интеллектуального превосходства госсекретаря, которое тот скорее подчеркивал, чем скрывал, с другой — он не был уверен, что сможет без него обойтись, во всяком случае до тех пор, пока в его распоряжении не будет альтернативной политической программы.

Уже в 1811 г. Александр начинает прислушиваться к оппозиционным мнениям. Видимо, еще в марте 1811 г. он прочитал написанную специально для него записку «О древней и новой России» Н.М. Карамзина, содержащую в себе резкую критику как самого царя, так и всей его политики¹. В конце того же года или в самом начале 1812 г. император ознакомился с «Рассуждением о любви к Отечеству» А.С. Шишкова. Последний, ничего не зная о сомнениях царя в Сперанском, опасался вызвать монарший гнев за «смелое покушение без воли правительства возбуждать гордость народную»². Между тем именно это «Рассуждение», как пишет сам Шишков, стало поводом для назначения его госсекретарем вскоре после отставки Сперанского. Известно также и то, что еще до Шишкова в качестве замены Сперанскому рассматривался Карамзин³.

В этот же ряд потенциальных кандидатур на должность госсекретаря стоит включить и сардинского посланника в Петербурге Жозефа де Местра. Его положение при русском дворе до 1812 г. было непростым. Помимо скудного материального положения и разлуки с семьей Местр, формально оставаясь подданным Франции, в любой момент мог быть затребован Наполеоном. При этом Александр I, как союзник Наполеона, не имел никаких формальных причин отказать в его выдаче. В письме к кавалеру де Росси от 13 (26) марта 1810 г. Местр писал: «Единственное предположение, приводящее меня в ужас до такой степени, что даже страшно подумать, заключается в том, что император Франции может потребовать моего возвращения вместе с сыном, ведь несмотря на все мои усилия, я остаюсь просто-напросто французом». И далее в том же письме: «Предположим, что Наполеон меня потребует, и Александр на это скажет: “Я не могу удерживать чужого подданного”. Что делать?»⁴.

Видимо, и Александр, не исключая такой возможности, предпочитал держаться в стороне от сардинского посланника. Об этом, в частности, свидетельствует запись Местра, сделанная в январе 1809 г.: «При дворе император проходит мимо меня. Он скользит как капля воды по навощенной крыше. Я ловлю вежливое: “Как поживаете?” — “Очень хорошо, Сир”»⁵. По мнению Ф. Вермаля, холодность царя объяснялась еще тем, что Местр после неудач Наполеона в Испании открыто говорил о необ-

ходимости разорвать союз с французами, не одобрял встречу императоров в Эрфурте и высказывался против русско-шведской войны за Финляндию⁶.

К началу 1812 г. отношение царя к сардинскому посланнику меняется. 13 (26) февраля Местр записал в дневнике: «Граф Толстой, обер-гофмаршал, сделал мне важное предложение от имени Его Императорского Величества»⁷. Речь шла о том, чтобы «стать во время войны, которая кажется неизбежной, редактором всех официальных документов (как публичных, так и секретных), исходящих непосредственно от него»⁸. На следующий день Местру было сказано, что «все его идеи одобрены»⁹. 5 марта вечером, с 8 часов до 9 часов 45 минут, на квартире Н.А. Толстого состоялась неофициальная встреча Местра с царем, которая носила почти конспиративный характер. На ней Местр согласился, не покидая своей службы, редактировать для царя государственные бумаги. При этом он особо оговорил, что не сможет «иметь секретов от короля Сардинии», на что Александр ответил: «Я никогда не потребую от Вас ничего, что может поставить Вас в неловкое положение»¹⁰.

Местр был оболещен настолько, что полагал себя едва ли не главой российского МИДа. Во всяком случае, он испытывал в связи с этим некоторую неловкость по отношению к Н.П. Румянцеву, исполнявшему эту должность. Сразу после секретной аудиенции Местр поделился с Толстым опасением, что новое поручение императора вызовет недовольство канцлера, так как может показаться, что Местр будет делать его работу. Толстой ответил: «Этот человек должен валяться у Вас в ногах... Его работу за него будет делать другой человек, который при этом не сможет занять его место»¹¹. Разговор Местра с самим Румянцевым состоялся 17 марта, в день отставки Сперанского. Речь, хотя и обтекаемо, шла о том, чтобы Местр перешел на русскую службу: «Он мне сказал, что часто имел беседы с Его Величеством о том, как меня заполучить, но император ему всегда отвечал, что я не соглашусь. Я со своей стороны добавил, что Его Величество выразил мои истинные чувства, и что пока существует Савойская династия и нуждается во мне, я не перестану ей служить»¹². Румянцев, явно по поручению Александра I, предложил договориться с сардинским королем, чтобы тот отпустил Местра на русскую службу: «Это можно устроить надлежащим образом, если попросить Вас у его Величества короля Сардинии». Это предложение, сколь бы заманчивым оно на первый взгляд ни казалось Местру, уязвило его самолюбие: «Я и вообразить себе не могу, чтобы один государь мог предложить другому уступить ему подданного, не спросив согласия последнего»¹³.

Итак, оставаясь на службе у сардинского короля, Местр фактически начинает служить русскому царю¹⁴. Вопрос о его реальной роли на этой службе по-разному оценивается исследователями. Ф. Вермаль очень высоко оценивал роль Местра при особе царя и даже главу в своей книге «Жозеф де Местр эмигрант» назвал «Ж. де Местр, министр царя». По его мнению, царь видел в Местре пророка, что вообще соответствует восточной культуре: «Не следует забывать, что мы в России, т.е. в Азии. Необходимо отрешиться от нашей европейской ментальности и нашей любви к разуму. Более того, надо вспомнить, что Александр I с его непреодолимой нерешительностью, подозрениями и т.д. был человеком двуличным. Кроме того, он был жертвой острого кризиса мистицизма»¹⁵. Таким образом, по мнению исследователя, склонность Местра к пророчествам, совпавшая с пророческими ожиданиями царя, обусловили кратковременное, но сильное влияние Местра на Александра. Р. Триумф, соглашаясь с такой трактовкой, добавлял, что, вероятно, царь «мог рассчитывать получить от савояра некоторые практические сведения о польских иезуитах и французских монар-

---

хистах»¹⁶. Более поздний исследователь Б. Микель, не склонный преувеличивать роль Местра при русском дворе, считал, что «Александр I нанял его в военных обстоятельствах за его образ мыслей»¹⁷. Царя привлек «аристократический дух» идей Местра, не лишенный «легкого безумия», свойственного крестовым походам, сродни которым были антинаполеоновские войны. А.Н. Шебунин также не преувеличивал роль Местра, но, в отличие от Микеля, писавшего много лет после него, Шебунин считал, что консерватизм Местра стал не причиной интереса к нему царя, а наоборот причиной быстротечности этого интереса: «В предстоявшей борьбе, где требовалось широкое воздействие на Европу, при том на все классы ее населения, нужны были люди с менее крайними взглядами, более гибкие и готовые на “сделку с XVIII веком”». Роль Местра при русском царе в 1812 г. Шебунин свел к «проекту о Польше и другим документам, связанным с польскими и иезуитскими делами»¹⁸. Между тем, несмотря на то, что взаимоотношения Местра и Александра I в 1812 г. постоянно находились в центре внимания исследователей, до сих нет ни хронологически выверенной истории этих отношений, ни ясного понимания того, как они были связаны с планами войны.

В 1810 г., с началом подготовки к войне, сразу же встал вопрос о ее пропагандистском обеспечении. Вопрос этот стоял тем более остро, что России, как тогда казалось, предстояло действовать в условиях дипломатической изоляции. Россия, говорилось в Записке военного министра М.Б. Барклая де Толи Александру I, «останется в одиночестве сопротивляться приуготовляемому скрытно против нее ополчению, может быть, всех сил твердой земли в Европе». Впрочем, это не мешало планировать опережающее вторжение в Европу русских войск, сосредоточивающихся вдоль западной границы: «Хотя война сия, по цели своей и свойству, представляется в виде оборонительной, но не должно ограничивать ее единственным предметом обороны. Счастливым успех в сопротивлении тогда токмо быть может, когда предназначены и приуготовлены будут все средства действовать и наступательно на места, самые важные для неприятеля, пользуясь обстоятельствами и временем»¹⁹. Под словом «оборонительная» здесь понимается не война на русской территории, а защита национальных интересов России, которые, как казалось Барклаю, лучше будут обеспечены, если русские первыми начнут войну.

Поэтому одновременно с разработкой наступательных планов началось зондирование общественного мнения на пограничных территориях, доставшихся России в результате польских разделов. Еще в мае 1810 г. барон И.И. Дибич, в то время дежурный штаб-офицер в корпусе П.Х. Витгенштейна, был командирован в польские земли для изучения ситуации на месте. Его главными информаторами были иезуиты. 9 мая Дибич из Динабурга доносил Барклаю де Толли о существовании международного заговора иллюминатов с целью уничтожения «всех религий и образования так называемой умственной религии», а также с целью разрушения «всех существующих государственных составов и престолов, чтоб на развалинах оных основать всеобщую монархию, правление которой зависело бы тогда от влияния тайного сего общества, ласкающегося сим средством утвердить вечный мир»²⁰. Членом этого общества является Наполеон, поэтому вся его завоевательная политика направлена на службу иллюминатов. Из этого следует, что «каждая минута мира, даруемая Наполеоном союзникам своим и всему свету, без сомнения проводится в приуготовлениях к нападению и к совершенному разрушению сим их, и ожидать можно найти в государстве вкравшихся подосланцев, старающихся распространить правила тайного сословия и наипа-

---

че обращающихся к склонным ко всяким мечтам молодым и другим людям, которые охотно входят в намерение их и могут служить средством к достижению цели»²¹.

Иезуиты, раскрывшие заговор иллюминатов, являются врагами Наполеона и, следовательно, естественными союзниками России. В то же время они пользуются расположением поляков («с некоторого времени вошли во всеобщее почти употребление красные шапки (цвет короны польских королей — *В.П.*) и иезуиты»), которые настроены против России («несогласия между русскими и поляками везде приметны»). Таким образом, иезуиты, при соответствующей политике по отношению к ним со стороны России, могут служить средством воздействия на поляков.

Записку Дибича Барклай де Толли получил 2 июля 1810 г. Хронологически это совпало с работой Жозефа де Местра над письмами об общественном образовании в России, адресованными министру просвещения А.К. Разумовскому. Последние два письма, датированные 26 июня и 18 июля, посвящены обществу Иисуса. В них прямо говорится, что иезуиты являются «естественными, непримиримыми и неутомимыми врагами» иллюминатов²². Вряд ли между запиской Дибича и письмами Местра к Разумовскому следует усматривать причинно-следственные отношения. Однако связь между ними, несомненно, существует. Генерал Ордена иезуитов Т. Бжозовский еще в 1806 г. просил вывести иезуитские школы в Белоруссии из-под юрисдикции Виленского университета. Тогда этот вопрос не казался актуальным, и царь не отреагировал на его просьбу. В июне 1810 г. Бжозовский направил новое прошение, на этот раз на имя министра просвещения²³, видимо, рассчитывая на поддержку Местра. Поддержка эта, разумеется, была оказана. Местр подробно обосновал необходимость создания в Полоцке иезуитской академии, которая могла бы составить свободную конкуренцию Виленскому университету. Александр I со своей стороны обратился к А.К. Разумовскому с просьбой «защитить» иезуитов, но при этом, как пишет Местр, «не осмелился решить вопрос»²⁴.

Примерно через год в разговоре с А.Н. Голицыным Местр высказал о России «вещи, поразившие его», и тот просил изложить все это на бумаге. «Я написал, — продолжает Местр, — довольно значительную Записку, в которой рассматривал Россию в трех отношениях: в отношении религии, науки и свободы». Работа еще не была завершена, как иезуиты снова стали предметом обсуждения. Они в очередной раз потребовали от Александра I, «чтобы им предоставили один из университетов, какие у них были в Польше»²⁵. Царь поручил Кабинету министров рассмотреть этот вопрос. Местр, в свою очередь, предложил А.Н. Голицыну свои услуги в качестве эксперта: «Хотите ли Вы, чтобы я составил обстоятельную записку с изложением некоторых идей по этому вопросу?»²⁶. 16 сентября 1811 г. «Записка о свободе общественного образования» была написана и передана Голицыну. Ее текст представляет собой сжатое изложение двух последних писем А.К. Разумовскому об общественном образовании в России. Голицын, якобы, вопреки воле Местра («Я возразил соответствующим образом, что мне не подобает вмешиваться в дела страны и т.д.»), передал ее Александру I, представив все дело как «сугубо личное»²⁷. Скорее всего, записка изначально писалась для царя. Свою поддержку иезуитам в России Местр оказывал без согласия короля Виктора Эммануила I: «Защищая здесь иезуитов, я вовсе не знаю, что об этом думает Ваше Величество»²⁸. Орден был официально запрещен в Европе, и поэтому католический король не мог оказывать ему через своего посланника официальной поддержки. Местр же при этом не считал, что идет против желания своего короля или даже против воли римского папы, отстаивая права иезуитов. Он был уверен, что упразднение их ордена папой

Климентом XIV произошло не по доброй воле понтифика, а под сильным давлением протестантов. Он опасался, что в России, приютившей иезуитов, ситуация может повториться: «Существование ордена иезуитов здесь, как и везде, наводит ужас на иллюминатов... *Ниспровергатели* не упускают случаев его преследовать»²⁹.

Ситуация, сложившаяся в системе российского образования на тот момент, напоминала Местру Францию XVI века, когда только что созданный орден иезуитов составил конкуренцию европейским университетам в сфере образования, и французское правительство «имело мудрость, не стесняя одну систему обучения, допустить другую и поставить их в условия свободной конкуренции». А поскольку «история — это экспериментальная политика», то и Россия, следуя французскому опыту, «должна в данном случае обеспечить две хорошие системы обучения вместо одной плохой»³⁰.

Иными словами, Александру I предлагалось создать рядом с университетской системой образования иезуитскую. Мотивировалось это не только тем, что иезуиты опытные учителя, и их педагогическая система превосходит систему университетского образования, но и политическими соображениями. Иезуиты, по мнению Местра, являлись последовательными противниками любых революционных заговоров и преобразований: «Главный, природный, врожденный, непримиримый враг иллюмината, это иезуит. Они чувствуют и находят друг друга, как собака и волк. Там, где они предоставлены друг другу, один неизбежно пожрет другого»³¹. Если бы иезуиты не были изгнаны из Европы в 1773 г. специальным указом папы (а произошло это в результате упорной работы кальвинистов), то французской революции не произошло бы. При этом Местр ссылается на «авторитет» Ж. П. Рабо Сен-Этьена, протестантского священника и жирондиста («яростного революционера»), который, якобы, сказал, что, «если бы не предварительное упразднение иезуитов, то Французская революция была бы невозможной». Таким образом, Россия, открывая двери иезуитскому ордену, боится себя от революции во главе с Пугачевым, окончившим университет³².

Приближающаяся война с Наполеоном изначально мыслилась как война против революционной Франции. В этом смысле идеи Местра упали на подготовленную почву. Александр I одобрил записку Местра и попросил его через Голицына «написать остальное», т.е. те отрывки о России, над которыми Местр уже работал по просьбе того же Голицына. Но теперь у него появился еще более высокопоставленный заказчик. Так были написаны «Четыре главы о России», датированные 16 декабря 1811 г.: «О свободе», «О науке», «О религии», «Об иллюминизме». Первые три главы касаются внутреннего положения России, последняя рассматривает ее как часть Европы, опутанной международным заговором иллюминатов.

Имя Сперанского в «Главах о России» ни разу не упоминается, но вся записка Местра направлена против проводимых в то время в России реформ. Эти реформы (Местр прозрачно ассоциирует их с иллюминизмом) приближают Россию к революции. Понятию иллюминизма посвящена отдельная глава «De l'illuminisme», название которой на русский язык неточно переводится как «О Просвещении»³³. В русском языке того времени слово «иллюминат» часто выступало как синоним слова «заговорщик». Иллюминатом, например, называли Сперанского. Отмечая многозначность слова «иллюминат», Местр выделяет три основных значения. Первое — это «простое масонство» («*franc-maçonnerie simple*»). В этой организации Местр не видит ничего плохого. Во втором значении словом «иллюминат» называют мартинистов и пиетистов. Первых ошибочно считают последователями Сен-Мартена, в то время как «их название проис-

---

ходит от имени некоего Мартина Паскуалеса, жившего когда-то давно во Франции и умершего лет сорок, наверное, назад в Америке». Эти люди также, по мнению Местра, не внушают политической опасности. Реальную угрозу для России представляют иллюминаты в третьем значении этого слова: «Истинный иллюминизм — это современная философия, привитая к протестантизму, а точнее к кальвинизму»³⁴. Иными словами, под иллюминизмом Местр понимает философию французского Просвещения. Ее корни, как и Французской революции, он усматривает в протестантизме.

Выводы Местра полностью противоречат духу проводимых реформ: необходимо сохранить крепостное право, ограничить доступ в дворянство людям низших сословий, ограничить преподавание наук, гармонизировать отношения Католической и Православной Церквей, препятствовать распространению протестантизма и т.д. Аргументы, высказываемые Местром против реформ Сперанского, вряд ли могли повлиять на отставку последнего³⁵. Тем не менее они были важны для царя. Ему необходимо было убедить самого себя в том, что государственные преобразования, проводимые Сперанским, не являются жизненной необходимостью для страны. Местр доказывал, что Сперанский не предотвращает революцию в России, а наоборот, приближает ее. Но не одни только парадоксы Местра увлекли царя. Ему, несомненно, понравился сам стиль изложения. В глазах не только царя, но и всего светского общества Местр выглядел хорошим оратором и страстным пропагандистом. Приближавшаяся война, вне зависимости от того, станет она наступательной или оборонительной, ставила на повестку дня вопросы пропаганды. Разумеется, характер пропаганды должен был определяться характером войны. 22 января 1812 г. М.Б. Барклай де Толли подал царю записку по этому поводу. В ней говорилось, что в случае вторжения русских войск в Европу «следовало бы постараться завоевать доверие народов Германии как в политическом, так и в моральном отношении; нужно убедить их в том, что эта война ведется не с целью завоеваний, а что она необходима для спасения всей Европы». Для этого уже сейчас нужно «посылать эмиссаров, чтобы подготовить почву». Пропаганду следует вести не только среди немцев, но и среди «итальянцев, тирольцев, швейцарцев, венецианцев», и, конечно же, французов. Причем на территории Франции пропаганда должна быть рассчитана как на республиканцев, так и на монархистов: «Не составило бы большого труда заставить и жителей самой Франции задуматься о том рабстве, в которое они попали, они, всего несколько лет тому назад бывшие свободными и независимыми республиканцами, а еще ранее — подданными гуманных и пользовавшихся любовью своего народа королей».

На герцогство Варшавское пропагандистских усилий можно не тратить: «Достаточно будет нескольких успешных сражений, и вся Польша — в наших руках». Другое дело — польские земли, вошедшие в состав России. Но и здесь нужна не столько пропаганда, сколько дисциплинарные меры: «Совершенно необходимо восстановить порядок в наших польских провинциях; население этих областей принимает доброту правительства (осмелюсь сказать мало уместную) за слабость, позволяет себе открыто высказывать враждебные по отношению к нашему правительству взгляды и не прекращает тайных сношений с герцогством Варшавским, которое имеет в их лице надежных агентов. Установив надлежащий надзор и строго наказав для примера нескольких человек, можно будет навести полный порядок. Я полагаю, что было бы очень полезно ограничить свободу сношений, которой пользуются под предлогом двойного подданства».

Если же война будет носить оборонительный характер, то на первый план выступает пропаганда среди своего населения: «Нужно постараться воздействовать на дух

самого русского народа и пробудить в нем интерес по отношению к войне, от которой будет зависеть его спасение и существование». Далее Барклай, вполне в духе Шишкова, сокрушается по поводу утраты Россией национальной самобытности: «Осмелюсь заметить здесь, что вот уже двадцать лет у нас пытаются подавить все национальное, а великая нация, внезапно меняющая нравы и обычаи, быстро придет к упадку, если правительство не остановит этот процесс и не примет мер к ее возрождению. А может ли что-либо лучше помочь этому, чем любовь к своему государю и к своей родине, чувство гордости при мысли о том, что ты русский и душой, и сердцем, а эти чувства можно воспитать лишь в том случае, если этим будет руководить правительство»³⁶.

Чтение царем этой записки военного министра по времени совпало с чтением «Четырех глав о России». Возможно, это обстоятельство подсказало Александру мысль привлечь Местра к составлению пропагандистских и других официальных документов. «Четыре главы...» обычно сравнивают с запиской Карамзина «О древней и новой России». При некотором сходстве идей³⁷, у них разные тональности. Карамзин резко критиковал политику царя. Местр не критикует ни Сперанского, ни тем более Александра. Он лишь предлагает альтернативное решение тех проблем, которыми занимался Сперанский. Для Александра, как человека мнительного, важны были не только политические идеи, но и то, как оценивалась его личная роль в происходивших событиях. Карамзин, со свойственной ему прямоотой, писал о царе как о никуда не годном политике³⁸. Сперанский, по признанию самого Александра, считал его «нулем»³⁹. И как бы болезненно император не реагировал на такую критику, откровенная лесть придворных устраивала его еще меньше.

Местру удалось найти нужный тон. Он сразу же поднял Александра в его собственных глазах, поставив его наравне с Наполеоном: «Война в Европе стала в наши дни истинной дуэлью двух джентльменов». Но при этом, со свойственной ему парадоксальностью, Местр заметил, что сила Наполеона является его слабостью, в то время как в слабости Александра его сила. Александр, как человек, безусловно, умный, не переоценивал своих возможностей, особенно военных. После Аустерлица иллюзий на этот счет у него не осталось. Он бы, конечно, не поверил Местру, если бы тот стал превозносить его полководческие дарования. Но он бы и не простил ему, если бы тот сказал о них правду. Местр, вместо того, чтобы прямо отговаривать Александра возглавить армию, что могло бы травмировать царя, стал говорить о «естественной антипатии между придворными и военными», а также о том, что, «когда государь придет в лагерь, генералы будут больше заниматься им, чем неприятелем. Они будут спорить о милостях и бояться за собственные персоны»⁴⁰.

Сам Местр с большим энтузиазмом воспринял свое назначение на должность составителя правительственных документов и дал согласие еще до того, как поставил в известность об этом своего короля. Перед ним открывалась перспектива не только прямого общения с Александром I, что уже само по себе было ценным, но и возможность влиять на международную политику в нужном ему духе. Он считал, что его новая должность ставит его в ранг государственного канцлера. Между тем сардинский посланник явно переоценивал роль, предоставленную ему царем. Если оставить в стороне версию французских авторов о том, что Александр видел в Местре пророка и в этом качестве приблизил его к себе, то окажется, что царь собирался использовать его как человека, пользующегося большим авторитетом в католическом мире и способного вести эффективную пропаганду среди европейских католиков в пользу России. В свою очередь, Местр был уверен, что это укрепит позиции католицизма в Рос-

---

сии. Во всяком случае, он мог считать своим несомненным достижением открытие в Полоцке иезуитской академии с правами университета. Фактически это был пятый по счету университет на территории России. Как только Местр принял предложение царя, он сразу же, со своей стороны, вызвался «поехать в Полоцк, чтобы увидеть это великое заведение... Эта идея была с жадностью подхвачена» Александром I⁴¹.

Остается неясным вопрос, сколько раз Местр встречался с Александром I после неофициального разговора у Н.А. Толстого и до своего отъезда в Полоцк. Ф. Вермаль и А.Н. Шебунин считают, что было две встречи: «30 марта (11 апреля) и 8 (20) апреля в кабинете императора»⁴². Оба автора ссылаются на письмо Местра кавалеру де Росси, отправленное 9 (21) апреля, где в частности говорится: «В настоящий момент мне сообщили о новой тайной аудиенции. Я постараюсь ничего не забыть из того, что могло бы его воодушевить и открыть ему глаза на моральную сторону войны, предмет, которым, как мне кажется, я успешно занимался, и который обычно не слишком понимают»⁴³.

На следующий день, 9 (21) апреля, Александр I уезжал в армию⁴⁴. Идеи наступательной войны еще не были оставлены, и поэтому разговор с Местром шел именно в том русле, что Россия первая начнет войну, хотя прямо об этом, разумеется, не было сказано. Первое, о чем Александр спросил Местра, были иезуиты. Местр еще раз изложил то, о чем он неоднократно писал, а царь читал: общество Иисуса — это противоядие от революции, уже погубившей Европу и угрожающей России. Александра в данном случае интересовал вполне конкретный вопрос: «Считаете ли Вы, что они расположены воздействовать на общественное мнение в Польше в нужном нам духе?». Получив утвердительный ответ, царь перешел к самому важному для него вопросу о войне. И здесь Местр повторил то, что он уже говорил Александру 5 марта на квартире Н.А. Толстого об опасности допускать придворных в армию. Сила Александра заключается в том, что он законный государь. Но продолжением этой силы является слабость, проистекающая из самой природы Двора, в котором существуют «интриги, страсти и многовластие». Слабость Наполеона в том, что он узурпатор, но ее продолжением является сила его духа и железная воля, позволяющие ему гасить все заговоры и объединять воли всех в общую волю. На вопрос Александра «Какие меры предосторожности необходимо принять, чтобы установить равновесие?» Местр посоветовал заимствовать у Наполеона некоторые жесткие и быстрые меры, но не вредя при этом репутации своего великолепного царствования. Суть их заключалась в том, чтобы «наказывать чаще и строже», но при этом и «награждать чаще и более торжественно». Кроме того, нельзя обсуждать военные операции и слушать военные советы. Вообще не надо собирать людей для принятия решения. Этот совет был подкреплен афоризмом кардинала де Реца: «Кто собирает людей, тот их бунтует». Вполне достаточно выбрать одного человека, пользующегося монаршим доверием, и поручить ему вести войну. Но главная мера, от которой будет зависеть успех войны, — это пропаганда среди французов при их непосредственном участии: «Работать на Францию вместе с Францией»⁴⁵.

Таким образом, речь явно шла о наступательной войне, и Местр смотрел на себя если не как на пророка этой войны («Я не пророк, но я твердо уверен, что Ваше Императорское Величество может без ложной скромности рассчитывать на успех»)⁴⁶, то как на человека, ясно видящего ее конечную цель — реставрацию Бурбонов во Франции.

Начинать нужно было с Польши, и первым заданием, которое Местр получил, помимо переговоров с полоцкими иезуитами, было составление проекта восстановления Польши: «Император потребовал от меня составить план указа и манифест о восста-

---

новлении королевства Польского. Я это сделал»⁴⁷. При этом неясно, когда именно это задание было дано Местру. Вермаль считал, что это состоялось 8 июня, ссылаясь при этом на Валишевского⁴⁸. У Валишевского на указанной Вермалем странице никакой даты нет. Там говорится: «По приезде в Вильно царь в том же духе потребовал от Местра “план указа о восстановлении Польши и проект соответствующего манифеста”». При этом идет ссылка на Шильдера⁴⁹. У Шильдера, куда вряд ли заглядывал Вермаль, в примечании 111 к третьему тому приводится процитированный Валишевским фрагмент из донесения Местра сардинскому королю от 27 мая (8 июня). Впрочем, французскому исследователю в данном случае не было необходимости ссылаться ни на Валишевского, ни на Шильдера. Он прекрасно знал донесение Местра от 27 мая (8 июня), но, видимо, не придал значения тому, что это дата письма, а не дата получения задания от царя.

Спустя несколько лет после книги «Жозеф де Местр эмигрант» Вермаль вместе с Шебуниным подготовил публикацию переписки Местра для «Литературного наследства», где среди прочего было помещено короткое письмо Александра Местру от 9 (21) апреля: «Я получил, граф, Ваше письмо от вчерашнего числа. Со времени царствования покойного императора поляки наших провинций получили привилегию судиться по своим старинным законам. После этого я дал им некоторые другие льготы, но они не кажутся мне достаточно значительными, чтобы о них стоило упоминать в таком документе, как настоящий. Примите выражение моего уважения. Александр»⁵⁰. Это письмо, как видно, ответ на не сохранившееся письмо Местра от 8 (20) апреля, т.е. того самого дня, когда состоялся его разговор с царем. Судя по всему, речь зашла о Польше, и, видимо, тогда же Александр и поручил Местру составить проект ее восстановления. 8 июня Местр информировал своего адресата о том, что работа им уже сделана и выражал сомнения в ее необходимости. Сомнения эти были вызваны затянувшимся молчанием царя и стремительным приближением войны.

В течение пяти недель после последней аудиенции Александр I не давал о себе знать. Вероятно, сразу же по приезде в Полоцк Местр получил «очень вежливое письмо» из Вильно, написанное 14 мая, скорее всего, Н.А. Толстым, уже не впервые выступавшим посредником между Александром и Местром. В этом письме Местра спрашивали, не нужны ли ему государственные бумаги («*papers publiques*») и «настоятельно советовали поменять местопребывание». Ответив, что он не двинется с места, пока не получит официального предписания, Местр, по его словам, «провел еще некоторое время в состоянии полного бездействия»⁵¹.

Предчувствие немилости заставляло его смотреть на собственное пребывание в Полоцке, скорее, как на ссылку, чем как на службу, что приводило его в состояние, близкое к отчаянию. В письме к сыну от 7 июня он писал: «Я не припомню никакого периода моей жизни, когда бы я был более одинок, более уединен и более отдален от всего живого и всего утешительного. Я провожу все дни в моем кресле и покидаю его только для постели»⁵². Такое состояние длилось до 7 июля. Уже шла война, когда Местр получил предписание немедленно отправляться в Петербург. Письмо было «короткое, холодное и даже несколько неловкое (*un peu gênée*)»⁵³. Местр немедленно отреагировал («я ответил 8 июля коротким письмом с легким налетом грусти») и отправился в Петербург. В столице он получил ответное послание, «написанное по приказу» и «полное таких знаков уважения и одобрения, что, по правде говоря, Сир, их неловко повторять»⁵⁴. Этим комплементарным письмом царь, видимо, пытался как-то подсластить пилюлю. Но суть дела от этого не менялась. Карьера составителя правительственных документов, едва приот-

крывшись перед Местром, оборвалась столь же неожиданно, как и началась. Сам Местр склонен был объяснять это перлюстрацией его дипломатической переписки, из которой следовало, что все известные ему государственные секреты России он передавал своему королю Виктору Эммануилу I. Местр не считал себя виновным, так как с самого начала предупредил Александра I о том, что именно так он и будет поступать.

Причина, конечно, была не в этом. Изменились планы самого царя. В день своего отъезда из Петербурга в армию он назначил государственным секретарем А.С. Шишкова, поручив ему составлять манифесты, рассчитанные на русский народ. Местр был нужен лишь на тот случай, если войну начала бы Россия. В таком случае проект восстановления Польши стал бы частью более широкой пропагандистской кампании, нацеленной на жителей Западной Европы. Война же на русской территории требовала иных пропагандистских моделей. Для их создания, с точки зрения царя, лучше подходил Шишков, как автор шумевшего в предвоенный период «Рассуждения о любви к Отечеству».

Таким образом, Местр из активной политической фигуры 1812 г., какой он уже видел себя, превратился в стороннего наблюдателя. Оценки, даваемые им событиям и действующим лицам 1812-го и последующих годов, представляют несомненный интерес и нуждаются в специальном изучении.

Примечания

- ¹ *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905. С. 32.
- ² *Шишков А.С.* Избранные труды. М., 2010. С. 451.
- ³ См. *Прот Я.К.* Очерк деятельности и личности Карамзина // Сборник статей, читанных в Отделении Языка и словесности Императорской Академии наук. Т. I. № 10. СПб., 1867. С. 42.
- ⁴ *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 11. Lyon, 1885. P. 436; 437.
- ⁵ Цит. по: *Vermale F.* Joseph de Maistre émigré. Chambéry, 1927. P. 105.
- ⁶ *Ibid.* P. 105.
- ⁷ *Maistre J. de.* Les carnets. Livre journal 1790—1817. Lyon; Paris, 1923. P. 194. Как следует из письма Местра кавалеру де Росси от 21 февраля (4 марта), предложение это было сделано 14 февраля (*Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. Lyon, 1886. P. 91). Даты, проставленные в письмах, часто не совпадают с датами в Записных книжках.
- ⁸ *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 91.
- ⁹ *Maistre J. de.* Les carnets... P. 194.
- ¹⁰ *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 96.
- ¹¹ *Ibid.* P. 97.
- ¹² *Maistre J. de.* Les carnets... P. 195.
- ¹³ *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 96—97.
- ¹⁴ В литературе о Местре существует мнение, что он принял русское подданство. Впервые об этом написал Ф. Вермаль: «После Ваграма опасность сильно возросла. Чтобы избежать возможной высылки из России, Местр становится русским. Факт принятия подданства (naturalisation) не оставляет никакого сомнения после публикации письма от 24 августа 1813 г. графу де Блаку, в котором он признается в своем «положении русского подданного» (*Vermale F.* Op. cit. P. 106). Вот это место: «Для него (Александра I. — *В.И.*) я здесь нахожусь всецело как человек короля и для короля (имеется в виду Людовик XVIII. — *В.И.*). Это обстоятельство заставляло меня изыскивать возможность оставаться в России до настоящего времени. В случае, если Вы дадите мне какое-нибудь необычное поручение либо к императору, либо вдруг за границей, необходимо, чтобы король сообразовался напрямую написать императору, ибо мое положение русского подданного требует этой предусмотрительности, чтобы быть аккредитованным соответствующим образом при особе этого государя» (*Daudet E.* Joseph de Maistre et Blacas. Leur correspondance inédite et l'histoire de leur amitié. 1804—1820. Paris, 1908. P. 259). Указание на русское подданство Местра, не подтвержденное никакими источниками и противоречащее фактам, о которых пойдет речь дальше, вряд ли может быть основанием для столь категорического вывода Вермала. Его последователь Р. Триомф высказался по этому поводу более осторожно: «Обстоятельства и точная дата этого принятия подданства, о котором писал Вермаль, не известны» (*Triomphe R.* Joseph de Maistre. Etudes sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique. Genève, 1968. P. 247). Скорее всего, русское подданство Местр не принимал. Граф де Блака, к которому пишет

- Местр, был ближайшим человеком графа Прованского, будущего Людовика XVIII. Через Местра он пытался всячески отстаивать интересы своего патрона. Местр, видевший свою главную задачу в восстановлении Бурбонов на французском престоле, был, как показал в свое время Вермаль, тайным агентом французского короля в изгнании. В период Заграничных походов, которые, по мнению Местра, совершались в интересах Бурбонов, он уже не считал нужным скрывать свои отношения с ними. Поскольку он находился в России и в этом смысле зависел от Александра I, то он считал нужным, чтобы сам Людовик обратился к царю и как бы легализовал в его глазах действия Местра в интересах Бурбонов. Возможно, отсюда и появилось самоопределение «русский подданный» (*sujet russe*), в том смысле, что он постоянно живет в России и не собирается ее покидать.
- 15 *Vermale F.* Op. cit. P. 112—113.
16 *Triomphe R.* Op. cit. P. 260.
17 *Miquel B.* Josef de Maistre. Un philosophe à la cour du tsar. Paris, 2000. P. 203.
18 *Степанов М.* Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29—30. М., 1937. С. 604.
19 Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 1.
20 Там же. С. 90—91.
21 Там же. С. 91.
22 *Maistre J.de.* Lettres et opuscules inédits. Т. 2. Paris, 1853. P. 331.
23 *Инглот М.* Общество Иисуса в Российской Империи (1772—1820) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире. М., 2004. С. 157.
24 *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 74.
25 Ibid.
26 Ibid.
27 Ibid.
28 Ibid. Т. 13. Lyon, 1886. P. 76.
29 Ibid. P. 73.
30 Ibid. Т. 8. Lyon, 1884. P. 267.
31 Ibid. P. 268.
32 Ibid. P. 269, 298.
33 *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007. С. 79.
34 *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 8. P. 326, 327, 330.
35 Некоторые авторы, особенно французские, склонны преувеличивать роль Местра в смещении Сперанского. Так, например, Ф. Лафаж полагает, что «граф де Местр своим сочинением *Четыре главы о России* нанес последний удар» по Сперанскому и его реформам (*Lafage F.* Le comte Jiseph de Maistre (1753—1821). Itinéraire intellectuel d'un théologien de la politique. Montréal, 1998. P. 177).
36 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I. Т. 6. М., 1962. С. 270.
37 См., например: *Дегтярева М.И.* Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н.М. Карамзин // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции, 26—29 апреля 2002 г. Самара, 2002. С. 23—42.
38 См. *Лотман Ю.М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // *Он же.* Карамзин. СПб., 1997. С. 597.
39 Эти слова царя приводит Я.И. де Санглен: «Он (Сперанский — *В.П.*) имел дерзость, описав все воинственные таланты Наполеона, советовать мне собрать боярскую думу, предоставить ей вести войну, а себя отстранить. Что же я такое? Нуль?» (Русская старина. 1883. Т. 37. С. 378).
40 *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 94.
41 Ibid. P. 91—92.
42 *Vermale F.* Op. cit. P. 111; *Степанов М.* Указ. соч. С. 602.
43 *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 111.
44 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 75.
45 *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 128, 129, 139.
46 Ibid. P. 132.
47 Ibid. P. 145.
48 *Vermale F.* Op. cit. P. 114; *Waliszewski K.* La regne d'Alexandre I. Т. 2. Paris, 1924. P. 16.
49 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 372.
50 *Степанов М.* Указ. соч. С. 662.
51 *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. Т. 12. P. 158.
52 Ibid. P. 138.
53 Ibid. P. 158.
54 Ibid. P. 160.

Генерал М.С. Воронцов. От Бородина до Краона

Каждая историческая эпоха рождает государственных деятелей, которые наиболее полно представляют свое время. Сюжеты их политических биографий неразрывно связаны с основными этапами развития государства. Поэтому изучение деятельности этих личностей в различных областях общественной жизни позволяет понять их место в истории страны и время, в котором они жили.

Михаил Семенович Воронцов (1782—1856) принадлежал к поколению политических деятелей, представители которого до назначения на высокие государственные должности принимали участие в военных кампаниях первой четверти XIX столетия. Нельзя не согласиться с мнением М.А. Давыдова, что в Российской империи героями и властителями дум становились в первую очередь представители армии¹. Литератор Ф.Ф. Вигель говорил, что кумирами русской армии того времени были М.С. Воронцов и А.П. Ермолов, хотя им и не была суждена роль Потемкина и Суворова². В свою очередь, российский дипломат А.П. Бутенев отмечал, что к началу Отечественной войны 1812 года особенной «любовью пользовались в армии» два молодых дивизионных генерала М.С. Воронцов и И.Ф. Паскевич³.

Первый шаг в военной карьере М.С. Воронцова свидетельствовал о его искренней приверженности тем нравственным принципам, которые старался привить ему отец С.Р. Воронцов. Так, будучи пожалован в 1798 г. в камергеры, но желая служить на военном поприще, М.С. Воронцов в свои 19 лет мог быть сразу произведен в генерал-майоры, что соответствовало камергерскому званию. Но он просил разрешения начать службу с нижних чинов. 2 октября 1802 г. просьбу Михаила Семеновича удовлетворили, он был определен поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк, где за 40 лет до этого начинал воинскую карьеру его отец. Социальный статус М.С. Воронцова, полученное им образование, его личные качества открывали перед ним возможность дальнейшей карьеры в столице. Но как отметил в одном из своих писем П.В. Завадовский, Воронцову была присуща «сильная страсть» к военной службе⁴. В 1803 г. он решил отправиться в Грузию. С этого времени и вплоть до 1815 г. он принял участие почти во всех войнах, которые вела Россия в начале XIX столетия.

За храбрость, проявленную в 1803—1805 гг. в военных действиях на Кавказе, Воронцов получил чин капитана и орден Святого Георгия 4-го класса. Затем участвовал в войнах антинаполеоновской коалиции 1805—1807 гг.; в 1806 г. за отличие в сражении при Пултуске был произведен в полковники. В 1809 г. по главе Нарвского полка Воронцов был отправлен на театр турецкой войны 1806—1812 гг., где отличился при штурме крепостей Базарджик, Шумла, в сражениях при Батике, Руцуке и других, за что в 1810 г. был пожалован чином генерал-майора и орденами, в том числе Святого Георгия 3-го класса.

Весной 1812 г. дивизия, к которой принадлежал М.С. Воронцов, отправилась от берегов Днестра на Волынь, чтобы вступить во 2-ю Западную армию князя П.И. Ба-

гратиона. М.С. Воронцов выехал из Бухареста 19 марта, прибыл в Луцк через десять дней, а 1 апреля 1812 г. был назначен начальником сводно-гренадерской дивизии⁵.

Еще в феврале 1812 г. 2-я Западная армия двинулась ближе к границе. «Поход этот, — писал Паскевич, — предпринятый в самую распутицу и страшную грязь от ранней весны, произвел в войсках цинготную болезнь. Из 1 200 человек в полку было больных до 400»⁶. В это время 2-я Западная армия состояла из 7-го пехотного корпуса, т.е. 26-й и 12-й дивизий, из сводно-гренадерской дивизии графа М.С. Воронцова, 2-й гренадерской, 15-й и 18-й пехотных дивизий генерала князя А.Г. Шербатова и двух кавалерийских дивизий — всего до 45 тыс. человек. В конце мая 15-я и 18-я пехотные дивизии и некоторые резервные батальоны были отделены и вошли в состав 3-й Западной армии генерала А.П. Тормасова. При 2-й Западной армии был оставлен корпус генерала Д.С. Дохтурова. Перейдя Пинские болота, армия остановилась.

В июне французская армия перешла Неман. Началась Отечественная война 1812 года. Князь Багратион получил приказ следовать маршем на север, к Брест-Литовску, а затем начать отступление к Смоленску. Во время этого перехода Воронцову было приказано поддерживать кавалерию арьергарда, состоявшего из казаков атамана М.И. Платова и генерала И.В. Васильчикова. «Мы имели несколько стычек с неприятелем, в которых наш арьергард брал верх, а французская, польская и вестфальская кавалерия несла огромные потери в людях, утрачивая былую славу и уверенность», — писал Воронцов о сражениях при Мире и Романове⁷. В рапорте П.И. Багратиону (полученному 3 июля 1812 г. в Уречье) о сражении при Романове М.И. Платов отметил М.С. Воронцова, который был безотлучно при нем «среди сражения и под выстрелами неприятельской артиллерии»⁸. М.С. Воронцов принимал также участие в деле под Салтановкой 15 июля 1812 г., где, по его словам, особо отличился Паскевич. Дивизия Воронцова была оставлена, чтобы прикрывать отступление, но преследования неприятеля не последовало.

Наступил день Бородинского сражения. «Когда мы встали позицией у Бородино, мне было приказано прикрывать наш левый фланг, где 24 августа у нас произошло серьезное столкновение с неприятелем (имеется в виду сражение за Шевардинский редут — О.З.). Войска первой линии несли очень чувствительные потери, моя дивизия их заменила, а на следующий день, предшествующий великой битве, я получил приказ занять и защищать три флеши, которые были сооружены для прикрытия нашего левого фланга, наиболее слабого участка линии наших войск», — писал Воронцов⁹.

Известно, что основные события 26 августа развивались на левом фланге русской армии, в районе Семеновских флешей (чаще их называют Багратионовскими). Именно в этом месте Наполеон решил прорвать оборону русской армии. Французам противостояли 2-я сводно-гренадерская дивизия Воронцова и 27-я дивизия Д.П. Неверовского, всего около 8 тыс. солдат при 50 орудиях. Против них были брошены 15 отборных дивизий, 7 пехотных и 8 кавалерийских (в общей сложности 43 тыс. человек и более 200 орудий) во главе с лучшими маршалами Франции — Мюратом, Даву и Неем¹⁰. В официальном сообщении из русской армии говорилось: «Атака флешей была наиболее сильнейшей, и оборона их самой ожесточенной. Борьба за них продолжалась с 7 часов утра до 10 с беспримерным ожесточением и упорством. В этом кровавом бою во время штыковой атаки на врага был ранен генерал-майор граф Воронцов»¹¹.

Но вернемся к воспоминаниям самого Воронцова о битве при Бородине, которую он называл бойней. «Я был ранен мушкетной пулей в бедро в ходе нашей пер-

---

вой контратаки на флешу, моя бравая дивизия была полностью расстроена; от почти 5 000 осталось не более 300 с одним полевым офицером по имени... (фамилия не указана — О.З.), который не был ранен или получил лишь легкое ранение; 4 или 5 наших дивизий, оборонявших флешу, постигла почти такая же участь»¹².

Кутузов в донесении императору Александру I о Бородинской битве писал, что французы «стремились к своей цели и не прежде обратились в бегство, как уже граф Воронцов со сводными гренадерскими батальонами ударил на них в штыки; сильный натиск сих батальонов смешал неприятеля, и он отступил в величайшем беспорядке, был повсюду истребляем храбрыми нашими войсками. При сем нападении граф М.С. Воронцов, получив жестокую рану, принужден был оставить свою дивизию»¹³.

Как явствует из «Ведомости 8-го корпуса», в 11 батальонах сводно-гренадерской дивизии состояло в строю накануне Бородинской битвы 4 059 человек; после битвы убитых, раненых и без вести пропавших насчитывалось 2500 человек»¹⁴. Серьезность ранения Воронцова подчеркивает в своих записках Ф.В. Ростопчин, полагая, что, «если бы не сила и здоровье его организма, он умер бы вследствие своей раны»¹⁵.

Михаила Семеновича перевязали, прямо на поле извлекли пулю и повезли в небольшой крестьянской телеге, одно колесо которой было сбито пушечным ядром. «Таким манером мне удалось добраться до моей собственной коляски, которая была в обозе армии, и здесь я очень скоро увидел множество генералов и офицеров, легко и тяжело раненных; некоторые из них были моими близкими друзьями. Там же я в последний раз видел генерал-лейтенанта Тучкова и моего храброго командира князя Багратиона, которые вскоре оба скончались от ран. Эти два человека в молодости были друзьями по оружию, затем соперниками, наконец, врагами; они сухо приветствовали друг друга накануне сражения, а затем вскоре увиделись вновь в этом месте, чтобы скоро встретиться в мире ином», — вспоминал Воронцов¹⁶.

Раненых постепенно перевезли в Можайск, где каждый дом превратился в госпиталь, но, узнав, что М.И. Кутузов решил отступить, двинулись в путь по направлению к Москве. По дороге к Воронцову присоединились его близкие друзья: начальник штаба 2-й Западной армии генерал-майор Э.Ф. Сен-При и шеф Екатеринославского кирасирского полка генерал-майор Н.В. Кретов, раненные: первый — в грудь, другой — в кисть руки. Затем к ним прибавились другие офицеры из дивизии М.С. Воронцова и из Нарвского полка; некоторые были смертельно ранены. К счастью, здесь оказался главный хирург дивизии, слегка раненный мушкетным выстрелом в кисть руки. Через трое суток Воронцов и его товарищи прибыли в Москву. Рана, нестерпимо болевшая в течение 24 часов после ранения, перестала мучить Михаила Семеновича, и, хотя он еще не мог вставать, но почувствовал себя намного лучше и был более обеспокоен самочувствием своих товарищей. «Это может показаться невероятным, что даже при тех серьезных обстоятельствах, а возможно, отчасти вследствие их волнующего значения, мы были почти всем довольны, веселы и даже ели с большим аппетитом. На самом деле критическая ситуация нарастала, и все мы предчувствовали, что этот кризис может сыграть благоприятную роль в судьбе нашего Отечества; мы осознали, что так сражались, что французы не могли похвастаться выигранной победой, если бы не обстоятельства, вынудившие нас отступить и покинуть древнюю столицу», — рассказывал Воронцов в своих «Записках»¹⁷.

1 сентября, за день до того, как русская армия покинула Москву, граф Воронцов с ранеными друзьями отправился в старое родовое имение Воронцовых — Ан-

---

дреевское. Михаил Семенович не сообщает подробностей этого отъезда, вскользь лишь замечая: «Значительное количество моих друзей и товарищей по несчастью согласились поехать со мной, и мы добрались туда на своих собственных лошадях на 3-й день»¹⁸. А.Я. Булгаков в своих воспоминаниях отмечал: «Привезен будучи раненый в Москву, граф Воронцов нашел в доме своем, в немецкой слободе, множество подвод, высланных из подмосковной его для отвоза в дальние деревни всех бывших в доме пожитков, как-то картин, библиотек, бронз и других драгоценностей»¹⁹. Но узнав, что в соседних домах и больницах находится большое число раненых, многие из которых не получают необходимую помощь, Воронцов приказал оставить в доме все вещи, а подводы использовать для перевозки раненых воинов в Андреевское. Это поручение было возложено на адъютантов Воронцова — Н.В. Арсеньева и Д.В. Нарышкина. Им поручалось также предлагать всем раненым, которых встретят на Владимирской дороге, отправляться в Андреевское, ставшее в то время госпиталем, где впоследствии находилось до 50 раненых генералов, штаб- и обер-офицеров и более 300 человек рядовых²⁰.

Среди раненых были генералы Сен-При и Кретов, полковники граф А.И. Гудович и Делагард, подполковник А.В. Богдановский и многие другие, обогрившие своей кровью Бородинское поле. «Все сии храбрые воины были размещены в обширных Андреевских палатах, самым выгодным образом. Графские люди имели особенное попечение за теми, у коих не было собственной прислуги. Нижние чины были размещены по квартирам в деревнях и получили продовольствие хлебом, мясом и овощами, разумеется, не от крестьян, а на счет графа Михаила Семеновича; кроме сего было с офицерами до ста человек денщиков, пользовавшихся тем же содержанием, и до ста лошадей, принадлежавших офицерам; а как деревни графа были оброчные, то все сии припасы и фуражи покупались из собственных его денег»²¹, — писал А.Я. Булгаков.

Два доктора и несколько фельдшеров непрерывно наблюдали за ранеными. Как и все прочее, покупки медикаментов и всего необходимого для перевязок производились за счет Воронцова. А.Я. Булгакову стало известно от одного из домашних графа, что затраты составляли 800 рублей ежедневно и продолжались с 10 сентября примерно четыре месяца, т.е. до полного выздоровления всех. Воронцов заботился не только о высших офицерских чинах, в Андреевском находилось более 300 рядовых, каждый из которых после выздоровления получил денежные средства и амуницию. Воронцов снабжал каждого выздоравливающего рядового бельем, тулупом и 10 рублями, затем, сформировав небольшую команду, отправлял их с унтер-офицером в армию. Воронцов вообще внимательно относился к положению в армии нижних чинов, стараясь защитить их от бессмысленной жестокости, принимал меры для обучения солдат основам элементарной грамотности.

Представляет интерес замечание Булгакова, что он намеренно не пишет, как Воронцов поступил с поправившимися офицерами, полагая, что Михаил Семенович будет недоволен и предыдущим рассказом. Душевная доброта его сочеталась со скромностью. «Несмотря на то, что Воронцов не мог передвигаться без костылей, он каждое утро навещал всех своих гостей, интересуясь их здоровьем и всем ли они довольны. Как было сказано, каждый мог обедать за общим столом или один в своей комнате, но все, кому позволяли раны, предпочитали обедать с графом. После обеда вечером занимались все разговорами, курением, чтением, бильярдом или музыкой. Общество лю-

дей совершенно здоровых не могло бы быть веселее всех сих собравшихся раненых»²². Умение сохранять спокойствие, поддерживать окружающих в трудных ситуациях, внушая своим поведением и поступками уверенность в хорошем исходе, были присущи Воронцову на протяжении всей его жизни. Это подтверждает его поведение во время чумы и голода в Новороссийске в 1830-х гг., а также в период проведения операций на Кавказе.

А.Я. Булгаков, находясь с графом Ф.В. Ростопчиным, старым другом графа С.Р. Воронцова, во Владимире, часто приезжал в Андреевское, по его словам, чтобы развеяться и узнать для Ф.В. Ростопчина о здоровье М.С. Воронцова. Но для этих визитов была и другая причина. Воронцов часто посылал в Москву переодетых адъютантов или смелых и сообразительных из числа своих дворовых и крестьян, которые разведывали, что там происходит, узнавали о действиях неприятеля и доносили все графу. «Я (Булгаков — О.З.) составлял обыкновенно из сведений их записочки, кои граф Федор Васильевич часто отсылал к Государю. Таким образом узнали мы, например, о приготовлениях, кои делались французами в Кремле для подорвания одного перед выходом из Москвы. Первое известие о Тарутинском сражении дошло до нас также из Андреевского»²³.

В один из приездов Булгакова в Андреевское, когда все сидели собравшись у камина, в гостиную вошел Воронцов и рассказал, как, объезжая свои передовые посты, внезапно встретились Мюрат и Милорадович: «Узнавши друг друга, они перекланились очень учтиво и обменялись несколькими фразами, я воображаю, прибавил граф смеясь, как они пускали друг другу пыль в глаза. Мюрат успел на что-то пожаловаться, а Милорадович: *O, ma foi, vous enverrer bien d'autres, sire!* (То ли вы еще увидите, государь!)»²⁴. Этот рассказ Воронцова немало развеселил собравшееся общество. Позже, уже во Владимире, Булгаков записал вымышленный разговор между любимцем Наполеона и любимцем Суворова. Явившись к Ростопчину, Булгаков сообщил, что на аванпостах встретились случайно Мюрат и Милорадович, состоявшийся между ними разговор был записан, и Михаил Семенович дал Булгакову его прочитать, а тот, в свою очередь, специально переписал его для графа. Но Ростопчин понял розыгрыш. «Выдумка эта хороша, — прибавил граф. — Знаете ли, что мы сделаем? Пошлите это в Петербург: пусть басенка эта ходит по рукам; пусть читают ее; у нас и у французов она произведет действие хорошее. Переписывайте и отправляйте»²⁵.

На следующий день Булгаков отправил своему старому приятелю А.И. Тургеневу собственное сочинение, представив его как только что полученную новость из армии. Не прошло и двух недель, как «Сын Отечества» напечатал разговор Мюрата с Милорадовичем. Но на этом история не закончилась. Английский посол в Петербурге лорд Карткард поместил выдумку Булгакова в одну из своих депеш, откуда она через несколько лет попала в сочинение французского историка Ж.-Б. Капфига «Европа во время консульства и империи Наполеона» («L'Europe pendant le consulat et l'empire de Napoléon»). В 1843 г. Булгаков напечатал в «Москвитянине» свой литературный труд под заглавием «Разговор неаполитанецкого короля Мюрата с генералом графом М.А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года» и рассказал подлинную историю появления этого сочинения. Таким образом, несмотря на трудности военного времени, Ростопчин, Воронцов и Булгаков умели сохранять чувство юмора, желание шутить и разыгрывать в любой ситуации, это был своеобразный «театр одного актера».

Необходимую информацию Воронцов получал во многом благодаря своим связям и знакомствам со многими генералами русской армии, с некоторыми из них он состоял в переписке. Одним из постоянных корреспондентов Воронцова в это время был его старый друг А.А. Закревский, который не опасался быть предельно искренним в своих посланиях, содержание и сам тон которых пронизан искренней болью за состояние русской армии. Одним из непосредственных виновников сложившейся ситуации Закревский считал М.И. Кутузова. Так, например, в письме от 14 сентября он с раздражением писал Воронцову, что, видимо, фельдмаршальского звания Кутузов удостоен за то, что оставил Москву, «беспорядки преужасные, и никто не знает, что делать»²⁶. В другом письме (от 26 сентября) Закревский сообщал, что распоряжения Кутузова и Беннигсена приведут в конечном итоге к «совершенному истреблению» нашей армии. Он полагал, что войска вынуждены без всякой цели и общего плана действий постоянно передвигаться в дождливую погоду²⁷. В одном из октябрьских писем Закревский был еще более категоричен, утверждая, что если Румянцев, Аракчеев и Кутузов действительно хотят мира, то они «первейшие» враги России. В завершение этого письма он прибавлял: «Михаил Богданович (Барклай де Толли) свидетельствует Вам свое почтение»²⁸. Впоследствии Воронцов утверждал, что Барклай де Толли был его единственным покровителем в армии. Источников, в которых Воронцов столь же откровенно выражал бы свое неприятие действий Кутузова, нет, что следует связать с личными качествами Михаила Семеновича. Так, еще в 1804—1805 гг. князь П.Д. Цицианов писал об «особой скромности и сокровенности» Воронцова, эти же качества отмечал в нем и Ростопчин: «В его лета скрытность в нраве не может быть приобретенной воспитанием, а просто врожденная. Заметь, что в их роде ни одного нет нараспашку»²⁹. Судя по корреспонденции Закревского, в армии все более заметным становилось разделение офицерского состава на различные группировки. Закревский настоятельно советовал Воронцову не спешить ехать в армию, наполненную «интриганами, пагубными нашему отечеству», он рекомендовал ему отправиться в Молдавскую армию или постараться получить в командование отряд Винценгероде (попавшего в плен)³⁰.

Анализ приведенных источников не дает основания причислять Воронцова к какой-либо группе офицеров, хотя надо заметить, что многие желали бы видеть его в кругу своих единомышленников³¹. Воронцов пользовался уважением людей, которые составили гордость русской армии, хотя друг к другу питали зачастую не самые лучшие чувства. Так, один из самых рьяных недоброжелателей М.Б. Барклай де Толли в период летнего отступления 1812 г. А.П. Ермолов (начальник штаба 1-й Западной армии) был для М.С. Воронцова преданным и искренним другом долгие годы. Можно предполагать, что подобная ситуация не могла не сказаться и на характере самого М.С. Воронцова, внутренний мир которого, его мысли и чувства становились все более закрытыми для окружающих. В то же время постепенно начинал складываться особый стиль взаимоотношений Воронцова с подчиненными — он предпочитал управлять теми, кто разделял его взгляды, возражения принимались лишь от близких по духу людей. Впоследствии в Мобеже, а затем в Одессе Воронцова будет окружать, по мнению некоторых современников, своеобразная «свита», члены которой, будучи сами незаурядными личностями, с особым уважением относились к своему начальнику.

Возвращаясь к событиям 1812 г., следует заметить, что создание госпиталя в Андреевском, отношение Воронцова к раненым солдатам и офицерам способствовало еще

большей известности Воронцова в армии. Кроме того, он сумел создать в Андреевском своеобразный центр, куда стекалась важная информация о происходивших событиях, которая затем передавалась графом Ростопчиным императору Александру I.

После того, как 14-тысячный отряд французской армии под командованием маршала Нея захватил г. Богородск (ныне Ногинск), пребывание раненых солдат и офицеров в Андреевском становилось опасным. Но почти вся французская кавалерия была выведена из строя, а оставшаяся часть находилась под командованием Мюрата, наблюдавшего за позициями Кутузова. Таким образом, раненые продолжили лечение в Андреевском, а сам Воронцов, отказавшись от костылей, но все же опираясь на трость, присоединился к армии. Он покинул Андреевское 29 октября 1812 г. и был назначен в армию П.В. Чичагова, где получил в командование авангард 3-й Западной армии. Н.Н. Раевский в одном из своих писем из Вильно (от 10 декабря 1812 г.), адресованных С.А. Раевской, перечисляя военачальников, получивших награды и повышения, среди которых были Сен-При, Ермолов, Строганов, Неверовский и др., замечал, что «граф Воронцов по-прежнему генерал-майор. Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно». Надо заметить, что в свое время князь Цицианов тоже считал, что Воронцова незаслуженно задерживают в получении воинских званий³². Сам же Воронцов практически не высказывал недовольства по поводу своего неповышения на военной службе; судя по корреспонденции, его более беспокоила проволочка в награждении подчиненных, чем собственное положение³³.

После поражения Великой армии на Березине Наполеон, бросив остатки своей армии на попечение Мюрата, устремился в Париж. Император Александр I предвидел, что Наполеон никогда не примирится с поражением в России. 1 января 1813 г. русская армия перешла Неман и вступила в Герцогство Варшавское. А во второй половине января продвижение уже шло по трем направлениям. На правом фланге войска Витгенштейна и Платова продвигались к Данцигу, в центре Чичагов шел к Торну, на левом фланге главная армия и войска Милорадовича направлялись к Плоцку и Варшаве. Русские войска закреплялись на важном оборонительном рубеже — Висле, которая являлась первым этапом наступательной операции.

Только продвижение, которое могло быть закреплено, только удар, который бы принес чувствительный урон, ослабил бы противника, вынудив его в конечном счете сконцентрировать на наиболее важных участках свои силы, — все это входило в замыслы Кутузова. Действия партизанскими, так называемыми летучими отрядами составляли один из главных элементов плана Кутузова. Летучий отряд Воронцова включал в себя три казачьих и два егерских полка, несколько гусарских и уланских эскадронов, гренадерских батальонов и артиллерийских рот. Он был чрезвычайно мобилен, тревожил тылы противника и участвовал во многих сражениях, действуя то самостоятельно, то вместе с другими воинскими соединениями в различных частях Германии.

В кампании 1813 г. летучий отряд Воронцова отличился в бою у Бромберга, занял Познань, осаждал Кюстрин и Магдебург. По окончании Плейсвицкого перемирия он составил авангард Северной армии Бернадота, участвовал в сражении под Ютербокком, в Лейпцигской битве, занял Кассель, осаждал Гамбург. С начала 1814 г. активно действовал во Франции в составе Силезской армии Блюхера.

Русская военная история зачастую более благосклонна к героям 1812 года, чем к тем, кто достойно проявил себя на полях сражений во время заграничных походов по-

---

следующих лет. Для Воронцова самым серьезным испытанием стала Краонская битва. Русские войска под командованием Воронцова вышли с достоинством из этого знаменитого сражения, не оставив противнику ни раненных, ни трофеев. План Наполеона отрезать и уничтожить Силезскую армию был сорван. М.П. Шербинин, оценивая это сражение, полагал, что если бы в период атак Наполеона на позиции русских Винцингероде, Клейст и Бюлов смогли бы ударить в тыл французам, то «подобно Ватерлоо, Краон мог бы быть последним днем поприща Наполеона»³⁴. Воронцов, противостоя самому Наполеону, в течение нескольких часов сдерживал атаки неприятеля, направлял действия русских частей. Получив за это сражение орден Святого Георгия 2-го класса, он стал кавалером трех степеней самой почетной воинской награды России. Отряд Воронцова принимал участие во взятии Парижа. По окончании войны Михаил Семенович был назначен начальником 12-й пехотной дивизии. Замечательным достижением в его военно-административной деятельности были составленные им «некоторые правила для обхождения с нижними чинами 12-й пехотной дивизии».

Благодаря влиянию отца и своего первого наставника в действующей армии Цицианова, Воронцов стал наследником русской военной тактики, развитой гением А.В. Суворова. Но способности в подготовке и проведении военных операций не могут заменить силу воли, умение говорить с солдатами, искусство воодушевлять войска. Воронцов был привержен правилу, что между начальником и подчиненными должны существовать отношения доверия и взаимного уважения. Он доказал, что основа его жизненной позиции — честное выполнение патриотических обязанностей, возложенных на него императором. Для Воронцова и его ближайших друзей понятия *Отечество* и *император* неотделимы друг от друга: «Мы имеем пред неприятелем то превосходство, что одушевлены единым чувством служить верно Отечеству, исполнять волю Всемилостивейшего Государя»³⁵.

Согласно одной из статей Парижского мирного договора от 20 ноября 1815 г., союзники приняли решение о временной оккупации Франции, т.е. размещении на ее территории части своих войск числом 1 500 000 человек, которые должны были находиться в крепостях и содержаться за счет Франции. Герцог Веллингтон назначался главнокомандующим, а М.С. Воронцов командующим русским корпусом, оккупацию предполагалось продлить на пять лет.

Пребывание Воронцова в должности командующего русским оккупационным корпусом во Франции было своеобразным переходным периодом между военной карьерой и деятельностью на посту генерал-губернатора. Во Франции он приобрел столь необходимый для будущей карьеры государственного деятеля политический опыт в решении военных, дипломатических, административных, экономических и культурных вопросов.

8 ноября 1863 г. в Одессе был открыт памятник М.С. Воронцову как выдающемуся государственному и военному деятелю России. Он был сооружен на пожертвования из различных регионов Российской империи. Памятник изображал Воронцова с фельдмаршалским жезлом, под монументом с четырех сторон располагались барельефы. На одном из них надпись: «Светлейшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову благодарные соотечественники». На других изображены: Краонское сражение, взятие Варны и эмблема Императорского общества сельского хозяйства Южной России с надписью «Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор».

На всем протяжении своей карьеры М.С. Воронцов проявил себя не только как талантливый и инициативный администратор, но и как тонкий дипломат и опыт-

ный политик, обладающий широким государственным кругозором, который сказывался во всем, независимо от того, какой пост он занимал и какие вопросы решал. Его многообразная и разносторонняя деятельность способствовала политическому и экономическому развитию России, укреплению ее международных позиций.

Примечания

- ¹ Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 4.
- ² Там же. С. 9.
- ³ Воспоминания А.П. Бутенева // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 64.
- ⁴ Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 447.
- ⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 924. Л. 43—44.
- ⁶ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 77.
- ⁷ 1812—1814. Сборник документов из собрания ГИМ. М., 1992. С. 277.
- ⁸ Там же. С. 71.
- ⁹ Там же. С. 277.
- ¹⁰ Там же. С. 271.
- ¹¹ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 112.
- ¹² 1812—1814... С. 278.
- ¹³ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 137.
- ¹⁴ Там же. С. 193.
- ¹⁵ Русская старина. 1889. Декабрь. С. 707—708.
- ¹⁶ 1812—1814... С. 278.
- ¹⁷ Там же. С. 279.
- ¹⁸ Там же. С. 279—283.
- ¹⁹ Из записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7. С. 270.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 271.
- ²² Там же. С. 272.
- ²³ Там же. С. 274—275.
- ²⁴ Там же. С. 275.
- ²⁵ Там же. С. 277.
- ²⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 232.
- ²⁷ Там же. С. 234.
- ²⁸ Там же. С. 337.
- ²⁹ Там же. Кн. 36. М., 1890. С. 8.
- ³⁰ Там же. Кн. 37. С. 239.
- ³¹ См.: Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году // Русский архив. 1875. № 12. С. 426; Письмо М.С. Воронцова к В.Н. Карамзину // Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. СПб., 1883. С. 253; Письма А.Х. Бенкендорфа, А.П. Ермолова, П.Д. Киселева и других современников // Архив князя Воронцова. Кн. 36—40. М., 1890—1895.
- ³² Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 8.
- ³³ Там же. Кн. 37. С. 353.
- ³⁴ 1812—1814... С. 273.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2169. Л. 1.

Светлейший князь А.И. Чернышев. Штрихи к портрету

«**Р**усская историческая литература далеко не богата биографиями отечественных государственных деятелей, и в ней пока совершенно отсутствует жизнеописание светлейшего князя Александра Ивановича Чернышева», — писал в 1902 г. Н.К. Шильдер. — Можно даже сказать, что о нем совершенно позабыли... Между тем деятельность князя Чернышева обнимает собою полстолетия и занимает немалое число славных страниц в продолжение царствований двух императоров — Александра I и Николая I. Жизнь князя Чернышева замечательна еще и тем, что он ознаменовал себя совершенно блистательно на трех поприщах: дипломатическом, военном и гражданском; он вел переговоры с Наполеоном, совершил выдающиеся военные подвиги и руководил важными отраслями внутреннего управления. Такая счастливая участь выпадает на долю немногих избранных, к которым принадлежит бесспорно и князь Чернышев. Прежние страсти и зависть исчезли, недоброжелательство и злословие давно умолкли, и в настоящее время история вступает в свои неотъемлемые права»¹.

К сожалению, историк ошибся. Наступивший вскоре советский период российской истории накрепко связал имя Александра Ивановича только с работой в следственной комиссии по делу декабристов, превратив его в «антигероя» и практически предав забвению все его заслуги...

Интерес Лыткаринского историко-краеведческого музея к личности Чернышева не случаен. Наш музей располагается в бывшем имении Чернышевых. Изучая историю усадьбы, биографии ее бывших владельцев, воспоминания старожилов Лыткарино о семье Чернышевых, проникаешься уважением к ее представителям. Сотрудники музея стараются восстановить историческую справедливость по отношению к памяти А.И. Чернышева — достойного сына своего Отечества.

Александр Иванович Чернышев родился в Москве в 1785 г. Детство его прошло на Старой Басманной улице. Он получил прекрасное домашнее образование, в совершенстве владел французским и немецким языками. Как сын заслуженного боевого генерала, юный Чернышев был зачислен в привилегированное военное училище — Пажеский корпус, по окончании которого продолжил службу в Кавалергардском полку. Уже в 1805 г. 19-летний Чернышев участвовал в сражении против наполеоновской Франции при Аустерлице, а в 1807 г. — в боевых действиях при Фриланде, за что был награжден орденами и золотой шпагой «За храбрость».

Летом 1810 г. в военном ведомстве под руководством М.Б. Барклая де Толли была создана Секретная экспедиция, получившая в 1812 г. название Особенной канцелярии. Важнейшим направлением деятельности нового органа была организация стратегической разведки, сбор сведений за границей, оценка военно-экономического положения Франции и ее союзников. Во все европейские столицы к русским послам были направлены военные агенты из числа зарекомендовавших себя молодых офицеров. В Париже такие функции возложили на полковника Чернышева. Его кандидатура подходила на эту роль как нельзя лучше: он был предан императору и

России, был удачно знаком с Наполеоном, к тому же его деловые и дипломатические качества к тому времени были проверены на деле. Во Франции Чернышев, активно расширяя круг своих знакомств, делал множество визитов, поддерживал связь с придворным и дипломатическим миром французской столицы. Наполеон продолжал уделять ему определенное внимание.

От Чернышева из Парижа поступали ценные разведанные. Им была создана своя и развита ранее сложившаяся сеть информаторов. Имидж светского повесы, любезного и обходительного молодого офицера, покорителя женских сердец помогал ему узнавать дворцовые тайны.

О достоверности и важности сведений, поступающих от военного агента Чернышева, говорит следующий факт: сводки из Военного министерства Франции о численности и передвижениях армии через каждые 15 дней готовились в единственном экземпляре специально для Наполеона, их же получал через информаторов и Чернышев!

В своих донесениях он настойчиво писал Александру I о необходимости самого деятельного приготовления России к предстоящей и неизбежной войне. В августе 1811 г. французские войска угрожающе придвинулись к границам России. Приготовления окончились, сообщал Чернышев, и если война не начнется осенью 1811 г., то причиной тому будет только позднее время года, распутица на дорогах, холод и грязь: «война против России ныне твердо решена; Наполеон смотрит на нее теперь как на необходимое средство для достижения власти, к которой стремится; как на цель, к которой направлены все его мероприятия, т.е. к господству над Европой».

Многолетнее общение с Наполеоном позволило А.И. Чернышеву изучить его тактические приемы. Наполеон в его глазах — «мастер» стремительных войн, рассчитанных на быстрый успех и решительные действия. «Чего он может опасаться и чего он действительно опасается — это то, чтобы война не затянулась надолго». Поэтому «главное правило заключается в том, чтобы делать противное тому, чего желает противник». Чернышев в донесениях рекомендовал: «Затягивать войну, умножать препятствия, иметь всегда под рукой достаточно сильные резервные армии, готовые поддержать главную армию»; по его мнению, необходимо вынудить Наполеона отказаться от его первоначальных планов, разрушить расчеты о скорейшем завершении войны, заставить «его истощать свои силы по недостатку продовольствия и трудности получения подкреплений»².

В «Записке о средствах к предупреждению вторжения неприятеля в 1812 году» А.И. Чернышев писал, что Россия может опираться только на силу духа, на верность царю и Отечеству, и, конечно же, на свою армию, хотя она по численности и уступает французской. Поэтому особое внимание следует уделять резервам: «спасение армии, а, следовательно, и государства лежит, прежде всего, в силе резервов», а «успешность событий будет зависеть от того, кто будет находиться ближе к источнику своих средств». В связи с надвигающейся опасностью Чернышев предложил создать резервную армию численностью до 100 тыс. человек из жителей Смоленской, Тверской, Ярославской, Калужской, Орловской и Московской губерний, для сбора новых формирований открыть «точки опоры», «учебные центры» и лагеря для обучения новых войсковых соединений, а также приготовить укрепленные позиции. «Все эти лагеря образовали бы двойную цепь, которая прикрывала бы коренные области и древнюю столицу России, тогда как солдат в них посвящал бы все свое время обращению с оружием и, кроме того, дисциплина успела бы также пустить там глубокие корни».

Чернышев предлагал также ввести в действие легкие конные войска, партизанские отряды, которые смогли бы отвлечь и «вынудить неприятеля к выделению особых отрядов, что ослабит его на главном пункте и, несомненно, подорвет его силы»³.

Все донесения разведчиков и, в частности, записки А.И. Чернышева собирались и брошюровались в книги. На их основе перед войной была составлена дислокационная карта французских войск, а идеи по ведению войны были обобщены и представлены в Военное министерство. Эти идеи были частично реализованы в ходе Отечественной войны 1812 года.

Уже накануне войны Александр I поручил Чернышеву провести в Стокгольме строго конфиденциальные дипломатические переговоры со шведским регентом кронпринцем Карлом Юханом (Бернадотом). Необходимо было склонить будущего короля Швеции к нейтралитету в грядущей войне. Миссия носила чрезвычайно деликатный характер.

В начале декабря с большим риском для жизни (попав в страшную бурю в районе Аландских островов и добравшись к шведскому берегу по тонкому льду) А.И. Чернышев прибыл в Стокгольм. В ходе пятидневного пребывания в шведской столице он трижды встречался с Бернадотом для продолжительных бесед. Результаты были превосходными: принц просил передать Александру I, что Швеция ни при каких обстоятельствах не выступит против России. Таким образом, Чернышев во многом способствовал процессу полной нормализации и упрочения двусторонних российско-шведских отношений, которые в годы Отечественной войны принесли России «неисчислимыя выгоды». Давая оценку деятельности своего посланника, Александр I назвал его «самым смелым офицером, какие только известны в военной истории»⁴.

С началом военных действий Чернышев находился в ставке русского императора. Доверие Александра I накладывало на него помимо прочих адъютантских обязанностей и особые поручения: перевод захваченных у французов документов, составление их перечня, собственноручное переписывание высочайших приказов, написание проектов некоторых предписаний. Все это приходилось исполнять в полевых условиях, в ночные часы, во время редких остановок. Письма, которые доставлял Чернышев «по особенной высочайшей к нему доверенности»⁵, он привозил без письменного предписания, уже им прочитанные, с устными комментариями, дополнениями и наставлениями, данными ему императором.

В конце лета 1812 г. Александр I направил своего флигель-адъютанта к М.И. Кутузову для передачи ему рескрипта с приложением плана действий против французских войск: «Все сие отправляю я к вам с флигель-адъютантом моим полковником Чернышевым, коему по известной мне его скромности в испытанных уже прежде сего поручениях прочтен мною проект сего плана, дабы он мог по требованию вашему дать вам все нужные объяснения»⁶.

В сентябре 1812 г. А.И. Чернышев возглавил легкий конный казачий отряд, успешно действовавший в герцогстве Варшавском в тылу наполеоновской армии. Во время одного из рейдов были не только захвачены пленные, истреблены неприятельские магазины, военные запасы, уничтожены мосты, но и освобождены захваченные в плен офицеры русской армии, в том числе генерал Ф.Ф. Винцингероде. В ноябре 1812 г. Чернышев был произведен в генерал-майоры. 31 декабря его отряд разгромил под Мариенвердером войска генерала Э. Богарне, за что Чернышев был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

Преследование отступающих французов во время Заграничных походов русской армии 1813—1814 г. снискало Чернышеву славу храброго и опытного командира. Военные дороги Чернышева и его отряда пролегли по землям Польши, Пруссии, Австрии и Франции.

Борьба за Берлин в начале 1813 г. была важна для обеих сторон. Французская армия, находившаяся в городе, серьезно препятствовала заключению соглашения между Россией и Пруссией. Действуя решительно и совершая неожиданные маневры, казаки Чернышева первыми вошли в Берлин. За взятие города Чернышев был награжден орденом Св. Анны 1-й степени, а в Пруссии была выпущена серебряная медаль «За освобождение Берлина от французов» с изображением скачущего на коне Александра Чернышева. В память сражения в августе 1813 г. была отчеканена другая памятная медаль с именем Чернышева — «На сражение около Любница и Белцига».

Отличился Чернышев и при взятии Люнебурга, Касселя и Суассона. В 1814 г. он сопровождал императора Александра I на Венский конгресс. В кампанию 1815 г. командовал передовым отрядом и занял г. Шалон.

В период Заграничных походов русской армии имя А.И. Чернышева не сходило со страниц военных сводок, многочисленные ордена следовали один за другим: шведский Военный Меча 1-го класса, австрийский Военный Марии Терезии 3-й степени, прусский Красного Орла 1-й степени, французский Св. Людовика 2-й степени, баварский Военный Максимилиана Иосифа 2-й степени, нидерландский Военный Вильгельма 2-й степени и другие.

Заслуги Чернышева в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах отмечены и в главном памятнике тех событий — Храме Христа Спасителя в Москве. На памятных досках храма имя Чернышева упоминается 14 раз. Его портрет представлен и в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

Яркий успех, военная удача, карьерный рост во все времена редко остаются без завистливых комментариев. Таких примеров в истории немало. Не обошли они и Александра Чернышева. В письме к сестре Екатерине Ивановне Мещерской (1782—1851) в июне 1812 г. он писал: «Император знает обо всем прекрасно, но многие интриганы доставляют мне неприятности, ... да, наш двор — это весьма скользкий паркет, когда же свистят пули, все по-другому»⁷. В другом письме сестре (от 5 (17) июля 1813 г.) Чернышев отмечал: «Надо признать, что я был весьма удачлив на войне, все мои предприятия непременно имели успех, конечно, я прилагал к этому дьявольские усилия, не давая отдыха ни себе, ни своим подчиненным. Но что доставляет мне самое большое удовольствие, так это привязанность и доверие моего полка; надо увидеть это, чтобы оценить. Но есть и огорчения, мешающие мне быть вполне счастливым — это завистники всех мастей. Следуя, однако, своим принципам, я стремлюсь ответить завистникам тем, что стараюсь выполнять свое дело еще лучше»⁸.

После войны Александра Ивановича Чернышева ждало еще множество дел и свершений. Последнее упокоение он нашел в семейной усыпальнице в храме святых апостолов Петра и Павла в Лыткарино. На мраморном саркофаге А.И. Чернышева была сделана надпись: «Здесь погребен светлейший князь Александр Иванович Чернышев, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, председатель Государственного совета и Комитета министров, всех Российских и разных иностранных орденов кавалер, родился в Москве 31 декабря 1785 года, скончался в Каstellамаре близ Неаполя 8 июня 1857 года». Еще одна памятная надпись находилась на стене в церкви перед

левым клиросом: «Светлейший князь Александр Иванович Чернышев, служивший верою, правдою и честью Отечеству в три царствования императоров Александра I, Николая I и Александра II, бывший четверть столетия военным министром и кончивший службу России Председателем Государственного совета и Комитета министров. Целью всей его жизни были польза и слава России»⁹.

В сентябре 2012 г. на территории усадьбы Чернышевых в Лыткарино был установлен памятник А.И. Чернышеву: от благодарных потомков — герою Отечественной войны 1812 года.

Примечания

- ¹ *Шильдер Н.К.* Светлейший князь А.И. Чернышев. Биографический очерк // Военный сборник. 1902. № 1.
- ² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. 7. СПб., 1900. С. 110.
- ³ Записка флигель-адъютанта Чернышева о средствах к предупреждению неприятеля в 1812 году // Военный сборник. 1902. № 1. С. 183—192.
- ⁴ *Михнов В.А.* Реформирование высших органов военного управления Русской армии и краткий обзор их деятельности перед Отечественной войной 1812 года // Военно-исторический альманах. 2007. № 1.
- ⁵ Письмо М.И. Кутузова П.В. Чичагову от 10 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 270.
- ⁶ Там же. С. 269.
- ⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 121. СПб., 1906.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Русский провинциальный некрополь. Собрание великого князя Н.М. Романова. Т. 1. М., 1914.

Итальянский участник Русской кампании Наполеона: Воспоминания Филиппо Пизани

Филиппо Пизани родился в Ферраре 11 февраля 1788 г.¹ и умер в Сан Мартино (округ Феррары) 13 июля 1883 г. Таким образом, может показаться, что его жизнь протекала в границах города, относящегося к семейству д'Эсте (Феррара). Однако эта жизнь в ее решающий период проходит очень далеко и от самого города, и от границ Италии — в центре одного из самых кровавых конфликтов первой половины XIX в., который оказал решающее влияние на судьбы целого континента.

Землемер Пизани родился в старинной знатной венецианской семье и действительно — в качестве добровольца — принял участие в Русской кампании 1812 года. В звании лейтенанта артиллерии он был включен в IV-й итальянский корпус, которым командовал принц Евгений, вице-король Италии, сын Жозефины Богарне — императрицы Франции, жены Наполеона, с которой тот впоследствии развелся. В Русской кампании принимали участие и итальянские контингенты, включенные во французские полки под командованием французских офицеров, т.е. в те соединения, которые были сформированы в регионах, присоединенных к Франции (Пьемонт, Лигурия, бывшие Папские владения). Другая часть — выходцы из Тосканы и Лации — были включены в 113-й линейный полк. И, наконец, жители Неаполитанского королевства, посланные Мюратом, прибыли, чтобы составить дивизию, первоначальная численность которой должна была равняться 10 000 человек. Впоследствии в связи с внутренними потребностями она была сокращена до 8 500 человек. Ее возглавил француз д'Эстре. К этому армейскому корпусу были присоединены также французские и баварские части. В результате, его общая численность достигла в целом 52 тыс. человек, из них итальянцы составляли более 27 тыс. человек. IV-й армейский корпус выполнял задания по прикрытию Великой армии, как в разведке, так и на флангах, непосредственно вступая только в крупные сражения. Тем не менее, он все же участвовал в военных действиях как в ходе наступления (Островно, Витебск, Смоленск, Бородино), так и во время отступления (Малоярославец, Вязьма, Красное).

Пизани составил свои воспоминания о военной кампании, в которой он участвовал, во время плена. Однако, как черновики, так и второй набросок рукописи, были утрачены². Много лет спустя он восстановил их по памяти, опираясь на заметки, которые ему удалось сохранить. В предисловии к изданию, подготовленному в 1844 г. для типографии Таддеи, Пизани писал: «Я наводил справки по самым точным географическим картам... Проверив различные сведения... авторов, написавших о кампании в России, я отобрал лишь те события, в которых был действующим лицом и наблюдателем, а не те, о которых я бы хотел сказать, чрезмерно доверяя при этом сообщениям, согласующимся между собой»³. Рассказ Пизани можно разделить на две части. В первой описывается наступление итальянской «Армии» на Россию — от Одера к Неману, а затем «отдельный (от главных сил Великой армии. — С.Б.) марш от Немана к Москве»,

---

пребывание в столице и ее пожар; во второй — отступление из Москвы со сражениями под Малоярославцем и Вязьмой. Повествование завершается рассказом о пленении главного героя, его высылке в азиатскую часть России и возвращении на родину⁴.

С моей точки зрения, воспоминания Пизани в значительной степени интересны тем, что они являются личным свидетельством о явлениях мирового значения, которые оказали решающее влияние на ход исторических событий того времени. Но прежде всего, они интересны совпадением мнений итальянского лейтенанта и русского полковника П.А. Чуйкевича (1783—1831), сочинения которого он использовал. Последний фактически возглавлял царскую контрразведку и рассказал о своем опыте в сочинении «Рассуждения о войне 1812 года», опубликованном в Санкт-Петербурге в 1813 г.⁵ Поскольку итальянская «Армия» преимущественно выполняла вспомогательную роль и не участвовала в решении важных военных вопросов, воспоминания о кампании Наполеона фактически носят описательный характер и представляют увиденное — как это было — итальянским офицером, действовавшим на периферии главных военных событий. Но они приобретают иное значение благодаря тем рассуждениям, которые сопровождают все изложение. Если принять во внимание происхождение и положение Пизани, он не мог должным образом ответить на вопрос о причинах вооруженного нападения Наполеона на Россию. Однако он обладал достаточной трезвостью ума, чтобы утверждать: «Предпринятая мною кампания была не чем иным, как долгим гибельным путешествием по безлюдным и опустошенным землям»⁶.

День отъезда Пизани из Смоленска завершило сражение под «Москвой или Бородино» (7 сентября 1812 г.) с отступлением русских, которые оставили на поле боя около 50 тыс. человек, и гибелью более 30 тыс. французов. Оно было характерным для стратегии Александра I, которую точно описал подполковник Карл фон Клаузевиц, поступивший в русскую армию в связи с его неприятием договора Пруссии с Наполеоном и ставший впоследствии знаменитым военным теоретиком XIX в.: «Когда армия все время отступает и постоянно возвращается на верные рубежи, для преследователя очень трудно окружить ее или вынудить отклониться от пути следования»⁷. Действительно, *отступление*, в военном отношении, не является чем-то совсем простым, поскольку настоятельно требует соблюдения порядка и дисциплины. Генерал, принц Евгений Вюртенбургский утверждал: «Наше отступление было одним из лучших примеров порядка и военной дисциплины. Мы не были рассеяны врагом, не оставляли ему склады или обоз: войска не были утомлены форсированными маршами, арьергарды, превосходным образом руководимые (Коновницыным), вступали лишь в небольшие сражения и, как правило, одерживали победу»⁸.

Впрочем, сам Наполеон ясно изложил основные принципы собственной, отчасти вынужденной, стратегии. После мира в Амьене (1802 г.) он заявил, что «такому правительству, как наше, для консолидации необходимо вводить в заблуждение и изумлять людей. Нужно, чтобы присутствовало первое, иначе оно погибнет»⁹. Безусловно, «наполеоновские войны 1800—1815 гг. являлись не только европейским, но и мировым конфликтом». Особенно, если принять во внимание также и то, что хотя почти все они разворачивались в Европе, их контекст был связан со столетней борьбой между Францией и Англией за «мировое господство». Именно «в период революции и Наполеона Великобритания укрепила свою мировую, самую могущественную с точки зрения территории и торговли, империю. В некотором смысле, попытка Наполеона основать европейскую империю была лишь последним, героическим усили-

---

ем, чтобы уравновесить британский империализм и избежать поражения Франции в ее столетнем конфликте с Великобританией»¹⁰.

Но вернемся к нашему Пизани. Он описывает «отдельный марш от Немана к Москве вслед за главной армией». Медлительность продвижения он связывает как с необходимостью заботы о продовольственном снабжении армии, так и с тем, что «польские лошади не были приучены к упряжи тяжелых повозок и поэтому настолько уставали, что было сумасшествием править ими»¹¹. После прибытия Армии в Смоленск, он описывает последствия взятия города 16—18 августа: «Наши потери исчисляются в 6 000 раненых и 1 200 убитых». В то же время, «русские оставили на поле боя 6 000 раненых и 4 000 убитых. В их числе — два генерала: Скалон и Балла». 8 сентября Пизани вновь отправляется в поход на Москву, «медленно продвигаясь вперед, ... поскольку много времени уходило на то, чтобы, уклонившись с дороги, отыскать припасы для лошадей... Наша задача заключалась исключительно в том, чтобы на небольшом расстоянии следовать за Армией, не приближаясь к ней, с артиллерийским обозом большого калибра, который был очень необходим и был хорошо сохранен благодаря усилиям и тяжелому труду, средствами, добытыми единственно в результате нашей изобретательности»¹². Наконец, 28 сентября Пизани прибыл в Москву, видом которой он мог восхищаться с Поклонной горы. Но очень скоро новость об отступлении «русской армии под командованием Кутузова, после того, как в ночь с 13 на 14 сентября он, пройдя Москву, отошел по дороге на Коломну и остановился у деревни Панки, на расстоянии пяти лиг (около 25 км. — *Ред.*) к востоку», сделала пребывание войск, которые должны были расквартироваться в городе, сомнительным либо, согласно другим приказам Императора, им следовало предпринять возвращение в Польшу, на временные позиции, «до неожиданного наступления суровой зимы»¹³. Наполеон, будучи уверен, что «русская армия отступила в лагерь под Тарутино, написал для нее воззвание с целью отдалить казаков и обеспечить, таким образом, наиболее легкую возможность заготовки всего необходимого для пропитания лошадей и содержания армии». В то же время Пизани пишет также о своем состоянии: «У меня были причины печалиться, и жалкий вид столь красивого безлюдного и полуразрушенного города питал мою грусть»¹⁴. Но, прежде всего, он приводит непосредственное свидетельство французского священника церкви Святого Людовика в Москве — аббата Сюрюга, который в письме отцу-иезуиту Бувэ описывает этапы городского пожара. «2-го сентября (14-го по нашему календарю), в 6 утра московский генерал-губернатор граф Ростопчин созвал полицию города и всех подчиненных в своем доме, находившемся в Любчинке (Lubcinka) (имеется в виду Лубянка, улица третьего квартала района Китай-города. — *С.Б.*), и сообщил им о том, что получил приказ оставить город. Действительно, он покинул его в сопровождении полицейских драгунов и направился по Владимирской дороге. Около десяти утра Москва полностью обезлюдела... После полудня звук труб возвестил, что авангард французской армии входит в столицу... Но в тот же день, около одиннадцати вечера, все более усиливающийся пожар охватил лавки, расположенные рядом с Биржей... Во вторник 3-го сентября (15-го по нашему календарю) поднялся очень сильный северный ветер, который распространил огонь, и все лавки запылали»¹⁵. Между тем, Мюрат выдержал схватку с русскими под командованием генерала Милорадовича в деревне Винково. Потери французов составили «2 тысячи убитых, среди них — генералы Дери, Лерес (Leres) и Фишер, 1 500 человек были взяты в плен; в то же время, русские опла-

---

кивали потерю тысячи человек, среди которых были генералы Багговут и Мюллер» (Генерала Лереса в списках французской армии не было, как и генерала Мюллера — в русской; сведений о других генералах, кроме Дери, Фишера и Багговута, убитых в Тарутинском сражении (при Виньково), не имеется. — *Ред.*) По свидетельству аббата Сюрюга, «в четверг 10 (22) октября был объявлен общий отход... В одиннадцать вечера Кремль и город были полностью оставлены»¹⁶.

В недавно вышедшей монографии о кампании Наполеона Доминик Ливен (его дед, генерал Христофор фон Ливен был русским послом в Лондоне) пишет, что «в тот же день, когда Наполеон вошел в Москву — 15 сентября, — во многих точках столицы, которая пылала в течение шести дней, вспыхивали различные пожары: три четверти зданий были разрушены. В целом, в течение лета и осени в городе и в московской округе в пламени погибли личные владения стоимостью в 270 миллионов рублей — астрономическая цифра для той эпохи». По поводу ответственности за пожар Ливен отмечает: «Достоверно известно, что ни Александр, ни Наполеон не отдавали приказ о поджоге города, но накануне падения Москвы Ростопчин сказал, что французы не захватят ничего, кроме пепелища, и вывез из Москвы 2 000 пожарных и все их снаряжение». Он заключает, что «даже если грабежи и небрежность французов, возможно, способствовали разрушению города, без сомнения, главными виновниками случившегося были русские»¹⁷.

Затем Пизани описывает отступление из Москвы и сражения, которые сопровождали этот переход. «Из Москвы в Калугу, — пишет он, — ведут три главные дороги: левая — на Серпухов и Тарусу; центральная — на Вороново и Тарутино; правая — на Карпово, Фоминск, Боровск и Малоярославец. Наполеон мог бы предпочесть эту последнюю как наиболее короткую. Но, чтобы обмануть врага и собрать разбитый корпус Мюрата, в начале марша он направился по центральной... IV-й корпус под командованием вице-короля Италии направился по Старо-Калужской дороге. За ним следовал Даву с I-м корпусом Императорской гвардии и Ней с III-м корпусом арьергарда»¹⁸. Известие о том, что 24 октября русские атаковали Малоярославец, побудило Наполеона к тому, чтобы сосредоточить силы там и расквитаться с Кутузовым. Действительно город «три раза переходил из рук в руки. Однако в связи с неравенством сил наши начали отступать до встречи со второй бригадой Брусье, отправленной на помощь первой». В 10 часов утра 25 октября «на поле боя прибыл Наполеон в сопровождении мамелюков» и объявил принцу Евгению, что «слава замечательного дня 24 октября полностью принадлежит вам и вашим отважным итальянцам, которые предрешили исход столь блестящей победы»¹⁹.

После сражения под Малоярославцем там имела место первая реальная попытка со стороны русских рассечь и обезглавить французскую армию. I-й армейский корпус Даву находился в арьергарде, и ему постоянно досаждали нападения *партизан* (в значении, отличном от современного, поскольку речь идет о легко вооруженных отрядах под командованием офицеров регулярной армии). В то же время, Ней с III-м корпусом должен был заменить I-й корпус в арьергарде. 2 ноября вице-король Евгений находился на расстоянии трех лиг от Вязьмы, где Милорадович соединился с двадцатью полками казаков, которых привел Матвей Платов. Ней занял позицию на возвышенностях, прикрывая дорогу на Вязьму. Утром 3 ноября «чрезвычайно сильный пушечный и ружейный огонь начался на нашем левом фланге... Это был весь авангард Милорадовича, который, прежде чем напасть на нас, выжидал момент,

---

когда бóльшая часть IV-го корпуса пройдет, чтобы достигнуть Вязьмы, а I-й корпус проходил перед ним и подставлял фланг под его удары»²⁰.

Большей части корпуса Даву удалось оторваться, но в конце дня русские штурмом взяли Вязьму и, изгнав врага с поля боя, таким образом, стали рассматривать себя в качестве победителей, даже несмотря на то, что французская армия при отступлении продемонстрировала серьезную способность к сопротивлению. Если Евгений Вюртенбергский утверждал, что после Вязьмы решительное наступление русской армии могло бы полностью разрушить армию Наполеона, то Кутузов через три дня после сражения предпочел заявить, что скорее «Генерал Мороз» может решить судьбу захватчика²¹. В ночь с 16 на 17 ноября IV-й корпус достиг Красного, но «позиция, которую занял Милорадович на дороге Смоленск — Красное, отделяла от Императора два корпуса — Даву (в мемуарах Пизани ошибочно указано Ату (Atout). — С.Б.) и Нея. Кроме того, отступление от Красного было опасным — русские, занявшие позиции, могли воспользоваться сомнительным маневром для сражения с генералом Роже. Наполеон принял решение и в самом конце дня 17-го выдвинулся в авангард своей Гвардии против Милорадовича, оставив итальянскую армию, дивизию Клапареда, часть воинских сил и остатки артиллерии Гвардии для обороны Красного. Смелый маневр Наполеона произвел эффект. Милорадович покинул свои позиции и, приблизившись к центру русской армии, дал возможность для прохода корпуса маршала Даву»²². Но русские войска князя Голицына начали наступление и вынудили Наполеона остановить участие в сражении Молодой Гвардии. Он отдал приказ об отступлении в надежде, что «храбрый Ней нашел какой-то выход, чтобы спастись и что ему удалось сделать это». Здесь Пизани приводит некоторые личные наблюдения, которые являются примечательными для поведения итальянца и характера его участия в военных действиях: «Теперь каждый думал только о самом себе, забывая о связях на военной службе, о подчинении, уважении, о дружбе, благодарности и гуманности. Многие солдаты, все еще способные носить оружие, объединялись в отряды и рассеивались, чтобы грабить не только деревни, расположенные на некотором расстоянии, ... но также своих собственных ослабевших товарищей. У них отнимали остатки черствого хлеба или раздевали полуживых, чтобы лучше защитить себя от холода их одеждой». «18 ноября, — продолжает Пизани, — завершался месяц после ухода из Москвы. Более чем сотысячная армия насчитывала не более тридцати тысяч, — обессилевших от голода и тяжелого труда, окоченевших от холода и полу-обмороженных, треть из которых с трудом могла держать оружие»²³. После Красного основная русская армия прекратила активное участие в сражениях, завершавших кампанию 1812 г. Это вызывало большое удовлетворение ее командующего, фельдмаршала Кутузова, который не считал необходимым участие его войск в кровавом преследовании французов при их отступлении. Наконец, 27 ноября Наполеону удалось переправиться через Березину, недалеко от деревни Студянка, избежав столкновения с Алексеем Ермоловым и его «летучей колонной», сформированной из двух пехотных полков кирасиров, трех пехотных полков, отдельных казаков и двух полков легкой гвардейской пехоты. Однако столкновение произошло на восточном берегу реки, где Армейский корпус Витгенштейна напал на французский арьергард под командованием маршала Виктора. Результат был описан после окончания сражения Ермоловым: «На мостах, частями обрушившихся, бывшие пушки, разные тяжести упали в реку; толпы людей, сходявших на лед, между которыми немалое количество было женщин с детьми и грудными ребятами. Никто не избег лютости мороза! Никог-

---

да не случится видеть столько ужасного зрелища! ... Река покрыта была льдом, прозрачным как стекло: под ним видно было во всю ширину реки множество погибших»²⁴.

Во время сражения на Березине и переправы через нее Наполеон потерял более 30 тыс. человек, почти всю артиллерию и обоз. Однако последние корпуса его армии под командованием маршалов Виктора и Удино еще оказывали сопротивление, и, благодаря неукротимому мужеству его людей, ему все же удалось избежать сражения и бежать. Напротив, военная история нашего Пизани закончилась, когда больной, необутый, оставленный в деревне недалеко от Яблонки, он был взят в плен казаками Платова. Это произошло 25 ноября 1812 г.²⁵ После Березины война пошла на убыль, и 5 декабря Наполеон, оставив войска под командованием Мюрата, вернулся в Париж. Он прибыл туда 18 декабря. А 11 декабря Вильно перешло в руки русских, и казаки Матвея Платова захватили Ковно, в то время как неукротимый Ней с арьергардом переправился через Неман. Таким образом, кампания 1812 г. завершилась²⁶.

После двух месяцев пребывания в госпитале Минска Пизани вместе с другими пленными был отправлен вглубь России: из Курска в Орел, а затем в Тамбов и Симбирск, откуда 6 (18) июня 1814 г., после войны, началось медленное возвращение на родину: Пенза, вновь Тамбов, Орел, Курск, Киев, Волынь до Радзивилова на границе Галиции под конвоем русских, после «путешествия длиной около двухсот верст, продолжавшегося более 107 дней, включая ночлег и постоянные переходы. Чтобы покинуть Россию, потребовалось четыре с половиной месяца и оставалось пройти еще сорок две версты»²⁷. Через Галицию, Белоруссию, Венгрию, Хорватию, Штирию и Крайну 25 января 1815 г. Пизани, наконец, достиг Гориции, а затем Венеции и Милана, чтобы подтвердить там свое звание офицера. Наконец, «15 марта он смог, в конце концов, вновь обнять в Ферраре свою семью, которая оплакала его как пропавшего без вести»²⁸.

В конце своих воспоминаний Пизани, как я отметил выше, вновь использует, представляя их как собственные, «Рассуждения о войне 1812 г.» П.А. Чуйкевича²⁹. Прежде всего, Пизани излагает мнение Чуйкевича о причинах, которые побудили Наполеона к вторжению в Россию, в основном, соглашаясь с ним. Далее он анализирует условия, в которых развивалась кампания против России: «Армия Наполеона была такой, что где бы то ни было она обещала победу. Она бы достигла ее также и над русскими, если бы там было больше понимания между теми, кто командовал ею, если бы постоянно заботились о средствах к существованию, и если бы она управлялась более бережно (здесь и далее в цитатах курсив мой. — С.Б.)»³⁰. И, наоборот, позиция русских, согласно Чуйкевичу, была хорошо обоснована стратегически (даже если, как известно, например, имели место далеко не второстепенные разногласия между царем и Кутузовым). «Если бы русские захотели с самого начала принять тактику *наступления*, они бы потеряли важные преимущества из-за удаления от центра их резервов, и были бы вынуждены рассеять свои силы, чтобы занять и защитить все пункты захваченной страны. Напротив, тактика *отступления* по мере отхода концентрировала их силы, предоставляла им возможность находить новые решения для следующего шага, и незаметно вынуждала врага продвигаться в сердце страны, в которой невозможно было обеспечить себя. Поэтому оттуда нельзя было уйти без огромных трудностей, особенно в условиях приближения сурового времени года, которое должно было стать роковым»³¹. И далее: «Если план Наполеона заключался в том, чтобы овладеть столицей даже ценой принесения в жертву половины своей Армии, он не должен был двигаться на Москву; скорее — на Петербург. В этом случае Русские, прежде чем оставить ему все это владение, пришли

бы к соглашению; либо они не принесли бы этот город в жертву пламени, чтобы превратить руины в его могилу». И наконец: «Таким образом, более чем 500 000 отборная армия, состоявшая из солдат союзных государств и сулившая такие радужные надежды, была уничтожена в течение одного года. В ходе кампании потери составили около ста тысяч человек: пленные и погибшие в сражениях, зверски убитые во время поисков фуража и в схватках, умершие на дорогах из-за недостатка госпиталей и помощи больные и раненые. Остальная часть погибла и была утрачена во время рокового отступления из-за ежедневных сражений, голода, нужды, холода и всех остальных бедствий, которые, соединяясь, вели к полному уничтожению»³².

Приведенные примеры из воспоминаний Филиппо Пизани можно, прежде всего, оценивать, как подлинные личные свидетельства о событиях, в которых он участвовал, где впечатления или искажения событий, несомненно, имеющие место, отступают перед общим конкретным пониманием фактов и их блестящей оценкой.

Конечно, вне рамок рассказа остаются другие оценки Пизани. Прежде всего, тот факт, что война не закончилась отступлением Наполеона и его армии. В своем изложении он последовал и дальше — до вступления русских войск и их союзников в Париж 31 марта 1814 г. и указания на то, что это событие стало завершением наполеоновской эпопеи, а затем — и до «вспышки», которая привела к его окончательному поражению при Ватерлоо.

Однако воспоминания Пизани, пусть даже и в пределах личных наглядных примеров, которые обусловлены его ролью в военной кампании, являются не просто неким *свидетельством*. Они совпадают с интерпретацией событий, предложенной русским полковником Чуйкевичем. Именно поэтому свидетельства Пизани рассматриваются как *оригинальная* версия Русской кампании Наполеона.

«Народная интерпретация войны или интерпретация Толстого лучше всего соответствует, — пишет Ливен, — иностранным хроникам, которые минимизируют роль армии и русского правительства в победе над Наполеоном. Что касается самого Наполеона, он склонялся к тому, чтобы *обвинять во всем географию, климат и судьбу*. Это освобождало его от ответственности за катастрофу». Кроме того, — продолжает Ливен, — «многие историки испытывают радость, когда представляют, как собственные, те выводы, которые внутренне присущи Толстому. А именно — что русские командиры не очень хорошо владели ситуацией и что русская “стратегия” представляла собой сочетание импровизации и случайности». И, наконец, «недостаток интереса со стороны русских к 1813—1814 гг. оставил место для историков других стран, которые с большой радостью рассказывают об этих годах, преуменьшая роль России»³³.

Однако достаточно примечательным является то, что один из видных советских историков, занимавшийся изучением войны 1812 г., Е.В. Тарле без особых колебаний следующим образом определял войну русских против Наполеона: «Русская *народная война*... была совсем не похожа на испанскую. Она велась больше всего русскими крестьянами уже в армейских и ополченских мундирах, но от этого не становилась менее народной. Одним из проявлений народной войны было партизанское движение»³⁴. Тарле приводит мнение князя Волконского, с которым он согласен: «Описывая партизанские действия моего отряда, я не буду морочить читателя, как это многие партизаны делают, рассказами о многих небывалых стычках и опасностях; и по крайней мере, добросовестностью моей, в сравнении с преувеличенными рассказами других партизан, приобрету доверие к моим запискам». Это не противоречит идее, выраженной поэтом-партизаном Д.В. Давыдовым

и разделяемой Тарле. Тот с пафосом утверждал: «Меня нельзя упрекнуть, чтобы я уступил кому-либо во вражде к посягателю на независимость и честь моей родины»³⁵.

Стихи А.С. Пушкина из X главы «Евгения Онегина»: «Гроза двенадцатого года // Настала. Кто тут нам помог? // Остервенение народа, // Барклай, зима иль русский Бог?», с моей точки зрения, исторически корректно указывают на действительно главных героев, принимавших участие в Русской кампании. Конечно, помимо Бога и климата, это Барклай, который вместе с царем представляет руководящую группу, и это русский народ в его двойном качестве: жертвы войны, ее последствий и главного действующего лица русского возмездия, как на родине, так и за границей в деле восстановления европейского порядка, нарушенного Наполеоном и вновь восстановленного Александром I, будущим героем Венского конгресса.

Примечания

- ¹ Все даты, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по новому стилю.
- ² Ссылки на воспоминания Филиппо Пизани даются по следующим изданиям: *Zaghi C.* Filippo Pisani. Con Napoleone nella campagna di Russia. Varese-Milano, 1942; *In guerra con Napoleone. Memorie di Filippo Pisani.* Russia 1812. Chiari (Bs), Nordpress Edizioni, 2006.
- ³ *In guerra con Napoleone...* P. 23.
- ⁴ *Ibid.* P. 22; *Zaghi C.* *Op. cit.* P. 81.
- ⁵ *Тарле Е.В.* Соч. Т. 7. М., 1959. С. 686. О Петре Андреевиче Чуйкевиче см. биографическую заметку, которая предваряет публикацию его очерка «Аналитический проект военных действий в 1812 г. П.А. Чуйкевича» // *Российский архив.* Т. 7. М., 1996. С. 41—57.
- ⁶ *In guerra con Napoleone...* P. 61.
- ⁷ О сражении под Москвой или при Бородино см.: *Lieven D.* La tragedia di Napoleone in Russia. Milano, 2010. P. 182; *Clausewitz C.* The Campaign of 1812 in Russia. London, 1992. P. 175—176.
- ⁸ *Lieven D.* *Op. cit.* P. 196.
- ⁹ *Zaghi C.* *Op. cit.*
- ¹⁰ *Lieven D.* *Op. cit.* P. 19.
- ¹¹ *In guerra con Napoleone...* P. 50.
- ¹² *Ibid.* P. 61.
- ¹³ *Ibid.* P. 74—75.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 77, 79.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 80—81.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 88—90.
- ¹⁷ *Lieven D.* *Op. cit.* P. 221—222.
- ¹⁸ *In guerra con Napoleone...* P. 128.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 136.
- ²⁰ *Ibid.* P. 154.
- ²¹ *Lieven D.* *Op. cit.* P. 274.
- ²² *In guerra con Napoleone...* P. 170.
- ²³ *Ibid.* P. 171—173.
- ²⁴ *Lieven D.* *Op. cit.* P. 290—291.
- ²⁵ *In guerra con Napoleone...* P. 195.
- ²⁶ *Lieven D.* *Op. cit.* P. 292.
- ²⁷ *In guerra con Napoleone...* P. 270.
- ²⁸ *Ibid.* P. 272.
- ²⁹ *Ibid.* P. 274—279.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Ibid.* P. 275—276.
- ³² *Ibid.* P. 277—279.
- ³³ *Lieven D.* *Op. cit.* P. 13.
- ³⁴ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 687.
- ³⁵ Там же. С. 690.

Б. Соммовиго

«История Наполеона
и Великой армии в 1812 г.» Ф. де Сегюра:
историческое или литературное произведение?

«История Наполеона и Великой армии в 1812 г.», опубликованная графом Ф. де Сегюром в 1824 г., вписывается в тот издательский феномен, который однозначно свидетельствует об определенном интересе к Русской кампании Наполеона. Действительно, в 1823 г. появился «Мемориал Святой Елены». В течение того же года была опубликована «История экспедиции в Россию», сначала анонимно (М***), затем последовало второе издание, которое открыло личность ее автора — маркиза Жоржа де Шамбре, принимавшего участие в кампании 1812 г. в качестве капитана гвардейской конной артиллерии. В том же 1824 г. появилась «Военная история Русской кампании» полковника Бутурлина. Особенно интересно отметить, что авторы этих работ принимали участие в тех событиях 1812 г., которые изменили ход истории, по крайней мере, истории Европы, и в связи с этим, их тексты были задуманы как рассказ об их непосредственном опыте. Таким образом, мы можем надеяться прочитать историю, увиденную с коллективной точки зрения — исследование, знание, реконструкцию прошлого человечества в целом или с особой точки зрения, в соответствии с местом, эпохой, избранной точкой зрения; совокупность фактов, вытекающих из этого прошлого», которое с индивидуальной точки зрения могло бы стать «совокупностью событий, развитием, движением, имеющим отношение к определенной личности или определенному явлению».

Следовательно, наш первый вопрос будет заключаться в следующем: является ли свидетельская ценность этих текстов характерной для исторического момента? Или в какой степени свидетельская ценность этих текстов характеризует исторический момент? Мы попытаемся найти ответ путем анализа произведения генерала де Сегюра, которое (не будет бесполезным напомнить об этом) появилось через год после «Мемориала», когда в результате временной перспективы, с одной стороны, и особенно благодаря восстановлению «истины» Лас Казом, с другой, «черная» легенда о Наполеоне не была лишь воспоминанием.

«История Наполеона и Великой армии в 1812 г.» была впервые опубликована в 1824 г., а десять лет спустя, в 1834 г., уже было ее десятое издание. Свидетельством того, что эта работа была хорошо принята или, во всяком случае, вызвала определенный интерес, является полемика, которая возникла по инициативе генерала Гурго, опубликовавшего «Критический разбор материала г-на графа Ф.-П. де Сегюра». «Главу за главой он пересказывает большое количество высказываний де Сегюра, чтобы проанализировать их с целью защиты памяти о Наполеоне и оправдания его выбора войны с Россией... Несмотря ни на что, книга Сегюра считается одним из важнейших рассказов о кампании, автор реконструирует ее, чтобы написать второй том своих мемуаров».

Мы имеем огромный текст (532 страницы) в двух томах. Первый том открывается письмом, которое автор адресует «ветеранам Великой армии», затем следуют семь

книг. Второй том представляет книги от восьмой до двенадцатой. Тем не менее, наше исследование имеет целью коснуться небольшой части этого текста — лишь исключительно тех страниц, которые написаны от первого лица единственного числа. Мы попытаемся понять личностный фактор — степень присутствия (даже значимости) «я» в этом произведении генерала Сегюра.

Личностная составляющая («я») занимает крайне малое место в этом тексте. Но не идет ли, возможно, речь о его стратегическом месте?

Повествование от первого лица единственного числа идет трижды. Один раз — в самом начале, как отмечалось выше, поскольку труд открывается письмом, которое граф адресует *ветеранам*, его *товарищам*. И дважды — в конце второго тома: в начале двенадцатой книги (первая глава) и на всех последних страницах сочинения. Эти три «вторжения» «я» в текст всегда сопровождаются обращением к *товарищам*. В остальных случаях повествование ведется от первого лица множественного числа («мы»), что, несомненно, является свидетельством пережитого и разделенного со своими сослуживцами опыта.

Таблица № 1.

Количество употребления личных и притяжательных местоимений и обращения «товарищи» в произведении Ф. де Сегюра

	товарищи	я	мы	вы	моя/мое/мои
Том I	2	12	3	6	3
Том II					
Книга VIII — гл. IV	1		1		1
Книга XII — гл. I	2	7	4	2	1
Книга XII — гл. IX		2			
Книга XII — гл. XII	3	2	1	1	2

В письме к ветеранам автор дважды обращается непосредственно к своим товарищам: сначала просто («Мои товарищи»), затем, в средней части, чтобы воодушевить их, призвать в этом воображаемом разговоре разделить их воспоминания, он использует обращение: «Товарищи, я призываю также и ваших сторонников!» Действительно, он нуждается именно в таких «воспоминаниях». Как представляется, автор хочет соткать невидимую, но очень прочную ткань, которая будет служить опорой всего этого повествования — постоянную, хотя и неуловимую связь с теми людьми, которые вместе с ним принимали участие в наполеоновской эпопее.

Тем не менее, эти товарищи, совсем как статисты, играют немую и почти незначительную роль в этом спектакле. Они находятся в тексте повествования, среди участников событий в рамках описываемого представления — как точки опоры, готовые подтвердить описываемые картины зрелищ, свидетельствовать о достоверности рассказа, служить сопровождением главного голоса — и более ничего другого.

Наконец, место «я» является важным не только лишь с исключительно количественной точки зрения. Действительно, это «я» — непосредственный очевидец *Истории*: он не только видел это, но он также это пережил, сделал, и поэтому эта история как бы становится подлинной, истинной, неопровержимой.

«Я» служит лишь для того, чтобы отправиться для осуществления этой миссии в прошлое — «я начинаю прочерчивать историю Великой армии и ее руководителя в 1812 г.» — но эта задача быстро оказывается трудно выполнимой: «Товарищи, я признаю, мой разум, обескураженный, отказывался от того, чтобы затем полностью погрузиться в воспоминания о таких ужасах... Я достиг отправления Наполеона, и я убеждался, что наконец-то моя задача была выполнена... Я представил себя в качестве историка этой великой эпохи, ... но в настоящее время, когда мне не остается ничего больше, чем изображать ту ужасную нищету, ... вам больно читать об этом, я напрягаю усилия памяти, которая не должна больше ворошить прошлое, и не считать лишь бедствия катастрофы, и которая не может написать ничего, кроме как эпиграфии на могилах».

В отличие от «мы» «Мемориала», который подчеркивает договор о солидарности между Наполеоном и его солдатами и который опирается на национальное чувство, «мы» «Истории» Сегюра сформировано несчастными людьми, которые страдали. Вот почему это «я», которое само себя представило, как историк, и предприняло эту программу воспоминаний исторического характера с целью сохранить их и увековечить, все еще беря в свидетели своих товарищей, кажется, меняется, встретившись с ужасом некоторых воспоминаний. Перед лицом этого чувства горечи, смешанного с упадком духа, испытанным вследствие разочарования, даже если в этой «большой истории... все... принадлежит известности, это большой стон, как его крики победы». Тем не менее, в качестве *современного историка* автор должен «не только рассказать о фактах, но также и о впечатлении, которое они произвели, о впечатлении, которое они оставили в сознании главных руководителей обеих армий и их составных частей, являвшихся или актерами, или жертвами».

Итак, это слово — *впечатление* — уводит нас в область субъективного. Действительно, согласно «Словарию французского языка», речь идет о «духовном, интеллектуальном, художественном влиянии». Необходимо вновь повторить поставленный в начале вопрос: какова свидетельская ценность того текста, в котором совершенно очевидно присутствуют черты субъективности? Текста, который претендует на то, чтобы быть свидетельством, сообщает пережитый (и следовательно — настоящий, подлинный) опыт и пытается увенчать все, разделив этот опыт с читателями.

По мнению Стендаля, внимательного и неутомимого историка, интерес де Сегюра к событиям и последствиям Революции идет рядом с его личным пристрастием к наполеоновской эпопее. Именно в качестве очевидца (он не упускает никакого благоприятного случая, чтобы напомнить об этом) он говорит о сочинениях, излагающих эту тему, как «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.» генерала де Сегюра. Он интересуется историей, ... потому что осознает — он жил на страницах истории.

Если свидетельская ценность «тесно связана с рассказом о себе, поскольку это привлекает наше внимание, так как выражает некую точку зрения и страдание конкретного человека, то именно в ее субъективном измерении память представляет точку зрения участника». Таким образом, эта ценность гарантируется вовсе не отказом от любой субъективности.

Поскольку от «субъективности мы ожидаем чего-то более важного, чем точный субъективизм историка; мы ожидаем, чтобы история была бы историей людей и чтобы эта история людей помогала читателю, обучала историков выстраивать субъективизм высокого уровня — не только себя самого, но и человека в целом».

Е. М. Юхименко

Московские старообрядцы в 1812 году: мифы и факты

Старообрядчество на протяжении своей 350-летней истории не раз становилось предметом полемически заостренных мифологических построений. Одна из таких легенд, бытующая и поныне, утверждает, что старообрядцы приветствовали Наполеона, а федосеевцы Преображенского кладбища поднесли ему хлеб-соль. Эта поздняя по своему происхождению легенда была включена в записку под названием «Предания о московских беспоповцах», составленную в 1844 г., скорее всего, чиновником особых поручений при министре внутренних дел И.П. Липранди, и впервые опубликована В.И. Кельсиевым в 1860 г. в «Сборнике правительственных сведений о раскольниках»¹. Примечательно, что в подтверждение предания о том, что федосеевцы Преображенского кладбища якобы направили Наполеону «глубокую тарелку золотой монеты и огромной величины быка», а Наполеон «в сопровождении Неаполитанского короля и своей свиты» посетил Преображенское кладбище, ни в публикации 1860 г., ни в последующих переказах не приводится ни одного документа². Зрительным воплощением этой легенды стала юбилейная открытка художника И.М. Львова, выпущенная издателем И.Е. Селиным в 1912 г. — «Депутация старообрядцев Преображенского кладбища к Наполеону». Оставив пока в стороне сам фантазийный сюжет, обратим внимание на такую несообразность: за воротами во главе процессии изображен архимандрит в новообрядческом высоком клобуке; у беспоповцев Преображенского кладбища никогда не было архимандрита, но во второй половине XIX в. хорошо был известен архимандрит Павел Прусский, настоятель Никольского единоверческого монастыря (в 1868—1895 гг.), под который власти отдали мужскую половину Преображенской обители. Еще один, совсем уже фантастический сюжет, представлен на тарелке, выполненной на императорском фарфоровом заводе во второй половине XIX в.: «Наполеон в гостях у купца Гучкова». Это изображение выше всякой критики: здесь нет ни одного персонажа, даже отдаленно напоминающего старообрядца. Таков «корпус источников», «свидетельствующих» об «измене старообрядцев».

Самое удивительное, что этот миф был убедительно дезавуирован уже сто лет назад в статьях журнала «Церковь», выпускавшегося старообрядцами Белокрыницкого согласия³. Однако современной историографии эти статьи, к сожалению, совершенно неизвестны. Недавно обнаруженные источники позволяют воссоздать объективную картину событий.

Считается, что в общественном сознании было широко распространено представление о Наполеоне как антихристе, и определенное влияние на это оказало объявление Святейшего Синода, которое по именному указу от 6 декабря 1806 г. провозглашалось в храмах официальной Церкви каждый воскресный и праздничный день после литургии. В этом документе Наполеон обвинялся в отступлении от христианской веры, идолопоклонстве, приверженности к исламу, в том, что, уравнив всех

граждан в правах, открыл дорогу заговору мирового еврейства против христианства. При этом в синодальном воззвании определение Наполеона как антихриста отсутствует, такое уподобление проводили современники в одах и мемуарах⁴.

В отличие от официальной Церкви старообрядцы прямо именовали Наполеона антихристом. (Замечу, кстати, что объявление Синода звучало в храмах только полгода: после заключения Тильзитского мира 25 июня 1807 г. высочайшим указом оно было отменено.) Эсхатологические ожидания всегда были сильны в старообрядчестве, особенно в беспоповстве; существовали две теории: чувственного антихриста (под которым понималось конкретное историческое лицо) и духовного антихриста (когда как свидетельство наступления царства антихриста рассматривалась совокупность признаков отступления от истинной веры)⁵.

В начале XIX в. эти традиционные воззрения заметно обострились, появилось несколько новых, актуализированных сочинений. Федосеевский наставник Яков Васильевич Холин (ум. 1820), под влиянием идей протестантского писателя-мистика Иоганна Генриха Юнга-Штилинга (1740—1817), доказывал, что в имени «Наполеон» (в форме «Наполеонтий») содержится «звериное» число 666⁶. Как апокалипсического «зверя» понимал Наполеона и другой известный федосеевский наставник — Сергей Семенович Гнусин, поскольку «зверь есть дух самовольства, самоуправства и властолюбия. И паки зверь есть земная власть, стремящаяся к господствованию над всем миром, над всем человечеством вместо Бога и творящая себе поклонников»⁷. Без расшифровки численного значения с именем Наполеона связывал число 666 и анонимный автор сказания «О времени исполнения 666 беззакония вся вселенная и пришествия антихриста», составленного между 1812 г. и 1821 г.: «Зде тайна, читателю! Время окончания Римского царства являет имя антихриста пришедша, о от имени антихриста «Наполеон» познавается время 666. Сие время не есть исчисление лет, но бесчисленное человек и того самого антихриста Наполеона беззаконие»⁸. Заключает рассуждения фраза: «Весьма все примеры доказывают, что подлинно антихрист сам господин и царь над царями был Наполеон, и российский император был подданный от 1807-го года по 1812-й год»⁹. В анонимном сочинении о Наполеоне-антихристе и «царе Константине», составленном вскоре после 1812 г., особо подчеркивалась роль противостоящих враждей силе «казаков и рати брадатых со крестами»¹⁰.

Патриотические позиции московского старообрядчества (в данном сообщении не касаемся темы старообрядческого казачества и участия старообрядцев в народном ополчении) наглядно характеризует «Список купцов-жертвователей на нужды войны 1812 г., награжденных бронзовой медалью Дома Московского градского общества»¹¹. В настоящей статье этот список впервые проанализирован с точки зрения наличия в нем старообрядцев. Основанием для идентификации послужили Синодик храмов Рогожского кладбища 1820—1830-х гг.¹² и надписи на вкладных вещах, до сих пор хранящихся на Рогожском кладбище¹³.

В этом документе архива Московской купеческой управы значатся 325 человек, внесших пожертвования как деньгами (от 800 рублей до 78 тыс. рублей), так и вещами (на сумму от 80 рублей до 200 тыс. рублей). Среди сделавших пожертвования — представители как минимум 46 известных старообрядческих фамилий¹⁴. Главным образом, это прихожане храмов Рогожского кладбища (14%). На нужды войны 1812 года они пожертвовали 212 тыс. рублей деньгами (что составляет 12,6% от общей суммы) и вещей на 7 тыс. рублей (16,5% от общего количества). Значительное чис-

---

ло старообрядцев встречаем мы и среди лиц, по приговору Московского купеческого собрания избранных ответственными за прием муки и заготовку сухарей для армии 25 августа 1812 г.¹⁵

На предмет наличия или отсутствия старообрядцев важно привлечь еще один источник. Сразу по оставлении французами Москвы была составлена «Краткая записка оставшимся в целости зданием в Москве», в конце которой был добавлен список из 7 фамилий под названием «Изменники»¹⁶. 16 октября 1812 г. генерал-майор Иловайский составил для подачи государю более пространный список коллаборационистов из 48 человек (в том числе 15 купцов), которые уже были заключены под стражу¹⁷. Старообрядцев нет ни в первом, ни во втором варианте списка.

Обратим внимание также на то, что в недавно вышедшей обширной двухтомной подборке документов Центрального исторического архива г. Москвы «Москва и Отечественная война 1812 года»¹⁸ нет ни одного документа, содержащего хотя бы намека на предосудительное поведение старообрядцев во время оккупации Москвы французскими войсками.

В начале XIX в. в Москве было три крупных старообрядческих центра. Их судьба в 1812 г. ничем не отличалась от других московских учреждений и церквей.

Упоминавшееся выше Рогожское кладбище располагалось на востоке Москвы, за Камер-Коллежским валом. Благодаря священнику Иоанну Матвеевичу Ястребову, сумевшему спрятать и сохранить здешние святыни, старообрядческая обитель в 1812 г. не была разграблена. Этот факт подчеркивал и П.И. Мельников-Печерский в «Очерках поповщины»: «Известно, что вступление неприятеля в столицу было совершенно неожиданно для ее жителей, которых граф Ростопчин до последнего часа обнадеживал в безопасности Москвы. Известно также, что из самых даже кремлевских соборов не успели вывезти заблаговременно драгоценности, которые и сделались добычей наполеоновской армии. Драгоценности Рогожского кладбища тоже, разумеется, остались на своих местах. Поп Иван Матвеевич не бежал, подобно другим, в виду неприятеля, хотя и имел к тому все средства, — он остался хозяйничать на Рогожском. С помощью нескольких работников иконы, книги и все церковное имущество он успел скрыть в нарочно вырытых, а потом засыпанных на кладбище могилах. Ограбив Москву, французы пожаловали и на Рогожское кладбище, но, не найдя, чем поживиться, оставили его нетронутым. Как скоро они очистили город, Иван Матвеевич, еще до возвращения разбежавшихся старообрядцев, все поставил на своих местах»¹⁹.

О состоянии Рогожского кладбища в период оккупации Москвы французами в сентябре — начале октября 1812 г. документов не сохранилось. П.И. Власов со ссылкой на устный рассказ, зафиксированный в одном из принадлежавших ему рукописных сборников 1860-х гг., утверждал, что один из французских отрядов разместился непосредственно в зданиях кладбища: командующий квартировал в доме священника Ивана Ефимовича, а конница стояла в Покровском храме²⁰.

Ценными историческими памятниками стали две иконы Рождественского храма. Из-за больших размеров они не могли быть спрятаны, пережили нашествие неприятеля, о чем позже на них были сделаны памятные надписи. В алтаре находилась местный житийный образ св. Николы Чудотворца, серебряный оклад которого удивительным образом уцелел, о чем на обороте иконы была сделана надпись: «Лета 7320 (1812) при губительном нашествии неистовых полчищ Наполеона, насильственной рукою везде и в сем божественном храме обнажавших святыню боголепного ее

украшения, похищавших и самые малоценнейшие вещи, видимое на сем святом образе позлащенное серебро, находившееся непрестанно пред очами оных злодеев, не хранимое никем и незащищаемое, прославляя Господь чудесами великого угодника своего святителя Николу, благоволи соблюсти невредимым и от вражеских святотатственных рук неприкосновенным»²¹. «Следы неистовства неприятелей» в виде пяти порубов на двери в диаконник иконостаса того же храма, оставленные, как сказано в надписи, 3 сентября 1812 г.²², также опровергают досужую легенду о том, что Рогожское кладбище сохранилось в целости, поскольку якобы тщательно охранялось неприятелем. Обе упомянутые иконы сохраняются и поныне.

П.И. Власов, изучавший историю Рогожского кладбища и опубликовавший значительное количество статей исторической тематики в журнале «Церковь», в том числе несколько — в связи со столетним юбилеем Отечественной войны 1812 года, особенно выделял четырех старообрядцев — современников военных событий, сведения о которых сохранились до начала XX в.²³

Помимо отца Иоанна Ястребова с событиями 1812 г. оказался тесным образом связан представитель известной старообрядческой семьи Прокопий Дмитриевич Шелапутин (1777—1828), московский купец 1-й гильдии Семеновской слободы. Указом императора Александра I 17 июля 1812 г. он получил звание коммерции советника «за усердие, оказанное через пожертвование на пользу государственную значащих сумм»²⁴. До нашествия неприятеля он исполнял должность московского городского старосты и по возвращении из эвакуации 31 октября 1812 г. был назначен исполнять должность городского головы до возвращения А.А. Куманина²⁵. П.Д. Шелапутин руководил хозяйством Москвы несколько месяцев, до весны 1813 г.²⁶ В ноябре 1825 г. он был причислен к дворянскому сословию²⁷. После смерти П.Д. Шелапутина, похороненного на Рогожском кладбище²⁸, его вдова Харитина Ивановна (урожденная Гандурина, 1815—1876) стала известной старообрядческой благотворительницей. Род П.Д. Шелапутина был внесен в Синодик храмов Рогожского кладбища²⁹. Портрет Прокопия Дмитриевича и его жалованная грамота на дворянство входили в число реликвий Музея 1812 года (портрет ныне хранится в ИЗО ГИМ)³⁰.

Интересные свидетельства о Рогожском кладбище находим в письме прихожанина его храмов, позже известного антикара и коллекционера Тихона Федоровича Большакова (1794—1863). Документ датируется 13 декабря 1812 г., написан в Москве, куда автор пришел вскоре после ухода французской армии: «Стал я подъезжать к Москве, и слез я у кладбища, и зашел я на кладбище. Думал я, что тетушка Анна на кладбище, и сказали мне, что уже ее нету недели четыре, и она уехала по Гуслецкой дороге верст за 40, и живет она там в деревне. И пошел я от кладбища к Москве, и такой смрад, что итить нельзя. И я шел, закрывши рот и нос, и то такой смрад, такая вонь, что Боже упаси»³¹. 6 декабря Т.Ф. Большаков был на Рогожском на службе: «На праздник святого Николы сходил я на кладбище к обедне. Там нынче служат обедни каждый день»³².

О том, что после 1812 г. недолго существовало послабление в отношении московских старообрядцев, свидетельствует официальная справка, составленная в 1823 г.: «В 1812-м году по изгнании неприятеля из Москвы служение литургии (в храмах Рогожского кладбища. — *Е.Ю.*) отправлялось повседневно, отчего стечение народа было очень много, а как по непоприведении наших церквей в порядок, то многие ходили на служение из принадлежащих к нашей церкви, почему покойный архиман-

дрит Августин и просил бывшего тогда главнокомандующим в Москве графа Растопчина, чтоб всedневное служение воспретить, что и было воспрещено, но и тогда в храмовые и воскресные дни служение литургии отправлялось беспрепятственно, что самое продолжается и по сие время; служение отправляется поставленными от наших архиереев священниками, но к ним перешедшими»³³. Согласно донесению обер-полицмейстера Шульгина московскому военному генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну от 27 января 1823 г., это запрещение повсedневных литургий произошло в 1813 г.: «Сего генваря 21-го числа на старообрядческом Рогожском кладбище совершалась божественная литургия, прежде сего служение там состояло в одних часах, литургия же совершалась только во время нашествия неприятеля в 1812-м году оногo кладбища священниками в имеющейся при оном полотняной походной церкви, поставленной в часовне Рождества Пресвятыя Богородицы (неточность, должно быть: Рождества Христова. — *Е.Ю.*), но от бывшего в Москве главнокомандующего графа Федора Васильевича Растопчина в 1813-м году тогдашним попечителям словесно было объявлено, чтобы служение литургии производилось не повсedневно, а токмо по надобностям, письменного же предписания на то никакого не имеют, о чем и нынешние попечители Рогожского кладбища мне объявили»³⁴.

П.И. Мельников-Печерский со ссылкой на «Дело департамента общих дел министерства внутренних дел» 1823 г., писал, что «по изгнании Наполеона из Москвы столицу заняли донские казаки, в числе которых много было старообрядцев. Рогожские попы исправляли им требы, а войсковою атаман, граф Платов, сам тоже старообрядец, оставил, как уверяли впоследствии рогожцы, на кладбище походную церковь, освященную во имя Пресвятыя Троицы. Тогдашний начальник московской столицы дал им словесное разрешение служить в этой церкви обедни»³⁵. Однако вскоре, уже в 1827 г., все эти послабления властей в отношении старообрядцев сошли на нет.

Одним из крупнейших в России центров беспоповского направления в старообрядчестве было Преображенское кладбище, располагавшееся на северо-востоке Москвы и основанное, как и Рогожское кладбище, в 1771 г. Подобно другим заведениям общественного призрения, в 1812 г. оно не пострадало. Сами федосеевцы считали это знаменем Божиим, о чем и писали своим одноверцам. Среди эпистолярного наследия федосеевской общины, составившего два объемных тома под названием «Отечественные письма», во второй части, куда вошли документы, «писанные по нашествии французов», удалось обнаружить два прямых суждения по этому поводу. В соборном послании в Петербург от 14 мая 1813 г. говорилось: «Вслед тому (речь идет о разногласиях внутри общины после смерти И.А. Ковылина 21 августа 1809 г. — *Е.Ю.*) еще наибольшее и всеконечное разрушение всех христианских действий привиде — фиал гнева Божия, от всероссийского врага французского державца, а паче преимущий славою столичный град Москва бедствовала до крайнего опустошения. Ныне же милостью всещедрого и человеколюбивого Бога и заступлением и ходатайством Пресвятой и Препоблагословенной Владычицы нашей Богородицы чудесным и дивным промыслом наши святые обители остались в целости всесовершенного вида, во всем полном и безмятежном действии всяких христианских требумостей, чем и дали чувство внешним ко удивлению, а нам всерадостное веселие в роды же и роды всевиновному благих Богу к повсечастному благодарению восторг»³⁶.

28 июня 1813 г. в сходных выражениях федосеевские отцы писали в Тюмень Ф.В. Варашкову: «Фиал же гнева Божия, излианный милосердно на царствующий

град наш Москву, всему свету известен. Когда упоены быша всяк по прозрению Божию, по достоинству своих качеств, и благоразумные притом в пользу с благодарностью в наказание себе прияша, ожесточенные же в злобе к большему вреду, хотя с негодованием и жестоким упорством обаче не отринуша. Наши же сиротские обиталища (как вы требуете известить), всюю цветущею красотою одетые и видом своим зрящих веселящая, ни до малейшего даже и овочия вреда не приявша, спасошася. Всей Российской империи ведомо бяше и благочестивым убо в радость и подтверждение, благонравным же во удивление и признательность, а строптивым — в зависть и негодование. Обаче нам всем православным дивен Бог во славах, творяй чудеса един. И како же спасошася и коим образом, мы, худоумнии и недостойная тварь вышнего Творца, премудрой судьбы измерять не научимся и тайн глубоких судеб его достигать от отец не навыкохом, а только яко благопокорнии со удивлением великим хвалу, благодарение и поклонение наивсегда о том приносим»³⁷.

По всей видимости, иногородние старообрядцы питали какое-то сомнение относительно такого чудесного спасения кладбища. Во всяком случае, благодаря такому интересу, в Москву был послан отцом Иван Степанович Марков, который в своем послании домой переписал текст, составленный очевидцем событий сентября—октября 1812 г. духовным наставником Тимофеем Емельяновичем. С письма Маркова еще до его отправки была сделана копия, которая в 1912 г. хранилась у члена совета Преображенской общины Григория Георгиевича Смирнова и была опубликована в журнале «Церковь»³⁸.

Описание Тимофея Емельянова вполне заслуживает доверия, поскольку не содержит явных несоответствий. В нем кратко излагаются следующие факты. Французский отряд подошел к воротам кладбища 5 октября и через переводчика потребовал предоставить квартиру их майору. Федосеевцы отвечали французам, что это «купецкая богадельня для престарелых, больных и убогих», квартиру майору предоставили в конторе кладбища. Отряд удалился, реквизировав 5 коров и оставив караул. 10 сентября случилось нападение на коровий двор обители конного отряда французских мародеров, «и сделалась между оными французами и нашими караульными и переводчиком немалая штурма и спор, даже до обнажения саблей». Грабители, вняв уговорам, отступили, майор доложил коменданту города и получил от него «указ, писанный на французском языке, который и прибит был к воротам коровьего двора. К тому, уже смотря на оный, не смел никто прикоснуться»³⁹.

19 сентября на кладбище приехали «французские начальники, комендант и губернатор и прочие их чиновники с командою солдат осматривать наше жительство и все наше состоящее в нем имение». Поводом к этой инспекции послужили наветы «русских обывателей», которые доказывали, что «здесь хранится множество имения московских купцов и здешнего хозяина напитков и прочего на многие миллионы». После проведения тщательного осмотра всех помещений и кладовых французы сказали переводчику: «А это, что нами у них осмотрено, то им и самим есть будет мало, и не на долгое время. А от нашего императора приказу нет разорять больницы и все убогие места»⁴⁰.

Упоминается в записках и страшный взрыв в ночь на 11 октября 1812 г.: «И продолжалось это время (обычного течения караульной службы. — *Е.Ю.*) октября по 10-е число, и потом вдруг сделалось в Москве страшное землетрясение от порохового взорвания. И от несчастного сего приключения и ужасного удару разрушилась Ива-

---

новская колокольня, чахаус, Никольские ворота и городская стена в двух местах, на что и смотреть было страшно. Также и по близости того места многие палаты претерпели повреждение, а в редком окне остались целые рамы и стекла. И это было ночью, часу во втором за полночь. И мы в то время стояли полунощницу, и у нас от того трясения многие иконы с мест попадали»⁴¹.

Закончив переписку свидетельств очевидца, Иван Степанович Марков в конце письма отцу делает и собственный вывод: «И сему вы изволите удивляться, что наша христианская обитель цела сохранилась. Во-первых, Богу было угодно так. Другое дело сия верность без всякого сомнения, что от Наполеона был приказ строгой отнюдь не разорять ни больниц, ни богаделен и всякого общественного убогого места. Таковым образом сохранилась наша обитель, цела осталась Матросская богадельня, цела осталась у Сухаревой башни Шереметьевская больница, цела осталась у Калужских ворот Голицынская больница, цела осталась госпиталь Лефортовская и прочие убогие места»⁴². Таким образом, рассмотренный источник не содержит никакого намека на какие-то «особые» отношения федосеевцев Преображенского кладбища с Наполеоном и его высшей администрацией.

Существуют еще два, хотя и косвенных, но очень весомых доказательства непричастности федосеевцев к коллаборационизму. Во-первых, им было дозволено подносить хлеб-соль императору Александру I во время высочайшего посещения Москвы в 1817 г. по случаю 5-летней годовщины Отечественной войны. 2 октября 1817 г. федосеевские отцы отправили с нарочным письмо попечителю купцу Ефиму Ивановичу Грачеву, прося его срочно прибыть в Москву: «Поелику к сиротскому богоделенному дому обязанность вынуждает всякое течение дел с советом вашего милосердия к полезному концу приводить, а при той законной и необходимой требуемости, наконец, еще последовал и приезд нашего государя, как и небезызвестно вам, что долг лежит и его величеству непременно поклон отдать, которого мы без вас отнюдь резону не находим совершить и лицу его предстать»⁴³. Излишне говорить, что такое представление государю было бы невозможным, если бы высочайше учрежденная в Москве Комиссия для исследования поведения некоторых из числа тамошних жителей и поступков их во время занятия столицы неприятелем, работавшая в 1812—1813 гг., усмотрела бы хоть какие-то провинности федосеевцев осенью 1812 г.

Во-вторых, никакого компрометирующего федосеевцев материала не было собрано ни в ходе серьезного следствия 1820—1823 гг. в связи с внутренними распрями⁴⁴, когда подобные обвинения были бы весьма кстати, ни позже, когда в 1820—1840-х гг. власти значительно ужесточили свое отношение к старообрядчеству, и в особенности к беспоповству. Этот неопровержимый довод был высказан еще в 1912 г. Поскольку эти слова старообрядческого автора до сих пор не были услышаны, позволю себе их повторить: «Несомненно, что о переходе кладбища на сторону Наполеона тогда не имелось даже никаких самых слабых подозрений. При малейшей подозрительности оно было бы привлечено к ответственности и при слабейших поводах потерпело бы тяжкую кару, так как в то время правительство уже начало смотреть на него подозрительно. В продолжение двадцатых, тридцатых и сороковых годов прошлого столетия почти не прекращались правительственные расследования о кладбище. Кончалось одно следствие, начиналось другое, или даже зараз велось несколько следствий. Однако не возникло никаких намеков на измену в 1812 году. Все это представляется более чем понятным и свидетельствует только о том, что об измене

не было ни слуху, ни духу, что никому не приходило в голову выставить такое существенное обвинение. Многочисленные власти, следователи и простые сыщики самым ревностным образом старались уличить кладбище во всевозможных преступлениях и не могли напасть на самое яркое, которое значительно важнее всех остальных во всей их совокупности»⁴⁵.

Таким образом, у нас нет никаких подтверждений донныне бытующему мифу о приеме Наполеона на Преображенском кладбище, более того, есть убедительные доказательства его позднего и преднамеренного возникновения.

Еще одним крупным старообрядческим центром в Москве была Монинская моленная, объединявшая вокруг себя многочисленных представителей поморского беспоповского согласия. Храм разделил судьбу всей застройки улицы Покровской: в огне пожара погибло его первое здание и богатое убранство. Благодаря щедрой поддержке прихожан моленная была выстроена заново, торжество ее обновления состоялось 1 октября 1816 г. В неизвестном ранее сочинении 1816 г. описана служба этого дня: «Обновися сего храма, яко орла великого, юность молитвословием в день воскресный, всенощным бдением часов и молебна отпетием, где и приносимо было... всеусердное моление о здателех сего храма и спомоществующих сему заведению, и о долголетном здравии и спасении всеавгустейшего нашего монарха Александра Павловича, и о всеавгустейшем доме, и о всей полате, и воинстве его, и о еже победити ему враги»⁴⁶.

Внимательное и непредвзятое рассмотрение документального материала первой половины XIX в. показывает, что московское старообрядчество в своем отношении к нашествию «двадцати язык» ничем не отличалось от большинства соотечественников. Старообрядцы также жертвовали на нужды войны 1812 года, в большинстве своем покинули Москву перед вступлением в нее неприятеля, судьба оставшихся также ничем не отличалась от других: поморская моленная полностью выгорела, Рогожское и Преображенское кладбища не пострадали от пожара, поскольку находились за Камер-Коллежским валом, часть церковных ценностей удалось спрятать, другая часть чудом уцелела. Это область фактов. А «рассказ» о встрече Наполеона хлебом-солью на Преображенском кладбище — это миф, появившийся в середине 1840-х гг. и с удовольствием повторявшийся и дополнявшийся враждебно настроенными к старообрядчеству авторами.

Примечания

- ¹ Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 1. Лондон, 1860. С. 36—39. Фамилия «Липранди» подписана рукой П.И. Мельника на принадлежавшем ему экземпляре книги, позже находившемся в собрании Нижегородской городской библиотеки.
- ² В вышедшей анонимно брошюре «Преображенское кладбище и его прошлое» (М., 1901) легенда дополнена рядом вымышленных «подробностей» (См.: Там же. С. 41—55).
- ³ См.: Церковь. 1912. № 2. С. 34—36.
- ⁴ См.: Сазонова Л.И. Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. № 2. С. 42—44.
- ⁵ Изложение всего разнообразия старообрядческих представлений об антихристе и литературу вопроса см.: Агеева Е.А. Антихрист в представлениях старообрядцев // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 575—581.

- ⁶ Наполеон и старообрядцы // Церковь. 1912. № 34. С. 809—810; *Агеева Е.А.* Антихрист в представлениях старообрядцев... С. 580; *Сазонова Л.И.* Сказание о Наполеоне-антихристе... С. 49.
- ⁷ Цит. по: *Агеева Е.А.* Судьба старообрядца в императорской России: история жизни «учительного настоятеля» С.С. Гнусина // Старообрядчество в России (XVII—XIX вв.). Вып. 4. М., 2010. С. 229. Это понимание с прямым указанием имени Наполеона содержится в объемном сочинении С.С. Гнусина «Книга об антихристе»; существующее в старообрядческой историографии высказывание, что С.С. Гнусин в своем толковании на слово 105-е Ефрема Сирина об антихристе вывел из слова «вольному» «звериное число» 666, современными исследованиями не подтверждается (см.: Там же. С. 231).
- ⁸ «Отчизну обняла кровавая забота...»: Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома. Сост. Г.В. Маркелов. СПб., 2012. С. 127 (публикация А.Г. Боброва).
- ⁹ Там же. С. 129.
- ¹⁰ Сочинение опубликовано по списку 1810-х гг. (не ранее 1812 г.): *Сазонова Л.И.* Сказание о Наполеоне-антихристе... С. 56—61. По списку конца XIX в., содержащему некоторые разночтения, текст еще раз опубликован А.Г. Бобровым: «Отчизну обняла кровавая забота...». С. 130—137.
- ¹¹ Война и московское купечество: Исторический очерк В.Н. Сторожева. М., 1914. С. 83—98.
- ¹² РГБ. Ф. 247. № 607; Книгохранилище Митрополии РПСЦ. № 11 р.
- ¹³ Приведены в книге: *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 2-е изд. М., 2012. С. 30—33.
- ¹⁴ Купец 1-й гильдии Никифор Логинов Стариков (бургомистр 2-го департамента Магистрата, заседатель в Гражданской палате) — 40 тыс. рублей, купцы 1-й гильдии Ананий Тимофеев Карташев (оценщик в Управе благочиния, ратман 3-го департамента Магистрата) — 25 тыс. рублей, Гаврила Федоров Дубровин (заседатель в Гражданской и Уголовной палатах) — 15 тыс. рублей, Евсей Семенов Васильев с братьями Тимофеем и Федором — 15 тыс. рублей, Викул Петров Шестов с братьями Андреем и Петром — 15 тыс. рублей, Тимофей Данилов Шевалдышев (ратман 4-го департамента Магистрата, ратсгер в Камеральном департаменте) — 5 тыс. рублей, Прокофий Дмитриев Шелапутин (староста в Доме Градского общества по 1-й гильдии, исправляющий должность градского главы) — 5 тыс. рублей, купцы 2-й гильдии Федор Алексеев Бокков (бургомистр 1-го департамента Магистрата) — 2 тыс. рублей, Дмитрий Иванов Мотылев — 2 тыс. рублей, Петр Савельев Владыченский (федосеевец) — 5 тыс. рублей, купчиха 2-й гильдии Анастасия Васильевна Кулакова с детьми — 2 500 рублей, купцы 2-й гильдии Андрей Леонтьев Рахманов (ратман 1-го департамента Магистрата) — 10 тыс. рублей, Егор Васильев Солдатенков — 20 тыс. рублей, Александр Андреев Емельянов — 2 тыс. рублей, купецкий 2-й гильдии сын Семен Козми Золотов — 5 тыс. рублей, купцы 3-й гильдии Семен Лазарев Белавин (ратман 1-го департамента Магистрата) — 1 тыс. рублей; Василий Петров Ланин (поморец) — 1 тыс. рублей; Гаврила Гаврилов Шульгин (ратман 2-го департамента Магистрата) — 1 тыс. рублей, Лаврентий Никитин Базыкин — 1 500 рублей, Иван Сидоров Аржеников — 1 тыс. рублей, Михаил Петров Сорокованов — 2 тыс. рублей, Авдей Петров Малахов — 1 тыс. рублей, Дмитрий Федоров Аллилуев — 3 тыс. рублей, Андрей Степанов Востреков — 3 тыс. рублей, Данила Федоров Дубровин (бургомистр 3-го департамента Магистрата) — 5 тыс. рублей, Никита Ефимов (Шапошников) — 1 тыс. рублей, Иван Давыдов — 1 тыс. рублей, Алексей Дмитриев Сигов — 1 тыс. рублей, Козьма Семенович Карчагин — 1 500 рублей; Аким и Федор Семеновы Смесовы — 1 тыс. рублей, Тит Федоров Смирнов — 1 тыс. рублей, Трофим Егоров Мотанов — 1 тыс. рублей, Трифон Петров Лубков — 1 тыс. рублей, Иван Андреев Симанов (Симонов) — 5 тыс. рублей, Степан Макаров Рылов — 1 тыс. рублей, Тит Иванов (Калугин) — 5 тыс. рублей, Ларион Абрамов Абрамов — 1 500 рублей, Федор Филиппов Баулин — 1 тыс. рублей, Козма Федоров Филипченков — 2 тыс. рублей, купец 2-й гильдии Лаврентий Иванов Осипов (федосеевец) — 1 136 аршин сукна из анатолийской шерсти на 4 544 рубля, Артемий Семенов Столбков — 20 тыс. медных пряжек к пехотным португеем на сумму 2 400 рублей.
- ¹⁵ Москва и Отечественная война 1812 года. Т. 1. М., 2011. С. 338—340. Публикаторами не отмечено, что в числе избранных были старообрядцы: В.Ф. Аллилуев, Ф.А. Боков, Д.Ф. и Г.Ф. Дубровины, Г.С. Кулаков, Л.И. Осипов, Алексей Никифоров, А.Л. Рахманова, Ф.П. Владыченский.
- ¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 29—30. Благодарю Ф.А. Петрова за указание на данные документы.
- ¹⁷ Там же. Л. 31—32. В расширенном варианте списка названы купец 1-й гильдии Петр Находкин, его сын Павел Находкин, купец 1-й гильдии Василий Бородин, купец 3-й гильдии Александр Кримацкий, купец 3-й гильдии Иван Поздняков, купец Василий Шемошов, купец 3-й гильдии Иван Козлов, купец 2-й гильдии Григорий Кольчугин, купеческий сын Николай Крок, купец

- 2-й гильдии Дранов, купеческий сын Павел Коробов, купец 2-й гильдии Павел Попелев, купец 2-й гильдии Иван Исаев, купец 3-й гильдии Александр Прево, купец 3-й гильдии Штанников.
- ¹⁸ Москва и Отечественная война 1812 года / Главное архивное управление г. Москвы. В 2 т. М., 2011—2012.
- ¹⁹ *Мельников П.И.* Очерки поповщины // *Он же.* Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909. С. 239—240.
- ²⁰ *Власов П.[И.]*. Пребывание войск Наполеона на Рогожском кладбище // *Церковь.* 1911. № 34. С. 822.
- ²¹ Необходимая заметка о Рогожском кладбище // *Старообрядец.* Нижний Новгород, 1906. № 1. С. 111; Чудотворная икона святителя Николы на Рогожском кладбище // *Церковь.* 1908. № 18. С. 655; Рогожское кладбище в 1812 г. // *Церковь.* 1912. № 35. С. 834—836 (на с. 835 — ил. иконы); *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою... С. 19—21, 216—218. Ил. на с. 233—234.
- ²² Необходимая заметка о Рогожском кладбище... С. 110. См. также: *Власов П.[И.]*. Пребывание войск Наполеона на Рогожском кладбище... С. 822; *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою... С. 20—21, 218. Ил. на с. 236—237.
- ²³ *Власов П.[И.]*. О старообрядцах современниках 1812 г. // *Церковь.* 1912. № 35. С. 836—837.
- ²⁴ ЦИАМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 364. Л. 10.
- ²⁵ Москва и Отечественная война 1812 г. Т. 2. М., 2012. С. 180 (Отношение московского гражданского губернатора тайного советника Н.В. Обрескова московскому обер-полицейстеру генерал-майору П.А. Ивашкину о назначении коммерции советника П.Д. Шелапутина временно исполняющим должность городского головы, от 31 октября 1812 г.).
- ²⁶ 11 февраля 1813 г. А.А. Куманин значился в числе не явивших к должности (Москва и Отечественная война 1812 г. Т. 2. С. 307); в должности городского головы он числился до марта 1813 г.
- ²⁷ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2452. Данные архивные ссылки приведены в издании: Москва и Отечественная война 1812 г. Т. 1. М., 2011. С. 342.
- ²⁸ П.Д. Шелапутин похоронен на участке Е (№ 435). См.: *Юхименко Е.М.* План Рогожского некрополя и список захоронений 1885—1886 гг. // *Старообрядчество в России (XVII—XX вв.).* Вып. 4. М., 2010. С. 722.
- ²⁹ РГБ. Ф. 247. № 607. Л. 119; Книгохранилище Митрополии РПСЦ. № 11 р. Л. 53 об.
- ³⁰ П.Д. Шелапутин изображен в мундире московского ополчения с медалью за пожертвования в 1812 г. и орденом Святой Анны 3-й степени. Портрет предположительно приписан кисти А.Г. Варнека (1782—1843) и датируется 1814 г. (размер 73 × 58 см). П.И. Власов полагал, что этот портрет был «писан знаменитым Витбергом» (*Власов П.[И.]*. О старообрядцах современниках 1812 г. С. 836).
- ³¹ Наше наследие. 2012. № 101. С. 56.
- ³² Там же. С. 57.
- ³³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 13 об.
- ³⁴ Там же. Л. 15—15 об.
- ³⁵ *Мельников П.И.* Очерки поповщины... С. 222—225.
- ³⁶ РГБ. Ф. 98. № 1044. Л. 16 об—17.
- ³⁷ Там же. Л. 52—52 об.
- ³⁸ *Церковь.* 1912. № 36. С. 860—862.
- ³⁹ Там же. С. 860—861.
- ⁴⁰ Там же. С. 861.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 862.
- ⁴³ РГБ. Ф. 98. № 1044. Л. 372—372 об.
- ⁴⁴ Подробнее см.: *Аеева Е.А.* Судьба старообрядца в императорской России: история жизни «учительного настоятеля» С.С. Гнусина... С. 200—219.
- ⁴⁵ *Сенатов В.* Преображенское кладбище в 1812 г. // *Церковь.* 1912. № 34. С. 813.
- ⁴⁶ РНБ. Q. I. 743. Л. 243 об.

Русское общество и Заграничные походы 1813—1814 гг.

В 1812 г. на полях России был развеян миф о непобедимости наполеоновской армии. 21 декабря 1812 г. (2 января 1813 г.) М.И. Кутузов обратился к армии со словами: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из нас спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу»¹.

Русская армия, освободив свое Отечество, начала поход против наполеоновского господства в Европе. В своем обращении Кутузов обосновал цели похода: «Не останавливайтесь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отметила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем»².

1 (13) января 1813 г. русский авангард перешел через Неман и вступил в пределы Пруссии. Вскоре вся русская армия перешла рубежи России. 16 (28) февраля 1813 г. правительство Пруссии заключило союз с Россией. Началась война за освобождение Германии от наполеоновского владычества.

К этому времени русская армия пополнилась новым составом солдат и офицеров. Среди молодых офицеров, пришедших в армию в 1813 г., было много будущих декабристов. В боях за освобождение польских земель, Пруссии, других немецких государств наряду с регулярными русскими войсками действовали и отличились летучие корпуса и партизанские соединения Д.С. Дохтурова, А.И. Чернышева, М.С. Воронцова, Ф.Ф. Винценгероде, М.И. Платова, А.С. Фигнера. Большой смелостью отличался и отряд Д.В. Давыдова, первым вошедший в Дрезден.

Восприятие Заграничных походов как освободительных было присуще и их непосредственным участникам. Об освободительном значении походов писали многие современники, в том числе будущие декабристы: И.Д. Якушкин, М.А. Фонвизин, С.Г. Волконский, В.И. Штейнгель, В.С. Норов и др. Они находили этот поход необходимым продолжением Отечественной войны. Так, В.С. Норов, начавший войну только под Тарутино, годы спустя написал «Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя», опубликованную без подписи его братом А.С. Норовым. В ней В.С. Норов заявлял: «Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для завладения оными, а для их спасения... До сих пор мы сражались для спокойствия нашего отечества, теперь будем сражаться для спокойствия всей Европы»³.

События 1812—1814 гг. связывались в восприятии современников в одно целое. Так, А.С. Пушкин, обращаясь к героям битв, называл их «Сыны Бородина! О, кульмские герои!». Один из наиболее просвещенных людей своего времени поэт П.А. Вяземский считал победу 1812 г. важной предпосылкой освободительной войны в Евро-

---

пе: «Нашествие на Россию было событие европейское, едва ли мировое. Страдания, бедствия народа во время войны, пожертвования, великодушно им принесенные ... имели целью не только обеспечение независимости Русского государства, но и умиротворение, и спасение Европы»⁴.

Важную роль в формировании таких взглядов сыграли приказы М.И. Кутузова, его обращения к армии, народу, населению стран, оккупированных наполеоновскими войсками⁵. В походной типографии Главной квартиры Кутузова публиковались разнообразные летучие издания, которые разъясняли цели Заграничного похода, призывали европейские народы присоединиться к борьбе с наполеоновским владычеством. В одном из обращений, напечатанном в начале декабря 1812 г., подчеркивались общие задачи европейских народов в борьбе против Наполеона: «Все мы — русские, немцы, итальянцы, швейцарцы и испанцы — братья, ибо у нас один и тот же враг!»⁶. Значительное влияние на настроения широких слоев населения европейских стран, на подъем освободительной борьбы оказала брошюра «Отступление французов», в которой разоблачалась наполеоновская концепция войны 1812 года против России. За 1812—1814 гг. она была издана 32 раза на разных языках⁷.

События 1812—1814 гг. встретили широкий отклик в русском обществе. Столичное и провинциальное дворянство внимательно следило за ходом военных действий, читая и официальные реляции, и письма с театра военных действий, и сообщения в прессе. Наиболее значимыми рупорами общественного мнения были журналы «Русский вестник», издававшийся офицером ополчения С.Н. Глинкой, и «Сын Отечества», выходивший под руководством писателя Н.И. Греча. Оба издания, информируя читателей о военных действиях и дипломатических актах того периода, не только сообщали факты, но и давали им определенное истолкование. Редакторы считали своей главной задачей развенчание культа Наполеона и опровержение мнения о непобедимости французской армии. Описывая героические подвиги русской армии, журналы высказывались за прочный союз русского и немецкого народов, обосновывали задачу освобождения Германии от французского гнета. На страницах этих изданий можно было встретить поддержку национального подъема в различных государствах Германии и в Испании. «Битву народов» при Лейпциге журналы рассматривали как переломный момент войны, означавший окончательное освобождение Германии.

«Русский вестник» распространялся не только в столицах, но и в губернских и уездных городах России. Судя по спискам подписчиков журнала, среди них были члены императорского дома, крупные военные и гражданские сановники, провинциальные помещики и купцы.

«Сын Отечества» пользовался популярностью в передовых кругах русского общества, особенно среди офицеров действующей армии. Журнал поддерживал постоянную связь с театром военных действий: отсюда передавались письма и статьи участников походов. Полковник А.А. Писарев в письме из Штейдлица, адресованном в редакцию журнала, отмечал: «Ваш журнал доходит и до берегов Эльбы, где суровые пришельцы хладного севера в кочевьях своих его читают и радуются признательностью современников»⁸.

Отечественная война и Заграничные походы 1813—1814 гг. сыграли ключевую роль в жизни российского общества первой половины XIX в. Они вызвали настоящий переворот в умах дворянской молодежи. Многие молодые офицеры вошли в состав тайных обществ. Не случайно уже после разгрома восстания М.И. Муравьев-

---

Апостол писал: «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к Отечеству было сердечным побуждением». Но и для тех, кто впоследствии оказался далек от антиправительственной деятельности и лоялен к власти, этот пласт жизни оказался судьбоносным. Заграничные походы стали для большей части офицерства, особенно молодых и небогатых дворян, единственной возможностью увидеть Европу, ощутив при этом чувство причастности к великой исторической миссии. С этим связано появление большого количества воспоминаний, написанных по горячим следам⁹. Свои мысли и впечатления фиксировали и те, кому впоследствии довелось сыграть важную роль в российской истории.

Воспоминания об участии в Заграничных походах 1813—1814 гг. начинают выходить из печати, в том числе отдельными изданиями, уже вскоре после окончания кампании¹⁰. В 1819 г. отдельным изданием выходят воспоминания А.Г. Краснокутского «Ландек в Силезии». В 1823 г., 1824 г. и 1826 г. в «Отечественных записках» публиковались «Походные записки артиллериста» И.Т. Радожицкого. В «Вестнике Европы» и «Русском вестнике» публикуются мемуарные очерки об Отечественной войне и Заграничных походах А.И. Михайловского-Данилевского. В 1820—1830-х гг. в журналах «Славянин» и «Русский инвалид» появляются в отрывках не менее десятка офицерских мемуаров¹¹.

В 1830—1840-х гг. выходят в свет отдельными изданиями «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя» В.С. Норова (1834), «Записки о 1814 годе» и «Записки о 1815 годе» А.И. Михайловского-Данилевского, «Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года» С.Н. Глинки (1837) и др.

Заграничные походы дали множество произведений, посвященных «описаниям чужих земель». Их авторы — как правило, молодые русские офицеры, почерпнувшие на войне свой первый жизненный опыт и впервые оказавшиеся за пределами Отечества. Их воспоминания отражают тот подъем, который господствовал в русской армии после перехода Немана.

Авторы воспоминаний понимали необходимость продолжения борьбы с Наполеоном. Поэтому такое значение придают они переправам через Неман, Одер, Рейн. В воспоминаниях полковника М.М. Петрова испытание русскими воинами рейнских вод связывается с ритуалом древних германцев, крестивших в водах Рейна своих сыновей. Согласно легенде, «погружение в этой воде давало детям их непобедимость»¹². Как писал М.М. Петров, «вот и мы, сыны благословенного Александра, достигли по чреде многочисленных побед наших Рейна, испили священной германцам воды этой, став в боевую готовность переступить его для завоевания мира от разбитого везде народа французского»¹³.

«Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки имели огромный успех и сделали имя автора широко известным. Из последних частей «Писем» читатель получал сведения о Польше, Силезии, Саксонии, Веймарском герцогстве, о быте и нравах различных слоев общества, о местных достопримечательностях. Особенно подробно Ф.Н. Глинка останавливается на описании Парижа. Пристальное внимание он сосредотачивает на поведении русских войск в Европе, отношении к ним местных жителей.

В «Исторических записках войны с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов» Г.П. Мешетича, офицера 11-й артиллерийской бригады 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса А.И. Остерман-Толстого, написанных в 1818 г., отражены все основные этапы Отечественной войны 1812 года и Загранич-

---

ных походов русской армии¹⁴. Особый интерес вызывают размышления автора о личности Наполеона и его полководческих талантах¹⁵.

Русские офицеры наблюдали патриотический подъем в Германии, формирование народного ополчения. В перерывах между боями, на марше, они наблюдали за жителями освобождаемых городов и селений, их отношением к русским воинам, старались не пропустить ни одной достопримечательности. Примером тому могут послужить «Походные записки артиллериста» И.Т. Радожицкого, также служившего в 11-й артиллерийской бригаде¹⁶. Радожицкий пишет о переходе русской армии через границу и вступлении ее на территорию Польши, взаимоотношениях русских с поляками, описывает боевые действия в Силезии и Саксонии и др. События 1814 г. представлены рассказом о возобновлении военных действий, переходе союзников через Рейн и осаде Майнца.

Практически во всех воспоминаниях большое значение уделяется описаниям битв на территории Германии и Франции¹⁷. Так, Н.Н. Муравьев-Карский пишет в своих «Воспоминаниях» о героизме солдат 3-го батальона Семеновского полка: «Никогда не видел я чего-либо подобного тому, как батальон этот пошел на неприятеля. Небольшая колонна двинулась скорым маршем в ногу. На лице у каждого выражалось желание скорее столкнуться с французами. Они отбили орудия, ... но лишились всех своих командиров, кроме одного прапорщика И.Д. Якушкина, который и остался батальонным командиром»¹⁸. Описывает Н.Н. Муравьев-Карский и ранение прапорщика 3-го батальона Семеновского полка А.В. Чичерина, автора интереснейшего дневника¹⁹: «Он влез на пень, надел коротенький плащ свой на конец шпаги и, махая оной, созывал людей своих к бою, как смертоносная пуля поразила его»²⁰. В архиве Пажеского корпуса находится документ с описанием подвига А.В. Чичерина: «Он в продолжение всего сражения находился среди храбрейших воинов, поддерживая в них дух храбрости и мужества, сохраняя совершенный порядок в рядах их, примером собственной неустрашимости»²¹.

Александр Чичерин был похоронен в братской могиле на русском кладбище в Праге вместе с сорока пятью русскими воинами. На памятнике по-русски и по-немецки высечено: «Памятник храбрым российским офицерам, которые от полученных ими ран в сражениях под Дрезденом и Кульмом в августе месяце 1813 года в городе Праге померли. Да пребудет священ ваш прах сей земле. Незабвенны останетесь вы своему Отечеству»²².

С особым чувством вспоминали мемуаристы «битву народов» при Лейпциге. Так, в воспоминаниях Г.П. Мешетича рассказывается об ожесточенном кровопролитном огне при начале генерального наступления союзников на Лейпциг, штурме города²³. Лейпцигская битва освещается К.Н. Батюшковым в «Воспоминаниях о Петине»²⁴. Батюшков, оказавшийся очевидцем и непосредственным участником этого события, «находясь при генерале Раевском... в жестоком огне», называет битву «ужасной», вспоминает «мрачность ужаснейшего зрелища, которого одно воспоминание утомляет душу, зрелище свежего поля битвы, заваленного трупами людей, коней, разбитыми ящиками и проч.»²⁵.

Битве за Париж также посвящены многочисленные страницы воспоминаний²⁶. Начало битвы, ее ход и победоносное завершение отражены в «Записках о моем времени» декабриста Н.И. Лорера. «Мы сомкнулись в густую колонну и двинулись вперед, — пишет он. — Нам представилось удивительное зрелище, которое едва ли кто-нибудь из нас забудет: обширная равнина до самого предместья Бель-Виль была усеяна войсками... Гвардия стояла в резерве. Влево от нее стояла прусская гвардия, впереди корпус Раевского, вправо гора Монмартр, с ветряными мельницами, на этой

горе стояло множество орудий, которые обстреливали всю равнину. Войска густыми стройными колоннами шли прямо на приступ...». Особое чувство мемуарист испытал при известии о сдаче Парижа: «Я стоял при моем взводе и не мог хорошо видеть, что делается впереди, слышу только по всем войскам громкое радостное “Ура” и вижу, как шляпа нашего доброго командира торжественно летит вверх. Я не вытерпел и побежал вперед. “Что это значит?” — спросил я моего товарища. — “Париж сдался”. Я бросился ему на шею. Нет! Перу не передать восторга и радости нашей... Войска отдыхали после битвы. Во всех полках гремела музыка; песенники, крики, шум, ржание лошадей — какая смесь солдат в разных мундирах и одеждах. Тут раскинута палатка, там поставлен шалаш, в ином месте пылает бивачный огонь, в другом располагается артиллерия, кавалерия; здесь стоит пехота, скачут адъютанты, а там тянутся донские казаки»²⁷. Лорер вспоминал, как войска готовились к торжественному вступлению в Париж: «Наступление торжественного дня отняло у всех сон; для нас не было ночи, как не было ее когда-то для малочисленной, но бодрой духом армии русской накануне роковой Бородинской битвы»²⁸.

И вот русские войска подошли к Пантенской заставе. В состав войск входили русская гвардия, гренадерский корпус и три кирасирские дивизии. Гвардия построилась перед воротами, которые были еще заперты. Но вскоре подъехало союзное командование во главе с Александром I. При звуках музыки ворота Пантенской заставы раскрылись и победоносные русские войска двинулись в город²⁹. «Колонны наши с барабанным боем, музыкою и распущенными знаменами вошли в ворота Сен-Мартен... Любопытное зрелище представилось глазам нашим, когда мы... очутились у Итальянского бульвара: за многочисленным народом не видно было ни улиц, ни домов, ни крыш; все это было усеяно головами, какой-то вместе с тем торжественный гул раздавался в воздухе. Это был народный ропот, который заглушал и звук музыки, и бой барабанов. По обеим сторонам стояла национальная гвардия... От десяти часов утра войска шли церемониальным маршем до трех часов»³⁰.

Итог битве за Париж подвел М.Б. Барклай де Толли: «Главная квартира российских армий с 26 марта перенесена в Париж. С такою славою для оружия союзных государств, с такою славою для оружия союзных государей. С такою пользою для народов целой Европы, для самого народа французского кончилась достопамятная кампания 1814 года. Она продолжалась только три месяца, ознаменована сражениями: под Бриен Ле Шато, под Лаоном, под Бар сюр Об, под Арсис, под Фер-Шампануаз и, наконец, под стенами Парижа»³¹.

Спустя тридцать один год после взятия Парижа М.М. Петров передавал свои впечатления о тех знаменательных событиях: «Похвалы парижан союзным монархам, ругательства и проклятия своего недавнего “идола, молоха, пожиравшего юношество Франции” и теперь еще оглушают и изумляют мою военную душу. И тогда, когда придет последний час мой, настанут остатние минуты бытия моего, душа моя, прощаясь с жизнью земной, облобызает священные лавры военной славы Отечества, давшего мир народам всей Европы, утопавшей 20 лет в крови, купленной и моими пылинками трудов, и кровью моею, не раз пролитою в боях с французами»³².

Участников походов интересовали все стороны жизни в европейских городах. С одинаковым интересом они писали об архитектуре, театрах и их репертуаре, библиотеках, церквях, монастырях, учебных заведениях, климате. Они давали оценку увиденному, порой — диаметрально противоположную прежним представлениям.

Большинство мемуаристов единодушно восхищаются Германией. Так, Н.А. Дурова вспоминает: «Нет ни одного из нас, кто бы радостно оставлял Голштинию: все мы с глубочайшим сожалением говорим “прости” этой прекрасной стороне и ее жителям. Велено идти в Россию. Голштиния, гостеприимный край, прекрасная страна! Никогда не забуду я твоих цветников, твоих светлых прохладных зал, честности и добродушия твоих жителей! Ах, время, проведенное мною в этом цветущем саду, было одно из счастливейших в моей жизни!»³³.

Напротив, Франция и ее жители вызывают разочарование. При ближайшем рассмотрении страна оказывается далека от «Эльдорадо», как образно назвал ее в своих мемуарах А.И. Михайловский-Данилевский. Русские офицеры были неприятно поражены видом беженцев, нищих, бездомных, «нападающих на кошелек и сердце прохожего». Они увидели пустынные и необработанные земли, разоренные из-за нехватки рабочих рук деревни. «La belle France! Прелестная Франция — восклицают беспрестанно французы-учители. Вот земной рай!... Переезжают за Рейн — и где votre belle France! Где ваша прелестная Франция!»³⁴. «Где та очаровательная Франция, — вопрошал Н.Н. Муравьев, — о которой нам гувернеры говорили...»³⁵.

Новые впечатления изменили привычный стереотип восприятия страны³⁶. В то же время образ Франции и ее народа, сложившийся в восприятии русских военных, был многосторонним³⁷. С одной стороны, в их воспоминаниях представлены негативные черты, характеризующие Францию и французский народ: это ветренность и непостоянство французов³⁸, их непатриотичность, невежество низших и средних слоев населения, большая степень индивидуальной свободы, приводящая к деградации личности, регресс в обществе после французской революции. С другой стороны, положительно оценивалась прогрессивность общественного уклада, предоставляющего гражданину право выбора («здесь для всякого свои занятия... обедня, процессия и театр в одно время: кому что нравится, тот туда и идет»)³⁹, гражданская свобода, гласность судопроизводства.

Практически во всех воспоминаниях отражено поведение парижан после вступления союзников в Париж. Отмечалось восторженное проявление чувств в отношении российского императора и русских офицеров. При формировании взглядов мемуаристов на политическую ситуацию во Франции, сложившуюся после возвращения Бурбонов, большую роль сыграли их собственные политические пристрастия, а также настроения тех парижан, с которыми они общались⁴⁰.

Заграничные походы наши отражение и в художественной литературе. Идеальные черты русского офицера придает своему герою Вадиму Глинскому известный писатель-декабрист Николай Александрович Бестужев в повести «Русский в Париже 1814 года»⁴¹. Герой Бестужева молод, бесстрашен, благороден, великодушен. Благодаря этим качествам он завоевывает сердце прекрасной француженки. Эти черты признают в нем и вчерашние противники. Образ Глинского был собирательным. Примерно в те же годы немецкая писательница-романтик Беттина фон Арним писала роман, героем которого также стал русский офицер — участник наполеоновских войн.

Говоря о влиянии Заграничных походов на русское общество, нельзя не сказать о формировании мировоззрения будущих декабристов. Более ста из них участвовали в войнах 1812—1814 гг. Из тех, кого в 1826 г. объявят «государственными преступниками», 65 человек сражались на полях Бородина. В Заграничных походах перед будущими участниками тайных обществ открылась жизнь европейских стран, они обогатились новыми впечатлениями, приобрели новые идеи и жизненный опыт. Почти

сразу по возвращении русской армии из Заграничных походов 1813—1814 г. среди гвардейских офицеров возникли объединения, так называемые «артели», создаваемые формально как «бытовые», а на деле являвшиеся идейными содружествами⁴². В конце 1814 г. возникла «Священная артель», в 1815 г. — артель Семеновского полка.

О роли Заграничных походов в становлении своих политических взглядов многие декабристы писали не только в показаниях Следственной комиссии и письмах, обращенных к Николаю I, но и в своих дневниках и воспоминаниях.

С.П. Трубецкой, стоявший у истоков декабристского движения, в показаниях Следствию писал, что «свободный образ мыслей заимствовал он по окончании войны с французами, из последовательно утвержденного мира в Европе... Рассуждения, слышанные в обществах, ... разговоры с членами бывшего Тайного Общества, чтение журналов и книг, касающихся истории и законодательства различных государств, способствующих к оному образу мыслей»⁴³. К этой же теме он обращался и в своих «Записках»: «Россия стояла на высочайшей степени славы. Последняя война породнила ее с Европою. Успехи образования в этой части света имели более, нежели отголосок в России»⁴⁴.

С.Г. Волконский также отмечал воздействие Заграничных походов на формирование его мировоззрения: «По собственному о себе понятию, считаю, что с 1813 г. первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь с войсками по разным местам Германии, и по сношениям моим с разными частными лицами тех мест, где находился. Более всего получил склонность к таковому образу мыслей во время моего пребывания в конце 1814 и в начале 1815 года в Париже и Лондоне, как господствующее тогда мнение. Как в чужих краях, так и по возвращению в Россию, вкоренился сей образ мыслей книгами к тому клонящимися»⁴⁵.

Е.П. Оболенский указывал, что «политические науки сделались предметом общих разговоров после возвращения гвардии из Парижа в 1814 г.»⁴⁶ Значение Отечественной войны и Заграничных походов для России и Европы подчеркивал также И.Д. Якушкин: «Россия была спасена, но для императора Александра этого было мало; он двинулся за границу со своим войском для освобождения народов от общего их притеснителя. Прусский народ, втоптаный в грязь Наполеоном, первый отозвался на великодушное признание Александра; все восстало и вооружилось. В 13-м году император Александр перестал быть царем русским и обратился в императора Европы. Подвигаясь вперед с оружием в руках и призывая каждого к свободе, он был прекрасен в Германии; но был еще прекраснее, когда мы пришли в 14-м году в Париж»⁴⁷. Подводя итог Заграничному походу, Якушкин писал: «Пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло не изменить воззрения сколько-нибудь мыслящей молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос»⁴⁸. Об этом же Якушкин сообщал в показаниях Следственной комиссии: «Пребывание во время похода за границей, вероятно, в первый раз обратили мое внимание на состав общественный в России и заставили меня видеть в нем недостатки»⁴⁹.

По возвращении офицерского корпуса в Петербург часть прогрессивно настроенных офицеров испытала неудовольствие от вынужденного бездействия: «В 1814 году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на сто лет вперед»⁵⁰. Поэтому «обра-

---

довались, как неожиданному счастью», объявлению похода в связи с бегством Наполеона с острова Эльбы. По словам Якушкина, «этот поход от Петербурга до Вильно и обратно был для гвардии прогулкой»⁵¹.

Н.И. Лорер отмечал, что «полки, наполненные молодежью, по возвращении из Парижа увидели в рядах своих новое поколение офицеров, которое начинало уже углубляться в свое назначение, стало понимать, что не для того единственно носят мундир, чтоб обучать солдат маршировке да выправке. Все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному»⁵².

И спустя годы декабристы остались верны своим убеждениям, которые не изменили ни время, ни возраст. С.Г. Волконский, анализируя процесс формирования оппозиционных настроений, утверждал, что «кампания 12-го года и последующих 13 и 14 гг. подняли наш народный дух, сблизили нас с Европой, с установлениями, порядком управления и народными гарантиями; противоположность нашего государственного быта, ничтожество наших народных прав, гнет нашего государственного управления резко выказались уму и сердцу многих»⁵³.

М.А. Фонвизину «двукратное пребывание за границею открыло много идей политических», о которых он «прежде не слыхивал». «Возвратясь в Россию, в свободное от службы время» Фонвизин «продолжал заниматься политическими сочинениями разного рода и иностранными газетами, и в это время, читая разные теории политические, дерзал в мечтаниях... желать принорования оных и к России»⁵⁴. В «Обзрении проявления политической жизни в России» декабрист, вспоминая события прошедших лет, писал: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейскою цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виданное им за границею с тем, что им на всяком шагу представлялось на Родине: рабство огромного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство. Многие из них познакомились с германскими офицерами, членами прусского тайного союза, который так благотворно содействовал освобождению и возвышению Пруссии, французскими либералами. В открытых беседах с ними наши молодые люди нечувствительно усвоили их свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям, стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием»⁵⁵.

Н.И. Тургенев, один из зачинателей декабристского движения, анализируя «состояние умов в России» после окончания войн с Наполеоном, в своем известном исследовании «Россия и русские» отмечал: «Я вернулся на Родину в 1816 году. Толчок, данный умам только что произошедшими событиями, или, скорее, возбуждение, ими произведенное, были очевидны. Именно с возвращения русских армий в свою страну либеральные идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России. Кроме регулярных войск большие массы народного ополчения также видели заграничные страны. Эти ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам и рассказывали о том, что они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий голос. Это была настоящая пропаганда. Это новое настроение умов, сказывавшееся преимущественно в тех местах, где были сосредоточены войска. Особенно же в Санкт-Петербурге, деловом центре, включающем многочисленные гарнизоны из отборных мест»⁵⁶. Тургенев делился и собственными впечатлениями: «Я слышал, как люди, возвращавшиеся в Санкт-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали изумление при виде пере-

мены, произошедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи этой столицы: она, как будто, пробудилась к новой жизни, вдохновлялась всем, что было благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили они в публичных местах, или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений»⁵⁷.

Изучение Заграничных походов 1813—1814 гг. имеет огромное значение при осмыслении стереотипов взаимовосприятия русских и французов (как и восприятия русской армии в других европейских странах), «образа врага», особенностей повседневной жизни русских офицеров и солдат в походных условиях, отдельных важных аспектов влияния опыта, приобретенного прогрессивной частью русского офицества, на развитие их общественно-политических взглядов.

Примечания

- ¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии: Сборник документов. М., 1964. С. 13.
- ² Там же.
- ³ *Дружинин Н.М.* Освободительная война 1813 года и русское общество // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 58.
- ⁴ *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1882. С. 442.
- ⁵ *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года...». М., 1987. С. 111; Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии... С. 13; Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сборник документов. М., 1962.
- ⁶ Листовки Отечественной войны 1812 г. С. 97.
- ⁷ *Орлик О.В.* Указ. соч. С. 112.
- ⁸ Сын отчества. 1813. Ч. 7. № 28. С. 52.
- ⁹ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.
- ¹⁰ См.: *Штейнгель В.И.* Записки, касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига. М.-СПб., 1814—1815; *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием Отечественной войны с 1812 по 1815 год. В 8 ч. М., 1815—1816; *Лажечников И.И.* Походные записки русского офицера. М. 1820; *Раевский А.Ф.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 1822.
- ¹¹ *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. С. 196.
- ¹² *Петров М.М.* Рассказы служившего в первом егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе его и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 г. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Составитель Ф.А. Петров и др. М., 1991. С. 244.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Мешетич Г.П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. 1818 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии... С. 24—103.
- ¹⁵ «Исторические записки...» Г.П. Мешетича перекликаются с «Походными записками артиллериста» его однополчанина — И.Т. Радожицкого, также служившего в 11-й артиллерийской бригаде, вышедшими в 1835 г.
- ¹⁶ *Радожицкий И.Т.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 гг. Ч. 2. Ч. 3. М., 1835.
- ¹⁷ См.: *Глинка Ф.Н.* Указ. соч.; *Лажечников И.И.* Указ. соч.; *Раевский А.Ф.* Указ. соч.; *Спиридов И.М.* Лейб-гвардии Измайловский полк в сражениях при Пирне и Кульме 16 и 17 августа 1813 г. // Северный архив. 1825. Ч. 17. № 18; *Скобелев И.Н.* Рязанский пехотный полк при Реймсе 28-го февраля, 1 и 2 марта 1828 года // Славянин. 1828. Ч. 7. № 32. С. 191—204, 1829. Ч. 10. № 14—15. С. 5—12 (под заглавием 14 марта 1814 г.); *Он же.* Переписка и рассказы русского инвалида. СПб., 1838; *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1831; *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1—2. СПб., 1834;

- Радожницкий И.Т.* Указ. соч.; *Давыдов Д.В.* Занятие Дрездена 1813 года 10 марта // Современник. 1836. Т. 4; *Глинка С.Н.* Записки о Москве и заграничных происшестввах от исхода 1812 до половины 1815 года. СПб., 1837; *Голицын Н.Б.* Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов кн. Н.Б. Голицына. М., 1838; *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. СПб., 1843; *Зайцев А.* Воспоминания о походах 1812 года, составленные из рассказов офицера Александра Зайцева. М., 1852.
- ¹⁸ *Муравьев-Карский Н.Н.* Воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 29.
- ¹⁹ *Чичерин А.В.* Дневник Александра Чичерина. 1812—1813 гг. М., 1966.
- ²⁰ *Муравьев-Карский Н.Н.* Воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 29.
- ²¹ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 1032. Л. 36.
- ²² *Францев В.А.* Русские в Чехии в 1813—1823 гг. Прага, 1913. С. 15—16.
- ²³ *Мешетич Г.П.* Указ. соч. С. 60—62.
- ²⁴ *Батюшков К.Н.* Воспоминания о Петине // Москвитянин. Ч. 2. № 5. С. 11—20; *Петин И.А.* (1789—1813) — полковник, убит под Лейпцигом, недалеко от реки Плейссы.
- ²⁵ Там же. С. 18.
- ²⁶ *Глинка Ф.Н.* Указ. соч.; *Мешетич Г.П.* Указ. соч. С. 71—73; *Петров М.М.* Указ. соч. С. 257—285; *Радожницкий И.Т.* Указ. соч.; *Лажечников И.И.* Указ. соч.; *Глинка С.Н.* Указ. соч.; *Лорер Н.И.* Записки о моем времени. М., 1931 и др.
- ²⁷ *Лорер Н.И.* Указ. соч. С. 331.
- ²⁸ Там же. С. 338.
- ²⁹ *Павлова Л.Я.* Декабристы — участники войн 1805—1814 гг. М., 1979. С. 90.
- ³⁰ *Лорер Н.И.* Указ. соч. С. 339—340.
- ³¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3419. Л. 163.
- ³² *Петров М.М.* Указ. соч. С. 265.
- ³³ *Дурова Н.А.* Записки кавалерист-девицы. М., 2005, С. 237.
- ³⁴ *Глинка Ф.Н.* Указ. соч. Ч. 7. М., 1815. С. 117—118.
- ³⁵ *Муравьев-Карский Н.Н.* Воспоминания // Русский архив. 1886. Кн. 1. С. 75.
- ³⁶ *Губина М.В.* Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814—1818 гг.) // Россия и мир: из истории взаимовосприятия. Выпуск первый. М., 2000. С. 138.
- ³⁷ *Мешетич Г.П.* Указ. соч. С. 71—79; *Петров М.М.* Указ. соч. С. 257—285; *Казаков И.М.* Поход во Францию 1814 года // Русская старина. 1908. Т. 133. № 3. С. 522—544, Т. 134. № 5. С. 351—368; *Каховский М.И.* Записки генерала Каховского о походе во Францию в 1814 г. // Русская старина. 1914. Т. 157. № 2. С. 444—462, № 3. С. 679—680; *Радожницкий И.Т.* Указ. соч.; *Лажечников И.И.* Указ. соч.; *Глинка С.Н.* Указ. соч.; *Лорер Н.И.* Указ. соч. и др.
- ³⁸ Этот факт, по общему мнению мемуаристов, особенно наглядно проявился в неоднократных попытках парижан сбросить статую Наполеона с Вандомской колонны.
- ³⁹ *Каховский М.И.* Указ. соч. // Русская старина. 1914. Т. 157. № 3. С. 679—680.
- ⁴⁰ *Губина М.В.* Указ. соч. С. 142—143.
- ⁴¹ Повесть Н.А. Бестужева «Русский в Париже 1814 года» датируется 1831—1840 гг.
- ⁴² *Федоров В.А.* Мемуары декабристов // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 8.
- ⁴³ Восстание декабристов. Т. 1. М.—Л., 1925. С. 156.
- ⁴⁴ *Трубецкой С.П.* Прибавление к «Запискам» // Мемуары декабристов. Северное общество... С. 66.
- ⁴⁵ Восстание декабристов. Т. 10. М.—Л., 1952. С. 109.
- ⁴⁶ Там же. Т. 1. М.—Л., 1925. С. 226.
- ⁴⁷ *Якушкин И.Д.* Записки // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1987. С. 380—381.
- ⁴⁸ Там же. С. 381.
- ⁴⁹ Восстание декабристов. Т. 3. М.—Л., 1950. С. 44.
- ⁵⁰ *Якушкин И.Д.* Указ. соч. С. 382.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Лорер Н.И.* Указ. соч. С. 327.
- ⁵³ *Волконский. С.Г.* Записки. СПб., 1901. С. 400—401.
- ⁵⁴ *Фонвизин М.А.* Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М., 1951. С. 385—386.
- ⁵⁵ *Фонвизин М.А.* Обзорение проявлений политической жизни в России // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1. СПб., 1906. С. 82.
- ⁵⁶ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 59.
- ⁵⁷ Там же. С. 61.

Пленные Великой армии о немецких колониях на Волге

С началом Отечественной войны 1812 года Саратовская губерния, благодаря своему тыловому расположению, стала одним из мест размещения пленных Великой армии, которые находились здесь до полной репатриации летом 1814 г. Многие из них по возвращении домой записали воспоминания о той кампании и годах плена. Однако эти сочинения, изданные в разных странах Европы, как правило, еще в XIX в., длительное время не были известны саратовским краеведам и только в 2009 г. впервые были сведены под одной обложкой¹, а затем стали вводиться в научный оборот². Степень достоверности и информативности этих источников различна, однако то обстоятельство, что в русских источниках личного происхождения история Саратовского края эпохи наполеоновских войн освещена крайне слабо, увеличивает их значение.

Информация, содержащаяся в мемуарах пленных, разнопланова, немало места на их страницах отведено поволжским колониям и колонистам, которых военнопленные Великой армии, благодаря этнической близости, знали лучше всего. Одни писали о колониях понаслышке, другие имели короткие и случайные контакты с колонистами. Например, подполковник, шеф эскадрона 9-го легкоконного полка барон К.Х. Шенк фон Винтерштедт прямо указывает: «Я хочу сообщить о том, что я сам слышал от колонистов о возникновении этих колоний»³. Но были среди пленных и такие, как лейтенант 2-го батальона Гессен-Дармштадтского лейб-полка Ф. Пепплер, который провел плен в Камышине, где долго находился в немецкой среде⁴. В силу малой известности российским историкам эти памятники эпохи еще не становились предметом исследовательского анализа по заявленному вопросу.

Пленные были хорошо осведомлены о том, что иностранных колонистов пригласили на жительство в Россию «еще в царствование императрицы Екатерины II»⁵, но затруднялись в определении конкретного времени этого события. Ф. Пепплер полагал, что это произошло «примерно в середине прошлого века»⁶, а лейтенант 9-го польского шеволежерского полка граф К.А. фон Ведель — что это было 50 лет назад⁷. И лишь Шенк указывает практически точную дату — 1763 г.⁸ Большинство колонистов прибыли из различных немецких государств, например, из Саксонии⁹, Пфальца¹⁰ и Вюртемберга¹¹. Однако «не одни только немцы поселились здесь, но и французы, англичане, греки и болгары». «Оттого ... в Саратовской губернии имеются также одна английская¹² и одна французская¹³ колонии», — утверждал Шенк¹⁴.

Мемуаристы расходятся в определении количества колоний. Так, например, сержант вестфальского Егерско-Карабинерного батальона Л. Флек, проследовавший Саратовскую губернию транзитом, ограничился констатацией того, что «в живописной долине Волги находится ... очень много немецких колоний»¹⁵. Ведель полагал, что только на левом берегу Волги «располагается сотня немецких колоний»¹⁶. Обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты К.Л. фон Йелин писал: «В этой губернии насчитывается сто четыре немецких поселения»¹⁷. Более точен Пепплер:

«По обоим берегам этой большой реки, распределенные на значительном расстоянии, находятся 105 немецких колоний; из них 50 находятся по эту сторону (т.е. по правую сторону — В.Т.), а остальные по ту сторону Волги»¹⁸. А вот по данным Шенка, они «состоят более чем из 120 деревень»¹⁹. Все мемуаристы близки к истине, так как по данным современных исследователей всего к концу XVIII в. в Саратовском наместничестве по обоим берегам Волги было основано от 102 до 106 колоний²⁰.

Общее число переселившихся колонистов Шенк оценивает в более чем 50 тыс. человек²¹, а старший хирург Главной квартиры 1-го армейского корпуса Ф. Мерсье — в 120 тыс. человек²². Обе цифры являются завышенными, так как к концу XVIII в. на Волгу переселилось лишь более 23 тыс. человек из 22 государств, говоривших на семи различных языках, не считая диалектов²³.

Колонисты, прибывшие на берега Волги, по мнению Йелина, подчинялись «непосредственно правительству»²⁴. Другие мемуаристы более точны: «Незнание вновь прибывшими как языка, так и обычаев, и нравов русских и собственно новизна колонизации сделали необходимым передать управление колониями отдельному органу власти. Так в Саратове была учреждена дирекция²⁵, которая занимается исключительно только делами колоний», — писал Шенк²⁶. «Колонисты совершенно не подчинялись местным властям, т.е. губернаторам, исправникам, городничим и т.п., в каждом губернском городе находилась особая императорская контора, наблюдавшая за жизнью и поведением колонистов, и эта контора сносилась непосредственно с министром внутренних дел», — дополнял его врач 10-го гусарского полка армии Великого герцогства Варшавского С.Б. Пешке²⁷. Утверждение же Пепплера о том, что Камышин «возглавляет на юге все немецкие колонии, расположенные по эту сторону Волги»²⁸, не соответствует действительности.

В мемуарах содержится интересная информация о социально-правовом положении колонистов. «Каждый колонист, прибывая на место, получает от государства пару коней, одного вола, корову, некоторые земледельческие орудия и сторублевый аванс, ... а обосновавшиеся здесь ранее колонисты обязаны помогать ему при строительстве дома и обустройстве усадьбы», — сообщал Пешке²⁹. Шенк добавлял, что «колонистам были дарованы многие привилегии, как, н[апример], свобода вероисповедания, освобождение от налогов на определенное время, денежные ссуды для оплаты приезда и их устройства, освобождение от военной и гражданской службы и т.д.»³⁰. Такую же информацию можно найти в других воспоминаниях³¹. Однако мемуаристы расходятся в определении продолжительности отсрочки. Пешке в одном месте своих воспоминаний указал, что колонист освобождался от всех податей всего на три года, однако в другом месте написал, что «лишь через десять лет после поселения они начинали платить государственные подати, весьма небольшие»³². Напротив, Ведель полагал, что «освобождение от всех повинностей и налогов» было пожаловано им на 50 лет и «заканчивалось в 1814 году»³³. На самом деле колонисты освобождались от «всяких налогов и тягот» на 30 лет, но уже через 10 лет переселенцы начинали погашать беспроцентную ссуду, полученную от государства на строительство, закупку скота, сельхозинвентаря и т.д.³⁴

Говоря о хозяйственных занятиях колонистов, мемуаристы отмечали, что они занимались в основном земледелием наравне с русскими крестьянами. «Только в немецких колониях все выглядит лучше, они стараются взять у земли как можно больше»³⁵. Правда, «пшеница была здесь скверной, но рожь, ячмень, горох и овес ро-

---

дились великолепно. Картофель был неважным, несмотря на то, что люди выбирали для его возделывания, насколько это было возможно, самые подходящие земли. Они никогда не имели его в достатке, и никак не могли справиться с этой бедой, тем более что соседствующие с ними русские крестьяне вовсе не сажали картофель»³⁶. Кроме того, «они выращивают всевозможные плоды, но, преимущественно, садовых растений, которые продают в Саратове»³⁷, а Сарепта, расположенная в южной части губернии, «славится своими виноградниками», из ягод которых «с большим успехом начали производить вино»³⁸.

«Во всех без исключения колониях хорошо развито животноводство, на луговой стороне особенно развито коневодство»³⁹. Кроме того, «они занимаются большой торговлей лошадами, крупным рогатым скотом, а также отличной шерстью знаменитых калмыцких овец, которых они покупают летом у приграничных кочевых башкир, калмыков и татар, а затем продают русским»⁴⁰.

«В самом Саратове проживает много немцев, которые держатся здесь очень сплоченно», — сообщал Йелин⁴¹, а, по мнению Веделя, они даже составляют «больше половины жителей» города⁴². Многочисленные саратовские немцы даже «имеют собственную улицу, называемую “Немецкая улица”»^{43,44}.

Колонисты, перебравшиеся в города, занимались торговлей и ростовщичеством. Шенк вспоминал, что из-за завышения цен на товары русскими купцами «мы вынуждены были прибегнуть к помощи иностранных купцов в Саратове, главным образом, немецких и итальянских»⁴⁵, а Ведель был лично «знаком с одним купцом по имени Кюль, ... который осел в Саратове и занимался здесь кредитными операциями и торговлей en gros (в целом. — *фр.*)»⁴⁶.

Колонисты содержали также трактиры и постоянные дворы. Все тот же Ведель в день своего прибытия в Саратов «зашел в немецкий трактир, который обнаруживал себя немецкой вывеской»⁴⁷, а солдат 9-го линейного полка Д. ван Додеваард находился в услужении у немца, «державшего кабак и небольшую гостиницу»⁴⁸. О немецкой гостинице в Саратове, которая принадлежала некоему Готтфриду Шульцу, вспоминает Пепплер⁴⁹.

Переселенцы были заняты и в сфере промышленной деятельности. «Почти все ремесленники [Саратова] были немцами. Последние охотно принимали немецких пленных в качестве подмастерьев»⁵⁰. Среди них мемуаристами отмечены столяры, портные и шорники⁵¹. «Эти колонии в будущем могут стать для Российской империи очень важными, так как там иностранцами уже основаны многие значительные фабрики и мануфактуры»⁵², одна из которых принадлежала некоему Мейссингеру⁵³.

Немцы входили и в культурную элиту местного общества. Врачи, хирурги и аптекари Саратовской губернии — «это все немцы», — вспоминал Мерсье⁵⁴. Некоторые из них трудились и на ниве просвещения⁵⁵. Но даже «среди ремесленников и представителей свободных профессий» «встречаются люди хорошо воспитанные, одаренные полезными знаниями», — вспоминал Пепплер. В колонии Дрейшпиц он, например, встретил мельника, который был очень образованным человеком: «я был особенно удивлен [его] изысканной, несколько большой библиотекой, большая часть которой состояла из трудов по сельскому хозяйству»⁵⁶. А у купца Рюля Пешке читал немецкие газеты, издававшиеся в Риге⁵⁷. Завершая характеристику хозяйственной деятельности колонистов, многие мемуаристы подчеркивают, что «это были трудолюбивые и зажиточные люди»⁵⁸.

Много места в мемуарах отведено зарисовкам повседневной жизни и быта колонистов. В них, например, содержится описание «их гостеприимных и чистоплотных жилищ»⁵⁹. «Их большие дома были построены из камня⁶⁰, комнаты в домах были просторными, столь же просторными были кладовые, кухни и погреба. В комнатах было много шкафов, столов, табуреток и деревянных лавок, на стенах сверкали оловянные и медные предметы домашней утвари»⁶¹. В домах немецких колонистов были «настоящие постели», а не кушетки или деревянные скамьи, как у русских, вспоминал Мерсье⁶².

В мемуарах можно встретить и характеристику отдельных усадеб. Например, Пепплер так описывает хутор мельника Ринга, который находился в 12 часах езды от Камышина: «Мельница имела прекрасное расположение, ее внутреннее устройство было предельно практичным; в домашнем хозяйстве, как и в деловых отношениях, господствовала строгая регулярность. Жилое здание имело два этажа, при нем располагался прекрасный открытый сад с деревьями великолепнейших фруктовых сортов, чье содержание при тамошних суровых зимах очень дорогостоящее; достаточно большой сад предлагал различные, устроенные со вкусом, ландшафты Парфии»⁶³.

Мемуаристы вспоминали, что колонисты «до сих пор сохранили свой язык», «большая часть из них говорила по-немецки»⁶⁴, по левой стороне Волги «можно проехать более 300 верст и не услышать ни одного русского слова»⁶⁵. «Все они все еще носили точно такую же одежду, как в Германии»⁶⁶, хотя некоторые из них уже «одеваются ... так же, как и русские, не нося, однако, бороды»⁶⁷.

Колонисты «продолжали жить по немецким правилам и обычаям», — пишет Ведель⁶⁸. Ему вторит Пепплер: «нас звали на большинство тамошних храмовых праздников, и нас словно переносило на родину, поскольку они праздновались с тем же шумным весельем, с теми же обычаями»⁶⁹. В домах колонистов «нас угощали по-немецки»⁷⁰. Если Флек из «блюд немецкой кухни» упоминает только картофель, который «стал источником нашего наслаждения»⁷¹, то Пешке более обстоятелен: «мы ... увидели большие куски говядины, приправленные вкусной пряной подливой, ... жаркое из свинины с картофелем и салат из сельдерея»⁷².

В записках военнопленных встречаются свидетельства о религиозной принадлежности тех или иных колонистов и характеристика культовых сооружений. Йелин вспоминал, что колонисты «очень религиозны», их «религиозные учреждения очень хороши, хотя, конечно, к духовным пастырям нельзя предъявлять те же самые требования, что в Германии»⁷³. Среди колонистов были католики, лютеране и реформаты⁷⁴. «В Саратове действовали тогда ... одна немецкая католическая и одна немецкая лютеранская церкви»⁷⁵. Мерсье также упоминает «часовню, или, вернее говоря, протестантский храм, сооруженный общиной немецких колонистов, которые поселились в Сердобске»⁷⁶. Преобладали в колониях лютеране. «Почти все жители немецких колоний исповедуют лютеранскую веру и к трем или четырем деревням всегда приставлен один лютеранский проповедник», — свидетельствует Шенк⁷⁷. Кроме того, в Поволжье проживали и представители таких протестантских сект, как меннониты⁷⁸ и гернгутеры, обосновавшиеся в Сарепте⁷⁹.

Языковая и культурная близость пленных и колонистов обусловили то гостеприимство, с которым транспорты пленных неизменно встречали в колониях⁸⁰. Ибо, «хотя большинство нынешнего населения колоний уже составляют второе поколение, но, все же, они причисляют себя к их немецкой родине и бесконечно счастли-

вы, когда встречают своего земляка»⁸¹. «Они говорили о своем огромном желании еще раз увидеть родные места. Их тоска по родине была настолько велика, что погасить ее оказалось не в силах 50-летнее пребывание на новом месте жительства»⁸². Многим пленным этот гостеприимный прием сохранил жизнь⁸³. В итоге «многие немцы, размещенные в немецких колониях..., знакомые с земледелием, женились на дочерях немецких колонистов»⁸⁴, а позднее приняли решение навсегда связать свою судьбу с новой родиной⁸⁵.

Таким образом, сведения, содержащиеся в мемуарах военнопленных Великой армии о саратовских колониях и их обитателях, дают богатый материал по истории их быта и повседневности и, при сопоставлении с показаниями русских источников, помогают составить объемную панораму тамошней жизни.

Примечания

- ¹ См.: Саратовская губерния глазами пленных Великой армии: Материалы к курсу «История Саратовского Поволжья» / Сост., вступ. ст. и коммент. В.П. Тотфалушина. Саратов, 2009; *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники. (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии). К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2011.
- ² См.: *Тотфалушин В.П.* Саратов в воспоминаниях военнопленных 1812 года // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов, 2010; *Он же.* Саратовские степи и их обитатели в мемуарах пленных «12-го года» // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: Сборник докладов и материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 8—10 июня 2012 г. Уфа, 2012.
- ³ *Шенк К.Х.Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 208.
- ⁴ См.: *Пепплер Ф.* Описание моего плена в России с 1812 по 1814 годы // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 106—132.
- ⁵ См.: *Ведель К.А.В. фон.* История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813—1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 27; *Мерсье Ф.* Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 69; *Пешке С.Б.* Мое пребывание в российском плену в 1812 году // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 134; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 208.
- ⁶ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 116.
- ⁷ См.: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22.
- ⁸ См.: *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 208.
- ⁹ См.: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁰ См.: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 121.
- ¹¹ См.: *Пешке С. Б.* Указ. соч. С. 134.
- ¹² Фантазия автора.
- ¹³ Очевидно, имеется ввиду колония Францозен (Россоши, после 1941 г. — Первомайское), но к началу XIX в. французов в ней почти не осталось (См.: *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М., 2000. С. 295).
- ¹⁴ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 208, 210.
- ¹⁵ *Флек Л.* Описание моих страданий и судеб во время наполеоновского похода и моего плена в России // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 180.
- ¹⁶ *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 27.
- ¹⁷ *Йелин К.Л. фон* Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника одного немецкого офицера // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 58.
- ¹⁸ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 110.
- ¹⁹ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 208, 210.

- ²⁰ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. Саратов, 1993. С. 85; История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие для средних и старших классов школ всех типов. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000. С. 71; *Герман А.А., Плева И.Р.* Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк: Учебное пособие. Саратов, 2002. С. 29.
- ²¹ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 208.
- ²² *Мерсье Ф.* Указ. соч. С. 71.
- ²³ См.: *Плева И.Р.* Указ. соч. С. 284.
- ²⁴ *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 59.
- ²⁵ Главным административным учреждением волжских колоний была Саратовская контора опекунов иностранных, которая подчинялась Департаменту государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел (См.: ПСЗ-I. Т. 31. № 24714).
- ²⁶ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 208.
- ²⁷ *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 135.
- ²⁸ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 116.
- ²⁹ *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 134.
- ³⁰ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 208.
- ³¹ См.: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22, 24; *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 59; *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 135.
- ³² См.: *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 135, 136.
- ³³ См.: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22, 24.
- ³⁴ См.: *Плева И.Р.* Указ. соч. С. 60—61.
- ³⁵ [*Додеваард Д. ван*]. Воспоминания одного военнопленного в России о 1812, 1813 и 1814 гг., написанные Д. ван Додеваардом, бывшим солдатом Великой армии, а в настоящее время лавочником в Офесдене / Обработано и дополнено сведениями о власти, численности населения, богатстве и положении в современной России Дж. де Флеттером // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 53.
- ³⁶ *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 134—135. См. также: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 116; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 194.
- ³⁷ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 210.
- ³⁸ См.: *Мерсье Ф.* Указ. соч. С. 68; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 209.
- ³⁹ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 110. См. также: *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 135.
- ⁴⁰ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 210.
- ⁴¹ *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 60. См. также: [*Рюппель С. Э.*] Военнопленный в сердце России. 1812—1814 гг.: Воспоминания гусарского лейтенанта Вестфальской королевской армии Эдуарда Рюппеля, обработанные и изданные Фридрихом Клеменсом Эббардом // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 167.
- ⁴² *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 27.
- ⁴³ В Саратове они селились во 2 и 3 кварталах Немецкой слободы (позднее ул. Немецкой, ныне проспект имени С.М. Кирова).
- ⁴⁴ См. *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 107; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 194.
- ⁴⁵ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 196.
- ⁴⁶ *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁷ Там же. С. 29.
- ⁴⁸ *Додеваард Д. ван.* Указ. соч. С. 58.
- ⁴⁹ См.: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 108.
- ⁵⁰ *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 27, см. также С. 25.
- ⁵¹ См.: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 115, 116, 117, 131; *Рюппель С.Э.* Указ. соч. С. 173.
- ⁵² *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 209.
- ⁵³ См.: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 109.
- ⁵⁴ *Мерсье Ф.* Указ. соч. С. 77.
- ⁵⁵ См.: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 20; *Рюппель С.Э.* Указ. соч. С. 163.
- ⁵⁶ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 118, 120.
- ⁵⁷ См.: *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 148.
- ⁵⁸ *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 134. См. также: *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 58—59; *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 115.
- ⁵⁹ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 114.
- ⁶⁰ Здесь мемуарист заблуждается, так как жилища колонистов возводились преимущественно из дерева. См.: *Терехин С.О.* Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. Саратов, 1999. С. 101, 165.

-
- ⁶¹ *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 135.
- ⁶² См.: *Мерсье Ф.* Указ. соч. С. 69.
- ⁶³ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 119—120.
- ⁶⁴ См.: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22; *Мерсье Ф.* Указ. соч. С. 69. См. также: *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 58; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 195.
- ⁶⁵ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 210.
- ⁶⁶ *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 58. См. также: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22.
- ⁶⁷ См.: *Флек Л.* Указ. соч. С. 179; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 210.
- ⁶⁸ *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22. См. также: *Флек Л.* Указ. соч. С. 180.
- ⁶⁹ *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 125, см. также С. 130.
- ⁷⁰ Там же. С. 114.
- ⁷¹ *Флек Л.* Указ. соч. С. 179, 180.
- ⁷² *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 135.
- ⁷³ *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 60.
- ⁷⁴ См.: *Фуртенбах Ф. фон.* Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812—1813 годов // *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники... С. 182.
- ⁷⁵ *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 26—27. О двух немецких церквях вспоминает также *Ф. Пепплер* (Указ. соч. С. 109), о лютеранской кирхе — *К.Х.Л. Шенк* (Указ. соч. С. 194—195).
- ⁷⁶ *Мерсье Ф.* Указ. соч. С. 69.
- ⁷⁷ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 210.
- ⁷⁸ См.: *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 35; *Фуртенбах Ф. фон.* Указ. соч. С. 182.
- ⁷⁹ См.: *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 148; *Рюппель С.Э.* Указ. соч. С. 162, 173; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 215; *Фуртенбах Ф. фон.* Указ. соч. С. 182.
- ⁸⁰ См.: *Йелин К.Л. фон.* Указ. соч. С. 58—59; *Мерсье Ф.* Указ. соч. С. 105; *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 114, 120, 126; *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 133.
- ⁸¹ *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 210.
- ⁸² *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 22. См. также: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 120.
- ⁸³ См.: *Флек Л.* Указ. соч. С. 179; *Шенк К.Х.Л.* Указ. соч. С. 195, 208, 210.
- ⁸⁴ *Ведель К.А.В. фон.* Указ. соч. С. 24.
- ⁸⁵ Там же. С. 27. См. также: *Флек Л.* Указ. соч. С. 180.

Д.З. Фельдман

Две аудиенции у Александра I:
к вопросу об участии российских евреев
в военных кампаниях с наполеоновской Францией
1812—1814 гг.

Как известно, в правление императора Александра I евреи еще не служили в российской армии, военная служба была заменена им рекрутским сбором. Однако, составляя большинство городского и наиболее активного населения тех западных областей, где прошла французская армия при своем победоносном наступлении и трагическом отступлении, они имели возможность влиять и, несомненно, повлияли на ход военных действий. В массе своей они оказывали посильную помощь военному командованию России в рамках своих социальных и бытовых возможностей, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания современников и что подтверждают сохранившиеся архивные источники.

Евреи занимались агентурной работой в пользу российских войск (в том числе армейских партизанских отрядов), добывая информацию о численности, передвижениях и вооружении армии противника. Еще в довоенный период еврейские «бойцы невидимого фронта» выполняли задания русской разведки за границей — в Герцогстве Варшавском и Королевстве Пруссия, доставляя сведения о военных приготовлениях наполеоновского командования, причем этими лазутчиками были сугубо гражданские лица. Командиры воинских подразделений использовали их в качестве курьеров для поддержания связи между частями русской армии, а также как проводников, хорошо знавших местность, на которой шли военные действия. Гражданская же администрация привлекала евреев к работе тайными полицейскими агентами-информаторами для наблюдения за подозрительными лицами. Большинство российских агентов-евреев так же, как и наполеоновская агентура, работали за деньги, но, в отличие от последней, индифферентно относившейся к политическим целям войны, они руководствовались не только карьерными соображениями и планами личного обогащения. Французам удалось найти среди гражданского населения лишь небольшое число предателей, готовых на сотрудничество с ними.

Целые кагалы и отдельные лица активно участвовали в сборе денежных пожертвований для нужд обороны страны. Многие еврейские купцы и мещане принимали участие в военных поставках и подрядах. Для борьбы с французами в России были использованы все возможные средства, в том числе религиозные и патриотические призывы. Антинаполеоновские настроения еврейских духовных руководителей того времени, в частности, рабби Шнеура Залмана из Ляд и других раввинов, и помощь, оказываемая хасидами и миснагидами (ортодоксами-раввинистами), вызывали изумление в русском обществе. Хроника Отечественной войны 1812 года зафиксировала самоотверженные подвиги евреев. Некоторые из них, укрывшие в своих жилищах русских курьеров с секретными депешами, проводившие их к командирам русских военных частей и передавшие командованию сведения о расположении

неприятельских войск, попав в руки французов, были расстреляны или повешены. Поражение Великой армии было встречено еврейским населением с огромной радостью и энтузиазмом.

Следует отметить, что деятельность еврейского населения оккупированных земель по оказанию помощи русской армии не была стихийной. Скорее всего, ее координировали находившиеся в 1812—1814 гг. при Императорской главной квартире два видных еврея — Зундель (Йехуда-Зундель) Моисеевич Зонненберг (Зоненберг, Гродненский) и Лейзер (Лейзар, Лейзор, Лезер) Борухович Диллон (де Леон, Деллион, Делион, Дилон, Дюлон, Несвижский), носившие официальный титул «депутатов от еврейского народа» или «от кагалов»¹.

С началом войны они исполняли через своих агентов на местах различные поручения Александра I, касавшиеся обеспечения войск: получали заказы военного интендантства и распределяли их между поставщиками-евреями. Наряду с официальными поручениями, депутаты выполняли и секретные задания высшего командования, в частности, по формированию тайной еврейской агентуры, базировавшейся на кагалах. Также они являлись посредниками между верховной властью и еврейскими общинами, которым передавали необходимые инструкции и указания, информировали о намерениях правительства, организовывали сбор пожертвований от евреев и т. д. Именно через кагалы военное руководство и местная администрация обращались к еврейскому населению городов и местечек как с требованиями о выполнении тех или иных повинностей военного времени, так и с просьбами о помощи и со словами благодарности. Тем самым еврейские депутаты играли двойную роль при Главной квартире Его Императорского Величества, которую они сопровождали и за границей.

Оба еврейских депутата выдвинулись в качестве активных поставщиков различных товаров для русской армии, причем архивные материалы свидетельствуют о том, что несвижский купец Диллон выступал крупным снабженцем войск уже во время кампании 1805 г., в которой русские войска потерпели поражение². Из документов становится известно, что он оказал значительные услуги по военным поставкам также в военную кампанию 1813—1814 гг.: «за исправную перевозку из Юрбурга и Таурогена в Плоцк артиллерийских снарядов весом до 25 тысяч пудов» ему была вручена золотая медаль «За усердие» на алой ленте ценой 59 рублей 64 копейки³. Об этом говорится в представлениях генерала от инфантерии М.Б. Баркляя де Толли от 18 июля 1813 г. и генерала от артиллерии графа А.А. Аракчеева, в письмах управляющего Военным министерством князя А.И. Горчакова министру финансов Д.А. Гурьеву от 19 сентября и Гурьева к Горчакову от 25 сентября того же года.

Две подобные золотые медали на Аннинской и Александровской лентах получил по окончании Отечественной войны, в 1814 г. и 1819 г., «депутат еврейских кагалов, гродненский обыватель» Зундель Зонненберг. Первой медалью (ценой 59 рублей 64 копейки) его наградили в Петерсвальде, второй (ценой 60 рублей 67½ копеек) — в Брухзале. Сведения о последнем награждении имеются в «Высочайше утвержденном 13 января 1819 г. списке гражданам, рекомендованным от начальников губерний и представленным управляющим Министерством полиции к медалям»; 30 января указанным лицам медали были вручены. Встречаются в этом списке и другие евреи. Так, купец Шмуль Левенсон получил в Петерсвальде золотую медаль «За усердие» на Аннинской ленте ценой 64 рубля 23 копейки; серебряными медалями «За усердие» на

таких же лентах ценой по 4 рубля 58 копеек каждая были награждены брестские жители Лейзер Рубенштейн и Абрам Венигрид.

Зундель Зонненберг, занимавший в 1812—1820 г. пост еврейского депутата при центральной власти, являлся одним из наиболее влиятельных еврейских лидеров Российской империи первой четверти XIX в. Как сообщал в 1820 г. в своей записке министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну резко критиковавший еврейскую депутацию маскил («просвещенный» еврей) Гиллель (Гиллер) Аронов Маркевич, до своего возвышения Зонненберг был «при Гродненском кагале штадлером, или зачинщиком»⁴, т.е. выступал как представитель местного еврейства при губернаторе (здесь, вероятно, слово «штадлер» является одним из диалектных вариантов слова «штадлан»). В записке содержится также нелестная характеристика личных качеств Зонненберга, который, по словам Маркевича, принадлежал к числу «людей глупых, но гордых и спесивых»⁵. В воспоминаниях Ицхака (Исаака, Ицко) Сассона (Сосона, Сасуна), личного секретаря депутата, представлен яркий, но, скорее всего, обусловленный субъективным отношением мемуариста образ Зонненберга как человека невежественного, недалекого и вспыльчивого, интригана и доносчика, враждовавшего с остальными депутатами, которые платили ему тем же⁶. В мемориях (кратких резюме журналов заседаний) Четвертого еврейского комитета (Главного комитета об устройстве евреев) 1823—1835 гг., составленных в конце 1820-х гг. после упразднения депутации и установления нового политического курса по отношению к евреям, указание на отрицательные стороны деятельности Зонненберга (его «неосновательные домогательства, противные всем особенным законам, о евреях изданным, и общегражданским установлениям», и «дерзость пред начальством»⁷) подкрепляло мнение комитета о еврейских депутациях как о явлении бесполезном и даже вредном. Большинство источников, связанных с личностью и деятельностью Зонненберга, содержат тенденциозные оценки еврейского депутата, обусловленные либо личной враждой, либо маскильским осуждением его как защитника еврейских традиций, либо установившимся в административных кругах общим отношением к еврейскому представительству. Все это, однако, не помешало правительству наградить еврейского депутата за оказанные им государству услуги.

В то же время из недавно обнаруженных архивных документов следует, что и его коллега Лейзер Диллон награждался неоднократно, причем особой разновидностью медали. Так, в прошении Диллона начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфу из Вильно от 24 января 1829 г. (автобиографическая часть которого почти дословно дублируется в его же прошении Николаю I от 24 декабря 1830 г. из Несвижа) говорится о его награждении за заслуги в войне 1812 года, в том числе за выполнение личных секретных поручений Александра I: «Государь император, по собственному Его Величества удостоверению о выполнении мною всех препоручений с глубочайшею усердностью, высочайше изволил в воздаяние таковой моей службы и во внимание на усердие и честность пожаловать мне при особых грамотах три золотые медали с украшением алмазами»⁸. В этих же прошении Диллон раскрывает некоторые подробности своей деятельности: «В прошлом 1812-м году, во время французской кампании, когда... государю императору по представлению военного верховного начальства о приверженности еврейского народа ко всеавгустейшему престолу благоугодно было повелеть об отряжении из того народа особых достойных депутатов для нахождения при Главной квартире, удостоился я быть

избран в сию должность и находился при той же Его Величества квартире чрез долгое время, в течение коего возлагаемы были на меня разные высочайшие препоручения как от самой высочайшей особы, ... так и чрез некоторых главных начальников. И по высочайшему повелению учреждены были мною тогда в некоторых губерниях особенные благонадежные и секретные еврейские кагалы для представления мне нужных сведений по важнейшим, даже и по политическим делам, о коих имел я счастье своевременно всеподданнейше Его Императорскому Величеству доносить»⁹. По окончании военных действий на российской территории Диллон, «быв уже не отпущен от Главной квартиры, употреблен был к дальнейшим тайным препоручениям и находился при Его Величестве на конгрессе в австрийской столице Вене и в прочих местах»¹⁰.

Любопытно, что в 1820-х гг. по доносу Диллон был приговорен к телесному наказанию, лишению медалей и ссылке в Сибирь, но затем был помилован¹¹. В составленной в связи с этим канцелярской справке говорилось, что несвижский купец, «бывший лично известным блаженной памяти государю императору Александру Павловичу своею преданностью, имел различные поручения во время Отечественной войны 1812-го года. Поручения сии заключались в следующем: доставление к местам назначений артиллерийских запасных парков, разные поставки для госпиталей и провианта для армии. Все сии поручения Лейзер Дилон исполнил по обстоятельствам того времени успешно, в чем имеет свидетельства от многих лиц. Потом в продолжение кампании 1813-го и 1814-го годов находился при Главной квартире Его Императорского Величества и был всегда употребляем с пользою, за что удостоился получить три медали, из коих одна — на голубой ленте, украшенная алмазами»¹². По всей видимости, последняя из них была золотой медалью «За усердие», поскольку такую же награду, но на алой ленте, он получил раньше, в 1813 г. Наличие у Дилона трех медалей, в том числе одной с бриллиантами, подтверждает справка III отделения. Она приложена к прошению его сына, жителя Брест-Литовска Гродненской губернии Янкеля (Якова) Лейзерова Диллона, Николаю I от 19 августа 1848 г., в которой указывается, что отец просителя, еврей Лейзер Диллон, «был употребляем правительством» во время войны с французами для секретных поручений и получил за услуги три медали, а во время «беспокойств в Западном крае» в 1831 г. (имеется в виду первое польское восстание 1830—1831 гг.) выполнял ответственные задания военных властей, подтвержденные соответствующими аттестатами¹³.

Активная деятельность еврейских депутатов помогла им приблизиться к императору и его окружению. Это позволило представить на рассмотрение высших сановников многочисленные проблемы еврейского населения. Деятельность обоих депутатов отвечала функциям «штадланут» — своеобразного института еврейского представительства при верховной власти, который сложился и существовал гораздо раньше (в Польско-Литовском государстве) в силу отчужденности иудейской общины от остального населения. Посредники между евреями и властью — штадланы (уполномоченные от кагалов, ходатаи по делам евреев) были вынуждены выражать интересы своего народа перед монархами и правительствами для урегулирования спорных вопросов. Надо полагать, что и правительству в это беспокойное время было выгодно держать при себе представителей еврейского народа, которые могли влиять на своих соплеменников в соответствии с данными им политическими инструкциями.

Из литературы по истории военной кампании 1812 года известно о безуспешных попытках властей выслать накануне войны из Москвы и соседних губернских

центров подозрительных иностранцев и евреев. В конце июля — августе 1812 г. по распоряжению нового главнокомандующего русскими войсками князя М.И. Голенищева-Кутузова из Москвы в Нижний Новгород для содержания там под стражей были высланы 540 бродяг и подозрительных лиц, проживавших в разных уездах Московской губернии. В числе последних было и несколько евреев из Витебска, Шклова и Мстиславля, содержавших питейные заведения в Можайском и Волоколамском уездах, что само по себе, при наличии черты оседлости и запрете на производство и продажу евреями водки, было противозаконно¹⁴.

Тем не менее жесткие меры по отношению к евреям — содержателям кабаков под Москвой были применены только в связи с начавшейся войной. Антиеврейские настроения в обществе, обострившиеся в связи с военной угрозой, во многом обусловили применение к евреям жестких мер и суровое обращение с арестантами. Статус евреев, оказавшихся в нижегородской тюрьме, оставался неясным для местного начальства. Как позже писал нижегородский губернатор в отношении министру полиции, «не только род их преступлений, но даже и списка именам их не было»¹⁵. Обращения к московским властям за разъяснениями не дали никакого результата. Тем временем поступило распоряжение Комитета министров, согласно которому высланных евреев следовало судить на местах¹⁶. При этом еврейские арестанты не были склонны мириться с ролью пассивных жертв административного произвола. Они активно боролись за улучшение своей участи: подавали прошения губернатору об увеличении отпускавшейся на их содержание казенной суммы и изменении условий заключения¹⁷, и даже сумели передать письмо Витебскому кагалу, который, в свою очередь, обратился к еврейскому депутату Зунделю Зонненбергу с просьбой о ходатайстве.

30 июня 1813 г. депутат, находившийся в тот момент в городке Рейхенбах (Саксония), отправил прошение генерал-адъютанту А.Д. Балашову¹⁸. Ярко описывая страдания еврейских арестантов в московском остроге и по пути в Нижний Новгород, Зонненберг не упоминал о нарушенных ими формальных ограничительных нормах. Заслуживает внимания решительный и даже дерзкий тон прошения: депутат добивался освобождения не только нижегородских арестантов, но и всех «им подобных евреев, если находятся в таковом же заключении», и «снабжения их подводами и продовольствием, ... пока не доедут до своих кагалов». Реакция министра свидетельствует о достигнутой депутатами высокой степени влияния на власть. Уже через неделю Балашов потребовал объяснений от нижегородского губернатора, заявившего, что упомянутые евреи давно освобождены из-под стражи, однако им запрещено покидать город¹⁹. Известно также, что еще осенью 1812 г. началось постепенное возвращение сыльных евреев к местам их жительства²⁰. Обращение члена «еврейской депутации» возымело действие: большая часть сосланных в Саратов и Нижний Новгород евреев получила свободу «вследствие предписания господина главнокомандующего в С[анкт]-Петербурге от 30 июня 1813 г.», последовавшего в ответ на прошение Зонненберга министру Балашову²¹. Имеются сведения, что уже после окончания Отечественной войны петербургский генерал-губернатор граф С.К. Вязмитинов несколько раз пытался выдворить евреев из Санкт-Петербурга, однако благодаря заступничеству двух влиятельных еврейских депутатов высылка была отсрочена и фактически не произведена²².

Князь Н.Н. Голицын, автор довольно объемного труда по истории российского законодательства о евреях, данный эпизод деятельности еврейских депутатов рас-

---

сма­три­вал в рам­ках ма­гис­траль­ной ли­нии его ра­боты: про­де­мон­стри­ро­вать не­га­тив­ную роль еврейства в соци­альной и эконо­мической жизни Рос­сийской империи, в част­ности, в воен­ных собы­тиях 1812 г. К наи­более одиозным про­явлениям еврейской актив­ности князь причис­лял «происки» раз­лич­ных еврейских де­путатов. Со­гласно ин­тер­прета­ции Го­лицына, де­путаты при Глав­ной квар­тире во время вой­ны Зун­дель Зон­ненберг и Лей­зер Дил­лон стремились стать «де­я­тель­ными ли­цами вблизи го­сударя» и «са­мозванно» именовали себя еврейскими де­путатами. Они, якобы, по­сто­ян­но вы­ступали «по де­лам, да­же во­все до них не от­но­сящимся», и «позво­ляли себе» воз­буждать в еврейской сре­де необос­нованные на­дежды на улу­чшение по­ло­жения ев­реев²³. В качестве до­каза­тель­ства вме­шательства де­путатов в «не от­но­сящиеся» к их компетен­ции де­ла упо­миналось хо­датайство Зон­нен­берга за вы­сланных из Моск­вы в Ниж­ний Нов­город ев­реев²⁴. Кроме того, выдвигая тезис об отри­цатель­ной роли ев­реев в войне с На­полеоном, Го­лицын упо­минает о «преступ­лениях», якобы со­вер­шен­ных вы­сланными ев­реями в Ниж­нем Нов­городе, не со­про­во­ждая эти дан­ные точ­ными ссы­лками²⁵. В име­ющихся в на­шем рас­поря­жении до­ку­ментах та­ких све­дений не об­на­ру­жено. Пе­ре­писка долж­ност­ных лиц по дан­ному во­просу пол­ностью оп­ровер­гает суж­дение Го­лицына о «са­мозван­стве» де­путатов. Са­мо упо­треб­ление термина «де­путат» в де­ло­про­из­вод­ствен­ных до­ку­ментах 1812—1813 г. озна­чало фак­тическое при­знание этой роли за Зон­нен­бергом и Дил­лоном. Про­из­воль­ная трак­товка Го­лицыным ис­поль­зо­ван­ных им ма­тери­алов пол­ностью про­ти­во­речит со­дер­жанию са­мих до­ку­ментов.

«На­хо­дящиеся при Глав­ной квар­тире де­путаты от еврейского на­рода» при­ложи­ли немало ус­илий, чтобы до­биться об­лег­чения по­ло­жения сво­их еди­но­вер­цев, ко­торое зна­чи­тельно уху­ди­лось к на­чалу вой­ны. В 1813 г. Зон­нен­берг лич­но пред­ставил Алек­сандру I за­писку, в ко­торой со­дер­жался на­бор пред­ло­жений о рас­ши­рении прав рос­сийских ев­реев: о раз­решении тор­гов­ли, от­купа и ви­но­ку­рения по всей Рос­сии; об ог­ра­ни­чении по­мещи­чьих сборов с ев­реев на ус­та­нов­ленном ран­ее уровне; о пре­до­став­лении ев­реям права за­седать в ма­гис­тра­тах и дру­гих ор­ганах мес­тного са­мо­уп­рав­ления в рав­ном чис­ле с хри­стианами; о про­щении недо­имок и по­дат­ных ль­готах; о при­ос­та­новке уп­латы про­центов по дав­ним дол­гам ка­галов; о го­судар­ствен­ной за­щите прав ев­реев, про­жи­ва­ющих в част­ных вла­дениях; об ам­ни­стии ев­реев, на­хо­дящихся под уго­лов­ным су­дом, и пр.²⁶ По­сколь­ку в этой пе­ти­ции за­тра­гивалось боль­шое чис­ло про­блем, она вы­ра­жала ин­тер­есы не од­ного про­сителя, а еврейских об­щин в целом. По сло­вам Л. Дил­лона, царь обе­щал рас­смот­реть эти про­сьбы, но за­писка не по­лучила хо­ду, про­ле­жав в им­пе­ра­тор­ском ка­бинете до его смер­ти. При Ни­колае I, учи­тывая его от­но­шение к ев­реям, этот про­ект тем бо­лее не мог быть осу­ществлен.

Тем не ме­нее ка­галь­ные из­бран­ники сумели (не без по­мощи А.Н. Го­лицына) су­щественно смя­гчить на­метив­шееся у­жесточение за­коно­датель­ной ба­зы по еврейскому во­просу и не­сколь­ко об­лег­чить по­ло­жение еврейского на­селе­ния. Так, были пре­кращены сфа­бри­кованные су­дебные де­ла по об­винению ев­реев в упо­треб­лении хри­стианской кро­ви для ре­ли­ги­озных це­лей («кро­ва­вый на­вет»); ка­галы были осво­бо­ждены от штра­фов и пени за утайку душ по пре­жним ре­визиям, а также от уп­латы по­дат­ных недо­имок за прош­лые го­ды; со­сто­ялась от­мена уже под­го­тов­ленного к опуб­ли­кованию сенатского у­каза, по ко­торому зем­ли, арен­до­ванные ев­реями у по­мещи­ков, долж­ны были быть воз­вра­щены их вла­дель­цам не­зависимо от того, вер­нут ли по­мещи­ки ев­реям дол­ги по арен­дам, и т.д. Несом­ненно, фи­гу­ры Зон­нен­берга и Дил­-

лона выделяются в составе «депутации еврейского народа» как продолжительностью выполнения своих представительских функций, так и личным вкладом в совокупную работу депутатского органа, упраздненного (официально — временно) в 1825 г.

В период боевых действий против французов военные подрядчики З.М. Зонненберг и Л.Б. Диллон получили от начальника Главного штаба князя П.М. Волконского, расположенного к евреям, похвальные листы. Кстати, по свидетельству князя Н.Н. Голицына, которого меньше всего можно заподозрить в особом сочувствии к евреям, некоторые из них «удостоились нескольких похвальных грамот после окончания войны»²⁷. Имеются сведения, что Александр I, проезжая Несвиж, остановился именно у Диллона, а когда впоследствии предприниматель по доносу был заключен в тюрьму, император приказал отпустить его на свободу.

Во время Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. депутаты сопровождали Главную квартиру и за пределами России. 29 июня 1814 г. в Брухзале (Баденское герцогство) они имели аудиенцию у Александра I, стремившегося урегулировать после Отечественной войны отношения со своими подданными-евреями. После аудиенции император через генерал-адъютанта Волконского письменно выразил «высочайшее свое благоволение кагалам за усердную и ревностную службу находившихся при Главной квартире Его Императорского Величества депутатов», распорядившись, «чтобы та же депутация или подобная отправилась в Санкт-Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их всеподданнейших желаний и просьб касательно своевременного улучшения их положения»²⁸. Видимо, русский монарх, располагая сведениями о патриотизме еврейского населения во время войны, имел серьезные намерения облегчить его участь.

В январе 1817 г. оба депутата вновь встречались с царем. Александр I дал обещание отправить специального чиновника для расследования обвинений в ритуальных преступлениях, неправомерно возведенных на некоторые еврейские общины местными властями, а также приостановить ужесточение законодательства в отношении евреев. Этой встрече предшествовало прошение Диллона Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору С.К. Вязмитинову от 20 ноября 1816 г. о его личном представлении Александру I²⁹.

Работы современного израильского исследователя В.М. Лукина показывают, что еще до известной встречи с еврейскими депутатами император дал аудиенцию одному из первых приверженцев российской Гаскалы (еврейского Просвещения) Нафтали-Герцу Абрамовичу Шульману (Шулману). Шульман был уроженцем Старого Быхова Могилевской губернии и еще в довоенные годы попал в поле зрения Александра I, опубликовав на трех языках (древнееврейском, русском и немецком) гимн в честь рождения в 1806 г. дочери императора, великой княгини Елизаветы Александровны. Шульман слыл знатоком библейского языка и его грамматики, пользовался поддержкой ученого-гебраиста и одного из основоположников Гаскалы в России Иошуа (Йешуа) Цейтлина (Цетлина, Цейтельса)³⁰.

Во время Отечественной войны Шульман выполнял посреднические функции между военным командованием и некоторыми еврейскими общинами, чем завоевал расположение властей. Лукин раскрывает подробности его аудиенции у императора³¹. Как известно, 1 января 1813 г. русские гвардейские части вместе с Александром I и начальником Главного штаба действующих армий князем П.М. Волконским, пре-

---

следуя остатки наполеоновских войск, переправились через пограничный Неман и вошли на территорию Восточной Пруссии. Главная квартира разместилась в небольшом городке Лике в 17 км от русской границы. Именно здесь 9 января по представлению главнокомандующего генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова состоялась встреча Шульмана с императором. Александр I отметил личное содействие Шульмана военному командованию и выразил свою признательность всему еврейскому населению России («писанное собственною Его Императорского Величества рукою благоволение еврейскому народу»). Уже по возвращении в Вильно в январе 1813 г. Александр I «всемилодивейше соизволил усчастливить евреев собственноручным высочайшим начертанием»: «С благоволением принимаю службу народа еврейского и его кагалов; надеюсь, что они оправдают мое доверие к ним»³².

Однако главной темой беседы стало обсуждение плана формирования разветвленной агентурной сети, опиравшейся на кагалы. Вот как описывает эту встречу сам Шульман: «Сделавшись я во время водворения в Российскую империю неприятельских войск несколько известным... покойному господину главнокомандующему всеми российскими армиями и разных орденов кавалеру князю Кутузову, и по удостоению Его сиятельства, имел счастье предстать пред лицом Его Императорского Величества и получить высочайшее повеление, объехав все города, избрать под именем кагалных из почтеннейших и твердо соблюдавших закон свой евреев, коих было бы обязанностью доносить не токмо по делам войны, но и о всем том, что к пользе государственной касаться может»³³.

Во время войны 1812 года местная администрация использовала евреев в разведывательной работе, прибегая к помощи еврейских общинных правлений при формировании секретной агентуры. Организаторы военной разведки и сыска принимали поручительства кагалов за тех евреев, которые привлекались к сотрудничеству, как своего рода гарантию их благонадежности. В 1812 г. Шульман находился при командире 22-й пехотной дивизии генерал-майоре С.А. Тучкове, который по приказу адмирала П.В. Чичагова возглавил 2-й резервный корпус в районе Мозыря и участвовал в боях близ Борисова и на Березине. Шульман «по отличному усердию своему и верности к пользе державы Российской употреблен был по разным местам в Польше и Литве для учреждения с общего согласия еврейского народа так называемых тайных кагалов, служивших к извещению российских войск о движениях неприятельских, для дачи проводников, лазутчиков и в прочие тайные, к военным действиям относящиеся поручения, что исполнил он с отличною деятельностью и верностью, не щадя себя в предстоявших опасностях»³⁴.

Упомянутые в источнике «тайные кагалы» представляли собой небольшие группы из нескольких человек, избранных кагалными старшинами. Они формировались при еврейских общинах, находившихся в зоне военных действий. В результате Шульман, следуя устному «высочайше данному поручению», предпринял попытку наладить сотрудничество еврейских общин с верховной властью по организации тайной агентуры, подобной той, что успешно действовала до и во время войны. На руках у него были «охранный лист» (на русском и польском языках) и бланки подорожных для беспрепятственного проезда секретных агентов, подписанные 10 января 1813 г. князем Волконским. Первый документ в качестве поощрительной меры военного руководства требовал от войск, команд и лиц «охранять все еврейские кагалы от постоя и от обид, притеснений и притязаний и оказывать означенному имению всякую защиту и помощь под опасением в противном случае тяжкого наказания по Военному уголовному

уложению» и «во удостоверение, что означенные кагалы находятся под особенным покровительством Его Императорского Величества»³⁵. Финансирование данного проекта, не требовавшего какой-либо специальной подготовки исполнителей, было возложено в основном на еврейские общины, а его успешная реализация позволила бы превратить евреев в особо доверенных лиц, выполнявших важное государственное задание.

Тем не менее, эта деятельность продолжалась при поддержке местных властей лишь чуть более года. В феврале 1814 г. Шульман был задержан в Радомысле Киевской губернии местным городничим. Он организовывал тогда выборы трех особо доверенных — «совестных и знающих еврейские законы» — лиц. После приведения будущих тайных агентов к присяге он намеревался открыть им секретное задание императора, «которого они не должны обнаруживать до тех пор, пока надобность того не востребует»³⁶. Полиция посчитала деятельность Шульмана по формированию агентурной сети вдали от военных действий подозрительной, причем не помогли даже имевшиеся у него для таких случаев «охранные грамоты». Организатор еврейской разведки был отправлен в Киев, а оттуда выслан к семье в Могилев. Вся документация, находившаяся у Шульмана, была реквизирована и отослана в Особенную канцелярию Министерства полиции, а его попытки вернуть бумаги, чтобы продолжить исполнение царского поручения, окончились неудачей³⁷.

Что стало причиной такого резкого поворота? В.М. Лукин справедливо полагает, что прекращение секретного проекта произошло с ведома верховной власти: Александр I быстро охладел к идее создания еврейской агентуры. Возможно, здесь не обошлось без влияния его окружения, опасавшегося возвышения роли еврейства в русском обществе. О дальнейшей судьбе Нафтали-Герца Шульмана известно мало. Судя по литературе, он эмигрировал в Европу, скорее всего, разочаровавшись в сотрудничестве с российским императором, и умер в Амстердаме около 1830 г.

Таким образом, аудиенции еврейских лидеров Российской империи у Александра I показывают, что во время военных кампаний с наполеоновской Францией 1812—1814 гг. российские власти активно сотрудничали с еврейскими общинами (кагалами) в деле организации разведки и снабжения армии. В этой связи на данном этапе проявилось личное благожелательное отношение императора к еврейскому народу, выразившееся в публичном объявлении «милостивейшего расположения» и «высочайшего благоволения», переданных через еврейских представителей. Находясь под впечатлением известий о патриотическом настроении евреев, в массе своей оставшихся верными России в момент трагических потрясений, Александр I, по видимому, был тогда склонен к облегчению их положения в обществе.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Голицын Н.Н.* История русского законодательства о евреях. 1649—1825. Т. 1. СПб., 1886. С. 590; *Дубнов Ш.* Судьбы евреев в России в эпоху западной «первой эмансипации» (1789—1815) // *Евреи в Российской империи XVIII—XIX веков: Сборник трудов еврейских историков.* М.; Иерусалим, 1995. С. 309; *Он же.* Евреи в России в эпоху европейской реакции (1815—1848) // Там же. С. 332—334; *Гинзбург С.М.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912. С. 85; *Маггид Д.Г.* К истории еврейских депутатов в царствование Александра I // *Пережитое.* Т. 4. СПб., 1913. С. 181—191; *Гессен Ю.И.* «Депутаты еврейского народа» при Александре I: По архивным источникам // *Еврейская старина.* СПб., 1909. Вып. 3 (июль—сентябрь). С. 17—29, Вып. 4 (октябрь—декабрь). С. 196—206; *Он же.* Депутаты еврейского народа в России // *Еврейская энцикло-*

- педия. В 16 т. СПб., [1908—1913]. Т. 7. Стб. 103; *Он же*. История еврейского народа в России. Т. 1. Л., 1925. С. 176—182, 209; *Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России. 1772—1825. М.; Иерусалим, 2000. С. 279—281, 283—284, 286—287, 292; *Минкина О.Ю.* «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи. 1772—1825. М., 2011.
- ² РГВИА. Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1. Т. 3. Д. 5611.
- ³ Там же. Д. 2998. Л. 1—4.
- ⁴ Гиллель Маркевич и его проект еврейской реформы / Публ. О.Ю. Минкиной // Архив еврейской истории. Т. 2. М., 2005. С. 354.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: [Sasson I.] 'Eleh nidaf zikhronot // Ha-meliz. 1881. № 6. S. 111—114.
- ⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 624. Л. 102 об, 113.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4. 1829 г. Д. 67. Л. 1, 33 об—34.
- ⁹ Там же. Л. 1, 33 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 16.
- ¹² Там же. Л. 39—39 об.
- ¹³ Там же. Л. 56.
- ¹⁴ См.: *Голицын Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 984; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 44; *Филошкин А.И.* От худости сердца: Измена в Отечественную войну 1812 года // Родина. 2000. № 8. С. 45, 48; *Улицкий Е.Н.* История Московской еврейской общины: Документы и материалы (XVIII — начало XX вв.). М., 2006. С. 27.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 3, 6.
- ¹⁸ Там же. Л. 7—8 об. См. также: *Гессен Ю.И.* «Депутаты еврейского народа» при Александре I... С. 19; *Гинзбург С.М.* Указ соч. С. 85; *Клиер Дж. Д.* Указ. соч. С. 279.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—6.
- ²⁰ См.: *Тотфалушин В.П.* «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: Материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2009. С. 176.
- ²¹ См.: *Минкина О.Ю.* Еврейская депутация к российским властям. 1812—1814 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 152.
- ²² См.: *Гессен В.Ю.* К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины: От первых евреев до XX века. СПб., 2000. С. 31—32.
- ²³ *Голицын Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 589—590.
- ²⁴ Там же. С. 984.
- ²⁵ Там же. С. 587.
- ²⁶ См.: *Гессен Ю.И.* «Депутаты еврейского народа» при Александре I... С. 23—24; *Клиер Дж. Д.* Указ соч. С. 279.
- ²⁷ *Ан-ский С.А.* Страница из истории Отечественной войны // Новая жизнь. СПб., 1912. № 9. Стб. 191—192.
- ²⁸ *Борецкий-Бергфельд Н.П.* Русские евреи в 1812 году // Новый Восход. СПб., 1912. № 37. Стб. 39; *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Т. 1. С. 177; *Дудаков С.Ю.* История одного мифа: Очерки русской литературы XIX—XX вв. М., 1993. С. 42; *Клиер Дж. Д.* Указ. соч. С. 272; *Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней. Т. 1. Иерусалим; М., 2002. С. 295. См. также: Очерк истории рижских евреев: Период второй (1768—1818) // Восход. 1885. № 7. С. 79 (прошение Рижского кагала Лифляндскому и Курляндскому военному губернатору, генерал-лейтенанту маркизу Ф.О. Пауллуччи от ноября 1818 г.).
- ²⁹ РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел Министерства внутренних дел. Оп. 2. Д. 117. Л. 1.
- ³⁰ См.: *Бердников Л.И.* Евреи государства Российского (XV — начало XX вв.): Литературные портреты. М., 2011. С. 204.
- ³¹ *Лукин В.М.* «Служба народа еврейского и его кагалов» // Лехаим. 2007. № 11 (187). С. 38—42 (оригинал: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 16. Л. 6—7).
- ³² Цит. по: *Лукин В.М.* «Служба народа еврейского и его кагалов»... С. 38.
- ³³ *Лукин В.М.* Кагалы тайные и явные // Лехаим. 2012. № 2 (238).
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Лукин В.М.* «Служба народа еврейского и его кагалов»... С. 41.
- ³⁶ *Лукин В.М.* Кагалы тайные и явные...
- ³⁷ *Лукин В.М.* «Служба народа еврейского и его кагалов»... С. 42.

М.А. Виноградов

Болычевская вотчина графа Льва Разумовского в огне французского нашествия 1812 года

Граф Лев Кириллович Разумовский (1757—1818) был одним из богатейших помещиков России начала XIX в. Среди его обширных владений была и можайская вотчина, центром которой являлось село Болычево. Накануне наполеоновского вторжения благодаря энергичной деятельности Льва Кирилловича Болычевская вотчина представляла собой крупное помещичье хозяйство — были построены два господских дома и церкви, основаны парки и кирпичный завод «для домашних надобностей». В состав вотчины входили 3 села и 30 деревень, в которых проживало около 7 500 крепостных графа.

В конце августа 1812 г. в пределы Болычевской вотчины вступила наполеоновская армия¹. Подобных бедствий эти земли не знали со времен литовских разорений XVII в. Лев Кириллович находился в это время в Москве, которую вскоре был вынужден покинуть, уехав в Тамбов².

Накануне нашествия были проведены мероприятия по сохранению графского имущества, но, видимо, они носили ограниченный характер. Алексей и Прасковья Уваровы, разбирая подвал господского дома 50 лет спустя, обнаружили среди мусора удивительной красоты сервиз, выполненный в стиле ампира³. Видимо, сломанная корзина, в которой хранилась интересная находка, была поставлена в подвал во время войны и затерялась.

Масштабы произошедшей в вотчине трагедии во многом отражены в объявлении, поданном графом Львом Кирилловичем в Можайский земский суд 3 марта 1813 г.⁴ В специально составленной «с верными по чистой совести ценами» ведомости тщательно указаны убытки, понесенные от нашествия французов. В селе Поречье неприятелем были сожжены два флигеля господского дома, конюшня, каретный сарай и три двора священнослужителей⁵. В господских домах в Болычево и Поречье было повреждено и разграблено богатое внутреннее убранство: мебель, фортепиано, зеркала, люстры, часы, книги, картины, скульптура, вазы, столовая посуда, постельное белье и бильярд. После пребывания французов не досчитались всевозможных хозяйственных инструментов (в том числе чертежных, садовых, слесарных, токарных, кузнечных) и материалов (металлов, холста, кож, гвоздей, стекла, красок и т.п.). Были утрачены дрожки, повозки, шлюпки, пропали две пожарные трубы с принадлежностями, опустошению подвергся лазарет (медикаменты, инструменты, белье). Большой урон был нанесен значительному лесному хозяйству (ель, сосна, осина, береза) и запасам дров. Убытки понес и кирпичный завод в Болычево, на котором остановилось производство, вследствие чего была нарушена технология. Неприятель разорил оба господских сада, разграбил запасы сена, ржи, пшеницы, ячменя, муки, круп, солода и овса. Имелись потери господского скота (жеребец, коровы, свиньи, бараны) и «птицы разной» (индеек, уток, кур). Все господские убытки оценивались в сумму 86 622 рубля 57 ½ копеек⁶.

Значительно большими были потери дворовых людей и крестьян, принадлежавших графу. Французы сожгли 118 домов (из 745) в Поречье, Пляtkово, Астафьево, Копцово, Боровино, Исаково, Федосьино и Саславино. Крестьяне-погорельцы нашли приют в уцелевших дворах. Огню были преданы и 80 хозяйственных построек (амбары, овины, сараи). Неприятельские солдаты отнимали крестьянское имущество (одежду, белье, посуду), а также вымогали деньги. Колоссальными были потери скота. Если из графского хозяйства была угнана 81 корова, то из крестьянских дворов — 1 058, графские потери птицы составили 160 штук, крестьянские — 5 937. Крепостные потеряли также 2 083 овцы, 341 лошадь. Французы опустошили крестьянские запасы меда (более 12 пудов) и коровьего масла (более 62 пудов). Труженики деревни лишились 48 565 пудов сена, что в 18 раз превышало убытки Л.К. Разумовского. Ситуация осложнялась и тем, что из-за нашествия поля не были засеяны озимым хлебом (781,5 десятина). Суммарные убытки дворовых людей и крестьян определялись в 316 550 рублей 89 копеек⁷, т.е. в 3,5 раза превышали господские. Общие потери, понесенные помещиком, его дворовыми людьми и крепостными, согласно графской ведомости, исчислялись в 403 173 рубля 46 ½ копеек, что в сумме с выданными крестьянам накануне войны и разграбленными французами рожью и яровым хлебом (на 28 333 рубля 50 копеек), составило 431 506 рублей 96 ½ копеек⁸. Эти данные можно сопоставить с общими потерями, понесенными жителями Можайского уезда и Московской губернии⁹. Население Можайска и его уезда лишилось движимого и недвижимого имущества на сумму 4 111 446 рублей (потери Болычевской вотчины составили 10,5% от этой суммы). Что касается общих потерь, понесенных жителями городов и уездов губернии (кроме Москвы и ее уезда), то они составили 21 791 600 рублей (Болычевская вотчина — 2%).

Французские солдаты во время пребывания в можайских владениях графа Разумовского посетили все три церкви вотчины. В ноябре 1812 г. священник каменной церкви Николая Чудотворца в селе Карачарово Василий Михайлов писал епископу Дмитровскому Августину (Виноградскому): «Во время нашествия и пребывания неприятеля вышеозначенная Николаевская церковь несколько расхищена, но утвари церковной еще довольно»¹⁰. В этом же прошении преосвященному Михайлов указывал на повреждение престола в приделе Илии Пророка¹¹. Благочинный священник Василий Адрианов сообщал в вышестоящие церковные инстанции о состоянии Болычевской церкви после вторжения врага: «в селе Болычеве церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом Казанской Божьей Матери деревянная цела, престолы, срачицы, одежды и святые антиминсы целы, утварь церковная вся цела»¹². Наконец, в октябре 1819 г. настоятель храма Рождества Богородицы в селе Поречье Алексей Степанов обращался к митрополиту Московскому и Коломенскому Серафиму (Глаголевскому) с просьбой освятить строение, указывая, что каменная церковь с двумя приделами «после нашествия неприятельского осталась в целости, но за некоторым от них (французов — *М.В.*) повреждением внутри»¹³. Граф Лев Разумовский, перечисляя понесенные убытки, указывал на утрату «храмозданных Карачаровской и Поречской церквей» грамот¹⁴. Этот факт не был отражен в донесениях настоятелей Николаевского и Богородицерождественского храмов.

Видимо, французы могли бы нанести трем вотчинным церквям гораздо больший ущерб, но по мере приближения врага дорогостоящее храмовое имущество в спешном порядке скрывалось. В описи ветхой церковной утвари 1815 г. есть указание на обнару-

---

жение экономкой «в большеческом саду под галерею серебряных венчиков счетом 22»¹⁵. Найденный клад венчиков от икон весил 2 фунта серебра. Если скрывались такие миниатюрные детали украшения образов, то совершенно очевидна попытка спрятать от врага и более дорогостоящие церковные предметы. Можно даже предположить, что французы, переступая пороги указанных храмов, оказывались в полупустых помещениях.

Объявлением и ревизской сказкой 1816 г. фиксируется число крестьян, выбывших из списков крепостных Разумовского вследствие неприятельского нашествия. Сказка выделяет 4 категории крепостного крестьянства, не вернувшегося в родные деревни: ополченцы (182 человека), подводчики (11), пропавшие без вести (25) и убитые французами (31), всего 249 человек¹⁶. В объявлении же выделены 3 категории: умершие «в течение сего несчастного времени» 413 мужских душ, 12 подводчиков и 33 убитых в пределах вотчины, всего 458 человек¹⁷. Полученные сведения не только различаются, но и практически не поддаются сравнительному анализу, т.к. в одном источнике мы имеем дело с точным списком крестьян, а в другом — со статистической обработкой другого списка. Перепроверить число крестьян, указанных в объявлении умершими во время нашествия, по ревизской сказке практически невозможно, поскольку в ней отмечены все крестьяне, скончавшиеся в 1812 г., без указания дат — очевидна опасность включения в подсчеты умерших в первом полугодии, т.е. еще до войны. Большую помощь в решении этой проблемы могла бы оказать метрическая книга за 1812 г., но она не сохранилась в архивных материалах. Объявление, видимо, указывает умершими всех не вернувшихся в вотчину ополченцев.

Интересно, что жены некоторых из погибших крестьян в первые годы после войны бежали из вотчины (5 из 17 бежавших за 4,5 года между ревизиями)¹⁸. Это довольно странно, ведь они могли не только благополучно оставаться в своих семьях, но и выйти замуж за других крестьян. Ответить на вопрос о том, что заставило их бежать, довольно сложно.

Сказка определяет возрастной состав корпуса ополченцев. Большая их часть (три четверти) была представлена молодыми крестьянами (до 30 лет). Минимальный призывной возраст, указанный в источнике, — 15 лет. Важно учитывать, что перепись 1816 г. не указывает всех крестьян, призванных в ополчение, а только не вернувшихся в пределы вотчины. Если учесть, что в Московской губернии и Можайском уезде вернулась в среднем половина ратников, то можно предположить, что в ополчение было определено примерно 350 крестьян, около пятой части можайского войска¹⁹. Это предположение подтвердилось объявлением, поданным от имени графа коллежским секретарем В.С. Михайловым уездному предводителю дворянства А.И. Астафьеву 4 марта 1813 г. В этом документе указано, что «в воины» в 1812 г. было отдано 385 крестьян Разумовского²⁰. Что касается пропавших подводчиков, то оба источника единогласно называют 11 человек (объявление только добавляет еще одну женщину, что, как и в случае с ополченцами, вызывает особый интерес). Ревизия также конкретизирует возраст помогавших армии подводчиков: от 17 до 65 лет. Таким образом, они были старше ополченцев, что объясняется различием их функций.

Ревизская сказка отдельно выделяет пропавших без вести крестьян, но большая их часть (21 из 25 человек) представлена дворовыми людьми села Большечево. Вполне вероятно, что дворовые графа, не объявившиеся до ревизии 1816 г., просто могли совершить побег из вотчины, пользуясь неразберихой во время нашествия. Кроме того, у них могла быть возможность воспользоваться господским добром. Что касается

убитых крестьян, то здесь явно идет речь о тех из них, которые оставались в пределах вотчины. К сожалению, ревизская сказка и объявление дают разные сведения об этой категории крестьян. Первый источник поименно перечисляет 31 крестьянина. Большая часть указанных крепостных проживала в восточной части вотчины, в приходе Николаевской церкви: с. Карачарово (8 человек), д. Макарово (8 человек), д. Кривоногово (6 человек). В д. Боровино того же прихода одному из двух убитых (Афанасию Лаврентьеву) было 68 лет²¹. В оставшихся 7 населенных пунктах было убито по 1 человеку. Второй источник указывает 1 дворового человека, 30 крестьян и 2 крестьянок, но из-за отсутствия имен перепроверить эти данные не представляется возможным²². Видимо, за этими цифрами стоят имена крестьян, давших ценой своей жизни отпор захватчикам, опустошавшим их родные земли и ввергнувшим Россию в пучину тяжелых испытаний.

Как бы то ни было, совершенно очевидна демографическая проблема, возникшая в вотчине Разумовского в 1812 г. Если перепись 1811 г. насчитывала 3 878 мужских душ²³, то 1816 г. — только 3 264²⁴, т.е. численность мужского населения уменьшилась на 16%. Так как перепись 1811 г. не указывает крестьянок, то их число можно определить по исповедной ведомости того же года²⁵. Оно оказывается примерно равным числу крестьян, а в 1816 г. составляет 3 696 человек²⁶, т.е. следует констатировать убыль и женского населения вотчины, хотя и не такую значительную (на 5%). Общее падение численности населения, особенно мужского, и в дальнейшем сказывалось на демографической ситуации в имении графа.

Потери в Можайских землях Разумовского несли и захватчики. Партизанские отряды наносили врагу существенные удары. Точно определить потери неприятеля на территории вотчины не представляется возможным. Предания, сохраняющиеся на протяжении двух веков, донесли до нашего времени память о фактах захоронения вражеских солдат поблизости с местными деревнями, локализация братских захоронений французов может стать задачей для дальнейшего исследования²⁷.

Определенные убытки граф Разумовский понес и от пребывания в селе Поречье частей русской армии²⁸. Омрачило картину бедствия мародерство отдельных крестьян, которые воспользовались сложной военной обстановкой для решения своих материальных трудностей. В объявлении Разумовский, указывая потери в своем лесном хозяйстве, помимо французского грабежа выделяет факт расхищения «неизвестно кем»²⁹. Очевидно, что речь идет о безымянных крестьянах Льва Кирилловича: убытки от постоя русской армии были известны в полном объеме, а кроме французов в вотчине оставались только крепостные. В бумагах Можайского уездного суда значится дело, датированное 11 октября 1813 г., прямо указывающее на недостойные действия крепостных. На 37 листах подробно описан факт ограбления крестьянином д. Межутино (Порецкий приход) «Федором Емельяновым вместе с неприятелем скота и прочего г. Разумовского»³⁰. Крестьяне графа могли быть причастны и к ограблению вотчинного архива (выписки из писцовых и переписных книг, подлинные купчие, межевые книги, рекрутские квитанции, платежные документы)³¹. Маловероятно, что подобная помещичья документация, регламентирующая в основном господско-крестьянские отношения, могла пригодиться французским солдатам. Более заинтересованными в ней были крепостные.

Безусловно, главная ответственность за разграбление Большевской вотчины лежит на наполеоновской армии. Именно нашествие французов разорило обустроен-

ные господские дома, села и деревни, вызвало приход корпуса русских солдат и вынудило некоторых местных крестьян, лишившихся значительной части своего и без того скромного имущества, прибегнуть к мародерству.

В исследовательской литературе отмечалось, что граф Лев Кириллович был, пожалуй, единственной жертвой Отечественной войны 1812 года из всего аристократического семейства Разумовских³². В огне наполеоновского нашествия погибли и другие его владения: знаменитое Петровское и главный господский дом на Тверской улице. Факт захвата неприятелем Можайских владений, конечно, был отмечен графом, но в картине тотального разорения его богатств не выделялся³³. Вплоть до своей кончины в 1818 г. Лев Разумовский пытался восстановить все то, что создавалось ценой его ежедневных забот и значительных финансовых вложений. Доверенное лицо графа В.С. Михайлов в марте 1813 г. признавал, что Лев Кириллович без пособия «здешнее свое имение как должно содержать и восстановить нимало не предвидит»³⁴. Можайские помещики действительно получили средства на восстановление своих хозяйств, но сумма их была невелика (чуть более 5% заявленных убытков). Основная роль в восстановлении хозяйства принадлежит крепостному крестьянству, следует отметить также оперативные действия Льва Разумовского и его вотчинной администрации. В 1816 г., выполняя задачу восстановления всех сожженных селений, поставленную императором Александром I, в вотчине построили 41 двор (оставшиеся 77 дворов были восстановлены ранее). Окончание строительных работ в имении Разумовского в 1816 г. было крупным достижением, в землях многих других помещиков восстановительный процесс не был завершен по причине отсутствия строительного материала. Несмотря на достигнутые успехи, в сожженных врагом селениях по-прежнему остро ощущался дефицит хлеба и скота³⁵. Восстановленная Большечевская вотчина вскоре прекратила свое существование, оказавшись разделенной между наследниками Л.К. Разумовского.

Примечания

¹ В письме брату А.К. Разумовскому Лев Кириллович писал: «27 ноября я покинул город (Москву — М.В.), но не от страха перед врагом, который в то время еще находился в ста верстах от нас... Мои земли под Можайском уже заняты неприятелем, по соседству с моим домом в Петровском правительстве составляет обозы...». В данном фрагменте письма, видимо, допущена ошибка: ноябрь следует заменить на август. Цит. по: *Разумовская М.* Разумовские при царском дворе. Главы из российской истории (1740—1815). СПб., 2004. С. 221.

² Там же.

³ *Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 88.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 4—9. В статье М.К. Гуренок, содержащей ссылки на указанные материалы, допущена неточность: объявление было подано графом Разумовским 3 марта, а не 3 мая. См.: *Гуренок М.К.* История создания архитектурного ансамбля усадьбы Поречье // Материалы по истории русской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1984. С. 49.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 5. М.К. Гуренок, цитируя объявление графа Разумовского, допускает еще одну неточность: семь сожженных французами господских и церковных строений оценивались в 10 750 рублей, а не в 10 570 рублей. См.: *Гуренок М.К.* Указ. соч. С. 51.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 5—7.

⁷ Там же. Л. 6—8.

⁸ Там же. Л. 8 об.

⁹ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 17. Д. 36. Л. 17—24.

¹⁰ Там же. Ф. 203. Оп. 752. Д. 135. Л. 1.

-
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Д. 921. Л. 2.
- ¹³ Там же. Д. 7591. Л. 1.
- ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 8 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 32.
- ¹⁶ Подсчет мой по: ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121. Л. 135 об—625.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.
- ¹⁸ Подсчет мой по: ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121.
- ¹⁹ Сведения о численности Можайского ополчения, а также губернскую и уездную статистику возвращения ополченцев см.: *Прохоров М.Ф.* Из истории награждения медалями ратников Московского ополчения 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. III: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. М., 2004. С. 128.
- ²⁰ ЦИАМ. Ф. 392. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.
- ²¹ Там же. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121. Л. 454 об.
- ²² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.
- ²³ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 33. Л. 971. В заявлении Разумовского, поданном от имени графа В.С. Михайловым, указано, что по последней ревизии состояло 3 851 мужская душа (Ф. 392. Оп. 1. Д. 5. Л. 45). Возможно, речь идет о числе ревизских душ на военный 1812 г.
- ²⁴ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121. Л. 624 об.
- ²⁵ Подсчет мой по: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 840.
- ²⁶ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121. Л. 625.
- ²⁷ Интерес вызывает факт активного участия крестьян вотчины в уборке и сожжении трупов (ЦИАМ. Ф. 392. Оп. 1. Д. 7). Специальный отряд, в котором они состояли, включал еще крестьян села Глазова (с деревнями) и Репотинской волости. Руководили работой этого отряда капитан Жилин и квартальный поручик Бакшеев. Статистические отчеты января — марта 1813 г. свидетельствуют, что в санитарном отряде в отдельные дни трудилось от 37 до 400 крестьян Большеческой вотчины, но их общее число определить затруднительно, т.к. к работе могли привлекаться одни и те же крестьяне. Кроме того, за некоторые дни в источнике дано общее число участников, без разделения по месту жительства. В результате этой масштабной операции были убраны тысячи трупов, обнаруженных повсеместно в районе генерального сражения. Крестьяне вотчины благодаря этому мероприятию смогли поправить свое финансовое положение, получая кроме двух чарок водки по 50 копеек ежедневно.
- ²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 5 об.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ ЦИАМ. Ф. 99. Оп. 1. Л. 1а об.
- ³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 8 об.
- ³² *Разумовская М.* Указ соч. С. 220.
- ³³ Там же. С. 221. (См.: Письмо графа Льва Кирилловича, адресованное брату Андрею Разумовскому).
- ³⁴ ЦИАМ. Ф. 392. Оп. 1. Д. 5. Л. 45 об—46.
- ³⁵ О завершении строительных работ и сохранявшихся проблемах в 1816 г. см.: ЦИАМ. Ф. 392. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об, 24.

Ю.А. Лабунцев, Л.Л. Щавинская

Патриотический голос «малороссийского простолюдина» о военных победах России в 1812 году

Отечественная война 1812 года прямо коснулась всех восточнославянских народов Российской империи. Поход наполеоновских войск по украинским землям был сорван в немалой степени благодаря Малоярославецкому сражению, когда, как писал Ф.Н. Глинка, «вся армия фланговым маршем передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собою врата Малороссии»¹. Одновременно на украинских землях была создана мощная внутренняя самооборона, многие части которой позднее влились в состав регулярных российских войск².

За несколько лет до появления в высших правительственных кругах Российской империи идеи о возрождении «в Малороссии казачьих полков»³, местные уроженцы создали ряд «казацких» литературных произведений на живом народном языке, имевших яркую антинаполеоновскую направленность. Так, в Санкт-Петербурге были напечатаны стихи «Запорожского козака Твердовского», посвященные известному бою в ноябре 1806 г. под Пултуском, в которых есть такие пророческие строки о будущей победе над Наполеоном: «Колы же хочешь? так крутыся // Поки пристыгне твій koniec; // Тільки тогди вже не вертыся // Як кине на тебе Донец // Аркан, якіїж! давно готовый, // И дуже мицный, гарный, новый, // Хоть як тягны не перервеш! // Покайся же поки живешь; // А то пан Бениксон докаже, // Що петли не мынешь ты враже!»⁴.

Тогда же в журнале «Вестник Европы» была опубликована ода штаб-лекаря Григория Кошиц-Квитницкого, «сочиненная на Малороссийском наречии по случаю временного ополчения», в которой автор весьма лапидарно передает настроения, царившие в те годы в российском обществе по отношению к Франции и французам, а также пророчит ополченцам триумфальную победу: «О! не знаете Французы // Нашу братью козаків, // Хотите и нас кургузы // Быты, так як Прусакив. // Бусурмане! зась гадючий! // Визмешь тут рожен колючий! // Мы бывалы не таких! // Утекайте обидранцы, // Мы не Прусы не Цысарци // В Высле вас потопим всіх»⁵.

Примечательно, что все эти произведения, изданные самыми большими по тем временам тиражами, получили весьма широкое распространение и активно переписывались⁶. Это касалось не только «многих жителей Малороссии и Украины», которые «охотно читали Вестник Европы», о чем сообщал его редактор М.Т. Каченовский⁷, но и всего тогдашнего российского общества. Особый интерес представляют примеры переписки этих стихотворных произведений латиницей в польской среде⁸.

Настроения, царившие на украинских землях в грозном 1812 г., и более позднюю память о них весьма образно описали многие известные деятели XIX в., например, профессор М.А. Максимович и Т.Г. Шевченко. В своих записках о близких ему по месту рождения героях-казаках, участниках войн с Наполеоном, в том числе таких знаменитых, как генерал-лейтенант Д.П. Неверовский, а также совсем ныне безвестных, М.А. Максимович сообщал: «Вспылала златоглавая Москва. Кипела и волновалась Русская земля, как море, собираясь извергнуть из себя надменный кумир

запада, с его полчищами. В ту пору всеобщего вооружения Руси ополчалась и Малороссия... Ополчению Полтавскому... предложено было составиться из 13 211 человек, а собралось более 16 000 ратников, именовавшихся тогда казаками. Первоначальным распорядителем этого ополчения был Дмитрий Прокофьевич Трошинский, статс-секретарь Екатерины II, служивший министром уделов юстиции в царствование Александра... Вслед за тем, когда объявлена была царская воля об ополчении Малороссийского казачества, выраженная в рескрипте 25 июля, казаки немедленно снарядили от себя с двадцати пяти душ по одному вооруженному всаднику; и в сентябре готовы уже были пятнадцать полков (9 Полтавских и 6 Черниговских, по 1 200 человек в каждом)⁹.

Т.Г. Шевченко писал: «Наконец, разрешился от бремени своими чудовищами-чадами страшный 12 год. Как жертва всесожжения, вспыхнула святая белокаменная, и из конца в конец по всему царству раздался клич, чтобы выходили и стар, и млад заливать вражескою кровью великий пожар московский. Достиг этот судорожный клич и до пределов нашей мирной Украины. Зашевелилась она, моя родная маты: зашевелилось охочекомонное и охочепешее ополчение малороссийское»¹⁰.

В рядах создателей этих отрядов оказался и прямой предшественник Т.Г. Шевченко на литературном поприще, коренной полтавчанин, родоначальник новой украинской литературы капитан И.П. Котляревский, лично сформировавший в августе 1812 г. пятый полтавский «малороссийский казачий полк», куда люди поступали, по его словам, «с удовольствием, охотностью и без малейшего уныния»¹¹.

Еще более значительна роль в развертывании самообороны на украинских землях предводителя дворянства Полтавской губернии Д.П. Трошинского, незаслуженно забытого ныне государственного деятеля общероссийского масштаба, человека весьма близкого ко двору, сенатора и министра, выходца из семьи украинского казака. Прямой и косвенный участник многолетней череды политических и военных событий, связанных с наполеоновскими войнами, выдающийся собиратель самых разнообразных материалов, тому посвященных¹², он оказался и одним из тех, чьи рукописи военного времени читаются сейчас как громкие патриотические призывы к государственному и военному руководству страны, которое не могло не реагировать на них. 26 сентября 1812 г. Д.П. Трошинский, лично знавший М.И. Кутузова, писал ему из Полтавы: «Боже мой! До какого по несчастью дожили мы времени! Кровь на сердце запекается, когда помыслию, что ни мужественное многочисленное войско, ни вождь, состарившийся на бранях и многократно победою увенчанный, не могли заградить ворот Москвы кровожадному врагу, неслыханно счастливыми случайностями водимому и убеждающему даже и самых недоверчивых людей в том, что несбыточному верить должно... Но зачем предаваться унынию?.. Вы еще живы, дух российский еще жив и в сердцах соотечественников наших воспламенится несчастьем, как бурею искра в погасающем пожаре. Сия надежда утешает меня и ободряет совещать[ся] с вами о спасении престола и Отечества. С доверенностью предложу вам мои мысли: главнейшая есть та, что сила народа нашего велика, что враг в середине нашего царства, зачем же медлить ополчить весь народ? Государь 18 июля думал, что довольно части оного для отражения врага. Он пощадил общее рвение и подовольствовался частию жертвы, оным предложенной. Событие доказало истину, что не всегда милосердие венчается достойною наградою, что должно иногда с сжатым сердцем и с твердостью для искоренения зла не дорожить и тем, что нам лю-

безно. Ежели бы земское ополчение не остановлено было в губерниях Харьковской, Курской, Орловской и Псковской, то до сих пор по примеру Малороссии было бы готово до 200 тыс. воинов, с помощью части регулярных войск могущих преградить или по крайней мере затруднять врагу обратный путь, по которому теперь приливается к нему беспрестанно новая всякого рода подмога. Чего медлите вы? Пригласите все сии губернии к вооружению — ревность их наградит потерянное время. Все готовы, в две недели ополчится более ста тысяч войска, когда в один месяц и не при толь бедственной крайности Малая Россия вывела на границы свои до 60 тыс. большую частью конных казаков. Вы вождь, приобретший доверенность всех состояний — они ждут слова вашего. Не косните. Уверьтесь примером нашим в общей готовности жертвовать всем за царя и отечество. Когда и Манифест 18 июля не остановил нашего усердия, внушенного одною предосторожностью, то падение Москвы не окрылит ли рвения всех россиян? Уже я слышу, что Слободской губернии дворянство и без звания готовится последовать нашему подвигу. Одно ваше слово оживит благородное общество и прочих губерний. Повторяю вам, светлейший князь! Не косните. Спасение отечества требует от вас решимости — ею торжествует враг, ею да погребется сила его в снега холодной, но пламенем любви к царю и отечеству горящей России»¹³. Со всем, видимо, не зря юный Н.В. Гоголь, дальний родственник Д.П. Трошинского, называл его «великим человеком» и «благодетелем Малороссии»¹⁴.

События, вызванные наполеоновскими войнами, способствовали появлению в Российской империи значительной литературы, посвященной многим лицам и обстоятельствам, с ними связанным. Внушительный массив этих разнообразных по жанру и объему произведений по сей день недостаточно изучен. Особенно не повезло различным произведениям «народной литературы», большая часть которой осталась в рукописях. Французское вторжение 1812 года мобилизовало патриотические чувства в разных сословиях, а у украинцев способствовало появлению целой серии произведений на родном языке. Эти сочинения, вслед за «Энеидой» И.П. Котляревского, стали основой развития новой украинской литературы. Они самым непосредственным образом напоминают стихотворные «казацкие» антинаполеоновские сочинения прежних лет и составляют с ними единое целое. К ним можно отнести «малороссийскую оду» «Мысли украинского жителя о нашествии французов», напечатанную в Москве в 1813 г. в составе сборника «Знай русских!»¹⁵.

К числу подобных сочинений принадлежит также получившая широкое распространение «Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году»¹⁶. Она была написана Петром Данилевским в конце 1812 — самом начале 1813 г., а в феврале 1813 г. напечатана в Санкт-Петербурге в типографии Ивана Глазунова. Цензурное разрешение на печать было выдано цензором Иваном Тимковским 12 февраля 1813 г. Тираж издания быстро разошелся и вскоре появилось большое число рукописных списков оды, прежде всего, на территории современной Украины¹⁷, которые затем в течение нескольких десятилетий служили источниками появления новых ее списков, переделок и подражаний, на что обращали внимание исследователи еще в конце XIX в.¹⁸

Вопрос о рецепции текста «Оды» П. Данилевского и подобных ей сочинений антинаполеоновской направленности на «малороссийском наречии» представляет огромный интерес не только для историков украинской культуры и литературы, но и исследователей социальных процессов в Российской империи в целом. Так, речь

может идти об изучении эффективности различных видов агитационной литературы, получившей тогда широкое распространение. В научной литературе на большом фактическом материале освещена пока лишь деятельность Русской Православной Церкви с ее патриотическими воззваниями, неустанной молитвенной и проповеднической работой¹⁹.

Собранные нами материалы позволяют утверждать, что разнообразные «малороссийские» антинаполеоновские тексты светского характера наряду со всевозможными народными картинками весьма широко распространялись тогда по всем украинским землям, входившим в состав Российской империи. Об этом пишет и Т.Г. Шевченко в своей автобиографии²⁰. Уже с конца XVIII в. подписные издания столичных российских типографий расходились более чем в полусотне «городов и местечек Волынской, Киевской, Малороссийской, Подольской губерний, а также Слободской Украины»²¹. Украинских читателей привлекал и сам живой народный язык этих антинаполеоновских сочинений, который к тому времени уже начал изучаться. В 1805 г. на рассмотрение Академии наук была представлена рукопись А.П. Павловского «Обозрение малороссийского наречия или грамматическое показание существеннейших отличий, отделивших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями», опубликованная под несколько иным заглавием в Санкт-Петербурге в 1818 г.²²

«Ода» П. Данилевского дает глубокую оценку событий войны 1812 года с позиций украинского простолюдина или, возможно, переселенца в Санкт-Петербург, где весьма многочисленной была украинская диаспора. Вместе с тем, в ней представлен своеобразный простонародный литературный портрет Наполеона, проводится анализ его идеологии, которой противопоставляется тогдашний российский взгляд на мироустройство.

«Малороссийский простолюдин» неплохо осведомлен о внешности и завоеваниях Наполеона: «Кажуть так з себе маленькій // И не завидный шенюк, // Низькій, смуглий и сухенькій, // Щож то, видно, чорту внук». «Раззявив рот» «на весь свит», французский император «Скільки Божого народу // Спик в огни, втопив у воду, // Скільки виська зопсував, // Скільки Царств уже ограбив, // Срибла, золота награбив, // Все голоден бусурман».

Добравшись «в Московщину», Наполеон пытается обмануть россиян, привлечь их на свою сторону с помощью лживых обещаний: «Став був Москалив ласкати; // Вильность панство обиявся, // Як схотять к йому пристати. // Думав так на шыюй скочить // И як дурнями ворочать». Однако посулы Наполеона напрасны, русский народ знает о нем правду («Нит то Москаля не здурьш, // Знае що ты за таке»), он верен своему царю, которого готов защищать до последней капли крови: «Е в нас Батько Царь Наснийший // Вин для нас Найпредобрийший; // Мы божылысь для його, // Кров до капельки пролыты // Колы треба бороньты // Руського Царя свого».

После ряда сражений и бесплодных попыток заключить мир Наполеон, которому «пришлось крутенько», вынужден, «пидогнувши свій хвостыще», отправиться в обратный путь. В заключение автор воспекает победу России: «Слава Богу Господеви! // Слава! Руському Цареви, // Слава! Князю и Грапам. // Слава! Руському народу, // Храбрым Вийськам, Воеводам, // Вирным Руссии сынам!»²³.

Нашествие Наполеона принесло на нашу землю много несчастий, огромному разорению подверглись западные губернии Российской империи и сама Москва,

но «Мы забудем скоро горя, // Що з Москвы ты наглумивсь. // Зробым мы Москву Московою...». Примечательно, что практически в тех же выражениях писал тогда другой «малороссиянин», но не простолюдин, а сенатор Д.П. Трошинский в письме к М.И. Кутузову: «Пала Москва, но, опершись на Вас, устояла Россия; скоро могучею рукою подымет она падшую столицу свою, покажет ее удивленному миру еще в большем великолепии и славе, и удовлетворит его тем, что богатства и сила наша неистощимы»²⁴.

Такая оптимистическая нота задает тон всему объемному произведению, которое выделяется среди других подобных по жанру, в том числе русскоязычных, удачной авторской компоновкой, ясностью и точностью выражений, богатой образностью и зримой связью с традициями народной культуры.

Наполеоновская тема волновала писавших на «малороссийском наречии» и в дальнейшем. Появились рукописные «Стихи малороссийские на случай известия, что Наполеон сослан на остров Эльбу»²⁵. Они не получили столь широкого распространения как «Ода малороссийского простолюдина», напечатанная И. Глазуновым, имевшим от издания и продажи подобной литературы значительный доход²⁶, но прямо продолжили формировавшуюся традицию новой украинской литературы, у истоков которой стояли патриотические произведения антинаполеоновской направленности.

Память об Отечественной войне 1812 года сохраняла интерес к ней современников и потомков. Весьма показательна огромная библиотека семейства Трошинских, в которой были различные антинаполеоновские произведения на «малороссийском наречии». Присутствовали они и в небольших библиотеках малоимущих дворян, различных служивых людей, простых казаков и даже крестьян, часто переписанные от руки и нередко переделанные на свой лад самим переписчиком-пиитом. В дальнейшем «стихи малороссийские» затерялись среди других произведений набравшей силу новой украинской литературы на народном языке. Впрочем, именно эти стихи вслед за «Энеидой» И.П. Котляревского определили тогда само ее дальнейшее существование.

Примечания

- ¹ Глинка Ф. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года. М., 1821. С. 154.
- ² Подробнее см.: Павловский И.Ф. Малороссийское казачье ополчение в 1812 году по архивным данным. Киев, 1906; Украинський народ у Вітчизняній війні 1812 року. Київ, 1948; Абалихин Б.С. Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. Т. 72. М., 1962. С. 87-118.
- ³ См., например: Киевская старина. Киев, 1890. № 1. С. 119-120.
- ⁴ Дух россиян или сердечные чувства Сибирского плавильного мастера Усердова и Запорожского Козака Твердовского, изображенные стихами по случаю победы, одержанной над Бонапартием 14 декабря 1806 года. СПб., 1807. С. 10.
- ⁵ Кошиц-Квитницкий Г. Ода, сочиненная на Малороссийском наречии по случаю временного ополчения // Вестник Европы. М., 1807. Ч. 33. С. 41.
- ⁶ См., например: Лев-й О. Две малорусские оды из эпохи наполеоновских времен (1807-1812) // Киевская старина. Киев, 1886. № 1. С. 187-195.
- ⁷ См.: Вестник Европы. М., 1807. Ч. 33. С. 39.
- ⁸ См.: Возняк М. До початків нового українського письменства // Науковий збірник на рік 1928. Київ, 1928. С. 104-107.
- ⁹ Максимович М.А. Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1876. С. 825-826.

-
- ¹⁰ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. Т. 4. Київ, 2003. С. 22.
- ¹¹ Подробнее см., например: Павловский И.Ф. Участие И.П. Котляревского в формировании малороссийских казачьих полков в 1812 г. // Киевская старина. Киев, 1905. № 6. С. 309-320.
- ¹² См.: Лабунцев Ю., Шавинская Л. Книжный мир гоголевских Кишинев. М., 2012. С. 37-57.
- ¹³ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 7. М., 1903. С. 271-271.
- ¹⁴ См.: Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 113.
- ¹⁵ Знай русских! М., 1813. С. 11-13.
- ¹⁶ См.: Данилевский П. Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году. СПб., 1813.
- ¹⁷ См., например: Лев-ий О. Указ соч.
- ¹⁸ См., например: С.П. Ответ на вопрос о малорусских одах из времени наполеоновских войн // Киевская старина. Киев, 1886. № 4. С. 809-814; Шугуров Н. О малороссийской оде П. Данилевского, написанной по случаю нашествия французов // Киевская старина. Киев, 1895. № 7-8. С. 1-4.
- ¹⁹ См.: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; Она же. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2008.
- ²⁰ См.: Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. Т. 5. Київ, 2003. С. 191-192.
- ²¹ См.: Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 205.
- ²² См.: Павловский А.П. Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818.
- ²³ Данилевский П. Указ соч.
- ²⁴ Цит. по: ЧОИДР. 1861. Кн. 1. С. 204.
- ²⁵ См.: Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Институт рукописи. Ф. 1. Ед. хр. 6694. Л. 173-179. Текст опубликован: Попов П.М. Вітчизняна війна 1812 р. у відображенні сучасної їй поезії на Україні // Філологічний збірник. 1952. № 4. С. 109-110; Бурлеск і травестія в українській поезії першої половини XIX ст. Київ, 1959. С. 98-100.
- ²⁶ См., например: Лисовский Н.М. Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства. СПб., 1903.

Раздел III
1812 год в историографии
и культурной памяти
России и Европы

Л.Л. Ивченко

Современная российская историография Отечественной войны 1812 года

Последняя четверть века, предшествовавшая празднованию 200-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 года, совпала с общественно-политическими изменениями в стране, что оказало воздействие на проблематику исследований и на научные концепции исследователей, которые, в отличие от эпох прежних 100-летнего и 150-летнего юбилеев, формулировались вне «строгой» академической науки. Тому были веские причины. «В ситуации катастрофического разрыва между видением прошлого (и ожиданием определенного будущего) с позиций “марксистско-ленинской концепции” и реальным настоящим... на историков обрушились упреки, что-де вы, советские историки (да и историки вообще) без конца переписываете эту несчастную историю, вы подчиняете ее всякому последнему руководящему указанию, и у вас не хватает мужества раз и навсегда написать правдивую историю и т.д.»¹. На рубеже XX—XXI вв. Б.С. Абалихин, один из авторов монографии по проблемам историографии, вышедшей в издательстве «Наука» на исходе советской власти², так определял ситуацию в изучении темы: «Наша историческая наука освобождается от идеологических штампов и догм. Длительное время в истории 12-го года нередко мифы выдавались за истину, одни деятели принижались, другие, напротив, непомерно возвеличивались. Негласно существовало монопольное право на истину. Труды таких историков, как, например, П.А. Жилин, считались эталонами и находились вне критики, хотя содержали ошибки и просчеты. Как это ни парадоксально, в освещении некоторых сюжетов, например, внешней политики России накануне Отечественной войны 1812 года, господствовала концепция И.В. Сталина, изложенная им еще в 1941 г.»³. В 1990-х — начале 2000-х гг. нас не особенно настораживал тот факт, что эти справедливые упреки «взывают не столько к науке, сколько к этике, и... более принадлежат к эмоциональной публицистике, нежели строгому познанию»⁴.

Противостояние «монопольному праву на истину» имело последствия, о которых обстоятельно говорится в следующей по времени выхода монографии И.А. Шеина: «С начала 90-х гг. прошедшего столетия в историографии темы важное место занимают коллективные формы научной деятельности. Они во многом определили специфику развития темы на современном этапе... Десятилетний итог научной деятельности постоянно действующих конференций позволяет констатировать смещение эпицентра современных исследований истории войны 1812 года из государственных научных учреждений, каковыми являлись институты истории РАН и военной истории, в неформально-общественные объединения ученых, функционирующих на базе Бородинского и Малоярославецкого военно-исторического музеев, в периферийные и столичные вузы»⁵. В то же время «методологическая рефлексия» проявила себя в статье В.М. Безотосного, посвященной проблемам историографии на грани двух столетий: «Не отвергая, а опираясь на *позитивные результаты* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Л.И.) имеющихся историографических исследований, автор ставит

целью рассмотреть проблемы историографии последнего времени с учетом достижений и промахов всего цеха историков от 1812 до 2004 г. Анализ будет производиться не по историографической “вертикали”, а по “горизонтали” состояния современной науки, с привлечением и сопоставлением точек зрения как ныне здравствующих ученых, так и давно ушедших в мир иной. Такой подход можно условно назвать методом “горизонтального” или “сквозного” анализа. Центр тяжести сознательно переносится на современное состояние научных знаний и представлений об эпохе 1812 г.⁶ Далее автор добавляет: «Можно даже говорить о *возникновении коллективного мнения* по большинству основных проблем темы. Оно было выработано на основе совместного общения, постоянной корректировки отдельных точек зрения и восприятия сообществом специалистов *наиболее здравых идей и концепций*»⁷.

Нельзя не согласиться со справедливым замечанием Безотосного: «Советские историки во второй половине XX века проигрывали по всем статьям своим западным коллегам, и их сочинения могли использоваться только на внутреннем советском рынке, они не выдерживали конкуренции идей и фактов»⁸. Но как проявили себя на практике коллективные «здоровые идеи и концепции»? Декларировав отказ от диалектического материализма как от системы знаний, которой руководствовались «советские историки», специалисты не стали уточнять, какой системой они отныне руководствуются: главное, чтобы под рукой были источники, произвольные и потребительские подходы к которым следует исключить из научной практики. Эта методологическая позиция может быть обозначена понятием «историзм» в традиционном (в том числе «советском») его понимании: акцент ставится на соответствии описания историка тому, что может стать лишь результатом описания, но мыслится как действительно произошедшее именно так. Решить проблему с «фактами» было относительно несложно, обеспечив свободную публикацию российских дореволюционных и иностранных источников. Но при этом зачастую упускалось из виду, что письменный источник — это не просто «нарратив», правдоподобие которого определяется здравомыслием исследователя, за каждым источником возникает проблема автора. Отсутствие научных работ, связанных с изучением исторической психологии и формированием исторической памяти со всей очевидностью проявило себя в методологическом отношении к источникам по теме наполеоновских войн в целом и Отечественной войны 1812 года в частности: ценность источника определялась и до сих пор определяется полнотой исторического «нарратива» без выяснения «целесолагания» авторов. Российские исследователи подчас с большим доверием относятся к сведениям иностранных источников как наиболее достоверным, объясняя свой выбор тем, что в России в отличие от Запада всегда существовала мощная идеологическая составляющая. Однако комплексы источников — это цельные историко-культурные системы, знания о которых порой не хватает даже специалистам. Критикуя «царский», а затем советский «официоз» как нечто специфическое и свойственное только отечественной историографии, российские историки проигнорировали общие закономерности в историописании, присущие в определенную эпоху всем странам.

«Наполеоновские войны пришлось на те времена, когда зарождались ключевые идеи, сформировавшие основы современного европейского национализма, — пишет британский исследователь Д. Ливен. — Вскоре после наполеоновской эры стало возникать образованное городское общество, в котором националистические доктрины легко пускали корни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что властные режимы и националистические мифотворцы обращались именно к эпохе наполеоновских войн. Ино-

гда говорят, что современная испанская нация возникла из мифологии восстания против наполеоновского правления. Прусская школа немецкой националистической историографии почерпнула большую часть своей привлекательности из своей интерпретации войны Шестой коалиции 1813 года. Неудивительно, что она была направлена на то, чтобы поставить Пруссию в центр создаваемой картины. Тем временем британская националистическая мифология экспроприировала Ватерлоо для своих собственных нужд⁹. Что касается специфики российской историографии, то даже в постсоветский период, по замечанию Н.В. Промыслова, «отход от чисто военной тематики в изучении 1812 г. и процесс обновления методологического инструментария происходили и происходят в России медленнее, чем на Западе»¹⁰. Представляется, что отмеченное Шеиным и Безотосным «смещение эпицентра современных исследований» явилось причиной того, что в минувшие два десятилетия особых успехов достигли исследователи, специализирующиеся на вспомогательных дисциплинах: униформологии, генеалогии, геральдике, фалеристике и др. Об этом свидетельствуют материалы, опубликованные в периодических изданиях «Воин», «Император», «Сержант», «Цейхгауз» и др. Бесспорным достижением коллективных усилий являются также сборники документов, ценные справочные и энциклопедические издания, содержащие сведения о персоналиях, боевых действиях, войсковых соединениях и подразделениях¹¹. Непреходящую ценность всегда имеет публикация источников¹², в том числе и историографических. Особо хочется отметить усилия издательства «Минувшее» и его главного редактора В.В. Савицкого по полному воссозданию текста монографии замечательного русского дореволюционного историка А.Н. Попова «Отечественная война 1812 года», труд которого, основанный на широком привлечении источников, не утратил актуальности и в наши дни¹³. Справедливым будет признать, что в своем «традиционном» направлении — изучении и хроникальном описании больших и малых сражений Отечественной войны 1812 года — за последнее двадцатилетие российская историография пополнилась более, чем за весь прежний период своего существования, во многом благодаря усилиям А.И. Попова и В.Н. Земцова¹⁴. Нельзя не отметить особой исследовательской эрудиции А.И. Сапожникова, проявленной в монографии «Войско Донское в Отечественной войне 1812 года»: щедро введя в оборот новые источники, автор смог существенно расширить наши представления об уже, казалось бы, изученных обстоятельствах военной кампании 1812 года¹⁵. Достаточно внимания уделялось в последнее время вопросам организации и тактики российских войск¹⁶. Говоря о достижениях наших исследователей, присоединюсь к мнению Д.Г. Целорунго, высказанном на «круглом столе», посвященном актуальным вопросам современной историографии: «Круг научных интересов современных отечественных историков, изучающих Отечественную войну 1812 года, не ограничен только сугубо военной проблематикой: не остаются без внимания социальные и духовные аспекты жизни воинов, появился ряд исследований, которые можно отнести к микроистории и исторической антропологии»¹⁷. «Микроисторические» работы, действительно, в значительном количестве опубликованы в сборниках материалов научных конференций Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, Малоярославецкого музея истории 1812 года, Музея-панорамы «Бородинская битва», Пушкинского историко-литературного музея-заповедника в Больших Вяземах.

Сложности начались в области «идей», т.е. осмысления того материала, на основе которого можно предложить новый концептуальный взгляд на эпоху наполеоновских войн в целом и Отечественной войны 1812 года в частности. Многим ис-

---

следователям, занимающимся проблемами наполеоновских войн, отечественная историография, существовавшая до них, представляется сплошным конвейером умышленных фальсификаций, в связи с чем единственной методологической основой новых исследований до сих пор является преодоление идеологической составляющей, обозначаемой как «сталинизм» и «лжепатриотизм», противостояние которым отождествляется с демократизацией и плюрализмом мнений. Но «в основе той формы социальной памяти, на которую опираются в данный момент общественные силы и тенденции развития, не плюрализм интерпретаций, а вполне определенный образ прошлого... Плюрализм интерпретаций является лишь своего рода побочным продуктом весьма однозначного представления, которое не допускает иных интерпретаций, а если и допускает их, то не как равноценные»¹⁸, что, в конечном счете, прозвучит «депрофессионализацией исторических знаний».

В наше время «социальную память» в основном формируют средства массовой информации, являясь, так сказать, посредниками между историческим наследием и гражданами, потребляющими их продукт, созданный с единственной целью: разоблачить очередной «миф». Своеобразие современной познавательной ситуации можно охарактеризовать словами британского писателя Г. Честертона: «Современная интеллигенция не приемлет ничего, что основывается на авторитетном суждении, но она принимает на веру все, что лишено авторитета». В настоящее время историки-любители и СМИ «терзают» память М.И. Кутузова. Накануне празднования 200-летия Отечественной войны появилось немало литературы, критически отражающей как его полководческую деятельность, так и личностные черты. Отправной точкой негативного отношения к полководцу на современном этапе нашей историографии, бесспорно, явилась монография Н.А. Троицкого, методологическая основа которой может быть определена как «демифологизация истории»¹⁹. Для данной монографии характерно «подверстывание» источников под концепцию автора о ленивом и бездарном царедворце, что без труда опровергается колоссальным массивом источников, которые оказались вне поля зрения автора. Для российской историографии вообще характерно наличие жесткой «антитезы “Кутузов — Барклай де Толли”»²⁰. Этот историографический нюанс можно сравнить с «зависшим» компьютером: в основу российской историографии войны 1812 года изначально было заложено противостояние двух версий событий, отражавших личное соперничество двух военачальников — главнокомандующего всеми российскими армиями в 1812 г. светлейшего князя М.И. Кутузова и его подчиненного главнокомандующего 1-й Западной армией генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли. Первой возникла «антикутузовская версия», созданная Барклаем де Толли, болезненно переживавшим отстранение от командования армиями: он изложил ее в «Оправдательных письмах» императору Александру I в конце 1812 г. В ответ на эту версию К.Ф. Толь, ученик М.И. Кутузова, которого в то время уже не было в живых, предложил свое видение событий, отразившееся в трудах Д.П. Бутурлина и А.И. Михайловского-Данилевского. С годами личностное противостояние как «целесолагание» при создании источников было забыто специалистами, но остался вечный спор: кто лучше Кутузов или Барклай де Толли? Для многих историков характерна излишняя доверчивость к такому источнику, как «Оправдательные письма» Барклая де Толли. В свое время они произвели сильное впечатление на великого поэта А.С. Пушкина, но историк должен помнить, что научный комментарий к этому циклу источников все еще отсутствует, но мы, как и Пушкин, воспринимаем

эти письма сердцем, а не умом. Каждый, кто интересуется историей Отечественной войны 1812 года, должен признать, что у него нет под рукой самого главного источника для создания «сбалансированного» научного знания о тех далеких событиях — рассказа о них самого М.И. Кутузова с учетом мнений своих оппонентов. Итак, отсутствие источника — не менее важное обстоятельство, чем его наличие.

В последнее время версия о Барклае как альтернативе Кутузову сильно упрочилась. Некоторые историки, руководствуясь современными представлениями, считают, что причина отстранения М.Б. Барклая де Толли заключается в его иностранном происхождении. Однако иностранная фамилия в русской армии 1812 г. — обыденное явление, которое никого не удивляло. Например, в битве при Бородине принимали участие четыре корпуса регулярной кавалерии и лишь одним из них командовал генерал с русской фамилией — Уваров, остальными военачальниками были Корф, Крейц и Сиверс. Главнокомандующий 2-й Западной армией князь Багратион тоже носил не русскую фамилию, а начальником Главного штаба князя Багратиона был граф де Сен-При. Национальная нетерпимость к Барклаю де Толли как повод для отстранения от командования — это миф, который ничего не объясняет.

До настоящего времени мы являемся заложниками ситуации, когда «в темпераментных спорах недавних 90-х гг. о сущности и путях эволюции т.н. “советской науки” не были в достаточной степени разведены понятия “исторической науки” как социокультурного явления и исторического познания как явления, относящегося к области науки». «Добровольцы», говорящие от лица историков, а порой и сами историки, безнадежно «путают исторический процесс с исторической наукой» и искренне предполагают «существование некоей абсолютно, раз и навсегда данной истории, которую нужно раз и навсегда написать», избавившись от «идеологических мифов». Однако «идеология, идея присутствует в исторической памяти всегда»²¹. На смену старым мифам пришли новые, когда вместо вопросов к прошлому снова предлагаются готовые ответы. В статье О.Н. Захарчука содержится анализ проблем современного украинского наполеоноведения, убеждающий в том, что у наших «соседей» схожие с нами проблемы: «Казалось бы, уже не одна статья посвящена мифотворчеству, но опять появляются все новые и новые заблуждения... Конечно, было бы самонадеянно с моей стороны думать, что эта статья остановит мифотворчество. Но надеюсь, что и мой голос заставит хоть кого-то задуматься и еще раз перепроверить факты, отыскать новую литературу и, в конце концов, более ответственно отнестись к своей работе»²².

Самая яркая «примета времени» — укоренившееся в российском обществе (не без участия историков профессионалов) безотчетное и запоздалое по западным меркам преклонение перед гением Наполеона, сформировавшееся благодаря мифу о том, что в советской России эта тема была якобы под запретом. По неведению или сознательно специалисты не акцентировали внимания на обстоятельствах, подробно изложенных в статьях А.В. Гордона о создании академиками Е.В. Тарле и А.З. Манфредом знаменитых монографий о Наполеоне. Дело в том, что Тарле получил заказ на создание «идеального типа обобщающей модели единоличного правителя»²³, «подстраиваясь под господствовавшие в советском обществе настроения; и общественное восприятие торжествующего режима личной власти»²⁴. Труд Манфреда в свою очередь отразил веяние времени, также являясь продуктом современной историку среды: «А.З. Манфред лишь в конце 60-х гг. ощутил возможность (а он всегда хорошо знал, что дозволено) реализовать мечту о биографии Наполеона. Вышедшая в 1971 г., она имела

колоссальный успех, разойдясь в читательской среде, несравненно более широкой, чем профессиональное сообщество»²⁵. Наполеон Бонапарт выступает у Манфреда наследником прогрессивных идей французской революции и «убежденным сторонником союза с Россией, а сформулированный первым консулом в январе 1801 г. вывод “Франция может иметь союзницей только Россию” продуманным и обоснованным. Историк придает этому выводу, можно сказать, непреходящее значение. Если сама идея союза с Россией трактуется “новым словом, внесенным Наполеоном в историю французской внешней политики”, то неоднократно повторяемый на страницах книги вывод выглядит своего рода политическим завещанием императора»²⁶. Тема союза России с Наполеоном как нереализованная возможность актуальна до сих пор, что доказывает монография петербургского исследователя О.В. Соколова²⁷, который полагает, что единственной причиной вражды между Александром I и Наполеоном была личная зависть российского монарха к великому полководцу и государственному деятелю. О.В. Соколов так же, как и А.Н. Боханов²⁸, видит в этом союзе неисчислимые выгоды и альтернативу российско-британским торговым отношениям. Однако в статье французского исследователя Т. Ленца (президента «Фонда Наполеона»), ссылающегося на труды своих западных коллег (Ж. Тюлара, А. Палюель-Гийарда, А. Граба, Ж.-Л. Аруэля, М. Дюнана, Р. Дюфресса, С. Марцагалли и др.), говорится: «Кроме политической экспансии, силовой политики Наполеона и его плана навязывания французских решений, в проектах императора было дополнить территориальную и политическую гегемонию экономическим доминированием, буквальным использованием континента на благо французской индустрии... Речь не шла об открытии французских границ, уменьшении таможенных пошлин, способствовании товарообмену и тем более не было и мысли о создании зоны свободной торговли. Происходило ровно обратное... Самый впечатляющий пример сему — Россия после Тильзита, порты и земледелие которой стали приходить в упадок. Рейнский союз, хотя и был верным союзником, но был поставлен в те же самые условия»²⁹. Сегодня мы должны признать парадоксальный факт: российские исследователи, претендующие на новизну в оценках союза России с Наполеоном, почему-то не упоминают о выводах своих западных коллег. Нельзя не согласиться с мнением А.В. Чудинова, высказанном на «круглом столе» в апреле 2011 г.: «На Западе история Блокады, или, как ее еще называют, Континентальной системы, активно разрабатывалась во второй половине XX в. как на общеевропейском, так и на локальном уровне. В настоящее время 200-летие Континентальной блокады вызвало новый всплеск научного интереса к ней: только в этом году в Амстердаме пройдут две посвященные ей международные конференции. У нас же до сих пор наиболее солидными работами по данной теме остаются вышедшая уже почти век назад монография Е.В. Тарле и выполненное еще в 30-х гг. исследование М.Ф. Злотникова, первый том которого увидел свет в 1966 г., а второй до сих пор лежит в архиве»³⁰. Вышеупомянутый «круглый стол», инициаторами которого выступили Э. Вовси (США) и Н.В. Промыслов (Россия), был посвящен проблемам историографии и необходимости сотрудничества российских и зарубежных исследователей. Тогда же выяснилось, что в настоящее время «неформально-общественные объединения ученых», специализирующиеся на «традиционном» изучении проблем 1812 г., пребывают в «разных измерениях» не только со своими зарубежными коллегами, но и российскими историками-«западниками»: для того, чтобы убедиться, что исследователи одного и того же государства используют разный понятийный аппарат, достаточ-

---

но ознакомиться с материалами по теме, регулярно публикуемыми во «Французском ежегоднике» — периодическом издании Института всеобщей истории РАН.

Вопреки настроениям, представляющим Наполеона и его внешнюю политику в идеальном свете, Д. Ливен высказал мнение, что «Российская империя и ее армия не только исключительно умело приняла вызов мощного противника, но и внесла колоссальный вклад в установление мира и стабильности в Европе, с которыми безопасность самой Российской империи была неразрывно связана»³¹. Автор тактично, но очень убедительно указал на недостатки российской историографии: нарушенную «сбалансированность взгляда российских историков и их коллег за рубежом на проблему поражения Наполеона», «колоссальный разрыв уровня знаний о 1812 г. и 1813—1814 гг.», приверженность «национальным сюжетам», «заикленность» исключительно на русско-французских отношениях в период наполеоновских войн, традиционную сосредоточенность отечественных специалистов на военных операциях (при этом без внимания к снабжению армии и логистике) в отрыве от внимательного изучения дипломатических отношений, в силу чего сложилось «искаженное понимание русской стратегии». Наконец, по мнению Ливена, открытым остался вопрос, действительно ли изжил себя потенциал «старорежимных» армий Европы на фоне «прогрессивной» армии Наполеона?³² Представляется, что этот «взгляд со стороны» был очень своевременным, оказав концептуальное влияние на современную российскую историографию. Представленная Ливеном «историческая модель» событий выглядит убедительно, а основные выводы — аргументированными: «Все внимание русских всегда привлекал 1812 год: на каждую русскоязычную книгу о военных действиях 1813—1814 годов приходится тысяча книг о 1812-м. Меж тем в западной историографии 1813 год всегда принадлежал Пруссии и прусско-германской школе историков националистического толка. Русский вклад, таким образом, выносился за скобки... Одной из причин, по которым стоит уделить пристальное внимание 1813—1814 годам, служит тот факт, что без событий этого времени стратегия России в 1812-м предстает бессмысленной... Для Александра безопасность России и безопасность Европы были неразрывно связаны. Претендент на роль императора Европы пытался повернуть вспять столетия истории... Для того, чтобы стать новым Карлом Великим, покорителю Европы нужно было одолеть коалицию враждебных европейских держав, военно-финансовые машины которых были отлажены поколениями соперничества великих держав. Весь смысл военных действий эпохи Наполеона заключался в том, что однодневная битва — хотя бы на время могла подорвать «реалии», которые, казалось бы, устоялись за столетие истории... Россия победила не из-за снега или превосходства в ресурсах. Она прежде всего победила благодаря своим лидерам — я имею в виду в первую очередь Александра I, разработавшим разумную генеральную стратегию, которая отталкивалась от сильных сторон России и использовала слабые стороны Наполеона. Ключом к этой стратегии было гораздо более разумное, чем у Наполеона представление о пределах эффективности военной мощи и понимание связи между войной и дипломатией»³³. Концепция профессора Кембриджского университета была, безусловно, принята во внимание В.М. Безотосным — единственным российским исследователем, кто смог привести в исполнение идею создания обобщающих трудов по Отечественной войне 1812 года, в которых предложен своего рода итог научных представлений о давних событиях в год празднования 200-летнего юбилея³⁴. Серьезный вклад в исследование военных действий начального периода Отечественной войны, масштаба партизанских

действий и народного сопротивления, организации тылов Великой армии внесла монография А.И. Попова, содержащая сопоставление данных о замыслах и результатах, т.е. — многосторонний анализ источников о пресловутом плане «скифской войны» и ее последствиях³⁵. К числу работ с продуманной концепцией и научным использованием источниковой базы следует отнести и монографию В.А. Бессонова, посвященную Тарутинскому сражению³⁶. Огромный научный интерес представляет книга А.А. Орлова, впервые обратившегося к актуальной теме российско-британских отношений³⁷.

В то же самое время в России огромное количество литературы по «наполеонике» представляет образ французского императора как предтечи Евросоюза, что создает безусловные сложности в определении значимости событий, связанных с 1812 годом. Можно сказать, что российская историография прогнулась под тяжестью старинного мифа, который на Западе называют «наполеоновской легендой». «Во Франции мы замечаем глубокое желание объяснять конфликт в терминах наполеоновской легенды», — отмечает британский историк Ч. Исдейл в монографии о войне на Пиренеях³⁸. В России на протяжении четверти века публиковались без предисловий и научных комментариев источники по истории Первой империи во Франции, главным образом, мемуары воинов Великой армии. Количество перешло в качество, которое можно охарактеризовать как некий общественный запрос к историку с ожиданием положительной оценки личности и правления Наполеона I. А.В. Гордон даже назвал эти ожидания «потребностью общества в культивировании исторической памяти»³⁹. Под этим углом зрения «самосожжение» Москвы, уничтожение наполеоновской армии подчас рассматриваются как борьба с прогрессом. И вновь мы пренебрегаем мнением профессиональных французских историков. В частности, Ж.О. Будон (директор Института Наполеона) отмечает: «Наполеон, уже находясь на острове Св. Елены, еще сумеет своими трудами создать впечатление, что его план завоеваний имел целью построение единой Европы, но, в действительности, это была чисто умозрительная конструкция, созданная задним числом»⁴⁰. Т. Ленц по этому же поводу пишет: «Было не суждено узнать, какой должна была или могла быть такая “федеративная система”. Можно добавить, что факты почти всегда противоречат полным фантазиям и безудержным заявлениям побежденного императора... Наполеон не уточнял высшие цели Франции, ни в особенности главную задачу “системы”, а повторение определения “федеративный” не могло служить политической программой... Дать определение наполеоновской “системе” практически невозможно... Чтобы попробовать это сделать следует придерживаться фактов, а не легенды и возникших на ее почве “распространенных представлений”»⁴¹. Удивительно, но основные положения монографии Ж. Тюлара «Наполеон: миф о спасителе», основанной на холодном и беспристрастном анализе источников, не встретили среди наших историков-«наполеоноведов» сочувствия. Между тем автор книги во Франции является ведущим и признанным специалистом по наполеоновской теме. На фоне российского энтузиазма отсутствие встречных словословий из страны, где, казалось бы, великому корсиканцу должны быть более всего благодарны, похоже, никого не смущает. Не отвратила от неуправляемых симпатий к поверженному узнику Европы и обстоятельная монография Э. Крейе⁴². Американский исследователь представил убедительные доказательства, что в основе союза Наполеона с Баварией, Саксонией, Вюртембергом, Вестфалией и др. лежало отнюдь не филантропическое стремление к политическим преобразованиям: находясь постоянно в состоянии войны с Англией, Наполеон нуждался в союзниках, которые поставляли ему «пушечное мясо» в обмен на вознаграждения земельными территориями побежденных

держав. Как только фортуна отвернулась от Наполеона, его союзники, кто раньше, кто позже, перешли на сторону победителей, вступив с ними в переговоры на Венском конгрессе. Именно Венский конгресс западноевропейские историки и считают прообразом Евросоюза, называя в числе его «зачинателей» императора Александра I⁴³. Но в России считают: да нет же, не Александр, а Наполеон. А.В. Гордон отмечает особенности функционирования этого мифа: «Итак, пietet к Наполеону сохранялся при всех перипетиях национальной истории, открываясь в них разными сторонами»⁴⁴. В чем причина? За четверть века мы успели разоблачить немало идеологических мифов об Отечественной войне 1812 года, созданных в годы «сталинизма», проскочив мимо самого главного: «Амбивалентность в отношении Наполеона сохранялась: драматическая история книги Тарле (1936) — яркое тому подтверждение. Несмотря на жесткую партийную критику, требовавшую развенчания французского императора, историк продолжал переиздавать его биографию без серьезных изменений. Симпатия вождя служила охранной грамотой»⁴⁵.

«Неформально-общественным объединениям ученых» не хватает также ясности в важном вопросе, препятствующем выработать методологический подход к изучению темы: как относиться к революционным переворотам? «Зло, неосмотрительно выпущенное из ящика Пандоры, расправилось с потомственным дворянством, упразднило титулы, уничтожило феодальные привилегии, конфисковало поместья», — с осторожностью пишет о взятии Бастилии Ж. Тюлар⁴⁶. Как теперь следует относиться к преобразованиям, навязываемым извне силой оружия в интересах прогресса? И вообще: что считать прогрессом? В советское время классовый подход к истории, конечно, значительно облегчал ответ на эти вопросы. Но как связать наш отказ от марксистско-ленинской методологии в оценке событий той эпохи с нашей сердечной привязанностью к Наполеону, по-прежнему олицетворяющему «экспорт» передовых взглядов? Получается, что для многих исследователей «все главные методологические определительные вектора и оценочные вехи были расставлены еще на ранних этапах “освободительного движения” и донныне воспринимаются многими как само собой разумеющаяся “объективная реальность”»⁴⁷. Популярной в наши дни оказалась идея, что Наполеон за пределами Франции, в том числе в России, вел исключительно оборонительные войны, и даже на Пиренеи и в Россию его занесло «наваждение идеей мира»⁴⁸. Апологеты французского императора, похоже, не слышат себя со стороны: «Территориальные потери Австрии весьма значительны. Она подписывает... Люневильский мирный договор, выставивший австрийцам очень высокий счет за поражения в войнах, которые они непрерывно ведут против Франции на территории Италии и Германии. Священная империя вынуждена признать Рейн в качестве естественной границы новой Франции. Наконец, сбывается доселе неосуществимая мечта французов, которые на протяжении стольких веков говорили: “Когда Франция из Рейна напьется, Галлия своего добьется”. ... Австрия должна признать Цизальпинскую и Лигурийскую республики и согласиться с обменом Великого герцогства Тосканского на Зальцбургское архиепископство... Между тем в 1795 году Конвент аннексировал Бельгию, а Люневильский договор фактически распространил суверенитет Франции на Голландию»⁴⁹. Правомерно задаться вопросом: почему из всего многообразия зарубежных книг по эпохе наполеоновских войн книгоиздатели выбирают труды непрофессиональных историков, не жалея денег на их перевод на русский язык? Чем они руководствуются, когда предпочитают монографиям профессиональной французской исследовательницы М.-П. Рей⁵⁰ сочинения «пионера боди-билдинга» Б. Вейдера и отставного французского генерала М. Франчески? Издателям почему-то важно,

---

чтобы авторы смотрели на события наполеоновских войн ностальгическим взглядом ветеранов Великой армии. Приведу строки из книги политолога А. Никонова, которая была названа в числе «лидеров продаж» в Доме книги на Арбате: «24 июня 1812 года Наполеон перешел Неман и двинулся навстречу агрессорам, благо формальный повод у него был: разорвав мирный Тильзитский договор, Александр де-факто объявил Наполеону войну»⁵¹. Мнение французского историка М.-П. Рей существенно отличается от слов нашего восторженного поклонника Наполеона, набравшегося «случайных» книжных знаний: «В июне 1812 года, после более чем годичной подготовки, именно желание императора [Наполеона], а не рок привело на берега Немана около 440 000 человек с намерением вторгнуться на территорию России и завоевать ее»⁵².

Как отмечает А.Н. Боханов, «одномерность, “магистральность” исторического процесса, постулируемая позитивистской (или неопозитивистской, разница в данном случае несущественна) историографией, неизбежно ведет к умолчанию, подлогам и откровенным фальсификациям, в тех случаях, когда факты истории не согласуются с догматической концепцией. “Эталонные”, “прогрессивные” страны неизменно предстают в ореоле множества достоинств, в то время как “нецивилизованные”, отсталые “азиатские” служат объектом беспощадной критики с позиции моральной нетерпимости. Это происходит даже в тех случаях, когда “террор”, “насилие”, “варварство” в “передовых цивилизациях” носили неизмеримо более грандиозный характер, чем в странах “второго” или “третьего” эшелона»⁵³. И это еще одна проблема, которая возникла перед историками в нашем обществе: правомерно ли считать войну 1812 года Отечественной, если значительную часть населения России составляли крепостные крестьяне, у которых не было собственности и которые сами являлись собственностью своих помещиков? «Заметим, что сомнения о характере войны возникают в первую очередь у тех, кто так или иначе сочувствует Великой армии и даже сожалеет, что Наполеон потерпел поражение в России»⁵⁴. Тезис, что патриотизм зависит от размеров материального достатка, — сам по себе уже идеология. Эта идеология однозначно ориентирует человека на материальный успех. Но кто определит, с какого уровня материального достатка человек может позволить себе защищать Отечество? Спротивление народных масс («оборванцев») как проявление дикости, спровоцировавшее на ответную жестокость вторгнувшихся в Россию европейцев, — один из «краеугольных камней» наполеоновской пропаганды: участники неудачного «русского похода» постепенно пришли к утешительному для себя выводу, что именно «варварство» неприятеля и принуждало их совершать в России не менее «дикие» и «варварские» поступки. Так, например, самый известный французский мемуарист граф Ф. де Сегюр в своих воспоминаниях «представил всю войну 1812 г. как межцивилизационный конфликт... Но отличия между противниками в этой войне лежали не только в области культуры, Сегюр не забыл добавить, что это также была борьба бедных против богатых»⁵⁵. В «наполеоновской легенде» нет места тому, что накануне вторжения у Наполеона были предпосылки задуматься о степени пресловутого «варварства» русских крестьян и их неспособности к сопротивлению. Итальянец граф Федерико Фаньяни в 1810 г. побывал в России и по возвращении опубликовал первую часть своих впечатлений о поездке под названием «Письма о Петербурге 1810—1811 годов». Эта книга, появившаяся накануне нападения Наполеона на Россию, «вызвала широкий резонанс в мире и сильное недовольство Наполеона, запретившего публиковать вторую часть»⁵⁶. В частности, автор писем предупреждал европейцев: «Нынешние условия существования рабов в России гораздо менее бедственны, нежели представляется тому,

---

кто обычно строит свои суждения на преувеличенных оценках людей, выдающих себя за друзей человечества... Хотя рабство в России не отменено, все же не следует делать вывод, что цивилизация не получила достаточного развития в этих краях»⁵⁷.

Используя современное определение исторического источника как всякого объекта, возникающего в результате целенаправленной деятельности людей и используемого для получения данных о его создателях⁵⁸, мы можем примерно реконструировать, когда и зачем они создавали свои источники, т.е. определиться с «целеполаганием» и произвести внутреннюю критику источника. Но о какой внутренней критике источника может идти речь, когда мы сталкиваемся с обильным цитированием сочинений воинов Великой армии, о большинстве которых мы знаем лишь номер полка и цвет мундира? Механическое сравнение пусть даже очень большого количества источников еще не повод для торжества над «мифами». Так, М.Ф. Румянцева рассуждает об исторической компаративистике: «Но наряду с необходимостью сравнительных исследований осознается и отсутствие адекватных методов их реализации. Еще М.О. Коялович, размышляя о методах сравнительно-исторического исследования, предупреждал: “прием этот может приносить действительную пользу только при громадной научности, и научности, так сказать, равновесной во всех своих частях, т.е. чтобы все сравниваемые предметы одинаково научно были знакомы. При нарушении этого равновесия могут получиться чудовищные выводы при всех внешних признаках учености, обстоятельного знания дела”»⁵⁹. Сведения о каждом отдельно созданном источнике нелишним было бы вписать в данные исследований «культурных инвариантов» — образцов сознания и поведения воинов русской и наполеоновской армий, которые также нуждаются в тщательном научном изучении и осмыслении. Серьезные попытки объективного научного осмысления предприняты Н.В. Промысловым: «Наполеоновская пропаганда постоянно подводила читателей к мысли, что Великой армии в России противостоят в первую очередь стихии, с которыми до поры французы под управлением императора успешно справлялись, но, в конце концов, природа все же победила человека... Такая трактовка событий российской кампании 1812 г., многократно повторенная во множестве мемуаров, выходявших в свет на протяжении XIX в., поддержала миф о непобедимости Наполеона, поскольку считалось, что все сражения кампании он выиграл. Поскольку главным победителем французов в этой войне называли кого угодно (климат, пространство, плохую организацию тыловой службы), но не другую нацию (русских), события похода стали дополнительным очень важным подтверждением величия нации французской»⁶⁰. Действительно, в восторженном почитании Наполеона и его армии мы часто гоним от себя мысли, что у их репутации не всегда были красные дни. На счету у наполеоновских ветеранов — проигранные кампании в России, центральной Европе и Пиренеях 1812, 1813, 1814, 1815 гг. Союзные армии Европы дважды вступали в Париж в 1814 и 1815 гг. Большая часть населения Франции знала о победах своего повелителя из газет и бюллетеней, а грандиозное по масштабу военное поражение видела своими глазами и ощущала на себе. Ветеранам Великой армии и самому Наполеону оставалось в этой ситуации только одно спасительное для их репутации средство — взяться за перо в надежде на будущее. В доказательство того, что и они выполняли идеологический заказ, приведу строки из текста Завещания Наполеона на острове Святой Елены: «Полковнику Марбо, сто тысяч франков. Я возлагаю на него обязанность продолжать писать для защиты славы французского оружия, дабы покрыть позором клеветников и отступников»⁶¹. Путеводной звездой их воображению служили Бюллетени Великой армии и устные мемуары самого Наполеона. Трудно представить себе русского офицера-ме-

---

муариста, взывающего к своим сослуживцам в тех же пылких выражениях, как это сделал граф Ф. де Сегюр: «Товарищи, я обращаюсь к вам! Не дайте исчезнуть этим великим воспоминаниям, купленным такой дорогой ценой, представляющим единственное достоинство, которое прошлое оставило нам для нашего будущего... Диктуйте же истории свои воспоминания. Уединение и безмолвие, сопровождающие несчастье, благоприятствуют работе. Пусть же не останется бесплодным ваше бодрствование».

«Бодрствование» наполеоновских ветеранов не осталось бесплодным. Каждый, кто изучает эпоху наполеоновских войн, сталкивается с тем, что русские участники событий менее плодотворны в мемуарном наследии, чем французы. Эту «бумажную» войну российские ветераны, безусловно, проиграли: в их рядах не было генерала М. Марбо, полный текст «Мемуаров» которого был издан в России в 2005 г., как всегда без соответствующего научного комментария (без комментария стоит на полках книжных магазинов и «Мемориал Святой Елены» — устные мемуары Наполеона). Но, во-первых, русские офицеры были победителями, и им не надо было оправдывать своих поражений возвышенными причинами. Во-вторых, их разоружил сам император Александр I, призвав к смирению: «Не нам, не нам, а имени Твоему!». Нельзя не согласиться с Ливеном: «Основные французские первичные источники по войнам, конечно, представляют взгляд “со своей колокольни”. ... Агрессивное самовосхваление процветало как в армии Наполеона, так и в армиях его противников»⁶². Однако во время вступления союзников в Париж французы сразу же отметили существенную разницу в психологии офицеров двух армий — русской и наполеоновской: «Мы слышали, как молодые русские офицеры... рассказывали в самый день их торжественного вступления в Париж о подвигах своих от Москвы-реки до Сейны как о делах, в которых они были предводимы промыслом Божиим; себе они предоставляли только ту славу, что они были избраны орудием его милосердия. Они описывали победы свои без восторга и в таких простых и ласковых выражениях, что мы думали, что они на сие условились из особенной учтивости. Они нам показали серебряную медаль, которую генералы и солдаты носят как знак отличия. На одной стороне сей медали изображено око Провидения, а на другой — слова из Священного Писания: “Не нам, не нам, и имени Твоему”»⁶³. Именно эта «схема» и составляла основу исторического характера офицера эпохи 1812 года. Историк с «секуляризованным сознанием» по-прежнему трудно приблизиться к внутреннему состоянию наших предков, но «исходный исследовательский прием здесь должен быть иным: уметь признавать те ценности, разглядеть предметы и вещи, которые, может быть, и не являются абсолютными для какого-то конкретного исследователя, но которые — бесспорная и высшая ценность для верующего»⁶⁴. Как отмечает Л.В. Мельникова, автор единственного монографического исследования по данной теме: «Без учета роли Русской Православной Церкви, имевшей сильное влияние на духовную жизнь России, невозможно правильно понять природу патриотизма русского народа и некоторые характерные особенности войны с Наполеоном»⁶⁵.

В заключение следует признать, что в рамках одного сообщения трудно перечислить все проблемы и достижения отечественной историографии за последние два десятилетия, назвать все имена своих коллег из ближнего и дальнего зарубежья, внесших вклад в изучение эпохи, названной А.С. Пушкиным «временем славы и восторга». Основную задачу я видела в том, чтобы привлечь внимание к «историографической проблеме, предоставляющей огромное поле для интерпретаций — что же именно в любой современной эпохе в большей или в меньшей мере оказывает... решающее влияние, каково соотношение... современности и всего “механизма” движе-

ния исторического знания. В конечном счете, это ни более, ни менее вопрос о том, является ли история больше точным знанием, наукой, — или больше искусством представления прошлого в интересах современников?»⁶⁶.

Примечания

- ¹ *Муравьев В.А.* История вновь и вновь... // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. Москва, 30 января — 1 февраля 2003. М., 2003. С. 22—23.
- ² *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987. М., 1987.
- ³ *Абалихин Б.С.* 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 10.
- ⁴ *Муравьев В.А.* Указ. соч. С. 22—23.
- ⁵ *Шейн И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 174, 179, 180.
- ⁶ *Безотосный В.М.* О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 4. Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 297.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010. С. 7.
- ⁹ *Ливен Д.* Право одержать победу. Россия против Наполеона // Родина. 2012. № 6. С. 31—33.
- ¹⁰ *Промыслов Н.В.* Образ России во французском общественном мнении накануне и во время Отечественной войны 1812 года: автореферат дисс. ... канд. истор. наук. М., 2012. С. 13.
- ¹¹ *Васильев А.А., Елисеев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24—26 августа 1812 года. Состав войск и их численность. М., 1997; *Васильев А.А., Попов А.И.* Grand Armée. Состав армии при Бородине. М., 2002; *Подмазо А.А.* Большая Европейская война 1812—1815 годов: Хроника событий. М., 2003; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. *Шиканов В.Н.* Генералы Наполеона. Биографический словарь. М., 2004; Бородино. Русское поле. Русские полки. Русские офицеры. М., 2010; Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011; Заграничные походы Российской армии. 1813—1815 годы. Энциклопедия. В 2-х т. М., 2011; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813—1814 гг. Энциклопедия. В 3-х т. М., 2012; *Вовси Э., Кузьмин А.* Французские генералы — участники похода на Россию 1812 года. М., 2012.
- ¹² Бородино. Документальная хроника. М., 2004; *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). М., 2006; *он же.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829 гг.). М., 2006; Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов, 2009; *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011; Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011; Отечественная война 1812 года глазами современников. М., 2012; Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородине: Сборник документов. М., 2012; Москва и Отечественная война 1812 г. В 2-х книгах. М., 2011—2012; Малоярославское сражение 12/24 октября 1812 года. Документы. Воспоминания. Дневники. Письма. Калуга, 2012 и др.
- ¹³ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. В 3-х т. М., 2008—2010.
- ¹⁴ *Попов А.И.* Первое дело при Красном. М., 2007; *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008; *Попов А.И.* Бородино. Северный фланг. М., 2008; *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино. Центр. М., 2010; *они же.* Бородино. Южный фланг. М., 2009; *Попов А.И.* Смоленские баталии. В 2-х т. М., 2012.
- ¹⁵ *Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.-СПб., 2012.
- ¹⁶ *Ульянов И.Э.* 1812. Русская пехота в бою. М., 2008.
- ¹⁷ Отечественная война 1812 года: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола» // Французский ежегодник 2011. М., 2011. С. 384.
- ¹⁸ *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории. 3-е изд. М., 2010. С. 184.
- ¹⁹ *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.
- ²⁰ *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. М., 1986.
- ²¹ *Румянцева М.Ф.* Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна // XVIII век в истории России. Труды ГИМ. М., 2005. С. 10.
- ²² *Захарчук О.Н.* Так рождаются мифы. Наполеоноведение и современная постсоветская наука // Родина. 2012. № 6. С. 25—29.
- ²³ *Гордон А.В. А.З.* Манфред — биограф Наполеона // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906—1976). М., 2006. С. 48—49.
- ²⁴ Там же. С. 50.

- ²⁵ Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола»... С. 372.
- ²⁶ Гордон В.А. Указ. соч. С. 64—65.
- ²⁷ Соколов О.В. Битва двух империй. 1805—1812. М.,-СПб., 2012.
- ²⁸ Боханов А.Н. Павел I. М., 2010.
- ²⁹ Лец Т. Наполеоновская «федеративная система» // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года. М., 2012. С. 109—110.
- ³⁰ Отечественная война 1812 года: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола»... С. 390.
- ³¹ Ливен Д. Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 6. Сборник материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Труды ГИМ. М., 2007. С.306.
- ³² Там же. С. 305—337.
- ³³ Ливен Д. Право одержать победу. Россия против Наполеона... С. 31.
- ³⁴ Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010; *он же*. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М., 2012; *он же*. Все сражения русской армии 1804—1814. Россия против Наполеона. М., 2012. В.М. Безотосный является также исследователем «важного аспекта противостояния России и Наполеона» (Д. Ливен), отраженного в монографии «Разведка и планы сторон в 1812 году» (М., 2005).
- ³⁵ Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.
- ³⁶ Бессонов В.А. Тарутинское сражение. М., 2008.
- ³⁷ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
- ³⁸ Esdail Ch. «The Peninsular War. A new history. Penguin books. 2003. P. IX.
- ³⁹ Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола»... С. 373.
- ⁴⁰ Будон Ж.О. Путь Наполеона // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906—1976). М., 2006. С. 79.
- ⁴¹ Лец Т. Наполеоновская «федеративная система»... С. 99—101.
- ⁴² Крейе Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном. 1799—1814. М., 2002.
- ⁴³ Кинг Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010.
- ⁴⁴ Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола»... С. 373.
- ⁴⁵ Там же. С. 371.
- ⁴⁶ Толлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М., 1996. С. 14.
- ⁴⁷ Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002. С.9.
- ⁴⁸ Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 1008. С. 78.
- ⁴⁹ Там же. С. 9—15.
- ⁵⁰ Rey M.-P. Alexandre I-er. Paris, 2009; *idem*. L'effroyable tragedie, une nouvelle histoire de la champagne de Russie. Paris, 2012.
- ⁵¹ Никонов А.П. Наполеон: попытка № 2. М.-СПб., 2008. С. 246—247.
- ⁵² Рей М.-П. Кампания 1812 года в переписке Наполеона I // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года. М., 2012. С. 85.
- ⁵³ Боханов А.Н. Самодержавие... С. 10.
- ⁵⁴ Безотосный В.М. А была ли война Отечественной? // Родина. 2012. № 6. С. 5.
- ⁵⁵ Промыслов Н.В. Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 411—412.
- ⁵⁶ Фаньяни Ф. Письма из Петербурга. 1810—1811. СПб., 2009.
- ⁵⁷ Там же. С. 146, 148.
- ⁵⁸ Медушевская О.М., Муравьев В.А. Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 33.
- ⁵⁹ Руянцева М.Ф. Историческая компаративистика и проблема исторического синтеза // Источниковедческая компаративистика и историческое построение... С. 14.
- ⁶⁰ Промыслов Н.В. Война против пространства и климата... С. 413—414.
- ⁶¹ Наполеон Бонапарт. Искусство войны. М., 2009. С. 346.
- ⁶² Ливен Д. Россия и разгром Наполеона... С. 309.
- ⁶³ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814—1815. СПб., 2001. С. 53—54.
- ⁶⁴ Боханов А.Н. Самодержавие... С. 19—20.
- ⁶⁵ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 5.
- ⁶⁶ Муравьев В.А. История вновь и вновь... С. 22.

А.Н. Бурмейстер

Современная французская историография о походе Наполеона на Россию

С детства воспитанный в русском духе, в семье на чужбине, я ходил в школу с французами и на уроке истории, когда речь шла о походе Наполеона на Россию, я мысленно переводил: о *нашествии* Наполеона, и, конечно, вся моя симпатия была на стороне русских, императора Александра I, М.И. Кутузова. Ведь дома у нас висели портреты русских царей и репродукции картин Гесса и Верещагина, посвященных основным событиям войны 1812 года. Мог ли я ожидать, что 70 лет спустя я буду выступать на научной конференции в Москве с темой доклада «Современная французская историография о походе Наполеона на Россию»?

С какой точки зрения подходить к 1812 году? Начнем с *военной*. Французская историография долгое время отдавала первенство этой точке зрения по той причине, что к ней приводила сама личность гениального полководца Наполеона. Историки, как правило, рассматривали Русскую кампанию французского императора односторонне, стараясь оправдать ее зачинателя, выделить «бытовые» причины его поражения: «русская зима», ненадежное сплочение разнородных сил в Великой армии, безмерные расстояния в России. Такой подход обеспечивал и сохранял *эпический* характер самого повествования.

В недавно вышедшей книге «Наполеон и поход на Россию» историк Жак-Оливье Будон, преемник Жана Тюлара на кафедре истории Революции и Первой империи в Сорбонне, описывает эволюцию французской историографии, с времен Реставрации до Третьей республики¹. Открывается она черной легендой о Наполеоне и воспоминаниями уцелевших. Среди последних был инженер и географ Лабом, полностью обвиняющий Наполеона в небывалом бедствии и не признающий губительную роль «русской зимы», ставшей, по версии французского императора, единственной причиной его поражения. Июльская монархия дала ветеранам наполеоновской эпохи возможность напомнить о себе и опубликовать личные воспоминания. Вторая Империя и Крымская война возобновили интерес к 1812 году. Союз Франции с Россией конца XIX – начала XX вв. придал особый характер столетнему юбилею войны 1812 года, отмеченному сообща в 1912 г., накануне Первой мировой войны.

Ценной новинкой является крупнейший труд Доминика Ливена «Россия против Наполеона: борьба за Европу», вышедший в 2009–2010 гг. на английском языке в Великобритании и США и в 2012 г. переведенный на французский и русский языки². Автор не только исчерпывающим образом описывает ход событий с 1807 по 1814 г. с дипломатической и военной точек зрения, он развивает основную идею: «реабилитировать» в глазах западной общественности решающую роль русской армии в поражении Великой армии Наполеона, роль, часто отстраняемую в историографии в пользу «бытовых» причин.

В апреле 2012 г. в Париже по инициативе Фонда Наполеона и Университета Париж I Сорбонна прошла научная конференция «1812 год, Русская кампания: пере-

---

крестные взгляды на европейскую войну». Участники конференции, характеризуя «битву за Европу», признавали Россию сверхдержавой *на материке*, Великобританию – второй сверхдержавой *на морях*, а Французскую империю – плодом еще незавершенной Великой революции. На конференции, продолжавшейся в течение двух дней, были рассмотрены длительная подготовка Наполеона к Русскому походу, многонациональный, «европейский» состав Великой армии, итоги этой кровавой бойни, судьба военнопленных, жизнь во французском тылу, в том числе тревога населения, ложность официальных сообщений и биржевой курс в Париже. Большая часть докладов была посвящена военным сюжетам, хотя определенное внимание было уделено также культурным последствиям этого исторического столкновения, галлофобии, отражению событий 1812 года в русском фольклоре и художественных литературных произведениях.

Рассмотрим теперь 1812 год с *человеческой* точки зрения. Здесь, прежде всего, необходимо отметить недавно вышедшую книгу профессора М.-П. Рей «Ужасная трагедия, новая история похода на Россию»³. Автор, опираясь на многочисленные источники, в том числе и неопубликованные, дает слово, наряду с выдающимися личностями, простым пехотинцам – французам и русским. В книге раздается всеобщий вопль изнуренных, измученных, умирающих жертв грандиозного столкновения между «двумя великанами». Описываются Смоленское сражение, где, несмотря на сопротивление русских, город становится жертвой французской артиллерии; Бородинское поле, усыпанное трупами и пропитанное кровью умирающих. Приводятся свидетельства рядовых и офицеров французской и русской армий, показано бессилие врачей при наплыве раненных и искалеченных. То же поле сражения описывается, когда по нему проходят французы на обратном пути: оно завалено теми же не похороненными телами, стоит ужасный смрад. В описании бесславной, кошмарной ретирады Великой армии «наказание» превышает «преступление», совершенное наполеоновскими грабителями и вандалами, и лишает читателя желанья судить: он замирает от ужаса и жалости.

Историки часто используют прилагательное *трагический*, когда описывают кровавое, страшное сражение и его последствия на поле битвы, но само слово *трагедия*, по-моему, впервые применяется к походу Наполеона на Россию. В известном французском энциклопедическом словаре «Larousse» приводится следующее определение трагедии: «драматическая поэма, описывающая важное действие, происходящее между известными личностями и вызывающее ужас или жалость». Будь это знатные личности, два великана – Наполеон и Александр, или две державы – Франция и Россия, само понятие *трагедия* устанавливает равноправные начала между ними и снимает всю односторонность. Автор и его читатель испытывают тот же ужас и то же чувство сострадания при описании кровопролития и массового истребления, как русских, так и французов. М.-П. Рей приводит цифры: Великая армия потеряла в боях 200–250 тыс. убитыми и 150–200 тыс. человек попало в плен, среди которых выжило лишь меньшинство. У русских приблизительно те же потери, а что касается мирного населения, материального убытка, культурного ущерба, нанесенного России, историкам трудно его установить. Остается, может быть, самое главное для историка: суметь дать правдивое слово не цифрам, а людям, их показаниям.

Как литературовед, я позволю себе применить понятие *трагедии* к собственной интерпретации прочитанных трудов по случаю 200-летней годовщины войны 1812

года. Взамен *эпоса*, трагический *нафос* каждого из участников освещает его поведение и является правдоподобной первопричиной *узла*, который завязывается в начале *трагедии* и ведет к неизбежному роковому исходу. Начнем с Наполеона: обладал ли он свободой выбора, когда пустился в свой поход? У «Великой империи» повсюду открывались трещины, пробуждались национальные чувства, а Россия не подчинялась имперским амбициям Наполеона! Это подчеркивают и Ж. Тюлар⁴, и Т. Ленц⁵. Поддаваясь своему *нафосу*, Наполеон должен был утвердить свою мощь новой блестящей победой. Россия, по его мнению, должна была «во имя чести» принять генеральное сражение, и, потерпев неизбежное поражение, потеряв армию, должна была согласиться на переговоры и подписать мир на условиях французского императора.

А что же Александр I? Послу Франции Коленкуру, покидающему Петербург в 1811 г., император заявляет: «Я не обнажу шпаги первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним... Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице мирный договор, который станет только передышкой». Не довольствуясь вытеснением Наполеона из России, Александр I сознает необходимость избавить от него Европу. Поэтому он предоставляет русской армии совершить необыкновенный подвиг – пройти по всей Европе в образе освободительного войска, избавляющего ее от злодеяний Наполеона, от непрерывных войн и обеспечивающего ее благополучие.

В классической трагедии *история* пишется сама, не ссылаясь на фатализм. Несмотря на многочисленные предупреждения тех, кто ясно предсказывал губительные последствия похода на Россию, Наполеон остался верен своему *нафосу*. Александр I также остался верен своему *нафосу*, своим запретам: не прислушиваться к негодованию тех, кто, во имя «военной чести», во имя защиты земли русской требовал генерального сражения, и к советам тех, кто не лишался соблазна начать переговоры с Наполеоном в Москве. Александр держался единственной спасительной политики – «стратегии скифов»: отступать, ничего не оставляя врагу, и беречь армию в ожидании благоприятных условий для победы. С этим согласны все современные ведущие историки. И Д. Ливен, и М.-П. Рей, и Т. Ленц упоминают записку П.А. Чуйкевича, поданную государю в апреле 1812 г., где обосновывается необходимость провести такую войну, которая не совпадала бы с понятиями противника и позволила бы использовать его ошибки. Это мнение полностью совпадало с идеями, которые постоянно защищал военный министр М.Б. Барклай де Толли: отступать, затянуть Наполеона вглубь России и нанести ему поражение, как при Полтаве.

Будучи человеком XVIII века, Наполеон столкнулся с войной нового типа, с тотальной войной, что подтверждает наименование, данное ей в России: *Отечественная*. Все поражает Наполеона. После переправы через Неман он не встречается с решительным сопротивлением. Преследуя всеми силами отступающего противника, он даром изнуряет свои войска. Бородино – «Пиррова победа», при недостатке резервов, она наносит смертельный удар Великой армии. Наполеон вступает в опустошенную Москву и там тщетно ждет открытия переговоров с Александром I. Эвакуацию из Москвы он проводит в самых неблагоприятных условиях при ментальном неумении отступать, ведь он привык всегда наступать! Наполеон будто вторит Александру, когда 15 августа 1811 г. грубо заявляет царскому послу А.Б. Куракину: «Не воображайте себе, что я когда-то вознагражу царя с варшавской стороны. Нет, стояли бы биваком ваши войска на высотах Монмартра, не уступил бы пяди варшавской земли;

я ручаюсь за ее целостность». Приводя причины неизбежного конфликта с Россией, Ж.-О. Будон цитирует эту фразу, ставшую для Наполеона пророческой⁶.

В этой классической трагедии роль наперсника при Наполеоне играет Арман де Коленкур. Будучи аристократического происхождения, при Революции и Директории молодой маркиз преуспел в военной и дипломатической карьере. В 1802 г. он уже числится адъютантом в свите первого консула. Став императором в 1804 г., Наполеон производит его в должность обер-штальмейстера и устанавливает с ним самые близкие отношения. Антуан д'Аржунзон в своей книге «Коленкур» увлекательно их описывает⁷. Он подчеркивает, что Коленкур служит, а не прислуживает. Наперсник беспощадно возражает Наполеону, когда тот излагает ему свои безумные намерения, особенно по поводу похода на Россию, но до самого конца остается ему верен. Будучи послом в Петербурге с 1807 г. по 1811 г., Коленкур дружит с Александром I и тоже становится его наперсником. Уникальное положение! Кому лучше удастся роль посредника между двумя императорами в эти решающие годы? Несмотря на все старания миролюбивого Коленкура, каждый из его собеседников остается верен своему *нафосу*. Об Александре I Коленкур пишет в 1810 г.: «Считают его слабым. Ошибаются. Он может перенести много неприятностей и скрыть свое неудовольствие. Но это оттого, что у него есть цель — добиться общего мира без насилия. Но эта мягкость характера ограничена. Он не переступит им же определенные пределы, а они железные и они не уступят, ибо за благосклонностью, за откровенностью, за врожденной честностью, за высотой чувств и правил скрывается неодолимое упорство»⁸.

Наполеона раздражает упрямство наперсника, непоколебимого сторонника франко-русского союза. В присутствии А.Б. Куракина, посла России, он заявляет: «Коленкур стал русским! Ласки императора Александра его соблазнили»⁹. Мог ли Коленкур смирить военный *нафос* Наполеона? Вернувшись из Петербурга в июне 1811 г., он в течение двух часов пытался убедить императора, что Александр непоколебим и что он готовится не к однодневной войне, и как будто ему это удавалось, Наполеон внимательно слушал, молчал, одобрял, но вдруг начал перечислять дивизии и бригады, которыми он располагает, и его собеседник понял, что полководец взял в нем верх и что больше не стоит мечтать о мире¹⁰. В этом убедился не только он. В мае 1813 г., после победы при Люцене и еще до поражения при Лейпциге, стоя недалеко от Наполеона, маршал Ж. Дюрок сказал Коленкуру: «Наблюдаете ли Вы за императором? После поражений, у него сейчас победы; не пора ли подвести итоги? Но сами видите, он не изменился, он неутолим (*буквально*: войной не может утолиться), исход непременно будет печальный»¹¹.

Коленкур остается исторической меркой, позволяющей оценить размеры трагической пропасти, которая пролегла тогда между Францией и Россией, несмотря на личные и культурные связи: Наполеон боролся с Коленкуром, как со своим двойником, а Александр дружил с ним, как с человеком, но в политике ничего не уступал.

Таким образом, последние публикации французских историков дают новое освещение общего для французов и русских прошлого. Спустя два века вопрос, по какой причине Наполеон пустился в поход на Россию, остается открытым. Французские исследователи не дают на него прямого ответа, но намечают направления, которые устраняют слишком простые объяснения: опрометчивая самоуверенность полководца или недооценка препятствий. На другой вопрос: был ли на самом деле установлен стратегический план отступления русских войск, французские историки, как пра-

---

вило, отвечают утвердительно, хотя и отмечают колебания и разногласия в русском командовании. Но самое главное — это признание кампании 1812 года войной нового типа, названной в России *Отечественной войной*, а также правдивое освещение ее трагических для обоих народов бедствий.

Примечания

- ¹ *Boudon J.-O.* Napoléon et la campagne de Russie 1812. Paris, 2012.
- ² *Lieven D.* Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009; *idem.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. New York, 2010; *idem.* La Russie contre Napoléon, la bataille pour l'Europe (1807–1814). Paris, 2012; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.
- ³ *Rey M.-P.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris, 2012.
- ⁴ *Tulard J.* Le grand Empire, 1814–1815. Paris, 2009.
- ⁵ *Lentz T.* Nouvelle histoire du premier empire. T. 2 (1810–1814). Paris, 2004.
- ⁶ *Boudon J.-O.* Op. cit. P. 51.
- ⁷ *d'Arjuzon A.* Caulaincourt. Paris, 2012.
- ⁸ *Ibid.* P. 107.
- ⁹ *Ibid.* P. 184.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 179–180.
- ¹¹ *Ibid.* P. 240.

Л.В. Мельникова

Александр Благословенный: священная война российского императора

Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. были не только военно-политической борьбой государств, столкновением разных цивилизаций и мировоззрений, но также непримиримой схваткой двух императоров — Александра I и Наполеона. В начале XIX в. оба они вершили судьбы Европы и имели колоссальное влияние на умы современников. Звезда Наполеона ярко светила на европейском небосклоне и будоражила воображение многих с конца XVIII в. до 1812 г. Ее закат, начавшийся после Русского похода французского императора, завершился в 1814 г. В это время освободившееся место «властителя дум» в сознании современников прочно занял его победитель Александр I, заслуживший прозвище «царь царей» и титул «Благословенный».

В российской и мировой историографии обоим императорам посвящена обширная литература. Оба они заняли важное место в исторической и культурной памяти России и Западной Европы. Однако необходимо обратить внимание на одну интересную метаморфозу: вскоре после смерти Наполеона его образ начал героизироваться, а его таланты, бесспорно, немалые, еще более преувеличиваться. Что касается Александра I, то после революции 1917 г. с ним произошло прямо противоположное явление: его непосредственная роль в разгроме Наполеона стала умаляться и даже практически подверглась забвению. Советские историки, не привыкшие писать положительно о монархах, при освещении этого вопроса предпочитали вооружаться небесспорной характеристикой Александра, приписываемой А.С. Пушкину: «Властитель слабый и лукавый, ... нечаянно пригретый славой». Такое предвзятое отношение к Александру как к императору стало одной из причин того, что 1813—1814 гг., по выражению Д. Ливена, оказались «забытыми» отечественной историографией. В последние годы исследователи постепенно начинают отдавать должное российскому императору, но при этом, признают, в основном, лишь его дипломатический талант. А летом 2012 г. на научной конференции в ИНИОН мне даже довелось быть свидетелем того, как сотрудник МГУ кандидат исторических наук Д.А. Андреев, ведя секцию, вообще поставил под сомнение вопрос о том, «является ли Александр I действующим лицом “мифа двенадцатого года”». Заявив, что «мифологический образ Наполеона не равен Александру», исследователь сделал неправомерный вывод, что императоры России и Франции — «не равновеликие фигуры». Сейчас среди культурологов стало модным использовать термин «миф» для обозначения не только древнего эпоса или вымысла, но и системы неких образов и представлений об исторических событиях. Поразительно, что спустя 200 лет после одного из самых исследованных событий российской истории у профессионалов могут возникать сомнения в причастности к нему одного из его главных действующих лиц.

Ведь император Александр I был не просто современником и очевидцем войны 1812—1814 гг., он сыграл в ней одну из ведущих ролей. Именно он в предвоенный период реформировал русскую армию и вместе с военным министром М.Б. Барклаем

де Толли разработал стратегическую концепцию будущей войны с Наполеоном, рассчитанную на три года (1812—1814) и предусматривавшую ведение военных действий сначала на русской территории, а затем — в Западной Европе. В 1812 г., несмотря на отъезд из армии, Александр, как верховный руководитель государства, принимал все важнейшие стратегические и военно-политические решения. Император лично разработал план ведения боевых действий, предусматривавший окружение и уничтожение неприятеля на рубеже реки Березина по пути его отступления. Главная же заслуга российского императора заключалась в его непоколебимом решении не заключать мир и не вступать в переговоры с противником до тех пор, пока на территории России останется хотя бы один неприятельский солдат. Ни поражения начального периода войны, ни оставление Москвы, ни ропот в придворных кругах не изменили твердую решимость Александра, проигнорировавшего несколько мирных предложений французского императора, что свело на нет самую возможность победы Наполеона. В 1813 г., вернувшись в армию, Александр фактически сформировал и возглавил шестую антифранцузскую коалицию, постоянно сглаживал трения между союзниками, разработал единую стратегию союзных войск и неоднократно предлагал верные тактические решения. Его распоряжения обеспечили победу под Кульмом (17—18 августа 1813 г.) и Лейпцигом (4—6 октября 1813 г.). В 1814 г. именно он убедил союзников вступить во Францию, а затем, не преследуя главные силы Великой армии, повернуть войска на Париж, что решило исход кампании и привело к окончательному падению Наполеона.

Не менее важной, на мой взгляд, была также активно проводимая в 1806—1807 гг. и в 1812—1814 гг. информационная война, в ходе которой российскому императору удалось настроить против Наполеона общественное мнение, как в России, так и в Западной Европе. Антинаполеоновская пропаганда, имевшая ярко выраженный религиозный колорит, не только способствовала благоприятному исходу военного столкновения, но и привела к тому, что война 1812 года вошла в историческую и культурную память русского народа как *священная* война. Это нашло отражение в специфике памятников, воздвигнутых в честь победы, в распространении и развитии в русской философии XIX в. мотива национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа, а также в восприятии современниками Александра I как некоего Божия избранника, т.е. монарха, получившего благословение свыше на победу над Наполеоном. На феномене священной войны, восприятии Александра современниками и отражении его образа в культурной памяти России я остановлюсь поподробнее.

Религиозный колорит и священный характер война 1812 года приобрела во многом благодаря активному участию в ней Русской Православной Церкви, выступавшей в тесном союзе с императорской властью. Войну с Наполеоном Церковь осознала и преподносила народу как противостояние православной, дворянско-монархической России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. В воззваниях Святейшего Синода, речах церковных иерархов, проповедях и молитвах священнослужителей Церковь объясняла народу смысл идущего противостояния, формировала негативный (порой даже демонический) образ врага и проводила мысль, что России Богом предназначено остановить кровавый путь Наполеона и освободить от него Европу. Пропаганда (как церковная, так и светская) при характеристике врага часто использовала допускавшиеся по законам жанра различные приемы преувеличения (гипербола, гротеск, ирония), но при этом всегда опиралась на реальные исторические факты. Слишком прагматичная, даже беспринципная церков-

---

ная политика Наполеона, сопровождавшаяся, несмотря на заключение с Римом конкордата 1801 г., неоднократными столкновениями с папой Пием VII, закончившимися в 1809 г. неслыханными по тем временам событиями — отлучением французского императора от Церкви и пленением римского первосвященника, давала много поводов для обыгрывания ее в пропаганде. На восприятие войны 1812 года (и, в частности — противника) современниками и на ее отражение не только в церковной проповеди, но и в поэзии, литературе и публицистике огромное влияние оказало различие менталитетов, мировоззрений двух разных столкнувшихся цивилизаций.

К борьбе с наполеоновской Францией Русская Церковь была привлечена императором Александром I впервые в 1806 г. в связи с созывом ополчения, чтобы объяснить народу, насколько оно «для спасения Отечества необходимо». Выполняя предписание царя, Церковь сразу выбрала резко обличительный тон. В специальном объявлении Синода от 15 декабря 1806 г., читавшемся во всех храмах Российской империи, Наполеон представлялся не только как узурпатор, поработитель человечества, «неистовый враг мира и благословенной тишины», но и как гонитель Христианской Церкви, дерзающий «против Бога и России». В документе отмечались неоднократные прагматичные манипуляции Наполеона с религией — участие в революционных «идолопоклоннических празднествах», желание принять ислам во время Египетской кампании. Особое внимание обращалось на предстоявший созыв в Париже Великого синодариона, цель которого трактовалась как помышление «соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на ниспровержение Церкви Христовой и на провозглашение в лице Наполеона лжемессии»¹. Дело в том, что Великий синодарион (высшее религиозное учреждение Древней Иудеи), осудивший в свое время на распятие Иисуса Христа, не созывался полтора тысячелетия. По существовавшему преданию, вновь собравшийся синодарион должен был ознаменовать приход Антихриста. Согласно христианской эсхатологии, именно Антихрист будет признан как мессия иудеями, отвергшими истинного Мессию — Иисуса Христа. Неудивительно, что христианский мир встретил созыв Наполеоном синодариона очень настороженно. В России, Германии и Испании почти одновременно поползли толки об Антихристе, что вылилось в рождение легенды о демонической сущности Наполеона.

После заключения Тильзитского мирного договора антинаполеоновская пропаганда в России временно прекратилась. С началом Отечественной войны 1812 года она возобновилась с новой силой, при этом вновь востребованной оказалась и идея о демонической сущности Наполеона. В начале войны среди солдат 1-й Западной армии полковыми священниками была распространена информация из письма профессора Дерптского университета В.-Ф. Гецеля, присланного военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Она представляла собой кабалистическое изъяснение двух мест из Апокалипсиса, где в имени императора Наполеона высчитывалось «звериное число 666» и предсказывалось его скорое падение. «Апокалипсический зверь», как известно, отождествляется христианской эсхатологией с Антихристом. Согласно Апокалипсису, власть зверю будет дана на 42 месяца. Именно этим числом и объяснялось падение Наполеона в 1812 г., ибо в то время ему уже исполнилось 42 года². Исчисления Гецеля и размышления о созвучии имен Наполеона и «апокалипсического» Аполлиона (демона разрушения, истребления и смерти) имели в эпоху 1812 года довольно широкое распространение, причем оказывали влияние не только на простой народ, который, по словам современника поручика И.Т. Радожицко-

---

го, «не иначе о нем разумел, как об Антихристе», но нередко — и на представителей дворянства.

6 июля 1812 г. Александр I, как известно, подписал манифест «О сборе внутри государства земского ополчения», в котором обратился ко всем своим подданным с призывом «единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений» и поражать неприятеля «на каждом шаге» «всеми средствами и силами». Манифест содержал знаменитую фразу: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют»³. Решение императора поддержала Церковь. Синод выпустил воззвание, которое вместе с манифестом читалось во всех храмах страны. В нем развивались идеи, выраженные в объявлении 1806 г., и подчеркивался священный характер начавшейся войны⁴.

В 1812 г. Александр I неоднократно обращался к церковным иерархам с просьбой поддержать в народе религиозно-патриотический подъем. Так, например, в июле во время посещения Москвы он поручил епископу Дмитровскому Августину (Виноградскому), осуществлявшему фактическое руководство Московской епархией из-за болезни митрополита Платона (Левшина), сочинить «Молитву об изгнании врагов из Отечества». Текст молитвы император лично просмотрел и одобрил, после чего он был напечатан в Московской синодальной типографии и разослан по монастырям и церквям епархии для ежедневного чтения с коленопреклонением на литургии. Молитва содержала горячий призыв к Богу «укрепить государя императора Александра I», «благословить его начинания и дела», «утвердить царство его», «сохранить воинство его» и «подать ему победу на врага»⁵. Перед отъездом из Москвы Александр I пожаловал Августину «за труды и рвение» орден Св. Александра Невского. В том же июле 1812 г. при организации в Смоленской губернии движения самообороны Александр I направил епископу Смоленскому Иринею (Фальковскому) рескрипт, в котором говорилось о необходимости для священнослужителей «внушениями и увещаниями своими ободрять» жителей губернии и не только «отвращать их от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг и вера христианская, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружиться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и всюду истребляли их и вместо робости наносили им великий вред и ужас»⁶.

Православное духовенство активно включилось в борьбу с врагом. Священно- и церковнослужители не только призывали прихожан к защите храмов, но и сами участвовали в движении сопротивления, порой являясь даже организаторами и руководителями крестьянских отрядов самообороны. Например, во главе таких отрядов в 1812 г. находились: священник с. Крутая гора Юхновского уезда Смоленской губернии Григорий Лелюхин, священник Рождественского собора г. Веряя Московской губернии Иоанн Скобеев, протоиерей с. Любунь Мосальского уезда Калужской губернии Яков Чистяков и др.⁷

Правильность положений церковной проповеди о безбожии противника и необходимости защиты святой веры подтвердило в глазах народа поведение завоевателей. С первых шагов по российской территории солдаты Великой армии принялись грабить православные храмы и монастыри. В большинстве своем равнодушные к собственной религии⁸, они, как правило, не церемонились с национальными традициями русского народа. При этом если в Литве и Белоруссии грабежи носили единичный характер, то в центральной России (в Смоленской, Московской и Калужской губерниях) они стали массовыми. От грабежа наполеоновские солдаты часто

переходили к прямому осквернению православных святынь — кололи на дрова иконы, стреляли в лики святых, превращали храмы в провиантские магазины, конюшни и скотобойни. В общей сложности в центральных губерниях было разорено более половины всех существовавших на оккупированных землях церквей⁹. Вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и способствовал расширению движения народного сопротивления, носившего во многом религиозный характер.

Особое впечатление произвела на русское общество судьба Москвы. После взятия и осквернения первопрестольной столицы русская пропаганда совершенно перестала стесняться в выражениях для характеристики противника. Например, в особом «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября 1812 г., составленном по достоверным данным и по Высочайшему повелению обнародованном в церквях, прямо заявлялось, что обычное определение «неприятель» является для представителей Великой армии слишком «обыкновенным и недостаточным», ибо их поведение недостойно не только просвещенного народа, но даже дикарей, проявляющих в подобной ситуации «только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению того, чего они взять с собой не могут». Подражание Франции, имевшее место накануне войны, признавалось ошибочным и говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи», возвратившись к чистоте и непорочности «наших нравов». Франция и Россия противопоставлялись друг другу как «безбожие» и «благочестие», как «порок» и «добродетель», война между которыми должна вестись до победного конца¹⁰.

В это время были изданы десятки карикатур, на которых Наполеон изображен в демоническом облике, с рогами и хвостом, или стоящим рядом с Сатаной и чертями. Подобные карикатуры в период наполеоновских войн создавались не только в России, но также в Англии и Германии. В виде Сатаны с горящим факелом в руках французский император был показан на раскрашенной гравюре, изображавшей план Москвы с указанием сгоревших домов.

К осмыслению сущности происходивших событий, сравнительному анализу личностных, в том числе религиозных, качеств двух императоров, а также принципов проводимой ими политики, обращались в 1812—1814 гг. авторы многочисленных памфлетов и других публицистических сочинений. Почти все памфлеты выходили анонимно или под псевдонимом, при этом авторами их нередко выступали представители русской дворянской интеллектуальной элиты: С.С. Уваров, А.Я. Булгаков и др. Прежде всего, как правило, подчеркивалась разница социального происхождения двух монархов и легитимность их власти. Наполеон — безродный корсиканец, «сын нищеты», «наследник революции», восхождение которого на престол древних французских королей является аномалией, нарушением должного порядка вещей. Александр I — законный государь и помазанник Божий, авторитет которого опирается не на завоевания, а на издревле существующие в государстве законы и традиции. Так, например, автор памфлета «Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом» вложил в уста своего героя следующую фразу: «Наш народ имеет своего Царя, и Царя не пришлеца, не возникшего из ничтожества, но Царя Порфирородного, Царя, данного ему от Бога и ни от кого, кроме Бога, не зависящего»¹¹.

Практически все памфлетисты отмечали безнравственность Наполеона, его непомерное властолюбие, лицемерие, тиранство, агрессивность, цинизм и беспринципность. Автор «Духа Наполеона Бонапарте» обличает французского императора за то, что он «не имеет ни малейшего понятия о приличностях в политике, которые во вся-

кое другое время были сферою всех европейских дворов»¹². С.С. Уваров в сочинении «Император Всероссийский и Бонапарте» противопоставляет беззакониям Наполеона добродетели российского государя Александра, политика которого соответствует христианским нравственным принципам: «Одерживать победы, сжигать города, рассеивать раздоры, возбуждать междоусобия, принуждать к миру — вот дела обыкновенных завоевателей! Освобождать народы, свергать гнусных тиранов, восстанавливать повсюду законную власть, действовать в звании Царя, исполнив долг рыцаря на бранном поле, быть человеком на самом неограниченном троне вселенной, на вершине величия преклоняться пред Провидением, в скромности и простоте отвергать раболепство, убегать собственной своей славы — вот подвиги Александра»¹³. Автор памфлета «Мысли Наполеона при вступлении в Москву» изображает в качестве одной из главных «страстей» Наполеона Безбожие, которое изгоняет отвергаемую Наполеоном Совесть: «Прочь с глаз наших, слабая советница, все усилия твои бессильны поколебать решимость нашу. Удались к русским, полагающим в тебе свое Божество»¹⁴. Это противопоставление безбожной, отвергающей нравственные принципы наполеоновской Франции и православной, руководствующейся велениями совести России красной нитью проходит практически через всю русскую антинаполеоновскую публицистику.

Те же мысли пронизывают и поэзию военного времени, при этом авторы лиро-эпических произведений, характеризуя противника, часто заменяют термин «безбожный» на «демонический» и объясняют победу России над врагом заступничеством Божественного Провидения. Наряду с «демонической» природой Наполеона, как правило, подчеркивается «ангельская» сущность Александра I. Например, Г.Р. Державин в гимне «На прогнание французов из Отечества» представил войну наполеоновской империи с Россией как борьбу тьмы со светом, зла с добром, нечестия с православием. Наполеона он изобразил вышедшим из бездны «таинственных числ зверем», «в плоти седьмглавым Люцифером, о десяти рогах венчанным», драконом или «демоном змеевидным»¹⁵. В сопровождении подчиненных ему ехидн он шествует по земле и сеет повсюду смерть, все живое бежит от него прочь, но вот на его пути встает «агнец белорунный, смиренный, кроткий, но челоперунный» — Александр I, который поднимает народ на борьбу за веру, против «врагов Христовых». «Александр глас наш дух вознес: // Прибег он в храм — и стал бесстрашным Росс. // Упала демонская сила». Увидев «святость Александра трона» и «лесть Наполеона», россияне помогают Бог, что и решает исход кампании¹⁶. Подобным образом, в виде картины апокалипсического состояния мира, вызванной захватнической политикой французского императора, Отечественная война 1812 года представлена в ряде других произведений. Причем, это не просто поэтический ход мышления, это реальное отношение к происходившему лучших умов России начала XIX в. Например, А.С. Пушкин в незавершенной сказочной поэме «Бова» показал преступления Наполеона с «космическим» размахом: «Мир крещеный потопил в крови, // Не щадил и некрещеного, // И, в ничтожество низверженный // Александром, грозным ангелом, // Жизнь проводит в унижении // И, забытый всеми, кличется // Ныне Эльбы императором»¹⁷. Образ ангела связывался с личностью Александра I очень часто, это было его прозвищем в императорской семье. Добавив к термину «ангел» эпитет «грозный», Пушкин тем самым развил религиозное понимание войны 1812 года, ибо «грозный ангел» — это Архангел Михаил, руководивший небесными силами в космической битве с врагами Бога, ангел-хранитель всех христиан.

Победа над Наполеоном была воспринята многими современниками как результат действия Божественного Промысла, избравшего своим орудием Россию и ее императора. Более того, окончание наполеоновских войн рассматривалось как начало обновления всей Европы, в котором Россия и, конечно, Александр I, призваны сыграть ведущую роль. Сам российский император, познавший, по его собственному признанию, в 1812 г. Бога, в данное время был сильно подвержен религиозным настроениям. Уже 25 декабря 1812 г. в Высочайшем манифесте, изданном по случаю изгнания неприятеля из пределов Отечества, в качестве главной причины победы была названа помощь Бога. В другом манифесте от того же числа объявлялось о намерении императора соорудить храм во имя Спасителя Христа «в ознаменование благодарности... к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»¹⁸. Та же мысль кратко и емко была выражена в надписи на реверсе медали, учрежденной 5 февраля 1813 г. в память победы в Отечественной войне: «Не нам, не нам, а имени Твоему». (Отмечу, что первоначальный проект медали, согласно существовавшей в Российской империи традиции, предусматривал изображение императора, но Александр в последний момент повелел заменить свой портрет на указанную библейскую фразу, лишней раз подчеркнув свое преклонение перед Провидением¹⁹.) В 1814 г. Александр постановил проводить в день Рождества Христова ежегодное празднество, получившее официальное наименование «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов, и с ними двадцати язык»²⁰. В этот день после окончания обычной службы было решено совершать особое благодарное молебствие с коленопреклонением при чтении специально установленной на этот случай молитвы. Текст молитвы был написан архимандритом (впоследствии митрополитом Московским) Филаретом (Дроздовым), утвержден императором Александром I, после чего напечатан «по числу церквей и монастырей» и разослан по всей Российской империи²¹. Через год, «проникнувшись сознанием благодати, осенившей Россию», Александр решил «организовать международные и политические отношения на учении Евангелия»²². 14 сентября 1815 г., в день праздника Воздвижения Креста Господня, по инициативе Александра I монархи России, Австрии и Пруссии подписали акт о Священном союзе, ставший первой в мировой истории попыткой реализовать политическую концепцию «объединенной Европы» — обеспечить мир, стабильность и коллективную безопасность путем совместного решения основных международных проблем.

Что касается «христианских добродетелей» Александра I, которые в 1812—1814 гг. так воспевали авторы многочисленных публицистических и поэтических сочинений, то они действительно в полной мере проявились во время Заграничных походов, и особенно — при взятии Парижа, когда Александр, по словам современника романиста Р.М. Зотова, «за разорение России мстил одним милосердием». Взятие Парижа было превращено русским императором в настоящее духовное торжество. Он не только спас город от разграбления, но и организовал 29 марта 1814 г., в первый день Пасхи, торжественное молебствие на парижской площади Согласия, на месте казни французского короля Людовика XVI.

Вступление Александра I во главе союзных войск в Париж 19 марта 1814 г. стало апогеем его величия и славы. Его называли «северным Агамемноном», «царем царей», «императором Европы», «ангелом мира», «спасителем Вселенной». Н.М. Карамзин в произведении «Освобождение Европы и слава Александра I» констатировал: «В сем общем, радостном волненье, // Царей, Героев прославленье, // Чье имя

первое в устах? // Кому гремят вселенной лики? // Без лести в искренних хвалах,
// Дают название: Великий! // Отечество мое! Ликуй, // И с Александром торже-
ствуй!»²³. Отмечая достоинства российского императора, его нередко возносили до
высот небожителя. Так, например, П.А. Вяземский писал: «Муж твердый в бедствиях
и скромный победитель! // Какой венец Ему? Какой ему алтарь? // Вселенная! Пади
пред Ним: Он твой спаситель! // Россия! Им гордись: Он Сын твой, Он твой Царь!». Это четверостишие было обыграно во время проведения в Москве 19 мая 1814 г.
празднеств по случаю взятия союзными войсками Парижа. Во время осуществления
театральной постановки пьесы А.М. Пушкина²⁴ «Храм бессмертия» стихи Вяземско-
го яркими литерами светились под бюстом Александра, установленном на высоком,
богато украшенном пьедестале посреди воображаемого храма. Два гения держали над
ним масличную и миртовую ветви, на жертвенниках курился фимиам. Героиня, изо-
бражавшая Россию, преклонила перед ним колени²⁵.

П.А. Вяземскому вторили и другие поэты. Например, Ф. Кокоскин писал: «Бо-
голюбивый царь, и царь, любимый Богом, // Блаженства, славы нам ниспосланный
залогом, // Освободивый днесь полсвета от оков! // Ты выше всех похвал, ты выше
всех венцов! // Тебе бы древний мир храм Божеский поставил, // И гимнами тебя, как
божество, в нем славил...»²⁶. Н. Овдулин восклицал: «Сравнится ль что-нибудь со сла-
вою твоей? // Ты будешь наречен спасителем людей. // Так торжествует здесь лишь
Вера, Добродетель; // Так торжествуешь ты, Российских стран владетель!»²⁷. П. Куту-
зов назвал Александра I «царем сердец», «предметом всех очей» и «полночным све-
тилом», озарившим царства²⁸. Поэт, скрывший при публикации стихотворения свои
инициалы под литерами «А.С.», сравнил российского императора с Солнцем и придал
его деяниям «космический» размах: «Величеством своим, как Солнце в свете, ясен, //
И столь же благ — и столь же, как оно, прекрасен; // Как солнце, озарил ты ныне це-
льный свет: // Ты Вождь царей — ты Вождь планет! // Комета злобная хвостом своим
горящим, // Раздор, войны, болезнь на землю низводящим, // Хотела возмутить тел
стройный в мире ход; // Но Солнца Русского почувствовав восход, // Мгновенно в
бездну тьмы со ужасом сокрылась — // И вся Вселенная тобою оживилась»²⁹.

А.С. Пушкин в 1815 г. передал ощущение всеобщего восторга, восхищения и пре-
клонения, охватившее россиян при возвращении императора на родину: «И ныне ты
к сынам, о царь наш, возвратился, // И край полуночи восторгом озарился! // Скло-
ни на свой народ смиренья полный взгляд — // Все лица радостью, любовью бле-
стят, // Внегли — повсюду весть отрадная несется, // Повсюду гордый клик веселья
раздается; // По стогам шум, везде сияет торжество, // И ты среди толпы, России
божество!»³⁰. В 1836 г., отмечая 25-ю годовщину основания Царскосельского лицея,
А.С. Пушкин вновь вспомнил об этом времени: «Вы помните, как наш Агамемнон //
Из пленного Парижа к нам примчался. // Какой восторг тогда пред ним раздался! //
Как был велик, как был прекрасен он, // Народов друг, спаситель их свободы! // Вы
помните — как оживились вдруг // Сии сады, сии живые воды, // Где проводил он
славный свой досуг»³¹.

Широкое хождение получило в то время исчисление, сделанное директором са-
ратовских училищ А.И. Шестаковым. Переведя буквы изречения «И посла мирови
Ангела кротости» в цифровое значение, он получил сумму чисел, равную 1777 — году
рождения императора. Сложение чисел, составляющих год, число и месяц рождения
Александра, дало 1801 — год его вступления на престол³².

3 августа 1814 г., вскоре после возвращения Александра I в Россию, Святейший Синод, Государственный Совет и Сенат на общем чрезвычайном собрании вынесли постановление: в качестве выражения императору «дани всеобщей признательности за прославление Отечества» поднести ему титул «Благословенный», выбить в его честь медаль и воздвигнуть в столице памятник с надписью «Александрю Благословенному, Императору Всероссийскому, Великодушному Держав Восстановителю от признательной России»³³. Однако Александр из «чувств скромности и смирения духа» отказался принять «имя самое для» него «лестнейшее» и попросил «государственные сословия оставить» вынесенное постановление «без всякого исполнения». «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный! Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие»³⁴, — писал император. Однако, несмотря на отказ императора, титул «Благословенный» прочно за ним закрепился.

Памятник Александру был воздвигнут в Санкт-Петербурге уже после его смерти, по повелению нового императора Николая I. 30 августа 1834 г., к 20-летию победы России над наполеоновской Францией, а также лично в честь императора Александра I, в центре Дворцовой площади, в 100 м от Зимнего дворца была открыта знаменитая Александровская колонна, выполненная по проекту архитектора А.А. Монферрана. Стройную колонну из красного гранита (общей высотой 47,5 м) венчает бронзовая фигура ангела (высотой 4,3 м) работы скульптора Б.И. Орловского. Ангел, лицу которого скульптор придал портретное сходство с императором Александром, попирает крестом змею, символизирующую поверженного врага.

Примечательно, что прототипом Александровской колонны стала Вандомская колонна в Париже (памятник победе Наполеона в сражении при Аустерлице), созданная, в свою очередь, по образу древнеримских триумфальных колонн (особенно близка она была колонне императора Траяна в Риме). Подобием и одновременно несходством со своей предшественницей Александровская колонна выражала, по замыслу создателей, идею победы и памяти в соответствии с древними канонами и русской православной традицией. Прежде всего, обращение к форме колонны и сходство с древними образцами свидетельствовало о всемирном значении памятника, а значит — и увековечиваемого события. Огромность размера и превосходство по высоте (на 4 метра) Александровской колонны над ее парижским прототипом говорило о том, что слава и деяния императора Александра I превосходят славу и деяния Наполеона, величие которого было столь недолговечно. Наконец, принципиальное значение имело наверхие колонны. Вандомскую колонну, так же, как и античные образцы, венчала скульптура императора. При этом Наполеон держал в руках земной шар с богиней Победы, что подчеркивало его стремление к господству над миром. Ангел на вершине Александровской колонны напоминал императора Александра лишь портретным сходством. Крест в его руках (именно крест, а не меч или копье), поражающий змея, лишним раз подтверждал сакральный смысл войны 1812 года и священный характер победы. По сути, ангел символизировал православную веру, победу христианства над мировым злом, над безбожием и гордыней. Александровская колонна, так же, как и храм Христа Спасителя, стала памятником благодарности Божьему Промыслу за помощь в одержании победы.

Своеобразным памятником Александру I «в чувствах и сердцах народа» стала появившаяся в середине XIX в. легенда о Федоре Кузьмиче. Согласно этой легенде, император не умер в Таганроге, а, оставив трон и светскую жизнь, стал странником по имени

Федор Кузьмич. Этот таинственный странник, скончавшийся в январе 1864 г. в четырех верстах от Томска, был удивительно похож на покойного императора, обладал обширными познаниями, был прекрасно осведомлен о столичной и даже придворной жизни. Он хранил в тайне свое настоящее имя, вел уединенный образ жизни, был чрезвычайно набожен, но никогда не исповедовался и не причащался, говоря загадочно, что не может ходить к причастию, потому что уже отпет. Версия о тождестве Александра I и Федора Кузьмича до сих пор не доказана и не опровергнута. У нее есть масса сторонников и масса противников. На эту тему «сломано немало копий», написаны десятки трудов³⁵, но вопрос до сих пор остается открытым. В любом случае можно с уверенностью сказать, что в культурной памяти России образ Благословенного императора — победителя Наполеона — логично дополнился образом святого старца. В 1984 г. Феодор Томский был канонизирован Русской Православной Церковью как местночтимый святой.

Примечания

- ¹ ПСЗ-І. Т. 29. № 22394; см. также: Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. Приложения. С. 301.
- ² РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2156. Л. 2—3; см. также: Мельникова Л.В. Указ. соч. Приложения. С. 307—308.
- ³ ПСЗ-І. Т. 32. № 25176.
- ⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15; см. также: Мельникова Л.В. Указ. соч. Приложения. С. 303—305.
- ⁵ [Августин (Виноградский)]. Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. СПб., 1856. С. 47—49.
- ⁶ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). СПб., 1882. С. 45.
- ⁷ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 110—115, 183.
- ⁸ Об отношении французских солдат к религии наглядно свидетельствует письмо аббата А. Сюрюга, отправившего службу в московской церкви Св. Людовика Французского в сентябре—октябре 1812 г. За все время пребывания французов в Москве в церкви, где служил аббат, появилось только четверо или пятеро офицеров из старых фамилий Франции; из 12 тыс. человек Великой армии, умерших в Москве, только двое были похоронены по христианскому обряду; единственным проявлением религиозности солдат, по словам Сюрюга, было желание окрестить детей, «в остальном религия для них пустой звук». (Brett-James A. 1812. Eyewitness accounts of Napoleons Defeat in Russia. London, New York. 1966. P. 190.) Не менее красноречиво повествуют об этом и воспоминания многих французских офицеров, в которых зафиксировано их мнение о молебне перед Смоленской иконой Божией Матери, состоявшемся в русском лагере накануне Бородинской битвы, а также сравнение настроений двух армий накануне генерального сражения. Религиозность русского народа они считали проявлением невежества, чувствуя себя носителями разума и цивилизации в стране варваров. Так, например, А.Ж. Фэн писал: «Кутузов направил процессию всех чинов, чтобы явить знаменитое чудо, которое хранилось в Смоленске. Каждый солдат обращался с мольбой к символам мученичества, и все встали на колени, повторяя религиозный стих, чтобы обрести дух». Л.Ф. Лежен повествовал о том, что «русский генерал» возбуждал в солдатах религиозный фанатизм и «возил перед фронтом армии образ святого московитского епископа, творившего чудеса». «Когда русский военачальник увидел, что его солдаты достаточно растроганы этим необычным зрелищем, — писал Ф.П. Сегюр, — он возвысил голос и стал говорить им о небе, единственном убежище, которое остается рабам. Во имя религии и равенства он призывал этих закрепощенных защищать имущество их господ». Сравнивая русский лагерь с французским, Сегюр отмечал: «У французов не было ни военного, ни религиозного парада, никакого смотра, они не прибегали ни к каким попыткам возбуждения. Французы искали подкрепления в самих себе, будучи уверены, что истинная сила и воинство небесное скрываются в человеческом сердце». (Цит. по: Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 67—68.)
- ⁹ В Москве были разграблены 22 из 24 существовавших монастырей (за исключением Данилова и Новодевичьего) и 227 из 264 церквей, в Московской губернии — 4 монастыря и большая часть

- храмов. В Смоленской губернии было разграблено 6 монастырей и пострадало по разным данным 252 или 323 церкви; в Калужской губернии — 2 монастыря и 24 (по другим данным — 27) церкви. Подробнее см.: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. С. 158—186.
- ¹⁰ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 50—57.
- ¹¹ Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом. СПб., 1812. С. 10.
- ¹² Дух Наполеона Бонапарте или Жизнь и ужасные деяния его, начиная со дня рождения до 1814 года. Собрано с показаний очевидцев и достовернейших политических иностранных и отечественных авторов. Вновь испр. и доп. Ч. 1—3. СПб., 1814. С. 34.
- ¹³ *Уваров С.С.* Император Всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814. С. 41—42.
- ¹⁴ Мысли Наполеона при вступлении в Москву или Разговор Совести с различными его страстями. СПб., 1813. С. 47.
- ¹⁵ *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // *Он же.* Сочинения. В 9 т. Т. 3. СПб., 1866. С. 137—164.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Пушкин А.С.* Бова // *Он же.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М., 1960. С. 382—383.
- ¹⁸ ПСЗ-І. Т. 32. № 25296.
- ¹⁹ *Бартошевич В.В.* В борении с Наполеоном. Нумизматические очерки. Киев, 2001. С. 8.
- ²⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 226. Л. 1.
- ²¹ Молитва называлась «Последование благодарственного и молебного пения к Господу Богу, певаемого в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык». См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 789. Л. 6, 64—65, 83, 105.
- ²² *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 1. Рига, 1886. С. 3.
- ²³ *Карамзин Н.М.* Освобождение Европы и слава Александра I // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. М., 1814. С. 214—215.
- ²⁴ Дальнего родственника А.С. Пушкина.
- ²⁵ См.: *Любецкий С.М.* Рассказы из Отечественной войны 1812 года. От начала войны до вступления союзных войск в Париж с описанием празднеств и увеселений в Москве по случаю взятия Парижа союзными войсками в 1814 году, марта 19-го. Патриотические песни, анекдоты и описание карикатур того времени. М., 1880. С. 415, 454—455.
- ²⁶ *Кокоршкин Ф.* К изображению беспримерного во владыках Александра I // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. С. 222.
- ²⁷ *Овдулин Н.* Торжество Веры и Добродетели // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. С. 223.
- ²⁸ *Кутузов П.* Радостная песнь во славу бессмертных подвигов великого государя императора Александра Первого, восстановителя Царей и Царств, покоя и благоденствия Европы, на низложение всеобщего врага и низвержение его с похищенного им трона // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. С. 199; *Он же.* Ода Его Императорскому Величеству, государю императору Александру Первому, на покорение столицы Франции победоносным его оружием // Там же. С. 189.
- ²⁹ *А.С...в.* Александру I по взятии Парижа // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. С. 222—223.
- ³⁰ *Пушкин А.С.* На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г. // *Он же.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. М., 1959. С. 322—323.
- ³¹ *Пушкин А.С.* Была пора: наш праздник молодой... // *Он же.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 468.
- ³² *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 382.
- ³³ ПСЗ-І. Т. 32. № 25629.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См., например: Таинственный старец Феодор Козьмич в Сибири и император Александр Благословенный. Саратов, 1908; *Барятинский В.В.* Царственный мистик (Император Александр I — Федор Козьмич). СПб., 1912; *Михайлов К.Н.* Император Александр I — старец Феодор Козьмич. Историческое исследование. СПб., 1913; *Кудряшов К.В.* Александр Первый и тайна Федора Козьмича. Петербург, 1923; *Крупенский П.Н.* Тайна Императора (Александр I и Феодор Козьмич). Историческое исследование по новейшим данным. Берлин, 1927; *Любимов Л.* Тайна императора Александра I. Париж, 1938; *Громыко М.М.* Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М., 2007; и др.

Наполеоновский миф в России XIX—XX вв.

К 200-летию Отечественной войны 1812 года в Институте российской истории РАН подготовлена к печати коллективная монография «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России»¹. Один из выводов, к которому мы приходим, состоит в том, что в 1812—1814 гг. в ходе войны против Наполеона в России оформляется не только *образ врага* с присущими ему по определению эталонно-негативными характеристиками, но и *парадигма священной войны* с ним, оказавшиеся в основах своих пригодными как для новых военных конфликтов, так и в ряде коллизий мирного времени.

Но парадоксальный характер отечественным воспоминаниям о войне с Наполеоном придает то обстоятельство, что сам ее инициатор всегда вызывал к себе в России, по крайней мере, амбивалентное отношение. Удивительное соседство в сознании современников «светлой» и «черной» легенд о Наполеоне сумел передать лаконичной формулой ветеран Отечественной войны 1812 года Илья Радожицкий: «Гению подражали, а врага ненавидели»².

Несовместимые, на первый взгляд, составляющие той *памяти*, которую оставил по себе французский император в России, можно найти в мемуарах Афанасия Фета (Шеншина). Даже в середине 30-х годов позапрошлого XIX века в родное гнездо поэта — усадьбу Новоселки, что на Орловщине, неоднократно наезжали в поисках подаяния «жалкие» смоленские дворяне, — все, «не исключая и дам», обутые в лапти! Можно, конечно, задаться вопросом, не из числа ли прототипов Обломова вышли эти жертвы войны, не сумевшие за четверть века встать на ноги? Хотя у самого Фета, как и у его старших родственников, спешивших накормить голодных людей, столь затянувшееся нищенство не вызывало никакого недоумения. В глазах современников, как пояснял сам автор воспоминаний, «каких-либо двадцать пять лет спустя после нашествия Наполеона»³ — срок, не слишком долгий, чтобы оправиться от пережитого в 1812 г. разорения.

Но, несмотря на столь живую и наглядную память о войне с Наполеоном, культ его личности сохранялся в поколениях орловских дворян Шеншиных. В усадьбе дворянского деда поэта с давних пор висели «портреты первого консула Наполеона и Жозефины». В 1812 г. они были только перемещены в «тайный кабинет». Спустя четверть века унаследовавший это имение дядя Фета, «горячий поклонник гения Наполеона», снова вывесил их на всеобщее обозрение⁴, хотя и не перевелись еще в орловском краю смоленские дворяне, просившие подаяние!

Традицию устных воспоминаний об эпохе 1812 года в послевоенные десятилетия поддерживали не только русские ветераны, но и солдаты Великой армии, оказавшиеся в плену и осевшие в России. Русская художественная культура в лице Михаила Лермонтова, воспитанника бывшего офицера французской императорской гвардии, переложила этот дуализм памяти на язык гениальных поэтических гимнов, написанных во славу и Наполеона, и воинов, его одолевших!

О многообразии смыслов и оттенков русских образов Наполеона свидетельствует и судьба его имени, ставшего в России, как и в других странах, именем нарицательным,

---

означающим выдающегося в том или ином смысле человека вообще, крайнее проявление каких-либо свойств, какими бы они ни были. Несколько знаменитых плутов русской литературы были удостоены их создателями сопоставлений с Наполеоном: от Чичикова и Кречинского до «великого комбинатора» Остапа Бендера. Одновременно из ассоциаций с Наполеоном вырастал совсем иной ряд метафор. «Умственным Наполеоном нашего века»⁵ в России нарекли Гете, «Наполеоном поэзии» — Байрона⁶. Позднее «Наполеоном русского книжного дела» называли Алексея Суворина⁷. Но первоначально в самой России, еще не столь богатой мыслителями и художниками, подходящей фигурой для сравнения с Наполеоном казался только Петр Великий. При этом его наследники в XIX в. не избежали той или иной оглядки на французского императора. Но если Наполеон привлекал к себе двойным обаянием — победоносца и миротворца (т.е. правителя, сумевшего «понять основные интересы нации»⁸ и завершить кровавую гражданскую распрю), то, возможно, только злой сарказм истории заключался в том, что отец последнего российского императора тоже удостоился имени «Миротворца». Буквально накануне февраля 1917 г. и сам Николай II, беседуя с французским послом в царскосельской библиотеке, за столом, на котором лежала «дюжина» книг, посвященных Наполеону, признался, что испытывает «культ к нему»⁹.

Сближению Наполеона с идеалом российского самодержца, каким был в Российской империи официальный образ Петра Великого, противостоит восходящее к дворянским страхам 1812 г. уподобление императора французов совсем другому персонажу русской истории. Эту ассоциацию накануне 100-летия Отечественной войны припомнил писатель Александр Амфитеатов, один из очерков которого, посвященных критике официальной версии тех событий, был озаглавлен «Наполеон-Пугачев»¹⁰!

В эпоху же, хотя и прозванную советской историографией по очевидному недоразумению «периодом культа личности», а на самом деле отмеченную появлением нового образа Наполеона как аллегории *одного доминирующего лица*, в частной переписке Михаила Павловича Чехова возникает совершенно иная ассоциация, связанная уже не с характерами и амбициями реальных людей или литературных персонажей, а с повадками перелетных птиц, целые караваны которых уводит за собой передовая особь — «какой-нибудь *маленький птичий Наполеон*»¹¹! Это был, пожалуй, самый универсальный, лиричный и вдохновляющий ассоциативный образ Наполеона в русской культуре.

Со времен поэтов-романтиков наполеоновская легенда стала жить в русском сознании порой совсем обособленно не только от воспоминаний о 1812 годе, но даже и от «Европы», ее породившей.

Пора героизации «мученика Святой Елены», когда по улицам Петербурга, согласно воспоминаниям Анатолия Кони, ходили итальянцы-шарманщики, чьи инструменты часто были украшены представленными на специальной площадке фигурками умирающего в постели Наполеона и плачущих вокруг него генералов¹², совпала в России с полосой интенсивных поисков национальной самобытности. Именно тогда в отечественной поэзии уже сами русские по отношению к «европейским дикарям» были уподоблены Бонапарту — одновременно и как умиротворителю революции, и как арбитру Европы: «Я говорю, что мир воспещет, // Когда мы ринемся в него, // Когда в нем молнией заблещет // Штык примирителей всего. // Когда вторым Наполеоном // Мы их рассудим и уйдем, // И этот мир, объятый стоном, // Одушевим своим умом...», — писал с верой в высокую духовную миссию России поэт Александр Баласогло в 1840 г.¹³

Спустя сто лет частная хроника питерской художницы Любови Шапориной зафиксировала совсем иное национальное самоощущение. Проходя в конце 1933 г. мимо нового здания ОГПУ — «Большого дома» на Литейном, она увидела в этой новостройке начала 1930-х гг. «надгробный памятник над Россией, всеми мечтами, иллюзиями, идеалами, свободами», и вспомнила знакомые с юности лермонтовские строки о зарытом врагами «в сыпучий песок» Императоре: «Лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог»¹⁴.

Если разные эпизоды легендарной наполеоновской биографии, преломленные отечественной художественной культурой, становились порой выразительными метафорами судеб самой России в истории, то растянувшееся на полстолетия *ожидание*, а потом и *переживание* русской революции по «формуле» революции французской рано или поздно превращало генерала Бонапарта в *исторический прообраз* того, кто был призван спасти и Россию!

После ухода Наполеона с исторической сцены судьба созданной им легенды была неразрывно связана с попытками воплотить ее заново, «повторить». Если обратиться к дневникам, мемуарам, даже исповедальным стихам и другим источникам, то можно обнаружить, что едва ли не в каждом поколении русских юношей (а порой и девушек), по крайней мере, в XIX — начале XX в., у Наполеона были страстные поклонники, в большинстве своем оставшиеся, конечно, совершенно безвестными. Но если Наполеон *вышел* из революции, то «горевшие» им юные русские, бывало, *уходили* в нее.

Наполеоновскую мифологию питала не только *ожидаемая* и *переживаемая* на французский манер русская революция, но и сама наполеоновская историография. Постоянно растущий поток книг о Наполеоне не только наделял символическим значением, но и делал общеизвестными в рамках достаточно широкого круга читающей публики едва ли не каждый значительный эпизод его индивидуальной судьбы. Пример тому — Александр Герцен. Давая Наполеону, хотя и диалектичные, но зачастую просто убийственные характеристики, Герцен всю жизнь пересыпал свои произведения ссылками на поступки, высказывания, эпизоды из жизни Бонапарта, свидетельствующими о прекрасной осведомленности в наполеоновской историографии! А почерпнутые из нее знания питали мысль Герцена об истории, «человеческое участие» в которой было для него «велико и полно поэзии», становилось «своего рода творчеством»¹⁵. Судя по всему, не без влияния наполеоновского примера в этом исключительно талантливом человеке рано пробудилась вера и в собственное призвание сыграть в истории роль, «вставить в нее свой стих», найти, оставаясь порой в полном одиночестве, силы, чтобы исполнить миссию, совсем не такую, как самый прославленный избранник судьбы, но все-таки миссию. Без этой воистину наполеоновской уверенности в собственном призвании не было бы ни Герцена как яркой общественной фигуры, ни его *утверждающего роль личности в истории* художественного жизнеописания.

Полководческий опыт Наполеона играл особую роль в профессиональной подготовке поколений русского офицерства. Как вспоминал генерал Алексей Игнатьев, окончивший Николаевскую академию генерального штаба в 1902 г., на изучении наполеоновских военных кампаний «зиждилось наше академическое военное образование»¹⁶. Время от времени этот профессиональный интерес к великому полководцу трансформировался в русской военной среде и в более широкие амбиции, вдохновленные его личностью и примером.

Феномен «наполеонизма» не раз привлекал внимание русской классики, начиная с Пушкина, предвосхитившего в стихах второй главы «Евгения Онегина», как было в свое время замечено, «точную и даже дословную программу Раскольниковова»¹⁷: «Все предрассудки истребя, // Мы почитаем всех нулями, // А единицами себя; // Мы все глядим в Наполеоны; // Двуногих тварей миллионы // Для нас орудие одно; // Нам чувство дико и смешно».

Как показал в первом томе «Войны и мира» на примере князя Андрея главный разоблачитель наполеоновского мифа Толстой, культ Бонапарта со времени его проникновения в Россию вовсе не противоречил русскому патриотизму, а вполне уживался с ним. Но в отличие от толстовского персонажа, быстро разглядевшего мелочность своего кумира, далеко не все соотечественники писателя, будь это современники Наполеона или Толстого либо позднейшие читатели романа, были готовы к столь решительному развенчанию наполеоновского образа.

С конца XIX в. Толстой, превративший Наполеона «в маленького пошлого проходимца, ... в комического генерала Бонапарта московских лубочных картин»¹⁸, найдет страстного оппонента в лице Дмитрия Мережковского¹⁹, который позднее под непосредственным влиянием опыта революции и гражданской войны в России создаст уже в эмиграции совсем другой *русский* образ французского императора — богоподобного устроителя революционного хаоса, спасителя не только Франции, но и Европы от «красного дьявола»²⁰. Происходившее незадолго до революции чествование 100-летия Отечественной войны 1812 года было призвано консолидировать все условия под эгидой династии Романовых. Этой цели достигнуть не удалось. Сама память о давней войне стала предметом сословной и партийно-политической розни.

В то же время торжества 1912 г. существенно подхлестнули общественный интерес к личности Бонапарта, только обнажив достаточно глубокие корни наполеоновского культа в России. Об этом свидетельствовали и поступавшие тогда на музейное хранение из домашних кладовых изображения, бюсты, статуэтки и наводнившие рынков товары широкого потребления²¹.

Но среди либеральной и социалистической интеллигенции бытовало убеждение, что «время культа героев, великих людей, ... исполняющих исторические миссии, отошло в область прошлого», что миф о Наполеоне — уже не более чем анахронизм²². Впоследствии генерал Петр Краснов в романе «Единая-Неделимая» (1924) метко спародировал расхожее в левых кругах и в начале революции мнение, будто «теперь ни героев, ни Бонапартов не будет. Герой — сам народ с его неизвестными солдатами и вождями без имени»²³.

Характерный пример. Даже на распространившуюся по Москве весть об убийстве Ленина (после покушения на него в Петрограде 30 августа 1918 г.) большевистский функционер Бернад Закс, проживавший у Марины Цветаевой, отреагировал с демонстративно-оптимистическим безразличием. «Для нас, марксистов, не признающих личности в истории, это, вообще, не важно, — Ленин или еще кто-нибудь. Это вы, представители буржуазной культуры ... с вашими Наполеонами и Цезарями»²⁴, — говорил он своей квартирной хозяйке с оттенком классового высокомерия, впрочем, не исключавшего деятельного сочувствия к отчаянному положению жены белого офицера и матери двух детей.

Запоздалым отголоском этих представлений в год десятилетнего юбилея Октябрьской революции станет символическое появление на аукционных торгах, изображенных в романе «Двенадцать стульев», характерного осколка старого быта —

бюстика Наполеона наряду с «разрозненными гербовыми сервизами, соусником, серебряным подстаканником ... и прочей галиматъей»²⁵.

Уже в Гражданскую войну стало ясно, что вопреки порожденным революцией надеждам «толпа, — как заметил один из персонажей генерала-романиста Краснова, — упрямо выпирала имена»²⁶. Причем это происходило как у «белых», так и у «красных».

В период между двумя мировыми войнами и внутри страны, и в русской эмиграции фигура Бонапарта привлекает к себе исключительное внимание в связи с внутриполитическими коллизиями и перспективами нового революционного государства.

Периодические толки об угрозе бонапартизма в советских официальных кругах не должны затенять свойственного коммунистическим лидерам двойственного отношения к образу Наполеона. Память о пришествии Бонапарта вызывала у них страх, использовалась ими как тяжкое обвинение и одновременно провоцировала явные или латентные эпигонские настроения.

Не прошло и двадцати лет после прихода к власти большевиков, как в 1935 г. историк Евгений Тарле приступил к выполнению важного сталинского заказа — написанию книги о Наполеоне для серии «Жизнь замечательных людей», а в Красной армии произошло знаменательное событие: появилось высшее воинское звание маршала, которого в русской императорской армии никогда не было (вместо него существовало звание генерал-фельдмаршал). Самые прославленные маршалы были во Франции при Наполеоне. Именно он, став императором, восстановил это традиционное для своей страны звание, отмененное революцией вместе с другими символами старого порядка. Можно допустить, что этот наполеоновский жест, легко узнаваемый в идейной атмосфере того времени, пронизанной аналогиями с историей другой революции, был повторен Сталиным не случайно. Отныне даже потенциальные претенденты на роль «красного Бонапарта» из среды советского комсостава, на которых делала ставку часть эмиграции, жившая по «сценарию» французской истории, должны были понять, что «вакантное место» занято и пределом их честолюбивых мечтаний может стать только маршальский «жезл».

Если сквозным мотивом советской пропаганды 1941—1945 гг. стал тезис о неминемости «наполеоновского» исхода гитлеровского вторжения, то в первые, наиболее трудные годы войны образ самого французского императора был востребован для *противоположения* тоже претендовавшему на сходство с ним Гитлеру. Сталин 6 ноября 1941 г. публично вспомнит о наполеоновских амбициях своего врага, чтобы тут же обратить их против него и заявить, что «Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва»²⁷.

Заданный Сталиным и академиком Тарле в ряде его сочинений военного времени *разновеликий* масштаб для сравнения обеих фигур нашел яркое воплощение и в тогдашней карикатуре. Созданный Борисом Ефимовым в самом конце 1941 г. рисунок «На уроке истории» изображает жалкого, маленького, подмороженного под Москвой, «не выучившего урока» Гитлера, который склонился перед могучей фигурой прямо стоящего с широко расправленными плечами *Наполеона-«учителя»* — руки за спину с подзорной трубой!

В фильме «Кутузов» режиссера Владимира Петрова, снятом в переломном 1943 г. при научном консультировании Тарле, Наполеон, талантливо сыгранный Семеном Межинским, продолжая «*учительскую*» миссию, говорит своим маршалам, и, конечно, не только им: «Самая главная ошибка была сделана тогда, когда я задумал идти на Россию».

Разумеется, холодновато-трагический кинообраз запоздало прозревающего Наполеона, как и иные кадры с его маршалами, словно сходящими на экран, в гущу боя со своих парадных портретов, ни в какое сравнение с предельно окарикатуренной в тогдаш-

нем СССР визуальной репрезентацией Гитлера, как и его незадачливых генералов, не шли. Зато не лишённые внутреннего достоинства кинообразы врагов России более чем 130-летней давности только оттеняли в фильме «Кутузов» подлинное величие его главного героя, представленного в качестве русского национального вождя. Через несколько лет живой прототип этого образа поручит исполнителю роли старого фельдмаршала актеру Алексею Дикому изобразить на киноленте и непосредственно самого себя²⁸!

К концу войны — началу мирного времени на смену *противопоставлению* «льва» «котенку» придет акцент на *преемственности*: от Кутузова к Сталину, а новым предметом ревности советского генералиссимуса будет уже не Гитлер, а его собственные победоносные военачальники. Соответственно претензии на сходство с Наполеоном как повод для обличения врага *внешнего* обнаружатся теперь, как и в довоенное время, у кандидатов на роль врагов *внутренних*²⁹.

Характерно, однако, что и следующая после книги Тарле советская биография Наполеона была *заказана* историку Альберту Манфреду издательством «Мысль»³⁰ в конце 1960-х гг. — на волне начавшейся *ресталинизации*. Тем не менее, новое наполеоновское жизнеописание воплотило уже не поиски власти, а скорее склад мыслей интеллигентов-шестидесятников. Если «в изображении Тарле десятилетний Наполеон представлял уменьшенной копией будущего императора»³¹, то Манфред, принадлежавший к поколению «романтиков революции», создал далеко не статичный образ, который меняется вместе со своим временем, приобретая особенно выразительную внутреннюю динамику. Этого было достаточно для того, чтобы его «Наполеон Бонапарт», выдержавший на исходе советского периода 5 изданий, стал злободневной аллегорией разительных перевоплощений власти, выходящей из революции. Поскольку восприятие образа французского императора в нашей стране зависело и от международной политической конъюнктуры, постольку и герой Манфреда, сфокусировав в себе драмы революций, сотрясавших с разницей более чем в сто лет две отныне *дружественные* страны, приобрел еще и, безусловно, положительные черты *пионера* русско-французского сближения.

Наполеон до сих пор не просто принадлежит к избранному кругу самых знаменитых исторических персонажей; он и сегодня, по остроумному наблюдению одной российской исследовательницы, «является героем нашего времени»³². Конечно, хотя бы «за неимением Наполеона», как однажды Петр Струве саркастично обрисовал ситуацию, сложившуюся в России, периодически воспроизводимая русской культурой аналогия с финалом французской революции исторична, реальна только в том смысле, что сфера ее бытия — действительность коллективного воображаемого. Если же русскую мысль, культуру, как в свое время утверждал Струве, «останавливают» и держат «в плену сближений» такие «образцы», то это происходит не столько в силу ее «самоослепления», сколько вследствие хронической заторможенности взаимосвязанных процессов гражданского взросления и политической модернизации российского общества. А пока можно согласиться с автором сравнительно недавно опубликованных заметок о судьбах советской наполеонистике: «Бремя исторических аналогий неизменно тяготет над отечественной историографией, как и над национальным сознанием»³³.

Примечания

¹ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / Мельникова Л.В., Секиринский С.С., Подмазо А.А., Голубев А.В., Аурова Н.Н. М., 2012.

- ² [Радожницкий И.Т.] Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р... Ч. 1. 1812-й год. Война в России. М., 1835. С. 14.
- ³ Фет А.А. Ранние годы моей жизни // *Он же*. Воспоминания. М., 1983. С. 89—90.
- ⁴ Там же. С. 159.
- ⁵ Дружинин А.В. Дневник // *Он же*. Повести. Дневник. М., 1986. С. 347 (Запись от 22 августа 1855 г. См. также запись от 10 сентября 1855 г. Там же. С. 351); *Он же*. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения (1856) // *Он же*. Литературная критика. М, 1983. С. 153.
- ⁶ Булгарин Ф.В. Письма о русской литературе: Письмо III (1833) // Пушкин в прижизненной критике. 1831—1833. СПб., 2003. С. 235.
- ⁷ Глинский Б.Б. Алексей Сергеевич Суворин. Биографический очерк // Исторический вестник. 1912. № 9. С. 35.
- ⁸ Туган-Барановский Д.М. Наполеон и власть (эпоха консульства). Балашов, 1993. С. 212.
- ⁹ Палеолог М. Парская Россия накануне революции. М., 1991. С. 201—202 (Запись от 7 января 1917 г.).
- ¹⁰ Современник. 1911. Кн. 10. Впоследствии вся серия, состоявшая из 5 очерков, была издана отдельно: *Амфиатров А.В.* Собрание сочинений. Т. 16. 1812 год: очерки из истории русского патриотизма. СПб., 1913.
- ¹¹ Чехова Е.М. Воспоминания // *Чехов М.П.* Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М., 1981. С. 250 (Из письма М.П. Чехова Е.М. Чеховой, 25 марта 1932 г.).
- ¹² Кони А.Ф. Петербург. Воспоминания старожилы (1921) // *Он же*. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 517—518.
- ¹³ Поэты-петрашевцы. А.П. Баласогло, А.И. Пальм, Д.Д. Ахшарумов, С.Ф. Дуров, А.Н. Плещеев. Л., 1957. С. 65.
- ¹⁴ Шапорина Л.В. Дневник. В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 150.
- ¹⁵ Там же. С. 244.
- ¹⁶ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 264.
- ¹⁷ Иванов В.И. Роман в стихах (1937) // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М, 1990. С. 248.
- ¹⁸ Мережковский Д.С. Пушкин (1896) // *Он же*. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007. С. 294. См.: Андрущенко Е.А. Наполеоновская тема в творчестве Д.С. Мережковского: спор с Толстым // 1812 год в истории России и русской литературы: Материалы Всероссийской научной конференции (Смоленск, 15—17 ноября 2010 г.). Смоленск, 2010. С. 6—22. См.: Андрущенко Е.А. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁹ Мережковский Д.С. Наполеон (1929) М., 1993. С. 22.
- ²⁰ Майорова А.С., Тотфалушин В.П. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 30 мая — 1 июня 2002 г. Саратов, 2002. С. 189.
- ²¹ Кареев Н.И. Историческая литература о Наполеоне // Отечественная война и русское общество. 1812—1912. В 7 т. Т. 7. М., 1911. С. 279; Плеханов Е.В. К вопросу о роли личности в истории (1898) // *Он же*. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 326.
- ²² Краснов П.Н. Единая—Неделимая. Роман (1924). М., 2004. С. 487.
- ²³ Цветаева М.И. Покушение на Ленина (1925) // *Она же*. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. М, 1998. С. 491.
- ²⁴ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 2000. С. 198.
- ²⁵ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 487.
- ²⁶ Сталин И. 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года // *Он же*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946.
- ²⁷ В фильмах «Рядовой Александр Матросов» (1947 г.), «Третий удар» (1948 г.) и «Сталинградская битва» (1949 г.).
- ²⁸ Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 596.
- ²⁹ Оболенская С.В. Еще раз об Альберте Захаровиче Манфреде // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 22. С.В. Оболенская в своих воспоминаниях использует старое название этого издательства — «Соцэкгиз», сохранившееся до 1963 г.
- ³⁰ Кен О.Н. Между Цезарем и Чингис-ханом. «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. № 3. С. 67—83.
- ³¹ Муравьева М. Рец. на кн.: *Wesling, Molly W.* Napoleon in Russian Cultural Mythology. N.Y.: Peter Lang, 2001. 196 p. // *AV Imperio*. 2005. № 5. С. 397.
- ³² Гордон А.В. А.З. Манфред — биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // Французский ежегодник. 2006. М., 2006.

От «Мемориала Святой Елены» к литературному тексту: политическое и мифологическое прочтение истории Русской кампании Наполеона

То, что «Мемориал»¹ можно рассматривать в качестве основополагающего документа или, во всяком случае, как точку отсчета французского литературного мифа о Наполеоне (1830-е гг.), является очевидным фактом. Наиболее яркий пример этого — «Человеческая Комедия» Бальзака. Кажется, что все, начиная с кризиса монархии до рождения Романтизма, свидетельствует о постоянном возрождении наполеоновской легенды в ее «позолоченном» варианте. Можно было бы сказать, что на этом сложном этапе французской действительности и политика, и литература находятся в ожидании Героя. А «Мемориал» с его практически европейским успехом является уже состоявшимся фактом. Кажется, будто он специально создан для того, чтобы предложить эту замечательную модель с ее многочисленными возможностями и полностью пригодную для употребления.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Сама концепция «Мемориала» с самого начала подчинена стратегии использования написанного слова и очень сложному способу составления — он представляет собой не только политическую автобиографию, но и само-апологию. Когда ссыльный острова Святой Елены решил диктовать свои воспоминания Лас Казу, он хорошо осознал те реальные ограничения, которые налагает на него вечная ссылка. Тем не менее, он не пожелал, чтобы его вычеркнули из современной ему истории, и, используя то, что, вопреки всему, его имя все еще оказывало чарующее воздействие на окружающих, Наполеон решил вновь завоевать коллективную память, прекрасно осознавая, что для него это единственный шанс выжить.

Садясь на английский корабль «Беллерофон», низверженный император оставлял израненную, страдающую и озлобленную Францию. Составление воспоминаний стало целью, прежде всего, исправить свой образ. Для Наполеона главным стало стереть в народной памяти портрет мифического чудовища, в зависимости от обстоятельств называемого Аттилой, Молохом или Минотавром, главной чертой которого является неумеренная жажда крови. Именно с этой целью Наполеон в «Мемориале», напротив, представляет себя во всех отношениях как его полную противоположность, т.е. как Спасителя. Однако замена одного образа другим, фактически способствующая созданию образа нового Героя, была недостаточной для его проекта. В связи с этим бывший император должен был также пересмотреть недавнюю историю, чтобы надломить глыбу «черной легенды», вновь захватить коллективное воображение и господствовать над ним, как и прежде. Наконец, рассказывая о своей жизни, Наполеон периода Святой Елены переписывает историю Франции в то время, когда коллективная память все еще помнит о трагедии 1812 г. и обо всем том, что последовало за ней.

Поэтому Русская кампания, которая привела к драматическим историческим переменам во Франции, Европе, наконец, в общественной и личной жизни Наполеона, в «Мемориале» рассматривается как настоящий испытательный стенд стратегической эффективности. Уже то, как император говорит об этом на острове Святой

Елены, может служить ярким примером действенных и тонких средств, цель которых — отвести от него любое тяжкое обвинение: «Эта война должна была стать самой популярной войной нового времени: она была выражением здравого смысла и подлинных интересов, всеобщего покоя и умиротворения: она была мирной и стабилизирующей, в полной мере европейской и континентальной». Таким образом, кампания в России, вместо того, чтобы быть представленной как французское завоевание, напротив, рассматривается лишь как обычный инструмент для осуществления наивысшего политического замысла. Поддерживая миф о своем миролюбии и утверждая, что «мир в Москве явился исполнением и завершением моих военных экспедиций», Наполеон преподносит кампанию в России как средство для осуществления «великого блага», «европейского сообщества», во имя которого он будто бы работал с самого начала, и которое, по его мнению, для Европы «стало бы окончанием беспорядков и началом безопасного существования. Благодаря новым подвигам открылись новые горизонты, наполненные достатком и всеобщим процветанием. Европейская система обрела свое основание».

Поразительная актуальность подобного рода проекта, который в XIX в. все еще содержал в себе элементы утопии, и к которому он часто возвращается в своих воспоминаниях, является точкой отсчета и основанием для его совершенно революционной интерпретации Русской кампании. Заключить договор с царем Александром означает для Наполеона из «Мемориала» мир, но в первую очередь — новое европейское устройство. Осуществить подобного рода проект означало опередить современность и окончательно завершить Революцию.

Испытывая постоянную гордость в связи с тем, что он называет себя «сыном Революции», Наполеон много раз возвращается к этому почетному титулу именно для того, чтобы разъяснить и оправдать свой политический выбор. Несмотря на слепоту царя, Священный Союз и своих врагов, которые не видели в Русской кампании ничего, кроме завоевательной войны, в результате триумфа в Москве он стал, как об этом говорит он сам, «ковчегом Ветхого и Нового завета, естественным связующим звеном между старым и новым порядком вещей», между Старым режимом и новой современной Европой. Осуществление такой федерации государств «послужило бы в скором времени подлинным интересам народа и любой человек, перемещаясь повсюду, чувствовал бы себя всегда на общей родине». Впрочем, даже преимущества, связанные с унификацией денег, веса, мер, вплоть до унификации гражданского и уголовного права, судов, кассационного суда и так бы имели для всех огромное значение. Понимаемый таким образом проект Наполеона, как представляется, был сформулирован именно в этом виде для того, чтобы обойти все проблемы, связанные с идеей национальности, моральной проблемой на право завоевания и защиту отечества, на тему войны — ее ужасы и более того — ее правомочность. Именно поэтому император часто упоминает о том, что после его возвращения из Москвы он бы объявил «все будущие войны исключительно оборонительными, все новые расширения территорий *антинациональными*».

Сын Революции, но также и «философ», изобретатель европейского проекта, он не забыл обратить внимание на гуманитарный и человеческий аспекты, предполагающие благополучие народов, а, следовательно, — мир и взаимное уважение государств. Об этом свидетельствует сам Лас Каз: император часто развлекался тем, что проводил время, «перечисляя то, что он бы предложил для процветания, пользы, наслаждения и благосостояния европейского союза».

Подобного рода политическая интерпретация Русской кампании в полной мере использует так называемое право возражения. Враги императора, среди которых был также и царь Александр, слишком часто разоблачали его кровожадность, исключительное внимание к личным интересам, амбиции завоевателя, сходство с жестоким тираном, диктатором, стремящимся любой ценой навязать свою волю. То, как Наполеон в «Мемориале» интерпретирует события 1812 г., позволяет ему представить французское поражение в России как поражение общеевропейское, в котором потери превосходят все преимущества: «При таком союзе всех правителей мы могли бы по-братски договориться между собой и затем с народами».

Само собой разумеется, что место, которое Наполеон в «Мемориале» уделяет своему европейскому проекту — прежде всего удобное средство, чтобы лишь вскользь коснуться ужасного опыта, пережитого императорской армией во время отступления в 1812 г. Впрочем, такого рода умолчание оправдывается убеждением в том, что об этом уже было достаточно сказано в другом месте. Таким образом, все то, о чем он говорит в своем «Мемориале», попросту говоря, преследует две цели: 1) «восстановление истины» для простой толпы, которой внушается мысль, что «нет ничего более великого, чем владеть слишком ложной идеей и неверной силой великих событий» и 2) рационализацию «огромного количества не связанных деталей, созданных, пропагандируемых по злему умыслу и всяческими личными страстями», которыми «нас продолжают атаковать».

Фактически подобного рода намек на нечистую совесть связан с литературным феноменом, возникшим именно после 1812 г. Речь идет о публикации серии порядка 150-ти хроник или воспоминаний, составленных непосредственными свидетелями, которые выжили во время отступления, т.е. военными. За некоторыми исключениями, все эти тексты содержат элемент двойственности, поляризации в повествовании о личной ответственности императора за поражение. Портрет, который вырисовывается из этих текстов, — человек, ослепленный своими «неуправляемыми» амбициями, желающий победить всех и властвовать над всеми, королями и народами, — слишком близок к черной легенде, чтобы обладать какой-либо политической или идеологической ценностью. И Наполеон сам готов отметить это: согласно фразе Лабоба, он говорит: «он его украсил мерзостями на потребу дня».

Все-таки наиболее поразительной чертой подобного рода текстов является не столько общий упрек по отношению к Наполеону, связанный с пренебрежением, не учитывающий политические последствия поражения, сколько почти исключительная двойственность, поляризация рассказа о положении императорской армии в России. То, что кажется в наивысшей степени шокирующим в этих текстах, — это даже не смерть и неслыханные страдания солдат, но полнейшая трансформация их воинской сущности. Поэтому авторы постоянно возвращаются к теме потери того мужества, того духа товарищества и солидарности, которые сделали императорскую армию непобедимой, совершенно мифической. Капитан Жерве и Эжен Лабом отмечают, что «каждый человек действует по своему расчету. Уже больше нет единого общества, чувства братства». При этом Эжен Лабом отмечает, что «наша жестокость, уже не будучи в состоянии развиваться по отношению к врагу, направляется на самих себя. Самые лучшие друзья уже не понимают друг друга». Граф де Сегюр также рассказывает: «После этого дня начали меньше считаться с мнением одних по отношению к другим. В этой армии — сильной, способной к восприятию, восприим-

---

чивой ко всем влияниям и резонерствующей по поводу относительно передовой линии культуры, быстро распространились беспорядок, упадок духа и дисциплины, без меры разлетались фантазии — как плохие, так и хорошие».

Все эти свидетельства указывают на очень тревожный факт разрушения сложившейся иерархии ценностей. Моральное и материальное положение императорской армии, находящейся в состоянии разложения, дегуманизации, доминировании жестокого инстинкта самосохранения, кажется еще более разительным с точки зрения самого ее исчезновения в русских снегах и политических последствий 1812 г. Наконец, боль и даже изумление, рожденные этим феноменом императорской армии, которая является французской, и, следовательно, национальной, превосходят все остальное. И что поражает еще более — это сравнение указанных описаний с рассказами «позолоченной» легенды. Как раз ее значительная часть была основана на прославлении солдат Наполеона, на их индивидуальном и коллективном героизме и особенно — на совершенно уникальном (вплоть до отцовского) отношении, которое установил по отношению к ним император.

Можно сказать, что страницы «Мемориала», посвященные 1812 г., не сохранили ничего, кроме фрагмента, впрочем очень краткого, где Наполеон, говоря о смерти тридцати тысяч лошадей, включая лошадей артиллерии и кавалерии, утверждает, что, начиная с этого момента, императорская армия «уже не была больше армией». Именно это является *лейтмотивом* военных мемуаров, об этом же говорит Монтриво во «Втором силуэте женщины» Бальзака: «Когда мы подошли к Березине, в армии уже не было, как вы знаете об этом, дисциплины, и она уже не признавала воинского подчинения присяге. Это была толпа людей разных национальностей, которые инстинктивно двигались с севера на юг. Солдат гнали вперед, изгоняли от их очагов, главным образом в лохмотьях и босиком, когда у них уже не было ни дров, ни пищи. После перехода через эту знаменитую реку [Березину] беспорядок не уменьшился».

В сочинении «Прощай!» Филипп де Сюси, как и Бальзак, описывает солдат армии, пренебрегающих огромными богатствами, взятыми из Москвы и ставших пассивными, «апатичными», страдающими от голода и одетыми в лохмотья. Они становятся безразличными даже по отношению к смерти своих товарищей и вместо того, чтобы двигаться дальше, «эти несчастные... засыпают». Выражаясь коротко, солдаты, однажды полностью потеряв рассудок и здравый смысл, низведены до удовлетворения самых примитивных потребностей — голода и покоя. В повествовании Филиппа де Сюси преобладает ужас, связанный с подлинной борьбой жизни со смертью и, просто-напросто, с ужасами войны, которые свойственны любой из них. Собственно, можно сказать, что физическая и индивидуальная конфронтация со смертью объединяет, но в то же время блокирует все развитие сюжета и, таким образом, его завершает. Пример «Прощай!» примечателен и поражает: отчуждение Стефании, близкой к настоящему помешательству, приобретает в этом контексте поистине символическое звучание.

Интересно, что в «Человеческой Комедии» Русская кампания воспринимается отлично от других рассказов — Филиппа де Сюси в «Прощай!», Монтриво во «Втором силуэте женщины» и Гогла в «Сельском враче». Несмотря на многочисленные схожие элементы, ретроспективный рассказ, сделанный от имени непосредственных свидетелей, выживших в исторической катастрофе отступления и в трагедии императорской армии, в первых двух рассказах, особенно в «Прощай!», описываются ужа-

---

сы войны, в то время, как третья почти полностью обходит их, поскольку принимает миф о Наполеоне. Сконцентрированный на изображении императора и напрямую вытекающий из «позолоченной» легенды, рассказ Гогла является основополагающим текстом для мифа о Наполеоне в 1830-е гг. во Франции и, следовательно, — для переписывания в духе мифа Русской кампании.

Это указывает на то, какого рода выбор навязывает публике Гогла. Каждый вечер крестьяне собираются на посиделки в хлеву, чтобы послушать рассказ о том, в чем они ищут, прежде всего, «нечто удивительное, но все-таки естественное или — в невозможном почти вероятное». Среди различных историй, предлагаемых Гогла, они предпочитают услышать «рассказ об Императоре», поскольку в рассказе о его жизни они узнают ставшей легендарной историю Франции. Публика Гогла — совершенно та же, что и у Бальзака в 1830-е гг. Это люди, восприимчивые к величию Героя и предпочитающие вымысел — реальности, миф — истории.

Именно поэтому императорская армия прекрасно вписывается в «позолоченную» легенду, в которой господствует магическое изображение Наполеона-солдата и уже затем — императора. Фактически Гогла возобновляет мифические отношения Наполеона со своими солдатами, к которым, согласно «позолоченной» легенде, в ходе Итальянской кампании он относился как отец, с которыми он принимал все решения, также — и военные. Перед отправлением в Россию Наполеон, по мнению Гогла, мог сказать: «Солдаты! Вы стали хозяевами всех столиц Европы. Остается Москва, связанная с Англией. Итак, чтобы победить Лондон в Индии, я считаю необходимым идти на Москву».

Перед лицом такого рода мифологизации ужасы войны и страдания отступления, о которых Гогла все же сам детально рассказывает, кажутся сносными, освобождая образ императора, который отказывается от всех привилегий и испытывает те же страдания, что и его солдаты, идя пешком по снегу и, как кажется, совсем не чувствуя холода. Так же и описание солдат, у которых уже нет больше сил ни нести ружье, ни захваченные в Москве богатства, ни деньги, где солдаты и кавалерийские офицеры — это лишь люди, одинаково страдающие от голода и невзгод. Попросту говоря: у него больше «не было армии», которая бы вдохновлялась чувством военной чести, не было тех, кто «желал любой ценой охранять Орла (это было честью для гражданина и военного, которая должна была оставаться незапятнанной) и не опускать голову из-за холода» (исключение — хорошо известный героизм понтонеров на Березине). Несмотря на кошмар Березины (Гогла сам признает, что «никогда не было подобной беспорядочной кучи войск, повозок, артиллерии»), трагедия, возникающая из истории, затем становится мифом и порождает рассказ и даже удовольствие от рассказа, побеждая все остальное.

Такой выход за пределы истории и подобное «лакирование» ужасов войны в результате признания мифа были подтверждены другим старым солдатом — Женеста настолько иронически, как будто «в описании тех новобранцев, кто боялся войны»: «Он говорил, что для солдат французской армии, которые одеты в драные саваны, пили что-либо только со льдом, ежедневно встречали на своем пути в заснеженной России смерть, зубами грызли мороженое мясо лошадей, единственной очень неприятной вещью было отсутствие горячей воды для бритья».

Далекие от того, чтобы быть противоречивыми, эти три текста о кампании в России доказывают, напротив, крайнюю связанность наполеоновского мифа у Бальзака.

Изображение императорской армии такой, как она описана Монтриво и Филиппом де Сюси, вытекает из отсутствия в их рассказах императора, создающего опасную пустоту. Можно было бы сказать, что катастрофа драматизирована именно этим отсутствием: император не там и не для того, чтобы освободить от ужаса положения и осуществлять свою роль чудотворца, спасателя вещей, людей, природных феноменов — холодная неожиданность. Против тезиса большей части военных воспоминаний, в этих трех текстах признается двойственный путь с целью снять ответственность с Наполеона, его отсутствие уступает место чему-то подобному высшему року (фатальности), его присутствие возвращает к мифу. В обоих случаях история побеждена.

Именно поэтому «Прощай!» — это пример того, как автор использует историю, которая сама по себе не может создать рассказ. И в самом деле, несмотря на точность временных рамок — 1812 г., деталей рассказываемых событий и места (отступление из России), исторический факт остается декорацией и может превратиться в рассказ лишь через поляризацию событий о вымышленных персонажах. Такого рода индивидуализация исторического события, с одной стороны, ведет к героизации рассматриваемого персонажа, с другой, в то же самое время к забвению личной индивидуальной героизации путем придания символического значения. Таким образом, коллективная трагедия отступления служит зеркалом личной трагедии главных действующих лиц. Сам выбор перехода через Березину — наиболее известный и трагический эпизод всей Русской кампании — показывает, до какой степени здесь присутствует история, попросту в качестве элемента драматизации жизни главных действующих лиц.

Если сравнить страницы «Мемориала» о Русской кампании с текстами мемуаров и тем более с текстами Бальзака, можно хорошо увидеть, до какой степени игнорируется политическая и идеологическая миссия Наполеона. Можно было бы даже сказать, что для авторов миф, в его версии «черной» или «позолоченной» легенды, — это единственный возможный путь, чтобы говорить о таком Герое, как Наполеон. «Сельский врач» — это образец мифического прочтения кампании в России во французской литературе 1830-х гг., где становится возможным и даже *естественным* переход от политического к мифическому прочтению одного и того же исторического факта. Страна готова принять миф о Наполеоне в том виде, в каком он возник из «Мемориала» и из «позолоченной» легенды. В то же время, она пренебрегает политическим и идеологическим прочтением Русской кампании Наполеона. Еще раз — миф оказывается сильнее всего.

Примечание

¹ *Les Cases E.A. Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 1823.*

1812 год и наполеонизм Мицкевича глазами историка

Не известно, была ли читана в отчем доме Адама Мицкевича одна из первых изданных на польском языке биографий Наполеона — «Жизнь, деяния и возвышение Бонапарта» («*Życie, czyny i wyniesienie Bonaparty*»). В этой книге, напечатанной в Вильно в 1802 г., французский полководец носит имя Неоптолем, отсылавшее читателя к древности и войне (греч. «*ptólemos*» — побочная форма от «*война*»). Если так, то момент «встречи» поэта с Наполеоном можно условно перенести на десятилетие назад. Образ французского императора сопровождал Мицкевича до последних мгновений его жизни, олицетворяя не только героя-титана, но и посланца Бога, человека, воплотившего в истории божественный план мира, способного «помочь народам приблизиться к стране силы и блаженства, к евангельскому царству, другими словами, к небу»¹.

В страстном увлечении поэта Наполеоном различимы три этапа, которые про-израстали из раздумий и опыта, дополнялись новыми элементами под воздействием прочитанных книг, политических и мистических стимулов. Не останавливаясь на юношеском отождествлении с героем, которое выражалось в подписи «Адам-Наполеон», перейдем к национальному культу Наполеона эпохи «Книги польского народа и паломничества» («*Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego*») и «Пана Тадеуша» («*Pana Tadeusza*»), а также к его универсальному культу в религиозной версии периода «Лекций в Коллеж-де-Франс» («*Prelekcji w Collège de France*») и общественному — эпохи «Трибуны народов» («*Tribune des Peuples*»). Эволюция культа Наполеона отразилась в текстах поэта, этот культ стал одним из элементов восприятия истории и будущего мира. Мессианская мысль Мицкевича наталкивалась на разную реакцию современников, набожный культ Наполеона вызывал отклики у друзей и недоброжелателей поэта, современников и потомков. После падения Второй империи наполеоновский миф утратил свою притягательную силу. Российский христианский философ Владимир Соловьев, воздавая в конце XIX в. честь Мицкевичу, глашатаю «первостепенного значения истин», причислил культ Наполеона к его «второстепенным ошибкам»².

Реже ставился вопрос об источниках вдохновения, о крупицах воспоминаний, книгах, впечатлениях и встречах, которые породили и утвердили этот удивительный культ. Речь, как правило, идет о воспоминаниях детской поры, специфической польской легенде родом из «Мазурки Домбровского», и, конечно, о мистике Анджее Товяньском. Не претендуя на исчерпывающий анализ, рассмотрим пристальнее к этим иллюстрациям, оценим их влияние на культ Наполеона у Мицкевича.

Мессианство было значимым идейным течением XIX в., и во времена расцвета легенды Наполеона наполеоновское мессианство Мицкевича вовсе не было исключением. Ф.П. Боуман в статье о художественном мотиве Наполеона — Христа — Мессии относил зарождение наполеоновского мессианства к 1840-х гг. и связывал его с погребением останков Наполеона в парижском Доме инвалидов³. На самом деле своеобразное наполеоновское мессианство в Польше уходит корнями еще в эпоху до Варшавского герцогства (1807—1815), когда ожидалось появление Героя и Освободителя.

Вступление в конце 1806 г. Великой армии на территорию бывших польских земель, находившихся в составе Пруссии, сопровождалось у поляков неуверенностью в дальнейшей судьбе страны, но также всеобщим предчувствием новой эры, завершавшей длительный период упадка⁴. Когда австрийские власти отказали Станиславу Солтыку в праве на выезд из его собственного галицийского поместья в захваченную французами Варшаву, он писал жене в новогоднем письме: «Великие события, свершившиеся за два месяца, Великий Человек (Наполеон), появившийся в наших краях, великую предвещают перемену. Это зрелище поглощает все силы души моей. Дорогая Каролина, дорогие детки, вы для меня уже ничто более, как только земной предмет. Простите мне это признание: но я был поляком прежде, чем стал супругом, прежде чем стал отцом»⁵. Собственно, с этого момента наступает своеобразная «монументализация» Наполеона, придание ему черт величия с обязательным награждением такими эпитетами как «деятель эпохи», «человек предназначения», «посланник Небес»⁶.

Еще ярче проявилась подобная риторика в 1812 г., когда Каэтан Козьмян сравнивал деяния Создателя и Наполеона в «Оде к пожару Москвы»: «Уж небеса столькими чудесами // Призвание твое открыли. // Бог сам... // Создавал, чего не было еще, // Наполеон, чего уже не было»⁷.

Каждый, кто хотя бы в школе читал поэму «Пан Тадеуш», знает, что в 1812 г. Литва приветствовала Наполеона, и это воспоминание отложилось в памяти маленького Адама. Приветственные лозунги повторяли известную ранее риторичку, злоупотребляя Марсами, Юпитерами, громами, колесницами, добавляя, однако, знак длительного ожидания и значимости момента: «Благословенный Провидением Посланец Небес», «чудом именованный Наполеон Великий», «Воскреситель», «наш Спаситель на долгие века». Литовская временная комиссия в прокламации от 6 июля 1812 г.⁸ писала: «Слушайте, наконец, братьев, слушайте голос и язык поляков, и, преклоняясь пред высочайшими над собой предначертаниями, преклонитесь и перед этим вторым видимым провидением, которое воплотилось в Наполеоне Великом, Герое века — само Его приближение к нам, наподобие Солнцу, поднимающемуся над оковами льда, растворило и уничтожило все препятствия, а благотворным веянием сладчайших надежд сердца наши согрело трепетной благодарностью к своему благотворителю»⁹.

В Новоградке 15 августа, в день ангела Наполеона, юный Мицкевич видел на ратуше «имя Императора, окруженное надписями», среди них была и библейская цитата на древнееврейском языке, выражавшая намерения Бога по отношению к миру и к народам, которые должен был претворить в жизнь Наполеон. На транспаранте, висевшем на костеле францисканцев, виднелась комета с огненной косой, буква «Н» и надпись «*Maximus in Magno Napoleone Deus*». Под транспарантом был земной шар, освещенный летящими на север молниями, которые расплавляли лед, а также стихотворение: «Эта комета на небе в Европе явилась, // За нею пришел [тот], кто Литву из небытия избавил! // Это есть луч, что народов расплавляя оковы, // Возвращает мертвым растениям жизнь и рост здоровый, // Через Него Бог новых Королей сажает на Троне, // Справедливый, всемогущий Бог в Наполеоне»¹⁰.

Сравнение Наполеона с Богом и придание ему роли божественного посланца, хотя бы только в риторике (а не для всех это была только риторика), проявились в творчестве Мицкевича существенно раньше, чем пишет Боуман. Остерегаясь слишком упрощенного биографического подхода, можно, тем не менее, задаться вопросом — действительно ли общность переживаний 13-летнего Товьянского и 14-лет-

---

него Мицкевича, свидетелей вступления Великой армии в западные районы Литвы, сильнее всего ожидавших пришествия наполеоновского Мессии свободы, никак не повлияли на форму «культа Наполеона» в более зрелом возрасте? И особенно экзальтации, удивлявшей или смешившей современников.

Если наполеоновско-мессианская риторика эпохи Варшавского герцогства не может считаться полноценной системой мировоззрения, то все же к этому периоду относятся первые суждения об исторической миссии Наполеона, которые можно найти в письмах Коллонтая, Шанявского и Суворецкого. Иногда они объединены с верой в роль Франции, ее связь с польским народом, и все это — в контексте ожидания решающих перемен¹¹.

С другой стороны, в Польшу не проникло характерное для времени после падения Первой империи представление о Наполеоне как Антихристе и воплощении дьявола, которое предвещал Апокалипсис от Св. Иоанна. Такая трактовка оказалась не востребованной в Польше, ибо сознание связи Наполеона с борьбой за независимость сохранило расположение к поверженному «Герою». Воплощение этих представлений выражалось в стилистике, близкой к карикатуре, а как отметила Б. Грохульска, Наполеон пробуждал в поляках все чувства, кроме одного — насмешки. Нет польских антинаполеоновских карикатур, которые до и после 1815 г. заполнили Европу, нет также сатир *«ad personam»*, хотя в польской литературе присутствует критика наполеоновской системы и его людей. Как пишет Грохульска, «Наполеон явился полякам как величина благодетельная, грозная, но не подлежащая оспариванию». Следствием могло быть только манихейское противопоставление величия персоны и ее черной легенды¹².

Культ Наполеона у Мицкевича в 1830-х гг., в период абсолютизации народа в его творчестве, также носит народный характер. Он основан на воспоминаниях и близок легенде, которая, по словам М. Хандельсмана, «возникла как позднейшее в сознании народа отражение короткого периода борьбы и надежды, и замкнулась в формуле, сводящей все к личности Наполеона: Наполеон с нами, Бог же — с Наполеоном, а еще не в Наполеоне или через Наполеона»¹³. Символичен для этого периода портрет Императора в первом издании «Пана Тадеуша» 1834 г. — классический, без признаков индивидуального выбора.

Еще в 1833 г. в статье «О будущем великом человеке» («О przyszłym wielkim człowieku») Мицкевич усматривал образец «народного мессии» скорее в Вашингтоне и Костюшко. Исследователи предполагают, что это произошло под влиянием изданного анонимно в 1830 г. сочинения князя А. Чарторыйского «Essai sur la diplomatie», в котором Наполеон представлен как пример безнравственности в политике¹⁴.

Это произведение сыграло свою роль в моменте перехода Мицкевича от идеи народа-Мессии к идее Мессии-личности. Наполеон — Герой Истории, правом которого на будущее является только то, что он, сын Франции — «горнила святого огня», станет Героем будущего, а, собственно, настоящего, ибо его нетленный Дух не упокоится, пока не выполнит свою миссию во Франции.

Постепенно Наполеон становится для поэта воплощением харизматичного Мужа, ниспосланного судьбой. Известны два фактических повода для этой трансформации — возвращение останков Наполеона во Францию 15 декабря 1840 г., а также встреча с Анджеем Товяньским.

В литературе многократно описывалась общественная реакция на предвещавшееся еще Виктором Гюго в «Оде к колонне» возвращение останков Наполеона. Это событие

вызвало необыкновенно живой отклик романтиков: Ламартина, Манцони, Лермонтова, Хомякова, а из поляков — Словацкого и Красинского, тосковавших по истинной свободе Европы, которая в их представлении завершилась с Венским конгрессом. Падение Наполеона для Шатобриана означало брэнность, а для Мюссе — скуку¹⁵. Мицкевич в этот день увидел «такое пробуждение культа Наполеона, что если бы не бывший тогда чрезвычайный мороз, народ, вероятно, бросился бы в Тюильри после окончания церемонии у [Дома] Инвалидов, и гроб опрокинул бы трон» презираемой Орлеанской монархии. В те дни усилилось убеждение Мицкевича в будущей роли Франции и необходимости связать с нею все еще проповедуемое польское мессианство.

Несколько позднее для приверженцев Товяньского, а, следовательно, и для Мицкевича, погребение останков Наполеона в Доме инвалидов приобрело дополнительное вещественное и одновременно символическое значение. «Святой Гроб» со Святой Елены, куда, по мнению Гейне, в будущем должны были «совершать паломничество народы Востока и Запада», очутился совсем рядом. Логика паломничества «перевернулась», гроб пришел к верующим, более того, он появился в тот момент и в том месте, где объявился новый пророк — Товяньский. Постоянное общение с духом и прахом Наполеона было необходимо; хотя, по мысли Мицкевича, Наполеон был человеком, наиболее близким к Христу — он не имел дара «творить в человеческой груди постоянный очаг силы». Гробница Наполеона стала источником энергии, возле которого отмечались годовщины, проводились бдения и принималось «духовное причастие»¹⁶.

В анализе парижских лекций Мицкевича Анджей Валицкий описал связь мессианства поэта с культом Наполеона и путь от коллективного мессианства к мессианству личности и героической концепции истории. Историк показал влияние провозглашенного Товяньским тезиса перевоплощения на веру в новое воплощение духа Наполеона, идеала человека будущего, который сочетал идею «земного, коллективного избавления через освобождение Польши и христианизацию политики с не менее дорогой Мицкевичу идеей индивидуального совершенствования и спасения»¹⁷.

О влиянии художественной литературы на формирование образа Наполеона у Мицкевича можно говорить в связи со статьей «О великом Человеке» («O wielkim Człowieku»). Несомненно, в период увлеченности Товяньским эта литература играла только дополнительную роль, но она оставила определенный след в эволюции мировоззрения поэта. В научных исследованиях говорится о влиянии сочинений Квина, с которым Мицкевича связывала и дружба, и общее увлечение Наполеоном, но не упоминаются два труда, которые поэт использовал в своих лекциях в Коллеж де Франс¹⁸.

Во-первых, это многократно переиздававшиеся после 1823 г. воспоминания Э. де Лас Каза «Мемориал Святой Елены», крупнейший «наполеоновский бестселлер» первой половины XIX в., шестое и седьмое издания которого появились в 1840 г. и 1842 г.¹⁹ Этот, по мнению Марсея Дюнана, «странный шедевр управляемого энтузиазма» де-факто представлял собой надиктованную автобиографию Наполеона, которую он использовал для завещания, самореабилитации и мести врагам. В книге на месте воинствующего деспота и главы династии, водворившейся на тронах Европы, появляется сын Революции, который защищает принцип национальности, сожалеет о мире, уничтоженном врагами под Москвой и Лейпцигом, стремится к объединению Германии и Италии, лелеет великую идею соединенных штатов Европы. Наполеон говорит о своей религиозности и указывает на место религии в обществе, появляется в образе предводителя, устремленного в будущее, но побежденного представителями

старой отсталой системы. Этот подход отразился в знаменитой фразе: «Ничто с этих пор не сможет уничтожить или стереть великие принципы нашей Революции. Эти великие и прекрасные истины должны остаться навсегда, настолько мы переплелись их блеском, памятниками, чудесами; мы утопили ее первую грязь в волнах славы, с этих пор они бессмертны! Вышедшие с французской трибуны, скрепленные кровью с полей сражений, украшенные лаврами побед, приветствуемые возгласами народов, утвержденные трактатами и союзами властелинов, они уже не могут повернуть вспять. Они живут в Великобритании, просвещают в Америке, национализированы во Франции: вот тренога, из которой польется свет мира. Будут править им (миром. — *А.Н.*), а это есть вера, религия, нравственность всех народов, а эра эта, что бы ни говорили, будет связана с моей персоной, ибо я зажег факел, освятил принципы, а сегодняшние преследования окончательно делают меня их Мессией!»²⁰.

На фоне наивных рассказов об императоре и распространенных в ту пору апокрифических автобиографий Наполеона «Мемориал» шокировал современников величием замыслов и видением будущего. От него исходила пленительная энергия Одиссея, а прежнее величие Франции контрастировало с серостью и рутинной современности. На страницах «Мемориала» Наполеон — несомненно, человек XVIII века — осознанно превращался в героя романтиков, укреплял веру в творческую роль личности, возможность чудес в истории.

Произведение Лас Каза сыграло важную роль в появлении образной ассоциации Христа и Наполеона, описание притеснений узника вводило мотив Святой Елены — Голгофы и спасения через страдания. Сама форма произведения, в которой автор только записывал с глубокими эмоциями и пиететом слова «мастера», обращала к евангельской модели. Лас Каз вынужден был покинуть остров за два года до смерти Наполеона, но еще в 1820-х гг. появились новые похожие тексты. Публикуя в 1981 г. обширные фрагменты всех свидетельств со Святой Елены, Жан Тюлар дал своей книге подзаголовок «Четыре евангелиста» по формуле «Евангелие от Лас Касеса [Лас Каза], Монтолона, Гурго, Бертрана»²¹. Сравнение Иисуса с Наполеоном было востребовано и в 1830-х гг., оно обнаруживается в песенках Беранже, и «Сельском враче» Бальзака. В письме от 15 декабря 1835 г. проживавший в Брюсселе генерал Ян Скшинецкий, будущий адресат «Пиршества» («*Biesiady*») Товяньского, рекомендовал Монталамберу повесить над письменным столом портреты Наполеона и Христа, и понять связь между силой, действием и энергией первого и правдой, чистотой и милосердием другого. Ссылаясь на современников, Ф. Боуман шутливо отмечает рождающуюся в ту пору среди шизофреников пресловутую позднее альтернативу — Иисус или Наполеон. Уже в 1840 г. в больницу Бисетр упрятали четырнадцать «императоров»²².

Боуман обратил внимание на сочинение, которое стало промежуточным этапом в проводившемся мистиками 1840-х гг. отождествлении Наполеона с Христом. В 1840 г. была опубликована книга Робера Антуана де Ботерна «*Conversations religieuses de Napoléon*». Ботерн, преданный делу религиозного обращения молодежи из хороших семейств и известный прежде как автор труда о страшной кончине юноши, который оскорбил Марию, интересовался трудами шведского мистика Э. Сведенборга, поддерживал отношения с оккультистами и периодически писал визионерские вирши. «*Conversations*», равно как четырежды переизданная в 1840 г. и 1841 г. книга «*Sentiment de Napoléon sur le Christianisme*», были в огромной мере основаны на свидетельствах со Святой Елены (особенно Монтолона), т.е. на высказываниях самого Наполеона, с до-

---

бавлением, однако, поэм прозой, описывавших апофеоз Наполеона в раю. Среди признаний поверженного императора о божественности Иисуса и исключительности Евангелия мы найдем там и другие мотивы, известные по лекциям Мицкевича: восхищение Наполеона Христом, который сумел не поддаться искушению земной власти, чтобы предаться «духовному усовершенствованию», мученичество под Ватерлоо и на Святой Елене как распятие. Наполеон изображен божьим избранником, нравственным человеком, творцом и организатором современной Франции. Почти полностью забытый в наши дни Ботерн оказал огромное влияние на современников. Во время чтения у Красинского «молнии ударили в сердце», восхищение «гигантской поэзией» Ботерна прослеживается в письмах Красинского Дельфине Потоцкой и Августу Цешковскому²³.

Отмечая роль этих произведений в формировании образа Наполеона у Мицкевича, невозможно обойти вниманием тот факт, что в значительной степени источником этого образа оказывался сам Наполеон. Мистификация со Святой Елены, хотя и противоречившая фактам, попадала в правильный тон и соответствовала потребностям эпохи. Как писал историк польской литературы Стефан Треугутт, «нужен был романтичный Наполеон. Демократичный, гениальный, мессианский, народный император»²⁴. Нужны были новые акценты: вместо рационалиста эпохи Просвещения — патрон романтиков, вместо воинствующего автократа — вестник мира и свободы, вместо деиста в вольтеровском духе, который религию отождествлял с традицией, политикой и общественной ролью — преемник и перевоплощение Христа²⁵.

Вера Мицкевича в миссию Наполеона и «наполеоновскую идею» выдержала и разрыв с Товьянским, и уход из Коллеж де Франс, проявившись еще раз в эпоху «*Tribune des Peuples*». Благодаря самим текстам и их многочисленным экзегезам хорошо известны черты нового культа Наполеона в конце 1840-х — начале 1850-х гг.: попытки сочетать наполеоновскую идею с социализмом, отделив ее от бонапартизма. Мицкевич противопоставил себя большинству интеллектуалов своей поры, но был близок к народному восприятию нового Наполеона, последовательно сочетая его со своими взглядами на предназначение наполеоновской идеи. Политические деяния будущего императора — попытки захватить власть, а затем сам переворот, по этой теории говорили в его пользу. Тем не менее, проведенные в последнее время исследования взглядов представителей польской «великой эмиграции» на Наполеона III не проясняют, оказали ли на них влияние публикации самого Людовика Наполеона 1830-х гг. и провозглашенные им социальные идеи²⁶.

Следует согласиться с Анджеем Валицким в том, что дискредитацию культа Наполеона у Мицкевича, культа, который вырос на мистической почве и был скорее культом «духа», чем личности Наполеона, нельзя оценивать исключительно в политических категориях. Но именно в таких категориях этот культ оценивали современники, потому что же чаще видели в нем лишь анекдот. Известная гравюра, изображавшая «чиновника Слова», который должен был привести «мужа-помазанника», стала поводом для насмешек современников (Наполеон «в обуви для верховой езды и еврейской накидке, с ужасным пауком в руках» — «Пшенка» («*Pszonka*»), 1844), очутилась в конце столетия в коллекции антинаполеоновских карикатур, рядом с образом Наполеона в ночном колпаке и шлафроке, пишущего завещание на острове Святой Елены²⁷.

Мицкевич остался верным Наполеону думами и деяниями до самой смерти, или — как хотелось свидетелям его кончины — даже после нее. В лице покойного они заметили «чрезвычайное сходство с чертами лица Наполеона Великого». Лицо стало проявлением духа²⁸.

Примечания

- ¹ *Treugutt S.* Napoleon — mit i utopia // *Geniusz wydziedziczony.* Warszawa, 1993. S. 10.
- ² *Przechodzki E.* Echa polskiej historiozofii romantycznej w piśmiennictwie rosyjskim. Lublin, 1994. S. 269.
- ³ *Bowman F.P.* Napoléon et le Christ // *Europe.* Avril-mai 1969. P. 82—85.
- ⁴ *Pochodaj A.* Kult Napoleona w latach 1806—1807 — próba charakterystyki // *Na przełomie Oświecenia i Romantyzmu. O sytuacji w literaturze polskiej lat 1793—1830.* Rzeszów, 1999. S. 175—186.
- ⁵ *Askenazy Sz.* List Sołyka // *Tygodnik Ilustrowany.* 1912. № 2. S. 29.
- ⁶ Наиболее полный охват культа Наполеона в этот период: *Łepkowski T.* Propaganda napoleońska w Księstwie Warszawskim // *Przegląd Historyczny.* 1962. № 53. S. 50—85; см. также: *Polaczek J.* Polska ikonografia Napoleona // *Zeszyty naukowe WSP w Rzeszowie. Seria społeczno-pedagogiczna i historyczna.* 1998. T. 28. S. 58—61.
- ⁷ См.: *Treugutt S.* Ody napoleońskie Kajetana Koźmiana // *Geniusz wydziedziczony.* S. 90.
- ⁸ Все даты приводятся по новому стилю.
- ⁹ *Litwa i Ruś.* 1912. T. 5—6. S. 119; *Nawrot D.* Litwa w 1812 r. Katowice, 2008. S. 196—203.
- ¹⁰ *Litwa i Ruś.* 1912. T. 5—6. S. 149.
- ¹¹ *Ujejski J.* Dzieje polskiego mesjanizmu do powstania listopadowego włącznie. Lwów, 1931. S. 92—130.
- ¹² *Grochulska B.* Napoleońskie rozrachunki jubileuszowe // *Więź.* 1969. № 11—12. S. 72; Наиболее полный образ Наполеона-Антихриста и антология тестов: *Tulard J.* L'Anti-Napoléon. La légende noire de l'Empereur. Paris, 1965.
- ¹³ *Handelsman M.* Napoleon a Polska. Warszawa, [b.d.]. S. 154.
- ¹⁴ *Walicki A.* Adama Mickiewicza prelekcje paryskie // *Polska myśl filozoficzna i społeczna.* T. 1. Warszawa, 1973. S. 217.
- ¹⁵ Наиболее полное описание событий, интерпретаций, иконографии: *Napoléon aux Invalides.* Paris, 1990; описание самого возвращения останков: *Martineau G.* Le retour de Cendres. Paris, 1990; прекрасный синтез: *Tulard J.* Le retour des Cendres // *Les Lieux de mémoire.* T. 2. La Nation. P. 81—110; в польской литературе: *Zgorzelski Cz.* Na sprowadzenie prochów Napoleona // *Liryka w pełni romantyczna.* Warszawa, 1981. S. 89—113; *Zaorski J.* Z legendy napoleońskiej (Poeci polscy i rosyjscy o sprowadzeniu prochów Napoleona do Francji) // *Prace Polonistyczne.* T. 25. 1969. S. 185—196.
- ¹⁶ *Witkowska A.* Towiańczycy // Warszawa, 1989. S. 95—96; *Rosiek S.* Zwłoki Mickiewicza. Próba nekrografii poety. Gdańsk, 1997. S. 90—91.
- ¹⁷ *Walicki A.* Op. cit. P. 248—249.
- ¹⁸ Сравнение культа Наполеона у Квине и Мицкевича: *Wodzyńska M.* Adam Mickiewicz i romantyczna filozofia historii w Collège de France. Warszawa, 1976.
- ¹⁹ Мицкевич использовал «Мемориал» в лекциях по славянской литературе (например, 26 декабря 1843 г.).
- ²⁰ *Les Cases E.A.* Le Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 1951.
- ²¹ *Napoléon à Sainte-Hélène. Textes préfacés, choisis et commentés par Jean Tulard.* Paris, 1981.
- ²² *I.N.S. Mantalembert et sa correspondance inédite avec le généralissime Skrzynecki.* Paris, 1903. P. 27; *Bowman F.P.* Op. cit. P. 82.
- ²³ *Bowman F.P.* Op. cit. S. 86—87; *Krasiński Z.* Listy do Augusta Cieszkowskiego, Edwarda Jaroszyńskiego, Bronisława Trentowskiego. T. 1. Warszawa, 1988. S. 97—98.
- ²⁴ *Treugutt S.* Op. cit. S. 24—25.
- ²⁵ О религиозности Наполеона и его образе в письмах со Святой Елены: *Gonnard P.* Les Origines de la légende napoléonienne. Paris, 1906. P. 250—269.
- ²⁶ *Fabianowski A.* Socjalizm Mickiewicza // *Mickiewicz.* W 190-lecie urodzin. Białystok 1993. P. 254—255; *Walicki A.* Op. cit. P. 250; *Ziółek J.* Studia nad myślą polityczną Wielkiej Emigracji. Napoleon I i Napoleon III. Lublin, 1995, *tenże.* Stosunek Wielkiej Emigracji do dynastii Bonapartych. Lublin, 1980; О народном бонапартизме: *Ménager B.* Les Napoléon du peuple. Paris, 1988.
- ²⁷ *Grand-Carteret J.* Napoleon I in der Caricatur. Leipzig, [n.d.]. P. 104.
- ²⁸ Интерпретации описаний этого сходства: *Rosiek S.* Op. cit. S. 141—142. Само описание: *Peźda J.* Relacja Idefonsa Kosiłowskiego o śmierci Adama Mickiewicza // *Akta Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu.* T. 1. Paryż, 1991. S. 57, 60.

1812 год и Заграничные походы в оценке декабриста Матвея Муравьева-Апостола

Влиянию войны 1812 года на движение декабристов посвящена обширная литература. Самой цитируемой исследователями фразой на эту тему является выражение М.И. Муравьева-Апостола «Мы были дети 1812 года». Фраза эта была написана декабристом по-французски — «nous étions les enfants 1812» — в начале 1870-х гг. Автограф не сохранился, и она известна по цитате из посвященного Муравьеву-Апостолу биографического очерка, опубликованного в журнале «Русская старина» внуком декабриста И.Д. Якушкина В.Е. Якушкиным. Вообще особенность мемуаров об эпохе 1812 года в том, что рукописи большей их части до нас не дошли¹. В начале 1920-х гг. при первой советской републикации мемуаров М.И. Муравьева-Апостола эта его фраза была переведена на русский язык С.Я. Штрайхом и в таком виде вошла «в анналы». Десятки раз ее цитировали и брали эпиграфом к научным трудам, посвященным взаимосвязи движения декабристов и наполеоновских войн, однако практически никто не задумывался над тем, что именно она означает, т.е. что понимается под 1812 годом — эпоха наполеоновских войн в целом или только Отечественная война, и кто такие «дети 1812 года» — члены тайных обществ, будущие заговорщики или все военное поколение.

Н.Я. Эйдельман призывал не трактовать эту фразу слишком узко. Он указывал, что «формула М.И. Муравьева-Апостола... часто понимается односторонне — только в связи с предысторией 14 декабря. Между тем... многие грамотные жители России, дворяне и даже разночинцы, прежде и не мыслившие о ценности своих воспоминаний, о соотношении своей личности с историей страны, с общенародными судьбами, — начинают писать, печатать, “мыслить вслух” именно после 1812 г. ... Определенная часть русского дворянства и других сословий как бы проснулась для исторической жизни»².

А.Г. Тартаковский выделял четыре «всплеска» общественного интереса к событиям 1812—1814 гг. Он отмечал, что те или иные события общественной жизни, внешней и внутренней политики России имели следствием рост или падение этого интереса. С периодами роста каждый раз был связан подъем мемуаристики, как создание новых, так и публикация созданных ранее воспоминаний.

1812—1819 гг. — самый первый, обусловленный недавними событиями всплеск интереса к 1812 г. Тогда же, сразу по выходе французов из Москвы, начали создаваться и первые мемуары. Подъем мемуаротворчества был связан с потребностью зафиксировать воспоминания о французском нашествии. Именно в это время возникает немало мемуарных замыслов, реализовавшихся в 1820—1850-х гг. В 1820-е гг. наступает период угасания интереса к названной эпохе, связанный со стремлением Александра I заслонить значение кампании 1812 г. последующими событиями, представить ее как одну из серии кампаний, имевших главным политическим итогом вступление русского царя в Париж и заключение под его эгидой Священного союза³.

«Государь не любит вспоминать об Отечественной войне и говорить о ней», — писал А.И. Михайловский-Данилевский⁴.

В 1830-е гг. наступает новый подъем интереса к эпохе, связанный с тем, что описание наполеоновских войн было включено Николаем I в пропагандистскую модель, основанную на теории официальной народности. Идеологема народной войны, возникшая за двадцать лет до этого, вновь стала актуальна⁵. Надвигавшийся 25-летний юбилей послужил лишь внешним поводом на фоне более существенных обстоятельств. Ключевым моментом здесь являлась реакция мирового сообщества и, в частности, Франции на польское восстание 1830—1831 гг. Угроза новой войны, поднявшейся на волне революций, всколыхнула воспоминание о французском нашествии начала века⁶. При этом для Николая I было характерно как отдельное внимание к кампании 1812 г., так и важность ее как звена в общем описании походов, приведших к политической гегемонии России в Европе⁷. Наглядным выражением такого «симбиоза» стало широкое празднование 25-летия победы в войне в 1839 г. При этом приурочено оно было к Бородинской годовщине и происходило на Бородинском поле.

С другой стороны, и это хорошо видно по мемуарам, наблюдался устойчивый интерес именно к 1812 г. По наблюдению А.Г. Тартаковского, из 62 опубликованных тогда мемуарных свидетельств 5 трактуют эпоху наполеоновских войн в целом, 48 освещают исключительно кампанию 1812 г., и только 9 — события последующих кампаний⁸. В 1840-х—первой половине 1850-х гг. тема эпохи 1812 года опять выходит за пределы поля общественного интереса. Связано это было как с утратой Россией ведущих позиций во внешней политике, так и с начавшим подниматься общественным движением, в недрах которого зарождалось неприятие николаевского режима, идеологически тесно связанного с пропагандой эпохи 1812 года⁹.

1855—1863 гг. выделяются как новый период общественного интереса к антинаполеоновским войнам в целом и к кампании 1812 г. в частности. После поражения турецкого флота в Синопском бою в публицистике царили «шапкозакидательские» настроения. Начало Крымской войны было богато аллюзиями на 1812 г. и в связи с нахождением у власти в агрессивно настроенной против России Франции Наполеона III. На Крымскую войну смотрели как на «возобновление двенадцатого года». Однако после поражения стало ясно, что Крымская война — это нечто другое, что это была война не за свою территорию, а всего лишь за преобладание на Востоке и в этом смысле она не может быть поставлена в один ряд с 1812 г. Но празднование 50-летнего юбилея в 1862 г., последовавшее затем восстание в Польше и вызванное им европейское «дипломатическое нашествие» на Россию вновь актуализовали в общественном сознании эпоху 1812 года¹⁰. С пропагандистской точки зрения для правительства такая актуализация была важна еще и потому, что после войны упал престиж власти, стремившейся поддержать его давно испытанным способом — воспоминанием о патриотическом подъеме 1812 г. Интересно, что предполагаемая дата открытия памятника тысячелетия России в Новгороде в 1862 г. была перенесена с первой половины года на 26 августа, т.е. годовщину Бородинской битвы, а шестью годами раньше Александр II приурочил к этой же дате свою коронацию. В оппозиционных же кругах 1812 г. на фоне Крымской войны связывался с идеей освобождения народа, с идеей революции. «За 1812 годом шло 14 декабря... Что-то придет за 1854?» — вопрошал Александр Герцен¹¹. Заграничные походы отошли как бы на второй план, тем более, что одним из их итогов стал боровшийся с европейскими революциями Священ-

---

ный союз, идеология которого, конечно, была неприемлема для антимонархических кругов на фоне жестокого подавления Польского восстания. Общая либерализация общественной жизни в частности имела следствием то, что особенный общественный интерес проявлялся к московским событиям 1812 г., положению низших слоев населения, т.е. к тому, о чем раньше просто не говорили. Это нашло отражение и в мемуаристике¹².

Последний всплеск мемуарной активности в начале 1870-х гг. объясняется усилиями по записи устных воспоминаний, стремлением собрать мемуары последних оставшихся в живых участников наполеоновских войн. По замечанию А.Г. Тартаковского, практически никаких общественных событий, которые могли бы способствовать оживлению воспоминаний о 1812 г., не происходило. Исключение здесь составляет выход в свет романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Но в ответ на него было опубликовано лишь три очерка мемуарного характера, принадлежавших участникам войны. «Это еще одно свидетельство того, что поколение современников 1812 года в большей своей части уже сошло с исторической арены»¹³.

* * *

Размышления М.И. Муравьева-Апостола об эпохе 1812 года относятся к началу 1870-х гг. и более позднему времени, поэтому они вобрали в себя весь предыдущий осмысленческий опыт поколения. Помимо фразы, переданной В.Е. Якушкиным, в начале 1880-х гг. Муравьев-Апостол диктует своей воспитаннице Августе Созанович несколько мемуарных очерков, посвященных событиям 1812—1814 гг., которые представляют собой замечания на 1-й том «Истории Семеновского полка» Петра Дирина, вышедший в 1883 г. В русле четко сложившейся мемуарной традиции предпочтение в этих очерках отдается 1812 году. Это видно и из объема фрагмента, посвященного кампании 1812 г., и из того, что в нем присутствуют точные ссылки на страницы и цитаты из книги Дирина, к которым Муравьев-Апостол адресует свои замечания. В очерках, посвященных 1813 и 1814 гг., ссылки на страницы исчезают практически сразу и, таким образом, они превращаются в личные воспоминания о разных эпизодах кампаний, которые, конечно, соотносятся с написанным Дириным, но не непосредственно. Например: «19-го марта 1814 года я вступил в Париж во главе стрелкового взвода 2-й гренадерской роты»¹⁴. Последний очерк Муравьева-Апостола относится к октябрю 1885 г. и посвящен Бородинскому сражению. Эта небольшая заметка, записанная также А. Созанович, является откликом на публиковавшиеся в «Русском архиве» в 1885—1886 гг. мемуары о кампаниях 1812—1814 гг. Н.Н. Муравьева-Карского. Символично в контексте сложившейся традиции осмысления эпохи, что Муравьев-Апостол из всего текста мемуаров Муравьева-Карского, продолжение которых в тот момент еще только ждало своей публикации, выбирает и комментирует маленький фрагмент Бородинского сражения. Отмечу, что этот очерк — последнее по времени создания известное в мемуаристике письменное свидетельство о кампании 1812 года ее непосредственного участника.

* * *

Казалось бы, фраза о «детях 1812 года» полностью укладывается в сложившуюся осмысленческую парадигму — ее можно трактовать очень широко, применительно к целому поколению. То, что к тому времени именно 1812-й год стал знаком эпохи,

---

подтверждается и мемуарами декабристов. «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании», — писал И.Д. Якушкин¹⁵. М.А. Фонвизин отмечал: «Нигде Наполеон не встретил такого упорного сопротивления, как в достопамятную кампанию 1812 года в России»¹⁶. Акцентировали внимание мемуаристы и на народном характере прошедшей войны, идеологема «народная война» уже несколько десятилетий существовала в культурной памяти. «Уменьшение даже половины армии не может быть предосудительно для внешней безопасности империи и нисколько не поколеблет могущественного ее влияния на политические дела Европы по той поспешности и быстроте, с какими правительство может всегда усилить и привести в движение свои ополчения. Это доказывается великими событиями 1812 года, обозначившими решительно самобытное могущество России, от которого померкла победная звезда Наполеона», — писал тот же М.А. Фонвизин¹⁷. «Война 1812 года была народная война со всеми ужасами и варварством», — с характерным для него ощущением войны как трагедии трактовал эту идеологему В.Ф. Раевский¹⁸. В данном контексте, конечно, прав Н.Я. Эйдельман: целое поколение людей стало по-другому осмысливать свое собственное бытие.

Однако обратимся к еще одному свидетельству В.Е. Якушкина: «Матвей Иванович... часто говорил, что “именно 1812 год, а не заграничный поход создал последующее общественное движение, которое было в своей сущности не заимствованным, не европейским, а чисто русским”». Это свидетельство примечательно. Сам В.Е. Якушкин справедливо констатировал: «В таком взгляде Матвея Ивановича была доля увлечения, некоторое преувеличение»¹⁹. Действительно, подобное положение не характерно в целом для мемуаров будущих декабристов о войне. Хотя в выписках из записок В.Ф. Раевского, находившихся в распоряжении П.Е. Щеголева и датированных серединой 1860-х гг. или более поздним временем, можно найти фразу, по смыслу схожую с тем, что говорил Муравьев-Апостол в передаче В.Е. Якушкина: «1812 год — война, роковая в известном смысле для иностранцев, принимавших в ней участие, и для наших, уцелевших, — для событий 14 декабря»²⁰. Однако кампания 1812 г. в мемуарах декабристов не была противопоставлена Заграничному походу. Часто эти кампании воспринимали как единое целое. Тот же В.Ф. Раевский, рассуждая о причинах появления заговора, писал: «1812, 1813 и 1814 годы загладили Аустерлицкую бойню и постыдный Тильзитский мир и доказали Европе всю силу или могущество не правительства, а народа русского... Победа за победою положили конец войне. В 1816 г. войска возвратились в Россию. Избалованные победами, славою и почестями, они встретили в отечестве недоверие правительства, неуважение к храбрым начальникам и палочную систему командования»²¹. «Пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос», — утверждал И.Д. Якушкин²². «Чрезвычайные события этого года — славное изгнание из России до того непобедимого императора французов и истребление его несметных полчищ — последовавшие затем кампании 1813 и 1814 годов и взятие Парижа, в которых наша армия принимала такое деятельное участие, — все это необыкновенно возвысило дух наших войск и особенно молодых офицеров... Многие из них познакомились в походе с германскими офицерами, членами прусского тайного союза (Tugendbund), который так благотворно приготовил восстание в Пруссии, и с французскими либералами. В откровенных беседах с

ними наши молодые люди нечувствительно усвоили их свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям», — писал М.А. Фонвизин²³. Очевидно, что в сознании декабристов «свободный образ мыслей» был заимствован в заграничных походах более, чем в кампании 1812 года.

Таким образом, слова Муравьева-Апостола о «детях 1812 года» резко выбиваются из общего мемуарного контекста. В.Е. Якушкин подчеркивал их нетождественность общему фону: «1812 год имел очень сильное влияние на современников; для Матвея Ивановича влияние это и оставалось господствующим; если дальнейшие заграничные походы в свою очередь повлияли на товарищей Матвея Ивановича, на русскую военную молодежь, (да и на всю армию), показали им непривычные заграничные порядки, открыли им новые горизонты, то лично для Матвея Ивановича, воспитанного за границей, походы в Германию и Францию не могли иметь такого значения; поэтому понятно, что он сохранил с особою свежестью силу первого впечатления, полученного в 1812 году»²⁴.

Но так ли это на самом деле и всегда ли М.И. Муравьев-Апостол придерживался мнения о ключевом влиянии именно войны 1812 года на собственное вольномыслие и на пробуждение в России общественного движения? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к материалам следствия по делу «о злоумышленных обществах» конца 1825 — первой половины 1826 г. Именно на следствии впервые стали звучать суждения о влиянии наполеоновских войн на последующее общественное движение. В «Донесении следственной комиссии», подведем итоги следствия, значилось: «В 1816 году несколько молодых людей, возвратясь из-за границы после кампаний 1813, 1814 и 1815 годов, и зная о бывших тогда в Германии тайных обществах с политической целью, вздумали завести в России нечто подобное»²⁵. Историк В.А. Федоров считал «Донесение» «лживым документом», который «трактовал возникновение декабризма как “заразу, извне привнесенную”, чуждую духу русского народа, преданного царю и престолу»²⁶. Не будет преувеличением сказать, что вся советская историография была с ним в этом солидарна. Однако «Донесение» лишь обобщало показания подследственных, и если вынести за скобки безусловно присутствующие в нем оценочные суждения, то, в общем, оно не грешило против истины, по крайней мере в данном случае. Обратимся к показаниям.

На появление политического самосознания в России после войны 1812 года и последовавших затем заграничных кампаний обращал внимание следователей в одном из первых своих показаний в январе 1826 г. лидер Южного общества Павел Пестель: «Происшествия 1812, 13, 14, и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен показали, столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить»²⁷. Гавриил Батеньков называл «войны 812, 813, 814 и 815 год[ов], переведшие важную часть нового поколения чрез всю Европу», среди причин, способствовавших распространению «рассуждений о политическом и гражданском строе государства», которые «отнодь не суть у нас ныне удел тайных обществ»²⁸. «Трехлетняя война, освободившая Европу от ига Наполеонова; последствие оной, введение представительного правления в некоторые государства; сочи-

нения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху, и читаемые с жадностью молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств, вот источники революционных мнений в России», — вторил им родной брат М.И. Муравьева-Апостола Сергей²⁹. О последствиях войн для политического самосознания и образования в России тайных обществ говорил на следствии Иосиф Поджио: «После трех летних кампаний Россия, хотя и увенчанная славой, хотя и получившая в политическом отношении первостепенное место в Европе, однако ж относительно гражданскому ее положению являла еще черты большие своего изнеможения... Дух завоеваний, исчезнувший с падением Наполеона, не усматривали нужды в увеличении войска; ожидали мира, отдохновения, с сим уменьшения налогов, и улучшение всех гражданских отраслей правления. Вот как говорили мы о надеждах России; вот к чему приписывали потом ее ропот и как толковали о нем, чтоб убеждать себя в необходимости прибегнуть к тем беззаконным средствам, кои мы избрали к достижению нашей цели»³⁰.

Говорили подследственные и о влиянии прошедших войн на себя лично. Один из руководителей северян, несостоявшийся диктатор 14 декабря Сергей Трубецкой поведал следственному комитету: «Свободный образ мыслей заимствовал я по окончании войны с французами из последовавших по утверждению мира в Европе происшествий... Рассуждения, слышанные мною в обществах о всех сих предметах, разговоры с членами бывших тайных обществ, чтение журналов, книг, касающихся истории и законодательства различных государств, способствовали к оному образу мыслей; а укоренился он во мне убеждением, которое я имел, что состояние России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот»³¹. Один из основателей тайного общества Александр Муравьев признавался: «Вольно-безумно-думство мое заимствовал я со времени пребывания моего в чужих краях от духа времени тогдашнего, т.е. во время и после войны 1813 и 1814 годов»³². В другом показании он уточнял: «Мы все, бывшие в Германии во время войны, знали о существовании Тугендбунда: воспаленное воображение наше побуждало нас, по молодости нашей, ибо мне было тогда 23 года, а другие также не старее были, по ложной ревности, по ложному и безрассудному понятию о любви к Отечеству, по неверию и невежеству нашему, побуждало и в России нечто подобное сделать»³³. Михаил Орлов, чья подпись стоит под актом капитуляции Парижа, определенно выделял в качестве побуждения к действию именно Заграничные походы: «Мне кажется, я первый задумал создать в России тайное общество. Это было в 1814 году. Я был тогда под большим впечатлением того большого значения, которое Тугендбунд приобрел в политике»³⁴.

Очевидно, что ни о каких «детях 1812 года» на следствии речи не шло. Эта кампания либо осмыслялась как предшествующая Заграничным походам, последствием которых, собственно, и стало образование общества, либо вообще в связи с обществом не упоминалась. Совсем неудивительно поэтому, что показания М.И. Муравьева-Апостола в данном случае никак не выбиваются из общей концепции. Он обращается к теме влияния кампании 1812—1814 гг. на «свободный образ мыслей», т.е. на последующее общественное движение, несколько раз.

В январе 1826 г. он сообщил следствию: «После кампаний 1812, 1813 и 1814 годов, после существования, столь исполненного происшествиями, последующая единообразная жизнь не могла быть достаточною для тех, которые производили сии компании»³⁵. Чуть позднее, в ответах на вопросные пункты он говорил и о себе

лично: «Первые вольнодумческие и либеральные мысли я получил во время нашего пребывания в Париже в 1814 году. До того я не знал о существовании конституции. Сие наименование мне даже было вовсе неизвестно, не учившись политическим наукам»³⁶. И в следующем показании поясняет, что именно в страсти к «политическим наукам», которая привела к образованию тайного общества, и состояли эти «вольнодумческие и либеральные мысли»: «После событий 1812, 1813 и 1814 года, когда мы возвратились в Петербург, гарнизонная жизнь не могла удовлетворить нашим желаниям и заменить прежних ощущений. Это самое заставило иных вдатся мистическим идеям, а других политическим наукам... Некоторым гвардейским офицерам пришла мысль составить общество для введения представительного правления в России»³⁷.

* * *

Очевидно, таким образом, что «les enfants 1812» — плод позднейших размышлений М.И. Муравьева-Апостола, а не идея, присутствовавшая в его сознании изначально, т.е. сразу после антинаполеоновских кампаний. В.Е. Якушкин, которому документы следствия были, естественно, недоступны, здесь не прав. Эта точка зрения формировалась на протяжении многих лет и могла быть обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, это, конечно, полемика с «Донесением следственной комиссии», которое, хотя и было создано в 1826 г., оставалось в актуальной культурной памяти декабристов на протяжении всей жизни. Во-вторых, видимо, солидарность с оппозиционными настроениями, высказанными Герценом, сравнивавшим 1812 год и Крымскую войну в плане возможных революционных последствий последней. В-третьих, отделение себя от идеологии последовавшего за Заграничными походами Священного союза и, таким образом, от тех деятелей Александровской эпохи, которые воевали плечом к плечу с будущими декабристами, но затем пошли другой дорогой. То есть «дети 1812 года» в оставляемом потомству идеологическом осмыслении М.И. Муравьева-Апостола — это те, кто не словом, а делом пытался освободить Россию от тирании, а не те, кто был озабочен политической гегемонией России в Европе. Н.Я. Эйдельман, предлагая широко трактовать фразу декабриста, не обратил внимания на данный аспект. Думается, что в данном случае М.И. Муравьев-Апостол имел в виду не поколение в целом, а довольно узкий круг своих соратников — членов тайных обществ 1810—1820-х гг. И, наконец, безусловно, на Муравьева-Апостола повлияла сложившаяся традиция осмысления кампаний 1812 и 1813—1814 гг., которая отдавала приоритет первой.

Примечания

- ¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 89.
- ² Эйдельман Н.Я. М.С. Лунин и его сибирские сочинения // Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 308.
- ³ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 184.
- ⁴ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русский вестник. 1890. № 9. С. 159.
- ⁵ Подробнее см.: Парсамов В.С. К генезису политического дискурса декабристов. Идеологема «народная война» // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 159—194.
- ⁶ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 190.
- ⁷ Там же. С. 204—205.

-
- ⁸ Там же. С. 217.
- ⁹ Там же. С. 226—227.
- ¹⁰ Там же. С. 229—235.
- ¹¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 12. М., 1957. С. 202.
- ¹² Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 246—253.
- ¹³ Там же. С. 257. Отношение М.И. Муравьева-Апостола к роману Л.Н. Толстого «Война и мир», а также к его попыткам написать роман о декабристах было скептическим (см. комментарий С.Я. Штрайха в книге: *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 35 и комментарий В.А. Федорова в книге: Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 301).
- ¹⁴ *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 39.
- ¹⁵ Якушкин И.Д. Записки. Статьи. Письма. М., 1951. С. 7.
- ¹⁶ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 159—160.
- ¹⁷ Там же. С. 79.
- ¹⁸ Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 343.
- ¹⁹ Якушкин В.Е. Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Русская старина. 1886. Т. 51. Кн. 7. С. 156.
- ²⁰ Раевский В.Ф. Указ. соч. С. 377.
- ²¹ Там же. С. 347—348.
- ²² Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 7.
- ²³ Фонвизин М.А. Указ. соч. С. 181—182.
- ²⁴ Якушкин В.Е. Указ. соч. С. 157.
- ²⁵ Восстание декабристов. Документы и материалы. В 21 т. Т. 17. М., 1980. С. 25.
- ²⁶ Федоров В.А. Предисловие // Там же. С. 8.
- ²⁷ Восстание декабристов... Т. 4. М.; Л., 1927. С. 105.
- ²⁸ Там же. Т. 14. М., 1976. С. 50.
- ²⁹ Там же. Т. 4. С. 273.
- ³⁰ Там же. Т. 11. М., 1954. С. 38.
- ³¹ Там же. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 9.
- ³² Там же. Т. 3. М.; Л., 1927. С. 8.
- ³³ Там же. С. 16.
- ³⁴ Там же. Т. 20. М., 2001. С. 159—160.
- ³⁵ Там же. Т. 9. М., 1950. С. 198.
- ³⁶ Там же. С. 216.
- ³⁷ Там же. С. 224.

К вопросу о формировании и трансформации в России культурной памяти об Отечественной войне 1812 года

История мировой цивилизации богата событиями, которые нельзя стереть из памяти народа. Чем большее число людей затрагивает историческое событие, тем сильнее оно отражается в коллективной народной памяти. События эти всегда неординарны и связаны в первую очередь с войнами. Без войн, к сожалению, человечество еще не научилось жить. Великие потрясения, испытанные людьми в ходе наиболее значительных военных конфликтов, в которых зачастую решалась судьба государства, оставляют наиболее глубокий след в народной памяти. Одним из таких судьбоносных событий в истории нашей страны была Отечественная война 1812 года, в ходе которой Россия в одиночку не только противостояла объединенным силам почти всей континентальной Европы, собранным под знаменами Наполеона, но и смогла выстоять и даже победить прежде считавшегося непобедимым величайшего полководца того времени.

В царствование Александра I Российская империя перешла рубеж между Екатерининским XVIII веком и новым XIX веком (причем не только в календарном, но и в историко-культурном смысле). Хронологические и историко-культурные рубежи веков совпадают не всегда, — в различных странах начало календарного века порой либо опережает историко-культурное развитие, либо отстает от него. Во Франции, например, историко-культурный XVIII в. закончился в 1789 г. с началом Великой Французской революции, а в России таким рубежным событием, встряхнувшим и в корне изменившим весь уклад жизни в стране, стала Отечественная война 1812 года, после которой русское общество уже не могло жить по-старому.

В 2012 г. исполнилось 200 лет этому знаменательному во всех отношениях периоду российской истории, на котором воспитывалось и продолжает воспитываться не одно поколение россиян. Героические события 1812 года не случайно были названы современниками Отечественной войной и заняли ведущее место в сознании русского общества, оставив глубокий след во всех сферах общественно-политической жизни страны и в памяти народа.

В последние годы вопросы исследования коллективной, исторической или культурной памяти об исторических событиях являются очень востребованными. К ним обращаются не только историки, но также социологи, культурологи, писатели и, конечно, политики. Рассмотрим подробнее процесс формирования и трансформации в России культурной памяти об Отечественной войне 1812 года, а также современные тенденции в ее развитии, но сначала немного о терминологии.

Память народа складывается из памяти отдельных людей, в первую очередь участников и очевидцев событий, а историческая память формируется со временем из народной памяти. Историческая память — это устойчивая система идей, взглядов, представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании и отражающих восприятие и оценку прошлого, передаваемых из поколения в поколение. И поскольку в ее основе

находится субъективная составляющая, ей присущи все недостатки памяти отдельного человека: забвение мелких деталей, трансформация образов в соответствии с уровнем образования, переложение позднейших знаний на исторические воспоминания и т.д. При этом опыт предшествующих поколений во многом определяет ход исторического развития. Люди, сталкиваясь с какими-либо событиями, ищут ответ в прошлом, потому что больше им искать его негде. А.И. Ракилов, подчеркивая связь между историческими фактами и их социальной актуализацией, утверждает, что «социально-историческая память человечества, выступающая как знание о прошлом, дает множество образцов социально-значимого поведения. Поступки исторических персонажей, различные исторические ситуации, типы разрешения определенных конфликтов, ведущих к укреплению данного общественного строя, данной этнической общности, социальной группы или организации, со временем становясь эталонами, дают обоснование нормам предпочтительного, санкционированного обществом поведения»¹.

Историческая память отражает прошлый опыт народа и страны для возможного его использования в текущей деятельности людей, подчеркивая особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим, и, будучи при этом избирательной, она нередко делает акценты на отдельные исторические события, совершенно игнорируя другие. Так, например, долгое время Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. отрывались от Отечественной войны 1812 года, хотя они являлись ее неразрывным продолжением.

Современные исследователи понимают культурную (историческую, коллективную, социальную) память как непрерывный процесс, в котором общество формирует и стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого.

Коллективная историческая память народа, как правило, не совпадает с историографией, поскольку для написания исторических трудов события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из текущих потребностей общества. Память же сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает, она сохраняет и «воспроизводит» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. То есть воспоминания о прошлых событиях воспроизводятся через призму настоящего. Недаром у древних греков Мнемозина была одновременно богиней памяти и воображения.

Необходимо отметить, что культурная память, являясь составной частью исторической памяти народа, вместе с тем имеет ряд особенностей, отличающих ее от других видов коллективной памяти. Она не только сохраняет память об исторических событиях в рамках существующих общественных формаций, но и трансформируется вместе с обществом, подчиняясь законам его развития и проходя периоды культурного «забывания» и «припоминания». При исследовании культурной памяти на первый план выходит вопрос не об истинности бытующего воспоминания, а о том, почему одни события (или их аспекты) запоминаются, а другие — предаются забвению. Таким образом, история памяти отражает значение, которое настоящее придает событиям прошлого. Рассматривая память в культурологическом освещении (и образно отождествляя ее с хранением текстов), Ю.М. Лотман заметил, что «актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию»². Также можно отметить, что культурная память не только подчиняется законам времени, но и противостоит им, сохраняя прошедшее как пребывающее.

В отличие от социальной или бытовой памяти народа, где наиболее востребованным оказывается итоговый результат (обобщенное знание о предмете или событии), культурная память не может быть сведена к формуле «самый новый — самый ценный». Здесь востребованными оказываются все созданные предыдущими поколениями элементы исторической памяти.

Особенностью культурной памяти является также то, что новые объекты создаются не только в настоящем срезе культуры, но и в ее прошлом, поскольку историками постоянно обнаруживаются «неизвестные» ранее культурные памятники минувших событий. Этот парадокс объясняется тем, что каждое общество в силу различных причин определяет свое понимание того, что следует помнить, а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из коллективной памяти и «как бы перестает существовать». Но проходит время, меняется политический строй или нравственные ориентиры общества, и забытые (несуществующие в текущей народной памяти) культурные объекты вновь становятся востребованными, подтверждая народную мудрость, что «новое — это хорошо забытое старое». Так, например, Л.Н. Гумилев, рассуждая о законе обратной связи истории и культуры, писал, что культурные «памятники дают представление об истории народа, а известная, пусть даже в общих чертах, история помогает разобраться в значении вновь открываемых памятников»³.

Еще одной характерной особенностью культурной памяти во все периоды развития общества было то, что она не только отражает исторические события, но и видоизменяет их под влиянием «политической необходимости» или в силу сложившихся обстоятельств. Гениальные произведения искусства, посвященные важнейшим историческим событиям, накладывают на культурную память народа свой отпечаток, — и чем значительнее талант мастера, тем большее влияние на общество оказывает его работа, становясь, тем самым, новым объектом для формирования культурной памяти. В качестве примера можно привести роман Л.Н. Толстого «Война и мир» или кинокомедию «Гусарская баллада», по которым вот уже несколько поколений россиян составляют свое представление о событиях 1812 года. Художественный вымысел, присущий всем произведениям искусства, видоизменяет в сознании народа и отражение показанных в этих произведениях исторических событий. Например, только благодаря фильмам «Суворов» (1941) и «Кутузов» (1943) в массовом сознании россиян закрепилось, что М.И. Кутузов носил повязку на правом глазу, хотя реальный фельдмаршал видел обоими глазами и не пользовался повязками до самой смерти⁴.

Культурная память об Отечественной войне 1812 года не является исключением и также имеет все вышеперечисленные особенности и характеристики. В истории России были периоды как «забывания» событий и героев этой войны, так и, наоборот, — подъема интереса к ним, а порой даже намеренного искажения или приспособления реальных исторических фактов под необходимые идеологические установки. Например, после революции в России были отменены и преданы забвению не только имперские атрибуты, но и все героические страницы истории Российской империи, в том числе и история Отечественной войны 1812 года и ее герои, которые вновь стали востребованными только в преддверии и в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Культурная память о событиях 1812 года носит сложный, многоуровневый характер. Она воплотилась, прежде всего, в рожденной самим временем противостояния Наполеону дефиниции «Отечественная война», которая определяла размах и характер идущей борьбы; в императорских манифестах (в том числе об учреждении наград за войну);

ежегодных молебнах по погибшим и об изгнании неприятеля; в комплексе церковных и светских памятников и мемориалов; в исторических трудах, моделировавших традицию восприятия войны обществом. Память об этой войне сохранялась в монументальных и живописных образах ее вождей и героев, в разнообразных произведениях пластического и изобразительного искусства, в художественной литературе, в обширном комплексе воспоминаний, оставленных поколением ветеранов 1812 г., а также в народном фольклоре.

Формирование исторической и культурной памяти об Отечественной войне 1812 года началось еще в ходе военных действий, когда участники и современники событий стали создавать различные мемуарные, публицистические, художественные, поэтические и другие эпистолярные произведения, а также гравюры, рисунки и карикатуры, фиксирующие отдельные события. Немаловажную роль в формировании представлений о войне сыграла официальная правительственная и церковная пропаганда, распространявшаяся в виде манифестов, воззваний, листовок и других обращений к народу и армии.

Также в ходе войны начался, а сразу после ее окончания активизировался процесс создания коммуникативной исторической памяти о прошедшей войне, когда участники и очевидцы вспоминали прошедшие события и обменивались воспоминаниями между собой, как в устной форме при личной встрече, так и в виде писем друг к другу. Иногда результаты обмена впечатлениями фиксировались на бумаге спустя значительный промежуток времени. Начался и процесс мемориализации памяти погибших участников войны путем установки на их могилах памятников и создания эпитафий, как надгробных, так и газетно-журнальных.

В результате борьбы с наполеоновской армией коренным образом изменилось отношение российского общества, в основном дворянского, к Франции и французам (от преклонения и подражания до разочарования) и представление европейских народов о России и русских (от диких варваров до образованных и благородных освободителей). Последнему в немалой степени способствовало то, что в ходе войны русские «варвары» вели себя в Париже лучше, чем «цивилизованные» французы в Москве. С течением времени трансформировалось и представление о самой войне (первоначально она воспринималась как катастрофа, «апокалипсис», затем — как великое событие, «минутное бедствие» России с последующим за ним триумфом).

Немаловажную роль в процессе формирования исторической памяти о войне 1812—1814 гг. сыграли попытки осмысления прошедших событий их участниками и очевидцами и стремление к оправданию действующих лиц, совершивших, по мнению общества, ошибки и просчеты в ходе войны. Эти факторы, ставшие, по сути, катализатором процесса, были использованы воинами обеих воюющих сторон, что, в свою очередь, породило целый ряд заочных дискуссий с бывшим неприятелем о трактовке хода или итогов различных событий. Такие дискуссии, в которые путем их публикации в прессе были втянуты широкие слои общества, оказали несомненное влияние на формирование национальной исторической памяти.

Следствием подобных дискуссий, а также в силу необходимости оставить потомкам целостный образ прошедшей войны, стало появление работ по историографии войны 1812—1814 гг. Различные «Истории...», «Обзоры...», «Исторические описания...» и другие работы, созданные участниками событий, описывали, как в целом войну, так и отдельные ее кампании и сражения. Выход в свет таких работ неизменно сопровождался всплеском мемуарных и публицистических сочинений остававшихся в живых участников войны, откликавшихся таким образом на факты и вер-

---

сии, изложенные в работах историков. Каждое новое историческое сочинение (как российских, так и зарубежных авторов) накладывало свой отпечаток и на культурную память, трансформируя даже воспоминания современников и участников событий путем наслоения на них последующих знаний и их переосмыслений историками. Это хорошо видно по отдельным абзацам из историй войны Михайловского-Данилевского и Бутурлина, которые участники баталий вставляли в свои мемуары, тем самым придавая им статус своих воспоминаний.

Закрепление формирующейся в обществе культурной памяти о «грозе двенадцатого года» происходило путем создания всевозможных памятников войны, как в виде мемориальных сооружений (триумфальные арки, монументы, храмы-памятники и т.д.), так и в виде произведений искусства (живопись, графика, скульптура, проза, поэзия, музыка и другое), индивидуальных и коллективных знаков отличия и памятных наименований, а также путем проникновения в фольклор, который распространялся в народной массе в виде анекдотов, песен и прибауток, пословиц и поговорок. Тем самым осуществлялась своеобразная визуализация культурной памяти об Отечественной войне 1812 года, Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. и героях этих событий.

В дальнейшем, по мере ухода из жизни участников и очевидцев событий войны 1812—1814 гг., к процессу формирования культурной памяти об эпохе 1812 года подключались их потомки, внося в отображение исторических событий свое понимание происходивших до их появления на свет процессов. Формы визуального отображения народной памяти совершенствовались и расширялись по мере развития общества и изобретения технических новинок (цветная печать, фотография, радио, кино, телевидение, Интернет и т.д.).

Целенаправленное использование правительственными кругами культурной памяти об одной из самых героических страниц российской истории происходило, как правило, в сложные периоды истории государства, когда требовалось с опорой на примеры из прошлого поднять моральный дух населения или призвать его на борьбу с новыми захватчиками, либо в преддверии крупных юбилеев войны 1812—1814 гг. Обращение к памяти народа позволяло консолидировать общество, воспитывать патриотизм у подрастающего поколения и находить образцы для подражания. Ассоциации с 1812 годом были так или иначе востребованы как в идейных поисках мирного времени, так и в периоды тяжелых военных испытаний: в годы Крымской войны, когда Россия вновь сражалась с Францией, возглавляемой новым Наполеоном, в годы Первой мировой войны, называемой современниками Второй Отечественной войной, а также в годы Великой Отечественной войны.

Память об Отечественной войне 1812 года стала в России основанием ее национального достоинства, стимулом патриотических настроений широкого спектра (вплоть до чувства национального превосходства), наконец, своего рода эталоном всенародного противостояния вторжению извне или его угрозе. В свою очередь, не только каждая новая мирная эпоха (особенно сопровождавшаяся сменой политического курса), но и вновь вспыхнувший военный конфликт, а тем более большая война, накладывали свой отпечаток на воспоминания о событиях 1812 года⁵.

Культурная память об Отечественной войне 1812 года за 200-летнюю историю своего существования не избежала многократного «редактирования» по политическим конъюнктурным соображениям, когда реальные факты, благодаря средствам массовой информации, искажались необходимым образом, подгоняясь под требова-

ния текущего момента. Это является объективным процессом (присущем не только культурной памяти о 1812 годе); в отличие от научного знания о прошлом, культурная память о конкретном историческом событии со временем политически и идеологически актуализируется в соответствии с потребностями общества и государства.

Значительное влияние на восприятие в народе событий периода наполеоновских войн оказала принявшая в конце XIX в. широкий размах «коммерциализация» истории, когда изображения событий и героев Отечественной войны 1812 года использовались как в рекламных целях для продвижения товаров, так и при создании многочисленной сувенирной продукции к 100-летию юбилею войны. Не менее актуальным является обращение к образам событий и героев войны 1812 года и в связи с 200-летием победы, отмечаемым в Российской Федерации на государственном уровне.

Особенностью текущего периода развития отечественной культурной памяти об Отечественной войне 1812 года является усиление попыток ее пересмотра, вплоть до кардинального изменения. Печатные издания и средства массовой информации пестрят различными «научными открытиями», «новыми взглядами» и «откровениями» с изложениями «неизвестных ранее» документов (неизвестных, как правило, только авторам публикаций). Известные факты преподносятся якобы под «новым углом зрения», а реальные исторические события намеренно выворачиваются наизнанку, причем авторы в угоду своей концепции используют в качестве доказательств всевозможные вымыслы и домыслы. Причины таких попыток разные: и низкий уровень знаний некоторых авторов, решивших «отметиться» в связи с юбилеем, и специальный заказ различных подневных структур, и желание заработать на «сенсации», и стремление «пропиариться» любой ценой, даже путем фальсификации реальных исторических событий, и многое другое. Усилия подобных авторов отражаются, во-первых, в сочинении «национальных» историй Отечественной войны 1812 года или ее отдельных эпизодов, идущих в разрез с общей трактовкой истории войны, как в отдельных субъектах России, так и в получивших независимость в ходе развала СССР странах⁶, во-вторых, в публикации хорошо известных документов под видом новейших открытий (зачастую с комментариями, полностью искажающими смысл опубликованного), в-третьих, в тиражировании различных «сенсационных» вымыслов. Обычному читателю сложно разобраться во всей этой массе различных, зачастую противоречащих друг другу произведений и отделить правду от вымысла, что приводит к очередной трансформации культурной памяти. Причем трансформации не всегда безобидной, поскольку развал любого государства начинается с уничтожения в народе памяти о самых героических страницах его истории.

Примечания

¹ *Ракитов А.И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1992. С. 10.

² *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // *Он же.* Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 201.

³ *Гумилев Л.Н.* Искусство и этнос // *Он же.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 9. СПб., 2003. С. 419.

⁴ Подробнее см.: *Подмазо А.А.* Носил ли Кутузов повязку на глазу? // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы / Материалы XVIII Голицынских чтений 21—22 января 2012 г. Большие Вяземы, 2012. С. 82—90.*

⁵ Подробнее см.: *Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / Мельникова Л.В., Секиринский С.С., Подмазо А.А., Голубев А.В., Аурова Н.Н.* М., 2012.

⁶ В Республике Беларусь, например, события 1812 года преподносятся как русско-французская война 1812 года, в ходе которой белорусы воевали друг против друга и пострадали от обеих армий.

К.А. Поташова

Творческое наследие И.И. Теребенева в контексте русской литературы периода Отечественной войны 1812 года

Повеествования о событиях Отечественной войны 1812 года входили в русскую литературу постепенно, начиная с малых форм: письма, очерки, произведения народного творчества. Сюда же следует отнести эпиграммы и исторические анекдоты на сюжеты войны. О наблюдавшемся подъеме русской литературы Н.И. Греч писал: «В половине 1812 г. грянул гром, и литература наша сначала остановилась совершенно, а потом обратилась к одной цели — споспешествованию Отечественной войне. В продолжение второй половины 1812 г. и первой 1813 г. не только не вышло в свет, но и не написано ни одной страницы, которая не имела бы предметом тогдашних происшествий»¹. Поэзия стала горячим призывом к делу, боевым кличем. Важное место в литературе периода Отечественной войны 1812 года заняла сатира. Сатирическое изображение действительности проявлялось в различных жанрах — пословицах и поговорках, сказках, фарсах, комедиях.

Одним из наиболее ярких воплощений сатиры является эпиграмма. В русской литературе эпиграмма развивалась постепенно и к XVIII в. представляла собой сатирическое высмеивание дворянства и духовенства. Краткая литературная энциклопедия определяет этот жанр как «стихотворение на случай»². Древнерусские воинские повести были лишены сатиры, их направленностью была героизация, прославление княжеского подвига. Во время Отечественной войны 1812 года появляется сатирическое изображение ее отдельных эпизодов и курьезов, что находит отражение в эпиграммах Г.Р. Державина, А.Н. Нахимова, А.Е. Измайлова. Особенно следует выделить литературное творчество видного политического деятеля С.Н. Марина (1776—1813), исполнявшего должность дежурного генерала во 2-й Западной армии, состоявшей под командованием князя П.И. Багратиона. Во время войны он написал около 200 сатирических стихотворений, которые широко разошлись в списках.

С чем было связано такое внимание к эпиграмме? Поэзия 1812 г. ставила перед собой задачу «вящего ободрения мужественных, восстановления малодушных, избличения бесстыдного хищника в лжах и злодействах его»³. Так обозначил роль литературы и, в частности, еженедельного историко-патриотического журнала «Сын Отечества» Н.И. Греч. Наряду со свежими сводками с театра военных действий в этом журнале печатались исторические анекдоты, заметки о военных происшествиях. Для поднятия боевого духа публиковались и вымышленные события. Некоторые заметки сопровождались иллюстрациями-кариатурами, причем самые яркие сюжеты были проработаны сразу несколькими художниками. Таким образом, поэзия и живопись оказались на страницах журнала рядом. Вслед за писателями на события войны откликнулись художники. Живописцами была найдена удивительно выразительная и в то же время доступная широкому кругу форма, получившая в искусстве название «кариатура 1812 года». Большая заслуга в ее развитии принадлежит М.И. Кутузову, при штабе которого в первые месяцы войны появилась походная типография.

В.А. Верещагин отметил, что первым карикатуристом в России был А.Г. Венецианов. В 1812 г. карикатуры Венецианова получили большую поддержку правительства, некоторые его работы («Французское воспитание», «Французский магазин помады и духов», «Французский парикмахер» и др.), направленные против преклонения перед всем французским, были напечатаны с разрешения генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина. Следует отметить и деятельность самого Ф.В. Ростопчина, который регулярно с 1 июля по 31 августа 1812 г., а также с сентября по декабрь (но уже реже) выпускал «Афиши, или Дружеские послания главнокомандующего в Москве к жителям ее». Эти «Афиши» представляют собой короткие зарисовки Москвы 1812 г., сводки с полей сражений. О значении таких листков написал А.С. Пушкин в романе «Рославлев»: «Вдруг известие о нашествии и воззвании государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принял за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну»⁴.

Самыми популярными работами на сюжеты Отечественной войны 1812 года были гравюры художника и скульптора Ивана Ивановича Теребенева (1780—1815). Своими карикатурами он завоевал поистине всенародную славу. Отличительной чертой «летучих листков» художника является наличие в них пояснительных текстов, стилизованных под простонародную речь. Эти удивительно точные, краткие и яркие подписи к карикатурам И.И. Теребенева представляют интерес для филологов.

Нет сомнения в том, что Теребнев сам был автором подписей к рисункам. Подтверждением служат слова художника в письме к поэту А.Х. Востокову: «Упражнения в стихотворстве доставляют несказанное утешение»⁵. Увлечение литературой проявилось еще во время учебы Теребенева в Академии художеств, когда он вошел в юношеское общество «остенекистов», получившее название по фамилии Востокова, которая звучала тогда как Остенек. В общество также входили: ученик архитектурного класса А.И. Ермолаев (в дальнейшем хранитель рукописей в Публичной библиотеке), рисовальщик и иллюстратор Ф.Ф. Репнин, архитектор И.И. Гальберг и скульптор А.Д. Фуфаев. Главной целью этого содружества было знакомство с русской и мировой литературой. Особый интерес юноши проявили к творчеству Н.М. Карамзина, зачитывались его альманахом «Аглая», знали наизусть «Бедную Лизу». Один из членов общества даже снял план местности около Симонова монастыря, где жила героиня этой повести.

Большое значение для формирования творческих взглядов Теребенева имело также «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», в которое он вступил 22 февраля 1803 г. по рекомендации того же Востокова. Одним из теоретиков общества был И.П. Пнин, считавший, что литература должна преследовать не только эстетические, но и практические цели, а писателям следует «трудиться только для пользы сограждан своих, для пользы человечества»⁶. Именно такими, поднимающими дух народа, взывающими к борьбе, стали в 1812 г. рисунки Теребенева. Война на его «летучих листках» — это борьба простого русского народа против французских захватчиков.

Точно не известно, когда была создана первая карикатура Теребенева, а также то, в какой последовательности появлялись его «летучие листки», но уже к концу 1812 г. имя

художника было широко известно. В конце 1814 г. рисунки Теребенева были напечатаны в типографии Плавильщикова в виде детской азбуки. Маленькие карточки должны были раскрыть перед глазами ребенка картину только что миновавшей войны. Азбука состоит из 34 листков, представляющих собой карикатуры на французскую армию с соответствующим двустушием, которое начинается с той или иной буквы русского алфавита (первая буква двустушия соответствует букве азбуки). В каждом стихотворении переданы интонации народной шутки, что делает изображение ярким, запоминающимся. Из картинок азбуки дети узнавали о самоотверженности и героизме русского народа: о старике, который притворился глухим, чтобы не выдавать захватчикам односельчан (буква «А»), о старостихе Василисе Кожиной, которая брала в плен французов (буква «И»).

Форма стиха Теребенева часто напоминает стиль народных присказок, а некоторые выражения специально взяты из народной речи. «Домой пора! Марш! Марш! Довольно, погостили, // Без носу, рук и ног в чепцах нас отпустили». Или: «Постой-ка, не в свои ты сани, брат, садишься, // Ты править нашу лошадку не годишься (обращение к Наполеону. — *К.П.*)»⁷.

Лаконизм, задорные интонации, меткий юмор роднят язык двустуший И.И. Теребенева с солдатскими песнями и прибаутками. Например: «С нашей матушкой-Москвою // Оглядайся, не шути: // К нам пришедши с головою, // Не утащишь и пяты»⁸. Такая связь эпиграммы и народной песни показывает влияние фольклора на литературу. Близки к жанру эпиграммы и пословицы, сложенные крестьянами в непростое для России время. Можно сравнить построенную на игре слов эпиграмму Г.Р. Державина: «О, как велик Наполеон! // Он хитр, и быстр, и тверд во брани; // Но дрогнул, как простер лишь длани // К нему с штыком Багратион»⁹ и народную пословицу о Наполеоне: «Был не опален¹⁰, а из Москвы вышел опален»¹¹. Сатирическое изображение роднит эпиграммы, пословицы, народные песни, что позволяет говорить о единстве между ними.

Одной из самых известных карикатур И.И. Теребенева стала работа «Русский Сцевола». Образ Сцевола был очень популярен в литературе и живописи. Муций Сцевола — римский герой, попытавшийся убить царя этрусского города Клузля. Правительственная армия схватила Сцевола, и тогда он объявил, что 300 римских юношей поклялись своей жизнью убить царя. Когда герою стали угрожать пытками и смертью, Сцевола протянул левую руку в разведенный на алтаре огонь и держал ее там, пока она не обуглилась. Отвага римлянина поразила этрусского царя, и Сцевола отпустили. С тех пор за родом Муциев закрепилось прозвище Сцевола (от *лат. scaevola* — левша).

Сначала И.И. Теребенева выполнил рисунок на этот античный сюжет еще до войны. В 1812 г. поводом для создания новой карикатуры послужила небольшая заметка, опубликованная в «Сыне Отечества» (№ 4) о русском Сцеволе — крестьянине, который отрубил себе руку, заклеившую буквой «N», в знак презрения к захватчику. Этот же сюжет упоминается в стихотворении А.Х. Востокова «К россиянам»: «Я русской верности // И веры не нарушу, // Ты тело мне клейми, // Не запятнаешь душу! // А руку и с клеймом, // Изволь, — себе возьми!»¹². В 1813 г. В.И. Демут-Малиновский выполнил статуэтку «Русский Сцевола». В дальнейшем этот исторический эпизод был приведен Вальтером Скоттом в труде «Жизнь Наполеона Бонапарта». Не оставил без внимания Сцевола и А.С. Пушкин. В романе «Рославлев» есть строки: «Никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу»¹³.

Карикатура Теребенева на данный сюжет красноречиво говорит о мастерстве автора и оригинальности творческого метода. Художник создал композицию из трех

фигур — русского крестьянина в центре и двух фигур по сторонам. Крестьянин отрубает себе руку с наполеоновским клеймом, а французы неистово жестикулируют. Достоинством изображения является лаконичность и доходчивость: всего три фигуры, нет второстепенных деталей, а подпись под рисунком подчеркивает идею народной войны: «Как черному царю на Руси не царить, // Так имя на руке его мне не носить». Эта карикатура Терebeneва стала очень популярной в обществе, что подтверждается описанием рисунка в газете «Санкт-Петербургские ведомости»: «Художник, изображая для незабвенной памяти происшествие сие, весьма счастливо и прекрасно выразил ту минуту, когда крестьянин, отвергая службу Наполеона и презирая страх, навводимый ему от предстоящих грабителей, внезапно схватывает, по заклеивании ему руки, топор и лишает себя оной»¹⁴.

Сюжеты карикатур И.И. Терebeneва перекликаются с баснями И.А. Крылова. Известия об оставлении Москвы, о пожаре, уничтожившем большую часть древней столицы, застали баснописца в Петербурге. Крылов регулярно посещал гостиную Олениных и узнавал о последних событиях. От А.И. Тургенева он узнал о графе Лористоне, французском посланце, который явился по поручению Наполеона к М.И. Кутузову с предложением мирных переговоров. Кутузов наотрез отказался вступать в какие-либо разговоры о мире. Решимость полководца потрясла И.А. Крылова. Раньше обычного он ушел от Олениных, а через несколько дней написал басню «Волк на псарне», где в лицах показал, как Волк, неожиданно встретивший отпор, прижался в углу и просил мировую: «Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры, // Забудем прошлое, установим общий лад! // А я не только впредь не трону здешних стад, // Но сам за них с другими грызться рад»¹⁵. Баснописец выразил мысли не только присутствовавших в салоне Олениных, но и всей России: «С волками иначе не делать мировой, // Как снявши шкуру с них долой. // И тут же выпустил на Волка гончих стаю»¹⁶. Современники без труда узнали в мудром, седом Ловчем Кутузова, а в лицемерном Волке — Наполеона. Крылов собственноручно переписал эту басню и передал ее жене Кутузова — Екатерине Ильиничне, а она переслала ее в действующую армию. После сражения под Красным Кутузов прочитал басню, собрав вокруг себя солдат и командиров.

Карикатура И.И. Терebeneва является вольной интерпретацией басни. Художник показал русского пастуха с длинной бородой, держащего в руке волка с головой Наполеона. Действие происходит на фоне гладкой равнины без собак и стада. Пастух спокойно стоит, крепко держит в руке Наполеона в образе волка и словно обращается к зрителю. Подпись напоминает назидательный стиль басни: «Радуйтесь, пастухи добрые, уже вы больше не потерпите недочета в ваших овечках. Зверь обнаружен. Он был страшен только пока не умели за него взяться. А я попросту, как в старине бывало, приновился и схватил, и как хочу, так теперь его и поворочу». В азбуке этой карикатуре соответствует буква «мягкий знак», подпись еще более меткая: «Я прежде был Герой, но что я стал теперь? // В руках у мужика я скорчился как ерь!».

Другая карикатура Терebeneва, перекликающаяся с басней И.А. Крылова, — «Вороний суп». Как и Терebeneв, Крылов внимательно следил за статьями, которые печатались в «Сыне Отечества». В начале ноября баснописец прочитал там заметку: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон. Теперь можно дать отставку старинной пословице: “Попал, как кур во щи”, а лучше говорить: “Попал, как ворона в суп”»¹⁷. Эта заметка сопровождалась карикатурой Терebeneва «Французский вороний суп». На рисунке представлены че-

тыре гренадера французской армии, которые с жадностью обглаживают вороны крылышки и ножки. Под карикатурой помещено четверостишие: «Беда нам с великим нашим Наполеоном! // Кормил нас в походе из костей бульоном; // В Москве попировать свистел у нас зуб: // Ни тут-то! — Похлебаем же хоть вороный суп!». Подпись также напоминает народные присказки; такие выражения, как «свистел у нас зуб», «ни тут-то», «похлебаем» преднамеренно взяты из народной речи и ясно говорят о том, на какого зрителя рассчитана эта карикатура. После победы под Красным М.И. Кутузову был присвоен титул князя Смоленского. В это время И.А. Крылов в «Сыне Отечества» напечатал басню «Ворона и курица», представляющую собой сатиру против мелкодушных «ворон». Под «воронами» имеются в виду те люди, которые из-за личного благополучия остались в Москве, занятой Наполеоном. Басня заканчивается мудрым поучением Крылова: «Так часто человек в расчетах слеп и глуп, // За счастьем, кажется, ты по пятам несешься: // А как на деле с ним сочтешься — // Попался, как ворона в суп!»¹⁸.

По-видимому, сюжет о стрелянных французами воронах был известен многим. Подтверждением этому служит рисунок «Француз, стреляющий ворон» (1813 г.), выполненный воспитанником Царскосельского лицея Ф.Ф. Матюшкиным. Но главным объектом многочисленных карикатур Отечественной войны стал, конечно, Наполеон. Именно в этом образе сосредоточилось все насилие войны и порабощения. Но ни от кого из русских художников так не доставалось Наполеону, как от И.И. Терebeneва. В карикатурах он высмеял и безумные планы полководца, и его коварство, и стремление к мировому господству.

Каждый рисунок И.И. Терebeneва содержит ясную политическую идею и посвящен достоверному историческому событию. Все карикатуры тесно связаны с конкретными фактами народной жизни и военными действиями. Карикатуры распространялись не только в России, они были известны и в Англии, и в Германии. Английский художник-карикатурист Крукшенн в мае 1813 г. скопировал некоторые рисунки Терebeneва, выполнил с них гравюры, несколько изменив отдельные детали (например, гравюра Крукшенна «Русская пляска»). О популярности карикатур Терebeneва свидетельствуют воспоминания врача французской гвардии де ла Флиза, взятого в плен после боя под Красным. Однажды он попал в имение к помещику Покорскому, который показал пленному врачу серию карикатур на Наполеона. Де ла Флиз писал: «Он повел меня в комнату и с холодной усмешкою представил мне целый ряд раскрашенных карикатур, развешанных на стенах. Это была картина всех бедствий московского отступления и до того верная в самом преувеличении, что она представляла уже не вымысел, а горькую действительность. И эти сцены, вместо жалости, возбуждали дикий хохот в русском помещике... Хозяин дома был в восторге, что сумел показать мне свою коллекцию»¹⁹. Очевидно, что на француза карикатуры произвели сильное впечатление.

Помимо журнала «Сын Отечества», работы И.И. Терebeneва публиковались в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Из этой же газеты известно, что карикатуры продавались в лавках И. Заикина, Я. Сленина, И. Глазунова. Это были отдельные листы или целые альбомы. В июне 1813 г. в лавке И. Глазунова продавалась «коллекция карикатур, состоящая из 25 картин разного содержания, гравированных Терebeneвым и другими художниками, и раскрашенных. Цена за всю коллекцию 37 руб. 50 коп., а каждая карикатура порознь 1 руб. 50 коп.»²⁰. Разошлись рисунки Терebeneва очень быстро. В середине XIX в. их можно было встретить только у коллекцио-

неров. В это время Н.А. Рамазанов в статье о скульпторе А.И. Терebeneве (сыне И.И. Терebeneва) сообщил, что карикатуры эти составляют большую редкость²¹.

«Летучие листки» И.И. Терebeneва использовались при росписи так называемого «патриотического фарфора», часть которого была представлена на выставке «Золотой век русского фарфора и стекла. 1790—1830-е годы» в Государственном историческом музее (30 мая—8 октября 2012 г.). На этой выставке среди чашек с памятными надписями о победах русской армии можно было увидеть изделия с карикатурами на армию Наполеона — росписи выполнены по гравюрам И.И. Терebeneва и А.Г. Венецианова на Заводе Гарднера.

Всего за 1812—1814 гг. в России было напечатано в разных издательствах свыше 200 карикатур. Это работы разных художников, но все они посвящены русскому народу. В этом отличие русской карикатуры от европейской. Английские и немецкие художники ставили перед собой цель высмеять врага, личные и военные качества Наполеона. От неустанной работы карикатуристов в дни неудач французской армии Наполеон был осмеян и унижен даже в глазах тех, кто раньше перед ним преклонялся. Русские писатели и художники исполняли иную задачу — сплотить все слои русского общества перед лицом вражеской армии.

Художественные произведения, посвященные теме Отечественной войны 1812 года, весьма различны по своему характеру, но их историческое значение бесспорно: они учат нас восхищаться славным прошлым России и любить свое Отечество.

Примечания

¹ Сын Отечества. 1813. № 10. С. 244.

² Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 914.

³ Сын Отечества. 1813. № 10. С. 245.

⁴ Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 5. М., 1960. С. 141.

⁵ Русская старина. 1901. Кн. 1. С. 245.

⁶ Сочинения И.П. Пнина. М., 1934. С. 268.

⁷ Каганович А. И.И. Терebeneв. М., 1956.

⁸ Народная песня «Совет русского французам» // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М., 1987. С. 366.

⁹ Русская эпиграмма. М., 1990. С. 85.

¹⁰ Имеется в виду Наполеон, имя которого крестьянину было трудно выговорить.

¹¹ Русская эпиграмма... С. 6.

¹² Востоков А.Х. Лирические и другие мелкие сочинения в стихах. СПб., 1805—1806. С. 17.

¹³ Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 5. С. 147.

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 8 января 1813. № 8. С. 79.

¹⁵ Крылов И.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1956. С. 67.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Сын Отечества. 1812. № 5. С. 184.

¹⁸ Крылов И.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. С. 39.

¹⁹ Записки доктора де ла Флиза // Русская старина. 1892. Т. 73. № 3. С. 595—596.

²⁰ Каганович А. Указ. соч. С. 140.

²¹ Современная летопись. 1856. № 15. С. 14.

С.Р. Долгова

Памятник императору Александру I в честь победы над французами в 1812 г. Невоплощенный проект Казакова

В 1878 г. директор Московского государственного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) барон Ф.А. Бюлер опубликовал брошюру, содержащую несколько архивных документов, один из которых был связан с Отечественной войной 1812 года. Это неосуществленный проект памятника императору Александру I в Москве, составленный архитектором Матвеем Казаковым. Ныне этот документ хранится в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Проект был описан еще в нескольких дореволюционных изданиях, но в трудах современных ученых упоминание о нем отсутствует. Прежде всего, это связано с загадкой даты поднесения проекта главнокомандующему в Москве генералу от инфантерии графу Ф.В. Ростопчину — 1813 г.; известно, что 26 октября 1812 г. М.Ф. Казаков скончался.

После победы «столичному городу Москве» была дана Высочайшая грамота в ознаменование заслуг по спасению Отечества в 1812 г. В ней отмечалось, что Москва «показала пример мужества и величия»¹.

Роль Москвы в событиях Отечественной войны невозможно переоценить. С самого ее начала древняя столица явилась признанным центром сопротивления нашествию наполеоновских войск. 14 ноября 1812 г. на имя графа Ф.В. Ростопчина последовал Высочайший рескрипт: «Хотя изгнанный из Москвы неприятель краткое время был в ней и хотя не преодолением противопоставленной ему обороны вошел в нее, и не силою осадных орудий, но действиями неприличных и срамных для воина зажиганий, грабительств и подрываний нанес ей тяжкий вред: однако же, он не перестанет тем тщеславиться и величаться. Для уничтожения и помрачения сего самохвальства его повелели мы генерал-фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую у него в разных сражениях артиллерию препровождать в Москву, где на память многократных побед и совершенного истребления всех дерзнувших вступить в Россию неприятельских сил имеет из сих отнятых у них орудий воздвигнут быть увенчанный лаврами столп. Да свидетельствует сей памятник не постыдные и хищные дела презренных зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храброго народа и войск, умеющих на полях брани карать врагов и наказывать злодеев. Вследствие сего имеете Вы сделать надлежащее распоряжение о приеме и хранении сей артиллерии, по мере доставления которой доводите оное до нашего сведения»². С 1 января 1813 г. в Москву из разных мест начали прибывать орудия; вскоре вдоль стен кремлевского Арсенала было установлено 875 орудий, потерянных Наполеоном в пределах России.

Военный историк В.А. Петров сообщает, что Ростопчин послал императору Александру I три проекта памятника из отбитых у неприятеля орудий, предполагая установить его у Тверских ворот. Он же пишет о том, что в бумагах Щукина имеется эскиз столпа неизвестного автора с кратким пояснением проекта (на немецком язы-

---

ке), где сказано, что этот проект был послан в Петербург; автор предполагал воздвигнуть этот памятник в Кремле.

В упомянутом документе, хранящемся в РГАДА, проект памятника был посвящен императору Александру I, о роли которого в деле освобождения России его современник историограф А.Ф. Малиновский сказал так: «Император Александр I мужеством своим возбудил угнетенную Европу от дремоты, ободрил изнемогающие силы народов ее, из врагов претворил их в сподвижников своих и низложил страшилище света... Победы российского монарха увенчались всеобщим миром, а Священным 14 сентября 1815 года союзом он водрузил на земном шаре спасительное знамя христианской любви к человечеству. Да начертается неизгладимый его подвиг на стенах Кремля, им обновленных, и камни да поведают позднему потомству, что Москва в 1812 году отдала себя на жертву для восстановления всемирной независимости»³.

Одной из важных причин русской победы следует признать твердую решимость Александра I не заключать мира с Наполеоном, пока его армия не покинет пределов Российской империи. В условиях абсолютной монархии, когда принятие важнейших военно-политических решений зависело от воли монарха, эта решимость значила многое. Царь не потерял твердости духа даже после захвата противником Москвы и вселил эту решимость в своих подданных.

Вопрос об авторстве проекта памятника Александру I чрезвычайно важен и его еще предстоит решить. Есть несколько свидетельств о тяжелой болезни архитектора М.Ф. Казакова накануне Отечественной войны. Его сын в статье о «О Матвее Федоровиче Казакове» в 1816 г. писал: «В 1812 году пред самым вступлением неприятеля в Москву известный российский архитектор, действительный статский советник и кавалер Матвей Федорович Казаков, избегая злобы врага, принужден был удалиться из Москвы в Рязань. Удрученный старостью и общепользными трудами, он до сего времени около шести лет по болезням своим не оставлял постели»⁴. О болезни архитектора пишет в своих воспоминаниях сын ученика М.Ф. Казакова В.А. Бакарев: «В 1810 году в феврале месяце отец мой удостоился получить орден Святого Владимира 4-й степени. Помню, что Казаков был первоначально его руководителем, а может быть, и благодетелем, и потому отец мой почел своим долгом съездить к старику и поблагодарить его за все прежнее, чрез что самое удостоился такой важной по тому понятию наградою. “Вхожу в спальню, — говаривал мой отец, — старец лежит в постели больной, дряхлый. Сначала он едва узнал меня, потом спросил: “Что ты?” “Я пришел благодарить Вас за Ваши ко мне милости, наставления, без которых, очень может быть, не удостоился бы столь великой для меня монаршей милости”. Старик приподнялся, подозвал меня к себе, обнял и заплакал. “Спасибо тебе, что ты меня вспомнил, видишь, я почти умираю, но как приятна награда твоя, а более — твоя благодарность”»⁵.

Памятник Александру I предполагалось поставить в Кремле около здания Сената. Он должен был представлять собой художественную колонну, покрытую аллегорическими фигурами, рисующими стихийное нашествие наполеоновской армии на Россию и быструю ее гибель. По проекту вся колонна и фигуры должны были быть отлиты из бронзы артиллерийских орудий.

Проекты, представленные графом Ростопчиным, не получили одобрения Александра I; в честь освобождения России был воздвигнут в Москве храм Христа Спасителя; на проекте храма архитектора Витберга имеются указания на памятники из орудий.

Приложение

Проект памятника императору Александру I в Москве, составленный архитектором М. Ф. Казаковым⁶.

Его сиятельству графу Федору Васильевичу Ростопчину всепокорнейшее приношение от архитектора коллежского асессора Матвея Казакова.

Москва. 1813.

Описание монумента, сочиненного во славу Александра I и победоносного воинства.

На вершине утесистой горы с глубокими рытвинами, из коих стремятся потоки, упadaющие с шумом вниз и теряющиеся в безднах, возвышается колонна мужественного архитектурного ордена. Пук прутьев, связанный лаврами и знаменующий непоколебимое согласие народа русского, составляет стержень сей колонны. Двуглавый орел, представляющий силу, храбрость и отважность — истинные свойства россиян — сидя на земном глобусе, оканчивает верх монумента.

Слава ¹, спустившись с высот до середины монумента, звучит в трубу и зовет народы соединиться к прославлению добродетелей и к благодарению венценосца России.

Время ², сохраняющее деяния, коими благотворители человеческого рода восходят наверх славы, а злодеи наказываются вечным позором и проклятием современников и потомства — время, приняв медальон с барельефным бюстом государя императора из рук хранившей его добродетели, спешит вознести и укрепить его на монументе, ударяя молотом по крюку, на котором надето кольцо медальона. Время, так образованное, получит черты мудрого полководца, избранного монархом⁸.

Часы, века и прочие Гении времени, одни привязывают цепью низ медальона ³, другие ломают косу, образующую конец всех вещей⁹, показывая тем, что они не хотят употребить ее к разрушению сего монумента, а берут ее навсегда под свое охранение. Гений с венцом бессмертия помещен сверх медальона, держа в другой руке лавр, знак побед, коими венец сей приобретается ⁴.

Барельефный бюст императора ⁵, из драгоценнейшего металла на порфирном фоне, окружен четырьмя различными ветвями. Две верхние — дубовая и пальмовая — означают твердость и победы, две нижние — лавровая и оливковая — торжество и мир.

Примечания

¹ ПСЗ-I. Т. 33. С. 1001—1002.

² *Петров В. А.* Орудия, отбитые у неприятеля в Отечественную войну 1812 года. М., 1911. С. 13.

³ *Малиновский А. Ф.* Обзорение Москвы / Сост. С. Р. Долгова. М., 1992. С. 17.

⁴ Русский вестник. 1818. № 9. С. 5—6.

⁵ Где найдешь Москву другую. М., 2012. С. 49.

⁶ РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД. Д. 652. Л. 1—3 об.

⁷ Примечание автора рукописи: «Сими цифрами означены на рисунке изображения описываемых здесь предметов».

⁸ Примечание автора рукописи: «Сему славному сюжету можно дать и другое еще значение, клонящееся к нерушимости славы монарха, ибо время, разрушившее наитвердейшие монументы Греции и древнего Рима, здесь занимается напротив».

⁹ Примечание автора рукописи: «Сии последние Гении находиться должны на противной стороне колонны, почему на сем чертеже и не означены».

Два Наполеона, две войны с Россией:
тема реванша в общественно-политическом дискурсе
Второй империи в период Восточной войны 1853—1856 гг.

Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. и связанные с ней русско-французские отношения имеют богатую историографию, однако рассматриваемая проблема не получила специального освещения, вероятно, из-за кажущейся очевидности ее решения. Для многих исследователей Второй империи (1852—1870 гг.) связь двух Наполеонов — великого дяди и племянника — представляется неразрывной, а победа в Крыму оценивается как реванш за поражение под Москвой. Например, на одном из французских тематических сайтов читаем: «Память о 1812 годе, столь дорогая русскому царю, должна была отзываться болью в племяннике великого Наполеона. Он надеялся поквитаться с братом Александра I»¹. Экспозиция парижского Музея армии, посвященная войнам 1812—1814 гг. и 1853—1856 гг. построена на сопоставлении сражений двух Наполеонов и буквально трактует Крымскую кампанию как реванш за поражение Великой армии².

Историография также рисует упрощенную и предсказуемую картину. Начало отечественной традиции положили М.И. Богданович, Н.Ф. Дубровин и А.М. Зайончковский в конце XIX — начале XX в.³ Военные историки сконцентрировались на боевых действиях, используя при упоминании об идеологической подготовке к войне знакомые штампы. «Людовик-Наполеон не переставал питать ненависти к России, усилия которой имели столь важное влияние на падение его дяди», — находим у Богдановича⁴. Для Е.В. Тарле, автора классического и непревзойденного труда «Крымская война», мстительные помыслы французов являются само собой разумеющимися: «Наполеон III всячески разжигал шовинистические чувства во Франции, проводя мысль, что необходимо получить от России реванш за 1812 год»⁵. Его тезис некритически воспроизводится современными авторами⁶.

Французская историография Восточной войны складывалась в эпоху «сердечного согласия» между Петербургом и Парижем (последняя четверть XIX в.), поэтому мотивы мести или реванша затушевывались либо приписывались волюнтаризму Наполеона III, страдавшего комплексом неполноценности в тени великого дяди. Со второй половины XX в. началась реабилитация Второй империи и ее создателя. Историки преувеличивали роль личности Луи-Наполеона во внешней политике, отражавшей, в новой трактовке, вовсе не реваншистские, национально-эгоистические стремления, а сенсимонистские взгляды прогрессивного императора. В новейшей историографии такой подход превратился в догму. Например, А. Гутман в книге «Крымская война» утверждает, что Наполеон не хотел воевать в Крыму и только параллели между 1854 г. и 1812 г., публично проведенные Николаем I, спровоцировали его на действия. Тогда-то он и захотел вернуть нации военную славу, «разбитую в 1812 году», французы же сражались пылко, но без ненависти к русским⁷. Таким образом, до сих пор идеологическое оформление Восточной войны остается одной из

наименее изученных тем зарубежной историографии, что ведет к вольным интерпретациям. Так, например, согласно энциклопедическому Интернет-ресурсу, «в Крымской войне Наполеон III защищал французское покровительство святых мест и присоединился к Англии, чтобы мстить русским за поражение Наполеона I»⁸.

Только поверхностный взгляд на ситуацию позволяет проводить аналогии между 1812 г. и 1853—1856 гг. — те же противники, те же династии. Но тогда Франция должна строить реваншистские планы против всех стран антинаполеоновской коалиции, в первую очередь, против Англии. На деле две страны являлись стратегическими партнерами, официальный Париж объявил, что забыл «ненависть 1815 года». Интересно выяснить, включала ли идеологическая подготовка к Восточной войне с Россией «ненависть 1812 года», как и в каких контекстах она выражалась.

С точки зрения этнической психологии формирование собственной идентичности на основе фрустрирующих коллективных воспоминаний, в нашем случае, на воспоминаниях о разгроме Великой армии русскими, деструктивно, травматично⁹. На основе изучения французских печатных и иконографических материалов 1853—1856 гг. можно сделать вывод о локальном использовании в милитаристском дискурсе реваншистской риторики, ее латентном характере и специфической функции.

Прямые аналогии между двумя Наполеонами и двумя войнами с Россией не имели объективного основания и не поощрялись властями. Социальная опора режима, экономическое положение, внешнеполитическая доктрина Второй империи кардинально отличались от Первой. Наполеон III поддерживал культ своего дяди, исходя из внутриполитической конъюнктуры и личной выгоды. В образе легендарного императора его интересовали способы легитимации власти (государственный переворот, борьба с оппозицией, установление империи), военная слава генерала Бонапарта не соблазняла капитана швейцарской артиллерии Луи-Наполеона. «Империя — это мир!» — провозгласил он, взойдя на престол.

Внешнеполитические взгляды нового императора можно назвать глобалистскими: он открыто демонстрировал приверженность европейским коалициям, миру без границ, прогрессу цивилизации, на практике расширил колониальные захваты до Юго-Восточной Азии, добился на десятилетие гегемонии Франции в континентальной Европе.

С его подачи лейтмотивами антирусской пропаганды в период Крымской войны стали противостояние цивилизации (Европы) и варварства (России), а также великая альтруистическая миссия Франции по защите интересов Турции, Балкан и западных ценностей, по укрощению северного колосса. Действия войск европейской коалиции описывались в агитационных материалах в терминах крестового похода¹⁰. Однако, несмотря на официальную риторику, в сознании обывателей, особенно в провинции, еще сильнее в сельской глубинке, Крымская война означала окончание темной полосы, тянувшейся с 1815 г., и сведение счетов с царской Россией. Исследование Р. Марлена раскрывает интенсивность и устойчивость этих представлений в провинциальном общественном мнении¹¹.

С рождения Второй империи и проправительственная, и оппозиционная пресса демонстрировала растущую русофобию (чему активно способствовала русская революционная эмиграция (А. Герцен, И. Головин и др.)), а из-за цензурных запретов на внутриполитические сюжеты русская тема стала для нее одной из приоритетных. «Пойдемте же, друзья, разгромим, повергнем этот колосс, развеем его прах по вет-

---

ру!» — так откликнулась самая левая из парижских газет («Век») на начало Крымской войны.

В 1854 г., накануне вступления страны в войну, в Париже вышла пропагандистская брошюра Шарля де Труамона «Франция и Россия. Наполеон III и царь» с эпиграфом «Франция станет бонапартистской или казачьей». Автор обращался к соотечественникам: «Станут ли казаки хозяевами Европы? Такой вопрос позволяет людям 1815 года рассчитывать только на вторжение». Он подчеркивал, что в отношении русских «Наполеон III — наследник Наполеона I, они как альфа и омега». Резюме брошюры: «Мы станем бонапартистами, но не казаками, мы станем французами!». Таким образом, в общественно-политической дискуссии началась реанимация памяти о кампании 1812 года.

Толчком к активным и откровенным высказываниям на тему сопоставления 1812 г. и 1854 г. стала резонансная публикация письма Николая I к Наполеону III со словами: «Я верю в Бога и в мое право, и я ручаюсь, что Россия в 1854 году та же, какой была в 1812». Парижская пресса взорвалась негодованием и громко заговорила о возмездии.

В пропагандистской и крайне русофобской книге Н.-Ж. Бойяра «Россия и Оттоманская империя такие, какие они есть и какими они должны быть» в главе «Россия хочет войны» поднимается тема реванша, но при этом она приписывается русским. Автора возмущает заявление российского императора: «Таким языком негоже разговаривать с Европой!». Читая текст, кажется, что глядишься в кривое зеркало: «Поднимая на щит воспоминания о 1812 годе, трижды несчастливом для России, когда она своими руками сожгла столицу, чтобы она не досталась французам, когда ужасное отступление было вызвано скорее стечением обстоятельств, чем сражениями, не оставило русским ничего иного, кроме гибели от мороза, бросая раненых на произвол судьбы в телегах без возниц и лошадей, — забывать все это — значит спорить с Историей. Нужно быть мало информированным и несведущим, чтобы сравнивать великий поход 1812 года, закончившийся сожжением Москвы, с вторжением в мирное время в две дружественные провинции (Молдавию и Валахию. — *О.К.*), с мелкими стычками на берегах Дуная — безрезультатными, бесславными, где побежденный является и победителем». «Пора царю признать, — поучает автор, — что тридцатиградусные морозы погубили французскую армию, выступив в роли божественного провидения. Ему следует помнить, как русские города были во власти французов, как русские армии были разбиты ими под Смоленском и Москвой»¹². Бойяр решительно отказывает русским в праве сравнивать святой 1812 год с варварским и постыдным нападением на турецкого султана. Его слова перекликаются с сюжетами популярного французского карикатуриста Шама, обычно искавшего сюжеты в разговорах посетителей парижских кафе.

Ура-патриотический дискурс диктовал французам переосмысление фрустрирующих воспоминаний о поражении Великой армии. В прокламации о войне от 12 июля 1854 г. Наполеон обращался к войскам: «Глядя на вас, я надеюсь, что вскоре смогу сказать: “Это были достойные сыновья покорителей Москвы”. Идите, и пусть Бог поможет вам!». Правда, журналистам было привычнее именовать французских солдат «детьми Аустерлица и Эйлау», чем «Бородино и Березины». Однако русский контекст войны подтолкнул их к перестановке акцентов, изменению, порой вопреки здравому смыслу, риторики. Например, намерение англичан высадиться на балтий-

ском побережье России парижские газеты назвали «демаршем с целью отомстить за катастрофу 1812 года», забывая, что Англия в начале века вступила в альянс с Россией против Франции. Публицисты и ученые сопоставляли 1812 г. и 1854 г., «открывая» новые факты русской кампании великого Наполеона, смягчавшие горечь его поражения¹³. Показательный образец реваншистской риторики периода Восточной войны предлагает проправительственная газета «Конституционалист». Она так прокомментировала взятие Севастополя: «1854 год героически отомстил за 1812-й. Он дал Наполеону возможность взять в России блестящий реванш за *славную катастрофу, предопределившую великое падение* Наполеона I (курсив мой. — О.К.)»¹⁴. Реваншистские идеи легко распространялись во французском обществе. На бульварах звучала заводная песенка «Французский солдат»: «Спешите вперед и не сходите с дороги, // Добейтесь своей цели. // ... // Разгромите Россию, // Помните о Наполеоне»¹⁵.

Тема войны 1812 года в милитаристском дискурсе Крымской кампании имела несколько измерений. Кроме очевидной патриотической и реваншистской функций, она служила мерилем способностей и реальных действий участников сражений 1854—1855 гг. Больше всего критики досталось принцу Наполеону, который был внешне похож на знаменитого родственника, но не имел его военных талантов.

По легенде, в сражении на реке Альма принц слез с коня, чтобы размять ноги, но все решили, что он испугался русских пуль. Так родилась карикатура «Заяц (Осторожность, Трусливость)», ставшая необыкновенно популярной в войсках. На рисунке заяц с лицом принца убегает от шпаги с легкоузнаваемым силуэтом треуголки великого Наполеона.

Некоторые реваншистские мотивы пропаганды времен Крымской войны выполняли своеобразную терапевтическую функцию для национального самосознания французов. Ярким символом войны с Россией в 1812—1813 гг. стал «казак» («козак» — *cozaque*), навсегда без перевода вошедший во французский лексикон в образе дикого, зверообразного злодея. В период Восточной войны он стал жупелом антирусской пропаганды.

В одной из парижских газет вышла статья под названием «Император Николай, великий северный “козак”», в текстах других публикаций встречается выражение «орды козаков», понятие «русские» авторы заменяли на «казаки», когда хотели подчеркнуть их отрицательные черты. Успешная Крымская кампания позволила французам побороть и победить давний страх перед русскими, повысить самооценку. Анахроничный иконографический образ «казака» был очень востребованным в 1854—1855 гг. Мэтры сатирической графики О. Домье и Шам создали сотни карикатур, издав их отдельными сборниками «Месье казаки»¹⁶.

В пропагандистских материалах (лубочных картинках, агитационных плакатах, карикатурах, даже цирковых представлениях) французы 1854 г. воевали с усатыми казаками атамана Платова. О том, что это был нарочитый прием, рассчитанный на реваншистские настроения соотечественников, говорит тот факт, что впервые в истории журналистики в Крыму работали фотографы и собкоры изданий, которые документировали хронику войны. В иконографических материалах, предназначенных союзникам по антирусской коалиции, русские солдаты изображались реалистично. Для родной французской публики литературно-публицистические и визуальные образы окарикатуривались, сводились к знакомым и любимым клише. В парижских театрах времен Крымской войны невозможно было найти актеров

на роли казаков, так как во время спектаклей публика врывалась на сцену их избивать. Так французы в игровой, символической форме мстили русским за свои страхи 1812—1814 гг.

Учреждение императором вскоре после заключения Парижского мира медали Святой Елены для ветеранов наполеоновских войн (400 тыс. человек) официально закрепило преимущество двух антирусских кампаний в сознании французского, особенно сельского, обывателя. К ежегодному чествованию ветеранов писались популярные песни, в которых войны Второй империи преподносились как справедливые, направленные на мир и освобождение народов.

Своеобразным источником по рассматриваемой теме может служить поэтический конкурс Французской Академии «Восточная война» (1857 г.). Участие графоманов со всей страны дает репрезентативный срез общественных настроений и представлений для оценки степени воздействия официальной пропаганды и наличия массовых стереотипов. Судьба конкурса была не простой. Французская Академия времен Второй империи считалась гнездом либеральной оппозиции режиму, поэтому ура-патриотические, а вовсе не классические или гуманистические работы конкурсантов не понравились академикам. В итоге из 150 участников они не выбрали победителя, конкурс был продлен. Узвленные авторы опубликовали свои сочинения самостоятельно. Их лейтмотивом стала борьба цивилизации и варварства, а язык оказался переполнен грубыми речевыми штампами (Нессельроде — Ирод, Николай I — людоед и пр.).

Секретарь Академии Ипполит де Шарлемань, также участвовавший в конкурсе, публично возмутился нерешительностью академиков и изложил свой набор поэтических образов, очевидно перекликающихся с войной 1812 года: «справедливость войны; преграда, положенная агрессивным амбициям России; достоинства французских солдат; смелость совместных действий коалиции; слава родины, поднимающей голову; победители 1812 года, пришедшие просить мира в ту столицу, двери которой им открыло лишь предательство; наконец, дух братского милосердия европейских народов». «Я уверен, — настаивал конкурсант, — что писал под впечатлением от *общественного чувства, я выразил мысли всей Франции* (курсив мой. — О.К.)».

Поэма лауреата конкурса Академии Анри де Борнье изобилует реваншистскими образами. Он рисует появление Наполеона I, разбуженного «громом пушек московитов», на полях крымских сражений: «Солдаты, Севастополь — лишь первый шаг. // Мы пойдем дальше, и я знаю куда; // Мне известна дорога на Москву»¹⁷. Мотив возмездия за поражение 1812 г. в стихотворении тесно переплетался с современными автору идеями умиротворения и вестернизации варварской России.

Таким образом, можно говорить о наличии во французской пропаганде периода Крымской войны реваншистских идей, настроений и образов, подкрепленных массовой русофобией, но их архив и тезаурус были не столь очевидными и востребованными, как считается в отечественной и зарубежной историографии.

Примечания

¹ <http://www.secondempire.voila.net/pagesempire/crimee.html>.

² Rocher Y.-M. La campagne de Russie dans les collections du musée de l'Armée. // <http://www.rha.revues.org/index7455.html>.

-
- ³ *Богданович М.И.* Восточная война 1853—1856 гг. Т. 1—4. СПб., 1877; *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1—3. СПб., 1900; *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1—2. СПб., 1908—1913.
- ⁴ <http://www.adjudant.ru/crimea/bogdan01.htm>.
- ⁵ *Тарле Е.В.* Крымская война. М., 2005. С. 119.
- ⁶ <http://www.wikipedia.org/wiki> (Крымская война)
- ⁷ *Goutman A.* La Guerre de Crimée. Paris, 2006.
- ⁸ http://www.encyclopedia.com/topic/Napoleon_III.aspx.
- ⁹ Механизм травмирующей ретроспекции хорошо изучен немецкими историками и философами. См., например: *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания. М., 2005.
- ¹⁰ *Chappuis J.-P.* Croisade en Crimée: la guerre qui arrêta les Russes: 1854—1855. Paris, 1978.
- ¹¹ *Marlin R.* L'opinion franc-comptoise devant la Guerre de Crimée. F.-C., 1957.
- ¹² *Boyard N.-J.* La Russie et l'Empire ottoman tels qu'ils sont et tels qu'ils devraient être. Paris, 1854. P. 32, 34—35.
- ¹³ См., например: *La Tour, de G.* Puissance de la Russie en 1812 et en 1854 // l'Univers. 20 juin 1854; *Anne T.* Nouvelle relation du passage de la Beresina en 1812 // l'Union. 15 mai 1855.
- ¹⁴ Цит. по: *Joly V.* Mensonges et réalités de la guerre d'Orient. Bruxelles, 1855. P. 130.
- ¹⁵ La critique européenne ou chansons nouvelles sur la Guerre d'Orient. Paris, 1854. P. 11.
- ¹⁶ Messieurs les Cosaques, relation charivarique, comique et surtout véridique des hauts faits des Russes en Orient. Paris, 1854—1855.
- ¹⁷ La guerre d'Orient: poème, par Henri de Bornier. Paris, 1858.

А.В. Голубев

«Россия — союзник Британии»:
пересечение карикатур 1812 г. и 1942 г.*

В августе 1942 г. в Англии вышел альбом карикатур английских и русских/советских авторов, посвященный одновременно сюжетам из времен Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны¹, с предисловием советского полпреда в Лондоне И.М. Майского. Инициатором издания и составителем альбома был британский искусствовед и историк искусства левого толка Ф.Д. Клингендер. Появление альбома прежде всего было связано с 130-летием войны 1812 года, годовщиной хотя и не круглой, но достаточно почтенной. Кстати, если говорить о периоде Великой Отечественной войны, то именно на 1942 год приходится пик интереса и советской пропаганды, и советского общества в целом к теме Отечественной войны 1812 года. Конечно, определенную роль сыграл юбилей, но важнее было то, что 1942 год оказался одновременно и самым тяжелым, и переломным. Летом и осенью этого года многим казалось, что война, несмотря на победу под Москвой, все же будет проиграна. Миллионы советских людей на фронте и в тылу лихорадочно ожидали открытия «второго фронта», и впадали в отчаяние, в очередной раз убеждаясь, что союзники не торопятся с высадкой войск во Франции, и с замиранием сердца следили за ходом Сталинградской битвы. В этой напряженной атмосфере воспоминания о первой Отечественной войне, да еще возведенные в высшую художественную форму гением Л.Н. Толстого или М.Ю. Лермонтова, служили своеобразным утешением, оставляли надежду на перелом в войне. После Сталинградской битвы это напряжение заметно спало, и подвиги героев 1812 года и в пропаганде, и в общественном сознании в определенной степени были отодвинуты на задний план подвигами современников, героев Сталинградской или Курской битвы².

Для Британии 1942 год был также достаточно сложным, и это в свою очередь ставляло вспомнить о наполеоновской эпопее, которая играла столь важную роль в историческом сознании Англии. Конечно, в центре внимания английской общественности была многолетняя, зачастую в отсутствие союзников, борьба Англии с Бонапартом; 1812 год выступал тут хотя и значимым, но все же эпизодом.

Отношения между Россией/СССР и Британией всегда оставались весьма сложными. Можно говорить о длительной истории англо-русского соперничества, прерываемого сотрудничеством для борьбы с общим противником. Ощутимая разница в менталитете, национальном характере, государственном и общественном устройстве, сложность взаимоотношений, острое, конфликтное соперничество в международных

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект «Модернизация и эволюция инокультурных представлений российского/советского общества в контексте модернизации (конец XIX — первая половина XX в.)».

делах, особенно с середины XIX в., — все это реально способствовало взаимному недоверию, распространению негативных этно- и внешнеполитических стереотипов. Причиной возникновения подобных представлений было продолжавшееся в течение нескольких веков соперничество двух империй на огромной территории от Средиземного моря до Тихого океана, где сферами столкновения интересов были Средний Восток, Центральная Азия, Индия, Китай³.

Крымская война породила первое масштабное проявление англофобии, повлиявшее на укоренение антибританских стереотипов в российском обществе⁴. Как показал Е.Ю. Сергеев, после Крымской войны, а особенно на рубеже XIX—XX вв., отрицательные черты образа Великобритании становились резче, заметнее, а положительные моменты уходили как бы на второй план⁵. Обострение русско-английского соперничества на Дальнем Востоке, поддержка Англией Японии в ее войне с Россией дали новый импульс англофобии.

В течение второй половины XIX — первой половины XX в. представление о том, что именно Великобритания является основным соперником России/СССР на международной арене было широко распространено как в правительственных кругах, так и в общественном мнении (или, говоря о советском периоде, скорее в общественном сознании⁶). При этом в исторической реальности в годы самых крупных коалиционных войн, в которых участвовала Россия (в частности, наполеоновские войны, в том числе война 1812 года, первая и вторая мировые войны) вследствие различных геополитических и прочих обстоятельств Англия становилась союзником России, что, конечно, влияло на отношение к ней. Однако вскоре прежнее недоверие возвращалось. Эта инерция была преодолена лишь в 1960—1980-х гг., когда Англия потеряла статус мировой державы.

Так, накануне Первой мировой войны происходит значительное улучшение в отношениях между союзниками в рамках сложившейся коалиции. Однако после начала войны, особенно после ряда тяжелых поражений на российско-германском фронте, в российском обществе вновь стали нарастать негативные настроения в отношении союзников, прежде всего Англии, которая, как говаривали в те годы, «готова была воевать до последнего русского солдата»⁷. После Октябрьской революции англичане, в гражданской войне активно поддерживавшие антибольшевистские силы, для победителей (и для значительной части населения) оказались врагами, организаторами интервенции и многочисленных заговоров («дело Локкарта», «дело Рейли», и т.д., и т.п.) и это, разумеется, отразилось в массовом сознании. Для другой же части населения они по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, так, вероятно, и в будущем. На протяжении всего межвоенного периода, вплоть до июня 1941 г., Англия выступала в качестве одного из наиболее вероятных противников в будущей войне. Конечно, со второй половины 1930-х гг. на эту же роль, прежде всего в пропаганде, не без успеха претендовала и нацистская Германия, но и антианглийские настроения и стереотипы никуда не исчезали.

В начале 1920-х гг. представления о грядущей войне с Англией опирались в основном на воспоминания о недавней интервенции союзников, в частности, на Севере. Не случайно именно там летом 1926 г. прошел слух, что «Вологодская, Архангельская и Олонецкая губернии проданы Соввластью Англии за старые царские долги, что скоро мы все будем под властью англичан»⁸. Кстати, подобные слухи оказались на редкость устойчивыми: они, в частности, были зафиксированы в Архангельске

в июне 1944 г.⁹ Трудящихся города волновал среди прочего такой вопрос: «Правда ли, что благоустраивают города Архангельск и Молотовск (бывший и будущий Северодвинск. — А.Г.) в связи с передачей их в аренду Англии?».

В связи с обострением англо-советских отношений с весны 1927 г. вновь пошли слухи о войне с Англией. Иногда ожидания английской интервенции принимали совершенно гротескные формы; так, накануне Первомайских праздников 1927 г. один из крестьян Псковской губернии предупреждал: «Скоро придут из Китая англичане и всех пережут»¹⁰. В дневнике писателя М.М. Пришвина уже в феврале 1930 г. приводятся слухи о войне с Англией: «Вчера слышал, будто английский посол срочно выехал из Москвы. Сегодня говорят, будто англичане заняли Соловки»¹¹. И в годы советско-финской войны многие были уверены, что Англия собирается объявить или уже объявила нам войну¹². «В настоящее время мы можем рассчитывать на Англию и Америку. Англия имеет договоренность с Турцией и Болгарией и нападение на СССР может произойти прямо на Кавказ», — говорили в феврале 1941 г. на базаре г. Ворошиловска (название г. Ставрополь в 1935—1943 гг.)¹³.

И после начала войны, когда начинает складываться антифашистская коалиция, недоверие к Англии сохраняется, а порой даже усиливается¹⁴. Так, симферополец Х.Г. Лашкевич 23 июня 1941 г. записал в дневнике: «Говорят чаще всего на тему: Германия договаривается с Англией, чтобы покончить войну за наш счет. Заявлению Черчилля о совместных с нами действиях просто не верят: англичане якобы обманывают нас»¹⁵. А московский журналист Н.К. Вержбицкий в октябре 1941 г. задавался вопросом: «А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично, с точки зрения английских империалистов? Весь мир знает, как тонко умеет “англичанка гадить”...»¹⁶.

Но даже и на этом историческом фоне 1942 год был одним из самых сложных. Конечно, сохранялась антифашистская коалиция, были подписаны важные соглашения, продолжались поставки по ленд-лизу, расширялись культурные и общественные связи. Но в центре двусторонних советско-английских отношений оказалась проблема второго фронта, обещанного, но так и не открытого в том году. Не случайно И.В. Сталин в своем докладе 6 ноября 1942 г. заявил, что «главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении»¹⁷. Конечно, о втором фронте Сталин говорил и в 1941 г., но если сравнить эти выступления, становится очевидно — в первом случае второй фронт рассматривался как одна из причин неудач Красной Армии, во втором — как главная и практически единственная причина¹⁸.

Независимо от высказываний Сталина, в массовом сознании тема второго фронта с самого начала войны занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Северной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, т.е. в Европе, в качестве «настоящего второго фронта» советское общество соглашалось признать лишь массивную высадку союзных войск на территории Франции. Своего апогея ожидания второго фронта достигли летом и осенью 1942 г., именно тогда, когда готовился к изданию и печатался данный альбом, в дни оборонительной фазы Сталинградской битвы. Тяжелые поражения советских войск весной и летом 1942 г. заставили многих задуматься о перспекти-

---

вах войны и возможных последствиях открытия или, напротив, задержки с открытием второго фронта. К тому же заключение «Договора о союзе и сотрудничестве» с Англией в мае 1942 г. и появление советско-английского и советско-американского коммюнике, где легко читался намек на возможную высадку союзников в Европе, вызвали многочисленные комментарии и в тылу, и в армии.

Как отмечалось в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта от 30 июля 1942 г., в которой обобщались материалы военной цензуры, «бойцы, командиры и политработники, в своих многочисленных документах¹⁹, выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»²⁰. Другими словами, если верить данной сводке, недоверие к союзникам среди фронтовиков уже нельзя было охарактеризовать как «отдельные настроения»; в тот момент оно преобладало.

В тылу также рассуждали о возможности открытия второго фронта. 7 августа М.М. Пришвин, анализируя возможные перспективы для страны, выделил в своем дневнике только два варианта: «в ожидании 2-го фронта наше полное вымирание. Мир с Германией»²¹. Даже после победного завершения Сталинградской битвы, когда исход войны большинству советского народа представлялся гораздо более благоприятным, чем полгода назад, скептическое отношение к перспективе открытия второго фронта продолжало сохраняться, хотя, возможно, и не было столь преобладающим. Впрочем, после победы под Сталинградом сама необходимость скорейшего открытия второго фронта стала постепенно ставиться под сомнение.

В этой ситуации издание альбома, призванного напомнить о боевом союзе более чем столетней давности, окончившемся победой и для России, и для Великобритании (хотя и в 1812 г. в союзнических отношениях все было далеко не безоблачно), оказалось более чем уместно. Именно об этом постарался напомнить в предисловии к сборнику карикатур советский полпред в Великобритании И.М. Майский. В полном соответствии с канонами советской пропаганды он отталкивался от выступлений И.В. Сталина, но делал это достаточно тонко, причем исключительно от своего имени.

В речи на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октября, 6 ноября 1941 г. Сталин сказал: «Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует как Наполеон и что он во всём походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами»²². Сталинские «котенок и лев» тут же стали героями многочисленных карикатур и начали гулять по страницам советской печати, почти неизменно цитируясь в случаях упоминания имени Наполеона.

Майский, практически повторяя высказывание Сталина, также подчеркнул принципиальную разницу между Гитлером и Наполеоном. Помимо различной исторической ситуации, разных социальных корней, политических программ, целей и задач, главное отличие состояло в том, что Наполеон — со всеми оговорками — представлял собой силы прогресса и боролся с силами реакции, в то время как Гитлер, напротив, представлял самые реакционные силы. Но вместе с тем, и это самое интересное, Майский подчеркнул и важное сходство между ситуацией 1812 г. и 1942 г. Во-первых, и Наполеон, и Гитлер напали на Россию, стремясь достичь мирового господства. За-

---

дача эта невыполнимая, что Наполеон уже усвоил, а Гитлеру усвоить это еще предстояло. Во-вторых, похожей оказалась расстановка сил в Европе — в обоих случаях завоеватели сумели подчинить себе практически всю Европу, но не Россию и Британию. В обоих случаях Россия/СССР и Британия выступали как союзники, сотрудничая при этом в самых разных сферах — политической, военной, экономической, культурной, примером чего явилось в том числе и данное издание. Наконец, в-третьих, Майский особо подчеркнул сходную роль, которую играла Россия в борьбе против общего врага. В то время как на стороне и Наполеона, и Гитлера выступала практически вся континентальная Европа, Россия несла на своих плечах основную тяжесть сухопутной войны, а Англия оказывала ей поддержку силами флота, финансами и поставками (во втором случае, особо оговорился Майский, помимо Англии, СССР помогает другой могущественный союзник, США). При этом автор предисловия высказал уверенность, что, несмотря на то, что война еще продолжается, как и в 1812 г., решающую роль в победе над общим врагом сыграет русская (советская) армия²³.

Конечно, Майский никак не мог обойти и достаточно болезненную тему второго фронта. Впрочем, коснулся он ее весьма дипломатично, можно даже сказать, изящно. В его интерпретации в борьбе против Наполеона «второй фронт» представляла собой Испания, где также воевала и английская армия под командованием Веллингтона. Однако, подчеркивал Майский, «Испания — Испания Франко — в наши дни играет совершенно иную роль, чем во времена Наполеона. Вследствие этого пока второй фронт не открыт, что делает бремя войны для моего народа гораздо более тяжким, чем в 1812 г. Тем не менее, открытие второго фронта приближается, что обещает снять часть бремени с плеч СССР. Чем скорее это произойдет, тем раньше будет сломлена мощь Гитлера и тем меньшей будет цена, которую мы заплатим за освобождение народов от фашистского ига»²⁴. Таким образом, ему удалось одновременно напомнить о проблеме второго фронта, осторожно выразить надежду на его скорейшее открытие, но при этом не задеть чувства британской стороны «нетактичным» напоминанием о невыполненных обещаниях: главным виновником отсутствия второго фронта в интерпретации Майского неожиданно оказалась нейтральная на тот момент франкистская Испания, с которой, кстати, у СССР не было дипломатических отношений (они были прерваны в марте 1939 г. и восстановлены в феврале 1977 г.).

В альбом вошли 15 цветных и 38 черно-белых карикатур английских и русских/советских художников. Большая часть альбома представляла собой карикатуры 1811—1813 гг., вторую часть составили карикатуры 1941—1942 гг. Некоторые из них напрямую связывали события 1812 г. и 1942 г.

Альбом явно создавался в спешке, что подчеркивает скорее его пропагандистскую, чем историко-художественную направленность. Так, в числе карикатур 1813 г. оказались, помимо британских и российских, еще немецкие, испанские и французские, хотя в списке карикатур это не было оговорено. Одна из английских карикатур 1809 г. изображала Россию в числе противников, окруживших Джона Буля, что вряд ли отвечало целям укрепления русско-британского союза. В списке карикатур британский рисунок времен Второй мировой войны попал в число советских; с другой стороны, известный плакат Н. Долгорукова «Так было — так будет» оказался приписан Моору и при этом оказался в перечне среди британских карикатур.

В развернутом предисловии составитель альбома Ф.Д. Клингендер самым лестным образом охарактеризовал как британскую, так и русскую карикатуру эпохи на-

---

полеоновских войн (карикатура XVIII—XIX вв. составляла предмет его специального интереса²⁵). Высоко оценив российскую карикатуру 1812 г. (в частности, произведения И.И. Тербенева), он подчеркнул ее связь как с традициями русского лубка, так и с богатым художественным опытом европейской, прежде всего британской, политической карикатуры.

На каждом этапе развития та или иная национальная карикатура создает свою систему повторяющихся образов. Примеры этому можно найти и в британской карикатуре эпохи наполеоновских войн, и в русской карикатуре 1812 г., и в советской политической карикатуре межвоенного периода²⁶. Так, в британской карикатуре начала XIX в. возник и постоянно воспроизводился образ «Маленького Бони» (Бонапарта), противником которого выступал солидный, осанистый Джон Буль. Бонапарт изображался в виде смешного коротышки, с виду совершенно неопасного и чем-то напоминающего знаменитого Панча. Можно предположить, что таким образом британские карикатуристы компенсировали реально существовавший в Британии страх перед наполеоновской империей и, в частности, перед перспективой высадки Наполеона в Англии. Для сравнения можно отметить, что в русской карикатуре 1812 г., наряду с шаржированным, во многом напоминавшим об английской карикатуре, образом Наполеона, существовали гораздо более нейтральные, подчеркнута академические его изображения.

В эпоху 1812 года в арсенал британской карикатуры добавился ряд образов, связанных с русскими реалиями — русский медведь, крестьянин и казак. Один из первых рисунков на тему русской кампании был опубликован в Англии уже 24 августа 1812 г.: на нем русский медведь и английский бульдог рвут на части обезьяну-Наполеона²⁷. Вообще «звериный стиль», т.е. использование образов животных²⁸, уже тогда был характерен для карикатуры, и в альбоме мы встречаем несколько весьма любопытных его образцов. Наполеон изображен не только в виде обезьяны, но и зайца (неоднократно) или собаки. Нередко встречается в карикатурах и императорский орел, обычно изрядно ошипанный. Но, конечно, русский медведь стоит особняком. К тому времени отождествление России и русских с медведем стало общим местом в европейском дискурсе. Конкретно же в политической карикатуре этот образ, судя по всему, появился раньше всего в Британии. Десятки медведей, как правило с откровенно негативной коннотацией, бродили по европейским (преимущественно английским) сатирическим рисункам конца XVIII — начала XIX в.; всего же за столетие, начиная с 1737 г., когда появился первый подобный рисунок, по 1836 г., их насчитывается более ста²⁹. Причем нередко медведь является единственным зооморфным образом среди образов антропоморфных.

Остроумное объяснение этого предложил английский историк М. Даффи: по его мнению, авторы карикатур просто не представляли себе русских, и легко изображая вполне узнаваемого голландца, пруссака или турка, не говоря уже о французах, терялись перед необходимостью представить неведомого русского так, чтобы его сразу же узнавал читатель. В результате сатирические листы либо отличались «отсутствием какой-либо ясной изобразительной характеристики русских», либо в ряду человеческих фигур, символизовавших разные страны, Россия единственная оказывалась представленной в образе зверя³⁰. Впрочем, можно добавить еще одно объяснение. Возрастание роли России в Европе привело к ужесточению и культурных, и политических ее оценок на Западе. Россия воспринималась не только как отсталое и в це-

---

лом враждебное государство, но и как государство, представляющее непосредственную угрозу Европе (квинтэссенцией подобного восприятия России явилась книга де Кюстина 1839 г.). Негативные оценки России достигли апогея в эпоху Крымской войны; важно понимать, однако, что они доминировали в западном восприятии России в течение всего XIX столетия³¹.

В 1812 г. ситуация оказалась противоположной. Английские карикатуристы по-прежнему не представляли, как изображать русских, тем более в положительном плане. На первых порах выручал все тот же безотказный русский медведь, хотя изображенный с гораздо большей симпатией (впрочем, вскоре был найден простой выход, о чем речь пойдет далее — британские художники стали копировать русские карикатуры). В альбоме Клингендера русский медведь встречается четырежды. Помимо вышеупомянутой карикатуры «Медведь, бульдог и обезьяна», есть рисунок, на котором русские медведи преследуют собаку-Наполеона³². Еще дважды медведь выступает в качестве вспомогательного персонажа.

На нескольких карикатурах появляется еще один образ, в какой-то степени олицетворяющий Россию — Генерал Мороз (или Джек Фрост) в виде тощего обнаженного старика с огромной головой в ледяной короне, из ноздрей которого вырываются лучи обжигающего холода. На одном рисунке он бреет «Маленького Бони», на другом — скачет на медведе, швыряя снежками в убегающего Наполеона. Впрочем, еще на одной карикатуре под названием «Заячья охота Джека Фроста», скопированном с русского оригинала, это имя относится уже к изображению русского ополченца, охотящегося на зайцев-французов³³.

Вообще русские крестьяне, солдаты, казаки на английских карикатурах обычно повторяли персонажи Тербенева и других художников. Впрочем, были и любопытные исключения. Сохранились две британских карикатуры 1814 г., возможно, навеянные визитами казаков в Британию. На рисунке Дж. Крукшенка «Тушение Бонапарта», изображенном на фронтисписе альбома, казак тушит свечу-Бонапарта щипцами для снятия нагара. Несмотря на некоторые экзотические черты (например, фиолетовый плюмаж на папахе), его одежда в целом напоминает подлинный костюм казака. На другом рисунке, «Русское развлечение или корсиканский футбол», изображен уже совершенно фантастический персонаж. Казак в огромной папахе, с бакенбардами и усами, но без бороды, играет Наполеоном, как мячом. Одевание его заслуживает отдельного описания — зеленый мундир с несколькими рядами пуговиц и кружевным воротником, канареечные лосины, ботфорты с отворотами и, в довершение всего, короткий красный плащ с бахромой³⁴. Можно с уверенностью утверждать, что после 1812 г. казак, наряду с медведем, стал одним из общепринятых европейских образов России, причем в зависимости от ситуации либо с позитивной, либо, чаще, с негативной коннотацией³⁵.

Среди оригинальных британских карикатур, посвященных русской кампании, особенно интересна «Польская диета с французским десертом». На ней изображены: Наполеон на вертеле, который вращает медведь; лягушки, прыгающие с раскаленной сковородки прямо в огонь; русский генерал Л.Л. Беннигсен в роли повара. Появление на карикатуре Беннигсена можно объяснить тем, что после сражения при Прейсиш-Эйлау (1807), которое закончилось вничью, он был объявлен «победителем Наполеона» и в этом качестве получил общеевропейскую известность. Особую пикантность карикатуре придает черная повязка на глазу Беннигсена — очевидно, ка-

---

рикатурист что-то слышал об одноглазом русском командующем и «ничтоже сумняшеся» решил, что это и есть известный ему Беннигсен³⁶...

Отдельный любопытный сюжет — это российская карикатура 1812 г. в Британии. Еще до окончания войны с Наполеоном какое-то количество русских карикатур попало в руки британских художников. Некоторые из них даже послужили основой для изображений на знаменитом фарфоре марки «Веджвуд». Причина этого ясна: британцы не знали русских реалий, что ярко отразилось в их оригинальных карикатурах, и таким образом пытались добиться необходимой достоверности.

Вскоре многие русские рисунки были скопированы практически без изменений (лишь при внимательном сравнении можно заметить совершенно несущественные отличия), только к сохраненным на них надписям добавились английские переводы. Например, рисунок А.Г. Венецианова «Кириловец», скопированный Дж. Крукшенком, был опубликован в 1813 г. под названием «Specimen of Russian chopping blocks» («Образец русской колоды для рубки мяса»). Именно он, кстати, был вынесен на суперобложку альбома. Любопытно, что тут же приводится рисунок Ф. Гойи, один из первых в его известной серии «Бедствия войны» (1810—1812), практически идентичный русскому и по сюжету, и по композиции. В альбоме Клингендера он был назван «Испанские партизаны в действии», хотя его оригинальным названием было «Со здравым смыслом или без него?»³⁷ Рисунок Гойи был сделан раньше, чем русская карикатура появилась в Британии. Вместе с тем, как известно, эта его серия гравюр была опубликована много позднее. Так что здесь, видимо, имеет место совпадение, вызванное сходными историческими обстоятельствами (сравнение испанских герильясов и русских партизан вскоре стало общим местом в характеристике событий той эпохи).

Иногда русский рисунок в Англии переделывался почти до неузнаваемости. Так произошло с карикатурами И. Терebeneва «Бегство Наполеона» и «Ретирада французских генералов» (1812), послужившими основой для двух, достаточно отличавшихся друг от друга и от оригиналов английских карикатур 1813 г. — «Французские генералы отступают» Дж. Крукшенка и «Бегство Наполеона»³⁸.

Но были и другие случаи, когда русский сюжет и русские персонажи лишь слегка адаптировались для английского читателя. Так произошло с известным рисунком И. Терebeneва, на котором был изображен Наполеон, пляшущий под дудку русского крестьянина. Позднее, в 1815 г., вышла книга «Подарок детям в память о событиях 1812 года», более известная как «Теребневская азбука», куда под буквой «Ж» вошел рисунок с подписью «Желал нас вышколить ты под свою погудку // Ан нет, не удалось, пляши ж под нашу дудку»³⁹. Однако Крукшенк взял за основу первый вариант, опубликованный в 1812 г.⁴⁰ На его рисунке фигуры более динамичны, чем у Терebeneва, тщательней прорисованы, в качестве фона появился пейзаж (почему-то горный). Но главное отличие заключается в том, что на русском рисунке Наполеон лишен карикатурных черт и пляшет гопак, а на рисунке Крукшенка — «Маленький Бони» танцует джигу⁴¹.

Прошло несколько лет, Россия и Великобритания из союзников вновь стали соперниками, и на листы английских карикатур вернулись и страшные русские медведи, и дикие казаки, ... а вот храбрые крестьяне, которых так старательно перерисовывали британские художники в 1812—1813 гг., куда-то исчезли⁴².

Вторую часть альбома составили 7 английских и 17 советских карикатур. В отличие от карикатур 1812 г., все они были черно-белыми, даже те, что в оригинале были

цветными. Как утверждает в предисловии составитель, советские рисунки, вошедшие в альбом, были привезены в Британию лордом Бивербруком; это объясняет их довольно случайный подбор. Помимо карикатур опубликовано также несколько плакатов, нарисованных в основном Б.Е. Ефимовым и Кукрыниксами.

Клингендер особо отметил, что «наступательный дух 1942 г. выражен полно и безоговорочно только русскими художниками. Лишь они создали пропагандистское направление, охватывающее весь народ и происходящее из народных корней». Он подчеркнул, что русские карикатуры не отличаются изощренной техникой, но выходят в огромном количестве, и являются столь же эффективным оружием, как пушки и танки Красной Армии. По мнению Клингендера, боевой дух, который проявляет британский народ, пока не нашел подобного отражения в современном искусстве⁴³.

Об особой роли политической карикатуры в советском обществе неоднократно писали советские художники и искусствоведы еще в 1930-х гг. По мнению Б.Е. Ефимова, уже к началу 1920-х гг. карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе, где, по его словам, этот жанр носил по преимуществу развлекательно-бытовой характер и появлялся главным образом в воскресных, спортивных или юмористических выпусках.

Конечно, политическая карикатура зародилась на Западе, в России ее развитие надолго задержалось по причине цензуры. В 1920—1930-х гг. в той же Великобритании в этом жанре работали известные мастера, создававшие замечательные произведения. Другое дело, что там политическая карикатура представляла собой достаточно элитарный жанр, предназначенный для образованного меньшинства. В Советском Союзе она превратилась в действительно массовое искусство⁴⁴. «В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя», — отмечает современный исследователь А.В. Дмитриев⁴⁵. О том же писал в своих воспоминаниях Б.Е. Ефимов: «“Правда” — газета мирового значения, а вслед за ней “Известия” и другие советские газеты придали карикатуре значение важного и ответственного политического материала, используя ее как острое и сильное агитационное оружие»⁴⁶.

В советской карикатуре сравнение Гитлера и Наполеона неоднократно обыгрывалось, начиная с середины 1930-х гг. После прихода нацистов к власти в Германии тема фашистской агрессии постепенно выходит на первый план. Только в «Крокодиле» за 1933—1939 гг. этой теме было посвящено более 200 карикатур. Кроме того, они регулярно публиковались в других журналах и газетах, в альбомах известных карикатуристов. Неоднократно в качестве своеобразного антагониста Гитлеру на них появлялся и Наполеон. Причем в эти годы его фигура выглядела иногда страдательной, а порой даже положительной — советская пропаганда, в отличие от немецкой, ни в коем случае не желала отождествлять германского фюрера с французским императором⁴⁷.

Так, например, на карикатуре Б.Е. Ефимова 1935 г. Наполеон, как, впрочем, и многие другие исторические деятели, не прошел проверку на расовую чистоту. На рисунке Л. Бродаты Наполеон и кайзер Вильгельм стоят у пограничного столба с надписью «СССР». Рисунок был «с секретом» — если посмотреть на просвет, за столбом проявлялись красноармейцы, пушки, танки. Наконец, в год 125-летия войны 1812 года на карикатуре Кукрыниксов, многозначительно озаглавленной «Речь юби-

---

ляра», Наполеон не советовал Гитлеру, Муссолини и безумному японцу идти на Москву⁴⁸.

Вторую часть альбома открывал уже упомянутый плакат Н. Долгорукова «Так было... так будет!», где были изображены Наполеон, бегущий из России, и Гитлер, наколотый на советский трехгранный штык. Две карикатуры альбома намекали на исторический урок, который не усвоил Гитлер. На рисунке Д. Лоу «Призрак, который следует за ним», Гитлер, командующий боевыми действиями, стоя на броневике, обернувшись, с ужасом видит сзади призрак Наполеона. Карикатура Ефимова «На уроке истории» изображала Наполеона в роли строгого учителя, а Гитлера, стоящего перед картой СССР, и Муссолини, съжившегося за партией, — в роли нерадивых учеников. Наконец, еще один рисунок Ефимова был посвящен лидерам Третьего рейха. На нем Гитлер был изображен в наполеоновской треуголке с тевтонскими рогами⁴⁹.

О событиях 1812 года косвенно напоминал еще один повторяющийся сюжет. В предисловии Клингендер подчеркнул, что «мужество герильясов, которых обесмертил Гойя, тирольских горцев Андреаса Гофера⁵⁰ и русских крестьян 1812 года возродилось в наши дни в русских партизанах и в непокоренном народе Югославии»⁵¹. Партизанская тема занимала заметное место среди советских карикатур, вошедших в альбом, хотя никакой связи с событиями наполеоновской эпохи там не просматривается. Некоторое исключение представляет рисунок британского художника Джайлса, на котором изображена бабушка-партизанка, взявшая в плен целый отряд немцев⁵². Бабушка в белоснежном платочке и таком же переднике скорее напоминает голландку или немку, да и советские партизаны смахивают на опереточных пейзажистов с револьверами, но именно этот несколько лубочный стиль, как, впрочем, и сюжет вызывает ассоциации с русскими карикатурами 1812 г.

Любопытно, что хотя Клингендер и приводит в своем предисловии знаменитое высказывание Сталина о льве и котенке, ни среди британских, ни среди советских карикатур, вошедших в альбом, нет ни одной, иллюстрирующей это знаменитое сравнение.

В последние годы изучение истории антигитлеровской коалиции все больше смещается от исследования дипломатических отношений к анализу человеческих контактов и взаимных представлений⁵³. Конечно, альбом карикатур представляет собой прежде всего факт пропаганды. Но не надо забывать, что визуальные образы мира формируются не в последнюю очередь средствами карикатуры. Карикатура — это уже готовый образ, который легко усваивается и не требует почти никаких усилий для восприятия. Как утверждают психологи, рисунок, тем более карикатура, по сравнению с фотографией быстрее замечается читателями и дольше хранится в памяти. В своих воспоминаниях Б.Е. Ефимов со знанием дела утверждает: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»⁵⁴.

Формируя в сознании современников не только образ врага, но и образ союзника, российская/советская и британская карикатура вносила свой вклад в дело победы над врагом.

Примечания

- ¹ *Klingender F.D.* Russia — Britain's Ally. 1812—1942. L., 1942.
- ² Подробнее см.: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / *Мельникова Л.В., Секиринский С.С., Подмазо А.А., Голубев А.В., Аурова Н.Н.* М., 2012. С. 295—312.
- ³ *Рудая Е.В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907—1917 годах // Россия и Европа в XIX—XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 175.
- ⁴ *Орлов А.А.* «Теперь вижу англичан вблизи»... Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). М., 2008. С. 166—179.
- ⁵ *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX — начале XX века // Россия и Европа в XIX—XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур... С. 170—171.
- ⁶ Об изменениях в восприятии мира советским обществом подробнее см.: *Голубев А.В.* Революция в инокультурных представлениях российского общества // Гражданогенез в России. Кн. 1. Брянск, 2009. С. 144—175.
- ⁷ Цит. по: *Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 158—159.
- ⁸ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921—1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 119.
- ⁹ *Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника... С. 345.
- ¹⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 369.
- ¹¹ *Пришвин М.М.* Дневники. 1930—1931. Кн. 7. СПб., 2006. С. 31.
- ¹² См.: Зимняя война 1939—1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009; *Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника... С. 238—241.
- ¹³ Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945. М., 2003. С. 407.
- ¹⁴ См. об этом: *Голубев А.В.* «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 6. С. 3—27; *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 1—2. СПб.-М., 2002; *Христофоров В.С.* Общественные настроения в СССР: июнь—декабрь 1941 г. // Великая Отечественная война. 1941 г. М., 2011. С. 445—478; и др.
- ¹⁵ *Лашкевич Х.Г.* Дневники // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. М., 2003. С. 236—237.
- ¹⁶ Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 477.
- ¹⁷ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 60—62.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника... С. 257—260.
- ¹⁹ Как вспоминал бывший советский цензор, ему сразу же объяснили, что «в нашем служебном лексиконе не должны существовать слова “письмо” или “письма”... Мы работаем не с письмами, а с документами. Все, что мы читаем, просматриваем, посылаем на оперативную проверку, — все это документы, с которыми работает наша организация». См.: *Авзегер Л.* Я вскрывал Ваши письма... Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // Источник. 1993. № 10. С. 46.
- ²⁰ Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 159.
- ²¹ *Пришвин М.М.* Дневники. 1942—1943. М., 2012. С. 231.
- ²² *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне... С. 23.
- ²³ *Klingender F.D.* Op. cit. P. 5—6.
- ²⁴ Ibid. P. 6—7.
- ²⁵ Несколько позднее им были опубликованы две статьи в газете «Британский союзник», издававшейся в Москве на русском языке в 1942—1949 гг. Министерством информации Великобритании. См.: Хогарт. Очерк по истории английской карикатуры // Британский союзник. 1945. № 28. С. 7; Роулэндсон Т. Второй очерк по истории английской карикатуры // Там же. № 29. С. 12.
- ²⁶ См. об этом: *Голубев А.В.* Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа (Варшава). 2003. № 3 (8). С. 125—169.
- ²⁷ *Klingender F.D.* Op. cit. P. 18.
- ²⁸ См.: *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX—XX веков в политической карикатуре. М., 2010; *Голубев А.В.* «Звериный стиль» в советской политической карикатуре межвоенного периода // От великого до смешного... Инструментализация смеха в

- русской истории XX века. Челябинск, 2013. С. 239—262; «Русский медведь»: история, семиотика, политика. М., 2012; и др.
- ²⁹ *Успенский В.М.* Типология изображения «русских медведей» в европейской карикатуре XVIII — первой трети XIX века // «Русский медведь»: история, семиотика, политика... С. 87—104.
- ³⁰ Цит. по: *Успенский В.М.* Указ. соч. С. 95.
- ³¹ *Golubev A.* Russian and European mutual perception: Foreign policy stereotypes in historical perspectives // *Russia's Identity in International Relations. Images, perceptions, misperceptions.* L., N.Y., 2012. P. 53—72.
- ³² *Klingender F.D.* Op. cit. P. 27.
- ³³ *Ibid.* P. 23, 26, 28.
- ³⁴ *Ibid.* P. 44.
- ³⁵ В современной карикатуре зооморфные изображения народов и стран считаются неpolitкорректными и практически табуированы; тем не менее русский медведь опять-таки остается исключением и постоянно воспроизводится в качестве олицетворения России в карикатурах многих странах мира.
- ³⁶ *Klingender F.D.* Op. cit. P. 32.
- ³⁷ *Ibid.* P. 34—35.
- ³⁸ *Ibid.* P. 20, 21, 25.
- ³⁹ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России... С. 143.
- ⁴⁰ Кстати, подпись на этом варианте гласила: «Не удалось тебе нас переладить на свою погудку // Попляши же, Басурман, под нашу дудку».
- ⁴¹ *Klingender F.D.* Op. cit. P. 30—31.
- ⁴² См.: *Цыкалов Д.Е.* «Русский медведь» в европейской карикатуре XIX — начала XX века // «Русский медведь»: история, семиотика, политика... С. 105—124.
- ⁴³ *Klingender F.D.* Op. cit. P. 15—16.
- ⁴⁴ См.: *Голубев А.В.* Политическая карикатура 20-30-х гг. как часть советской повседневности // *Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.* Ростов-на-Дону, 2009. С. 349—66.
- ⁴⁵ *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 69.
- ⁴⁶ *Ефимов Б.Е.* Сорок лет. Записки художника-сатирика. М., 1961. С. 88.
- ⁴⁷ В нацистской пропаганде комплиментарное сравнение Гитлера с Наполеоном стало использоваться задолго до войны против СССР. Но о вторжении Наполеона в Россию немецкая пропаганда старалась не упоминать. Как вспоминал немецкий генерал Г. Блюментрит, «воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас как привидение». Впрочем, после поражения под Москвой не только военачальники, но и рядовые солдаты вермахта постоянно обращались к печальному опыту Великой Армии. Особенно тяжело воспринимались страдания французов и немцев в 1812 г. вследствие русских морозов — их немецкая армия испытала на себе в 1941 г. Немецкая пропаганда по-прежнему всячески избегала параллелей с наполеоновской эпохой, и только к концу войны был найден выход: упор в пропаганде ведомство Геббельса стало делать на кампании 1813 г., а Наполеон из предшественника Гитлера превратился во врага, побежденного прежде всего немцами. См.: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России... С. 310—311.
- ⁴⁸ Крокодил. 1935. № 12. С. 11; 1936. № 5. С. 1; 1937. № 23. С. 8—9.
- ⁴⁹ *Klingender F.D.* Op. cit. P. 45, 49, 50, 57.
- ⁵⁰ Гоффер Андреас (1767—1810) — тирольский народный герой, организатор сопротивления французам в 1809—1810 гг.
- ⁵¹ *Klingender F.D.* Op. cit.
- ⁵² *Klingender F.D.* Op. cit.
- ⁵³ См.: *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941—1945 гг.). М., 2011; *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е — 1940-е годы. М., 2008. С. 179—237; *Он же.* «Мы ждали второго фронта»...; *Колдомасов И.О.* Эволюция образа союзника в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» // *Проблемы российской истории.* Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 335—358; *Наринский М.М., Поздеева Л.В.* Взаимные представления: Имиджи, идеалы, иллюзии // *Союзники в войне 1941—1945.* М., 1995. С. 326—347; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006; и др.
- ⁵⁴ *Ефимов Б.Е.* Указ. соч. С. 90.

М.Г. Вандалковская

Юбилейное издание «Отечественная война и русское общество. 1812—1912» и его научное значение

В истории изучения войны 1812 года семитомное издание «Отечественная война и русское общество. 1812—1912», вышедшее к ее столетнему юбилею, занимает особое место. К сожалению, в советской историографии этот труд, как правило, оставался малозаметным и недооцененным либо подводился под общий перечень работ дореволюционной науки, обвиненной в необъективности. В настоящее время он также не подвергается глубокому анализу. Между тем его научное значение сохраняет свою ценность и по сей день.

Известные ученые А.К. Дживелегов, В.П. Алексеев, В.И. Пичета и др. задумали издать труд, в котором воздать дань памяти героической эпохе 1812 года, представить ее подлинную историю, освободив от тенденциозных оценок предшествующей литературы, и наметить пути объективного изложения событий Отечественной войны. Создатели издания основательно изучили литературу о войне 1812 года и в седьмом томе юбилейного труда поместили обстоятельные историографические обзоры русской, французской, английской и немецкой литературы о ней. Отмечая специфику разноречивой литературы, авторы этих обзоров пришли к выводу о необъективном и в целом тенденциозном освещении войны¹. Осмысление научного наследия о войне 1812 года определило направление задуманного издания, выявило, что особенно важно, новые подходы и темы исследования и дало основание создать комплексное представление об эпохе 1812 года и роли ее ведущих деятелей. «Наша цель, — отмечалось в предисловии к изданию, — дать книгу объективную», воздающую дань русскому и русским и одновременно избавляющую ее от квази-патриотических, официальных и шовинистических штампов. Издатели предостерегали также от ликования и издевательства над французами и их невольными союзниками по Великой армии. И те, и другие слишком дорогой ценой заплатили за безумство Наполеона. «Их мужество, их благородные страдания, их трагическая судьба в 1812 году — плохой предлог для шовинистических излияний»².

Название юбилейного издания «Отечественная война и русское общество. 1812—1912» характеризует его комплексность. Война и общество для создателей этого труда — неразрывно связанные составляющие эпохи 1812 года. И только их совокупное изучение позволит создать объективное научное исследование об этом героическом времени. Одновременно с новым непредвзятым освещением войны авторы издания ставили задачу «разглядеть облик русского общества, определить долю участия в войне русских общественных групп, выяснить ту меру признательности, какой потомки обязаны каждой из них»³, т.е. сохранить историческую память о героическом прошлом русского народа. Этот аспект исследования так же, как и создание объективного труда о собственно военных действиях русских, был новым и в отечественной, и в мировой историографии. Трудность выполнения подобного труда осознавалась его создателями. Она состояла в неполноте документальной базы, малодоступности архивов, а также в необходимости критического анализа старых доступных источников, особенно

мемуарной литературы, написанной в пылу борьбы. Эти трудности, как свидетельствует семитомное издание, по мере возможностей преодолевались.

Создание объективного труда об эпохе 1812 года основывалось в этом издании на новом осмыслении войны. Это означало, во-первых, рассмотрение войны 1812 года как события, в котором военные действия находятся в тесной связи и обусловленности с внутривнутриполитическим состоянием России; и, во-вторых, понимание войны как части европейской истории, поставленной в контекст эпохи. Эти исходные позиции определили структуру издания и широкий спектр проблем.

Освещение войны не ограничено рамками 1812 г.: рассмотрены франко-русские войны до 1812 г., итальянский поход А.В. Суворова 1799 г., Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. В описании этапов войны 1812 года, военных сражений (Бородино, Тарутино и др.), оставления Москвы, а также в вопросе о целесообразности заграничных походов авторы издания придерживались позиции М.И. Кутузова — главным было сохранение армии. Что касается заграничных походов, то составители издания считали их ненужными и обременительными для России.

Специальные разделы в издании рассматривают военные силы Франции и России, характеризуют русских и французских военачальников. В обстоятельной статье С.П. Мельгунова под названием «Вожди армии» были даны яркие характеристики М.Б. Барклая де Толли, П.И. Багратиона, А.П. Ермолова, П.В. Чичагова, М.А. Милорадовича и др. Оценивая состояние русской армии, Мельгунов признавал, что, несмотря на трудности ее обеспечения оружием, продовольствием, одеждой, и, будучи перед лицом лучшей европейской армии во главе с гениальным стратегом и полководцем Наполеоном, русский солдат не утратил воинской чести и мужества. «Дух армии был силен сознанием, что она исполняет свой долг перед Родиной»⁴. В статье А.М. Васютинского говорилось о военачальниках Наполеона: М. Нее, Л.Н. Даву, И. Мюрате, Ш. Ожеро и др.

Обстоятельно представлена в рассматриваемом издании картина международных отношений, дипломатических договоров и союзов, позиция различных держав в их противоборстве за свое влияние. При этом характерно, что в объяснении, например, Тильзита, Священного союза или Венского конгресса делаются экскурсы в их предысторию с целью понять истоки и причины рассматриваемых объединений.

Впервые в мировой историографии дана широкая картина состояния воюющих стран, а также стран, в той или иной мере ввергнутых в орбиту войны. Рассмотрено, разумеется, в разной степени и в разных хронологических пределах политическое, социальное и хозяйственное положение России, Франции, Англии, Пруссии, Австрии, Польши, раскрыты их государственные интересы и возможности в борьбе или взаимодействии с агрессией французского императора. Война, таким образом, предстает в юбилейном труде крупным международным событием, составляя эпоху, названную наполеоновской, но в которой Россия сыграла победоносную роль, и ее стратегия войны оказалась благотворной для Европы.

Создание сложного и многоаспектного труда неизбежно ставило вопрос об оценке личностей, сыгравших в эпоху 1812 года ведущую роль. Споры об их исторической значимости продолжались многие годы после окончания войны. Речь шла, главным образом, о Наполеоне, Александре I, М.И. Кутузове и ряде дипломатов.

Статьи о Наполеоне Н.И. Кареева, А.К. Живелегова и А.А. Рябина⁵ отличаются глубиной и психологической проницательностью, стремление избавиться от субъективной оценки признаваемого всеми «великого человека» (политика, полководца) и предста-

---

вить его «достоверный и научный» облик. Авторы полагали, что оценка деятельности Наполеона неизбежно должна включать понимание его отношения к революции, целостное представление о Наполеоне как правителе, полководце и завоевателе, а также об отличительных чертах его характера (огромное честолюбие, деспотизм, отсутствие моральных критериев), разумеется, с учетом незаурядного полководческого таланта.

Имени Александра I касались многие статьи издания. Особенно выделяется статья С.П. Мельгунова, в которой автор, «не пощадив» российского императора, перечислил ряд негативных качеств, якобы ему присущих: природная жестокость, злопамятность, притворство, хитрость, византизм, нетерпимость к сильным и одаренным личностям. В противовес общественному мнению о трансформации Александра I из либерала в самодержца Мельгунов считал, что у него не было определенного мировоззрения; сказывалась двойственность воспитания (влияние отца Павла I и бабки Екатерины II). Александру I «приходилось жить на два ума, держать две парадные физиономии», что порождало хорошую школу скрытности и неискренности. Эту мысль Ключевского Мельгунов признавал руководящей в мировосприятии Александра I. В Наполеоне Александр I видел соперника на политической арене и в борьбе с ним руководствовался тщеславием и самолюбивым упрямством.

Военные историки, участвовавшие в юбилейном издании — А.А. Кожевников, С.А. Князьков, Н.П. Михневич — внесли свой вклад в создание объективного образа М.И. Кутузова. С.А. Князьков создал яркий портрет этого незаурядного полководца. Кутузова он представил человеком XVIII века, прошедшим школу Суворова. Благородство являлось основой его жизненной порядочности. Осторожность, вдумчивость и храбрость являлись его главными чертами; в войне выжидание он предпочитал эффективным сражениям и всегда достигал желаемой цели. «Когда произносились драгоценные для русских имена Дм. Донского и Пожарского, — писал Князьков, — взоры всех были обращены на Кутузова»⁶. Сохранение верности национальным традициям, которые чтит Кутузов, было характерно и для издателей юбилейного труда.

Представляют интерес и суждения авторов этого издания о дипломатии и дипломатах эпохи 1812 года. Дживелегов писал о традиционной дипломатии, которая определялась внутренним состоянием страны с учетом национальных интересов и международного положения. К числу дипломатов этого рода принадлежали Ш.М. Талейран, Д. Каннинг, Г. Пальмерстон. В войне 1812 года, полагал Дживелегов, возникла иная дипломатия, «связанная с единичными людьми». Таким дипломатом был К. Меттерних. Холодный расчет внушал ему необходимость подчинить своему влиянию, далеко не всегда успешно, и Наполеона, и Александра I⁷.

Впервые в отечественной и зарубежной литературе в юбилейном издании было показано отношение общества — дворянства, крестьянства и купечества к ходу военных действий, их участие в общественной жизни страны, эволюция восприятия войны и уровень их общественного сознания. Авторы статей, в которых рассматривалось дворянство, — Д.А. Жаринов, А.К. Кабанов⁸ и другие — дифференцированно подходили к освещению поведения дворянства в различных губерниях, раскрыли отношение дворян к манифестам о рекрутском наборе, о создании ополчений, отмечали рост их гражданского сознания. В издании было показано и поведение купечества во время войны 1812 года, его роль в осознании экономических интересов страны⁹.

В.П. Алексеев опубликовал статью под названием «Народная война», в которой документально обосновал мысль о том, что вся тяжесть войны была «вынесена кре-

стьянскими плечами»¹⁰. Чувство самосохранения уживалось у крестьян с патриотическими устремлениями, которые все более возрастали в крестьянском сознании, что особенно проявилось в движении народного сопротивления.

Но общественная сторона жизни в эпоху Отечественной войны 1812 года не была ограничена рассмотрением отношения разных сословий к войне. В главе об отражении войны в художественной литературе (прозе и поэзии), в изобразительном искусстве, театре и живописи, была создана широкая панорама, в которой раскрывалось формирование взглядов и чувствований, устои быта и нравственные принципы людей военного времени, атмосфера политической конъюнктуры властей и реакция общества на события войны. Отмечен особый интерес к пьесам и театральным постановкам патриотического содержания, хотя и не всегда отличавшимся высоким художественным уровнем. Большую популярность в военные годы приобрела батальная и жанровая живопись. Особая роль в показе ужасов войны и страданий народа принадлежала В.В. Верещагину, создавшему цикл картин об Отечественной войне 1812 года, а также народным картинкам, доступным народным массам. В главе подчеркнута огромная патриотическая роль поэзии, в том числе солдатских песен. В них слышался постоянный призыв к защите Отечества. Эта глава отчетливо выявила две темы: рост и эволюцию общественного сознания и верность традициям и памяти предков, беззаветно сражавшихся за независимость Отечества¹¹.

Особое внимание составители юбилейного издания, что вполне оправдано, уделили роману Л.Н. Толстого «Война и мир». В издании по существу проводилась концепция войны М.И. Кутузова, где главным в военных действиях признавалось сохранение армии и идеи верности русским воинским традициям, особенно полководческому мастерству А.В. Суворова. Гениальный роман Толстого привлекал многих авторов юбилейного издания «своим нравственным подходом» к оценке общественных настроений, пониманием народного характера войны и ее патриотической направленностью.

Таким образом, рассмотренный юбилейный труд по определению новых подходов и постановке новых тем в исследовании Отечественной войны 1812 года явился крупным завоеванием отечественной и мировой историографии, определившим дальнейшее изучение этой героической эпохи.

Примечания

¹ Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. В 7 т. Т. 7. М., 1911.

² От редакции // Там же. Т. 1. М., 1911. С. V—VI.

³ Там же. С. IV.

⁴ Мельгунов С.П. Вожди армии // Там же. Т. 3. М., 1911. С. 86.

⁵ Кареев Н.И. Историческая литература о Наполеоне (общая характеристика) // Там же. Т. 7. С. 275—284; Дживелегов А.К. Наполеон // Там же. Т. 3. С. 3—27; Рябинин А.А. Наполеон как полководец // Там же. Т. 3. С. 30—39.

⁶ Князьков С.А. М.И. Голенищев-Кутузов // Там же. Т. 4. М., 1911. С. 3.

⁷ Дживелегов А.К. Меттерних // Там же. Т. 7. С. 28—45.

⁸ Жаринов Д.А. Первые впечатления войны. Манифесты // Там же. Т. 3; Кабанов А.К. Ополчения 1812 года (по материалам архивов Нижнего Новгорода) // Там же. Т. 5. М., 1911.

⁹ Берлин П.А. Русское купечество и война 1812 года // Там же. Т. 5.

¹⁰ Алексеев В.П. Народная война // Там же. Т. 4. С. 227—228.

¹¹ Бродский Н.Л. Театр и драма в Отечественную войну // Там же. Т. 5; Сидоров Н.П. Отечественная война в русской лирике // Там же; Кузьминский К.С. Отечественная война в живописи // Там же.

Н.Б. Хайлова

Либералы-центристы об эпохе Отечественной войны 1812 года

Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года, происходившее в разгар подготовки к 300-летию Дома Романовых, совпало с выборами в IV Государственную думу и началом ее работы в ноябре 1912 г. В это время в очередной раз подтвердилась известная закономерность — стремление различных политических сил к актуализации очередной «красной даты» календаря с целью упрочения собственных позиций путем создания новых исторических мифов. В результате появилось обилие литературы преимущественно двух видов: с одной стороны, «шумливо-националистической макулатуры», с другой — изданий, отличавшихся «легкомысленной и ни на чем не основанной переоценкой всех ценностей»¹. В то же время расширение источниковой базы обусловило появление значительных работ по юбилейной проблематике².

В ряду научных событий того времени — публикация труда известного ученого и политика А.А. Корнилова «Курс истории России XIX века»³. Видный деятель Конституционно-демократической партии, он занимал в ней особую, центристскую позицию («чувствовал себя как раз посередине комитета»⁴). Либералом-центристом был и другой историк — М.М. Ковалевский, избравший со своими единомышленниками путь партийного «самостояния». Он стал одним из лидеров центристского течения в русском либерализме, которое, не вписываясь в кадетские и октябристские рамки, «отливалось» в собственные организационные формы (партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов и др.). Наряду с Ковалевским, многие идеологи либерального центризма известны как глубокие знатоки истории (М.М. Стасюлевич, К.К. Арсеньев, А.И. Чупров, И.И. Иванюков, А.С. Посников, В.Ю. Скалон, П.Б. Струве, А.М. Рыкачев и др.). Примечательно, что между их исторической концепцией и взглядами на переустройство России не было «зазора», напротив, существовало своего рода взаимоприятие⁵. Сохранение в процессе преобразований исторической преемственности было для либералов-центристов равнозначно здравому смыслу. Отсюда — неприятие ими либерального доктринерства, приверженность идее обновления государства в тесной связи с его укреплением, глубокая эмоциональная отзывчивость на народные нужды, отстаивание идеи свободы в сочетании с социальной справедливостью. Такой настрой определял и тактические принципы либералов-центристов. Являясь сторонниками постепенных преобразований путем компромисса между представителями разных интересов и укрепления общественной солидарности и доверия, они понимали, что любые попытки «опередить» историю опасны, а разрывы исторической ткани затрудняют процесс утверждения либеральных ценностей. Рассматривая искреннее чувство патриотизма и глубокое понимание истории как важнейшие стимулы реформ и «слагаемые» их успеха, либералы-центристы считали своей важной задачей противостояние попыткам фальсификации истории.

В этой связи характерна их реакция на ряд юбилейных торжеств начала 1910-х гг., в том числе столетие войны 1812 года. Заметим, что военная история всегда особо волновала и Корнилова, и Ковалевского. Оба — потомки вице-адмиралов, героев Крымской войны: один — В.А. Корнилова, другой — П.С. Нахимова⁶. Что касается Ковалевского, то и война 1812 года была связана для него с личными переживаниями. Дело в том, что его отец служил прапорщиком в армии М.И. Кутузова, участвовал в Заграничном походе русской армии. Выйдя в отставку в звании полковника, он в течение нескольких десятилетий исполнял обязанности предводителя дворянства. По словам историка, до конца жизни его отец относился к Александру I «с умилением», а в семье всегда чттили годовщины этой победы и ветеранов-соратников Ковалевского-старшего⁷.

В год очередных юбилейных торжеств Корнилов и Ковалевский пытались противостоять политизации истории в русле «нового взгляда» на героев и события 1812 г., «санкционированного» верховной властью. Поводом для критики Корнилова послужила, в частности, книга двух дипломатов — Ю.С. Карцова и К.А. Военского «Причины войны 1812 года» (СПб., 1911). По словам историка, она содержала «ошибки и опрометчивые суждения, свидетельствующие о недостаточном знакомстве ее авторов с историей того времени»⁸. Вместе с тем, небольшая по объему, написанная легко и доступно, «по внешнему характеру» книга произвела на многих, в том числе некоторых профессиональных историков, впечатление оригинального исследования и быстро завоевала популярность.

Корнилов и Ковалевский обращали внимание на проявления новой тенденции. Прежде всего, на стремление изобразить Александра «человеком слабовольным, неустойчивым и легко поддававшимся посторонним влияниям»⁹. Отсюда делался вывод об огромном влиянии на него Лагарпа, внушившего Александру необходимость осуществить в России требование «универсальной доктрины», т.е. чуждой России либерально-демократической идеи. «Они стараются при этом всячески очернить Лагарпа и унижить личность и достоинства Сперанского, не останавливаясь даже перед заподозрением его в подкупности, причем выражают предположение, что биограф его, барон Корф, не посмел обвинить его в этом из страха перед петербургскими радикалами [18]60-х годов», — замечал Корнилов¹⁰. А кто же «спасители Отечества»? На эту роль в новом историческом мифе выдвигались Н.М. Карамзин, Г.Р. Державин, Ф.В. Ростопчин. Они провозглашались «лучшими умами Александра времени»¹¹. В более широком смысле в качестве спасителя Отечества рассматривалось дворянство, «которое не допустило торжества либерально-демократической доктрины и победило императора-доктринера, так что ему пришлось после Тильзита “поехать в Каноссу”, т.е. в Москву (в 1809 г.), под угрозой потери трона (!), и там во всем уступить дворянству, которое после того его поддержало в борьбе с Наполеоном, благодаря чему последний был побежден, несмотря на свой гений», — в сжатом виде излагал Корнилов новейшую концепцию событий 1812 г., в которой «красной нитью» проводилась мысль о том, что «русский государственный строй оказался тогда достаточно прочным, чтобы победить Наполеона». «Как будто это русский государственный строй победил его!» — восклицал историк. Он выступил также с разоблачением нового взгляда на значение континентальной системы для России, согласно которому она была «безвредна и даже чуть ли не полезна с точки зрения интересов народных масс»¹². «Как ни короток был период континентальной системы, однако же он до ос-

---

нования потряс все устои тогдашней экономической и общественной жизни России. С него началось разорение дворянских имений во внутренних и западных губерниях, и в это же время положено было начало сознательному недовольству общества правительством: между дворянством и Александром образовалась глубокая рознь и то взаимное недоверие, которое быстро росло и развивалось впоследствии»¹³.

Что же было на самом деле? Корнилов и Ковалевский прежде всего обращали внимание на необходимость адекватного понимания личных свойств Александра I как «одного из главных действующих лиц в великой исторической драме его времени»¹⁴. Во-первых, историки выступали против одномерной характеристики императора и его политики. Они замечали такой подход не только в публикациях, претендующих на научность, но и в художественной литературе. Ковалевский, в частности, склонялся к тому, что «едва ли Александр I был той мягкой, нерешительной и мучимой раскаянием личностью, какой рисует его нам Мережковский»¹⁵. Личность императора сложная и противоречивая, но ни о какой слабовольности не может быть и речи, настаивали и Корнилов, и Ковалевский. «Император Александр умел с упорством достигать поставленных им себе целей и в сущности никогда и ничьему влиянию не поддавался, а на сотрудников своих, несмотря на вообще гуманные и любезные отношения к людям, всегда смотрел лишь как на орудия для достижения поставленных себе государственных или мировых целей»¹⁶. Корнилов также отмечал в характере императора усиливавшиеся с годами «скрытность, уклончивость и в особенности умение артистически играть роль» — качества, сбивавшие с толку и вводившие в заблуждение большинство современников и историков¹⁷.

Особенно волновал и Корнилова, и Ковалевского вопрос о том, что двигало императором при проведении им либеральных реформ? Они признавали роль Лагарпа как наставника Александра I, иностранное происхождение «либеральных мечтаний» императора, но вместе с тем не были склонны переоценивать роль «внешнего» фактора. Корнилов, в частности, придавал особое значение свойствам личности самого Александра I — его расположенности к «мечтательной любви к отвлеченной гуманной идее». Более того, Корнилов считал, что в мечтах императора «об благодетельствовании своего отечества» «не было, по-видимому, простого непосредственного патриотического чувства, непосредственной физиологической любви к родине, а было именно чисто *идейное* увлечение»: «Александр никогда не был патриотом в прямом и обычном смысле этого слова — ни тогда, когда он стремился осчастливить Россию рядом органических преобразований ее социального и политического строя, ни тогда, когда он во главе русского народа смело и твердо принимал на себя борьбу с Наполеоном и приведенными им полчищами»¹⁸.

На первый взгляд, данная трактовка взглядов Александра I не вызывала возражений и у Ковалевского. Вместе с тем, он полагал, что нельзя сбрасывать со счетов и убеждения императора, выросшие на почве его знакомства с историей России. Это, прежде всего, «отрицательное отношение Александра I к всемогущей бюрократии, царствовавшей в России в течение всего XVIII столетия, дурные последствия управления которой признавались уже Екатериной II»¹⁹. Ковалевский ссылался и на Адама Чарторыйского, который характеризовал умонастроение Александра I, в общем, с тех же позиций, что и Корнилов. Как известно, Чарторыйский называл замыслы императора «политическими воздушными замками». Однако несмотря на ироничный оттенок характеристик, данных Александру I и современником, и коллегой-истори-

ком, Ковалевский считал совершенно исключительной заслугой императора именно то, что он «в течение наилучшей и наиболее достойной части своего царствования» настойчиво и целеустремленно занимался подведением фундамента под свои так называемые «воздушные замки». «Этим мечтам, — пишет Ковалевский, — великое герцогство Варшавское обязано своею свободной конституцией... Они же должны рассматриваться как отправная точка ряда политических реформ, которые медленно подготавливали полное изменение в условиях внутренней жизни России»²⁰. Расценивая реформы Александра I как «первый шаг к общей перестройке империи на либеральных началах», Ковалевский выражал уверенность в том, что точное соблюдение дарованных императором юридических норм «могло бы бесспорно положить предел безграничной власти царского произвола или, скорее, министерского деспотизма»²¹. По мнению историка, шанс оказался упущенным не только из-за сопротивления «реакционной партии», но, прежде всего, из-за внешних препятствий, связанных с вовлечением России в наполеоновские войны, а впоследствии — с необходимостью мобилизации сил на защиту от иностранного вторжения. «Война за национальное существование России... до такой степени поглощала все материальные и духовные силы империи, что не оставалось времени для созыва представительных собраний»²². По словам Ковалевского, и после победы над Наполеоном, когда у России вновь появилась «возможность обратиться к своему внутреннему развитию, новые препятствия, исходящие из-за границы, — точнее реакционный дух, характеризовавший Священный Союз, — еще раз остановили либеральные стремления царя... Александр, неоднократно посвящавший не только своих советников и министров, но даже и иностранных посетителей, как госпожу де Сталь, в свой план конституционного устройства России, отложил исполнение этого плана на неопределенный срок»²³.

Анализируя события войны 1812 года, Корнилов и Ковалевский придавали особое значение периоду между Тильзитским миром и вторжением французской армии в Россию. По их мнению, в эти годы Александр I оказался в роли «не столько союзника и друга, сколько вынужденного сообщника и пособника Наполеона»²⁴. Хозяйство страны разорялось, а недовольство императором нарастало. Вместе с тем оба историка обращают внимание на обратную сторону тяжелой ситуации в стране в этот период, которую можно охарактеризовать поговоркой — «нет худа без добра». Корнилов пишет: «В сущности в экономическом отношении Россия была совершенно истощена и разорена еще до войны 1812 года именно дружбой с Наполеоном. Но это разорение, создавшее и разжегшее народную ненависть к Наполеону, в 1812 г. явилось одним из важных факторов, подготовивших его поражение в России. Войны 1805 и 1806—1807 гг. с Францией, 1806—1812 гг. — с Турцией, 1808—1809 гг. — со Швецией, разорившие Россию, в то же время закаляли и подготовили русскую армию к грандиозной войне 1812 года»²⁵. В результате историк приходил к выводу о том, что «шансы Наполеона стали падать с самого вступления его в Россию и падали все время безостановочно», хотя «современники поняли это далеко не сразу»²⁶.

Характеризуя Александра I как политического деятеля, Ковалевский высоко ценил его политическую волю, упорство. По словам историка, эти качества определяли не только настойчивость императора в проведении либеральных реформ в начале правления, но также обеспечили Александру I «вечную славу» в связи с тем, что он отклонял и до, и после занятия Москвы Наполеоном все предложения вступить в переговоры с неприятелем²⁷. «Мы с гордостью смотрим на прошлое и видим в нем

залог такой же стойкости в отстаивании нашего самоопределения против всяких внутренних и внешних врагов, каких может поставить нам ближайшее или отдаленное будущее», — писал Ковалевский в 1912 г. На примере Александра I историк подчеркивал также важность для главы государства доверия к своему народу, что в 1812 г. породило ответную реакцию и явилось залогом победы. Вместе с тем, иронией наполнены слова Ковалевского об императоре, оповестившем страну об освобождении территории России от неприятеля в особом Манифесте от 25 декабря 1812 г.: «Многие ждали манифеста об освобождении крестьян, в благодарность за изгнание французов; но в манифесте не были забыты милостями другие сословия, а о крестьянах было сказано, что их заслуги пред отечеством так велики, что они получают “мзду свою от Бога”»²⁸. Но еще более резко высказался Ковалевский в адрес Александра I в связи с отставкой и ссылкой Сперанского, которого историк считал гениальным государственным деятелем, «истинно проницательным», «безукоризненно чистых намерений», «бесспорной честности»²⁹. По его словам, нельзя ничем оправдать «глубочайшее лицемерие поведения императора по отношению к человеку, который был только выразителем его собственной воли»³⁰.

Важнейшим последствием эпохи наполеоновских войн для России Корнилов и Ковалевский считали ускорение движения в сторону «полной ликвидации главного зла тогдашней жизни — крепостного права и крепостного строя»³¹. В связи с этим они подчеркивали, прежде всего, огромную роль экономических факторов, порожденных эпохой наполеоновских войн, имея в виду «потрясение и разорение дворянских имений и помещичьих хозяйств»³².

Кроме того, они обращали внимание на важность идейных и нравственных последствий наполеоновских войн. Это, во-первых, «общий подъем народного самосознания», небывалый со времен 1612 г., способствовавший осознанию крепостным крестьянством «неправомерности и ненормальности своего рабского крепостного состояния, уничтожавшего в обыкновенное мирное время всякую прямую связь его с государством». «К тому же, — замечал Корнилов, — значительная часть народа побывала в 1813—1815 г. в чужих краях, а некоторая часть (30 000 человек) оставалась там... в составе оккупационного корпуса Воронцова до 1818 года. Этого времени было достаточно, чтобы разглядеть разницу того социального строя, который существовал в свободных странах Западной Европы, от того, который существовал в то время в крепостной России. Ознакомление с гражданскими порядками послереволюционной Франции, с преданиями и идеями великой революции, с брожением умов, господствовавшим в тот момент в возрождавшейся и обновлявшейся Германии, — все это не могло, конечно, пройти бесследно не только для образованных и более подготовленных к восприятию таких впечатлений офицеров русской армии, но в значительной мере и для сколько-нибудь вдумчивых и смысленных нижних чинов». Корнилов был убежден в том, что проявившийся в ту пору в русском обществе «огромный запас светлых идей и новых поразительных впечатлений» определил движение декабристов³³. «И хотя восстание 14 декабря 1825 г. было беспощадно подавлено, — отмечал он, — тем не менее идеи, в нем проявившиеся, не исчезли, а развивались среди русского общества даже в реакционное царствование Николая I». В результате отмена крепостного права стала неизбежной, причем именно на демократических основаниях, что, в свою очередь, послужило отправным пунктом «мощного развития и укрепления в русской жизни демократических начал»³⁴. Ярко обна-

ружившись в эпоху реформ 1860-х гг., впоследствии либерально-демократические идеи не могли уже быть подавлены никакой реакцией, — свидетельствовал Корнилов, перекидывая мостик из эпохи Александра I через Великие реформы Александра II в начало XX столетия.

Таким образом, события кануна 1812 г. и победа России в Отечественной войне являлись источником разнообразных впечатлений для Ковалевского и Корнилова. Они стремились донести до широких кругов историческую правду, и, таким образом, сделать «прививку» общественному сознанию, защитив его от восприятия заведомо тенденциозных концепций. Ученые, сыгравшие заметную роль в самоопределении центристского течения в русском либерализме, рассматривали реформы Александра I как одну из значимых вех в родословной российского либерализма, связанную с первым серьезным шансом вхождения России в либеральную цивилизацию. В опыте прошлого они видели ряд поучительных уроков для власти. Представляется, что данная Ковалевским и Корниловым трактовка событий, связанных с Отечественной войной 1812 года, адекватно отражала значение для России эпохи наполеоновских войн, а «высвеченная» ими актуальность темы сохраняется и в наши дни.

Примечания

- ¹ *Бороздин И.* Исторические заметки. 1812 год в юбилейной литературе // Современник. 1912. № 10. С. 354, 361.
- ² См.: *Тарле Е.В.* Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., 1913; *Кизеветтер А.А.* Александр I и Аракчеев // Русская мысль. 1911. № 2; *Он же.* Граф Ф.В. Ростопчин // Там же. 1912. № 12; *Любович Н.Н.* Варшава в 1812 году. Варшава, 1913; Отечественная война и русское общество. 1812—1912 / Под ред. А.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. В 7 т. М., 1912; и др.
- ³ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. Ч. 1—3. М., 1912—1914.
- ⁴ Цит. по: *Ульянова Л.В.* Корнилов Александр Александрович // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 470.
- ⁵ Под влиянием идей «старого» либерализма, заложившего основы либерального центризма, сформировался и лидер кадетской партии П.Н. Милоков. Однако впоследствии он политически отделился от этого течения, а его концепция преобразования России в начале XX в. имела ряд существенных расхождений с им же описанной историей страны — самобытной, не «укладывающейся» в европейское «русло». Политическое мышление Милокова отличалось схематизмом, а тактические установки — «размытостью» границ допустимых методов политической борьбы, отказом от безоговорочного осуждения насилия и террора. В натуре Милокова политик «одержал верх» над историком. Представляется, что именно здесь можно видеть корень расхождения между идеологами либерального центризма и руководителем кадетской партии.
- ⁶ Близкой родственницей П.С. Нахимова была бабушка Ковалевского по отцовской линии. См.: *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 50.
- ⁷ *Ковалевский М.М.* Моя жизнь... С. 51, 56; *Он же.* 1812-й год // Вестник Европы. 1912. № 7. С. 223.
- ⁸ *Корнилов А.А.* К характеристике юбилейной литературы об Отечественной войне // Русская мысль. 1913. № 1. С. 44.
- ⁹ *Корнилов А.А.* Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 106.
- ¹⁰ *Корнилов А.А.* К характеристике юбилейной литературы... С. 44.
- ¹¹ Там же. С. 44—45.
- ¹² Там же. С. 45. Характеризуя взгляды Карцова и Военского, Корнилов, в частности, отмечал их стремление доказать, что «для провинциальных помещиков и крестьян было выгодно продавать лен (и др. продукты), повысившиеся (?) в цене вдвое, если считать на ассигнации, несмотря на то, что курс этих последних на серебро упал *вчетверо*, ибо, — говорят они, — по обязательствам своим ведь эти помещики расплачивались не голландскими штиверами, а теми же ассигнациями.

- При этом авторы упускают из виду, что благодаря чрезвычайному падению курса все товары — за исключением лишь тех, которые потеряли спрос за утратой английского рынка — повысились в цене (на ассигнации) не в два, а в четыре раза, и, следовательно, даже и те, кто не покупал вздорожавших еще гораздо больше колониальных товаров, терпели от этой дороговизны; помещики же терпели и оттого, что их товары просто лежали без движения, и, если бы континентальная система продолжалась еще некоторое время, они разорились бы окончательно; разорение же помещиков при крепостном праве не могло не отражаться на спинах крестьян, да скоро это и сказалось в сильном повышении оброков именно после 1809—1810 г. Авторы упускают также совершенно из вида отчаянное положение беднейших городских жителей и в особенности лиц, живших постоянным заработком, который выплачивался им ассигнациями. Seriously утверждая, что континентальная система вредила лишь богатым людям и крупным купцам, ведшим иностранную торговлю, гг. Военский и Карцов дают совершенно искаженное изображение финансового плана Сперанского, стараясь уверить читателей, что он выработал его под влиянием главным образом крупных иностранных торговцев, с которыми будто бы яхшался» // Там же.
- ¹³ Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С. 133.
- ¹⁴ Там же. С. 107.
- ¹⁵ Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 250.
- ¹⁶ Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С. 106.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 107—108.
- ¹⁹ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России // *Он же*. Избранные труды. В 2 ч. Ч. 1. М., 2010. С. 281.
- ²⁰ Там же. С. 280—281.
- ²¹ Там же. С. 281—282.
- ²² Там же. С. 383.
- ²³ Там же. С. 281, 383.
- ²⁴ Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С. 126.
- ²⁵ Там же. С. 133.
- ²⁶ Там же. С. 138.
- ²⁷ Ковалевский М.М. 1812-й год... С. 223. Упорство Александра I объяснялось вовсе не «кознями Англии», как считали французы. Получив известие об оставлении Москвы, — пишет Ковалевский, — император «поручил полковнику Мишо, сообщившему ему об этом, повторять всюду следующее: "Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить"» // Там же.
- ²⁸ Ковалевский М.М. Из истории государственной власти в России... // *Он же*. Избранные труды. Ч. 1. С. 137.
- ²⁹ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России... С. 282, 286.
- ³⁰ Там же. С. 287.
- ³¹ Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С. 149.
- ³² Там же. С. 150.
- ³³ Там же. С. 153—154. Ковалевский считал, что гораздо большее впечатление на будущих декабристов («в смысле выработки их социальных и политических воззрений») произвело не пребывание за границей в рядах русской армии, а знакомство с трудами иностранных (преимущественно французских) авторов, причем — еще в довоенные годы. См.: Ковалевский М.М. Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетия // *Он же*. Избранные труды. Ч. 2. М., 2010. С. 87.
- ³⁴ Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С. 150, 154.

Л.А. Сидорова

Отечественная война 1812 года в освещении М.Н. Покровского и историков его школы

В советской историографии 1920-х — начала 1930-х гг. интерес к исследованию истории Отечественной войны 1812 года, столь ярко проявившийся в российском обществе в связи с ее 100-летним юбилеем, был заслонен преимущественным вниманием к проблематике, связанной с революциями и социальными движениями. Более того, кардинальное изменение претерпел сам взгляд на наполеоновское нашествие, его роль для судеб России. Советскому обществу был предложен узкий классово-революционный подход к пониманию причин, хода и последствий Отечественной войны 1812 года.

Главенствующими стали оценки, данные главой марксистской исторической науки М.Н. Покровским. В 1920 г. вышли в свет 1-я и 2-я части его научно-популярной «Русской истории в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия)». Эта книга была построена на основе его же пятитомной «Русской истории с древнейших времен», изданной в Москве в 1910—1913 гг., как раз в годы подготовки и празднования столетнего юбилея войны. Поэтому, прежде чем рассказывать о том, как, по мысли Покровского, широкие народные массы должны были понимать Отечественную войну 1812 года, остановимся на рассмотрении предложенной им в многотомнике концепции данного события. Покровский противопоставил ее идеям, содержащимся в фундаментальном семитомном издании «Отечественная война и русское общество. 1812—1912», увидевшем свет в 1912 г.

Само место изложения этой героической страницы русской истории в структуре труда М.Н. Покровского — глава XIII «Декабристы. Тайные общества» — говорило уже о многом. Двенадцатый год интересовал историка исключительно в связи с восстанием декабристов. «На самом деле именно 1812 год явился исходным моментом настоящего общественного движения, отнюдь не вызванного поощрением сверху, и даже по отношению к этому верху все более и более враждебного»¹, — утверждал исследователь. С этих позиций он оценивал причины и характер войны. Для него она была только «непосредственным результатом разрыва франко-русского союза»². Более того, Покровский проводил идею об ответственности России за ее начало. «Письма Александра не оставляют ни малейшего сомнения, что Россия была готова напасть на Францию уже в декабре 1810 года»³, — утверждал он. Бонапарт, по Покровскому, вовсе не был агрессором. Его действия носили вынужденный характер: «Наполеон, вовремя предупрежденный, получил полтора года на подготовку своего “нашествия”, по существу являвшегося актом необходимой самообороны»⁴.

Винновником войны 1812 года была названа верхушка русского дворянства. При этом представители крупного землевладения в наименьшей степени пострадали от войны: «У каждого из “знати” были имения в разных углах России — каждый легко мог найти свой каменноостровский дворец достаточно далеко от места военных действий, чтобы шум их не мешал предаваться “самоотречению”»⁵. Им он противопо-

ставлял среднее дворянство захваченных войной губерний, акцентируя внимание на случаях «дерзновенней» по отношению к деятельности монарха⁶.

Абсолютизация классового подхода закономерно подвела М.Н. Покровского к отрицанию народного характера войны. Игнорируя многочисленные свидетельства об участии представителей всех сословий в войне с наполеоновским нашествием, он заострял внимание на противоположных фактах, выступая против создания «романтической картины народа, как один человек поднявшегося на защиту своей родины»⁷. При такой постановке вопроса Покровскому не было необходимости освещать ход Отечественной войны 1812 года. Он ограничился кратким разоблачением «стройной пьесы», каковую, по его словам, создали из 1812 года буржуазные историки.

Не вдаваясь в анализ различных подходов к освещению проблем Отечественной войны 1812 года, М.Н. Покровский выстроил общую для всех них канву развития событий. Действие войны «логически разворачивалось по известному плану, где чуть ли не все было заранее предусмотрено: и “скифская” тактика заманивания Наполеона в глубь России, и пожертвование, в случае надобности, даже Москвой, чтобы расстроить “несметные полчища нового Аттилы”, и чуть ли даже не взятие Парижа в 1814 году». Затем Покровский опровергал «стройность пьесы». Он писал, что «несметные полчища» были немногим сильнее русской армии, что «скифская» тактика была «горькой необходимостью, на которую жаловались все, сверху донизу, тщетно отыскивая виноватого, который “ведет Наполеона в Москву”, а о сдаче этой последней не думали серьезно даже накануне Бородина, за две недели до вступления в нее французских войск. А с небольшим за месяц до этого события Александр Павлович считал ошибкой даже отступление к Смоленску»⁸.

Заслуги военачальников Отечественной войны 1812 года — М.Б. Баркляя де Толли, П.И. Багратиона, М.И. Кутузова — в разгроме Великой армии Наполеона для Покровского практически не существовали. Основное внимание он уделил противостоянию М.Б. Баркляя де Толли и П.И. Багратиона. Последнего историк характеризовал как «хвастливого воина», выразителя «шапкозакидательских» настроений, которые российская знать расценивала как «единственно достойную России политику во все времена и на всех театрах войны»⁹. Под сомнение был поставлен и полководческий талант М.И. Кутузова, который, к тому же, «оказался слишком стар для каких бы то ни было решительных действий»¹⁰. Из известной характеристики, данной А.В. Суворовым своему подчиненному М.И. Кутузову: «Ой, умен! Ой, хитер! Никто его не обманет!», Покровский взял только хитрость, да и в той находил изъяны. «Кутузов был достаточно хитер, чтобы обманывать не Наполеона, как он обещал, а хвастливых воинов и их поклонников: усердно повторяя “патриотические” фразы, он делал то, что было единственно возможно, терпеливо дожидаясь, пока обстоятельства выведут Россию из тупика, куда ее завели люди, уверенные, что “неприятель дрянь”. Как известно, он даже перехитрил, продолжая бояться Наполеона долго после того, как тот перестал быть страшен. Но у всякой добродетели есть своя обратная сторона»¹¹, — писал Покровский. Таким образом, не решения Кутузова, а цепь обстоятельств решили исход войны 1812 года. Более того, историк упрекал фельдмаршала в излишней осторожности, в переоценке потенциала армии Наполеона.

В своем труде Покровский отказал в патриотизме непосредственным участникам Отечественной войны 1812 года и всему русскому народу. Для него патриотизм оказался одной из разновидностей национализма. «Наука не имеет никаких оснований

проводить резкую черту между “несимпатичным” национализмом и “симпатичным” патриотизмом. Оба растут на одном корню»¹², — утверждал лидер марксистского исторического фронта. Смешивая и извращая эти понятия, Покровский рассуждал исключительно о национализме, подчеркивал, что «национализм не в одной России явился первичной, зачаточной формой политического сознания»¹³. Он стремился утвердить в общественном восприятии войну 1812 года как одно из рядовых событий в развитии торгового и промышленного капитала в России. Для него было а priori, «что Москва была сожжена не жителями, действовавшими в припадке патриотического усердия, а полицией, исполнявшей приказание того же Растропчина, что французская армия пала жертвой не народного восстания, а недостатков собственной организации, и поскольку она не была дезорганизована (так именно было с императорской гвардией), к ней до конца не смели подойти не только партизаны, но и регулярные русские войска»¹⁴. Исследователь не принимал во внимание массовых исторических свидетельств обратного. Даже воспоминания декабристов, участвовавших в сражениях с Наполеоном, о патриотическом подъеме тех лет, которых он ценил как участников русского революционного движения, не были для него аргументом. Покровский считал, что эти мемуары раскрывают только идеалистические настроения этой части русского дворянства — «так именно *чувствовали* будущие декабристы»¹⁵.

Основные положения концепции 1812 года, данные М.Н. Покровским в его «Русской истории», были перенесены им в «Русскую историю в самом сжатом очерке». Последняя была задумана как учебное пособие по отечественной истории, призванное заменить старые, дореволюционные учебники истории. В ней Отечественная война 1812 года также упоминается вскользь. Определение войны — Отечественная — берется им в кавычки¹⁶, как, впрочем, и термин «нашествие» в отношении похода Наполеона.

Из всей сложной предыстории Отечественной войны 1812 года Покровский упомянул лишь о позиции Александра I, деятельность которого оценивалась им крайне негативно. Он считал, что «напуганный примером отца, Александр держался английского союза, пока только можно было. В союз с Францией его загнала горькая необходимость, и он поспешил от него отделаться, как только представилась возможность»¹⁷. Однако историк обратил внимание на то, что разгром Наполеона сделал Александра I самостоятельнее как в отношении русского дворянства, так и на европейской политической сцене. В триумфе русского оружия он видел препятствие для революционного движения в странах Запада. Покровский писал, что «блестящие победы (русская армия дважды, в 1814 и 1815 гг., вступала в Париж) вскружили Александру I голову». Крайне негативно он расценивал образование Священного союза, рассматривая его как «союз лицемерия и тиранства». Покровский отрицал роль этого объединения европейских монархов в содействии поддержанию всеобщего мира. Для него Священный союз был исключительно «полицейским орудием для борьбы с революцией»¹⁸.

События 1812 г. спорадически возникают в изложенной им в «Самом сжатом очерке» концепции русской истории также только в связи с движением декабристов. Война рассматривалась Покровским как катализатор дворянской революционности. Он писал, что «военные после войны 1812 года, которую торжественно называли “Отечественной”, чувствовали себя спасителями отечества, первыми людьми в России. Пройдя победоносным походом до Парижа, везде встречая побежденное, заискивающее население, русские офицеры привыкли считать себя чуть ли не хозяевами

всей Европы»¹⁹. Далее Покровский отмечал, что «повидав чужие страны, о которых раньше они только слыхали или читали в книжках (путешествовать в те времена могли только богатые люди), насмотревшись на другие, не русские порядки»²⁰, русские офицеры вернулись из Европы гораздо более образованными, чем пошли туда. Столкновение европейского опыта и российской действительности, в первую очередь порядков в армии, и было, по мнению историка, побудительным мотивом к восстанию на Сенатской площади. Это была попытка «наиболее смелых» офицеров «свергнуть аракчеевщину и сделать Россию политически европейской страной»²¹. Таким образом, в историческую память русского народа герои Отечественной войны 1812 года должны были войти как участники восстания декабристов 1825 г. Их заслуги в освобождении Отечества от нашествия Наполеона были преданы Покровским забвению.

Эта концепция получила полную поддержку в руководстве страны Советов. 5 декабря 1920 г. В.И. Ленин писал М.Н. Покровскому в связи с выходом его книги: «Тов. М.Н.! Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: “Русская история в самом сжатом очерке”. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на иностранные языки». Далее В.И. Ленин сделал М.Н. Покровскому «маленькое замечание»: «Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо *дополнить* ее *хронологическим указателем*». Хронологический указатель он мыслил так: «1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки *Вашей*, марксистской, *с указанием страниц Вашей книги*». Это было необходимо, полагал В.И. Ленин, так как «учащиеся должны знать и Вашу книгу, и *указатель*, чтобы не было *верхоглядства*, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»²².

В 1923 г. вышло второе, дополненное издание «Русской истории в самом сжатом очерке». В него М.Н. Покровский включил небольшой очерк «Как и кем писалась русская история до марксистов»²³ и синхронистические таблицы²⁴. Однако сделанные В.И. Лениным предложения остались нереализованными. В хронологическом указателе сопоставлялись только события отечественной и всемирной истории, не было и сравнения оценок марксистской и буржуазной историографии. По сути, читателю был предложен единственный вариант прочтения русской истории, по Покровскому.

Влияние взглядов лидера историков-марксистов на характер войны 1812 года прослеживается в марксистских изданиях 1920-х — начала 1930-х гг. В работах Н.В. Брюлловой-Шаскольской «Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн» (М., 1931) и З. и Г. Гуковских «Крестьяне в 1812 г.» (М., 1932) патриотические настроения русского крестьянства также заслонены описанием крестьянских волнений.

Учебные пособия тех лет также продолжали неукоснительно следовать оценкам М.Н. Покровского²⁵. В этом отношении весьма показателен курс лекций С.А. Пионтковского «Очерки истории России в XIX—XX веках»²⁶. Однако в нем, несмотря на главенство концепции Покровского, Отечественной войне 1812 года все же был уделен отдельный параграф. Конечно, войне было отказано в названии «Отечественная». Для С.А. Пионтковского она была «в полном смысле войной торгового капитала», «вооруженной защитой требований поставщиков сырья на английский рынок»²⁷. Ее инициаторами были, по принятой в те годы терминологии, «феодалные и капитализирующиеся дворяне»²⁸.

В своем курсе лекций С.А. Пионтковский полностью отрицал патриотический характер войны. Наличие «национально-патриотических настроений» в дворян-

ских кругах, опровергнуть существование которых было попросту невозможно, он объяснял имевшейся у дворянства экономической заинтересованностью в ведении этой войны. Национальное воодушевление во время нашествия Наполеона Пионтковский именовал «квасным патриотизмом». Этот вывод он стремился подкрепить историческими данными. Для этого он призвал в свидетели А.С. Пушкина и Ф.Ф. Вигеля. «По словам Пушкина, — пересказывал С.А. Пионтковский отрывок из неоконченного романа «Рославлев», — “гостиные наполнились патриотами: кто отказался от лафита и принялся за кислые щи; кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский”». Затем он привел выдержку из «Воспоминаний» Ф.Ф. Вигеля, который, по мнению историка, эти же настроения описал более прозаическим языком: «Всю осень, по крайней мере, у нас, в Пензе, в самых мелочах старались высказывать патриотизм: дамы отказались от французского языка, многие из них, почти все, оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки. Поглядевшись в зеркало, нашли, что наряд сей к ним очень пристал, и не скоро с ним расстались»²⁹.

Пытаясь доказать отсутствие патриотизма в русском обществе в период наполеоновского нашествия, С.А. Пионтковский не только смешивал наносное и глубинное. Вырывая из контекста свидетельства эпохи, он совершал подмену понятий, превращая истинный патриотизм в квасной. Цитируя А.С. Пушкина, не совсем точно, но и не искажая смысла приведенных слов, историк извратил основную идею, которую поэт проводил в своем произведении. В «Рославле» в образе главной героини он показал образец подлинной любви и веры в свое Отечество, в которых она была не одинока. «О, мне можно гордиться именем россиянки!»³⁰ — так описал А.С. Пушкин ее реакцию на известие о пожаре в занятой Наполеоном Москве. Попытка А.С. Пионтковского опереться на авторитет великого русского поэта была крайне неудачной также потому, что и сам А.С. Пушкин разделял чувство гордости за победу в Отечественной войне 1812 года. «Напрасно ждал Наполеон, // Последним счастьем упоенный, // Москвы коленапреклоненной // С ключами старого Кремля: // Нет, не пошла Москва моя // К нему с повинной головою»³¹, — читаем мы в «Евгении Онегине».

В своем курсе русской истории С.А. Пионтковский крайне предвзято изображал участие дворянства в мобилизации людских и материальных ресурсов для противостояния наполеоновскому нашествию. Он абсолютизировал факты недобросовестного исполнения отдельными помещиками их гражданских обязанностей: «Дворянство согласилось жертвовать людьми и деньгами, но, как говорят документы, предписывая своим приказчикам отдавать рекрут и ополченцев, помещики приказывали отдавать хромых, слепых и вообще негодных для ведения хозяйства. Денежные же пожертвования с дворян взымались через земскую полицию уже после войны 1812 г. — в 1813, 1814 и 1815 гг.». Далее Пионтковский приводил сведения из записок одного из мемуаристов Отечественной войны 1812 года, опубликованных в «Русском архиве», согласно которым «дворяне “деньги жертвовали скудно. Вся сумма пожертвований не превышала 20 000 000 ассигнациями, да сверх того принесено в дар правительству множество старых заржавелых сабель и никуда негодных ружей”»³².

Вместо патриотического воодушевления во всех сословиях русского общества С.А. Пионтковский стремился обнаружить классовый антагонизм. Его усилия были направлены на то, чтобы представить войну 1812 года как фактор усиления антикрепостнической борьбы. «Война требовала не столько перемены дамских платьев, сколько денег и людей. Готовясь к войне, государственный аппарат стремился обе-

спечить незыблемость господства дворянства. В каждой губернии был оставлен особый отряд войск для поддержания спокойствия и обеспечения мира в имениях»³³, — писал он. В курсе лекций проводилась мысль о том, что «в занятых французами районах, где дворянская власть ослабела, где воинские отряды с трудом могли поддержать авторитет помещиков, крестьяне вели борьбу и с дворянством, и с французами, выступавшими в качестве эксплуататоров крестьянского имущества вместо дворян (французская армия снабжалась за счет местного населения)»³⁴.

Такая постановка вопроса полностью устраняла саму возможность объективного рассмотрения общественных настроений русских крестьян в период Отечественной войны 1812 года, их участия в движении сопротивления. С.А. Пионтковский полностью поддержал мнение Д.П. Рунича, московского почт-директора в 1812—1816 гг., попечителя Петербургского университета и учебного округа в 1821—1826 гг., которого он сам, как и вся последующая советская историография, называл «одним из столпов мракобесия двадцатых годов XIX века»³⁵: «крестьянство восстало за своих кур и гусей»³⁶. Окончательный вывод С.А. Пионтковского гласил, что «в этом и заключались корни того крестьянского патриотизма, который старательно восхвалялся дореволюционными историками эпохи войны 1812 года»³⁷.

В оценке итогов войны 1812 года и последующего разгрома Наполеона С.А. Пионтковский также следовал за М.Н. Покровским. Двенадцатый год привел к «победе феодальной реакции, как в России, так и в общеевропейском масштабе», к «укреплению незыблемости дворянско-феодальных устоев»³⁸.

Таким образом, главенство классовости и социальной односторонности в подходе историков-марксистов первой трети XX в. к рассмотрению событий войны 1812 года самым непосредственным образом сказались на трактовке ее характера, течения и результатов, на оценке деятельности военачальников, государственных деятелей и дипломатов обеих сторон. Произведенная подмена понятий была призвана лишить Отечественную войну 1812 года ее героики и патриотизма, сформировать в общественном сознании представления о ней как об одном из эпизодов в складывании дворянской революционности в России.

Примечания

¹ Покровский М.Н. Русская история. В 3-х т. Т. 3. СПб., 2002. С. 5.

² Там же.

³ Там же. Т. 2. СПб., 2002. С. 380.

⁴ Там же. С. 381.

⁵ Там же. Т. 3. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 5—6.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 54.

¹¹ Покровский М.Н. Русская история. Т. 3. С. 7.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Там же.

-
- ¹⁶ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия). Ч. 1—2. Изд. 2-е, доп. М.-Пг., 1923. С. 126.
- ¹⁷ Там же. С. 96.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 121.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 122.
- ²² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 24.
- ²³ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. С. 193—207.
- ²⁴ Там же. С. 209—245.
- ²⁵ См., напр.: *Замысловская Е.* Учебник истории. М.-Пг., 1923. и др.
- ²⁶ *Пионтковский С.* Очерки истории России в XIX—XX веках. Курс лекций. Изд. 2-е, доп. Харьков, 1930.
- ²⁷ Там же. С. 49.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10 т. Т 5. М., 1960. С. 147.
- ³¹ Там же. Т. 4. М., 1960. С. 146—147.
- ³² *Пионтковский С.* Указ. соч. С. 50.
- ³³ Там же. С. 49.
- ³⁴ Там же. С. 50.
- ³⁵ Там же; Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1969. С. 311.
- ³⁶ *Пионтковский С.* Указ. соч. С. 51.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.

Отечественная война 1812 года — взгляд с Украины

Изучение комплекса проблем, связанных с участием Украины в Отечественной войне 1812 года, началось еще в 1830-х гг. Дореволюционная историография носила локальный, краеведческий характер. Провинциальные историки ограничивали свою источниковую базу местными архивами, что предопределило известную узость и фрагментарность принятых ими исследований. Тем не менее, их заслугой является выявление и публикация значительного пласта документов, относившихся к эпохе 1812 года. Ими было положено начало исследованию форм и масштабов участия разных регионов Украины в Отечественной войне¹.

Украинская советская историография имела недостатки, во многом характерные для советской историографии в целом. Это схематизм в освещении событий Отечественной войны 1812 года, слепое следование официально одобренным канонам, «юбилейный» характер большинства публикаций, не предполагавший критического отношения к фактам. Ограниченной оставалась источниковая база исследований. Практически не привлекались иностранные документы. В итоге украинские советские историки оказались не в состоянии создать глубокое научное исследование, всесторонне освещавшее роль и место Украины в борьбе с Наполеоном². Не обошли стороной эту тему и историки украинской эмиграции. К сожалению, они внесли в освещение проблемы путаницу, из которой до сих пор не могут выбраться многие современные авторы.

За годы существования независимой Украины в освещении событий Отечественной войны 1812 года наметился ряд тенденций, которые являются практически общими для большинства авторов, затрагивающих данную проблему. Они сводятся к следующему: отказ от признания отечественного характера войны для украинского народа и употребления самого термина «Отечественная война 1812 года»; утверждение о якобы наличии у Наполеона планов создания на территории Украины независимого государства — «Наполеониды»; тезис о широком распространении сочувствия французам среди образованной части украинского общества, в первую очередь, дворянства; замалчивание фактов массовой поддержки населением края военных усилий российского правительства, а также участия украинских казачьих полков и ополчения в боевых действиях 1812—1814 гг.; акцентирование внимания на материальных и человеческих жертвах, принесенных украинским народом в «чужой» для него войне. Все вышеизложенные тезисы не представляют собой каких-то новых подходов к освещению темы, опирающихся на неизвестные прежде документы, а по существу являются лишь повторением положений украинской эмигрантской историографии 1830—1850-х гг.

Чаще всего упоминание о событиях 1812 г. можно найти на страницах общих курсов истории Украины. Среди многочисленных изданий подобного рода обращает на себя внимание книга Ярослава Грицака «Очерк истории Украины. Формирование современной украинской нации XIX—XX вв.»³. Адресованная главным образом преподавателям и учащимся средних и высших учебных заведений, она соединила в себе

черты учебника и научной работы. При этом автор сделал акцент не на освещении фактов, а на их интерпретации. События 1812 г. он рассматривает с точки зрения их влияния на рост национального самосознания украинцев. В целом его выводы, на мой взгляд, во многом являются верными.

Я. Грицак считает, что характерной фигурой в общественной и культурной жизни Украины начала XIX в. был так называемый тип малоросса, соединявший в себе любовь к Украине (ее природе, фольклору и т.п.) с лояльностью к Российской империи. Поэтому во время наполеоновского нашествия украинское дворянство в целом было охвачено «проимперскими патриотическими чувствами». Случаи выражения симпатий французскому императору носили единичный характер, причину чего автор видит в том, что дворянство ничего не знало о планах Наполеона создать украинское государство⁴. Война затронула лишь несколько уездов на западе Украины, поэтому не оставила глубоких следов в народной памяти, справедливо отмечает он. Однако образованная часть общества испытала на себе влияние войны, что проявилось сразу после ее окончания. «На Украине, как и в других восточнославянских землях Российской империи, влияние наполеоновской кампании имело парадоксальный характер: с одной стороны, победа над врагом вызвала среди местной элиты чувство гордости за свое славянское происхождение и укрепила лояльность к империи, с другой — пробудила понимание того, что политическая система этой империи требует глубоких изменений. Из этого духа противоречия выросли российские масоны и декабристы, украинские автономисты и белорусские будители. О чем метко сказал один из видных декабристов Матвей Муравьев-Апостол: “Мы — дети 1812 года”»⁵.

Единственной обнаруженной мною книгой, где война 1812 года названа «Отечественной» оказался «Курс украинской истории», автором которого является Владимир Борисенко⁶. Этот курс, предназначенный для студентов высших учебных заведений, содержит авторскую концепцию истории Украины, которая не грешит строго научным подходом к оценке исторических событий. Здесь имеет место своеобразный «украиноцентризм», представляющий Украину неким целостным субъектом исторического процесса, каковым она в то время не была. Так, например, В. Борисенко пишет, что в противоборстве с Россией французское правительство важное место отводило Украине. «Благодаря деятельности Ивана Мазепы, Филиппа Орлика и их единомышленников Наполеон и его сторонники считали Украину государством (!), которое попало в зависимость от Москвы и где непременно должны были существовать антироссийские силы»⁷. Подобные утверждения явно навеяны современной политической конъюнктурой. Говоря о замыслах Наполеона в отношении Украины, В. Борисенко совершенно справедливо отмечает, что четкого плана послевоенного устройства края у французов не было, а существовали лишь общие проекты. И тут же снова безапелляционно утверждает: «Украина рассматривалась французским командованием как надежный плацдарм наступления на Россию с юга»⁸. В доказательство этого тезиса он рассказывает о трех попытках французских войск захватить Украину: в июле, сентябре и октябре 1812 г. И каждый раз, натолкнувшись на сопротивление охваченных патриотическим порывом казаков и ополченцев, враг вынужден был отступать. После битвы под Малоярославцем планы Наполеона относительно Украины окончательно потерпели крах⁹. Последствия войны В. Борисенко видит в том, что население убедилось в отсутствии у царского правительства намерений восстановить автономию края, вернуть старшине, казачеству и мещанству отмененные права и привилегии. «Среди украинской интеллигенции за-

---

рождается идея необходимости борьбы за смену существующих порядков»¹⁰. Последняя фраза должна внушить читателю мысль, что украинцы в Российской империи активно боролись против властей, что противоречит фактам и также явно отдает политической конъюнктурой. Что же касается употребления определения «Отечественная» применительно к войне 1812 года, то В. Борисенко скорее всего просто следовал традиции, утвердившейся в украинской историографии за предшествующие десятилетия.

В 1999 г. увидело свет 15-томное издание «Украина сквозь века», подготовленное Институтом истории Украины Национальной Академии Наук. Девятый том охватывает период XIX—начало XX вв., его автором является крупный украинский историк, академик Виталий Григорьевич Сарбей¹¹. Отдельный раздел тома называется «Украина в войне Французской империи против Российской». Он делится на три небольших параграфа: «Оборонительные меры и подготовка военных формирований», «Украинцы на фронтах боевых действий и в партизанской войне», «Завершение войны и судьба ее украинских участников». Освещая завоевательные планы французского императора, В.Г. Сарбей пишет, что Наполеон придавал Украине исключительное значение «как очагу антироссийского национального движения», очевидно намекая, что такое движение в действительности имело место. Далее он отмечает, что Наполеон «смотрел на украинские земли как на разменную монету, которой должен был расплачиваться со своими союзниками по завоеванию Российской империи», и излагает план раздела западных и южных земель между Варшавским герцогством, Австрией и Турцией и создания «наполеонид» в центральной и восточной частях Украины¹². Создается впечатление, что речь идет о целостном замысле императора, хотя на самом деле таковой отсутствовал. Имелись лишь исходившие от разных лиц отдельные проекты, не связанные между собой, а порой даже противоречившие друг другу. «Таким образом, война с наполеоновскими полчищами действительно касалась дальнейшей судьбы украинского народа. И как ни тяжело жилось ему под гнетом Российской империи, он решил защищать родную землю от чужеземных захватчиков», — делает вывод автор. Однако, признав таким образом, что для украинского народа война носила справедливый, оборонительный характер, почтенный академик упрямо избегает именовать ее «Отечественной», что является характерной особенностью практически всех современных публикаций.

Упоминает В.Г. Сарбей и украинских помещиков, которые связывали с именем Наполеона Великую Французскую революцию, считали его «разрушителем деспотических империй». Правда, здесь фигурируют всего лишь две дано известные фамилии: Я. Мочуговский и В. Лукашевич. Но, во-первых, свои симпатии к Наполеону они высказывали за пять лет до нашествия, во-вторых, с тех пор они полностью раскаялись, а Лукашевич даже принимал активное участие в организации ополчения. Тем не менее, манипулируя этими двумя фамилиями, некоторые украинские историки до сих пор пытаются представить дело так, будто пронаполеоновские настроения имели широкое распространение среди украинской шляхты.

В.Г. Сарбей обращает внимание на то, что на процесс формирования ополчения большое влияние оказали обещания властей восстановить прежнее казачество. Численность всех украинских ополчений он определяет в 70 тыс. человек, а сумму пожертвований населения на военные нужды — в 10 млн рублей. Автор говорит о «жестоком режиме оккупации» на Волыни и сопротивлении местного населения захватчикам, приводя в качестве примера поведение жителей села Никовское Ковельского уезда, которые более суток оказывали сопротивление роте австрийцев, а затем

бежали в лес. Однако фраза о том, что «натолкнувшись на неожиданное сопротивление украинского народа, Наполеон вынужден был отказаться от намерений продвигаться дальше вглубь Украины», звучит явным преувеличением. Известно, что действия на южном фланге имели второстепенное значение.

Во втором разделе рассказывается об участии ополчения и украинцев-воинов русской армии в боевых действиях. Упоминаются фамилии некоторых солдат Киевского и Черниговского драгунских полков, отличившихся в Бородинской битве. Названы известные партизанские командиры: Ф. Потапов (Самусь) из гусарского Елисаветградского полка и Е. Четвертаков (Четвертак) из Киевского драгунского. В заключение В.Г. Сарбей подчеркивает, что после победы над Наполеоном власти не выполнили своих обещаний: полки ополчения были расформированы, казачество так и не восстановлено. С этими обстоятельствами он напрямую связывает бунты военных поселян на Украине в 1817 г. и 1819 г. В целом работа В.Г. Сарбея представляет собой попытку сочетать прежние, советские традиции в освещении войны 1812 года с некоторыми новыми тенденциями, обусловленными современными политическими реалиями. К числу последних относится отказ от употребления понятия «Отечественная война 1812 года», противопоставление патриотических действий населения Украины политике российских властей и т.д.

Едва ли не единственной за рассматриваемый период специальной публикацией по теме оказалась небольшая статья харьковского историка Владимира Кравченко во 2-м выпуске сборника «Восток—Запад»¹³. Фактически она представляет комментарий к опубликованному здесь же документу под названием «Примечания о Малороссии», обнаруженному автором в фонде А. Аракчеева Российского государственного военно-исторического архива. Документ представляет собой пространную записку, адресованную военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Ее содержание охватывает историю края, его социально-политическую и правовую систему, экономику, описание национального характера жителей, оценку реформ российских властей и т.п. Документ заканчивается прогнозом ситуации, которая может возникнуть при вторжении неприятеля в пределы Малороссии. Автор записки предположительно является подполковник Петр Андреевич Чуйкевич — сотрудник Особенной канцелярии военного министра, в обязанности которого входил сбор разведывательной информации и составление на ее основе аналитических записок. Будучи уроженцем Украины, П.А. Чуйкевич в «Примечаниях» пишет о предметах, хорошо ему известных, обнаруживая личную позицию практически по всем затронутым им вопросам. В. Кравченко относит автора записки к так называемым интеграционистам — той части украинского общества, которая выступала за полное слияние своей родины с Россией, вплоть до культурной и языковой ассимиляции. Впрочем, и интеграционисты, и их антиподы — традиционалисты одинаково враждебно относились к наполеоновской Франции. «Одних пугала связанная с нею перспектива крестьянской войны, других — призрак шляхетской Речи Посполитой. Лояльность одних находила свое обоснование в кодексе дворянской чести, верности монарху, других — глубоко укоренившемся чувстве враждебности к неправославному, в том числе западному миру»¹⁴. Автор публикации отмечает лояльность украинского дворянства к России, его массовое участие в оборонительных мероприятиях правительства и констатирует, что о наличии на Украине организованной пронаполеоновской оппозиции говорить не приходится.

К сожалению, неизвестна реакция М.Б. Барклая де Толли на записку П.А. Чуйкевича. Автор публикации не упоминает о каких-либо резолюциях военного министра

на документе. Я же от себя могу добавить, что по крайней мере одна из высказанных там мыслей — о восстановлении казачества — была взята властями на вооружение, что нашло выражение в создании Украинской конно-казачьей дивизии, Полтавского и Черниговского казачьего ополчения. Публикация В. Кравченко вводит в научный оборот новый источник, позволяющий существенно углубить представление о ситуации на Украине накануне наполеоновского нашествия.

Ярким примером манипулирования историческими фактами в угоду политическим реалиям сегодняшнего дня является монография Владимира Свербигуза «Старосветское панство», изданная в Варшаве в 1999 г.¹⁵ Концепцию своей работы он формулирует в предисловии: «Вековые черты шляхетства на Украине — внутренний демократизм и европеизм соединяются с крепостничеством и праздным бытием, как результатом российского порабощения. Союз польской и украинской аристократии на Украине является залогом стабильности старосветского общества»¹⁶. Ставя знак равенства между польской и украинской шляхтой, автор переносит его и на отношение к наполеоновскому нашествию. «В 1809—1812 гг. в Подольской и Волынской губерниях шляхетство формирует несколько воинских частей, которые нелегально пересекают границу и воюют в наполеоновской армии», — пишет он, лукаво «забыв» отметить, что в этих губерниях шляхту составляли почти исключительно поляки, чье отношение к Наполеону хорошо известно. В другом месте он сообщает, что в 1812 г. «украинское шляхетство не только бойкотирует рекрутский и казацкий набор в российскую армию, горячие головы пробираются к наполеоновской армии, чтобы воевать против России»¹⁷. При этом автор не приводит ни одного примера, не называет ни одной фамилии. Подобный прием используется им не раз. Так, например, он утверждает, что дворянские собрания «не только бойкотируют приказы российских чиновников, но и содействуют национальным движениям и успехам наполеоновской армии»¹⁸. В число саботажников он зачисляет И. Котляревского, а херсонский помещик В.П. Скаржинский, по его мнению, сформировал свой эскадрон якобы для того, чтобы присоединиться к Наполеону, о чем ничего не было известно местному губернатору. Попытки шляхты в Киевской губернии сформировать полицейскую охрану или личностные конфликты в среде дворян — все трактуется автором исключительно как противостояние украинской шляхты и российских властей. При этом он не утруждает себя доказательствами, а имеющийся фактический материал вольно трактует в угоду собственной концепции. Как видно из приведенных примеров, спектр трактовок событий 1812 г. современными украинскими историками достаточно широк: от традиционной, патриотической, слегка модернизированной на потребу времени (В. Сарбей, В. Борисенко) до откровенно антироссийской, манипулирующей фактами в попытке доказать наличие профранцузских настроений, по крайней мере, у части украинского общества (В. Свербигуз). Отказ большинством авторов от употребления определения «отечественная» подчеркивает, что участие украинского народа в войне было чуждо его интересам и не принесло ему ничего, кроме людских и материальных потерь. Заметна также тенденция к преувеличению места Украины в захватнических планах Наполеона и ходе военных действий 1812 г.

С 2003 г. начала выходить «Энциклопедия истории Украины» в 10 томах. В настоящее время выпущены 8 томов. Резонно предположить, что в энциклопедию включены все достижения украинской исторической науки на сегодняшний день, включая освещение и трактовку событий, относящихся к 1812 г. Действительно, в первом

томе опубликована статья «Война 1812 г.», автором которой является П.Г. Усенко¹⁹. Избегая употреблять термин «отечественная», он называет войну «второй польской Наполеона Бонапарта». Причины войны видятся П.Г. Усенко в борьбе двух империй за гегемонию на Востоке Европы, хотя он и отмечает, что для России война носила освободительный характер и «постепенно приобретала черты народной». Автор довольно небрежно обращается с цифрами. Так, например, численность Великой армии он определяет в 600 тыс. человек, 1-й и 2-й русских армий — в 200 тыс., армии А.П. Тормасова — в 40 тыс. человек. При этом пишет, что каждая из сторон поставила под ружье не менее миллиона солдат. Бородинское сражение, на его взгляд, закончилось победой Наполеона, а завершение кампании описано в следующих выражениях: «На опустошенном войной обратном пути, когда неожиданно ударили морозы, наполеоновские войска были постепенно разгромлены». В статье освещается ход военных действий на украинских землях, упоминается о 75-тысячном украинском ополчении, называются фамилии ряда героев войны — выходцев с Украины. Пишет П.Г. Усенко и о том, что жители Украины ожидали от иностранного нашествия «перемен к лучшему», «с внутренним удовольствием» воспринимали успехи французов, но обо всем этом — в безличных предложениях. В списке литературы, помещенном в конце статьи, не указано ни одной работы, увидевшей свет после 1988 г. Нет в нем почему-то ни работ украинских историков, ни публикаций Б.С. Абалихина, специально изучавшего участие украинского народа в войне.

Этому же автору в данной энциклопедии принадлежит и большая статья о М.И. Кутузове²⁰. В ней достаточно подробно описана та часть биографии полководца, которая была связана с его службой на Украине. Роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года посвящен один абзац следующего содержания: «Противостоял Наполеону в Бородинской битве. В покинутой Москве приказал сжечь запасы продовольствия и фуража, вывезти оттуда пожарный инвентарь, что стало одной из причин гибели оставленных в Москве тысяч русских раненых и гибели значительных материальных ценностей, исторических реликвий и памятников. Развил тактику и стратегию (“малой”, “народной”) борьбы, чем, в конце концов, добился отступления измотанных вражеских частей. Решительно перекрыл пути, которые французские войска могли бы использовать для движения на юг, в частности на Украину. Для укрепления дисциплины среди подчиненных ввел суровый полицейский надзор за ними. Полагался на выносливость солдат русской армии, обрекая их на голод и холод ради “славы русского народа”». С литературой в этой статье дело обстоит несколько лучше, чем в предыдущей. Автор указывает книгу Н.И. Троицкого «1812. Великий год России» (М., 1988) и статью А.А. Смирнова из энциклопедии «Отечественная война 1812 года» (М., 2004).

Есть в «Энциклопедии истории Украины» и маленькая статья о Бородинской битве (автор И.М. Кулинич). Она названа генеральной битвой, где участвовало с русской стороны 126 тыс. человек и 640 орудий, с французской — 135 тыс. человек и 587 орудий. Автор не называет победителя. Русская армия, понесшая большие потери, отступила по приказу Кутузова. Потери французской армии, которые невозможно было восполнить, обусловили перелом в войне в пользу русских. В статье упоминаются солдаты кавалерийских полков с украинскими фамилиями, отличившиеся, правда, в бою у Шевардино. В списке литературы о битве самая свежая работа относится к 1962 г.²¹

В энциклопедии есть ряд биографических статей об участниках Отечественной войны 1812 года, но только о тех, чей жизненный путь был хоть как-нибудь связан с Украиной. Статей об украинских ополчениях в 1812 г. нет вообще. В упоминавшейся статье «Кутузов» имеется отсылка на статью «Народные ополчения», но таковая в соответствующем месте энциклопедии отсутствует. В общем и целом, статьи в «Энциклопедии истории Украины» о событиях и людях 1812 г. в информативном и оценочном отношении являются скорее шагом назад, даже по сравнению со скромными успехами историографии советского периода.

Наивысшим достижением украинской историографии на сегодняшний день является монография львовского историка Вадима Ададура «“Наполеонида” на Востоке Европы: Представления, проекты и деятельность правительства Франции в отношении юго-западных окраин Российской империи в начале XIX столетия», изданная в 2007 г. и защищенная в качестве докторской диссертации в 2008 г.²² Автор имел возможность работать в архивохранилищах Франции, Польши, Австрии. Основной источниковой базой исследования стали около 400 опубликованных документов из зарубежных архивов. Важным и интересным элементом работы являются методологические принципы, на которых она базируется. В. Ададура отходит от методологии позитивизма, которая долгое время доминировала в наполеоновских исследованиях. В частности, он обращается к методу психологической реконструкции и делает удачную, на мой взгляд, попытку «самому почувствовать то, что понимали и чувствовали люди прошлого».

Монография В. Ададура состоит из трех частей, в которых последовательно раскрываются представления, проекты и практические действия наполеоновского правительства в отношении юго-западных окраин Российской империи. Первая часть посвящена реконструкции образа региона в представлениях Наполеона и его окружения. В. Ададура приходит к выводу: представления, которые отражены в документах наполеоновского правительства, существенно отличались от действительности. Во многом они сформировались под влиянием деятелей польского патриотического движения, которые информировали Наполеона о ситуации в регионе, исходя из собственных политических интересов, и вселяли в умы французских чиновников и военных неоправданный оптимизм. В итоге накануне похода в Россию планы Наполеона использовать в своих целях украинское население оказались столь же нечеткими, как и сами представления «официальных французских чиновников».

Что касается проектов военных экспедиций на юго-западных окраинах Российской империи, то их в 1806—1807 гг. и 1812 г. существовало немало. Но и они принадлежали деятелям польского патриотического движения и базировались на противоречивших действительности утверждениях о готовности местного населения к восстанию и неспособности русских властей оказать организованное и эффективное сопротивление. Ни один из таких проектов не был реализован. В. Ададура считает, что Наполеон не имел в 1812 г. ясного плана войны с Россией и, начиная кампанию, не знал, когда и где он ее завершит. В монографии рассмотрен дискуссионный вопрос о плане Наполеона отступить из сожженной Москвы на юг — в богатые и не затронутые войной украинские губернии. Путем комплексного анализа автор доказывает бесосновательность такого предположения.

В третьей части монографии прослеживаются практические действия французского правительства: экономические, разведывательные, военные. Большой раздел

этой части посвящен французской разведке. Приведенные в нем факты существенно расширяют имеющиеся представления о масштабах, формах, а главное — результатах ее деятельности. Автор приходит к выводу, что секретные службы императора оказались беспомощными перед вставшими перед ними проблемами и неспособными добыть достоверную информацию о численности, передвижениях и планах русской стороны. Освещая военные действия на Волыни в 1812 г., В. Ададулов акцентирует внимание на том, что действия корпусов Ш. Ренье и К. Шварценберга не смогли устранить угрозу тылам и правому крылу Великой армии. Этот стратегический просчет стал одной из важных причин поражения Наполеона.

В ходе исследований в парижских архивах В. Ададулов установил, что укоренившаяся в украинской историографии версия о намерении Наполеона создать на украинских землях самостоятельное государство — «Наполеонида», является мифом, автором которого был историк-эмигрант И. Борщак. Путем манипуляций с выходными данными ряда архивных документов в своей книге «Наполеон и Украина» он выдал проект польского генерала М. Сокольниковского за документ, вышедший из недр министерства иностранных дел Франции и получивший одобрение императора.

Несмотря на ряд имеющихся недостатков, монография В. Ададулова несомненно стала важным шагом вперед в изучении все еще недостаточно освещенной многогранной проблемы «Наполеон и Украина»²³. К сожалению, появление этой работы не ознаменовало собой изменение тенденций в освещении войны 1812 года на Украине. Она лишь показала, что появилось новое поколение ученых, которым по плечу современные, нестандартные подходы к оценке событий прошлого.

Двухсотлетний юбилей Отечественной войны 1812 года не остался незамеченным на Украине. Прошли научные конференции в Луцке (май) и Харькове (сентябрь), «круглый стол» в Днепропетровске (июнь), в декабре намечается конференция в Киеве. Знакомство с материалами уже состоявшихся форумов позволяет сделать некоторые предварительные замечания относительно состояния изучения событий 1812 г. на Украине в настоящее время. К сожалению, картина мало отличается от того, что было раньше. Обращение к проблематике Отечественной войны по-прежнему носит юбилейный характер, так как вне «круглых» дат ее изучение не ведется. В поле зрения исследователей все так же находятся события местного значения, при этом практически не используются материалы провинциальных архивов. Авторы слабо знакомы с современной российской историографией темы. Практически не используются литература и источники на иностранных языках.

Примечания

¹ *Потрашков С.В.* Дореволюционная провинциальная историография событий Отечественной войны 1812 года на Украине // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X Всероссийской научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2001 г.). М., 2002. С. 162–170.

² *Потрашков С.В.* Отечественная война 1812 года в украинской историографии (1917–1991) // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений. Материалы международной научной конференции (Бородино, 9–11 сентября 2002 г.). М., 2003. С. 235–243.

³ *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 1996.

⁴ Там же. С. 28.

-
- ⁵ Там же. С. 29.
- ⁶ *Борисенко В.Й.* Курс української історії. З найдавніших часів до XX ст. Навч. посібник для студентів вищих закладів освіти. Київ, 1998.
- ⁷ Там же. С. 387.
- ⁸ Там же. С. 388.
- ⁹ Там же. С. 389, 390.
- ¹⁰ Там же. С. 392.
- ¹¹ Україна скрізь віки. У 15 т. Т. 9. Національне відродження України. Київ, 1999. С. 64—75.
- ¹² Там же. С. 64.
- ¹³ *Кравченко В.В.* Україна напередодні російсько-французької війни 1812 р. Очима сучасника // Схід-Захід (історико-культурологічний збірник). Вип. 2. Харків, 1999. С. 198—211.
- ¹⁴ Там же. С. 200.
- ¹⁵ *Свербигуз В.* Старосвітське панство. Варшава, 1999.
- ¹⁶ Там же. С. 4.
- ¹⁷ Там же. С. 115.
- ¹⁸ Там же. С. 120.
- ¹⁹ Енциклопедія історії України. В 10 т. Т. 1. Київ, 2003. С. 536, 537.
- ²⁰ Там же. Т. 5. Київ, 2008. С. 537—539.
- ²¹ Там же. Т. 1. С. 387.
- ²² *Ададуrow В.* «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007.
- ²³ Более подробно о достоинствах и недостатках книги В. Ададуrowа см.: *Потрашков С.В.* Наполеонівська Франція і Україна: химерні уявлення, ілюзорні проекти, безпорадні дії // Вісник Харківської державної академії культури: Зб. наук. пр. Вип. 24. Харків, 2009. С. 282—286.

Ю. В. Лулева

100-летний юбилей войны 1812 года. Россия и страны Антанты

Столетие Отечественной войны 1812 года стало знаменательным событием в жизни страны. Резко возросший в канун юбилея интерес к истории наполеоновского нашествия на Россию способствовал рождению многочисленных общественных инициатив¹. 10 (23) августа 1912 г. был Высочайше утвержден порядок празднования 100-летия Бородинского сражения².

Начало юбилейных торжеств было приурочено к 100-летию Бородинской битвы 26 августа (8 сентября) 1912 г. Накануне 25 августа в ожидании императора Николая II у Спасо-Бородинского монастыря собралось многочисленное духовенство во главе с митрополитом Московским Владимиром. Воинские части, предки которых участвовали в Бородинском сражении, были выстроены на батарее Раевского. Российские военные, государственные и общественные деятели ожидали начала торжеств у могилы Багратиона. Императорская семья прибыла на автомобиле, под колокольный звон собора. После торжественной встречи Николай II посетил Владимирский собор Спасо-Бородинского монастыря, затем осмотрел памятники русским полкам и дивизиям на Бородинское поле. Верхом на коне он совершил парадный объезд войск, который начался с батареи Раевского.

За два года до начала торжеств начались поиски живых свидетелей войны 1812 года. Было найдено 25 человек в возрасте около 110 лет. Шестеро из них — А. Винтонюк, М. Пятачков, П. Лаптев, Г. Громов, С. Жук и М. Желтякова смогли прибыть на торжества. Их посадили на стульях у решетки ограды. После объезда войск император в сопровождении свиты подошел побеседовать с ними.

В полдень на Бородинское поле прибыл крестный ход, шедший из Смоленска с чудотворной Смоленской иконой Божией Матери, которая сопровождала русские войска в 1812 г. Возле главного памятника у братской могилы павших воинов был отслужен благодарственный молебен. «Небывалую по красоте картину представляло Бородинское поле: бородинский памятник, освещенный солнечными лучами, большой шатер с походной церковью императора Александра Благословенного господствовал над всей местностью, а вокруг, как бы окружая памятник, войска всех родов оружия в разнообразном обмундировании», — писала газета «Санкт-Петербургские ведомости»³.

Хоры музыки войсковых частей играли «Коль славен». Император, сопровождаемый свитой, вышел навстречу чудотворной иконе, принял окропление святой водой и последовал с крестным ходом к Бородинскому памятнику. В походной церкви Александра I митрополит Московский совершил панихиду по Благословенному императору и павшим в Отечественную войну 1812 года. Затем Николай II и великие князья последовали за Смоленской иконой Божией Матери, которую обнесли вдоль фронта, расставленного на Бородинском поле в воспоминание того же события накануне Бородинского боя.

---

26 августа 1912 г. празднество началось с торжественной литургии во Владимирском соборе Спасо-Бородинского монастыря. Раскаты пушечных выстрелов над Бородинским полем известили народ о начале торжеств, посвященных столетию великого сражения. В честь юбилея был оглашен приказ, изданный императором Николаем II для армии и флота. В нем, в частности, говорилось: «С глубокою верою во всемогущество Божие, в полном единении со своим государем и с покорностью перед предстоящими неисчислимыми и тяжелыми испытаниями, преданные своему долгу, армия и флот приступили к совершению великого дела, и проявленные беззаветные подвиги мужества и храбрости спасли Отечество, заслужили благодарную память и вечное уважение потомства и удивление дотоле непобедимого врага и всех народов Европы». Приказ заканчивался словами: «Имена ваши и содеянные вами подвиги неизгладимо будут жить в памяти благодарного отечества»⁴. В тот же день также был опубликован особый манифест и положение о медали, установленной в память 100-летия Отечественной войны. На одной стороне юбилейной медали был изображен портрет императора Александра I, на другой была размещена надпись «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги. 1812—1912»⁵.

После торжеств на Бородинском поле празднование переместилось к Московскому Кремлю. 27 августа (9 сентября) 1912 г. у входа в Успенский собор императора, его семью и свиту встречал Московский митрополит Владимир с крестом в руке. Императорская семья, поклонившись народу, прошла в собор. Из ризницы были вынесены ветхие, кое-где обожженные и простреленные пулями боевые знамена 1812 г. Началась служба и молебен с коленопреклонением. Заключительные торжества состоялись на Красной площади 29 августа (11 сентября) 1912 г. Они открылись крестным ходом к специально установленному шатру с выставленными перед ним боевыми знаменами, под звон всех московских колоколов и гром пушек с Кремлевской стены.

Из Москвы император с семьей отправился в Смоленск. В кафедральном Успенском соборе состоялась молебен и прикладывание к чудотворной Смоленской иконе Божией Матери. Из собора Их Величества последовали на плац к памятнику 1812 г., где были собраны три тысячи учащихся средних учебных заведений.

В рамках проведения юбилея войны 1812 года на Бородинском поле были установлены 36 монументов. В Москве были возведены Бородинский мост, музей-часовня при Кутузовской избе в Филях, учреждены юбилейная наградная медаль и специальный «бородинский» рубль⁶, художником Ф.А. Рубо была написана панорама «Бородинская битва». В залах Императорской Академии открылась выставка картин, гравюр и рисунков, относящихся к эпохе Отечественной войны 1812 года. Все экспонаты были собраны из государственных и частных музеев, а также у отдельных лиц⁷. В планируемый к открытию Музей Отечественной войны 1812 года поступило значительное количество предметов, относящихся к этой героической эпохе. В частности, в него были переданы хранящиеся в Чудовом монастыре знамена народного ополчения 1812 г., образ Нерукотворного Спаса, принадлежавший М.И. Кутузову⁸.

Российские меценаты и предприниматели также внесли свой вклад в торжества. А.П. Шереметевский пожертвовал московскому губернскому земству 55 тыс. рублей и 6 десятин земли в селе Козине Звенигородского уезда для постройки там сельскохозяйственной школы в память Отечественной войны⁹. Московское купеческое общество постановило учредить в память столетнего юбилея Отечественной войны

просветительский фонд имени императора Александра I. На счет фонда поступило 100 тыс. рублей¹⁰.

Официальная газета «Правительственный вестник» ежедневно публиковала отчеты о том, как шла подготовка к празднованию в российских губерниях. Директор народных училищ Астраханской губернии обратился к городской управе с просьбой предложить городской Думе увековечить память о войне 1812 года учреждением соответствующих стипендий при существующих училищах, а также присвоить училищам, библиотекам, читальням и другим просветительским учреждениям наименований событий и лиц, особо прославленных в войну¹¹. Смоленским губернским земством к юбилею были изданы сборник материалов и брошюра, посвященные событиям 1812 г., имевшим место в Смоленской губернии. Совещание московских думских комиссий постановило истратить на ремонт Триумфальных ворот и привести в порядок за счет города могилы и памятники героев Отечественной войны на московских кладбищах. Во всех городских школах были организованы чтения по истории Отечественной войны и учащимся были розданы популярные брошюры.

Празднование юбилея 1812 г. совпало с предвыборной кампанией 1911—1912 гг. в IV Государственную Думу. Практически все партии активно включились в процесс подготовки к юбилею. Они проводили собрания и совещания, приуроченные к памятным датам; огромными тиражами издавали литературу о войне 1812 года¹². Московское дворянское депутатское собрание опубликовало сборник «Московское дворянство в 1812 году»¹³.

Российское общество начала XX в. с большим интересом отнеслось к юбилейным торжествам. Выпуск брошюр и книг, посвященных войне 1812 года, приобрел особое просветительское значение в регионах России. Издательская юбилейная продукция была представлена, главным образом, художественными альбомами, открытками, репродукциями картин. В российских музеях проходили тематические выставки, посвященные эпохе 1812 года.

Вся Россия праздновала 100-летнюю годовщину Отечественной войны 1812 года с чувством законной национальной гордости. Бородино стало главной темой всех популярных книг. В обзоре книг, изданных в Российской империи в 1910—1913 гг., которые поступили в широкую продажу и были доступны населению, ярко прослеживаются темы героизма русского народа и освященной Богом власти императора Александра I. Накануне праздничных торжеств Совет императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО) подвел итоги конкурса на лучшую популярную брошюру по истории 1812 г. Победа была присуждена действительному члену общества П.М. Андрианову за работу «1812 год»¹⁴.

В юбилейном сборнике «1812 год. Издание для учащихся средних учебных заведений старшего возраста» приводились интересные сведения об идеологической подготовке к войне с Наполеоном в 1806 г.¹⁵ Авторы сборника критиковали внешнюю политику Александра I. Учитывая международную обстановку начала XX в., они делали вывод, что Заграничные походы 1813—1814 гг. были не нужны, поскольку они укрепили Пруссию, а потом Германия отплатила черной неблагодарностью.

Для детей издавались небольшие сборники для чтения в школах, содержащие отрывки из произведений Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, Я. Полонского, записок сержанта Бургоня, Домерга и др. Простые рассказы, передающие эпизоды перехода

французов через Неман, Бородинского сражения, пожара Москвы и др., давали детям живое представление о событиях Отечественной войны 1812 года¹⁶.

Среди книг, изданных к юбилею, следует отметить иллюстрированную книгу А.В. Богдановича «1812 год», сборник «Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях»¹⁷, брошюру Н.Н. Фирсова «1812 г. в социолого-психологическом освещении»¹⁸, а также путеводитель, посвященный Москве в 1812 г.¹⁹, изданный Московским городским управлением.

В 1912 г. вышло несколько изданий, посвященных участию в войне духовенства: труд протоирея А. Никольского, где в форме очерков изображались подвиги духовенства Московской епархии, деятельность которого протекала в 1812 г. в особенно тяжелых условиях²⁰, научно-популярное произведение К.А. Военского «Русское духовенство и Отечественная война 1812 года»²¹, посвященное в основном проповеднической деятельности духовного сословия, брошюра протопресвитера Г.И. Шавельского «Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном», рассказывающая о подвигах наиболее отличившихся военных священников²². К юбилею войны в периодических изданиях вышло много статей, авторами которых были преимущественно священнослужители²³.

На страницах газет и журналов подвергалась критике внешняя политика России начала XX в. Например, автор одной из статей, опубликованной в газете «Новое время» от 18 марта 1912 г., призывал: «И хорошо бы каждому русскому человеку по душе и по сердцу оглянуться вдаль истекшего столетия. Какой это прекрасный урок для слабовольного, унылого и скептического поколения дней Портсмутского договора! Молодежь, особенно еще юную, должны мы уберечь от разлагающегося, жалкого и бесплодного неверия в себя»²⁴. Н.Н. Симонич (под псевдонимом Лахвари) в «Санкт-Петербургских ведомостях» с прискорбием указывал, как на фоне 1812 г. блекнет современная действительность и какой ужасающей безотрадной тоской веет от нее. «Только глубокая вера в возможное возрождение дает силы говорить о нашей серенькой действительности. Но неужели нужно, чтобы повторился 1812 год со всеми его тяжелыми испытаниями и увенчанный славой», — размышлял он²⁵.

На протяжении двух лет с 1910 по 1912 гг. издавался иллюстрированный научно-популярный журнал «Тысяча восемьсот двенадцатый год»²⁶. В нем подчеркивалось значение 1812 г. для прошлого и будущего России: «Многие ли народы могут, оглянувшись на пройденный ими исторический путь, увидеть столь великое дело, как подвиг русского народа в годину Отечественной войны. Этот подвиг должен и в будущем, неведомом и туманном, в дни тяжких испытаний, в дни потрясений и невзгод служить источником духовной силы и уверенности в победе для русского народа»²⁷.

В начале XX в. Европа перешла от дипломатии монархов к дипломатии коалиций. Оформились два блока «Тройственный союз» (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и «Сердечное согласие» (Франция, Англия и Россия). Франция являлась союзником России с 1894 г., в 1907 г. было подписано русско-английское соглашение по разграничению сфер влияния в Азии. Накануне 100-летнего юбилея российские газеты писали о Франции: «Эта память о войне 1812 года живет в нас и поныне, не вызывая враждебные чувства к нации, ставшей нашим союзником»²⁸.

Официальные и частные русско-французские встречи проходили в течение всего юбилейного года. Так, например, 31 января 1912 г. в Москву прибыли президент муниципального совета Парижа Руссель и члены этого совета. Утром 1 февраля 1912 г.

французские гости посетили братские могилы французских и русских воинов, павших в 1812 г. Французское духовенство во главе с аббатом Либерасье отслужило панихиду²⁹. От муниципального совета Парижа были возложены фарфоровые венки. Во время торжественного мероприятия гласный российской думы С.В. Пучков, посетивший ранее Париж с городским главой Москвы, произнес речь и выразил пожелание, чтобы «на великом пути мира крепла дружба между Францией и Россией и чтобы она широким кольцом охватила весь земной шар счастьем народов. Да здравствует мир и грозные стражи этого мира Франция и Россия»³⁰. 3 февраля 1912 г. в Большом театре состоялся спектакль для гостей, перед началом третьего акта раздались возгласы «Вива Франс!», вся публика встала со своих мест, приветствуя французских гостей громкими аплодисментами. Оркестр исполнил Марсельезу и Русский гимн.

Судя по статьям в парижских газетах «L'Éclair» и «L'Temps», французы в 1912 г. с интересом отнеслись к празднованию юбилея Отечественной войны 1812 года, несмотря на то, что он напоминал им о поражении. Французский общественный деятель барон де Бай, часто публиковавшийся в «L'Éclair», задавал вопрос: «Как согласовать торжество победителей и самолюбие побежденных, не обижая его!? Не разделяя на этом юбилее одних, которые с тех пор возбуждают массу интереса, от других, к которым относят упреки?»³¹. «Величие души русского царя помогло решить эту задачу», — отвечал он. Дело в том, что в начале февраля 1912 г. барон де Бай был принят российским императором. Во время аудиенции Николай II высказал свой взгляд на значение предстоящих торжеств: «Я желаю, сказал он, чтобы возможно более было французских воспоминаний, соединенных с русскими, и чтобы одинаковая благодарность чествовала героев двух наций... 1812 год! Как пропасть между двумя странами! Какая жертва! Сколько пролитой крови! Но сколько и перемен за этот век! Русские и французы научились, сражаясь, познавать друг друга!»³². Барон де Бай до глубины души был тронут словами российского императора, которые впоследствии цитировались во французских и российских газетах.

Французские ученые и общественные деятели неоднократно приезжали в Россию. В феврале 1912 г. в Петербург приехал директор Наполеоновского музея Жан Ажалбер. 1 августа 1912 г. в Москву для заключения франко-русского морского соглашения прибыл Президент Франции Р. Пуанкаре в сопровождении российского посла в Париже А.П. Извольского. Почетных гостей встречал губернатор Москвы Н.И. Гучков³³. На следующий день Пуанкаре посетил Московского губернатора. Во время завтрака, на котором присутствовали Извольский, члены французского правительства и представители колоний, Гучков и Пуанкаре произнесли тосты о значении русско-французского союза для народов Европы. Пуанкаре остановился на праздновании 100-летия войны 1812 года и подчеркнул, что в этом юбилее французы и русские также объединены общим чувством дружбы и взаимоуважения³⁴. В напряженной международной обстановке и усиливавшемся кризисе на Балканах и Ближнем Востоке российские и французские газеты цитировали слова Пуанкаре о том, что дипломатия России и Франции стоит на страже мира. «Этот союз дополняется благодаря расширению нашего согласия с Англией. Никто, разумеется, не может усматривать в этой мирной группировке трех дружественных держав проявления воли вызывающей или агрессивной», — подчеркнул французский президент³⁵.

Французская палата депутатов предложила увековечить героический подвиг своих предков, нашедших в России последний приют. В 1912 г. была достигнута до-

---

говоренность об установке памятника-обелиска павшим во время Бородинского сражения французам. Местом для его установки был выбран пункт, где во время сражения был расположен артиллерийский корпус француз³⁶. Учрежденный в Париже особый комитет «Французской памяти» под председательством генерала Пулло предполагал также поставить памятники павшим французским воинам в Смоленске и Вильно. Комитет разослал в редакции газет и журналов воззвание, призывающее французское общество к добровольным пожертвованиям на памятники воинам Великой армии Наполеона, павшим в России в 1812 г.³⁷ Комитет ставил в пример Россию, готовившуюся торжественно отпраздновать 100-летие 1812 года и упрекал Францию за то, что ни один памятник еще не поставлен на пути тяжелых страданий, пройденных войсками Наполеона: «Пусть все французы объединятся, дабы по примеру нашей великой союзницы России, достойно почтить память героев, павших за честь и славу Родины»³⁸.

«Правительственный вестник» писал, что из Франции были отправлены морем для французского бородинского памятника две массивные глыбы общим весом 2 800 пудов и огромный бронзовый орел весом 60 пудов, однако они затонули во время транспортировки³⁹. В итоге в конце августа 1912 г. на Бородинском поле была установлена деревянная копия этого памятника, которая простояла там в течение года, до установки постоянного металлического монумента «Мертвым Великой армии» в 1913 г.

На празднование юбилея войны 1812 года прибыла французская миссия и специальный корреспондент газеты «L'Temps» в Петербурге⁴⁰. Члены французской миссии, военные историки и общественные деятели проявляли большой интерес к архивным документам, посвященным Русской кампании Наполеона. Генерал Торси во время пребывания в Петербурге работал в российских архивах.

8 сентября (26 августа) 1912 г. в день празднования 100-летия Бородина «L'Temps» писала: «Столетний юбилей, который празднуют сегодня русские на Бородинском поле, и в праздновании которого принимают участие две французские делегации, представляет для обеих наций одинаково трагическое величие. Оно напоминает одной нации об ее национальной обороне, ... о победе в кампании, полной отступлений. Для нас это показывает в широком смысле то, что смогла армия первой Империи, в узком смысле — обозначает четкие сроки карьеры Наполеона. После был лишь один контрмарш без конца, быстрый провал, после которого оставались руины так же неизбежно, как до этого в результате успеха»⁴¹. Эта статья, посвященная героизму Великой армии и анализу Бородинского сражения, заканчивалась высокопарно: «Я вам говорю, что французы процветают всюду, я благодарю Бога и Святую Русь. Воля побеждать у него (французского народа) остается, когда он на поле битвы. Было бы достаточно, если бы после своей роковой победы Наполеон не наступал бы на Москву, но он не учитывал и не знал, что ждет его впереди. Столица в огне, отступление, зима, бездорожье, бедна стихии и огня»⁴².

В британской газете «Таймс» была опубликована статья, посвященная 100-летию Бородинской битвы. В ней сообщалось, что русские широко празднуют победу в Бородинском сражении, но сегодня «и их французские союзники не пробуждают горьких воспоминаний своим присутствием на торжествах... О Бородинском сражении, великой битве народов, ни один непрофессионал не стал бы говорить, что это был только “инцидент” в русской кампании Наполеона». «Таймс» рассматривала

русско-французские отношения после наполеоновских войн в контексте международной обстановки. По мнению правящей верхушки Англии, мудрые французские государственные деятели всегда устанавливали хорошие отношения с Россией. «Русско-французский союз считается сегодня взаимовыгодным, потому что основан на реальных интересах. Поэтому французы и русские могут встретиться как друзья, чтобы праздновать Бородинское сражение», — подытожила «Таймс».

Поздравила Россию с великой годовщиной и Черногория. В статье «Письма к ближним», опубликованной в «Новом времени», черногорцы восхищались силой русского духа: «Мы, черногорцы, сильны в наступлении, но мы и в подметки не годимся русским, когда касается дело стойкости и мужества. При хороших генералах русская армия непобедима»⁴³.

В то время, как Россия праздновала 100-летие войны 1812 года, на Балканах и Ближнем Востоке обострялась международная обстановка. В октябре 1912 г. началась Первая Балканская война. Балканский союз (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) выступил против Османской империи. Вспыхнул новый пожар, который перерос в Первую мировую войну, ставшую для Российской империи роковой.

Таким образом, в истории нашего Отечества война 1812 года заняла особое место. Победа России над объединенными силами крупнейших держав Европы стала предметом национальной гордости для российского общества, и на протяжении двух веков пробуждает высокие патриотические чувства у потомков. Резко возросший в канун 100-летнего юбилея интерес к истории наполеоновского нашествия на Россию способствовал рождению многочисленных общественных инициатив, направленных на запечатление в народной памяти героических традиций, связанных со знаменательным событием. Появились новые исторические исследования о войне 1812 года, были выпущены популярные книги, публикации в журналах и газетах. Практически единогласно все авторы издаваемых к юбилею книг подчеркивали, что если бы война в России была похожа на наполеоновские войны в Западной Европе, то Наполеон бы ее выиграл, но император французов упустил из вида не только географические и климатические условия России, но и главную особенность русского народа, его сословный, религиозный и государственный быт, ставший таким препятствием, которое не смогла сломить Великая армия. Поражение Наполеона в России было предопределено тем, что война приняла всенародный характер. Вместе с генералами, офицерами и солдатами свой личный вклад в разгром врага внесли патриотически настроенные представители дворянства, купечества, крестьянства. Тем самым был создан уникальный исторический прецедент, когда сильнейшая армия мира в короткий срок оказалась фактически полностью уничтоженной. Наверное, поэтому крах русской кампании Наполеона у многих, в первую очередь зарубежных аналитиков, не находит в достаточной мере аргументированного объяснения.

Анализ зарубежной литературы XIX — начала XX в. показывает, что память французов о войне 1812 года осталась фактически неизменной. основополагающими элементами этой памяти были убежденность в превосходстве французской армии, морально-волевых и профессиональных качествах ее солдат, одержавших в 1812 г. удивительные победы под Витебском, Смоленском, Бородином, Малоярославцем, но не выдержавших нечеловеческих условий похода и давления «стихий».

Оригинальный подход к изучению Русской кампании 1812 г. представила британская историография, менее подверженная стереотипам памяти, в отличие от фран-

цузской и немецкой традиций. Распространение геополитических теорий накануне Первой мировой войны затронуло и проблематику 1812 года. В британских работах того времени — не без некоторого пропагандистского налета — подчеркивалась надежность России как политического союзника, так как стойкость русских солдат была проявлена в тяжелой борьбе с лучшей армией своего времени под командованием великого полководца Наполеона.

В год 200-летия Отечественной войны 1812 года изучение темы продолжается как в России, так и в Западной Европе. Дальнейшее поступательное развитие темы настоятельно требует осмысленного подхода к ретроспективе формирования и утверждения в исторической науке различных ключевых положений истории этой героической эпохи.

Примечания

- ¹ Подготовка к юбилейному году началась в 1910 г. Была создана специальная межведомственная комиссия под председательством члена Военного совета, генерала от инфантерии В.Г. Глазова, которая начала выработку программы мероприятий. О предыстории создания и об основных мероприятиях комиссии см.: *Мальшикин С.А.* 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. // II этап Отечественной войны 1812 г.: Проблемы изучения, источники, памятники. Малоярославец, 1997.
- ² Правительственный вестник. 11 (24) августа 1912.
- ³ Санкт-Петербургские ведомости. 26 августа (8 сентября) 1912.
- ⁴ Правительственный вестник. 27 августа (9 сентября) 1912.
- ⁵ В 1912 г. было изготовлено 442 бронзовых юбилейных медали «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.». Медалью награждались все участвовавшие в празднествах воинские чины от солдата до генерала, состоявшие на службе «в тех войсковых частях, которые участвовали в Отечественной войне 1812 года, от начала ее до окончательного изгнания неприятеля из пределов России (то есть с 12 июня по 25 декабря 1812 г.)». Награждались также гражданские служащие, лица духовного звания, принимавшие официальное «участие в парадах на Бородинском поле и под Москвою», а также служащие императорской канцелярии, предки которых «по случаю военного времени... следовали в походе за императором Александром I».
- ⁶ «Бородинский рубль» — 1 рубль 1912 г. Лицевая сторона — уменьшенная копия малой государственной печати Александра I, на которой изображен государственный герб — двуглавый орел со скипетром, державой и большой императорской короной в окружении гербов Великого княжества Финляндского, Царства Казанского, Царства Сибирского, Киева, Новгорода и Астрахани и надпись: «Александр I Божию Милостию император и самодержец Всероссийский». На оборотной стороне в обрамлении юбилейных дат «1812» и «1912» помещен текст, взятый из манифеста: «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги». Монета была отчеканена в количестве 26 500 штук и предназначалась для раздачи нижним чинам, участвовавшим в юбилейном параде в Москве.
- ⁷ В библиотеке императорской академии художеств в марте—сентябре прошла выставка рисунков профессора Ковалевского, иллюстрировавшего, в частности, «Войну и мир» Л.Н. Толстого. Всего было выставлено до 50 рисунков батального характера, относящихся к Отечественной войне.
- ⁸ После отступления французов образ этот был найден в Москве, а затем долго хранился в семье графа Голенищева-Кутузова.
- ⁹ Закладка этой школы по воле жертвователя должна была быть совершена 2 сентября текущего года — в день вступления французов в Москву.
- ¹⁰ Правительственный вестник. 27 июля (9 августа) 1912.
- ¹¹ Также прилагалось ходатайство об ассигновании местным училищам некоторых сумм на празднование юбилея и на приобретение для раздачи учащимся книг, брошюр, относящихся к войне 1812 года, и изображений императора Александра I.
- ¹² Среди всероссийских партий, сделавших ставку в предвыборной кампании на патриотические настроения, были: Союз русского народа обновленческий, Русский народный союз имени Михаила Архангела и Всероссийский национальный союз. Деятельное участие в юбилейных тор-

жества принимало и Русское собрание — старейшая монархическая организация, являвшаяся идейным и интеллектуальным центром правых консерваторов, но напрямую в выборах не участвовавшая.

- ¹³ Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.
- ¹⁴ *Андреанов П.М.* 1812 год. СПб., 1912. Целевым назначением данного издания являлось ознакомление и популяризация истории войны 1812 года в широких народных массах. Книга, общим тиражом 1,5 млн экземпляров, активно распространялась среди учащейся молодежи и в армии.
- ¹⁵ «Каждый воскресный и праздничный день по окончании литургии духовенство было обязано читать в церквях сочиненное по этому поводу объявление Святейшего Синода, в котором перечислялся ряд прегрешений Наполеона». (1812 год. Юбилейный сборник. Издание для учащихся средних учебных заведений старшего возраста. Московский учебный округ. М., 1912. С. 26.)
- ¹⁶ См., например: Отечественная война 1812 года. Юбилейный очерк для младших классов средних учебных заведений и начальной школы. М., 1912; Народ — освободитель Родины: 1812 г. Год отечественной славы. Для малограмотных и для ребят, а грамотные сами прочтут между строками: Рассказал мой брат — солдат. СПб., 1912.
- ¹⁷ Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М., 1912.
- ¹⁸ *Фирсов Н.Н.* 1812 г. в социолого-психологическом освещении. М., 1913.
- ¹⁹ Москва в Отечественную войну 1812 года. Путеводитель. М., 1912.
- ²⁰ *Никольский А.* Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 г. М., 1912.
- ²¹ *Военский К.А.* Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912.
- ²² *Шавельский Г.И.* Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912.
- ²³ *Орловский И.* Дьячок-партизан 1812 года // Исторический Вестник. 1902. № 10; *Левашев П.* Историческое сказание о Смоленской иконе Божией Матери Одигитрии // Вестник военного и морского духовенства. 1912; Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. М., 1912.
- ²⁴ Новое время. 24 марта 1912.
- ²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 12 сентября (30 августа) 1912.
- ²⁶ Журнал издавался 2 раза в месяц и прекратил свое существование практически сразу после празднования 100-летней годовщины 1812 г.
- ²⁷ *Андреанов П.М.* Настроение русского народа и русской армии накануне Отечественной войны 1812 года // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1910. № 1.
- ²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 6 февраля 1912.
- ²⁹ Русские ведомости. 2 февраля 1912.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ L'Éclair. 21 février 1912.
- ³² Цит. по: Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 6. С. 229.
- ³³ Правительственный вестник. 1 августа 1912.
- ³⁴ Во время обеда французский консул граф Деваликкур произнес тост за русско-французский союз, который скоро будет праздновать серебряную свадьбу и провозгласил тост за Пуанкаре, как одного из инициаторов этого союза. См.: Правительственный вестник. 3 августа 1912.
- ³⁵ Правительственный вестник. 4 августа 1912; Санкт-Петербургские ведомости. 3—4 августа 1912; Новое время. 4 августа 1912; Московские ведомости. 4 августа 1912.
- ³⁶ Правительственный вестник. 3 мая 1912.
- ³⁷ L'Temps. Février—mars 1912.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Правительственный вестник. 20 августа 1912.
- ⁴⁰ L'Temps. 7 septembre 1912.
- ⁴¹ L'Temps. 8 septembre 1912.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Письма к ближним // Новое время. 27 августа (9 сентября) 1912.

Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация

Историико-культурная рефлексия по поводу Отечественной войны 1812 года началась только во второй половине 1830-х гг., когда притупилась боль утраты родных и близких в войне, были восстановлены сожженные и разрушенные селения. С этого момента восприятие событий Отечественной войны 1812 года переходит из русла действительности в русло истории. Говоря словами современного французского мыслителя Пьера Нора, «как только появляется след, дистанция, медиация — мы более не в истинной памяти, но в истории»¹. В начале XX в. юбилеи, отмечаемые на государственном уровне, обретают двойную функцию. С одной стороны, они воскрешают память о самом историческом событии, с другой — становятся символическим воплощением политической презентации верховной власти, репродуцируемым также представителями низших ступеней чиновной иерархии на уровне местных сообществ.

Рассмотрим три вопроса: изучение юбилеев Бородинской битвы в XX — начале XXI в., формирование в общественном сознании и политической риторике образа Бородинского поля как места памяти, а также юбилейные торжества на Бородинском поле в 1912 г. как апогей в фиксации его коммеморативной функции.

Историография юбилеев Бородинского сражения

Историография юбилеев Бородинской битвы как ключевого и самого кровопролитного сражения Отечественной войны 1812 года невелика. При этом она отличается проработкой важных деталей процесса коммеморации и этапов музеефикации Бородинского поля.

Первые подступы к изучению топографии памятных мест на поле были сделаны в альбоме «Бородинское поле сражения, его прошлое и настоящее»², вышедшем к 90-летию сражения и ставшем важным источником для историков позднего времени. За последующие десять лет, до столетнего юбилея, в обществе, прежде всего среди образованной публики, интерес к событиям войны возрастал. Один из ведущих исследователей Бородинского сражения Л.Л. Ивченко отметила как важный историографический факт, что «в связи со 100-летним юбилеем Бородинской битвы ученые и писатели получили необычайно широкий доступ к документам»³. Она подчеркнула, что «обилие введенных в научный оборот источников открывало перспективы для изучения многих аспектов Отечественной войны 1812 года и корректировки, даже пересмотра многих старых положений»⁴.

Среди работ советского периода следует отметить статью В.А. Дьякова «Бородинские юбилеи и их воздействие на дореволюционную историографию»⁵, где было отмечено, что юбилеи вызывали пристальное внимание потомков к знаковым событи-

---

ям русской истории, и становились для общественного мнения поводом осмысления исторического пути народа.

В 1990-х — начале 2000-х гг. был сделан значительный шаг в изучении Бородинской битвы и поля, на котором она происходила. Результаты исследований были опубликованы в сборниках статей «Бородинское поле. История, культура, экология» (1995, 2000), «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы» (1992—2012), «Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации» (2000).

Особо следует отметить несколько статей А.В. Горбунова, в которых дан добротный обзор новейшей отечественной историографии по проблеме изучения Бородинского сражения⁶, а также показано значение двух юбилейных дат — 1839 г. и 1912 г. в осмыслении Бородинского поля как места памяти⁷. «Юбилей 1839 г., — отмечает историк, — стал первым и неповторимым по масштабам опытом военно-исторической реконструкции Бородинского сражения. Превращение Бородинского поля в достопамятное для всей России место осуществлялось под патронатом императора Николая I. В 1839 г. была заложена основа для сохранения памяти о погибших, а также увековечения подвига российской армии. Следующий этап связан со 100-летием Отечественной войны 1812 года. С разрешения императора Николая II воинские части и соединения установили памятные знаки на тех местах Бородинского поля, где их предки сражались с неприятелем. Число памятников было ограничено, чтобы не превратить поле в подобие некрополя. Монументы с указанием названий воинских частей, их численности и потерь, частей-потомков стали своеобразным военно-историческим комментарием Бородинского сражения, выраженным достаточно деликатно средствами архитектуры»⁸. Он отмечает, что уже к 1912 г. «на поле было устроено четыре музейных экспозиции», подчеркивает, что «100-летний юбилей укрепил значение Бородинского поля в качестве военно-исторического памятника»⁹, а также делает важный вывод о том, что «Бородинское поле является классическим примером тесного взаимодействия православной и светской мемориальных традиций»¹⁰.

В статье биологов, специалистов по исторической экологии С.В. и Е.В. Пономаренко и Г.Ю. Офман «Исторический анализ изменения ландшафта Бородинского поля по материалам архивных и полевых исследований» прослежено соотношение хозяйственной и мемориальной функций поля за 200 лет (XIX—XX вв.)¹¹.

Юбилею 1839 г. посвящена также статья Е.Г. Болдиной «Из истории Бородинских торжеств 1839 года (по документам Центрального исторического архива Москвы)», где рассматриваются открытие Бородинского монумента, приуроченное к 25-летней годовщине вступления русских войск в Париж, и проведение на Бородинском поле маневров с участием 134 тыс. человек¹². Тема музеефикации Бородинского поля, в частности в связи с подготовкой к столетнему юбилею войны 1812 года, была развита Е.Г. Болдиной еще в нескольких статьях¹³. По документам ЦИАМ ей удалось подробно реконструировать процесс установки монументов в память отдельных соединений.

Истории Бородинского монумента была посвящена статья С.А. Малышкина «Из истории музеефикации Бородинского поля 1839—1911 гг. Главный монумент»¹⁴, где по материалам Российского государственного военно-исторического архива прослеживается история возведения памятника и ухода за ним в течение XIX в. Историк делает весьма важный для понимания мемориального статуса Бородинского поля

вывод: «Интерес со стороны Военного ведомства в этот период направлен лишь на сохранение Главного монумента. Все Бородинское поле, включая остатки укрепления 1812 г., становится объектом его внимания в конце 1890-х гг.»¹⁵.

С.Н. Селедкина по документам Российского государственного исторического архива подробно изложила историю проектирования и отливки чугунного 37-метрового Бородинского монумента¹⁶, а также показала процесс создания Музея 1812 года, открытого для публики в феврале 1903 г. на станции Бородино Московско-Брестской железной дороги¹⁷. В качестве важных фактов коммеморации Селедкина отметила издание фотографического альбома со 100 снимками Бородинского поля и его окрестностей, составленного Клокачевым и фотографом Пашковым (1902) и поездку на Бородинское поле членов Общества ревнителей военных знаний под руководством секретаря Общества, подполковника Генерального штаба Е. Новицкого. В приводимых архивных документах, в частности, в рапорте начальника Московско-Брестской железной дороги Ф.Ф. Меца отмечалось, что целью данного общества являлось «поддержание и реставрация памятников, полей и местностей, славных по значению их в военно-историческом отношении».

Роль фотографических работ С.М. Прокудина-Горского в качестве визуального источника, зафиксировавшего вид Бородинского поля в 1911 г., накануне празднования юбилея, проанализирована в статье А.А. Подмазо «Бородинское поле на цветных фотографиях 1911 г.»¹⁸. Автор, опираясь на фотографии Прокудина-Горского, описывает изменения в статусе и физической сохранности знаковых памятников Бородинского поля на протяжении XX в.: Бородинской церкви, Бородинского монумента на батарее Раевского (снесенного в 1932 г. и восстановленного в 1987 г.), Шевардинского редута, церкви Спаса Нерукотворного в Спасо-Бородинском монастыре, Музея 1812 года на станции Бородино. В статье отмечен отрядный факт доступности для современной широкой публики восстановленных цветных фотоснимков Прокудина-Горского на интернет-сайте «1812 год». (На сегодняшний день это один из лучших профессиональных исторических сайтов по качеству и разнообразию материалов.)

В 2002 г. в коллективной монографии Института российской истории РАН «Россия в начале XX века. Исследования» в составе главы Г.Н. Ульяновой «Национальные торжества» был опубликован параграф «Столетие Бородинского сражения»¹⁹. По периодике и дневникам современников впервые в новейшей историографии был хронологически реконструирован ход празднования, в том числе и на Бородинском поле. Был отмечен всенародный характер юбилея, представлявшего собой ключевой момент в серии общенародных торжеств (двухсотлетие Петербурга, двухсотлетие Полтавской битвы, трехсотлетие Дома Романовых) в период последнего царствования, символизировавших незыблемость самодержавия через обращение к героическим событиям исторического прошлого. Позже этот текст был положительно оценен в статье К.Н. Цимбаева «Православная церковь и государственные юбилеи императорской России». Автор отметил, что в начале XX в. юбилеи имели важнейшее значение в качестве фактора обновлявшихся идеологием монархии: «В воспоминаниях о бывших ратных успехах и великих победах общество искало утешения и новые ориентиры, а государственная власть — новые способы легитимации после революции 1905—1907 гг.»²⁰.

Один из ведущих современных исследователей истории войны 1812 года Л.В. Мельникова в монографии «Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн» в главе «Церковные памятники Отечественной

войны 1812 года» пишет о деятельности Святейшего Синода, накануне столетнего юбилея войны собиравшего сведения обо всех церковных памятниках, посвященных подвигу русского воинства и памяти погибших²¹. Она отмечает, что мемориализация Бородинского поля началась с постройки в 1820 г. на месте гибели генерал-майора А.А. Тучкова его вдовой М.М. Тучковой церкви Спаса Нерукотворного (в честь иконы Ревельского пехотного полка, шефом которого являлся Тучков), а также возведения по ее инициативе в 1838 г. на поле Спасо-Бородинского монастыря. Мельникова подчеркивает, что начиная с 1830-х гг. и вплоть до 1917 г. 26 августа (в день Бородинской битвы) в храмах Спасо-Бородинского монастыря проходили службы, посвященные памяти погибших, а 27 августа — крестный ход из села Бородино в монастырь (сейчас эта традиция возобновлена)²². В книге также сказано, что из возведенных в 1839—1912 гг. на Бородинском поле 37 монументов один памятник представлял собой часовню, что соответствовало русской православной традиции.

К 200-летию Отечественной войны 1812 года появился ряд исследований, углубляющих понимание значения юбилеев как вех культурной памяти народов России. Сотрудниками Института российской истории РАН и Института этнологии и антропологии РАН в приуроченной к юбилею серии РГНФ «1812 год в истории и культуре России» были изданы две коллективных монографии. В книге «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России»²³ юбилею войны 1812 года посвящена отдельная, тщательно выписанная глава под названием «Священная война: вехи памяти» (авторы Л.В. Мельникова, С.С. Секиринский, А.А. Подмазо, А.В. Голубев). В параграфе, освещающем празднование столетия Отечественной войны, показаны подготовка торжеств и сама церемония, происходившая на Бородинском поле, сделан вывод о междуведомственной координации подготовки юбилея. В целом авторам удалось обобщить существующий на сегодняшний день массив историографии, дать реконструкцию событий с использованием вновь выявленных архивных документов. Следует особо отметить заслугу исследователей в том, что они показали столетний юбилей войны 1812 года как всенародное празднование, происходившее на государственном и местном (губернском и уездном) уровнях. Впервые в историографии представлен политический и общественный контекст празднования юбилея. Показано, что «оппозиционная общественность использовала юбилей для осуждения политики монархии, всей системы принятия политических решений и управления». По мнению авторов, «попытка официальных кругов использовать юбилей для сплочения вокруг трона всех сословий страны в полной мере не удалась», напротив, «подготовка к 100-летию Отечественной войны 1812 года дала возможность противостоявшим друг другу силам распространить полемику и на сферу культурной памяти»²⁴.

В коллективной монографии «Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года»²⁵ знаменательному периоду конца XIX — начала XX в., когда произошла кристаллизация общественных воззрений на войну 1812 года как на «героическую страницу русской истории», посвящена глава «Отечественная война 1812 г. в научной мысли и литературе XIX — начала XX в.», написанная М.Г. Вандалковской. Празднование в 1912 г. на Бородинском поле поставлено автором в широкий контекст многочисленных юбилейных мероприятий, прежде всего, издания семитомника «Отечественная война и русское общество. 1812—1912»²⁶.

К 200-летию Отечественной войны историки и архивисты подготовили два интересных издания, впервые представивших вниманию читателей массив прежде мало-

---

доступных архивных документов. Роскошно иллюстрированный альбом «Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии»²⁷ включил воспроизведение более чем 300 фотографических снимков, главным образом из Российского государственного архива кинофотодокументов, Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива кинофотодокументов Санкт-Петербурга. Ценная визуальная информация, которую содержат эти документы, дополнена диском с отреставрированными кинодокументами, освещающими торжества 1912 г. Фотолетопись сопровождается интересной статьей историка-архивиста А.А. Литвина о юбилейных торжествах²⁸, которая носит обобщающий характер и опирается на историографическую традицию, сложившуюся за последнее столетие. Документы, представленные в этом альбоме, отражают события с 25 по 31 августа 1912 г. Составители отмечают, что «в процессе подготовки издания комплексное и всестороннее изучение большого массива архивных документов и материалов, мемуаров и публикаций в периодической печати, освещавших организацию и проведение торжеств, позволило с максимальной полнотой и достоверностью, практически по часам, воссоздать картину празднования языком документальной фотографии»²⁹. Большая часть фотоснимков освещает проведение юбилея на Бородинском поле и фиксирует его музеефикацию. В приложении содержится реестр монументов, установленных на Бородинском поле в период 1839—1912 гг. (из документа, хранящегося в ГАРФ).

В мае 2012 г. в выставочном зале Федерального архивного агентства была открыта выставка «„Недаром помнит вся Россия...“. Отечественная война 1812 года и Заграничные походы 1813—1814 годов. Документальные реликвии». Документы и экспонаты были предоставлены одиннадцатью российскими и зарубежными архивами и музеями. Каталог выставки, в котором даны фото наиболее интересных экспонатов, содержит статью И.С. Тихонова «Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. Бородино — Москва. 25—31 августа 1912», в которой дана хронометрия торжеств, сконцентрировано внимание на узловых моментах праздничного церемониала³⁰.

Таким образом, даже беглый обзор историографии демонстрирует значительный интерес историков как к самой истории Бородинского сражения, так и к проблеме музеефикации Бородинского поля.

Бородино: формирование и развитие коммеморативной функции

Победа в войне 1812 года, ключевым моментом которой было Бородинское сражение, стала политически артикулироваться властью в качестве позитивного маркера исторической памяти вскоре после изгнания наполеоновских войск из России и окончания боевых действий. Уже в насыщенном сентименталистской риторикой манифесте 1 января 1816 г. «О благополучном окончании войны с французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу за оказанные в продолжение войны подвиги» война 1812 года определялась как «лютая, кровавая, разорительная, ныне Промыслом Всевышнего благополучно оконченная война, ни причинами своими, ни огромностью ополчений, ни превратностью обстоятельств не подобна никаким известным доселе в бытописаниях войнам»³¹. Далее проводилась

идея «мести Божией» за гордыню завоевателя Наполеона: «О провидение! Меч, секира, глад и мраз соединяются на пагубу пришедших с яростью и бегущих со страхом из Москвы врагов... Мсть Божия совершается над ними».

Таким образом, была задана мажорная тональность описания победы. При этом отмечалось, что восхваление народной победы не должно питать тщеславие. «Что изречем, россияне, любезные наши верноподданные? ... Что изберем: гордость или смирение... Смирение наше исправит наши нравы, загладит вину нашу пред Богом, принесет нам честь, славу и покажет свету, что мы никому нестрашны, но и никого не боимся»³².

Итоги войны были тяжелейшими в экономическом отношении — почти 20 лет понадобилось на преодоление промышленного и сельскохозяйственного упадка. Поэтому фактически историко-культурная рефлексия по поводу войны начала проявляться только во второй половине 1830-х гг.

В современной историографии является общепризнанным факт, что складывание церемониала и обозначение места памяти имеет начало в 1839 г., когда впервые широко отмечалась Бородинская годовщина. Общественно-литературным прологом к 25-летию Отечественной войны стала публикация в 1837 г. в журнале «Современник» стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино». В этом произведении, известном всем последующим поколениям русских, также звучит мотив Божьей воли и самопожертвования русских воинов во время Бородинской битвы.

Бородинский памятник, идея которого возникла в начале 1830-х гг.³³, был воздвигнут по повелению императора Николая I и открыт в его присутствии 26 августа 1839 г. Информация, представленная на восьми гранях Бородинского монумента, представляла собой краткий конспект противостояния русской и французской армий с указанием количества войск, числа погибших и имен героев.

К приезду императора Николая I на торжества на Бородинском поле было куплено в «Государеву собственность» поместье Воейковых. Бывший господский деревянный дом был перестроен в «путевой» дворец для императора, а для лиц свиты построены три кавалерийских корпуса³⁴. Празднества проходили с 26 по 31 августа. В смотре войск участвовали два корпуса (2-й и 6-й). При появлении царя заиграли оркестры всех полков. 26 августа, в девять часов утра, в присутствии монарха полковые командиры зачитали Высочайший указ следующего содержания: «Ребята! Перед вами памятник, свидетельствующий о славном подвиге ваших товарищей! Здесь, на этом месте, за 27 лет пред сим, надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за веру, царя и отечество. Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана разметаны кости дерзких пришельцев — и мы вошли в Париж. Теперь настало время воздать славу великому делу. Итак, да будет память вечная бессмертному для нас императору Александру I. Его твердою волею спасена Россия; вечная слава падшим геройскою смертью товарищам нашим и да послужит их подвиг примером нам и позднейшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотом нашему Государю и общей матери нашей, России. Николай»³⁵.

По окончании чтения указа раздалось «Ура», с 27-метрового монумента спала пелена. Начался артиллерийский салют, покрывший весь плац облаком порохового дыма. После молебна и освящения памятника царь скомандовал «на колени», и опустился на колени сам. Была провозглашена «вечная память воинам, за веру и Отечество живот свой на брани положившим». Потом состоялся парад. В последующие че-

---

тыре дня проходили маневры, воссоздавшие картину Бородинской битвы (стрельба велась холостыми патронами). Всего «под ружьем» было 134 215 человек, в том числе все пожелавшие прибыть на Бородинское поле ветераны сражения³⁶.

Таким образом, место памяти (следуя концепции lieux de mémoire Пьера Нора), возникшее стихийно в ходе исторического развития, было подвергнуто первичной маркировке. Были артикулированы идеологемы, в дальнейшем ставшие незыблемыми для дефиниции значения Бородинской битвы в истории России. То есть можно говорить о том, что в 1839 г. была создана матрица официальной репрезентации события, в последующий период получившая развитие с учетом изменения политического и культурного контекста.

Следующей коммеморативной вехой стал 1902 г. Развитие профессиональных исторических исследований и создание добровольных обществ³⁷, собиравших материалы о войне 1812 года, ее героях и участниках (в том числе, мемуары и письма), привело к накоплению значительного фактического материала, его осмыслению. В публикациях на страницах журналов «Русская старина», «Русский архив» реконструировался ход военных действий и особенно картина Бородинской битвы. В том же году Обществом ревнителей военных знаний был издан специальный «Краткий путеводитель по Бородинскому полю сражения», составленный подполковником Генерального штаба Е. Новицким³⁸. Автором путеводителя был разработан пятичасовой маршрут осмотра Бородинского поля и отмечены произошедшие изменения ландшафта. Описание маршрута предварялось рассказом о битве по популярному «Обзору войн» Г.А. Леера. В путеводителе отмечалось, что для желающих «на станции почти всегда дежурит кто-либо из местных крестьян с тележкой, который за полтора—два часа провезет по всему полю сражения»³⁹.

К началу XX в. Бородино становится местом паломничества любителей старины. В 1902 г. была проведена подробная фотосъемка поля, изданная в виде альбома⁴⁰.

Столетие Бородинского сражения. Торжества 1912 года

Церемония с участием десятков тысяч человек в условиях политического кризиса (индикаторами которого были убийство П.А. Столыпина в сентябре 1911 г., расстрел рабочих на Ленских золотых приисках в апреле 1912 г., попытки ограничить полномочия Государственной Думы, непрекращающиеся массовые забастовки рабочих) стала попыткой сохранить баланс в общественном настроении, продемонстрировать незыблемость монархической парадигмы. Ричард Уортман отметил, что «празднование Бородинской годовщины в последние дни августа 1912 г. связало с монархией или, еще точнее, с самим Николаем память о героическом сражении»⁴¹.

В процессе приготовления к церемонии 100-летнего юбилея Бородинской битвы можно выделить несколько узловых пунктов: подготовку поля как места праздника, разработку церемонии как массового народного действия, презентацию императора и власти в целом во время торжеств.

Адаптация места для праздника играла особую роль. Была проведена расчистка поля битвы (его общая площадь составляла более 100 кв. км) от деревьев и перелесков для придания «исторического вида», восстановлены исторические флешы и рудуты⁴². С другой стороны, место торжеств было оснащено телефоном, телеграфом и

железнодорожным сообщением — специально была построена от станции Бородино ветка для прибытия царского поезда и устроена платформа, на которой были поставлены лавровые деревья в кадках.

За сто лет после битвы в связи с хозяйственным использованием территории произошло пережевание владений, другими словами: «изменялись... владельцы, изменялись и сами владения»⁴³. Однако, по мнению современных исследователей, существенных изменений ландшафта за столетие 1812—1912 гг. не произошло в связи с достаточно плотной заселенностью местности, давностью ее культурного освоения и прежде всего в связи с развитием там хлебопашества. Поэтому предложения по музеефикации Бородинского поля к торжеству 1912 г. сводились к восстановлению некоторых не до конца утраченных важнейших укреплений и к установке монументов героям отдельных полков и воинских частей.

Основой для подготовки поля к торжествам под руководством московского губернатора В.Ф. Джунковского послужил проект полковника Генерального штаба В.П. Никольского по восстановлению важнейших укреплений, проведению шоссе, установке обелисков. Результаты проработки Никольским вопроса о музеефикации Бородинского поля нашли отражение в его статьях, опубликованных в журнале «Братская помощь»⁴⁴. Основные идеи подготовки поля к юбилею были также изложены в его письме к В.Ф. Джунковскому (январь 1912 г.), сохранившемся в архиве⁴⁵. Никольский предлагал для «возобновления памяти о Бородинском сражении» восстановить несколько важнейших укреплений: «а) В виде каменной стенки ($\frac{3}{4}$ аршина высоты) восстановить батарею Раевского и правую Багратионову флешь (в монастырском огороде и на скотном дворе; б) возобновить в полном виде... левую Багратионову флешь, одну Горкинскую батарею, на которой находился во время боя фельдмаршал М.И. Кутузов, Шевардинский редут (где можно воздвигнуть памятник павшим французам, если этого пожелает французское правительство), Масловские укрепления и Кривушинский редут»⁴⁶.

Церемония на Бородинском поле в конце августа 1912 г. стала массовым народным действием. Состав участников торжеств должен был демонстрировать как связь эпох, фиксацию памяти о героизме русских войск в Бородинском бою, так и единение монарха с подданными всех сословий и вероисповеданий. Всего в торжествах было задействовано более 20 тыс. человек, не считая участников крестного хода (более 30 тыс. человек). Среди участников торжеств следует выделить несколько основных групп: 1) император Николай II с семейством, члены Дома Романовых; 2) Совет министров в полном составе во главе с председателем В.Н. Коковцовым; 3) делегации от 149 русских воинских частей, принимавших участие в битве, в том числе около 1000 генералов и штаб-офицеров и 400 донских казаков⁴⁷; 4) потомки участников Бородинского боя; 5) очевидцы 1812 года; 6) городские головы губернских городов, губернские предводители дворянства, председатели губернских земских управ; 7) волостные старшины со всей России; 8) инородцы, чьи предки участвовали в войне 1812 года⁴⁸; 9) французская делегация.

Православную тональность торжества знаменовал крестный ход (длившийся 22 дня) из Смоленска на Бородинское поле с образом Божией Матери Одигитрии — гигантская икона являлась святыней, перед которой русские войска совершили молебен накануне Бородинской битвы. 25 августа около пяти часов вечера Николаю II доложили о приближении крестного хода. В открытом поле была отслужена пани-

---

хида по всем павшим в Отечественной войне. После панихиды икону обнесли вдоль фронта войск, протянувшегося на четыре километра, а Николай II шел в процессии крестного хода вслед за иконой.

Весьма интересным и спорным в историографии является вопрос об участии в юбилее очевидцев событий, т.е. людей в возрасте 100 лет и более. Накануне юбилея был проведен розыск оставшихся в живых ветеранов войны, очевидцев и современников 1812 г. (Р. Уортман ставит слово «очевидцы» в кавычки и возможно подвергает скептицизму релевантность этих лиц в отношении возраста и воспоминаний⁴⁹.) Обращение к архивным материалам позволяет восстановить алгоритм поиска очевидцев войны 1812 года, хотя пока не удалось установить, кто именно в правящих кругах высказал идею поиска и приглашения этих людей на церемонию.

Как следует из дела ЦИАМ под названием «О сборе сведений о лицах, проживающих в Московской губернии, очевидцах Отечественной войны 1812 г.», 28 июня 1912 г. всем губернаторам были посланы от имени министра внутренних дел А.А. Макарова телеграммы следующего содержания: «Предлагаю безотлагательно собрать точные сведения и прислать [в] департамент общих дел о всех живущих в губернии ветеранах и бывших в сознательном возрасте современниках и очевидцах Отечественной войны 12 года с указанием звания, то есть солдат или ополченец, имени, фамилии, возраста, в каких сражениях в 12 году участвовал или чего был очевидцем и имущественного положения относительно тех из них, которые пожелают и могут по своим силам и здоровью прибыть в Москву для участия в юбилейных торжествах, благоволите добавить, могут ли прибыть на свой счет или какая сумма нужна на поездку каждому»⁵⁰.

В течение недели московский губернатор В.Ф. Джунковский получил ответы от всех начальников земских участков губернии. Все они были отрицательными, кроме одного. В деревне Подберезной Рождественской волости Бронницкого уезда была обнаружена единственная на всю Московскую губернию крестьянка Мария Желтякова в возрасте 109 лет, которая что-то помнила о событиях войны. Земский начальник Н. Струпов сообщал о результатах беседы с ней следующее: «Желтякова... рассказала, как ее крестный отец Василий Крупнов на ее глазах заколол вилами одного из французов, сопровождавших повозку с имуществом и деньгами, следовавшую по д. Лутошкино (Рождественской же волости). Помнит, как ее брат увозил из дома все вещи в лес, ибо в то время все крестьяне бросали свои дома и скрывались в лесах. Помнит также как посылали ее мать в с. Воскресенское мыть в церкви полы после постоя французских солдат. Припомнить еще что-нибудь она затрудняется, так как по ее словам, ей уже начинает изменять память. Быть очевидицей какого-либо сражения или вообще движения войск в 1812 г. ей не приходилось». Струпов отмечал, что «Мария Сергеева Желтякова выглядит сравнительно еще бодрым человеком и для ее возраста хорошо видит и слышит. В настоящее время она живет на полном иждивении своего сына Михаила Ефимова Желтякова и прибыть в Москву на юбилейные торжества для нее является затруднительным за неимением к тому никаких средств»⁵¹. После того, как эти сведения были переправлены Джунковским в МВД, 21 августа на его имя пришла телеграмма от товарища министра Харузина: «Если очевидица Отечественной войны крестьянка деревни Подберезной Мария Желтякова желает и по состоянию здоровья может приехать на Бородинские и Московские торжества, благоволите безотлагательно снабдить ее и отправить [в] Москву во вто-

---

ром классе, придав ей надежного проводника и снабдив их достаточным продовольствием. О всех имеющих произойти расходах благоволите сообщить департаменту общих дел для возмещения Вашему Превосходительству необходимой суммы. О выезде Желтяковой благоволите сообщить министру в Москве. О последующем прошу телеграфировать мне в Петербург»⁵². После всех согласований 23 августа в МВД поступила телеграмма, в которой сообщалось, что «крестьянка Подберезья Мария Желтякова выедет завтра [в] Бородино»⁵³.

По всей стране было разыскано несколько очевидцев войны 1812 года в возрасте от 109 до 122 лет, самым старшим из них был проживавший в Кишиневе отставной фельдфебель Аким Винтонюк⁵⁴. Он был единственным оставшимся в живых участником войны 1812 года. Примечательно, что в связи с юбилеем ему была назначена пенсия 300 рублей в месяц, до этого он никакого пособия не получал. Все найденные очевидцы были приглашены на торжества в сопровождении особо приставленных к ним лиц. На дорогу выдавались пособия из казны⁵⁵. Так, например, Винтонюк ехал в Москву и потом в Бородино в сопровождении городского Кишиневской полиции Кушнерева⁵⁶.

Смогли прибыть на торжества шестеро очевидцев. В.Ф. Джунковский писал в мемуарах, что эти старики «мало что помнили и давали довольно неопределенные показания», часто трогательные и комичные одновременно. В частности, участник Бородинского боя Аким Винтонюк во время беседы с государем «рассказывал про свое участие в бою, как он был ранен, и даже указывал на кустик, за которым его», как он выразился, «шарахнуло»⁵⁷. Другой очевидец делился своими впечатлениями о Наполеоне, описывая его внешность так: «Такой молодчина, косая сажень в плечах, бородища во какая», и указал, что «бородища» была до пояса⁵⁸. Все время торжеств старики-ветераны были окружены особым вниманием — имели хорошее жилье, собственные экипажи и наблюдали за церемониями с лучших мест. В присутствии императора «в уважение к преклонным летам» им было разрешено сидеть. Джунковский вспоминал: «Это всех очень тронуло, старики сидели, а государь и великие князья стояли. Каждый из стариков вставал, когда государь непосредственно к нему обращался»⁵⁹. Приглашение ветеранов и очевидцев было жестом уважения к поколению, пережившему тяготы войны. Эпизоды общения Николая II с ветеранами широко освещались в российской и даже в европейской прессе.

Таким образом, изучение истории юбилейных торжеств, посвященных памяти войны 1812 года, и особенно Бородинской годовщины, позволяет сделать некоторые выводы. Очевидно, что сакрализация событий и персон отражала формировавшуюся политическую, гражданскую и этническую идентичность политической элиты и простых участников праздника. Так, например, в 1912 г. немалый отклик в общественном мнении имели заявленные во время юбилея монархическая идея и идея военного героизма. Детальная реконструкция праздничных церемоний показывает, как в общественном сознании и политической риторике постепенно происходила концептуализация идеи героизма и жертвенности России в войнах с Наполеоном в начале XIX в. Идея прославления подвига армии, возглавляемой самоотверженными генералами, также явилась важнейшим мотивом конструирования места памяти — Бородинского поля, поля русской славы.

Примечания

- ¹ *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* СПб., 1999. С. 19.
- ² Бородинское поле сражения, его прошлое и настоящее. М., 1902.
- ³ *Ивченко Л.Л.* Историография Бородинского сражения: особенности русской версии // http://mozhblag.prihod.ru/stranicy_istorii_razdel/view/id/1154448.
- ⁴ *Ивченко Л.Л.* Бородино в сочинениях русских историков начала XX в. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 3.
- ⁵ *Дьяков В.А.* Бородинские юбилеи и их воздействие на дореволюционную историографию // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 302—312.
- ⁶ *Горбунов А. В.* Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989—1999 годов) // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 2000. С. 135—143.
- ⁷ *Горбунов А.В.* Бородинское поле как уникальная историческая территория // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научной конференции 1993 г. Бородино, 1994; *Он же.* Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVI Международной научной конференции. Бородино, 7—10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 153—161.
- ⁸ *Горбунов А.В.* Бородинское поле как уникальная историческая территория... С. 8—9.
- ⁹ Там же. С. 9.
- ¹⁰ *Горбунов А.В.* Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи...
- ¹¹ *Пономаренко Е.В., Офман Г.Ю., Пономаренко С.В.* Исторический анализ изменения ландшафта Бородинского поля по материалам архивных и полевых исследований // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 1. Можайск, 1995. С. 37—74.
- ¹² *Болдина Е.Г.* Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научной конференции 1995—1996 гг. Бородино, 1997. С. 190—197.
- ¹³ *Болдина Е.Г.* Орлы, колонны, обелиски... // Памятники Отечества. 2000. № 47. С. 132—137; *Она же.* Памятники воинским формированиям на Бородинском поле. От замысла к воплощению // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации... С. 236—240.
- ¹⁴ *Малышкин С.А.* Из истории музеефикации Бородинского поля 1839—1911 гг. Главный монумент // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Бородино, 2000. С. 168—174.
- ¹⁵ Там же. С. 174.
- ¹⁶ *Селедкина С.Н.* Изготовление и открытие Бородинского памятника по документам Российского государственного исторического архива // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научной конференции 1995—1996 гг. Бородино, 1997. С. 100—108.
- ¹⁷ *Селедкина С.Н.* Установка главного монумента на Бородинском поле и создание музея на станции Бородино (в документах РГИА) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVI Международной научной конференции. Бородино, 7—10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 87—96.
- ¹⁸ *Подмазо А.А.* Бородинское поле на цветных фотографиях 1911 г. // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения (Бородино, 9—11 сентября 2002 г.). М., 2003. С. 93—96.
- ¹⁹ *Ульянова Г.Н.* Национальные торжества // Россия в начале XX века. Исследования. М., 2002. С. 542—576.
- ²⁰ *Цимбаев К.Н.* Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Российская история. 2005. № 6. С. 42.
- ²¹ *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 187—227.
- ²² Там же. С. 201—202.
- ²³ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / *Мельникова Л.В., Секиринский С.С., Подмазо А.А., Толубев А.В., Аурова Н.Н.* М., 2012.
- ²⁴ Там же. С. 270, 271.

- ²⁵ Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / *Буганов А.В., Вандалковская М.Г., Сидорова Л.А., Соколова А.Д.* Тула, 2012.
- ²⁶ Там же. С. 85—129.
- ²⁷ Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. Бородино — Москва — Смоленск / Составители: Колоскова Е.Е., Литвин А.А. М., 2012.
- ²⁸ *Литвин А.А.* Юбилейные торжества 25—31 августа 1912 года. Бородино — Москва — Смоленск // Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии... С. 8—51.
- ²⁹ Там же. С. 7.
- ³⁰ *Тихонов И.С.* Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. Бородино — Москва. 25—31 августа 1912 г. // «Недаром помнит вся Россия...». Отечественная война 1812 года и Заграничные походы 1813—1814 годов. Документальные реликвии. М., 2012. С. 7—12.
- ³¹ ПСЗ-1. Т. 33. № 26059.
- ³² Там же.
- ³³ См.: *Болдина Е.Г.* Из истории Бородинских торжеств 1839 года... С. 190.
- ³⁴ Бородинское поле сражения, его прошлое и настоящее. М., 1902. Стлб. 9.
- ³⁵ Там же. Стлб. 20.
- ³⁶ *Болдина Е.Г.* Из истории Бородинских торжеств 1839 года... С. 195.
- ³⁷ Например: «Московский кружок ревнителей памяти войны 1812 года», «Императорское русское военно-историческое общество», «Общество потомков Отечественной войны 1812 года» и др. Подробнее см.: *Мищенко Т.К.* Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // От Москвы до Парижа (1812—1814 гг.): 185 лет Малоярославецкому сражению. Вып. 2. Малоярославец, 1998. С. 193.
- ³⁸ *Новицкий Е.* Краткий путеводитель по Бородинскому полю сражения. СПб., 1902.
- ³⁹ Там же. С. 5.
- ⁴⁰ Бородинское поле сражения, его прошлое и настоящее. М., 1902.
- ⁴¹ *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 582.
- ⁴² Подробнее см.: *Ульянова Г.Н.* Национальные торжества... С. 551—559.
- ⁴³ *Пономаренко Е.В., Офман Г.Ю., Пономаренко С.В.* Исторический анализ изменения ландшафта Бородинского поля по материалам архивных и полевых исследований... С. 58.
- ⁴⁴ *Никольский В.П.* Бородинское поле сражения и восстановление на нем укреплений // Братская помощь. 1908. № 2. С. 7—17; *Он же.* Бородинское поле сражения и подготовка его к юбилею // Братская помощь. 1909. № 155. С. 126—133.
- ⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 11. Л. 8—9.
- ⁴⁶ Там же. Л. 8—8 об.
- ⁴⁷ *Никольский В.П.* Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24—26 августа 1812—1912. М., 1913. С. 31—32.
- ⁴⁸ См.: Список представителей, прибывающих на Бородинские торжества. М., 1912. С. 1—10.
- ⁴⁹ *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. С. 582.
- ⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 18. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Л. 49—49 об.
- ⁵² Там же. Л. 55.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Встречается также написание его фамилии как Войтинюк (у Уортмана), Бентенюк (в газете «Новое время»).
- ⁵⁵ Новое время. 22 сентября 1912. С. 5.
- ⁵⁶ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 18. Л. 53.
- ⁵⁷ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 18—19.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 25.

С.А. Лиманова

Организация и проведение 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года: Бородино — Москва — Санкт-Петербург

Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года стал одним из наиболее масштабных торжеств начала XX в. Подготовка к юбилею была организована заблаговременно и состояла из нескольких этапов. Для составления общего плана мероприятий и контроля над их реализацией с Высочайшего соизволения была создана специальная междуведомственная комиссия под председательством члена Военного совета, генерала от инфантерии В.Г. Глазова. За подготовку непосредственно на местах ответственность несли власти городов, в которых намечались торжества. Центром празднований стали Бородинское поле (25—26 августа 1912 г.) и Москва (27—30 августа 1912 г.).

Основное финансирование осуществлялось из государственного казначейства. Выделенные 500 тыс. рублей предназначались для: 1) сооружения в Москве панорамы Бородинской битвы (50 тыс. рублей), 2) восстановления полей сражений 1812 г. (50 тыс. рублей), 3) выдачи г. Витебску пособия на сооружение памятника героям Отечественной войны (3,6 тыс. рублей), 4) исправления дорог на Бородинском поле (40 тыс. рублей), 5) перевоза на родину праха генерала Неверовского (1 тыс. рублей), 6) издания в количестве не менее 2 млн экземпляров популярной брошюры об Отечественной войне (88,2 тыс. рублей), 7) выдачи Смоленскому губернскому земству пособия на издание исторического сборника в память войны 1812 года (3 тыс. рублей), 8) командирования воинских частей и депутатов на юбилейный парад (191,8 тыс. рублей), 9) установления нагрудной медали в память столетия Отечественной войны (63 тыс. рублей), 10) изготовления настольных юбилейных медалей (9,4 тыс. рублей). Кроме того, на проведение торжеств в городах необходимые деньги ассигновались Городскими думами.

Подготовка к празднованиям на Бородинском поле проходила в несколько этапов. Заблаговременные работы начались более чем за год и включали постройку дополнительных железнодорожных веток, прокладку шоссе от станции Бородино до места проведения торжеств, капитальный ремонт самой станции Бородино, починку дорог на Бородинском поле, возобновление укреплений и приведение в порядок памятников, постройку новых или временных сооружений и т.д. Непосредственные приготовления проводились в течение августа 1912 г. под руководством московского губернатора В.Ф. Джунковского: устраивались площадки для парада в Высочайшем присутствии, возводился шатер с походной церковью императора Александра I, подготавливались специальные «питательные пункты» для народа и лагерь для волостных старшин с представителями крестьян со всей России, строились бараки для приезжих депутатов войсковых частей и других сословий, организовывались санитарные пункты, изыскивались перевозочные средства и т.д. Кроме того, украшалось поле сражения, и вырабатывались меры по охране высокопоставленных лиц. На все это отпущено было 85 тыс. рублей¹.

Благодаря ремонтным и декоративным работам Бородинское поле к юбилею преобразилось. «Оно покрылось множеством новых памятников (около 40); были проложены новые дороги по пути к Бородинскому монастырю и к центральному памятнику, и дороги эти украсились белыми башенками с флагами и гирляндами зелени на них и триумфальной аркой с надписями: “Их деяния превыше сил человеческих” и “Глас отечества пробудился в душе народной”². Между вокзалом, царской ставкой и монастырем установили еще несколько арок с надписями: «Не нам, не нам, а имени твоему», «С крестом в сердце, с оружием в руках никакие силы человеческие нас не одолеют», «Имена и дела наши будут переходить из уст в уста до поздних родов»³. Повсюду пестрели гирлянды и флаги. Царская ставка была увенчана желтыми стягами, вензелями императора, российскими гербами. Буря и дождь, разыгравшиеся накануне торжеств, доставили много хлопот организаторам. Было сильно испорчено декоративное убранство, которое пришлось восстанавливать в срочном порядке перед непосредственным приездом императора. Зато во время самих торжеств погода стояла хорошая.

На разных этапах подготовки Бородинское поле осматривали московский губернатор В.Ф. Джунковский, командующий войсками Московского военного округа генерал П.А. Плеве и министр внутренних дел А.А. Макаров. С тех пор, как во время коронации 1896 г. произошла Ходынская катастрофа, проверка готовности праздничного пространства стала обязательным пунктом подготовительных мероприятий.

Особые разъяснения по поводу проведения торжеств были адресованы их потенциальным участникам. Жителям близлежащего Можайского уезда от имени московского губернатора сообщили о значении предстоящего события: «Празднование столетия со дня сражения на земле, пропитанной праведной кровью нашей доблестной армии, не может быть праздником веселия, — но благодарной молитвенной памятью о славных защитниках нашей родины, положивших свою жизнь за честь и славу России»⁴. Все пришедшие на празднование могли принять участие в молитве за павших воинов перед иконой Смоленской Божией Матери Одигитрии, Божественной Заступницы русских во время Бородинского боя. Эта икона с начала августа 1912 г. находилась во главе крестного хода, вышедшего из г. Смоленска, ее прибытие вместе с паломниками ожидалось как раз к началу Бородинских торжеств. Поведение участников и зрителей должно было соответствовать значению праздника. Предписывалось сохранять спокойствие, порядок и строго подчиняться распоряжениям властей. Собравшихся также предостерегали от употребления спиртных напитков: «Эта мера лучше всего выразит почтение... к памяти героев двенадцатого года и лучше всего обеспечит порядок праздника»⁵. Для снабжения собравшихся продовольствием московское попечительство о народной трезвости на берегах рек Колочи и Войны устроило обширные столовые, где за умеренную плату желающие могли получить кушанье и чай.

Бородинские торжества начались 25 августа 1912 г. В 11 часов утра на станцию Бородино прибыл императорский поезд, а уже в 2 часа дня под торжественный звон колокола Спасо-Бородинского монастыря Николай II с сопровождением выехал из Царской ставки. По пути, усыпанному цветами, автомобиль с императорской семьей проследовал к воротам Спасо-Бородинского монастыря. Снаружи прибывших встречали волостные старшины, внутри — монахи. После краткого молебствия и обозрения монастыря к трем часам дня высокопоставленные гости направились к

батареи Раевского — главному памятнику Бородинского поля. Здесь присутствовали председатель и члены совета министров, представители высших военных и гражданских учреждений. Император с великими князьями совершили объезд фронта войск, выстроенных вокруг батареи. Императрица с наследником и великими княжнами следовали чуть позади в экипажах. После объезда состоялось посещение дома инвалидов, затем — встреча крестного хода с прибывшей из Смоленска чудотворной иконой Божией Матери Одигитрии. Затем высокопоставленные гости отправились в походную церковь Александра I, где митрополит Московский и Коломенский Владимир с духовенством совершил панихиду по императору Александру I и павшим в Отечественную войну воинам. После этого императрица с наследником и дочерьми отбыла в Императорскую ставку, а Николай II в сопровождении великих князей и министра императорского двора проследовал за святой иконой, которая была обнесена перед фронтом войск, как накануне Бородинского сражения. Посмотрев памятники, установленные на Бородинском поле по случаю юбилея, около семи часов вечера Николай II также отбыл в Императорскую ставку.

Первый день свидетельствует о насыщенности праздничных мероприятий. Они были четко регламентированы, подробно расписаны и заблаговременно Высочайше утверждены⁶. Последующие подробные и поэтапные описания торжеств строились также на основании расписания. Уместить большое количество дел в один день было довольно тяжело. Для экономии времени в торжественных выездах и последующих перемещениях императора со свитой стали использовать автомобили. В описаниях торжественных шествий повышенное внимание отводилось теперь не только императору, но и его семье. Безусловно, это было связано с взрослением наследника, который уже мог участвовать в торжественных мероприятиях. Но мальчик был болен, что необходимо было скрывать от публики. Из-за быстрой утомляемости Алексея и другие представители семьи (императрица и дочери) не участвовали в полном комплексе мероприятий, присутствуя либо в начале, либо на самых главных этапах торжеств. При проведении юбилея 1912 г., по сути своей военного праздника, помимо смотров войск, церемониальных маршей и парадов, особое значение уделялось организации крестных ходов и многочисленных молебнов. С одной стороны, обращение с молитвами к Богу служило сближению императора с простым народом, с другой — укрепляло духовно и давало надежду на выздоровление наследника.

О непосредственном дне празднования 100-летия Бородинского сражения было возведено 26 августа в 7 часов утра пятью пушечными выстрелами. Император с императрицей, детьми и министром императорского двора прибыли к обеду в Спасо-Бородинский монастырь. После обедни крестный ход с чудотворной иконой отправился к батарее Раевского. Государь с дочерьми и великие князья шли с ним больше версты, императрица с наследником следовали в экипаже. «Удивительно красивую картину представляло это шествие, особенно когда оно протянулось живописной блестящей лентой к холму и памятнику. Трогательные нежные звуки “Коль славен”, оглашавшие воздух, усугубляли производимое впечатление. По установке чудотворной иконы в походную церковь началось благодарственное молебствие с коленопреклонением в память избавления от нашествия двенадцати языков. После многолетия провозглашена была вечная память императору Александру I и павшим в Отечественную войну вождям и воинам»⁷. Войска отдали честь, раздались пальба из орудий и колокольный звон. Министр императорского двора поднес императору ме-

---

дали, выбитые в память 100-летия Отечественной войны. Войскам был зачитан приказ по армии и флоту, после чего они прошли церемониальным маршем. За всеми описываемыми торжествами следило огромное число зрителей. Здесь были как местные жители, так и прибывшие из Москвы. Желавших посетить юбилейные торжества оказалось так много, что был даже пущен дополнительный поезд и составлено особое расписание для железнодорожной линии Москва—Бородино⁸.

По окончании парада императрица с детьми отбыла в Царскую ставку, а император проследовал в сад Бородинского дворца, где был накрыт завтрак для потомков участников Бородинского сражения и начальников отдельных частей. После завтрака император верхом на коне совершил объезд Бородинского поля. В 4 часа посетил место расположения прибывших на торжества старшин, представителей волостных судов и сельских старост Московской губернии и представителей всех крестьянских управлений России (всего около 5 тыс. человек). На память крестьянам были розданы специально изготовленные к юбилею фарфоровые кружки с соответствующими надписями. В шестом часу вечера император вернулся в ставку. Но на этом мероприятии не завершились. В 6 часов 30 минут в Высочайшем присутствии на Шевардинском редуте состоялось освящение временного памятника французам⁹, погибшим во время Бородинского боя. Французская делегация была весьма многочисленной. К моменту празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны французы стали главными союзниками во внешней политике Российской империи, а потому принимали деятельное участие в торжествах. У временного памятника они возложили венки с национальными лентами и подписями «Доблестному противнику».

После завершения двухдневных торжеств на Бородинском поле император записал в своем дневнике: «Впечатления пережитого самые отрадны»¹⁰. Празднования прошли при благоприятных погодных условиях, что способствовало еще большему скоплению зрителей. Размеры поля позволили беспрепятственно наблюдать за происходящим практически всем желающим. Многие принимали и непосредственное участие, находясь в составе депутатий или присоединившись к крестному ходу. События были запечатлены на многочисленных фотографиях и даже в кинохронике¹¹. Далее торжества, посвященные Отечественной войне 1812 года, продолжились в Москве.

К приезду императора первопрестольная столица расцвела национальными флагами, драпировками разноцветных материй, гирляндами зелени. В центральной части города на балконах домов и в витринах магазинов красовались бюсты императора Николая II, императрицы Александры Федоровны и императора Александра I. На площадях и перекрестках возвышались богато убранные стягами высокие мачты, на некоторых водружены были красные щиты с российскими и московскими гербами. На стягах красовались дата «1812 год» и вензель императора Александра I. Особые декорации были на Тверской улице, Воскресенской и Красной площадях. По всей Тверской от вокзала до Страстной площади на трамвайных мачтах были установлены металлические коробки с живыми цветами. Балкон дома генерал-губернатора, с золочеными перилами, уставили растениями, между которыми рельефно выделялись императорские лепные бюсты. Вдоль перил сверкала надпись из электрических лампочек «Боже, Царя храни!» с инициалами императорских Величеств. Подъезд задрапировали красной материей, по бокам которой свисали золотые шнуры и кисти. На Воскресенской площади богато декорировали фасад здания город-

---

ской Думы. С крыши спадали оранжевые полотнища с государственными гербами на золотом поле, со второго этажа спускались белые стяги с императорскими вензелями, а с первого — стяги с золотой бахромой, на оранжевом фоне рельефно выделялись Георгий Победоносец и императорские короны. По всему фасаду пестрело множество национальных флагов.

Дорога от Александровского вокзала до Ходынского поля преобразилась с помощью перевитых зеленою щитов, стягов и флагов. На Александровской площади разместились отреставрированные к юбилейным торжествам Триумфальные ворота. Налево от них построили громадный щит, увенчанный короной, на белом фоне которого в центре красовался рельефный портрет императора Александра I, а по сторонам такие же портреты светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского и князя М.Б. Барклая де Толли. В верхней части щита — государственные гербы и надпись «Боже, Царя храни», а снизу даты «1812—1912». Справа и слева от этого щита установили мачты, на которых развевались изящные стяги с гербами Москвы, к мачтам были прикреплены рельефные портреты героев Отечественной войны Баграциона и Платова.

На Красной площади развевались изящные белые стяги с вензелями императора и императрицы. С левой стороны проезда к Историческому музею перекинута была гирлянда с надписью «Боже, Царя храни». Вся Красная площадь богато украсилась флагами, стяги обрамляли памятник Минину и Пожарскому. У въезда в Никольские и Спасские ворота развевались громадные оранжевые стяги с черными государственными гербами. Верхние торговые ряды декорировали гирляндами зелени, материей и флагами. Красиво также были убраны Лубянская площадь и Мясницкая улица¹². Помимо центральных мест, непосредственно задействованных в торжествах, были украшены также многие магазины и частные дома.

27 августа к 10 часам утра на платформу Александровского вокзала прибыл императорский поезд. По всему пути следования от вокзала до Красной площади были выстроены войска гренадерского корпуса и представители учебных заведений, за ними толпился народ с криками «Ура!». Император со свитой проследовал в Кремлевский дворец, а после непродолжительного отдыха состоялся Высочайший выход из дворца в Успенский собор. Народ, который допускался в Кремль смотреть Высочайший выход, должен был следовать предписаниям и вести себя спокойно. Запрещалось присутствие малолетних детей без взрослых. Нельзя было проносить с собой зонтики, палки и бинокли¹³. В пять часов вечера император с императрицей и дочерьми посетили Дворянское собрание, откуда в седьмом часу при звуках «Славься» и криках «Ура!» вновь вернулись в Кремлевский дворец.

Вечером город был красиво иллюминирован. Ярко сияла Софийская набережная. Здания магазинов, товариществ и обществ, расцвеченные лампами, отражались в воде Москвы-реки. Балконы и ограды домов окаймлялись светящимися огоньками. В темноте проступали подсвеченные бюсты императоров Николая II, Александра I и героев Отечественной войны, красовались инициалы императорских Величеств, высвечивалась надпись «Боже, Царя храни!». Светился центр города, в особенности Тверская улица. Много роскошно иллюминированных домов было и на линии бульваров. Красиво убраны были все московские вокзалы. Толпы народа любовались прекрасным зрелищем. Но из-за ненастной погоды иллюминация продолжалась всего несколько часов¹⁴.

На следующий день, 28 августа, с раннего утра значительная часть населения Москвы собралась на Ходынском поле, чтобы посмотреть парад в Высочайшем присутствии. Пасмурная погода и накрапывавший дождь могли испортить зрелище, но к началу смотра небо прояснилось. В 10 часов раскаты громового «Ура!» многотысячной толпы, собравшейся у Кремлевского дворца, возвестили о начале Высочайшего следования. Император с императрицей и наследником преодолели путь до Ходынского поля на автомобиле. Остановившись у правого фланга выстроенных на поле войск, государь пересел на коня, императрица с наследником — в экипаж. Приняв рапорт от командующего парадом, Николай II поехал по линии войск¹⁵, за ним следовала свита. Оркестры играли встречу, а знамена склонялись, когда император здоровался с частями войск, громко кричавшими в ответ на приветствие «Ура!», в промежутках звучал гимн. Войска были выстроены на поле в шесть линий. Всего собралось около 80 тыс. человек¹⁶. По окончании объезда император с императрицей и наследником подъехали к Царской палатке, где уже собрались члены депутации воздухоплавательного общества (которому принадлежал аэродром на Ходынском поле) во главе с губернатором. Императрице и великим княжнам по традиции были преподнесены букеты.

После общения с депутацией императрица с детьми осталась наблюдать за происходящим из палатки, а император с великими князьями и свитой отправился принимать парад. После прохождения войск церемониальным маршем императорская семья отбыла с Ходынского поля в Кремлевский дворец: в 1-й машине сидела императорская чета и наследник, во второй — великие княжны, за ними — великие князья и свита. На всем пути следования толпился народ.

В 3 часа дня в Кремлевском дворце император принимал депутации, а в 4 часа состоялся обед для волостных старшин, станичных атаманов и представителей инородного населения, предки которых участвовали в Отечественной войне. Показательно напутственное слово, которое прозвучало из уст государя: «Очень рад был видеть вас в Москве на торжествах знаменательной годовщины 100-летия Отечественной войны. Передайте всем вашим дома, что я надеюсь и уверен, если в будущем Господь посетит испытанием родину, то все вы, вместе со мною, как один, встанете грудью на ее защиту. За ваше здоровье и за славу и величие нашей матушки России»¹⁷. Праздник, таким образом, являлся своеобразным напоминанием о долге перед царем и Отечеством.

В 5 часов вечера император с императрицей, дочерьми и великими князьями посетили здание московской городской думы. Вся Воскресенская площадь перед зданием думы была занята 10 тыс. учащихся городских школ. В начале седьмого часа отъезд из здания думы огласился восторженными криками «Ура!». Хор и оркестр на площади исполнили «Славься».

29 августа после божественной литургии в Храме Христа Спасителя в Высочайшем присутствии состоялся смотр учащимся в Кремле. На участие в гимнастических упражнениях (так называемая «сокольская гимнастика») записались ученики и ученицы почти всех средних учебных заведений Москвы. В мероприятии оказались задействованными более 6 тыс. человек. «Высочайшие смотры учащимся — дело у нас совсем новое, недавно зародившееся и едва начинающее прививаться; но это — дело великого значения, — писала газета «Московские ведомости». — Это Высочайшая проверка того, что делается для оздоровления юношества»¹⁸. Ученики могли не

только наблюдать за шествием императора, но и наглядно демонстрировать перед ним свои достижения. Вечером того же дня Николай II со свитой посетил выставку в Историческом музее, посвященную войне 1812 года, и посмотрел панораму Бородинского боя Ф. Рубо.

30 августа Бородинские торжества в Москве продолжились литургией в Успенском соборе с последующим крестным ходом на Красную площадь¹⁹. На площади собрались волостные старшины, представители сельского населения, воспитанники учебных заведений и войска. В крестном ходе принимали участие члены императорской фамилии, высшие государственные сановники и представители духовенства во главе с митрополитом Московским и Коломенским Владимиром. Крестный ход двигался под звон кремлевских колоколов, который вскоре распространился на все московские церкви. Со специально сконструированного возвышения при стечении огромного количества народа протоиерей зачитал Высочайший манифест, посвященный юбилейному событию: «Ныне, в сотую годовщину Бородинского боя, вспоминая великий подвиг народа нашего, мы призываем всех верных наших подданных, вместе с нами, возблагодарить Господа... за милость, явленную Им Отечеству нашему в годину испытаний, и вознести к Престолу Всевышнего горячую молитву: да пребудут во веки веков в памяти народной высокие примеры военной и гражданской доблести предков в Отечественную войну; да воодушевятся сими примерами все верные сыны России в доблестном служении Родине и да ниспошлет нам Всемогущий святую помощь Свою в исполнении непоколебимого желания нашего — в единении с возлюбленным народом нашим направлять судьбы Державы нашей к славе, величию и преуспеянию ее»²⁰. Таким образом, как и в 1812 г., победа объяснялась Божественной помощью и союзом императора со своими подданными.

Во второй половине дня император со свитой посетил кустарный музей, затем принимал депутации. Вечером в Большом Кремлевском дворце состоялся парадный обед. На этом Высочайшее пребывание в Москве завершилось, император с семьей должен был отбыть в Смоленск. На память о посещении первопрестольной столицы Николай II традиционно выделил для раздачи бедным жителям 15 тыс. рублей. Государь остался доволен днями, проведенными в Москве. Все прошло по расписанию, и был обеспечен должный порядок.

Проведенным в Москве торжествам сопутствовали также показы световых картин и открытие выставок, организация экскурсий по историческим достопримечательностям²¹. Для жителей и гостей на память о празднике выпускалась разнообразная юбилейная продукция: шкатулки, подносы, посуда, парфюмерия, винные бутылки и др.²²

Особо следует отметить, что 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года отмечался не только в Бородине и Москве. Торжества прошли по всей империи. Специальная программа празднований, в частности, была разработана для столичного Петербурга на 25 и 26 августа 1912 г.²³ В соответствии с ней 25 августа в 10 часов утра в Петропавловском соборе была совершена заупокойная литургия и панихида по Александру I и всем павшим в 1812 г. с возложением на гробницу почившего императора медали в память Отечественной войны. На литургии и панихиде присутствовали все высшие должностные лица, оставшиеся в Петербурге (включая Санкт-Петербургского губернатора и градоначальника), представители сословий и потомки участников Отечественной войны. Во второй половине дня в военно-учебных за-

---

ведениях столицы, в частях войск и в морских командах петербургского гарнизона, а также на расположенных на Неве военных судах состоялись чтения со световыми картинами о Бородинском сражении и об историческом значении Отечественной войны.

26 августа в 8 часов утра пять пушечных выстрелов с Петропавловской крепости возвестили о торжественном праздновании 100-летия Отечественной войны. Петербург к этому моменту уже разукрасился флагами. На многих домах возвышались транспаранты с вензелевыми изображениями императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, в эстампных магазинах и магазинах цветов среди зелени были выставлены портреты императора Александра I и героев Отечественной войны²⁴. Здания учебных заведений были декорированы гирляндами зелени, цветами и флагами. На Неве, по распоряжению морского начальства, между Троицким и Николаевским мостами расположились эскадренные миноносцы, а ниже Николаевского моста — крейсера. Суда на этом водном пространстве также расцветились флагами. На юбилейное убранство городское управление истратило 20 тыс. рублей²⁵. Несмотря на уже осеннюю погоду и моросивший дождь, народу на улицах города было много.

В 9 часов утра в Казанский собор из Исаакиевского кафедрального собора по Адмиралтейскому и Невскому проспектам последовал крестный ход во главе с пресвященным архиереем. Из Казанского собора навстречу вышел еще один крестный ход. Как и накануне, в храме собрались все высокопоставленные лица города. Божественная литургия с заупокойной ектеньей и поминовением императора Александра I и павших в 1812 г. завершилась возложением на гробницу фельдмаршала князя М.И. Кутузова-Смоленского медали в память 100-летия Отечественной войны. Такая же медаль, по распоряжению военного начальства, должна была быть возложена депутацией от военного министерства и войск на находящуюся в Лифляндской губернии могилу фельдмаршала князя М.Б. Барклая де Толли.

После этого все, кто находился в Казанском соборе, направились крестным ходом к Александровской колонне. На выходе из собора на Казанской площади дети из начальных училищ исполнили народный гимн, а у памятников Кутузову и Барклаю де Толли прозвучала «Слава». Девочки осыпали подножие памятников цветами, а мальчики возложили венки от Санкт-Петербургского городского общественного управления. Крестный ход через Невский проспект и Морскую улицу проследовал на Дворцовую площадь. У Александровской колонны к этому моменту уже находились воспитанники и учащиеся учебных заведений столицы и Санкт-Петербургской губернии общей численностью около 35 тыс. человек²⁶. У каждого школьного участка был свой флаг, а у каждого училища — свой значок. По распоряжению военного начальства здесь также были расставлены в должном порядке представители военно-учебных заведений и войска.

По прибытии крестного хода было совершено благодарственное молебствие с коленопреклонением. После возглашения многолетия императорским Величествам и всему царствующему дому и вечной памяти императору Александру I и павшим воинам с Петропавловской крепости и расположенных на Неве военных судов была произведена пальба из орудий, а во всех церквах начался колокольный звон. Протодиакон возгласил многолетие державе Российской, всероссийскому воинству и всем верноподданым. Крестные ходы вернулись в соборы. Перед фронтом войск начальники частей зачитали Высочайший приказ армии и флоту по случаю 100-летия Оте-

---

чественной войны. Войска прошли церемониальным маршем перед Александровской колонной. Затем воспитанники и учащиеся учебных заведений столицы тоже проследовали перед колонной.

После богослужений в Исаакиевском, Казанском соборах и в Александро-Невской лавре раздавались бесплатные издания Е.В. Богдановича «Двенадцатый год». Во второй половине дня во всех учебных заведениях столицы состоялись торжественные акты с раздачей книг и брошюр, посвященных событиям Отечественной войны. Для учащихся и народа устраивались чтения, давались концерты и театральные представления. Вечером столица и расположенные по реке Неве военные суда были иллюминированы.

Таким образом, двухдневные празднования в Петербурге повторили основные формы торжеств в Бородине и Москве. Здесь присутствовали и крестный ход, и молебен, и церемониальный марш. В действие вовлечены были представители местных властных структур, военные чины и воспитанники учебных заведений. Городское население стало частью имперского торжества. Улицы и площади города преобразились, погрузив участников в атмосферу юбилея.

Прочие города России отмечали 100-летие Отечественной войны по схожему сценарию. Об этом свидетельствуют многочисленные телеграммы, полученные Санкт-Петербургским телеграфным агентством²⁷. Во всех храмах империи совершались торжественные богослужения, после чего на городских площадях происходили всенародные благодарственные молебствия с участием воинских частей, представителей ведомств, учащихся и бесчисленного множества народа. Производились парады войскам, потешным и пожарным организациям. Всенародно читался Высочайший приказ армии и флоту, сопровождаемый радостными возгласами и исполнением народного гимна. С судов и крепостей производились салюты. Крестные ходы и шествия депутатов направлялись к могилам героев и к памятникам Отечественной войны, куда возлагались венки и цветы, в память войны закладывались здания, освящались памятники и памятные доски. В течение дня и вечером состоялись чтения, производилась бесплатная раздача книг и брошюр об Отечественной войне, устраивались народные гуляния с играми и пением, давались бесплатные юбилейные спектакли народу и учащимся. Распоряжениями губернаторов и градоначальников уменьшались административные взыскания. Все города празднично украшались зеленью, флагами и транспарантами, а вечером были иллюминированы. По сообщениям газетных изданий, торжества происходили также и в селах.

Созданная усилиями организаторов и сохраненная благодаря письменным и визуальным источникам начала XX в. (специальные юбилейные издания, подробные описательные статьи в газетах, фотографии и видеосъемка) внешняя, эффектная, праздничная сторона торжеств 1912 г. являлась неотъемлемой частью общего сценария репрезентации власти Николая II. Юбилей Отечественной войны 1812 года и Бородинской битвы, представивший Романовых хранителями традиций и гарантом могущества России, стал своего рода прологом последующего празднования 300-летия правящей династии, отмечавшегося уже в 1913 г.

Примечания

- ¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 7.
- ² Нива. 1912. № 36. С. 722.
- ³ Правительственный вестник. 1912. № 189. С. 2.
- ⁴ Московский листок. 1912. № 187. С. 2.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Высочайше утвержденная программа пребывания Их Императорских Величеств на праздновании 100-летия Отечественной войны в Бородине и в Москве // Справочная книжка к торжествам во время Высочайшего пребывания в Москве в августе 1912 года. М., 1912. С. 10—13.
- ⁷ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 30.
- ⁸ Московские ведомости. 1912. № 196. С. 1.
- ⁹ «Настоящий памятник, посланный морем из Франции, в Россию не доехал, пароход во время бури в Балтийском море пошел ко дну вместе с памятником, таким образом, на скорую руку был сооружен временный, который и освящали» // Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 5.
- ¹¹ Подробнее см.: Лебедева Е.Н. Торжества по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года в документах Российского государственного архива кинофотодокументов // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XII Всероссийской научной конференции. Бородино, 6—8 сентября 2004 г. М., 2005. С. 69—78.
- ¹² См.: Московские ведомости. 1912. № 199. С. 4; Московский листок. 1912. № 197. С. 4.
- ¹³ Справочная книжка к торжествам во время Высочайшего пребывания в Москве... С. 77.
- ¹⁴ Московский листок. 1912. № 197. С. 4—5.
- ¹⁵ Во время Высочайшего объезда войск произошел инцидент, о котором упоминается в дневниках Николая II, а также в воспоминаниях московского губернатора В.Ф. Джунковского и великого князя Гавриила Константиновича: из строя неожиданно для всех с винтовкой вышел рядовой с личным прошением на имя государя. С точки зрения воинского устава подобный поступок был категорически неприемлем. Инцидент произвел на присутствующих весьма негативное впечатление.
- ¹⁶ Правительственный вестник. 1912. № 192. С. 2.
- ¹⁷ Там же. С. 3.
- ¹⁸ Московские ведомости. 1912. № 200. С. 1.
- ¹⁹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 96. Д. 862. Л. 6—8. (Высочайше утвержденный порядок крестного хода из Успенского собора на Красную площадь 30-го августа 1912 г., в день празднования 100-летия Отечественной войны в г. Москве).
- ²⁰ ПСЗ-III. Т. 32. № 38058.
- ²¹ См.: Юбилейный путеводитель Москва — Фили — Бородино. 1812—1912. М., 1912.
- ²² См.: Краткий обзор выставки в память Отечественной войны 1812 года. 8 сентября 1912 г. — 1 февраля 1913 г. М., 1912. С. 61—71.
- ²³ Высочайше утвержденный порядок торжественного празднования в Санкт-Петербурге 100-летия Отечественной войны // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 186. С. 1.
- ²⁴ Новое время. 1912. № 13096. С. 1.
- ²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 191. С. 2.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. № 194. С. 5.

Л.В. Митрошенкова

Год рождения — 1912-й.

(Из истории музея-панорамы «Бородинская битва»
в 1912—1914 гг.)

История возникновения в Москве Музея-панорамы «Бородинская битва» достаточно известна по музейным путеводителям и отдельным научным статьям¹. Написанные на основе архивных документов, эти работы освещают значимые события в жизни музея в период 1912—1918 гг. В то же время системообразующие факторы, лежавшие в основе деятельности этого учреждения, остаются не выявленными и не изученными. Именно этой проблеме посвящена данная статья. Достижение поставленной задачи возможно лишь при использовании современных методов исследования: комплексного подхода к изучению сохранившихся документов и микроанализа, который, по словам Дж. Леви, позволяет увидеть «преломление общих процессов в определенной точке реальной жизни».

В основе работы лежат документы Российского государственного военно-исторического архива (Ф. 1606. Штаб Московского военного округа) и Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (Ф. 160. Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года). Реконструкция деталей формирования панорамы «Бородино» как музейного учреждения в августе 1912 г. — январе 1914 г. позволяет выявить этапы этого процесса, определить, какие объективные и субъективные факторы оказали на него наиболее значительное влияние. Отдельные решения, принимавшиеся различными структурами военного ведомства, отражали личные воззрения чиновных лиц, большинство диктовались социально-политической обстановкой в стране, а некоторые были обусловлены характером самого художественного произведения.

Хронологические рамки работы определяются первым официальным документом о создании музея — временными «Правилами содержания и эксплуатации панорамы» (утверждены 20 августа 1912 г. Военным министерством и Главным управлением штаба Московского военного округа)² и «Проектом положения о панораме “Бородино”» (утвержденным тем же министерством приказом от 21 января 1914 г.)³.

Для выяснения вопроса о том, насколько история зарождения панорамы повлияла на ее дальнейшую судьбу, необходимо вернуться к моменту возникновения самой идеи. Общеизвестно, что инициаторами создания панорамы Бородинского боя выступили профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин и полковник Генерального штаба В.А. Афанасьев, которые осенью 1909 г. встретились по этому поводу с находившимся тогда в Санкт-Петербурге автором панорамы «Оборона Севастополя» профессором Художественной академии Ф.А. Рубо. Надо сказать, что эта идея, должно быть, «вitala в воздухе», во всяком случае, она широко обсуждалась в военных кругах, хорошо осознававших великую силу живописного искусства в деле пропаганды исторических знаний. Так, например, на заседании Русского военно-исторического общества, посвященном «способам ознаменования столетней годовщины “священной памяти Двенадцатого года”» 31 октября 1909 г., известный военный историк Г.С. Габаев говорил: «Кроме устрой-

---

ства музеев в последнее время право гражданства получил еще один прекрасный способ увековечения исторических событий, это устройство художественных панорам. Блестящий успех сооружения Севастопольской панорамы талантливой и довольно правдивой кисти профессора Рубо заставляет мечтать о подобных панорамах, изображающих главнейшие события 1812 года и хотя бы только битву Бородинскую».

Предложенная идея была поддержана членом Государственного совета К.А. Орловским в письме к министру Императорского двора барону В.Б. Фредериксу от 6 ноября 1909 г. Доложенная государю (находившемуся в то время в Ливадии) уже 11 ноября, мысль эта получила Высочайшую поддержку, и разработку идеи предположили поручить генералу от кавалерии Н.Н. Сухотину, возглавлявшему Комитет по созданию Русского военно-исторического музея. Письмо об этом К.А. Орловскому барон Фредерикс направил 13 ноября, а 27-го уже получил, в ответ, известие о том, что переговоры между художником Ф.А. Рубо и генералом Сухотиным начались. Однако главу Комитета военно-исторического музея не привлекла идея заниматься созданием панорамы, и в письме барону Фредериксу от 29 ноября он предложил передать ее в ведение Комиссии по празднованию юбилеев военно-исторических событий во главе с генералом от инфантерии В.Г. Глазовым. Подробное перечисление дат дает возможность отметить: с момента зарождения идеи до обсуждения конкретной работы над ее воплощением прошло менее месяца⁴. Удивительно сжатые сроки, учитывая ужасающую бюрократизацию всех аппаратов власти Российской империи того периода и удаленность адресатов друг от друга (Санкт-Петербург и Ливадия). Этот факт может служить, на мой взгляд, наглядным доказательством личной заинтересованности главы государства и его ближайших помощников. Несмотря на переезд из Ливадии в Санкт-Петербург, начало рождественских и новогодних праздников, барон Фредерикс нашел время для доклада Николаю II (22 января) о том, как продвигается «дело о панораме» и получил указание обратиться к В.Г. Глазову с предложением, от которого отказался генерал Сухотин. 31 января было направлено соответствующее письмо, и вскоре получен ответ о готовности генерала от инфантерии В.Г. Глазова принять на себя труды по устройству панорамы. Правда, согласие давалось с одной существенной оговоркой. В.Г. Глазов подчеркивал необходимость того, «чтобы рассмотрение вопроса об устройстве панорамы Отечественной войны 1812 года было возложено не на него лично, а именно на комитет по устройству в Москве музея 1812 года»⁵, потому что главная деятельность генерала сосредоточена в Петербурге и в Москве он бывает только наездом, чтобы давать известные директивы работающим там самостоятельно лицам. По мнению генерала Глазова, «самое подходящее место для панорамы Отечественной войны 1812 года — Москва, помимо исторических мотивов и потому, что комитет по устройству музея там работает»⁶. Следует отметить, что особое значение имело нахождение в Москве не столько всего Комитета, сколько его секретаря — одного из инициаторов идеи создания панорамы полковника генерального штаба В.А. Афанасьева. Он и другие члены Особого комитета при обсуждении предложенной им задачи на заседании 13 февраля 1910 г. выразили свое полное согласие и готовность. Тут же была образована специальная комиссия по созданию панорамы и даже составлена примерная смета расходов на ее сооружение⁷. При этом особо оговаривалось, что «Комитет по устройству в Москве музея 1812 года средств не имеет и потому материальной поддержки для устройства панорамы оказать не может». Создание панорамы планировалось как часть программы Музея 1812 года. На сооружение для нее двухэтажного каменного здания на площади храма Христа Спасителя, рядом с тем местом, где пред-

---

полагалось в тот момент строительство здания самого Музея, запрашивалось 350 тыс. рублей. Картина с предметным планом должна была размещаться на втором этаже, на первом предполагалось разместить фондовые помещения и комнаты для служителей⁸.

Однако предложенный Особым комитетом проект не выдержал проверки финансовым ведомством. Ознакомившись с представленными документами, министр финансов В.Н. Коковцов резонно отметил их непродуманность. Кроме того, он отметил, что из различных структур военного ведомства в связи с приближающимся юбилеем поступало слишком много разнообразных предложений. Очевидной стала необходимость составления единой программы юбилейных мероприятий, чем и предложили заняться тому же В.Г. Глазову и вновь созданной под его руководством Междуведомственной комиссии по подготовке празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года.

Как перечисленные, так и последовавшие затем события продемонстрировали, что при всей заинтересованности верховной власти исполнение проекта создания в Москве панорамы Бородинского боя зависело от конкретных людей, которые естественным образом действовали в соответствии с собственными характерами и воззрениями. Важный организационный этап в истории панорамы прошел под руководством человека, на самом деле не блиставшего деловыми талантами. Приведем цитату из воспоминаний губернатора Москвы Свиты Его Величества генерал-майора В.Ф. Джунковского о В.Г. Глазове: «В.Г. Глазов был человеком чрезвычайно инертным, лишенным всякой инициативы, иногда же проявлявшим совершенно неуместное упрямство — все это, конечно, вредно сказывалось на работе Комитета, ... я видел, что у всех руки опускаются, так как работать с Глазовым довольно было тяжело»⁹. На этом этапе делу организации панорамы не могли помочь ни устремленность и чрезвычайная работоспособность секретаря Особого комитета В.А. Афанасьева, ни организаторские способности самого В.Ф. Джунковского: у них не было соответствующего административного ресурса и как-то «обойти» формально возглавлявшего всю работу В.Г. Глазова они не могли.

Параллельно с решением организационных вопросов шла работа над самой картиной. Ф.А. Рубо встречался и переписывался с В.А. Афанасьевым и Б.М. Коллюбакиным. В марте 1910 г. он приехал в Москву и в сопровождении В.А. Афанасьева впервые съездил на Бородинское поле. В начале апреля 1910 г. Особый комитет рассмотрел проект договора на создание картины, который после тщательного изучения был одобрен обеими сторонами¹⁰. Поскольку Комиссия по подготовке к празднованию 100-летия Отечественной войны 1812 года возглавлялась тоже генералом Глазовым, то в его руках фактически находились и все возможности для урегулирования вопросов об утверждении договора с художником. Однако он, по-видимому, предпочел дожидаться решения вышестоящих властей о финансировании, как строительства здания, так и создания самой картины. Во всяком случае, основания для такого вывода дают фрагменты переписки В.Г. Глазова с В.А. Афанасьевым, сохранившиеся в фонде Особого комитета. Договор с художником был заключен только 8 марта 1911 г., почти через год после того, как он по собственной инициативе приступил к работе, и через 3,5 месяца после утверждения императором окончательного эскиза панорамы¹¹.

В это же время официальным консультантом Ф.А. Рубо был назначен генерал Б.М. Коллюбакин. Об этом художника известил председатель Императорского Русского военно-исторического общества Д.А. Скалон: «При докладе генералом Глазовым Его Императорскому Величеству было благоугодно, чтобы он в изображении сражения руководствовался указаниями специалиста Наполеоновской эпохи, заслуженного про-

фессора Императорской Николаевской военной академии, генерал-лейтенанта Колюбакина, посему последний является ответственным за изображение сражения с точки зрения возможной правдивости и соответствия с требованиями военно-исторических исследований»¹². Таким образом, в будущем картины определился еще один основополагающий фактор: панорама Бородинской битвы создавалась на основе единой, официально принятой научной концепции сражения, принадлежавшей военному историку В.Г. Колюбакину. Сам факт существования принятой на государственном уровне научно-исторической концепции и ответственного отношения верховной власти к созданию столь значимой исторической картины, несомненно, заслуживает уважения. Результат доказал правильность избранного подхода: не схоластический и не чрезмерно пафосный, он позволил художнику создать впечатляющее художественное произведение. Можно сказать, что картина Ф.А. Рубо является теперь своеобразным самостоятельным «историографическим» фактом, чего также нельзя не учитывать. В свете сказанного, некоторые не очень квалифицированные попытки отдельных современных авторов рассматривать это художественное произведение с точки зрения их сугубо личного понимания исторической истины выглядят довольно смешными¹³.

Параллельно с работой Ф.А. Рубо над созданием самой панорамы в Москве решался вопрос о месте ее расположения. Особый комитет генерала Глазова так и не смог прийти к внятному и обоснованному решению о предпочтительном месте размещения будущего Музея 1812 года. Слишком долго не удавалось даже четко определить физические параметры необходимого здания. В результате повелением Председателя правительства П.А. Столыпина Комитету было отказано в государственной поддержке масштабных проектов строительства в центре Москвы. Вместо этого летом 1911 г. под Музей 1812 года была передана часть здания кремлевского Арсенала (Сенатский фас). Поглощенный бесконечными спорами по этому поводу, Комитет почти не имел возможности заниматься делами панорамы (к тому же, В.А. Афанасьев был теперь отстранен от работы с художником над самой картиной). Тем не менее, проектирование возможного будущего совместного устройства музея и панорамы продолжалось, о чем свидетельствует утвержденное осенью 1912 г. Положение о Музее 1812 года¹⁴.

Но вот строительством здания для панорамы, которую уже начал писать в Мюнхене художник Рубо, в 1911 г. не занимался никто. В ноябре того же года была создана юбилейная комиссия при штабе Московского военного округа, которая и взяла на себя эти нелегкие труды¹⁵. Негативным фактором на этом этапе создания музея была незаинтересованность в создании панорамы, последовательно проявлявшаяся со стороны причта храма Христа Спасителя. Так, например, за аренду принадлежавшего ему участка у храма, где первоначально предполагалось поставить временный павильон, была запрошена столь непомерная сумма, а условия аренды предлагались настолько тяжелыми, что от этого выгодного для будущего музея места пришлось отказаться. Неконструктивной была и позиция Московской городской Думы, которая на просьбу о выделении участка предложила военному ведомству соорудить панораму на Ходынском поле или вовсе за пределами города¹⁶. Таким образом, в центре города, где панорама могла бы пользоваться большим вниманием публики, места для нее не нашлось. Весной 1912 г. штаб Московского военного округа принял решение выделить для строительства панорамы принадлежавший ему участок на Чистых прудах (чем, вообще говоря, просто спас ситуацию). Удаленное от центра и неудобное в транспортном отношении расположение панорамы «Бородино» позднее серьезно сказалось на ее посещаемости и доходности.

Строительство здания для размещения панорамы Ф.А. Рубо стало одним из трех важнейших направлений работы Юбилейной комиссии Московского военного округа. Для руководства строительными работами в феврале 1912 г. была создана особая Исполнительная комиссия, куда вошли: генерал-лейтенант Н.Н. Шелковников, генерал-майор М.И. Шишкевич, статский советник Махотин, полковник П.А. Воронцов-Вельяминов и полковник В.П. Никольский¹⁷. Начался этап реализации проекта, результаты которого почти всецело зависели от энергии, профессионализма и ответственности людей, создававших музей, буквально, своими руками. Анализ деятельности членов Исполнительной комиссии по сооружению панорамы при Юбилейной комиссии штаба Московского военного округа позволяет сказать, что успех завершившегося к августу 1912 г. строительства был достигнут усилиями нескольких людей. Председатель Юбилейной комиссии генерал-лейтенант П.П. Яковлев поставил дело так, что на регулярно проводившихся Комиссией заседаниях царил деловой порядок, вопросы обсуждались и решались без проволочек, хотя и с необходимыми консультациями. Назначенный председателем Исполнительной комиссии по строительству здания глава инженеров округа генерал-лейтенант Н.Н. Шелковников постоянно проявлял высокие профессиональные качества и ответственное отношение к делу, которое считал имеющим несомненную «патриотическую, воспитательную и общественную пользу»¹⁸. Несмотря на то, что деньги из Государственного казначейства на строительство здания были выделены лишь в мае 1912 г., строительные работы начались еще в апреле и велись даже в праздничные дни и по выходным¹⁹. При этом спешка не отразилась на результатах: здание было построено в срок и согласно существовавшим в то время техническим правилам (за исключением нескольких недостатков, отмеченных комиссией пожарных²⁰ и оспоренных Шелковниковым). Если генерал Шелковников организовывал работы, испрашивал финансирование, следил за выполнением планов и вел переписку со штабом округа и главой окружной Юбилейной комиссии, перед которым отчитывался лично, то непосредственно работами руководил военный инженер полковник П.А. Воронцов-Вельяминов. Он сам стал автором проекта, который составил на основе визуального осмотра деревянного павильона Севастопольской панорамы в Санкт-Петербурге (несмотря на официальные запросы штаба Московского военного округа, ни чертежей, ни обмеров его получить не удалось). Он же (иногда вместе с Шелковниковым) нанимал подрядчиков и почти ежедневно присутствовал на стройке, наблюдая за ходом работ.

В первый год деятельности открытой в назначенный срок панорамы, построенной по вновь созданному проекту и, как отмечалось, «при крайне неблагоприятных обстоятельствах», должны были проявиться и выявились на самом деле недостатки как самого проекта, так и особенностей его воплощения. Подчеркну, что в этом нельзя винить упомянутых выше членов строительной комиссии: на том уровне технических знаний и опыта, на котором они находились, в условиях цейтнота и огромных объемов других обязанностей, возлагавшихся на них в юбилейный год, по-иному вряд ли могло получиться. Итак, после нескольких месяцев эксплуатации картины выяснилось: 1) в неотапливаемом (так задумывалось!) павильоне люди зимой существовать не могут, и ту часть здания, где сидела кассирша, пришлось утеплить, а позднее устроить в ней отопление; 2) после продолжительных холодов, с наступлением весны влажность внутри павильона становилась такой, что картина начинала покрываться плесенью; 3) устройство светового барабана было таково, что вскоре потребовалось

также устройство высокой лестницы к нему для очистки от снега и замены потрескавшихся стекол; 4) предметный план, созданный из натуральных материалов, ежегодно требовал замены, на что нужно было выделять значительные средства; 5) особенности устройства купола и подвески картины привели к возникновению щелей в стенах здания, сквозь которые ливень летом 1913 г. залил картину так, что сушить ее пришлось несколько недель. Чтобы избежать подобного в дальнейшем, необходимо было перекрыть крышу, заменив покрывавший ее толь железом. Именно это и было сделано позднее. Кроме того, постепенно обозначились и другие недостатки: непродуманное устройство противопожарной службы, отсутствие водостоков и др. Кроме того, все чаще беспокоило служителей панорамы не слишком удачное соседство с аптечным магазином, руководство которого почему-то видело в возникшем рядом учреждении прямого врага²¹. Важно заметить, что особенности устройства и эксплуатации панорамы как очень сложного и непохожего ни на что другое организма в значительной степени, хотя и не исчерпывающим образом, были учтены разработчиками проекта и строителями нового здания для панорамы «Бородино» на Кутузовском проспекте в 1962 г. Однако им также не удалось решить проблемы с вентиляцией и влажностью в помещении, и, следовательно, обеспечить должные условия хранения масштабного полотна, которое, к тому же, подвешено по эллипсу, что усугубляет ситуацию.

Устранением всех названных проблем в 1912—1914 гг. пришлось заниматься назначенному заведующим панорамой штабс-капитану А.В. Матвееву. Поскольку капитан исполнял обязанности делопроизводителя в Исполнительной комиссии по сооружению панорамы, многие из перечисленных недостатков здания не стали для него неожиданностью. И все же решать их было нелегко, и одной готовности к этому было бы недостаточно. Потребовались решительность, упорство, дисциплина и преданность порученному делу, которыми обладал первый заведующий нового музея. Важно отметить также, что на протяжении всех лет, когда панорама «Бородино» являлась структурным подразделением штаба Московского военного округа, в военном ведомстве относились к ней как к «не исключительно военному, но скорее общегосударственному предприятию». В 1913 г. Главное управление Генерального штаба решило придать этому учреждению «более прочную как с административной, так и с финансовой стороны, постановку дела, на основании не временных, а постоянных правил, утвержденных в установленном порядке»²². Для этого создавалась особая Межведомственная комиссия, в которую должны были быть привлечены представители от следующих ведомств: от Департамента военной и морской отчетности государственного контроля, от Департамента государственного казначейства министерства финансов, от Главного управления по квартирному довольствию войск и от Канцелярии военного министерства»²³. Кроме того, приглашался представитель от штаба Московского военного округа (по личному распоряжению генерала Е.К. Миллера им стал заведующий панорамой капитан Матвеев)²⁴.

Если до этого момента панорама как учреждение действовала на основе лишь утвержденного Государственной думой и Государственным советом указа о выделении средств на ее строительство²⁵ и Временных правил, утвержденных Главным управлением Генерального штаба 22 августа 1912 г.²⁶, то теперь были разработаны новые правила, уже учитывающие весь опыт ее полуторагодовой работы.

В заключение еще раз подчеркну, что обстоятельства, сопутствовавшие созданию самой картины и посвященного ей музея, на долгие годы предопределили его

дальнейшую судьбу. Во многом они остаются значимыми и в наши дни, продолжая влиять на функционирование музея. Многообразный опыт первого года существования Музея-панорамы не обобщен в данной работе полностью: пока за рамками исследования осталась просветительская деятельность панорамы, а также издательская, рекламная и другие. Однако, как мне кажется, это — тема для отдельной работы. Пока же я попыталась показать прямую зависимость результатов каждого этапа в истории создания панорамы от уровня компетентности, ответственности и заинтересованности непосредственных его исполнителей. Разумеется, это не является ни исключительным, ни даже редким явлением, а, скорее, правилом. Но в ходе реализации столь нового и сложного проекта, каким оказалось создание нового необычного музея в начале XX в., наиболее ярко, отчетливо и поучительно было доказано правило: степень успешности проекта пропорциональна проектности самой идеи. Продолжающаяся и сегодня история Музея-панорамы «Бородинская битва» наглядно свидетельствует о том, что идея создания панорамы Бородинского сражения такой проектностью, нацеленной далеко в будущее, несомненно, обладала.

Примечания

- ¹ Колосов Н.А. Жизнь панорамы: сентябрь 1912 — декабрь 1917 г. // Вестник Музея-панорамы «Бородинская битва». Вып. 2. М., 2005. С. 48—71; Мальшикин С.А. Обзор материалов по истории Музея-панорамы «Бородинская битва» в ЦГВИА СССР (1909—1917 гг.) // Там же. С. 72—75; Сорокина А.В. Панорама «Бородино» в дореволюционный период (1912—1917 гг.) // Очерки по истории Музея-панорамы «Бородинская битва». М., 2003. С. 55—61; и др.
- ² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 274. Л. 18.
- ³ Ссылку на него см.: Там же. Д. 277. Л. 8—11.
- ⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1064.
- ⁵ Подчеркнуто в документе.
- ⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1064. Л. 10 об.
- ⁷ Там же. Л. 14 об.
- ⁸ Там же. Л. 15 об, 21.
- ⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. Под общ. ред. А.Л. Паниной; предисловие и примеч. И.М. Пушкаревой и З.И. Перегудовой. М., 1997. С. 53—54. (Отмечу, что В.Ф. Джунковский отличался высокой организованностью и ответственностью и, хотя не был склонен к снисходительности в отношении людей противоположных устремлений, но обвинять его в предвзятости нет оснований.)
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 1606. Д. 161. Л. 44—46.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 770. Л. 23—25.
- ¹² Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1441. Л. 3.
- ¹³ См. например: Земцов В.Н. Видимые ошибки // Вокруг света. 2012. № 9. С. 42—46.
- ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 2. Л. 5—6.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 770. Л. 127.
- ¹⁶ Там же. 89—90.
- ¹⁷ Там же. Л. 140—140 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 91 об.
- ¹⁹ Отчет Н.Н. Шелковникова о работе комиссии см.: Там же. Л. 89—91 об.
- ²⁰ Там же. Л. 83—84 об.
- ²¹ Переписку об эксплуатации панорамы в 1912—1914 гг. см.: Там же. Оп. 1. Д. 274, 275, 276.
- ²² Там же. Д. 276. Л. 111.
- ²³ Там же. Л. 111 об.
- ²⁴ Там же. Л. 113 об.
- ²⁵ См.: ПСЗ-III. Т. 32. Отд. I. № 56992. Официальное изложение истории организации панорамы см.: РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 276. Л. 111—111 об. (Отношение Отдела по организации и службе войск Главного управления Генерального штаба (стол 2) начальнику штаба Московского военного округа от 28 марта 1913 г.).
- ²⁶ Там же. Д. 274. Л. 18.

М.В. Черкасова

Празднование 150-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года

В годы советской власти всплеск интереса к истории Отечественной войны 1812 года был вызван необходимостью патриотического воспитания и пропаганды прошлого нашего народа. Как отмечал в изданной к 150-летию юбилею войны 1812 года монографии Л.Г. Бескровный, в годы Великой Отечественной войны «в героическом прошлом своей родины советские люди черпали силы для борьбы с врагом куда более опасным, чем Наполеон»¹. В это время для решения идеологических задач использовались различные исторические сюжеты, призванные подтвердить справедливый, народный характер ведущейся войны и особую миссию советского народа — Победоносца и освободителя. В дальнейшем такая традиция закрепились в изучении войны 1812 года, в событиях и значении которой историки искали параллели с Великой Отечественной войной. Само празднование 150-летия Отечественной войны, совпав с продолжающимися мероприятиями по поводу 20-летия обороны Москвы, проходило в тесной взаимосвязи с чествованием побед советской армии.

В июне—сентябре 1962 г. в рамках празднования 150-летия войны организовывались как научные (совещания, конференции, семинары), так и мемориальные мероприятия. 30 августа 1962 г. в Центральном доме Советской армии состоялся юбилейный вечер, инициированный редакцией «Военно-исторического журнала». На мероприятие были приглашены военные деятели (маршал Советского Союза М.Н. Захаров и другие военачальники Советской армии), сотрудники Военно-исторического музея, Центрального государственного архива Советской Армии, библиотеки им. В.И. Ленина, Музея им. Л.Н. Толстого, военные историки, а также потомки участников войны 1812 года. В выступлениях акцентировалось внимание на значении и характере войны, отмечался вклад в победу русских военачальников (М.И. Кутузова, М.Б. Баркляя де Толли). Отдельное сообщение было посвящено боям на Бородинском поле в 1941—1942 гг., на котором «советские воины приумножили героизм своих предков»². В военных академиях (Военная академия им. М.В. Фрунзе, Академия бронетанковых войск, Академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, Военно-инженерная академия им. В.В. Куйбышева) празднованию юбилея посвящались научные сессии Ученых советов, торжественные собрания, проводились беседы, экскурсии по памятным местам³. Участие в торжествах приняли и члены отделений исторических наук АН СССР. Член-корреспондент АН СССР В.М. Хвостов выступил с докладом на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов 18 октября 1962 г. Академик Н.М. Дружинин в ярком, эмоционально насыщенном докладе раскрыл историческое значение войны 1812 года на объединенном заседании отделений общественных наук АН СССР⁴.

В юбилейных мероприятиях активно участвовали и учащиеся средних учебных заведений. Например, летом 1961 г. московские школьники предприняли поход по местам сражений. Отправившись по старой Смоленской дороге, учащиеся собирали

предметы, относящиеся к событиям тех лет, записывали сказания и легенды о войнах 1812 г. и 1941—1945 гг.⁵

Основные торжества были приурочены к юбилею Бородинской битвы и Тарутинского сражения. В Ленинграде в университете и педагогическом институте им. А.И. Герцена состоялись научные сессии⁶. В Государственном историческом музее была открыта выставка, посвященная 150-летию Отечественной войны, на которой было представлено около тысячи экспонатов, из них 230 — впервые⁷. 26 августа в Библиотеке им. Ленина открылась книжно-иллюстративная выставка⁸. К 150-летию Бородинского сражения в Артиллерийском историческом музее в Ленинграде была подготовлена юбилейная выставка трофейного оружия, захваченного русскими войсками в боях с наполеоновской армией⁹.

Официальные торжества развернулись 18 октября 1962 г. Как сообщала газета «Правда», в этот день «вся Советская страна отмечает знаменательную дату — 150-летие Отечественной войны 1812 года». В этот день в г. Малоярославце состоялось открытие памятника герою Малоярославецкого сражения Савве Беляеву. Тогда же в г. Вязьме был открыт восстановленный после Великой Отечественной войны памятник Перновскому полку, впервые возведенный еще в 1912 г. В Ленинграде в этот день на могилу М.И. Кутузова в Казанском соборе был торжественно возложен венок. На Бородинском поле состоялся митинг, прогремел салют. Артиллерийским салютом отметили героизм русских воинов Москва, Ленинград, Смоленск, Вязьма, Можайск, Нарро-Фоминск, Малоярославец, Калуга и Борисов.

В 1962 г. в ряде региональных музеев открылись юбилейные экспозиции: в Чувашском краеведческом музее, Якутском республиканском краеведческом музее и др.¹⁰

В преддверии юбилея Совет Министров РСФСР издал постановление от 31 мая 1961 г., которым преобразовал Государственный Бородинский военно-исторический музей в музей-заповедник. В его управление отводилась площадь в 50 кв. км. К основным задачам музея-заповедника были отнесены сохранение Бородинского поля, его исторических памятников и памятных мест, связанных с Отечественной войной 1812 года и Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. Музей значительно расширился, его экспозиционная площадь увеличилась с 250 до 500 метров, а сама экспозиция пополнилась к юбилею новыми художественными произведениями. 29 июля состоялось торжественное открытие музея, в котором помимо экспонатов XIX в. была представлена история битвы за Москву в 1941—1942 гг., информация о первых кавалерах ордена Кутузова¹¹. К юбилею музей издал новый путеводитель и сборник документов о Бородинском сражении. 18 октября 1962 г. рядом с «Кутузовской избой» было торжественно открыто специальное здание музея-панорамы «Бородинская битва», в котором разместилось бессмертное полотно Ф.А. Рубо¹².

В 1960-х гг. имена героев 1812 года были присвоены десяти улицам Москвы и двум станциям метро, на Кутузовском проспекте воссоздана Триумфальная арка, сняты фильмы «Гусарская баллада», «Война и мир», «Бородино», «Год 1812...», на Минской студии научно-популярных и документальных фильмов начались съемки фильма «Глобус Наполеона», выпущены почтовые марки, научная и научно-популярная патриотическая литература, Ленинградский Монетный двор выпустил бронзовую медаль, посвященную П.И. Багратиону (автор — скульптор А.Н. Филиппова)¹³.

Участие профессионального сообщества историков в праздновании юбилея выразилось в публикации документов и исследований, посвященных проблемам Оте-

---

чественной войны 1812 года. К 150-летию войны в 1962 г. было опубликовано 27 научных работ (монографии, сборники документов, сборники статей, путеводители по музеям). В 1963 г. этой же теме было посвящено 6 изданий.

Среди центральных исторических журналов наиболее активное участие в праздновании знаменательной даты принял «Военно-исторический журнал», в 1962 г. в нем было опубликовано 7 статей, 11 сообщений и 2 рецензии, посвященных юбилейной тематике. Специальные юбилейные выпуски редакционными коллегиями журналов не предпринимались. Отдельная рубрика была сформирована только в журнале «Новая и новейшая история», где за год было опубликовано 3 статьи, посвященных проблемам Отечественной войны 1812 года. В журнале «Вопросы истории» в 1962 г. вышло 7 статей, 1 рецензия и 3 заметки по юбилейной теме, в журнале «Исторические записки» — 2 статьи, в которых освещались организация, деятельность и историческое значение народного ополчения в войне 1812 года¹⁴. В «Историческом архиве» были опубликованы два письма М.И. Кутузова¹⁵, выдержки из походного дневника И.Д. Якушкина¹⁶, письмо Д. Давыдова¹⁷.

В массовой периодической печати — газетах «Известия», «Правда» 150-летие войны 1812 года было также отмечено несколькими публикациями, вышедшими в основном в июле—октябре 1962 г.

Тематика публикаций, приуроченных к празднованию юбилея, сосредотачивалась главным образом вокруг следующих вопросов: значение и характер войны 1812 года, стратегия, тактика, численность и потери французской и русской армий, партизанское движение и народное ополчение. В статьях, посвященных изучению значения и характера войны 1812 года, дискутировался тезис о единении народа ради обороны Отечества, подчеркивалась мысль о продолжении классового противостояния между крестьянами и привилегированными сословиями: «Отечественная война 1812 года не ослабила классовую борьбу России... Более того, война вскрыла и сделала еще более наглядной непримиримость классовых противоречий между помещиками и крестьянством»¹⁸. Анализу классовой борьбы во время войны 1812 года была посвящена отдельная публикация Л.Н. Бычкова, который, стремясь опровергнуть тезис о дворянско-крестьянском единстве, тем не менее пришел к выводу, что антикрепостнические выступления происходили только в губерниях, не захваченных наполеоновской армией, в целом же в этот период «произошло не увеличение, а наоборот, даже некоторое уменьшение числа волнений»¹⁹.

Общей для всех авторов была идея о справедливом, национально-освободительном и народном характере войны²⁰, акцентировалось внимание на патриотическом движении, которое стимулировало развитие революционной мысли и активизацию политической жизни. Так, например, П.А. Жилин писал: «Армия Наполеона осуществляла в войне самые агрессивные цели контрреволюционной французской буржуазии, стремившейся к захвату новых источников сырья и рынков сбыта, видевшей в наполеоновской агрессии силу для превращения России в колонию, для порабощения русского народа, для установления мирового господства. Для русского народа война 1812 г. с самого начала приняла народный, освободительный характер. Великий русский народ, поднявшийся на защиту своей страны, вел справедливую, национально-освободительную войну»²¹. При изучении войны 1812 года историки проводили аналогии с относительно недавними событиями: «История показывает, что попытки агрессоров овладеть Москвой, как это было 150 лет или 21 год тому назад, в период Великой Отечественной войны, кончались провалом»²².

В публикациях, освещающих историю народного ополчения и партизанского движения в войне 1812 года, особое внимание уделялось рассмотрению деятельности крестьянских отрядов самообороны, роли разных сословий в организации ополчений. При этом подчеркивалась роль тыла и народного сопротивления, которое так же, как и в Великой Отечественной войне, стало значимым фактором в достижении военных побед²³.

При исследовании организации и деятельности наполеоновской и русской армий особое внимание уделялось рассмотрению причин поражения неприятеля. В их числе прежде всего называлось, как правило, стратегическое и моральное превосходство русских войск. Несколько публикаций было посвящено анализу управления отечественными войсками²⁴, в том числе полководческой деятельности М.Д. Барклая де Толли и М.И. Кутузова²⁵. Рассматривая эти сюжеты, П. Жилин выявлял стратегические и тактические различия в действиях Кутузова и Наполеона, подчеркивая при этом новаторство во взглядах на способы ведения войны русского главнокомандующего. Рассматривая потери французских войск в войне, авторам трудно было удержаться от сравнения с Великой Отечественной войной: «Людские потери немецко-фашистских войск вместе с их восточно-европейскими союзниками на советско-германском фронте почти в двадцать раз превосходили потери, понесенные «Великой армией» в 1812 году»²⁶.

Изучение Бородинской битвы привлекало внимание многих историков, которые рассматривали подготовку, стратегию и тактику противостоявших войск, ход сражения²⁷. При этом акцентировалось внимание на наличии «второго Бородино» (сражения 1941—1942 гг.): «в народном сознании Бородино связано с героическим подвигом воинов русской и Советской армий»²⁸.

Таким образом, празднование 150-летия Отечественной войны 1812 года выразилось в проведении юбилейных мероприятий и активизации научного изучения этого события. При этом в исторической памяти тесно переплелись события 1812 г. и 1941—1945 гг. Торжества выполняли задачу и военно-патриотического воспитания молодежи. Подобное стремление объединить в рамках одного мероприятия и исследовательскую, и воспитательную составляющие обусловило популярность исторической реконструкции в настоящее время. Так, например, в рамках празднования 200-летия Отечественной войны 1812 года 21 апреля 2012 г. на плацу в Гатчине (Ленинградская обл.) прошла военно-историческая реконструкция «Выступление гвардии в поход», в октябре планируется провести историческую реконструкцию «День Малоярославецкого сражения», которая проводится ежегодно с 1987 г. на базе Военно-исторического музея Малоярославца.

Примечания

¹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 60.

² Празднование юбилея Отечественной войны 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1962. № 12. С. 115—118.

³ Там же.

⁴ Дружинин Н.М. Историческое значение Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 12.

⁵ См. подробнее: Борисов С., Свинкин Л. По старой Смоленской дороге // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 122.

⁶ Города салютуют героям // Известия. 1962. 18 октября. № 248. С. 2.

- ⁷ Тысяча экспонатов 1812 года // Правда. 1962. 27 июля. № 208 (16064).
- ⁸ Слава великая, слава бессмертная // Правда. 1962. 27 августа. № 239 (16095).
- ⁹ Пушки 1812 года // Известия. 1962. 4 августа 1962.
- ¹⁰ Гремят залпы салюта // Правда. 1962. 19 октября. № 292 (16148).
- ¹¹ *Пономарев И.* Реликвии боевой славы // Правда. 1962. 28 июля. № 209 (16065).
- ¹² *Пономарев И.* Бородинский музей-заповедник // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 121.
- ¹³ Гремят залпы салюта...
- ¹⁴ *Абалихин Б.С.* Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. 1962. Вып. 72. (Т. 2.). С. 87—118; *Володин П.М.* О роли и численности Московского народного ополчения 1812 г. // Там же. С. 246—258.
- ¹⁵ Два письма М.И. Кутузова // Исторический архив. 1962. № 3. С. 217—218.
- ¹⁶ Странички из походного дневника декабриста И.Д. Якушкина // Исторический архив. 1962. № 3. С. 218—221.
- ¹⁷ Неизвестное письмо Дениса Давыдова // Исторический архив. 1962. № 2. С. 232.
- ¹⁸ *Малиновский Р.* Значение победы России в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 9. С. 6.
- ¹⁹ *Бычков Л.Н.* О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 58.
- ²⁰ *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 48—59; *Жилин П.А.* Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 6. С. 54—75; *Малиновский Р.* Указ. соч. С. 3—12; *Бескровный Л.Г.* Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 10. С. 50—60.
- ²¹ *Жилин П.А.* Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года... С. 65; см. также: *Он же.* Гибель агрессора // Правда. 1962. 18 октября.
- ²² *Малиновский Р.* Указ. соч. С. 12.
- ²³ *Абалихин Б.С.* Указ. соч.; *Володин П.М.* Указ. соч.; *Богданов Г.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 8. С. 92—98; *Ростунов И.* Народные массы России в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 3—18; *Алешкин П.Я., Головников В.К.* Московское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 22—33; *Пронштейн А.П., Чеботарев Б.В.* Донские казаки в Отечественной войне 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 34—39.
- ²⁴ *Кочетков А.* Управление войсками русской армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. С. 56—65.
- ²⁵ *Жилин П.* Полководческая деятельность М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 29—41; *Мусницкий Е.* К вопросу об оценке роли М.Б. Барклая де Толли в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 8. С. 113—115.
- ²⁶ *Павленко Н.* Гибель «Великой армии» // Военно-исторический журнал. 1962. № 11. С. 51.
- ²⁷ Бородинское сражение и его герои // Военно-исторический журнал. 1962. № 9. С. 13—21.
- ²⁸ Там же. С. 13.

Мемориализация участия башкирского народа в наполеоновских войнах

В ходе Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 гг. Башкиро-мещерякское войско сформировало и отправило на войну 22 конных полка (20 башкирских и 2 мещерякских), в это же время 12 тыс. башкир несли службу на Оренбургской пограничной линии. Особенностью вооружения башкир было наличие лука со стрелами, за что французы, отметив также маленький рост башкирской лошади, прозвали их «северными амурами».

Кроме участия в военных действиях башкиры и мишари (мещеряки) подарили правительству для нужд армии 4 139 лошадей, сопроводив их в Вильно и Бобруйск. Данное пожертвование не осталось незамеченным. 15 мая 1816 г. император Александр I объявил «Высочайшее благоволение башкирскому и мещерякскому народам за подаренных в 1813 г. 4 139 лошадей», которое можно рассматривать как коллективную награду. Необходимо отметить, что в наполеоновских войнах доблестно и отважно воевали донские, украинские, черноморские, уральские, оренбургские казаки, башкиры, мишари, ставропольские и астраханские калмыки, крымские татары и тептяри. За проявленные самоотверженность и героизм отдельные полки казаков получили наградные знамена. Но, кажется, только два иррегулярных войска были удостоены коллективной награды. Это Башкиро-мещерякское войско, получившее 15 мая 1816 г. «Высочайшее благоволение» и Донское казачье войско, отмеченное 19 ноября 1817 г. Георгиевским знаменем «В ознаменование подвигов, оказанных в последнюю Французскую войну, в 1812, 1813 и 1814 годах». Башкиры и мишари — участники Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 гг. также были награждены медалями «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа 19 марта 1814 года».

Сразу после окончания войны 1812—1814 гг. начался процесс мемориализации победы России над Наполеоном. Его начало было заложено в известном манифесте императора Александра I о сооружении в Москве храма Христа Спасителя. Процесс мемориализации был представлен строительством крупных храмов, административных зданий, триумфальных арок и массовыми зрелищными действиями — парадами, освящениями, народными гуляниями и т.д. Так, например, в Санкт-Петербурге Казанский кафедральный собор после 1812 г. приобрел значение памятника русской воинской славы. В нем был похоронен полководец М.И. Кутузов, помещены трофейные знамена и ключи от взятых городов. Копией этого храма стал калмыцкий храм-памятник Хошеутовский хурул, воздвигнутый по инициативе князя С. Тюмена в 1814—1818 гг. в честь победы над Наполеоном.

В Москве в 1817 г., в честь пятилетия Победы 1812 г., было построено здание Манежа. В Москве и Новочеркаске были сооружены триумфальные арки, в Санкт-Петербурге в 1834 г. воздвигнута Александровская колонна, были установлены памятники на Бородинском поле, в Смоленске, Малоярославце и других городах.

Отправной точкой мемориализации участия башкир в наполеоновских войнах можно считать деятельность Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского, участника Отечественной войны 1812 года. По его инициативе, по проекту архитектора А.П. Брюллова на собранные башкирами и мишарями деньги в Оренбурге в 1837—1842 гг. был выстроен архитектурный комплекс Караван-сарая с мечетью, ставший местом нахождения командующего Башкиро-мещерякским войском. По компоновке этот комплекс ассоциировался с традиционным летним башкирским аулом. Мечеть, образующая центр композиции, напоминает жилище старейшины — тирмэ (войлочная кибитка или юрта), на которое ориентировался выход из жилищ. Угловые башенки на главном корпусе напоминают легкие летние юрты. Здание имеет внутренний двор. В архитектуре Караван-сарая тесно переплелись различные композиционные приемы и формы турецкого, мавританского и арабского зодчества с башкирскими национальными мотивами. Впоследствии, в 1852 г., вокруг Караван-сарая был заложен парк, площадь которого превышала 5 га. Весь посадочный материал для него был взят из лесов Стерлитамакского уезда и других мест Башкирии. Многолетние деревья в громадных кадках доставлялись в Оренбург за сто и более километров.

Торжества по случаю открытия Караван-сарая состоялись 30 августа 1846 г. и были приурочены ко дню рождения императора Николая I. Был отслужен молебен в мечети, устроен грандиозный праздник, организовано угощение, состоялись традиционные конные скачки. Сооружение административного здания с главным войсковым храмом в Оренбурге шло параллельно с процессом мемориализации Бородинского поля императором Николаем I. Осенью 1839 г. башкиры приняли участие в торжествах на Бородинском поле. Депутацию от башкир, направленных В.А. Перовским, наблюдал на поле Фридрих Гагерн, полковник в свите голландского принца Александра Оранского, оставивший в своих мемуарах упоминания о посещении башкирской юрты представителями дипломатического корпуса: «Мы вместе смотрели башкирскую палатку или кибитку, присланную сюда генералом Перовским, оренбургским генерал-губернатором. ... В кибитке, освещенной разноцветными (национальными) фонарями, башкиры играли и пели. Инструментами им служат странные камышовые дудки; музыка их в неизменно минорном тоне, даже веселые песни носят тот же отпечаток грусти»¹.

Согласно Манифесту Александра I в Москве был сооружен храм Христа Спасителя. В нижнем коридоре храма было помещено 177 мраморных плит, на которых в хронологическом порядке была изложена история событий 1812—1814 гг. На 8 досках есть упоминания о башкирских полках, участвовавших и отличившихся в сражениях 1812—1814 гг.²

В Европе одним из первых элементов мемориализации участия башкир в наполеоновских войнах является появление «памятных мест», ассоциируемых с восточными представителями российской армии. Это, например, «башкирская тропа для водопооя» в Париже (место с таким названием показывается в Париже гидами), «гитарская могила в Лейпциге» (место захоронения умершего от ранения в «Битве народов» воина), и «стрела башкира» — артефакт, связанный с той эпохой, ставший также туристической достопримечательностью. Проходя территорию имперского княжества Шварцбург-Рудольштадт (Тюрингия) 14 апреля 1814 г. в г. Шварц во дворе церкви Святого Лауренция башкиры одного из полков показывали искусство стрельбы

из лука. Принц Карл Гюнтер, сын правящего князя Фридриха Гюнтера, усомнился в боевых качествах лука и стрел. Возник спор, по условию которого башкирский воин, спешившись, пустил стрелу в шар в шпале кирхи, находясь на противоположном углу городской площади. Стрела, пронзив шар, застряла в нем, спор был выигран. Жители города сохранили стрелу как память о башкирах, а когда она сгнила, то ее заменили железной копией, при этом наклон стрелы изменился³.

Косвенным элементом памяти о башкирах можно считать памятник на кладбище в Реймсе, который был сооружен в 1893 г. родственниками князя Гагарина и капитана фон Гекка, адъютанта Ф.Ф. Винценгероде. Надпись на памятнике гласит: «В память князя Гагарина, командира башкир, погибшего у ворот Парижа 5 марта 1814 г. в возрасте 23 лет, и Жозефа де Гекка, капитана Генерального штаба Русской армии, кавалера орденов Святой Анны и Святого Владимира, родившегося в 1785 г., погибшего в битве при Променад 7 (19) марта 1814 г.». Фамилия князя Гагарина вызывает споры: не вполне понятно, какой это из Гагариных, кроме того, никто из Гагариных не был убит и похоронен в Реймсе.

В 1913 г. в Лейпциге в память «Битвы народов» был сооружен Свято-Алексеевский храм — памятник русской славы. На его стенах размещены 8 бронзовых стел с перечнем сражавшихся частей, на которых имеются упоминания и о башкирских полках, находившихся в составе армий союзных государств.

В советский период мемориализация событий наполеоновских войн начала скромно осуществляться лишь во второй половине XX в., и была связана с юбилейными мероприятиями. Если обратить внимание на те немногочисленные скульптурные произведения, созданные в ту эпоху, то видно, что изобразительный ряд ограничивался военачальниками на фоне солдат, ополченцев, партизан и казаков. Национальная конница, как и офицеры русской армии, не стали тогда частью мемориального дискурса традиционно «юбилейной» репрезентации эпохи 1812 года. Новый этап мемориализации победы России и ее народов в 1812 г. начался в XXI в. Наравне с общероссийскими процессами начали развиваться и региональные. В 2003 г. в Лейпциге, рядом с храмом-памятником русской славы, Н.А. Юрушбаевым и И.Ф. Баишевым был установлен памятник башкирам — участникам «Битвы народов». Он представляет собой камень-валун с наложенной на него бронзовой плитой. Сакрализация памятника началась с момента его открытия. Так, например, под валуном был закопан курай (башкирский народный инструмент), а в 2011 г. делегацией из Республики Башкортостан была привезена к памятнику земля из Башкирии. В 2006 г. в Дрездене Баишевым был установлен такой же памятник башкирам — участникам Дрезденского сражения. Необходимо отметить, что оба памятника сооружены на частные деньги и по частной инициативе.

Н.А. Юрушбаевым и киностудией «Башкортостан» в 2007 г. был снят документально-постановочный фильм «Звуки курая над Сеной», посвященный участию башкирского народа в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813—1814 гг.

В 2005 г. по инициативе историка Р.З. Янгузина и писателя Б.З. Рафикова в с. Аюсы Стерлитамакского района Республики Башкортостан был сооружен памятник командиру башкирского полка Кахыму Мырдашеву. (Это легендарный герой, имевший реального исторического прототипа, являющийся персонажем известной в Башкирии народной песни «Кахым-туря».) Памятник представляет собой стелу

из девяти разной высоты металлических труб, шесть из которых стилизованны под музыкальный инструмент курай, а три центральные трубы, которые выше остальных на 2/3, завершаются коническими наконечниками и бронзовыми развевающимися флажками и имитируют пики. На центральных трубах закреплен парящий бронзовый кречет (тотемная птица рода юрматы, представителем которого и является героиней), внизу медная выколотка в виде арматуры оружия, в том числе башкирского, эпохи наполеоновских войн, выполненная в стиле ампир. С двух сторон на коротких трубах установлены таблички с текстами на башкирском и русском языках.

В 2010 г. у д. Марфин брод Можайского района Московской области военно-историческим клубом «Северные амуры» был установлен памятный знак в честь воинов 1-го Башкирского конного полка, участника Бородинского сражения. В 2012 г. вместо него установлен семиметровый гранитный памятник (obelisk) на гранитной площадке, открытие которого назначено на сентябрь 2013 г. Оба памятных сооружения выполнены на частные деньги и по инициативе общественной организации.

В 2012 г. Правительством Республики Башкортостан в рамках мероприятий, посвященных 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года, принято решение о сооружении памятника героям этой войны в Уфе (скульптор А. Н. Ковальчук), открытие которого запланировано на 25 декабря 2012 г. Памятник, судя по предложенному проекту, представляет две конные фигуры — башкира и донского казака, мчащихся в атаку.

Важным элементом мемориализации участия башкир в наполеоновских войнах была коллективная память. Башкирский фольклор сохранил огромный пласт исторических песен, легенд, преданий, кубаиров и других жанров поэтического и музыкального творчества, посвященных наполеоновским войнам. Поскольку эти произведения вошли в разряд народной музыки и народного поэтического творчества, они не подвергались запрету в советскую эпоху, наоборот, их изучение всячески приветствовалось.

О сохранении исторической памяти башкир об Отечественной войне 1812 года свидетельствуют некоторые документы. Так, например, в 1863 г. в связи с событиями в Польше «Русский инвалид» опубликовал всеподданнейшее письмо башкир: «Башкирский народ всегда служил верно своим законным государям и память войны 1812 года, в которую отцы наши запечатлели кровью преданность свою престолу и отечеству, еще свежа между нами. Если ты повелишь, государь, то и в настоящее время мы не пожалеем ни себя, ни своего достоинства на защиту твоих священных прав и неприкосновенности твоей империи»⁴.

В 1912 г. в связи со 100-летним юбилеем Отечественной войны 1812 года министру внутренних дел направил заявление член Государственной думы, башкир Уфимской губернии Шакир Харисович Тукаев: «В Отечественную войну 1812 года, в годину тяжелых испытаний Родины, башкиры как отдельная народность принимали горячее участие в защите Отечества, выставив значительное число конных полков, из которых некоторые побывали и в Париже. ... Башкиры Оренбургского края дали 20 полков из числа 29, выставленных от всего этого края, в том числе и от казаков, и от других местных народностей. Кроме того, башкиры пожертвовали много лошадей и собрали денег. Теперь, ввиду предстоящего празднования Отечественной войны, башкиры очень интересуются и спрашивают — не забудут ли пригласить на торжества и их представителей, высказывая опасения, что их могут и не вспомнить, так как

теперь они обеднели, хлопотать за них некому, а главное — они разбросаны по территории 4-х обширных губерний: Уфимской, Оренбургской, Самарской и Пермской»⁵.

В советский период наличие мощной исторической памяти о событиях, связанных с участием башкир в наполеоновских войнах, опиравшейся на фольклорный материал, привело к тому, что вопрос об иных формах мемориализации (архитектурных, скульптурных, наименовании улиц) не ставился в практическую плоскость. Наоборот, он дал возможность реализовывать ее в художественной литературе (роман Яныбая Хамматова «Северные амуры») или в музыке (опера Загира Исмагилова «Кяхым-туря»). Фольклорный пласт привел в настоящее время к сакрализации образа башкира — «северного амура», обязательно играющего на национальном инструменте курае, своеобразный «воин-музыкант». Для большинства авторов памятников, посвященных участию башкир в наполеоновских войнах, представителей национальной интеллигенции, историческая память об этом опирается не на факты истории, а на миф, сконструированный на основе фольклора.

Таким образом, в процессе мемориализации участия башкирской конницы в наполеоновских войнах можно выделить тенденции и общие места. Большинство имеющихся памятников сооружено не на государственные, а на народные, либо частные средства; первая волна мемориализации имела ярко выраженный конфессиональный подход; в советский период тема, несмотря на присущий ей патриотизм, не имела актуальности и не была реализована в памятниках и архитектурных сооружениях; современная мемориализация использует определенный набор знаковых решений и образов, на которые влияют в большей степени политические соображения и культурологические репрезентации, а также своеобразное «советское наследие», нежели проблема сохранения исторической памяти.

Примечания

¹ Гагерн Ф.Б. Россия и русский двор в 1839 г. // Русская старина. 1891. № 1. С. 3—5.

² Мостовский М.С. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. М., 1883.

³ В связи с подготовкой к юбилейным торжествам в 2013 г. власти Шварца начали реставрацию купола, причем специально оговорено, что стрела после реставрации примет исходное положение 1814 г.

⁴ Русский инвалид. 6 августа 1863 г.

⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579 а. Л. 170—170 об.

Раздел IV
Отечественная война 1812 года
и Заграничные походы
русской армии
1813–1814 гг.
в документах архивов
и музеев

Новые документы о Московском ополчении 1812 года

Московское ополчение и Отечественная война 1812 года — тема хорошо известная в российской историографии. Практически нет ни одной крупной работы по истории «двенадцатого года», в которой не упоминалось бы о действиях ополченцев на полях войны. Эта традиция была заложена еще первыми историками, такими, например, как А.И. Михайловский-Данилевский, который в своем капитальном труде посвятил ополченцам отдельную главу¹. Немало упоминаний можно встретить в тексте его исследования и о Московском ополчении. С тех пор традиция включать в труды разделы об ополченцах стала постоянной. Готовясь к столетнему юбилею 1812 года, отечественные историки, конечно, не могли обойти своим вниманием и действия Московского ополчения. Но в преддверии торжеств, они уже обратились к целенаправленному сбору документального материала. Результатом подобного скрупулезного исследования российских архивов стал выход работ известного военного историка и публикатора В.Р. Апухтина. Именно он впервые специально занялся публикацией документов по ополчениям, в том числе и по истории Московской военной силы². Но наиболее крупной работой по истории ополчения Москвы и Подмосковья является, несомненно, труд Л.М. Савелова³. Огромное количество документов, впервые опубликованных в этом исследовании, сделали его одним из ценнейших источников. История Московского ополчения нашла свое отражение и в статье наиболее известного дореволюционного военного архивиста Н.П. Поликарпова⁴. В богатом документальном фундаменте его работы кроется обоснованность сделанных им выводов.

Среди специально посвященной Московскому ополчению литературы советского периода заметно выделяется кандидатская диссертация П.Я. Алешкина⁵. Защищенная еще в далеком 1950-м г., она, конечно, устарела с точки зрения взглядов и выводов автора. Но фактологический материал, использованный в исследовании, привлекает к себе внимание и поныне. Историк был первым, кто использовал при работе над историей московских ополченцев документы сразу трех архивов: ЦГВИА, ЦГИАЛ и Московского областного исторического архива. Это позволило нарисовать наиболее полную картину, по сравнению с ранее вышедшими исследованиями по данной теме. Большую роль в изучении судьбы Московского ополчения сыграли и обобщающее исследование В. Бабкина, и сборник документов, вышедший к 150-летию юбилею войны⁶. Но к этому времени уже стало понятно, что обобщающие работы не приносят новых результатов, а их авторы повторяют хорошо известные факты, имена и цифры. В этом отношении определенным прорывом стала статья П.М. Володина, который обратился к частному вопросу⁷. С тех пор определилось новое, достаточно перспективное направление в исследовании Московского ополчения, когда авторы изучают отдельные стороны, детали его истории. В качестве примера достаточно обратиться к статьям М.Ф. Прохорова, В.Н. Федорова, Н.В. Самовер. В докладе последнего автора впервые были приведены ссылки на документы

Московского ополчения, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁸.

Вместе с тем необходимо отметить, что на сегодняшний день архива Московского ополчения в полном объеме в российских архивохранилищах не найдено. Материалы, хранящиеся в РГВИА — это документы ряда департаментов Военного министерства, касающиеся различных вопросов деятельности ополчения. В фонде «Баркляя де Толли» в том же архиве находятся присланные в штаб русской армии отдельные рапорты, предписания и т.д. В Центральном историческом архиве г. Москвы хранятся материалы по формированию ополчения. Эти документы хорошо известны исследователям, на них не раз делались ссылки в научных работах. Именно поэтому наличие в РНБ документов самого ополчения представляет значительный интерес.

Эти материалы хранятся в личном фонде известного историка и архивиста Константина Федоровича Калайдовича (ф. № 328). Не касаясь всей его биографии, следует обратиться к событиям, связанным с Отечественной войной 1812 года. Из формулярного списка Константина Федоровича следует, что 30 июля 1812 г. он поступил в 5-й пеший полк Московского ополчения, который формировался в Коломне. В это время Калайдович был «кандидатом» Московского университета, при поступлении на службу он был переименован в подпоручики и назначен командиром 2-й сотни. Вместе с полком он совершил «поход» от Коломны до Можайска, участвовал в ряде сражений, в том числе при Бородине. Затем отступал с армией к столице. 31 августа «по раскассировании оно́го полка» поступил в Нижегородский пехотный полк, с которым «по собственному желанию» был в стрелках под Чириковым 17 сентября 1812 г. Как известно, в силу больших потерь офицерского состава в Бородинском сражении, М.И. Кутузов приказом по армии предложил ополченческим офицерам перейти в войска. Но в ополчение поступали люди, которые или не могли служить в войсках, или видели себя не военными, а исключительно гражданскими лицами. Многие из них рассматривали свою службу как временную, чтобы изгнать и уничтожить вторгшегося неприятеля, а затем снова вернуться к мирному порядку жизни. Не только Калайдович, но и многие другие добровольцы «двенадцатого года» отказывались менять свой образ жизни, и готовы были жертвовать собой лишь на время войны. Именно поэтому он снова вернулся в состав Московского ополчения, в 8-й пеший полк, не захотев поступать на службу в армию. Участвовал в составе полка в сражениях при Тарутино и под Малоярославцем. Закончил участие в войне в Орше, куда дошел его полк⁹. В личных материалах Калайдовича сохранился его рапорт командиру полка — коллежскому асессору Карачарову от 1 июня 1813 г. В нем, в частности, он писал, что «по слабости моего здоровья не могу я командовать вверенным мне 3-м батальоном»¹⁰. В делах его личного фонда хранится изготовленная типографским способом грамота от главнокомандующего Московской военной силой графа И.И. Моркова на имя подпоручика Калайдовича. Датирована грамота 14 декабря 1814 г., она извещает о награждении Константина Федоровича медалью по указу императора Александра I от 22 декабря 1813 г. за участие в войне. Любопытно типографское написание в грамоте фамилии начальника ополчения — «Морков». Принимая во внимание, что грамота подписана самим Ираклием Ивановичем, можно смело утверждать, что встречающееся в современных научных трудах написание его фамилии как «Марков» неправильно. В июле 1813 г. после возвращения оставшихся частей в Москву и окончательного роспуска ополчения К.Ф. Калайдович получил отставку.

Видимо, в это время, когда дела ополчения сдавались в архив, писались всевозможные отчеты и рапорты о награждениях за минувшие сражения, часть документов и оказалась в руках историка.

На сегодняшний день они занимают незначительную часть его личного фонда. Это дела с № 4 по № 17. Основная масса дел (№№ 4, 5, 9—17) — это документы полков ополчения. Имеется одно дело секретных документов по ополчению, и два дела составляют рапорты командиров полков начальникам ополчения В.Н. Чичерину и И.И. Моркову. За исключением трех дел, остальные документы еще не известны широкому читателю. Попытаюсь их вкратце охарактеризовать.

Дело № 4 — «Список Московского ополчения 1-го пехотного полка господам: штаб- и обер-офицерам. Декабря 7 дня 1812 года. Борисов» было полностью опубликовано и подробно прокомментировано исследователем Н.В. Самовер в ее вышеуказанной статье¹¹. Дело № 5 было сформировано еще 1 июня 1813 г. и озаглавлено как «Формулярный список Московского ополчения 1-го пехотного полка». На самом деле здесь находятся не формулярные списки офицеров, а единый список офицерского состава с краткими сведениями о каждом. Несмотря на сжатую информацию, по этому списку можно сориентироваться в судьбе каждого ополченческого офицера.

Дело № 6 представляет собой «Книгу исходящих секретных бумаг». Здесь записаны тексты всего лишь двух документов. Но один из них чрезвычайно интересен. 16 августа командиру 5-го пешего полка графу Санти предписывалось немедленно исключить со службы крестьянина графа Шереметьева — Никиту Максимова за дерзкие слова «против особы государя императора». В тексте даже не приводятся те «дерзкие» слова, что были произнесены ополченцем в адрес Александра Павловича. Но в одном из документов другого дела сохранился рапорт генерал-майора Санти, в котором подробно рассказывается об этом случае. 13 августа поступивший в ополчение крестьянин графа Шереметьева из д. Ореховой Коломенского уезда Никита Максимов произнес против особы Его Императорского Величества «дерзкие слова, объявив, что государя не знает, потому что он антихрист». Крестьянин немедленно был арестован и отправлен к местному предводителю дворянства. На документе сохранилась резолюция Чичерина: «Принять другого, а графу подать записку»¹². Но этот случай оказался не первым. Подобный прискорбный факт произошел еще до этого, и также в полку гр. Санти. 9 августа граф рапортовал Чичерину, что крестьянин действительного камергера М.А. Долгорукого из с. Коледина Леонтий Никитин заявил в присутствии всего приема ополченцев, «что он государю не слуга, потому что есть раб Божий». Тем не менее крестьянин был взят в ополченцы. А когда колонна двинулась в поход, крестьянин стал креститься «раскольническим крестом», и заявил в лицо графу Санти, что «государя не признает, потому что он неверный». Никитина немедленно отправили в полицию, чтобы он не смущал других ополченцев. На место прибыл уездный предводитель дворянства князь Гагарин, который известил Санти, что на подобный случай у него уже есть секретное предписание от графа Ф.В. Ростопчина¹³. Можно еще раз поразиться предусмотрительности и прозорливости московского губернатора! Необходимо отметить, что в отечественной историографии 1812 года сложилась не совсем верная точка зрения, кто же командовал 5-м полком. На сегодняшний день опубликована совершенно фантастическая биография якобы командира полка Александра Францевича Санти¹⁴. На самом же деле командовал полком, как явствует из документов РГВИА, граф Петр Львович

Санги — обер-прокурор 8-го департамента Московского Сената, «в генерал-майорском чине». Именно его утвердил император Александр I по представлению Ростопчина 8 августа 1812 г.

Дело № 7 было еще в 1812 г. озаглавлено как «Собрание получаемым бумагам по комиссариатской части». Любопытно сделанное чиновником делопроизводства ополчения примечание: «Открытие стола августа 14 дня 1812». Это были явно не 1-й и не 2-й Комитеты по формированию ополчения. Более того, документы, лежащие в деле, получены в ополчении еще 31 июля 1812 г. и направлены на имя В.Н. Чичерина, который исполнял обязанности командира московских ополченцев до прибытия графа И.И. Моркова. Напомню, что Василий Николаевич — отец хорошо известного в историографии «двенадцатого года» автора дневника — Александра Чичерина. Судя по всему, документы самого различного содержания направлялись на имя Чичерина, и уже впоследствии, начиная с 14 августа, с момента формирования специального комиссариатского стола, стали заноситься в отдельный журнал. По крайней мере, на каждом документе имеется помета, под каким номером и какого числа тот или иной документ занесен в комиссариатскую книгу. Судя по исходящим номерам от отправителей, переписка была достаточно многочисленной. Но, к сожалению, до наших дней дошли лишь незначительные ее фрагменты. В этом же деле хранится небольшая пачка документов в отдельной обложке. На ней написано: «Собрание получаемым бумагам по провиантской части. Открытие стола августа 14-го дня 1812». Но и здесь первые документы относятся к 3 августа 1812 г. Таким образом, можно сделать вывод, что в Московском ополчении были, по крайней мере, два стола: по комиссариатской и провиантской части. В тексте рапортов командиров полков на имя Чичерина, а затем Моркова можно встретить сведения, что в ополчении существовала канцелярия при начальнике ополчения и дежурство. Но кто в них входил, кто возглавлял — сейчас сказать затруднительно.

Но, несомненно, из всех материалов архивного фонда К.Ф. Калайдовича наибольший интерес представляют дела, сформированные из документов полков. К сожалению, полкового делопроизводства до наших дней ни в РГВИА, ни в ЦИАМ не обнаружено. Конечно, надо отдавать полный отчет, что сохранившиеся дела не содержат полного состава документов. Но, тем не менее, они проливают свет на историю формирования частей и их дальнейшую судьбу.

В первую очередь, это касается численности полков на момент отправления их в поход из мест формирования к Можайску. Именно по этому вопросу ведутся постоянные споры исследователей. В документах фонда Калайдовича имеются рапорты командиров полков с указанием точного числа воинов на 14—16 августа 1812 г., когда они отправились к русской армии, отступавшей к с. Бородино. Необходимо отметить, что в абсолютном большинстве научных работ, посвященных московскому ополчению, не указываются имена и отчества командиров полков. Отсюда — встречающиеся ошибки, а иногда и элементарная путаница. Особенно это характерно для судьбы командира 3-го пешего полка генерал-майора Свечина. Это одна из самых «загадочных» личностей Московского ополчения. В имеющейся научной литературе при всей неясности биографий командиров полков имя Свечина выделяется на общем фоне. Его иногда именуют М.М. Свечин, но чаще всего указывают без инициалов. События, связанные с именем другого командира полка — Н.П. Свечина, приписывают ему, но нередко их военные биографии в 1812 г. соединяют вместе. Лишь

в списках «воинов Московского ополчения», хранящихся в материалах Инспекторского департамента Военного министерства, впервые удалось найти указание на имя и отчество генерала. В перечне ополченцев, поступивших в Богородск, на полях документа было указано, что все они зачислены в 3-й казачий полк, к «генерал-майору Алексею Сергеевичу Свечину»¹⁵. Впоследствии он перешел в ряды армии, в октябре 1812 г. во время атаки под Вязмой попал в плен, но был отбит отрядом А.И. Чернышева вместе с Винценгероде и Нарышкиным. Из-за плохого здоровья Витгенштейн отправил его в Петербург, а в 1814 г. А.С. Свечин скончался. Это тем более важно, что в научных публикациях полки ополченцев, которыми командовали Свечины, перепутаны между собой из-за однофамильцев.

Большие споры вызывает в среде музейных работников и знатоков истории «двенадцатого года» вопрос о распределении воинов Московского ополчения по корпусам русской армии накануне и после Бородинского сражения. В документах К.Ф. Калайдовича имеются подробные ведомости об этом распределении по ряду полков. Это касается 2-го, 3-го и 7-го пеших полков, а также 1-го и 3-го егерских. Следует подчеркнуть, что в тех полках, которыми командовали офицеры, прошедшие строгую службу, сохранились даже квитанции на сдачу воинов в армейские корпуса. Так, например, известный плац-адъютант Павла I А.В. Аргамаков, в Московском ополчении 1812 г. являвшийся командиром 1-го егерского полка, потребовал от командира 7-го пехотного корпуса Н.Н. Раевского и от майора Тихановского из 8-го пехотного корпуса квитанции о принятии ополченцев. Процесс передачи ополченцев был довольно долгим, и завершился в 20-х числах сентября уже в Тарутинском лагере.

Общеизвестно, что в день Бородинской битвы значительная часть Московского ополчения сражалась на левом русском фланге у д. Утицы. Но в рапорте командира 1-го пешего полка подполковника Н.П. Свечина сообщается, что он в день Бородинской битвы вечером, после 6 часов, с пятью батальонами был отряжен на правый фланг — «в команду» генерала Капцевича, «где и находился до окончания сражения, и до двух часов пополудни»¹⁶. Более того, выясняется, что не все полки ополчения были раскассированы по армейским полкам. В 3-м корпусе в бригаду под командованием полковника Боборыкина были сведены 1-й пеший, 2-й и 3-й егерские полки. Именно они участвовали в сражении за Малоярославец. Свечин указывает в одном из рапортов, что все три полка стояли во 2-й линии 3-го пехотного корпуса между 1-й гренадерской дивизией и гвардейским корпусом. В это же время батальон полка под командованием штабс-капитана Громацкого был командирован на левый фланг русской армии, где прикрывал артиллерийскую батарею. После Малоярославца бригаду возглавил Н.П. Свечин, который и довел ее до Борисова. Здесь завершился боевой путь Московского ополчения.

Несомненно, документы Московского ополчения, сохранившиеся в фонде К.Ф. Калайдовича, вместе с уже введенными в научный оборот архивными материалами РГВИА и ЦИАМ в значительной степени помогут окончательно решить вопрос о численности ополчения, его участии в Бородинской битве и последующей судьбе отдельных полков. Подобное предстоящее исследование возможно при тесном сотрудничестве, как архивистов, так и исследователей. В связи с этим, хотелось бы выразить глубокую признательность работникам ОР РНБ, и персонально кандидату исторических наук А.И. Сапожникову, без доброжелательной помощи которых был бы невозможен поиск документов ополчения.

Примечания

- ¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 164—175.
- ² Малышкин С.А. В.Р. Апухтин как публикатор документов о войне 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники, памятники, проблемы. Материалы IX Всероссийской научной конференции. Бородино, 4—6 сентября 2000 г. М., 2001. С. 173—177.
- ³ Савелов Л.М. Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.
- ⁴ Поликарпов Н. Состав и роль Московского ополчения в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. // Тысяча восемьсот двенадцатый год. М., 1912. № 8. С. 296—298.
- ⁵ Аleshкин П.Я. Московское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.
- ⁶ Бабкин В. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962.
- ⁷ Володин П.М. О роли и численности Московского народного ополчения 1812 г. // Исторические записки. Т. 72. М., 1962. С. 246—258.
- ⁸ Сaмовер Н.В. «Русские крестоносцы». 1-й пехотный полк Московского ополчения в Отечественной войне 1812 г. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы II научной конференции. Музей-панорама «Бородинская битва». М., 1999. С. 111—153.
- ⁹ ОР РНБ. Ф. 328. Д. 2.
- ¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 11.
- ¹¹ Сaмовер Н.В. Указ. соч. С. 125—133.
- ¹² ОР РНБ. Ф. 328. Д. 7. Л. 14.
- ¹³ Там же. Л. 11.
- ¹⁴ Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // «Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.». Т. 7. М., 1996. С. 549. Автор статьи А.М. Горшман указывает, что это был Александр Францевич Санти. В сборнике документов «Москва и Отечественная война 1812 г.» (Кн. 1. М., 2011. С. 325) также указывается, что это был А.Ф. Санти.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 311/240. Д. 48. Л. 163—166.
- ¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 7.

Ф.А. Петров, Л.И. Смирнова

Москва в 1812 году.
Воспоминания, письма и официальные документы
из собрания Отдела письменных источников
Государственного исторического музея

В 2012 г. группой научных сотрудников Отдела письменных источников Государственного исторического музея был подготовлен сборник документов, посвященный событиям 1812 года¹. Основы хранящегося в ГИМе музейного собрания реликвий Отечественной войны 1812 года были заложены еще в начале XX в. при подготовке к празднованию столетнего юбилея победы России над Наполеоном. Празднование носило всенародный характер, тогда же родилась идея создания Музея 1812 года в Москве.

При московском генерал-губернаторе был создан «Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 года» под председательством генерала В.Г. Глазова. В состав комитета вошли директор Исторического музея князь Н.С. Щербатов, основатель Театрального музея А.А. Бахрушин, создатель Музея русских древностей П.И. Щукин и другие коллекционеры и меценаты. «Особый комитет» обратился с подписными листами ко всему русскому обществу с призывом собирать реликвии по истории Отечественной войны. На этот призыв откликнулись десятки тысяч жителей России, от генералов до простых крестьян, представители разных вероисповеданий и национальностей. В короткие сроки удалось собрать огромную коллекцию картин, портретов, гравюр, рисунков, лубков и скульптур; огнестрельного и холодного оружия; мундиров, орденов и медалей, монет и ассигнаций; печатных изданий, военных карт и рукописей. Все собранное было временно размещено в Арсенале Московского Кремля.

Здание Музея 1812 года было решено построить рядом с храмом Христа Спасителя. А напротив храма, между Пречистенкой и Остоженкой, предполагалось возвести «Панораму Бородинского сражения»². Выдвигались разные проекты сооружения здания музея, среди авторов которых были выдающиеся русские архитекторы, но из-за разногласий в среде архитектурно-художественной общественности и нехватки средств у Московской городской думы ни один из проектов не был осуществлен. В августе 1912 г. в стенах Российского Исторического музея в присутствии императора Николая II и его семьи открылась юбилейная выставка реликвий, собранных для Музея 1812 года. Начавшаяся через два года Первая мировая война и последующие революции надолго похоронили саму идею создания музея.

В первые годы Советской власти собранные коллекции были переданы в Государственный исторический музей, который по справедливости стал правопреемником задуманного, но не осуществленного проекта, сохранил и значительно приумножил коллекцию. В одном из залов была развернута лучшая в стране постоянная экспозиция, отражавшая все этапы и события Отечественной войны 1812 года. Идея возведения отдельного здания для Музея 1812 года — уже на территории самого

Исторического музея — возродилась лишь в начале XXI в. Проект получил поддержку на высшем государственном уровне. 5 сентября 2012 г., к 200-летию Бородинской битвы, Музей открылся³.

Авторы-составители книги, о которой пойдет речь в настоящей статье, в 1991 г. и 1992 г. опубликовали два обширных сборника документов по истории Отечественной войны из собрания Исторического музея: «1812 год. Воспоминания воинов русской армии» и «1812. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии».

В сборнике, подготовленном к юбилею 2012 г., опубликованы документы, выявленные в результате многолетних архивных поисков в коллекциях рукописей, собранных профессором П.А. Бессоновым, меценатами П.И. Шукиным и П.М. Мальцевым, в личном фонде главнокомандующего в Москве в 1812 г. графа Ф.В. Ростопчина, в архиве Московского Воспитательного дома и, наконец, в собрании документов по истории науки и культуры России XVIII—XX вв.⁴

«Москва в 1812 году» — сборник разнообразных по типам и жанрам исторических источников. Во-первых, это официальные документы отдельных учреждений — Святейшего Синода, Московского департамента Сената, Артиллерийского департамента Военного министерства, Ведомства императрицы Марии, канцелярии Ф.В. Ростопчина и московского обер-полицмейстера П.А. Ивашкина. Во-вторых, в сборник вошли воспоминания и письма очевидцев московских событий 1812 г. Среди авторов — выходцы из разных сословий, хотя большинство источников личного происхождения того времени традиционно выходят из дворянской среды. Так, относительно молодым, но уже весьма опытным чиновником «для особых поручений» при графе Ростопчине был 31-летний А.Я. Булгаков, будущий московский почт-директор. Его сверстник А.Д. Бестужев-Рюмин, представитель древнего дворянского рода, оставшийся в оккупированной Москве, по его словам, с целью сохранения департаментского архива, служил чиновником Вотчинного департамента Московского Сената.

Свои воспоминания о событиях войны оставили два священника. Иоанн Машков, бывший с 1805 г. протоиереем Казанского собора, во время занятия Москвы французами остался в городе и спас одну из главных православных святынь — чудотворную Казанскую икону Божией Матери. Воспоминания Иоанна Машкова «Новый Навуходоносор, или разоритель и сожигатель Москвы Наполеон Бонапарте» написаны в форме традиционной оды и содержат яркое описание вступления неприятеля в город, трагического положения москвичей. Машков написал свои стихотворные мемуары уже через пять лет после войны. Автор другой оды — «Песнь императору Александру I Благословенному на победу его над императором французов Наполеоном I в 1812 году», будущий нижегородский священник Иоанн Миловский, описал московские события, свидетелем которых он стал в десятилетнем возрасте.

Московский архитектор А.А. Гамбурцев составил живой и увлекательный рассказ о днях своей юности. Вместе с родителями он не успел покинуть Москву и стал очевидцем повседневной жизни и быта как москвичей, так и наполеоновских генералов, офицеров и солдат. Особенно любопытны страницы воспоминаний Гамбурцева о его пребывании при французском генерале Симмере, к которому он был взят в услужение. Письма купца Д.К. Боткина, брата известного чаепромышленника и мелкого чиновника Г.В. Сокольского, повествуют о разорении купеческих лавок и других зверствах, творимых французами в подмосковной царской резиденции Измайлово. Как отмечал

А.Г. Тартаковский, «купеческие воспоминания о 1812 году крайне редки»⁵. К еще более редкому типу мемуарных источников могут быть отнесены записанные писарями и приказчиками показания крепостных крестьян графа Д.Н. Шереметева о хищениях и разорениях подмосковного имения Кусково. Брошенные на произвол судьбы, крестьяне скрывались в близлежащих лесах и порой вынуждены были возвращаться в усадьбу еще во время пребывания там французов.

Публикуемые источники дополняют друг друга, поскольку свидетели событий по-разному освещали и оценивали одни и те же события и действующих лиц. Это относится, например, к воспоминаниям Булгакова и Бестужева-Рюмина. Булгаков был близким другом и доверенным лицом графа Ростопчина. Его записки, написанные в легкой, «французской» манере (его мать была француженкой), содержат интересные характеристики представителей ближайшего окружения московского градоначальника, в котором находился и Н.М. Карамзин. Более того, первоначальная атрибуция приписывала мемуары самому Ростопчину, и лишь в процессе исследовательской работы было установлено их подлинное авторство. Бестужев-Рюмин в дни оккупации служил во французском московском муниципалитете, созданном в сентябре 1812 г. После изгнания неприятеля он был подвергнут материальным и служебным взысканиям, оказался под следствием. Особое подозрение следственной комиссии вызывал тот факт, что он покинул Москву 11 октября, т.е. в день ухода из города последних французских частей. В своих воспоминаниях Бестужев-Рюмин руководствуется, прежде всего, чувством личной обиды, но сам источник документально точен и содержит ценную информацию о настроениях москвичей и ситуации в городе во время оккупации.

Публикуемые в сборнике документы содержат новые сведения о выходе русской армии из Москвы. По словам директора Московского Воспитательного дома генерал-майора И.А. Тутолмина, «последние российские войска проходили набережную Воспитательного дома, а неприятельские были уже в Кремле»⁶. А.А. Гамбурцев вспоминал: «Мы вышли из Кремля чрез Боровицкие ворота и спустились к Каменному мосту, ... путь нам прегражден был поспешно идущим и едущим чрез мост нашим войском — пехотным, конным, артиллериею, лазаретами, обозами и небольшим стадом коров и баранов, которых гнали между войсками. Смешавшись с ними, шли наши крестьяне... Лица всего этого войска, смешавшегося на поспешном ходу и шедшего без всякого порядка, до того были черны, загорели от солнца, пороха, пыли и усталости, что в них нельзя было узнать сразу русских, а измятые и запыленные, и покрытые копотью пороха их шинели не давали возможности различить не только полков, но и рода войск, к которым они принадлежали». Яркий контраст представляет описание торжественного вступления французской армии в Москву. «В 4 часа пополудни, — вспоминал Бестужев-Рюмин, — пушечные выстрелы холостыми зарядами по Арбатской и другим улицам возвестили вход неприятеля в московские заставы. Я считал выстрелы: их было 18... Вскоре за передовыми польскими уланами стала входить и неприятельская конница. Впереди ехал генерал, и музыка гремела. Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4½ часа. Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо Сенатского здания и входило в Китай-город через Спасские ворота. Шествие этой конницы было до глубоких сумерек беспрерывно».

Особо информативно лаконичное письмо полковника С.Н. Марина (адресат письма неизвестен). Этот документ, хранящийся в фондах ОПИ ГИМ, был опубли-

---

кован с неправильной расшифровкой фамилии в «Бумагах Шукина, относящихся до Отечественной войны 1812 года», вышедших в начале XX в.⁷ При сопоставлении текста публикации с подлинником были выявлены пропуски целых абзацев, а тогдашняя деревня Фили, где 1 сентября проходил знаменитый Совет, была неверно прочтена как «Яриле».

Сергей Марин был одним из образованнейших русских офицеров своего времени и получил известность как одаренный поэт и переводчик. Начав службу в лейб-гвардии Преображенском полку, он отличился при Аустерлице в 1805 г., а после заключения Тильзитского мира был направлен с депешами к Наполеону. Во время Бородинской битвы полковник Марин исполнял должность дежурного генерала при П.И. Багратионе. В литературе указывается, что осенью 1812 г., тяжело заболев, Марин отправился для лечения в Петербург. Между тем, как явствует из публикуемой рукописи, он проделал вместе с русской армией весь Тарутинский марш-маневр. Рукопись датирована 2 октября, когда русские, по словам Марина, уже прониклись уверенностью «в гибели врагов и торжестве правды». Любопытно упоминание в письме Марина о распространившихся в русских войсках слухах, что «для Армии выписывают 100 000 полушубков, 100 000 пар лаптей и онуч для зимы и 6 тыс. лыж, ибо в большие снега нельзя будет употреблять конницы, то беспокоить неприятеля должно стрелками». Эта информация, по нашему мнению, свидетельствует, что русское командование за четыре дня до сражения при Тарутине, возможно, еще допускало продление войны на территории России до зимы.

Драматические события в 1812 г. были связаны с Московским Воспитательным домом, который сохранился в памяти очевидцев и потомков как своеобразный «остров милосердия» в объятый пламенем первопрестольной. Комплекс сооружений Воспитательного дома располагался на берегу Москвы-реки и занимал целый квартал. Накануне вторжения неприятеля в нем числилось 10 тыс. детей. Большинство из них было отдано подмосковным крестьянам, что, впрочем, не гарантировало их безопасность, поскольку значительная часть Московской губернии стала в августе — октябре 1812 г. ареной боевых действий и была временно оккупирована неприятелем. Мальчиков старше 12 лет и девочек старше 11 лет, благодаря энергичным мерам, предпринятым вдовствующей императрицей Марией Федоровной, вместе с воспитанницами Екатерининского и Александровского институтов удалось вывезти в Нижний Новгород и Казань. Однако детей младшего возраста, грудных младенцев и больных невозможно было эвакуировать при той панике, которая началась со стремительным выходом русских войск из Москвы и почти одновременным вступлением в нее наполеоновской армии. Всего ко 2 сентября 1812 г. в Доме находилось 586 питомцев: 207 — от 1 года до 12 лет, 104 — больных и 275 — грудных младенцев. Их спасение целиком легло на плечи действительного статского советника И.А. Тутолмина, на которого вдовствующая императрица официально возложила обязанности сохранения Воспитательного дома и других благотворительных и учебных заведений в Москве, находившихся в ее ведении. В течение 40 дней (от вступления французов в Москву 2 сентября 1812 г. до освобождения ее казаками И.Д. Иловайского и гусарами А.Х. Бенкендорфа 11 октября) Тутолмину пришлось действовать на свой страх и риск, ибо официальная переписка с Петербургом была прекращена.

Предусмотренная изначально изолированность Воспитательного дома от окружающей застройки способствовала сохранению здания, тогда как рядом с ним почти

все дома сгорели. Однако необходимо было обеспечить защиту питомцев и служащих от мародеров и других опасностей, которые стали неизбежным следствием деморализации наполеоновской армии, антисанитарии, практически полного отсутствия взаимопонимания с немногочисленными русскими жителями. В сложившейся ситуации Тутолмину пришлось вступить в контакт с оккупационными властями и убедить самого Наполеона в необходимости спасения сирот. 6 сентября французский император принял в Кремле русского генерала (именно так оккупанты обозначили чин Тутолмина) и согласился выставить караулы для охраны Воспитательного дома⁸. Взамен был выдвинут ряд условий. Первое из них кажется курьезным. С 12 сентября по 10 октября от французского командования было прислано 23 подкидыша в возрасте от 5 дней до 9 лет. Французы потребовали, чтобы им дали фамилии в честь Наполеона, его маршалов и генералов. Так появились на свет Алексей Наполеонов, Дарья Тревизская и т.д. Публикуемый полный список этих воспитанников представляет интерес, поскольку впоследствии императрица Мария Федоровна потребовала сменить все фамилии и запретила о них упоминать.

Куда более опасным было требование разместить на территории Воспитательного дома раненых французских офицеров и солдат, многие из которых были заражены инфекционными заболеваниями. Тутолмину удалось пресечь малейшее соприкосновение вверенных ему питомцев с больными, разделив Воспитательный дом на две половины и предоставив собственные покои и служебные помещения под французский госпиталь.

Но главным и неперемнным условием французского императора было требование, чтобы Тутолмин написал письмо Александру I. Наполеон стремился установить контакт с русским императором через чиновника, пользовавшегося доверием как Александра I, так и Марии Федоровны, которую он считал своим злейшим врагом. Это письмо хорошо известно в историографии. Император французов уверял российского самодержца в своем намерении обойтись с Москвой так же, как с другими европейскими столицами, сдавшимися на милость победителя. В исторической литературе указывалось, что письмо якобы заканчивалось следующими словами, продиктованными Наполеоном Тутолмину: «Напишите Вашему Государю, что я желаю мира, и отправьте с донесением своего чиновника». Однако в подлинном тексте письма от 6 сентября 1812 г. (это письмо впервые полностью и без искажений приводится в сборнике) таких слов нет. Первым, кто написал о предложении начать мирные переговоры, сделанном через Тутолмина, был известный военный историк М.И. Богданович. Эти сведения он почерпнул из книги французского мемуариста А.Ж. Фэна, которую, по нашему мнению, нельзя считать полностью достоверным источником⁹. Представляется, что Тутолмин, находясь на действительной службе, не имел права брать на себя подобную миссию.

Таким образом, изучение документов архива Воспитательного дома позволяет предположить, что Наполеон, находясь в Москве, сделал русской стороне два официальных предложения о мире, а не три, как традиционно указывается в историографии. Первое предложение было передано через отправленного в Петербург отставного гвардии капитана, помещика И.А. Яковлева (отца А.И. Герцена), чей поступок (вспомним «Былое и думы») вызвал негативную реакцию русских властей; второе — через генерала Ж. Лористона, посланного к главнокомандующему М.И. Кутузову, которое также, как известно, осталось без результата.

Тутолмину удалось спасти Воспитательный дом во время самого страшного пожара 4 сентября, когда, как он писал, «весь город был объят пламенем, горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные дворцы и здания; отцы и матери кидались в пламя, чтобы спасти погибающих детей, и делались жертвою их нежности... Даже мосты и суда на воде против Дома были в огне!». Сам директор Воспитательного дома проявил мужество, самоотверженность и незаурядные организаторские способности, спасая вверенных ему питомцев. Во время пожара он вывел всех детей во внутренний двор, а воспитанники старших возрастов были расставлены в цепочку и вместе со своими надзирателями гасили искры. Тутолмин не только сохранил Воспитательный дом от огня, но успел спрятать в подвалах шесть коров, молоко которых было необходимо для вскармливания грудных младенцев.

Французское командование в Москве поначалу проявило щедрость, отпустив Воспитательному дому 100 центнеров пшеницы (впрочем, плохого качества) и 20 центнеров крупы. Правда, как показывает специальная ведомость, французским жандармам, охранявшим дом, и находившимся в госпитале солдатам и офицерам отпускалось заметно больше провизии. Спешно ретируясь из Москвы, французы оставили без пищи и лекарств полторы тысячи своих раненых и больных солдат, которые оказались на содержании русских. Императрица Мария Федоровна приказала Тутолмину заботливо ухаживать за ними.

Директору Воспитательного дома удалось в дни неприятельской оккупации сохранить жизнь почти всех детей. Парадоксально, но смертность среди питомцев в 1812 г. (включая розданных подмосковным крестьянам и эвакуированных) оказалась даже ниже, чем в предыдущем 1811 г. — 1 417 против 1 453 человек. В Воспитательном доме тайно от неприятеля нашли прибежище и лишившиеся крова престарелые москвичи, там же принимали найденных по всему городу «детей от сгоревших матерей». И.А. Тутолмин был награжден орденом Св. Анны 1-й степени, но нечеловеческое напряжение подорвало его здоровье. Хотя Александр I неоднократно отправлял его лечиться на Кавказские минеральные воды, ровно через три года после описанных событий 17 сентября 1815 г. Тутолмин скончался¹⁰.

О своеобразном проявлении «толерантности» со стороны французов свидетельствует и впервые публикуемое письмо, обнаруженное в обширном собрании князей Куракиных в ОПИ ГИМ. «Бриллиантовый князь», как называли Александра Куракина, русского посла во Франции, после начала войны был задержан в Париже на три месяца. Тем временем в Куракинской богадельне на Новобасманной улице в Москве с комфортом разместился «московский генерал-губернатор» герцог Тревизский — маршал Эдуард Мортье. Об этом Куракина извещал государственный секретарь Гюг Маре, герцог Бассано. В своем письме Маре указывал, что питомцы богадельни отправлены в Саратовскую губернию, и добавлял: «Ваше великолепное жилище осталось нетронутым. Человек, которого я отправил его осмотреть, подтверждает, что ни один предмет мебели, ни одна картина не были повреждены, и что великолепное бюро императора Павла, подаренное Вашей Светлости, даже не было вскрыто».

Центральным сюжетом в разговоре о Москве в 1812 г. традиционно выступает знаменитый «пожар московский». В сборнике опубликованы новые свидетельства очевидцев тех событий.

Первые поджоги складов в Москве начались еще до вступления неприятеля в Москву, и организованы были по приказу М.И. Кутузова и Ф.В. Ростопчина. Но ос-

---

новые пожары вспыхнули вечером 2 сентября, когда русская армия уже покинула город. Тутолмин пишет, что «с самого первого вечера начались пожары, кои день ото дня увеличены были разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во все дома и церкви зажигательные составы — в низкие места из рук, а в высокие — из пистолетов». Это заставляет предположить, что среди поджигателей с самого начала были и французы, так как православные люди не стали бы кидать в храмы зажигательные снаряды. Священник И.П. Машков подтверждает, что «конные неприятели, имея при себе зажигательные фитили, около рук обвившиеся, натерши сперва дерево фосфорическим составом, зажигали теми вокруг здания». Яркие описания пожара даны в воспоминаниях Гамбурцева и оде Миловского.

Не меньшие беды ожидали москвичей при отступлении наполеоновской армии. Наполеон приказал Маршалу Мортье взорвать Кремль. Эти события впечатляюще переданы Гамбурцевым: «Соборы, терема и Иван Великий, освещенные его пламенем, являли собою дивную картину, окаймленную древнею Кремлевскою стеною с башнями. Картина еще увеличивалась силуэтами Василия Блаженного, Воспитательным домом и огненною полосою Москвы-реки, между которыми мелькали оставшиеся строения, и все это венчалось космами пламени и тучами дыма, испещренного искрами и огненными головнями, летавшими туда и сюда». Даже находясь на Орловском лугу, в двух с лишним километрах от Кремля, Гамбурцев и бывшие рядом с ним почувствовали дрожь земли под ногами: «Яркий свет озарил нас на мгновение, за которым раздался такой страшный и оглушительный удар, как будто над головою нашею ударил оглушительный гром, с таким треском и гулом, что мы едва удержали дух и едва устояли на ногах. И громада пристройки к Ивану Великому в глазах наших как перышко взлетела на воздух и падала на землю, как брошенный мячик... Вслед за этим взлетел на воздух Арсенал, потом башни с частями стен, балки из Арсенала летали по воздуху, как пылинки, одна из них, как я после видел, концом своим воткнулась в кровлю Сената, и не было между нами человека, который не читал бы себе отходную... Один другого прощал и просил прощения — все думали, что вся Москва взлетит на воздух!».

Публикуемые материалы привносят новые краски к характеристике солдат Великой армии, постепенно превращавшихся в деморализованных мародеров. Так, Бестужев-Рюмин вспоминал, как лишился денег и одежды в присутствии наполеоновского маршала Ж.Б. Бессьера, герцога Истрийского; «у младенца же 7 недель, при матери находившегося, и которого мать от испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока». Г.В. Сокольский пишет, что французские кирасиры убили на его глазах сенатора Ф.И. Дмитриева (брата известного баснописца), отбирали у мужчин и женщин пищу, одежду и драгоценности.

Большой интерес представляют составленные для московского обер-полицмейстера П.А. Ивашкина списки сгоревших, разрушенных и уцелевших в 1812 г. монастырей, соборов и церквей, казенных строений и обывательских домов (с указанием фамилий всех домовладельцев) по всем «частям» Москвы. Первый из этих списков был составлен уже 13 октября 1813 г., в соответствии с тайным предписанием Ростопчина (находившегося в то время во Владимире) Ивашкину. Это первое описание итогов пребывания французов в городе, данное в буквальном смысле «по горячим следам». Два года спустя Ивашкин подписал второй, более подробный список. Благодаря этим документам можно установить количество уничтоженных и сохранившихся церковных, гражданских и частных домовладений. Всего в этих списках упоминается около 4 тыс. объектов.

Самый обширный из этих документов — «Именной список оставшихся в целости соборов, монастырей и приходских церквей, казенных и обывательских строений» включает фамилии всех домовладельцев того времени, напоминая «адресную книгу». То была «грибоедовская» и, в значительной степени, «пушкинская» Москва. Документ позволяет совершить «прогулку» по городу. Список содержит фамилии героев 1812 г., профессоров Московского университета, знаменитых архитекторов, артистов, писателей и поэтов, именитых московских купцов.

Свыше трети объема книги занимают материалы, связанные с Русской Православной Церковью. Большой интерес представляют рапорты в Святейший Синод епископа Дмитровского, викария Московского Августина (Виноградского), охватывающие период с конца сентября до начала ноября 1812 г. Накануне входа наполеоновской армии в Москву, в Новолетие Господне, 1 сентября 1812 г. Августин отслужил молебен в Успенском соборе Кремля, а на утренней заре 2 сентября с Владимирской и Иверской иконами Божией Матери отправился в Муром. Но немало церковных ценностей осталось в Москве, и не все из них удалось спрятать.

Первоначально Августин получил сведения о почти полном разграблении и уничтожении святынь кремлевских соборов. Из икон были сделаны биваки, где у костров грелись караульные. Когда в начале ноября он вернулся в Москву и осмотрел Успенский собор, то увидел, что «собор совершенно неприятелем разграблен». Правда, вопреки первоначальным донесениям, «рака святителя Филиппа хоть и повреждена, но находится на своем месте, и даже его облачение осталось неповрежденным, а мощи царевича Димитрия, хранившиеся в Архангельском соборе, были спрятаны священником Вознесенского Девичьего монастыря и таким образом спасены». Вскоре Августин вместе с другими священнослужителями отыскал почти все местные иконы Успенского собора, кроме Иерусалимской иконы Божией Матери. Восстановление главного собора Кремля продолжалось еще несколько лет.

10 ноября 1812 г. Августин писал обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицыну: «Служил в Сретенском монастыре и после литургии духовенством, какое собрать мог, с крестным ходом перенес икону Иверской Богоматери в ее часовню. Перед часовнею я освятил воду и окроплением оной освятил часовню, внес икону и поставил ее на свое место». Викарий также оставил краткое описание всех московских монастырей после ухода французских войск.

Выразительны описания событий, происходивших во время наполеоновской оккупации в Донском и Новоспасском монастырях.

3 сентября в Донской монастырь во время службы ворвались около 200 вооруженных французов, а к рассвету весь монастырь был наполнен наполеоновскими солдатами и повозками. Прихожанам удалось выскочить через боковую дверь, а в это время французы «вбежали в церковь и рассыпались: иные к лампадам хватать свечи, другие в алтарь, третьи стали раздевать монахов, требуя золота и серебра. Наместника больно били, ризничему голову проломали, всем грозили обнаженными саблями изрубить, если не дадут денег и сокровища. Иеромонаха Иринея, нынешнего наместника, изранили по рукам и ногам саблями и штыками». Иконы были расколоты, из парчовых риз выжигали серебро. В настоятельских покоях разместился генерал, в монастыре поставлена часть императорской гвардии, а у ворот — караул. «Неприятели жили во всех церквях, а в теплой церкви стояли лошади, а в алтаре — коровы, к престолу привязанные, а на престоле обедали». Монахов заставили «носить воду, топить печи, копать

картофель, носить разные запасы из города под их караулом. Положение было самое трудное: в разодранных рубищах, изнуренные голодом, мучимы были беспрестанною работою». Французы угрожали монахам, что «возьмут в армию и обратят в солдаты, особливо тех, которые посильнее и помоложе». Уверяли, что Санкт-Петербург взят наполеоновскими войсками. Однако пришедший из Троице-Сергиевой лавры служитель сообщил, что неприятель не дошел и до Мытищ. Там стояли казацки разезды, и отдельные партии казаков стали проникать в Москву еще до того, как основные силы наполеоновской армии покинули город. Узнав об этом, монахи Донского монастыря решили бежать в Лавру, при этом они были вынуждены выпрыгивать из монастырских бойниц, чтобы избежать встречи с французским караулом. Еще до выхода неприятеля из Москвы в монастырь возвратился наместник. Приняв за казака, французы его жестоко избили. 7 октября мимо монастыря потянулись отряды отступавших французов, а через пять дней, в сражении под Малоярославцем, квартировавший в монастыре наполеоновский генерал Тадеуш Тышкевич был взят в плен. По иронии судьбы, его конвоировали к Калужской заставе мимо стен монастыря.

Более страшная участь постигла Новоспасский монастырь. Известный историк Москвы, профессор Московского университета И.М. Снегирев записал воспоминания очевидцев тех трагических событий. Французы появились в монастыре также 3 сентября. В беззащитной обители оставались старый наместник с десятью монахами, которых жестоко избили, а затем, «поставив среди храма на колени и примкнув к их груди ружья, велели исповедоваться друг другу, как перед смертью; потом, грозя расстрелять, спрашивали, где скрыты монастырские драгоценности; при этом нанесли старцу несколько ран саблями, и, не вынудив у него признания ни угрозами, ни ранами, отпустили едва живого». В ночь с 3-го на 4-е сентября загорелась колокольня, с которой упал тысячепудовый колокол Петра Великого, пробивший и обрушивший своды церкви Св. Сергия Радонежского. Чудом уцелели три собора — Преображенский, Покровский и Знаменский. «Что пощадил огонь, того не пощадили враги, алкавшие добычи. Ограбив в церквях все, что только можно было захватить, они, в надежде найти сокровища, раскапывали могилы на кладбище монастырском, разламывали каменные надгробницы в усыпальницах под собором и даже престолы и жертвенники в алтарях».

Рядом с Новоспасским монастырем сохранилась донныне церковь Сорока Мучеников. «41-м мучеником» стал 68-летний священник храма Петр Вельяминов, «убитый неприятелями пред дверьми церкви за то, что не указал им, где скрыты драгоценные ее утвари и ризы с образом».

Такое святотатство по отношению к православным святыням и священнослужителям со стороны наполеоновской армии вполне объяснимо. Нельзя забывать о том, что французским офицерам и солдатам в 1812 г. в среднем было от 20 до 40 лет, их детство и юность пришлось на годы революционной атеистической пропаганды (католическое богослужение во Франции было возобновлено лишь в 1804 г., с учреждением Первой империи). Понятно их равнодушие к христианской религии и варварское осквернение православных святынь. Об этом писал протоиерей Казанского собора Иоанн Машков: «Все были ль крещены, родясь в терроризме? // Премногие ж из них блуждали в атеизме».

Сразу после изгнания неприятеля начались благодарственные молебны. Уже 11 октября, когда в Москву вступили казаки И.Д. Иловайского, в домово́й церкви

Воспитательного дома «было принесено моление Всевышнему, избавившему столицу от врага и сам Воспитательный Дом от гибели».

Сложность работы с публикуемым списком сохранившихся, поврежденных и сгоревших московских храмов заключалась в том, что названия многих церквей даны в нем не по официальным синодальным наименованиям, а по укоренившимся в памяти москвичей названиям пристроенных приделов (ведь и знаменитый Покровский собор на Красной площади более известен как храм Василия Блаженного).

В 1920—1930-х гг. был проявлен не меньший вандализм, не меньшее святотатство, чем при нашествии неприятеля. Об уничтожении московских монастырей, соборов и церквей написано с исчерпывающей полнотой. Но один пример особо показателен. В списках по Мясницкой «части» упоминается церковь Успения Божией Матери на Покровке, который В.И. Баженов ставил в один ряд по красоте с храмом Василия Блаженного. Церковь вызвала восторг даже у Наполеона, который велел поставить караул, чтобы спасти ее от пожара. Историкам архитектуры в 1920-х гг. удалось установить имя мастера, строившего храм — Петр Потапов. В его честь в 1922 г. Большой Успенский переулок был переименован в Потаповский. А в 1936 г. церковь была снесена. Сохранился лишь иконостас, ныне находящийся в Успенском храме Новодевичьего монастыря. Среди чудом уцелевших храмов особо отметим церковь Иоанна Воина — великолепное детище зодчего Ивана Зарудного, построенное по личному указанию Петра Великого на Большой Якиманке. Она и донныне стоит как безмолвный свидетель бесславного бегства Великой армии из Москвы 7 октября 1812 г.

Примечания

- ¹ Сборник документов из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея (объемом 52 п.л., 150 ил., цвет. и ч/б) был подготовлен группой научных сотрудников отдела: д.и.н. Ф.А. Петров (руководитель проекта), к.и.н. А.К. Афанасьев, Н.Б. Быстрова, Л.И. Смирнова и М.В. Фалалеева. Ответственный редактор — заместитель директора ГИМ по научной работе к.и.н. А.Д. Яновский. Книга была подготовлена в рамках научно-исследовательского и издательского проектов РГНФ на 2010—2012 г. и выпущена в свет издательством «Языки славянских культур». Об истории подготовки сборника см.: *Петров Ф.А., Смирнова Л.И.* Неизвестные рукописи из собрания Исторического музея // Вестник РГНФ. 2012. № 1.
- ² Подробнее см.: *Петров Ф.А.* Музей 1812 года в Москве // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 183—188; *Саваренская Т.Ф., Петров Ф.А.* Неосуществленный проект мемориального ансамбля 1812 года // Московский журнал. 1991. № 5. С. 59—64.
- ³ См. подробнее: *Смирнов А.А.* Музей Отечественной войны 1812 года. Путеводитель. М., 2012.
- ⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 56, 114, 155, 160, 222, 281, 446.
- ⁵ *Тартаковский А.Г.* 1812 год. Русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 20.
- ⁶ Здесь и далее цитаты из сборника даны без указания страниц.
- ⁷ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. Вып. 1. М., 1897. С. 39.
- ⁸ Об этой встрече см.: *Коленкур А. де.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 146—147.
- ⁹ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1859. С. 319—320, 602; *Fain A. J., baron.* Manuscrit de 1812. Paris, 1827. P. 84.
- ¹⁰ Подробнее см.: Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году. Публикация Ф.А. Петрова и М.В. Фалалеевой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Новая серия. М., 2010. С. 159—212.

Л.Н. Бодрова

Документальные материалы XIX — начала XX вв.
об Отечественной войне 1812 года
и Заграничных походах 1813—1814 гг.
из фондов и коллекций РГАЛИ

В 2011 г. Российский государственный архив литературы и искусства приступил к созданию тематической базы данных по проекту, поддержанному Российским гуманитарным научным фондом «Создание мультимедийной информационной системы “Отечественная война 1812 года и ее отражение в идеологии и художественной культуре XIX — XX вв.”»¹.

Перед участниками проекта стояла задача выявления и отбора документов в фондах и коллекциях архива для включения в тематическую базу данных. Выявлялись документы, созданные в XIX — начале XX вв., прежде всего, непосредственно в годы Отечественной войны и Заграничных походов русской армии или в первые десятилетия после данных событий. Основным критерием отбора являлось содержание документа, отвечающее обозначенной теме. Формирование электронного информационного массива проводилось путем введения в базу данных описаний архивных документов и дополнительной информации о них (в том числе — биографических справок персоналий), что позволяет увеличить число параметров, по которым можно осуществлять поиск, формируя комбинированные запросы по объекту, тематике, хронологии, персоне. Документы распределялись по группам в соответствии с разработанным рубрикаторм, позволяющим осуществлять выборку из массива источников по интересующей пользователя тематике. Например, можно проводить отбор по жанру литературных произведений, в которых нашли отражение военные события — поэтические, прозаические, публицистические, драматургические, фольклорные и другие. Вводилась дополнительная информация о наличии микрофотокопий, фотокопий и электронных копий документов для получения представления о возможных формах их использования. Все документы, включенные в базу данных, были оцифрованы, их изображения и описания размещены в электронном каталоге в локальной сети архива и на сайте РГАЛИ. Технической основой проекта являлась функционирующая в архиве Комплексная автоматизированная информационная система КАИСА-Архив, разработанная специально для создания электронных массивов архивных документов. Таким образом, основной целью проекта стало размещение в свободном доступе в сети Интернет информации и цифровых копий документов из фондов РГАЛИ, относящихся к истории Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., а также произведений литературы и искусства, в которых нашли отражение эти события. Работа по проекту продолжается, и пополнение базы данных осуществляется постоянно. Часть выявленных документов в настоящее время демонстрируется на выставке «Недаром помнит вся Россия...» в зале федеральных архивов. В настоящем сообщении представлен краткий обзор основных групп документов тематической базы данных.

РГАЛИ не является профильным архивом, хранящим документы по военной истории России. Однако включение в базу данных выявленных в родовых дворянских архивах, личных фондах, фондах учреждений и организаций, собраниях коллекционеров материалов, условно названных «историческими документами» о событиях Отечественной войны 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг., позволяет дополнить существующую источниковую базу. К таким документам относятся: печатные манифесты императора Александра I о проведении рекрутского набора от 23 марта 1812 г. и о создании ополчения от 6 июля 1812 г.; кондуктный список Черниговского драгунского полка генералу, штаб и обер-офицерам, аудитору, штаб-лекарю, младшему лекарю и полковому священнику, датированный 18 июня 1812 г., сохранившийся в бумагах шефа полка генерал-майора И.Д. Панчулидзева 1-го; распоряжение М.Б. Барклая де Толли генералу К.Ф. Багговуту об удержании Смоленской дороги (26 августа 1812 г.); пять предписаний главнокомандующего русской армии генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова (с его подписями) Калужскому гражданскому губернатору П.Н. Каверину о заготовке и транспортировке провианта и фуража, об условиях содержания пленных французов в губернии (14—30 октября 1812 г.) и письмо ему же от 25 декабря 1812 г. (часть этих документов не вошла в пятитомный сборник документов «М.И. Кутузов», изданный в 1950—1956 гг., но они были опубликованы в газете «Известия» в 1962 г.); печатные манифесты императора Александра I от 25 декабря 1812 г. о намерении возвести в Москве церковь во имя Спасителя Христа и об изгнании неприятеля за пределы России.

В базу данных включена значительная коллекция печатных материалов 1812—1814 гг., собранная библиографом и книгопродавцем П.П. Шибановым (1864—1935), среди них: воззвание Святейшего Правительствующего Синода к населению о защите Отечества от неприятеля, многочисленные прокламации главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина, в том числе с сообщением, полученном от М.И. Кутузова о сражении 26 августа и о подготовке воздушных шаров для использования в ходе боевых действий (август 1812 г.). Внесены также официальные сообщения о ходе боевых действий, опубликованные в приложениях к газетам 25 июня и в июле 1812 г.

В базе данных содержатся донесения императору Александру I о ходе боевых действий от главнокомандующего 1-й Западной армией генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли, главнокомандующего армиями генерал-фельдмаршала князя М.И. Кутузова-Смоленского, генерал-адъютантов Ф.Ф. Винценгероде, П.В. Голенищева-Кутузова, генерал-майора И.Д. Иловайского, генерала от кавалерии А.П. Торماسова, генерал-лейтенантов Ф.Ф. Эртеля, Ф.Ф. Штейнгеля, адмирала П.В. Чичагова; журналы военных действий и известия из армии (1813 г.); список неприятельским генералам, убитым и взятым в плен в сражении при Лейпциге 19 октября 1813 г.; извещение императора Александра I императрице Марии Федоровне о победах русских войск во Франции; объявление о молебне в Успенском соборе по случаю взятия Парижа; манифест императора Александра I о прощении лиц, поступивших на службу к неприятелю; правила о приеме военнопленных в подданство России, утвержденные Комитетом министров и др.

Особую группу составляют документы о награждении дворян бронзовой медалью за заслуги в Отечественной войне 1812 года, а также о награждении участников военных действий орденами и золотым оружием. Например, в базу данных включены ордера Московского ополчения 1-го Казачьего конного полка поручику кня-

зю П.А. Вяземскому о награждении его за отличную службу орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом от 7 декабря 1812 г. и серебряной медалью в память 1812 года от 26 декабря 1813 г. за подписями генерала от инфантерии графа М.А. Милорадовича; рескрипт императора Александра I владимирскому гражданскому губернатору А.Н. Супоневу от 26 марта 1813 г. о награждении его орденом Св. Анны за «доставление всего нужного к продовольствию» русских войск, находившихся в губернии; грамота о награждении поручика лейб-гвардии Измайловского полка П.Н. Семенова золотой шпагой за участие в сражениях против французских войск 24 и 26 августа 1812 г. при Бородине и другие документы.

В вотчинных архивах помещиков, по чьим владениям прошли войска как Великой армии, так и российские части, среди хозяйственных документов хранятся материалы об организации снабжения российских войск и об уроне, нанесенном их владениям. Интересна записка о подготовке ратников и провианта для армии в Бельском уезде Смоленской губернии от 18 июля 1812 г. из фонда Рачинских. В фонде Боратынских выявлены черновики нескольких объявлений деда поэта Е. Боратынского А.В. Боратынского в Бельский Нижний земский суд о разорении крестьян его поместий проходящими войсками, о поставке фуража и продовольствия русским войскам, которые составлялись им с октября 1812 г. по январь 1813 г., копия объявления тайного советника и кавалера А.М. Рачинского в тот же суд об убытках, понесенным им во время войны, составленная 3 апреля 1813 г.

Интерес представляет обращение графа Ф.В. Ростопчина к крестьянам Московской губернии об оказании сопротивления в тылу французской армии от 20 сентября 1812 г. (в архиве хранится рукопись с правкой и подписью графа). Описание разрушений в Москве содержится в письме купца Т.Ф. Большакова к родным, написанном 13 декабря 1812 г. (этот документ был опубликован в 2012 г. журнале «Наше наследие», № 101).

В базу данных включен также комплекс документов из Остафьевского архива об организации праздника, устроенного московским дворянством по случаю взятия Парижа в 1814 г.: программа, смета, список участвующих по подписке, среди последних были П.А. Вяземский, В.Л. Пушкин, А.С. Норов. К этой группе исторических документов можно отнести и оправдательную записку М.Б. Барклая де Толли относительно действий в 1812 г., интерес к которой был настолько велик, что она распространялась в рукописных списках. Внесено также несколько документов о содержании французских военнопленных, их письма за 1814 г.

События Отечественной войны 1812 года оставили глубокий след в художественной культуре России и послужили мощным импульсом для создания в XIX — начале XX вв. многочисленных произведений — поэтических, музыкальных, изобразительных.

Первые поэтические произведения были написаны во время войны, они публиковались в московских и петербургских газетах, записывались в альбомы. В качестве примера можно привести стихотворение В.Л. Пушкина «К нижегородским жителям» («Примите нас под свой покров...», сентябрь 1812 г.), автограф которого сохранился в альбоме.

В базу данных внесены произведения непосредственных участников военных действий. Это автографы стихотворений Ф.Н. Глинки «Портрет Кутузова и тень Наполеона, поставленные вместе» (1820-е гг.), «Полковнику лихих гусаров...», посвященное Денису Давыдову, черновик стихотворения «Был год, который не был

равен...» и др.; автографы и рукописи с авторской правкой стихотворений П.А. Вяземского «К Жуковскому» (1813 г.), «Поминки по Бородинской битве», дополнение к «Бородинской годовщине», «К партизану-поэту» (после 1814 г.), «Многолетие, петье во время ужина при питье за здравие Государя» и др.; рукописный список стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812—1813 гг.), широко распространявшегося в списках в армии, печатный экземпляр его же стихотворения «Бородинская годовщина» (1839 г.) с дарственной надписью автора князю А.С. Меншикову; автографы произведений Дениса Давыдова «Бородинское поле», «Партизан Давыдов» (1819 г.). К этой же группе документов относятся автографы стихотворения «Русская песня», написанного в 1812 г. лицеистом, другом А.С. Пушкина А.А. Дельвигом под впечатлением от известия об оставлении Москвы, и стихотворения Н.М. Языкова, посвященного Денису Давыдову.

В базу данных включены также произведения других знаменитых современников Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов: рукописные списки басни И.А. Крылова «Ворона и курица» (1812 г.), стихотворение Ф.Ф. Кокошкина «На бегство Наполеона с остатком войск его» (1812 г.), рукописная книга со стихотворением Н.М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александру I» (1814 г.), стихотворение А.С. Пушкина «Бородинская годовщина» (4 сентября 1831), переписанное С.П. Шевыревым в письме к С.А. Соболевскому от 28 октября 1831 г. В архиве хранятся рукописные списки самого известного произведения, посвященного Бородинской битве — стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино».

В архиве отложились многочисленные воспоминания о событиях тех лет. К ним, в частности, можно отнести заметки Ф.Н. Глинки о Бородинском сражении и о взятии Парижа, а также отрывок из рукописи Д.В. Давыдова о партизанской войне. Фольклорные материалы представлены солдатскими песнями, записанными К.С. Аксаковым в 1850 г., и сказками.

В XIX в. широкое распространение получили гравюры с портретов героев и участников Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 гг. В базу данных введены гравюры с портретов: императора Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, А.А. Аракчеева, М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, Л.Л. Беннигсена, М.И. Платова, М.С. Воронцова, Н.Н. Раевского, Я.П. Кульнева, А.Н. Сеславина, А.С. Фигнера, принца Е. Вюртембергского, Д.В. Голицына, Д.В. Давыдова, Д.С. Дохтурова, А.П. Ермолова, С.И. Маевского, Я.А. Потемкина, А.А. Тучкова 4-го. Интерес представляют гравюра К. Адта с портрета последнего ветерана Великой армии Н.А. Савена на 120 году жизни, умершего в Саратове в 1894 г., а также литографии на открытках с рисунков Фабер-дю-Фора «У Гжатской заставы 5 сентября 1812 года», «Москва 12 октября 1812 года», «Отступление французской армии у дороги близ Соловьево 8 ноября 1812 года».

Среди музыкальных произведений можно отметить довольно популярную балладу «Ночной смотр» — сочинение М.И. Глинки 1836 г. на слова В.А. Жуковского, в базу данных включены переложения этого произведения для различных инструментов.

Закономерный всплеск интереса к событиям Отечественной войны 1812 года произошел в начале XX в. во время подготовки к празднованию ее 100-летнего юбилея. В базу данных включен составленный в 1910 г. рукописный нотный сборник «1812 год», который был издан в 1912 г. В него входят 35 русских и французских песен, маршей, танцев эпохи вторжения Наполеона I в Россию в 1812 г., собранных и

гармонизированных композитором шведского происхождения В.Н. Гартевельдом (1859—1927), который родился и умер в Стокгольме, окончил Лейпцигскую консерваторию и долгое время работал в России. В частности, в сборник включен «Марш Наполеона “Победа”» («Marche de Napoleon “La Victoire”»). В примечаниях имеется запись, что, по свидетельству сержанта наполеоновской армии Бургона, французы исполняли этот марш 2 сентября 1812 г. при вступлении в Москву. Текст марша приведен на французском и русском языках. Среди других произведений, вошедших в этот сборник, имеются песни драгуна, маркитантки, военная пляска гренадеров, «Марш московского ополчения 1812 года», а также «Парижский марш», в первый раз сыгранный при вступлении союзных войск в Париж в 1814 г.

В конце 1900-х гг. молодой композитор М.М. Багриновский (1865—1966) приступил к написанию оперы «1812 год» (по неоконченному произведению А.С. Пушкина «Рославлев» и роману Г.П. Данилевского «Сожженная Москва»), предполагая закончить ее к 1912 г. и осуществить постановку в юбилейные дни на сцене Мариинского театра в Петербурге. Автор явно переоценил свои возможности, история создания оперы растянулась почти на два десятилетия, клавиш удалось закончить лишь в 1921 г., окончательная же доработка оперы продолжалась вплоть до 1950-х гг. В базу данных включена нотная рукопись отрывков из этого произведения. Внесен также печатный экземпляр другой оперы «В 1812» композитора Б.К. Яновского (1875—1933) на слова С.И. Мамонтова, завершённой к 1912 г.

В 1912 г. вышел художественный фильм «1812 год» режиссеров В.М. Гончарова и А.Н. Уральского с участием В.К. Сержникова (1852—1952) в роли Наполеона. В базе данных представлены пять кадров из этого фильма.

Широко отмечаемое в 1912 г. столетие Отечественной войны 1812 года сопровождалось концертами, выставками. В базу данных включены афиши, пригласительные билеты этих мероприятий. Попытка создания Музея Отечественной войны в начале 1910-х гг. отражена целым комплексом документов, среди которых наиболее интересны материалы «Дела об отчуждении под постройку в Москве Музея 1812 года части владений Московского Художественного Общества на Волхонке» (21 июня 1909 г. — 31 января 1910 г.) и «Опись документам и печатным листкам, представленным для выставки 1812 года Николаем Никитичем Зверевым».

Выявление документальных материалов РГАЛИ об эпохе 1812 года и отражении этих событий в художественной культуре продолжается. В архиве хранятся документы о создании в XX в. фильмов, драматических и музыкальных спектаклей, экземпляры пьес, рукописи повестей, рассказов, очерков, иллюстрации к литературным произведениям о войне, наброски художников к картинам и другие материалы.

Примечание

¹ Проект РГНФ № 11-01-12058в, руководитель А.Л. Налепин.

И.В. Белозерова

Презентация новых материалов
по истории Отечественной войны 1812 года
из документальной коллекции А.П. Бахрушина
из собрания ОПИ ГИМ

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) является одним из крупнейших в России хранилищ документальных материалов по истории Отечественной войны 1812 года. Эти материалы находятся как в различных тематических коллекциях, так и в личных архивных фондах. Небольшая по объему подборка документов, в том числе редких и даже уникальных, хранится в архиве русского купца, мецената и bibliофила Алексея Петровича Бахрушина (1853—1904), одного из известнейших московских коллекционеров конца XIX — начала XX в. Архив А.П. Бахрушина и собранная им документальная коллекция поступили в Российский исторический музей (далее — РИМ) по духовному завещанию после его смерти, а при передаче в 1908 г. в архив музея (ныне ОПИ ГИМ) составили фонд № 1. Кроме того, отдельные документы из собрания А.П. Бахрушина по военной тематике в 1930-е гг. были изъяты и приобщены к фонду № 160 «Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 г.», являющемуся одним из основных хранилищ материалов по этому периоду¹.

Интерес А.П. Бахрушина к документам эпохи 1812 года был связан с его общим увлечением историей России и, в частности, Москвы того времени. Чтобы составить представление об этой коллекции, следует обратиться к документам из личного архива Бахрушина. Из его переписки и личных записей можно узнать, что он собирал разнообразные памятники прошлого — вещественные, изобразительные, документальные. Это портреты исторических деятелей (Александра I, М.И. Кутузова), картины маслом², рисунки, эстампы, гравюры, литографии, бюсты, часы³, медальоны с изображениями полководцев и героев войны. Бахрушин приобретал предметы из стекла (бокалы, графины, стаканы) с портретами военных деятелей эпохи 1812—1814 гг.⁴ Он коллекционировал барельефы с аллегорическими сценами на тему Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов, выполненные в 1812—1836 гг. известным медальером и скульптором Ф.П. Толстым. Они были вывешены в одной из комнат его особняка. Серия, как известно, состояла из 20 барельефов. В 1904 г. А.П. Бахрушин сделал запись в своей записной книжке: «Искать барельефы Ф.П. Толстого 1812 г. Для полного комплекта этого издания у меня не достает следующих барельефов: 1) Освобождение Берлина. 2) Покорение Парижа. 3) Сражение при Березине. 4) Сражение при Фер-Шампенуазе. 5) Сражение при Арсис-сюр-Обе. Все гипсовые на голубом фоне»⁵.

В его библиотеке, насчитывавшей около 25 тыс. томов, можно было встретить уникальные и редкие издания. Среди них были книги П.И. Шаликова «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» (М., 1813), А.П. Вельяшева «Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 года обществом бла-

городных людей по случаю взятия российскими войсками Парижа, и счастливых происшествий, последовавших за занятием сей столицы» (М., 1814), «Московские небылицы в лицах» (М., 1813) и др.⁶ Он собирал все известные в то время печатные виды и планы Москвы (в том числе изданные до и после пожара 1812 г.)⁷. К имевшимся в его собрании книге П.В. Хавского, изданной в 1847 г. к 700-летию Москвы, и плану города⁸, Бахрушин сделал несколько добавлений, касающихся первопрестольной после пожара 1812 г. В частности, на планах он отметил улицы и здания, сгоревшие в 1812 г. и разрушенные от взрывов, а также квартиры французских генералов и Наполеона⁹. Такие детали говорят о хорошем знании того периода русской истории и увлеченности коллекционера. По всей вероятности, он мог пользоваться хранившимся в его собрании планом сгоревших и уцелевших в 1812 г. строений, впервые опубликованном в книге А.Я. Булгакова с замысловатым названием «Русские и Наполеон Бонапарте или рассмотрение поведения нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнании его из российской столицы с присовокуплением многих любопытных анекдотов и плана Москвы, в коем означены сгоревшие и оставшиеся в целости части города, писано Московским жителем 1813 года» (М., 1813). Некоторые документы по истории Франции этого периода отложились в коллекции автографов, которые Бахрушин собирал в течение многих лет¹⁰.

Имея широкие связи, Бахрушин приобретал предметы у коллекционеров, иногда заказывал их скульпторам и художникам. Но большая их часть была куплена в московских антикварных, букинистических магазинах и лавках, а также привезена из различных городов России и из-за границы (Англии, Франции, Германии, Бельгии), куда Бахрушин ездил как по делам своей фирмы, так и специально на выставки и антикварные распродажи и аукционы. Известно также, что за границей предметы и документы для коллекции Бахрушина приобретал французский ученый-археолог и коллекционер барон Ж. де Бай¹¹. Их знакомство состоялось в 1890 г. в Историческом музее на выставке, приуроченной к VIII археологическому съезду. Со временем барон де Бай стал бывать в музее Бахрушина на Воронцовом поле, что нашло отражение в «Книге посетителей библиотеки и художественных собраний»¹². Позже барон де Бай стал членом-соревнователем РИМ (1894) и корреспондентом Особого комитета по устройству в Москве Музея в память войны 1812 года, для которого также приобретал во Франции все, что имело отношение к эпохе наполеоновских войн.

Можно предположить, что А.П. Бахрушин как активный участник многих отечественных выставок и экспозиций¹³, постоянно жертвовавший РИМу и другим музеям предметы из своей коллекции¹⁴, принял бы участие в создании в Москве Музея 1812 года,¹⁵ если бы не его преждевременная смерть в 1904 г. Когда в 1902 г. по инициативе сотрудников Московско-Брянской железной дороги в одном из залов вокзала железнодорожной станции Бородино начали создавать Музей Отечественной войны 1812 года (открытый 11 февраля 1903 г.), Бахрушин живо откликнулся на это начинание¹⁶. В «Книге посетителей» своего музея он записал: «31 декабря 1902 г. Клокачев Алексей Михайлович, капитан, начальник 1-го отделения службы движения Московско-Брестской железной дороги, заведующий собиранием и устройством Музея “Двенадцатого года” при станции Бородино Московско-Брестской жел[езной] дороги осматривал мое собрание по “Двенадцатому году”, причем я подарил Бородинскому музею портрет М.И. Кутузова-Смоленского, работа масляной краской в рост»¹⁷. В 1903 г. комиссия по устройству Донского музея в г. Новочеркас-

ске получила в дар от Бахрушина уникальную книгу 1814 г. «Русская песня графу М.И. Платову на подвиг знаменитого Донского войска при занятии Москвы врагами и по изгнании из отчества»¹⁸.

Характеризуя документы А.П. Бахрушина по наполеоновским войнам, нужно отметить, что большую их часть составляют тиражированные печатные издания того времени (листочки, объявления, бюллетени, подшивки русских и французских газет), а также копии различных документов (писем, донесений и пр.), которые можно встретить и в других архивных фондах ОПИ ГИМ¹⁹. Наиболее ранними из них являются материалы о русско-прусско-французской войне 1806—1807 гг., в частности, печатное известие из действующей армии от Л.Л. Беннигсена о победе русских войск при Прейсиш-Эйлау (Ф. 160. Ед. хр. 170).

К Отечественной войне 1812 года относятся такие печатные документы, как, например, «Воззвание к Москве и высочайший манифест о вооружении России» (6 июля 1812 г.), известия из 1-й Западной армии о сражении при Полоцке (26 июля 1812 г.), рапорты М.И. Платова и И.С. Дорохова командирующему 2-й Западной армией П.И. Багратиону о действиях русских войск против французов (июнь—июль 1812г.) (Ф. 160. Ед. хр. 182), донесения П.П. Коновницына графу И.В. Гудовичу относительно командования им Черниговским и Полтавским ополчениями и о военном положении после ухода французов из Москвы (20 октября 1812 г.), письмо М.И. Кутузова к воронежскому губернатору о желании населения губернии образовать временное ополчение (25 сентября 1812 г.), письмо графа Ф.В. Ростопчина А.Б. Куракину о сражении под Можайском (13 сентября 1812 г.), приказы главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова за 1812—1813 гг., в том числе о сражении при д. Бородино (26 августа 1812 г.), коллекция «афиш» московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина (Ф. 160. Ед. хр. 194); донесение генерал-майора И.Д. Иловайского (4-го) об изгнании наполеоновской армии из Москвы (15 октября 1812 г.), печатное объявление о вступлении союзных войск в Париж (8 апреля 1814 г.) и пр.

В архиве Бахрушина собрана коллекция печатных документов французской армии. Это подборка различных номеров бюллетеней Великой армии Наполеона, содержащих сведения о ходе военных действий в первые две недели войны, сообщения о сражениях при Смоленске, Прилублино и Валутиной горе (23 августа 1812 г.), о положении французов в Москве, о захвате оружия в Московском арсенале (20 сентября 1812 г.), о трудностях последних дней кампании в России и переправе через Березину (3 декабря 1812 г.), а также распоряжение французской оккупационной комиссии об аресте и расстреле поджигателей Москвы и др.

Среди рукописных документов сохранились материалы о пожертвованиях на нужды армии: в частности, квитанция о пожертвовании московским купцом 1-й гильдии Макеевым 1 тыс. рублей на армию (29 июля 1812 г.) (Ф. 160. Ед. хр. 207). Обращает на себя внимание документ под названием «Скрижаль Наполеона. Исповедание или символ политической веры русского», текст которого изложен в форме заповедей и взглядов, приписываемых неизвестным автором (А. К-н) французу (Наполеону) и русскому (1812 г.).

В архиве собрано несколько документов, написанных непосредственными участниками боевых действий, имена которых неизвестны, что не снижает их ценности. Это рукописные записки участника военных действий (на французском языке) (июнь 1812 г.), извещение неизвестного о сражении под г. Красным (7 ноября 1812 г.),

начальный лист дневника участника военных действий (1812 г.), рассказ (в форме писем) об Отечественной войне 1812 года, написанный офицером, участником кампании, убитым в 1814 г. в сражении при Монмартре, а также «Список вещей, оставшихся в руках русской армии после сражения под Полоцком» (на французском языке), подписанный членами административного Совета 4-го Кирасирского полка, с припиской генерала Жана-Пьера Думера (1 августа 1812 г.).

Среди документов сохранился один из рукописных «Списков оставшимся не сгоревшим соборам, монастырям, церквам, казенным зданиям и обывательским домам», представленный московским обер-полицмейстером П.А. Ивашкиным Ф.В. Ростопчину (11—16 октября 1812 г.). Этот список был выявлен в процессе разбора архива Бахрушина и издан библиотекарем РИМ К.С. Кузьминским в статье «Что осталось от Москвы после пожара 1812 года» в «Известиях Московской Городской Думы» (1910). Интересен другой документ — рукописная копия прошения домовладелицы Авдотьи Тверитиновой на имя императора Александра I с приложением списка разграбленного и сгоревшего у нее имущества во время пребывания французов в Москве (16 мая 1813 г.). Из наиболее ценных документов коллекции следует отметить редкий автограф фельдмаршала графа М.Б. Барклая де Толли — свидетельство штабс-капитану Аллеру о награждении орденом Св. Анны 2-й степени (14 августа 1814 г.). Среди печатных документов, в частности, представляют интерес таблицы с показанием количества французских войск, вошедших в Россию, и их потерь в каждом сражении с начала кампании по 1 января 1813 г.

Необходимо также отметить неизвестные прежде реликвии, пополнившие обширную коллекцию автографов Наполеона, хранящихся в ОПИ ГИМ²⁰. На этих документах сохранились автографы французских государственных деятелей. Трудно выявить доподлинные обстоятельства приобретения этих документов. Но одно из сохранившихся в архиве Бахрушина писем, полученных им в 1901 г. из книжного магазина Ф.С. Романовича в Ростове-на-Дону, может отчасти прояснить картину: «На почтеннейшее письмо Ваше имею честь сообщить. Писем, документов Наполеона I, маршалов и выдающихся того времени лиц с 1790 по 1820 год у меня около 300, все подлинники, частные и официальные. Наш историк г. Шубинский, которому я показывал, сказал, что они для истории Наполеона имеют громадное значение, ценили около 15 000, но я и за половину готов Вам уступить, лишь бы не ушло за границу». В письмо вложена фотография нескольких предметов (ваз, подсвечников времени Людовика XVI, флаконов, часов), принадлежавших Жозефине Богарне. В письме указывался и источник приобретения: «Эти вещи вывезены из Парижа после 1812 г. одним генералом донцем». Здесь же приписано: «Есть обоих (Наполеона и Жозефины Богарне — *И.Б.*) переписка, я бы их тоже не дорого отдал бы, да и вообще всю коллекцию думаю продать, если в России, то, безусловно, дешево»²¹.

Перечислю эти документы: патент на чин, выданный младшему лейтенанту-квартирмейстеру гражданину Ж. Мозье, уроженцу Кальвадоса, проживавшему в Париже, с назначением в первый Почетный Легион, подписанный первым Консулом Французской республики Наполеоном Бонапартом и заверенный военным министром А. Бертье и государственным секретарем Г. Маре (26 марта 1804 г.); грамота, выданная господину Л. Пеллегрини, уроженцу Пармы департамента Таро, капитану, полковому адъютанту первого пехотного полка королевства Обеих Сицилий о разрешении, по его просьбе, остаться на службе короля Обеих Сицилий, подписанная императором Наполеоном и заверенная главным судьей герцогом де Масс-Клод Амбруаз Ренье,

государственным секретарем графом П. Дарю, относящаяся к периоду пребывания наполеоновской армии в Вильно (12 июля 1812 г.); императорский декрет о созыве окружного собрания округа Лион департамента Роны с 16 по 30 августа 1813 г., подписанное вице-электором Империи Ш.-М. Талейраном и министром внутренних дел графом Ш. Монталиве. Последний документ интересен обозначением места и времени написания: Москва, 20 сентября 1812 г. Он дан от имени Наполеона, который в то время находился в Москве, но отсутствие подписи императора и государственного секретаря графа П. Дарю, обозначенных в грамоте, свидетельствует о том, что на самом деле документ был составлен в Париже. Наконец, заграничный паспорт, выданный уроженцу Рура, фабриканту М. Геззену от имени Наполеона префектом департамента Рур (март 1812 г.). На обороте документа находятся отметки о прибытии во Франкфурт-на-Майне и о разрешении отправиться в Берлин, печати префекта департамента Рур, управления главной полиции департамента Франкфурта и чрезвычайного и полномочного посла короля Пруссии во Франкфурте (апрель 1812 г.).

Собирал Бахрушин и более поздние документы (середины и конца XIX в.), в которых нашли отражение события эпохи 1812 года. Особый интерес представляет уникальный печатный плакат, изданный предположительно в 1840-х гг., на котором представлены сравнительные иллюстрации особенностей строения черепов Наполеона Бонапарта, его сподвижников и основных противников, снабженный картами крупнейших сражений²². В составлении плаката участвовал последний доктор Наполеона Франческо Антомарки; вероятно, плакат был издан через несколько лет после его смерти²³. В коллекции отложились и другие печатные плакаты, изданные в конце XIX в. в Западной Европе. Они рекламируют печатное издание Беринга Лиисберга с популярной биографией Наполеона (Швеция, 1890-е гг.) и иллюстрированные издания, посвященные жизни Наполеона (худ. Э. Грассе. 1894 г.). В коллекции собрано и небольшое количество рукописных изданий: «Песня на освобождение Москвы, царствующего града 11 октября 1812 г.», «1812 год», «Остров Эльба», печатных стихов о взятии Парижа и др.

В настоящем обзоре сделана попытка дать виртуальную реконструкцию некоторых материалов из коллекции А.П. Бахрушина, приложившего немало сил, знания и умения для собирания памятников эпохи 1812 года. Влившаяся в собрания ОПИ ГИМ, эта коллекция дополняет другие архивные фонды и представляет значительную ценность для изучения того времени.

Примечания

¹ В ОПИ ГИМ в фонде № 160 документы из архива А.П. Бахрушина имеют пометку «№ 42949 из собрания А.П. Бахрушина. Поступление 1905 г.».

² Например, небольшая картина «Вид Никольской башни после взрыва в 1812 г. в Московском Кремле» была пожертвована РИМу в 1912 г. Анной Степановной Бахрушиной (хранится в ИЗО ГИМ, № 42935).

³ М. Рогожин в письме Бахрушину сообщает об истории приобретения одних таких часов в 1887 г.: «Бронзовые часы с двумя крылатыми фигурами у циферблата... из дома Лопухиной, а ей достались от генерала Ермолова, а Ермоловым были вывезены из Парижа из Версаля, где он жил в 1814 году» (ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 100).

⁴ В отделе керамики ГИМ сохранились 33 предмета, относящихся к эпохе 1812—1814 гг. из коллекции А.П. Бахрушина.

- ⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 43.
- ⁶ В 1938 г. библиотека Бахрушина была передана в ГПИБ. О собранных Бахрушиным книгах по Отечественной войне 1812 года см.: *Молодцова Т.И.* Библиотека А.П. Бахрушина // Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов. К 50-летию Государственной Публичной исторической библиотеки РСФСР. Ч. 1. М., 1987. С. 64—71.
- ⁷ Например, согласно «Описи оригиналов на 20 апреля 1904 г.», содержащей списки планов, чертежей, калек, видов Москвы, Петербурга, других городов России и зарубежья, находившихся в собрании А.П. Бахрушина, число таких документов составляло 603 листа (ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 40).
- ⁸ *Хавский П.В.* «Семисотлетие Москвы 1147—1847 гг. или указатель источников ее топографии и истории за семь веков» (М., 1847) и «Планы столичного города Москвы и окрестностей» (М., 1853).
- ⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 505.
- ¹⁰ В коллекции автографов А.П. Бахрушина имеются документы некоторых членов королевских и княжеских фамилий Европы (1701—1890): шведского Короля Карла XII, французского короля Людовика XV, австрийской эрцгерцогини Марии-Терезии, польского короля Станислава Августа, прусских королей Фридриха II и Фридриха-Вильгельма III и пр.; деятелей культуры, общественных и военных деятелей (1736—1890) — А. Гумбольта, Эдуарда Жана Дейтала, Юга Маре, Абдалы Жака Мену и пр.
- ¹¹ В архиве А.П. Бахрушина хранятся также печатные документы, посвященные франко-русскому союзу, присланные бароном Ж. де Баем из Франции в 1892—1898 гг., а также письмо от барона де Бая (1894) со сведениями о приобретаемых вещах для коллекции А.П. Бахрушина (ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 8).
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 10.
- ¹³ Бахрушин был активным и деятельным участником многочисленных выставок: выставки, приуроченной к VIII археологическому съезду, проходившему в Риме (1890), комиссии по устройству выставки религиозных произведений Общества любителей художеств (1894), Всероссийской выставки печатного дела в Санкт-Петербурге (1895), выставки произведений старины в залах Строгановского училища (1901). Кроме того, предметы из его коллекции экспонировались на выставках, посвященных А.С. Пушкину, А.С. Грибоедову, Н.В. Гоголю, В.А. Жуковскому, Н.И. Новикову и др., некоторые из которых проходили в залах РИМ.
- ¹⁴ *Белозерова И.В.* А.П. Бахрушин и его документальная коллекция (по материалам ОПИ ГИМ) // Труды ГИМ. Вып. 177. М., 2008. С. 237—267.
- ¹⁵ В 1907 г. в состав Особого комитета по устройству Музея 1812 года вошел двоюродный брат А.П. Бахрушина, известный собиратель театральных коллекций и создатель первого в России Театрального музея А.А. Бахрушин.
- ¹⁶ А.П. Бахрушин неоднократно бывал в Бородино. В его записной книжке, например, сохранилась запись о посещении им Бородинского поля и мемориальных памятников: «Бородино. Надписи с памятника, списанные мной 1883 года мая 21... Я там был с Анной Степановной в день моего ангела» (Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 34 об—36 об).
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 8 об.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 9.
- ¹⁹ Частично документы из коллекции А.П. Бахрушина упоминались в работах сотрудников ОПИ ГИМ, см.: *Петров Ф.А.* Материалы ОПИ ГИМ по истории Отечественной войны 1812 г. // Письменные источники в собрании ГИМ. Труды ГИМ. Вып. 93. Ч. 3: Материалы по военной истории России. М., 1997. С. 107—146.
- ²⁰ Часть архива А.П. Бахрушина прошла научное описание в 2007 г., поэтому эти автографы были неизвестны и не вошли в следующую работу: *Петров Ф.А., Яновский А.Д.* Наполеон. Его семья. Его сподвижники. Автографы из собрания Государственного Исторического музея // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995.
- ²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 102—103.
- ²² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 21.
- ²³ Антомарки Франческо Карло (1789—1839), корсиканец, врач-патологоанатом, последний лечащий врач Наполеона на острове Святой Елены (с 19 сентября 1819 г. по 5 мая 1821 г.), снял гипсовый слепок с лица Наполеона (7 мая 1821 г.), который явился единственной его посмертной маской; автор мемуаров «Последние дни жизни Наполеона» (1825).

Русская армия после Заграничных походов (из бумаг генерал-майора А.Х. Бенкендорфа)*

В отечественном декабристоведении традиционно дискутировался вопрос о влиянии наполеоновских войн на формирование политического мировоззрения молодых офицеров русской армии¹. Меньше внимания историография уделяла вопросу влияния войны и ее итогов на генеральский корпус. В этом сказались как общие приоритеты исследований, так и неочевидная научная составляющая темы. Но в числе героев кампаний 1805—1814 гг. выделяется целая плеяда молодых генералов, сделавших тогда блестящую военную карьеру. Впоследствии многие из них вошли в правящую элиту империи. В статье речь пойдет об одном из молодых генералов эпохи 1812 года — Александре Христофоровиче Бенкендорфе. Несколько документов, вышедших из-под его пера вскоре после окончания Заграничных походов, позволяют судить о впечатлениях и опыте, которые он вынес из наполеоновских войн.

А.Х. Бенкендорф (1781—1844) участвовал во всех войнах России с наполеоновской Францией с 1805 г. по 1814 г. Кампанию 1812 года он провел в составе «летучего отряда» генерал-адъютанта барона Ф.Ф. Винцингероде, был первым военным комендантом Москвы после ее освобождения, получил чин генерал-майора. В 1813—1814 гг. Бенкендорф командовал отдельным отрядом, стоял во главе кавалерии корпуса М.С. Воронцова. К концу войны он выдвинулся в ряды видных кавалерийских генералов русской армии. Здесь сформировался и круг ближайших товарищей Бенкендорфа, в который входили М.С. Воронцов, И.И. Дибич, П.Д. Киселев, среди них были и будущие декабристы — С.Г. Волконский, М.С. Лунин, М.Ф. Орлов.

В конце 1814 г. А.Х. Бенкендорф был назначен командиром второй бригады первой уланской дивизии, дислоцированной в Витебске. Он не имел тогда необходимого опыта командования военными частями в мирное время. Новые обязанности виделись Бенкендорфу тяжелой обузой, лишавшей его привычного круга общения. «Я будто отрезан от целого мира, — писал он в марте 1815 г., — то, что представлялось мне достойным занятием, кажется теперь позорным бездействием. Я сожалею уже о чине полковника: тогда я был повсюду»².

Но вынужденный заняться армейской рутинной, втянуться в провинциальную армейскую жизнь, Бенкендорф постепенно начал проявлять к ней интерес. Переписка тех лет показывает, что вопросам подготовки бригады он уделял не только служебное время, они занимали его и в домашней обстановке. Возможно, именно это упорство позволило ему уже через год, в апреле 1816 г., получить под свое начало вторую драгунскую дивизию, дислоцированную в районе уездного городка Гадяч Полтавской губернии.

Как позже сознавался в записках Александр Христофорович, вспоминая первые месяцы в Гадяче, «я никогда ранее не занимался деталями службы, столь необ-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01279.

ходимыми, чтобы реорганизовать войсковую часть. Таким образом, я прошел свою школу, перед тем как стать учителем для моих подчиненных. Это стоило мне немалых трудов»³. В письмах мелькают упоминания книг по военной истории и теории⁴. Вскоре в печати появились заметки Александра Христофоровича о действиях отряда генерал-адъютанта барона Ф.Ф. Винцингероде в 1812 г. и «голландской экспедиции» 1813 г.⁵ В переписке с М.С. Воронцовым Бенкендорф обсуждал вопросы солдатского быта, писал о необходимости уменьшить смертность среди солдат, составлял списки убогих офицеров и нижних чинов, делал попытки обучать рекрутов грамоте⁶.

Постепенно Бенкендорф выработал свой взгляд на итоги наполеоновских войн для русской армии. Наиболее полно он отразился в записке, посвященной проекту введения в русской армии системы отпусков для нижних чинов. По-видимому, она была написана в конце 1814 — начале 1815 гг. В этой записке генерал изложил свои наблюдения о значении армии для государства и общества, предложив возможные улучшения в ее организации.

Бенкендорф полагал, что войну 1812 года выиграл не народ или ополчение, а регулярная армия; крестьяне «продемонстрировали большую отвагу, фанатичную ненависть к врагу и искреннюю преданность к своей родине; но не они заставили отступить солдат Наполеона». Россия, по мнению Бенкендорфа, и в дальнейшем будет нуждаться в войсках, превосходящих численностью вооруженные силы всех ее возможных противников. Но такая армия оказывается непосильной обузой для государства. Как пишет Бенкендорф, «та же армия, которая принесла славу отечеству, становится для нее бременем. Самые разнообразные расходы, нужные на ее содержание, истощают ресурсы государства... Все солдаты оказываются изъяты из экономики страны и не способствуют росту населения. Все, что есть красивого и сильного в народе, не удается возродить». Из этого Бенкендорф заключал, что «нет смысла иметь миллион солдат, если нет возможности обеспечить им достойное содержание, если не получается справиться с теми затратами, которые влечет за собой вступление в войну и сама война... Следовательно, необходимо стремиться к такому положению вещей, которое позволит примирить содержание большой регулярной армии с благосостоянием народа и богатством финансов»⁷.

В качестве одного из вариантов смягчения ситуации Бенкендорф полагал возможным ввести в армии систему регулярных годовичных отпусков для офицеров и нижних чинов, отслуживших без нареканий три года, полагая это время достаточным для подготовки солдата, «умеющего носить форму и выдержанного, приученного к использованию оружия и военным упражнениям». Бенкендорф надеялся, что таким путем тысячи мужчин вернутся к сельскохозяйственным работам, создадут семьи, будет обеспечена необходимая казне экономия. Более того, новый порядок мог бы укрепить солдатский дух. Рекрут, отмечал Бенкендорф, «вынужден проститься со всеми привязанностями сердца», а, вернувшись домой после службы, оказывается лишь обузой для родных. Напротив, «в случае, если принцип годовичных отпусков был бы принят и опубликован, крестьянин перестал бы бояться попасть в рекруты. Его родители, будучи уверены, что через 3 года смогут вновь увидеть сына, который придет к ним на целый год, не сожалели бы более о его отъезде и призвали бы его служить... Солдат стал бы частью тех граждан, которых призван защищать»⁸.

Через несколько лет после названного выше проекта Бенкендорф составил «Записку о возмущении в Семеновском полку». Как справедливо охарактеризовал ее

П.И. Бартнев, «эта записка очень любопытна как выражение образа мыслей в будущем шефа жандармов». В ней нашли отражение и взгляды Бенкендорфа на военную службу⁹. Для командования армейскими частями необходимо строгое соблюдение субординации, или, по словам генерала, «пропорциональной постепенности власти»: офицеры должны каждодневно следить за строгим выполнением нижними чинами поручений — «чтобы в мирное время высший начальник не покидал назначенного ему поста для того, чтоб самому обучать своих солдат, и командовать ими»¹⁰. Власть должна обладать, по мысли Бенкендорфа, неоспоримым моральным авторитетом: «нравственное влияние, выражающееся в установленных внешних формах и всегда соразмерное с важностью служебных обязанностей, должно быть нераздельно с самой властью, для которой оно в тысячу раз более необходимо, чем внешние знаки отличия, служащие лишь ее внешним обозначением. Власть может быть сильна лишь благодаря убеждению в превосходстве способностей и качеств тех, кому она принадлежит, лишь благодаря неоспоримой необходимости подчиняться ей для блага и безопасности всех и каждого». Только следуя этим принципам, можно «управлять собранными в массу людьми (все равно составляют ли они отряд войск или целую нацию)»¹¹.

В 1904 г. в «Русском архиве» была опубликована «Записка о состоянии русского войска в 1825 г.», которая предназначалась для передачи Александру I, ее авторство публикатор приписал А.Х. Бенкендорфу. В записке отмечалось, что хотя «русская армия, во внешнем отношении, является бесспорно лучшею в мире», внутреннее состояние войска далеко не блестяще. Причины этого автор искал в том, что «повсюду замечается упадок дисциплины», общее «пренебрежение началами подчиненности»¹². Кроме того, в записке указывалось на крайнюю запутанность военного законодательства и срочную необходимость его кодификации¹³.

Можно упомянуть и еще один любопытный документ — опубликованное в 1904 г. в «Военном сборнике» «Собственноручное письмо А.Х. Бенкендорфа об офицерских браках» (1817 г.). Критикуя участившиеся случаи ранних и необдуманных браков среди обер-офицеров, он предлагал «запретить офицерам, не имеющим средств, вступать в брак ранее достижения ими подполковничьего чина и не иначе, как если невеста представит доказательство получения ею ежегодно постоянного дохода в тысячу рублей». Кроме того, по идее Бенкендорфа, «брак, совершенный (как это однако часто случается ныне) без согласия родителей или разрешения начальства, будет признан недействительным»¹⁴.

Высказанные в этих текстах соображения и критические замечания в адрес военной политики правительства разделяли и другие современники. Многие мемуаристы и историки XIX в. критиковали методы подготовки армии второй половины 1810-х гг. Так, военный историк В.П. Никольский отмечал, что в русской армии после 1815 г. возобладала тенденция к увеличению роли фронтовых занятий в подготовке солдат, вновь расцвела муштра: «Забыли, что в мирное время следует учить только тому, что придется делать на войне; считали, что вся цель военного дела заключается в педантичном парадировании: в изучении правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделывания ружейных приемов»¹⁵. По мнению командующего 26-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта И.Ф. Паскевича, «в год времени войну забыли, как будто ее никогда и не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью»¹⁶.

Оценка, данная Бенкендорфом положению в русской армии, близка к выводам современной историографии. К 1814 г. государственный долг России достиг почти

---

343 млн руб. серебром, при этом на армию уходило около 40—50% бюджета мирного времени. Среди европейских держав Россия занимала одно из ведущих мест как по абсолютной величине военных ассигнований, так и по их доле в государственных расходах. Русская армия после 1815 г. была самой большой в Европе. В 1821 г. в России один военный служащий приходился на 45 жителей (всего около 1 млн человек), тогда как в Англии это соотношение составляло 1:140, во Франции — 1:110, в Австрии — 1:100, в Пруссии — 1:68. Увеличение вооруженных сил в период наполеоновских войн происходило прежде всего путем организации дополнительных рекрутских наборов по увеличенным нормам, что потребовало от всей страны чрезвычайных усилий. Всего в период правления Александра I в России было рекрутировано около 2 млн человек¹⁷.

Рекрутские наборы лишали помещиков и государство значительного числа рабочих рук. Население несло также постоянную и транспортную повинности, связанные с содержанием войск. Рекрутский набор предусматривал 25-летний срок службы, который переживали лишь около 10% рекрутов¹⁸. При этом переход на постоянное расквартирование войск, т.е. казарменное положение, был невозможен, поскольку требовал огромных финансовых и людских затрат. Однако и рекрутская повинность не обеспечивала необходимой укомплектованности войск, а недокомплектация в армии проявилась еще в XVIII в.¹⁹

В итоге военный бюджет многократно превышал расходы других министерств, рекрутская система тормозила развитие сельского хозяйства и промышленности, при этом даже миллионная армия не была в состоянии обеспечить безопасность по всем стратегическим направлениям²⁰. По словам К.М. Ячменихина, «все это побуждало правительственные круги начать поиск новых путей комплектования и содержания армии»²¹.

Для уменьшения потерь при пересылке рекрутов на места службы еще в 1808 г. были созданы рекрутские депо. Правительство пыталось увеличить численность вооруженных сил призывом на службу отставных солдат и унтер-офицеров, а также переводом несущих гарнизонную службу старых солдат в регулярные полки.

После окончания войны наиболее существенным шагом в этом направлении стало введение в 1815 г. военных поселений, которые, по мысли Александра I, должны были обеспечить экономию средств казны за счет перехода на самопродовольствие и самокомплектование, смягчить тяжелое финансовое положение страны, освободить население от постоянной повинности и подготовить почву для отказа от рекрутских наборов. Части поселенной кавалерии были размещены в южных губерниях. На их появление откликнулся и Бенкендорф: по его мнению, создание поселений должно было благоприятно сказаться на качестве войска, но могло иметь и отрицательные последствия в случае распространения системы на всю армию²².

Другим способом увеличения численного состава армии во время войны выступало ополчение. Кроме того, в 1834 г. был введен статус находящихся в бессрочном отпуске, когда срок действительной службы в армии был ограничен 20 годами. Солдат должен был служить в регулярных частях 15 лет, затем 5 лет в резервных батальонах и на оставшиеся 5 лет получал бессрочный отпуск. В определенной мере введение системы бессрочных отпусков предвосхищало и план Бенкендорфа.

Записка Бенкендорфа укладывается в целую серию проектов реформирования системы комплектования войск, появившихся в первые десятилетия XIX в. Тогда от-

---

дельными чинами Военного министерства и служащими по гражданской части предлагалось, в том числе, сократить срок службы, набирать рекрутов только из государственных крестьян, создать постоянное государственное ополчение. Эти планы, как и проект Бенкендорфа, не были реализованы²³.

Кроме того, идея внедрения в русскую армию отпускной системы могла быть навеяна опытом прусских военных реформ, осуществленных после 1807 г. под руководством военного министра Гергарда-Иоганна-Давида Шарнхорста, частью которых было создание запаса обученных солдат. Смысл реформ состоял в том, чтобы в мирное время иметь сравнительно малочисленную регулярную армию, которая в случае войны могла быть за короткий срок существенно увеличена за счет обученного резерва. В 1814 г. ландвер стал частью вооруженных сил как категория запаса, в которую зачислялись военнообязанные в возрасте 27—29 лет после отбывания ими действительной службы и пребывания в запасе первой очереди. Оба призыва ландвера проходили ежегодные учения и подготовку с регулярной армией, но при этом не находились постоянно в армии. Как отмечал военный историк А.А. Керсновский, «система Шарнхорста... безусловно, имела свои достоинства, но необходимым условием для ее осуществления был короткий срок службы, как то имело место в ландвере — отнюдь не 25 лет, как то было у нас. Прусский же ландверман два месяца в году был солдатом, но солдатом настоящим, не отвлекаемым от военных занятий никакими хозяйственными нуждами, а остальные десять месяцев был крестьянином»²⁴.

Проект Бенкендорфа о введении системы регулярных отпусков имел прямые параллели с прусской ландверной системой. Однако он выглядел нереалистичным. Вводя в функционирование армии формализованные принципы — каждый солдат в течение службы получал право на регулярные годичные отпуска в случае отсутствия к нему нареканий по службе — проект не предлагал действенных механизмов для претворения этих принципов в жизнь. Введение системы регулярных отпусков разрушило бы привычную замкнутость армии с укорененными принципами дисциплины и иерархичности, хотя сам Бенкендорф надеялся на обратный эффект, полагая, что солдат «стал бы частью тех граждан, которых призван защищать». Регулярные отпуска для солдат разрушали бы корпоративный дух замкнутого полкового братства.

В целом идеи Бенкендорфа определенно вписываются в общий контекст истории русской военной мысли эпохи наполеоновских войн и перекликаются с проектами других военных и государственных деятелей, стремившихся облегчить положение рекрутов и нагрузку на государственные финансы. За частным вопросом введения в русской пехоте системы «отпускных» скрывается важнейшая дилемма политического развития Российской империи. Стратегическая уязвимость протяженных границ, необходимость поддерживать послевоенное устройство Европы делали жизненно необходимым содержание большой и хорошо подготовленной армии. Однако страна, опустошенная войнами, не могла себе этого позволить. Победная эйфория закончилась, и для боевого генерала главной задачей становится преобразование армии, а не закрепление сложившегося положения вещей.

Обращаясь к подготовке и содержанию русской армии после наполеоновских войн, генерал-майор Бенкендорф выделял ряд первостепенных проблем: слабая военная подготовка солдат и офицеров; истощение казны, большая часть которой уходила на содержание армии; оскудение крестьянского хозяйства вследствие рекрутских наборов и фактически пожизненная служба в армии; пренебрежение законами

дисциплины и соподчиненности со стороны нижних чинов и офицеров. В подходах Бенкендорфа к решению этих проблем заметен определенный реформаторский (при желании — либеральный) настрой, но их реализация укладывалась в рамки существовавшей тогда политической и социальной системы.

Примечания

- ¹ См. обобщающую работу: *Павлова Л.Я.* Декабристы — участники войн 1805—1814 гг. М., 1979.
- ² Архив князя Воронцова. Кн. 35. М., 1889. С. 152. (Письмо М.С. Воронцову от 15 марта 1815 г.)
- ³ ГА РФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 64. Л. 576.
- ⁴ Подробнее см.: *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 89—93.
- ⁵ См.: Военный журнал. 1817. Кн. 3, 7.
- ⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 35. С. 201. (Письмо М.С. Воронцову от 22 июня 1817 г.)
- ⁷ *Бибиков Г.Н.* Русская армия после Заграничных походов: записка А.Х. Бенкендорфа о введении системы регулярных отпусков (1814/1815гг.) // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 95—96.
- ⁸ Там же. С. 97—98.
- ⁹ Записка графа А.Х. Бенкендорфа о возмущении в Семеновском полку. Размышления о происшествиях, случившихся в ночь с 16-го на 17-е и в ночь с 17-го на 18-е октября 1820 года в Петербурге // Русский архив. 1884. № 6. С. 265.
- ¹⁰ Там же. С. 267.
- ¹¹ Там же. С. 267.
- ¹² Записка о состоянии русского войска в 1825 году (Из бумаг графа А.Х. Бенкендорфа) // Русский архив. 1904. № 9. С. 85.
- ¹³ Эта задача была выполнена только к концу 1830-х гг.
- ¹⁴ Офицерские браки. Собственноручное письмо А.Х. Бенкендорфа об офицерских браках 1817 г. (Перевод с французского) // Военный сборник. 1904. № 9. С. 234.
- ¹⁵ *Никольский В.П.* Состояние русской армии к концу царствования Александра I // История русской армии, 1812—1864. СПб., 2003. С. 329.
- ¹⁶ Цит. по: *Керсновский А.А.* История русской армии: 1700—1918. Смоленск, 2004. С. 252.
- ¹⁷ *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 37.
- ¹⁸ *Таннберг Т.-А.* Комплектование российской армии в первой половине XIX в. // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 150—152.
- ¹⁹ Там же. С. 149—157.
- ²⁰ Подробнее об этом см., например: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М., 2006. С. 86—89.
- ²¹ *Ячменихин К.М.* Указ. соч. С. 38.
- ²² Архив князя Воронцова. Кн. 35. С. 219—220. (Письмо М.С. Воронцову от 20 ноября 1817 г.)
- ²³ *Таннберг Т.-А.* Указ. соч. С. 154—156.
- ²⁴ *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 264.

Императрица Елизавета Алексеевна в 1812 году

В 1812 г. императрица Елизавета Алексеевна отошла от своего обыкновения не вмешиваться в политику. В тот момент она оказала решительную поддержку политике Александра I. Императрица занялась благотворительностью, помогала раненым военнопленным. Кроме того — и это необходимо отметить особо — она старалась воздействовать на петербургское общественное мнение, просила своих фрейлин чаще бывать в светских гостиных и «опровергать нелепые слухи и клеветы, распространяемые про двор», выступать в поддержку действий и решений императора. Других подробностей о деятельности Елизаветы Алексеевны в тот период известно мало. Их можно почерпнуть из наиболее информативного источника о жизни императрицы — ее писем к матери, маркиграфине Баденской Амалии.

Переписка между ними велась в течение всей жизни Елизаветы Алексеевны. Мать была для нее близким человеком, императрица писала ей самые обстоятельные, серьезные, зачастую откровенные письма. Этот эпистолярный комплекс лег в основу 3-томного труда великого князя Николая Михайловича, посвященного Елизавете Алексеевне¹. Николай Михайлович опубликовал на французском языке, без перевода, значительное количество писем, копии которых были получены им из архива Баденского дома, хранившегося — и хранящегося сейчас — в Карлсруэ. Историю получения этих документов установила Д.И. Исмаил-Заде. Сначала письма были скопированы по просьбе великого князя Сергея Александровича, также увлеченного личностью Елизаветы Алексеевны. Но копирование ряда писем (или их фрагментов) было запрещено гроссгерцогом Баденским. Затем более полный комплект копий (хотя также с купюрами, вызванными цензурой Баденского дома) получил Николай Михайлович². Сейчас этот комплект находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), в фонде Елизаветы Алексеевны.

Николай Михайлович опубликовал текст писем не полностью, он осуществил отбор, включив в книгу те письма, которые счел наиболее интересными. Ряд сделанных им купюр объяснялись цензурой русского императорского дома, не желавшего предъявлять публике многие обстоятельства семейной истории. На копиях писем заметны следы редакторской работы великого князя: перечеркнутые карандашом фрагменты текста, отчеркнутые места, с которых следовало делать набор, корректорские знаки, устанавливающие деление текста на абзацы, приписанные внизу страницы краткие комментарии. Труд Николая Михайловича был издан в двух вариантах, русском и французском. Но разница касалась лишь вступительных текстов самого великого князя. Письма Елизаветы Алексеевны в обоих вариантах были даны только на языке оригинала.

Впоследствии в русском переводе было опубликовано лишь небольшое количество писем или фрагментов из них, полная публикация этой интереснейшей переписки остается делом будущего. В архиве Карлсруэ никто из русских исследователей с этим эпистолярным комплексом не работал.

Из писем за период войны 1812 года Николай Михайлович опубликовал весьма немного. Были отобраны наиболее пространные послания, в которых Елизавета Алексеевна выказывала себя ревностной русской патриоткой и рассказывала о народном воодушевлении против неприятеля³. Прочие письма великому князю, видимо, показались малозначащими. О них и пойдет речь в настоящей статье.

Начало войны с Наполеоном ставило русскую императрицу в сложное положение по отношению к ее родственникам. Баденское герцогство входило в Рейнскую конфедерацию. Более того, брат Елизаветы Алексеевны великий герцог Баденский Карл Людвиг Фридрих был женат на Стефании Богарне, а сестра Каролина была замужем за королем Баварии, войска которого в составе Великой армии вторглись в Россию. Военная кампания весьма затрудняла переписку царицы с матерью. С одной стороны, ситуация была чревата осложнением личных отношений, с другой — императрица знала, что посланные по почте письма могут быть перехвачены противником. Она высказывалась с осмотрительностью, прибегала к недомолвкам и иносказаниям. То, как она это делала, свидетельствует о тонком уме Елизаветы Алексеевны.

«19 апреля (1 мая) 1812 г.

...Кажется, ваш друг Наполеон пока не собирается двигаться. Бог знает, какой оборот все это примет! Не стоит слишком углубляться в эту тему, чтобы не сказать больше, чем хочешь там, где можно бы сказать многое. Поговорим лучше о моей персоне, дорогая матушка. Если, как кажется, император проведет лето далеко отсюда, я перееду как всегда на Каменный остров»⁴.

«27 апреля (8 мая) 1812 г.

Весьма рада, что в нынешнее время мое письмо дошло до Вас с необыкновенной скоростью, это, полагаю, чтобы меня разуверить. Я прервала начатое письмо, чтобы нанести поздравительный визит императрице-матери. Сегодня день рождения великого князя Константина, но он празднуется одним только семейным обедом у великой княгини Екатерины в Аничковом дворце, потому что одновременно она празднует день рождения своего мужа, отсутствующего, как и все мужчины императорской фамилии. Я бы весьма желала, дорогая матушка, иметь достаточно пустяков, и столь же интересных, чтобы рассказать Вам, как те, коими Вы наполнили свое письмо. Эти незначащие подробности, касающиеся моих сестер, для меня не таковы; но что могу я сказать Вам незначащего из Петербурга, чтобы оно на самом деле таковым не было? Погода отвратительная»⁵.

Из этого отрывка хорошо видно, какая стратегия переписки была выбрана еще до начала военных действий: поддерживая контакт, тщательно избегать всего, что могло бы быть использовано неприятелем или скомпрометировать маркграфиню. Попутно Елизавета Алексеевна иронизировала над противником, который, как она полагала, мог эти письма перехватить и прочесть — хотя не ясно, насколько обоснованы были такие подозрения.

«10 (22) мая 1812 г.

...Я очень польщена, что моим письмам оказывают честь, задерживая их по преимуществу: это доказывает, что находят удовольствие в их чтении. Поскольку не могут рассчитывать найти там ничего важного по содержанию, то надо думать, что к ним привлекает очарование стиля; это весьма лестно»⁶.

Содержание писем внешне сведено к домашним заботам, погоде, сообщениям о прогулках и переезде на Каменный остров. Однако на деле заверения императрицы, что в ее письмах не содержится важных сведений, иногда оборачиваются чистым лукавством.

«5 (17) июня 1812 г.

Любезная матушка! Вы простите мне, что могу сказать Вам сегодня лишь несколько слов, но ужасы паковки для Кам[енного] острова, куда я перебираюсь завтра, и поздравительные визиты по поводу мира с Портой, новость о котором пришла сегодня из Вильны, заполнили все мое утро»⁷.

Важнейшая политическая новость сообщается здесь как бы между делом, как примечание к домашним делам. Это сравнительно простой прием, но чуть позднее, когда война началась, иносказания Елизаветы Алексеевны стали еще утонченней. То, что письмо может быть прочтено сторонними лицами, для императрицы не была новостью. Еще с павловских времен Елизавета Алексеевна знала, что ее письма перлюстрируются. Самыми откровенными и важными могли быть письма, переданные с надежной оказией. Но имели место и иносказания, столь завуалированные, что сейчас не все из них можно не только разгадать, но и заметить. Один такой эпизод удалось обнаружить в письмах 1804 г. в ходе сопоставления их с фрагментом потайного дневника Елизаветы Алексеевны о романе с А.Я. Охотниковым. Дневник был найден в ГА РФ и опубликован в 2005 г.⁸ В тексте дневника есть запись, что императрица несколько дней плакала. В те же дни в письмах матери сообщается, что несколько дней она вынуждена была оставаться в своей комнате из-за болезни глаз. Таким образом, «болезнь глаз» — понятное обоим корреспонденткам обозначение слез.

В 1812 г. царица была озабочена самим поддержанием переписки. После перехода Наполеона через Неман прежнее сообщение по почте стало невозможным, и тут императрица продемонстрировала настоящие конспиративные навыки. 28 июня (9 июля) она сообщала матери, что почта через Мемель больше не ходит, и она пишет через Швецию.

«Не сможете ли Вы, дорогая матушка, так или иначе доставлять нам новости о себе тем же путем? Предлагаю Вам это, вполне признавая, что быть может Вам трудно будет на это согласиться. Быть может, Вас скомпрометирует письмо, адресованное русскому посланнику, в этом случае я первой буду умолять Вас не делать этого, но быть может также, что Вы найдете какое-нибудь среднее решение»⁹.

Накануне Бородина императрица нашла еще один способ переправлять письма:

«25 августа 1812 г.

Если Вы благоволите адресовать письма просто гг. Дунсфельду и Комп., банкирам в Копенгагене (Dunsfeld et Comp), и более ничего, я смогу надеяться, что они дойдут до меня, тем более если Вы получили это письмо. ... Вы даже не можете представить, чего мне стоит принять с Вами манеру пустой болтовни, но думаю, что так будет лучше»¹⁰.

На следующий день, 26 августа, Елизавета Алексеевна отослала еще одно письмо, видимо, другим путем, где пояснила, что письма копенгагенским банкирам нужно

отсылать в конверте на их имя, не указывая, что они предназначены русской царице. Судя по зачину этого письма, Елизавета избегала в письмах всяких указаний, идентифицирующих как ее, так и адресата, и даже обращения «матушка»¹¹. Впрочем, судить об этих подробностях можно только по намекам в тексте писем, так как в хранящихся в ГА РФ копиях не воспроизведены адреса и подписи оригинала.

«26 августа.

Дорогая и добрая матушка, я могу наконец назвать Вас этим дорогим именем, которое несколько недель запрещала себе в письмах, которые посылала Вам через Швецию и Данию. ... Это, повторю Вам, из опасения Вас скомпрометировать и желания, чтобы хоть одно из моих писем дошло до Вас ... Неизвестно, до какой крайности может дойти существо, подобное тому, кто держит вас всех в своей власти; ... Вы рискуете, быть может, если бы Вас могли уличить в переписке с вашими детьми. Таким способом, как я Вам пишу, добрая матушка, и если Вы сообразовываете придерживаться того же образа действия по отношению ко мне, этого изобличения никогда не произойдет»¹².

При этом императрица высказывала опасения, что письма через Копенгаген могут быть кем-то прочтены, и говорила еще об одном пути — через Вену — он был более медленным, но более надежным, и самые откровенные письма отправлялись именно так.

Чтобы просто узнавать новости о близком человеке, иносказания вроде бы не требуются. Но Елизавета Алексеевна, постоянно заявлявшая о незначительности содержания своих писем, все же лукавила.

«26 июля (7 августа) 1812 г.

Вы получите, надеюсь, это письмо одновременно с другим, которое я написала 12 или 15 дней тому назад, и я хотела бы придать его стилю оттенок розового цвета, который приобрело с тех пор мое настроение. Это должно быть происходит от хорошей погоды, она десять дней как великолепна, даже слишком хороша, поскольку стоит удушающая жара, которая тем более чувствуется из-за частых поездок в город, которые я совершаю. Но поскольку это чтобы пойти в церковь возблагодарить Бога за многие его милости, нам оказанные, я не жалею. Мой муж здесь уже 4 дня, после того как совершил объезд своих земель, где встретил рвение и единодушную добрую волю»¹³.

Как бы обсуждая домашние дела и погоду, Елизавета аккуратно сообщает матери, что Александр I вернулся в Петербург, что армия воодушевлена, а вся Россия поддерживает его политику, и более того — из ее письма как будто можно заключить, что русская армия одерживает победы. Между тем, армия, как известно, отступала, а молебнов в конце июля было всего два, 24 и 28 июля.

«30 июля (11 августа).

У нас была необыкновенная жара в течение двух недель, и при этом поездки в город, чтобы возблагодарить Бога. Чтобы освежиться, мы гуляли почти каждый вечер при наступлении ночи в открытой карете, это было единственное время дня, когда воздух превосходен, но несмотря на это, я бы охотно ходила в город пешком ... Чего не сделаешь, когда радуешься!»¹⁴.

Кажется, императрица желала создать впечатление, что военные действия идут с успехом для России. В промежутке между этими письмами было еще одно, от 29 июля, из которого в ГА РФ хранится лишь небольшой фрагмент; также не ясно, каким путем оно было послано — от этого зависела степень откровенности:

«Как мне мучительно не иметь возможности говорить с Вами о том, что меня занимает во все время дня и даже ночи, сплю я или нет! О спасении моей дорогой, моей любимой России, к которой я питаю сейчас чувство, какое испытывают к дражайшему и серьезно больному ребенку! Бог ее не оставит, я в этом уверена, но она страдает, и я с нею во всех подробностях ее страданий»¹⁵.

В устах Елизаветы Алексеевны это не пустые фразы, ведь их пишет женщина, мучительно пережившая смерть двух маленьких детей. Свидетельства современников подтверждают, сколь глубоко она прочувствовала события войны. Но зачем ей понадобились лукавые намеки и иносказания в письмах? Вот что императрица пишет в самый день Бородина, 26 августа:

«Я уверена, что вы в Германии весьма плохо осведомлены о том, что происходит у нас. Быть может, вас уже заставили думать, что мы сбежали в Сибирь, тогда как мы не оставляли Петербурга. Мы приготовились ко всему, по правде сказать, за исключением переговоров. Чем более Наполеон будет продвигаться, тем менее он должен думать о возможности мира. Это единодушное чувство императора и всей нации, всех классов, и благодаря небу, существует совершеннейшая гармония на этот счет. Это то, на что Наполеон не рассчитывал. Он ошибся в этом, как и во многом другом! Каждый шаг, который он делает в этой огромной России, все более приближает его к пропасти! Посмотрим, как он перенесет зиму!».

Далее императрица рассказала о повсеместном народном воодушевлении и продолжила:

*«Ах! Если бы Германия могла проснуться! Как может она терпеть при виде использования своих несчастных ландскнехтов то в Испании, то в России, чтобы они там гибли с оружием ли в руках, или от голода и нищеты, как здесь»*¹⁶.

И далее — о победах войск П.Х. Витгенштейна над французами.

Очевидно, Елизавета Алексеевна стремилась не только поведать матери об истинном положении дел, но и через нее влиять на общественное мнение в Германии и позицию немецких государей, сообщить русскую интерпретацию событий, противостоять наполеоновской пропаганде. По-видимому, она рассчитывала, что мать разделяет ее взгляды. В письмах нет следов полемики или несогласия между матерью и дочерью в оценке событий. В длинном письме от 1 сентября, после известия о Бородинском сражении, которое М.И. Кутузов преподнес Александру I как победу, Елизавета Алексеевна с горячностью рассуждала об этом, а также о народном одушевлении, крестьянах, вооружающихся для защиты своей земли.

«Прибавлю два слова, дорогая и добрая матушка, к своему письму, которое еще не отправлено. Это чтобы иметь удовольствие самой сказать Вам, что 30-го, позавчера, мы праздновали большую победу, одержанную в ста верстах от Москвы 26 авгу-

---

ста (7 сентября). Это был ад, по признанию всех, кто там был. Потери с обеих сторон огромны, но превыше всего у противника. Наполеон лично был должен отступить на 11 верст. Он смог заставить войска идти, лишь напоив их допьяна, поскольку у них нет хлеба. Пленники (пленный генерал это тоже подтверждает) говорят, что они в отчаянии, что их привели в страну, где нет ни пищи, ни жителей, что они не знают, куда Наполеон ведет их и проч. Наконец, наилучшая надежда нас всех вдохновляет, мы всякий день ждем сообщения о новом деле. Чувства, с которыми я провела два с половиной месяца совсем недавно, невыразимы. Мы два дня знали, что сражаются, все приезжавшие из тех краев говорили, что земля дрожала в двадцати верстах в окрестности. Самые трогательные примеры героизма, храбрости, преданности мы получали даже от простых крестьян, и даже сейчас мы еще не знаем исхода битвы. От Можайска, первого города после поля сражения, до Москвы крестьяне всех деревень вооружены и по собственному движению милиция прибывала со всех сторон с песнями от счастья, что они могут сражаться. Женщины на коленях по большим дорогам и почти что бросались под курьерских лошадей, чтобы вынудить сообщить новости о том, что происходит, и когда им говорили, что дела идут хорошо, они принимались благодарить Бога.

Вот картина трех дней сражения. Бог уже начал, и он завершит спасение этого обожаемого народа! Наполеон вполне доказал, что без сердца никогда не сможешь верно судить о людях. Он всех судит по себе, как слабых, и действует соответственно. Испания и Россия доказали ему существование добродетелей, которые он почитал химерами. Он получил два хороших урока.»¹⁷.

6 августа императрица рассказала матери о знакомстве с приехавшей в Петербург мадам де Сталь, прибавив, что «вообще, у нас здесь весьма хорошее общество сейчас»¹⁸. Другими словами, она сообщала, что многие люди бегут от Наполеона и собираются под эгидой русского императора.

Впрочем, уверенно констатировать присутствие иносказания в письмах Елизаветы Алексеевны можно далеко не всегда.

«10 сентября 1812 г.

Я не хотела пропустить почту, не сказав Вам, что мы чувствуем себя хорошо, очень хорошо. То, что Вы говорите мне о своем здоровье, меня очень радует. Благодаря Небо, этот противный кашель начинает исчезать! Но я думаю, Вам придется принять много мер к зиме. Увы! Будет весьма прискорбно, если Вы ждете только моих советов, чтобы им следовать, и я лицу себе надеждой, что Вы и доктор почувствуете необходимость не хуже меня»¹⁹.

Разговор о кашле маркграфини возникал в переписке еще до начала военных действий. Но процитированный отрывок заставляет предположить, что здесь «кашель» имел политический оттенок. Однако это лишь предположение.

После сообщения о победе под Москвой в письме от 1 сентября Елизавета Алексеевна до конца месяца ни словом не обмолвилась о сдаче Москвы. Вновь она пространно заговорила с матерью о положении вещей в письме от 24 сентября (6 октября) 1812 г., отправленном с надежной оказией через Вену.

«Вы должно быть весьма плохо осведомлены в Германии о том, что происходит у нас, и независимо от счастья, которое я всегда испытываю, когда могу говорить с

Вами немного свободнее, я почитаю долгом осведомить Вас о положении вещей, каково оно есть. Я ужасаюсь тому роду лжи, который составляет одно из оснований поведения Наполеона, и нельзя пренебрегать опровержением его следствий изо всех сил. Выдадут за поражение битву при Бородино, совершенно выигранную нами, и столь полно выигранную, что Наполеон бегал вдоль рядов, как сумасшедший, крича: «Французы, вот проигранное сражение! Я никогда их не проигрывал, страдаете ли вы от того, что это случилось?» и проч., и что на следующий день он отдал в приказе, что французская армия покрыла себя позором. К несчастью, мы не сумели воспользоваться этой победой, и в конце концов Кутузов нашел нужным оставить Москву. И вот орда варваров поместилась на руинах этой прекрасной столицы, они действовали там, как и повсюду. Наш народ начал поджигать предметы своей любви, чтобы не оставить их в руках врага, а Великая нация не оставила обыкновения разорять, грабить, разрушать, было бы что разрушать. Тем временем наша армия сделала обход вокруг Москвы и расположилась в окрестностях дороги, по которой враг пришел, и уже начинает теснить его коммуникации. Наполеон, войдя в Москву, не нашел ничего из того, на что надеялся. Он рассчитывал на публику: ее больше нет, все уехали. Он рассчитывал на припасы: он почти ничего не нашел. Он рассчитывал на моральный эффект, потерю мужества, подавленность, которые это причинит нации: а получилось лишь умножение ожесточения и жажды мщения. Он рассчитывал, что конечным результатом всего этого станет мир: прилагаю здесь заявление, которое император сделал, когда стало известно об оставлении Москвы. Я уверена, дорогая матушка, что Вы будете удовлетворены его содержанием. Оно имеет все нужное благородство, все достоинство, оно несет характер нации, которой адресовано. Я могу поручиться, что решение, о котором оно объявляет, неколебимо в уме императора»²⁰.

Письма императрицы можно сопоставить с письмами ее секретаря Н.М. Лонгинова к русскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову²¹. Осведомляя Воронцова о положении в Петербурге и ходе военных действий, Лонгинов давал ему информацию для распространения в Англии. В этом плане его письма выполняли ту же роль, что и переписка Елизаветы Алексеевны с матерью. Содержание посланий Елизаветы Алексеевны и Лонгинова часто сходно, они располагали одними и теми же сведениями. Понимая значение общественного мнения, Елизавета Алексеевна делала все от нее зависевшее для влияния на умы и в Петербурге, и в Европе.

«15 (27) октября.

Везущий мое письмо доставит в Вену три австрийских штандарта, взятых у кн. Шварценберга. Сможет ли этот поступок императора заставить Австрию увидеть единственную сторону, которой ей бы следовало держаться! И сможет ли она служить точкой соединения всей остальной Германии! Я льщу себя этим! Несомненно, с Божьей помощью момент для освобождения Европы настал, если она захочет»²².

Таким образом, к имеющимся в историографии сведениям о деятельности императрицы Елизаветы Алексеевны во время Отечественной войны необходимо прибавить ускользавшие ранее от внимания историков детали. Она принимала более активное участие в политической жизни, чем принято считать, хотя по обыкновению не выставляла эту деятельность на показ. Возможно, роль русской императрицы во

внешней политике европейских, в частности, немецких, государств в 1812—1813 гг. недооценена и нуждается в дальнейшем изучении. Так же, как и вопрос о ее роли в формировании если не курса Александра I, то его публичной официальной интерпретации. Письма Елизаветы Алексеевны к матери показывают, что уже по горячим следам таких драматичных и поворотных событий, как сдача Москвы, она высказывала отчетливо сформулированные и полностью поддерживавшие политику мужа суждения. А ее умение варьировать тон и содержание письма, прибегать к утонченным иносказаниям ставят ее письма в ряд интереснейших документов эпохи.

«19 декабря 1812 г.

Мое времяпрепровождение подвергнется небольшим переменам из-за отъезда моего мужа, который покинул нас утром, чтобы отправиться в земли, где он был семь или восемь месяцев назад и где была та прелестная беседка из роз. Поскольку площадку осушили и очистили от лягушек, он отправился посмотреть, что нужно еще сделать. Я желаю и надеюсь, что его отсутствие не будет продолжительным»²³.

Кажется, сложно сомневаться в истинном смысле этого ироничного пассажа.

Примечания

- ¹ Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1—3. СПб., 1908—1909.
- ² Исмаил-Заде Д.И. Императрица Елисавета Алексеевна. Единственный роман императрицы. М., 2002. С. 7—8.
- ³ Николай Михайлович, великий князь. Указ. соч. Т. 2. С. 443—447.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 30. Л. 30.
- ⁵ Там же. Л. 31—31 об.
- ⁶ Там же. Л. 33.
- ⁷ Там же. Л. 38.
- ⁸ Лямина Е.Э., Эдельман О.В. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 116—131.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 30. Л. 43—43 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 54—54 об.
- ¹¹ Там же. Л. 56—58.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 48.
- ¹⁴ Там же. Л. 51.
- ¹⁵ Там же. Л. 50.
- ¹⁶ Там же. Л. 56—58, 62.
- ¹⁷ Там же. Л. 67—67 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 52.
- ¹⁹ Там же. Л. 68—68 об.
- ²⁰ Там же. Л. 73—74.
- ²¹ Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову. 1812-й год // Русский архив. 1912. № 4. С. 481—547.
- ²² ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 30. Л. 81—82.
- ²³ Там же. Л. 103—103 об.

Л.Н. Бодрова, А.Л. Евстигнеева

Альбом М.М. Тучковой

Имя Маргариты Михайловны Тучковой (1781/1782—1852), урожденной Нарышкиной, впоследствии игуменьи Марии, ее жизнь и судьба неразрывно связаны с героической историей России, с Отечественной войной 1812 года. После гибели мужа, генерала Александра Алексеевича Тучкова 4-го (1777/1778 — 1812) в битве при Бородине она обрела цель и смысл жизни в том, чтобы увековечить память о нем и обо всех погибших за Отечество воинах, построив в 1818—1820 гг. храм на Бородинском поле — первый памятник героям Бородинина, а позднее основав Спасо-Бородинский монастырь, первой настоятельницей которого она стала.

Материалов о жизни и деятельности М.М. Тучковой сохранилось немного. Известно, что перед смертью она уничтожила личную переписку и другие документы, хранившиеся в ее доме, поэтому находки в архивах, расширяющие наши знания об этой замечательной женщине, имеют особую ценность.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) имеется альбом, который заполнялся Маргаритой Михайловной и разными лицами на протяжении более чем 30 лет. Документ долгие годы сохранялся как семейная реликвия и был передан на государственное хранение в 1941 г. правнучкой Алексея Алексеевича Тучкова 2-го (1766—1853), брата А.А. Тучкова 4-го, детской писательницей Екатериной Алексеевной Тучковой.

Альбом переплетен в красную кожу тонкой выделки с золотым тиснением. На верхней крышке помещена овальная гравюра художника-медайлера Д.В. Бехтера с изображением предназначенного на заклатие Богомладенца, лежащего в жертвенной чаше. В альбоме имеются рисунки, нотная рукопись и многочисленные прозаические и поэтические записи на русском, французском и немецком языках. К сожалению, не все тексты датированы, те, что снабжены датами, охватывают период с 1820 г. по 1852 г.

Последняя из датированных записей относится к 27 апреля 1852 г., т.е. сделана за два дня до смерти Маргариты Михайловны. В ней всего несколько слов: «Бородино. 5 часов пополудни». Известно, что в этот день мать Мария благословила образам бывших при ней родственников и поручила им передать отсутствующим членам семьи свое предсмертное прощание. Предположительно, эта запись сделана самой М.М. Тучковой или кем-либо из родных и близких ей людей. В то время рядом с Тучковой находилась ее единственная оставшаяся в живых сестра княгиня Евдокия Михайловна Голицына (урожденная Нарышкина, 1790—1862).

Записи в альбоме делались в Москве, Петербурге, Ревеле, Дерпте. Содержание некоторых текстов позволяет предположить, что место их создания — Бородино.

На одном из первых листов альбома помещена работа неизвестного художника — миниатюрный портрет молодого человека в мундире Пажеского корпуса. Карандашный рисунок следует датировать первой половиной 1820-х гг. Вероятно, это

портрет Николая Тучкова, сына М.М. и А.А. Тучковых, который с детства отличался слабым здоровьем, скоропостижно скончался в возрасте 15 лет и похоронен в Спасской церкви на Бородинском поле.

Среди наиболее интересных текстов альбома — нотная рукопись 1822—1824 гг. романса немецкого композитора и пианиста А.Г. Вейрауха (1788—1865) на стихи, приписываемые А.А. Тучкову. Эти стихи «La Marguerite» («Маргарита») были написаны по-французски в 1802 г. и переданы Маргарите Нарышкиной автором перед отъездом за границу. В многочисленных работах, посвященных Тучковой, обычно цитируются лишь несколько строк из этого произведения, которые в переводе звучат так: «Кто владеет моим сердцем и кто волнует его? Прекрасная Маргарита». В альбоме можно прочитать полный текст этого стихотворения, положенного на музыку Вейраухом, который окончил Дерптский университет, в 1820-е гг. преподавал в нем немецкий язык и одновременно выступал как пианист, сочинял фортепьянные пьесы и песни на стихи немецких поэтов. Судя по датированным записям в альбоме, Тучкова бывала в Дерпте в 1822—1824 гг. Вероятно, романс был написан по ее просьбе и исполнялся в салоне Маргариты Михайловны. Известно, что она обладала прекрасным голосом, была очень музыкальна.

Привлекает внимание еще один стихотворный текст — рукопись А.С. Норова «К Маргарите Михайловне Тучковой». Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) известен как поэт, переводчик, автор путевых записок. Он участвовал в Бородинском сражении, был ранен, потерял ногу. С Маргаритой Михайловной Норов состоял в дальнем родстве. Стихотворение, скорее всего, было создано в связи с освящением 26 августа 1820 г. церкви Спаса Нерукотворного на Бородинском поле, впервые оно было опубликовано в «Сыне Отечества» в том же году¹. Печатный текст имеет незначительные разночтения с тем, который помещен в альбоме.

Некоторые альбомные тексты связаны с именами героев войны 1812 года и участников декабристского движения. Такова запись, сделанная Михаилом Александровичем фон дер Брюггеном (Бриггеном) (1822—?), полковником артиллерии, сыном участника Отечественной войны и Заграничных походов русской армии полковника А.Ф. Брюггена (1792—1859), награжденного золотой шпагой за храбрость в Бородинском сражении. Михаил Брюгген воспитывался матерью Софьей Михайловной, его отец Александр Федорович в 1826 г., одновременно с декабристом Михаилом Нарышкиным, младшим братом М.М. Тучковой, был арестован за членство в «Союзе Благоденствия» и «Северном Обществе», а позже приговорен к каторжным работам с последующим поселением в Сибири, где провел 35 лет. По-видимому, запись в альбоме была сделана в конце 1840-х — начале 1850-х гг. во время посещения М.А. Брюггеном Бородина в память об отце-герое, которого он не видел с 4-х летнего возраста.

Обращают на себя внимание автографы А. фон Бонина, графа фон дер Гребена и И.А. Боратынского от 16 (28) августа 1834 г. Барон Адольф фон Бонин (1803—1872) — прусский офицер, генерал от инфантерии, с 1833 г. находился в свите принца Адальберта Прусского, посетившего в 1834 г. Россию. Граф фон дер Гребен — один из представителей прусской военной династии, вероятно, это Карл фон дер Гребен (1788—1876) — генерал от кавалерии, участвовавший в наполеоновских войнах на стороне России, а в 1813 г. снова поступивший на военную службу в Пруссии. Ираклий Абрамович Боратынский (1802—1859) — государственный и военный де-

---

ятель, генерал-лейтенант, сенатор, занимал посты военного генерал-губернатора в Ярославле и в Казани, младший брат поэта Евгения Абрамовича Боратынского (1800—1844). Известно, что И.А. Боратынский сопровождал принца Адальберта, побывавшего в 1834 г. в Петербурге и Москве, до границы Пруссии. Автограф Ираклия Абрамовича датирован тем же числом, что и подписи прусских офицеров. Можно предположить, что оба иностранца побывали в Бородине накануне очередной годовщины сражения в обществе Ираклия Абрамовича.

Не все тексты подписаны авторами, некоторые записи не являются автографами, поскольку вписаны в альбом другими лицами. Среди авторов — немало людей, оставивших след в истории и культуре России, таких, как историк литературы Яков Карлович Грот (1812—1893), выдающийся санскритолог Каэтан Андреевич Коссович (1815—1883), общественный деятель и участник разработки крестьянской реформы 1861 г. Яков Александрович Соловьев (1820—1876), поэт и переводчик Александр Абрамович Волков (1788/1789 — не позднее 1845), есть подписи офицеров, посетивших поле воинской славы России.

Альбом Маргариты Михайловны Тучковой — содержательный и перспективный для многоаспектного изучения исторический источник. Он позволяет восстановить неизвестные страницы биографии его владелицы и освещает определенный пласт отечественной истории. Материалы альбома частично использованы² в рамках работы над проектом «Создание мультимедийной информационной системы “Отечественная война 1812 года и ее отражение в идеологии и художественной культуре XIX—XX вв.”», поддержанной РГНФ в 2011 г.

Примечания

¹ См.: Сын Отечества. 1820. № 34. С. 33—35.

² «Пример любви и верности святой...». Альбом М.М. Тучковой. / Публ. Л.Н. Бодровой и А.Л. Евстигнеевой // Наше наследие. 2012. № 103. С. 66—78.

И.В. Ружицкая

Люди и события 1812 года по дневнику М.А. Корфа 1830—1840-х гг.

Участником или очевидцем военных действий Модест Андреевич Корф быть не мог: он — ровесник века. С 1811 г. по 1817 г. он безвыездно жил в Царском Селе — учился в Лицее вместе с А.С. Пушкиным. После Лицея Корф по службе довольно тесно общался со многими ветеранами наполеоновских войн. В 1830-е гг. в должности государственного секретаря, руководителя канцелярии Государственного совета состоял под непосредственным начальством И.В. Васильчикова, который в день Бородина командовал 12-й пехотной дивизией; каждый день Корф сталкивался с К.Ф. Толем, А.Ф. Орловым, А.Х. Бенкендорфом, П.М. Волконским и другими.

Корф начал вести дневник в 1838 г., а уже в 1839 г. занес в него целый ряд записей, так или иначе связанных с памятью об эпохе 1812 года. Как отмечал А.Г. Тартаковский, после «заметного приглушения общественного звучания темы 1812-го года в 1820-х гг.» последующее десятилетие характеризуется повышенным интересом к событиям тех лет. Начало 1830-х гг. ознаменовалось подъемом патриотических настроений в обществе, связанных с событиями в Польше 1830—1831 гг. Польская кампания и европейские революции 1830 г. инициировали экскурс в боевое победоносное прошлое Российской империи. Не случайно одно из программных пушкинских произведений этого периода было названо «Бородинская годовщина»¹.

Волна повышенного интереса к событиям 1812—1814 гг. была вызвана совокупностью внешне- и внутриполитических факторов, обусловивших необходимость демонстрации русской военной мощи и единения власти с патриотически настроенным народом².

В 1832 г. возобновились прерванные работы по сооружению храма Христа Спасителя. В 1834 г. была открыта Александровская колонна. Тогда же в Петербурге и Москве были возведены Триумфальные арки. В 1835 г. состоялись грандиозные военные маневры в Калише с участием войск бывшей антифранцузской коалиции, а также закладка памятника погибшим русским воинам под Кульмом. В 1837 г. перед Казанским собором в Петербурге были установлены памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли³. «В августе 1837 г. уже непосредственно по случаю 25-летия Отечественной войны ... на юге России, близ Вознесенска, при скоплении колоссальных масс войск, в присутствии царской семьи, высшего генералитета, дипломатов» были проведены маневры, по мнению Тартаковского, «демонстративные, долженствовавшие напомнить Европе о русских военных традициях эпохи 1812 г.»⁴ Завершающим актом этих торжеств явились пышные празднества 1839 г., приуроченные к Бородинской годовщине и более года тщательно готовившиеся под личным наблюдением царя. Они продолжались 10 дней, начиная с молебна 26 августа, и включали масштабную реконструкцию Бородинского сражения 29 августа. Праздничный цикл был завершён 10 сентября закладкой храма Христа Спасителя.

Подготовке и проведению торжеств 1839 г. на Бородинском поле посвящен целый ряд записей Корфа, который сам в Бородино не был, но общался с прямыми свидетелями торжеств, прежде всего, Васильчиковым. Интересно сравнить воспоминания непосредственных участников событий со сведениями Корфа.

В.А. Жуковский, присутствовавший на открытии памятника и перезахоронении праха П.И. Багратиона, а также на всеобщем молебне на Бородинском поле 26 августа, тогда же описал свои впечатления в письмах. Одно из них, адресованное великой княгине Марии Николаевне, было опубликовано в «Современнике», другое, обращенное к воспитаннику поэта, цесаревичу Александру Николаевичу, вниманию публики предназначено не было. Сам поэт присутствовал в Бородино только два дня, потом уехал в Москву и на маневрах 29 августа отсутствовал, отчасти по причинам, изложенным им в письме к наследнику. Жуковский писал: «Мне было жестоко больно, что ни одного из ... главных героев дня я после не встретил за нашим обедом. Они, почетные гости этого пира, были забыты, воротятся с горем на душе восвояси, и что скажет каждый в стороне своей о сделанном им приеме, они, которые надеялись принести в свои бедные дома воспоминание сладкое, богатый запас для рассказов и детям, и внукам?»⁵. Речь шла об «отставных, некогда участвовавших в славной битве», собранных на праздник, в том числе инвалидах, которые были размещены «у подошвы», по выражению Жуковского, внутри ограды вновь открываемого памятника и о бородинских воинах, еще находившихся на службе, которые «сидели на конях и выстроены были фронтом вне ограды»⁶.

Состоявший в свите прусского короля полковник Гагерн отмечал: «Император вмешивается во все, и хотя при самом начале маневров и говорил, что предоставляет все генералам, но не пройдет и часа, как он фактически принимает командование на себя», несмотря на то, что в тот день войсками командовал генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич. По словам Гагерна, Николай Павлович в какой-то момент так увлекся, что приказал русским войскам перейти в символическую атаку⁷, результатами которой остался очень доволен.

Очевидец, находившийся среди зрителей, вспоминал: «Не требовалось особой фантазии, чтобы поверить, что перед тобой настоящее сражение. Впрочем, император во всем точно следовал плану Бородинского сражения, а в заключение еще и окружил противника. Он, конечно, захватил бы в плен и самого Наполеона и половину его армии, хотя и более вероятно, что Наполеон предвосхитил бы императора и так или иначе, но пленил бы его самого»⁸.

Существует известное мемуарное свидетельство А.И. Веригина о том, что последовало после «сражения». Во время маневров Николай I, «не довольствуясь одной обороной, как было в 1812 г.», приказал «перейти в общее наступление». Собрав после этого видных генералов, среди которых были Ермолов, Толь и другие, он спросил: «Не находите ли, что если бы фельдмаршал Кутузов действовал, как мы сегодня, то последствия сражения были бы иные?» «Общее молчание было ответом на слова государя, — свидетельствует далее Веригин, — но у одного из присутствующих все же вырвался саркастический возглас: “Да государь забывает, что сегодня не было ни ядер, ни пуль, и, главное, что не было против него Наполеона”»⁹.

Перечень генералов, с которыми якобы состоялся этот примечательный разговор, возможно, следует скорректировать. В дневнике Корфа со слов Васильчикова и Бенкендорфа записано, что на проходивших тогда юбилейных маневрах в Бородине

но с императором находились М.С. Воронцов, А.П. Ермолов и Д.В. Голицын, с которыми «государь много говорил о подробностях сражения»¹⁰. Дневники Корфа заставляют усомниться в том, что среди особо приближенных к императору генералов присутствовал Толь. В июле 1839 г. Корф стал свидетелем разговора между Толем и Бенкендорфом, причем последний «почти с удивлением» спросил генерал-квартирмейстера, человека, выбравшего в свое время Бородинское поле для генерального сражения: «А разве и Вы туда собираетесь?». Толь после этого разговора был «в большом бешенстве» и жаловался Корфу: «Вот как нас трактуют люди, которые сами не оставили для себя странички в истории. В Бородинском деле я в чине полковника был генерал-квартирмейстером всей армии и первый занял позицию, а меня спрашивает, поеду ли я туда тот, кто был тогда ничтожным поручиком, кто сам, однако, считает догом туда ехать и кому поручено заведовать приглашениями»¹¹. Толь, конечно, преувеличил, вернее, «понизил» всесильного начальника Третьего отделения в чине: в августе 1812 г. Бенкендорф был полковником.

По приезде в Бородино в 1839 г. Толь не нашел ни лошадей, ни приготовленной для него квартиры. По слухам, которые нашли отражение в дневнике Корфа, именно «моральное огорчение от холодного приема в Бородино» (в отличие от многих, он не получил и ожидаемой награды) настолько ухудшило здоровье Толя, что его разбил удар, от которого он так и не оправился¹².

В ряду юбилейных мероприятий 1830-х гг. особое значение придавалось созданию фундаментальных трудов об эпохе Отечественной войны. Именно в это десятилетие было написано «Описание Отечественной войны в 1812 году по Высочайшему повелению» в четырех томах А.И. Михайловского-Данилевского, выход которого был приурочен к Бородинским празднествам в августе 1839 г.

У Корфа дана убийственная характеристика Данилевского как человека, склонного к интригам, наглого, но искусного льстеца, и как историка, многие утверждения которого не заслуживают доверия. Критикуя его как автора «Описания Отечественной войны», Корф ссылается на мнения осведомленных очевидцев тех событий, которые, признавая, что в «книге собрано множество драгоценных документов и материалов, оставшихся до сих пор под спудом», согласны с Толем: «Данилевский сделал из своего сочинения род придворного календаря или барометра, по которому всегда легко измерить степень милости, какую *теперь* пользуется каждое из действующих лиц великой драмы 1812-го года». Они полагали, что ради этого автор позволил себе даже «искажать самые факты»¹³. Однако подобные мнения не выходили за пределы весьма узкого круга столичного дворянства и до широкой «публики» не доходили.

Публичных опровержений труда Данилевского «ждать не приходилось, — переживал Корф, — потому что, на беду, сам же Данилевский есть *цензор* всех выходящих в России военных книг и статей по военной части». Так, например, Данилевский «решительно отказал пропустить к напечатанию сильное возражение против некоторых статей своей книги, где ему и публике, очевидно, доказывалось, что он писал просто *ложь*, и доказывалось судьей сведущим, сенатором Бутурлиным, сочинителем известной истории (на французском языке) кампании 1812 года»¹⁴. Контекст создания работы Данилевского — «по Высочайшему повелению» — исключал возможность какой-либо критики.

Много места в дневнике уделено и военному министру А.И. Чернышеву. В 1842 г. тот поведал Корфу, какой замечательный сюрприз приготовил ему Михайловский-

---

Данилевский, по собственным рассказам Чернышева и подлинным актам написав его биографию до 1815 г. Чернышев уверял Корфа, что это «прекрасная и в высшей степени интересная вещь», которую скромность не позволит ему напечатать при жизни. Кипевший негодованием Корф записал по этому поводу в дневнике: «Ну, слава Богу, если нет еще у нас порядочной истории Петра Великого, то есть, по крайней мере, отличная — князя Чернышева! Как не вспомнить тут графа Толя, который в негодовании своем называл Данилевского “придворным историком” и князя Сакена, который в оставшихся после него мемуарах еще лучше характеризовал знаменитого нашего историка: “Читаю теперь, — писал он, — хвалебный гимн холопа Данилевского *фанфарону* Чернышеву!”»¹⁵.

Через год Данилевский дал Корфу почитать эту биографию, составлявшую 533 страницы. Модест Андреевич назвал ее «баснословной эпопеей» и пришел к заключению, что «герой Данилевского и нынешний князь Чернышев — два совсем разных человека!». При этом он «воздержался как от всякого суждения о *беспристрастии* биографии, написанной по указаниям лица, которое составляет ее предмет», так и от всяких оценок действий того, кого Данилевский называет в «числе знаменитых полководцев дивного века Александра», хотя Чернышев, «не имев никогда ни армии, ни даже корпуса, действовал везде только партизаном, с небольшими летучими отрядами»¹⁶. Мнение Корфа являлось выражением взглядов определенного круга лиц, знавших и помнивших Чернышева по Отечественной войне. Впрочем, другой партизан, Д.В. Давыдов, вызывает у Корфа искреннее восхищение.

В своем дневнике Корф привел выдержки из статьи одного парижского журнала о петербургском дворе. Помимо характеристики императора, в статье шла речь о его ближайших помощниках — Чернышеве и Бенкендорфе. Если второму посвящен пространный рассказ о том, почему и как «его больше любят, нежели боятся», то о Чернышеве «говорится в одном только отношении, но в таком, — замечает Корф, — которое, верно, особенно польстит его тщеславию»: «Князь Чернышев, тот самый, который некогда соперничал в красоте с императором Александром и от которого вздыхала не одна хорошенькая парижанка во время пребывания союзных войск в Париже: “Какой красавец, — слышалось тогда со всех сторон, — этот казак не варвар, как нам сказывали, а Адонис, полубог!” Тогда продавали в Париже маленькие трости, которые называли по кн. Чернышеву “вздохами” (*des soupirs*). И теперь ... в нем не заметно еще никаких следов старости, он идет наперекор разрушительному времени, и оно награждает его за это отважное сопротивление»¹⁷.

После многочисленных мемориальных мероприятий 1830-х гг., решавших вполне актуальные политические задачи, наступило определенное затишье: для 1840-х гг. характерно падение интереса как в правительственных кругах, так и в обществе к Отечественной войне и Заграничным походам. Косвенно это подтверждается и дневниковыми записями Корфа. В 1840-е гг. он реже вспоминает об участниках Отечественной войны, как правило, только в связи со смертью кого-либо из них.

Когда умер П.Х. Витгенштейн, Корф записал, что «умерла одна из знаменитостей 1812-го года», «защитник Петрова града», «тот знаменитый герой, на которого сыпалось столько лавров, который воспевался в песнях народных, был идолом нации и теперь умер — давно уже забытый, давно уже удаленный от всякого деятельного поприща, хотя он и числился еще, для почета, членом Государственного совета». «Витгенштейн пережил свою славу», — заключает Корф¹⁸.

Невысокого мнения Корф об административных способностях другого ветерана наполеоновских войн — П.А. Толстого, с которым он был тесно связан по службе в бытность того председателем военного департамента Государственного совета. При этом Корф подчеркивает, что «невыгодное» мнение о Толстом не распространяется на его военные подвиги, в том числе в антифранцузских кампаниях, которые представляют собой «блестящую сторону» его деятельности¹⁹. По поводу кончины другого военачальника — П.М. Волконского, Корф вспоминает о том, как в честь пожалования его в генерал-фельдмаршалы в 1850 г. была устроена торжественная церемония с участием всего гвардейского корпуса, что «безмерно радовало князя, переносившегося тут в старину, когда в звании начальника Главного штаба он находился во главе армии»²⁰.

Большие переживания Корфа вызвала кончина К.Ф. Толя, которая была приближена, как указано выше, неумением власти оценить его прошлые военные заслуги. Толь был кумиром Васильчикова, и по словам очевидцев, одним из любимцев М.И. Кутузова. Корф позиционирует Толя как «отличного стратега и одного из первостепенных полководцев века, обладавшего огромными тактическими сведениями и имевшего весь гений истинного военачальника», ему Корф приписывает инициативу «знаменитого движения на Калугу». Корф добавляет, что такого мнения о Толе придерживались «все, следившие его военную карьеру и видевшие его на поле сражения»²¹. Убедительное доказательство совершенного отсутствия историографической традиции и даже просто знаний о войне 1812 года в рассматриваемое время!

В связи со смертью Толя Корф предпринял еще один демарш против Данилевского и его «Истории»: «Все блистательные подвиги покойного... в истории Данилевского едва упомянуты вскользь, поскольку она написана в то время, когда Толь не пользовался уже никаким значением при дворе». Тем не менее Корф с сожалением должен был признать, что «в должности главноуправляющего путями сообщения Толь погасил свою славу, собственным опытом доказав, что можно быть отличным полководцем и вместе плохим администратором. Кругом него все крало и мошенничало, как ни в какой другой части»²².

Один раз Корф вспомнил былые военные подвиги ветерана наполеоновских войн в связи с его новым поприщем. Речь идет о назначении в декабре 1844 г. М.С. Воронцова наместником на Кавказе и командующим Кавказским отдельным корпусом. В январе 1845 г. Корф отметил в дневнике, что восхищение подвигом 64-летнего графа сочетается в обществе с рассказами везде и всюду «анекдотов и случаев» из его военной карьеры, прежде всего в годы Отечественной войны и Заграничных походов, «которые давно уже были забыты»²³. Напомню, что сам Корф упоминал о них в последний раз в 1839 г.

В записях о Воронцове всплывает имя другого прославленного героя 1812 года — А.П. Ермолова. Не симпатизировавший Ермолову Корф в дневнике 1840-х гг. постоянно сравнивал двух генералов. Воронцов, «панибратствующий ... со своими приближенными, ... кажется, — пишет Корф, — имеет в виду ту же репутацию популярности, к которой всегда стремился Ермолов». После назначения Воронцова, оценивая это «принятие им на себя новых огромных обязанностей и ответственности» как «великодушный подвиг» и «геройское самоотвержение», характеризуя отношение публики к нему как «почти благоговение», Корф констатировал, что Воронцов «в краткое время приобрел такую популярность, которая ставит его в уровень с Ермоловым, с тою еще разницею, что эта популярность простирается и на самые высшие классы, где Ермолова почитают только шарлатаном, если ни чем-нибудь еще хуже»²⁴.

Корф пишет о Ермолове довольно часто, его отношение к генералу резко отрицательное, что отражает позицию «высших классов» и не согласуется с отношением к Ермолову общественности. С именем Ермолова публика прочно связывала один из центральных эпизодов Бородинского сражения: возвращение батареи Раевского русским войскам. Впрочем, некоторые исследователи подвергают этот факт сомнению, ссылаясь, в частности, на мемуары В. Левенштерна и ряд других источников.

Характерной чертой мемуаров 1830—1850-х гг. можно считать героизацию образа Ермолова. Сын казначея комиссии по сооружению храма Христа Спасителя Н.В. Берг нашел необходимым в 1859 г. посетить «генерал-патриарха» и получить его благословение перед отъездом в объезжую революцией Италию²⁵. Б.Н. Чичерин утверждал, что Николай I, ненавидевший «всякое превосходство», специально «очаровал вышедшего в отставку Ермолова, уговорил вступить в службу с тем, чтобы уронить его популярность и затем оставить на всю жизнь заштатным генералом»²⁶.

Неприятие этого восторженного отношения к Ермолову пронизывает записи Корфа. В подтверждение своих суждений он ссылается в том числе на рассказы участников войны, например, приводит записанную со слов Васильчикова историю о «заговоре генералов». После соединения 1-й и 2-й Западных армий у Смоленска Ермолов уговаривал П.И. Багратиона не подчиняться «немцу», а самому встать во главе армий. Существование этого «заговора генералов» давно описано в историографии. Но в рассказе Корфа обращает на себя внимание утверждение Багратиона, что он «с омерзением» прогнал от себя Ермолова и приказал ему не показываться себе на глаза. Л.Л. Ивченко полагает, что события развивались именно таким образом. В свою очередь, В.М. Безотосный полагает, что Багратион порвал с Ермоловым из-за того, что попытки Алексея Петровича сместить Барклая закончились неудачей. На мой взгляд, основания для неприязни Корфа к Ермолову стоит искать не столько в эпохе 1812 года, сколько в явном пренебрежении, с которым Ермолов относился к своим служебным обязанностям уже в 1830-1840-х гг. и связанным с этим отношением к нему императора.

К концу 1840-х гг. упоминания каких-либо персонажей в прямой связи с событиями 1812—1814 гг. в дневнике Корфа сходят на нет.

Таким образом, Дневник М.А. Корфа дает представление в первую очередь о сложившейся в высшем обществе *традиции* восприятия обстоятельств и характера деятельности тех или иных участников Отечественной войны 1812 года, о трактовке событий того времени в столичном дворянском кругу 1830—1840-х гг., отражает различные точки зрения на вклад каждого из участников в дело победы над Наполеоном. В то же время Дневник позволяет судить и о состоянии тогдашней историографии по 1812-му году.

Примечания

¹ А.С. Пушкин в черновике письма к А.П. Ермолову 1833 г. писал, что «шум 1812 года», «пожар Москвы и бегство Наполеона ... затемняют и заглушают все» (*Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 183—186).

² Об этих факторах см.: *Тартаковский А.Г.* Указ. соч.

³ Большинство из названных мероприятий были задуманы еще при императоре Александре I.

⁴ *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 200—201. См. также: [*Бенкендорф А.Х.*] Записки графа А.Х. Бенкендорфа // *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. М., 1997. С. 574—577, 581—582, 611—613.

⁵ *Жуковский В.А.* Собр. соч. В 6 т. Под ред. П.А. Ефремова. Т. VI. СПб., 1885. С. 402.

⁶ Жуковский В.А. Письмо к великой княгине Марии Николаевне. Цит. по: Оболенев Н. Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле. М., 1903. С. 112—116.

⁷ Гагерн, полковник. Россия и русские в 1839 г. // Русская старина. 1891. № 1. С. 3.

⁸ Хесс Э. Русский дневник. СПб., 2007. С. 99.

⁹ Открытие памятника на Бородинском поле: Из записок А.И.В. // Русская старина. 1885. № 4. С. 125—136. По мнению А.Г. Тартаковского, император «выразил тем самым пренебрежение к полководческому авторитету Кутузова». Также Тартаковский писал о целенаправленной правке царем работы А.И. Михайловского-Данилевского: Николай I убирал все, что как-то возвеличивало Кутузова и показывало превосходство его военного гения перед Александром I (*Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 201, 297).

Другой участник юбилейных маневров в Бородино, корнет А.В. Мещерский, так передал восторженные настроения военнослужащих: «Государь Николай Павлович перед своей грозной армией действительно изображал собою одного из тех легендарных героев-великанов, которых все воинственные народы любят воспевать в своих народных песнях. Лучше сказать: государь Николай Павлович в эту минуту представлял собою поистине идеальный тип царя могущественной державы в Европе, каким он в то время и был в действительности» (*Мещерский А.В.* Воспоминания. М., 1901. С. 74).

¹⁰ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 437.

¹¹ «При этом случае, — пишет Корф, — также сильно досталось Данилевскому за его описания войны 1812-го и последующих годов. “Это не история, — говорит Толь, — а просто придворный календарь: кому теперь хорошо при дворе, того имя гремит на каждой страничке, хоть бы он не получил ни царапинки, а о других, настоящих действующих, сошедших по обстоятельствам со сцены или не пользующихся особенной милостью при дворе, и помину нет. Время затемняет историю, а лесть совсем ее стирает”» (*Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. С. 409 (запись 13 июля 1839 г.)).

¹² Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 453 (запись 10 октября 1839 г.).

¹³ Там же. С. 438.

¹⁴ Там же. С. 438—439. Имеется в виду: *Бутурлин Д.П.* Военная история кампании 1812 года. СПб., 1823—1824. Подхалимство Данилевского возмущало Корфа, который записал следующий случай: «Однажды во время игры в вист зашла речь о недостатке в настоящую эпоху гениальных людей, не только в России, но и в целой Европе. “Я с моей стороны, — сказал Данилевский, — в эту минуту знаю из всех современников только трех великих гениев”. — “Кто же они?” — спросил Чернышев. — “Талейран (он тогда еще был жив), Меттерних и Чернышев”. И это сказано было даже не наедине, а при десяти человеках, смотревших на их партию!» (*Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. С. 439).

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 5. 1842 г. Л. 343 об.

¹⁶ Корф М.А. Дневник. Год 1843-й. М., 2004. С. 414—415. Наибольший интерес представляет, по мнению Корфа, та часть труда Данилевского, «которую составляют разговоры с Чернышевым Наполеона, Бернадота и некоторых других иностранных знаменитостей. В остальном — множество великолепных возгласов и хвалебных гимнов самого автора, покрывающие иногда видимую маловажность деяний, которые ...занимают менее всего места».

¹⁷ ГА РФ. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 5. 1842. Л. 195—195 об.

¹⁸ Корф М.А. Дневник. Год 1843-й. С. 241.

¹⁹ Запись сделана по поводу смерти Толстого в сентябре 1844 г. (*Корф М.А.* Барон Модест Корф. Записки. М., 2003. С. 264—265).

²⁰ Там же. С. 548—549.

²¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 5. 1842 г. Л. 102—103.

²² Там же. Л. 104.

²³ Там же. Ч. 8. 1845 г. Л. 105.

²⁴ Там же. Л. 104—105 (запись 4 февраля 1845 г.).

²⁵ Русская старина. 1891. № 3. С. 584.

²⁶ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы 1826—1856 гг. М., 1990. С. 302—303.

Мирные и военные будни почтового атласа

Литература по истории Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. обширна, а каждый новый юбилей войны умножает это собрание. В настоящей статье речь пойдет об одном музейном предмете, который, хотя напрямую и не связан с документами войны 1812 года, может, благодаря некоторым обстоятельствам, о них напомнить.

14 июня 1941 г. в Главной инвентарной книге Исторического музея была сделана запись о приобретенном у москвича А.В. Левина предмете. Этим предметом, в переплете из коричневой кожи, был «Карманной почтовой Атлас всей Российской Империи, разделенной на губернии с показанием главных почтовых дорог. Сочинен, гравирован и печатан в 1808 году при собственном Его Императорского Величества Депо карт в Санкт-Петербурге». Заведующий отделом картографии ГИМ П.А. Незнамов оценил атлас как редкое издание, имеющее большое значение для экспозиционной работы¹. По сути Карманный почтовый атлас 1808 г. был первым изданием подобного рода.

В 1781 г. Почтовый департамент был передан в ведение Сената. К 1782 г. была осознана необходимость составления единой почтовой карты для всей страны, в результате чего был издан соответствующий указ. Работа по исполнению указа началась с копирования уже имевшихся почтовых карт и составления новых по отдельным губерниям.

В отделе картографии хранятся рукописные и гравированные почтовые карты конца XVIII — начала XIX в. Владимирской, Орловской, Московской губерний. Рабочий вариант рукописной карты Владимирской губернии был создан в 1797—1802 гг. В содержании этой карты трудно разобраться, так как одновременно с нанесением разных типов почтовых дорог на карте оставлены многие населенные пункты, не связанные с почтовыми трактами. Это можно объяснить тем, что основой для нового вида карт были рукописные крупномасштабные карты Генерального межевания. Почтовая карта той же губернии 1809 г. принимает свой традиционный вид: дополнением к ней становятся Перечни почтовых станций и таблицы расстояний. В 1795 г. при Московском Почтамте была составлена «Карта Почтовая Российская». Немецкое переиздание этой карты, сделанное в Нюрнберге в 1812 г., можно увидеть в экспозиции Музея войны 1812 года.

Почтовые карты губерний использовались при составлении первого почтового Атласа Российской империи.

В 1808 г. на русском и отдельно на французском языках была издана «Генеральная карта части России, разделенная на губернии и уезды с показанием главных почтовых дорог и пограничных таможен». Важно, что эта карта и почтовый атлас были «составлены, гравированы и печатаны при Собственном Е.И.В. Депо карт», в новом учреждении, сыгравшем важнейшую роль в становлении и развитии российской военно-топографической службы.

Несмотря на определенные успехи в деле составления карт и атласов в екатерининскую эпоху, ощущалась нехватка крупномасштабных карт, особенно для военных целей, хотя потребность в них была необычайно велика. Павел I уделял большое внимание организации обеспечения войск картографическими материалами. По его указу

были сделаны копии с уже существовавших карт, составлялись новые карты и весь этот материал пересылался в Е.И.В. Чертежную, в 1797 г. преобразованную в Собственное Е.И.В. Депо Карт. Все карты Генерального штаба были переданы туда же. Главной задачей нового учреждения было составление, печатание и хранение картографических произведений. Директором Депо карт был назначен профессиональный военный инженер и картограф К.И. Опперман. Депо было тесно связано с Е.И.В. Свитой по Квартирмейстерской части, офицеры которой занимались топографическими съемками. Главная цель Депо состояла в обеспечении армии картами, созданными на новой инструментальной основе. Одно из самых известных изданий Депо карт — так называемая «Столистная карта Оппермана» широко использовалась в войне 1812 г.

В статье А.А. Литвина «Собственное Его Императорского Величества Депо карт и развитие отечественной картографии в 1797—1812 гг.»² приводится интересный документ — «Ведомость гравировальным доскам, хранящимся при Собственном Е.И.В. Депо карт», в котором доски поделены на секретные и несекретные. Первый Карманный почтовый атлас Российской империи 1808 г. отпечатан с 38 несекретных гравировальных досок. Издание такого гражданского атласа в военном учреждении неслучайно, так как почтовые дороги рассматривались в одном ряду со стратегическими.

Атлас содержит 37 листов в разворот гравированных карт 54 губерний и областей Российской империи и генеральную карту страны. Основным содержанием карт стали главные почтовые дороги и станции с указанием расстояния между ними, а также пограничные станции смежных губерний. Показаны границы государственные, губернские, уездные, а также губернские и уездные города. Дополнением к картам являются перечень «Губернии и области, по алфавиту расположенные» и списки почтовых станций Иркутской, Тобольской и Томской губерний с расстояниями между ними. Особый интерес представляет карта № 32 — «Финляндия присоединенная», отразившая ситуацию русско-шведской войны 1808—1809 гг. На карте часть Финляндии показана в границах Российской империи, что должно было бы изменить датировку атласа с 1808 г. на год заключения мира — 1809. Однако датировку именно 1808 годом следует признать верной: на той же карте Аландские острова еще не включены в состав России, а границы напоминают о том, что еще до заключения мира Финляндия присягнула российскому императору.

Атлас переиздавался в 1820 г. и в 1829 г. с изменениями и дополнениями. Карты, в том числе и почтовые, издавались в Депо карт и в период военных действий. Кроме того, Депо осуществляло цензорские функции.

Экземпляр Почтового атласа из Исторического музея имеет более чем двухвековую историю, по которой можно частично проследить и некоторых его владельцев. Среди них есть безымянный, оставивший на красном воске оттиск своей перстневой печати с инициалом «К» под дворянской короной на прямоугольном щитке со срезанными углами. Трех других, благодаря их автографам на атласе, мы можем назвать. Первый — Н. Смирнов, сделавший надпись на титульном листе 29 октября 1885 г. Второй — некто Дубинский, оставивший недатированную надпись «Собственность Дубинского» на обороте последней карты.

Наибольшего внимания заслуживает личность третьего владельца атласа. Он оставил в атласе две одинаковые надписи следующего содержания: «Сия книга принадлежит Севского пехотного полка батальонному писарю Ершову 1812 года февраля 7го дня». На первый взгляд, надпись довольно информативна — содержит дату, фамилию (но не редкую и без инициалов), должность и место службы владельца.

Принадлежность атласа батальонному писарю не случайна, в его обязанности входило написание и копирование различных бумаг, приказов, составление подорожных и многое другое. Почтовый атлас служил ему справочным пособием. То, что надпись повторена дважды и, видимо, в один день, позволяет предположить, что атлас был собственностью Ершова, а не казенным имуществом, и появился у него именно 7 февраля 1812 г. Дата надписи говорит сама за себя: до начала войны оставалось чуть больше четырех месяцев. Запись в инвентаре музея о приобретении атласа была сделана 14 июня 1941 г., т.е. за 9 дней до начала Великой Отечественной войны.

Место службы писаря Ершова — один из 4-х батальонов Севского пехотного полка. Должность батальонного писаря довольно скромная и отыскать Ершова в военных документах представлялось делом почти безнадежным. А вот название полка дает нам возможность хотя бы прикоснуться к моментам его истории, связанным с Отечественной войной 1812 года.

Полк был сформирован в 1713 г. Назывался пехотным, затем мушкетерским. С 22 февраля 1812 г. — Севский пехотный полк. Шефом полка (не при полку) с 4 октября 1797 г. по 30 октября 1812 г. был генерал-лейтенант Н.А. Тучков 1-й и некоторое время полк назывался в его честь Тучковским³. Командиром полка 2 февраля 1810 г. был назначен полковник Ф.А. Луков — личность замечательная. Единственный из генералов 1812 года происходивший «из солдатских детей города Москвы», он в 1775 г. в возрасте 14 лет поступил солдатом в Севский пехотный полк. Был писарем, фурьером, аудитором. В войну 1812 года Ф.А. Луков вступил уже полковником⁴.

Во время Отечественной войны 1812 года Севский пехотный полк двумя действующими батальонами входил в 5-ю пехотную дивизию 1-го отдельного корпуса генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна 1-й Западной армии М.Б. Барклая де Толли⁵. Главной задачей корпуса Витгенштейна была защита северо-западного направления и Санкт-Петербурга. Одним из первых столкновений с противником было сражение под селом Клястицы Полоцкого уезда Витебской губернии с 18 по 20 июля 1812 г. Французы имели 10 тыс. человек и 20 орудий, в корпусе П.Х. Витгенштейна находилось 15 тыс. человек и свыше 80 орудий⁶.

Сражение при Клястицах включило в себя также бой у деревни Головщина в 3 км к югу от Клястиц, а также схватку у деревни Боярщина, южнее Головщины. Сражение под Клястицами было выиграно русскими войсками, хотя и с большими потерями. В боях при Клястицах, дер. Боярщине и дер. Головщине российские войска потеряли 1 195 человек убитыми, 2 502 человека ранеными и 504 человека без вести пропавшими. Командир корпуса П.Х. Витгенштейн получил пулевое ранение в голову, но остался в строю. Севский полк потерял 220 человек убитыми, около 400 человек были ранены. Для сравнения, в мирное время численность полка не превышала 2 тыс. человек. Картечью в ногу был ранен командир Севского полка полковник Ф.А. Луков.

Победа под Клястицами произвела сильное впечатление, в первую очередь, на двор и общество. В начале войны существовали опасения, что наполеоновские войска могут прорваться к Санкт-Петербургу. После выигранного сражения П.Х. Витгенштейн стал очень популярен. В собрании ГИМ хранится его миниатюрный портрет, сделанный предположительно в 1814 г. художником Балло с надписью по овалу: «Он был охранитель Петрополя».

В атласе село Клястицы можно найти на общей карте Гродненской и Витебской губерний, в 18 верстах от Полоцка.

Севский полк принимал также участие в двух сражениях 5—6 августа и 5—6 октября 1812 г. при Полоцке, еще 14 июля захваченном наполеоновскими войсками. Первое сражение сложилось не слишком удачно для российских войск, но второе завершилось победой. Потери Севского полка в этих сражениях составили 250 человек. В дальнейшем полк участвовал в сражениях при Чашниках и Смольянах, а также в боях в окрестностях реки Березины при бегстве армии Наполеона из России. Под Смольянами исход боя в пользу русских был обеспечен действиями именно Севского полка. Полк принимал участие и в Заграничных походах 1813—1814 гг.⁷

Согласно Высочайшему приказу от 13 апреля 1813 г. Севскому пехотному полку как «особо ознаменовавшему себя среди совокупных поражений неприятеля» были пожалованы Георгиевские знамена с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.» образца 1807 г. По приказу от 3 мая 1814 г. воины полка получили знаки на кивера с надписью «За отличие»⁸.

Портреты генерал-фельдмаршала графа П.Х. Витгенштейна и генерал-майора Ф.А. Лукова, погибшего при Дрездене в 1813 г., находятся в Военной галерее Зимнего дворца в Петербурге.

А что можно сказать о батальонном писаре Севского полка Ершове, кроме той информации, которая содержится в надписи на Карманном почтовом атласе Российской империи?

В Военно-историческом архиве находятся месячные рапорты («Ведомости») командиров Севского полка Инспекторскому департаменту Военного министерства о состоянии личного состава за 1812 г., 1813 г. и 1815 г. (ведомость за 1814 г. в архиве отсутствует)⁹. Согласно этим ведомостям, в течение 1812 г. батальонный писарь Ершов не находился в госпиталях по болезни или ранению и не состоял ни в какой другой отлучке.

В «Ведомостях Севского пехотного полка двух действующих батальонов о состоящих в госпиталях и отлучках воинских чинов» за 1813 г. на 1 августа, 1 сентября, 1 октября, 1 ноября и 1 декабря батальонный писарь Григорий Ершов значится отсутствующим «за болезнью в госпитале, а в каком именно неизвестно»¹⁰. Рапорт командира полка полковника Данилевского за март 1815 г. дает следующую информацию: «Марта 23 дня причислены: (имеется в виду к полку — *Е.М., Н.Н.*) по-прежнему прибывший к полку из выключенных по нахождению в дальних госпиталях батальонный писарь на ваканцию (вакансию — *Е.М., Н.Н.*) тем же чином Григорий Иванов сын Ершов»¹¹.

Итак, об одном из владельцев атласа известно:

1. Писарь Ершов служил не в запасном или резервном батальонах, а в одном из двух действующих батальонов, так как сведения о нем находятся в Ведомости о действующих частях.

2. Его имя и отчество — Григорий Иванович.

3. Чин его остался неизвестен.

4. С июля по ноябрь 1813 г., а, скорее всего, и дольше, Г.И. Ершов находился в дальних госпиталях, так как сведения о нем за 1814 г. пока не найдены. В Ведомости за март 1815 г. он проходит как выключенный из списков личного состава «по нахождению в дальних госпиталях». Очевидно, такие случаи были нередки, так как в рапортах встречается устойчивая фраза о чинах, отправленных в госпитали «для излечения ран в разных российских госпиталях, а где именно — по неполучению сведений — полку неизвестно».

5. До попадания в госпиталь Г.И. Ершов был участником Заграничных походов русской армии.

После лечения Ершов вернулся из «дальних госпиталей» в родной полк на вакансию писаря в прежнем чине. Скорее всего, он имел унтер-офицерский чин, так как был не только грамотен, но и умел читать карты и часто открывал свой атлас.

Если посмотреть на страницы «сей книги», как назвал свой атлас Ершов во владельческой надписи, то видно, что ею часто пользовались, но весьма избирательно: одни страницы практически чистые, другие несут на себе следы использования. По общей загрязненности листа, по восполненным утратам на углах и краях листа и по залеченным надрывам видно, что чаще всего Григорий Иванович Ершов открывал свой атлас на странице с картой трех губерний: Московской, Смоленской и Калужской — территории важнейших боев Отечественной войны 1812 года. Севский полк не принимал участия в боях на этих территориях. Ясно, что Г.И. Ершов внимательно следил за ходом боев на этом направлении. Чуть в лучшей сохранности, но с большим заломом и со следами от рук, находится Карта Гродненской и Витебской губерний — территории военных действий Севского полка.

Без большого преувеличения можно считать атлас батальонного писаря Ершова свидетелем событий Отечественной войны 1812 года, и даже ее участником.

Экспозиционная ценность первого Карманного атласа Российской империи 1808 г. несомненна. Он может быть использован в качестве экспоната при раскрытии тем: история Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813—1815 гг.; история почтовой связи; история развития военной картографии; владельческие записи и дополнения как исторический источник и музейный экспонат.

Автографы владельцев Карманного почтового атласа 1808 г. дают возможность проследить как историю бытования самого предмета, так и определенные этапы жизни его владельцев. В ходе настоящего исследования удалось раскрыть полное имя писаря одного из действующих батальонов Севского полка Ершова и проследить короткий, но важный период его участия в войне 1812 года, тем самым пополнив поименный список рядовых участников знаменательных событий.

Возможности для новых поисков и открытий еще остаются, в частности, это касается других владельцев атласа — Дубинского, Н. Смирнова и А.В. Левина. Стоит надеяться, что Почтовый атлас батальонного писаря Г.И. Ершова в будущем найдет свое место в залах открывшегося Музея Отечественной войны 1812 года.

Примечания

¹ НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 367. Л. 76.

² Литвин А.А. Собственное Его Императорского Величества Депо карт и развитие отечественной картографии в 1797—1812 гг. // Федеральная Архивная служба России. Российский государственный Военно-исторический архив. Выпуск 2: Архивные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-ученого архива. УРСС. Москва, 1998. С. 43.

³ Хроника Российской Императорской армии. Часть 4. СПб., 1852. С. 381.

⁴ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 429.

⁵ Там же. С. 646.

⁶ Там же. С. 346.

⁷ Там же. С. 646.

⁸ Хроника Российской Императорской армии. Часть 4. С. 387.

⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 825, 827.

¹⁰ Там же. Д. 826. Л. 467 об, 529, 633, 687 об, 754.

¹¹ Там же. Д. 827. Л. 70 об.

Материалы о деятельности «Сословия призрения разоренным от неприятеля» как исторический источник

В преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года появляются новые исследования, посвященные различным аспектам, связанным с участием России в наполеоновских войнах. Например, началась разработка проблемы государственных затрат на военные нужды в 1812 г. В работах Н.Н. Трошина¹ и Г.В. Носовой² показано, что военный бюджет покрывал лишь половину военных расходов государства. Закономерно возникает вопрос: где были взяты недостающие средства? Ответ на него отчасти содержится в трудах В.А. Бессонова, В.П. Тотфалушина, С.В. Белоусова и других авторов, посвященных сбору пожертвований для армии³, а также помощи мирным жителям, разоренным войной⁴. Последним помогали и государство, и частные благотворительные фонды.

Тема помощи беженцам представляет собой одно из «белых пятен» в историографии Отечественной войны 1812 года. Даже в новейших энциклопедиях «Отечественная война 1812 года»⁵ и «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813—1814 годов»⁶ нет отдельных статей, посвященных сбору пожертвований или деятельности благотворительных организаций в период наполеоновских войн.

В данной статье речь пойдет о комплексе документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде № 1309. Документы освещают деятельность благотворительной организации, называвшейся «Сословие призрения разоренным от неприятеля» (далее — «Сословие»). Задача статьи состоит в том, чтобы проанализировать информативность этого источника, выяснить, в решении каких исследовательских проблем могут быть использованы материалы этого фонда.

Единственной работой, где рассмотрена деятельность «Сословия», является монография А.Р. Соколова «Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв.)»⁷. В этой книге дана подробная характеристика структуры данной организации, показано ее место в системе благотворительных учреждений Российской империи, а также проанализирована ее деятельность на примере Смоленской губернии.

«Сословие» по оказанию помощи пострадавшим от войны 1812 года было учреждено в ноябре 1812 г. В именном указе императора от 19 ноября 1812 г. говорилось: «Учредившемуся с дозволения нашего в Санкт-Петербурге для собирания добровольных подаяний обществу под названием: Сословие призрения разоренных от неприятеля, повелеваем сноситься с губернаторами и Министерством полиции для доставления сему сословию нужных сведений и способов к удобнейшему подаванию помощи потерпевшим и разоренным от неприятельского нашествия людям, позволяя оному как учреждение свое, так равно приходы и расходы свои, к общему всех сведению обнародовать и печатать»⁸. Надо отметить, что это была не первая общественная благотворительная организация, возникшая в 1812 г. Так, например, в

Санкт-Петербурге еще 12 ноября 1812 г. было образовано «Общество патриотических дам», позднее переименованное в «Санкт-Петербургское женское патриотическое общество»⁹.

«Сословие» было добровольным обществом, во главе которого стояли пять попечителей: Н.Н. Головин, В.П. Кочубей, Н.А. Толстой, А.С. Шишков и А.Н. Голицын. Его деятельность заключалась в приеме денежных средств, рассмотрении прошений и выдаче по ним пособий¹⁰. Пособия выдавались жителям Москвы, Риги, Московской, Смоленской, Витебской, Могилевской, Калужской, Гродненской, Минской, Курляндской и Виленской губерний¹¹.

Используя материалы фонда, можно выяснить, в каком объеме и в какие сроки назначались пособия. Так, например, 12 января 1813 г. Смоленский губернатор барон К.И. Аш направил «Сословию» первые несколько прошений проживавших в г. Ельне: «жены титулярного советника Квятковского, вдовы прапорщика Марии Кудрявцевой и вдовы коллежского асессора Александры Цвилленевой, титулярного советника Сонцова дочерей девиц Александры и Марии и сверх того живущей в тамошнем уезде вдовы поручика Софьи Повало-Швыйковской»¹². Приведенные во всех прошении данные об убытках и потерях засвидетельствованы городничим, предводителем дворянства и другими лицами. Уже 8 февраля Кочубей сообщил Ашу о назначенных по этим прошением суммам. А 22 февраля губернский предводитель дворянства Лесли получил эти суммы и в тот же день отправил их просителям.

Проситель	Засвидетельствованные бытки (руб.)	Сумма пособия (руб.)
Вдова поручика Повало-Швыйковская	2 000	1 500
Титулярная советница Квятковская	700	300
Девицы Сонцовой	600	300
Вдова прапорщика Мария Кудрявцева с сестрой	700	300
Коллежская советница Агафья Шарапова	2 000	1 000
Унтер-офицерская жена Штраубе	759	300
Вдова прапорщика Бердяева	15 000	5 000
Надворная советница Горемыкина	4 734	2 000
Поручица Екатерина Глинкина	6 000	3 000
Содержательница пансиона Мария Реймингова	2 560	1 500
Надворный советник П.Д. Воеводский, предводитель дворянства Смоленского уезда	Не указаны, разорено имение в 154 души	5 000
Титулярная советница Логинова	Не указаны, разорено имение в 49 душ	1 500
Действительный статский советник Яфимович	32 250	3 000

Таким образом, как показывает таблица, составленная по материалам рассматриваемого фонда РГИА, пособия назначались, как правило, меньше суммы подтвержденных убытков¹³.

В качестве примера приведу любопытное прошение помещика Смоленской губернии Вяземского уезда поручика Дмитрия Петровича Ловеико:

«Служивший до прошедшего месяца в Смоленском ополчении, претерпевший изнурительный плен по взятии Москвы, с опасностью освободившийся и преследовавший неприятеля, разоренный в конец от оного прибегает к благотворению сего почтеннейшего Сословия.

Во время приближения неприятеля из Смоленской губернии находился я по выбору дворянства в службе Смоленского ополчения сперва пятисотенным, а после многих перестрелок сделался начальником всего оного Смоленского ополчения. 24, 25 и 26 августа был в действительном сражении (Бородино. — *Е.Н.*), где в правую руку ранен; и 2-го сентября при вступлении неприятеля в Москву оставлен был от начальства по условию с неприятелем, который, нарушив данное слово, удерживал меня с прочими в плену;... будучи в Грановитую палату к императору Наполеону приведен и уговариван из присяги, и за несоглашение содержан в жестокой неволе¹⁴, изнуряем голодом и по отобрании не только денег 1 450 руб., но платья с меня и обуви отправлен со многими другими при военной команде в Данциг, но по тракту, случаем воспользуясь, убежал я с другими в город Сычевин, где, являсь к чиновнику туда в виде начальника присланного и, несмотря на изнеможение, был я употреблен на службу в должности полицмейстера или начальника над кордонами всего уезда. Имея в команде своей семь офицеров, переловил до пятисот французов. Таковым течением обстоятельств с самого начала удаленный от своих деревень, не имел способу из своего имущества что-либо спасти, лишась даже и того, что было со мною в походе. За мною состоит семьдесят пять душ в уездах: Вяземском, сельцо Дулово — 53, в Дорогобужском, деревня Осипово — 22 души, прилегают к большим дорогам, по которым неприятель, проходя, разорил и не только во всех домах моих имущество. Лошади и всякий хлеб расхищены собственные, но и крестьян моих разграблено. Но их по сему несчастию должен кормить и снабжать на обзаведение их всем нужным. Средств же к тому никаких не имею. Поскольку и сие единственное мое имение состоит в залоге Московского опекунского совета, по нему ныне и проценты заплатить не в состоянии. Разорение ж, причиненное мне в помянутых селениях, простирается на 27 500 рублей. Из сыновей моих один служит в свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, другой — в медицинском столе. И три дочери, все они требуют родительского пособия.

Передавая себя и семейство мое с женой, детьми высокопочтенному сословию в покровительство, всенижайшее милостиво пособия прошу к поддержанию оного и крестьян моих во всем нуждающихся; дабы удобно можно было выйти из бедности, в которую неприятелем повергнут»¹⁵.

Выяснить, в каком объеме была оказана помощь помещику Д.П. Ловейко, не удалось. В архивных документах сохранились только свидетельства об итоговой цифре по Смоленской губернии — 282 850 рублей на 167 просителей за май 1813 г.¹⁶ В то же время, из текста прошения можно почерпнуть информацию о хозяйстве помещика, о состоянии его усадьбы после Отечественной войны 1812 года, а также биографические материалы.

Приведу выборку просителей за май 1813 г. (в скобках указано число крепостных крестьян): начальник Духовского уездного ополчения полковник А.П. Лебедев (50), полковник Н.Ф. Зенкович (55), коллежский советник Н.Ф. Храповицкий (37), подполковник А.Н. Куроп (40), подполковник П.В. Веселовский (100), подполковница М.О. Полуэктова (50), штаб-лекарь К. Краузе (100), майор Н.А. Дунин (86), титуляр-

ный советник П.Я. Короляковский (136), капитан П.И. Амболевский (19), штабс-капитан С.М. Ганецкий (31), коллежская асессорша А.А. Каверзнева (41), капитанша П.И. Бедрицкая (59), вдова титулярного советника А.М. Седлицкая (45), поручик С.И. Краснопольский (38), подпоручик А.Л. Ловенецкий (55) и т.д.¹⁷ Все они являются представителями мелкопоместного служилого дворянства. Владельцев крупных имений здесь нет, да и средних (свыше 100 душ) очень мало.

«Сословие» назначало пособия только тем просителям, кто не получил помощи от казны (о чем необходимо было приложить справку). Сообщаемые в прошениях сведения о потерянном имуществе также должны были быть подтверждены свидетельствами городничего и предводителя дворянства. Прощения и другие документы направлялись через гражданских губернаторов, а назначенные пособия рассылались через выбранных «Сословием» доверенных представителей.

Списки имений, пострадавших в Отечественную войну 1812 года, составляли уездные суды. Сохранились они очень фрагментарно. Так, если список, составленный Можайским уездным судом, сохранился в Центральном историческом архиве Москвы, то в Государственном архиве Калужской области материалов о деятельности земских судов за 1812—1814 гг. нет. В данном случае только материалы из фонда «Сословия» могут помочь восстановить картину разорения Калужской губернии.

Указом Александра I от 31 августа 1817 г. «Сословие», выполнившее свою основную задачу, было закрыто: «Его Императорское Величество, рассмотрев принесенный от попечителей Сословия признания разоренных от неприятеля отчет о суммах, от разных благотворителей с ноября прошлого 1812 года поступивших, и на пособие претерпевших обращенных, всего до 6 364 627 рублей и, уважая представление попечителей Сословия, что к поступлению значительных сумм, по истечении 5 лет не предвидится надежды, Высочайше повелеть соизволил закрыть оное, а дела его как решенные, так и не решенные передать в Государственный архив для хранения»¹⁸. Прощения об оказании помощи продолжали поступать и после закрытия «Сословия», но теперь уже непосредственно на имя императора.

Таким образом, материалы о деятельности «Сословия» являются интересным и многоплановым источником. Они могут быть использованы в работе над историей дворянских усадеб, как источник по вопросам благотворительности. Документы содержат массу любопытной информации о нанесенном во время французского нашествия ущербе как целым губерниям, так и отдельным усадьбам, а также о восстановлении последних после войны. Они могут быть использованы при изучении проблем военного плена, а также для уточнения биографий участников Отечественной войны 1812 года.

Примечания

¹ Трошин Н.Н. Аракчеев и русские финансы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 100—113; *Он же*. Континентальная блокада и Россия (к вопросу об экономических причинах Отечественной войны 1812 года) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVI Международной научной конференции, 6—7 сентября 2010 г. Можайск, 2011. С. 278—297 и др.

² Носова Г.В. Особенности финансирования зарубежных походов российской армии в 1813 году // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы X Международной научной конференции. М., 2007. С. 180—198; *Она же*. Некоторые аспекты финансовой политики России в

- 1812—1815 гг. // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы IX Международной научной конференции. М., 2006. С. 95—109.
- ³ *Бессонов В.А., Штена А.В.* Механизм сбора пожертвований и эффективность их использования накануне и в период Отечественной войны 1812 года (на примере Калужской губернии) // Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2009. С. 21—40; *Они же.* Благотворительная помощь населения действующей армии в период Отечественной войны 1812 года (на примере Калужской губернии) // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы Международной научной конференции. М., 2009. С. 3—26; *Носова Г.В.* К вопросу о пожертвованиях в Отечественную войну 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 287—307.
- ⁴ *Тотфалушин В.П.* Новое об участии Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 75—77; *Он же.* Общественное призрение в эпоху 1812 года (по материалам Саратовской губернии) // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы XI Международной научной конференции. М., 2008. С. 156—162; *Белоусов С.В.* Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007; *Штена А.В.* Государственная поддержка жителей, разоренных войной 1812 года (на примере Смоленской и Калужской губерний) // Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2008. С. 71—85.
- ⁵ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.
- ⁶ Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813—1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. М., 2012.
- ⁷ *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв.). СПб., 2006.
- ⁸ ПСЗ-И. Т. 32. № 25269.
- ⁹ *Носова Г.В.* К вопросу о пожертвованиях в Отечественную войну 1812 года... С. 298.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 119, 135, 136, 137 и др.
- ¹¹ См., например: РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 96. (Дело о выдаче пособий разным лицам по Калужской, Могилевской и Гродненской губерниям за 1813 г.)
- ¹² РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.
- ¹³ Там же. Д. 42, 49.
- ¹⁴ Информация о беседе с Наполеоном в мемуарах подтверждения не нашла.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 102. Л. 210—211.
- ¹⁶ Там же. Д. 49. Л. 40—41.
- ¹⁷ Цит. по: *Соколов А.Р.* Указ. соч. С. 291.
- ¹⁸ ПСЗ-И. Т. 34. № 25269.

«Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года»: к вопросу об авторстве источника

Текст, напечатанный в 1900 г. в журнале «Русский архив» под заглавием «Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года»¹, долгое время не привлекал внимания исследователей, несмотря на то, что поденных записей того периода сохранились единицы. Как часто бывает в подобных случаях, первыми к источнику обратились краеведы. С их подачи авторство «дневников» было приписано герою Отечественной войны генерал-лейтенанту Никанору Михайловичу Свечину.

У меня сначала также не было сомнения в том, что Никанор Михайлович (бывший участником Заграничного похода 1813 г.) мог являться автором этих занимательных описаний². Однако проведенный анализ содержания «дневников» полностью опроверг эту версию.

Небольшой по объему источник был опубликован «с некоторыми сокращениями»³, вследствие чего, вероятно, и возникла проблема авторства. Редактор «Русского архива» П.И. Бартнев оставил нам лишь скупое описание подлинника: «Записки эти принадлежат, как видно из одного места, некоему Свечину, помещику Тверской губернии, Ново-Торжского уезда. Они написаны в тетради размера малой четверки, в темном кожаном переплете с клапаном, как у бумажника, и представляют собою дорожный дневник (здесь и далее в цитатах курсив мой — А.К.)»⁴. Поскольку фрагмент «дневников», из которого редактор журнала сделал заключение, что они принадлежат «некоему Свечину, помещику Тверской губернии», не был включен в публикацию, версию о том, что их автором является Н.М. Свечин, нельзя было рассматривать как окончательную.

Итак, из примечания следует, что автор (некий Свечин) — владелец земли и (или) крестьян в Новоторжском уезде Тверской губернии. Однако это утверждение еще не означает, что он был записан в дворянство Тверской губернии. Но даже если и был записан, то в какой период? Логично предположить, что если в самих записках упоминается, что автор — новоторжский помещик, то эта характеристика относится, скорее всего, ко времени их написания. Но упомянутая редактором тетрадь могла содержать кроме «дневников» и другие (например, более поздние) записи. Если основываться лишь на характеристике, данной редактором, то Никанор Свечин — герой войны и помещик Новоторжского уезда — вполне подходит под описание. Однако в таком случае упоминаемые в «дневниках» передвижения автора не должны противоречить записям в формулярном списке Никанора Михайловича.

О служебном положении автора записок можно с уверенностью сказать только то, что он — офицер. Об этом свидетельствуют фразы: «Нас было шесть офицеров, приехавших сюда в город»⁵; «для всех же офицеров одна только квартира. Только полковой командир имел особую... Здесь на квартире мне удалось увидеть настоящий Садом и Гомор»⁶. Последнее замечание говорит о том, что звание автора было ниже

командира полка. Каков мог быть чин командира полка, сказать трудно, так как это напрямую зависело от кадровой ситуации в армии в тот период. Никанор Михайлович еще в январе 1810 г. был произведен в чин полковника и назначен командиром 2-го батальона Преображенского полка⁷, с которым прошел всю Отечественную войну и участвовал в освобождении Европы.

Чтобы дополнить перечисленные выше факты, характеризующие автора «дневников», нужно проанализировать маршрут, по которому он следовал. Описание своего «путешествия» мемуарист начинает с прибытия в Полоцк в конце ноября — первых числах декабря 1812 г.⁸ Туда он прибыл, не выполнив некое поручение (служебного или личного характера). 11 декабря автор приехал в Вильно, где пробыл до 20-х чисел января 1813 г., когда выступил с командой «для препровождения» к корпусу П.Х. Витгенштейна. Вместе с командой Свечин проследовал через Ковно и Инстербург к Кенигсбергу, где по прибытии 18 февраля 1813 г. сдал команду коменданту подполковнику Беллинсгаузену. 21 февраля опять же с командой выступил из Кенигсберга, но вскоре, «соскучившись идти столь медленно»⁹, отклонился от намеченного маршрута и позволил себе совершить экскурсии по достопримечательностям Франкфурта, Фогельсдорфа, Берлина и Потсдама. 30 марта Свечин вместе с командой прибыл в Дессау, где и нашел корпус Витгенштейна. Узнав, что «полк расположен в трех милях отсюда, решился тотчас туда ехать».

Как видно из текста, автор направился к местечку Кемберг, где находился на отдыхе отряд генерал-майора К.Ф. Казачковского после очередного приступа крепости Виттенберг. «Я явился к новому своему начальнику», — пишет далее Свечин. Так как под Виттенбергом, по словам самого автора «дневников», сосредоточились лишь два полка — пехотные Севский и Калужский (а кроме них сводный батальон 5-й дивизии и два эскадрона гродненских гусар), то следует предположить, что Свечин следовал на новое место службы в один из этих полков. Вероятнее всего, имелся в виду Калужский пехотный полк, потому как автор после замечания, что «Севский полк стал в позицию, а Калужский расположился по квартирам»¹⁰ описывает трудности расположения на квартирах.

В формулярном же списке Никанора Михайловича Свечина записано, что он вместе со своим батальоном участвовал в преследовании французских войск до Вильно и в первых числах января вместе с остальной гвардией перешел Неман. Автор дневника, как уже сказано выше, пробыл в Вильно до 20-х чисел января из-за болезни. Следовательно, Никанор Михайлович не может быть автором этих записей. Мемуариста необходимо искать по выявленным характеристикам: фамилия Свечин, офицерский чин условно не выше полковника, назначение с 1813 г. в Калужский пехотный полк, владение землей и (или) крестьянами в Новоторжском уезде.

В списке офицеров Калужского пехотного полка на февраль 1813 г. значатся два Свечиных. Первый из них — майор Михаил Петрович — записан как находящийся в плену у французов с 6 августа 1812 г.¹¹ Второй — прапорщик Свечин (без указания имени) — значится переведенным из Кексгольмского пехотного полка и временно отсутствующим «для отвода больных в г. Себеж»¹². Таким образом, оба Свечина на момент составления списка (февраль 1813 г.) отсутствовали в полку, как и автор «дневников», который прибыл к месту службы в конце марта 1813 г. При этом Михаил Петрович в апреле 1813 г. был исключен из числа пропавших без вести¹³, т.е. присоединился к полку.

Автору «дневников» было дано некое поручение в Острове. Прапорщик Свечин также имел поручение в Псковской губернии. Попавший в плен и отбитый, вероятно, во время отступления французских войск, майор М.П. Свечин теоретически мог получить поручение по дороге к месту несения службы. Таким образом, оба служивших в Калужском пехотном полку Свечина могли бы «претендовать» на авторство. Однако, описывая прибытие к месту службы, мемуарист замечает: «Я явился к *новому* своему начальнику». Для прапорщика Свечина начальство Калужского полка действительно было «новым», так как он был переведен туда из Кексгольмского полка. Михаил Петрович Свечин получил чин майора 8 августа 1811 г.¹⁴, уже находясь на службе в Калужском полку. Командир полка с декабря 1811 г. оставался неизменным, на момент прибытия автора в полк им являлся подполковник Савинич. К тому же, Михаил Петрович не был землевладельцем Новоторжского уезда и Тверской губернии вообще, нет его и среди дворян, записанных в книгу губернии. Поэтому наиболее вероятным претендентом на «звание» автора этих путевых заметок является «прапорщик Свечин».

Попытка узнать имя «прапорщика Свечина» в фондах РГВИА не увенчалась успехом: документов полка за нужный период там не оказалось. Поэтому для уточнения личности автора необходимо было привлечь другие данные. В тексте заметок есть зацепки биографического характера. Так, например, автор говорит о том, что в январе 1813 г. во время своего пребывания в Вильно он встречался с Александром Николаевичем Львовым (сыном известного архитектора), которого, судя по тексту, знал до этой встречи: «Он причислен к Тульскому ополчению, а не ординарцем при г.м. (генерал-майоре — А.К.) Шевиче»¹⁵. Мемуарист мог знать его и как новоторжского помещика, и как представителя известного дворянского рода, с которым мог встречаться в столицах. Кроме того, эти два рода не единожды породнились.

Другая деталь биографии — упоминание о встрече автора с братом, имя которого не называется. Брат находился в «роте полковника Сазонова», располагавшейся в семи верстах от Вильно¹⁶. Из текста следует, что братья не встречались с апреля 1812 г. В период Отечественной войны существовало два пионерных полка, в каждом из которых была рота подполковника Сазонова, но только минерная рота Михаила Гавриловича Сазонова 2-го активно участвовала в сражениях. В списках офицеров этой роты и был обнаружен единственный на оба пионерных полка Свечин — Иван Васильевич.

Эта зацепка генеалогического характера позволила продолжить архивные изыскания. У Ивана Васильевича было два брата — старший Павел и младший Егор¹⁷. Их отец — Василий Карпович Свечин был наследником огромного имения в Новоторжском уезде, оставленного ему отцом Карпом Мироновичем. По материнской линии братья были связаны с родом Львовых: родным братом их матери был знаменитый архитектор Николай Александрович Львов, поэтому не удивительно, что все трое знали и довольно близко общались с упомянутым выше Александром Николаевичем Львовым — сыном архитектора. По свидетельству дочери Ивана Васильевича, писательницы Надежды Мердер, осиротевших братьев Свечиных воспитывали родственники матери — Львовы. К тому же, усадьба Свечиных Смердово располагалась в непосредственной близости от львовских усадеб в Никольском-Черенчицах и Арпачево.

Из формулярного списка Егора Васильевича Свечина следует, что военную службу он начал лишь в 1817 г. после того, как был выпущен из 2-го кадетского корпуса

в звании прапорщика¹⁸. Следовательно, он не подходит под характеристики автора «дневников». Из возможных кандидатов остается старший брат Ивана Васильевича — Павел, о котором нет почти никаких сведений, кроме того, что он умер на службе в 1824 г. или 1825 г. и не был женат¹⁹.

Согласно докладной записке великого князя Константина Павловича от 9 февраля 1812 г., портупей-прапорщик лейб-гренадерского полка Свечин был представлен в офицеры с определением в Кексгольмский пехотный полк «для совместной службы с родственниками»²⁰. Из приложенного краткого формулярного списка можно узнать имя и отчество представленного в новый чин — Павел Васильевич — и некоторые подробности его биографии. В январе 1808 г. он вступил в службу колонновожатым в свиту Его Величества, а 26 сентября 1810 г. был переведен портупей-прапорщиком в лейб-гренадерский полк. С 10 сентября 1809 г. по 24 июля 1810 г. находился при съемке местностей новоприобретенной Финляндии. Кроме того, в списке отмечено, что Свечин хорошо знал математику, немецкий и французский языки²¹.

Характеризуя личность автора записок, можно сказать, что он — человек любознательный, образованный, что проявилось даже в военное время. Заграничный поход для него — возможность увидеть Европу, достопримечательности, о которых он читал в книгах. Он интересуется архитектурой: описывает застройку городов, в которых располагался на квартирах, дворцы в Кенигсберге, Берлине, Потсдаме, Сан-Суси. Как видно из рассуждений Свечина, его интересует история, главным образом, военная. Описания дополняются историческими справками; особый интерес у Свечина вызывает все, связанное с Фридрихом Великим. Мемуарист обнаруживает прекрасную осведомленность о жизни «великого гения»²².

Сложно сказать, рассчитывал ли Свечин на то, что у его записок будут читатели. Отдельные фрагменты текста позволяют сделать противоположные выводы на этот счет. При этом, хотя почти все записи в дневнике — никому не адресованное повествование, в одном месте автор как бы обращается к читателю: «Имя русского сделалось именем защитника, спасителя Европы... *Я не буду говорить* об офицерах; *скажу только*, что в большом доме видите двух или трех наших солдат»²³. На этом основании можно предположить, что все описания и рассуждения автор предназначал родным или друзьям. Помышлял ли Свечин о публикации этих записей, точно сказать нельзя.

Другой фрагмент «дневников» свидетельствует о том, что если записи и предназначались читателю, то только из близкого автору круга: «Увидев офицера, я его останавливаю и получаю от него весьма лаконический ответ, что там впереди в местечке французы, ... рассуждать мне не было времени; *сделать визит французам побоялся*, потому и решился лучше воротиться»²⁴. Вряд ли офицер стал бы рассказывать о своей «ретираде» посторонним людям.

Как эти «дневники» могли попасть к издателю «Русского архива»? Если придерживаться точки зрения, что их автором является Павел Васильевич, то вполне вероятно, что рукопись в издательство передала его племянница — писательница Надежда Мердер, которая сотрудничала с редакциями «толстых журналов».

Таким образом, можно утверждать, что наиболее вероятным автором «дневников» — «безымянным» прапорщиком Калужского полка — является Павел Васильевич Свечин. Впрочем, поскольку записки были опубликованы «с некоторыми сокращениями», существует вероятность, что сделанные издателем упущения могли

повлиять на смысл тех фрагментов, которые послужили источником информации об авторе. Окончательно разрешить вопрос авторства, т.е. подтвердить или опровергнуть выдвинутую в данной статье версию, сможет обнаружение первоисточника.

Примечания

- ¹ Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года // Русский архив. 1900. № 7. С. 278—293.
- ² *Крылов А.П., Крылова А.А.* Усадьба Дубровка и ее знаменитый хозяин Н.М. Свечин. Тверь, 2006. С. 31—32.
- ³ Из дневников русского офицера... С. 278.
- ⁴ Там же. С. 278.
- ⁵ Там же. С. 283.
- ⁶ Там же. С. 292.
- ⁷ [*Михайловский-Данилевский А.И., Висковатов А.В.*] Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. Т. 4. СПб., 1846. С. 2.
- ⁸ Из дневников русского офицера... С. 278.
- ⁹ Там же. С. 284.
- ¹⁰ Там же. С. 292.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 339. Л. 13.
- ¹² Там же. Л. 18.
- ¹³ Там же. Ф. 395. Оп. 1/130. Д. 214. Л. 2 об.
- ¹⁴ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 338. Л. 6 об—7.
- ¹⁵ Из дневников русского офицера... С. 281. Ср.: *Львова А.П., Бочкарева И.А.* Род Львовых. Торжок, 2004. С. 64.
- ¹⁶ Из дневников русского офицера... С. 280.
- ¹⁷ Государственный архив Тверской области (Далее — ГАТО). Ф. 645. Оп. 1. Д. 3668. Л. 2.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 334. Л. 124 об.
- ¹⁹ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 3668. Л. 57 об.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153а. Д. 543. Л. 49. Автор выражает искреннюю благодарность заместителю начальника отдела Государственного архива Российской Федерации И.С. Тихонову за помощь в поиске данных архивных материалов.
- ²¹ Там же. Л. 50 об—51.
- ²² Из дневников русского офицера... С. 289.
- ²³ Там же. С. 286.
- ²⁴ Там же. С. 290—291.

Принципы построения экспозиции о войне (на примере Музея Отечественной войны 1812 года)

Построение любой экспозиции — это многосложный, многоэтапный процесс от замысла до открытия, а между ними — разработка концепции, подбор материалов, их реставрация, художественное представление, подготовка оборудования, крепления, освещения, звука, электроники, аннотаций, этикетаж, маршрута осмотра, путеводителя, аудиогuida, буклета, экскурсоводов, охраны, пропусков, билетов, справочных материалов, а также реклама, бренд, презентация и т.д. и т.п. Одним словом, уйма дел и забот для всех подразделений музея.

А окупит ли эти затраты работа экспозиции на публику? Чтобы это произошло, прежде, чем приступить к созданию экспозиции, необходимо тщательно продумать организацию работ не только в уме, но и на бумаге. Результатом этого коллективного труда должен стать график, согласованный и увязанный со всеми службами музея, ибо только тогда он будет выполним. Это должен быть не просто последовательно-линейный, а параллельно-целевой график, так как часть подготовительных работ может вестись параллельно.

Прежде всего разрабатывается концепция экспозиции. Составитель экспозиции, посвященной военным событиям, должен понимать, что война — это «социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия... Война обладает рядом признаков, отличающих ее от других социально-политических явлений и форм вооруженного насилия (военного конфликта, вооруженного восстания и др.). Война порождается прежде всего глубинными социально-политическими и социально-экономическими причинами, носящими объективно-субъективный характер; ее содержание соответствует военно-политическим и военно-стратегическим целям, достигаемым средствами вооруженного насилия; война ведет к качественно-му изменению состояния всех сфер общественной жизни: социальной, политической, экономической, духовной, так как происходит их кардинальная перестройка на военный лад. Главным орудием ведения войны являются вооруженные силы... В ходе социально-экономического и политического развития общества и военного дела на определенном историческом этапе появляются и другие виды борьбы в войне: экономический, научно-технический, дипломатический, идеологический и т.д. ... Война, как правило, приводит к крупным человеческим жертвам, утрате материальных и духовных ценностей, отрицательно сказывается на общественном прогрессе.

Глубинные причины войны заключаются в конфликтно-противоречивом характере способа производства и общественных отношений в целом, системе социального и национального угнетения, которые порождают вооруженное насилие одних государств, народов, наций, классов, социальных групп над другими. Поэтому история человеческой цивилизации в значительной мере выступает как история войн, с помощью которых общество пыталось разрешить острые экономические и политические противоречия. Одно-

---

временно с общими действуют и специфические причины войны, отражающие конкретную историческую эпоху, период общественного развития, содержание вызревающих общественных противоречий. Так, причинами Отечественной войны 1812 года явились неравномерность экономического развития Великобритании и Франции, обострение межгосударственных противоречий, борьба за передел колониальных владений и рынков. По родам войны делятся на справедливые и несправедливые. К справедливым до середины XX в. относились и войны народов в защиту своей страны от агрессии. В определенных условиях справедливые войны могут перерасти в несправедливые и наоборот. Так, войны, которые вела Франция в конце XVIII в., обороняясь от контрреволюционной коалиции монархических государств, с ее стороны были справедливыми. Однако после прихода к власти во Франции консервативного крыла буржуазии эти войны превратились в несправедливые, так как велись с целью захвата и ограбления других народов. Тип войны отражает характер отношений и противоречий, лежащих в основе вооруженного столкновения сторон. Существенно дополняет характеристику войн их классификация по видам. Она позволяет выделить и дать социально-политическую оценку каждой их воюющих сторон. В истории существует множество примеров “переплетения” различных типов, видов и родов войн. Поэтому для более полной характеристики их содержания наряду с социально-политическими существуют военно-технические основания для классификации по применяемым средствам вооруженной борьбы и военной техники; по видам и способам военных действий (позиционные и маневренные, оборонительные и наступательные) и др. Для классификации войн используются и количественно-масштабные основания: локальные и мировые; коалиционные и некоалиционные; продолжительные (затяжные) и быстротечные (кратковременные) и др. При классификации войн необходимо учитывать и конкретно-историческую эпоху, которая определяет их своеобразие и обуславливает главные особенности, поскольку содержание войны, способы ее ведения зависят от характера производства, уровня развития производительных сил, науки и техники, социально-политического строя, духовного состояния общества и др. ... Основными типами войн эпохи домонополистического капитализма были колониальные войны молодых буржуазных государств, в частности Англии и Франции; войны между буржуазными и феодальными государствами (наполеоновские войны); войны национально-освободительные с иноземными захватчиками, как Отечественная война 1812 года и др.»¹.

Только определив место и роль конкретной войны в процессе мировой истории на основе последних достижений исторической науки можно разработать объективную концепцию ее экспозиции. Даже энциклопедия «Отечественная война 1812 года», увидевшая свет в 2004 г., не дает научной характеристики этой войны, ограничившись публицистическим определением: «одно из центральных событий российской и европейской истории начала XIX в. — военные действия вооруженных сил Российской империи против вторгнувшейся на российскую территорию Великой армии императора Наполеона I»².

Но концепция экспозиции не должна повествовать о войне, т.е. ее принципах, поводах, ходе, следствии, ибо для этого есть учебники и труды историков. Концепция должна представить в доступной для понимания форме единый, определяющий замысел, ведущую мысль создаваемой экспозиции, способ и принципы ее построения, систему показа войны и того, что с ней связано. К сожалению, концепция зачастую начинается с классификации войны, ее причин, описания вооруженных сил воюющих сторон и других характеристик общего характера. И делается это не ради самой экспозиции, а в просветительских целях. В самой же концепции очень скромно излагаются принципы ее построения,

а организаторы всецело полагаются на профессионализм художника-экспозиционера. Этого не следует допускать, так как художник может оказаться не сведущим в военных вопросах, на уровне психологии отвергать войны, что приведет к чисто формальному художественному решению. Любому экспозиционеру неплохо бы помнить слова Л.Н. Толстого: «Война... противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые в этот период времени люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления... Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость»³.

Столь уничтожающая характеристика войны не может не влиять на построение экспозиции, вплоть до расстановки витрин. Когда начинается повествование о войне, даже витрины не могут строиться в строгую линию как войска на параде, ибо военные действия — это постоянное перемещение. Мне могут возразить: а как же линейная тактика? Да, это название берет начало от слова «линия», но где эта линия, к примеру, в построении войск на Бородинском поле? Батальонная колонна строилась к атаке ряд за рядом, но по фронту ширина ее была 8 или 16 человек. Линия войск — условная, фактически это была кривая, которая пульсировала в ходе сражения. Не призывая строить витрины по спирали, можно обратить внимание на тот факт, что предметы экспозиции, относящиеся непосредственно к войне (оружие, мундиры), требуют, как правило, кругового обзора и на этом можно сыграть. Таких примеров предостаточно. Не последнюю роль в построении военной экспозиции, по мнению психологов, играет и половая принадлежность создателей экспозиции.

Весьма опасно, если созданием экспозиции по истории русской армии эпохи 1812 года будет заниматься фанатичный атеист. Нельзя забывать, что для солдат русской армии XVIII и XIX вв. религия определяла многие стороны жизни. Не случайно А.В. Суворов в «Науке побеждать» писал: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От Него победа. Чудо богатыри! Бог нас водит, Он нам генерал»⁴. М.И. Кутузов после завершения Отечественной войны 1812 года сказал: «Если Россы всегда будут сражаться за веру своих прародителей и честь народную, то Слава будет вечным спутником, и горе злодею, покусившемуся на хранимую Богом Святую Русь»⁵.

Вера должна пронизывать всю экспозицию, ибо она не разлучалась с русским солдатом. П.И. Багратион, обращаясь к войскам своей армии, подчеркивал: «Мы же русские и единоверные, ... с упованием на всемогущего Бога потщусь не допустить [врага] распространить дерзость свою»⁶. А на траурной церемонии похорон М.Б. Баркляя де Толли возле его гроба находились два священника — протестантский пастор и православный батюшка. Это подчеркивало, что, хотя полководец и был протестантом, но командовал православной армией, высоко ценившей его вклад в общее дело разгрома врага единого Отечества.

Сказанное выше вовсе не означает, что достаточно повесить два десятка икон в одном месте или разбросать их по залам без связи с событиями и участниками. Ведь каждая икона посвящена конкретному святому. В дни празднования памяти святых создавались воинские формирования и происходили сражения, так появлялись святые покровители полков и именованые храмов-памятников. Поэтому в рассказе о Смоленском и Бородинском сражениях нельзя обойтись без Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии и Владимирской иконы Богоматери, а о Тарутинском и Полоцком — без образа апостола Фомы. Там, где говорится о подвиге лейб-гвардии

Измайловского полка, уместно напомнить, что праздником этого полка являлся день Святой Троицы, а Павловского гренадерского полка — день Святого благоверного князя Александра Невского. Покровителем лейб-гвардии Финляндского полка являлся Святой Спиридон. При этом не обязательно обращать внимание на время и место написания образа, ибо каноническое изображение с годами не меняется.

Не следует забывать и христианского принципа, согласно которому оружие нельзя вносить в храм. Полк строился на молебен возле походной церкви-палатки без оружия или не держа его в руках. Поэтому по меньшей мере смешно выглядит совмещение в одной музейной витрине икон и облачения священнослужителя с оружием, ибо военному священнику оружия не полагалось, хотя он и участвовал в боях. Его единственным оружием было слово Божие и наперсный крест.

В российской армии имелись полковые православные священники, что обеспечивало единые нравственные принципы воспитания солдата, его отношение к службе, к местному населению, к сослуживцам, к войне. Недаром великий знаток души русского солдата М.И. Драгомиров писал: «Искалеченный на войне, русский солдат переносит страдания с изумительным терпением и покорностью судьбе. Верно заметили одной сестре милосердия, горевавшей, что нет Евангелия для чтения раненым, что им не нужно читать Евангелия, а нужно учиться на них чувствовать и понимать его. Человек массы, человек первобытного строя мысли, он понимает себя не единицей, а частью великого целого, почерпает свою гордость и достоинство в инстинктивной вере в то, что его народ выше всех прочих народов, и несет за него свою голову безропотно и не задумываясь. Умирает русский солдат просто, точно обряд совершает, по меткому выражению Тургенева (Ивана Сергеевича — А.С.): принеся родине жертву высшей любви, он отправляется на Тот Берег со спокойной совестью, ибо претерпел до конца; а “претерпевый до конца спасен будет”»⁷.

Поэтому при создании экспозиции главное — показать человека войны. Прежде всего, солдата «в нижних чинах». В первом Военном словаре С.А. Тучкова, участника Отечественной войны 1812 года, читаем: «Звание солдат включает в себе вообще все чины, в войске находящиеся»⁸. Иначе говоря, солдат — общее название военнослужащих, независимо от чина и должности. В уставе Петра Великого 1716 г. говорилось: «Имя солдат просто, содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от высшего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего»⁹.

А что мы видим сегодня в музеях? Портреты генералов, предметы их служебного и домашнего обихода, рассказы об их подвигах. А где главное действующее лицо войны, выносящее на своих плечах всю ее тяжесть? Как правило, такой подход объясняется прозаично: бытовых вещей, как и комплектов форменной одежды нижних чинов, сохранилось очень мало, а их реконструкция кажется неприемлемой как замена оригинальных вещей новоделом. Но подавляющее большинство посетителей приходит в музей, чтобы увидеть войну в комплексе, в том числе, понять, кем был рядовой солдат русской армии, как он жил и чем занимался в мирное время, чем был вооружен. В последнее десятилетие реконструкция все активнее внедряется в музейную практику. Достаточно назвать Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года и Музей-панораму «Бородинская битва». В последнем, при реэкспозиции к 200-летию Отечественной войны были реконструированы сцены военной жизни. Эти витрины более информативны, чем отдельный кивер, мундир без панталон или без обуви и т.п. Нельзя не отметить внедрение реконструкции и в экспозицию Музея Отечественной войны 1812 года не только демонстрацией ранца и его содержимого, но и действий с оружием, обмундированием и снаряжением нижнего чина.

Не следует выбирать и акцентировать внимание посетителей только на победных для русской армии боях. Нижний чин не виновен в ошибках полководца. Рядовой солдат и в проигранном сражении демонстрирует образцы мужества и героизма. Герой — не обманутый или одурманенный фанат, а человек, у которого чувство долга и любви к страдающим от войны побороло чувство страха.

Лишь в последние годы историки обратили внимание на печальную участь гражданского населения в Отечественной войне. Администрация и военные власти в начале войны препятствовали выезду жителей из городов и поселков, а при приближении неприятеля покидали города, бросая жителей на произвол судьбы. В результате действий военного командования толпы горожан оказались, например, в осажденном и горящем Смоленске, а затем вынуждены были бежать вместе с отступающими войсками. Современные исследователи подчеркивают, что «в самом понятии “Отечественная война” заложен смысл, который мы подчас не улавливаем. Отечественная война — это не только война за Отечество, это война, в которой гражданское население не просто участник войны, а ее заложник. Народ, который является плотью Отечества, его сутью, фактически приносится в жертву государственным интересам. Цена победы для нации, таким образом, становится неизмеримо высокой... Государство ведет войну, жертвуя собственным народом»¹⁰. При этом положение населения на оккупированной территории, как правило, остается в музейных экспозициях вне внимания. Причины те же — отсутствие аутентичных экспонатов. Вспоминаются слова И. В. Гете: «Что не чеканили — в том будто нет цены».

Крестьян создатели экспозиции обычно зачисляют в отряды самообороны или ополчение. Но этих отрядов было совсем немного, действовали они только на исконно русской территории. Основная масса крестьян либо оставалась на оккупированных землях, наивно надеясь на отмену Наполеоном крепостного права, либо уходила в леса. Понятие «народная война» на период Отечественной войны 1812 года следует распространять с большой осторожностью. В губернские ополчения входили менее одной десятой крепостных крестьян в основном центральных губерний, т.е. гораздо менее десятой части всех крестьян Российской империи. Но в экспозиции следует отразить жизнь всех сословий.

Проблемной стороной любой экспозиции является показ документов, без знакомства с которыми трудно понять причины войны, подготовку к ней, а порой и сам ход военных действий. Посетитель, как правило, не читает этих документов, что требует привлечения к ним дополнительного внимания. Эта задача ложится на плечи экскурсовода, а также автогида и плеера. Конечно, можно перевести документ на современный русский язык и поместить его на большом экране, но как заставить посетителя прочесть его?

Не меньшее внимание следует обращать на демонстрацию оружия. Идеальный принцип показа оружия и мундира — размещение его в стеклянной призме, т.е. в витрине с круговым обзором. Если такая возможность отсутствует, то холодное оружие следует помещать к зрителю той стороной, которая несет дополнительную информацию, например, содержит девиз, герб, украшение, надпись и т.п. Холодное орудие, как правило, симметрично, что упрощает задачу. Ручное огнестрельное оружие следует располагать замковой доской наружу, ибо замок — основная его часть. Если в коллекции музея есть два аналогичных образца, лучше показать оба, но с разных сторон. Артиллерийские орудия целесообразнее рассматривать сбоку или сверху, но уж никак не направлять их дульным срезом на зрителя. Во-первых, как утверждают психологи, это неприятно для посетителя, а, во-вторых, казенная часть является наиболее интересной деталью ствола, ибо там находятся прицел, затравочное отверстие,

всевозможные девизы и клейма, информация о месте и дате изготовления орудийного ствола; под казенной частью помещается механизм качания ствола.

Создавая любую экспозицию, надо помнить, что посетитель должен получить максимально полное представление о демонстрируемом периоде истории. Если в коллекции музея нет какого-либо подлинника, его отсутствие можно восполнить реконструкцией или копией. Таким же образом, чтобы пояснить способ использования оружия и различные построения войск, можно воспользоваться рисунками или военно-историческими миниатюрами (фигурками), а также мультимедийными средствами. Эти подходы нашли удачное воплощение в экспозициях Московского Кремля, музея Л.Н. Толстого в Москве, Малоярославецком музее 1812 года.

В ходе построения экспозиции надо иметь в виду, что ее посетителями станут люди разного возраста и уровня образования. Посредником между экспозиционером и посетителем станет экскурсовод. Успех экскурсии зависит не только от подготовленности экскурсовода, но и от маршрута, по которому он ведет группу. Все вопросы построения экспозиции должны решаться комплексно под единым руководством на основе принятой концепции. Художник не может осуществлять общее руководство созданием экспозиции, а определяющим фактором должна быть не конструкция витрин, а параметры предмета и его место в общем ряду экспонатов. Экспозиционер распределяет предметы по разделам, темам, комплексам, а художник решает вопросы атрактивного и эстетического показа.

Особо следует сказать о роли и месте мультимедийных средств в современной экспозиции. Я глубоко убежден, что их роль второстепенная и вспомогательная для предметной экспозиции, но она возрастает, когда основная экспозиция не достаточно богата музейными предметами. Мультимедийные средства обладают огромными возможностями, чтобы «оживить» картографический материал, показать динамику войны, отдельного боя или сражения. А любая база данных немыслима без экранного изображения ее содержания.

Для создания военной экспозиции важно знание и правильное употребление военной терминологии. Например, неверно ни Д.В. Давыдова, ни даже таких известных военачальников, как Н.Н. Раевский, А.И. Остерман-Толстой или Н.А. Тучков называть полководцами. Партизанский отряд в XIX в. — далеко не то же самое, что в XX в., в 1812 г. — это мобильный отряд регулярных войск. А пушка — это лишь один из типов артиллерийских орудий, а не собирательное понятие артиллерийского вооружения в целом.

Построение экспозиции о войне требует от ее создателей всесторонней подготовки, которая не может базироваться только на учебниках, необходимо изучение историографии, специальных исследований и справочной литературы.

Примечания

¹ Волкогонов Д.А., Тюшкевич С.А. Война // Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 233—235.

² Безотосный В.М. Кампания 1812 года // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 6.

³ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3. М., 1993. С. 3, 268.

⁴ Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 400.

⁵ Жилин П.А. Михаил Илларионович Кутузов. М., 1978. С. 313.

⁶ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. Л., 1945. С. 180, 188.

⁷ Драгомиров М.И. Очерки. Киев, 1898. С. 148—149.

⁸ Тучков С.А. Военный словарь. Т. 1. М., 1818. С. 139.

⁹ Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого. Составитель А.А. Смирнов. М., 2006. С. 165.

¹⁰ Попов А.И. «Смоленские битвы». Т. 1. Сражение за Смоленск. М., 2012. С. 103.

Сведения об авторах

- Агеева Ольга Гениевна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Анишаков Юрий Петрович*, доктор исторических наук, профессор, директор Поволжского филиала Института российской истории РАН (Самара)
- Аурова Надежда Николаевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Афанасьев Александр Константинович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва)
- Безотосный Виктор Михайлович*, кандидат исторических наук, заведующий экспозиционным отделом Государственного исторического музея (Москва)
- Белов Алексей Викторович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Белозерова Ирина Валентиновна*, старший научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва)
- Белусов Сергей Владиславович*, доктор исторических наук, профессор Пензенского педагогического университета (Пенза)
- Бертолисси Серджио*, Неаполитанский университет «Л'Ориентале» (Италия)
- Бибиков Григорий Николаевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Бодрова Лидия Николаевна*, начальник отдела Российского государственного архива литературы и искусства (Москва)
- Болотина Наталья Юрьевна*, кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)
- Бродский Григорий Ефимович*, заведующий архивохранилищем Российского государственного архива древних актов (Москва)
- Бурмейстер Александр Николаевич*, профессор Гренобльского университета III имени Стендаля (Франция)
- Вандалковская Маргарита Георгиевна*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Виноградов Михаил Анатольевич*, кандидат исторических наук, учитель истории средней школы № 1294 г. Москвы
- Голубев Александр Владимирович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Голубева Надежда Васильевна*, директор Лыткаринского историко-краеведческого музея (Лыткарино)
- Горуппи Тициана*, профессор Пизанского университета (Италия)
- Готовцева Анастасия Геннадьевна*, доктор филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
- Гросул Владислав Якимович*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Долгова Светлана Романовна*, кандидат филологических наук, начальник отдела Российского государственного архива древних актов (Москва)
- Дробан Александр Терентьевич*, доктор философских наук, профессор Высшей школы экономики (Москва)
- Евстигнеева Алла Львовна*, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива литературы и искусства (Москва)
- Жучков Константин Борисович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель Псковского государственного университета (Псков)

- Захарова Оксана Юрьевна*, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
- Захарчук Олег Николаевич*, кандидат исторических наук, доцент Национального авиационного университета (Украина)
- Ивченко Лидия Леонидовна*, кандидат исторических наук, главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва» (Москва)
- Искюль Сергей Николаевич*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
- Казакова Ольга Юрьевна*, кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного университета (Орел)
- Ковальчик Рафал Виктор*, доктор исторических наук, профессор Лодзинского университета (Польша)
- Крылова Анастасия Андреевна* (Тверь)
- Кудрявцева Елена Петровна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Куманев Георгий Александрович*, доктор исторических наук, академик, руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва)
- Лабынцев Юрий Андреевич*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- Ливен Доминик*, член Британской академии, профессор Кембриджского университета (Великобритания)
- Лиманова Светлана Андреевна*, младший научный сотрудник Архива РАН (Москва)
- Лукашевич Андрей Михайлович*, кандидат исторических наук, доцент Белорусского государственного университета (Беларусь)
- Лунева Юлия Викторовна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (Москва)
- Малышкин Сергей Алексеевич*, кандидат исторических наук, доцент Института туризма и гостеприимства Московского государственного университета сервиса (Москва)
- Маркина Елизавета Дмитриевна*, хранитель фонда картографии Государственного исторического музея (Москва)
- Мельникова Любовь Владимировна*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Митрошенкова Лада Вадимовна*, кандидат исторических наук, заведующая отделом Музея-панорамы «Бородинская битва» (Москва)
- Наврот Дариуш*, доктор исторических наук, Силезский университет в Катовице; отделение общественных наук, Институт истории (Польша)
- Назарян Елена Анатольевна*, кандидат исторических наук, доцент Калужского филиала Московского финансово-юридического университета (Калуга)
- Неуважный Анджей*, доцент университета Николая Коперника, Торунь (Польша)
- Николаева Надежда Анатольевна*, хранитель фонда картографии Государственного исторического музея (Москва)
- Орлов Александр Анатольевич*, доктор исторических наук, профессор Московского государственного гуманитарного университета имени М.А.Шолохова (Москва)
- Парсамов Вадим Суменович*, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
- Писарькова Любовь Федоровна*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Петров Федор Александрович*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва)
- Подмазо Александр Александрович*, ответственный секретарь Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года (Москва)
- Повов Андрей Иванович*, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного педагогического университета (Москва)

Поташова Ксения Алексеевна, секретарь кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета (Москва)

Потрашков Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор Харьковской государственной академии культуры (Украина)

Рахимов Рамиль Насибуллович, кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного университета (Уфа)

Рей Мари-Пьер, профессор университета Париж I Сорбонна (Франция)

Ружицкая Ирина Владимировна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Секиринский Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Селедкина Софья Николаевна, ведущий специалист Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург)

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Смирнов Александр Андреевич, главный научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва)

Смирнова Людмила Ивановна, старший научный сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва)

Сомовича Барбара, Пизанский университет (Италия)

Тихонов Игорь Сергеевич, заместитель начальника отдела Государственного архива Российской Федерации (Москва)

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)

Ульянова Галина Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Фельдман Дмитрий Захарович, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва)

Хайлова Нина Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Черкасова Маргарита Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Самарской государственной академии культуры и искусств (Самара)

Шмидт Сигурд Оттович, доктор исторических наук, академик Российской академии образования, советник РАН, почетный председатель Археографической комиссии РАН (Москва)

Щавинская Лариса Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Эдельман Ольга Валериановна, кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации (Москва)

Юхименко Елена Михайловна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва)

Научное издание

Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы

*Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,5. Уч.-изд. л. 50,0.
Тираж 300 экз.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print.ru
Заказ № 0000/00

Для заметок

Для заметок
